РОССИЙСКИЙ НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК

научно-правовой журнал

№ 4 (апрель) 2026 год

Учредитель:

Грудцына Людмила Юрьевна

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) и зарегистрирован в Научной электронной библиотеке E-library с 2013 г.

Издатель: *Издательство "ЮРКОМПАНИ"*

Журнал основан в 2012 году

Сетевое издание зарегистрировано в Национальном центре ISSN (Свидетельство о регистрации ISSN 2782-3830 от 13 декабря 2021 г.)

*Научно-правовой журнал «Российский научный вестник» включён в **Перечень рецензируемых научных изданий Министерства науки и высшего образования Российской Федерации**, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук.*

*Журнал включён в **Science Index**, индексируется в **Google Scholar**, каждой статье присваивается **DOI (Digital Object Identifier)**.*

Выходит один раз в месяц.

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Свидетельство о регистрации СМИ Эл № ФС 77-49715 от 4 мая 2012 г.)

РОССИЙСКИЙ НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК

научно-правовой журнал

научный журнал, посвященный актуальным проблемам юридической науки и практики, а также законотворческой и правоприменительной деятельности, вопросам образования, социологии и педагогики

Главный редактор:

Владимир Усанов

Первый заместитель главного редактора:

Марат Шайхуллин

Заместитель главного редактора:

Валерий Рыжов

Корректор: **Вера Козлова**

Компьютерная верстка: **Марина Горячева**

Дизайн: **Роман Ерцев**

Материал подготовлен с использованием СПС «ГАРАНТ» (www.garant.ru)

Адрес офиса редакции:

121596, г. Москва, ул. Горбунова, д. 2, стр. 3. Офис А 802.2. Этаж 8.

Бизнес-центр "Гранд Сетунь Плаза".

Для писем: *121614, г. Москва, ул. Крылатские Холмы, д. 28, кв. 57.*

Home page: *www.r.law-books.ru* **E-mail:** *mail@law-books.ru*

WhatsApp: *+7-903-672-55-88* **Многоканальный:** *+8-800-700-45-88*

При использовании опубликованных материалов ссылка на журнал «Российский научный вестник» обязательна. Материалы, опубликованные в журнале, могут быть размещены в электронных правовых базах и справочных системах. Все присланные рукописи проходят обязательное рецензирование. Автор рукописи извещается о принятом решении.

Мнение редакции может не совпадать с мнением автора.

Редакционная коллегия:

Главный редактор: ***Усанов Владимир Евгеньевич***,
академик РАО, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова

Первый заместитель главного редактора: ***Шайхуллин Марат Селирович***,
доктор юридических наук, доцент, руководитель Центра государственно-правовых исследований Евразийского научно-исследовательского института проблем права

Заместитель главного редактора: ***Рыжов Валерий Борисович***,
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры государственного и муниципального управления Института социально-гуманитарного образования Московского педагогического государственного университета

Специальность: 5.1.2 - Публично-правовые (государственно-правовые) науки

Алферова Елена Васильевна - кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник, заведующая отделом правоведения ИНИОН РАН.

Грудцына Людмила Юрьевна - доктор юридических наук, профессор, профессор ФГБОУ ВО «Российская государственная академия интеллектуальной собственности», Почетный адвокат России, эксперт РАН.

Дорская Александра Андреевна - доктор юридических наук, профессор, заместитель директора по научной работе, заведующая кафедрой общетеоретических правовых дисциплин Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия.

Исраелян Валентин Борисович - кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры юриспруденции Московского городского университета управления Правительства Москвы им. Ю.М. Лужкова.

Булаков Олег Николаевич - доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного и международного права Российского государственного гуманитарного университета, член экспертного совета Совета Федерации Федерального Собрания России.

Садовникова Галина Дмитриевна - доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного и муниципального права ФГАОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина» (МГЮА).

Усанов Владимир Евгеньевич - академик РАО, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова

Специальность: 5.1.3 - Частно-правовые (цивилистические) науки

Андреева Любовь Васильевна - доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры предпринимательского и корпоративного права МГЮА имени О.Е. Кутафина, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации.

Белов Валерий Евгеньевич - доктор юридических наук, доцент, доцент кафедры правового обеспечения рыночной экономики отделения «Высшая школа правоведения» Института государственной службы и управления ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации».

Иванова Светлана Анатольевна - доктор юридических наук, профессор, профессор Департамента правового регулирования экономической деятельности ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации».

Стригунова Дина Павловна - доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры международного и интеграционного права Института права и национальной безопасности ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации».

Editorial Board:

Editor-in-chief: **Usanov Vladimir Evgenievich**,
Academician of RAO, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of State-Legal and Criminal-Legal Disciplines of the Russian University of Economics named after G.V. Plekhanov

First Deputy Editor-in-Chief: **Shaikhullin Marat Selirovich**,
Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Center for State-Legal Studies of the Eurasian Research Institute of Legal Problems

Deputy Editor-in-Chief: **Ryzhov Valery Borisovich**,
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of State and municipal administration of the Institute of Social and Humanitarian Education of Moscow Pedagogical State University

Specialty: 5.1.2 - Public-legal (state-legal) sciences

Alferova Elena Vasilievna - Candidate of Law, Leading Researcher, Head of the Department of Law, INION RAS.

Grudtsina Ludmila Yurievna - Doctor of Law, Professor, Professor of the FSBEI HE «Russian State Academy of Intellectual Property,» Honorary Lawyer of Russia, expert of the Russian Academy of Sciences.

Dorskaya Alexandra Andreevna - Doctor of Law, Professor, Deputy Director for Scientific Work, Head of the Department of General Theoretical Legal Disciplines of the North-West Branch of the Russian State University of Justice.

Israelyan Valentin Borisovich - Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Jurisprudence of the Moscow City University of Management of the Government of Moscow named after Yu.M. Luzhkova.

Bulakov Oleg Nikolaevich - Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Constitutional and International Law of the Russian State University of the Humanities, member of the Expert Council of the Federation Council of the Federal Assembly of Russia.

Sadovnikova Galina Dmitrievna - Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education «O.E. Kutafin Moscow State Law University» (MGUA).

Specialty: 5.1.3 - Private legal (civilistic) sciences

Andreeva Lyubov Vasilievna - Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Entrepreneurial and Corporate Law of the Moscow State Law University named after O.E. Kutafin, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation.

Belov Valery Evgenievich - Doctor of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Legal Support of the Market Economy of the Higher School of Law Department of the Institute of Public Administration and Management of the Federal State Budgetary Institution of Higher Education of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation.

Ivanova Svetlana Anatolyevna - Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Legal Regulation of Economic Activities of the Federal State Budgetary Institution of Higher Education «Financial University under the Government of the Russian Federation.»

Strigunova Dina Pavlovna - Doctor of Law, Associate Professor, Professor, Department of International and Integration Law, Institute of Law and National Security, FSBEI HE «Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation.»

Зарубежные члены Редакционной коллегии:

Ари Палениус – проф., директор кампуса г. Керава Университета прикладных наук Лауреа (Финляндия)

Арройо Эна Росьо Карнеро – Ph.D., Professor (Перу), заведующий кафедрой политических и публично-правовых наук юридического факультета Национального университета Трухильо

Безерра Феликс Валуа Гуара – JurisDoctor (Бразилия), директор стратегических программ и деятельности Секретариата планирования и модернизации государственного управления штата Токантинс.

Велиев Исахан Вейсалоглы – доктор юридических наук, профессор (Азербайджанская Республика)

Деян Вучетич - доктор юридических наук, доцент кафедры публично-правовых наук юридического факультета Университета г. Ниш (Сербия)

Джун Гуан – проф., зам. декана Института экономики и бизнес-администрирования, Пекинский технологический университет (Китай)

Дуран Роберто Альваро Гусман – JurisDoctor (Боливия), глава Национальной службы юридической помощи Боливии

Ким Эшли – D.Div., Ph.D., Th.D. (Англия), вице-президент Нортекс Лтд.

Лаи Дешенг – проф., декан Института экономики и бизнес-администрирования, Пекинский технологический университет (Китай)

Марек Вочозка – проф., ректор Института технологий и бизнеса Высшей школы техники и экономики (Чехия)

Миндагулов Алькен Хайдарович - доктор юридических наук, профессор (Республика Казахстан)

Нематов Акмал Рауфджонович – доктор юридических наук, доцент, заведующий отделом теоретических проблем современного государства и права Института философии, политологии и права Академии наук Республики Таджикистан (Таджикистан)

Она Гражина Ракаускиене – проф., Университет им. МиколасаРомериса (Литва)

Пол Брэнд – профессор истории права Англии (Ph.D.) Оксфордского университета (Лондон)

Пол Дэвис – профессор корпоративного права (Ph.D.) Оксфордского университета (Лондон)

Предраг Димитриевич – доктор юридических наук, профессор административного права, декан юридического факультета Университета г. Ниш (Сербия)

Тепман Леонид Наумович – доктор экономических наук, профессор (Дом ученых г. Хайфа. Израиль)

Чирич Александр – доктор юридических наук, профессор международного торгового права, заведующий кафедрой торгового права юридического факультета Университета г. Ниш (Сербия)

Foreign members of the Editorial board:

Ari Palenius – prof., Director of the campus, the Kerava Laurea University of Applied Sciences (Finland)

Arroyo Ena RosyoKarnero – Ph.D., Professor (Peru), head of the department of political and public sciences of law department of National university of Trujillo

Bezerra Felix Valois Goira – Juris Doctor (Brazil), the director of strategic programs and activity of the Secretariat of planning and modernization of public administration of the state Tocantins

VeliyevIsakhan Veysal Oglou – doctor of jurisprudence, professor (Azerbaijan Republic)

Dejan Vuchetich – the doctor of jurisprudence, the associate professor of public sciences of law department of University Nish (Serbia)

Jun Guan – prof.Deputy, Dean of the Institute of Economics and Business Administration, Beijing University of Technology (China)

Durán Roberto Alvaro Guzman – Juris Doctor (Bolivia), the head of National service of a legal aid of Bolivia

Kim Ashley – D.Div., Ph.D., Th.D. (England), vice-president Norteks of Ltd.

Lai Desheng – prof., Dean of the Institute of Economics and Business Administration, Beijing University of Technology (China)

Marek Vochozka – prof., Rector of the Institute of Technology and Business Graduate School of Technology and Economics (Czech Republic)

Mindagulov Alken Haydarovich - Doctor of Law sciences, Professor (Republic of Kazakhstan)

Nematov Akmal Raufdzhonovich – the doctor of jurisprudence, the associate professor, the head of department of theoretical problems of the modern state and the right of Institute of philosophy, political science and the right of Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan (Tajikistan)

Ona Grazyna Rakauskiene – prof., University MykolasRomeris (Lithuania)

Paul Brend – professor of history of the right of England (Ph.D.) Oxford university (London)

Paul Davies – professor of corporate law (Ph.D.) Oxford university (London)

Predrag Dimitriyevich – the doctor of jurisprudence, professor of administrative law, the dean of law department of University Nish (Serbia)

Tepman Leonid Naumovich – Doctor of Economics, professor (House of scientists Haifa. Israel)

Chirich Alexander – the doctor of jurisprudence, professor of the international commercial law, the head of the department of a commercial law of law department of University Nish (Serbia)

РУБРИКИ ЖУРНАЛА

Специальность: 5.1.2 - Публично-правовые (государственно-правовые) науки (юридические науки)

- ПОЛИТИКА И ПРАВО
- ПРАВА ЧЕЛОВЕКА
- НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ
- КОНСТИТУЦИОННОЕ (ГОСУДАРСТВЕННОЕ) ПРАВО
- ТЕОРИЯ КОНСТИТУЦИИ
- КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС

Специальность: 5.1.3 - Частно-правовые (цивилистические) науки (юридические науки)

- ОБЯЗАТЕЛЬСТВЕННОЕ ПРАВО
- КОРПОРАТИВНОЕ ПРАВО
- ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
- ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ ПРАВА
- ГРАЖДАНСКОЕ И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО
- АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО
- УПРАВЛЕНИЕ ОБРАЗОВАНИЕМ

JOURNAL HEADINGS

Specialty: 5.1.2 - Public-legal (state-legal) sciences (legal sciences)

- POLICY AND LAW
- HUMAN RIGHTS
- NATIONAL SECURITY
- CONSTITUTIONAL (STATE) LAW
- CONSTITUTION THEORY
- CONSTITUTIONAL TRIAL

Specialty: 5.1.3 - Private-legal (civilistic) sciences (legal sciences)

- LAW OF OBLIGATION
- CORPORATE LAW
- PROBLEMS OF RUSSIAN LEGISLATION
- PROBLEMS OF THE THEORY OF LAW
- CIVIL AND BUSINESS LAW
- ADMINISTRATIVE LAW
- EDUCATION MANAGEMENT

ПОРЯДОК РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ

научных статей, направленных в редакцию научно-правового журнала «Российский научный вестник»

1. Рецензируемое научное издание – научно-правовой журнал «Российский научный вестник» осуществляет рецензирование всех поступающих в редакцию материалов, соответствующих тематике журнала, с целью их экспертной оценки. Все рецензенты являются признанными специалистами по тематике рецензируемых материалов, докторами или кандидатами юридических наук, и имеют в течение последних трех лет публикации по тематике рецензируемой научной статьи. Рецензии хранятся в издательстве и в редакции рецензируемого научного издания в течение пяти лет.

2. Редакция научно-правового журнала «Российский научный вестник» направляет авторам представленных материалов копии рецензий и/или мотивированный отказ, а также обязуется направлять копии рецензий в Министерство науки и высшего образования Российской Федерации при поступлении в редакцию научно-правового журнала «Российский научный вестник» соответствующего запроса.

3. Рецензент оценивает основные достоинства и недостатки рукописи статьи, руководствуясь при этом следующими критериями: соответствие содержания статьи профилю журнала, актуальность избранной темы, научный и методологический уровень, использование необходимых методик исследования, новизна и оригинальность основных положений и выводов, практическая полезность. При анализе представленных материалов, рецензентом уделяется внимание следующим вопросам:

а) общий анализ научного уровня, терминологии, структуры статьи, актуальности темы;

б) оценка подготовленности статьи к изданию в отношении языка и стиля, соответствия установленным требованиям по оформлению материалов статьи;

в) научность изложения, соответствие использованных автором методов, методик, рекомендаций и результатов исследований современным достижениям науки и практики;

г) место рецензируемой работы среди других работ на подобную тему: что нового в ней или чем она отличается от них, не дублирует ли содержание рукописи работы других авторов или ранее напечатанные работы данного автора);

д) допущенные автором неточности, ошибки, нарушение правил цитирования.

4. Срок подготовки рецензии экспертом редакционной коллегии журнала устанавливается по согласованию с рецензентом, но не может превышать две недели с момента поступления рукописи к рецензенту.

5. Окончательное решение о принятии статьи автора и размещении ее в одном из номеров журнала принимается на заседании редакционной коллегии журнала либо главным редактором журнала.

6. По результатам рецензирования могут быть приняты следующие решения:

а) рекомендовать принять рукопись к публикации;

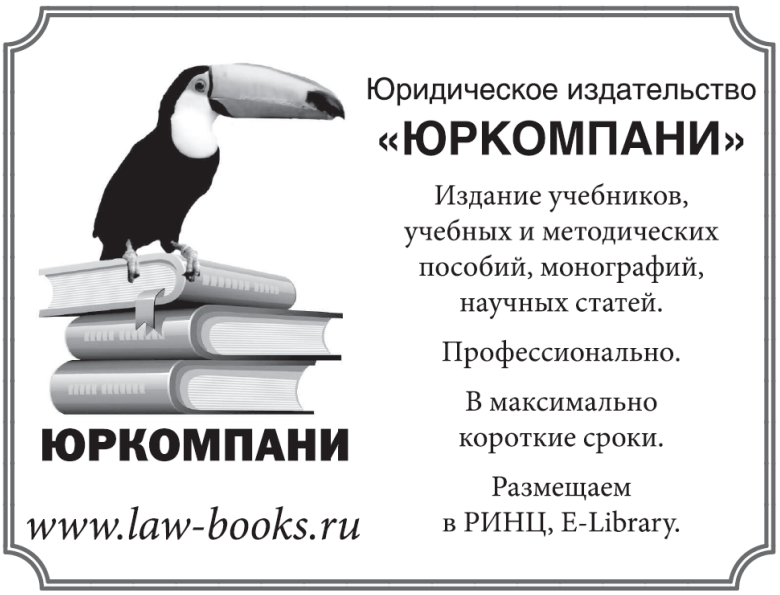
б) рекомендовать принять рукопись к публикации с внесением технической правки;

в) рекомендовать принять рукопись к публикации после устранения автором (авторами) замечаний рецензента, с последующим направлением на повторное рецензирование тому же рецензенту (при рекомендации сокращения или переработки

рукописи статьи в рецензии конкретно указывается, за счет чего должна быть сокращена рукопись, что в ней должно быть исправлено, чтобы помочь автору (авторам) в дальнейшей работе над рукописью). В случае если автор (авторы) не устранил замечания рецензента, редакционная коллегия Журнала вправе отказать в публикации рукописи с направлением автору (авторам) мотивированного отказа);

г) рекомендовать отказать в публикации рукописи по причине ее несоответствия требованиям, предъявляемым к научному уровню (в данном случае редакционная коллегия Журнала имеет право направить рукопись на рецензирование другому рецензенту либо направить автору (авторам) мотивированный отказ в публикации рукописи, с приложением копии отрицательной рецензии).

7. Опубликование представленного материала осуществляется в соответствии с планом работы редакции, с учетом необходимости формирования различных рубрик в каждом номере журнала и обеспечения финансирования выпуска журнала.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Сведения общего характера:

Обращаем внимание авторов на то, что публикации статей в журнале «Российский научный вестник» осуществляется при условии соблюдения правил подготовки статей и при положительном решении редколлегии по итогам рецензирования и с учетом очередности присылаемых для публикации материалов.

Рукопись принимается к рассмотрению при условии, если она соответствует требованиям, предъявляемым к оформлению статей (материалов). Срок рассмотрения рукописи: от 1 до 3 рабочих дней. В случае, если рукопись статьи направлена на рассмотрение и в другие издания, об этом факте необходимо поставить в известность редакцию. Редакция не принимает к рассмотрению статьи с низким уровнем оригинальности текста (текст должен отличаться минимум на 30% от ранее опубликованных материалов). Рукописи должны иметь авторство не менее 80%, что подтверждается системой Антиплагиат.

Тексты статей принимаются объемом от 5 до 15 машинописных страниц и (не более 30 000 знаков (с учетом пробелов), рецензии на монографии, учебники — до 6 машинописных страниц. В расчет объема статьи входят аннотация, ключевые слова, библиография, сведения об авторе(ах). Статья должна быть написана качественно, аккуратно оформлена и тщательно отредактирована.

Научная статья, оформленная по образцу, направляется на e-mail: *mail@law-books.ru* или через форму на Главной странице сайта *«Опубликовать статью РИНЦ»*.

Представленные материалы должны соответствовать общепринятым этическим нормам. Ответственный секретарь (заместитель главного редактора) направляет статью на рецензирование члену редакционной коллегии, курирующему соответствующее научное направление, при условии, что статья оформлена в соответствии с требованиями. Процедура рецензирования рукописей осуществляется конфиденциально в целях защиты прав автора.

Правила оформления статей:

Набор текста производится в формате Microsoft Word. Шрифт – Times New Roman; размер шрифта – 14; межстрочный интервал – 1,0; выравнивание текста – по ширине; поля: левое — 3,5 см, правое, верхнее, нижнее — по 3,5 см; отступ первой строки (абзацный отступ) – 0,5 см (для образования отступа не следует использовать клавишу пробела и табуляции).

Аннотация, ключевые слова, примечания, библиография, сведения об авторе оформляются 12 шрифтом, интервал 1,0).

Последовательность оформления статьи:

В начале статьи (на первой странице) приводятся на русском языке:

Сведения об авторах с указанием Ф.И.О., ученой степени (при наличии), места работы, должности, звания, электронного адреса;

Название статьи (буквы – прописные);

Аннотация и ключевые слова на русском языке (выравнивание «По ширине», без отступа);

Указание на источник финансирования (если работа выполняется по гранту).

Затем размещается информация на английском языке:

Сведения об авторах с указанием Ф.И.О., ученой степени (при наличии), места работы, должности, звания;

Название статьи (буквы – прописные);

Аннотация и ключевые слова (выравнивание «По ширине», без отступа).

После размещения технической информации следует текст статьи.

Структура статьи, как правило, включает: введение (характеристика актуальности темы и степени ее научной разработанности), указание на цель и задачи данной статьи, обозначение использованных методов, представление результатов, заключение. Отдельные блоки содержания выделяются подзаголовками (оформляются с выравниванием «По центру», строчными, полужирным курсивом). В тексте статьи ссылка на источник из списка литературы должна быть указана в квадратных скобках, например, [1]. Может быть указана ссылка на источник со страницей, например, [1, с. 57], на группу источников, например, [1; 2]. Постраничные сноски допускаются только, если не содержат ссылку на библиографический источник, например, разъяснение термина.

Правила транслитерации:

Транслитерацию следует делать по сайту www.translit.ru, выбирать вариант LC *(Library of Congress)*. Транслитерированные русские источники оформлять по модели для российских источников. В квадратных скобках давать перевод названия статьи или книги, а также периодического издания, в котором статья была опубликована.

На английском языке фамилия отделяется от инициалов автора через запятую, затем год издания работы в скобках (только цифры). Описание статьи, опубликованной на русском языке, делается по следующей схеме:

– фамилия и инициалы автора (авторов) – в транслитерации по системе LC (http://translit.ru/?direction=ru&account=lc);

– заглавие статьи / монографии – в транслитерации;

– заглавие статьи / монографии — в переводе на английский язык, в квадратных скобках;

– название журнала в транслитерации которое отделено от заглавия статьи двойным слешем (//);

– название журнала — в переводе на английский язык, в квадратных скобках (название на английском языке смотреть на сайте журнала);

– выходные данные, исключая год (город, название издательства, «дата обращения») – в транслитерации, заменив обозначение страниц статьи (общее количество страниц монографий, учебников, сборников материалов конференций) на латинское P. (p.);

– указание на язык публикации, вышедшей не на английском языке [напр.: (In Russ.)], – обязательно!

Для аспирантов, соискателей ученой степени кандидата и доктора наук:

– в обязательном порядке в статье необходимо указывать: телефоны кафедр, научных подразделений, к которым они прикреплены, а также данные о научном руководителе (фамилия, имя, отчество, ученая степень, звание),

– необходимо соблюдать правила научной этики при написании и публикации статей, в случае нарушения которых Редакция оставляет за собой право отказать в публикации предварительно одобренной статьи при обнаружении признаков недобросовестного заимствования и недобросовестного повышения оригинальности текста в системе “Антиплагиат” (компенсационный взнос в этом случае не возвращается).

СОДЕРЖАНИЕ:

ПОЛИТИКА И ПРАВО

Гутлымурадов Б., Городинец Ф.М. * Проблемы и перспективы гармонизации экологического законодательства стран БРИКС в контексте стратегических экологических документов БРИКС 21

Тодосийчук А.В. * Условия и факторы достижения технологического лидерства 29

Чернова А.М. * Государственная политика и меры уголовно-правового воздействия в сфере предупреждения нарушений правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств 36

Налбандян А. * Соотношение контрольных и стимулирующих элементов в структуре публично-правового механизма обеспечения интересов государства и общества 42

Айсханова Е.С., Тепсуев М.С. * Понятие экстремизма и его эволюция в исторической ретроспективе 49

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА

Ковалев О.Г. * К вопросу правового регулирования этических норм взаимоотношений работников следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы с подозреваемыми и обвиняемыми 52

НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

Крохина Ю.А. * Нецелевое использование бюджетных средств: проблемы законодательного обеспечения и правоприменения 58

Аметка Ф.А., Потапова Л.В., Потапов Д.В. * Роль органов прокуратуры Российской Федерации в реализации государственного мониторинга ущерба от зарубежных источников: механизм защиты национального суверенитета 63

Налбандян А. * Роль публично-правового механизма в обеспечении интересов общества и государства 70

Бурякин Р.А. * Особенности проведения приемки в сфере государственного оборонного заказа 76

Британов А.Г. * К вопросу о дальнейшем совершенствовании механизма оценки эффективности (результативности) контрольной (надзорной) деятельности в Российской Федерации 83

Ахмедов М.А., Аскеров Э.С., Аликберов С.А. * Проблемы государственного земельного надзора в Российской Федерации: теоретические аспекты и пути совершенствования 94

Рекун Д., Долженкова Е. * Правовая неопределённость статуса арктической зоны Российской Федерации как системная проблема её устойчивого развития 103

КОНСТИТУЦИОННОЕ (ГОСУДАРСТВЕННОЕ) ПРАВО

Ларичев В.П. * Общероссийское голосование по поправкам к Конституции Российской Федерации: правовая природа и место в системе народовластия 110

Гончар В.С., Ширяев Ю.Е. * Конституционно-правовая основа идеологии в Российской Федерации. .115

ПРАВО И ЭКОНОМИКА

Рахманов А.Д., Шарапова Н.В., Шарапова В.М. * Трансформация учетно-аналитической системы: влияние ФСБУ 4/2023 119

Тулаева О.Н., Тулаева К.В. * Правовые основы санаторно-курортного лечения в системе государственной социальной помощи 125

Опарин Д.Е. * Вопросы экономической безопасности в рамках мониторинга пожарной опасности и риска территориальных зон городской агломерации 130

Куликова Е.С., Дурандина О.А. * Комплаенс и правовые риски в агромаркетинге: регулирование цифровых каналов сбыта продукции АПК 138

Шарапова В.М., Шарапов Ю.В., Тихонов В.А. * Анализ и оценка денежных потоков организации по данным отчета о движении денежных средств 147

Прусс Я.Ю. * Трансформация правовых основ gr и лоббизма в условиях цифровизации 154

ПРАВОСУДИЕ И СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА

Габазов Т.С., Габазова Х.Т. * Имидж судьи как фактор общественного доверия к правосудию 162

Маказиева З.Д., Ахтаева Э.А. * Тактико-криминалистические и процессуальные проблемы проверки и опровержения алиби в уголовном судопроизводстве 169

Богданов М.Н., Исаева Е.Д. * Проблемы правового регулирования процессуальных действий в местах лишения свободы и пути их решения 172

ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Фиалковская Е.В. * Основные концепции девиации 178

Еремичев Ф.С. * Принцип privacy by design как основа превентивной гражданско-правовой защиты персональных данных: перспективы имплементации в российское законодательство 182

Толстолуцкий В.Ю., Погодина Т.Г. * Использование возможностей ИИ для объективизации заключения посмертной психолого-психиатрической экспертизы по наследственным делам 188

Дёмичева М.Ю. * Оценка рыночной стоимости земельного участка публичной собственности как предмета аукциона в системе управления земельными ресурсами Тверского региона 201

Койчуев И.М. * Законные интересы налогоплательщиков: пределы реализации и гарантии осуществления 205

Ковалев О.Г. * Обязанности как средство воспитательно-профилактического воздействия на подозреваемых и обвиняемых в следственных изоляторах уголовно-исполнительной системы 210

Капустинский А.А. * Информационный посредник: понятие и правовое регулирование 217

Аношина А.Я. * К вопросу совершенствования нормативно-законодательного регулирования электронной контрактации продукции как гаранта добросовестной конкуренции в Российской Федерации . . . 223

Тарасова Е.А., Букалова М.А., Гайджаржи В.А., Каверин К.Р. * Правовое регулирование обращения с отходами производства и потребления: современные проблемы и тенденции развития 231

Грицук А.А. * Блокчейн-технологии и защита цифровых прав: правовые аспекты исковой давности . . 235

АВТОРСКОЕ ПРАВО И СМЕЖНЫЕ ПРАВА

Кулешова И.А. * Особенности использования отдельных видов объектов авторского права и смежных прав в цифровой среде 249

Губанова А.О. * Правовое регулирование генеративного искусственного интеллекта в Японии: вопросы авторского права и защиты персональных данных 253

Фесенко А.А. * Доказывание авторства на фотографические произведения: проблемы теории и практики 260

Демирчян В.В. * Право на отзыв произведения в авторском праве России: доктринальные подходы и нормативные модели 266

ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ ПРАВА

Бушмакина В.С., Башлуева Н.Н., Богданов М.Н. * Теории происхождения государства: историко-правовой анализ 272

Раттур М.В. * Генезис междисциплинарного подхода в правовых исследованиях российской государственности 276

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Казакова Т.А., Васильева И.В. * Зарубежный опыт применения мер пробации в отношении подростков-делинквентов 282

Медведева И.Н. * Запрет определенных действий в Российской Федерации и за рубежом: сравнительно-правовой анализ 287

ТЕОРИЯ УПРАВЛЕНИЯ

Полякова Я.Н. * Правила проведения деловых совещаний 293

Дмитриев Г.Г. * Определение девиантного поведения 296

Лукашенко Д.В. * Аддиктивное поведение как одна из форм отклоняющегося поведения 299

Искандаров Р.Р. * Трансформация групповой психотерапии в тюремной среде: от поддерживающих моделей к терапевтическому сообществу 303

Кашкина Е.В. * Личностные факторы генезиса образования асоциальных установок 310

Полякова Я.Н. * Острота, длительность и последствия конфликта 316

Бодяков В.Н., Бажанов С.А. * Признаки разрешения конфликтов 321

ГРАЖДАНСКОЕ И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО

Гурчиани И.З. * Механизм действия и пределы применения принципа эстоппель в российском гражданском праве 325

Барышников М.Ю. * Частноправовые и публично-правовые интересы и средства регулирования в сфере предпринимательской деятельности 336

Потапова Л.В., Биган А.С. * Предоставление земельных участков участникам СВО как мера социальной поддержки: проблемы и пути совершенствования 342

Торопов М.С., Гриб В.Г. * Влияние цифровизации на механизмы защиты чести, достоинства и деловой репутации в российском гражданском праве 348

Иванов А.В. * Вопросы заключения соглашения об оказании юридической помощи в пользу третьего лица 351

Щиброва Л.П. * Споры о действительной стоимости доли при выходе участника из ООО: критерии определения и судебные подходы 355

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

Алхастова М.В., Бичаева З.И., Буев Ю.А. * Прокурорский надзор за законностью предварительного следствия: теоретические коллизии и практика реализации 362

Майстренко Г.А. * Анализ понятия «серийное убийство» через призму криминалистики 365

Альханов Н.М., Тепсуев М.С., Хаджиев У.К. * Уголовно-правовое противодействие вандализму: состав преступления, проблемы квалификации и направления совершенствования 369

Ковалев О.Г. * Требования к служебному поведению сотрудников в контексте реализации Федерального закона от 19.07.2018 № 197-ФЗ «О службе в уголовно-исполнительной системе»: правовой и психологический анализ 373

Ключников М.И., Пожималин В.Н., Кумчук В.И. * Проблемные аспекты организации воспитательной работы с лицами, состоящими на учете в уголовно-исполнительных инспекциях 379

Богданов М.Н., Исаева Е.Д., Сысоев Ю.Е. * Особенности тактики производства следственных действий при расследовании преступлений связанных с мошенничеством 384

Алхастова М.В., Ханкарова З.А. * Легализация результатов оперативно-розыскной деятельности в уголовном процессе: тактические риски и процессуальные гарантии 392

Зорина Н.С. * Понятие цифровой гигиены у несовершеннолетних осужденных в воспитательных колониях: постановка проблемы и пути формирования 395

Ключников М.И., Пожималин В.Н., Селяков Ю.Л. * Морально-нравственные качества профессионального роста сотрудника ФСИН 398

Ковалев О.Г. * Особенности содержания в следственных изоляторах уголовно-исполнительной системы женщин, подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений 404

Мальцагов И.Д. * Использование данных оперативно-розыскной деятельности в уголовном процессе 410

Шагапов И.Р. * К вопросу определения субъекта совершения преступления с использованием искусственного интеллекта 414

Тищенко Ю.Ю. * Роль профессиональной этики в работе сотрудников исправительных учреждений. .421

Ковалев О.Г. * Обеспечение права подозреваемых и обвиняемых, содержащихся в следственных изоляторах уголовно-исполнительной системы на проведение беседы с членами общественной наблюдательной комиссии 426

ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Гитинова М.М., Сулейманов Г.С. * Криминологические аспекты противодействия женской рецидивной преступности 432

Лещенко С.А., Лукашенко Д.В. * Психологическое защита сотрудников силовых и ведомственных организаций на основе нейрореабилитации 439

Зимина К.Ю., Комиссар И.Н., Полунин Ю.О., Пожималин В.Н. * Применение моделей периодизации тренировочных нагрузок в системе физической подготовки сотрудников правоохранительных органов 446

Гришин Е.В., Пожималин В.Н. * Психологическое выгорание сотрудников УИС: факторы посттравматического стресса и методы реабилитации 454

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

Ондар Л.Ш. * Международная деятельность Тувинского Государственного Университета в контексте нормативно-правового регулирования 459

Романова Е.Н. * Влияние восприятия личности заключенного на характер тюремного образования в европейских странах 467

УПРАВЛЕНИЕ ОБРАЗОВАНИЕМ

Гальчак И.П., Александров В.А., Салихова М.Н., Кольга А.Д., Чудинов А.М. * Сетевое партнерство «колледж-предприятие» как ресурс подготовки кадров для промышленности Урала 471

Зорина Н.С. * Самовоспитание несовершеннолетних осужденных в воспитательных колониях 477

Кошеленко Л.В., Егоров С.Г., Зарубина Е.В., Симачкова Н.Н., Стахеева Л.М., Чупина И.П. * Возможности гуманитарных дисциплин в самостоятельной работе студентов 480

ИННОВАЦИИ В МИРЕ

Бодяков В.Н., Бажанов С.А. * Патохарактерологический тип поведения 486

Зарубина Е.В., Егоров С.Г., Кошеленко Л.В., Симачкова Н.Н., Стахеева Л.М., Чупина И.П. * Технологии искусственного интеллекта в планировании человеческих ресурсов 489

Чумаченко В.А. * Создание и обучение искусственного интеллекта в целях защиты публичного интереса: за и против 496

ОБРАЗОВАНИЕ В РОССИИ И МИРЕ

Ражина Е.В., Смирнова Е.С., Неверова О.П., Синько В.Н., Шиловцев А.В., Ильясов О.Р. * Общение в качестве основы педагогической деятельности 505

Искандаров Р.Р. * Экзистенциальное измерение пенитенциарного образования: вина, ответственность и искупление как факторы педагогической трансформации личности 509

Опарин Д.Е. * Педагогические аспекты подготовки курсантов вузов силовых ведомств: теория, практика и направления развития 513

ИСТОРИЯ ВОПРОСА

Айсханова Е.С., Дадашов М.М. * Теоретико-методологические основы изучения личности преступника в криминологии 519

Егоров С.Г., Чупина И.П., Зарубина Е.В., Кошеленко Л.В., Симачкова Н.Н. * «Рассматривал театр как свою вотчину»: конфликт директора П.К. Маргалика с творческим коллективом Свердловского театра оперы и балета в 1945-1946 годах 524

Тепсуев М.С., Альханов Н.М., Ахтаева Э.А. * От племенного союза к ранней государственности: политико-правовые предпосылки возникновения древнерусского государства 529

Егоров С.Г., Чупина И.П., Симачкова Н.Н., Синько В.Н., Шиловцев А.В. * Инструкторский корпус Свердловского обкома ВКП(Б) и местные партийные руководители: практики взаимодействия в первый послевоенный год 534

Синько В.Н., Шиловцев А.В., Егоров С.Г., Ильясов О.Р., Быкова О.А., Смирнова Е.С. * Первый съезд социалистической молодежи Урала (к истории вопроса) 540

CONTENTS:

POLICY AND LAW

Gutlymuradov B., Gorodinets F.M. * Problems and prospects of harmonizing the environmental legislation of BRICS countries in the context of BRICS strategic environmental documents 21

Todosiichuk A.V. * Conditions and factors for achieving technological leadership 29

Chernova A.M. * State policy and criminal law measures to prevent violations of road traffic rules and vehicle operation 36

Nalbandyan A. * Correlation of control and stimulating elements in the structure of the public-law mechanism for ensuring the interests of the state and society 42

Ayskhanova E.S., Tepsuev M.S. * The concept of extremism and its evolution in historical perspective 49

HUMAN RIGHTS

Kovalev O.G. * On the issue of legal regulation of ethical norms of relations between employees of pre-trial detention facilities of the penal correction system with suspects and accused 52

NATIONAL SECURITY

Krokhina Yu.A. * Misappropriation of budget funds: issues of legislative support and law enforcement 58

Ametka F.A., Potapova L.V., Potapov D.V. * The role of the prosecutor's office of the Russian Federation in the implementation of state monitoring of damage from foreign sources: a mechanism for protecting national sovereignty 63

Nalbandyan A. * The role of the public-law mechanism in ensuring the interests of society and the state 70

Buryakin R.A. * Features of acceptance in the field of the state defense order 76

Britanov A.G. * To the question of further improving the mechanism for assessing the effectiveness (efficiency) of control (supervisory) activities in the Russian Federation 83

Akhmedov M.A., Askerov E.S., Alikberov S.A. * Problems of state land supervision in the Russian Federation: theoretical aspects and points for improvement 94

Rekun D., Dolzhenkova E. * Legal indefiniteness of the status of the arctic zone of the Russian Federation as a systemic problem of its sustainable development 103

CONSTITUTIONAL (STATE) LAW

Larichev V.P. * The all-russian vote on amendments to the Constitution of the Russian Federation: the legal nature and place in the system of democracy 110

Gonchar V.S., Shiryaev Yu.E. * The constitutional and legal basis of ideology in the Russian Federation 115

LAW AND ECONOMICS

Rakhmanov A.D., Sharapova N.V., Sharapova V.M. * Transformation of the accounting and analytical system: impact of FASB 4/2023 119

Tulaeva O.N., Tulaeva K.V. * Legal basis for sanatorium-resort treatment in the state social assistance system 125

Oparin D.E. * Issues of economic security in the framework of monitoring fire danger and risk of territorial zones of urban agglomerationation 130

Kulikova E.S., Durandina O.A. * Compliance and legal risks in agromarketing: regulation of digital sales channels for agro-industrial products 138

Sharapova V.M., Sharapov Yu.V., Tikhonov V.A. * Analysis and evaluation of the organization's cash flows based on the cash flow statement 147

Pruss Ya.Yu. * Transformation of the legal foundations of gr and lobbying in the context of digitalization 154

JUSTICE AND JURISPRUDENCE

Gabazov T.S., Gabazova Kh.T. * The judge's image as a factor of public trust in justice 162

Makazieva Z.D., Akhtaeva E.A. * Tactical-forensic and procedural problems of checking and refuting alibi in criminal proceedings 169

Bogdanov M.N., Isaeva E.D. * Problems of legal regulation of procedural actions in places of deprivation of liberty and ways to solve them 172

PROBLEMS OF RUSSIAN LEGISLATION

Fialkovskaya E.V. * Basic concepts of deviation 178

Eremichev F.S. * Privacy by design principle as the basis of preventive civil protection of personal data: prospects for implementation in russian legislation 182

Tolstolutskiy V.Yu., Pogodina T.G. * Using the possibilities of AI to objectify the conclusion of post-mortem psychological and psychiatric examination on hereditary cases 188

Demicheva M.Yu. * Assessment of the market value of a public land plot as an auction subject in the Tver region land resources management system 201

Koichuev I.M. * Legitimate interests of taxpayers: limits on their realization and guarantees of their protection 205

Kovalev O.G. * Duties as a means of educational and preventive influence on suspects and accused persons in pre-trial detention facilities of the penal system 210

Kapustinsky A.A. * Information intermediary: concept and legal regulation 217

Anoshina A.Ya. * Improving the regukatory framework for electronic procuremen of goods as a guarantor of fair competition in the Russian Federation 223

Tarasova E.A., Bukalova M.A., Gaidarzhi V.A., Kaverin K.R. * Legal regulation of production and consumption waste management: modern problems and development trends 231

Gritsuk A.A. * Blockchain technology and protection of digital rights: legal aspects of legal period 235

COPYRIGHT AND RELATED RIGHTS

Kuleshova I.A. * Features of using certain types of copyright and related rights in the digital environment . . . 249

Gubanova A.O. * Legal regulation of generative artificial intelligence in Japan: copyright and personal data protection 253

Fesenko A.A. * Proving authorship of photograghic works: theoretical and practical issues 260

Demirchyan V.V. * Right to recall a work in Russian copyright: doctrinal approaches and regulatory models. .266

PROBLEMS OF LEGAL THEORY

Bushmakina V.S., Bashlueva N.N., Bogdanov M.N. * Theories of the origin of the state: historical and legal analysis 272

Rattur M.V. * Genesis of an interdisciplinary approach in legal studies of Russian statehood 276

INTERNATIONAL RELATIONS

Kazakova T.A., Vasilyeva I.V. * Foreign experience in use of probation measures for delinquent adolescents 282

Medvedeva I.N. * Prohibition of certain actions in the Russian Federation and abroad: comparative legal analysis 287

CONTROL THEORY

Polyakova Ya.N. * Rules for business meetings 293

Dmitriev G.G. * Definition of deviant behavior 296

Lukashenko D.V. * Addictive behavior as a form of deviant behavior 299

Iskandarov R.R. * Transformation of group psychotherapy in a prison environment: from supportive models to a therapeutic community 303

Kashkina E.V. * Personal factors of genesis of formation of antisocial attitudes 310

Polyakova Ya.N. * Severity, duration and consequences of the conflict 316

Bodyakov V.N., Bazhanov S.A. * Signs of conflict resolution 321

CIVIL AND BUSINESS LAW

Gurchiani I.Z. * The mechanism of action and the limits of application of the estoppel principle in russian civil law 325

Baryshnikov M.Yu. * Private and public law interests and means of regulation in the sphere of entrepreneurial activity 336

Potapova L.V., Bigan A.S. * Provision of land plots to CBR participants as a measure of social support: problems and ways of improvement 342

Toropov M.S., Grib V.G. * The impact of digitalization on the protection of honor, dignity, and business reputation in russian civil law 348

Ivanov A.V. * Issues of concluding an agreement for the provision of legal assistance in favor of a third party 351

Shchibrova L.P. * Disputes over the actual value of a share upon withdrawal of a participant from an LLC: determination criteria and judicial approaches 355

CRIMINAL LAW AND PROCESS

Alkhastova M.V., Bichaeva Z.I., Buev Yu.A. * Prosecutorial supervision of the legality of the preliminary investigation: theoretical conflicts and implementation practice 362

Maistrenko G.A. * An analysis of the concept of "serial murder" through the lens of forensic science 365

Alkhanov N.M., Tepsuev M.S., Khadzhiev U.K. * Criminal-law counteraction to vandalism: elements of the offence, qualification issues, and areas for improvement 369

Kovalev O.G. * Requirements for the official conduct of employees in the context of the implementation of federal law no. 197-FZ dated 07/19/2018 "On service in the penal enforcement system": legal and psychological analysis 373

Klyuchnikov M.I., Pozhimalin V.N., Kumchuk V.I. * Problematic aspects of organizing educational work with persons registered with criminal execution inspections 379

Bogdanov M.N., Isaeva E.D., Sysoev Yu.E. * Features of investigative tactics in the investigation of fraud-related crimes 384

Alkhastova M.V., Khankarova Z.A. * Legalization of the results of operational-search activities in criminal proceedings: tactical risks and procedural guarantees 392

Zorina N.S. * The concept of digital hygiene among juvenile convicts in educational colonies: problem statement and ways of formation 395

Klyuchnikov M.I., Pozhimalin V.N., Selyakov Yu.L. * Moral and ethical qualities of professional growth of a FSB employee 398

Kovalev O.G. * Features of containment in investigative isolators of the criminal-executive system of women suspected and accused of committing crimes 404

Maltsagov I.D. * Use of operational-search activity data in criminal proceedings 410

Shagapov I.R. * On the issue of determining the subject of a crime using artificial intelligence 414

Tishchenko Yu.Yu. * The role of professional ethics in the work of correctional officers 421

Kovalev O.G. * Ensuring the right of suspects and accused persons held in pre-trial detention facilities of the penal correction system to have an interview with members of the public monitoring commission 426

LAW ENFORCEMENT

Gitinova M.M., Suleimanov G.S. * Criminological aspects of countering female recipient criminality 432

Leshchenko S.A., Lukashenko D.V. * Psychological protection of officers in law-enforcement and departmental organizations based on neurorehabilitation 439

Zimina K.Yu., Commissar I.N., Polunin Yu.O., Pozhimalin V.N. * Application of models of periodization of training loads in the system of physical training of law enforcement officers 446

Grishin E.V., Pozhimalin V.N. * Psychological burnout of prison institution staff: post-traumatic stress factors and rehabilitation methods 454

INTERNATIONAL LAW

Ondar L.Sh. * International activities of Tuva State University in the context of legal and regulatory framework 459

Romanova E.N. * The impact of prisoner perceptions on prison education in european countries 467

EDUCATION MANAGEMENT

Galchak I.P., Aleksandrov V.A., Salikhova M.N., Kolga A.D., Chudinov A.M. * College-enterprise network partnership as a resource for training staff for the Ural industry 471

Zorina N.S. * Self-education of juvenile convicts in educational colonies 477

Koshelenko L.V., Egorov S.G., Zarubina E.V., Simachkova N.N., Stakheeva L.M., Chupina I.P. * Opportunities for humanities disciplines in students' independent work 480

INNOVATION IN THE WORLD

Bodyakov V.N., Bazhanov S.A. * Pathocharacterological type of behavior 486

Zarubina E.V., Egorov S.G., Koshelenko L.V., Simachkova N.N., Stakheeva L.M., Chupina I.P. * Artificial intelligence technologies in human resources planning 489

Chumachenko V.A. * Creation and training of artificial intelligence in order to protect the public interest: pros and cons 496

EDUCATION IN RUSSIA AND THE WORLD

Razhina E.V., Smirnova E.S., Neverova O.P., Sinko V.N., Shilovtsev A.V., Ilyasov O.R. * Communication as a basis for pedagogical activities 505

Iskandarov R.R. * The existential dimension of penitentiary education: guilt, responsibility and redemption as factors of pedagogical transformation of personality 509

Oparin D.E. * Pedagogical aspects of the training of university cadets in law enforcement agencies: theory, practice and development directions 513

BACKGROUND

Ayskhanova E.S., Dadashov M.M. * Theoretical and methodological foundations of the criminal personality study in criminology 519

Egorov S.G., Chupina I.P., Zarubina E.V., Koshelenko L.V., Simachkova N.N. * «He viewed the theater as his own domain»: the conflict between director P.K. Margalik and the creative team of the Sverdlovsk opera and ballet theater in 1945-1946 524

Tepsuev M.S., Alkhanov N.M., Akhtaeva E.A. * From tribal union to early statehood: political and legal prerequisites for the emergence of the old russian state 529

Egorov S.G., Chupina I.P., Simachkova N.N., Sinko V.N., Shilovtsev A.V. * The instructor corps of the Sverdlovsk regional committee of the all-union communist party (Bolsheviks) and local party leaders: interaction practices in the first post-war year 534

Sinko V.N., Shilovtsev A.V., Egorov S.G., Ilyasov O.R., Bykova O.A., Smirnova E.S. * The first congress of the socialist youth of the Urals (to the history of the issue) 540

- ПОЛИТИКА И ПРАВА -

Дата поступления рукописи в редакцию: 03.04.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.05.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3830-2026-4-21-28

ГУТЛЫМУРАДОВ Батырмурат,
студент 2-го курса магистратуры
Санкт-Петербургского политехнического
университета Петра Великого (СПбПУ),
e-mail: batyrgytlymuradov@gmail.com

ГОРОДИНЕЦ Федор Михайлович,
Профессор — ВШЮиСТЭ, доктор юридических наук,
профессор Санкт-Петербургского политехнического
университета Петра Великого (СПбПУ),
e-mail: mimihops89@mail.ru

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ГАРМОНИЗАЦИИ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА СТРАН БРИКС В КОНТЕКСТЕ СТРАТЕГИЧЕСКИХ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ДОКУМЕНТОВ БРИКС

Аннотация. *Статья посвящена анализу проблем и перспектив гармонизации экологического законодательства государств БРИКС в контексте их международно-правовых обязательств в сфере устойчивого развития и климатической политики. Исследуются различия национальных подходов к нормированию выбросов, обращению с отходами, охране водных и лесных ресурсов, а также институциональные и экономические барьеры сближения правовых систем. Обосновывается необходимость формирования модельных рамок гармонизации, основанных на принципе дифференцированной ответственности и поэтапной имплементации международных стандартов. Предлагается концепция координационного механизма и адаптационных дорожных карт, обеспечивающих совместимость национального регулирования с международными экологическими обязательствами стран БРИКС.*

Ключевые слова*: международное экологическое право, БРИКС, гармонизация законодательства, устойчивое развитие, имплементация международных обязательств, экологические стандарты, наилучшие доступные технологии.*

GUTLYMURADOV Batyrmurat,
2nd year graduate student of Peter the Great
St. Petersburg Polytechnic University (SPbPU)

GORODINETS Fedor Mikhailovich,
Professor - VSHUiSTE, Doctor of Law,
Professor of Peter the Great St. Petersburg
Polytechnic University (SPbPU)

PROBLEMS AND PROSPECTS OF HARMONIZING THE ENVIRONMENTAL LEGISLATION OF BRICS COUNTRIES IN THE CONTEXT OF BRICS STRATEGIC ENVIRONMENTAL DOCUMENTS

Annotation. *The article is devoted to the analysis of problems and prospects of harmonizing the environmental legislation of BRICS countries in the context of their international legal obligations in the field of sustainable development and climate policy. It examines the differences in national approaches to emissions regulation, waste management, the protection of water and forest resources, as well as institutional and economic barriers to the convergence of legal systems. The necessi-*

ty of forming model frameworks for harmonization, based on the principle of differentiated responsibility and phased implementation of international standards, is substantiated. A concept of a coordination mechanism and adaptation roadmaps is proposed, ensuring the compatibility of national regulations with the international environmental obligations of BRICS countries.

Key words: *international environmental law, BRICS, harmonization of legislation, sustainable development, implementation of international obligations, environmental standards, best available technologies.*

Рассматривая гармонизацию экологического законодательства, под «третьим международным соглашением» понимается не отдельный международный договор в классическом смысле, а совокупность стратегических и программных документов БРИКС, формирующих современную экологическую повестку объединения. К их числу относятся положения Стратегии экономического партнёрства БРИКС до 2025 года, декларации саммитов 2023–2024 гг., а также документы, закрепляющие сотрудничество в сфере устойчивого развития и климатической политики. Данные акты, относящиеся к инструментам «мягкого права» (soft law), выполняют координирующую и нормативно-ориентирующую функцию и фактически формируют основу для сближения национальных экологических правовых режимов государств БРИКС. Активное обсуждение экологической повестки на саммитах БРИКС 2023–2024 годов актуализировало вопрос гармонизации законодательства как ключевого инструмента для реализации коллективных обязательств по устойчивому развитию. Усиление климатических изменений и трансграничный характер экологических угроз, таких как деградация лесов Амазонии и загрязнение промышленных регионов Азии, требуют согласованных правовых механизмов. Для emerging economies стран БРИКС унификация экологических норм становится стратегическим приоритетом, позволяющим совместить экономический рост с выполнением глобальных экологических стандартов. Это создаёт основу для укрепления многостороннего сотрудничества без ущемления национальных интересов.

Существующие правовые системы стран БРИКС демонстрируют значительные расхождения в регулировании промышленных выбросов, управлении отходами и охране биоразнообразия, что обусловлено различиями в уровне экономического развития и приоритетах экологической политики. Асимметрия в подходах к экологическому регулированию, например, между строгими нормами Бразилии по защите лесов и более либеральными стандартами Индии в промышленном секторе, формирует системные пробелы в трансграничном сотрудничестве. Эти дисбалансы снижают эффективность третьего международного соглашения, ограничивая потенциал блока в достижении общих целей по снижению антропогенного воздействия на окружающую среду.

Положения статьи предполагают выявление правовых, экономических и институциональных барьеров на пути гармонизации экологических норм стран БРИКС в контексте третьего международного соглашения. Акцент делается на анализе совместимости национальных законодательств с глобальными экологическими стандартами и разработке адаптивных механизмов их интеграции. Особое внимание уделяется поиску баланса между унификацией требований и учётом специфики экономик участниц, что позволит создать устойчивую платформу для реализации соглашения.

Исследования рассматриваемых категорий предполагает: во-первых, проведение компаративного анализа экологического законодательства стран-участниц с акцентом на регулирование промышленных выбросов и охрану природных ресурсов; во-вторых, оценка имплементационного потенциала третьего международного соглашения с учётом выявленных правовых дисгармоний; в-третьих, разработка модельных рамок гармонизации, предусматривающих дифференцированные подходы для стран с разным уровнем экономического развития.

Страны БРИКС демонстрируют значительные различия в методологиях установления нормативов предельно допустимых выбросов (ПДВ) для промышленных предприятий. В России применяется расчётно-экспериментальный метод определения ПДВ с учётом фонового загрязнения и суммации вредных веществ. В Китае используется система региональных квот, адаптированная под особенности промышленных кластеров. Бразильские нормативы ориентированы на технологические показатели наилучших доступных технологий (НДТ), тогда как Индия и ЮАР сохраняют отраслевой подход с дифференцированными требованиями к различным секторам экономики. Различия в подходах к нормированию выбросов создают существенные сложности для гармонизации экологического законодательства в рамках БРИКС. Российские нормативы, основанные на санитарно-гигиенических показателях, часто оказываются строже южноафриканских стандартов, учитывающих экономические возможности предприятий. Китайская система территориального квотирова-

ния плохо сопоставима с индийскими отраслевыми лимитами. Эти методологические расхождения подчёркивают необходимость разработки единых принципов установления ПДВ, учитывающих как экологические приоритеты, так и экономические особенности стран-участниц.

Национальные системы управления отходами в странах БРИКС характеризуются разнообразием подходов к классификации опасных отходов и лицензированию деятельности. В Бразилии действует пятиуровневая система классификации опасности отходов с обязательным лицензированием всех этапов обращения. Китай ввёл централизованный реестр опасных отходов с электронным сопровождением их перемещения. Российское законодательство предусматривает дифференцированные требования к лицензированию в зависимости от класса опасности отходов, тогда как в Индии сохраняется региональная раздробленность нормативной базы. Экономическое стимулирование переработки отходов реализуется в странах БРИКС через различные механизмы налогового регулирования и расширенной ответственности производителей. ЮАР применяет систему прогрессивных налогов на захоронение отходов, стимулирующую переработку. В Китае действуют субсидии для предприятий, внедряющих технологии замкнутого цикла. Российская модель расширенной ответственности производителей сочетает обязательные нормативы утилизации с возможностью экологического сбора, тогда как индийские механизмы остаются фрагментарными и слабо реализуемыми на практике.

Правовые режимы охраны редких видов и экосистем в странах БРИКС демонстрируют существенные различия в степени детализации запретов и механизмов восстановления популяций. Например, в Бразилии акцент делается на защите амазонских экосистем с развитой системой особо охраняемых природных территорий, тогда как в Индии преобладают точечные меры по сохранению отдельных видов. Исторически подобные различия прослеживаются в международных документах: «В 1930-е гг. были приняты Лондонская конвенция об охране флоры и фауны в их естественном состоянии на Африканском континенте (1933) и Вашингтонская конвенция о защите окружающей среды и сохранении дикой природы в Западном полушарии (1940) [6, с.112]». Российское законодательство сочетает федеральные программы восстановления редких видов с региональными особенностями охраны экосистем.

Регулирование использования минерально-сырьевых ресурсов в государствах БРИКС отражает национальные приоритеты экономического развития. В России и ЮАР доминируют лицензионные механизмы добычи с экологическими ограничениями вторичного характера, тогда как Китай постепенно ужесточает нормативы воздействия на окружающую среду. Бразильское законодательство предусматривает компенсационные меры для коренных народов при освоении месторождений, что отсутствует в индийской правовой системе. Лесные ресурсы регулируются с различным уровнем экологических ограничений: от строгих запретов на вырубку ценных пород в Бразилии до гибких моделей устойчивого лесопользования в России. ЮАР внедряет квоты на коммерческую заготовку древесины, тогда как Китай сочетает масштабные программы лесовосстановления с экспортными ограничениями. Эти различия обусловлены как экономическими интересами, так и экологической емкостью территорий.

Законодательные подходы к защите водных ресурсов включают дифференцированные требования к промышленным стокам, что особенно заметно при сравнении китайских и индийских нормативов сброса загрязняющих веществ. Нормы водоохранных зон варьируются от 50 метров в ЮАР до 200 метров в Бразилии для основных речных бассейнов. Трансграничные водные объекты, такие как река Амур или бассейн Ла-Платы, регулируются двусторонними соглашениями, которые не всегда учитывают экосистемный подход.

Сопоставительный анализ законодательных актов стран БРИКС демонстрирует существенные различия в экологических стандартах, включая пределы допустимых выбросов и требования к очистным сооружениям. Эти различия обусловлены как различной базой научных и технических критериев, так и разной степенью правовой детализации нормативов. В результате неоднородности стандартов затрудняется формирование единого подхода к контролю за качеством окружающей среды и к сопоставимому уровню защиты в пределах блока. Различия прослеживаются и во временных рамках внедрения наилучших доступных технологий (НДТ), где сроки и поэтапность исполнения нормативов зависят от национальных экономических приоритетов и административной способности к реализации. В одних государствах НДТ вводятся через жесткие предписания и короткие сроки, а в других используются поэтапные планы с отсрочками и льготами для отраслей с высокой социально-экономической значимостью. Такая несогласованность во временных режимах усложняет координацию промышленных переводов на новые технологии и создает предпосылки для нормативного арбитража. Системы ответственности за нарушение природоохранных требований также существенно различаются по характеру и масштабу

санкций, включая административную, уголовную и гражданско-правовую ответственность. Наличие или отсутствие превентивных инструментов, степени прозрачности процедур привлечения к ответственности и механизмов возмещения вреда влияет на эффективность правоприменения. Эти расхождения снижает предсказуемость мер контроля и препятствуют выработке общих стандартов комплаенса внутри БРИКС.

Ключевые пробелы законодательства связаны с отсутствием унифицированных механизмов оценки экологического ущерба и процедур трансграничного взаимодействия при чрезвычайных ситуациях, что затрудняет оперативную координацию и адекватную компенсацию вреда. Отсутствие общепринятых методик оценки и критериев причинно-следственной связи ведёт к разным подходам к реституции и восстановлению окружающей среды. Недостаточна также практика обмена данными и скоординированных планов реагирования, включая механизмы уведомления и взаимопомощи. Для преодоления этих пробелов необходима разработка согласованных процедур и стандартов, пригодных для интеграции в рамки регионального или международного соглашения.

Третье международное соглашение в рамках БРИКС устанавливает приоритетные экологические стандарты, фокусируясь на устойчивом развитии и климатической повестке. «Новая Стратегия экономического партнерства БРИКС до 2025 г. содержит отдельный раздел, посвященный устойчивому развитию [БРИКС – Россия, 2020]. В частности, предусмотрено расширение сотрудничества в сфере борьбы с изменением климата, энергетики, инфраструктурного развития, обеспечения продовольственной безопасности и повышения качества жизни населения (в том числе борьба с бедностью, образование, обеспечение равенства доходов) [7, с.13]». Данные положения формируют концептуальную основу для гармонизации законодательств. Обязательства сторон соглашения включают синхронизацию национальных экологических политик с международными целями устойчивого развития. Особое внимание уделяется снижению промышленного воздействия на окружающую среду и переходу к низкоуглеродной экономике. Страны-участницы берут на себя ответственность за разработку долгосрочных стратегий адаптации к климатическим изменениям. Эти меры направлены на создание единого правового пространства в экологической сфере.

Механизмы реализации соглашения предусматривают создание многоуровневой системы мониторинга и отчётности. Институциональная структура включает регулярный аудит выполнения обязательств и оценку прогресса в достижении целевых показателей. Санкционные меры за невыполнение условий соглашения варьируются от рекомендательных до ограничительных экономических инструментов. Такая градация позволяет учитывать специфику национальных экономик при обеспечении соблюдения норм.

Ключевой проблемой остаётся совместимость универсальных положений соглашения с разнородными законодательными системами стран БРИКС. «Эффективность этих правовых инструментов во многом зависит от их последующей имплементации в национальные законодательства стран-участников и создания действенных механизмов мониторинга и контроля за выполнением принятых обязательств [8, с.476]». Различия в административных процедурах и уровнях экономического развития создают дополнительные барьеры для гармонизации.

Ключевые международные документы экологического права демонстрируют различную степень конкретизации и обеспеченности механизмами применения в правовых системах стран БРИКС. «В исследовании [5] представлен критический анализ еще одного принципа международного права – «загрязнитель платит». В частности, авторы указывают на ограничение действия принципа страной происхождения. Так, в рамках международного права принцип «загрязнитель платит» упоминается без законодательной основы для смягчения рисков трансграничного загрязнения воздуха [10, с.204].

Эффективность действующих механизмов гармонизации резко варьируется в зависимости от уровня экономического развития и институциональных возможностей государств-участниц. Недостаточное финансирование, ограниченные административные ресурсы и разная степень технической оснащённости снижают способность к имплементации общих стандартов и к выполнению международных обязательств. Эти факторы приводят к неравномерному выполнению норм и ослабляют коллективную силу международных инструментов.

Системный пробел заключается в отсутствии согласованных механизмов мониторинга, обмена данными и разрешения споров, что особенно чувствительно для трансграничных экологических рисков. Практика показывает, что различия в национальных стандартах и процедурных подходах создают правовые щели, препятствующие координации действий при трансграничном загрязнении и при управлении общими природными ресурсами. Отсутствие единых критериев оценки экологического ущерба и механизмов компенсации усугубляет проблему и снижает предсказуемость правоприменения между странами БРИКС.

Международные инструменты обладают значительным адаптационным потенциалом при условии гибкой трансформации их норм под национальные правовые традиции и институциональные реалии. Это требует разработки модельных рамок и опорных положений, позволяющих сочетать международные стандарты с существующими процедурами оценки риска и управления отходами на национальном уровне. При этом успешная адаптация зависит от политической воли, целевой помощи и обмена технологическими и нормативными решениями между партнёрами по соглашению. Дальнейшее исследование и практическая отработка таких рамок необходимы для перехода к конкретным рекомендациям по гармонизации.

Страны БРИКС демонстрируют значительные различия в уровнях экономического развития, что создаёт объективные препятствия для гармонизации экологических стандартов. Промышленно развитые государства способны выделять больше ресурсов на экологические программы, тогда как развивающиеся экономики вынуждены балансировать между экологическими требованиями и задачами экономического роста. Эти диспропорции приводят к асимметрии в приоритетах при имплементации международных норм. Конкурирующие экономические интересы часто доминируют над экологическими соображениями в процессе принятия решений. Политические факторы проявляются в несовпадении национальных стратегий развития и международных экологических обязательств. Суверенные интересы государств БРИКС иногда вступают в противоречие с требованиями трансграничного экологического регулирования. Различия в политических системах и механизмах управления усложняют выработку единых подходов к имплементации норм. Конфликт между краткосрочными экономическими выгодами и долгосрочными экологическими целями остаётся ключевым вызовом для согласованной политики.

Институциональные ограничения связаны с недостаточной развитостью инфраструктур мониторинга и контроля за соблюдением экологических стандартов. Многие страны БРИКС испытывают дефицит технических средств для эффективной реализации международных требований. Нехватка квалифицированных кадров в области экологического права и управления замедляет процессы адаптации законодательства. Эти технико-институциональные пробелы требуют целенаправленных инвестиций и международной кооперации для преодоления.

Социокультурные барьеры обусловлены различиями в исторически сложившихся подходах к охране окружающей среды и уровнях экологической осведомлённости населения. Правоприменительная практика в странах БРИКС отражает специфику национальных правовых культур и традиций. Низкий уровень общественного экологического сознания в некоторых регионах снижает эффективность внедрения новых стандартов. Преодоление этих различий требует долгосрочных программ экологического просвещения и адаптации правовых механизмов к локальным условиям.

Разработка унифицированных экологических стандартов для стран БРИКС требует применения принципа дифференциации, учитывающего неравномерность экономического развития и разнообразие экологических приоритетов участниц. Универсальные требования могут создать дисбаланс, поскольку индустриально развитые государства обладают большими ресурсами для реализации природоохранных программ. «Всеобъемлющий подход к решению экологических задач требует учета позиций и возможностей каждого участника мирового сообщества. Развивающиеся страны нуждаются в финансовой поддержке и доступе к передовым технологиям для реализации природоохранных программ [3, с.57]». Это предполагает создание гибких механизмов, позволяющих адаптировать стандарты к национальным условиям без снижения общих экологических целей.

Модульная структура модельных рамок обеспечивает баланс между унификацией и гибкостью, предлагая базовые обязательные требования и дополнительные адаптивные модули. Такая конструкция позволяет странам выбирать оптимальные пути достижения целевых показателей с учетом специфики национальных законодательств и экономических возможностей. Ключевые элементы включают единые методики измерения загрязнений, прозрачные отчетные механизмы и согласованные критерии оценки эффективности. Сохранение единых целевых параметров обеспечивает сопоставимость результатов при разнообразии применяемых инструментов.

Учреждение постоянного координационного органа необходимо для обеспечения устойчивости процесса гармонизации экологических стандартов. Данная структура должна выполнять функции мониторинга соблюдения согласованных норм, анализа возникающих правоприменительных коллизий и выработки рекомендаций по их устранению. Важным аспектом деятельности органа станет создание механизма досудебного разрешения споров между странами-участницами. Это позволит минимизировать риски конфликтов интерпретаций при имплементации модельных рамок в национальные правовые системы.

Поэтапное внедрение унифицированных стандартов с дифференцированными переходными периодами является необходимым условием для снижения адаптационной нагрузки на наименее развитые экономики БРИКС. График реализации должен предусматривать постепенное ужесточение требований к экологической отчетности и допустимым объемам выбросов. Для государств с ограниченными технологическими возможностями целесообразно установить более длительные сроки адаптации при параллельном обеспечении доступа к экологическим фондам и программам технической помощи. Такой подход гарантирует достижение консенсуса без ущерба для экономической стабильности участниц.

Необходимо провести сопоставительный анализ на уровне норм и механизмов контроля для выявления ключевых расхождений по критериям строгости требований и практик исполнения. Анализ должен включать систематизацию нормативных пределов, процедур инспекций, санкционных мер и мониторинговых инструментов, что позволит установить конкретные области несовместимости. Результатом такого анализа станет матрица приоритетов для последующей адаптации национальных актов и разработки согласованных подходов к обеспечению выполнения положений третьего международного соглашения.

Разработка адаптационных дорожных карт предполагает поэтапную интеграцию требований соглашения с учётом национальных приоритетов и экономических реалий. В рамках дорожных карт требуется определить базовые индикаторы, временные рамки и ответственные институты для каждого этапа имплементации, а также механизмы мониторинга прогресса. Такой подход обеспечит сопоставимость мер между странами и создаст основу для координированных трансграничных инициатив. Приоритизация стратегических секторов — обращения с отходами, снижения выбросов и охраны водных ресурсов — должна опираться на критерии риска для здоровья и экосистем, экономическую значимость и реалистичность внедрения мер. Для обращения с отходами целесообразно стимулировать переход к циклической экономике и унификацию требований к обращению с опасными и промышленными отходами. В части снижения выбросов рекомендуется согласование предельных значений и продвижение передовых производственных практик (BAT), а также внедрение экономических инструментов для поощрения снижения выбросов. Охрана водных ресурсов должна включать гармонизованные стандарты качества воды, общие процедуры водопользования и механизмы трансграничного управления водными бассейнами.

Создание системы технической помощи должно быть направлено на модернизацию правоприменительной практики и укрепление институционального потенциала компетентных органов. Данная система может включать обучение кадров, обмен экспертизой, совместные программы по внедрению мониторинговых технологий и унифицированные методики оценки соблюдения требований. Необходимы региональные центры поддержки и цифровые платформы для координации проектов, обмена данными и оказания методической помощи при подготовке национальных нормативных актов. Финансирование и устойчивость таких инициатив требуют разработки комбинированных механизмов поддержки с прозрачными критериями отчётности и оценки эффективности.

Учреждение совместных программ мониторинга трансграничного загрязнения требует разработки унифицированных протоколов оценки и отчетности. Стандартизация методик сбора данных позволит обеспечить сопоставимость результатов между странами-участницами. «Одним из направлений сотрудничества государств в рамках БРИКС должны стать вопросы климатических изменений и скоординированная климатическая политика. Например, необходимо совместно разработать эффективные, приемлемые для всех стран БРИКС механизмы реализации международных документов по климату [2, с.19]». Внедрение таких механизмов повысит эффективность контроля за трансграничными экологическими рисками.

Формирование механизмов технологического трансфера в сфере возобновляемой энергетики предполагает создание многосторонних платформ обмена инновационными решениями. «Трансфер технологий и конкуренция за стандарты. Также освещаются аспекты сотрудничества и конкуренции, в частности, взаимодействие в сфере производства и распространения «зелёных» технологий [5, с.167]». Для реализации данного направления целесообразно учредить специализированный фонд технологического развития БРИКС. Совместные исследовательские проекты и программы обучения специалистов будут способствовать сокращению технологического разрыва между странами.

Разработка правовых основ для экстренного реагирования на трансграничные инциденты должна включать создание скоординированных процедур оповещения и ликвидации последствий. Унификация критериев оценки чрезвычайных экологических ситуаций позволит минимизировать временные затраты на согласование действий. Важным элементом станет формирование совместных оперативных групп с четким распределением компетенций. Юридическое закрепле-

ние механизмов взаимопомощи обеспечит правовую определенность при возникновении кризисных ситуаций.

Создание платформы обмена лучшими практиками природоохранного регулирования предполагает систематизацию успешных кейсов с учетом региональной специфики. Разработка интерактивной базы данных позволит проводить сравнительный анализ эффективности различных инструментов экологической политики. Регулярные экспертные форумы и рабочие группы будут способствовать адаптации передового опыта к национальным законодательным системам. Такая платформа станет основой для выработки согласованных подходов к решению общих экологических вызовов.

Проведённый сравнительный анализ экологического законодательства стран БРИКС подтвердил наличие фундаментальных расхождений в подходах к регулированию промышленных выбросов и охране трансграничных экосистем. Эти различия проявляются в несовпадении нормативов допустимого воздействия, механизмов контроля и приоритетов природоохранной деятельности. Выявленная фрагментация создаёт системные препятствия для формирования единой правовой платформы блока, снижая эффективность совместного противодействия экологическим угрозам.

Имплементация положений третьего международного соглашения сталкивается с объективными сложностями, обусловленными асимметрией экономических интересов и институциональными барьерами стран-участниц. Различия в уровне промышленного развития, приоритетах экономического роста и административных механизмах правоприменения формируют дисбаланс в готовности к принятию унифицированных стандартов. Преодоление этих противоречий требует разработки адаптивных подходов, учитывающих национальные особенности без ущерба для коллективных целей.

Предложенные модельные рамки гармонизации основаны на принципе дифференцированной ответственности, предусматривающем поэтапную унификацию стандартов с учётом экономических возможностей каждой страны. Такой подход позволяет интегрировать экологические нормы третьего соглашения в национальные законодательства через механизмы добровольных обязательств и переходных периодов. Это создаёт баланс между необходимостью укрепления экологического сотрудничества и сохранением экономического суверенитета участников БРИКС.

Успешная гармонизация экологического законодательства способна стать катализатором усиления переговорных позиций БРИКС в глобальной экополитике. Создание согласованной правовой платформы позволит странам блока демонстрировать единство при решении трансграничных экологических проблем, сочетая национальные интересы с коллективным ответом на вызовы устойчивого развития. Данный опыт может служить моделью для других emerging economies, стремящихся к балансу между экономическим ростом и экологической ответственностью.

Список литературы:

[1] Валеев Р.М. Международное экологическое право: учебник. — М.: Статут, 2012. — 639 с.

[2] Гладун Е. Ф. Политико-правовые векторы сотрудничества стран БРИКС в Арктике // Арктика 2035: актуальные вопросы, проблемы, решения. — 2023. — №4. — С. 13–17.

[3] Канунникова А.В. Основные позиции государств и международных организаций в решении глобальных экологических проблем // Научно-практический журнал «Диалог». — 2025. — №2. — С. 54–57.

[4] Лапочкина Е.П. Международно-правовое сотрудничество в рамках БРИКС: эволюция, результаты и перспективы развития // Вестник Томского государственного университета. — 2024. — №507. — С. 234–240.

[5] Меметов Р.Т. Взаимосвязь экологических и технологических инноваций в странах БРИКС и Европейского союза // Ta'lim innovatsiyasi va integratsiyasi. — 2025. — №56. — С. 167–171.

[6] Рыженков А.Я. К вопросу об истории международного экологического права: уроки и перспективы // Правовая парадигма. — 2025. — №1. — С. 109–117.

[7] Сахаров А.Г., Андронова И.В. Вклад БРИКС в глобальные усилия по переходу к устойчивым моделям потребления и производства // Вестник международных организаций. — 2021. — №1. — С. 7–28.

[8] Свиткина С.С., Мосякин И.А., Козлов М.Л. Международно-правовое сотрудничество стран БРИКС в сфере «зеленой» энергетики: вызовы и угрозы // Вопросы российского и международного права. — 2024. — №7. — С. 474–483.

[9] Толорая Г.Д., Борзова А.Ю., Дежина И.Г. и др. Перспективные направления научного сотрудничества: страны брикс. — Москва: НП РСМД, 2023. — 56 с.

[10] Хайрутдинов М.У. Международное право в области трансграничного загрязнения окружающей среды: состояние, проблемы и перспективы // Вестник Томского государственного университета. Право. — 2020. — №36. — С. 204–207.

References:

[1] Valeev R.M. International environmental law: a textbook. - M.: Statute, 2012. - 639 p.

[2] Gladun E.F. Political and legal vectors of cooperation of the BRICS countries in the Arctic// Arctic 2035: topical issues, problems, solutions. — 2023. — №4. - S. 13-17.

[3] A.V. Kanunnikova. The main positions of states and international organizations in solving global environmental problems//Scientific and practical journal "Dialogue." — 2025. — №2. - S. 54-57.

[4] E.P. Lapochkina. International legal cooperation within the BRICS: evolution, results and development prospects//Bulletin of Tomsk State University. — 2024. — №507. - S. 234-240.

[5] Memetov R.T. The relationship between environmental and technological innovations in the BRICS countries and the European Union//Ta'lim innovatsiyasi va integratsiyasi. — 2025. — №56. - S. 167-171.

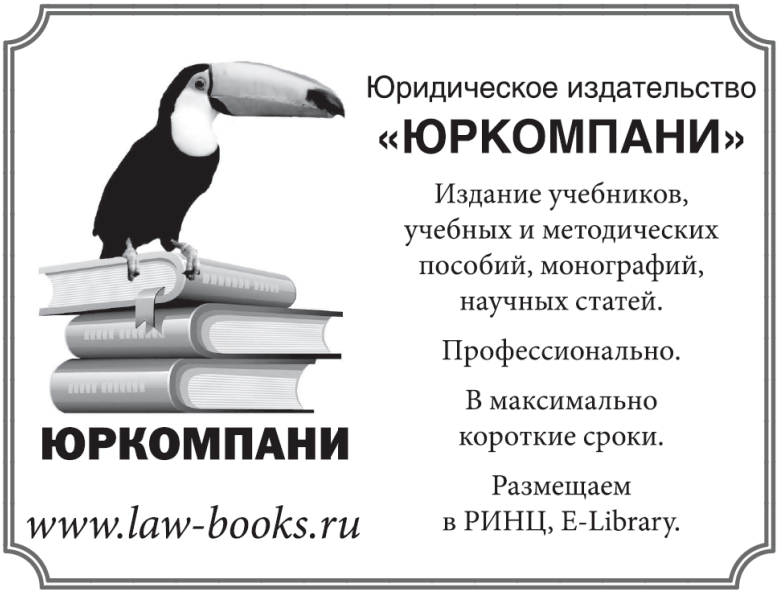
[6] Ryzhenkov A.Ya. To the question of the history of international environmental law: lessons and prospects//Legal paradigm. — 2025. — №1. - S. 109-117.

[7] Sakharov A.G., Andronova I.V. BRICS Contribution to Global Efforts towards Sustainable Consumption and Production Patterns//Bulletin of International Organizations. — 2021. — №1. - S. 7-28.

[8] Svitkina S.S., Mosyakin I.A., Kozlov M.L. International legal cooperation of the BRICS countries in the field of green energy: challenges and threats//Issues of Russian and international law. — 2024. — №7. - S. 474-483.

[9] Toloraya G.D., Borzova A.Yu., Dezhina I.G. et al. Promising areas of scientific cooperation: brix countries. - Moscow: NP RIAC, 2023. - 56 s.

[10] Khairutdinov M.U. International law in the field of transboundary environmental pollution: status, problems and prospects//Bulletin of Tomsk State University. Right. — 2020. — №36. - S. 204-207.

Дата поступления рукописи в редакцию: 10.04.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.05.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3830-2026-4-29-35

ТОДОСИЙЧУК Анатолий Васильевич,
Доктор экономических наук, профессор,
главный научный сотрудник Центра научно-информационных
исследований по науке, образованию и технологиям
ФГБУ «Институт научной информации
по общественным наукам РАН»,
e-mail: atodos@yandex.ru

УСЛОВИЯ И ФАКТОРЫ ДОСТИЖЕНИЯ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО ЛИДЕРСТВА

Аннотация. *В статье проведен краткий анализ действующего хозяйственного механизма и проводимой социально-экономической политики в области науки и инноваций. Проведенный анализ показал, что одним из ключевых факторов, препятствующих переходу экономики страны на инновационный путь развития и достижения технологического лидерства, является низкая (отрицательная) предпринимательская уверенность бизнеса. Даны предложения по совершенствованию нормативной правовой базы, направленной на модернизацию действующего хозяйственного механизма, повышение научной обоснованности и качества проводимой государственной социально-экономической политики, включая бюджетную, налоговую, научно-техническую и инновационную политику.*

Ключевые слова: *наука, технологии, инновации, хозяйственный механизм, социально-экономическая политика, федеральный бюджет, предпринимательская уверенность бизнеса.*

TODOSIICHUK Anatoly Vasilyevich,
Doctor of Economics, Professor,
Chief Researcher of the Center scientific and
information research on Science, Education and
Technology Institute of Scientific Information
on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences

CONDITIONS AND FACTORS FOR ACHIEVING TECHNOLOGICAL LEADERSHIP

Annotation. *The article provides a brief analysis of the current economic mechanism and the ongoing socio-economic policy in the field of science and innovation. The analysis showed that one of the key factors hindering the transition of the country's economy to an innovative path of development and achieving technological leadership is the low (negative) entrepreneurial confidence of business. Proposals are made to improve the regulatory framework aimed at modernizing the current economic mechanism, increasing the scientific validity and quality of the state socio-economic policy, including budgetary, tax, scientific, technical and innovation policies.*

Key words: *science, technology, innovation, economic mechanism, socio-economic policy, federal budget, entrepreneurial confidence of business.*

Введение

В Указе Президента Российской Федерации от 7 мая 2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и перспективу до 2036 года» поставлена задача достичь технологического лидерства. В статье 3 Федерального закона от 28 декабря 2024 г. № 523-ФЗ «О технологической политике в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (Закон № 523-ФЗ) под технологическим лидерством Российской Федерации (РФ) понимается технологическая независимость РФ, выражающаяся в разработке отечественных технологий и создании продукции с использованием таких технологий с сохранением национального контроля над критическими и сквозными технологиями на основе собственных линий разработки технологий в целях экспорта конкурентоспособной высокотехнологичной про-

дукции и (или) замещения ею на внутреннем рынке продукции, создаваемой на базе устаревших и (или) иностранных технологий, а также превосходство таких технологий и продукции над зарубежными аналогами.

В Едином плане по достижению национальных целей развития РФ (утвержден Правительством РФ от 30 декабря 2024 г. № ММ-П13-47086) в качестве одного из индикаторов достижения технологического лидерства определено «обеспечение технологической независимости Российской Федерации». Значение указанного индикатора должно быть увеличено с 10.69% в 2025 г. до 100% в 2030 г. Наличие высокого разрыва между фактическим и желаемым значениями индикатора технологической независимости РФ (почти в 9.4 раза) свидетельствует о необходимости коренной модернизации действующего хозяйственного механизма, повышения научной обоснованности и качества проводимой государственной социально-экономической политики, ее переориентации на инновационное развитие экономики в ускоренном режиме.

1. О механизме формирования и реализации государственной социально-экономической политики в области науки и инноваций

Инновационное развитие экономики в значительной мере определяется качеством механизма формирования и реализации государственной социально-экономической политики, прежде всего ее составных частей - научно-технической и инновационной политики. Следует отметить, что понятие «государственная научно-техническая политика», принципы её формирования и реализации закреплены в Федеральном законе от 23 августа 1996 г. № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике» (Закон № 127-ФЗ). Законодательного определения понятия «инновационная политика) нет до сих пор. Отсутствует также Стратегия инновационного развития РФ, которая должна быть принята Правительством РФ в соответствии со статьёй 162 Закона № 127-ФЗ. Соответствующий понятийный аппарат и меры государственной поддержки инноваций перечислены в указанном законе лишь фрагментарно, этот акт не обеспечивает регулирование инновационного процесса в целом, включая формирование спроса на научную и научно-техническую продукцию, фундаментальные исследования, прикладные исследования, разработки, освоение, производство и распространение инновационной продукции.

В Федеральном законе от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» речь идёт о научно-технологическом развитии, разработке соответствующих стратегий, прогнозов, государственных программ и национальных проектов.

Проблематика формирования и реализации государственной технологической политики, направленной на достижение технологического лидерства, нашла свое отражение в Законе № 523-ФЗ. Он призван регулировать отношения, возникающие между субъектами, формирующими технологическую политику в России, и лицами, содействующими развитию технологий. Анализ Закона № 523-ФЗ позволяет сделать вывод, что он, по сути, является частным случаем Закона № 127-ФЗ, поскольку технологии – это результат научной и научно-технической деятельности, а технологические инновации – результатом инновационной деятельности. Разночтения в понятийном аппарате, наличие разных видов государственной политики в области науки и инноваций, не согласованных между собой, наряду с другими факторами приводит к тому, что действующий хозяйственный механизм слабо восприимчив к инновациям, не в полной мере обеспечивает целостность и непрерывность инновационных процессов. Указанная проблематика частично нашла свое отражение в работе [1].

В целях государственной поддержки научно-технологического развития Постановлением Правительства РФ от 29 марта 2019 г. № 377 утверждена государственная программа «Научно-технологическое развитие Российской Федерации» (ГП НТР). Анализ структуры ГП НТР (в редакции Постановления Правительства РФ от 4 марта 2026 г. № 230) свидетельствует о том, что она представляет собой набор зачастую автономных федеральных проектов и процессных мероприятий, направленных на развитие науки, высшего образования, научной и образовательной инфраструктуры. Инновационных проектов как таковых практически нет. В незначительной мере государственная поддержка инноваций решается в рамках государственной программы «Экономическое развитие и инновационная экономика», утверждённой Постановлением Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. № 316.

Анализ Федерального закона от 30 ноября 2024 г. № 419-ФЗ «О федеральном бюджете на 2025 год и на плановый период 2026 и 2027 годов» свидетельствует о том, что бюджетные ассигнования на финансовое обеспечение реализации ГП НТР были запланированы на 2025 г. в объёме 1474598.6 млн руб., на 2026 г. – 1615432.5 млн руб., на 2027 г. – 1624903.4 млн руб., а на государственную программу «Экономическое развитие и инновационная экономика» на 2025 г. 267722.7 млн руб., 2026 г. – 223111.9 млн руб., 2027 г. – 160459.1 млн руб. Следует отметить, что Федеральным законом от 4 ноября 2025 г. № 414-ФЗ

«О внесении изменений в Федеральный закон «О федеральном бюджете на 2025 год и на плановый период 2026 и 2027 годов»» предусмотрено уменьшение бюджетных расходов на реализацию ГП НТР в размере 7387.5 млн руб. В большей мере сокращение бюджетных расходов касается прикладных научных исследований и опытно-конструкторских работ. В частности, расходы на финансирование ведомственного проекта «Проведение прикладных научных исследований по широкому спектру направлений» уменьшены на 3212.7 млн руб., субсидии заказчикам средств производства и автоматизации на финансовое обеспечение затрат, связанных с проведением научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ по разработке специализированного оборудования федерального проекта «Развитие промышленной робототехники и автоматизации производства» – на 1480.0 млн руб.

В Федеральном законе от 28 ноября 2025 г. № 426-ФЗ «О федеральном бюджете на 2026 год и на плановый период 2027 и 2028 годов» бюджетные ассигнования на финансовое обеспечение реализации ГП НТР запланированы на 2026 г. в объёме 1625606.1 млн руб., на 2027 г. – 1723888.5 млн руб., на 2028 г. – 1786655.1 млн руб., а на государственную программу «Экономическое развитие и инновационная экономика» на 2026 г. 245489.3 млн руб., 2027 г. – 194512.7 млн руб., 2028 г. – 171238.6 млн руб. Как видно из представленных данных, в 2026 - 2028 гг. планируется дальнейшее снижение бюджетных расходов на государственную поддержку формирования и развития инновационной экономики.

Основная часть расходов на реализацию ГП НТР, как и прежде приходится на развитие высшего образования (55–57%). В приоритетном порядке из федерального бюджета финансируются образовательные организации высшего образования с особым правовым статусом, в частности, МГУ имени М.В. Ломоносова, Санкт-Петербургский государственный университет, образовательные организации, которым присвоена категория «федеральный университет» и «национальный исследовательский университет», а также созданные в особом правовом порядке автономные некоммерческие организации Сколковский институт науки и технологий, Научно-технологический университет «Сириус», Университет национальной технологической инициативы.

2. О направлениях совершенствования хозяйственного механизма для активизации научной, научно-технической и инновационной деятельности

В рыночной экономике инновационная деятельность – основная задача предпринимательского сектора, функционирующего в условиях высокой конкуренции. Однако в рамках сформированной в России социально-экономической системы хозяйствующие субъекты слабо включены в инновационные процессы. Казалось бы, они должны проявлять высокую инновационную активность, поскольку значительная часть выпускаемых ими товаров неконкурентоспособны на рынке, а ряд востребованной потребителями продукции не производится вовсе. В качестве основных причин низкой инновационной активности можно назвать неуверенность бизнеса в своих возможностях, неразвитость отечественного рынка научно-технической и инновационной продукции, отсутствие конкурентоспособных результатов интеллектуальной деятельности (РИД), отсутствие эффективных мер государственной поддержки инновационной деятельности. В частности, по данным Росстата в результате обследования деловой активности бизнеса в марте 2026 г., в котором приняли участие 4835 организаций обрабатывающих производств (без малых предприятий), значение индекса предпринимательской уверенности (с исключением сезонного фактора) составило минус один процент (-1%) [2, с. 20]. Более низкое значение предпринимательской уверенности в указанном периоде продемонстрировали организации розничной торговли – минус восемь процентов (-8%). Основными факторами, ограничивающими активность организаций розничной торговли, в I квартале 2026 г. как и в прошлые годы остаются высокий уровень налогов и недостаточный платежеспособный спрос населения [2, с. 83].

Кризисная ситуация в экономике негативно сказалась на демографии организаций. В январе – феврале 2026 г. было зарегистрировано 22 023 организации, а было ликвидировано 33 231 организация [2, с. 95]. Убыль составила 11 208 организаций. В большей мере отрицательная демография имела место у организаций гражданского сектора экономики, находящихся в частной собственности.

Отрицательное значение индекса предпринимательской уверенности свидетельствует о больших рисках ведения даже традиционного бизнеса, неустойчивости экономики, неуверенности в завтрашнем дне, невозможности что-то планировать даже на краткосрочную перспективу. Эту ситуацию усугубляет дефицит квалифицированных кадров, способных вести инновационный бизнес, а также моральное и физическое устаревание оборудования, на котором невозможно освоить и выпускать продукцию новых поколений.

В научной литературе сформулирован ряд предложений по совершенствованию государственной социально-экономической политики,

направленной на повышение роли науки, профессионального образования и человеческого капитала при переходе российской экономики на инновационный путь развития [3 - 5]. Одна из основных проблем – снижение кадрового потенциала научно-технической сферы, наличие диспропорций между структурой подготовки научных кадров и структурой рынка научного труда, структурой внутренних затрат на научные исследования и разработки (НИР) по областям науки [3]. Чтобы решить эту проблему, необходимо прежде всего существенно повысить социальный статус работников, занятых выполнением НИР, уровень финансового обеспечения научно-технологического развития, качество прогнозов социально-экономического развития и бюджетного планирования. В работе [4] показано, что значимость человеческого капитала в инновациях особенно ярко проявляется в развитых социально-экономических системах и значительно слабее – в отстающих. Согласно Докладу Программы развития ООН о развитии человеческого потенциала 2025 г. (по данным за 2023 г.), Россия занимает 64-е место по этому показателю среди 193 стран. Очевидно, что необходимо наращивать инвестиции в человеческий капитал, прежде всего в науку, образование, здравоохранение, культуру, до уровня передовых стран.

Чтобы обеспечить ускоренное научно-технологическое и социально-экономическое развитие, автор работы [5] предлагает наращивать инвестиции на реализацию мегапроектов, доля которых в валовом внутреннем продукте (ВВП) развитых стран составляет 20–30%. В качестве основных условий реализации мегапроектов названы такие, как достижение макроэкономической и геополитической стабильности, расширение международного научно-технического сотрудничества, трансформация нынешней социально-экономической системы, переход от государственно-олигархического капитализма с недоразвитым рынком и отсталой социальной сферой к социальному государству с развитым рынком, особенно рынком капитала с воспроизводством «длинных» денег для инвестиций в основной и человеческий капитал.

Действующий хозяйственный механизм не позволяет обеспечить даже простое воспроизводство продукции на основе улучшающих инноваций в условиях отрицательной предпринимательской уверенности бизнеса. Поэтому требуется его коренная модернизация. На первом её этапе необходимо разработать нормативную правовую базу, которая позволит провести институциональные изменения в экономике, выстроить социально-экономическую систему инновационного типа, сформировать развитый рынок товаров, работ, услуг, создать благоприятные условия для развития человеческого капитала и инновационного бизнеса. На втором этапе необходимо в краткосрочном периоде обеспечить реализацию законодательных норм в практической деятельности, ориентированные на сохранение и развитие интеллектуального потенциала общества, его широкое использование в практической деятельности.

Достижение технологического лидерства невозможно без инновационного потенциала, соответствующего масштабам и сложности реализуемых научно-технических и инновационных проектов [6]. В научно-технической сфере необходимо восстановить или лучше сказать создать заново на новой материально-технологической базе организации, без которых невозможно обеспечить реализацию проектов полного научно-технического и инновационного цикла. В первую очередь речь идет о конструкторских бюро (их число сократилось с 930 ед. в 1991 г. до 236 ед. в 2023 г.), а также проектных и проектно-изыскательских организациях (их число сократилось с 559 ед. в 1991 г. до 17 ед. в 2023 г.) [7, с. 18]; [8, с. 143]. Причем общее число организаций, выполняющих НИР, сократилось в указанном периоде не столь резко: с 4564 ед. в 1991 г. до 4125 ед. в 2023 г. В этой связи остро встанет на повестку дня вопрос кадрового обеспечения новых организаций прикладного сектора науки, если будет принято решение об их создании.

Анализ российской нормативной правовой базы и международного опыта позволяет сделать вывод о том, что научная, научно-техническая, технологическая, научно-технологическая деятельность являются хоть и самостоятельными, но всё же элементами инновационной деятельности. Вне содержания Закона № 523-ФЗ остались продуктные, маркетинговые, социальные, финансовые, управленческие и иные инновации. Необходимо отходить от практики разработки законов локального характера, ориентируясь на подготовку системного федерального закона «Об инновационной деятельности и государственной инновационной политике в Российской Федерации», регулирующего инновационные процессы в целом, охватывающие все виды инноваций. В нём следует чётко прописать цели, принципы, механизм формирования и реализации государственной инновационной политики, перечень основных участников инновационной деятельности, их место и роль в реализации проектов и программ полного инновационного цикла.

Наряду с законом «Об инновационной деятельности…» нужно разработать целый ряд сопряжённых законопроектов, чтобы обеспечить правовую основу эффективного организационно-экономического механизма формирования и реализации государственной инновационной

политики путём внесения соответствующих изменений в бюджетное, налоговое, трудовое законодательство, о закупках товаров, работ и услуг для государственных нужд и др. В работе [9] предложены конкретные рекомендации по совершенствованию кредитной политики, налогового и бюджетного законодательства в части стимулирования развития науки и инноваций.

Сейчас можно констатировать, что вместо предложенного снижения налоговой нагрузки на бизнес на федеральном уровне она была увеличена, что существенно ухудшило и без того неблагоприятный инвестиционный климат. В частности, Федеральным законом от 12 июля 2024 г. № 176-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации, отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» с 1 января 2025 г. ставка по налогу на прибыль была увеличена с 20 до 25%. Федеральным законом от 28 ноября 2025 г. № 425-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу законодательных актов (отдельных положений законодательных актов) Российской Федерации» (Закон № 425-ФЗ) предусмотрено дальнейшее повышение налогов, в частности, увеличение ставки налога на добавленную стоимость с 20 до 22% с 1 января 2026 г. Законом № 425-ФЗ также внесены значительные изменения в Налоговый кодекс РФ для предпринимателей, применяющих специальные налоговые режимы (упрощенную систему налогообложения и патентную систему налогообложения). В частности, с 1 января 2026 г. снижен лимит доходов для налогоплательщиков, в основном малых и средних предприятий, индивидуальных предпринимателей, что значительно уменьшает количество хозяйствующих субъектов, претендующих на получение права на использование специальных налоговых режимов.

Анализ структуры доходов консолидированного бюджета РФ свидетельствует о том, что основная часть средств, полученная за счет налогов, сборов и иных обязательных платежей, сконцентрирована в федеральном бюджете. Например, в январе 2026 г. доходы федерального бюджета составили 2364.3 млрд руб., а доходы консолидированных бюджетов субъектов РФ почти вдвое меньше – 1209.8 млрд руб. [2, с. 130]. Очевидно, что при такой структуре консолидированного бюджета РФ основным источником финансирования научной, научно-технической и инновационной деятельности, инвестиций в человеческий капитал должен стать федеральный бюджет. В дальнейшем необходимо проводить сбалансированную налоговую и бюджетную политику для того, чтобы ныне дотационные регионы в последующем могли бы сами из своих доходов в большей мере инвестировать средства на научно-технологическое и инновационное развитие.

Анализ Федерального закона от 30 ноября 2024 г. № 419-ФЗ «О федеральном бюджете на 2025 год и на плановый период 2026 и 2027 годов» показал, что удельный вес расходов на научно-технологическое и инновационное развитие, включая расходы на высшее образование, в 2025 г. составил 3.9% расходной части федерального бюджета. Такой бюджет нельзя назвать бюджетом инновационного развития, и он нуждается в реструктуризации. В среднесрочной перспективе долю расходов на научно-технологическое и инновационное развитие необходимо увеличить до 20–25% расходной части бюджета путем внесения изменений в Федеральный закон от 28 ноября 2025 г. № 426-ФЗ «О федеральном бюджете на 2026 год и на плановый период 2027 и 2028 годов». Следует отметить, что наряду с федеральным бюджетом необходимо переформатировать также бюджеты субъектов РФ (как бюджеты инновационного развития), государственных корпораций и хозяйственных обществ с долей государственной собственности для увеличения расходных обязательств, направленных на рост инвестиций в человеческий и основной капитал на паритетных условиях с частным бизнесом до 45–50% ВВП, включая расходы на увеличение финансирования науки до уровня развитых стран (2.5–4.5% ВВП).

Особенно важна такая реструктуризация в условиях кризисного состояния экономики, роста дефицита федерального бюджета по сравнению с запланированными значениями. Так, Федеральным законом от 4 ноября 2025 г. № 414-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О федеральном бюджете на 2025 год и на плановый период 2026 и 2027 годов» бюджетный дефицит в 2025 г. увеличен до 5736. 4 млрд руб. Ранее Федеральным законом от 30 ноября 2024 г. № 419-ФЗ «О федеральном бюджете на 2025 год и на плановый период 2026 и 2027 годов» дефицит бюджета был определён в размере 1173.4 млрд руб., то есть рост достиг в 4.9 раза. Данный факт наряду с углублением кризисных тенденций в экономике свидетельствует о необходимости существенного повышения качества разрабатываемых прогнозов социально-экономического развития и бюджетного планирования.

Поскольку бюджеты формируются в основном на программной основе, необходимо трансформировать действующие государственные программы «Научно-технологическое развитие Российской Федерации» и «Экономическое раз-

витие и инновационная экономика» в единую государственную программу «Научно-технологическое и инновационное развитие экономики». Программа должна представлять собой совокупность научных, научно-технических проектов и проектов полного инновационного цикла при условии исключения из неё непрофильных инициатив. В новой государственной программе нужно отразить национальные цели, согласовав их с целями и экономическими интересами конкретных исполнителей. В паспорт новой государственной программы целесообразно внести показатели, отражающие достижение технологического лидерства, стоимость РИД в составе нематериальных активов, доходы от их вовлечения в хозяйственный оборот.

Заключение

Проведенный в статье анализ показал, что одним из ключевых факторов, препятствующих переходу экономики страны на инновационный путь развития и достижения технологического лидерства является низкая (отрицательная) предпринимательская уверенность бизнеса. Вероятность достижения технологического лидерства зависит от качества проводимой государственной социально-экономической политики, включая бюджетную, налоговую, кредитную, научно-техническую и инновационную политику. Для повышения предпринимательской уверенности бизнеса необходимо не увеличивать для него налоговую нагрузку, а наоборот – ее снижать, позволяя тем самым обеспечить рост платежеспособного спроса на научно-техническую и инновационную продукцию.

В социально-экономической системе, в которой налоговая и кредитная политика слабо влияют на стимулирование науки и инноваций, прямое бюджетное финансирование остаётся основным инструментом государственной поддержки научно-технологического и инновационного развития. В нынешних российских реалиях, когда основная часть финансовых ресурсов страны сконцентрирована в федеральном бюджете, вероятность достижения технологического лидерства в основном зависит от качества бюджетного прогнозирования и планирования, объема и структуры бюджетных ассигнований, направляемых на развитие инновационного бизнеса.

Модернизация действующего хозяйственного механизма, разработка эффективной государственной социально-экономической политики должны базироваться на независимой научной экспертизе. Законодательного обеспечения такой экспертизы до сих пор нет. Внесённый Правительством РФ в Государственную думу 26 января 2023 г. законопроект № 285562-8 «О внесении изменений в статьи 14 и 151 Федерального закона «О науке и государственной научно-технической политике»» и статьи 7 и 12 Федерального закона «О Российской академии наук, реорганизации государственных академий наук и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в части законодательного обеспечения научной экспертизы принят Государственной думой только в первом чтении (Постановление ГД № 3317-8 ГД от 16 марта 2023 г.). Необходимо ускорить доработку, рассмотрение и принятие указанного законопроекта. При его доработке необходимо учесть, что объектами научной экспертизы должны быть не только проекты в сфере науки и инноваций, но и проекты социально-экономической, бюджетной, образовательной, внешнеполитической, экологической и иной политики. Научной экспертизой следует охватить все сферы экономики и виды деятельности во избежание дорогостоящих ошибок и просчётов при принятии необоснованных решений.

Список литературы:

[1] Тодосийчук А. В. Формирование и реализация государственной политики в области научно-технологического развития // Региональный экономический журнал. – 2024. – № 1(36). – С. 35-44. – EDN ZWLFFO.

[2] Социально-экономическое положение России. М.: Федеральная служба государственной статистики, 2026. № 2. - 300 с.

[3] Тодосийчук А. В. Кадровое обеспечение достижения целей научно-технологического развития // Образование и право. – 2025. – № 4. – С. 522-530. – DOI 10.24412/2076-1503-2025-4-522-530. – EDN HGLIFZ.

[4] Самородова Е.М., Тычинская И.А., Караева Е.Н. Сравнительный анализ стран по индексу инновационного развития и качеству человеческого капитала // Экономическая среда. 2025. Т. 14. № 1. С. 6–23. DOI: 10.22394/ee251.6-23

[5] Аганбегян А.Г. Мегапроекты и их роль в научно-технологическом и социально-экономическом развитии России на перспективу // Экономическое возрождение России. 2025. № 2 (84). С. 21–39. DOI 10.37930/1990-9780-2025-2-84-21-39

[6] Тодосийчук А. В. Инновационный потенциал как стратегический фактор развития экономики // Российский научный вестник. – 2026. – № 2. – С. 92-97. – DOI 10.24412/2782-3830-2026-2-92-97. – EDN WOGMXO.

[7] Российский статистический ежегодник. 1994. Статистический сборник. 1994/Госкомстат России. – М., 1994: 799 с.

[8] Наука. Технологии. Инновации: 2025: краткий стат. сборник /Л.М. Гохберг, К.А. Дитковский, М.Н. Коцемир и др. М.: ИСИЭЗ ВШЭ, 2025. – 104 с.

[9] Тодосийчук А. В. Государственное стимулирование процессов создания и использования научно-технической продукции // Научно-техническая информация. Серия 1: Организация и методика информационной работы. – 2025. – № 5. – С. 1-9. – DOI 10.36535/0548-0019-2025-05-1. – EDN DIPXTA.

References:

[1] Todosiichuk A.V. Formation and implementation of state policy in the field of scientific and technological development// Regional Economic Journal. – 2024. – № 1(36). – Pp. 35-44. – EDN ZWLFFO.

[2] Socio-economic situation of Russia. Moscow: Federal State Statistics Service, 2026, No. 2. – 300 p.

[3] Todosiichuk A.V. Personnel support for achieving the goals of scientific and technological development // Education and Law. – 2025. – No. 4. – Pp. 522-530. – DOI 10.24412/2076-1503-2025-4-522-530. – EDN HGLIFZ.

[4] Samorodova E.M., Tychinskaya I.A., Karaeva E.N. Comparative analysis of countries by the index of innovative development and the quality of human capital // The economic environment. 2025. Vol. 14. No. 1. pp. 6-23. DOI: 10.22394/ee251.6-23

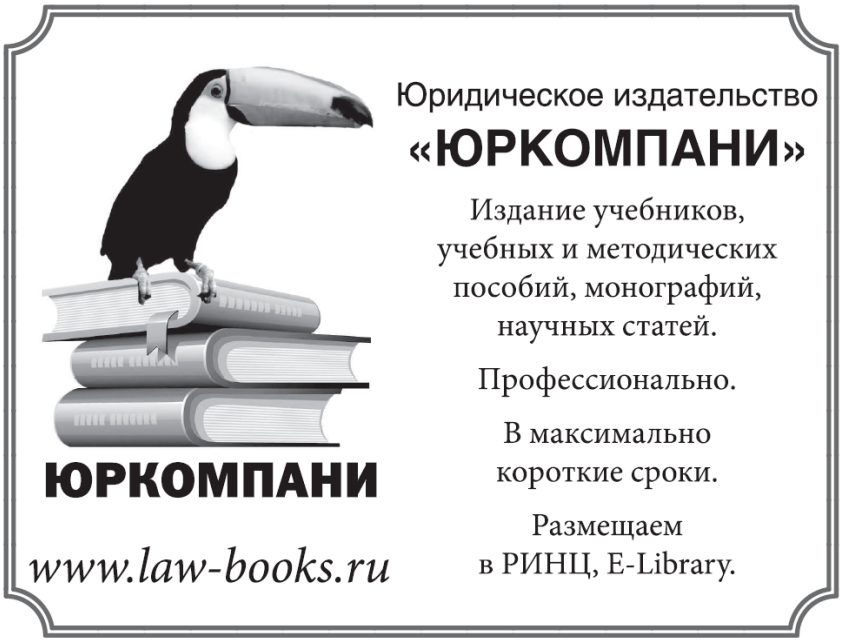
[5] Aganbegyan A.G. Megaprojects and their role in scientific, technological and socio-economic development of Russia in the future // The economic revival of Russia. 2025. No. 2 (84). pp. 21-39. DOI 10.37930/1990-9780-2025-2-84-21-39

[6] Todosiichuk A.V. Innovation potential as a strategic factor in economic development// Russian Scientific Bulletin. – 2026. – No. 2. – pp. 92-97. – DOI 10.24412/2782-3830-2026-2-92-97. – EDN WOGMXO.

[7] Russian Statistical Yearbook. 1994. Statistical collection. 1994/Goskomstat of Russia. Moscow, 1994: 799 p.

[8] Science. Technologies. Innovation: 2025: a brief stat. collection /L.M. Gokhberg, K.A. Ditkovsky, M.N. Kotsemir, and others. Moscow: ISIEZ HSE, 2025. – 104 p.

[9] Todosiichuk A. V. State Stimulation of Creation Processes and the Use of Scientific and Technical Products // Scientific and Technical Information Processing. – 2025. – Vol. 52, No. 2. – P. 102-109. – DOI 10.3103/S0147688225700133. – EDN MGHEFN.

Дата поступления рукописи в редакцию: 18.04.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.05.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3830-2026-4-36-41

ЧЕРНОВА Анна Михайловна,
адъюнкт, кафедра уголовной политики,
Академия управления Министерства внутренних дел
Российской Федерации,
e-mail: annachernova557@gmail.com

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА И МЕРЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ В СФЕРЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ НАРУШЕНИЙ ПРАВИЛ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ И ЭКСПЛУАТАЦИИ ТРАНСПОРТНЫХ СРЕДСТВ

Аннотация. *Предметом исследования в данной статье выступили меры уголовно-правового воздействия в сфере обеспечения безопасности дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, как часть государственной политики Российской Федерации. Основная цель исследования состоит в определении места и роли мер уголовно-правового воздействия в сфере обеспечения безопасности дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, как части государственной политики. Методология настоящего исследования основана на диалектическом методе познания, который позволил выявить основные виды и цели мер уголовно-правового воздействия в сфере обеспечения безопасности дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, в том числе, установление ответственности за преступления, охватываемые составами статей 264.1-264.3 Уголовного кодекса Российской Федерации. Исследование диалектического метода исследования, также позволило раскрыть направления государственной политики Российской Федерации в части регулирования безопасности дорожного движения и эксплуатации транспортных средств. Также в ходе исследования применялись такие методы научного анализа, как обобщение, сравнение, логический метод и другие. Результаты исследования позволили автору сделать вывод о том, что меры уголовно-правового воздействия, как важная часть государственной политики Российской Федерации в сфере обеспечения безопасности дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, направлены, прежде всего на формирование устойчивых предпосылок для снижения количества преступных нарушений, снижение аварийности и имущественного (материального) вреда, причиняемых рассматриваемым общественным отношениям. Научная новизна исследования состоит в выводах автора о том, что совершенствование системы мер уголовно-правового воздействия в сфере предупреждения нарушений правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств направлено на ужесточение уголовной ответственности за повторные нарушения в дорожно-транспортной сфере и повышение эффективности профилактики подобных уголовно-наказуемых нарушений.*

В свою очередь, профилактика, как часть системы мер уголовно-правового воздействия в сфере предупреждения нарушений правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, не имея репрессивного характера по сравнению с мерами уголовно-правового воздействия, также является важной частью государственной политики в области обеспечения безопасности дорожного движения, обеспечивая: во-первых, проведение информационно-разъяснительной работы среди участников дорожного движения и иных категорий населения о требованиях и правила, установленных в сфере обеспечения безопасности дорожного движения и эксплуатации транспорта, значимости сохранения их жизни и здоровья, а также минимизации материального ущерба, имеющих место в ходе нарушений установленных норм и правил; во-вторых, активизацию взаимодействия субъектов, обеспечивающих безопасность в дорожно-транспортной сфере с населением путем организации специализированных рейдов и проверок соблюдения Правил дорожного движения, выявления типичных ошибок и распространения позитивных примеров правильного поведения на дороге.

Ключевые слова: *административная преюдиция, безопасность дорожного движения, водитель, Правила дорожного движения, транспортное средство, уголовная ответственность, эксплуатация транспорта.*

CHERNOVA Anna Mikhailovna,
Adjunct, Department of Criminal Policy,
Academy of Management of the Ministry
of Internal Affairs of the Russian Federation

STATE POLICY AND CRIMINAL LAW MEASURES TO PREVENT VIOLATIONS OF ROAD TRAFFIC RULES AND VEHICLE OPERATION

Annotation. *The subject of this article is the criminal law measures in the field of road safety and vehicle operation, as part of the state policy of the Russian Federation. The main goal of this study is to determine the place and role of criminal law measures in the field of road safety and vehicle operation, as part of the state policy. The methodology of this study is based on the dialectical method of cognition, which allowed us to identify the main types and goals of criminal law measures in the field of road safety and vehicle operation, including the establishment of liability for crimes covered by Articles 264.1-264.3 of the Criminal Code of the Russian Federation. The study of the dialectical research method also allowed us to reveal the directions of the Russian Federation's state policy in terms of regulating road safety and vehicle operation. The study also used scientific analysis methods such as generalization, comparison, the logical method, and others. The results of the study allowed the author to conclude that criminal law measures, as an important part of the state policy of the Russian Federation in the field of road safety and vehicle operation, are primarily aimed at creating sustainable prerequisites for reducing the number of criminal violations, reducing accidents and property (material) damage caused by the considered public relationships. The scientific novelty of the study lies in the author's conclusions that the improvement of the system of criminal penalties for traffic violations and vehicle operation is aimed at increasing criminal liability for repeated violations in the road transport sector and improving the effectiveness of preventing such criminal violations.*

In turn, prevention, as part of the system of criminal law measures aimed at preventing violations of traffic rules and vehicle operation, is not repressive in comparison with criminal law measures, and is also an important part of the state policy in the field of road safety, ensuring: firstly, the implementation of information and educational activities among road users and other categories of the population on the requirements and rules established in the field of road safety and vehicle operation, the importance of preserving their lives and health, and minimizing the material damage caused by violations of established norms and rules; secondly, the activation of interaction between road safety agencies and the general public through the organization of specialized patrols and inspections of traffic regulations, the identification of typical mistakes, and the dissemination of positive examples of proper road behavior.

Key words*: administrative prejudicial, road safety, driver, traffic regulations, vehicle, criminal liability, vehicle operation.*

Признавая в качестве основной цели реализации государственной политики в сфере обеспечения безопасности дорожного движения максимальное снижение риска дорожно-транспортных происшествий и смертности участников дорожного движения, а также уменьшение тяжести иных сопутствующих последствий, возникающих в результате аварий и происшествий, уполномоченные субъекты предпринимают ряд мер, направленных на профилактику и своевременное предотвращения нарушений правил дорожного движения (далее - ПДД) и правильной эксплуатации транспортных средств. Данные меры, как полагаем, могут быть объединены в единую систему, состоящую из ряда взаимосвязанных звеньев и элементов: от совершенствования законодательства до модернизации дорожно-транспортной инфраструктуры.

Ключевым звеном системы обеспечения безопасности дорожного движения и государственной политики Российской Федерации, реализуемой в данном направлении, выступает совершенствование законодательства, в том числе связанного с мерами уголовно-правового воздействия на нарушителей в дорожно-транспортной сфере.

Стоит учитывать, что правовую основу для введения специальных мер предупреждения и воздействия на правонарушителей в дорожно-транспортной сфере составляют нормы федерального закона от 10.12.1995 г. №196-ФЗ «О безопасности дорожного движения» [4]. Отметим, что последние изменения, внесенные в данный законодательный акт связаны с совершенствованием порядка медицинского освидетельствова-

ния водителей, оценки образовательных программ автошкол и регулирования перевозок грузов.

Важно отметить, что в соответствии с федеральным законом от 7.07.2025 г. №200-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О безопасности дорожного движения» и статью 10 Федерального закона «О персональных данных» [9] ряд медицинских освидетельствований водителей будет проводится исключительно в лицензированных медицинских организациях. Также важное значение для обеспечения безопасности дорожного движения имеют нововведения, связанные с появлением нового основания для прекращения права на управление транспортным средством. Таковым теперь выступает неисполнение требования о прохождении внеочередного медицинского освидетельствования.

В 2024-2026 гг. ряд существенных изменений было внесено в административное законодательство Российской Федерации. Основными ориентирами государственной политики в данном направлении выступают: ужесточение ответственности за административные нарушения, посягающие на безопасность и порядок в сфере дорожного движения. Так, например, федеральный закон от 26.12.2024 г. №490-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» [8] ужесточил ответственность за ряд нарушений ПДД, например, увеличил штрафы за управление автомобилем в состоянии опьянения, превышение скорости, непристёгнутый ремень безопасности, проезд на красный сигнал светофора и другие. Такое повышение штрафов, как полагаем, будет способствовать более строгому соблюдению порядка в сфере дорожного движения и эксплуатации транспортных средств. С 1 сентября 2025 г. актуализирован перечень медицинских противопоказаний к управлению транспортным средством, введены новые правила контроля за движением пассажирского и грузового транспорта, что, как полагаем, будет способствовать снижению числа нарушений, связанных с состоянием здоровья водителей и техническим состоянием транспорта. С 1 апреля 2026 г. будут действовать нововведения, касающиеся повышения эффективности контроля за соблюдением правил и, как следствие, на профилактику нарушений в области дорожного движения и эксплуатации транспорта.

Основные направления мер уголовно-правового воздействия в сфере предупреждения нарушений правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, реализуемых в Российской Федерации, можно представить в виде следующих блоков:

1. Установленная законом уголовная ответственность за нарушение Правил дорожного движения и неправильную эксплуатацию транспортных средств.
2. Применение профилактических мер для предотвращения нарушений в сфере обеспечения безопасности дорожного движения и эксплуатации транспортных средств.
3. Механизмы реализации и исполнения норм действующего законодательства и процедур в сфере обеспечения безопасности дорожного движения и эксплуатации транспортных средств.

Уголовная ответственность, как мера уголовно-правового воздействия в сфере предупреждения нарушений правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, выступающая объектом государственной политики Российской Федерации, представляют особый интерес в контексте рассматриваемой темы. Данное обстоятельство связано, в первую очередь с изменениями, которые были внесены в 2021-2022 гг. в Уголовный кодекс РФ (далее – УК РФ) [3].

Указанные изменения были связаны, в том числе, на совершенствование системы мер уголовно-правового воздействия в сфере предупреждения нарушений правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а именно с введением новых статей УК РФ и ужесточением ответственности за повторные уголовно-наказуемые нарушения в рассматриваемой сфере, т.е. интегрированием инструментов и механизмов института административной преюдиции в рассматриваемый вид правовых отношений. Федеральным законом от 30.12.2021 г. №458-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 150 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» [6] Уголовный кодекс РФ был дополнен статьей 264.2, которая устанавливает ответственность за нарушение правил дорожного движения, предусмотренных ч. 4 или 5 ст. 12.9 КоАП РФ либо ч. 4 ст. 12.15 КоАП РФ, если это совершает лицо, подвергнутое административному наказанию и лишено права управления транспортными средствами за аналогичные нарушения (часть 1), а также предусматривает повышенную ответственность, если такое нарушение совершает лицо, имеющее судимость за преступление по этой же статье (часть 2).

Федеральным законом от 14.07.2022 г. №258-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 150 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» [7] в Уголовный кодекс РФ была добавлена статья 264.3, часть 1 которой устанав-

ливает ответственность за управление автомобилем, трамваем или другим механическим транспортным средством лицом, лишённым права управления и подвергнутым административному наказанию за деяние, предусмотренное ч. 4 ст. 12.7 КоАП РФ, а часть 2 - предусматривает ответственность за управление транспортным средством лицом, лишённым права управления, имеющим судимость за определённые преступления, связанные с нарушением ПДД (например, по пункту «в» части 2, 4 или 6 статьи 264 УК РФ или по статье 264.3 УК РФ).

Также Федеральным законом от 14 июля 2022 года №258-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 150 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» части 2, 4 и 6 статьи 264 УК РФ были дополнены новым квалифицирующим признаком - повышенные меры ответственности за нарушение ПДД или эксплуатации транспортных средств, повлёкшее по неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью человека или смерть, если оно совершено лицом, не имеющим или лишённым права управления транспортными средствами.

Помимо этого, рассматриваемым законом перечень предметов для возможной конфискации в статье 104.1 УК РФ был дополнен новым подпунктом «д»: «транспортного средства, принадлежащего обвиняемому и использованного им при совершении преступления, предусмотренного статьёй 264.1, 264.2 или 264.3 настоящего Кодекса» [3]. Что позволяет сделать вывод о том, что конфискация транспортного средства возможна при совершении преступлений, предусмотренных этими статьями.

Не осталось без внимания законодателя и содержание актов судебного толкования. Так, ввиду заданного направления совершенствования мер уголовно-правового воздействия в сфере предупреждения нарушений правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, реализуемых в Российской Федерации, в постановление Пленума Верховного Суда РФ от 9.12.2008 г. №25 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения» [12] вносились изменения, в том числе связанные с новыми статьями 264.2 и 264.3 УК РФ. Например, в преамбуле постановления к ранее указанным статьям были добавлены 264.2 и 264.3 УК РФ.

Итак, рассмотренные изменения и дополнения, связанные с совершенствованием системы мер уголовно-правового воздействия в сфере предупреждения нарушений правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, направлены на ужесточение уголовной ответственности за повторные нарушения в дорожно-транспортной сфере и повышение эффективности профилактики подобных уголовно-наказуемых нарушений.

Профилактика, как часть системы мер уголовно-правового воздействия в сфере предупреждения нарушений правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, не имея репрессивного характера по сравнению с рассмотренными выше мерами уголовно-правового воздействия, включает ряд образовательных и организационных мероприятий. Данные меры уголовно-правового воздействия также являются важной частью государственной политики в области обеспечения безопасности дорожного движения, обеспечивая:

– во-первых, проведение информационно-разъяснительной работы среди участников дорожного движения и иных категорий населения о требованиях и правила, установленных в сфере обеспечения безопасности дорожного движения и эксплуатации транспорта, значимости сохранения их жизни и здоровья, а также минимизации материального ущерба, имеющих место в ходе нарушений установленных норм и правил;
– во-вторых, активизацию взаимодействия субъектов, обеспечивающих безопасность в дорожно-транспортной сфере с населением путем организации специализированных рейдов и проверок соблюдения ПДД, выявления типичных ошибок и распространения позитивных примеров правильного поведения на дороге.

Механизмы реализации и исполнения норм действующего законодательства и процедур в сфере обеспечения безопасности дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, как часть системы мер уголовно-правового воздействия на преступность в рассматриваемой сфере, предполагает, прежде всего:

– быструю фиксацию случаев нарушений в сфере обеспечения безопасности дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, четкое документальное оформление выявленных признаков преступных деяний и передача материалов в компетентные органы для дальнейшего расследования;
– своевременное привлечение виновных лиц к уголовной ответственности за нарушения в сфере обеспечения безопасности дорожного движения и эксплуатации транспортных средств с учетом индивидуальных особенностей ситуации и конкретных последствий допущенных ими нарушений;

– соблюдение законных процессуальных требований судопроизводства по уголовным делам о нарушениях в сфере обеспечения безопасности дорожного движения и эксплуатации транспортных средств.

Отметим, что с 2025 г. в Российской Федерации реализуется национальный проект «Инфраструктура для жизни», целью которого является «комплексное развитие населённых пунктов, в том числе строительство и ремонт жилья и дорог, благоустройство общественных и дворовых пространств, создание и обновление сопутствующей социальной и коммунальной инфраструктуры, рост числа комфортных маршрутов общественного транспорта» [11]. В части обеспечения безопасности дорожного движения Национальный проект «Инфраструктура для жизни» ориентирован на повышение степени защищенности участников дорожного движения от дорожно-транспортных происшествий и их последствий, уровня материально-технического оснащения контрольно-надзорных органов и аварийно-спасательных служб, совершенствование деятельности по организации дорожного движения и модернизации дорожной инфраструктуры, развитие информационных технологий, проведение воспитательной работы, в том числе среди несовершеннолетних участников дорожного движения и их родителей, а также на повышение уровня технической безопасности транспортных средств и совершенствование системы оказания помощи пострадавшим в дорожно-транспортных происшествиях.

Указом Президента Российской Федерации от 07.05.2024 г. №309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» [10] в качестве целевых показателей и задачи, выполнение которых характеризует достижение национальной цели «Реализация потенциала каждого человека, развитие его талантов, воспитание патриотичной и социально ответственной личности» определено «снижение смертности в результате дорожно-транспортных происшествий в полтора раза к 2030 году и в два раза к 2036 году по сравнению с показателем 2023 года».

Таким образом, рассмотренные меры уголовно-правового воздействия, как важная часть государственной политики Российской Федерации в сфере обеспечения безопасности дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, направлены, прежде всего на формирование устойчивых предпосылок для снижения количества преступных нарушений, снижение аварийности и имущественного (материального) вреда, причиняемых рассматриваемым общественным отношениям.

Список литературы:

[1] Конституция Российской Федерации от 12.12.1993 г. (с учетом изм. от 4.10.2022 г.) // РГ. 1993. №237.

[2] Уголовный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 13.06.1996 г. №63-ФЗ (в ред. от 17.12.2025 г.)// СЗ РФ. 1996. №25. Ст. 2954.

[3] Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: федеральный закон от 30.12.2001 №195-ФЗ (ред. от 12.11.2024 г.) // СЗ РФ. 2002. №1 (ч. 1). Ст.1.

[4] Федеральный закон от 10.12.1995 г. №196-ФЗ «О безопасности дорожного движения» (в ред. от 27.10.2022 г.) // СЗ РФ. 1995. №50. Ст.4873.

[5] Федеральный закон от 31.12.2014 г. N 528-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросу усиления ответственности за совершение правонарушений в сфере безопасности дорожного движения» // СЗ РФ. 2015. N 1 (часть I). Ст. 81.

[6] Федеральный закон от 30.12.2021 г. N 458-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 150 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 2022. N 1 (часть I). Ст. 27.

[7] Федеральный закон от 14.07.2022 г. N258-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 150 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 2022. N 29 (часть II). Ст. 5225.

[8] Федеральный закон от 26.12.2024 г. №490-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» // СЗ РФ. 2024. №53 (ч. I). Ст. 8500.

[9] Федеральный закон от 7.07.2025 г. №200-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О безопасности дорожного движения» и статью 10 Федерального закона «О персональных данных» // СЗ РФ. 2025. №28. Ст.3840.

[10] Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2024 г. №309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» [Электронный ресурс] // Режим доступа: pravo.gov.ru (дата обращения: 10.02.2026 г.).

[11] Постановление Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации от 27.11.2024 г. N 530-СФ «О национальном проекте «Инфраструктура для жизни» [Электронный ресурс] // Режим доступа: pravo.gov.ru (дата обращения: 10.02.2026 г.).

[12] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 9.12.2008 г. №25 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения» (в ред. от 25.06.2024 г.) // Бюллетень ВС РФ. 2009. №2, февраль.

References:

[1] The Constitution of the Russian Federation of 12.12.1993 (as amended dated 4.10.2022) // WG. 1993. No. 237.

[2] The Criminal Code of the Russian Federation: Federal Law No. 63-FZ dated 13.06.1996 (as amended. dated 17.12.2025)// СЗ РФ. 1996. No. 25. Art. 2954.

[3] The Code of Administrative Offences of the Russian Federation: Federal Law No. 195-FZ dated 12.12.2001 (as amended on 12.11.2024) // SZ RF. 2002. No. 1 (Part 1). Article 1.

[4] Federal Law No. 196-FZ dated 10.12.1995 «On Road Safety» (as amended by dated 27.10.2022) // SZ RF. 1995. No. 50. Art. 4873.

[5] Federal Law dated 31.12.2014 No. 528-FZ «On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation on Strengthening Responsibility for Offenses in the Field of Road Safety» // SZ RF. 2015. No. 1 (Part I). Art. 81.

[6] Federal Law No. 458-FZ of 12/30/2021 «On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and Articles 31 and 150 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation» // SZ RF. 2022. N 1 (Part I). Art. 27.

[7] Federal Law No. 258 of 07/14/2022-Federal Law «On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and Articles 31 and 150 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation» // SZ RF. 2022. N 29 (Part II). Art. 5225.

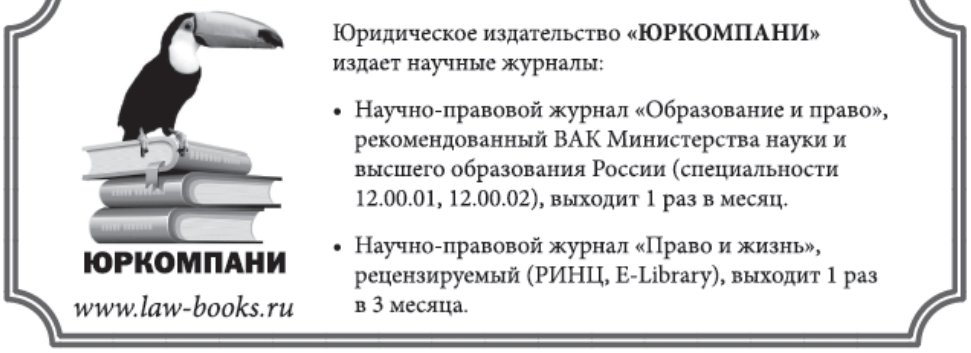
[8] Federal Law No. 490-FZ dated December 26, 2024, «On Amendments to the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation» // Federal Law Gazette. 2024. No. 53 (Part I). Art. 8500.

[9] Federal Law No. 200-FZ dated July 7, 2025, «On Amendments to the Federal Law on Road Safety and Article 10 of the Federal Law on Personal Data» // Federal Law No. 28, Article 3840.

[10] Decree of the President of the Russian Federation No. 309 dated May 7, 2024, "On the National Development Goals of the Russian Federation for the Period up to 2030 and for the Prospect until 2036" [Electronic resource] // Access mode: pravo.gov.ru (accessed on February 10, 2026).

[11] Resolution of the Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation dated November 27, 2024, No. 530-SF «On the National Project «Infrastructure for Life» [Electronic resource] // Access mode: pravo.gov.ru (accessed on 10.02.2026).

[12] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 25 dated 9.12.2008 «On Judicial Practice in Cases of Crimes Related to Violations of Traffic Regulations and the Operation of Vehicles, as well as Their Misappropriation without the Purpose of Theft» (as amended. dated 25.06.2024) // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2009. No. 2, February.

Юридическое издательство **«ЮРКОМПАНИ»** издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.

Дата поступления рукописи в редакцию: 26.03.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.05.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3830-2026-4-42-48

НАЛБАНДЯН Альберт,
аспирант кафедры государственно-правовых теоретических дисциплин Международный инновационный университет, г. Сочи, Россия,
e-mail: albertnalbandyan@yandex.ru

СООТНОШЕНИЕ КОНТРОЛЬНЫХ И СТИМУЛИРУЮЩИХ ЭЛЕМЕНТОВ В СТРУКТУРЕ ПУБЛИЧНО-ПРАВОВОГО МЕХАНИЗМА ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИНТЕРЕСОВ ГОСУДАРСТВА И ОБЩЕСТВА

Аннотация. *В статье исследуется соотношение контрольных и стимулирующих элементов в структуре публично-правового механизма обеспечения интересов государства и общества. Актуальность темы определяется тем, что современная модель публичного управления требует не только поддержания законности, прозрачности и управляемости, но и создания правовых условий для участия общества в реализации публично значимых функций. Цель исследования состоит в выявлении содержания контрольных и стимулирующих элементов публично-правового механизма, анализе причин их институционального дисбаланса и определении направлений совершенствования действующей модели. Методологическую основу составили системный, сравнительно-правовой и институциональный методы. Установлено, что контрольные и стимулирующие средства не являются взаимоисключающими, а образуют взаимосвязанные элементы единого публично-правового механизма. Выявлено, что в современной российской системе контрольный блок получил более высокую степень нормативной детализации, организационной обеспеченности и практической реализуемости, чем стимулирующий. Это затрудняет развитие партнерских форм взаимодействия государства и общества и ограничивает потенциал гражданского участия. Обосновано, что совершенствование механизма должно быть связано с усилением координационных и стимулирующих средств без отказа от необходимого публичного контроля.*

Ключевые слова: *публично-правовой механизм, государство, общество, публичное управление, публичный контроль, стимулирующие средства, гражданское общество, правовое регулирование.*

NALBANDYAN Albert,
Postgraduate Student of the Department of State-Legal Theoretical Disciplines International Innovative University, Sochi, Russia

CORRELATION OF CONTROL AND STIMULATING ELEMENTS IN THE STRUCTURE OF THE PUBLIC-LAW MECHANISM FOR ENSURING THE INTERESTS OF THE STATE AND SOCIETY

Annotation. *The article examines the correlation of control and stimulating elements in the structure of the public-law mechanism for ensuring the interests of the state and society. The relevance of the topic is determined by the fact that the modern model of public administration requires not only the maintenance of legality, transparency and manageability, but also the creation of legal conditions for public participation in the implementation of socially significant functions. The purpose of the study is to identify the content of control and stimulating elements of the public-law mechanism, analyze the causes of their institutional imbalance and determine directions for improving the current model. The methodological basis includes systemic, comparative legal and institutional methods. It is established that control and stimulating means are not mutually exclusive, but form interrelated elements of a unified public-law mechanism. It is revealed that in the modern Russian system the control block has received a higher degree of normative detail, organizational*

support and practical implementation than the stimulating one. This complicates the development of partnership forms of interaction between the state and society and limits the potential of civic participation. It is substantiated that improvement of the mechanism should be associated with strengthening coordination and stimulating means without abandoning the necessary public control.

Key words*: public-law mechanism, state, society, public administration, public control, stimulating means, civil society, legal regulation.*

Введение

В современной системе публичного управления вопрос о соотношении контроля и стимулирования приобретает принципиальное значение. Государство не может отказаться от публичного контроля, поскольку через него обеспечиваются законность, прозрачность и институциональная устойчивость общественно значимой деятельности. Однако устойчивость публичного порядка определяется не только эффективностью надзорных средств, но и способностью государства создавать правовые условия для общественного участия, инициативы и партнерского взаимодействия. Именно поэтому контрольные и стимулирующие элементы следует рассматривать не изолированно, а как взаимосвязанные компоненты единого публично-правового механизма.

В российской правовой системе данное соотношение складывается неравномерно. Контрольные элементы, как правило, обладают более высокой степенью нормативной проработанности, административной обеспеченности и практической реализуемости, тогда как стимулирующие средства носят менее устойчивый и фрагментарный характер. Это приводит к институциональному перекосу: публично-правовой механизм значительно надежнее воспроизводит управляемость и надзор, чем координацию, поддержку и развитие устойчивого взаимодействия государства и общества.

Актуальность исследования определяется тем, что современное публичное управление требует не только правового закрепления контрольных полномочий государства, но и развития таких юридических средств, которые обеспечивают участие общества в решении публично значимых задач. Наиболее отчетливо эта проблема проявляется в тех сферах, где государство одновременно нуждается в прозрачности, управляемости и институциональных партнерах. В подобных условиях вопрос о балансе между контролем и стимулированием приобретает системный характер.

Объектом исследования выступают общественные отношения, складывающиеся в процессе правового обеспечения интересов государства и общества в сфере публичного управления.

Предметом исследования являются контрольные и стимулирующие элементы публично-правового механизма, особенности их нормативного закрепления, институциональной реализации и фактического соотношения в современной российской правовой системе.

Цель исследования заключается в выявлении содержания и соотношения контрольных и стимулирующих элементов публично-правового механизма, а также в определении направлений его совершенствования.

Для достижения поставленной цели решаются следующие задачи: раскрыть содержание публично-правового механизма как формы обеспечения интересов государства и общества; определить место контрольных и стимулирующих элементов в его структуре; проанализировать основные формы их проявления в современной российской системе; выявить причины институционального дисбаланса между ними; сформулировать предложения по развитию более сбалансированной модели публично-правового регулирования.

Научная новизна исследования заключается в том, что контрольные и стимулирующие элементы публично-правового механизма рассматриваются как взаимосвязанные компоненты единой системы обеспечения интересов государства и общества, а не как изолированные средства правового воздействия. Обосновано, что в современной российской модели контрольный блок институционально доминирует над стимулирующим, что выражается в различиях в степени нормативной детализации, организационной обеспеченности и практической реализуемости соответствующих средств. Показано, что цифровизация публичного управления не устраняет данный дисбаланс автоматически, а способна усиливать как контрольный, так и стимулирующий потенциал механизма в зависимости от его исходной институциональной конфигурации.

Литературный обзор

Проблема соотношения контроля и стимулирования в системе публичного права рассматривается в современной юридической науке на стыке теории государства и права, административного права, конституционного права и исследований гражданского общества. Вместе с тем в большинстве работ анализ сосредоточен либо на природе публичного контроля, либо на правовых механизмах поддержки и участия, тогда как их

взаимодействие в рамках единого публично-правового механизма исследуется значительно реже.

В работах, посвященных публичному контролю, основное внимание уделяется вопросам законности, подотчетности, прозрачности, надзорной деятельности и предупреждения нарушений. Контроль в таких исследованиях рассматривается как необходимое условие устойчивости публичного управления и защиты публичного интереса. Однако контрольные средства нередко анализируются вне их соотношения со стимулирующими механизмами, обеспечивающими участие общества и поддержку общественно значимой активности.

Исследования, посвященные стимулирующим элементам публично-правового воздействия, сосредоточены на государственной поддержке, формах партнерства, развитии гражданской инициативы, участии негосударственных субъектов в решении публично значимых задач и координационных формах взаимодействия государства и общества. В рамках такого подхода стимулирование рассматривается как средство расширения общественного участия и укрепления институциональной связи между публичной властью и гражданским обществом. При этом соответствующие средства не всегда анализируются в системной связи с контрольным блоком.

Существенное значение для настоящего исследования имеют труды, посвященные общей теории правового механизма, юридического воздействия и институциональной организации публичного управления. Они позволяют рассматривать контроль и стимулирование не как набор разрозненных правовых приемов, а как взаимосвязанные элементы единой системы публично-правового воздействия, через которую государство обеспечивает законность, управляемость и включение общества в реализацию публично значимых функций.

Исследования цифровизации публичного управления также имеют методологическое значение для анализа данной проблемы. Развитие электронных сервисов, цифровых платформ, систем мониторинга и каналов обратной связи показывает, что современные формы публично-правового воздействия приобретают новые организационные характеристики. Однако цифровая среда не отменяет вопроса о балансе между контролем и стимулированием, а в ряде случаев лишь переводит уже существующий институциональный перекос в технологическую форму.

Анализ научной литературы показывает, что существующие исследования, как правило, описывают либо контрольные, либо стимулирующие аспекты публично-правового воздействия, но значительно реже рассматривают их как элементы единой структуры. В результате недостаточно раскрытым остается вопрос о том, каким образом соотношение данных элементов влияет на реальную способность публично-правового механизма обеспечивать баланс интересов государства и общества. Именно этот исследовательский пробел и составляет основу настоящей статьи.

Материалы и методы

Методологическая основа исследования подчинена задаче выявления не только формального содержания контрольных и стимулирующих средств, но и их фактического места в структуре публично-правового механизма. Системный подход позволил рассмотреть данные средства как взаимосвязанные элементы единой конструкции обеспечения интересов государства и общества. Сравнительно-правовой метод использовался для сопоставления различных моделей соотношения контроля и стимулирования в публичном регулировании. Институциональный подход дал возможность выявить, каким образом соответствующие средства реализуются в деятельности органов публичной власти, общественных институтов и цифровых платформ.

Системный метод был необходим для выявления внутренней структуры исследуемого механизма и установления связей между его элементами. С его помощью контроль и стимулирование рассматриваются не как самостоятельные направления регулирования, а как функционально взаимосвязанные компоненты единой системы публичного воздействия.

Сравнительно-правовой метод применялся для анализа различных форм соотношения контрольных и стимулирующих средств в национальной и зарубежной правовой практике. Его использование позволило установить, что различия между моделями заключаются не только в объеме применяемых ограничений или мер поддержки, но и в базовой логике публичного управления: надзорной, партнерской либо смешанной.

Институциональный подход использовался для анализа роли органов публичной власти, общественных институтов, негосударственных субъектов и цифровых инструментов в реализации контрольных и стимулирующих функций. Это позволило выйти за пределы формально-юридического анализа и показать, каким образом нормы права воплощаются в реальной административной и организационной практике.

Эмпирическую основу исследования составили нормативные акты, регулирующие отдельные формы публичного контроля, меры государственной поддержки, процедуры взаимодействия публичной власти и общественных институтов, а также научные источники и аналитические мате-

риалы по вопросам публичного управления, гражданского общества и цифровизации правового регулирования.

Результаты исследования

1. Контрольные и стимулирующие элементы как компоненты единого публично-правового механизма

Проведенное исследование позволяет утверждать, что контрольные и стимулирующие элементы не образуют две самостоятельные и обособленные системы, а входят в структуру единого публично-правового механизма обеспечения интересов государства и общества. Их функциональное различие заключается не в противоположности целей, а в различии способов публично-правового воздействия. Контроль обеспечивает законность, прозрачность и управляемость, тогда как стимулирование создает условия для участия, партнерства и общественно полезной активности.

Единый публично-правовой механизм в данном случае представляет собой систему нормативных, институциональных и процедурных средств, посредством которых государство, с одной стороны, обеспечивает соблюдение обязательных требований, а с другой — создает условия для включения общественных субъектов в реализацию публично значимых функций. Именно через соотношение этих элементов определяется, ориентирована ли конкретная модель публичного управления преимущественно на административное воздействие либо также на институциональное сотрудничество.

Следовательно, проблема состоит не в самом существовании контроля и не в наличии стимулирующих средств как таковых, а в их фактическом положении внутри общей структуры публично-правового механизма. Если одно из направлений получает устойчивое системное преимущество, оно начинает определять общую логику публичного воздействия и, тем самым, характер взаимодействия государства и общества.

2. Основные формы контрольных элементов

Контрольные элементы публично-правового механизма выражаются в совокупности правовых и организационных средств, посредством которых государство обеспечивает соблюдение обязательных требований, предотвращает нарушения и поддерживает институциональную предсказуемость общественно значимой деятельности. К числу таких средств относятся регистрационные процедуры, отчетность, надзор, проверки, меры юридической ответственности, а также иные формы административного наблюдения и правового воздействия.

Особенность контрольного блока состоит в его высокой степени формализуемости. Он сравнительно легко закрепляется в нормах права, институционализируется через процедуры, обеспечивается механизмами отчетности и может быть непосредственно связан с юридической ответственностью. Благодаря этому контрольные элементы получают более устойчивое место в системе публичного управления и легче поддаются административному сопровождению.

Контрольные средства выполняют важную позитивную функцию. Они направлены на предотвращение злоупотреблений, обеспечение законности, прозрачности и предсказуемости общественно значимой деятельности. Однако их значение не может оцениваться вне вопроса о соразмерности. При чрезмерном развитии контрольный блок начинает не только обеспечивать публичный интерес, но и определять общую логику механизма, подчиняя себе иные формы правового воздействия.

3. Основные формы стимулирующих элементов

Стимулирующие элементы публично-правового механизма направлены на создание условий, при которых общественные субъекты способны не только подчиняться установленным требованиям, но и участвовать в реализации публично значимых функций. К таким средствам относятся государственная поддержка, гранты, субсидии, консультативное сопровождение, механизмы социального заказа, координационные формы взаимодействия и иные инструменты, ориентированные на развитие общественной инициативы и партнерства.

В отличие от контрольных средств стимулирующие элементы предполагают не только наличие правовой нормы, но и институциональную готовность публичной власти к взаимодействию с негосударственными субъектами. Они требуют доверия, процедурной гибкости, предсказуемых критериев участия и устойчивых каналов обратной связи. Именно поэтому стимулирующий блок, как правило, оказывается менее жестко формализованным и в организационном отношении более зависимым от качества институциональной среды.

Значение стимулирующих средств состоит в том, что они позволяют рассматривать общество не только как объект правового воздействия, но и как участника реализации публичных задач. Через данные механизмы государство не утрачивает контроль над законностью, однако переходит от логики одностороннего надзора к логике институционального включения, координации и поддержки.

Сами по себе контрольные и стимулирующие элементы не являются взаимоисключаю-

щими. Напротив, в развитой модели публичного управления они должны дополнять друг друга: контроль обеспечивает законность и прозрачность, а стимулирование — устойчивость общественного участия и институциональное доверие. Проблема возникает тогда, когда одно из направлений получает системное преимущество и начинает определять общую логику публично-правового механизма.

4. Причины институционального дисбаланса

Проведенный анализ показывает, что в современной российской модели публично-правового механизма контрольный блок развит более последовательно, чем стимулирующий. Причины такого дисбаланса носят не случайный, а системный характер. Они связаны с особенностями административно-правовой традиции, институциональной логикой публичного управления, более высокой формализуемостью контрольных процедур и устойчивым восприятием общественной активности через призму риска, а не партнерства.

Одной из причин является административно-иерархическая традиция публичного управления, в рамках которой государство исторически ориентировано прежде всего на наблюдение, учет, надзор и обеспечение исполнения обязательных требований. Контрольные средства в такой модели воспринимаются как естественный и базовый режим взаимодействия, тогда как стимулирующие формы требуют более сложной институциональной настройки, доверия и гибкости правового регулирования.

Дополнительное значение имеет и то обстоятельство, что контрольные элементы легче поддаются формализации. Их проще закрепить в нормах права, институционализировать через процедуры, обеспечить отчетностью и связать с юридической ответственностью. Стимулирующие же средства предполагают не только нормативное оформление, но и устойчивую организационную практику, основанную на взаимодействии, координации и признании общественной инициативы как ценности, а не как потенциального источника отклонений.

Еще одной причиной выступает институциональная инерция публичной системы. Контрольные средства уже встроены в административную практику и воспроизводятся в рамках устойчивых организационных моделей, тогда как стимулирующие механизмы часто существуют в более фрагментарном виде и зависят от политико-управленческих приоритетов, уровня доверия и конкретной сферы регулирования.

Таким образом, институциональный дисбаланс между контролем и стимулированием обусловлен не отдельными недостатками правового регулирования, а логикой самой действующей модели публичного управления. Именно поэтому его преодоление требует не точечных изменений, а более глубокого перераспределения акцентов внутри публично-правового механизма.

5. Влияние цифровизации на соотношение контрольных и стимулирующих элементов

Цифровизация публичного управления оказывает двойственное влияние на соотношение контрольных и стимулирующих элементов. С одной стороны, цифровые технологии упрощают доступ к публичным услугам, расширяют информационную открытость, ускоряют коммуникацию и создают дополнительные каналы взаимодействия между государством и обществом. С другой стороны, цифровая среда может усиливать контрольные возможности государства, переводя надзор, учет и мониторинг в более оперативную и технологически эффективную форму.

Цифровые инструменты способны заметно расширять стимулирующий потенциал публично-правового механизма, если используются для упрощения процедур, снижения барьеров доступа, развития обратной связи и вовлечения общественных субъектов в решение публично значимых задач. Однако тот же технологический ресурс может работать и в противоположном направлении — усиливать наблюдение, повышать плотность процедурного контроля и переводить административную нагрузку в электронную форму.

Следовательно, цифровизация сама по себе не устраняет институциональный дисбаланс между контролем и стимулированием. Ее эффект зависит от того, в какую модель публично-правового механизма она встроена. Если исходная система ориентирована преимущественно на надзор и управляемость, цифровые инструменты будут усиливать именно контрольный потенциал. Если же они развиваются в условиях более сбалансированной модели, цифровизация способна расширять стимулирующие и координационные возможности публичного управления.

Обсуждение

Полученные результаты позволяют сделать более общий вывод о характере современной модели публично-правового регулирования. Контрольные и стимулирующие элементы различаются по функциональному назначению, но именно их соотношение определяет, будет ли публично-правовой механизм ориентирован преимущественно на административную управляемость либо также на развитие устойчивых форм взаимодействия государства и общества. В современной российской системе контрольный блок выступает системообразующим, тогда как стимулирующий по-прежнему сохраняет во многом компенсаторный и фрагментарный характер.

Это означает, что проблема заключается не в наличии самого контроля и не в недостаточности отдельных мер поддержки как таковых, а в их институционально неравном положении внутри единого механизма. Контрольные средства определяют базовую логику публичного воздействия, тогда как стимулирующие чаще выполняют вспомогательную функцию. В результате государство эффективнее организует подчинение установленным требованиям, чем формирует устойчивые условия для общественного участия и партнерства.

Такой дисбаланс имеет не только организационное, но и правовое значение. Он влияет на характер взаимоотношений государства и общества, задает уровень институционального доверия и определяет, воспринимается ли общественная активность как ресурс публичного развития либо преимущественно как объект наблюдения и регулирования. При преобладании контрольной логики государство надежнее обеспечивает управляемость, но одновременно ограничивает потенциал самоорганизации и снижает готовность общества к устойчивому участию в публичной сфере.

Особого внимания заслуживает проблема соразмерности. Для эффективного публично-правового механизма принципиально важно, чтобы контроль не подменял собой иные формы правового воздействия. Его задача состоит в обеспечении законности и прозрачности, а не в вытеснении стимулирующих средств на периферию механизма. В противном случае возникает риск институционального перекоса, при котором правовая система воспроизводит преимущественно режим надзора, а не сбалансированную модель обеспечения интересов государства и общества.

Именно поэтому перспективной представляется такая модель публично-правового механизма, в которой контроль сохраняется как необходимый элемент обеспечения публичного интереса, но сочетается с устойчивыми координационными и стимулирующими средствами. Речь идет не об ослаблении контроля, а об изменении его соотношения с иными формами публично-правового воздействия.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы.

Во-первых, установлено, что контрольные и стимулирующие элементы являются взаимосвязанными компонентами единого публично-правового механизма обеспечения интересов государства и общества. Их различие состоит не в противоположности целей, а в различии способов публично-правового воздействия.

Во-вторых, выявлено, что в современной российской правовой системе контрольный блок обладает более высокой степенью нормативной детализации, организационной обеспеченности и практической реализуемости, чем стимулирующий. Это свидетельствует о наличии институционального дисбаланса в структуре действующего механизма.

В-третьих, доказано, что такое соотношение усиливает административную управляемость, однако одновременно ограничивает развитие партнерских форм взаимодействия государства и общества, снижает потенциал гражданского участия и затрудняет формирование устойчивого институционального доверия.

В-четвертых, установлено, что цифровизация не устраняет данный дисбаланс автоматически. Ее влияние определяется тем, усиливает ли она уже существующую контрольную модель либо становится средством расширения координационных и стимулирующих возможностей публичного управления.

В-пятых, совершенствование публично-правового механизма должно быть связано с институциональным усилением стимулирующих и координационных средств без отказа от необходимого публичного контроля. Речь идет о переходе к более сбалансированной модели, в которой контроль обеспечивает законность и прозрачность, а стимулирование создает устойчивые условия для участия общества в реализации публично значимых задач.

Таким образом, развитие современной системы публичного управления требует не ослабления контроля, а изменения его соотношения со стимулирующими средствами. Только в этом случае публично-правовой механизм сможет в полной мере обеспечивать не только интересы государства, но и интересы общества.

Список литературы:

[1] Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.

[2] Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг: Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 210-ФЗ.

[3] О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации: Федеральный закон от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ.

[4] Авакьян С. А. Конституционное право России. М.: Норма, 2022.

[5] Тихомиров Ю. А. Публичное право. М.: Юрайт, 2020.

[6] Гончаров В. В. Общественный контроль в системе институтов гражданского общества // Правоприменение. 2023. Т. 7. № 2. С. 15–28.

[7] Боев Е. И. Цифровизация публичного управления: проблемы и вызовы // Россия: тенденции и перспективы развития. 2023. № 18. С. 112–118.

[8] Иванова Н. В. Цифровизация публичного управления и трансформация административных процедур // Административное и муниципальное право. 2024. № 2. С. 27–35.

[9] Кузнецов И. С. Гражданское общество и пределы публичного регулирования // Журнал российского права. 2023. № 9. С. 44–53.

[10] Стародубова О. Е. Роль цифровых платформ в государственном управлении // Государственная служба. 2024. № 4.

[11] Еремин С. Г. Применение цифровых технологий в сфере государственного управления на федеральном уровне и направления их совершенствования // Государственное управление. Электронный вестник. 2024. № 102.

[12] Арутюнов А. А. Публично-правовые механизмы в современной системе государственного управления // Государственная власть и местное самоуправление. 2023. № 4. С. 15–21.

References:

[1] Constitution of the Russian Federation: adopted by popular vote on December 12, 1993.

[2] On the organization of the provision of state and municipal services: Federal Law of July 27, 2010 No. 210-FZ.

[3] On the procedure for consideration of appeals of citizens of the Russian Federation: Federal Law of May 2, 2006 No. 59-FZ.

[4] Avakyan S. A. Constitutional Law of Russia. M.: Norma, 2022.

[5] Tikhomirov Yu. A. Public Law. M.: Yurayt, 2020.

[6] Goncharov V.V. Public control in the system of civil society institutions//Law enforcement. 2023. VOL. 7. № 2. S. 15-28.

[7] Boev E.I. Digitalization of public administration: problems and challenges//Russia: trends and development prospects. 2023. № 18. S. 112-118.

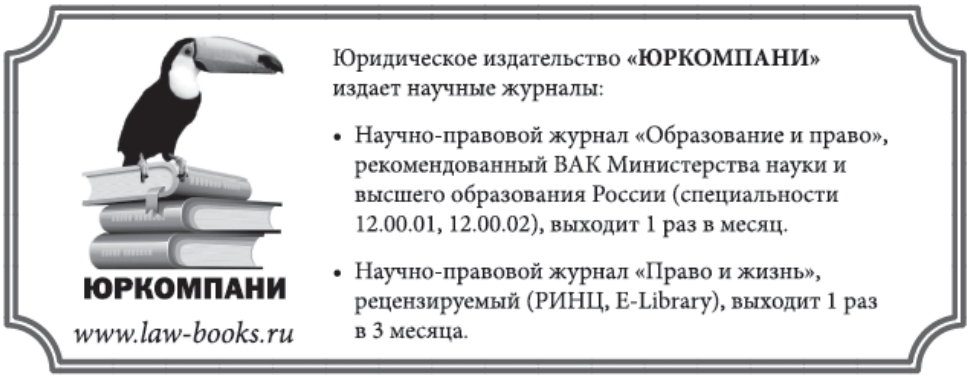
[8] Ivanova N.V. Digitalization of public administration and transformation of administrative procedures//Administrative and municipal law. 2024. № 2. S. 27-35.

[9] Kuznetsov I. S. Civil Society and the Limits of Public Regulation//Journal of Russian Law. 2023. № 9. S. 44-53.

[10] Starodubova O.E. The role of digital platforms in public administration//Public Service. 2024. № 4.

[11] Eremin S. G. The use of digital technologies in the field of public administration at the federal level and the directions for their improvement//Public administration. Electronic bulletin. 2024. № 102.

[12] A. A. Arutyunov. Public legal mechanisms in the modern system of public administration//State power and local self-government. 2023. № 4. S. 15-21.

Дата поступления рукописи в редакцию: 17.04.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.05.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3830-2026-4-49-51

АЙСХАНОВА Екатерина Султановна,
зав. кафедрой, к.э.н. доцент «Уголовное право, процесс и национальная безопасность Чеченский государственный университет имени А.А. Кадырова,
e-mail: k-a-2011@mail.ru

ТЕПСУЕВ М.С.,
доцент кафедры права Чеченского государственного педагогического университета, к.и.н., доцент,
e-mail: Tepsuev90@mail.ru

ПОНЯТИЕ ЭКСТРЕМИЗМА И ЕГО ЭВОЛЮЦИЯ В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ

Аннотация. *Актуальность темы исследования обусловлена тем, что экстремизм в его различных проявлениях выступает одной из наиболее острых угроз стабильности мирового правопорядка и национальной безопасности государств. В условиях современной глобализации радикальные идеи приобретают новые формы, однако их содержательная основа неразрывно связана с многовековым историческим опытом человечества. Понимание того, как формировались предпосылки экстремистской деятельности в прошлом, позволяет не только глубже осознать природу современных конфликтов, но и выработать эффективные стратегии по их предупреждению. Исторический анализ показывает, что экстремизм никогда не возникает в вакууме; он всегда является продуктом глубоких социальных, политических и духовных трансформаций, которые накапливались на протяжении столетий.*

Ключевые слова*: эволюция, экстремизм, исторический анализ, конфликты, стратегия, предупреждение, приверженность крайним взглядам.*

AYSKHANOVA Ekaterina Sultanovna,
Head of Department, PhD in Economics, Associate Professor, "Criminal Law, Procedure, and National Security", Chechen State University named after A.A. Kadyrov

TEPSUEV M.S.,
Associate Professor, Department of Law, Chechen State Pedagogical University, PhD in History, Associate Professor

THE CONCEPT OF EXTREMISM AND ITS EVOLUTION IN HISTORICAL PERSPECTIVE

Annotation. *The relevance of the research topic is due to the fact that extremism in its various manifestations is one of the most acute threats to the stability of the global legal order and the national security of states. In the context of modern globalization, radical ideas are taking on new forms, but their substantive basis is inextricably linked to the centuries-old historical experience of humanity. Understanding how the prerequisites for extremist activities were formed in the past allows us not only to gain a deeper insight into the nature of modern conflicts, but also to develop effective strategies for their prevention. Historical analysis shows that extremism never arises in a vacuum; it is always the product of deep social, political, and spiritual transformations that have accumulated over centuries.*

Key words: *evolution, extremism, historical analysis, conflicts, strategy, warning, and adherence to extreme views.*

Понятие экстремизма происходит от латинского слова extremus, что означает крайний, и в самом широком смысле подразумевает приверженность крайним взглядам и методам действий в общественной жизни. В исторической ретроспективе содержание данного термина претерпевало значительные изменения, отражая специфику политических и правовых систем различных эпох. На ранних этапах развития государственности экстремизм не выделялся как самостоятельная категория, а рассматривался через призму нарушения религиозных догм или посягательства на власть суверена. Однако сущностная характеристика явления — отрицание компромисса и стремление к радикальному переустройству действительности — прослеживается на протяжении всей истории человеческой цивилизации. Как отмечает Ю. М. Антонян, экстремизм всегда выступает как реакция на глубокие социальные противоречия, становясь способом выражения протеста против существующего порядка вещей [1].

Эволюция экстремизма тесно связана с развитием политической мысли и изменением форм государственного устройства. В античный период и эпоху средневековья радикальные проявления чаще всего имели религиозную или тираноборческую окраску. С развитием идей Просвещения и формированием национальных государств экстремизм начал приобретать четко выраженные идеологические черты. В этот период происходит разделение на левый и правый радикализм, а также выделение националистического экстремизма. Важно понимать, что историческая трансформация понятия шла по пути усложнения его структуры: от простых актов насилия до разветвленных идеологических систем, обосновывающих необходимость применения крайних мер для достижения политических целей. Современные исследователи подчеркивают, что исторический опыт формирования радикальных течений заложил фундамент для современных деструктивных практик [3].

Научный анализ показывает, что экстремизм как социальное явление обладает определенной устойчивостью характеристик, несмотря на смену исторических декораций. К таким характеристикам относятся идеологическое обоснование насилия, деление общества на своих и чужих, а также отрицание демократических процедур разрешения конфликтов. В девятнадцатом и двадцатом веках экстремизм стал инструментом массовой мобилизации, что привело к возникновению тоталитарных режимов и масштабных социальных потрясений. А. Г. Хлебушкин указывает на то, что правовое осмысление экстремизма началось значительно позже его фактического появления, что создало определенный разрыв между реальностью и механизмами государственного реагирования. Исторический контекст позволяет увидеть, как радикальные идеи адаптировались к технологическому прогрессу и изменению способов коммуникации между людьми [2].

Завершая рассмотрение теоретических основ, необходимо отметить, что современное понимание экстремизма включает в себя не только насильственные действия, но и информационную составляющую, направленную на дестабилизацию общества. Эволюция данного феномена привела к тому, что сегодня он рассматривается как многоуровневая угроза, сочетающая в себе политические, религиозные и социальные аспекты. Изучение исторической ретроспективы позволяет сделать вывод о том, что экстремизм является цикличным явлением, обостряющимся в периоды системных кризисов. Таким образом, теоретическое осмысление понятия невозможно без учета его генезиса, так как именно в прошлом заложены механизмы радикализации, которые продолжают оказывать влияние на современную глобальную повестку дня и безопасность мирового сообщества [4].

Исторический анализ показывает, что наиболее ранние формы экстремистского поведения были неразрывно связаны с религиозной сферой жизни общества. В древности религия выступала не только как система верований, но и как основной регулятор социальных отношений, что делало любое отклонение от догм актом политического неповиновения. Одним из наиболее известных примеров радикальных движений древности является деятельность сикариев в Иудее первого века нашей эры. Эта группировка использовала методы индивидуального террора против римской администрации и представителей местной знати, сотрудничавших с оккупантами. Мотивация сикариев носила ярко выраженный теократический характер, где борьба за политическую независимость воспринималась как священный долг перед Богом. Подобные исторические прецеденты демонстрируют, что радикализм изначально формировался как инструмент защиты идентичности в условиях внешнего давления [4].

Эпоха средневековья привнесла новые масштабы в развитие религиозного экстремизма, превратив его в глобальный фактор международной политики. Крестовые походы, начавшиеся в конце одиннадцатого века, стали примером массовой мобилизации под радикальными лозунгами, где насилие в отношении иноверцев не только оправдывалось, но и возводилось в ранг добродетели. В этот период формируется концепция священной войны, которая на долгие сто-

летия стала идеологическим фундаментом для различных радикальных течений. Как отмечает А. А. Беженцев, именно в средневековых религиозных конфликтах были заложены механизмы дегуманизации противника, когда оппонент лишался человеческих прав на основании его вероисповедания. Это создавало условия для совершения актов массового насилия, которые по своей сути предвосхищали современные проявления экстремистской деятельности [4].

Параллельно с внешними конфликтами внутри религиозных общин развивались движения, которые можно классифицировать как внутренний экстремизм. Деятельность инквизиции в Европе и преследование еретических движений, таких как альбигойцы или катары, демонстрируют использование крайних мер для поддержания идеологического единства. В исламском мире того времени также возникали радикальные секты, наиболее известной из которых стали ассасины. Их стратегия точечных убийств политических и религиозных лидеров стала прообразом современного терроризма, основанного на фанатичной преданности идее и готовности к самопожертвованию. Исследователи подчеркивают, что подобные практики были обусловлены не только религиозным рвением, но и борьбой за власть в условиях феодальной раздробленности и отсутствия легитимных механизмов политической конкуренции [3].

Таким образом, религиозные конфликты древности и средневековья сформировали устойчивую модель радикального поведения, основанную на абсолютизации собственной истины и полном отрицании права на существование иной точки зрения. Историческое наследие этого периода включает в себя разработку методов психологического воздействия на массы, создание закрытых законспирированных организаций и сакрализацию насилия. Эти элементы в трансформированном виде сохранились до наших дней, составляя ядро многих современных экстремистских идеологий. Понимание этих истоков позволяет осознать, что современный экстремизм не является уникальным продуктом современности, а опирается на глубоко укорененные в истории человечества традиции нетерпимости и конфронтации, которые актуализируются в моменты социальных и духовных кризисов [1].

Список литературы:

[1] Атонян Ю. М. Экстремизм и его причины : монография. — Москва : Логос, 2010. — 287 с.

[2] Хлебушкин А. Г. Экстремизм: уголовно-правовой и уголовно-политический анализ : монография / отв. ред. Н. А. Лопашенко. — Саратов : СЮИ МВД России, 2015. — 198 с.

[3] Бастрыкин А. И., Кириленко В. П., Шамахов В. А. Экстремизм в современном мире : монография. — Санкт-Петербург : ИПЦ СЗИУ РАНХиГС, 2019. — 456 с.

[4] Беженцев А. А. Экстремизм: истоки проблемы (древний мир, средние века, новое время) // CyberLeninka. — 2023. — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ekstremizm-istoki-problemy-drevniy-mir-srednie-veka-novoe-vremya. — (дата обращения: 15.01.2026).

[5] Экстремистский дискурс как угроза информационной безопасности : рецензия на коллективную монографию / под общ. ред. А. И. Бастрыкина, В. П. Кириленко, В. А. Шамахова // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. — 2019. — № 2. — С. 98–115. — URL: https://vestnik.journ.msu.ru/books/2019/2/ekstremistskiy-diskurs-kak-ugroza-informatsionnoy-bezopasnosti/. — (дата обращения: 18.02.2026).

References:

[1] Atonyan Yu. M. Extremism and its causes: monograph. - Moscow: Logos, 2010. - 287 p.

[2] Khlebushkin A. G. Extremism: criminal-legal and criminal-political analysis: monograph/rev. ed. N. A. Lopashenko. - Saratov: SUI of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2015. - 198 s.

[3] Bastrykin A.I., Kirilenko V.P., Shamakhov V.A. Extremism in the modern world: a monograph. - St. Petersburg: CPI SZIU RANEPA, 2019. - 456 p.

[4] Refugees A. A. Extremism: the origins of the problem (ancient world, Middle Ages, modern times)//CyberLeninka. — 2023. — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ekstremizm-istoki-problemy-drevniy-mir-srednie-veka-novoe-vremya. - (accessed on: 15.01.2026).

[5] Extremist discourse as a threat to information security: review of a collective monograph/under the general. ed. A. I. Bastrykina, V. P. Kirilenko, V. A. Shamakhova//Bulletin of Moscow University. Series 10: Journalism. — 2019. — № 2. - S. 98-115. — URL: https://vestnik.journ.msu.ru/books/2019/2/ekstremistskiy-diskurs-kak-ugroza-informatsionnoy-bezopasnosti/. - (accessed on: 18.02.2026).

- ПРАВА ЧЕЛОВЕКА -

Дата поступления рукописи в редакцию: 07.04.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.05.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3830-2026-4-52-57

КОВАЛЕВ Олег Геннадьевич,
доктор юридических наук,
кандидат психологических наук,
профессор, главный научный сотрудник ФКУ
научно-исследовательский институт ФСИН России,
e-mail: okovalev66@gmail.com

К ВОПРОСУ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЭТИЧЕСКИХ НОРМ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ РАБОТНИКОВ СЛЕДСТВЕННЫХ ИЗОЛЯТОРОВ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ С ПОДОЗРЕВАЕМЫМИ И ОБВИНЯЕМЫМИ

Аннотация. *Целью исследования явились особенности правового регулирования, направленного на реализацию этических норм взаимоотношений работников следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы с подозреваемыми и обвиняемыми. Для ее выполнения применялись принцип диалектического познания, статистический и аналитический методы, включенное наблюдение. Анализировались законодательные и ведомственные правовые акты Минюста и ФСИН России, научные публикации, по проблеме взаимоотношений работников СИЗО УИС с лицами, содержащимися под стражей, их нормативное правовое закрепление с отражением в нем психологических аспектов и этических норм. Профессиональная деятельность сотрудников учреждений и органов уголовно-исполнительной системы Российской Федерации базируется на этических нормах, составляющих ее психологическое содержание. В правоохранительной деятельности, одной из видов которой является исполнение уголовных наказаний, этические нормы регулируют взаимоотношения между сотрудниками УИС, подозреваемыми, обвиняемыми, содержащимися в следственных изоляторах. Фундаментальную основу взаимоотношений работников СИЗО УИС с подозреваемыми и обвиняемыми составляют принципы содержания под стражей, сформулированные в Федеральном законе 1995г. № 103-ФЗ, Правилах внутреннего распорядка СИЗО УИС, утвержденных Приказом Минюста России 2022 г. № 110. В них сформулированы требования по соблюдению этических норм, направленных на вежливое отношение сотрудников СИЗО УИС с подозреваемыми и обвиняемыми. Правовое закрепление отдельных этических норм, безусловно, оказывает положительное влияние на профилактику противоправного поведения подозреваемых и обвиняемых, нарушений ими установленного порядка содержания в изоляторе и режимных требований. Способствует исключению из разговорной речи работников СИЗО слов, оскорбляющих честь и достоинство лиц, содержащихся под стражей. Речевых оборотов и поведения, способных спровоцировать неадекватную реакцию подозреваемых по дезорганизации деятельности учреждений. Позитивно влияет на предупреждение фактов суицидов, причиной которой являются систематические вербальные интервенции работников, накрадывающиеся на негативное психическое состояние стресса, депрессии, фрустрации и страха подозреваемых и обвиняемых. Этические нормы поведения работников СИЗО УИС должны являться предметом постоянного внимания руководства учреждения, формироваться и развиваться в процессе их первоначальной подготовки, повышения квалификации и обучения в образовательных организациях ФСИН России.*

Ключевые слова: *правовое регулирование, психологические аспекты, этические нормы, взаимоотношения, следственные изоляторы, уголовно-исполнительная система, работники, подозреваемые и обвиняемые.*

KOVALEV Oleg Gennadievich,
Doctor of Law, Candidate of Law of Psychological Sciences,
Professor, Chief Researcher of the FKU Scientific Research
Institute Federal Penitentiary Service of Russia

ON THE ISSUE OF LEGAL REGULATION OF ETHICAL NORMS OF RELATIONS BETWEEN EMPLOYEES OF PRE-TRIAL DETENTION FACILITIES OF THE PENAL CORRECTION SYSTEM WITH SUSPECTS AND ACCUSED

Annotation. *The purpose of the study was the peculiarities of legal regulation aimed at the implementation of ethical standards of relations between employees of pre-trial detention facilities of the penal system with suspects and defendants. To carry it out, the principle of dialectical cognition, statistical and analytical methods, and included observation were applied. The article analyzed legislative and departmental legal acts of the Ministry of Justice and the Federal Penitentiary Service of Russia, scientific publications on the problem of the relationship between employees of the pre-trial detention center and persons in custody, their regulatory legal framework reflecting psychological aspects and ethical standards. The professional activity of employees of institutions and bodies of the penal enforcement system of the Russian Federation is based on ethical standards that make up its psychological content. In law enforcement activities, one of the types of which is the execution of criminal penalties, ethical standards regulate the relationship between prison officers, suspects, and defendants held in pre-trial detention facilities. The fundamental basis of the relationship between employees of the detention center and suspects and accused persons is the principles of detention formulated in Federal Law No. 103-FZ of 1995 and the Internal Regulations of the detention center, approved by Order No. 110 of the Ministry of Justice of the Russian Federation in 2022. They set out requirements for compliance with ethical standards aimed at the courteous treatment of suspects and accused persons by prison staff. The legal consolidation of certain ethical norms, of course, has a positive impact on the prevention of unlawful behavior of suspects and accused persons, violations of the established order of detention and regime requirements. It helps to exclude from the colloquial speech of prison staff words that offend the honor and dignity of persons in custody. Speech patterns and behaviors that can provoke an inadequate response from suspects to disrupt the activities of institutions. It has a positive effect on the prevention of suicide, which is caused by systematic verbal interventions by employees, which affect the negative mental state of stress, depression, frustration and fear of suspects and accused. Ethical standards of behavior of employees of the penitentiary detention center should be the subject of constant attention of the institution's management, formed and developed in the process of their initial training, advanced training and education in educational institutions of the Federal Penitentiary Service of Russia.*

Key words: *legal regulation, psychological aspects, ethical standards, relationships, pre-trial detention facilities, penal enforcement system, employees, suspects and accused.*

Введение. Профессиональная деятельность сотрудников учреждений и органов уголовно-исполнительной системы Российской Федерации (далее УИС) базируется на этических нормах, составляющих ее психологическое содержание. Они представляют собой общепринятые в обществе правила поведения, основанные на представлениях о добре и зле, чести и совести. В правоохранительной деятельности, одной из видов которой является исполнение уголовных наказаний, морально-этические нормы регулируют взаимоотношения между сотрудниками УИС, подозреваемыми, обвиняемыми, содержащимися в следственных изоляторах (далее СИЗО) УИС, и осужденными, отбывающими наказание в виде лишения свободы, а также без изоляции от общества. Такие нормы требуют соблюдения принципов гуманизма, справедливости, уважения и честности [1]. Часто их реализация предполагает общественное порицание, а не применение норм закона. В данном контексте используются этические кодексы, ученые соотносят морально-этические правила поведения сотрудников УИС с уровнем развития их профессиональной культуры [2]. Правовым сознанием и социокультурными ценностями сотрудников учреждений и органов УИС, образовательных организаций, подведомственных ФСИН России [3, с. 238-244]. Спецификой профессиональной деятельности сотрудников различных служб и подразделений УИС [4].

Вместе с тем, теоретико-правовое изучение темы, ее практико- ориентированный анализ показали не только наличие попыток правового регулирования этических норм взаимоотношений сотрудников УИС с подозреваемыми, обвиняемыми и осужденными, но и перспективы его дальнейшего совершенствования и модернизации. В связи с чем возникает теоретико-прикладная потребность междисциплинарного изучения особенностей правового регулирования указанных этических норм в уголовно-исполнительном законодательстве, ведомственных нормативных актах Минюста и ФСИН России в учреждениях и

органах УИС, осуществляющих изоляцию лиц, заключенных под стражу, исполнение лишения свободы и наказаний, не связанных с изоляцией осужденных от общества.

Методы и принципы исследования. Для изучения особенностей правового регулирования, направленного на реализацию этических норм взаимоотношений работников следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы с подозреваемыми и обвиняемыми применялись принцип диалектического познания, статистический и аналитический методы, включенное наблюдение. Анализировались законодательные и ведомственные правовые акты Минюста и ФСИН России, научные публикации, по проблеме взаимоотношений работников СИЗО УИС с лицами, содержащимися под стражей, их нормативное правовое закрепление с отражением в нем психологических аспектов и этических норм.

Основные результаты. Материалы исследования показывают, что фундаментальную основу взаимоотношений работников СИЗО УИС с подозреваемыми и обвиняемыми составляют принципы содержания под стражей, сформулированные в Федеральном законе «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» от 15.07.1995 № 103-ФЗ. Среди которых особо выделяются законность, справедливость, презумпция невиновности, равенство всех граждан перед законом, гуманизм, уважения человеческого достоинства [5, с. 198-204]. Данные принципы также нашли свое отражение и в уголовно-исполнительном законодательстве (статье 8 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации) [6]. Также в главе 2 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [7].

Более конкретно и детально этические нормы взаимоотношений работников СИЗО УИС с подозреваемыми и обвиняемыми отражены в ведомственном правовом акте - Приказе Министерства юстиции РФ от 4 июля 2022 г. № 110 «Об утверждении Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы, Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений и Правил внутреннего распорядка исправительных центров уголовно-исполнительной системы» [8]. Так, в главе 3 пунктах 9 и 10 сформулированы требования по соблюдению этических норм, направленных на вежливое отношение сотрудников СИЗО УИС [9, с. 229-235]. Они заключаются в обращении работников изолятора к подозреваемым и обвиняемым на «Вы» и называть их «гражданин» или «гражданка» и далее по фамилии либо «подозреваемый» или «обвиняемый» соответственно. При проведении личного приема подозреваемых и обвиняемых или беседы с ними в служебных помещениях, работнику СИЗО следует назвать свою фамилию, имя, отчество, должность и специальное звание.

Такие требования нормативного правового акта позволяют не только декларировать соблюдение этических норм работниками учреждения, но и привлекать их, в случае невыполнения, к дисциплинарной ответственности. Подобные факты могут выявляться контролирующими органами при посещении СИЗО, проведении проверок, получения устной и письменной информации от подозреваемых и обвиняемых [10, с. 231-236]. Органами прокуратуры, осуществляющими надзор за законностью содержания в изоляторе указанных лиц [11, с. 136-139].

Анализируемый подход законодателя к правовому закреплению отдельных этических норм, безусловно, оказывает положительное влияние на профилактику противоправного поведения подозреваемых и обвиняемых, нарушений ими установленного порядка содержания в изоляторе и режимных требований. Способствует исключению из разговорной речи работников СИЗО слов, оскорбляющих честь и достоинство лиц, содержащихся под стражей. Речевых оборотов и поведения, способных спровоцировать неадекватную реакцию подозреваемых по дезорганизации деятельности учреждений [12, с. 47-54]. Позитивно влияет на предупреждение фактов суицидов, причиной которой являются систематические вербальные интервенции работников, накрадывающиеся на негативное психическое состояние стресса, депрессии, фрустрации и страха подозреваемых и обвиняемых [13, с. 20-23].

Соответственно вежливое обращение как элемент этического поведения должно реализовываться и подозреваемыми и обвиняемыми во взаимоотношениях с работниками СИЗО, что является одной из основных обязанностей лиц, содержащихся под стражей.

Анализ профессиональной деятельности сотрудников служб и подразделений СИЗО УИС показывает, что их сотрудники вступают в постоянные вербальные контакты с подозреваемыми и обвиняемыми. Значительная доля такого взаимоотношения приходится на сотрудников, осуществляющих в учреждении режимно-надзорные мероприятия. Проводящих личные обыски и досмотры лиц, содержащихся под стражей, камер в которых они содержатся, а также их личных вещей и предметов для выявления запрещенных к обороту в СИЗО [14, с. 245-247].

Данные исследования мотивации персонала СИЗО УИС показали, что она детерминирует модели поведения сотрудников (в том числе и вербального). Органически взаимосвязана с их этическими характеристиками, влияющими на характер и особенности взаимоотношений с

подозреваемыми и обвиняемыми [15, с. 45-48]. В связи с этим можно говорить о существовании специфических коммуникативных особенностей сотрудников различных подразделений, применяемых ими во взаимоотношениях с лицами, содержащимися под стражей [16, с. 34-42].

Обсуждение. Результаты исследования обсуждались на следующих научно-практических форумах, где автор выступал с докладами на:

- Международной научно-практической конференции «Пенитенциарная система России в современных условиях развития общества: от парадигмы наказания к исправлению и ресоциализации», состоявшейся в Вологодском институте права и экономики ФСИН России 09-11.12.2022. Доклад на тему «Организационно-правовые особенности и методика проведения прокурорских проверок в СИЗО ФСИН России»;
- Международном пенитенциарном форуме «Преступление, наказание, исправление», приуроченном к 30-летию со дня принятия Конституции Российской Федерации и Закона Российской Федерации от 21 июля 1993 г. № 5473-1 «Об учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации», состоявшемся в Академии ФСИН России 15.11.2023. Доклад на тему: «Значение прокурорского надзора при реализации основных направлений деятельности уголовно-исполнительной системы на современном этапе ее развития»;
- Межрегиональном круглом столе «Патриотическое воспитание как основа духовно-нравственного формирования студенческой молодежи», состоявшемся в Вологодском институте права и экономики ФСИН России 1 февраля 2024 года. Доклад на тему «Патриотическое воспитание курсантов образовательных организаций ФСИН России в системе их духовно-нравственного развития на современном этапе»;
- Круглом столе «Духовно-нравственное воспитание личности в пенитенциарной системе: педагогические и социально-психологические аспекты», памяти ученых-пенитенциаристов доктора педагогических наук, профессора ЛитвишковаВ.М. и доктора психологических наук, профессора Сочивко Д.В., состоявшемся в Академии ФСИН России 9 февраля 2024 года. Доклад на тему «К вопросу духовно-нравственного воспитания сотрудников оперативных подразделений ФСИН России»;
- V Всероссийском симпозиуме «Психология XXI века: вызовы, поиски, векторы развития» (с международным участием), посвященном 145-летию уголовно-исполнительной системы и 90-летию Академии права и управления Федеральной службы исполнения наказаний, состоявшемся в Академии ФСИН России 11 - 12 апреля 2024 г. Доклад на тему «Оперативно-розыскная психология в УИС: современное состояние и векторы развития»;
- XI Международной научно-практической конференции «Пенитенциарная система и общество: опыт взаимодействия», посвященной 145-летию уголовно-исполнительной системы Российской Федерации, состоявшейся в ФКОУ ВО Пермский институт ФСИН России 4 апреля 2024 г., на секции «Уголовный процесс, криминалистика и оперативно-розыскная деятельность: наука, обучение, практика». Доклад на тему «Современные проблемы психологического обеспечения деятельности оперативных подразделений учреждений УИС»;
- Межвузовской научно-практической конференции с международным участием «Уголовно-исполнительная система: история и современность», состоявшейся 16-17.10. 2024 г. в Псковском филиале Санкт-Петербургского университета ФСИН России. Доклад на тему «Современные подходы обеспечения безопасности следственных изоляторов».

Заключение. Профессиональная деятельность сотрудников учреждений и органов уголовно-исполнительной системы Российской Федерации базируется на этических нормах, составляющих ее психологическое содержание. В правоохранительной деятельности, одной из видов которой является исполнение уголовных наказаний, этические нормы регулируют взаимоотношения между сотрудниками УИС, подозреваемыми, обвиняемыми, содержащимися в следственных изоляторах.

Фундаментальную основу взаимоотношений работников СИЗО УИС с подозреваемыми и обвиняемыми составляют принципы содержания под стражей, сформулированные в Федеральном законе 1995г. № 103-ФЗ, Правилах внутреннего распорядка СИЗО УИС, утвержденных Приказом Минюста России 2022 г. № 110. В них сформулированы требования по соблюдению этических норм, направленных на вежливое отношение сотрудников СИЗО УИС с подозреваемыми и обвиняемыми.

Правовое закрепление отдельных морально-этических норм, безусловно, оказывает положительное влияние на профилактику противоправного поведения подозреваемых и обвиняе-

мых, нарушений ими установленного порядка содержания в изоляторе и режимных требований. Способствует исключению из разговорной речи работников СИЗО слов, оскорбляющих честь и достоинство лиц, содержащихся под стражей. Речевых оборотов и поведения, способных спровоцировать неадекватную реакцию подозреваемых по дезорганизации деятельности учреждений. Позитивно влияет на предупреждение фактов суицидов, причиной которой являются систематические вербальные интервенции работников, накрадывающиеся на негативное психическое состояние стресса, депрессии, фрустрации и страха подозреваемых и обвиняемых.

Этические нормы поведения работников СИЗО УИС должны являться предметом постоянного внимания руководства учреждения, формироваться и развиваться в процессе их первоначальной подготовки, повышения квалификации и обучения в образовательных организациях ФСИН России.

Список литературы:

[1] Психология. Педагогика. Этика: учебник для вузов / Под ред. проф. Ю.В. Наумкина. – Москва, 2002.

[2] Ковалев О.Г., Емельянов С.Н. Психолого-педагогические основы формирования профессиональной культуры юриста в системе высшего профессионального образования. Учебное пособие для образовательных учреждений уголовно-исполнительной системы Минюста России. Владимир, 2004.

[3] Ковалев О.Г., Мельникова О.В. Правовое сознание и социокультурные ценности обучающихся в образовательных организациях ФСИН России // Российский научный вестник. 2025. № 5. С. 238-244.

[4] Климов И.А., Ковалев О.Г. Психология оперативно-розыскной деятельности // Психология. Педагогика. Этика: учебник для вузов / Под ред. проф. Ю.В. Наумкина. – Москва, 2002.

[5] Ковалев О.Г., Семенова Н.В. Принципы содержания под стражей и их влияние на обеспечение прав и законных интересов подозреваемых и обвиняемых (сравнительно-правовой анализ) // Международный научный вестник. 2025. № 11. С. 198-204.

[6] Комментарий к уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации (постатейный) // Бриллиантов А.В., Геранин В.В., Зубарев С.М., Дубровицкий Л.П., Епанешников В.С., Казакова В.А., Ковалев О.Г., Куденеев С.В., Лысягин О.Б., Лядов Э.В., Михлин А.С., Селиверстов В.И., Филимонов О.В. Москва, 2011.

[7] Комментарий к уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный). М. Дашков и К. 2005. 21 с.

[8] Приказ Министерства юстиции РФ от 4 июля 2022 г. № 110 «Об утверждении Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы, Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений и Правил внутреннего распорядка исправительных центров уголовно-исполнительной системы» // Garant.ru (дата обращения 07.03.2026).

[9] Ковалев О.Г. Роль правил внутреннего распорядка следственных изоляторов в правоохранительной и правозащитной деятельности, реализуемой в местах содержания под стражей // Международный научный вестник. 2025. № 11. С. 229-235.

[10] Ковалев О.Г. Роль ведомственного контроля за соблюдением законности и обеспечением прав осужденных и лиц, содержащихся под стражей // Международный научный вестник. 2025. № 4. С. 231-236.

[11] Ковалев О.Г., Семенова Н.В. Правовые и психологические вопросы соблюдения законности при содержании лиц, заключенных под стражу // Журнал прикладных исследований. 2024. № 7. С. 136-139.

[12] Щербаков А.В., Ковалев О.Г. Психолого-педагогические и организационно-правовые аспекты речевой агрессии как фактора, дезорганизующего деятельность исправительных учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2023. № 1 (248). С. 47-54

[13] Баламут А.Н., Ковалев О.Г., Дикопольцев Д.Е. Теоретический анализ комплексных психокоррекционных программ, направленных на суицидальную превенцию подозреваемых, обвиняемых и осужденных (организационный, социальный и психологический аспекты) // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2023. № 1. С. 20-23.

[14] Ковалев О.Г., Михайлова А. М. Значение обысковой и досмотровой работы в обеспечении режима содержания под стражей подозреваемых и обвиняемых // В сборнике: Пенитенциарная система и общество: опыт взаимодействия. Материалы 10 международной научно-практической конференции. Пермь, 2023. С. 245-247.

[15] Вилкова А.В., Ковалев О.Г. К вопросу изучения мотивации профессиональной деятельности персонала уголовно-исполнительной системы // Вестник Псковского государственного университета. Серия: Психолого-педагогические науки. 2023. № 18. С. 45-48.

[16] Ковалев О.Г., Ковальчук И.А., Чуманов Ю.В. Психологические особенности коммуникативной сферы сотрудников отряда специального назначения ФСИН России // Психология и педагогика служебной деятельности. 2021. № 3. С. 34-42.

References:

[1] Psychology. Pedagogy. Ethics: a textbook for universities / Edited by professor Yu.V. Naumkin. – Moscow, 2002.

[2] Kovalev O.G., Yemelyanov S.N. Psychological and pedagogical foundations of the formation of a lawyer's professional culture in the system of higher professional education. A textbook for educational institutions of the penitentiary system of the Ministry of Justice of Russia. Vladimir, 2004.

[3] Kovalev O.G., Melnikova O.V. Legal consciousness and socio-cultural values of students in educational institutions of the Federal Penitentiary Service of Russia // Russian Scientific Bulletin. 2025. No. 5. pp. 238-244.

[4] Klimov I.A., Kovalev O.G. Psychology of operational investigative activity // Psychology. Pedagogy. Ethics: a textbook for universities / Edited by professor Yu.V. Naumkin. – Moscow, 2002.

[5] Kovalev O.G., Semenova N.V. Principles of detention and their impact on ensuring the rights and legitimate interests of suspects and accused (comparative legal analysis) // International Scientific Bulletin. 2025. No. 11. pp. 198-204.

[6] Commentary to the Penal Enforcement Code of the Russian Federation (article by article) // Brilliantov A.V., Geranin V.V., Zubarev S.M., Dubrovitsky L.P., Epaneshnikov V.S., Kazakova V.A., Kovalev O.G., Kudeneev S.V., Lysyagin O.B., Lyadov E.V., Mikhlin A.S., Seliverstov V.I., Filimonov O.V. Moscow, 2011.

[7] Commentary to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation (article-by-article). M. Dashkov and K. 2005. 21 p.

[8] Order No. 110 of the Ministry of Justice of the Russian Federation dated July 4, 2022 "On Approval of the Internal Regulations of Pre-trial Detention Facilities of the Penal Correction System, the Internal Regulations of Correctional Institutions and the Internal Regulations of Correctional Centers of the Penal Correction system" // Garant.ru (accessed 03/07/2026).

[9] Kovalev O.G. The role of rules internal regulations of pre-trial detention facilities in law enforcement and human rights activities carried out in places of detention // International Scientific Bulletin. 2025. No. 11. pp. 229-235.

[10] Kovalev O.G. The role of departmental control over the observance of legality and ensuring the rights of convicts and persons in custody // International Scientific Bulletin. 2025. No. 4. pp. 231-236.

[11] Kovalev O.G., Semenova N.V. Legal and psychological issues of legality in the detention of persons in custody // Journal of Applied Research. 2024. No. 7. pp. 136-139.

[12] Shcherbakov A.V., Kovalev O.G. Psychological, pedagogical, organizational and legal aspects of speech aggression as a factor disorganizing the activities of correctional institutions providing isolation from society // Bulletin of the penal enforcement system. 2023. No. 1 (248). pp. 47-54

[13] Balamut A.N., Kovalev O.G., Dikopoltsev D.E. Theoretical analysis of complex psychocorrective programs aimed at suicidal prevention of suspects, accused and convicted (organizational, social and psychological aspects) // Penal enforcement system: law, economics, management. 2023. No. 1. pp. 20-23.

[14] Kovalev O.G., Mikhailova A.M. The importance of search and inspection work in ensuring the regime of detention of suspects and accused // In the collection: The penitentiary system and society: experience of interaction. Materials of the 10th international scientific and practical conference. Perm, 2023. pp. 245-247.

[15] Vilkova A.V., Kovalev O.G. On the issue of studying the motivation of professional activity of the staff of the penitentiary system // Bulletin of Pskov State University. Series: Psychological and pedagogical sciences. 2023. No. 18. pp. 45-48.

[16] Kovalev O.G., Kovalchuk I.A., Chumanov Yu.V. Psychological features of the communicative sphere of employees of the special forces unit of the Federal Penitentiary Service of Russia // Psychology and pedagogy of official activity. 2021. No. 3. pp. 34-42.

- НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ -

Дата поступления рукописи в редакцию: 22.04.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-4-58-62
Дата принятия рукописи в печать: 03.05.2026 г.

КРОХИНА Юлия Александровна,
доктор юридических наук профессор,
профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин
Российского экономического университета
им. Г.В. Плеханова,
e-mail: mail@law-books.ru

НЕЦЕЛЕВОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ БЮДЖЕТНЫХ СРЕДСТВ: ПРОБЛЕМЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ И ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

Аннотация. *Принцип целевого расходования бюджетных средств закреплён в числе ключевых начал бюджетной системы Российской Федерации и отражает фундаментальное требование обеспечения законности в финансовой деятельности органов публичной власти. В современных социально экономических условиях российского государства особую актуальность приобретает создание эффективного правового механизма охраны правомерного расходования бюджетных средств с одновременным соблюдением конституционного принципа законности.*

Отсутствие единообразной терминологии между бюджетным, административным и уголовным правом, а также неоднозначность правоприменительной практики приводит к фактическому расхождению юридической квалификации нецелевого использования бюджетных средств в зависимости от привлекающего органа. Проведенный анализ судебной практики показал, что правоохранительные и контролирующие органы применяют расширительный подход толкования нецелевого использования бюджетных средств, аналогичный используемому КоАП РФ. Тем самым распространяется уголовную ответственность на лиц, не являющихся получателями бюджетных средств по смыслу ст. 6 БК РФ.

Аргументировано предложение о необходимости системной доработки законодательства и гармонизации понятийного аппарата с опорой на положения Бюджетного кодекса как специального закона в данной сфере.

Ключевые слова*: бюджетные средства, использование бюджетных средств, расходы бюджета, целевое использование бюджетных средств, нецелевое использование бюджетных средств, распорядитель бюджетных средств, получатель бюджетных средств.*

KROKHINA Yulia Aleksandrovna,
Doctor of Law, Professor,
Department of Civil Law Disciplines,
Plekhanov Russian University of Economics

MISAPPROPRIATION OF BUDGET FUNDS: ISSUES OF LEGISLATIVE SUPPORT AND LAW ENFORCEMENT

Annotation. *The principle of targeted spending of budget funds is enshrined among the key principles of the budgetary system of the Russian Federation and reflects the fundamental requirement to ensure legality in the financial activities of public authorities. In the current socio-economic conditions of the Russian Federation, the creation of an effective legal mechanism to protect the lawful spending of budget funds while simultaneously upholding the constitutional principle of legality is particularly urgent.*

The lack of uniform terminology between budgetary, administrative, and criminal law, as well as the ambiguity of law enforcement practices, leads to a de facto divergence in the legal classification of misappropriation of budget funds depending on the authorizing body. An analysis of judicial practice has shown that law enforcement and regulatory agencies apply a broad approach to inter-

preting the misappropriation of budget funds, similar to that used in the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation. This extends criminal liability to individuals who are not recipients of budget funds within the meaning of Article 6 of the Budget Code of the Russian Federation.

The proposal is substantiated regarding the need for a systematic revision of legislation and the harmonization of conceptual frameworks, drawing on the provisions of the Budget Code as a special law in this area.

Key words: *budget funds, use of budget funds, budget expenditures, targeted use of budget funds, misuse of budget funds, budget administrator, budget recipient.*

Принцип целевого расходования бюджетных средств обязывает использовать финансовые ресурсы, выделенные из бюджетов всех уровней, исключительно в соответствии с их назначением, определённым при утверждении нормативного правового акта о бюджете соответствующего публично-правового образования. Его юридическое содержание закреплено в ряде правовых актов, во главе которых — Бюджетный кодекс Российской Федерации (далее — БК РФ). БК РФ также устанавливает меры юридической ответственности за нарушение правил целевого расходования бюджетных средств, обеспечивая тем самым эффективность его реализации.

Статья 38 БК РФ вводит два взаимосвязанных начала: адресность и целевой характер использования бюджетных средств, определяя их как доведение бюджетных ассигнований и лимитов бюджетных обязательств до конкретных получателей с обязательным указанием целей их расходования.

Конкретизация понятия нецелевого использования содержится в статье 306.4 БК РФ, которая квалифицирует соответствующее поведение как направление средств бюджета и оплату денежных обязательств по целям, не соответствующим полностью или частично тем, которые установлены законом (решением) о бюджете, сводной бюджетной росписью, бюджетной сметой, договором (соглашением) либо иным правовым актом, на основании которого были выделены средства.

Из формулировки нормы вытекает, что несоответствие может быть не только полным, но и частичным, а перечень оснований для установления цели финансирования включает не только сам закон о бюджете, но также производные и подзаконные документы, в том числе договоры и соглашения [5]. Последнее обстоятельство свидетельствует о наличии ограниченного, но всё же присутствующего элемента условной диспозитивности при определении целевого характера средств: условия таких соглашений предусмотрены законодателем, однако их конкретное содержание формируется в рамках индивидуального регулирования. При этом статья 78 БК РФ детально регулирует условия заключения, расторжения и исполнения подобных соглашений.

Исходя из высокой значимости соблюдения принципа целевого использования бюджетных средств для стабильности и эффективности государственного управления [1], за его нарушение предусмотрены также меры административной и уголовной ответственности. Статья 15.14 Кодекса РФ об административных правонарушениях (КоАП РФ) квалифицирует нецелевое использование бюджетных средств как административное правонарушение. Параллельно, статья 285.1 Уголовного кодекса РФ (УК РФ) устанавливает уголовную ответственность за аналогичное деяние, совершённое в особо крупном размере или с иными квалифицирующими признаками.

Анализ судебной практики показывает, что правоприменительные органы к нецелевому расходованию относят такие действия, как:

- использование средств по контракту без соответствия цели закупки или без подтверждающих первичных документов;
- расходование средств за пределами утверждённой сметы;
- нарушение правил применения кодов бюджетной классификации;
- оплата расходов, на которые не выделялись лимиты;
- оплата расходов, предусмотренных иными бюджетами или внебюджетными источниками;
- перераспределение средств по статьям бюджетной классификации без санкции главного распорядителя бюджетных средств;
- оплата расходов, прямо не предусмотренных соглашением о предоставлении субсидии;
- направление бюджетных средств на цели, не связанные с основной деятельностью учреждения;
- использование субсидий на задачи, выходящие за рамки выполнения государственного или муниципального задания, в том числе на оплату труда сотрудников, не участвующих в этом задании [6].

Как видим, квалифицирующие признаки объективной стороны рассматриваемого правонарушения охватывают не только очевидные случаи явного расходования вне утверждённых

направлений, но и неочевидные отклонения, связанные с нарушением бюджетной процедуры, документооборота и внутреннего регулирования.

Терминологические расхождения между отраслями права, регулирующими ответственность за нецелевое использование бюджетных средств, являются важнейшей проблемой правоприменения [3]. В частности, различие в употреблении понятий «бюджетные средства» и «средства, полученные из бюджета» ведёт к отличиям в составе субъектов ответственности, что особенно проявляется при сравнении норм БК РФ, КоАП РФ и УК РФ.

Бюджетный кодекс (в частности, статья 306.4) строго связывает правонарушение в виде нецелевого использования бюджетных средств с участниками бюджетного процесса, что предполагает, что именно эти субъекты могут быть адресатами бюджетных санкций. К ним, в соответствии со статьёй 6 БК РФ, относятся органы государственной власти, органы управления внебюджетными фондами, органы местного самоуправления, а также казённые учреждения, действующие от имени публично-правовых образований.

КоАП РФ, напротив, использует как термин «бюджетные средства», так и «средства, полученные из бюджета», что позволяет существенно расширить перечень возможных субъектов административной ответственности. В частности, под действие статьи 15.14 КоАП РФ могут подпадать и автономные, бюджетные учреждения, и иные юридические лица, не обладающие статусом участников бюджетного процесса [7]. Такое расширительное толкование обусловлено отсутствием в законодательстве точного определения понятия «средства, полученные из бюджета», однако на практике под ним подразумеваются, в том числе, субсидии, гранты, средства целевых программ, предоставляемые не только учреждениям, но и физическим и юридическим лицам.

Уголовный кодекс РФ, с другой стороны, воспроизводит терминологию БК РФ и ссылается исключительно на должностных лиц получателей бюджетных средств (ПБС). Тем самым он ограничивает круг субъектов преступления положениями статьи 6 БК РФ, исключая, к примеру, работников автономных учреждений. Однако, как показывает практика, следственные органы и суды нередко идут по пути расширительного толкования, фактически приравнивая состав статьи 285.1 УК РФ к составу статьи 15.14 КоАП РФ [2].

На этот аспект обратил внимание и Конституционный Суд Российской Федерации, который в определении от 20.12.2016 № 2776-О указал, что статья 285.1 УК РФ должна применяться исключительно к должностным лицам получателей бюджетных средств, то есть к тем субъектам, которые прямо перечислены в статье 6 БК РФ. В решении подчёркивается, что диспозиция статьи 285.1 УК РФ корреспондирует положениям статьи 306.4 БК РФ, и не содержит элементов правовой неопределённости [8].

Несмотря на такую позицию Конституционного Суда, на практике органы финансового контроля и следственные органы продолжают применять статью 285.1 УК РФ в отношении лиц, не входящих в перечень субъектов бюджетного процесса [4]. Таким образом, складывается ситуация, при которой де-факто трактование нормы идёт вразрез с её де-юре содержанием, что порождает значительные правовые риски, включая возможность необоснованного уголовного преследования.

Практика разрешения споров, касающихся нецелевого использования бюджетных средств, демонстрирует, как судебная система фактически формирует критерии допустимого расходования в условиях правовой неопределённости. Принцип целевого назначения средств приобретает реальное содержательное наполнение именно в судебных решениях, поскольку законодательство зачастую оставляет слишком широкий простор для толкования.

Так, в одном из дел суд признал нецелевым расходом выплату зарплаты и премий сотрудникам учреждения, финансируемого за счёт субсидии на выполнение муниципального задания. Нарушение заключалось в том, что работники не соответствовали квалификационным требованиям: у одного из них отсутствовало профильное образование (в частности, по специальности «физическая культура и спорт»), а у другого — профиль вовсе не соответствовал должности (вместо образования по направлению «спортивные сооружения» было среднее профессиональное образование повара). Также было установлено, что выплата стимулирующих надбавок и премий производилась без учёта установленных показателей эффективности, что стало ещё одним основанием для признания расходов нецелевыми [9].

Особую правовую коллизию представляет вопрос: имеет ли право лицо, исполняющее обязанности руководителя учреждения, самостоятельно назначить себе премию? Сложившееся судебная практика содержит противоположные позиции.

В одном случае, когда заместитель руководителя исполнял обязанности директора до назначения на вакантную должность и при этом самостоятельно подписывал приказы о премировании без согласования с учредителем, суд признал такое премирование неправомерным, а соответствующие расходы — нецелевыми. Основанием послужило то, что заместитель фактиче-

ски исполнял функции директора, а потому должен был согласовывать такие выплаты с органом-учредителем, как это предусмотрено общими правилами премирования руководителей бюджетных учреждений. Данный вывод был поддержан Верховным Судом РФ.

Однако в другом случае, когда заместитель временно исполнял обязанности руководителя без назначения на соответствующую должность, суд признал премирование допустимым, поскольку руководителем формально продолжало считаться само учреждение, а не орган-учредитель. В этом случае выплаты регулировались внутренними локальными актами учреждения, и суд не усмотрел нарушения порядка использования субсидии [10].

Суды также указывают, что даже в случае устранения нарушения (например, возврат ошибочно выплаченной премии или корректировка кассовых расходов), факт правонарушения не устраняется, и ответственность за нецелевое использование наступает. Само устранение ошибки не освобождает учреждение от санкций, так как это — лишь исполнение императивной обязанности, а не доказательство отсутствия вины [11].

Один из проблемных вопросов применения ответственности за нецелевое расходование бюджетных средств — связь произведенных расходов с основной деятельностью учреждения. В качестве примера можно привести дело, в котором суд признал нецелевым расходование субсидии на оплату труда сотрудников общежития колледжа. Суд указал, что основная деятельность учреждения — образовательная, тогда как предоставление услуг по проживанию является дополнительной функцией, не предусмотренной государственным заданием. Хотя колледж ссылался на то, что общежитие не является источником дохода и входит в структуру учреждения, суд разъяснил, что его содержание должно финансироваться из иных источников — платы за проживание, средств регионального бюджета, внебюджетных поступлений [12].

Ошибочное представление со стороны руководства учреждений относительно приоритетных направлений своей основной деятельности часто становится причиной расходования бюджетных средств не по назначению. Это явление получило широкое распространение, особенно в ситуациях, связанных с финансированием работы столовых, общежитий, предоставлением служебного транспорта, приобретением различного рода оборудования [13] и т.п. Подобные ошибки нередко проистекают из-за недостаточной ясности в формулировках государственных заданий и стандартов, что вынуждает суды толковать намерения авторов этих документов.

Принцип целевого использования бюджетных средств представляет собой не только теоретически важное начало бюджетного законодательства, но и объект судебного толкования. Поскольку универсально охватить в законодательстве все возможные специфические случаи невозможно, именно суды играют определяющую роль в конкретизации этого принципа применительно к каждому индивидуальному случаю.

Рассмотренные судебные дела наглядно демонстрируют одну из ключевых проблем практической реализации принципа целевого расходования бюджетных средств — недостаточная конкретизация государственных заданий, двусмысленность формулировок нормативных правовых актов, а также расхождения между содержанием государственных программ и реальными условиями функционирования учреждений. Особенно отчетливо эта проблема проявляется в случаях, когда расходование средств связано с обеспечением вспомогательных или инфраструктурных функций учреждения.

Частично нивелировать выявленные проблемы возможно путем:

- гармонизации понятийного аппарата между отраслями законодательства;
- уточнения критериев отнесения расходов к целевым в нормативных актах и типовых заданиях;
- нормативной детализации спорных категорий (например, «работы, не связанные с выполнением задания», «содержание имущественной инфраструктуры учреждения», «непроизводственные расходы»);
- закрепления механизмов учета судебной практики при оценке правомерности расходов в актах финансового контроля.

Таким образом, в процессе использования бюджетных средств особую актуальность приобретает вопрос о выборе оптимальных, логичных и конструктивных законодательных решений, создании эффективных финансово-правовых норм (норм бюджетного законодательства) в части противодействия нарушениям и преступлениям в бюджетной сфере, обеспечивающих справедливость и единообразное применение. Решение поставленного вопроса обуславливает интегративное изучение перспектив унификации правовых предписаний различных отраслей права, вопросов межотраслевой дифференциации с одновременной синергией судебной доктрины.

Список литературы:

[1] Канунникова Н.Г. Специфика административной ответственности за нецелевое использование бюджетных средств // Безопасность бизнеса. 2020. N 4. С. 15 - 18.

[2] Клещенко Ю.Г. Возвращение уголовных дел о нецелевом расходовании бюджетных средств на дополнительное следствие // Образование. Наука. Научные кадры. 2024. № 3. С. 88—93.

[3] Королева Я.Ю. Ответственность за нецелевое использование средств субсидии на госзадание: пример из судебной практики // Руководитель бюджетной организации. 2022. N 5. С. 48 - 57.

[4] Полтарыхин В. А. Юридико-лингвистический анализ понятия «нецелевое расходование бюджетных средств» (ст. 285.1 УК РФ) // Юрислингвистика. – 2024. – 31. – С. 34-39.

[5] Письмо Минфина России от 16.07.2025 N 02-05-10/69424.

[6] См., например: Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 22.07.2025 N Ф06-4290/2025 по делу N А55-2517/2024; Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 07.03.2023 N Ф01-329/2023 по делу N А39-6503/2021; Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 18.02.2020 N Ф02-174/2020 по делу N А69-213/2019: Кассационное определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 25.12.2025 N 77-3327/2025 (УИД 77RS0027-02-2022-011112-22; Кассационное определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 20.08.2025 N 88а-20549/2025 (УИД 61RS0036-01-2024-002916-74).

[7] Письмо Минфина России от 22.05.2025 N 02-09-10/50334.

[8] См.: Определение Конституционного Суда РФ от 20.12.2016 N 2776-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Сучкова Александра Алексеевича на нарушение его конституционных прав пунктом «б» части второй статьи 285.1 Уголовного кодекса Российской Федерации».

[9] См.: Решение Ленинского районного суда г. Краснодара от 20 июля 2022 г. № 12-928/2022.

[10] См.: Решение Арбитражного суда Архангельской области от 6 июня 2022 по делу № А05-2180/2022.

[11] См.: Постановление АС Северо-Кавказского округа от 17.01.2024 по делу N А32-30210/2023; Решение Краснодарского краевого суда от 6 июля 2022 г. по делу № 21-1789/2022 .

[12] См.: Постановление 15-го ААС от 15.02.2024 по делу N А32-33960/2022.

[13] См.: Постановление АС ВСО от 14.02.2019 № Ф02-6422/2018 по делу № А58-4308/2017; Решение Павлово-Посадского городского суда Московской области от 4 июля 2022 г. по делу № 12-97/2022 .

References:

[1] Kanunnikova N.G. Specifics of administrative responsibility for misuse of budget funds//Business security. 2020. N 4. S. 15-18.

[2] Kleshchenko Yu.G. Return of criminal cases on misuse of budget funds for additional investigation//Education. Science. Scientific cadres. 2024. № 3. S. 88-93.

[3] Queen Y.Yu. Responsibility for the misuse of state grant funds: an example from judicial practice// Head of a budgetary organization. 2022. N 5. S. 48-57.

[4] Poltarykhin V. A. Legal and linguistic analysis of the concept of “misuse of budget funds” (Article 285.1 of the Criminal Code of the Russian Federation)//Jurislinguistics. – 2024. – 31. - S. 34-39.

[5] Letter of the Ministry of Finance of Russia dated 16.07.2025 N 02-05-10/69424.

[6] See, for example: Resolution of the Arbitration Court of the Volga Region of 22.07.2025 N F06-4290/2025 in case N A55-2517/2024; Resolution of the Arbitration Court of the Volga-Vyatka District of 07.03.2023 N F01-329/2023 in case N A39-6503/2021; Ruling of the Arbitration Court of the East Siberian District of 18.02.2020 N F02-174/2020 in case N A69-213/2019: Cassation ruling of the Second Cassation Court of General Jurisdiction of 25.12.2025 N 77-3327/2025 (UID 77RS0027-02-2022-011112-22; Cassation ruling of the Fourth Cassation Court of General Jurisdiction of 20.08.2025 N 88a -20549/2025 (UID 61RS0036-01-2024-002916-74).

[7] Letter of the Ministry of Finance of Russia dated 22.05.2025 N 02-09-10/50334.

[8] See: Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation of 20.12.2016 N 2776-O “On refusal to accept for consideration the complaint of citizen Suchkov Alexander Alekseevich about violation of his constitutional rights by paragraph “b” of part two of Article 285.1 of the Criminal Code of the Russian Federation.”

[9] See: Decision of the Leninsky District Court of Krasnodar dated July 20, 2022 No. 12-928/2022.

[10] See: Decision of the Arbitration Court of the Arkhangelsk Region dated June 6, 2022 in case No. A05-2180/2022.

[11] See: Resolution of the NP of the North Caucasus District of 17.01.2024 in case No. A32-30210/2023; The decision of the Krasnodar Regional Court of July 6, 2022 in case No. 21-1789/2022.

[12] See: Ruling of the 15th AAC of 15.02.2024 in case N A32-33960/2022.

[13] See: Resolution of the NPP VSO dated 14.02.2019 No. F02-6422/2018 in case No. A58-4308/2017; Decision of the Pavlovo-Posad City Court of the Moscow Region dated July 4, 2022 in case No. 12-97/2022.

Дата поступления рукописи в редакцию: 07.04.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.05.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3830-2026-4-63-69

АМЕТКА Фатма Аблямитовна,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры теории и истории государства и права
Крымского юридического института (филиала)
Университета прокуратуры Российской Федерации,
e-mail: fatmf18@mail.ru

ПОТАПОВА Лариса Витальевна,
кандидат исторических наук, доцент,
доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин
Крымского юридического института (филиала)
Университета прокуратуры Российской Федерации,
https://orcid.org/0000-0002-6942-316),
e-mail: polavit@yandex

ПОТАПОВ Денис Валерьевич,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры права Азовского государственного
педагогического университета,
e-mail: Potapov.Denis.1990@mail.ru,

РОЛЬ ОРГАНОВ ПРОКУРАТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В РЕАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО МОНИТОРИНГА УЩЕРБА ОТ ЗАРУБЕЖНЫХ ИСТОЧНИКОВ: МЕХАНИЗМ ЗАЩИТЫ НАЦИОНАЛЬНОГО СУВЕРЕНИТЕТА

Аннотация. *Настоящее исследование посвящено анализу механизмов противодействия Российской Федерации комплексному внешнему давлению, выраженному в масштабных санкционных режимах и прямых враждебных акциях. В работе проводится оценка последствий ограничительных мер для критически важных секторов экономики, в первую очередь для импорта высокотехнологичной продукции, а также материального ущерба, причиненного в результате атак на объекты инфраструктуры. Особое внимание уделяется новому правовому и организационному инструменту – системе государственного мониторинга вреда, причиненного иностранными источниками. Детально рассматриваются структура и регламент ведения регистра, находящегося в юрисдикции Генеральной прокуратуры, выделяя три категории субъектов, понесших ущерб: физические лица, юридические лица и государство. В результате исследования авторы приходят к выводу, что несмотря на создание формализованной процедуры сбора и учета данных, система сталкивается с существенными практическими и методологическими барьерами. К проблемам относятся дефицит эффективного межведомственного взаимодействия и ошибки в процессах документооборота, а также сложность доказательства причинно-следственной связи между действиями иностранных субъектов и наступившими негативными последствиями, особенно в контексте опосредованного ущерба, например, вызванного санкционным давлением.*

Ключевые слова*: санкции, ущерб, иностранные источники, государственный мониторинг, реестр ущерба, прокуратура.*

AMETKA Fatma Ablyamitovna,
Candidate of Law, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Theory and History
of State and Law Crimean Law Institute (branch)
University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation

POTAPOVA Larisa Vitalievna,
Candidate of Historical Sciences, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Civil Law Disciplines
Crimean Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office
of the Russian Federation

POTAPOV Denis Valerievich,
Candidate of Law,
Associate Professor of the Department of Law
The Azov State Pedagogical University

THE ROLE OF THE PROSECUTOR'S OFFICE OF THE RUSSIAN FEDERATION IN THE IMPLEMENTATION OF STATE MONITORING OF DAMAGE FROM FOREIGN SOURCES: A MECHANISM FOR PROTECTING NATIONAL SOVEREIGNTY

Annotation. *This study is devoted to the analysis of the mechanisms of countering the complex external pressure of the Russian Federation, expressed in large-scale sanctions regimes and direct hostile actions. The paper assesses the effects of restrictive measures on critical sectors of the economy, primarily on imports of high-tech products, as well as material damage caused as a result of attacks on infrastructure facilities. Special attention is paid to a new legal and organizational tool – the system of state monitoring of harm caused by foreign sources. The structure and regulations of the register under the jurisdiction of the Prosecutor General's Office are considered in detail, highlighting three categories of entities that have suffered damage: individuals, legal entities and the state. As a result of the study, the authors conclude that despite the creation of a formalized procedure for data collection and accounting, the system faces significant practical and methodological barriers. The problems include the lack of effective interagency cooperation and errors in document management processes, as well as the difficulty of proving a causal relationship between the actions of foreign actors and the negative consequences that have occurred, especially in the context of indirect damage, for example, caused by sanctions pressure.*

Key words: *sanctions, damages, foreign sources, state monitoring, register of damages, prosecutor's office.*

Введение

Современный этап для России отмечен комплексом серьезных внешнеполитических и экономических трудностей. Ключевым фактором здесь выступают беспрецедентные санкции, введенные западными странами. Их пик пришелся на период после 2022 года, в результате чего общее число ограничений в отношении России превысило 10 тысяч. Хотя изначальной целью санкционного режима было ослабление экономики и создание предпосылок для внутренней нестабильности, ожидания инициаторов не оправдались в полной мере: Россия смогла адаптироваться и избежать худшего сценария.

По мнению С.А. Перехода: «Геополитическая конфронтация России и ведущих стран мировой экономики после 2014 г. резко возросла. Санкционные ограничения в миро вой экономике не являются чем-то существенно новым: в истории множество стран было подвержено ограничениям извне. Однако санкции, которые являются инструментом давления на политику страны, сектор государства или конкретных лиц, имеют довольно спорный характер в проявлении своей эффективности. Это подтверждается большой дискуссией в научном сообществе относительно необходимости их применения» [1, С.117].

Одной из наиболее ощутимых сфер, затронутых санкциями, оказалась транспортная, страны ЕС, США, Канады и иных государств ввели ограничения или полный запрет на использование воздушного пространства для судов гражданской авиации России, заблокировали портов для российских судов [2]. Отток множества зарубежных фирм из России и ужесточение экономических ограничений против нее наглядно показали зависимость нашей страны от западных технологий. Так, согласно статистике ввозимых товаров, машины и оборудование составляют более половины российского импорта. Наиболее уязвимой оказалась медицинская сфера, прекратились поставки из Европы радионожей, дымоотсосов из США, шовного материала, расходного материала: катетеров, стентов, морциляторных контейнеров, эндоскопического и наркозного оборудования. Полностью прекращены поставки

из Германии расходных материалов для ЭКО, комплектов и запасных частей для высокотехнологичного медицинского оборудования в РФ [3].

Наиболее уязвимой оказалась медицинская сфера. Санкции серьезно изменили рынок медоборудования в России, вызвав дефицит, который угрожает качеству медицины и здоровью граждан. По данным Минпромторга, более 60% оборудования было импортным, и спад поставок делает труднодоступными важнейшие диагностические и терапевтические устройства. «Санкции снизили импорт на 45% в 2022 году, что привело к дефициту высокотехнологичного оборудования и комплектующих. Сроки поставок увеличились на 30%, а цены — на 20%. Это осложняет закупку и ремонт техники, особенно в государственных учреждениях, где ощущается нехватка запчастей и сервисного обслуживания. Около 50% медучреждений сталкиваются с трудностями в обслуживании оборудования» [4].

Основная часть

С момента начала специальной военной операции территория Российской Федерации подвергается систематическим обстрелам и диверсионным актам с применением ракетного вооружения и беспилотных летательных аппаратов. Удары наносятся по объектам критической инфраструктуры, включая нефтехранилища, НПЗ, аэродромы и энергетические узлы, что причиняет значительный ущерб экономике страны. Наибольшую тяжесть последствий составляют человеческие жертвы среди гражданского населения, включая детей. Так, ущерб от взрыва на Крымском мосту в октябре 2022 года по оценкам Следственного комитета России составил около 7 млрд рублей., а ущерб от одной только водной и энергетической блокады составляет более 14 трлн. рублей [5]. Совершенная враждебными государствами диверсия на газопроводах «Северный поток» и «Северный поток – 2» 26 сентября 2022 года нанесла непоправимый ущерб России, поскольку это была крупнейшая атака на европейскую инфраструктуру со времен Второй мировой войны. В результате серии взрывов были разрушены обе нитки «Северного потока – 1» и одна из двух нитей «Северного потока – 2». Генпрокуратура сообщила, что в результате действий террористов России был «причинен существенный экономический ущерб» [6]. Ущерб от атак Вооруженных сил Украины в 2024 г. в Курской области составил примерно 750 млрд руб. [7].

По сведениям, представленным Следственным комитетом РФ «только «в 2024 году в Судебно-экспертным центром выполнено около 900 комплексных оценочных строительно-технических экспертиз, в том числе по объектам в Брянской, Белгородской, Курской, Московской, Рязанской и Волгоградской областях. Исследовано более 25 тыс. зданий и объектов инфраструктуры, их восстановительная стоимость составила почти 60 млрд руб.», – говорится в сообщении ведомства [8].

В том числе, по имеющейся у Следственного комитет РФ информации «материальный ущерб от действий ВСУ в российских регионах по итогам экспертиз 2024 года превысил 60 миллиардов рублей. «Были представлены сведения о работе по установлению ущерба, причиненного преступными действиями украинских боевиков. Исследовано более 25 тысяч зданий и объектов инфраструктуры, их восстановительная стоимость составила почти 60 миллиардов рублей», — сказали в СК РФ. Результаты исследования были переданы главе ведомства Александру Бастрыкину. Отмечается, что сумма ущерба была рассчитана после проведения за год около 900 комплексных оценочных строительно-технических экспертиз. Исследованы были объекты на территории Брянской, Белгородской, Курской, Московской, Рязанской и Волгоградской областей [9].

В 2024 году зампред Совбеза РФ Дмитрий Медведев призвал «ускорить разработку реестра причиненного России ущерба как реального, так и упущенной выгоды от ограничений экономической деятельности, наложенных многочисленными пакетами западных санкций. По его словам, в дальнейшем «требования о компенсациях будут предъявлены как в нашей стране, так и в иностранных юрисдикциях. Также Медведев отметил, что необходимо подсчитать реальный урон, нанесенный западными санкциями экономике России, ее гражданам и предприятиям, а также упущенную выгоду от ограничения экономической деятельности» [10].

В связи с этим, Президент Российской Федерации В. В. Путин в мае 2025 года подписал Указ № 335 «О государственном мониторинге вреда, причиненного Российской Федерации, субъектам Российской Федерации, федеральной территории «Сириус», муниципальным образованиям, физическим лицам и организациям иностранными источниками»(далее – Указ №335) [11]. Данным документом полномочия по координации мероприятий переданы органам прокуратуры, ответственным за сбор, проверку и упорядочение сведений о понесённом вреде.

Под иностранными источниками вреда в указе понимаются государства, перечень которых устанавливается Правительством РФ в соответствии с положениями Указа Президента «О временном порядке исполнения обязательств перед некоторыми иностранными кредиторами» [12]. В подготовленном правительством перечне

«недружественных стран» указаны, в частности, все 27 государств Евросоюза, США, Украина, Австралия, Великобритания, Канада, Лихтенштейн, Микронезия, Монако, Новая Зеландия, Норвегия, Швейцария и Япония [13].

В целях реализации Указа № 335 Генеральным прокурором Российской Федерации издан приказ от 05.06.2025 № 396 «Об организации работы по осуществлению государственного мониторинга вреда, причиненного иностранными источниками» (далее – Приказ№396) [14], который вводит систему мониторинга вреда, причиняемого иностранными источниками. Согласно приказу, основой для этого мониторинга служат данные из уголовных дел и проверок о преступлениях иностранных военных и боевиков против мирных жителей и инфраструктуры. Ведение специального регистра таких инцидентов поручено Главному управлению Генеральной прокуратуры, которое будет использовать для этого особое программное обеспечение. Приказ детально определяет, какая информация заносится в регистр: от данных о пострадавшем и обстоятельств произошедшего до информации о расследовании и попытках возместить ущерб. Формирование и ведение регистра на основании указанных источников осуществляется Главным управлением по надзору за следствием, дознанием и оперативно-разыскной деятельностью Генеральной прокуратуры Российской Федерации с использованием специального программного обеспечения.

Регистр разграничен по категориям потерпевших. В частности, в раздел «А» вынесены физические лица, которым нанесли ущерб в имущественной (жилье, транспорт и т. д.) или экономической (санкции) форме, а также личный вред (лишение свободы, пытки, вред здоровью, утрата трудоспособности, принудительный труд и прочее). В разделе «Б» речь идет об уничтожении или повреждении собственности компаний и организаций, включая коммунальную инфраструктуру, жилой фонд, а также ущерб культурно-историческим и религиозным объектам. Сюда же относится потеря контроля над имуществом и ущерб из-за его перемещения или наложенных санкций. В раздел «С» включены все виды причиненного «иностранными источниками» вреда государству, его учреждениям и организациям, в том числе медицинским, спортивным и образовательным, ущерб собственности и окружающей среде, а также расходы, связанные с гуманитарной помощью пострадавшим, оказанием им медицинской или иной помощи, а также выплатой компенсаций за нанесенный вред.

В соответствии с Приказом № 396, прокуратуры субъектов РФ издают внутренние организационно-распорядительные документы. Данными актами распределяются обязанности между профильными подразделениями, а для координации этой работы создаются рабочие группы под руководством заместителя прокурора субъекта.

Непосредственная задача по оперативной обработке информации и её последующему представлению в Генеральную прокуратуру РФ возлагается на сотрудников 15-го управления. В число их функций входит: организация обработки сообщений городскими и районными прокуратурами; контроль за получением от них заключений о внесении сведений в регистр; проверка корректности заполнения форм и полноты пакета подтверждающих документов.

Сообщение считается принятым к учёту только после его всесторонней проверки и одобрения курирующим прокурором. В случае обнаружения неполных или недостоверных сведений запускается процедура их устранения.

Дежурный прокурор еженедельно обобщает поступающую от нижестоящих прокуратур и иных подразделений информацию. В ходе её обработки проводится проверка на полноту, достоверность, а также выявление дублирующих сведений. По итогам этой работы к установленному сроку (каждый вторник) формируется аналитическая записка о выполненных мероприятиях с предложениями для информирования Генпрокуратуры РФ, а также отдельный отчёт со списком всех обработанных происшествий.

Приказом Генерального прокурора РФ от 05.06.2025 № 397[15] утверждено Положение о порядке межведомственного взаимодействия при формировании регистра сведений о вреде, причиненном иностранными источниками. Данным приказом утвержден регламент межведомственного взаимодействия по формированию реестра ущерба от иностранных источников. Согласно документу, все органы публичной власти обязаны собирать и проверять данные о таком ущербе, а затем направлять их в прокуратуру. Взаимодействие включает обмен информацией, совместные проверки и сверку данных для обеспечения их полноты и достоверности.

С февраля 2022 года прокуратура ведёт общий реестр всех происшествий, проверок и уголовных дел. В июле его предоставили городским и районным прокурорам. Информация поступает еженедельно из отчётов региональных прокуратур. При проверке данных выяснилось, что не все случаи были учтены, поэтому в реестр добавили сведения от других госорганов (МЧС, Минздрава и др.), особенно когда сами потерпевшие в полицию не обращались.

Для повышения эффективности ведения регистра прокуратуры регионов разработали для

районных прокуроров типовые формы мотивированных заключений о наличии или отсутствии оснований для внесения сведений об ущербе от иностранных источников.

Кроме того, Управление по надзору за уголовно-процессуальной и оперативно-розыскной деятельностью прокуратуры республики из ГУ МЧС России по Республике Крым получают информацию получают и обрабатывают информационные письма о погибших, раненных гражданах, пострадавших от воздействия Вооруженных сил Украины на территории республики, а также о пострадавших объектах. В настоящее время вышеуказанным управлением обеспечивается заполнение регистров по утвержденным формам, подготовка заключений и получение необходимых подтверждающих документов в целях их дальнейшего направления в Генеральную прокуратуру.

В связи с этим, выявлены системные недостатки в работе прокурорских органов: некорректное и несвоевременное заполнение регистров, низкий уровень межведомственного и внутреннего взаимодействия. Для устранения разработан комплекс методических мер.

На республиканском уровне сохраняется проблема высоких временных затрат на проверку информации и исправление ошибок.

Для оптимизации межведомственного документооборота с Генеральной прокуратурой РФ создана рабочая группа. Взаимодействие осуществляется в автоматизированном режиме, который предусматривает интеграцию корректных данных и отклонение ошибочных.

Одной из проблемных категорий, требующих дальнейшей юридической конкретизации, является определение вреда, причиненного иностранными источниками. Как отмечается в экспертной среде» [16], действующая законодательная конструкция предполагает расширительное толкование данного понятия, охватывая как материальный, так и нематериальный ущерб, включая вред жизни и здоровью. Подобная трактовка создает правовые основания для предъявления государством регрессных исков. При этом рассматриваемый правовой институт находится в системной взаимосвязи с реализуемой государственной политикой контроля за деятельностью иностранных агентов, что указывает на формирование комплексного механизма противодействия внешнему деструктивному воздействию

Сбор и систематизацию информации осложняют две ключевые проблемы. Во-первых, в текущих международных условиях сложно доказать прямую связь между действиями иностранного субъекта и наступившим ущербом, особенно при опосредованном воздействии (например, санкциях). Во-вторых, не существует универсальных методик оценки нематериального ущерба (репутационного, стратегического, упущенной выгоды). Это приводит к фрагментарности доказательств в реестре, ограничивая их использование в суде и для расчёта контрмер.

Заключение

Таким образом, исследование показывает, что созданная в ответ на враждебные иностранные действия система мониторинга ущерба, несмотря на прочную правовую базу, на практике сталкивается с серьезными трудностями. К ним относятся слабое межведомственное взаимодействие, ошибки в документации и, главное, проблемы с доказыванием причинно-следственных связей и оценкой нематериального вреда.

Создание в России системы государственного мониторинга ущерба от иностранных источников является закономерным институциональным ответом на беспрецедентное внешнее давление, сочетающее санкционную войну и прямые силовые действия против инфраструктуры. Ее учреждение свидетельствует о переходе от констатации ущерба к попытке его систематизации с перспективой юридической квалификации и возможного предъявления компенсационных требований в будущем.

Однако практическая эффективность этого инструмента на данном этапе остается ограниченной. Успех всей инициативы будет напрямую зависеть от решения фундаментальных задач: преодоления межведомственных барьеров, разработки и законодательного закрепления унифицированных методик оценки всего спектра ущерба (особенно нематериального), а также формирования неопровержимых доказательственных цепочек, которые будут признаваемы за пределами национальной юрисдикции.

До тех пор, пока эти проблемы не будут устранены, реестр ущерба рискует остаться внутренним учетным инструментом с высокой символической, но низкой практико-применимой ценностью. Его потенциал как основания для реальных международно-правовых действий или расчета асимметричных ответных мер остается нераскрытым. Дальнейшее развитие системы должно быть сосредоточено не на расширении регистрации, а на повышении качества, юридической безупречности и международной убедительности собираемых данных.

Список литературы:

[1] Переход, С. А. Международные санкции против России (2014-2024 гг.): оценка и последствия для финансового рынка / С. А. Переход, А. В. Мхитарян, Д. С. Селифонкина // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2024. № 4. С. 116-138.

[2] Решения ряда иностранных государств об одностороннем прекращении полетов для российских авиакомпаний ограничили не только граждан нашей страны, но и крайне негативно отразились на гражданах этих государств 21 марта 2022г. URL: https // https://www.alta.ru/logistics_news/88174/ (дата обращения: 10.02.2026г.).

[3] Санкции на медицинское оборудование. Последствия и перспективы на 2023. – URL: // https://zerts.ru/informatsionnyy-tsentr/stati/1548/ (дата обращения: 14.03.2026г.).

[4] Влияние санкций на рынок медицинского оборудования в России: последствия и перспективы – URL: https://medical-trade.ru/blog/vliyanie-sanktsiy-na-rynok-meditsinskogo-oborudovaniya-v-rossii-posledstviya-i-perspektivy.html?ysclid=mid5irdbcb953633633(дата обращения: 12.03.2026г.).

[5] Крымские власти оценили ущерб от водной блокады полуострова // РИА Новости. 23.12.2023 г. – URL://ria.ru/20231223/blokada-1917695557.html (дата обращения: 12.03.2026г.).

[6] Версии поставлены на поток. Кто три года назад подорвал трубопроводы в Балтийском море. // КоммерсантЪ. 26.09.2025 – URL: https:// www.kommersant.ru/doc/8076436 (дата обращения: 12.03.2026г.).

[7] Овчинникова Ю. Ущерб от вторжения ВСУ в Курскую область достиг 750 млрд руб. – URL: https:// www.rbc.ru/ politics /23/01/2025/6792218f9a7947cf09448493 (дата обращения: 15.03.2026г.).

[8] СК оценил в 60 млрд рублей ущерб от действий ВСУ на территории РФ. Редакция сайта ТАСС 14 ноября 2024 // URL: https://tass.ru/proisshestviya/22398829 (дата обращения: 15.03.2026г.).

[9] СК посчитал ущерб от действий ВСУ на территории России URL: https: // ura.news/news / 1052843253?ysclid =mid4ugp1t4239673740 (дата обращения: 14.03.2026г.).

[10] Медведев призвал ускорить создание реестра ущерба от санкций Запада – URL: https:// www.pnp.ru/politics/medvedev-prizval-uskorit-sozdanie-reestra-ushherba-ot-sankciy-zapada.html (дата обращения: 14.03.2026г.).

[11] Указ Президента Российской Федерации от19.05.2025г. №335 «О государственном мониторинге вреда, причиненного Российской Федерации, субъектам Российской Федерации, федеральной территории «Сириус», муниципальным образованиям, физическим лицам и организациям иностранными источниками» // Собрание законодательства РФ, 26.05.2025, № 21, ст. 2638

[12] Указ Президента Российской Федерации от 05.03.2022 № 95 (ред. от 01.07.2025) «О временном порядке исполнения обязательств перед некоторыми иностранными кредиторами» // Собрание законодательства РФ, 07.03.2022, № 10, ст. 1472.

[13] Распоряжение Правительства РФ от 05.03.2022 «430-р (ред. от 29.10.2022) «Об утверждении перечня иностранных государств и территорий, совершающих недружественные действия в отношении Российской Федерации, российских юридических и физических лиц» // Собрание законодательства РФ, 14.03.2022, № 11, ст. 1748.

[14] Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 5 июня 2025 Г. № 396 «об организации работы по осуществлению государственного мониторинга вреда, причиненного иностранными источниками» // Законность. 2025.№ 7(1089). С. 64-72.

[15] Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 05.06.2025 № 397 «Об утверждении Положения о порядке межведомственного взаимодействия при формировании регистра сведений о вреде, причиненном иностранными источниками». // Законность. 2025. № 7(1089). С. 72-73.

[16] Мы видим базовый нормативный акт для мониторинга причиненного вреда» – URL: https:// www.kommersant.ru/doc /7737934 (дата обращения: 14.03.2026г.).

References:

[1] Transition, S. A. International sanctions against Russia (2014-2024): assessment and consequences for the financial market/S. A. Transition, A. V. Mkhitaryan, D. S. Selifonkina//Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences. 2024. № 4. S. 116-138.

[2] The decisions of a number of foreign states on the unilateral termination of flights for Russian airlines limited not only the citizens of our country, but also had an extremely negative impact on the citizens of these states on March 21, 2022. URL: https// https://www.alta.ru/logistics_news/88174/ (accessed 10.02.2026).

[3] Sanctions on medical equipment. Implications and prospects for 2023. - URL :// https://zerts.ru/informatsionnyy-tsentr/stati/1548/ (accessed 14.03.2026).

[4] Impact of Sanctions on the Medical Device Market in Russia: Implications and Prospects - URL: https://medical-trade.ru/blog/vliyanie-sanktsiy-na-rynok-meditsinskogo-oborudovaniya-v-rossii-posledstviya-i-perspektivy.html?ysclid=mid5irdbcb953633633 (Accessed 12.03.2026).

[5] Crimean authorities assessed the damage from the water blockade of the peninsula//RIA Novosti. 23.12.2023 - URL ://ria.ru/20231223/blokada-1917695557.html (accessed: 12.03.2026).

[6] Versions are streamed. Who blew up pipelines in the Baltic Sea three years ago .//Kommersant. 26.09.2025 - URL: https://www.kommersant.ru/doc/8076436 (accessed 12.03.2026).

[7] Ovchinnikova Yu. The damage from the invasion of the Armed Forces of Ukraine in the Kursk region reached 750 billion rubles. - URL: https:// www.rbc.ru/ politics/ 23/01/2025/6792218f9a794 7cf09448493 (circulation date: 15.03.2026).

[8] The UK estimated the damage from the actions of the Armed Forces of Ukraine on the territory of the Russian Federation at 60 billion rubles. TASS website edition November 14, 2024//URL: https://tass.ru/proisshestviya/22398829 (accessed: 15.03.2026).

[9] The UK considered the damage from the actions of the Armed Forces of Ukraine in Russia URL: https ://ura.news/news/ 1052843253? ysclid = mid4ugp1t4239673740 (accessed: 14.03.2026).

[10] Medvedev called for speeding up the creation of a register of damage from Western sanctions - URL: https://www.pnp.ru/politics/medvedev-prizval-uskorit-sozdanie-reestra-ushherba-ot-sankciy-zapada.html (accessed: 14.03.2026).

[11] Decree of the President of the Russian Federation dated 19.05.2025. No. 335 “On state monitoring of harm caused to the Russian Federation, constituent entities of the Russian Federation, the federal territory “Sirius,” municipalities, individuals and organizations by foreign sources “//Collection of legislation of the Russian Federation, 26.05.2025, No. 21, Art. 2638

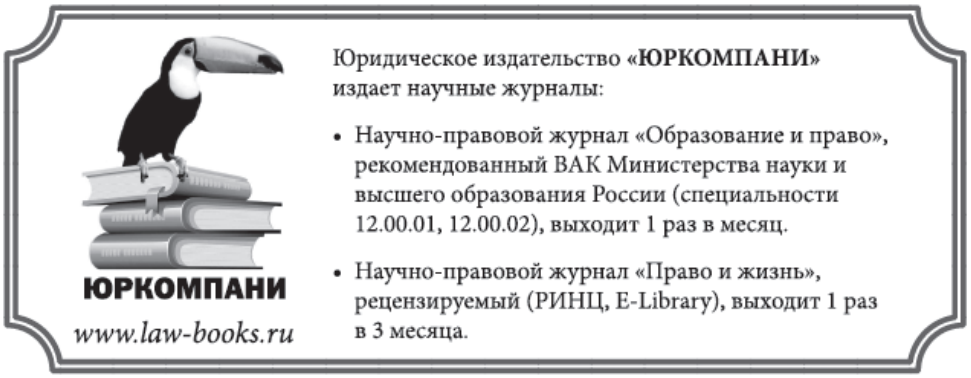
[12] Decree of the President of the Russian Federation of 05.03.2022 No. 95 (as amended on 01.07.2025) “ On the temporary procedure for fulfilling obligations to certain foreign creditors “//Collection of Legislation of the Russian Federation, 07.03.2022, No. 10, Art. 1472.

[13] Order of the Government of the Russian Federation of 05.03.2022 “430-r (ed. 29.10.2022) “ On approval of the list of foreign states and territories committing unfriendly actions against the Russian Federation, Russian legal entities and individuals “// Collection of Legislation of the Russian Federation, 14.03.2022, No. 11, Art. 1748.

[14] Order of the Prosecutor General of the Russian Federation of June 5, 2025 No. 396 “On the organization of work on the implementation of state monitoring of harm caused by foreign sources “// Legality. 2025.№ 7(1089). S. 64-72.

[15] Order of the Prosecutor General of the Russian Federation of 05.06.2025 No. 397 “On Approval of the Regulation on the Procedure for Interdepartmental Cooperation in the Formation of a Register of Information on Harm Caused by Foreign Sources. “//Legality. 2025. № 7(1089). S. 72-73.

[16] We see a basic regulation for monitoring harm “- URL: https:// www.kommersant.ru/ doc/7737934 (accessed 14.03.2026).

Дата поступления рукописи в редакцию: 26.03.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.05.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3830-2026-4-70-75

НАЛБАНДЯН Альберт,
аспирант кафедры государственно-правовых теоретических дисциплин
Международный инновационный университет,
г. Сочи, Россия,
e-mail: albertnalbandyan@yandex.ru

РОЛЬ ПУБЛИЧНО-ПРАВОВОГО МЕХАНИЗМА В ОБЕСПЕЧЕНИИ ИНТЕРЕСОВ ОБЩЕСТВА И ГОСУДАРСТВА

Аннотация. *В статье исследуется роль публично-правового механизма в обеспечении интересов общества и государства в современной системе публичного управления. Актуальность темы определяется усложнением структуры общественных интересов, расширением сферы государственного регулирования и необходимостью поиска более сбалансированных моделей взаимодействия государства и общества. Цель исследования состоит в раскрытии содержания, структуры и функционального значения публично-правового механизма как средства обеспечения и согласования интересов общества и государства. Методологическую основу составили системный, сравнительно-правовой, институциональный, формально-юридический и логико-правовой методы. Установлено, что публично-правовой механизм включает нормативный, институциональный и цифровой элементы, действующие во взаимосвязи. Выявлено, что в современной российской правовой системе контрольные средства развиты более последовательно, чем координационные и стимулирующие. Это усиливает административную управляемость, однако не в полной мере обеспечивает устойчивый баланс интересов общества и государства. Сделан вывод о необходимости совершенствования публично-правового механизма путем повышения процедурной открытости, развития обратной связи и усиления координационных форм взаимодействия.*

Ключевые слова: *публично-правовой механизм, государство, общество, публичное управление, гражданское общество, правовое регулирование, публичный интерес, цифровизация.*

NALBANDYAN Albert,
Postgraduate Student of the Department of State-Legal Theoretical Disciplines International Innovative University,
Sochi, Russia

THE ROLE OF THE PUBLIC-LAW MECHANISM IN ENSURING THE INTERESTS OF SOCIETY AND THE STATE

Annotation. *The article examines the role of the public-law mechanism in ensuring the interests of society and the state in the modern system of public administration. The relevance of the topic is determined by the increasing complexity of public interests, the expansion of state regulation and the need to search for more balanced models of interaction between the state and society. The purpose of the study is to reveal the content, structure and functional significance of the public-law mechanism as a means of ensuring and coordinating the interests of society and the state. The methodological basis includes systemic, comparative legal, institutional, formal legal and logical legal methods. It is established that the public-law mechanism includes regulatory, institutional and digital elements functioning in interrelation. It is revealed that in the modern Russian legal system control means are developed more consistently than coordinating and stimulating ones. This strengthens administrative manageability, but does not fully ensure a sustainable balance between the interests of society and the state. It is concluded that the public-law mechanism should be improved through greater procedural openness, development of feedback and strengthening of coordinating forms of interaction.*

Key words: *public-law mechanism, state, society, public administration, civil society, legal regulation, public interest, digitalization.*

Введение

Современное государство уже не может ограничиваться исключительно административным воздействием на общественные отношения. Эффективность публичного управления в настоящее время определяется не только способностью публичной власти поддерживать управляемость, но и ее способностью обеспечивать правовое согласование интересов государства и общества. В этой связи особое значение имеет публично-правовой механизм, через который оформляются пределы государственного вмешательства, формы участия общественных субъектов в публичных процессах и гарантии защиты соответствующих прав.

Публично-правовой механизм важен не только как совокупность юридических средств, обслуживающих деятельность публичной власти. Его значение состоит в том, что именно через него складывается реальная модель соотношения государства и общества в правовой сфере. От того, как построен данный механизм, зависит, будет ли публичное управление ориентировано только на административную управляемость либо также на участие, согласование интересов и устойчивую обратную связь.

В современной российской правовой системе прослеживается устойчивый институциональный перекос: при декларируемой открытости публичного управления и необходимости учета общественных интересов приоритет в правовом регулировании и правоприменении сохраняют контрольные и надзорные средства. Координационные и стимулирующие механизмы взаимодействия государства с обществом развиты существенно слабее. В результате публично-правовой механизм обеспечивает административную управляемость значительно эффективнее, чем согласование интересов государства и общества.

Актуальность исследования определяется тем, что в последние годы существенно возросло значение правового регулирования в сферах, непосредственно затрагивающих взаимодействие государства и общества: деятельности некоммерческих организаций, предоставлении государственных и муниципальных услуг, цифровизации административных процедур, развитии форм общественного участия и публичного контроля. Именно в этих сферах наиболее отчетливо проявляется вопрос о том, выполняет ли публично-правовой механизм функцию согласования интересов либо преимущественно служит инструментом одностороннего публичного воздействия.

Несмотря на наличие значительного числа работ по проблемам публичного права, государственного управления, гражданского общества и цифровой трансформации публичной сферы, публично-правовой механизм до настоящего времени исследуется преимущественно фрагментарно. В научной литературе обычно анализируются либо нормативные основы публичного регулирования, либо институциональные формы взаимодействия государства и общества, либо цифровые инструменты публичного управления. Такой подход не позволяет раскрыть публично-правовой механизм как единую систему, в которой именно сочетание нормативных, институциональных и цифровых элементов определяет реальную модель соотношения интересов государства и общества.

Цель исследования состоит в раскрытии структуры публично-правового механизма и в определении его реальной роли в обеспечении интересов государства и общества.

Для достижения указанной цели поставлены следующие задачи: проанализировать существующие подходы к пониманию публично-правового механизма; выявить его основные структурные элементы; рассмотреть особенности его функционирования в российской правовой системе; определить дисбалансы, снижающие его эффективность; сформулировать направления дальнейшего совершенствования данного механизма.

Научная новизна исследования заключается в следующем. Во-первых, публично-правовой механизм рассматривается как целостная конструкция, включающая нормативный, институциональный и цифровой элементы. Во-вторых, обосновывается вывод о наличии институциональной асимметрии современной российской модели, выражающейся в приоритетном развитии контрольных средств по сравнению с координационными и стимулирующими. В-третьих, показывается, что цифровизация публичного управления сама по себе не устраняет данный дисбаланс, а при определенных условиях способна лишь повысить эффективность уже существующей контрольной модели.

Материалы и методы

Методологическая основа исследования подчинена задаче выявления не только формальной структуры публично-правового механизма, но и его фактической функциональной направленности. Системный подход позволил рассмотреть данный механизм как внутренне связанную конструкцию, в которой нормативные, институциональные и цифровые элементы действуют не изолированно, а во взаимной зависимости. Сравнительно-правовой метод использовался для сопоставления различных нормативных моделей взаимодействия государства и общества. Институциональный подход дал возможность оценить, каким образом соответствующие правовые пред-

писания реализуются через деятельность органов публичной власти, некоммерческих организаций и цифровых платформ.

Формально-юридический метод применялся при анализе содержания правовых норм, определяющих пределы публичного вмешательства, статус участников отношений, способы реализации публичных функций и формы участия общественных субъектов в публичной жизни. Логико-правовой метод использовался для выявления внутренних противоречий действующего регулирования, установления смысловых связей между отдельными элементами исследуемого механизма и формулирования обобщающих выводов.

Нормативную основу исследования составили Конституция Российской Федерации, Федеральный закон от 12 января 1996 г. № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях», Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг», а также иные положения действующего законодательства, затрагивающие организацию взаимодействия государства и общества. Теоретическую основу составили труды отечественных и зарубежных авторов по проблемам публичного права, государственного управления, гражданского общества и цифровизации публичной сферы.

Литературный обзор

В современной юридической науке проблема публично-правового механизма осмысляется в рамках нескольких исследовательских линий, которые, однако, редко сводятся в единую концептуальную модель. Одни авторы акцентируют внимание на нормативной стороне публичного права и связывают эффективность механизма с качеством правового регулирования, пределами государственного вмешательства и юридической определенностью статуса участников отношений. Другие исследователи рассматривают проблему через призму соотношения государства и гражданского общества, подчеркивая значение участия, автономии общественных структур и правовых гарантий публичного контроля. Отдельную группу составляют работы, посвященные цифровизации публичного управления и трансформации административных процедур.

Нормативно ориентированный подход исходит из того, что ключевым условием эффективности публично-правового механизма выступает четкость правового регулирования. В рамках данной линии особое внимание уделяется вопросам компетенции органов публичной власти, пределам вмешательства государства в общественную сферу, правовому статусу участников публичных отношений и юридическим гарантиям реализации прав. Указанный подход позволяет раскрыть юридическую архитектуру механизма, но не всегда объясняет, каким образом соответствующие нормы функционируют в реальной институциональной среде.

Институционально ориентированные исследования, напротив, сосредоточены на анализе субъектного состава и организационных форм взаимодействия государства и общества. В центре внимания здесь находятся некоммерческие организации, структуры общественного контроля, механизмы публичного участия и посредничества между властью и обществом. Такой подход позволяет глубже понять социальную сторону публично-правового механизма, однако при недостаточном внимании к нормативной основе и цифровой инфраструктуре он также сохраняет частичный характер.

Цифровое направление исследований концентрируется на трансформации административных процедур, развитии электронных государственных сервисов, платформенных форм взаимодействия и новых каналов обратной связи. В этих работах цифровизация нередко рассматривается как фактор повышения доступности публичных услуг, прозрачности процедур и скорости коммуникации. Вместе с тем не всегда анализируется вопрос о том, изменяет ли цифровая среда внутреннюю логику публично-правового механизма либо лишь повышает эффективность уже существующих моделей регулирования.

При всей значимости указанных направлений их параллельное развитие привело к тому, что публично-правовой механизм чаще описывается по частям, чем как целостная конструкция. В результате в стороне остается главный вопрос: каким образом сочетание нормативных, институциональных и цифровых средств влияет на реальное соотношение интересов государства и общества. Именно этот аспект и составляет основной исследовательский дефицит, на восполнение которого направлена настоящая статья.

Результаты исследования

Проведенное исследование позволяет утверждать, что публично-правовой механизм представляет собой не совокупность разрозненных правовых средств, а целостную систему, посредством которой государство организует, ограничивает и направляет взаимодействие с обществом в сфере публичного управления. Его функциональное назначение состоит не только в обеспечении правопорядка и реализации публичных полномочий, но и в правовом оформлении способов согласования интересов государства и общества.

В структуре публично-правового механизма целесообразно выделять три взаимосвязанных элемента.

Нормативный элемент образуют правовые нормы, определяющие пределы публичного вмешательства, статус участников соответствующих отношений, формы участия общественных субъектов и гарантии защиты их прав. Именно на этом уровне закладывается юридическая рамка взаимодействия государства и общества. От качества нормативного элемента зависит, будет ли соответствующий механизм ориентирован исключительно на регулирование и контроль либо также на обеспечение условий для учета общественных интересов.

Институциональный элемент включает органы публичной власти, некоммерческие организации, структуры общественного контроля и иные субъекты, через деятельность которых нормативные предписания получают практическую реализацию. Этот элемент позволяет выявить, насколько провозглашенные правовые модели действительно воплощаются в публичной практике. Именно на институциональном уровне наиболее отчетливо проявляется фактическое соотношение контроля, участия, координации и публичной ответственности.

Цифровой элемент охватывает электронные государственные сервисы, цифровые платформы, механизмы онлайн-коммуникации и иные технологические инструменты, обеспечивающие процедурную доступность, скорость и прозрачность публичных отношений. Его значение в последние годы существенно возросло, поскольку именно цифровая среда становится пространством повседневного взаимодействия гражданина и публичной власти. Вместе с тем цифровой элемент не является самостоятельной заменой нормативного и институционального содержания механизма, а функционирует в зависимости от их качества и внутренней направленности.

Эффективность публично-правового механизма определяется не изолированным наличием указанных элементов, а степенью их согласованности. Деформация одного из них неизбежно влияет на способность всей системы обеспечивать баланс интересов государства и общества. Если нормативные положения формально допускают участие, но институциональные практики сохраняют приоритет контроля, механизм будет воспроизводить одностороннюю управленческую модель. Если цифровые средства расширяют процедурную доступность, но не сопровождаются реальной открытостью и подотчетностью, они лишь технически обслуживают уже сложившийся дисбаланс.

Сопоставление отдельных нормативных массивов показывает, что элементы публично-правового механизма развиваются неравномерно. Так, Федеральный закон «О некоммерческих организациях» в значительной степени закрепляет статусно-регулятивную и контрольную модель взаимодействия государства с общественными структурами. Напротив, Федеральный закон «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» выражает сервисную, процедурную и цифрово ориентированную модель публичного управления. Сравнение указанных актов позволяет сделать вывод, что действующий публично-правовой механизм внутренне неоднороден: в одном сегменте доминирует логика контроля и правового упорядочения, в другом — логика доступности, стандартизации и упрощения взаимодействия.

Практическое измерение данного вывода проявляется в том, что деятельность некоммерческих организаций в большей степени включена в режим правового учета, отчетности и надзорного сопровождения, тогда как в сфере предоставления государственных и муниципальных услуг акцент смещен на сокращение процедурных барьеров, использование электронных сервисов и обеспечение удобства взаимодействия для заявителя. Тем самым правовая система одновременно воспроизводит две различные управленческие модели, что затрудняет формирование единого сбалансированного механизма согласования публичных и общественных интересов.

Ключевым результатом исследования является вывод о наличии институциональной асимметрии современной российской модели публично-правового механизма. Ее сущность состоит в том, что контрольные и ограничительные средства получили более высокую степень нормативной детализации, административной обеспеченности и практической реализуемости, чем координационные и стимулирующие формы взаимодействия государства и общества. Вследствие этого публично-правовой механизм воспроизводит управляемость надежнее, чем партнерство, и контроль эффективнее, чем согласование интересов.

Обсуждение

Полученные результаты позволяют сделать более широкий вывод о характере современной модели публичного управления. Публично-правовой механизм в ее рамках выступает не только юридическим инструментом организации публичной власти, но и индикатором того, каким образом государство конструирует отношения с обществом. Там, где в механизме преобладают контрольные средства, взаимодействие строится

по логике одностороннего управленческого воздействия. Там, где развиты координационные и стимулирующие элементы, возникает возможность для реального учета общественных интересов и формирования более устойчивых моделей правового взаимодействия.

Для современной российской ситуации характерно неравномерное развитие данного механизма. Государство последовательно совершенствует инструменты контроля, учета, стандартизации и процедурного сопровождения публичных функций. Вместе с тем механизмы, ориентированные на поддержку общественной инициативы, развитие доверительных форм взаимодействия и выработку устойчивых координационных решений, развиваются заметно медленнее. В результате сохраняется ситуация, при которой публичная система формально демонстрирует открытость, но по существу остается административно асимметричной.

Особого внимания заслуживает влияние цифровизации на исследуемый механизм. Ее значение не следует ни абсолютизировать, ни недооценивать. Цифровые технологии действительно расширяют доступ к публичным услугам, ускоряют процедуры и повышают удобство взаимодействия. Однако они не меняют автоматически институциональную логику публичного управления. Если цифровые инструменты внедряются в систему, в которой уже доминируют контрольные формы воздействия, они, как правило, повышают эффективность контроля, но не создают сами по себе условий для более сбалансированного согласования интересов государства и общества.

Следует учитывать и то обстоятельство, что цифровизация может усиливать не только сервисную составляющую публичного управления, но и возможности мониторинга, учета и процессуального контроля. Именно поэтому технологическое развитие не должно восприниматься как универсальный способ модернизации публично-правового механизма. Без институциональной переработки самого механизма цифровая инфраструктура способна лишь повысить эффективность уже существующего управленческого перекоса.

Отсюда следует, что совершенствование публично-правового механизма должно предполагать не только обновление отдельных правовых норм и дальнейшую цифровизацию публичной сферы, но и более глубокое перераспределение акцентов внутри самого механизма. Речь идет о необходимости усиления координационных и стимулирующих средств, развития процедур, обеспечивающих реальную значимость общественной обратной связи, а также повышения роли институтов гражданского общества в согласовании публично значимых решений.

Заключение

Проведенное исследование подтверждает, что публично-правовой механизм занимает центральное место в системе современного публичного управления, поскольку именно через него оформляются пределы государственного вмешательства, формы участия общественных субъектов и способы правового согласования интересов государства и общества. Его содержание не сводится к совокупности правовых норм, так как он включает нормативный, институциональный и цифровой элементы, действующие в тесной взаимосвязи.

Основной вывод состоит в том, что современная российская модель публично-правового механизма характеризуется институциональной асимметрией. Контрольные формы публичного воздействия развиты более последовательно и обеспечены значительно лучше, чем координационные и стимулирующие средства. Это позволяет государству эффективно поддерживать административную управляемость, однако не обеспечивает в полной мере устойчивого баланса интересов государства и общества.

Проведенный анализ также показывает, что цифровизация сама по себе не устраняет выявленный дисбаланс. Цифровые технологии способны повысить скорость, доступность и процедурную определенность публичных отношений, однако при сохранении прежней институциональной логики они преимущественно усиливают уже существующие управленческие модели. Положительный эффект цифровой трансформации проявляется лишь тогда, когда она сочетается с прозрачностью процедур, подотчетностью публичной власти и реальными гарантиями участия общественных субъектов.

Следовательно, совершенствование публично-правового механизма должно быть направлено не только на обновление отдельных норм и дальнейшую цифровизацию публичной сферы, но и на институциональное перераспределение акцентов внутри самого механизма. Речь идет о переходе от преобладания контроля к более сбалансированному сочетанию контрольных, координационных и стимулирующих средств. Лишь при таком подходе возможно обеспечить не формальное, а реальное согласование интересов государства и общества.

Список литературы:

[1] Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.

[2] О некоммерческих организациях: Федеральный закон от 12 января 1996 г. № 7-ФЗ.

[3] Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг: Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 210-ФЗ.

[4] Алексеев С. С. Теория права. М.: Норма, 2021.

[5] Авакьян С. А. Конституционное право России. М.: Норма, 2022.

[6] Тихомиров Ю. А. Публичное право. М.: Юрайт, 2020.

[7] Арутюнов А. А. Публично-правовые механизмы в современной системе государственного управления // Государственная власть и местное самоуправление. 2023. № 4. С. 15–21.

[8] Иванова Н. В. Цифровизация публичного управления и трансформация административных процедур // Административное и муниципальное право. 2024. № 2. С. 27–35.

[9] Гончаров В. В. Общественный контроль в системе институтов гражданского общества // Право и государство: теория и практика. 2023. № 7 (223). С. 157–160.

[10] Боев Е. И. Цифровизация публичного управления: проблемы и вызовы // Россия: тенденции и перспективы развития. 2023. № 18. С. 112–118.

[11] Малиновская В. М. Механизм государства как категория публичного права // Наука. Общество. Государство. 2024. Т. 12. № 2.

[12] Кучеров В. Д. Публично-правовое регулирование механизма обеспечения безопасности государства // Наука. Общество. Государство. 2024. Т. 12. № 2.

References:

[1] Constitution of the Russian Federation: adopted by popular vote on December 12, 1993.

[2] On non-profit organizations: Federal Law No. 7-FZ of January 12, 1996.

[3] On the organization of the provision of state and municipal services: Federal Law of July 27, 2010 No. 210-FZ.

[4] Alekseev S. S. Theory of law. M.: Norma, 2021.

[5] Avakyan S. A. Constitutional Law of Russia. M.: Norma, 2022.

[6] Tikhomirov Yu. A. Public Law. M.: Yurayt, 2020.

[7] A. A. Arutyunov. Public legal mechanisms in the modern system of public administration//State power and local self-government. 2023. № 4. S. 15-21.

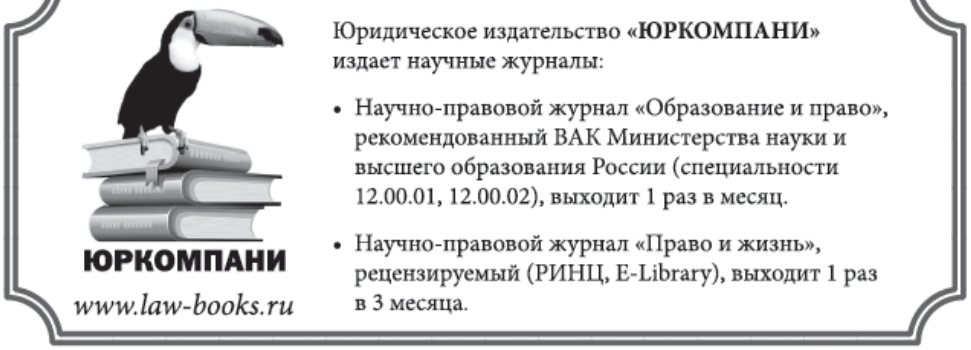
[8] Ivanova N.V. Digitalization of public administration and transformation of administrative procedures//Administrative and municipal law. 2024. № 2. S. 27-35.

[9] Goncharov V.V. Public control in the system of civil society institutions//Law and state: theory and practice. 2023. № 7 (223). S. 157-160.

[10] Boev E.I. Digitalization of public administration: problems and challenges//Russia: trends and development prospects. 2023. № 18. S. 112-118.

[11] Malinovskaya V. M. State mechanism as a category of public law//Science. Society. State. 2024. VOL. 12. № 2.

[12] Kucherov V. D. Public legal regulation of the state security mechanism//Science. Society. State. 2024. VOL. 12. № 2.

Юридическое издательство **«ЮРКОМПАНИ»** издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.

Дата поступления рукописи в редакцию: 14.04.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.05.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3830-2026-4-76-82

БУРЯКИН Роман Андреевич,
магистрант кафедры правового регулирования экономической деятельности Юридического факультета Финансового университета при Правительстве Российской Федерации,
e-mail: buryakin.r@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ПРОВЕДЕНИЯ ПРИЕМКИ В СФЕРЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБОРОННОГО ЗАКАЗА

Аннотация. *В статье рассматриваются особенности приемки товаров, работ и услуг в рамках государственного оборонного заказа. В рамках исследования определяется понятие приемки и цели ее осуществления, устанавливается перечень нормативных правовых актов, подлежащих применению при проведении приемки в сфере государственного оборонного заказа, применительно к каждому акту обозначаются закрепляемые содержащимися в нем нормами особые требования к порядку приемки. С опорой на рассмотренные положения законов и подзаконных актов проводится сравнение требований к проведению приемки, закрепленных в рамках общего гражданского-правового регулирования и специального регулирования в сфере государственных закупок и государственного оборонного заказа, а также дается оценка полноте регулирования прядка проведения приемки в действующем законодательстве Российской Федерации. На основе рассмотрения практики проведения приемки по контрактам в сферах государственных закупок и государственного оборонного заказа формулируются предложения по исправлению существующих в законодательстве пробелов регулирования приемки в рассматриваемой сфере.*

Ключевые слова: *обязательство, государственный контракт, государственный оборонный заказ, приемка.*

BURYAKIN Roman Andreevich,
Master's student of the Department of Legal Regulation of Economic Activity of the Faculty of Law of the Financial University under the Government of the Russian Federation

FEATURES OF ACCEPTANCE IN THE FIELD OF THE STATE DEFENSE ORDER

Annotation. *The article discusses the specifics of the acceptance of goods, works and services within the framework of the state defense order. The study defines the concept of acceptance and the purpose of its implementation, establishes a list of regulatory legal acts to be applied when conducting acceptance in the field of the state defense order, and identifies special requirements for the acceptance procedure for each act, which are fixed by the norms contained therein. Based on the considered provisions of laws and by-laws, a comparison is made of the requirements for conducting acceptance, fixed in the framework of general civil law regulation and special regulation in the field of public procurement and the state defense order, and an assessment is made of the completeness of the regulation of the acceptance process in the current legislation of the Russian Federation. Based on the review of the practice of conducting acceptance under contracts in the fields of public procurement and the state defense order, proposals are formulated to correct the gaps in the legislation regulating acceptance in this area.*

Key words: *commitment, state contract, state defense order, acceptance.*

Введение. Договоры (контракты) в сфере государственного оборонного заказа (далее – ГОЗ) занимают особое положение в системе заключаемых договоров как с точки зрения нормативно-правового регулирования, так и со стороны целевой направленности на обеспечение

обороны и безопасности государства. Это обуславливает наличие специфики в правоотношениях сторон таких контрактов, включающей в себя, в том числе, установление особого порядка их действий на различных этапах исполнения договорных обязательств, не всегда свойственных общему гражданско-правовому регулированию (в первую очередь в рамках Гражданского кодекса РФ (далее – Гражданский кодекс) [1]). Одним из таких этапов, особенности которого мы рассмотрим в данной работе, является приемка.

Регулирование ГОЗ в российском законодательстве носит многоуровневый характер. Опираясь на статью 2 Закона о государственном оборонном заказе [3], можно выделить следующие законодательные акты, и составляющие отдельные уровни регулирования государственного оборонного заказа (от более общего к специальному): Гражданский кодекс, Закон о закупках (далее – закон о закупках) [2], Закон о государственном оборонном заказе (далее – Закон о ГОЗ). Упоминаемый в рассматриваемой статье в качестве одного из источников Бюджетный кодекс РФ мы рассматривать не будем, поскольку входящие в предмет исследования вопросы в нем напрямую не регулируются. Помимо актов уровня закона мы уделим внимание также подзаконным актам и официальным документам государственных органов, носящим рекомендательный характер (письма, методические рекомендации). Опираясь на указанный круг документов, мы последовательно рассмотрим регулирование порядка проведения приемки в каждом из перечисленных уровней регулирования, отмечая возникающие на каждом из них особенности, предварительно определив понятие приемки и ее целевое назначение. При этом мы не будем затрагивать вопросы, связанные с проведением военной приемки.

Важно отметить, что в соответствии со статьей 3 Закона о ГОЗ контракты в рассматриваемой сфере следует разделять на два вида. Первый вид – государственные контракты, заключаемые между государственным заказчиком и головным исполнителем, которые под регулирование законодательства о закупках (например, в части размещения – статья 6 Закона о ГОЗ). Второй вид – контракты, заключаемые между головным исполнителем, исполнителями, которые обычно не попадают под регулирование законодательства о закупках, поскольку большинство головных исполнителей и исполнителей, будучи коммерческими юридическими лицами, не обязаны закупать товары, работы, услуги в рамках закупочных процедур по Закону о закупках.

Понятие приемки. Перейдем к понятию приемки. В учебной литературе существует мнение, согласно которому под приемкой необходимо понимать процедуру (совокупность действий) подтверждения факта исполнения (либо полного или частичного неисполнения) гражданско-правовых обязанностей [16].

Б.И. Пугинский отмечает [17], что целями проведения приемки являются:

проверка соответствия количества и качества поступившего товара данным транспортных и расчетных документов для оприходования товаров;

выявление и фиксирование фактов недостачи или ненадлежащего качества товара для возмещения потерь за счет виновных лиц;

ускорение и удешевление процедуры приемки.

Таким образом, опираясь также на положения статей 513, 720 Гражданского кодекса, которые мы рассмотрим далее, определим приемку как совокупность действий, совершаемых уполномоченными лицами в целях установления и документального подтверждения степени соответствия качества и количества товаров либо результата работ условиям договора.

Общее гражданско-правовое регулирование. Перейдем к вопросам регулирования приемки. Общее регулирование прядка ее проведения содержится в Гражданском кодексе и относится к договорам поставки и подряда.

Статья 513 Гражданского кодекса, регулирующая порядок принятия товаров покупателем, обязывает покупателя совершить все необходимые действия, обеспечивающие принятие товаров, поставленных в соответствии с договором поставки, в том числе провести осмотр таких товаров, проверить их количество и качество в срок и в порядке, установленными законодательством, договором или обычаями делового оборота, незамедлительно уведомляя поставщика о выявленных недостатках в письменной форме. В случае, если покупатель получает поставляемый товар от транспортной организации, в его обязанности входит проверка соответствия товаров сведениям, указанным в транспортных и сопроводительных документах; при этом порядок приемки в таком случае будет регулироваться уже правовыми актами, регулирующими деятельность транспорта, в качестве примера которых можно привести Устав автомобильного транспорта и городского наземного электрического транспорта [5] (далее – Устав автомобильного транспорта), а также Устав железнодорожного транспорта Российской Федерации [6] (далее – Устав железнодорожного транспорта).

Указание на регулирование приемки регулирующими деятельность транспорта актами может привести к выводу о том, что данные акты можно применять при проведении приемки в рамках исполнения обязательств по договору поставки,

однако в действительности применимых к подобным правоотношениям норм подобные акты не содержат. Так, Устав автомобильного транспорта в части приема и выгрузки груза при его перевозке устанавливает обязательное определение массы принятого груза и ее проверку при передаче грузополучателю; проверка состояния груза и количества транспортных мест производится лишь в особых обозначенных случаях, в частности, при повреждении тары или упаковки (статьи 10, 12, 15 рассматриваемого устава). Аналогичным образом Устав железнодорожного транспорта закрепляет обязательность проверки состояния, массы, количества мест груза лишь в отдельных случаях, связанных с особенностями перевозки того или иного груза либо явных признаков недостачи, повреждения, порчи (статья 41 рассматриваемого устава). Учитывая приведенные положения, можно сделать однозначный вывод о том, что под указанной в Гражданском кодексе «приемкой», проводимой при получении товара от транспортной организации, в рамках логики действующего законодательства следует понимать только оценку состояния товара в рамках обязательств по перевозке груза, но никак не обязательств по собственно договору поставки.

Статья 720 Гражданского кодекса закрепляет порядок сдачи и приемки работ, устанавливая обязанность заказчика принять результат выполненной работы, в том числе проведя его осмотр, и немедленно заявить подрядчику обо всех выявленных отступлениях от договора, ухудшающих данный результат.

Особый прядок приемки установлен в сфере осуществления строительных работ. Статья 753 Гражданского кодекса регулирует, в частности, распределение расходов по проведению приемки объектов строительства (за счет заказчика), устанавливает обязательное оформление приемки актом, подписываемом заказчиком и исполнителем, а также указывает на возможность участия в проведении приемки представителей государственных органов и органов местного самоуправления, если необходимость такого участия будет установлена соответствующими нормативно-правовыми актами.

Отметим, что необходимость проведения приемки в рассмотренных случаях (поставка, подряд) обусловлена свойствами предмета заключенного договора; в частности, наличием у покупателя или заказчика возможности оценить являющиеся существенными условиями договора качественные и количественные характеристики товара, результата работ. Применительно к, например, оказанными услугам, приемка осуществлена быть не может, поскольку по логике статьи 779 Гражданского кодекса договор возмездного оказания услуг подразумевает не достижение определенного оговоренного в договоре результата, а само по себе совершение определенных действий или осуществления определенной деятельности.

Регулирование в сфере закупок. Порядок приемки продукции в рамках закупок регулируется положениями статьи 94 Закона о закупках, устанавливающей особенности исполнения контрактов в соответствующей сфере. Проведение приемки товаров, работ или услуг по контракту, в соответствии с пунктом 2 рассматриваемой статьи, является для заказчика обязанностью. Обратим внимание, что уже в данном положении законодательство о закупках расширяет круг объектов, в отношении которых может проводиться приемка. Если в контексте гражданского законодательства приемка будет необходима лишь для товаров и работ, то в сфере государственных закупок в этот перечень, не смотря на ранее отмеченные нами специфические свойства (нацеленность на саму деятельность, а не результат), входят также услуги; тем самым законодательство в сфере закупок выходит за пределы понятия услуг, данного в Гражданском кодексе и дает возможность оценить их результат. В связи с этим вопрос о порядке проведения приемки и особенностях этого порядка в сфере закупок приобретает более значимый характер. Между тем, рассматриваемая статья Закона о закупках, подобно Гражданскому кодексу, описания такого порядка не содержит, ограничиваясь установлением обязательности ее проведения и направленности на оценку количественных и качественных показателей. В качестве специфики регулирования приемки в сфере закупок можно отметить закрепление в части 13 рассматриваемой статьи возможности создания приемочной комиссии в составе не менее трех членов, а также требование об обязательном письменном оформлении результатов приемки документом о приемке при исполнении контракта, заключенного по результатам проведения электронных процедур. В качестве еще одного отличия отметим обязательное проведение экспертизы соответствия условиям контракта предоставленных поставщиком результатов, предусмотренных контрактом, проводимая либо силами заказчика, либо привлекаемыми экспертами. Несмотря на то, что сама по себе экспертиза в процесс приемки не входит, она предшествует приемке, выступая обязательным условием ее проведения (части 3, 5 рассматриваемой статьи).

Вернемся к вопросу порядка проведения приемки. В отсутствие законодательного регулирования представляется возможным частично установить его предмет на основе оформляемых

в ее результате документов. Обратимся к форме акта приемки, утвержденной Приказом Минфина России от 15.04.2021 № 61н [8] (далее – акт приемки). Из разделов 2 – 6.2 рассматриваемого акта следует, что процедура приемки должна подразумевать проверку целостности пломб, упаковки, количества мест и массы груза; в части качества – проверку недостатков и излишков, а в части количества – проверку брака и боя, соответствие страны происхождения товара и регистрационных номеров партии, а также соответствие требованиям, функциональным и техническим характеристикам. Существенное значение при этом имеют время и место проведения приемки.

Нераскрытым остается вопрос определения места и времени проведения приемки. Опираясь на Методические рекомендации по применению отдельных унифицированных форм электронных документов, утвержденных приказом № 61Н, в рамках реализации электронного документооборота [12], а также на разъяснения об оформлении акта приемки товаров, работ, услуг и его направлении поставщику (подрядчику, исполнителю) для подписания [13], можно сделать вывод о том, что установления места и сроков всецело лежит на договоренности сторон; четких правил их определения законодательство не содержит. Более того, из приведенных разъяснений следует также, что и присутствие представителей поставщика при приемке не является необходимым, если иное прямо не предусмотрено контрактом; в случае же выявления количественных и качественных расхождений в отсутствие такого представителя сторонам предлагается действовать исходя из обычаев делового оборота.

Регулирование в сфере ГОЗ. Закон о ГОЗ не регулирует вопросы проведения приемки, указывая лишь на обязанность ее проведения государственным заказчиком (статья 7). Специфику приемки в рамках государственного контракта можно выявить, обратившись к Положению об особенностях оценки соответствия оборонной продукции (работ, услуг), поставляемой по государственному оборонному заказу, процессов проектирования (включая изыскания), производства, строительства, монтажа, наладки, эксплуатации, хранения, перевозки, реализации, утилизации и захоронения указанной продукции (далее – Положение об особенностях оценки соответствия) [7] регулирует действия, совершаемые сторонами государственного контракта в сфере ГОЗ, в рамках такой оценки соответствия. В качестве форм оценки соответствия рассматриваемое положение в пункте 5 указывает, в числе испытаний, измерений, контроля качества и иных мероприятий отдельно указывает приемку (государственную приемку). Под приемкой в рассматриваемом положении понимается проверка и документальное оформление соответствия оборонной продукции (работ, услуг) (далее – продукция), а также связанных с требованиями к ней процессов обязательным требованиям, осуществляемые при положительных результатах контроля ее качества. В части обязательности проведения приемки Положение об особенностях оценки соответствия не устанавливает конкретные случаи обязательности приемки, ссылаясь на законодательство РФ (пункт 9), то есть в данном случае исключений из порядка, установленного статьей 94 Закона о закупках, нет; единственным специфическим условием проведения такой приемки является необходимость получения положительных результатов оценки соответствия (пункт 18). Таким образом, на основании рассмотренного положения можно говорить о включении в рамках ГОЗ приемки в более широкий процесс оценки соответствия оборонной продукции и утрате ей статуса самостоятельного этапа исполнения контракта, однако речи об установлении особого порядка ее проведения не идет. К тому же, рассмотренная специфика относится только к государственным контрактам в сфере ГОЗ.

Инструкции Госарбитража о приемке товаров по качеству и количеству. В настоящий момент сохраняют свое действие в качестве допустимых к применению утвержденные Госарбитражем при Совете министров СССР инструкции о порядке приемки продукции производственно-технического назначения и товаров народного потребления по количеству и качеству [9, 10] (далее – Инструкция о приемке по количеству и Инструкция о приемке по качеству соответственно). В данных документах порядок проведения приемки изложено достаточно подробно. Так, устанавливаются основные права и обязанности сторон до и во время проведения приемки, в частности: соблюдение установленных правил упаковки и затаривания продукции, маркировки и опломбирования отдельных мест; четкое и правильное оформление сопроводительных документов (удостоверяющих качество, количество, комплектность поставляемой продукции, отгрузочных и расчетных документов); соблюдение действующих на транспорте правил сдачи грузов к перевозке, их погрузки и крепления. Устанавливается статус лиц, участвующих в приемке со стороны поставщика и покупателя (в терминологии рассматриваемых инструкций - изготовителя и получателя), в частности сроки их прибытия на место приемки и действия, совершаемые во время проведения приемки. Подробной регламентации подвергаются сроки проведения приемки, зависящие от различных внешних факторов и свойств самой продукции (например, от того, является ли продукция скоропортящейся), а

также место (склад поставщика или склад покупателя), в пределах которого проводится приемка. Не исключено из круга вопросов регулирования и документальное оформление результатов приемки – рассматриваемые инструкции обязывают участвующих в приемке лиц оформлять различные документы при совершении отдельных ее этапов.

Вместе с тем, рассмотренные инструкции по приемке по качеству и количеству в настоящий момент содержат неактуальные в контексте действующего законодательства положения. Так, например, в инструкциях не регулируется порядок оформления передаточных документов – УПД или ТОРГ-12, а в случае неявки представителя изготовителя на приемку продукции, положения инструкция обязывают получателя провести приемку самостоятельно, привлекая при этом представителя иного хозяйствующего субъекта либо представителя общественности. Перечисленные обстоятельства свидетельствуют о невозможности прямого применения инструкции о приемке по количеству и качеству к правоотношениям сторон; устанавливающие порядок приемки положения заключаемых договоров в случае, если они ссылаются на эти документы, должны содержать исключения из устанавливаемых инструкциями правил, актуализирующие их применение. Также стоит отметить, что рассматриваемые инструкции могут быть применены лишь относительно к заключенным договорам поставки; особенности приемки, например, работ, данные инструкции не устанавливают. Применение рассмотренных инструкций является добровольным и применяется в только в случае закрепления соответствующего договора, что разъяснено в пункте 14 Постановления Пленума ВАС РФ от 22.10.1997 № 18 [11].

Судебная практика. Рассмотрим конкретные дела, иллюстрирующие недостатки регулирования приемки.

В Постановлении Арбитражного суда Московского округа от 04.12.2025 N Ф05-16563/2025 [14] рассматривается ситуация, в которой претензия покупателя по качеству поставленного товара была составлена в отсутствие представителя продавца и направлена спустя более чем год с момента поставки, что привело к признанию ее судом недостаточной для безусловного доказательства заводского дефекта товара.

В деле, рассмотренном при принятии Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 02.10.2025 N Ф09-3311/25 [15] покупатель, обосновывая свою позицию и устанавливая временные рамки извещения поставщика о ненадлежащем качестве товара, понятие «незамедлительности» трактовал «как только это окажется возможным», настаивая на отсутствии установления данным термином четких временных рамок.

Приведенные дела демонстрируют, что текущее регулирование приемки не всегда позволяет сторонам четко определить порядок ее проведения. Несмотря на то, что приведенные решения не связаны с правоотношениями по ГОЗ, в контексте отмеченного нами ранее отсутствия специального регулирования проблемы, вынудившие стороны в приведенных делах обратиться в суд, в равной степени касаются сферы ГОЗ, особенно в части исполнения контрактов, не являющихся государственными.

Вывод. Подведем итог рассмотрению нормативно-правового регулирования приемки в сфере ГОЗ. Нормы гражданского кодекса позволяют выделить цели проведения приемки товаров (непосредственное получение товара, проверка полученного товара на наличие явных недостатков по качеству и количеству) и работ (проверка результата выполненных работ на наличие ухудшающих результат работ отступлений от договора). Закон о закупках положения Гражданского кодекса дополняет указанием на возможность создания приемочной комиссии, обязательность проведения экспертизы и документального оформления приемки. Положение об особенностях оценки соответствия включает приемку по государственному контракту с сфере ГОЗ в более широкую процедуру проверки соответствия, устанавливая очередность ее проведения, но не закрепляя никаких дополнительных требований к ее содержанию. Ни один из приведенных актов подробно не регулирует проведение приемки и не обозначает порядок определения места, сроков ее проведения, совокупности совершаемых в ее рамках действий и принимаемых по ней документов; эти вопросы оставляются на усмотрение заключающих договор лиц. При этом в отношении не являющегося государственным контракта в сфере ГОЗ нормы последних двух актов не применяются, и регулирование приемки по нему, фактически, осуществляется лишь в рамках общего гражданского законодательства.

Учитывая приведенные обстоятельства и проблемы правоприменения, демонстрируемые судебной практикой, в контексте особой значимости продукции по государственному оборонному заказу ввиду ее направленности на обеспечение обороны и безопасности государства, представляется необходимым установление обязательного порядка приемки продукции в рамках ГОЗ, регулирующего, в частности, порядок определения места и сроков ее проведения, вопросы участия в ней представителей сторон, порядок оформления связанных с ней документов.

Список литературы:

[1] «Гражданский кодекс РФ (часть первая)» от 21.10.1994 № 51-ФЗ // Российская газета. - 1994 г. - № 238-239.

[2] Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» // Российская газета. – 2013 г. - № 80.

[3] Федеральный закон от 29.12.2012 № 275-ФЗ «О государственном оборонном заказе» // Российская газета. – 2012. - № 303.

[5] Федеральный закон от 08.11.2007 № 259-ФЗ «Устав автомобильного транспорта и городского наземного электрического транспорта» // Собрание законодательства РФ. – 2007 г. - № 46. - ст. 5555.

[6] Федеральный закон от 10.01.2003 № 18-ФЗ «Устав железнодорожного транспорта Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2003 г. - № 2. - ст. 170.

[7] Постановление Правительства РФ от 11 октября 2012 г. № 1036 «Об особенностях оценки соответствия оборонной продукции (работ, услуг), поставляемой по государственному оборонному заказу, процессов проектирования (включая изыскания), производства, строительства, монтажа, наладки, эксплуатации, хранения, перевозки, реализации, утилизации и захоронения указанной продукции» // Собрание законодательства РФ. – 2012 г. - № 43. - ст. 5873.

[8] Приказ Минфина России от 15.04.2021 N 61н «Об утверждении унифицированных форм электронных документов бухгалтерского учета, применяемых при ведении бюджетного учета, бухгалтерского учета государственных (муниципальных) учреждений, и Методических указаний по их формированию и применению» // www.garant.ru. Сайт. Текст: электронный. – URL: https://base.garant.ru/400766923/ (дата обращения 11.04.2026).

[9] «Инструкция о порядке приемки продукции производственно-технического назначения и товаров народного потребления по количеству» (утв. постановлением Госарбитража СССР от 15.06.1965 № П-6) // www.garant.ru. Сайт. Текст: электронный. – URL: https://base.garant.ru/10107032/ (дата обращения 06.04.2026).

[10] «Инструкция о порядке приемки продукции производственно-технического назначения и товаров народного потребления по качеству» (утв. Постановлением Госарбитража СССР от 25.04.1966 № П-7) // www.garant.ru. Сайт. Текст: электронный. – URL: https://base.garant.ru/10107033/ (дата обращения 06.04.2026).

[11] Постановление Пленума ВАС РФ от 22.10.1997 № 18 «О некоторых вопросах, связанных с применением Положений Гражданского кодекса Российской Федерации о договоре поставки» // www.garant.ru. Сайт. Текст: электронный. – URL: https://base.garant.ru/12109120/ (дата обращения 06.04.2026).

[12] Письмо Минфина России (Министерство финансов РФ) от 01 апреля 2024 г. №02-06-06/29423 «Методические рекомендации по применению отдельных унифицированных форм электронных документов, утвержденных приказом № 61н, в рамках реализации электронного документооборота» // www.garant.ru. Сайт. Текст: электронный. – URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/408720115/ (дата обращения 12.04.2026).

[13] Письмо Минфина России от 14 марта 2024 г. N 02-06-09/23030 Об особенностях оформления Акта приемки товаров, работ, услуг (ф. 0510452) // www.garant.ru. Сайт. Текст: электронный. – URL: https://base.garant.ru/411218499/ (дата обращения 12.04.2026).

[14] Постановление Арбитражного суда Московского округа от 04.12.2025 N Ф05-16563/2025 по делу N А40-264840/2024.

[15] Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 02.10.2025 N Ф09-3311/25 по делу N А60-43996/2024.

[16] Илюшина М.Н., Челышев М.Ю., Ситдикова Р.И. Коммерческое право: Учебное пособие; Практикум; Учебная программа / Под ред. Н.А. Баринова. – М.: Юрайт-Издат, 2002. – 383 с.

[17] Пугинский Б.И. Коммерческое право России. Учебник. – М.: ИКД «Зерцало-М». 2005. – 328 с.

References:

[1] “Civil Code of the Russian Federation (part one)” dated 21.10.1994 No. 51-FZ//Rossiyskaya Gazeta. - 1994 - No. 238-239.

[2] Federal Law of 05.04.2013 No. 44-FZ “On the contract system in the field of procurement of goods, works, services to meet state and municipal needs “//Rossiyskaya Gazeta. - 2013 - No. 80.

[3] Federal Law of 29.12.2012 No. 275-FZ “On State Defense Order “//Rossiyskaya Gazeta. – 2012. - № 303.

[5] Federal Law of 08.11.2007 No. 259-FZ “Charter of Road Transport and Urban Land Electric Transport “//Collection of Legislation of the Russian Federation. - 2007 - No. 46. - Art. 5555.

[6] Federal Law of 10.01.2003 No. 18-FZ “Charter of Railway Transport of the Russian Federation “// Collection of Legislation of the Russian Federation. - 2003 - No. 2. - Art. 170.

[7] Decree of the Government of the Russian Federation of October 11, 2012 No. 1036 “On the features of assessing the compliance of defense products (works, services) supplied under the state

defense order, design processes (including surveys), production, construction, installation, commissioning, operation, storage, transportation, sale, disposal and disposal of these products "//Collection of legislation of the Russian Federation. - 2012 - No. 43. - Art. 5873.

[8] Order of the Ministry of Finance of Russia No. 61n dated 15.04.2021 "On Approval of Unified Forms of Electronic Accounting Documents Used in Budget Accounting, Accounting of State (Municipal) Institutions, and Methodological Guidelines for Their Formation and Application "// www.garant.ru. Site. Text: electronic. - URL: https://base.garant.ru/400766923/ (date of contact 11.04.2026).

[9] "Instruction on the Procedure for Acceptance of Industrial and Technical Products and Consumer Goods by Quantity" (approved by Decree of the USSR State Arbitration dated 15.06.1965 No. P-6)// www.garant.ru. Site. Text: electronic. - URL: https://base.garant.ru/10107032/ (date of contact 06.04.2026).

[10] "Instruction on the Procedure for Acceptance of Industrial and Technical Products and Consumer Goods by Quality" (approved by Decree of the USSR State Arbitration dated 25.04.1966 No. P-7)// www.garant.ru. Site. Text: electronic. - URL: https://base.garant.ru/10107033/ (date of contact 06.04.2026).

[11] Resolution of the Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation of 22.10.1997 No. 18 "On Certain Issues Related to the Application of the Provisions of the Civil Code of the Russian Federation on the Supply Contract "// www.garant.ru. Site. Text: electronic. - URL: https://base.garant.ru/12109120/ (date of contact 06.04.2026).

[12] Letter of the Ministry of Finance of Russia (Ministry of Finance of the Russian Federation) dated April 01, 2024 No. 02-06-06/29423 "Methodological recommendations for the use of certain unified forms of electronic documents approved by order No. 61n as part of the implementation of electronic document management "// www.garant.ru. Site. Text: electronic. - URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/408720115/ (date of contact 12.04.2026).

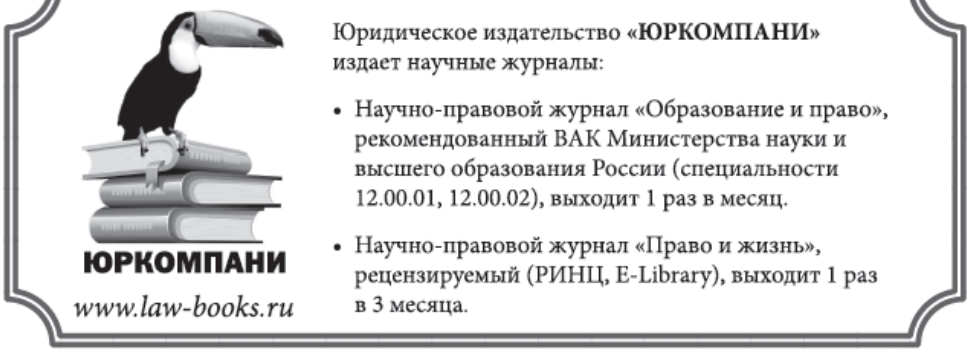
[13] Letter of the Ministry of Finance of Russia dated March 14, 2024 No. 02-06-09/23030 On the features of the registration of the Certificate of Acceptance of Goods, Works, Services (f. 0510452) // www.garant.ru. Site. Text: electronic. - URL: https://base.garant.ru/411218499/ (date of contact 12.04.2026).

[14] Ruling of the Arbitration Court of the Moscow District of 04.12.2025 N Ф05-16563/2025 in case N A40-264840/2024.

[15] Decision of the Arbitration Court of the Ural District of 02.10.2025 N Ф09-3311/25 in case N A60-43996/2024.

[16] Ilyushina M.N., Chelyshev M.Y., Sitdikova R.I. Commercial Law: Textbook; Workshop; Curriculum/Ed. N.A. Barinova. - M.: Yurayt-Izdat, 2002. - 383 p.

[17] Puginsky B.I. Commercial Law of Russia. Textbook. - M.: ICD "Zertsalo-M." 2005. - 328 s.

Дата поступления рукописи в редакцию: 28.03.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.05.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3830-2026-4-83-93

БРИТАНОВ Алексей Геннадьевич,
аспирант Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, г. Москва,
e-mail: britanovag@mail.ru

К ВОПРОСУ О ДАЛЬНЕЙШЕМ СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ МЕХАНИЗМА ОЦЕНКИ ЭФФЕКТИВНОСТИ (РЕЗУЛЬТАТИВНОСТИ) КОНТРОЛЬНОЙ (НАДЗОРНОЙ) ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. *В статье исследуются актуальные правовые проблемы административно-правового механизма оценки эффективности (результативности) контрольной (надзорной) деятельности, закрепленного в статье 30 Федерального закона от 31.07.2020 № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации». На основе анализа нормативных правовых актов муниципальных образований в сфере муниципального земельного контроля выявлены существенные недостатки в установлении ключевых показателей видов контроля (надзора), включая отсутствие единой методики, прямые нарушения императивных норм федерального законодательства, а также формальный подход к определению целевых значений. Автором обосновывается необходимость введения правовых последствий неудовлетворительной оценки эффективности (результативности), включения профилактических мероприятий в систему оценки, а также создания механизма участия контролируемых лиц и граждан в оценке контрольной (надзорной) деятельности. Сформулированы конкретные предложения по совершенствованию действующего законодательства, направленные на повышение объективности и транспарентности механизма оценки эффективности (результативности) контрольной (надзорной) деятельности.*

Ключевые слова: *контрольная (надзорная) деятельность, эффективность контроля (надзора), результативность контроля (надзора), государственный контроль, риск-ориентированный подход, обязательные требования, административная реформа, Федеральный закон № 248-ФЗ.*

BRITANOV Alexey Gennadievich,
graduate student of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Moscow

TO THE QUESTION OF FURTHER IMPROVING THE MECHANISM FOR ASSESSING THE EFFECTIVENESS (EFFICIENCY) OF CONTROL (SUPERVISORY) ACTIVITIES IN THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation. *The article examines current legal issues of the administrative-legal mechanism for evaluating the effectiveness (performance) of control (supervisory) activities as established in Article 30 of Federal Law No. 248-FZ of July 31, 2020 «On State Control (Supervision) and Municipal Control in the Russian Federation». Based on the analysis of municipal regulatory acts in the field of municipal land control, significant deficiencies in establishing key indicators of types of control (supervision) have been identified, including a lack of unified methodology, direct violations of mandatory federal legislation norms, and a formalistic approach to defining target values. The author substantiates the necessity to introduce legal consequences for unsatisfactory effectiveness evaluations, to include preventive measures in the evaluation system, and to create mechanisms for the participation of controlled persons and citizens in evaluating control (supervisory) activities. Specific*

legislative improvement proposals have been formulated aimed at increasing the objectivity and transparency of the mechanism for evaluating the effectiveness (performance) of control (supervisory) activities.

Key words: *control (supervisory) activities, effectiveness of control (supervision), performance of control (supervision), state control, risk-based approach, mandatory requirements, administrative reform, Federal Law No. 248-FZ.*

Введение

На сегодняшний день законодательство о контрольной (надзорной) деятельности в Российской Федерации пережило несколько этапов реформ и преобразований. Профессор С.М. Зырянов на этот счет справедливо указывает, что в нашей стране «этот процесс протекает в особых условиях с одновременной кардинальной перестройкой всей правовой системы в соответствии с потребностями принципиально нового для страны социально-экономического уклада. В советском праве отсутствовали средства регулирования рыночных отношений, равно как и отношений между регулирующими органами и хозяйствующими субъектами» [6, с. 36]. После длительных дискуссий и обсуждений в 2020 году был принят Федеральный закон от 31.07.2020 № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» [29] (далее – Федеральный закон № 248-ФЗ), который подробным образом закрепил новые подходы к контрольной (надзорной) деятельности, а также к профилактическим мероприятиям. Среди прочего Федеральный закон № 248-ФЗ нормативно в ст. 30 определил и механизм оценки эффективности (результативности) осуществляемой контрольной (надзорной) деятельности.

Говоря об актуальности оценки эффективности (результативности) контрольной (надзорной) деятельности, ее места и роли в соответствующей сфере общественных отношений, ученые РАНХиГС подчеркивали, что «определение результата государственного контроля и надзора и цели его осуществления, оценка результативности и эффективности контрольно-надзорной деятельности являются ключевым приоритетом дальнейшей работы по оптимизации контрольно-надзорных функций государства и повышения качества государственного управления в целом» [3, с. 43]. Справедливо отмечается, что «одним из самых важных вопросов контрольной (надзорной) деятельности является вопрос эффективности и результативности контроля. При помощи этого механизма мы фактически отвечаем на вопрос: А данный вид контроля достиг своей общественно значимой цели? Обеспечил безопасность, порядок во вверенной сфере?» [11, с. 57].

Вместе с тем, будучи важнейшим инструментом по дальнейшей «донастройке» и анализу как обязательных требований, на соответствие которым проверяется контролируемое лицо, так и непосредственно деятельности контрольных (надзорных) органов по проведению ими всего пула в рамках законодательства о государственном контроле (надзоре), муниципальном контроле, комментируемый административно-правовой механизм оценки эффективности (результативности) контрольной (надзорной) деятельности имеет, на наш взгляд, ряд недостатков. Устранение рассматриваемых в настоящей статье правовых недостатков позволит усовершенствовать механизм оценки эффективности (результативности) контрольной (надзорной) деятельности, сделать его более объективным и прозрачным. Это, безусловно, позволит убрать пробельность законодательства и в полной степени обеспечить законность, а также соблюдение конституционно-правовых принципов правовой определенности и равенства. Рассмотрим имеющиеся проблемы подробнее.

1. Отсутствие единой методики и подходов к установлению ключевых показателей вида контроля (надзора)

Федеральный закон № 248-ФЗ в ч. 2 ст. 30 закрепил, что система оценки эффективности (результативности) контрольной (надзорной) деятельности базируется на ключевых и индикативных показателях.

Что касается ключевых показателей, то федеральный законодатель определил их как отражающие уровень минимизации вреда (ущерба) охраняемым законом ценностям, уровень устранения риска причинения вреда (ущерба) в соответствующей сфере деятельности, по которым устанавливаются целевые (плановые) значения и достижение которых должен обеспечить соответствующий контрольный (надзорный) орган (п. 1 ч. 2 ст. 30 Федерального закона № 248-ФЗ).

В то же время, установление таких показателей федеральный законодатель отдал непосредственно на откуп Правительству РФ (для федеральных видов контроля (надзора)), для региональных видов контроля (надзора) – высшему исполнительному органу государственной власти субъекта Федерации, для муниципальных видов контроля – представительным органам муниципального образования. Не случайно отмечается, что «особенностью развития российского законодательства в сфере контрольно-надзор-

ной деятельности стало существенное расширение пределов подзаконного регулирования. Закон о контроле (надзоре) содержит несколько десятков отсылок к нормативным правовым актам Правительства РФ» [27, с. 793]. При этом не следует излишним образом критиковать такой выбор – по нашему мнению, сам подход законодателя четко определить круг лиц, устанавливающих ключевые показатели (подспудно заметим, что и индикативные показатели тоже) для видов контроля (надзора) является естественной необходимостью. В то же время, по нашему мнению, не лишена смысла и возможная модель установления ключевых и индикативных показателей по виду контроля (надзора) непосредственно в «профильном» федеральном законе, которым вводится тот или иной вид контроля (надзора) – наряду с закреплением предмета контроля (надзора) и органов власти, его осуществляющих. Как будет видно далее в настоящей работе, эту модель даже следует признать желательной или, во всяком случае, полностью делегировать принятие соответствующих показателей Правительству России.

Нужно сказать, что Федеральный закон № 248-ФЗ не дает каких-либо развернутых ориентиров органам публичной власти относительно того, как именно необходимо выстраивать систему оценки эффективности и результативности контрольной (надзорной) деятельности – в частности, отсутствует указание на то, какого рода показатели должны использоваться (качественные или количественные, или же их совокупность), какие характеристики показателей должны учитываться. Все это в отсутствие внятной позиции законодателя способно значительно нивелировать всю систему оценки эффективности и результативности контрольной (надзорной) деятельности вплоть до нуля.

Наглядной иллюстрацией несовершенства указанной модели правового регулирования может являться анализ того, как уполномоченные органы власти установили ключевые показатели для вида контроля (надзора). Для примера проанализируем ключевые показатели, которые установлены разными муниципалитетами страны по муниципальному земельному контролю – данный вид контроля выбран для анализа потому, что указанный вид контроля должен иметься в абсолютном большинстве муниципальных образований, при этом даже беглый анализ позволит выявить очевидные отступления от установлений законодателя, а также выяснить многообразие принятых решений по показателям. Более того, как отмечается в литературе, «создание института муниципального земельного контроля можно рассматривать как часть системы муниципальных гарантий прав и свобод человека, поскольку местное самоуправление, являясь формой и первичным уровнем осуществления власти в государстве, призвано вносить свой вклад в обеспечение гарантированных прав и свобод человека и гражданина, так как права и свободы реализуются, прежде всего, по месту жительства в муниципальных образованиях» [12, с. 32].

В нарушение императивной нормы ч. 7 ст. 30 Федерального закона № 248-ФЗ о том, что не допускается установление ключевых показателей вида контроля, основанных на количестве проведенных профилактических мероприятий и контрольных (надзорных) мероприятий, количестве выявленных нарушений, количестве контролируемых лиц, привлеченных к ответственности, в Набережных Челнах определили одним из ключевых показателей земельного контроля процент выполнения плана проведения плановых контрольных мероприятий на очередной календарный год (который, конечно, должен быть равен 100%), а также процент вынесенных судебных решений о назначении административного наказания по материалам органа муниципального контроля (здесь показатель будет достигнут при 95% таких решений) [15]. Аналогично в Череповце – ключевыми показателями определены выполнение плана проведения плановых контрольных мероприятий на очередной календарный год и выполнение программы профилактики рисков причинения вреда (ущерба) охраняемым законом ценностям (у обоих показателей целевым значением является 100%) [25]. Тот же самый ключевой показатель (то есть 100% выполнения плановых контрольных (надзорных) мероприятий) по муниципальному земельному контролю установлен во Владивостоке [16], в Николаевске Волгоградской области [20], в Тамбовском муниципальном округе [23], в Псковском районе [18]. Полагаем, что по крайней мере отчасти упорное желание органов власти определить ключевые показатели через значения проведенных плановых контрольных мероприятий может объясняться необходимостью (по мнению представительных органов муниципальных образований) «ориентации на обеспечение “окупаемости” деятельности контрольно-надзорных органов за счет объема взысканных административных штрафов, что прямо противоречит обозначенному в этой сфере конечному результату – обеспечению высокого уровня защищенности охраняемых законом ценностей от контролируемых государством рисков» [2, с. 188].

Своеобразным антипримером можно также считать Печорский муниципальный округ Псковской области [19], город Биробиджан [14] – в этих муниципалитетах в нормативных актах лишь дословно указывается, что оценка эффективности и результативности муниципального земель-

ного контроля осуществляется в соответствии со статьей 30 Федерального закона № 248-ФЗ. Более никаких пояснений, а уж тем более хоть каких-то утвержденных ключевых и индикативных показателей, проанализированные муниципальные правовые акты не содержат.

В других муниципалитетах утвержденные ключевые показатели по муниципальному земельному контролю несколько лучше. Так, в Тольятти таковым показателем является процент принятых органом муниципального контроля мер реагирования по фактам выявленных нарушений обязательных требований к общему количеству выявленных нарушений (целевое значение равно 100%) [17]. В Тюмени ключевой показатель определяется по расчетной формуле: КП = 100% - (А / В × 100%), где КП – ключевой показатель; А – общая площадь объектов контроля, на которой в отчетном году устранены нарушения обязательных требований к использованию и охране земель; В – общая площадь объектов контроля, на которой в отчетном году выявлены нарушения обязательных требований к использованию и охране земель [24]. Начиная с 2022 г. целевое значение ключевого показателя установлено в 70% с ежегодным уменьшением на 1% (то есть нарушения должны быть устранены в отчетном году не менее чем на 30% общей площади земельных участков, являвшихся объектом контроля инспекторов, что ставит в целом вопрос об эффективности административно-правовых мер принуждения контролируемых лиц и всей процедуры контроля).

Также несколько лучшими в части формы, но, как видится, не в части содержания и представлений законодателя о ключевых показателях, утверждены показатели в Выборгском районе Ленинградской области. Так, местный представительный орган установил два ключевых показателя: первый определяется как стоимость невыплаченной арендной платы за использование самовольно занятых земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности (с целевым значением менее или равным почему-то 400 тыс. рублей), а второй – по величине недоплаченного земельного налога в связи с использованием земельных участков не по целевому назначению и выплатой земельного налога по нескорректированной (с учетом фактического использования земельного участка) его кадастровой стоимости (целевое значение показателя составляет менее или равно 215 тыс. рублей) [21]. Совершенно неясно, как указанные ключевые показатели соотносятся с предметом муниципального земельного контроля и как они снижают охраняемые законом ценности – так, предметом муниципального земельного контроля, который определен в ч. 2 ст. 72 Земельного кодекса Российской Федерации, является соблюдение обязательных требований к использованию и охране земель в отношении объектов земельных отношений, за нарушение которых законодательством предусмотрена административная ответственность [5]. Скорее, комментируемые показатели могли бы использоваться для целей установления ключевых показателей относительно работы с дебиторской задолженностью по аренде земельных участков и налоговым администрированием, но вот никакого отношения к предмету муниципального земельного контроля они не имеют.

То же самое можно сказать и о ключевом показателе для земельного контроля, установленном в городе Тында Амурской области. Таковым местный представительный орган установил значение, характеризующее площадь земельных участков, права на которые оформлены, к общей площади муниципального образования, а целевое значение определено в размере 0,07% [10]. Совершенно неясно, каким образом этот показатель может хоть как-то свидетельствовать о достижении цели контроля, о минимизации ущерба (вреда) охраняемым законом ценностям. Выходит, цель муниципального контроля будет достигнута, если соотношение оформленных земельных участков к общей площади муниципалитета составит семь сотых процента и более.

Наконец, практически образцово-показательными на фоне предыдущих примеров можно назвать ключевые показатели, установленные для земельного контроля в городе Воркуте Республики Коми. Представительным органом Воркуты определены четыре ключевых показателя: доля самовольно занятых, в том числе используемых земель, государственная собственность на которые не разграничена, земельных участков, находящихся в собственности муниципального округа «Воркута»; доля земельных участков, используемых не по целевому назначению в соответствии с видом разрешенного использования; доля земельных участков, на которых нарушен плодородный слой почвы (в том числе самовольное перемещение, снятие, уничтожение); доля земельных участков, на которых не проведены работы по рекультивации [22]. Стоит, однако, оговориться, что по неизвестной причине целевое значение ключевых показателей для данного вида контроля в Воркуте не установлено – в официальном документе графа «Значение показателей» попросту не заполнена.

Представленный аналитический срез явным образом показывает, что в отсутствие единообразной и обязательной для всех методологии установления ключевых показателей по видам контроля фактически происходит полный беспорядок. Устанавливаемые представительными

органами местного самоуправления ключевые показатели по земельному контролю в большинстве своем фактически не позволяют сделать хоть какие-то выводы относительно уровня минимизации вреда (ущерба) и устранения риска причинения вреда охраняемым ценностям в проанализированной сфере общественных отношений. Такой подход приводит к разнородности и несовпадению векторов оценки деятельности органов контроля, и, как следствие, общего положения дел применительно к тем или иным общественным отношениям, контроль за которыми вверен соответствующим органам публичной власти. Все это осложняет сравнение и синхронизацию результатов деятельности контрольных органов, а также создает затруднения при стандартизации отчетности и анализа данных, необходимых для принятия управленческих решений на высшем уровне. В этой связи необходима выработка общих подходов и принципов, которые могли бы служить ориентиром для разработки и внедрения системы оценки эффективности (результативности) контрольной (надзорной) деятельности, в то же время обеспечивая ее адаптивность и способность реагирования на изменения в социальной среде.

Учеными также обращается внимание на то, что «система оценки результативности контрольной (надзорной) деятельности в ряде подконтрольных сфер требует “донастройки”. В частности, нужна стандартизация в вопросе установления целевых значений ключевых показателей. В различных видах контроля они варьируются от абсолютных величин до относительных изменений или многолетних планов. Также у органов контроля (надзора) зачастую отсутствует методика расчета целевых значений» [9, с. 131].

Справедливости ради стоит обратить внимание, что Правительством Российской Федерации еще 10 лет назад были определены основные направления разработки и внедрения системы оценки результативности и эффективности контрольно-надзорной деятельности (далее – Основные направления) [13], утвердившие типовой перечень показателей результативности и эффективности контрольно-надзорной деятельности, структуру перечня показателей и паспорт ключевого показателя. Любопытно, что в разделе третьем Основных направлений результатом разработки и внедрения системы оценки в том числе должны были являться нормативно определенный порядок ведения реестра ключевых показателей; порядок паспортизации ключевых показателей; порядок оценки результативности и эффективности контрольно-надзорной деятельности; методика установления целевых значений показателей результативности и эффективности контрольно-надзорной деятельности. К сожалению, следует констатировать, что наработки Правительства России в этой части остались без должной реализации, хотя комментируемое распоряжение продолжает действовать и сегодня.

При этом представляется правильным определить перечень ключевых и индикативных показателей по каждому виду контроля (надзора) с целью унификации и методологического единства оценки эффективности и результативности контрольной (надзорной) деятельности, тем более учитывая, что это позволит равным образом оценить такую деятельность в любом уголке страны. Полагаем, что законодателю следует нормативно закрепить соответствующий подход в Федеральном законе № 248-ФЗ, а право и обязанность определять ключевые и индикативные показатели по видам контроля (надзора) полностью передать Правительству Российской Федерации.

2. Отсутствие правовых последствий неудовлетворительной оценки эффективности (результативности) контрольной (надзорной) деятельности

На сегодняшний день законодательство Российской Федерации не содержит каких-либо последствий в случае неудовлетворительной оценки эффективности (результативности) контрольной (надзорной) деятельности. Представляется, что это серьезная проблема – тем более, как подчеркивает С.М. Зырянов, именно «на последней стадии механизма правового регулирования оценивается результат правового воздействия на общественные отношения, идентифицируются риски, юридические или институциональные дефекты, формируется или корректируется регуляторная политика, выявляются неэффективные или порочные правила, выбираются оптимальные модели регулирования, предполагающие использование запретов, обязываний, стимулов или иных правовых, а возможно, не только правовых, средств воздействия на участников общественных отношений» [7, с. 16].

В частности, инспекторы контрольных (надзорных) органов могут быть менее мотивированы к достижению высоких результатов и улучшению качества проводимых контрольных (надзорных) мероприятий. Кроме того, сам административно-правовой механизм как бы «подвисает в воздухе», поскольку даже при длительном снижении показателей эффективности и результативности контрольной (надзорной) деятельности никаких неблагоприятных правовых последствий для инспекторов, руководителей контрольных (надзорных) органов не предусмотрено. В этой связи впору говорить об экзистенциальной проблеме рассматриваемого механизма в целом.

Профессор Ю.А. Тихомиров отмечал, что «необходимо систематически контролировать деятельность служащих в соответствии с их должностными обязанностями в части выполнения установленных показателей деятельности. Выявлять и рассматривать материалы (сигналы) о нарушении норм закона о недопущении конфликта интересов» [26, с. 386]. Между тем, в рассматриваемой ситуации даже в случае установления четких ключевых и индикативных показателей по виду контроля (надзора), в полной мере соответствующих Федеральному закону № 248-ФЗ и Основным направлениям, однако при недостижении целевых значений таковых показателей и даже их последовательном снижении год от года главное предназначение механизма оценки эффективности (результативности) – идентификация рисков и выявление избыточных обязательных требований – оказывается попросту невостребованным.

Удивительно, но действующее законодательство фактически допускает ситуацию, при которой контрольный (надзорный) орган может систематически не достигать установленных ключевых показателей без каких-либо правовых последствий. Это положение дел противоречит самой логике административно-правового механизма оценки, который, по замыслу законодателя, должен служить инструментом обратной связи в системе государственного управления. Как справедливо отмечается в литературе, результативность контрольной (надзорной) деятельности «может быть оценена через показатели конечного общественно значимого результата деятельности, характеризующие степень достижения целей контроля и надзора» [3, с. 44], однако при отсутствии правовых последствий такая оценка утрачивает свое функциональное значение.

Представляется необходимым закрепить в Федеральном законе № 248-ФЗ нормы, устанавливающие правовые последствия неудовлетворительной оценки эффективности (результативности) контрольной (надзорной) деятельности. По нашему мнению, такие последствия целесообразно дифференцировать в зависимости от длительности и степени недостижения целевых значений ключевых показателей. В частности, при недостижении целевых значений ключевых показателей по итогам отчетного периода контрольный (надзорный) орган должен быть обязан разработать и представить план корректирующих мер с указанием конкретных сроков их реализации. При систематическом (в течение двух и более отчетных периодов подряд) недостижении целевых значений ключевых показателей должен быть инициирован пересмотр как самих обязательных требований, являющихся предметом соответствующего вида контроля (надзора), так и применяемых подходов к проведению контрольных (надзорных) мероприятий. Наконец, при длительном (три и более отчетных периода) устойчивом снижении показателей эффективности (результативности) должен быть поставлен вопрос о целесообразности сохранения данного вида контроля (надзора) в существующем виде. Указанный подход будет стимулировать контрольные (надзорные) органы к реальному достижению общественно значимых результатов, а не к формальному исполнению контрольных (надзорных) полномочий.

3. Отсутствие оценки эффективности (результативности) профилактических мероприятий

Одним из ключевых нововведений Федерального закона № 248-ФЗ стало закрепление системы профилактических мероприятий как самостоятельного и приоритетного направления контрольной (надзорной) деятельности. Как установлено в ч. 1 ст. 8 Федерального закона № 248-ФЗ, при осуществлении государственного контроля (надзора), муниципального контроля проведение профилактических мероприятий, направленных на снижение риска причинения вреда (ущерба), является приоритетным по отношению к проведению контрольных (надзорных) мероприятий.

Между тем, несмотря на декларируемый приоритет профилактики над контролем, механизм оценки эффективности (результативности), закрепленный в ст. 30 Федерального закона № 248-ФЗ, фактически не предусматривает самостоятельной оценки эффективности (результативности) именно профилактических мероприятий. Ключевые показатели видов контроля (надзора) ориентированы преимущественно на оценку результатов контрольных (надзорных) мероприятий – то есть на минимизацию вреда и устранение рисков, – но при этом не содержат критериев, позволяющих оценить вклад профилактической деятельности в достижение указанных целей. Возникает парадоксальная ситуация: законодатель провозглашает приоритет профилактики, но при этом не создает инструментов для измерения ее эффективности. Справедливо отмечается, что «в организационно-правовом смысле сегодня в российской правовой системе окончательно не выработан реально действующий механизм профилактики нарушений обязательных требований. Рассмотренные недоработки делают систему профилактики декларативной, отчасти формальной» [4, с. 56].

Данный пробел порождает ряд практических проблем. Во-первых, контрольные (надзорные) органы лишены объективных ориентиров

для совершенствования профилактической деятельности. Отсутствие показателей, характеризующих качество и результативность профилактических мероприятий (информирования, консультирования, обобщения правоприменительной практики, объявления предостережений, профилактических визитов и др.), не позволяет оценить, какие именно профилактические инструменты дают наибольший эффект в конкретной сфере общественных отношений. Во-вторых, без измеримых критериев профилактическая деятельность рискует превратиться в формальность – контрольные (надзорные) органы могут проводить профилактические мероприятия «для отчетности», не уделяя должного внимания их содержательному наполнению и реальному воздействию на уровень соблюдения обязательных требований контролируемыми лицами. В-третьих, невозможность оценить эффективность профилактики не позволяет корректно перераспределять ресурсы контрольного (надзорного) органа между профилактической и собственно контрольной деятельностью.

Как отмечает С.М. Зырянов, государственный контроль (надзор) представляет собой регуляторную функцию, которая должна рассматриваться в совокупности всех ее составляющих [3, с. 19]. Следовательно, и оценка эффективности (результативности) должна охватывать все направления контрольной (надзорной) деятельности, включая профилактические мероприятия. Представляется целесообразным дополнить ст. 30 Федерального закона № 248-ФЗ нормой, предусматривающей обязательное включение в систему оценки эффективности (результативности) показателей, характеризующих результативность профилактической деятельности. Верно констатируется в литературе, что «профилактические мероприятия, хотя и призваны воздействовать методом убеждения на контролируемых субъектов, в конечном итоге должны отражаться на гражданах, повышая их защищенность. Вполне вероятно также, что и предприниматели могут оценивать, как профилактическая деятельность влияет на их поведение и на их отношения с контрольно-надзорными органами. Более того, неисполнение предпринимателями обязательных требований может приводить к происшествиям, влекущим причинение вреда (ущерба), который возмещается за их счет. С этой точки зрения профилактическая деятельность позволяет снизить издержки по возмещению вреда (ущерба)» [8, с. 43].

Такие показатели могут быть основаны, в частности, на динамике снижения количества нарушений обязательных требований после проведения профилактических мероприятий в отношении определенной группы контролируемых лиц; на доле контролируемых лиц, устранивших нарушения по итогам объявленных предостережений без проведения контрольных (надзорных) мероприятий; на уровне осведомленности контролируемых лиц об обязательных требованиях (что может определяться, например, по результатам анкетирования).

4. Отсутствие механизма участия контролируемых лиц и граждан в определении эффективности (результативности) контрольной (надзорной) деятельности

Действующая модель оценки эффективности (результативности) контрольной (надзорной) деятельности носит замкнутый характер: показатели устанавливаются органами публичной власти, оценка осуществляется на основе данных самих контрольных (надзорных) органов, а результаты оценки интерпретируются также государственными структурами. Контролируемые лица и граждане – то есть те субъекты, на которых непосредственно направлено контрольное (надзорное) воздействие и в чьих интересах, в конечном счете, осуществляется контроль (надзор), – фактически исключены из процесса оценки.

Более того, Федеральный закон № 248-ФЗ в ч. 2 ст. 1 прямо устанавливает, что целями государственного контроля (надзора), муниципального контроля являются достижение общественно значимых результатов, связанных с минимизацией риска причинения вреда (ущерба) охраняемым законом ценностям. Иными словами, вся система контроля (надзора) выстраивается именно в общественных интересах. Однако странным образом само общество – в лице контролируемых лиц и граждан – не имеет нормативно закрепленной возможности каким-либо образом влиять на оценку того, насколько эффективно контрольные (надзорные) органы осуществляют свою деятельность.

Данный пробел является существенным по ряду оснований. Во-первых, контролируемые лица обладают уникальной информацией о практике проведения контрольных (надзорных) мероприятий, которая не может быть получена из ведомственной отчетности: о соблюдении инспекторами процедурных требований, о характере взаимодействия с проверяемыми лицами, о реальном уровне административной нагрузки. Как отмечалось в литературе, именно «институт обращений граждан позволяет наладить обратную связь между населением и властными структурами, являясь важным информационным каналом. Без его существования органам власти было бы сложнее собирать информацию о проблемах

населения, принимать решения по их устранению» [1, с. 105]. Во-вторых, исключение контролируемых лиц из процесса оценки снижает легитимность самого механизма оценки эффективности (результативности) в глазах предпринимательского и экспертного сообщества. В-третьих, отсутствие обратной связи от адресатов контрольного (надзорного) воздействия лишает механизм оценки одного из важнейших источников информации для корректировки деятельности контрольных (надзорных) органов.

Представляется целесообразным дополнить механизм оценки эффективности (результативности) контрольной (надзорной) деятельности элементами обратной связи от контролируемых лиц и граждан. В практическом плане это может быть реализовано посредством нормативного закрепления в Федеральном законе № 248-ФЗ обязанности контрольных (надзорных) органов проводить регулярное анкетирование контролируемых лиц по итогам проведенных контрольных (надзорных) и профилактических мероприятий; включения обобщенных результатов такого анкетирования в состав индикативных показателей вида контроля (надзора); обеспечения возможности участия представителей предпринимательского сообщества, общественных организаций и уполномоченных по защите прав предпринимателей в обсуждении результатов оценки эффективности (результативности) на основе принципов открытости и публичности, закрепленных в пп. 4 и 5 ч. 2 ст. 7 Федерального закона № 248-ФЗ. Такой подход будет корреспондировать и с общим направлением развития института общественного контроля в Российской Федерации, нормативно определенного Федеральным законом от 21.07.2014 № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» [28].

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать ряд выводов и сформулировать предложения по совершенствованию административно-правового механизма оценки эффективности (результативности) контрольной (надзорной) деятельности.

Во-первых, анализ нормативных правовых актов муниципальных образований в сфере муниципального земельного контроля убедительно демонстрирует отсутствие единой методики и подходов к установлению ключевых показателей видов контроля (надзора). Выявленные нарушения носят системный характер: от прямого противоречия императивным нормам ч. 7 ст. 30 Федерального закона № 248-ФЗ до полного отсутствия утвержденных показателей. Для решения данной проблемы необходимо передать полномочия по установлению ключевых и индикативных показателей по всем видам контроля (надзора) Правительству Российской Федерации с закреплением соответствующих изменений в Федеральном законе № 248-ФЗ.

Во-вторых, отсутствие правовых последствий неудовлетворительной оценки эффективности (результативности) контрольной (надзорной) деятельности обесценивает весь механизм оценки. Необходимо нормативно закрепить дифференцированную систему правовых последствий недостижения целевых значений ключевых показателей – от обязательной разработки плана корректирующих мер до постановки вопроса о пересмотре соответствующего вида контроля (надзора).

В-третьих, несмотря на законодательно закрепленный приоритет профилактики над контролем, профилактические мероприятия фактически выведены из системы оценки эффективности (результативности). Предлагается дополнить ст. 30 Федерального закона № 248-ФЗ нормой об обязательном включении в систему оценки показателей результативности профилактической деятельности.

В-четвертых, замкнутый характер действующей модели оценки, исключающей участие контролируемых лиц и граждан, не соответствует целям государственного контроля (надзора) как деятельности, осуществляемой в общественных интересах. Целесообразно нормативно закрепить элементы обратной связи от контролируемых лиц и включить обобщенные результаты анкетирования в состав индикативных показателей.

Реализация указанных предложений позволит существенно повысить объективность и транспарентность механизма оценки эффективности (результативности) контрольной (надзорной) деятельности, обеспечить его действенность как инструмента совершенствования государственного управления в сфере контроля (надзора), а также привести существующее правовое регулирование в соответствие с конституционно-правовыми принципами правовой определенности, соразмерности и равенства.

Список литературы:

[1] Быкова Т.А. Технологии работы с обращениями граждан в администрации Томской области // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 427. С. 105-112

[2] Добролюбова Е.И., Южаков В.Н. Диагностика качества российского государственного управления // Экономическая политика. 2021. № 4. С. 170–197.

[3] Добролюбова Е.И., Южаков В.Н. Оценка результативности и эффективности контроль-

но-надзорной деятельности // Вопросы государственного и муниципального управления. 2015. № 4. С. 41–64.

[4] Евдокимов А.С., Сергун П.П. Система профилактических мероприятий, применяемых при осуществлении государственного контроля (надзора): оценка регулирующего воздействия // Административное право и процесс. 2023. № 7. С. 52–57.

[5] Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 № 136-ФЗ (ред. от 26.12.2024) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 44. Ст. 4147.

[6] Зырянов С.М. Государственный контроль (надзор): монография / С.М. Зырянов. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; Юридическая фирма «Контракт», 2023. 320 с.

[7] Зырянов С.М. Место и роль государственного контроля (надзора) в механизме правового регулирования // Административное право и процесс. 2025. № 4. С. 15–21.

[8] Зырянов С.М.. Калмыкова А.В. Подходы к оценке эффективности деятельности контрольно-надзорных органов по предупреждению нарушений обязательных требований // Вопросы государственного и муниципального управления. 2019. № 3. С. 31-66.

[9] Нестеров Е.А. От «регуляторной гильотины» к современной системе контроля (надзора) // Труды Института государства и права РАН. 2025. Т. 20. № 6. С. 120–137.

[10] Нормативный правовой акт города Тынды от 05.11.2025 № 26-НПА «О муниципальном земельном контроле в границах города Тынды» (принят решением Тындинской городской Думы от 30.10.2025 № 299-Р-ТГД-VIII) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

[11] Пахомов А.В. Муниципальный контроль: настольная книга депутата и муниципального служащего: практическое пособие для инспектора / А.В. Пахомов; ред. Е.С. Шугрина. Калининград: Полиграфычъ, 2024. 224 с.

[12] Поставная Н.П. Муниципальный земельный контроль и интересы населения // Журнал российского права. 2009. № 8. С. 28–36.

[13] Распоряжение Правительства РФ от 17.05.2016 № 934-р «Об основных направлениях разработки и внедрения системы оценки результативности и эффективности контрольно-надзорной деятельности» // Собрание законодательства РФ. 2016. № 21. Ст. 3075.

[14] Решение городской Думы муниципального образования «Город Биробиджан» ЕАО от 24.04.2025 № 104 «Об утверждении положения “О муниципальном земельном контроле на территории муниципального образования ”Город Биробиджан” Еврейской автономной области» // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

[15] Решение Горсовета муниципального образования «г. Набережные Челны» от 03.11.2021 № 9/13 (ред. от 13.08.2025) «Об утверждении Положения о муниципальном земельном контроле на территории муниципального образования город Набережные Челны» // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

[16] Решение Думы г. Владивостока от 26.05.2022 № 702 «Об утверждении ключевых показателей муниципального земельного контроля и их целевых значений, а также индикативных показателей муниципального земельного контроля на территории Владивостокского городского округа» // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

[17] Решение Думы городского округа Тольятти Самарской области от 20.10.2021 № 1071 «О Положении о муниципальном земельном контроле на территории городского округа Тольятти» // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

[18] Решение Собрания депутатов Псковского района от 29.04.2025 № 201 «Об утверждении Положения о муниципальном земельном контроле на территории Псковского района» // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

[19] Решение Собрания депутатов Печорского муниципального округа от 27.02.2024 № 91 «Об утверждении положений о муниципальном земельном контроле на территории муниципального образования “Печорский муниципальный округ”» // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

[20] Решение Совета депутатов городского поселения г. Николаевск Николаевского муниципального района Волгоградской обл. от 28.07.2021 № 21/91 «Об утверждении Положения о муниципальном земельном контроле в границах городского поселения г. Николаевск Николаевского муниципального района Волгоградской области» // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

[21] Решение Совета депутатов муниципального образования Выборгское городское поселение Выборгского района Ленинградской области от 23.09.2025 № 36 «Об утверждении Положения по осуществлению муниципального земельного контроля на территории Выборгского городского поселения Выборгского муниципального района Ленинградской области» // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

[22] Решение Совета муниципального округа «Воркута» от 25.04.2025 № 761 «Об утверждении положения о муниципальном земельном контроле на территории муниципального округа “Воркута”» // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

[23] Решение Совета народных депутатов Тамбовского муниципального округа от 15.08.2024 № 21/46 «Об утверждении положения “Об осу-

ществлении муниципального земельного контроля на территории Тамбовского муниципального округа”» // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

[24] Решение Тюменской городской Думы от 23.12.2021 № 429 «О муниципальном контроле в городе Тюмени» // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

[25] Решение Череповецкой городской Думы от 28.09.2021 № 126 «О Положении о муниципальном земельном контроле на территории города Череповца» // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

[26] Тихомиров Ю.А. Правовое регулирование: теория и практика. М.: Формула права, 2008. 400 с.

[27] Трофимов А.А., Дмитрикова Е.А., Карицкая А.А. Поиск оптимальной модели контрольно-надзорной деятельности: опыт России и Китая // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2023. Т. 14. Вып. 3. С. 783–801.

[28] Федеральный закон от 21.07.2014 № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2014. № 30 (ч. I). Ст. 4213.

[29] Федеральный закон от 31.07.2020 № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2020. № 31 (ч. I). Ст. 5007.

References:

[1] Bykova T.A. Technologies for working with citizens' appeals in the administration of the Tomsk region//Bulletin of Tomsk State University. 2018. № 427. S. 105-112

[2] Dobrolyubova E.I., Yuzhakov V.N. Diagnostics of the quality of Russian public administration// Economic policy. 2021. № 4. S. 170-197.

[3] Dobrolyubova E.I., Yuzhakov V.N. Evaluation of the effectiveness and efficiency of control and supervisory activities//Issues of state and municipal management. 2015. № 4. S. 41-64.

[4] Evdokimov A.S., Sergun P.P. System of preventive measures applied in the implementation of state control (supervision): assessment of regulatory impact//Administrative law and process. 2023. № 7. S. 52-57.

[5] Land Code of the Russian Federation dated 25.10.2001 No. 136-FZ (as amended on 26.12.2024) //Collection of Legislation of the Russian Federation. 2001. № 44. Art. 4147.

[6] Zyryanov S.M. State control (supervision): monograph/S.M. Zyryanov. M.: Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation; Law firm “Contract,” 2023. 320 s.

[7] S.M. Zyryanov. Place and role of state control (supervision) in the legal regulation mechanism// Administrative law and process. 2025. № 4. S. 15-21.

[8] Zyryanov S.M. Kalmykova A.V. Approaches to assessing the effectiveness of the activities of control and supervisory bodies to prevent violations of mandatory requirements//Issues of state and municipal administration. 2019. № 3. S. 31-66.

[9] Nesterov E.A. From the “regulatory guillotine” to the modern control (supervision) system// Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. 2025. T. 20. № 6. S. 120-137.

[10] Normative legal act of the city of Tynda dated 05.11.2025 No. 26-NPA “On municipal land control within the boundaries of the city of Tynda” (adopted by the decision of the Tynda City Duma dated 30.10.2025 No. 299-R-TGD-VIII)//Access from SPS “ConsultantPlus.”

[11] Pakhomov A.V. Municipal control: handbook of the deputy and municipal employee: practical guide for the inspector/A.V. Pakhomov; ed. E.S. Shugrina. Kaliningrad: Polygraphych, 2024. 224 pp.

[12] Delivered N.P. Municipal Land Control and Interests of the Population//Journal of Russian Law. 2009. № 8. S. 28-36.

[13] Order of the Government of the Russian Federation dated 17.05.2016 No. 934-r “On the main directions for the development and implementation of a system for assessing the effectiveness and efficiency of control and supervisory activities “//Collection of legislation of the Russian Federation. 2016. № 21. Art. 3075.

[14] Decision of the City Duma of the municipality “City of Birobidzhan” EAO dated 24.04.2025 No. 104 “On approval of the regulation “On municipal land control on the territory of the municipality “City of Birobidzhan” of the Jewish Autonomous Region “//Access from SPS” ConsultantPlus. “

[15] Decision of the City Council of the municipal formation “Naberezhnye Chelny” dated 03.11.2021 No. 9/13 (ed. 13.08.2025) “ On approval of the Regulation on municipal land control on the territory of the municipal formation of the city of Naberezhnye Chelny “//Access from SPS” ConsultantPlus. “

[16] Decision of the Duma of Vladivostok dated 26.05.2022 No. 702 “On approval of key indicators of municipal land control and their target values, as well as indicative indicators of municipal land control in the territory of the Vladivostok city district “//Access from SPS” ConsultantPlus. “

[17] Decision of the Duma of the Togliatti City District of the Samara Region dated 20.10.2021 No. 1071 “On the Regulation on Municipal Land Control in the Togliatti City District “//Access from SPS” ConsultantPlus. “

[18] Decision of the Assembly of Deputies of the Pskov Region dated 29.04.2025 No. 201 “On Approval of the Regulation on Municipal Land Control in the Pskov Region “//Access from SPS” ConsultantPlus. “

[19] Decision of the Assembly of Deputies of the Pechora Municipal District of 27.02.2024 No. 91 “On Approval of the Provisions on Municipal Land Control on the Territory of the Pechora Municipal District “//Access from SPS ConsultantPlus.

[20] Decision of the Council of Deputies of the urban settlement of Nikolaevsk, Nikolaevsky municipal district of the Volgograd region. dated 28.07.2021 No. 21/91 “On approval of the Regulation on municipal land control within the boundaries of the urban settlement of Nikolaevsk, Nikolaevsky municipal district of the Volgograd region “//Access from SPS” ConsultantPlus. “

[21] Decision of the Council of Deputies of Vyborg Municipal Settlement, Vyborg District, Leningrad Region, dated 23.09.2025 No. 36 “On Approval of the Regulation on the Implementation of Municipal Land Control on the Territory of Vyborg Municipal Settlement, Vyborg Municipal District, Leningrad Region “//Access from SPS” ConsultantPlus. “

[22] Decision of the Council of the Municipal District “Vorkuta” dated 25.04.2025 No. 761 “On Approval of the Regulation on Municipal Land Control in the Territory of the Municipal District “Vorkuta” “//Access from SPS” ConsultantPlus. “

[23] Decision of the Council of People’s Deputies of the Tambov Municipal District dated 15.08.2024 No. 21/46 “On approval of the provision” On the implementation of municipal land control in the territory of the Tambov Municipal District “// Access from SPS “ConsultantPlus.”

[24] Decision of the Tyumen City Duma of 23.12.2021 No. 429 “On municipal control in the city of Tyumen “//Access from SPS” ConsultantPlus. “

[25] Decision of the Cherepovets City Duma of 28.09.2021 No. 126 “On the Regulation on Municipal Land Control in the City of Cherepovets “//Access from SPS” ConsultantPlus. “

[26] Yu.A. Tikhomirov. Legal regulation: theory and practice. M.: Formula of Law, 2008. 400 s.

[27] Trofimov A.A., Dmitrikova E.A., Karitskaya A.A. Search for the optimal model of control and supervisory activities: the experience of Russia and China//Bulletin of St. Petersburg University. Right. 2023. T. 14. No. 3. S. 783-801.

[28] Federal Law of 21.07.2014 No. 212-FZ “On the Basics of Public Control in the Russian Federation “//Collection of Legislation of the Russian Federation. 2014. No. 30 (part I). Art. 4213.

[29] Federal Law of 31.07.2020 No. 248-FZ “On State Control (Supervision) and Municipal Control in the Russian Federation “//Collection of Legislation of the Russian Federation. 2020. No. 31 (part I). Art. 5007.

Дата поступления рукописи в редакцию: 02.04.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.05.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3830-2026-4-94-102

АХМЕДОВ Мурад Абидович,
директор филиала ФГБОУ ВО
«Дагестанский государственный университет» в г. Хасавюрте,
кандидат педагогических наук, доцент,
e-mail: mail@law-books.ru

АСКЕРОВ Эфлетдин Садитдинович,
доктор сельскохозяйственных наук, профессор,
профессор кафедры гуманитарных дисциплин
Дагестанский государственный университет в г. Хасавюрте,
e-mail: professor-rpa@yandex.ru

АЛИКБЕРОВ Султан Абдулхаликович,
Студент Северо-Кавказского института (филиала)
Всероссийского государственного университета юстиции
(РПА Минюста России),
e-mail: student26042004@mail.ru

ПРОБЛЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО ЗЕМЕЛЬНОГО НАДЗОРА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ И ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

Аннотация. *В настоящей статье исследуются теоретические и практические проблемы осуществления государственного земельного надзора в Российской Федерации на современном этапе. На основе анализа нормативно-правовой базы, статистических данных контролирующих органов и теоретических разработок ученых-правоведов рассматриваются сущностные характеристики земельного надзора как вида контрольно-надзорной деятельности, выявляются системные недостатки его организации и функционирования. Особое внимание уделяется проблемам разграничения компетенции между государственными и муниципальными органами, низкой эффективности муниципального земельного контроля, кадровому дефициту, а также вопросам цифровизации надзорной деятельности. В статье представлены актуальные статистические данные за 2024-2025 годы, иллюстрирующие диспропорции в работе федеральных и муниципальных инспекторов. Автором предложены пути решения выявленных проблем, включая совершенствование координации между уровнями власти, внедрение риск-ориентированного подхода, развитие дистанционных методов контроля и оптимизацию системы государственной поддержки регионов с учетом результатов земельного контроля.*

Ключевые слова: *государственный земельный надзор, муниципальный земельный контроль, земли сельскохозяйственного назначения, Россельхознадзор, Росреестр, контрольно-надзорная деятельность, цифровизация, риск-ориентированный подход, профилактика нарушений, административная ответственность.*

AKHMEDOV Murad Abidovich,
Director of the Khasavyurt Branch
of the Federal State Budgetary Educational Institution
of Higher Education “Dagestan State University”,
Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor

ASKEROV Efletdin Saditdinovich,
Doctor of Agricultural Sciences, Professor Professor,
Department of Humanities Dagestan State
University in Khasavyurt

ALIKBEROV Sultan Abdulkhalikovich,
Student, North Caucasus Institute (branch)
All-Russian State University of Justice
(RPA of the Ministry of Justice of Russia)

PROBLEMS OF STATE LAND SUPERVISION IN THE RUSSIAN FEDERATION: THEORETICAL ASPECTS AND POINTS FOR IMPROVEMENT

Annotation*. This article examines the theoretical and practical challenges of implementing state land supervision in the Russian Federation today. Based on an analysis of the regulatory framework, statistical data from regulatory agencies, and theoretical research by legal scholars, the article examines the essential characteristics of land supervision as a type of control and oversight activity, identifying systemic shortcomings in its organization and functioning. Particular attention is paid to the delineation of powers between state and municipal bodies, the low effectiveness of municipal land supervision, personnel shortages, and the digitalization of oversight activities. The article presents current statistical data for 2024-2025, illustrating the disparities in the work of federal and municipal inspectors. The author proposes solutions to these problems, including improved coordination between levels of government, the implementation of a risk-based approach, the development of remote control methods, and the optimization of the state support system for regions, taking into account the results of land supervision.*

Key words*: state land supervision, municipal land control, agricultural land, Rosselkhoznadzor, Rosreestr, control and supervisory activities, digitalization, risk-oriented approach, violation prevention, administrative liability.*

В теории земельного права и административного права понятие государственного земельного надзора рассматривается как многогранная категория, включающая в себя систему мероприятий по предупреждению, выявлению и пресечению нарушений земельного законодательства. Как справедливо отмечает профессор С.А. Боголюбов, государственный земельный надзор представляет собой «деятельность уполномоченных федеральных органов исполнительной власти, направленную на обеспечение соблюдения органами государственной власти, органами местного самоуправления, юридическими лицами, индивидуальными предпринимателями и гражданами требований земельного законодательства» [3].

Легальное определение государственного земельного надзора закреплено в Земельном кодексе Российской Федерации (далее – ЗК РФ), согласно которому под государственным земельным надзором понимаются деятельность уполномоченных федеральных органов исполнительной власти, направленная на предупреждение, выявление и пресечение нарушений органами государственной власти, органами местного самоуправления, а также юридическими лицами, их руководителями и иными должностными лицами, индивидуальными предпринимателями, гражданами требований законодательства Российской Федерации, за нарушение которых законодательством Российской Федерации предусмотрена административная ответственность [3].

В научной литературе дискуссионным остается вопрос о соотношении понятий «контроль» и «надзор» в сфере земельных отношений. Так, профессор И.А. Иконицкая полагает, что данные понятия соотносятся как часть и целое, где надзор выступает разновидностью контрольной деятельности [цит. по: 3]. Иную позицию занимает О.И. Крассов, по мнению которого надзор и контроль имеют различную правовую природу: надзор заключается в постоянном наблюдении за соблюдением правовых норм, тогда как контроль предполагает проверку не только законности, но и целесообразности деятельности подконтрольных субъектов [цит. по: 3].

Представляется обоснованной точка зрения Е.С. Болтановой, согласно которой в сфере земельных отношений контроль и надзор тесно переплетаются, образуя единый механизм обеспечения законности, однако надзор имеет более узкую направленность – проверку соответствия деятельности требованиям закона, без оценки целесообразности [3].

Содержание государственного земельного надзора раскрывается через его предмет, объекты и субъекты. В соответствии с Положением о федеральном государственном земельном контроле (надзоре), утвержденным постановлением Правительства Российской Федерации от 30.06.2021 № 1081, предметом государственного земельного надзора является соблюдение юридическими лицами, индивидуальными предпринимателями, гражданами, органами государ-

ственной власти и органами местного самоуправления обязательных требований к использованию и охране объектов земельных отношений, за нарушение которых законодательством Российской Федерации предусмотрена административная ответственность [3].

Объектами государственного земельного надзора выступают объекты земельных отношений – земли, земельные участки или части земельных участков. При этом для целей управления рисками причинения вреда (ущерба) охраняемым законом ценностям объекты земельных отношений подразделяются на категории риска: среднюю, умеренную и низкую [3].

Субъектами осуществления государственного земельного надзора выступают уполномоченные федеральные органы исполнительной власти: Федеральная служба государственной регистрации, кадастра и картографии (Росреестр), Федеральная служба по ветеринарному и фитосанитарному надзору (Россельхознадзор) и Федеральная служба по надзору в сфере природопользования (Росприроднадзор) в пределах установленной компетенции.

Система органов государственного земельного надзора в Российской Федерации носит многоуровневый характер и включает три федеральных органа исполнительной власти, наделенных надзорными полномочиями в сфере земельных отношений.

Федеральная служба государственной регистрации, кадастра и картографии (Росреестр) осуществляет государственный земельный надзор за соблюдением требований о недопущении самовольного занятия земельных участков, использования земельных участков без документов, разрешающих осуществление хозяйственной деятельности, а также требований законодательства, связанных с обязательным использованием земельных участков, предназначенных для жилищного или иного строительства [4].

Федеральная служба по ветеринарному и фитосанитарному надзору (Россельхознадзор) осуществляет государственный земельный надзор в отношении земель сельскохозяйственного назначения, оборот которых регулируется Федеральным законом «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения», а также виноградопригодных земель. В компетенцию Россельхознадзора входит надзор за соблюдением требований о запрете самовольного снятия и уничтожения плодородного слоя почвы, требований по улучшению земель и охране почв, защите земель от зарастания сорными растениями, а также требований по рекультивации земель [3].

Федеральная служба по надзору в сфере природопользования (Росприроднадзор) осуществляет надзор за выполнением требований по охране земель от загрязнения опасными веществами, отходами производства и потребления, а также за соблюдением иных требований природоохранного законодательства при использовании земель.

Разграничение компетенции между указанными органами осуществляется по объектному и предметному признакам. Однако, как показывает практика, сохраняются проблемы разграничения полномочий, связанные с пересечением предметов ведения различных ведомств. Как справедливо отмечает А.П. Анисимов, «существующая система разграничения компетенции не всегда позволяет оперативно и эффективно реагировать на нарушения земельного законодательства, требует координации и согласованных действий различных ведомств» [цит. по: 4].

Помимо федеральных органов, важную роль в системе земельного контроля играют органы местного самоуправления, осуществляющие муниципальный земельный контроль. В соответствии с законодательством, муниципальный земельный контроль осуществляется в отношении всех категорий земель, расположенных в границах соответствующих муниципальных образований. Результаты муниципального контроля подлежат представлению в органы государственного земельного надзора для рассмотрения и принятия решений о привлечении виновных лиц к административной ответственности [2].

Анализ статистических данных о деятельности органов государственного земельного надзора в 2024-2025 годах позволяет выявить ряд существенных тенденций и противоречий. Согласно данным Россельхознадзора, представленным на заседании президиума Российской академии наук 1 июля 2025 года, в 2024 году в рамках осуществления муниципального земельного контроля было проконтролировано порядка 4,3 млн гектаров сельскохозяйственных угодий, нарушения выявлены на площади около 1,6 млн гектаров [2]. При этом по итогам проведенной работы в сельскохозяйственный оборот введено только 83,8 тыс. гектаров сельхозземель. В деятельности было задействовано 4029 инспекторов, нагрузка на одного составила 0,9 контрольно-надзорных мероприятий в месяц [2][9].

Данные показатели существенно уступают результатам работы государственного земельного контроля, который осуществляли всего 396 инспекторов. При этом площадь проконтролированных земель оказалась в два раза выше – почти 8,5 млн гектаров, площадь выявленных нарушений – около 2,3 млн гектаров (в 1,4 раза выше), а площадь введенных в сельхозоборот земель составила 342 тыс. гектаров, что в 4,1 раза превышает аналогичный показатель муниципального контроля [2][6]. Нагрузка на специалиста государственного земельного надзора составила 13,6

контрольно-надзорных мероприятий в месяц, что в 15,1 раза превышает уровень нагрузки на муниципального инспектора [8][9].

Управление Росреестра по Тверской области также представило статистику за первое полугодие 2025 года. Специалистами ведомства проведено более 3,5 тыс. контрольных (надзорных) мероприятий по соблюдению земельного законодательства. По итогам данных мероприятий в действиях правообладателей земельных участков выявлено 2,2 тыс. признаков нарушений требований земельного законодательства [4]. Примечательно, что в сравнении с аналогичным периодом 2024 года показатель снизился на 15% (с 2,6 тыс.), что может свидетельствовать как о повышении эффективности профилактической работы, так и о снижении интенсивности контрольных мероприятий.

Наиболее распространенными нарушениями в Тверской области стали неиспользование земельных участков по целевому назначению и нецелевое использование земельных участков. За первое полугодие 2025 года выявлено 1130 таких нарушений на общей площади 1,29 тыс. гектаров. Самовольное занятие земельных участков зафиксировано в 729 случаях [4][5].

В Ульяновской области в 2024 году надзорные мероприятия без взаимодействия с контролируемыми лицами осуществлены на площади 69,33 тыс. гектаров, проведено 168 наблюдений за соблюдением обязательных требований и 732 выездных обследования. Объявлено 504 предостережения о недопустимости нарушения земельного законодательства. Примечательно, что целевые показатели по площади выявленных неиспользуемых или используемых не по назначению земельных участков перевыполнены на 174%, а по площади устраненных нарушений – на 241% [7].

Риск-ориентированный подход, внедренный Федеральным законом № 248-ФЗ, рассматривается как основной инструмент оптимизации контрольно-надзорной деятельности. Суть данного подхода заключается в дифференциации интенсивности контрольных мероприятий в зависимости от категории риска, присвоенной объекту контроля.

Применительно к государственному земельному надзору объекты земельных отношений подразделяются на три категории риска: среднюю, умеренную и низкую. К средней категории риска относятся земельные участки, расположенные в границах особо охраняемых природных территорий, земельные участки, на которых осуществляется деятельность по обращению с пестицидами и агрохимикатами, а также земельные участки, подверженные загрязнению. Умеренная категория риска присваивается земельным участкам сельскохозяйственного назначения, не отнесенным к средней категории. Низкая категория риска устанавливается для всех остальных земельных участков [3].

Несмотря на очевидные преимущества риск-ориентированного подхода, его внедрение в практику земельного надзора сопряжено с рядом проблем. Как отмечается в Программе профилактики рисков Россельхознадзора на 2025 год, одной из ключевых проблем является отсутствие знаний правообладателей земельных участков об обязательных требованиях к использованию и охране объектов земельных отношений [3].

Еще более серьезная проблема – сознательное или халатное бездействие правообладателей, когда земельные участки рассматриваются исключительно как объект недвижимости для вложения финансовых средств, и использование участка для ведения сельского хозяйства или иной, связанной с сельскохозяйственным производством деятельности, изначально не планируется [3]. Выявить таких правообладателей и провести с ними профилактические мероприятия возможно только при проведении контрольных (надзорных) мероприятий, однако к этому моменту земельный участок чаще всего уже находится в состоянии, требующем значительных финансовых затрат для введения в сельскохозяйственный оборот.

Профессор Н.Н. Мельников справедливо указывает на то, что «риск-ориентированный подход в земельном надзоре пока не позволяет в полной мере учитывать региональные особенности, качественное состояние почв и экономический потенциал земельных участков. Требуется разработка более дифференцированных критериев отнесения объектов к категориям риска» [цит. по: 3].

Одним из приоритетных направлений совершенствования государственного земельного надзора является цифровизация контрольной деятельности. В 2024-2025 годах активно внедряются современные технологии дистанционного контроля, включая использование беспилотных летательных аппаратов, космической съемки и мобильных приложений.

Как отмечает председатель Комитета Государственной Думы по вопросам собственности, земельным и имущественным отношениям С.А. Гаврилов, в некоторых регионах России земельный контроль все чаще начинает опираться на искусственный интеллект. Камеры и датчики, устанавливаемые на автомобили инспекторов, передают поток фото и видео в систему, где алгоритм ищет признаки нарушений и сверяет их с данными Единого государственного реестра недвижимости и видами разрешенного использования [1].

Принципиально важным является то, что алгоритм сам по себе не принимает решений о

привлечении к ответственности. Как подчеркивает С.А. Гаврилов: «Он выдает сигнал, после чего запускается обычная процедура контроля, с возможностью дать объяснения, показать бумаги, устранить нарушения. В описании таких проектов отдельно упоминают обучение нейросети распознаванию коммерческих вывесок и автоматическую сверку вывесок с разрешенным использованием участка» [1].

Акцент сделан на профилактике: искусственный интеллект помогает быстрее находить захламление и стихийные свалки, включая опасные и резко пахнущие отходы, и добиваться их уборки. Для населения это означает улучшение порядка на территориях и снижение бытовых рисков за счет фиксации проблем на ранней стадии [1].

Росреестром внедряется мобильное приложение «Инспектор», предназначенное для проведения оценки соблюдения обязательных требований и контрольных (надзорных) мероприятий в дистанционном режиме с использованием видео-конференц-связи [4][5]. Приложение позволяет проводить дистанционные мероприятия, включая консультирование граждан, без необходимости личного присутствия инспектора на участке.

Росреестром также предлагается расширить применение беспилотных летательных аппаратов, пилотируемых авиационных систем и космических аппаратов в ходе государственного и муниципального земельного контроля. Это позволит обследовать земельные участки без взаимодействия с правообладателями – по аналогии с выявлением нарушений правил дорожного движения [10]. Как следствие, снизится количество очных проверок, будут минимизированы контакты собственников с инспекторами и автоматизированы многие процессы.

Вместе с тем, цифровизация земельного надзора сталкивается с определенными ограничениями. Во-первых, дистанционные методы не всегда позволяют достоверно установить характер использования земельного участка и требуют последующей выездной проверки. Во-вторых, сохраняются проблемы идентификации правообладателей и получения достоверной информации о границах участков. В-третьих, цифровые технологии пока не способны в полной мере оценить качественное состояние почв и выявить такие нарушения, как порча земель в результате неправильного обращения с удобрениями и пестицидами.

Анализ теоретических аспектов государственного земельного надзора позволяет выявить ряд фундаментальных проблем, требующих научного осмысления.

Во-первых, сохраняется неопределенность в понятийном аппарате. В законодательстве и научной литературе отсутствует единое понимание соотношения категорий «государственный земельный надзор», «муниципальный земельный контроль», «общественный земельный контроль», «производственный земельный контроль». Размытость понятийного аппарата затрудняет выработку единых подходов к организации контрольной деятельности и оценке ее эффективности.

Во-вторых, дискуссионным остается вопрос о правовой природе профилактических мероприятий в системе земельного надзора. В соответствии с современной концепцией контрольно-надзорной деятельности, профилактика рассматривается как приоритетное направление. Однако, как справедливо отмечает профессор М.И. Васильева, «профилактические мероприятия не должны подменять собой надзорные функции, их соотношение должно быть четко определено на законодательном уровне» [цит. по: 3].

В-третьих, отсутствует научно обоснованная методика оценки эффективности государственного земельного надзора. Существующие показатели (количество проведенных проверок, выявленных нарушений, наложенных штрафов) не позволяют в полной мере оценить реальное влияние надзорной деятельности на состояние земельных ресурсов и уровень законности в сфере землепользования.

В-четвертых, недостаточно разработаны теоретические основы дифференциации надзорных требований в зависимости от категории земель, их целевого назначения и разрешенного использования. Как отмечает Е.Л. Минина, «требования к использованию земель различных категорий существенно различаются, однако методика надзорной деятельности не всегда учитывает эту специфику, что приводит к формальному подходу при проведении проверок» [цит. по: 4].

Организационно-правовые проблемы государственного земельного надзора связаны с несовершенством законодательной базы, недостаточной координацией между надзорными органами, кадровым и материально-техническим обеспечением.

Одной из наиболее острых проблем является неэффективность муниципального земельного контроля. Как следует из выступления руководителя Россельхознадзора С. Данкверта на заседании президиума РАН, муниципальный земельный контроль осуществляется только в 3,2 тыс. муниципальных образований (18% от общего количества – 17,5 тыс.) [10]. Это препятствует выполнению задач по эффективному использованию земель, поставленных руководством страны.

Приведенные выше статистические данные о низкой эффективности муниципального контроля (0,9 мероприятия на одного инспектора в месяц против 13,6 у государственных инспекто-

ров) наглядно демонстрируют масштаб проблемы. Причины такого положения кроются в недостаточном финансировании муниципального контроля, отсутствии квалифицированных кадров, слабой материально-технической базе.

С 1 марта 2025 года в российское законодательство внесены изменения, расширяющие полномочия органов муниципального земельного контроля. Теперь муниципальные инспекторы могут выдавать предписания об устранении выявленных нарушений обязательных требований к использованию и охране земель [2][8][9]. Однако, как справедливо отмечает С. Данкверт, одних полномочий недостаточно – необходимо определить в каждом субъекте региональный орган, координирующий деятельность органов местного самоуправления по осуществлению муниципального земельного контроля, включить в перечень показателей эффективности органов местного самоуправления показатели, характеризующие уровень муниципального контроля, разработать типовые положения [2][9].

Еще одна организационная проблема связана с выдачей лицензий на право пользования недрами в границах земельных участков сельскохозяйственного назначения без учета характеристик земельного участка: категории земель, вида сельскохозяйственных угодий. Как отмечается в Программе профилактики Россельхознадзора, в связи с отсутствием прямого законодательного запрета на осуществление деятельности по добыче общераспространенных полезных ископаемых на землях сельскохозяйственного назначения, а также длительным механизмом перевода земель в другую категорию, нередки случаи добычи полезных ископаемых до начала процедуры перевода или даже без ее завершения [3].

К организационным проблемам относится также высокая нагрузка на инспекторский состав. Приведенные выше данные о нагрузке на одного инспектора государственного земельного надзора (13,6 мероприятий в месяц) свидетельствуют о дефиците кадров и необходимости оптимизации надзорной деятельности.

Практика применения законодательства об административных правонарушениях в сфере землепользования выявляет ряд проблем, снижающих эффективность государственного земельного надзора.

Основным составом административных правонарушений выступает ст. 8.8 КоАП РФ «Использование земельных участков не по целевому назначению, невыполнение обязанностей по приведению земель в состояние, пригодное для использования по целевому назначению». Согласно разъяснениям С.А. Гаврилова, при выявлении признаков нецелевого использования включается административная ответственность по данной статье: для граждан при наличии кадастровой стоимости штраф составляет 0,5-1% от нее (минимум 10 000 рублей), при отсутствии кадастровой стоимости – 10 000-20 000 рублей [1].

Однако на практике возникают сложности с квалификацией нецелевого использования. Как отмечает депутат, баня, сарай и обычные хозяйственные постройки сами по себе обычно не являются «нецелевым использованием», когда участок реально служит жилью или саду и постройки используются для бытовых задач. Вопросы чаще появляются, когда строение начинает работать как коммерческий объект по факту или вокруг него видны признаки бизнеса [1].

Сложности возникают и при определении размера ущерба, причиненного землям в результате правонарушений. Отсутствие утвержденных методик расчета ущерба, особенно в отношении такого специфического объекта, как плодородный слой почвы, затрудняет привлечение виновных к ответственности и взыскание причиненного вреда.

Различаются и штрафные санкции за неисполнение предписаний государственных и муниципальных инспекторов. Как отмечается в информации Росреестра, ответственность за неисполнение предписаний муниципальных проверяющих будет приравнена к уже действующим нормам за неисполнение предписаний государственного земнадзора, поскольку «фактически нарушение одно и то же, а размер штрафа сегодня отличается» [10].

Важной проблемой является также несовершенство механизма изъятия неиспользуемых земельных участков сельскохозяйственного назначения. Несмотря на наличие законодательных норм, предусматривающих возможность изъятия участка в случае его неиспользования по целевому назначению в течение установленного срока, процедура изъятия остается сложной и длительной, что снижает ее практическую значимость.

Решение выявленных проблем требует системного совершенствования нормативно-правовой базы государственного земельного надзора по ряду направлений.

Во-первых, необходимо законодательное закрепление единых подходов к организации и осуществлению земельного надзора на всех уровнях – федеральном, региональном и муниципальном. Целесообразно разработать и принять типовое положение о муниципальном земельном контроле, которое обеспечит единообразие правоприменительной практики на всей территории страны. Как справедливо отмечает С. Данкверт, «необходимо разработать типовые положения» для субъектов Российской Федерации [2][8].

Во-вторых, требуется внесение изменений в законодательство о недропользовании в части установления запрета на выдачу лицензий на добычу общераспространенных полезных ископаемых на землях сельскохозяйственного назначения до завершения процедуры перевода таких земель в соответствующую категорию. Это позволит предотвратить ситуации, когда добыча полезных ископаемых осуществляется до завершения процедуры перевода или без ее проведения [3].

В-третьих, необходимо совершенствование административного законодательства в части унификации размеров штрафных санкций за аналогичные правонарушения, независимо от того, каким органом они выявлены. Предлагаемое Росреестром приравнивание ответственности за неисполнение предписаний муниципальных инспекторов к ответственности за неисполнение предписаний государственных инспекторов является важным шагом в этом направлении [10].

В-четвертых, требуется законодательное закрепление механизма экономического стимулирования добросовестных землепользователей. В частности, заслуживает поддержки предложение С. Данкверта об оптимизации государственной поддержки регионов с учетом их результатов работы с землями сельскохозяйственного назначения. Поддерживать следует регионы, которые больше применяют органические удобрения, используют агрохимические методы исследования почв [2][6][8]. Аналогичный подход может быть применен и на уровне хозяйствующих субъектов – предоставление льгот и преференций тем, кто не только соблюдает земельное законодательство, но и активно улучшает качественное состояние почв.

Решение организационных проблем государственного земельного надзора требует оптимизации структуры надзорных органов и налаживания эффективного межведомственного взаимодействия.

Первоочередной задачей является повышение эффективности муниципального земельного контроля. Для этого необходимо:

– определить в каждом субъекте Российской Федерации региональный орган, координирующий деятельность органов местного самоуправления по осуществлению муниципального земельного контроля [2][9];
– включить в перечень показателей эффективности органов местного самоуправления показатели, характеризующие уровень муниципального контроля [2][8];
– обеспечить методическое сопровождение деятельности муниципальных инспекторов, включая разработку типовых программ обучения и повышения квалификации;
– предусмотреть механизмы финансовой поддержки муниципальных образований для укрепления материально-технической базы земельного контроля.

Важным направлением является совершенствование межведомственного взаимодействия между Росреестром, Россельхознадзором, Росприроднадзором, органами регионального и муниципального контроля. Как показывает практика, именно отсутствие координации приводит к дублированию контрольных мероприятий либо, напротив, к образованию «серых зон», где контроль не осуществляется никем.

Перспективным представляется предложение о внесении сведений о результатах муниципального земельного контроля в Единый государственный реестр недвижимости. Как отмечается в информации Росреестра, «сведения о результатах муниципального земконтроля будут вноситься в ЕГРН – теперь все заинтересованные лица смогут получать информацию о наличии нарушений обязательных требований» [10]. Это позволит создать единую информационную базу о состоянии земельных участков и проводимых контрольных мероприятиях.

Необходимо также совершенствование системы планирования контрольных мероприятий на основе риск-ориентированного подхода. Требуется разработка более дифференцированных критериев отнесения объектов земельных отношений к категориям риска с учетом региональных особенностей, качественного состояния почв, видов разрешенного использования и других факторов.

Цифровизация контрольно-надзорной деятельности рассматривается как один из наиболее перспективных путей повышения эффективности государственного земельного надзора при одновременном снижении административной нагрузки на подконтрольных лиц.

Приоритетными направлениями цифровизации являются:

– расширение применения беспилотных летательных аппаратов, пилотируемых авиационных систем и космических аппаратов для обследования земельных участков без взаимодействия с правообладателями [10];
– использование технологий искусственного интеллекта для автоматического выявления признаков нарушений по данным дистанционного зондирования и их сопоставления с информацией из государственных реестров [1];
– развитие мобильных приложений для дистанционного проведения контрольных мероприятий и консультирования граждан, таких как приложение «Инспектор» [4][5];
– создание единой цифровой платформы для взаимодействия всех органов, осуществля-

ющих земельный контроль (надзор), а также для информационного обмена с подконтрольными субъектами.

Важным преимуществом цифровизации является возможность проведения профилактической работы без непосредственного контакта с контролируемыми лицами. Как отмечает С.А. Гаврилов, «акцент сделан именно на профилактике: ИИ помогает быстрее находить захламление и стихийные свалки, включая опасные и резко пахнущие отходы, и добиваться уборки» [1].

При развитии цифровых технологий важно обеспечить соблюдение прав контролируемых лиц и не допустить необоснованного привлечения к ответственности. Как подчеркивает С.А. Гаврилов, «алгоритм сам по себе никого не штрафует», он лишь выдает сигнал, после чего запускается обычная процедура контроля, с возможностью дать объяснения, показать документы, устранить нарушения [1]. Такой подход гарантирует соблюдение процессуальных прав граждан и организаций при одновременном повышении эффективности выявления нарушений.

Современная концепция контрольно-надзорной деятельности исходит из приоритета профилактики нарушений перед мерами административного принуждения. В сфере земельного надзора профилактическая работа приобретает особое значение в силу специфики земельных отношений и значимости земельных ресурсов.

Программой профилактики рисков Россельхознадзора на 2025 год предусмотрен широкий комплекс профилактических мероприятий, включающий:

– информирование правообладателей земельных участков об обязательных требованиях к использованию и охране земель;
– обобщение правоприменительной практики и размещение соответствующих материалов в открытом доступе;
– объявление предостережений о недопустимости нарушения обязательных требований;
– проведение профилактических визитов;
– консультирование контролируемых лиц [3].

Как показывают статистические данные, профилактическая работа дает положительные результаты. В Ульяновской области за 2024 год объявлено 504 предостережения, проведено 18 профилактических визитов [7]. В целом по Россельхознадзору в первом полугодии 2024 года объявлено 20 тыс. предостережений, опубликовано более 7,6 тыс. материалов в средствах массовой информации, проведено 7,3 тыс. выступлений на радио и телевидении [3].

Вместе с тем, требуется дальнейшее совершенствование профилактической деятельности по следующим направлениям:

– разработка дифференцированных программ профилактики для различных категорий землепользователей (граждане, индивидуальные предприниматели, юридические лица);
– усиление работы с молодыми собственниками земельных участков, впервые вступающими в земельные отношения;
– развитие института досудебного урегулирования споров, связанных с нарушениями земельного законодательства;
– стимулирование добросовестных землепользователей через механизмы государственной поддержки и публичного признания.

Проведенное исследование проблем государственного земельного надзора в Российской Федерации позволяет сделать следующие выводы.

Государственный земельный надзор представляет собой сложный, многогранный институт, находящийся на стыке земельного и административного права. Современный этап его развития характеризуется переходом от тотального контроля к риск-ориентированной модели, усилением профилактической направленности и широким внедрением цифровых технологий.

Вместе с тем, анализ теоретических аспектов и практики осуществления государственного земельного надзора выявил комплекс системных проблем, снижающих эффективность надзорной деятельности. К числу таких проблем относятся: теоретико-методологическая неопределенность понятийного аппарата и критериев оценки эффективности; организационно-правовые проблемы, связанные с низкой эффективностью муниципального контроля, недостаточной координацией между надзорными органами, кадровым дефицитом; проблемы правоприменения, обусловленные сложностью квалификации нарушений и несовершенством механизмов ответственности.

Особую остроту приобретает проблема неэффективности муниципального земельного контроля. Статистические данные за 2024 год наглядно демонстрируют диспропорцию: при почти в 10 раз большей численности муниципальных инспекторов (4029 против 396 у государственного надзора) площадь проконтролированных ими земель в два раза ниже, а площадь введенных в оборот земель – в 4,1 раза ниже по сравнению с государственным надзором. Нагрузка на одного муниципального инспектора (0,9 мероприятия в месяц) в 15 раз ниже нагрузки на государственного инспектора [2][9].

Решение выявленных проблем требует комплексного подхода, включающего совершенствование нормативно-правовой базы, оптимизацию

организационной структуры, развитие цифровых технологий и усиление профилактической направленности надзорной деятельности.

Особого внимания заслуживает предложение об оптимизации государственной поддержки регионов с учетом результатов их работы с землями сельскохозяйственного назначения. Поддержка регионов, активно применяющих органические удобрения и современные методы агрохимического исследования почв, может стать действенным стимулом для повышения эффективности использования земельных ресурсов [6][8].

Важным направлением совершенствования земельного надзора является дальнейшая цифровизация контрольной деятельности. Расширение применения беспилотных летательных аппаратов, космической съемки, технологий искусственного интеллекта позволит повысить эффективность выявления нарушений при одновременном снижении административной нагрузки на добросовестных землепользователей [10].

Таким образом, решение проблем государственного земельного надзора требует консолидации усилий законодательной и исполнительной власти, научного сообщества и институтов гражданского общества. Только системный подход, учитывающий как теоретические аспекты, так и практические потребности правоприменения, способен обеспечить создание эффективной системы земельного надзора, отвечающей современным вызовам и потребностям развития страны.

Список литературы:

[1] Гаврилов С.А. Массовых штрафов из-за внедрения искусственного интеллекта в регионах не будет // Официальный сайт КПРФ. – 27 декабря 2025 г.

[2] Необходимо усилить контроль над использованием сельхозземель // Журнал «Сельскохозяйственные Вести». – 9 июля 2025 г.

[3] Программа профилактики рисков причинения вреда (ущерба) охраняемым законом ценностям при осуществлении федерального государственного земельного контроля (надзора) на 2025 год. Утверждена приказом Россельхознадзора от 17 декабря 2024 г. № 1649 // СПС «Гарант».

[4] Более 2,2 тысячи признаков нарушений земельного законодательства выявлено специалистами тверского Росреестра в 1 полугодии 2025 года // Администрация Максатихинского муниципального округа Тверской области. – 6 сентября 2025 г.

[5] Более 2,2 тысячи признаков нарушений земельного законодательства выявлено специалистами тверского Росреестра в 1 полугодии 2025 года // Администрация Сонковского муниципального округа Тверской области. – 5 сентября 2025 г.

[6] Оптимизировать господдержку регионов на основании внесения органики предложил глава Россельхознадзора // AgroXXI. – 2 июля 2025 г[7] В Росреестре рассказали об итогах работы в 2024 году // Медиа 73. – 2 июня 2025 г

[8] Сергей Данкверт: регионы с органическим подходом к почве должны получать приоритетную поддержку // Зерно Он-Лайн. – 2 июля 2025 г

[9] Россельхознадзор предлагает оптимизировать господдержку регионов в зависимости от результатов земельного контроля // Furazh.ru. – 2 июля 2025 г.

[10] Росреестр сообщает // Администрация Камышинского района. – 28 ноября 2025 г.

References:

[1] Gavrilov S.A. There will be no mass fines due to the introduction of artificial intelligence in the regions//Official website of the Communist Party. - December 27, 2025

[2] It is necessary to strengthen control over the use of agricultural land//Journal “Agricultural News.” - July 9, 2025

[3] Program for the prevention of risks of harm (damage) to legally protected values in the implementation of federal state land control (supervision) for 2025. Approved by order of the Rosselkhoznadzor dated December 17, 2024 No. 1649//SPS “Garant.”

[4] More than 2.2 thousand signs of violations of land legislation were revealed by specialists of the Tver Rosreestr in the 1 half of 2025//Administration of the Maksatikhinsky municipal district of the Tver region. - September 6, 2025

[5] More than 2.2 thousand signs of violations of land legislation were revealed by specialists of the Tver Rosreestr in the 1 half of 2025//Administration of the Sonkovsky municipal district of the Tver region. - September 5, 2025

[6] The head of the Rosselkhoznadzor//AgroXXI proposed to optimize state support for the regions based on the introduction of organic matter. - July 2, 2025 [7] Rosreestr told about the results of work in 2024//Media 73. - June 2, 2025

[8] Sergey Dankvert: regions with an organic approach to soil should receive priority support// Grain On-Line. - July 2, 2025

[9] Rosselkhoznadzor proposes to optimize state support for the regions depending on the results of land control// Furazh.ru. - July 2, 2025

[10] Rosreestr reports//Administration of the Kamyshin region. - November 28, 2025

Дата поступления рукописи в редакцию: 05.04.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-4-103-109
Дата принятия рукописи в печать: 03.05.2026 г.

РЕКУН Диана,
студент 2-го курса магистратуры
Санкт-Петербургского политехнического университета
Петра Великого (СПбПУ),
e-mail: diana.rekun@mail.ru

ДОЛЖЕНКОВА Екатерина,
Доцент ин., ВШЮиСТЭ, кандидат политических наук,
Санкт-Петербургского политехнического университета
Петра Великого (СПбПУ),
e-mail: dolzhenkova_e@spbstu.ru

ПРАВОВАЯ НЕОПРЕДЕЛЁННОСТЬ СТАТУСА АРКТИЧЕСКОЙ ЗОНЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ КАК СИСТЕМНАЯ ПРОБЛЕМА ЕЁ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ

Аннотация*. Статья посвящена исследованию системных проблем правового регулирования Арктической зоны Российской Федерации (АЗРФ). Автор анализирует исторические предпосылки формирования правового статуса региона и выявляет ключевые лакуны в действующем федеральном законодательстве, включая отсутствие единых территориальных критериев и разграничения полномочий между уровнями власти. В работе рассматривается негативное влияние правовой неопределённости на инвестиционную привлекательность, социальную защищённость коренных малочисленных народов и экологическую безопасность арктических экосистем. По итогам исследования предложена модель законодательных изменений, направленная на минимизацию регуляторных рисков и обеспечение условий для устойчивого развития Арктики.*

Ключевые слова: *Арктическая зона РФ, правовой статус, правовая неопределённость, устойчивое развитие, законодательство, инвестиционные риски, коренные малочисленные народы, экологическая безопасность.*

REKUN Diana,
2nd year graduate student of Peter the Great
St. Petersburg Polytechnic University (SPbPU)

DOLZHENKOVA Ekaterina,
Associate Professor in., VSHUiSTE,
Candidate of Political Sciences,
Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University (SPbPU)

LEGAL INDEFINITENESS OF THE STATUS OF THE ARCTIC ZONE OF THE RUSSIAN FEDERATION AS A SYSTEMIC PROBLEM OF ITS SUSTAINABLE DEVELOPMENT

Annotation*. The article is devoted to the study of systemic problems of legal regulation of the Arctic Zone of the Russian Federation (AZRF). The author analyzes the historical background of the formation of the region's legal status and identifies key gaps in the current federal legislation, including the lack of unified territorial criteria and the delimitation of powers between levels of government. The paper examines the negative impact of legal uncertainty on investment attractiveness, social protection of indigenous peoples, and environmental safety of Arctic ecosystems. Based on the results of the study, a model of legislative changes is proposed, aimed at minimizing regulatory risks and providing conditions for the sustainable development of the Arctic.*

Key words*: Arctic zone of the Russian Federation, legal status, legal uncertainty, sustainable development, legislation, investment risks, indigenous small-numbered peoples, environmental safety.*

Современный этап освоения Арктической зоны Российской Федерации характеризуется возрастанием её геополитической и экономической значимости на фоне глобальных климатических трансформаций и усиления международной конкуренции за доступ к ресурсам. Однако стратегические инициативы России в регионе сталкиваются с системным вызовом – отсутствием чёткого правового определения статуса арктических территорий, что создаёт риски для реализации национальных программ развития. Данная правовая неопределённость усугубляет противоречия между задачами экономического роста и требованиями экологической безопасности, ставя под вопрос долгосрочную устойчивость освоения региона. Указанные обстоятельства формируют исследовательский запрос на комплексный анализ правовых лакун как фактора, сдерживающего сбалансированное развитие Арктики.

Ключевая проблема заключается в фрагментарности и внутренней противоречивости федерального законодательства, регулирующего статус Арктической зоны РФ. Отсутствие единого подхода к определению её территориальных границ, разграничению компетенций между центральной и региональной властью, а также к установлению специальных правовых режимов порождает коллизии в регулировании хозяйственной деятельности, социальной политики и природоохранных практик. Эти системные дефекты правового поля не только затрудняют привлечение инвестиций, но и создают предпосылки для межведомственных конфликтов и неэффективного управления ресурсами. Накопленные правоприменительные проблемы свидетельствуют о необходимости концептуального пересмотра подходов к законодательному оформлению статуса арктических территорий.

Целью настоящего исследования выступает выявление системообразующих элементов правовой неопределённости статуса Арктической зоны РФ и разработка научно обоснованных предложений по её преодолению в контексте обеспечения устойчивого развития региона. Для достижения поставленной цели последовательно решаются задачи по анализу нормативно-правовых пробелов, оценке их влияния на экономические, социальные и экологические аспекты развития, а также проектированию механизмов правовой конкретизации. Комплексный характер исследования позволяет перейти от констатации проблем к формированию практико-ориентированной модели законодательных изменений, направленных на создание стабильной правовой среды для реализации арктической стратегии России.

Научная новизна работы определяется применением междисциплинарного подхода, интегрирующего юридический анализ законодательства с принципами устойчивого развития, что расширяет методологические рамки исследования регионального управления. Впервые правовая неопределённость статуса Арктической зоны рассматривается как системный фактор, опосредующий все компоненты её развития – от инвестиционной привлекательности до выполнения международных экологических обязательств. Полученные результаты создают теоретическую основу для совершенствования правового регулирования, обеспечивающего баланс между экономическими интересами, социальными потребностями и экологическими императивами в условиях возрастающих антропогенных нагрузок на арктические экосистемы.

Формирование правового статуса Арктической зоны Российской Федерации берёт начало в советский период, когда были заложены основы её территориального выделения. В 1926 году постановлением ЦИК СССР утвердились секторальные принципы деления Арктики, закрепившие суверенитет СССР над обширными пространствами. Данный подход базировался на концепции полярных секторов, где государственная граница определялась меридианами от крайних точек северного побережья до Северного полюса. Эти положения создали фундамент для последующего правового регулирования региона. Современный этап развития законодательства характеризуется попытками адаптировать советские наработки к новым международным реалиям. Принятие в 2014 году Стратегии развития Арктической зоны инициировало процесс конкретизации её административно-территориального статуса. Однако отсутствие единого нормативного акта, определяющего правовой режим арктических территорий, сохраняет системные противоречия. «Правовое регулирование развития территорий Арктической зоны трудно привести к общему знаменателю. Это возможно, законодательно закрепив особый статус Арктической зоны и установив особые, отличные от общепринятых, например для Центральной России, режимы охраны окружающей среды, природопользования, регулирования судоходства и других. Таким образом, формируется особый административно-правовой режим [7, с.28]».

Исторические предпосылки нормативных пробелов связаны с трансформацией геополитической ситуации после распада Советского Союза. Пересмотр международного права морских пространств, включая Конвенцию ООН по морскому праву 1982 года, потребовал корректировки национального законодательства. Несогласованность действий федерального центра и

арктических субъектов Федерации в условиях новых вызовов привела к противоречиям в разграничении полномочий. Данная ситуация усугублялась отсутствием чёткой демаркации морских границ с сопредельными государствами. Дополнительным фактором правовой неопределённости стало изменение ресурсной базы региона в связи с развитием технологий добычи полезных ископаемых. Открытие новых месторождений и увеличение транспортной доступности активизировали хозяйственную деятельность, не обеспеченную адекватным правовым регулированием. Экологические риски, связанные с освоением шельфа, потребовали разработки специальных природоохранных норм, которые до сих пор системно не интегрированы в законодательство. Это создало условия для возникновения лакун в регулировании природопользования.

В управлении природными ресурсами и инфраструктурой Арктической зоны наблюдается устойчивое столкновение федеральных и региональных полномочий, обусловленное неоднозначностью нормативно-правовой базы. Перекрывающиеся компетенции приводят к дублированию регуляторных требований и к административным задержкам при реализации проектов. Такая правовая неопределённость снижает предсказуемость хозяйственной деятельности и осложняет координацию инвестиций в инфраструктуру. Это усугубляет существующие институциональные пробелы и создает барьеры для комплексного управления регионом. Фрагментация полномочий осложняет реализацию мер по стратегическому планированию и согласованию природоохранных и инфраструктурных инициатив. Недостаточность механизмов межуровневого взаимодействия приводит к тому, что ответственные органы не имеют единых процедур распределения ролей и ответственности. В результате возникает разрыв между политикой на федеральном уровне и практикой на местах, что препятствует последовательному осуществлению проектов. Дальнейший анализ связанных с этим рисков необходим для оценки влияния на устойчивое развитие региона.

Неопределённость в установлении и правовом закреплении территориальных границ Арктической зоны проявляется в отсутствии единых критериев и процедур межведомственной делимитации. Это создает предпосылки для перекрывающихся прав и споров о зоне ответственности различных субъектов государственной власти. Отсутствие четких границ снижает юридическую определённость для планирования использования территории и природопользования. Для снижения системных рисков требуется правовая конкретизация границ и регламентированных процедур их определения.

В условиях особых экономических зон нечеткое разграничение юрисдикций приводит к затруднениям в правоприменении и контроле за соблюдением нормативных требований. Конфликты норм и разночтения в применении правил создают правовую неоднозначность для инвесторов и операторов хозяйственной деятельности. Наличие перекрывающихся режимов регулирования ослабляет механизм ответственности и усложняет мониторинг экологических и социальных последствий освоения территории. Унификация правоприменительных подходов и ясное распределение компетенций являются необходимыми условиями для повышения эффективности управления такими территориями.

Отсутствие чётких правовых гарантий снижает инвестиционную привлекательность Арктической зоны Российской Федерации и ограничивает приток капитала в стратегические проекты. Инвесторы оценивают проекты с учётом правовых рисков, что повышает требуемую доходность и уменьшает объёмы долгосрочных вложений. В результате ряд проектов остаётся нереализованным или реализуется в ограниченных объёмах из-за дефицита финансирования. Непредсказуемость правовых условий затрудняет достижение соглашений о распределении рисков между государством и инвесторами, в том числе по вопросам налогообложения, компенсаций и ответственности за экологические последствия. Это приводит к уклонению от капиталоёмких проектов и предпочтению краткосрочных операций с более высоким уровнем ликвидности. В условиях конкуренции за ограниченный международный капитал арктические проекты оказываются в невыгодном положении. Для крупных инвесторов отсутствие гарантий стабильности нормативной среды увеличивает затраты на страхование и обслуживание заёмного капитала, что снижает экономическую эффективность проектов. Малые и средние предприятия оказываются особенно уязвимыми из-за ограниченного доступа к ресурсам и высокой уязвимости к нормативным изменениям. Совокупно это отражается на замедлении диверсификации экономики регионов и снижении их устойчивости.

Правовая неопределённость затрудняет реализацию инфраструктурных проектов из-за рисков изменения регуляторных условий на этапах строительства и эксплуатации, что повышает вероятность юридических споров и срывов сроков. Неясность в распределении полномочий между федеральными и региональными органами усложняет согласование разрешительной документации и увеличивает административные издержки. Это создаёт дополнительные финансовые барьеры и снижает готовность частных партнёров участвовать в долгосрочных проектах.

Дестабилизация нормативной среды усугубляет и природно-технологические риски, делая инфраструктурные инвестиции ещё более затратными и рискованными. «Таяние вечной мерзлоты может вынудить КМНС к переезду, поскольку сильно меняется ландшафт и рельеф местности, который приводит к просадке фундаментов домов. [...] Эксплуатация и строительство дорог и зданий в перспективе станет достаточно затратным и будет способствовать миграции КМНС в места более комфортные для проживания, что отразится на экономической устойчивости территорий [9, с.160].» В совокупности правовая неопределённость и ускоряющиеся климатические процессы увеличивают риск отказа инвесторов от участия в инфраструктурных проектах и рост стоимости их реализации.

Неурегулированность правового статуса территории препятствует долгосрочному планированию экономического развития арктических регионов, подрывая возможность создания интегрированных стратегий развития и привлечения капитала на фазу реализации крупных проектов. Отсутствие ясных правил усложняет подготовку обоснований инвестиционных программ, оценку их социально-экономической отдачи и обеспечение непрерывности инфраструктурного обслуживания. В итоге это снижает эффективность использования ресурсов и затрудняет достижение целей устойчивого развития.

Правовая неопределённость статуса Арктической зоны РФ создаёт системные препятствия для защиты традиционного образа жизни коренных малочисленных народов. Отсутствие чётких законодательных механизмов реализации их прав приводит к ограничению доступа к исконным территориям природопользования. Это усугубляет социально-экономическую уязвимость данных групп населения в условиях активного промышленного освоения региона. Недостаточная правовая регламентация землепользования провоцирует конфликты между хозяйствующими субъектами и общинами коренных народов. Отсутствие гарантий сохранения этнокультурной идентичности способствует маргинализации отдельных групп. Данная ситуация препятствует реализации конституционных положений о защите исконной среды обитания и традиционного образа жизни малочисленных этносов.

Нестабильность правового регулирования негативно сказывается на качестве человеческого капитала в арктическом регионе. «В значительной степени устарела и не отвечает современным реалиям установленная более двадцати лет назад система гарантий и компенсаций для лиц, работающих и проживающих в северных районах [3]. Также устарела и во многом необъективна система районирования Севера России, о необходимости реформирования которой говорится уже много лет [1, с.15]». Это снижает привлекательность территории для квалифицированных специалистов. Несовершенство социальных гарантий стимулирует миграционный отток населения из арктических регионов. Недостаточное развитие образовательной и медицинской инфраструктуры ограничивает возможности профессиональной реализации местных жителей. Указанные факторы формируют долгосрочные риски деградации человеческого потенциала, необходимого для устойчивого развития Арктической зоны.

Пробелы в правовом регулировании природопользования создают угрозу чрезмерной эксплуатации арктических ресурсов без учёта экологической ёмкости территории. Недостаточная конкретизация правовых режимов территорий и процедур выдачи лицензий затрудняет установление лимитов добычи и реализацию зонального планирования. В результате антропогенная нагрузка на почвенно-гидрологические системы, прибрежные экосистемы и популяции биоресурсов может превысить естественную способность этих систем к восстановлению. Системный характер правовой неопределённости приводит к фрагментарному принятию решений по освоению, что усугубляет риск накопительных последствий для экосистем.

Отсутствие чётких экологических стандартов и механизмов их enforcement повышает риски необратимых изменений в хрупких арктических экосистемах. Отсутствуют унифицированные пороговые показатели воздействия, единая система мониторинга и надлежащие санкции за нарушение экологических требований, что снижает превентивный потенциал регуляции. Хрупкость арктических систем, выражающаяся в медленных темпах восстановления и высокой чувствительности к температурным и антропогенным изменениям, усиливает вероятность перехода к новым, нежелательным состояниям экосистем. С учётом выявленных проблем необходима разработка интегрированных стандартов и действенных механизмов контроля, что станет логическим продолжением анализа и обеспечит основу для предложений по совершенствованию правового регулирования.

Необходимым шагом к унификации правового режима Арктической зоны РФ является принятие федерального закона, устанавливающего единые принципы регулирования. Такой закон должен систематизировать существующие разрозненные правовые нормы и определить основные правовые режимы для различных типов использования территории и ресурсов. Единство правовых стандартов повысит предсказуемость для государственных органов, инвесторов и

местных сообществ. Это создаст основу для согласования мер экономического развития и охраны окружающей среды. Федеральный закон должен предусматривать механизмы координации и институты управления, способствующие реализации инвестиционных и экологических требований. «Отсюда следует, что для сбалансированного развития инвестиционной сферы Арктической зоны РФ требуются как масштабные институциональные преобразования в государственной арктической политике страны, так и совершенствование инвестиционной политики арктических регионов, что будет содействовать привлечению ресурсов и осуществлению их эффективного освоения [11, с.86].» Введение четких процедур согласования проектов и распределения ответственности позволит снизить транзакционные издержки и повысить эффективность освоения ресурсов. Закон также должен содержать положения о мониторинге выполнения обязательств и механизмах ответственности.

Точность определения географических границ Арктической зоны в нормативных актах позволит устранить правовую неоднозначность при разграничении публичных и частных прав. Нормативное закрепление координат, границ морских и прибрежных участков и специальных зон использования должно сопровождаться картографическими материалами и критериями для изменения границ. Это упростит правоприменение, снизит количество споров о территориальной принадлежности и обеспечит предсказуемость при планировании инфраструктурных и природоохранных мероприятий.

Разграничение компетенций между уровнями власти следует закрепить в нормативном акте и сопутствующих подзаконных актах для исключения дублирования функций. Определение полномочий в сферах земельных отношений, пользования природными ресурсами, охраны окружающей среды и социально-экономического развития должно базироваться на принципе субсидиарности и согласованных процедур передачи функций. Создание межуровневых координационных механизмов и оперативных разрешающих процедур позволит снизить институциональную неопределённость и закладывает основу для преодоления системных проблем правовой неопределённости и обеспечения устойчивого развития региона.

Необходимо внедрить единые экологические стандарты и обязательные требования к проектированию и эксплуатации хозяйственных объектов в Арктике, направленные на минимизацию антропогенного воздействия. Такие стандарты должны охватывать оценку воздействия на окружающую среду, предельно допустимые уровни выбросов и требования к восстановлению нарушенных территорий. Реализация этих норм должна базироваться на принципах превентивности, мониторинга и регулярной переоценки рисков с учётом климатических и экосистемных особенностей региона. Эффективность стандартов обеспечивается внедрением механизмов контроля и ответственности, включая независимый экологический мониторинг и систему санкций за нарушение требований. Требования к использованию «лучших доступных технологий» и к минимизации проникновения инфраструктуры позволяют снизить антропогенное давление на чувствительные арктические экосистемы. Необходима гармонизация федерального и регионального регулирования для устранения коллизий в разграничении полномочий и обеспечения единообразного применения стандартов. Особое внимание следует уделять созданию природоохранных зон и интеграции их управления в процедуры выдачи разрешений на хозяйственную деятельность.

Создание правовых механизмов участия коренных малочисленных народов в принятии решений по освоению территорий их традиционного проживания является ключевым элементом социальной устойчивости региона. Такие механизмы должны включать институциональные формы представительства, обязательные консультации на всех стадиях проектирования и практики совместного принятия решений по вопросам природопользования. Правовое закрепление процедур участия повысит легитимность проектов и позволит учесть традиционные знания при оценке экологических и социальных рисков. Необходима разработка процедур гарантий информационного обеспечения и предварительного согласия коренных сообществ, а также механизмов распределения экономических выгод от развития территорий. Применение совместных органов управления ресурсами и программ целевого финансирования способствует укреплению экономической базы сообществ и снижению конфликтного потенциала при освоении региона. Включение представителей коренных народов в мониторинговые и контрольные структуры обеспечит оперативную фиксацию негативных последствий и даст возможность оперативно корректировать хозяйственную практику. Долгосрочные меры должны сочетать правовую защиту традиционных прав с программами повышения квалификации и поддержки локальной инфраструктуры для устойчивого развития человеческого капитала.

Проведённый анализ выявил системный характер правовой неопределённости статуса Арктической зоны Российской Федерации, коренящейся в противоречиях действующего законодательства. Отсутствие унифицированных терри-

ториальных критериев и чёткого разграничения полномочий между уровнями власти создаёт фундаментальные препятствия для эффективного управления регионом. Эти нормативно-правовые пробелы, исторически обусловленные, формируют институциональные барьеры, требующие комплексного законодательного решения.

Исследование продемонстрировало многомерное негативное влияние правовой неопределённости на устойчивое развитие Арктики. Экономические последствия проявляются в торможении инвестиционной активности из-за отсутствия регуляторной стабильности, социальные — в усугублении дисбалансов жизнедеятельности коренных народов, экологические — в повышенных рисках деградации уникальных экосистем вследствие неэффективного регулирования природопользования. Данные проблемы взаимно усиливают друг друга, формируя порочный круг неустойчивого развития.

Разработанные предложения по совершенствованию правового регулирования включают законодательное закрепление границ Арктической зоны, чёткое распределение компетенций между федеральными и региональными органами власти, а также создание механизмов баланса экономических интересов и экологических требований. Эти меры направлены на трансформацию системных проблем в стабильную правовую среду, способную обеспечить долгосрочное сбалансированное развитие региона при соблюдении принципов устойчивости.

Преодоление правовой неопределённости статуса Арктической зоны РФ представляет собой не только необходимое условие её устойчивого развития, но и стратегический императив национальной безопасности. Решение этой комплексной задачи требует консолидации усилий законодателей, научного и экспертного сообществ для разработки системных правовых решений, учитывающих геополитические вызовы и необходимость сохранения хрупких арктических экосистем в условиях растущего антропогенного воздействия.

Список литературы:

[1] Акимов А.К. Актуальные вопросы законодательного обеспечения социально-экономического развития Арктической зоны Российской Федерации // Пространственная экономика. — 2020. — С. 13–14.

[2] Ардер А. Мамонт мир убережет // Чудеса и приключения. — 2019. — №7. — С. 22–25.

[3] Артамонов В.С., Мусиенко Т.В. Геополитика Арктики: система управления рисками безопасности жизнедеятельности // Россия в глобальном мире: вызовы и перспективы. — 2016. — №2. — С. 72–76.

[4] Воронина Н.П. Стратегическое планирование освоения Арктики в контексте обеспечения экологической безопасности: российский и зарубежный опыт // Вопросы российского и международного права. — 2020. — №8. — С. 113–122.

[5] Гладун Е.Ф., Задорин М.Ю., Горбунова А.И. Региональные практики защиты прав коренных малочисленных народов Российской Арктики // Вопросы государственного и муниципального управления. — 2023. — №3. — С. 122–154.

[6] Карпов В.П., Гаврилова Н.Ю. Российская арктика: вызовы и ответы // Вестник тюменского государственного университета. — 2013. — №2. — С. 121–125.

[7] Куликовская Л.Ю. Административно-правовой режим арктической зоны как гарантия долгосрочного социального развития России // Государственная власть и местное самоуправление. — 2018. — №7. — С. 28–32.

[8] Лебедев Д.О., Лиман И.А. Инструменты повышения инвестиционной привлекательности проектов в Арктической зоне Российской Федерации // Вестник Томского государственного университета. Экономика. — 2025. — №70. — С. 68–80.

[9] Матвиенко И.И. Современные проблемы коренных малочисленных народов российской Арктики в условиях климатических изменений // Арктика и Север. — 2023. — №52. — С. 153–166.

[10] Мурашко О., Якель Ю. Участие коренных малочисленных народов России в управлении природными ресурсами: правовые основы и опыт. — Москва: Ассоциация коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации; Международный фонд развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации «Батани», 2008.

[11] Серова Н.А., Гутов С.В. Ключевые тенденции развития инвестиционных процессов в арктической зоне РФ в 2008–2017 гг // Арктика и север. — 2019. — №34. — С. 77–89.

[12] Торопушина Е.Е. Реализация проектов государственно-частного партнерства в социальной сфере Российской Арктики // Вестник научно-исследовательского центра корпоративного права, управления и венчурного инвестирования Сыктывкарского государственного университета. — 2019. — №4. — С. 30–42.

References:

[1] Akimov A.K. Topical issues of legislative support for the social and economic development of the Arctic zone of the Russian Federation//Spatial economy. — 2020. - S. 13-14.

[2] Arder A. Mammoth will save the world//Miracles and adventures. — 2019. — №7. - S. 22-25.

[3] Artamonov V.S., Musienko T.V. Arctic geopolitics: life safety risk management system//Russia in the global world: challenges and prospects. — 2016. — №2. - S. 72-76.

[4] Voronina N.P. Strategic planning of Arctic development in the context of environmental safety: Russian and foreign experience//Issues of Russian and international law. — 2020. — №8. - S. 113-122.

[5] Gladun E.F., Zadorin M.Yu., Gorbunova A.I. Regional practices for protecting the rights of indigenous peoples of the Russian Arctic//Issues of state and municipal administration. — 2023. — №3. - S. 122-154.

[6] Karpov V.P., Gavrilova N.Yu. Russian Arctic: Challenges and Answers//Bulletin of Tyumen State University. — 2013. — №2. - S. 121-125.

[7] Kulikovskaya L.Yu. Administrative and legal regime of the Arctic zone as a guarantee of long-term social development of Russia//State power and local self-government. — 2018. — №7. - S. 28-32.

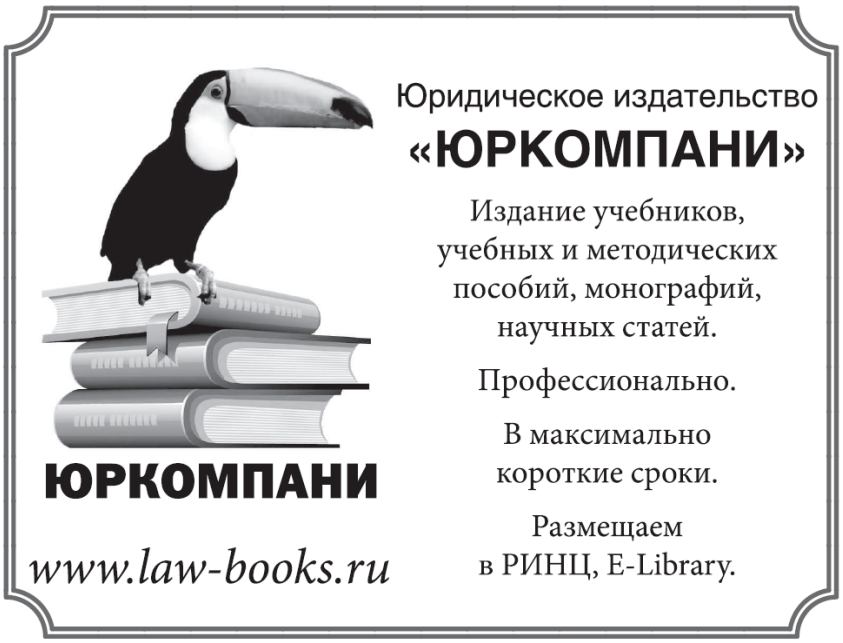
[8] Lebedev D.O., Liman I.A. Tools for increasing the investment attractiveness of projects in the Arctic zone of the Russian Federation//West-nick of Tomsk State University. Economics. — 2025. — №70. - S. 68-80.

[9] I.I. Matvienko. Modern problems of indigenous peoples of the Russian Arctic in climate change//Arctic and North. — 2023. — №52. - S. 153-166.

[10] Murashko O., Yakel Yu. Participation of indigenous peoples of Russia in the management of natural resources: legal framework and experience. - Moscow: Association of Indigenous Minorities of the North, Siberia and the Far East of the Russian Federation; International Fund for the Development of Indigenous Minorities of the North, Siberia and the Far East of the Russian Federation “Batani,” 2008.

[11] Serova N.A., Gutov S.V. Key trends in the development of investment processes in the Arctic zone of the Russian Federation in 2008-2017//Arctic and North. — 2019. — №34. - S. 77-89.

[12] Toropushina E.E. Implementation of public-private partnership projects in the social sphere of the Russian Arctic//Bulletin of the Research Center for Corporate Law, Management and Venture Investment of Syktyvkar State University. — 2019. — №4. - S. 30-42.

- КОНСТИТУЦИОННОЕ (ГОСУДАРСТВЕННОЕ) ПРАВО -

Дата поступления рукописи в редакцию: 22.04.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.05.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3830-2026-4-110-114

ЛАРИЧЕВ Вячеслав Павлович,
аспирант, Институт магистратуры и подготовки кадров высшей квалификации Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России),
e-mail: larichev.slava@mail.ru

Научный руководитель:
ГРУДЦЫНА Людмила Юрьевна,
доктор юридических наук, профессор, Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России),
e-mail: ludmilagr@mail.ruc

ОБЩЕРОССИЙСКОЕ ГОЛОСОВАНИЕ ПО ПОПРАВКАМ К КОНСТИТУЦИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПРАВОВАЯ ПРИРОДА И МЕСТО В СИСТЕМЕ НАРОДОВЛАСТИЯ

Аннотация. *В статье анализируется проблема соотношения общероссийского голосования и референдума, а также эффективности и самостоятельности такой формы прямой демократии, как общероссийское голосование, впервые использованной в ходе конституционной реформы 2020 года, что и обусловливает актуальность темы. Сравнение общероссийского голосования и референдума осуществляется по важнейшим этапам проведения этих процедур, на основе чего формулируется вывод о неравнозначности явлений, позволяющий считать общероссийское голосование самостоятельным правовым институтом, нуждающимся в более детальном законодательном регулировании. Определяются индивидуально-правовые черты общероссийского голосования в системе прямого народовластия. В статье также рассматривается вопрос регулирования процедуры организации и проведения общероссийского голосования по поправкам к Конституции Российской Федерации.*

Ключевые слова: *конституционные изменения, прямая демократия, общероссийское голосование, референдум, цифровая демократия, опрос граждан, выборы, конституционный суд.*

LARICHEV Vyacheslav Pavlovich,
graduate student,
The All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia)

Scientific supervisor:
GRUDTSYNA Lyudmila Yurievna,
Doctor of Law,
Professor, All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia)

THE ALL-RUSSIAN VOTE ON AMENDMENTS TO THE CONSTITUTION OF THE RUSSIAN FEDERATION: THE LEGAL NATURE AND PLACE IN THE SYSTEM OF DEMOCRACY

Annotation. *The article analyzes the problem of the correlation between the all-Russian vote and the referendum, and also examines the effectiveness and independence of such a form of direct democracy as the all-Russian vote, which was first applied during the constitutional reform of 2020. This determines the relevance of this topic. The all-Russian voting and the referendum are compared according to the key stages of these procedures, which allows us to draw a conclusion about the differences between these phenomena. This allows us to consider the all-Russian voting as an independent legal institution requiring more detailed legislative regulation. The article also examines the individual legal features of the all-Russian voting in the system of direct democracy. In addition, the issue of regulating the procedure for organizing and conducting an all-Russian vote on amendments to the Constitution of the Russian Federation is being investigated.*

Key words: *constitutional changes, direct democracy, all-Russian voting, referendum, digital democracy, citizens' poll, elections, Constitutional Court.*

Исследование вопросов электронного референдума требует обращения к общетеоретическим вопросам референдума как политико-правового явления. В юридической науке сложилось множество определений референдума, в большинстве из которых референдум определяется как всенародное голосование по ключевым вопросам государственной жизни [1, с. 325].

Такой подход к пониманию референдума находит нормативное закрепление в российском праве. Федеральный конституционный закон от 28 июня 2004 г. № 5-ФКЗ «О референдуме в Российской Федерации» (далее – Федеральный конституционный закон № 5-ФКЗ) определяет референдум как всенародное голосование граждан Российской Федерации, обладающих правом на участие в референдуме, по вопросам государственного значения.

В структуре народовластия референдум занимает особое место как институт прямой демократии, реализующей непосредственное участие граждан в осуществлении публичной власти.

Конституция Российской Федерации закрепляет за референдумом статус высшей формы непосредственного выражения власти народа, приравнивая его к свободным выборам. Выражает индивидуальную природу, отличающую его от иных, смежных форм прямого народного волеизъявления, например, от народного обсуждения вопросов публичной важности, получившего практику в России.

Предметно эти институты не различимы: всенародному обсуждению подлежат практически все вопросы, выносимые на референдум.

Согласно Закону РСФСР от 20 апреля 1988 г. «О народном обсуждении важных вопросов государственной жизни» (далее – Закон РСФСР), народному обсуждению подлежат значимые законопроекты и иные важные вопросы государственного значения. Подобно референдуму, народное обсуждение проводится по решению высших органов государственной власти. Сходство проявляется и в общих принципах реализации этих институтов, предполагающих свободное и массовое участие граждан, гласность проведения организационных мероприятий, полное государственное финансирование.

Несмотря на сходство институтов референдума и общественных обсуждений, различие этих форм непосредственной демократии очевидно: референдум выступает совокупным итогом непосредственной реализации субъективного индивидуального права на референдум, относимого к категории политических прав и свобод. Субъектами же народного обсуждения выступают граждане как непосредственно, так и в лице своих организованных коллективов: общественных организаций, трудовых коллективов, общих собраний и сходов граждан, органов общественной самодеятельности и т.д., аккумулирующих индивидуальное волеизъявление [5, с. 19].

Но главное различие состоит в том, что народное обсуждение, в отличие от референдума, не предполагает обязательного голосования по обсуждаемому вопросу, представляет своим результатом принятие публично-властного решения. В то же время народное обсуждение включает формулирование конкретных предложений, адресуемых органам публичной власти, учитываемых в законодательной и иной публичной деятельности. Согласно упомянутому Закону РСФСР, поступившие в органы законодательной власти замечания по проекту закона или другому вопросу, подлежали обязательному рассмотрению постоянными парламентскими комиссиями или специальными комиссиями.

Это дает основание полагать, что общественные обсуждения являются институтом смешанного типа, что сохраняет для граждан возможность оказывать решающее влияние на итоговое решение.

В то же время степень учета предложений, высказанных в ходе народного обсуждения, остается только предположительной, предложения не носят обязывающего характера, не обладают качествами правотворческой инициативы. Народное обсуждение является не формой народовластия в собственном смысле, а проявлением

демократии, как организованным и массовым участием населения в публично-властной деятельности.

Народное обсуждение может предшествовать референдуму, влияя на его содержание, образуя с ним единую синергетическую связь, что имело место в процессе внесения в 2020 г. поправок в Конституцию Российской Федерации. В ежегодном Послании Федеральному Собранию 15 января 2020 г. Президент России предложил внесение изменений в Конституцию Российской Федерации. В тот же день в целях организационного сопровождения данного процесса был издан соответствующий Указ Президента, которым учреждена Рабочая группа по выработке конституционных поправок. Позже был внесен проект Закона РФ о поправке к Конституции РФ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» (далее – проект Закона РФ о поправке к Конституции РФ). Он был подвергнут широкой общественной дискуссии с участием Рабочей группы, обобщившей более 1100 предложений. Рабочая группа совместно с депутатскими фракциями внесла на рассмотрение Государственной Думы около 400 инициатив к проекту Закона РФ о поправке к Конституции РФ.

Примечательно, что официального решения о проведении общественного обсуждения не принимали, что представляет собой существенное нарушение процедуры законотворчества. Общественное обсуждение не было ничем официально предопределено и регламентировано, что представляется странным, учитывая масштаб обсуждения, имевшего многочисленную аудиторию, и величину конституционных преобразований, включивших 206 изменений в текст Основного закона [2, с. 6].

В юридической доктрине принято дифференцировать референдумы по юридической силе принимаемых решений. Консультативный референдум носит рекомендательный характер. Решение императивного референдума имеет обязательную силу. Примером консультативного референдума называют голосование по вопросу введения в России должности Президента, получившее название «Всероссийский референдум о введении поста Президента РСФСР», проведенное 17 марта 1991 г. Подобное голосование, однако, не может представляться референдумом в собственном смысле, оно не решало вопрос о введении должности Президента, но лишь выявило мнение населения о введении президентуры в России.

Референдум 17 марта 1991 г. был проведен в процессуальных рамках Закона СССР от 27 декабря 1990 г. «О всенародном голосовании (референдуме) СССР)». Однако этот закон содержал внутреннее противоречие, проявившееся в процессе голосования вопроса сохранения Союза ССР. В частности, статья 29 Закона одновременно устанавливала обязательный характер решений, принятых на референдуме, и невозможность их отмены или изменения вне процедуры нового всенародного голосования, но в то же время допускала интерпретацию итогов плебисцита.

Данная редакция нормы придает свойства консультативности. Законодатель таким образом смешал референдум и опрос населения, относимые к разным формам непосредственной демократии, отличаемым целеполаганием и юридическими последствиями.

Высказывается мнение, что консультативный референдум, не обладая обязательной силой для законодателя, оказывает на него существенное влияние. Однако в силу отсутствия процессуальных механизмов учета мнения электората его влияние на законотворчество носит лишь вероятностный характер [3, с. 3].

Так называемый консультативный референдум не отвечает конституционному назначению референдума как высшего непосредственного выражения власти народа. Референдум в понимании Основного закона равноценен выборам как высшей форме народовластия, предполагающей окончательное решение вопроса публичной важности – формирование представительных органов власти. Конституционный Суд РФ подтверждает, что, эти высшие формы непосредственной демократии, имеют собственное предназначение в процессе осуществления народовластия и, будучи взаимосвязанными, дополняют друг друга.

Референдум как форма народовластия может иметь только императивный самодостаточный характер, не требующий внешнего утверждения или подтверждения. Именно в таком значении референдум определяется в Федеральном конституционном законе № 5-ФКЗ, согласно которому решение, принятое на референдуме, является общеобязательным и не нуждается в дополнительном утверждении. Что касается так называемого консультативного референдума, то он является разновидностью опроса населения, также относимой к системе непосредственной демократии, демократии партисипаторного типа (демократии участия), не предполагающей для своей реализации участия большинства.

Не все институты совещательной демократии укладываются в рамки традиционного понимания народовластия как формы непосредственного участия граждан в осуществлении государственной власти, предполагающей обязательный и трансформирующий эффект. Современные формы демократии, особенно цифровая (элек-

тронная), характеризуются иными механизмами взаимодействия общества, личности и государства, и не всегда сопряжены с выражением коллективной воли, обладающей императивным характером. Электронная демократия, основанная на интерактивных цифровых коммуникациях, представляет собой скорее платформу для консультативного участия и общественного диалога, чем средство принятия юридически значимых решений.

Общероссийское голосование по вопросу одобрения изменений в Конституцию РФ определялось Порядком, утвержденным постановлением ЦИК России от 20 марта 2020 г. № 244/1804-7. Процедура дистанционного электронного голосования (далее – ДЭГ) была детализирована в постановлении ЦИК России от 4 июня 2020 года № 251/1850-7. Само голосование проходило через портал по адресу: 2020og.ru. Система дистанционного электронного голосования обеспечивала сохранение неизменности результатов волеизъявления и соблюдение принципа тайны голосования.

Правовая природа общероссийского голосования по конституционным поправкам вызывает закономерный вопрос о его соотношении с институтом референдума. Данные институты практически неразличимы, так как предполагают всенародное голосование по вопросам государственного значения.

Их объединяют порядок назначения и основные принципы. Однако референдум Российской Федерации проводится по инициативе 2 млн граждан, а инициатива общероссийского голосования принадлежит Президенту России.

По этой причине конституционный законодатель не отождествляет общероссийское голосование с референдумом. Обладая признаками сходства с референдумом, данная форма прямой демократии отличается по ряду ключевых характеристик [4, с. 11].

С классификационной точки зрения общероссийское голосование можно отнести к конституционному референдуму, так как связано с внесением изменений в Конституцию РФ. В научной литературе обоснованно подчеркивается, что столь обширная трансформация конституционного текста позволяет квалифицировать происходящее как этап конституционного преобразования России и свидетельствует о вступлении государства в новую фазу эволюции конституционного порядка. В.Ф. Коток указывал, что конституционный референдум носит, в сущности, учредительный характер.

В науке не остался незамеченным тот факт, что процессуальный механизм принятия конституционных поправок 2020 г. противоречит Основному закону.

Отмечается, что конституционные поправки 2020 г. сложно признать взаимосвязанными изменениям текста Конституции, учитывая их предметную разноплановость, охватывающую широкий спектр конституционных положений. В то же время согласованности поправкам формально придавало их общее название.

Несмотря на статью 136 Конституции РФ, Конституционный Суд указал, что судебный конституционный контроль за соответствием поправок основополагающим нормам Конституции РФ может служить важной гарантией правовой стабильности и целостности Основного закона, опираясь на статьи 10, 15, 16, 125 и 136 Конституции РФ. Конституционный Суд последовательно исходит из позиции, согласно которой поправки, затрагивающие главы 3–8, не могут противоречить содержанию и порядку внесения изменений в главы 1, 2 и 9, что подтверждается в ряде его постановлений.

При этом Конституционный Суд РФ указал на приоритет вступивших в силу положений Закона о поправке, так как они являются специальными и обладают более высокой юридической силой.

В результате Конституционный Суд РФ трактует общероссийское голосование как акцию легитимации закона о поправке к Конституции, обладающий особым юридическим статусом и выступающий инструментом выражения народного суверенитета в контексте крупномасштабных конституционных преобразований.

Согласно правовой позиции Конституционного Суда РФ, введение в конституционную процедуру общероссийского голосования не означает отказ Федерального Собрания и законодательных органов субъектов Российской Федерации от принадлежащих им конституционных полномочий и обязанностей. В изложенной позиции Конституционного Суда акцентируется, что общероссийское голосование как акция народовластия не заменяет, а дополняет конституционную юрисдикцию парламента Российской Федерации и законодательных органов субъектов РФ в механизме внесения конституционных поправок, предусмотренном ст. 136 Конституции России.

Формат общероссийского голосования не устанавливал численный кворум участия в голосовании, конституционные поправки теоретически могло быть одобрены меньшинством зарегистрированных избирателей, что может вызвать сомнение квалификацию данной процедуры как реализации принципа народовластия. Однако Конституционный Суд Российской Федерации, анализируя положения статей 2 и 3 Закона о поправке, не обнаружил в них требований к мини-

мальной явке. Согласно части 5 статьи 3 для одобрения необходимо, чтобы за них проголосовало более половины от числа принявших участие.

Данный подход, как указал Суд, основан на презумпции добровольности участия, где неучастие является формой осознанного политического выбора и не должно блокировать признание итогов голосования, при условии соблюдения принципов свободного волеизъявления и достоверности подведения его результатов. Следовательно, установленные нормы не затрагивают положения глав 1 и 2 Конституции РФ. Выработанная Конституционным Судом правовая позиция опирается на диалектическое понимание принципа народовластия. Результаты голосования (включая выборы) могут формироваться меньшинством от общего числа избирателей при отсутствии кворума, при условии, что всем гражданам была гарантирована возможность участия. Такая модель, по мнению Конституционного Суда, не нарушает демократические принципы, поскольку добровольное воздержание от голосования при сохранении права участия воспринимается как форма молчаливого согласия с любым исходом голосования, что делает его правовые итоги легитимными.

Подобный вывод справедлив и в отношении референдарных форм демократии, в том числе общероссийского голосования по поправкам к Конституции РФ. Современный референдум невозможен без применения цифровых технологий и ДЭГ, ускоряющих принятие решения. Однако это ставит перед законодателем задачу по созданию нормативно-правовой базы, регламентирующей их использование.

Установленный для проведения общероссийского голосования порядок также и для электронного голосования, рассчитанный на однократное действие ad hoc, не может служить универсальным и постоянным нормативным источником референдарного электронного голосования. Особенно подчеркивается разовый характер данной процедуры, не предполагающей многократного использования и связана с конкретными конституционными изменениями.

Список литературы:

[1] Авакьян С.А. Конституционное право России. Учебный курс: учеб. пособие. В 2 т. Т. 2. М., 2021. С. 325.

[2] Баринов Э.Д. Конституционная реформа – 2–20: особенности процедуры и юридической техники // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 8. С. 5–6.

[3] Журавлев В.А. Общероссийское голосование по изменениям в Конституцию: социальные смыслы и процедуры // Избирательное законодательство и практика. 2020. №2. С. 3

[4] Игнатов А.В. Общероссийское голосование в конституционном измерении // Избирательное законодательство и практика. 2020. № 2. С. 11.

[5] Старостина И.А. Общероссийское голосование в контексте конституционных поправок 2020 г. // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 8. С. 19.

References:

[1] Avakyan S.A. Constitutional Law of Russia. Training course: tutorial. In 2 vols. 2. M., 2021. S. 325.

[2] Barinov ED. Constitutional reform - 2-20: features of the procedure and legal technique//Constitutional and municipal law. 2020. № 8. S. 5-6.

[3] Zhuravlev V.A. All-Russian voting on amendments to the Constitution: social meanings and procedures//Electoral legislation and practice. 2020. №2. S. 3

[4] Ignatov A.V. All-Russian voting in the constitutional dimension//Electoral legislation and practice. 2020. № 2. S. 11.

[5] Starostina I.A. All-Russian voting in the context of the constitutional amendments of 2020//Constitutional and municipal law. 2020. № 8. S. 19.

Дата поступления рукописи в редакцию: 13.04.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.05.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3830-2026-4-115-118

ГОНЧАР Владимир Сергеевич,
Аспирант РГУ Нефти и Газа (НИУ) имени И.М. Губкина,
e-mail: mail@law-books.ru

ШИРЯЕВ Ю.Е.,
д.ю.н., профессор,
e-mail: mail@law-books.ru

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВАЯ ОСНОВА ИДЕОЛОГИИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. *Статья посвящена анализу конституционно-правовой основы идеологии в Российской Федерации и выявлению ее роли в обеспечении устойчивости и развития государства. Рассматривается содержание понятия «идеология» как системы взглядов, ценностей и установок, формирующих общественное сознание и определяющих направления социального и политического развития. Особое внимание уделено положениям статьи 13 Конституции Российской Федерации, закрепляющим принцип идеологического многообразия, запрет на установление государственной идеологии, а также политический плюрализм и многопартийность. Автор анализирует существующие научные подходы к пониманию идеологического базиса современного российского государства и подчеркивает, что, несмотря на формальный отказ от государственной идеологии, Конституция содержит ценностное ядро, выраженное в признании прав и свобод человека высшей ценностью. В статье также рассматриваются дискуссионные позиции относительно необходимости закрепления государственной идеологии: с одной стороны — как фактора консолидации общества и стратегического развития, с другой — как потенциальной угрозы ограничения прав и свобод. Делается вывод о необходимости сохранения баланса между идеологическим многообразием и конституционными ценностями, обеспечивающими стабильность правовой системы.*

Ключевые слова*: идеология, Конституция РФ, идеологическое многообразие, государственная идеология, многопартийность.*

GONCHAR Vladimir Sergeevich,
Postgraduate Student Gubkin Russian State University of Oil and Gas (National Research University)

SHIRYAEV Yu.E.,
Doctor of Law, Professor

THE CONSTITUTIONAL AND LEGAL BASIS OF IDEOLOGY IN THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation. *The article analyzes the constitutional and legal foundations of ideology in the Russian Federation and examines its role in ensuring state stability and development. The concept of ideology is рассматривается as a system of views, values, and beliefs that shape public consciousness and determine the directions of social and political development. Particular attention is paid to Article 13 of the Constitution of the Russian Federation, which establishes ideological diversity, prohibits the establishment of a state ideology, and guarantees political pluralism and a multiparty system. The author reviews existing academic approaches to understanding the ideological basis of the modern Russian state and emphasizes that, despite the formal rejection of an official ideology, the Constitution contains a value core based on the recognition of human rights and freedoms as the highest value. The article also explores the ongoing debate on whether a state ideology should be закреплена: supporters view it as a tool for social consolidation and strategic develop-*

ment, while opponents warn about potential restrictions on freedom of thought. The study concludes that maintaining a balance between ideological diversity and constitutional values is essential for ensuring the stability and effectiveness of the legal system.

Key words*: ideology, Constitution of the Russian Federation, ideological diversity, state ideology, multiparty system.*

Введение

В современном обществе вопросы, касающиеся конституционно-правовой основы идеологии, становятся все более актуальными. Конституционная идеология определяет основные принципы и ценности, на которых строится политическая, правовая и социальная система государства. Введение конституционных норм, отражающих идеологические установки общества, имеет важное значение для обеспечения стабильности, справедливости и развития общества.

Статья опирается на исследования нескольких авторов, включая работы О. Н. Городнова [8], А. В. Петровская [2] и т.д. Эти исследования предоставляют важные научные выводы по теме исследования.

Цель исследования заключается в проведении анализа конституционно-правовой основы идеологии в Российской Федерации.

Методы исследования включают анализ научной литературы, а также экспертные оценки.

Результаты исследования и их обсуждения

Идеология играет ключевую роль в основе государственности. Ее изменения отражаются на всех аспектах развития страны, включая политическую систему, экономику, культуру и социальные отношения.

Как верно отмечает А. В. Петровская, сегодня идеология рассматривается как система взглядов и идей, в рамках которой люди осознают и оценивают свое отношение к действительности и друг к другу, а также социальные проблемы и конфликты. В идеологии также содержатся цели и программы социальной деятельности, направленные на изменение или закрепление существующей системы отношений [4, с. 107]

Идеология играет ключевую роль в государственной жизни, определяя ценностные ориентиры общества и направление его развития. Она объединяет людей вокруг общих идеалов и убеждений, способствуя формированию единого общенационального идентитета и социальной солидарности. Кроме того, идеология может служить инструментом легитимации власти, основой законодательства и стимулировать социальные и экономические изменения в обществе.

Конституция Российской Федерации, в частности ст. 13, закрепляет принцип идеологического многообразия. В России признается существование различных взглядов и идей, которые могут сосуществовать и выражаться в общественной и политической жизни. Такой подход позволяет создавать платформу для свободного обмена мнениями и идей, что способствует развитию демократического общества.

Важным положением ст. 13 является запрет на установление какой-либо идеологии в качестве государственной или обязательной. Такой подход обеспечивает свободу мысли и мнений, а также предотвращает монополизацию идеологического пространства.

Конституция также признает политическое многообразие и многопартийность, что способствует политической конкуренции и дает людям возможность выбирать из множества политических программ и идей.

Все общественные объединения в Российской Федерации равны перед законом, что служит гарантом, что никакое объединение не имеет привилегий или ограничений на основе своей идеологической направленности. Такое равенство способствует созданию справедливого и равноправного гражданского общества.

Статья 13 Конституции РФ также запрещает создание и деятельность общественных объединений, которые направлены на насильственное изменение конституционного строя, нарушение целостности Российской Федерации, подрыв государственной безопасности, создание вооруженных формирований, или разжигание социальной, расовой, национальной и религиозной розни. Данное положение направлено на защиту общественного порядка и национальной безопасности [1].

Сегодня ведется дискуссия о роли идеологии в Конституции Российской Федерации. Одни сторонники высказывают мнение о необходимости закрепления государственной идеологии в основном законе страны, считая это ключевым элементом для обеспечения стабильности и ориентации национального развития. Другие аргументируют, что отсутствие государственной идеологии или ее жесткое закрепление может ограничить свободу мысли и ущемить права граждан.

Эксперты отмечают, что в России существует свой идеологический базис, который определяется положениями действующей Конституции, выделяющей высшей ценностью человека, его права и свободы. Однако, они предупреждают о возможных негативных последствиях жесткого закрепления государственной идеологии в основном законе. Такое закрепление может ограничить

возможности власти в принятии важных решений для страны, создавая препятствия для развития и адаптации к изменяющимся обстоятельствам.

А. Брод, член Совета по правам человека при президенте РФ, утверждает, что все необходимые изменения в Конституцию РФ были внесены в ходе общенационального голосования по поправкам к основному закону в 2020 году. Он видит идеологический базис России в принципе, заключенном в следующих словах: «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью». Брод подчеркивает, что Россия объявила о себе как о правовом государстве, где гуманистические ценности стоят на первом месте. По его мнению, это вектор, которому должны следовать как власть, так и общество [5].

С.Кабышев, руководитель Комитета Государственной Думы по науке и высшему образованию, а также член фракции «Справедливая Россия – патриоты – за правду», подчеркивает, что национальная конституционная идеология основывается на сочетании принципов тысячелетней российской державы-цивилизации и заботы о благополучии человека. Это прослеживается в преамбуле Конституции России, где подчеркивается общенародное единство и понимание государства как организации общества, а не противопоставление личности и государства.

Он утверждает, что настоящая суть России не следует искать в западных или восточных образцах, а в уникальной общности исторической судьбы многонационального народа. Им подчеркнуто, что идеологический базис для будущего страны определен в Конституции, которая отражает стремление сохранить и укрепить традиционные духовно-нравственные ценности.

Ценностно-целевые ориентиры, выраженные в конституционных нормах, определяют диапазон идеологического многообразия. Однако распространение идеологий, направленных на дестабилизацию общества и дезорганизацию конституционных институтов, является неприемлемым, так как это может привести к социальному негативу и разделению общества [3].

А. Бастрыкин, председатель Следственного комитета России, высказал предложение о введении государственной идеологии в Конституцию России. По его мнению, общество не может существовать без идеологии, и необходимо определить цели и направления развития нашего общества и закрепить их в основном законе страны. Бастрыкин подчеркнул, что идеология должна быть сформулирована с учетом исторического опыта и современных условий жизни России. Он также отметил, что работа над Конституцией должна быть тщательной и продолжаться без спешки [6].

По мнению О. Н. Городновой, ст. 13 Конституции Российской Федерации должна отражать следующее: «В Российской Федерации ни одна идеология не может быть признана обязательной, за исключением той, которая прописана в статье 2 Конституции Российской Федерации». Согласно ст. 2 Конституции РФ современная правовая идеология – человек, его права и свободы являются высшей ценностью [2, с.84].

Заключение

На основе всего вышеизложенного, можно сделать вывод о том, что конституционно-правовая основа идеологии в Российской Федерации представляет собой сложный и многогранный вопрос, который вызывает активные дискуссии. Конституция Российской Федерации, в частности, статья 13, является основным законом страны, который определяет принципы, ценности и права граждан. Важно учитывать баланс между государственными интересами и правами человека, а также обеспечивать свободу мысли и вероисповедания каждого индивида. В то же время, необходимо учитывать исторические, культурные и социальные особенности страны при разработке идеологической базы.

Развитие открытого и конструктивного диалога между правительством, обществом и экспертным сообществом поможет найти оптимальное решение, которое будет способствовать стабильности, развитию и процветанию Российской Федерации

Список литературы:

[1] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. от 25 декабря 1993 г. N 237

[2] Городнова, О. Н. Современная правовая идеология: понятие и актуальные проблемы ее совершенствования // Вестник Российского университета кооперации. 2022. № 3(49). С. 81-86

[3] Кабышев С. Конституционная идеология – основа общенационального единства и развития России//Парламентская газета [Электронный источник] // URL: https://www.pnp.ru/politics/konstitucionnaya-ideologiya-osnova-obshhenacionalnogo-edinstva-i-razvitiya-rossii.html (Дата обращения: 28.05.2024)

[4] Петровская, А. В. Идеологическое значение Конституции России // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2023. № 3(73). С. 106-109

[5] Спицына А. Нужно ли в Конституции России закреплять идеологию или достаточно того, что человек - это приоритет//Российская газета

[Электронный источник]//URL: https://rg.ru/2023/11/22/nuzhno-li-v-konstitucii-rossii-zakrepliat-ideologiiu-ili-dostatochno-togo-chto-chelovek-eto-prioritet.html (Дата обращения: 28.05.2024)

[6] Сонный С. «Мнение авторитетного человека»: Бастрыкин призвал вписать идеологию в Конституцию//Газета.ru [Электронный источник]// URL: https://www.gazeta.ru/social/2023/11/22/17903821.shtml (Дата обращения: 28.05.2024)

References:

[1] The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote 12.12.1993 with amendments approved during the all-Russian vote 01.07.2020) //Rossiyskaya Gazeta. No. 237 dated December 25, 1993

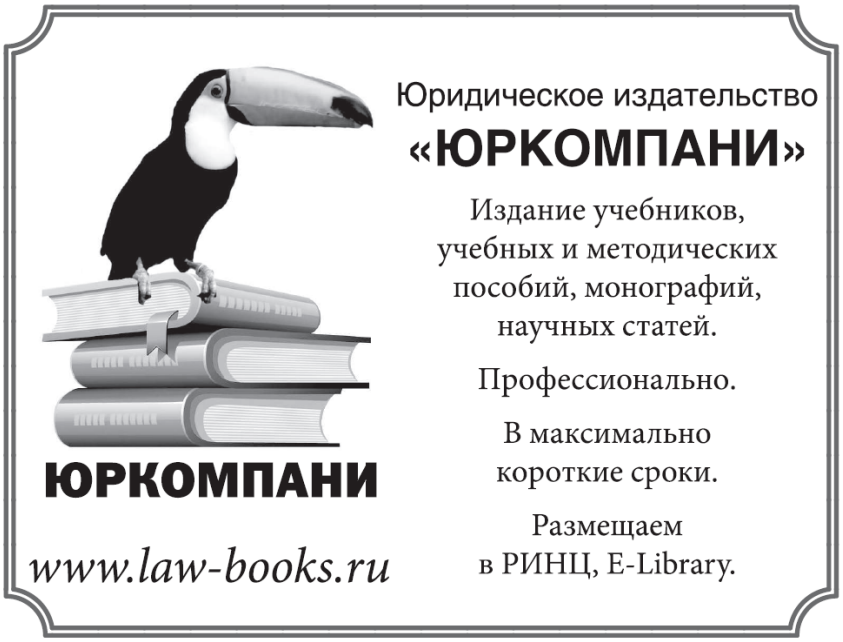
[2] Gorodnova, O. N. Modern legal ideology: the concept and actual problems of its improvement//Bulletin of the Russian University of Cooperation. 2022. № 3(49). S. 81-86

[3] Kabyshev S. Constitutional ideology is the basis of national unity and development of Russia// Parliamentary newspaper [Electronic source]//URL: https://www.pnp.ru/politics/konstitucionnaya-ideologiya-osnova-obshhenacionalnogo-edinstva-i-razvitiya-rossii.html (Date of appeal: 28.05.2024)

[4] Petrovskaya, A. V. Ideological significance of the Constitution of Russia//Bulletin of the Kaliningrad branch of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. № 3(73). S. 106-109

[5] Spitsyna A. Is it necessary to enshrine ideology in the Russian Constitution, or is it enough that a person is a priority//Rossiyskaya Gazeta [Electronic Source]//URL: https://rg.ru/2023/11/22/nuzhno-li-v-konstitucii-rossii-zakrepliat-ideologiiu-ili-dostatochno-togo-chto-chelovek-eto-prioritet.html (Accessed: 28.05.2024)

[6] Sleepy S. “The opinion of an authoritative person”: Bastrykin called for the ideology to be entered into the Constitution//Gazeta.ru [Electronic source]//URL: https://www.gazeta.ru/social/2023/11/22/17903821.shtml (Accessed: 28.05.2024)

- ПРАВО И ЭКОНОМИКА -

Дата поступления рукописи в редакцию: 29.03.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-4-119-124
Дата принятия рукописи в печать: 03.05.2026 г.

РАХМАНОВ Артем Дмитриевич,
студент кафедры бухгалтерского учета и аудита,
Уральского государственного экономического университета,
e-mail: yroflanov@bk.ru

ШАРАПОВА Наталья Владимировна,
доктор экономических наук,
заведующий кафедры бухгалтерского учета и аудита
Уральского государственного экономического университета,
e-mail: sharapov.66@mail.ru

ШАРАПОВА Валентина Михайловна,
доктор экономических наук, профессор,
профессор кафедры бухгалтерского учета и аудита
Уральского государственного экономического университета,
e-mail: agroprom23@mail.ru

ТРАНСФОРМАЦИЯ УЧЕТНО-АНАЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ: ВЛИЯНИЕ ФСБУ4/2023

Аннотация. *Данная статья посвящена комплексному анализу изменений нормативно-правового регулирования бухгалтерской отчетности, которые вступили в силу в 2026 году. В статье систематизированы ключевые нововведения в области бухгалтерского учета на территории Российской Федерации. Переход на новый стандарт требует от специалистов в области бухгалтерского учета комплексного пересмотра методологии учета, правил классификации активов и обязательств, а также расширения аналитических данных. Цель исследования – анализ влияния изменений в бухгалтерской (финансовой) отчётности на эффективность работы организаций и профессиональных бухгалтеров. В ходе исследования были использованы следующие методы: нормативно-правовой анализ, дедукции, классификации и группировки. Переход организаций на новый стандарт при составлении бухгалтерской отчетности требует адаптации как учетных процедур, так и внутренних регламентов подготовки отчетных форм.*

Ключевые слова*: трансформация учетный стандартов, бухгалтерский учёт, бухгалтерская отчетность, МСФО, ФСБУ.*

RAKHMANOV Artem Dmitrievich,
student, Department of Accounting and Auditing,
Ural State University of Economics

SHARAPOVA Natalya Vladimirovna,
Doctor of Economics,
Head of the Accounting and Auditing Department
at the Ural State University of Economics

SHARAPOVA Valentina Mikhailovna,
Doctor of Economics, Professor,
Professor of the Department of Accounting and Auditing
at the Ural State University of Economics

TRANSFORMATION OF THE ACCOUNTING AND ANALYTICAL SYSTEM: IMPACT OF FASB 4/2023

Annotation. *This article provides a comprehensive analysis of changes in the regulatory framework for financial reporting that came into effect in 2026. It systematizes key accounting innovations in the Russian Federation. The transition to the new standard requires accounting professionals to comprehensively review their accounting methodology, asset and liability classification rules, and expand their analytical data. The purpose of the study is to analyze the impact of changes in accounting (financial) reporting on the performance of organizations and professional accountants. The following methods were used in the study: regulatory analysis, deductions, classifications, and groupings. The transition of organizations to the new standard for preparing financial statements requires the adaptation of both accounting procedures and internal regulations for preparing reporting forms.*

Key words: *accounting standard transformation, accounting, financial reporting, IFRS, FSBU.*

Введение: В текущем 2026 году происходят значительные изменения во всех сферах деятельности: налоговые, законодательные, экономические и так далее. Нововведения также не обошли сферу бухгалтерского учёта и аудита. По сравнению с прошедшим 2025 годом, трансформации в сфере бухгалтерского учёта поменяли правила его ведения в этом году, вплоть до того, что были добавлены новые строки в балансе и пересмотрены старые формы. Данные изменения существенно скажутся на работе специалистов в области бухгалтерского учета и аудита. Работа бухгалтера после внедрения ФСБУ 4 становится более трудозатратной, так как требует дополнительной аналитики, а для аудитора работа становится более рискованной, так как увеличивается доля субъективных оценок, требующих подтверждения либо опровержения.

Основная часть. Рассмотрим основные нововведения, касающиеся ведения бухгалтерского учета в 2026 году. Важным изменением является вступление в силу ФСБУ 4/2023, согласно которого составление бухгалтерской отчетности необходимо будет использовать данный стандарт [1].

Ключевым нововведением данного стандарта является изменение статуса форм бухгалтерской отчетности: утвержденные формы теперь носят рекомендательный характер, а обязательным остается соблюдение требований к составу, структуре и содержанию показателей.

Существенные изменения произошли в классификации активов: дано уточненное определение оборотных активов. Согласно ФСБУ, актив признается оборотным если он предназначен для использования или продажи в течении обычного операционного цикла, или периода, не превышающего 12 месяцев. Данное изменение вступило в силу и применяется при формировании отчетности за 2025 год [2]. Изменения произошли и в структуре бухгалтерского баланса.

Таблица 1. Состав строк баланса, измененных в связи с вступлением в силу Приказа № 157н

Название строк баланса (отличия)		
Код строки	По приказу № 157н	По приказу №66н
1105	Гудвил	нет
1120	нет	Результаты исследований и разработок
1160	Инвестиционная недвижимость	Доходные вложения в материальные ценности
1310	Уставный капитал / Паевый фонд	Уставный капитал (складочный капитал, уставный фонд, вклады товарищей)
1320	Собственные акции, принадлежащие обществу, задолженность акционеров по оплате акций / Целевой капитал (в НКО)	Собственные акции, выкупленные у акционеров
1340	Накопленная дооценка внеоборотных активов	Переоценка внеоборотных активов

1350	Добавочный капитал (без накопленной дооценки)	Добавочный капитал (без переоценки)
1360	Резервный капитал / Фонд недвижимого и особо ценного движимого имущества (в НКО)	Резервный капитал
1370	Нераспределенная прибыль (непокрытый убыток) / Резервный и иные целевые фонды (в НКО)	Нераспределенная прибыль (непокрытый убыток)
1430	Долгосрочные оценочные обязательства	Оценочные обязательства
1540	Краткосрочные оценочные обязательства	Оценочные обязательства

Во-первых, стоит обратить внимание на новые строки баланса, которые существенно скорректируют аналитический учёт. Добавление строк баланса «Долгосрочные активы к продаже» и «Инвестиционная недвижимость» – это обоснованное и взвешенное новшество, направленное на сближение Российского бухгалтерского учёта с Международными стандартами финансовой отчётности (МСФО). Прежде всего, влияние будет распространятся на пересмотр классификации активов. «Выделение инвестиционной недвижимости из состава основных средств» [3] (ОС) разделит эти объекты, давая возможность более качественного методологического анализа и аудита. Также будет эффективнее выделять те объекты, которые использовались для нужд организаций и получения дохода от аренды и прироста стоимости. Что же касается выделения долгосрочных активов к продаже, то они будут иметь большую рентабельность для организаций, чем ранее, так как они перестанут амортизироваться и будут должны отражаться по справедливой стоимости, что позволит причислять их к особой категории товара, а не средства производства. Это обоснованно, так как они не предназначались для использования организацией.

Появление новых строк меняет процедуру аудита. Для аудиторов новые строки указывают на появление новых рискованных зон, требующих повышенной внимательности. Вопросами, которые приобретут актуальность станут: обоснованная классификация активов, корректность их определения, а также определение их справедливой стоимости и точность раскрытия информации в пояснениях к отчётности. Происходит смещение от формальной проверки первичной документации к выделению «стратегических и оптимальных управленческих решений» [4] в области менеджмента. Из-за этого, возрастут требования к профессиональным навыкам и знаниям аудитора, а следовательно, усложнится процесс проверки. Положительным эффектом этой тенденции станет повышение квалификации и достоверности аудиторских услуг.

Кроме появления новых строк в балансе, можно выделить одно нововведение – исключение статьи «Доходы будущих периодов» из пассива баланса. Эта мера также является, как и «добавление строк в балансе, гармонизацией с МСФО» [5]. Полученные авансы и целевые средства теперь будут отражаться в составе кредиторской задолженности или в виде отдельных обязательств. Это сделает структуру пассива более прозрачной и реалистичной, с точки зрения экономического содержания этих операций. Не исключено и то, что это упростит в некоторой степени анализ финансового положения и устойчивости организации.

Наконец, существенные корректировки затронут порядок формирования оценочных обязательств и порядок оформления оценочных значений, в особенности резервов по сомнительным долгам. Ужесточение правил потребует от организации более кропотливого и тщательного документально подтверждённого анализа «каждой сомнительной задолженности» [6]. Это необходимо для должного обоснования вероятности их погашения. Изменение напрямую будет влиять на финансовый результат текущего периода и повысит достоверность статей с дебиторской задолженностью. В совокупности с новыми требованиями детализации по строкам баланса и раскрытию информации об активах и обязательствах, отчётность становится более объективной и информативной. Для всех заинтересованных пользователей – инвесторов, кредиторов, контролирующих органов и руководителей отчётность станет более достоверной.

Изменения введенные с внедрением ФСБУ требуют от коммерческих организаций пересмотра учетной политики, «раскрывающей состав информации и формат пояснений» [7] к бухгалтерскому балансу и отчету о финансовых результатах.

Рассмотренные изменения являются одними из важнейших, но не стоит забывать и о других трансформациях в стандартах бухгалтерского учёта. Целесообразно принять во внимание

преобразования в ФСБУ 9/2025 «Доходы» и ФСБУ 28/2023 «Инвентаризация», чтобы проанализировать комплексную картину реформ в отечественной системе бухгалтерского учёта.

Стандарт «Доходы» станет обязательным только в 2027 году, но организации уже имеют право применять его с 2026 года. Он заменит собой ПБУ 9/99 и ПБУ 2/2008, а следовательно, будет модифицирован порядок признания выручки. Рассмотрим особенности ФСБУ 9/2025 «Доходы» на рисунке:

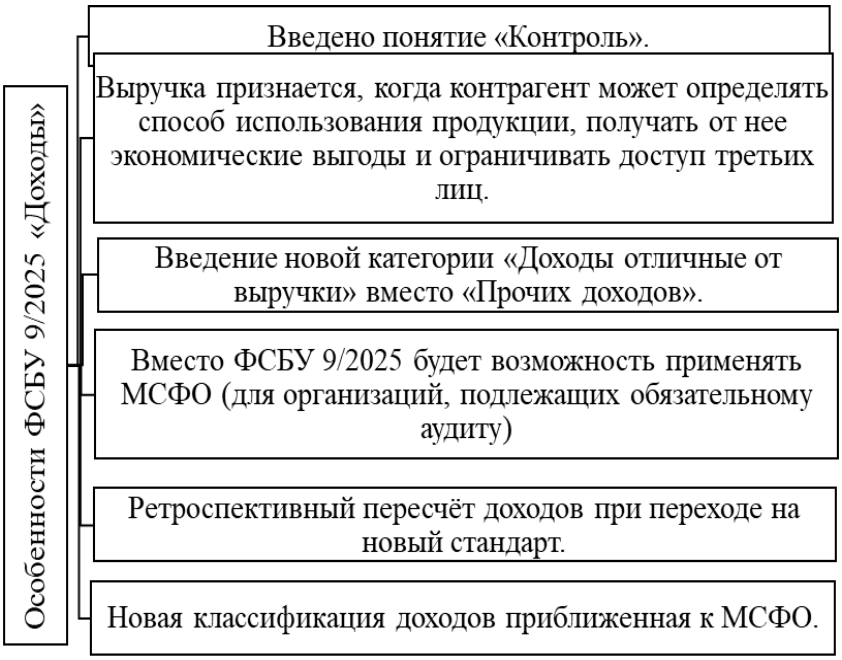

Рисунок. Особенности ФСБУ 9/2025 «Доходы»

С одной стороны, некоторые особенности данного ФСБУ выглядят формальными, однако они имеют под собой довольно важные изменения.

Принципиально новым подходом является признание выручки в момент перехода контроля над товаром, а не права собственности. Контроль в этой ситуации означает, что покупатель определяет способ пользования этой продукцией. Такой приём имеет под собой логическое обоснование, так как коррелируется с МСФО 15 и позволяет более точно отразить экономическую операцию и её сущность, особенно в тех случаях, когда право собственности формально ещё не перешло, а покупатель уже фактически распоряжается товаром. К примеру, подписки или лицензии, не включающие в себя передачу права собственности товара или продукции, но предполагающие его использование. Также ФСБУ 9/2025 упростит и уточнит учёт налогового бремени для организаций.

Что же касается новой классификации доходов – это не просто переименование, а более глубокое новшество. Вместо простого деления на доходы от обычных и прочих видов деятельности, они разделятся на те, которые включаются в чистую выручку и те, что в неё не входят. Доходы, которые включаются в чистую прибыль, в свою очередь, делятся на выручку и доходы, которые были получены компанией не от основного вида деятельности. Всё это необходимо для установления специальных правил и норм для оценки данных доходов.

Ещё не менее важным изменением является ретроспективный пересчёт доходов при переходе на ФСБУ 9/2025 «Доходы». Имеется в виду, что этот стандарт станет использоваться для всех документов так, как если бы он действовал всегда. Необходимо будет пересчитать данные за предыдущие периоды, чтобы обеспечить сопоставимость данных отчётов. Однако по ФСБУ 9/2025 предусмотрен упрощённый порядок перехода: корректировка входящих остатков на начало периода применения стандарта и только по неисполненным договорам. Для тех субъектов, которые работают с упрощённой системой бухгалтерского учёта предусмотрена возможность применять новые правила к будущим договорам. Выбранный метод перехода для всех организаций будет фиксироваться в учётной политике.

Также с 2026 года усилятся требования к срокам регистрации первичных документов. Правило о составлении первичного документа в момент совершения хозяйственной операции или сразу после её окончания не новое правило, но теперь контроль за ним со стороны контролирующих органов ужесточится. Бухгалтеры будут обязаны делать регистрацию первичных документов не позднее следующего рабочего дня после их подписания и фактического поступления в организацию. Также, для определённых документов таких, как будут кассовые документы, товарные накладные и т.д. действовать ещё более строгие правила, учитывающие временные рамки совершения операций.

Для документов, которые оформлены с нарушением установленных сроков, предусмотрены особые правила принятия к учёту. Он могут быть признаны налоговым органами, но с определёнными вычетами. Также, органы могут отказать в приёме документов, тогда будут доначислены пени, налоги и штрафы. Систематическое нарушение правил учёта доходов и расходов влечёт за собой сиротствующую ответственность, предусмотренную статьёй 20 Налогового кодекса Российской Федерации (НК РФ).

ФСБУ 28/2023 «Инвентаризация» вступил в силу 1 апреля 2025 года, но его влияние на 2026 год остаётся довольно значимым. Этот стандарт включает в себя новые обязательные единые подходы к проведению инвентаризации активов и обязательств на законодательном уровне. Ранее она регулировалась согласно методическим указаниям, что было крайне несистематично. Благодаря стандарту вся имеющиеся методология была сгруппированная и упорядочена.

Кроме ФСБУ 9/2025 «Доходы» и ФСБУ 28/2023 «Инвентаризация» существуют ещё стандарты, которые не вступили в силу, но активно разрабатываются и скорее всего будут приняты в ближайшем будущем. К ним относятся «Финансовые инструменты», «Расходы», «Некоммерческая деятельность» и «Долговые затраты».

Кратко рассмотрим вышеозначенные стандарты, так как они тоже в планах 2027-2030 годов, реформирования системы бухгалтерского учёта и аудита:

1. ФСБУ «Расходы» планируется к применению предположительно, с 2027 года. Скорее всего его положения разделят расходы так же, как и ФСБУ «Доходы», на те, которые будут включены в чистую прибыль и те, что не будут включены в неё. Согласно наработкам проекта, внутри первой категории будут обычные расходы и расходы, отличные от расходов по обычным видам деятельности.
2. ФСБУ «Некоммерческая деятельность» и ФСБУ «Долговые затраты» планируются к введению с 2028 года. Они находятся на стадии рассмотрения в Министерстве финансов Российской Федерации и, как следует ожидать, заменят соответствующие ПБУ.
3. ФСБУ «Финансовые инструменты» из-за сложности и объёмов данного проектного стандарта будет введён только в 2029 году или позже, так как он затронет широкий спектр регулирования учёта активов и обязательств.

Помимо вышеперечисленных изменений в стандартах бухгалтерского учёта, произошло изменение в сфере налогообложения, что несомненно отразится на многих сферах профессиональной деятельности. Основное изменение – это появление отчётных кодов с 2026 года. Введение кодов позволит контролирующим органам видеть все виды деятельности организаций, что повысить уровень актуальности информации в госреестрах.

Реформирование системы бухгалтерского учета в 2026 году стало переломным моментом в учетной сфере. Изменился принцип представления финансовой информации, приблизив российские стандарты к МСФО, одновременно ужесточились и требования к прозрачности бухгалтерской отчетности. Важным направлением реформирования является расширение функционала ГИРБО. А именно, информация в ГИРБО накапливается не только о годовой, но и промежуточной отчетности. Таким образом, с 2026 года учет перестает быть только процессом регистрации фактов хозяйственной деятельности, а становится инструментом управления активами и рисками.

Изменение в порядке признания выручки и классификации доходов по ФСБУ 9/2025 «Доходы» «поменяет подходы к признанию выручки, ориентируясь на момент перехода контроля, а не формальный переход права собственности» [8]. Категория «Доходы, отличные от выручки» потребуют от бухгалтеров дополнительного внимания к поступлениям, получаемых организацией. Их классификация будет завесить от вида деятельности Обществ и предприятий. ФСБУ 28/2023 оказал значительное влияние на систематизацию методов проведения инвентаризации.

При этом, с методологическими изменениями ужесточаются требования к документообороту. Сокращение сроков регистрации документации повышает оперативность учёта, но одновременно с этим повысят требования и к компетенции бухгалтеров. Нарушение установленных

сроков повлечёт за собой соответствующие налоговые риски: пени, штрафы и доначисление налогов, а также ответственность, предусмотренную статьёй 120 НК РФ.

Для аудиторской деятельности преобразования создадут качественный сдвиг в подходах к проверке. Аудит будет включать в себя больше профессиональных сведений и оценок, поострённых на достоверной информации. Это повысит требования к профессиональным аудиторам и увеличит их значимость.

Также важно иметь ввиду, что в будущем будут введены новые ФСБУ, которые заменят собой существующие ПБУ и увеличат эффективность ведения отчётности, однако они ещё находятся на стадии рассмотрения.

Список литературы:

[1] Ситникова, В. А. ФСБУ 4/2023: существенная информация в бухгалтерской (финансовой) отчетности / В. А. Ситникова, С. А. Ситникова // Аудитор. – 2025. – Т. 11, № 4. – С. 21-27. – DOI 10.12737/1998-0701-2025-11-4-21-27. – EDN OPHQNZ.

[2] Приказ Минфина России от 07.11.2025 № 159н «О внесении изменений в Федеральный стандарт бухгалтерского учета ФСБУ 4/2023 «Бухгалтерская (финансовая) отчетность», утвержденный приказом Министерства финансов Российской Федерации от 4 октября 2023 г. № 157н»

[3] Павлюченко, Т. Н. Бухгалтерский учет инвестиционной недвижимости / Т. Н. Павлюченко // Информационное обеспечение и моделирование социально-экономических процессов: МАТЕРИАЛЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ, Воронеж, 19–21 мая 2025 года. – Воронеж: Воронежский государственный аграрный университет им. Императора Петра I, 2025. – С. 143-148. – EDN XWFNRK.

[4] Баянова, О. В. К вопросу о технологии выработки стратегических управленческих решений / О. В. Баянова // Modern Economy Success. – 2025. – № 3. – С. 84-90. – EDN XZEUMT.

[5] Антошина, О. А. Пояснения к годовой бухгалтерской (финансовой) отчетности / О. А. Антошина // Налоговая политика и практика. – 2025. – № 3(267). – С. 55-59. – EDN IQCWMW.

[6] Попов, А. Ю. Особенности оценки и учета запасов, приобретаемых с отсрочкой платежа / А. Ю. Попов, А. С. Рыбакина, В. В. Колчина // Финансовый менеджмент. – 2025. – № 2. – С. 257-266. – EDN SCYIQB

[7] Формирование бухгалтерской финансовой отчетности хозяйствующего субъекта: исправление ошибок / Н. В. Шарапова, В. М. Шарапова, О. И. Дудина и др.] // Экономика и управление: проблемы, решения. – 2025. – Т. 14, № 4(157). – С. 220-227. – DOI 10.36871/ek.up.p.r.2025.04.14.023. – EDN KPPBHH.

[8] Марданова, А. И. Налоговая реформа 2025 года: налог на прибыль организаций и УСН / А. И. Марданова, Э. Б. Алиева // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 3: Общественные науки. – 2025. – Т. 40, № 2. – С. 125-129. – DOI 10.21779/2500-1930-2025-40-2-125-129. – EDN ZYOBKY.

References:

[1] Sitnikova, V. A. FSBU 4/2023: material information in accounting (financial) statements / V. A. Sitnikova, S. A. Sitnikova // Auditor. - 2025. - Vol. 11, No. 4. - Pp. 21-27. - DOI 10.12737/1998-0701-2025-11-4-21-27. - EDN OPHQNZ.

[2] Order of the Ministry of Finance of the Russian Federation dated November 7, 2025 No. 159n “On Amendments to the Federal Accounting Standard FSBU 4/2023 “Accounting (Financial) Reporting”, approved by the Order of the Ministry of Finance of the Russian Federation dated October 4, 2023 No. 157n”

[3] Pavlyuchenko, T. N. Accounting of Investment Real Estate / T. N. Pavlyuchenko // Information Support and Modeling of Socio-Economic Processes: PROCEEDINGS OF THE NATIONAL SCIENTIFIC AND PRACTICAL CONFERENCE, Voronezh, May 19–21, 2025. – Voronezh: Voronezh State Agrarian University named after Emperor Peter I, 2025. – pp. 143–148. – EDN XWFNRK.

[4] Bayanova, O. V. On the Technology of Developing Strategic Management Decisions / O. V. Bayanova // Modern Economy Success. - 2025. - No. 3. - Pp. 84-90. - EDN XZEUMT.

[5] Antoshina, O. A. Explanations to the annual accounting (financial) statements / O. A. Antoshina // Tax Policy and Practice. - 2025. - No. 3 (267). - Pp. 55-59. - EDN IQCWMW.

[6] Popov, A. Yu. Features of evaluation and accounting of inventories acquired with deferred payment / A. Yu. Popov, A. S. Rybakina, V. V. Kolchina // Financial Management. - 2025. - No. 2. - Pp. 257-266. – EDN SCYIQB

[7] Formation of accounting financial statements of a business entity: correction of errors / N. V. Sharapova, V. M. Sharapova, O. I. Dudina, et al.] // Economy and Management: Problems, Solutions. – 2025. – Vol. 14, No. 4(157). – Pp. 220-227. – DOI 10.36871/ek.up.p.r.2025.04.14.023. – EDN KPPBHH.

[8] Mardanova, A. I. Tax reform of 2025: corporate income tax and simplified tax system / A. I. Mardanova, E. B. Aliyeva // Bulletin of Dagestan State University. Series 3: Social Sciences. – 2025. – Vol. 40, No. 2. – Pp. 125-129. – DOI 10.21779/2500-1930-2025-40-2-125-129. – EDN ZYOBKY.

Дата поступления рукописи в редакцию: 04.04.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-4-125-129
Дата принятия рукописи в печать: 03.05.2026 г.

ТУЛАЕВА Ольга Николаевна,
кандидат медицинских наук, доцент,
доцент кафедры гистологии и эмбриологии
Самарский государственный медицинский университет,
e-mail: tulaevaxenia@yandex.ru

ТУЛАЕВА Ксения Вадимовна,
магистр,
Самарский государственный экономический университет,
e-mail: tulaevaxenia@yandex.ru

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ САНАТОРНО-КУРОРТНОГО ЛЕЧЕНИЯ В СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ПОМОЩИ

Аннотация. *В статье анализируются проблемные юридические аспекты бесплатного предоставления гражданам путевок на санаторно-курортное лечение. На основе материалов судебной практики показано использование Социальным Фондом России (далее - СФР) дополнительных, непоименованных в Федеральном законе «О государственной социальной помощи» от 17.07.1999 № 178-ФЗ (далее - ФЗ № 178) процедур, существенно препятствующих получению населением указанного вида социальной помощи, что идет «вразрез» с принципом всеобщности социального обеспечения.*

Ключевые слова: *социальная помощь, социальные услуги, санаторно-курортное лечение, гарантии социального обеспечения, социальное государство.*

TULAEVA Olga Nikolaevna,
MD, PhD, Associate Professor Associate Professor,
Department of Histology and Embryology
Samara State Medical University

TULAEVA Ksenia Vadimovna,
Master's Degree,
Samara State University of Economics

LEGAL BASIS FOR SANATORIUM-RESORT TREATMENT IN THE STATE SOCIAL ASSISTANCE SYSTEM

Annotation. *This article analyzes the problematic legal aspects of providing citizens with free vouchers for spa treatment. Based on case law, it demonstrates the use by the Social Fund of Russia (hereinafter referred to as SFR) of additional procedures not specified in Federal Law No. 178-FZ «On State Social Assistance» of July 17, 1999 (hereinafter referred to as Federal Law No. 178). These procedures significantly hinder the population's access to this type of social assistance, thereby running counter to the principle of universal social security.*

Key words: *social assistance, social services, spa treatment, social security guarantees, welfare state.*

В соответствии со ст. 7 Конституции, Российская Федерация является социальным государством. Как справедливо замечает Рудченко Т.И. «...такому типу государства присущи специальные функции, поскольку только социально ориентированное государство является «государством человека» [13, с.37]. Реализация концепции социального государства, осуществляется в разнообразных формах, в т.ч. с помощью разработанной и действующей системы социальной защиты населения [3, с.95].

Составной частью обозначенной системы, выступает социальная помощь, представленная набором определенных социальных услуг, оказываемых гражданам [5, с. 74]. К таковым относятся: бесплатное предоставление лекарственных средств (лечебного питания), путевок на санаторно-курортное лечение, проезда на транс-

порте к месту лечения и обратно. Однако как справедливо указывается в научной литературе, осуществление «... прав граждан на социальную помощь сопровождается рядом проблемных аспектов…» [4, с.40]. В связи с чем, в рамках настоящей статьи, предлагаем сосредоточиться на основных сложностях предоставления и использования бесплатных путевок на санаторно-курортное лечение, как наименее изученной, в доктрине, формы социального обеспечения.

В соответствии с ФЗ № 178, бесплатное предоставление путевки на санаторно-курортное лечение, осуществляется в целях профилактики (выделено нами, - К.Т., О.Т.) наступления основных заболеваний. Таким образом, назначение санаторно-курортного лечения, выступает способом предупреждения развития тех или иных болезней у конкретного лица, что полностью корелирует с общими принципами охраны здоровья в России. Перечень заболеваний, при которых оно подлежит назначению, закреплен полноценным Приказом Министерства Здравоохранения России [8], к которым, например, отнесены: туберкулез, некоторые болезни органов дыхания, отдельные болезни кожи, нервной системы и проч.

При этом, как указывают исследователи, особо благоприятные результаты, дает санаторно-курортное лечение больных туберкулезом. Так, Гришин М.Н., Аухадиев А.А., Корчагина Е.О., Зайцев Ю.А. описывают, что вследствие санаторно-курортного лечения, наблюдалось улучшение самочувствия пациентов, посредством уменьшения или исчезновения одышки и кашля [2]. Не менее положительно оценивается учеными и влияние санаторно-курортного лечения на детей, больных туберкулезом или подверженными риску заражения им. На этот счет, Русских О.Е., Сысоев П.Г., Наговицина Д.А. пишут, что пребывание таких детей в санатории, позволяет провести в отношении них «...химиопрофилактику и оздоравливающие мероприятия с применением природных «...» факторов, лечение …», а также изолировать ребенка от иного больного туберкулезом, проживающего с ним в одной семье…» [14, с.84].

Несмотря на столь высокую оценку значимости санаторно-курортного лечения граждан научным медицинским сообществом, далеко не каждому человеку, к сожалению, удается воспользоваться анализируемым видом социальной помощи.

Так, гражданин обратился к ОСФР по Красноярскому краю с требованиями о предоставлении ему путевки на санаторно-курортное лечение [9]. Гражданином указывалось, что у него диагностировано заболевание, обуславливающие возникновение права на получение такой путевки. Однако ОСФР отказал в ее предоставлении, в виду того, что очередность ее получения, гражданином, не наступила. Рассмотрев дело, суд поддержал ОСФР, отметив, - «...действующее законодательство не предусматривает обязанности ОСФР «...» ежегодно предоставлять путевки гражданину, обратившемуся с такими заявлениями, поскольку такая возможность не зависит исключительно от действий Фонда, а обусловлена объемом финансирования «...» ответчик (ОФСР, - выделено нами, К.Т., О.Т.) не связан сроками обеспечения путевками…». К аналогичным, по схожим фактическим обстоятельствам дела, выводам, приходят и иные суды [10].

Таким образом, суды полагают, что СФР должен исходить из собственной финансовой возможности приобретения путевок на санаторно-курортное лечение, в связи с чем, конкретный срок их предоставления заинтересованным лицам, не может быть априори определен, и лишь косвенно, детерминируется порядковым номером человека в общей очереди на получение рассматриваемого вида социальной помощи.

Но на наш взгляд, обозначенная судебная позиция, мягко говоря, не основана на содержании ФЗ № 178.

Во-первых, согласно ст. 6.3. ФЗ № 178, период предоставления гражданам социальных услуг предельно четко регламентирован, и составляет один календарный год. Данное правило универсально. Поэтому, исходя из буквального толкования указанной выше правовой нормы, выдача гражданину путевки, должно быть осуществлено СФР в течении одного календарного года, с момента подачи им соответствующего заявления и представления необходимых документов.

Во-вторых, финансовое обеспечение приобретения путевок на санаторно-курортное лечение, осуществляется за счет средств федерального бюджета, посредством непосредственного направления в СФР межбюджетных трансфертов. Последние годы, характеризуются относительным ростом финансирования социальной политики, проводимой в России. В 2024 году, расходы в данной области составили 9 033,8 млрд. руб., в 2025 - 6 923,3 млрд.руб., в 2026 году - 7 103,6 млрд.руб., а в 2028 году запланировано их повышение до 7,3 трл.руб. [1]. Но при таких обстоятельствах, возникает вопрос: в силу каких причин, в условиях увеличения количественного выражения бюджетных расходов на социальную сферу, наблюдается недостаточность денежных средств, для приобретения путевок на санаторно-курортное лечение? В настоящей работе мы не будем подробно останавливаться на данном

вопросе, так как ответ на него лежит ни в плоскости права социального обеспечения, а в плоскости национальной экономики.

Следует лишь сказать, что отсутствие или недостаточность денежных средств, не позволяющих СФР обеспечить всех нуждающихся санаторно-курортным лечением, не должно, в итоге, являться проблемой населения, как и основанием неисполнением СФР публичных нормативных обязательств. В противном случае, мы не можем говорить о соблюдении основополагающих конституционных прав граждан - права на охрану здоровья, медицинскую помощь (ст.41 Конституции) и особенно, самого права на социальное обеспечение (ст.39 Конституции). Ведь социальное обеспечение, при наступлении конкретного страхового случая, есть конституционная гарантия, т.е. отдельное обязательство государства, от практики реализации которого, во многом, зависит уровень доверия граждан к нему, и «настроение общества», в целом.

В-третьих, ФЗ № 178, в принципе, не содержит ни одной правовой нормы, которая бы регламентировала установление очередности граждан на получение рассматриваемого вида социальной помощи! Поэтому, судебные мнения, относительно легальности осуществления, указанной процедуры СФР, просто не соответствуют положениям действующего законодательства. Но почему же суды повально приходят к подобным заключениям? В 2014 году, Конституционный суд Российской Федерации (далее - КС РФ) указал, - «...не исключается установление очередности обеспечения граждан путевками на санаторно-курортное лечение, что «...» согласуется с конституционными принципами справедливости и равенства…» [7]. В связи с чем, решения судов о правомерности установления очередности на получение путевок на санаторно-курортное лечение, полностью детерминированы правовой позицией КС РФ, а не конкретными положениями ФЗ № 178, т.е. наблюдается факт судебного правотворчества и его «переход» в правоприменительную плоскость. И это, обуславливает определенное противоречие между непосредственным содержанием ФЗ № 178 и принципом обеспечения законности в праве социального обеспечения, влекущее ограничение прав граждан на получение рассматриваемого вида социальной помощи.

За 9 месяцев 2025 года, за путевками на санаторно-курортное лечение, в СФР, обратились 179,17 тыс. человек [6]. При этом, как следует из материалов судебной практики, порой, СФР может обеспечить лишь одного нуждающегося, из общего количества получателей социальной услуги, данной путевкой, в год [11]. В таком случае, в чем смысл предусмотрения очередности получения путевки на санаторно-курортное лечение, если фактически, из-за нее, уничтожается предназначение анализируемой социальной услуги, в виде профилактики (выделено нами, - К.Т., О.Т.) возникновения того или иного заболевания? Пока до получателя дойдет очередь предоставления путевки, необходимость в профилактике заболевания отпадет, и уже, возникнет необходимость в полноценном, комплексном лечении, по причине усугубления состояния здоровья нуждающегося, в виду длительного ожидания получения социальной услуги.

Поэтому все чаще, заинтересованные лица приобретают путевки на санаторно-курортное лечение за счет собственных денежных средств, и в дальнейшем, предпринимают попытку взыскания произведенных расходов с СФР. Но судебная практика показывает, что подобные требования остаются без удовлетворения, так как «... законодательством возможность компенсации стоимости самостоятельно приобретенной путевки и проездных билетов к месту лечения не предусмотрена» [12].

Фактически, СФР не обеспечивает, должным образом, ни право каждого на социальное обеспечение, ни право на охрану здоровья, а также, не компенсирует никакие затраты гражданам, связанные с приобретением санаторно-курортного лечения, вследствие использования «квази-правового» бюрократического механизма очередности предоставления анализируемой социальной услуги.

Мы отмечали, что финансовое положение СФР, не позволяющее ему своевременно выдать путевки на санаторно-курортное лечение нуждающимся гражданам, не должно являться проблемой последних, так как иное, противоречит принципу всеобщности социального обеспечения. Поэтому считаем, что если СФР не предоставил, при наличии медицинских показаний, гражданину путевку на санаторно-курортное лечение (в т.ч. из-за недостатка финансирования), и последний приобрел ее самостоятельно, то такой гражданин, должен обладать правом на компенсацию произведенных затрат в полном объеме. Это достаточно справедливый подход, учитывая, что в призме отечественного конституционализма, социальное обеспечение гарантируется абсолютно каждому, без каких-либо дополнительных условий или обстоятельств, так как соблюдение прав человека - есть прямая обязанность государства (ст.2 Конституции).

В связи с чем, полагаем необходимым дополнить ст. 6.2. Федерального закона «О государственной социальной помощи» от 17.07.1999 № 178-ФЗ частью 4 следующего содержания:

«В случае, если социальная услуга, предусмотренная пунктом 1.1. частью 1 настоящей статьи не была предоставлена гражданину в сроки, указанные частью 2 статьи 6.3. настоящего Закона, и приобретена им за счет собственных средств, гражданин имеет право требовать возмещения произведенных расходов в полном объеме».

Список литературы:

[1] Бюджет для граждан. - [Электронный ресурс]. - URL: https://minfin.gov.ru/ru/perfomance/budget/process/utverzhdenie/budget_citizen/ (дата обращения: 03.02.2026).

[2] Гришин М.Н., Аухадиев Н.Н., Корчагина Е.О., Зайцев Ю.А. Значение санаторного этапа лечения в реабилитации больных туберкулезом / М. Н. Гришин, Н. Н. Аухадиев, Е. О. Корчагина, Ю. А. Зайцев // Вестник физиотерапии и курортологии. 2018. Т. 24, № 3. С. 178-178а.

[3] Лушникова М. В. Функции права социального обеспечения / М. В. Лушникова // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2009. № 3 (20). С. 95-99.

[4] Мишина О. А., Гринина Ю.А. Проблемы реализации права граждан на государственную социальную помощь и направления совершенствования законодательства в сфере социального обеспечения / О. А. Мишина, Ю. А. Гринина // Научный вестник Гуманитарно-социального института. 2025. № 21. С. 35 - 40.

[5] Николаенко И. Н. Российское социально-правовое государство: функции, правовой механизм их реализации, соотношение социального и правового принципов / И.Н. Николаенко // Ученые записки Российского государственного социального университета. 2006. № 1 (49). С. 73 - 79.

[6] Оперативный доклад об исполнении бюджета Фонда пенсионного и социального страхования Российской Федерации за январь – сентябрь 2025 года. - [Электронный ресурс]. - URL: https://ach.gov.ru/audit/oper-funds-2025_III?blind_mode=on. (дата обращения: 03.02.2026).

[7] Определение Конституционного Суда РФ от 03.04.2014 № 686-О. - [Электронный ресурс]. - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_162039/ (дата обращения: 03.02.2026).

[8] Приказ Минздрава России от 28.09.2020 № 1029н (ред. от 26.04.2023) «Об утверждении перечней медицинских показаний и противопоказаний для санаторно-курортного лечения» (Зарегистрировано в Минюсте России 27.10.2020 № 60589). - [Электронный ресурс]. - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_366173/ (дата обращения: 03.02.2026).

[9] Решение Центрального районного суда г. Красноярск от 23 июня 2025 г. по делу № 2-3215/2025. - [Электронный ресурс]. - URL: // sudact.ru/regular/doc/211uE3XX3cJ8/ (дата обращения: 03.02.2026).

[10] Решение Ленинского районного суда г. Киров от 16 февраля 2025 г. по делу № 2-1085/2025. - [Электронный ресурс]. - URL: //sudact.ru/regular/doc/TZAJoVmcv41p/ (дата обращения: 03.02.2026).

[11] Решение Центрального районного суда г. Сочи от 25 февраля 2025 г. по делу № 2-1520/2025. - [Электронный ресурс]. - URL: // sudact.ru/regular/doc/PPWBXzJv93UX/ (дата обращения: 03.02.2026).

[12] Решение Ленинского районного суда г. Нижний Новгород от 22 июня 2025 г. по делу № 2-2904/2025. - [Электронный ресурс]. - URL: // sudact.ru/regular/doc/C24pxFayjaz/ (дата обращения: 03.02.2026).

[13] Рудченко Т. И. Место социальной политики в условиях функционирования социально ориентированного государства / Т. И. Рудченко // Сборник научных работ серии «Государственное управление». 2019. № 1 (13). С. 34-41.

[14] Русских О. Е., Сысоев П.Г., Наговицина Д.А. Организация санаторно-курортного лечения детей, больных туберкулезом, в Удмуртской республике / О. Е. Русских, П. Г. Сысоев, Д. А. Наговицина // Курортная медицина. 2017. № 1. С. 83-85.

References:

[1] Budget for citizens. - [Electronic resource]. - URL: https://minfin.gov.ru/ru/perfomance/budget/process/utverzhdenie/budget_citizen/ (date of access: 03.02.2026).

[2] Grishin M.N., Aukhadiev N.N., Korchagina E.O., Zaitsev Yu.A. The Importance of the Sanatorium Stage of Treatment in the Rehabilitation of Tuberculosis Patients / M.N. Grishin, N.N. Aukhadiev, E.O. Korchagina, Yu.A. Zaitsev // Bulletin of Physiotherapy and Balneology. 2018. Vol. 24, No. 3. Pp. 178-178a.

[3] Lushnikova M.V. Functions of Social Security Law / M.V. Lushnikova // Bulletin of Omsk University. Series: Law. 2009. No. 3 (20). P. 95-99.

[4] Mishina O. A., Grinina Yu. A. Problems of Realizing the Right of Citizens to State Social Assistance and Directions for Improving Legislation in the Sphere of Social Security / O. A. Mishina, Yu. A. Grinina // Scientific Bulletin of the Humanitarian and Social Institute. 2025. No. 21. Pp. 35-40.

[5] Nikolaenko I. N. Russian Social-Legal State: Functions, Legal Mechanism for Their Implementation, the Relationship between Social and Legal Principles / I. N. Nikolaenko // Scientific Notes of the Russian State Social University. 2006. No. 1 (49). Pp. 73-79.

[6] Operational Report on the Budget Execution of the Pension and Social Insurance Fund of the

Russian Federation for January-September 2025. - [Electronic resource]. - URL: https://ach.gov.ru/audit/oper-funds-2025_III?blind_mode=on. (Accessed: 03.02.2026).

[7] Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation of 03.04.2014 No. 686-O. - [Electronic resource]. - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_162039/ (Accessed: 03.02.2026).

[8] Order of the Ministry of Health of the Russian Federation dated September 28, 2020 No. 1029n (as amended on April 26, 2023) «On Approval of the Lists of Medical Indications and Contraindications for Spa Treatment» (Registered in the Ministry of Justice of Russia on October 27, 2020 No. 60589). - [Electronic resource]. - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_366173/ (date of access: February 3, 2026).

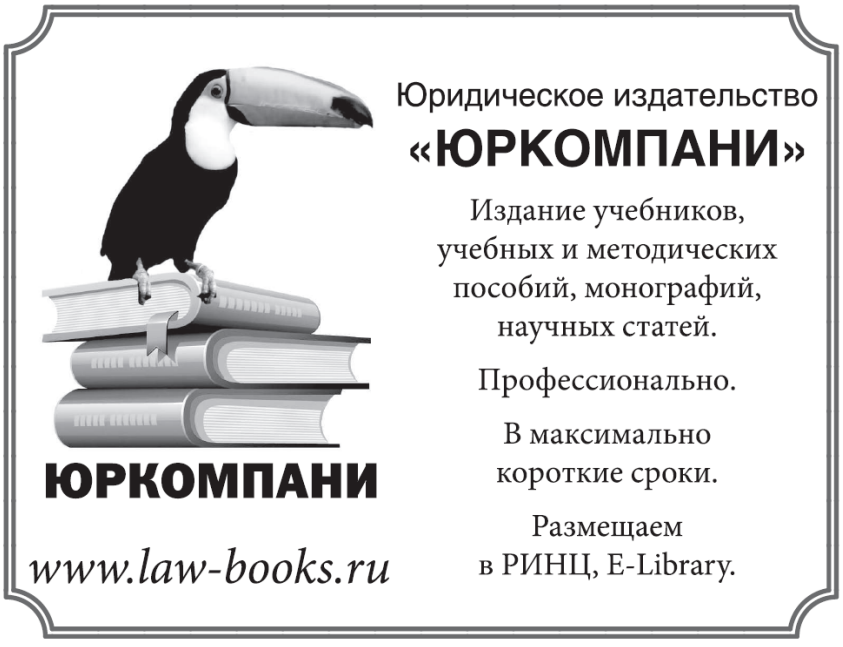
[9] Decision of the Central District Court of Krasnoyarsk dated June 23, 2025 in case No. 2-3215/2025. - [Electronic resource]. - URL: //sudact.ru/regular/doc/211uE3XX3cJ8/ (date of access: 03.02.2026).

[10] Decision of the Leninsky District Court of Kirov dated February 16, 2025 in case No. 2-1085/2025. - [Electronic resource]. - URL: //sudact.ru/regular/doc/TZAJoVmcv41p/ (date of access: 03.02.2026).

[11] Decision of the Central District Court of Sochi dated February 25, 2025 in case No. 2-1520/2025. - [Electronic resource]. - URL: //sudact.ru/regular/doc/PPWBXzJv93UX/ (date of access: 03.02.2026). [12] Decision of the Leninsky District Court of Nizhny Novgorod dated June 22, 2025, in case No. 2-2904/2025. - [Electronic resource]. - URL: //sudact.ru/regular/doc/C24pxFayjaz/ (date of access: 03.02.2026).

[13] Rudchenko T. I. The Place of Social Policy in the Context of the Functioning of a Socially Oriented State / T. I. Rudchenko // Collection of scientific papers in the series «Public Administration». 2019. No. 1 (13). P. 34-41.

[14] Russkikh O. E., Sysoev P. G., Nagovitsina D. A. Organization of spa treatment for children with tuberculosis in the Udmurt Republic / O. E. Russkikh, P. G. Sysoev, D. A. Nagovitsyna // Spa medicine. 2017. No. 1. P. 83-85.

Дата поступления рукописи в редакцию: 26.03.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.05.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3830-2026-4-130-137

ОПАРИН Дмитрий Евгеньевич,
старший преподаватель кафедры безопасности в ЧС,
Уральский институт ГПС МЧС России, г. Екатеринбург,
e-mail: mail@law-books.ru

ВОПРОСЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В РАМКАХ МОНИТОРИНГА ПОЖАРНОЙ ОПАСНОСТИ И РИСКА ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ЗОН ГОРОДСКОЙ АГЛОМЕРАЦИИ

Аннотация*. В статье рассматриваются вопросы обеспечения экономической безопасности территорий городской агломерации через развитие системы мониторинга пожарной опасности и ранжирование территориальных зон по ожидаемому уровню ущерба от пожаров. Предлагается переход от учета количества пожаров к управлению риском и последствиями, включая материальный, социальный и экологический компоненты.*

Ключевые слова*: экономическая безопасность, городская агломерация, мониторинг пожарной опасности, территориальные зоны, ранжирование, риск, ущерб от пожаров.*

OPARIN Dmitry Evgenievich,
Senior Lecturer at the Department of Emergency Safety,
Ural Institute of the State Fire Service of the Ministry
of Emergency Situations of Russia, Yekaterinburg

ISSUES OF ECONOMIC SECURITY IN THE FRAMEWORK OF MONITORING FIRE DANGER AND RISK OF TERRITORIAL ZONES OF URBAN AGGLOMERATIONATION

Annotation*. The article discusses the issues of ensuring the economic security of urban agglomeration territories through the development of a fire hazard monitoring system and the ranking of territorial zones according to the expected level of damage from fires. The transition from accounting for the number of fires to managing risk and consequences, including material, social and environmental components, is proposed.*

Key words*: economic security, urban agglomeration, fire hazard monitoring, territorial zones, ranking, risk, fire damage.*

Введение

Экономическая безопасность территорий в современных условиях определяется не только устойчивостью бюджетной системы и динамикой социально-экономических показателей, но и способностью территории противостоять угрозам чрезвычайных ситуаций, включая пожары. Для городской агломерации пожарная опасность является одним из наиболее критичных факторов риска: высокая плотность населения и застройки, концентрация материальных ценностей, усложнение инженерных сетей, логистики и производственных цепочек повышают вероятность возникновения пожаров и масштабы их последствий.

Пожары выступают источником прямого материального ущерба (повреждение зданий, оборудования, складских запасов, транспортных средств), косвенных потерь (простой производства и услуг, нарушение цепочек поставок, снижение налоговых поступлений, рост затрат на восстановление), социальных потерь (гибель и травматизм, ухудшение качества жизни, миграционные эффекты) и экологического ущерба (загрязнение, деградация городской среды). Следовательно, мониторинг пожарной опасности должен быть встроен в контур управления экономической безопасностью территории и ориентирован на снижение ожидаемого ущерба.

На практике анализ часто ограничивается количеством пожаров и суммарным ущербом по административным районам. Однако такой подход не учитывает неоднородность городской среды и приводит к смещению приоритетов: зоны с высокой частотой (чаще всего жилой сектор)

оказываются «важнее» зон, где пожары редки, но последствия крупнее. Поэтому требуется методика, которая сопоставимо и воспроизводимо ранжирует территориальные зоны по риску и ожидаемым последствиям, включая инфраструктурную уязвимость и экономическую значимость.

Основная часть

Построение прочной системы для защиты экономики государства и общества становится реально возможным исключительно при всестороннем применении как административно-правовых механизмов, так и социально-экономических инструментов регулирования.

Вопрос пожарной опасности в городах и регионах имеет не только прикладное, но и экономическое значение, поскольку крупные пожары способны оказывать заметное влияние на устойчивость хозяйственной системы. Их последствия затрагивают как отдельные территории, так и более широкий социально-экономический контекст.

В качестве единицы анализа целесообразно рассматривать территориальную зону городской агломерации. В зависимости от целей исследования она может быть определена по административному принципу, например в границах районов, по функциональному назначению территории — промышленная, складская, жилая, общественно-деловая зона, — либо на основе сеточного деления в ГИС. Для корректного сопоставления результатов важно использовать единую схему территориального членения и неизменные границы в пределах рассматриваемого периода.

Оценка макроэкономических последствий пожаров может проводиться на основе общепринятых показателей, характеризующих состояние экономики и уровень общественного благополучия. К ним относятся валовой внутренний продукт, совокупный объем производства, показатели выпуска и потребления. Дополнительно могут учитываться частные индикаторы, в том числе объем потребления на душу населения, отдельные характеристики качества жизни и уровень благосостояния населения.

Такой подход подтверждает необходимость разработки унифицированной методики, позволяющей более точно определять ущерб от пожаров. В этой связи особую значимость приобретает социально-экономическое районирование территорий, поскольку оно дает возможность учитывать различия между зонами городской агломерации и выявлять участки повышенного риска.

Наряду с этим применение комплекса административно-правовых и социально-экономических мер имеет двойной эффект. С одной стороны, оно повышает эффективность реагирования на чрезвычайные ситуации, с другой — создает условия для более устойчивого развития территорий в долгосрочной перспективе. Сочетание указанных мер способствует сокращению последствий чрезвычайных ситуаций и повышению результативности работы институтов, ответственных за обеспечение безопасности.

При анализе материального ущерба от пожаров на различных территориях возникает необходимость ранжирования зон городской агломерации с целью выявления участков, где потери оказываются наибольшими. При этом целесообразно учитывать не совокупный ущерб от всех возгораний на конкретной территории. Использование такого подхода, как правило, приводит к тому, что наибольшие значения фиксируются в жилых районах, поскольку именно на жилой фонд приходится основная доля пожаров. Для аналитических целей более показательным представляется расчет среднего материального ущерба, приходящегося на один пожар в пределах городской территории.

Для построения такого ранжирования могут использоваться статистические данные о пожарах в Российской Федерации. Наиболее значительные материальные потери, как правило, связаны с возгораниями на территориях складских комплексов, объектов оптовой торговли, а также в производственных зонах. Крупные современные города отличаются сложной и неоднородной инфраструктурой, включающей объекты с различными социально-экономическими характеристиками [1]. Это делает необходимым дифференцированный подход к оценке пожарных рисков и последствий пожаров.

Мониторинг пожарной безопасности является одним из ключевых элементов системы защиты жизни, здоровья населения и имущества, особенно в пределах крупных городских агломераций. Он включает совокупность организационных мер, технических средств и процедур наблюдения, направленных на предупреждение пожаров и снижение тяжести их последствий [2]. В современных условиях значение имеет не только наличие систем противопожарной защиты, но и регулярная проверка их технического состояния и готовности к функционированию.

Мониторинг пожарной опасности следует рассматривать как важный инструмент обеспечения безопасности населения и сохранности материальных ценностей в городской агломерации [3]. В условиях повышения плотности застройки и изменения климатических факторов задача выявления наиболее пожароопасных территорий приобретает особую актуальность. Количество пожаров в городской среде существенно превышает аналогичные показатели в сельской местности, что отражается и на числе

погибших. Наибольшее число жертв приходится на жилой сектор, где происходит основная часть пожаров с тяжелыми последствиями. Вместе с тем пожары наносят ущерб не только гражданам, организациям и объектам инфраструктуры, но и окружающей среде, поскольку сопровождаются выбросом загрязняющих веществ и оказывают отрицательное воздействие на природные комплексы и биоразнообразие.

Источники данных для мониторинга являются:

- статистические сведения о пожарах (количество, причины, место/категория объекта, прямой материальный ущерб, погибшие/травмированные);
- сведения о застройке и землепользовании (плотность, тип конструкций, этажность, функциональная структура);
- данные об инфраструктуре и объектах жизнеобеспечения (электросети, связь, водоснабжение, транспортные узлы, социально значимые объекты);
- природно-климатические параметры (сезонность, температурный режим, осадки, ветер) и данные о растительности/смешанной застройке на периферии;
- оперативные данные о доступности источников наружного противопожарного водоснабжения и транспортной доступности.

Период наблюдения должен обеспечивать статистическую устойчивость оценок, при ограниченной выборке дополнительно применяются сглаживание и проверка чувствительности к выбросам.

Вред, причиненный экологии, наблюдается не только в момент полного сгорания различных материалов, но и в ходе ликвидации пожара подразделениями пожарной охраны, когда отработанные газы двигателей внутреннего сгорания, пенообразователи, смачиватели и другие вещества, способные негативно воздействовать на природную среду, образуются в процессе тушения огня, оказывая длительное разрушительное влияние на окружающую экологическую систему [4,5].

Поэтому цели мониторинга включают, прежде всего, определение зон с повышенной пожарной опасностью и выявление факторов, способствующих возникновению и распространению пожаров. Мониторинг пожарной безопасности включает в себя множество элементов, которые обеспечивают защиту объектов и людей от пожаров [6]. Основные аспекты мониторинга пожарной безопасности включают в себя: оценка готовности служб экстренного реагирования (разработка рекомендаций по повышению пожарной безопасности и их отработка; методы мониторинга с учетом оценки природных условий и градостроительных факторов); анализ пожарной опасности с учетом оценки климатических факторов (температура, осадки, ветровые условия, изучение характера растительности в мониторируемой зоне по плотности, типу произрастающих на ней растений).

Важными для оценки пожарной опасности являются плотность застройки и тип построек-преобладание деревянных иди монолитных строений, наличие на территории промышленных предприятий с опасным производством.

Кроме того, важное значение имеют и социальные факторы. Человеческий фактор в населенных пунктах с высоким уровнем социальной активности (школы, учреждения культуры) со скоплением людей повышает вероятность возникновения пожаров и возможного ущерба от них.

Современные технологии играют значимую роль в мониторинге пожарной безопасности. Среди них можно выделить различные системы видеонаблюдения, которые позволяют оперативно обнаружить признаки пожара и принять меры [7,8]. Удаленный мониторинг с возможностью контролировать состояние систем пожарной безопасности через интернет: дистанционное зондирование для мониторинга растительности и топографии; системы ГИС (географически выявление наиболее пожароопасных территорий). Интеллектуальные системы управления: использование ИИ и машинного обучения для прогнозирования и предотвращения пожаров, а также автоматические системы пожаротушения, которые обеспечивают быстрое тушение пожаров без участия человека.

По результатам непрерывного мониторинга проводится анализ данных. После сбора статистических данных по ранее зарегистрированным случаям пожаров, оценки воздействия факторов риска, составляется рейтинг территорий.

Мониторинг пожарной опасности территориальных зон городской агломерации представляет собой непрерывный (или регулярный) процесс выявления, наблюдения и анализа факторов, повышающих вероятность возникновения пожаров и тяжесть их последствий. В основу мониторинга целесообразно закладывать риск-ориентированную модель, в которой управленческая цель формулируется как снижение ожидаемого ущерба, а не только снижение числа пожаров.

Функционально мониторинг решает три взаимосвязанные задачи: диагностическую (выявление опасных факторов и зон); прогностическую (оценка вероятных сценариев и последствий); управленческую (обоснование приоритетов, мер

профилактики и распределения ресурсов). Ключевым методическим принципом является сопоставимость территориальных зон: оценка должна позволять ранжировать зоны по уровню опасности и ожидаемого ущерба, обеспечивая объективность и прозрачность управленческих решений.

Для каждой зоны формируется три группы показателей:

1. Пожарная опасность (вероятность и условия возникновения/распространения).
2. Уязвимость (подверженность людей, имущества и инфраструктуры ущербу при пожаре).
3. Последствия (наблюдаемые или ожидаемые масштабы материального, социального и экологического ущерба).

Территориальная система предотвращения пожаров, имеет высокую практическую значимость поскольку позволяет учитывать экономические, социальные и экологические последствия пожаров на развитие городских территорий [9] и представлена на *рисунке 1.*

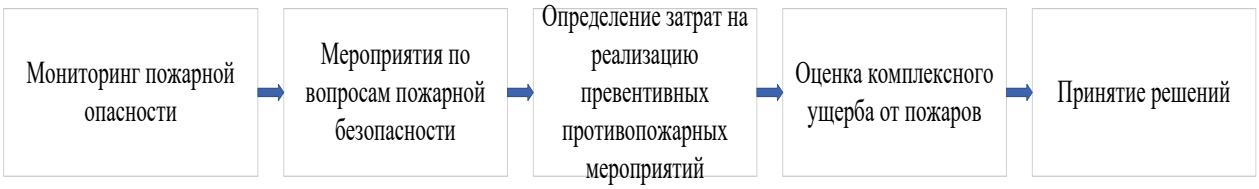

Рисунок 1. Схема территориальной системы предотвращения пожаров в городской агломерации

Для целей мониторинга целесообразно агрегировать факторы в три блока, отражающих специфику городской агломерации:

1. Природно-климатические факторы. Климатические параметры (температура, осадки, ветровая нагрузка) и сезонность определяют фоновые условия возгораний и скорость распространения огня, особенно на периферии агломерации, в зонах с растительностью и смешанной застройкой. Дополнительно учитываются особенности рельефа и наличие водных объектов как элементов естественной противопожарной устойчивости.
2. Градостроительные и инфраструктурные факторы. Ключевое значение имеют плотность застройки, этажность, тип конструкций, степень износа инженерных сетей, транспортная доступность и наличие противопожарных разрывов. Для критически важных участков (промышленные узлы, складская логистика, объекты жизнеобеспечения) важна оценка потенциальных каскадных эффектов: нарушение электроснабжения, связи, водоснабжения, работы транспорта и др.
3. Социально-экономические факторы. Социальная активность и концентрация людей (образовательные учреждения, места массового пребывания, культурные и торговые объекты) повышают ожидаемый социальный ущерб. С точки зрения экономической безопасности особое значение имеет оценка концентрации материальных ресурсов и хозяйственной значимости территории, включая размещение объектов, прекращение функционирования которых способно вызвать значительные косвенные экономические потери.

При организации мониторинга городской агломерации целесообразно применять систему индикаторов, отражающих не только частоту возникновения пожаров, но и факторы, способствующие их развитию и распространению. В качестве базового набора показателей могут быть использованы следующие параметры:

– интенсивность пожаров — количество пожаров в расчете на 10 тыс. жителей либо на 1 км² территории зоны, в зависимости от доступности статистических данных;
– повторяемость пожаров по типам объектов — удельный вес пожаров, возникающих на объектах с повышенным потенциальным ущербом, включая складские комплексы, промышленные зоны и объекты с высокой пожарной нагрузкой;
– пожароопасность застройки — доля объектов, характеризующихся повышенной горючестью или высокой степенью износа, доля индивидуальной жилой застройки, а также плотность размещения зданий;
– условия распространения пожара — плотность застройки, наличие либо отсутствие противопожарных разрывов, а также ветровая нагрузка и сезонные факторы при наличии соответствующей информации;
– оперативная доступность пожарных подразделений — среднее время транспортной

доступности пожарно-спасательных подразделений и/или доля территории, находящейся за пределами нормативного интервала прибытия, если такие данные доступны.

Отметим, что состав индикаторов допускает расширение, однако в статье фиксируется минимально необходимый набор, доступный большинству муниципальных систем учета.

Существенным методическим положением является отказ от ранжирования зон исключительно по числу пожаров. Для городской агломерации более управленчески значимым показателем является средний ущерб от одного пожара и совокупный ожидаемый ущерб с учетом вероятности возникновения событий.

Обоснование данного подхода заключается в следующем. Жилой сектор формирует высокий вклад в частоту пожаров, что статистически «выдвигает» его в лидеры по количеству случаев. Однако зона может быть относительно менее приоритетной с точки зрения экономической безопасности, если пожары в ней, как правило, имеют меньший материальный ущерб и ограниченные косвенные эффекты по сравнению с пожарами на промышленных или складских объектах. Напротив, пожары в зонах оптово-складской инфраструктуры могут возникать реже, но приводить к резкому росту прямых потерь, длительным простоям, разрыву цепочек поставок и снижению экономической активности.

Для городских пожаров полноценная монетизация экологического ущерба затруднена из-за нехватки унифицированных данных. В качестве воспроизводимого прокси-индикатора предлагается принимать долю пожаров на объектах с потенциально повышенным экологическим воздействием (склады химических/полимерных материалов, промплощадки, автосервисы/ГСМ), либо наличие таких объектов в зоне по реестрам.

Если доступен учет применяемых пенообразователей/объема стоков при тушении, индикатор может быть уточнен, но базовый вариант остается применимым без специализированной отчетности.

Ранжирование территориальных зон целесообразно строить, по интегральной оценке, включающей: показатели пожарной опасности (условия возникновения и распространения); показатели уязвимости (концентрация людей и материальных ценностей, критичность инфраструктуры); показатели последствий (материальный, социальный, экологический ущерб).

Под уязвимостью инфраструктуры понимается совокупность характеристик зоны, которые увеличивают вероятность каскадных эффектов и масштаб косвенных потерь при пожаре. Можно выделить следующие наиболее уязвимые элементы:

– Объекты жизнеобеспечения: насосные станции, водозаборы, котельные (теплопункты), узлы электроснабжения (подстанции, РП), узлы связи и центры обработки данных.
– Транспортно-логистическая инфраструктура: транспортные узлы, депо, крупные развязки, логистические терминалы, складские комплексы, оптово-распределительные центры.
– Социально значимые объекты и места массового пребывания: образовательные организации, учреждения здравоохранения, культурные и спортивные объекты, торговые центры.
– Промышленные узлы и объекты с высокой пожарной нагрузкой: производства, склады сырья (готовой продукции), предприятия, критичные для цепочек поставок.
– Инженерные сети как фактор вторичных аварий: зоны с высокой плотностью сетей и/или высокой степенью износа (прокси по возрасту жилфонда/инфраструктуры и аварийности, если данные доступны).

Практическое значение ранжирования заключается в формировании «карты приоритетов» для профилактики пожаров и инженерной защиты территории, а также в обосновании размещения сил и средств пожарной охраны, дооснащения районов источниками противопожарного водоснабжения, совершенствования систем обнаружения и оповещения и планирования мероприятий по снижению возможного ущерба.

Для учета в процедуре ранжирования целесообразно использовать совокупность индикаторов, характеризующих уровень концентрации людей, объектов и материальных ресурсов, а также степень защищенности территории. К числу таких индикаторов могут быть отнесены:

– концентрация критически важных объектов в пределах зоны, определяемая по их числу или плотности на основе данных реестров;
– плотность населения и дневная концентрация людей, оцениваемые, в частности, через функциональное назначение территории, включая жилые кварталы, деловые центры, торговые комплексы и транспортные узлы;
– концентрация материальных ценностей, которая может определяться через долю складских и промышленных площадей, а при наличии данных — по кадастровой или балансовой стоимости объектов;
– уязвимость к каскадным эффектам, выражающаяся в наличии узлов и объектов, отказ которых способен привести к нарушению предоставления услуг, остановке производственных процессов или распространению негативных последствий на смежные территории;

– уровень защитной обеспеченности территории как обратный индикатор, включающий обеспеченность водоисточниками, наличие на ключевых объектах автоматических систем обнаружения и тушения пожара, а также параметры доступности, например ширину проездов и возможность подъезда пожарной техники.

Таким образом, уязвимость территории может быть конкретизирована не через общие описательные характеристики, а через перечень типов объектов и систему измеряемых прокси-показателей.

Повышение экономической безопасности городской агломерации на основе мониторинга предполагает формирование непрерывного управленческого цикла, включающего сбор данных, их анализ и ранжирование, планирование мер воздействия, контроль эффективности принятых решений и последующую корректировку используемой модели [10].

Отдельный аспект экономической безопасности — целесообразность инвестиций в мониторинг. Совокупные затраты на систему мониторинга включают:

– капитальные затраты: создание (модернизация) ГИС-слоя, интеграция источников данных, датчики или видеонаблюдение (при расширенной конфигурации), серверная инфраструктура, внедрение аналитических модулей;
– операционные затраты: обновление данных, сопровождение, обучение персонала, регламенты взаимодействия, обслуживание оборудования, лицензии ПО (при наличии).

Для базовой версии (опора на статистику пожаров, ГИС и реестры объектов) ключевыми становятся организационные и аналитические затраты, а не массовое оснащение датчиками.

Экономический эффект предлагается оценивать как разницу ожидаемых потерь «без системы» и «с системой». В прикладной оценке может рассчитываться через наблюдаемое снижение (ожидаемого прямого ущерба) и прокси-оценку сокращения косвенных потерь для инфраструктурно-критичных зон (например, по длительности простоев ключевых объектов и частоте остановок по пожарам). При отсутствии данных по косвенным потерям допускается консервативная оценка только по прямому ущербу, фиксируя это как ограничение.

Экономическая оценка позволяет:

– обосновывать бюджетирование системы мониторинга на муниципальном (региональном) уровне;
– выбирать конфигурацию системы (базовая аналитико-ГИС модель или расширенная с датчиками/ИИ);
– формировать приоритеты инвестиций в профилактику.

Важно учитывать, что ограничения данного подхода обусловлены прежде всего качеством исходной информации, включая неполноту сведений о причиненном ущербе, сложность учета косвенных потерь, а также ограниченную доступность и полноту экологической отчетности.

Заключение

Мониторинг пожарной опасности территориальных зон городской агломерации целесообразно рассматривать как значимый элемент системы экономической безопасности территории. Его функциональная роль состоит в повышении управленческой прозрачности и обоснованности принимаемых решений, позволяя определять зоны, требующие первоочередного внимания, выявлять направления профилактики, обеспечивающие наибольший экономический эффект, а также оценивать сценарии пожаров, сопряженные с наиболее существенными социальными и инфраструктурными рисками.

Переход от учета исключительно количества пожаров к ранжированию территорий по величине ожидаемого ущерба обеспечивает более точное отражение неоднородности городской среды и способствует снижению совокупных потерь. Интеграция природных, градостроительных и социально-экономических факторов в сочетании с использованием цифровых технологий, включая геоинформационные системы, средства удаленного мониторинга и инструменты аналитики данных, формирует основу для повышения устойчивости городской агломерации и укрепления ее экономической безопасности.

Список литературы:

[1] Опарин, Д. Е. Категорирование городских территорий в аспекте оценки ущерба от пожаров на примере города Екатеринбурга / Д. Е. Опарин, И. Д. Опарин // Актуальные вопросы пожаротушения : Сборник материалов III Всероссийского круглого стола, Иваново, 28–29 марта 2024 года. – Иваново: Ивановская пожарно-спасательная академия Государственной противопожарной службы МЧС РФ, 2024. – С. 190-192.

[2] Ковалев, М. В. Система пожарного мониторинга на основе программно-аппаратного комплекса «Рубеж» / М. В. Ковалев // Актуальные вопросы обеспечения пожарной безопасности объектов различного назначения : Сборник статей Всероссийской научно-практической конференции, Пенза, 20–21 апреля 2022 года / Под научной редакцией А.И. Зябирова, А.В. Чупшева. – Пенза: Пензенский государственный аграрный университет, 2022. – С. 53-56.

[3] Перфильев, А. В. Мониторинг и прогнозирование пожарной опасности как основа управления пожарными рисками / А. В. Перфильев, Т. М. Филиппова // Сборник научных трудов Ангарского государственного технического университета. – 2017. – Т. 1, № 1. – С. 225-232.

[4] Вопросы комплексной оценки ущерба от пожаров в сфере оценки экономической устойчивости / Д. Е. Опарин, И. Д. Опарин, И. В. Грицай, И. С. Юрнаев // Формирование и реализация стратегии устойчивого экономического развития Российской Федерации : сборник статей XIV Международной научно-практической конференции, Пенза, 19–20 декабря 2024 года. – Пенза: Пензенский государственный аграрный университет, 2024. – С. 328-331.

[5] Карапузиков, А. А. Стратегии повышения экологической безопасности от пожаров / А. А. Карапузиков, Н. П. Мураев, М. В. Дьяков // Природноресурсный потенциал, экология и устойчивое развитие регионов России : Сборник статей XXIII Международной научно-практической конференции, Пенза, 20–21 января 2025 года. – Пенза: Пензенский государственный аграрный университет, 2025. – С. 84-87.

[6] Система мониторинга пожарной и экологической безопасности / В. П. Удилов, С. Г. Номинат, А. С. Кубарев [и др.] // Пожарная безопасность. – 2007. – № 2. – С. 125-128.

[7] Нероев, К. О. Информационные технологии в обеспечении пожарной безопасности / К. О. Нероев, А. В. Шпаньков // Научный Альманах ассоциации France-Kazakhstan. – 2025. – № 1. – С. 84-89. – EDN MJBJZT.

[8] Кузьмина, Т. А. Применение нанотехнологий в обеспечении пожарной безопасности объектов защиты / Т. А. Кузьмина, Д. Е. Завьялов // Научно-аналитический журнал «Вестник Санкт-Петербургского университета Государственной противопожарной службы МЧС России». – 2020. – № 3. – С. 6-13. – EDN VCRBYL.

[9] Опарин, Д. Е. Оценка комплексного ущерба от пожаров в городских агломерациях с учетом социально-экономического районирования / Д. Е. Опарин, И. Д. Опарин // Актуальные вопросы пожаротушения : сборник материалов III Всероссийской научно-практической конференции, Иваново, 26 мая 2023 года. – Иваново: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Ивановская пожарно-спасательная академия Государственной противопожарной службы Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий», 2023. – С. 300-303.

[10] Шамин, А. Е. Факторы угроз экономической безопасности городской агломерации и меры по их устранению / А. Е. Шамин, А. Н. Воронков, О. М. Елфимов // На страже экономики. – 2020. – № 3(14). – С. 75-86. – DOI 10.36511/2588-0071-2020-3-75-86.

References:

[1] Oparin, D. E. Categorization of urban areas in terms of assessing damage from fires on the example of the city of Yekaterinburg/D. E. Oparin, I. D. Oparin//Actual fire extinguishing issues: Collection of materials of the III All-Russian Round Table, Ivanovo, March 28-29, 2024. - Ivanovo: Ivanovo Fire and Rescue Academy of the State Fire Service of the Ministry of Emergency Situations of the Russian Federation, 2024. - S. 190-192.

[2] Kovalev, M.V. Fire monitoring system based on the Rubezh software and hardware complex/M.V. Kovalev//Actual issues of ensuring fire safety of facilities for various purposes: Collection of articles of the All-Russian Scientific and Practical Conference, Penza, April 20-21, 2022/Edited by A.I. Zyabirova, A.V. Chupsheva. - Penza: Penza State Agrarian University, 2022. - S. 53-56.

[3] Perfiliev, A. V. Monitoring and forecasting of fire hazard as the basis for fire risk management/A. V. Perfiliev, T. M. Filippova//Collection of scientific works of the Angarsk State Technical University. – 2017. - T. 1, NO. 1. - S. 225-232.

[4] Issues of a comprehensive assessment of fire damage in the field of assessing economic sustainability/D. E. Oparin, I. D. Oparin, I. V. Gritsai, I. S. Yurnaev//Formation and implementation of a strategy for sustainable economic development of the Russian Federation: collection of articles of the XIV International Scientific and Practical Conference, Penza, December 19-20, 2024. - Penza: Penza State Agrarian University, 2024. - S. 328-331.

[5] Karapuzikov, A. A. Strategies for improving environmental safety from fires/A. A. Karapuzikov, N. P. Muraev, M. V. Dyakov//Natural resource potential, ecology and sustainable development of Russian regions: Collection of articles of the XXIII International Scientific and Practical Conference, Penza, January 20-21, 2025. - Penza: Penza State Agrarian University, 2025. - S. 84-87.

[6] Fire and Environmental Safety Monitoring System/V.P. Udilov, S.G. Nominat, A.S. Kubarev [et al.]//Fire Safety. – 2007. – № 2. - S. 125-128.

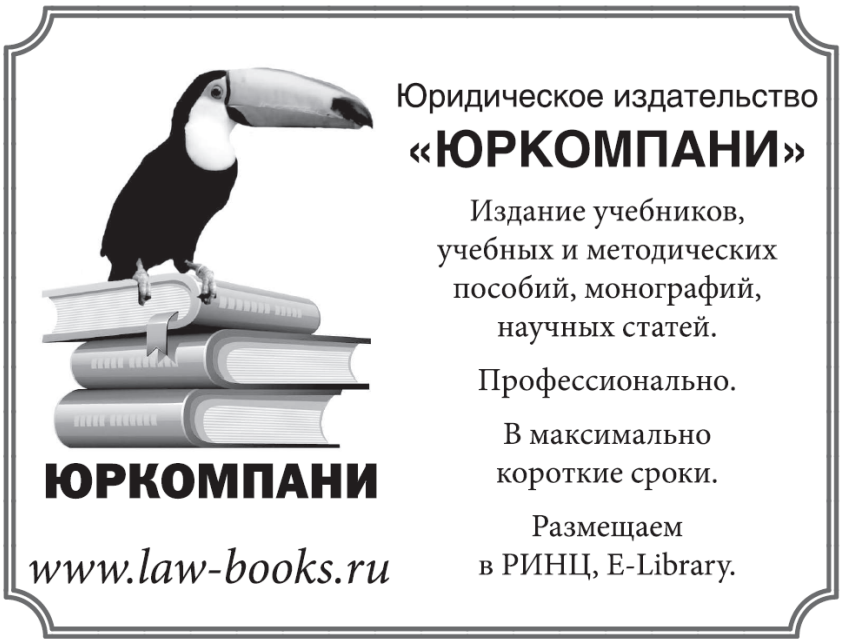
[7] Neroyev, K. O. Information technologies in ensuring fire safety/K. O. Neroyev, A. V. Shpankov// Scientific Almanac of the France-Kazakhstan Association. – 2025. – № 1. - S. 84-89. – EDN MJBJZT.

[8] Kuzmina, T. A. The use of nanotechnology in ensuring fire safety of protected objects/T. A. Kuz-

mina, D. E. Zavyalov//Scientific and analytical journal "Bulletin of St. Petersburg University of the State Fire Service of the EMERCOM of Russia." – 2020. – № 3. - S. 6-13. – EDN VCRBYL.

[9] Oparin, D. E. Assessment of complex damage from fires in urban agglomerations, taking into account socio-economic zoning/D. E. Oparin, I. D. Oparin//Actual fire extinguishing issues: collection of materials of the III All-Russian Scientific and Practical Conference, Ivanovo, May 26, 2023. - Ivanovo: Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Ivanovo Fire and Rescue Academy of the State Fire Service of the Ministry of the Russian Federation for Civil Defense, Emergencies and Elimination of Consequences of Natural Disasters," 2023. - S. 300-303.

[10] Shamin, A.E. Factors of threats to the economic security of the urban agglomeration and measures to eliminate them/A.E. Shamin, A.N. Voronkov, O. M. Elfimov//On guard of the economy. – 2020. – № 3(14). - S. 75-86. – DOI 10.36511/2588-0071-2020-3-75-86.

Дата поступления рукописи в редакцию: 31.03.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-4-138-146
Дата принятия рукописи в печать: 03.05.2026 г.

КУЛИКОВА Елена Сергеевна,
доктор экономических наук,
профессор кафедры государственного и муниципального управления,
Уральский государственный экономический университет,
г. Екатеринбург,
0000-0003-4924-9707,
e-mail: e.s.kulikova@inbox.ru

ДУРАНДИНА Ольга Аркадьевна,
кандидат экономических наук,
доцент кафедры государственного и муниципального управления,
Уральский государственный экономический университет,
г. Екатеринбург,
ORCID 0000-0001-6566-7672,
e-mail: ctig,usue@mail.ru

КОМПЛАЕНС И ПРАВОВЫЕ РИСКИ В АГРОМАРКЕТИНГЕ: РЕГУЛИРОВАНИЕ ЦИФРОВЫХ КАНАЛОВ СБЫТА ПРОДУКЦИИ АПК

Аннотация. *Статья посвящена исследованию комплаенса и правовых рисков в агромаркетинге в условиях расширения цифровых каналов сбыта продукции агропромышленного комплекса. Под комплаенсом в работе понимается система внутреннего и внешнего обеспечения соответствия деятельности обязательным требованиям законодательства и публичного контроля. Актуальность темы обусловлена тем, что цифровые каналы реализации сельскохозяйственной и пищевой продукции перестали быть вспомогательным инструментом и превратились в самостоятельную инфраструктуру рыночного доступа, рекламы, заключения сделки, обработки данных покупателя и подтверждения законности оборота товара. В аграрной сфере это сопровождается повышенной юридической нагрузкой, поскольку цифровой сбыт одновременно подпадает под действие законодательства о рекламе, персональных данных, защите прав потребителей, торговой деятельности, маркировке, прослеживаемости и государственном регулировании сельского хозяйства. Цель исследования состоит в выявлении правовой природы комплаенса в цифровом агромаркетинге, систематизации ключевых регуляторных рисков и определении тех сегментов цифрового сбыта, где публично-правовая нагрузка является наибольшей. Теоретическую основу составили труды российских и зарубежных авторов по аграрному праву, цифровизации агробизнеса, платформенной экономике, управлению рисками и правовым аспектам государственного регулирования рынка продовольствия. Методологическая база включает формально-юридический, сравнительно-правовой, динамический и описательно-статистический анализ открытых данных. Эмпирической основой выступили нормативные правовые акты Российской Федерации, официальные материалы Федеральной антимонопольной службы, Роскомнадзора, Министерства сельского хозяйства Российской Федерации, Россельхознадзора, национальной системы цифровой маркировки и иных открытых государственных ресурсов. В результате обосновано, что комплаенс в цифровом агромаркетинге имеет интегративную правовую природу и не сводится к соблюдению одной отрасли законодательства. Показано, что наибольшая концентрация правовых рисков возникает там, где соединяются реклама в цифровой среде, дистанционная продажа, платформенное посредничество, обработка персональных данных и обязательные цифровые режимы прослеживаемости продукции. Сделан вывод о необходимости перехода от фрагментарного соблюдения отдельных требований к единой комплаенс-модели цифрового сбыта продукции агропромышленного комплекса.*

Ключевые слова*: комплаенс, агромаркетинг, маркетплейсы, прослеживаемость, реклама, платформы, регулирование.*

KULIKOVA Elena Sergeevna,
Doctor of Economics,
Professor of the Department of State and Municipal Administration,
Ural State University of Economics, Yekaterinburg

DURANDINA Olga Arkadyevna,
Candidate of Sciences (Economics),
Associate Professor, Department of Public and Municipal Administration,
Ural State University of Economics, Yekaterinburg

COMPLIANCE AND LEGAL RISKS IN AGROMARKETING: REGULATION OF DIGITAL SALES CHANNELS FOR AGRO-INDUSTRIAL PRODUCTS

Annotation. *The article examines compliance and legal risks in agromarketing under conditions of expanding digital sales channels for products of the agro-industrial complex. Compliance is understood as a system of internal and external assurance of conformity with mandatory legal requirements and public oversight. The relevance of the topic is determined by the fact that digital channels for the sale of agricultural and food products have ceased to be auxiliary tools and have become an independent infrastructure for market access, advertising, transaction conclusion, processing of customer data, and confirmation of the lawful circulation of goods. In the agricultural sector this transformation is accompanied by an increased legal burden because digital sales simultaneously fall under legislation on advertising, personal data, consumer protection, trade regulation, labeling, traceability, and state regulation of agriculture. The purpose of the study is to identify the legal nature of compliance in digital agromarketing, systematize the main regulatory risks, and determine those segments of digital sales where the public law burden is the highest. The theoretical framework includes Russian and foreign studies in agrarian law, digitalization of agribusiness, platform economy, risk management, and legal aspects of state regulation of food markets. The methodological framework combines formal legal analysis, comparative legal analysis, dynamic analysis, and descriptive statistical analysis of open data. The empirical basis consists of normative legal acts of the Russian Federation and official materials of the Federal Antimonopoly Service, Roskomnadzor, the Ministry of Agriculture of the Russian Federation, Rosselkhoznadzor, the national digital labeling system, and other open public resources. The study demonstrates that compliance in digital agromarketing has an integrative legal nature and cannot be reduced to observance of one branch of legislation. The findings show that the highest concentration of legal risks emerges where advertising in the digital environment, remote selling, platform intermediation, personal data processing, and mandatory digital traceability regimes intersect. The article concludes that a transition is required from fragmented observance of separate requirements toward a unified compliance model for digital sales of products of the agro-industrial complex..*

Key words: *compliance, agromarketing, marketplaces, traceability, advertising, platforms, regulation.*

Введение

Цифровая трансформация агропромышленного комплекса изменила не только производственные и логистические процессы, но и саму архитектуру сбыта. Продажа сельскохозяйственной и пищевой продукции все чаще осуществляется через собственные сайты производителей, маркетплейсы, агрегаторы доставки, социальные сети, мессенджеры и иные цифровые интерфейсы. При этом российская правовая система рассматривает сельское хозяйство как сферу специального государственного регулирования, а торговлю – как деятельность, встроенную в самостоятельный режим публичных ограничений и обязанностей. Федеральный закон о развитии сельского хозяйства закрепляет государственную программу развития отрасли, а также предусматривает информационную систему цифровых сервисов в сфере сельского хозяйства. Федеральный закон о торговой деятельности, в свою очередь, фиксирует формы торговли, включая внестационарные и иные каналы реализации, а правила продажи товаров по договору розничной купли-продажи распространяются и на дистанционный способ реализации. Это означает, что цифровой агромаркетинг с самого начала развивается не в нейтральной коммерческой среде, а в пространстве насыщенного публичного регулирования.

Под комплаенсом в агромаркетинге следует понимать систему организационных, правовых и процедурных мер, направленных на обеспечение

соответствия цифрового продвижения и сбыта обязательным требованиям закона. В отличие от узкого корпоративного понимания, здесь комплаенс имеет смешанную природу: он соединяет частнохозяйственное управление рисками с публично-правовой обязанностью соблюдать правила рекламы, обработки персональных данных, дистанционной торговли, маркировки и прослеживаемости. Особенность аграрного сектора состоит в том, что товар в цифровом канале продаж одновременно выступает объектом коммерческого продвижения и объектом государственного контроля по линии безопасности, происхождения, цифровой маркировки и сопроводительной документации. Следовательно, правовая ошибка в карточке товара, рекламном сообщении или канале оформления заказа может иметь последствия не только для потребительского спора, но и для контрольно-надзорного воздействия.

В 2024–2026 годах правовой режим цифрового сбыта стал более жестким и формализованным. Федеральная антимонопольная служба на специальной странице, посвященной рекламе в интернете, прямо выделяет три контрольных блока: отнесение информации к рекламе, наличие пометки «реклама» и наличие сведений о рекламодателе или ссылки на его сайт. В июле 2025 года ведомство дополнительно разъяснило критерии отнесения информации на маркетплейсах и сайтах-агрегаторах к интернет-рекламе. Одновременно Федеральный закон от 31 июля 2025 года № 289-ФЗ закрепил правовые основы платформенной экономики в Российской Федерации, а в качестве одной из целей закона указал создание безопасной цифровой среды на цифровых платформах. Тем самым цифровой канал сбыта окончательно превратился из технического посредника в самостоятельный объект публичного регулирования.

Режим персональных данных усиливает данную тенденцию. Роскомнадзор указывает, что операторы обязаны уведомлять о начале или осуществлении обработки персональных данных, за исключением прямо установленных законом случаев. Кроме того, оператор обязан опубликовать или иным образом обеспечить неограниченный доступ к документу, определяющему его политику в отношении обработки персональных данных. Для цифрового агромаркетинга это имеет принципиальное значение, поскольку практически любой цифровой канал сбыта предполагает сбор имени, телефона, адреса доставки, истории заказов и иной информации о покупателе. Масштаб риска подтверждается официальными данными: за 11 месяцев 2024 года Роскомнадзор зафиксировал 127 случаев распространения в интернете баз данных, содержащих более 680 миллионов записей. Следовательно, обработка данных в цифровом сбыте аграрной продукции не может рассматриваться как вторичная техническая операция.

Для агропродовольственного сектора комплаенс дополнительно осложняется обязательной цифровой маркировкой и прослеживаемостью. Национальная система маркировки указывает, что с 1 сентября 2024 года проверка каждого кода маркировки перед продажей обязательна для всех продавцов молочной продукции, а с 1 марта 2025 года офлайн-проверка становится обязательной для всех товарных групп, за исключением безалкогольных напитков. Россельхознадзор, со своей стороны, связывает цифровой контроль аграрного оборота с электронной ветеринарной сертификацией: уже в первые восемь дней обязательного применения электронных ветеринарных сопроводительных документов в июле 2018 года было оформлено 23 491 224 документа, а за последние сутки указанного периода – 1,89 миллиона. В 2024 году служба сообщала о 5 658 выявленных нарушениях в рамках федерального государственного ветеринарного надзора. Это означает, что цифровой агромаркетинг встроен в среду постоянного документарного и платформенного контроля за движением продукции.

Параллельно государство поддерживает расширение цифровой инфраструктуры самого аграрного сектора. По данным итогового доклада Министерства сельского хозяйства Российской Федерации, бюджетные ассигнования на ведомственный проект «Цифровое сельское хозяйство» в 2024 году составили 121,92 миллиона рублей и были освоены на 100 процентов. В том же году на реализацию задач государственной программы развития сельского хозяйства было направлено 530 650,1 миллиона рублей, а в 2025 году господдержка агропромышленного комплекса составила 665 миллиардов рублей. Отдельно ведомство отмечало, что благодаря развитию цифровых каналов продаж акционерному обществу «Росагролизинг» удалось по итогам 2024 года достичь 98 процентов подписанных заявок и договоров через цифровые каналы. Эти данные подтверждают, что цифровизация аграрного оборота стала не эпизодом, а устойчивой институциональной нормой.

В зарубежной литературе отправной точкой для понимания публичного измерения аграрного регулирования выступает работа Ľ. Hudecová и P. Kyseľ, посвященная законодательной защите сельскохозяйственных земель. Авторы показывают, что аграрная сфера по своей природе насыщена публичным интересом и не может регулироваться исключительно логикой частного оборота [1]. Эту линию продолжили O. Kolotkina и I.

Yagofarova, которые рассматривают правовое обеспечение цифровизации агропромышленного комплекса как самостоятельную область теоретических и практических проблем, указывая на необходимость согласования технологических решений с нормативной средой [2]. Исследование I. Kovalchuk, O. Melnyk, A. Pakhomova, O. Sokyrynska и L. Melnyk о правовом регулировании государственной поддержки агробизнеса усиливает этот вывод: даже экономически ориентированные меры в аграрной сфере изначально зависят от публично-правовой архитектуры распределения поддержки и контроля [3]. N. Osipova и R. Idrisov анализируют организационно-правовые проблемы агропромышленного комплекса через призму государственно-частного партнерства и цифровизации производства. Их позиция важна тем, что цифровая инфраструктура трактуется не как техническое приложение к рынку, а как элемент правовой организации хозяйственного пространства [4]. K. A. Zhichkin, V. V. Nosov и L. N. Zhichkina, исследуя страхование, управление рисками и устойчивое развитие, демонстрируют, что аграрные риски требуют системной институциональной обработки, а не реактивного устранения последствий [5]. Л. А. Биткова и В. В. Устюкова конкретизируют этот тезис применительно к информационным системам в сельском хозяйстве: по их мнению, цифровая среда уже сама по себе образует набор юридически значимых обязанностей и процедур [6].

Е. С. Куликова, О. А. Рущицкая и Т. И. Кружкова связывают цифровую инфраструктуру маркетинга сельских территорий с возможностями присутствия производителя в новых каналах коммуникации и сбыта [7]. В более поздней работе Е. С. Куликова, В. В. Сулимин и В. В. Шведов подчеркивают роль маркетплейсов как инструмента устойчивости агрорынка и как фактора расширения доступа к потребителю [8]. А. Р. Кулов, А. У. Хаирбеков и И. И. Кукин, рассматривая таможенно-тарифное регулирование агропродовольствия в условиях санкционного давления, показывают, что рыночное движение продукции даже в цифровую эпоху остается тесно связано с государственными ограничителями и правилами трансграничного обращения [9]. А. В. Курдюмов, А. В. Савоськин и В. А. Мещерягина раскрывают экономико-правовой аспект консультационной помощи сельскохозяйственным товаропроизводителям, фактически подводя к выводу о растущей потребности участников рынка в профессиональной навигации по усложняющемуся регуляторному полю [10]. В. В. Маслова, Н. Ф. Зарук и М. В. Авдеев показывают, что цифровизация влияет не только на коммуникацию, но и на ценовые отношения в агропромышленном комплексе, а значит, маркетинговые цифровые инструменты затрагивают более глубокие рыночные механизмы [11]. Е. Л. Минина, анализируя тенденции развития законодательства об отраслях сельского хозяйства, демонстрирует, что аграрное право движется к большей детализации специальных режимов, что объективно повышает значимость отраслевого комплаенса [12].

Д. М. Назаров, Ю. В. Гудошникова и Н. А. Истомина исследуют цифровые инструменты в механизмах ценообразования и логистике зернового рынка России, уделяя внимание факторам, рискам и перспективам. Их подход важен тем, что цифровой рынок рассматривается как пространство одновременного появления новых возможностей и новых уязвимостей [13]. А. Л. Новокшанова показывает, что нормативно-правовой режим специализированной, функциональной и обогащенной пищевой продукции напрямую влияет на пределы допустимых маркетинговых заявлений о товаре [14]. Ю. Г. Седова, связывая продовольственную безопасность с системой рисков и решений, позволяет интерпретировать комплаенс в агромаркетинге как инструмент защиты не только интересов хозяйствующего субъекта, но и устойчивости продовольственного рынка в целом [15]. С. Н. Скороходов переводит дискуссию в прикладную плоскость стратегий цифрового маркетинга в агропромышленном комплексе и тем самым делает видимой связь между маркетинговой модернизацией и изменением правовой среды [16]. В. В. Сулимин, В. В. Шведов и Н. П. Ларионова рассматривают устойчивое развитие сельскохозяйственных предприятий как результат современной системы управления, в которой регуляторная устойчивость становится частью общей хозяйственной устойчивости [17]. Ж. А. Телегина, исследуя инструменты управления производственными рисками в условиях цифровой трансформации сельского хозяйства, подчеркивает необходимость системной профилактики нарушений, а не последующего исправления отдельных сбоев [18].

В. В. Устюкова и Г. Л. Землякова рассматривают аграрное право в XXI веке как сферу, где традиционные институты взаимодействуют с вызовами цифровой экономики и новыми формами государственного регулирования [19]. М. Ю. Шерешева и А. А. Беляев, анализируя цифровые платформы в агробизнесе, показывают, что технологическая взаимовыгодность участников рынка не устраняет необходимость правового распределения обязанностей между платформой и продавцом [20]. В совокупности рассмотренные работы позволяют заключить, что современная научная литература постепенно смещает акцент с описания отдельных цифровых инструментов к анализу их регуляторных последствий, однако проблема именно интегрального комплаенса

цифровых каналов сбыта агропромышленной продукции остается раскрытой неполно.

Цель исследования состоит в выявлении правовой природы комплаенса в агромаркетинге и в определении ключевых правовых рисков, возникающих при использовании цифровых каналов сбыта продукции агропромышленного комплекса.

Для достижения этой цели необходимо решить три взаимосвязанные задачи: систематизировать публично-правовые требования, сопровождающие цифровое продвижение и дистанционную реализацию аграрной продукции; выявить количественные параметры цифровой среды, усиливающие комплаенс-нагрузку; определить, как развитие цифровой маркировки, прослеживаемости и платформенного регулирования меняет правовой режим агромаркетинга.

Материалы и методы

Методологически работа основана на сочетании формально-юридического, сравнительно-правового, динамического и описательно-статистического анализа. Формально-юридический метод использован для выделения состава обязательных требований к цифровому сбыту. Сравнительно-правовой метод применен для сопоставления разных контуров регулирования: рекламы, персональных данных, дистанционной торговли, платформенного посредничества и отраслевой прослеживаемости. Динамический анализ позволил проследить, как по мере развития цифровой инфраструктуры усиливалась правовая нагрузка на участников аграрного рынка. Описательно-статистический анализ использован при работе с официальными количественными данными о структуре интернет-потребления, утечках персональных данных, электронном документообороте, маркировке и цифровизации аграрных сделок.

Результаты и обсуждение

Комплаенс в цифровом агромаркетинге следует квалифицировать как интегрированный режим правового соответствия. Его содержание формируется не одной отраслью законодательства, а пересечением нескольких обязательных контуров.

Для правоприменительной оценки важно, что не вся информация в цифровой среде автоматически признается рекламой. Федеральная антимонопольная служба разъясняет, что сведения на маркетплейсах о товарах различных продавцов не являются рекламой, если размещаются единообразно и не выделяются из общего массива информации. Однако в 2025 году Правительство Российской Федерации утвердило критерии отнесения к интернет-рекламе информации, размещенной на маркетплейсах, сайтах-агрегаторах, в поисковых системах и социальных сетях. Тем самым цифровой агромаркетинг оказался в ситуации, когда один и тот же товарный контент может быть правомерной информацией о товаре либо объектом специального рекламного контроля – в зависимости от способа подачи, акцента на преимуществах и функции привлечения внимания. Для производителя или продавца сельскохозяйственной продукции это означает необходимость юридической квалификации контента еще на стадии публикации, а не после претензии регулятора (*таблица 1).*

Таблица 1. Количественные показатели цифровой среды, значимые для правового режима агромаркетинга [6, 14]

Показатель	Значение	Период
Доля времени пользователей в социальных сетях и блогах в структуре интернет-потребления	21%	2024
Доля времени пользователей на видеоресурсах	19%	2024
Доля времени пользователей в мессенджерах	18%	2024
Зафиксированные случаи распространения в интернете баз данных с персональными данными	127 случаев	11 месяцев 2024
Объем записей в утекших базах данных	более 680 млн записей	11 месяцев 2024
Доля заявок и договоров АО «Росагролизинг», подписанных через цифровые каналы	98%	2024

Данные таблицы 1 позволяют сделать несколько принципиальных выводов. Во-первых, цифровой агромаркетинг объективно тяготеет к тем средам, где концентрируется пользовательское внимание: 21 процент интернет-времени приходится на социальные сети и блоги, 19 процентов – на видеоресурсы, 18 процентов – на мессенджеры. Это означает, что основные маркетинговые и сбытовые практики смещаются в пространства, где особенно высоки риски смешения информационного контента и рекламы, неочевидного таргетирования и неформализованного оформления заказа. Во-вторых, 127 выявленных случаев распространения баз данных и более 680 миллионов записей за 11 месяцев 2024 года показывают, что правовой режим персональных данных перестал быть периферийной темой для торговли и превратился в один из центральных элементов комплаенса. Для агромаркетинга это особенно чувствительно, поскольку клиентские базы, рассылки, сервисы повторных покупок и адресная логистика являются обычными инструментами цифрового сбыта. В-третьих, показатель в 98 процентов цифровых заявок и договоров у акционерного общества «Росагролизинг» подтверждает, что для аграрного оборота цифровой канал уже стал стандартной формой юридически значимого взаимодействия. Следовательно, проблема комплаенса состоит не в том, следует ли участнику аграрного рынка переходить в цифровую среду, а в том, каким образом организовать в ней правомерное поведение. Чем выше плотность цифровых контактов и данных, тем выше значение единой комплаенс-модели, охватывающей продвижение, коммуникацию, оформление сделки и последующую обработку сведений о покупателе.

Для публично-правовой науки важно увидеть, что цифровой канал сбыта продовольствия – это одновременно канал исполнения обязанностей перед государственными системами. Если режим маркировки требует проверки кода до продажи, а электронная ветеринарная сертификация обеспечивает массовый документооборот, то маркетинговое размещение товара уже неотделимо от обязательного подтверждения его законного статуса. Если же государство системно финансирует цифровизацию отрасли, то оно тем самым не только стимулирует внедрение технологий, но и создает предпосылки для более глубокого регуляторного контроля (*таблица 2*).

Таблица 2. Официальные показатели цифровизации и публичного контроля, влияющие на цифровой сбыт продукции агропромышленного комплекса [11. 13]

Показатель	Значение	Период
Бюджетные ассигнования на ведомственный проект «Цифровое сельское хозяйство»	121,92 млн руб.	2024
Освоение средств по проекту «Цифровое сельское хозяйство»	100%	2024
Финансирование задач государственной программы развития сельского хозяйства	530 650,1 млн руб.	2024
Государственная поддержка агропромышленного комплекса	665 млрд руб.	2025
Оформленные электронные ветеринарные сопроводительные документы	23 491 224 документа	1–8 июля 2018
Объем оформления электронных ветеринарных сопроводительных документов за последние 24 часа указанного периода	1,89 млн документов	8 июля 2018
Выявленные нарушения в рамках федерального государственного ветеринарного надзора	5 658 нарушений	2024
Поставка новой сельскохозяйственной техники в льготный лизинг	более 14 тыс. единиц	2024

Интерпретация таблицы 2 показывает, что цифровой агромаркетинг развивается не просто на фоне роста онлайн-коммерции, а внутри масштабного процесса институциональной цифровизации аграрного сектора. Бюджетные ассигнования на проект «Цифровое сельское хозяйство» в размере 121,92 миллиона рублей при стопроцентном освоении средств свидетельствуют о фактической, а не декларативной поддержке цифровой инфраструктуры. Финансирование задач государственной программы в объеме 530 650,1 миллиона рублей в 2024 году и господдержка на уровне 665 миллиардов рублей в 2025 году подтверждают, что государство остается ключевым институциональным участником аграрного рынка. На этом фоне более 14 тысяч единиц техники, поставленных в льготный лизинг, показывают масштаб цифрово сопровождаемого договорного оборота. Особенно важны показатели прослеживаемости: 23 491 224 электронных ветеринарных сопроводительных документа за первые восемь дней обязательной электронной сертификации и 1,89 миллиона документов за последние сутки данного периода иллюстрируют интенсивность цифрового контроля движения продукции. Наконец, 5 658 выявленных нарушений в 2024 году подтверждают, что цифровой надзор имеет не символический, а практический характер. В совокупности это означает, что цифровой маркетинг продукции агропромышленного комплекса не может строиться как автономная рекламная деятельность. Он должен проектироваться как часть более широкой правовой цепочки, где публикация товара, продажа, логистика, маркировка, сертификация и сопровождение данных образуют единый контур правомерности. Отсюда вытекает главный практический вывод: выбор цифрового канала сбыта одновременно является выбором модели комплаенса, поскольку различия между каналами определяются не только маркетинговой эффективностью, но и глубиной их включенности в государственные цифровые режимы.

Дополнительное значение для правовой оценки имеет связка между платформенным посредничеством и отраслевой спецификой товара. После принятия закона о платформенной экономике платформа в российском праве больше не выглядит исключительно техническим посредником. Одновременно Федеральная антимонопольная служба сформулировала критерии разграничения между информацией о товаре и интернет-рекламой на маркетплейсах и сайтах-агрегаторах. В агропродовольственном сегменте это означает, что юридический риск смещается с отдельного рекламного сообщения на саму архитектуру цифровой витрины: способ выделения товара, использование сравнительных формулировок, указание на преимущества, специальные предложения и визуальное акцентирование могут изменить правовую квалификацию контента. Если прибавить к этому обязанность работать с маркированной продукцией и соблюдать режимы проверки кода перед продажей, становится очевидно, что цифровой агромаркетинг требует не кампанийного, а постоянного правового сопровождения.

Заключение

Проведенное исследование позволяет заключить, что комплаенс в агромаркетинге представляет собой самостоятельный интегративный режим правового соответствия, формируемый на пересечении рекламного, информационного, потребительского, платформенного и отраслевого регулирования. Его специфика обусловлена тем, что цифровой канал сбыта продукции агропромышленного комплекса одновременно выступает каналом коммерческого продвижения, оформления сделки, обработки данных покупателя и исполнения обязанностей перед государственными цифровыми системами. Именно поэтому правовые риски в данной сфере носят не изолированный, а кумулятивный характер.

Количественные данные подтверждают этот вывод. Структура интернет-потребления показывает концентрацию пользовательского внимания в социальных сетях, видеоресурсах и мессенджерах, то есть в тех средах, где особенно сложны разграничение рекламы и информации, правомерная обработка данных и надлежащее оформление дистанционной продажи. Официальная статистика утечек персональных данных демонстрирует масштаб последствий нарушений в цифровом обороте. Показатели электронного документооборота, маркировки и ветеринарной сертификации свидетельствуют о глубокой включенности агропродовольственного рынка в обязательные государственные цифровые режимы. Следовательно, комплаенс для аграрного продавца должен охватывать не отдельный рекламный макет или пользовательское соглашение, а всю цифровую цепочку обращения товара.

Список литературы:

[1] Hudecová, Ľ., Kyseľ, P. Legislative protection of agricultural land // Land Use Policy. 2023. Vol. 131. P. 106719. DOI: 10.1016/j.landusepol.2023.106719.

[2] Kolotkina, O., Yagofarova, I. Legal support for the digitalization process of the agro-industrial complex: Issues of theory and practice // E3S Web of Conferences. 2024. Vol. 537. P. 02021. DOI: 10.1051/e3sconf/202453702021.

[3] Kovalchuk, I., Melnyk, O., Pakhomova, A., Sokyrynska, O., Melnyk, L. Legal regulation of state support of agribusiness // Amazonia Investiga. 2022. Vol. 11, No. 51. P. 80–89. DOI: 10.34069/ai/2022.51.03.8.

[4] Osipova, N., Idrisov, R. Review of Organizational and Legal Problems in the Field of Agro-industrial Complex: Public–Private Partnership, Production Digitalization // Smart Innovation, Systems and Technologies. 2022. Vol. 245. P. 137–148. DOI: 10.1007/978-981-16-3349-2_12.

[5] Zhichkin, K. A., Nosov, V. V., Zhichkina, L. N. Agricultural Insurance, Risk Management and Sustainable Development // Agriculture. 2023. Vol. 13, No. 7. P. 1317. DOI: 10.3390/agriculture13071317.

[6] Биткова, Л. А., Устюкова, В. В. Правовое регулирование применения информационных систем в сельском хозяйстве // Экономика сельского хозяйства России. 2022. № 9. С. 37–41. DOI: 10.32651/229-37.

[7] Куликова, Е. С., Рущицкая, О. А., Кружкова, Т. И. Цифровая инфраструктура маркетинга сельских территорий // Аграрный вестник Урала. 2023. Т. 23, № 2. С. 98–106. DOI: 10.32417/1997-4868-2023-231-02-98-106.

[8] Куликова, Е. С., Сулимин, В. В., Шведов, В. В. Цифровая трансформация агрорынка: факторы экономической устойчивости и роль маркетплейсов в развитии АПК // Международный сельскохозяйственный журнал. 2025. № 5(407). С. 572–576. DOI: 10.55186/25876740_2025_68_5_572.

[9] Кулов, А. Р., Хаирбеков, А. У., Кукин, И. И. Таможенно-тарифное регулирование агропродовольствия в условиях санкционного давления // Экономика, труд, управление в сельском хозяйстве. 2025. № 12(131). С. 25–32. DOI: 10.33938/2512-25.

[10] Курдюмов, А. В., Савоськин, А. В., Мещерягина, В. А. Проблемы и перспективы предоставления консультационной помощи сельскохозяйственным товаропроизводителям и другим участникам рынка сельскохозяйственной продукции: экономико-правовой аспект // Экономика сельского хозяйства России. 2023. № 11. С. 50–57. DOI: 10.32651/2311-50.

[11] Маслова, В. В., Зарук, Н. Ф., Авдеев, М. В. Цифровизация как фактор повышения эффективности и совершенствования цен и ценовых отношений в АПК // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. 2025. № 6. С. 8–16. DOI: 10.31442/0235-2494-2025-0-6-8-16.

[12] Минина, Е. Л. Тенденции развития законодательства об отраслях сельского хозяйства // Журнал российского права. 2023. Т. 27, № 10. С. 68–81. DOI: 10.61205/jrp.2023.116.

[13] Назаров, Д. М., Гудошникова, Ю. В., Истомина, Н. А. Цифровые инструменты в механизмах ценообразования и логистике зернового рынка России: факторы, риски и перспективы // Международный сельскохозяйственный журнал. 2025. № 6(408). С. 758–761. DOI: 10.55186/25876740_2025_68_6_758.

[14] Новокшанова, А. Л. Нормативно-правовые аспекты и актуальность производства специализированной, функциональной и обогащенной пищевой продукции // Молочная промышленность. 2022. № 4. С. 26–28. DOI: 10.31515/1019-8946-2022-04-26-28.

[15] Седова, Ю. Г. Продовольственная безопасность: проблемы, риски, решения // Аграрная наука. 2022. № 9. С. 12–13.

[16] Скороходов, С. Н. Инструменты модернизации стратегий цифрового маркетинга в агропромышленном комплексе // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. 2025. № 11. С. 195–199. DOI: 10.31442/0235-2494-2025-0-11-195-199.

[17] Сулимин, В. В., Шведов, В. В., Ларионова, Н. П. Современные подходы к управлению устойчивым развитием сельскохозяйственных предприятий в условиях глобализации // Аграрный вестник Урала. 2024. Т. 24, № 9. С. 1239–1252. DOI: 10.32417/1997-4868-2024-24-09-1239-1252.

[18] Телегина, Ж. А. Приоритетные инструменты управления производственными рисками в условиях цифровой трансформации сельского хозяйства // Экономика сельского хозяйства России. 2021. № 12. С. 19–25. DOI: 10.32651/2112-19.

[19] Устюкова, В. В., Землякова, Г. Л. Аграрное право в XXI веке: традиции и перспективы развития (Обзор выступлений участников Международной научно-практической конференции – Вторые Козыревские чтения) // Государство и право. 2023. № 7. С. 185–193. DOI: 10.31857/S102694520026814-6.

[20] Шерешева, М. Ю., Беляев, А. А. Цифровые платформы в агробизнесе: технологическая основа взаимовыгодного взаимодействия игроков рынка // Крестьяноведение. 2024. Т. 9, № 4. С. 257–279. DOI: 10.22394/2500-1809-2024-9-4-257-279.

References:

[1] Hudecová, Ľ., Kyseľ, P. Legislative protection of agricultural land // Land Use Policy. 2023. Vol. 131. P. 106719. DOI: 10.1016/j.landusepol.2023.106719.

[2] Kolotkina, O., Yagofarova, I. Legal support for the digitalization process of the agro-industrial complex: Issues of theory and practice // E3S Web of Conferences. 2024. Vol. 537. P. 02021. DOI: 10.1051/e3sconf/202453702021.

[3] Kovalchuk, I., Melnyk, O., Pakhomova, A., Sokyrynska, O., Melnyk, L. Legal regulation of state support of agribusiness // Amazonia Investiga. 2022. Vol. 11, No. 51. P. 80–89. DOI: 10.34069/ai/2022.51.03.8.

[4] Osipova, N., Idrisov, R. Review of Organizational and Legal Problems in the Field of Agro-industrial Complex: Public–Private Partnership, Production Digitalization // Smart Innovation, Systems and Technologies. 2022. Vol. 245. P. 137–148. DOI: 10.1007/978-981-16-3349-2_12.

[5] Zhichkin, K. A., Nosov, V. V., Zhichkina, L. N. Agricultural Insurance, Risk Management and Sustainable Development // Agriculture. 2023. Vol. 13, No. 7. P. 1317. DOI: 10.3390/agriculture13071317.

[6] Bitkova, L. A., Ustyukova, V. V. Pravovoe regulirovanie primeneniya in-formacionnyh sistem v sel'skom hozyajstve // Ekonomika sel'skogo hozyajstva Rossii. 2022. № 9. S. 37–41. DOI: 10.32651/229-37.

[7] Kulikova, E. S., Rushchickaya, O. A., Kruzhkova, T. I. Cifrovaya infrastruktu-ra marketinga sel'skih territorij // Agrarnyj vestnik Urala. 2023. T. 23, № 2. S. 98–106. DOI: 10.32417/1997-4868-2023-231-02-98-106.

[8] Kulikova, E. S., Sulimin, V. V., SHvedov, V. V. Cifrovaya transformaciya agrorynka: faktory ekonomicheskoj ustojchivosti i rol' marketplejsov v razvitii APK // Mezhdunarodnyj sel'skohozyajstvennyj zhurnal. 2025. № 5(407). S. 572–576. DOI: 10.55186/25876740_2025_68_5_572.

[9] Kulov, A. R., Hairbekov, A. U., Kukin, I. I. Tamozhenno-tarifnoe reguliro-vanie agroprodovol'stviya v usloviyah sankcionnogo davleniya // Ekonomika, trud, uprav-lenie v sel'skom hozyajstve. 2025. № 12(131). S. 25–32. DOI: 10.33938/2512-25.

[10] Kurdyumov, A. V., Savos'kin, A. V., Meshcheryagina, V. A. Problemy i perspek-tivy predostavleniya konsul'tacionnoj pomoshchi sel'skohozyajstvennym tovaroproizvo-ditelyam i drugim uchastnikam rynka sel'skohozyajstvennoj produkcii: ekonomiko-pravovoj aspekt // Ekonomika sel'skogo hozyajstva Rossii. 2023. № 11. S. 50–57. DOI: 10.32651/2311-50.

[11] Maslova, V. V., Zaruk, N. F., Avdeev, M. V. Cifrovizaciya kak faktor povy-sheniya effektivnosti i sovershenstvovaniya cen i cenovyh otnoshenij v APK // Ekonomi-ka sel'skohozyajstvennyh i pererabaty-vayushchih predpriyatij. 2025. № 6. S. 8–16. DOI: 10.31442/0235-2494-2025-0-6-8-16.

[12] Minina, E. L. Tendencii razvitiya zakonodatel'stva ob otraslyah sel'skogo hozyajstva // ZHurnal rossijskogo prava. 2023. T. 27, № 10. S. 68–81. DOI: 10.61205/jrp.2023.116.

[13] Nazarov, D. M., Gudoshnikova, YU. V., Istomina, N. A. Cifrovye instrumen-ty v mekhanizmah cenoobrazovaniya i logistike zernovogo rynka Rossii: faktory, riski i perspektivy // Mezhdunarodnyj sel'skohozyajstvennyj zhurnal. 2025. № 6(408). S. 758–761. DOI: 10.55186/25876740_2025_68_6_758.

[14] Novokshanova, A. L. Normativno-pravovye aspekty i aktual'nost' proiz-vodstva specializirovannoj, funkcional'noj i obogashchennoj pishchevoj produkcii // Mo-lochnaya promyshlennost'. 2022. № 4. S. 26–28. DOI: 10.31515/1019-8946-2022-04-26-28.

[15] Sedova, YU. G. Prodovol'stvennaya bezopasnost': problemy, riski, resheniya // Agrarnaya nauka. 2022. № 9. S. 12–13.

[16] Skorohodov, S. N. Instrumenty modernizacii strategij cifrovogo marke-tinga v agropromyshlennom komplekse // Ekonomika sel'skohozyajstvennyh i pererabaty-vayushchih predpriyatij. 2025. № 11. S. 195–199. DOI: 10.31442/0235-2494-2025-0-11-195-199.

[17] Sulimin, V. V., SHvedov, V. V., Larionova, N. P. Sovremennye podhody k upravleniyu ustojchivym razvitiem sel'skohozyajstvennyh predpriyatij v usloviyah glo-balizacii // Agrarnyj vestnik Urala. 2024. T. 24, № 9. S. 1239–1252. DOI: 10.32417/1997-4868-2024-24-09-1239-1252.

[18] Telegina, ZH. A. Prioritetnye instrumenty upravleniya proizvodstvenny-mi riskami v usloviyah cifrovoj transformacii sel'skogo hozyajstva // Ekonomika sel'-skogo hozyajstva Rossii. 2021. № 12. S. 19–25. DOI: 10.32651/2112-19.

[19] Ustyukova, V. V., Zemlyakova, G. L. Agrarnoe pravo v XXI veke: tradicii i perspektivy razvitiya (Obzor vystuplenij uchastnikov Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii – Vtorye Kozyrevskie chteniya) // Gosudarstvo i pravo. 2023. № 7. S. 185–193. DOI: 10.31857/S102694520026814-6.

[20] SHeresheva, M. YU., Belyaev, A. A. Cifrovye platformy v agrobiznese: tekh-nologicheskaya osnova vzaimovygodnogo vzaimodejstviya igrokov rynka // Krest'yanovede-nie. 2024. T. 9, № 4. S. 257–279. DOI: 10.22394/2500-1809-2024-9-4-257-279.

Дата поступления рукописи в редакцию: 31.03.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-4-147-153
Дата принятия рукописи в печать: 03.05.2026 г.

ШАРАПОВА Валентина Михайловна,
доктор экономических наук, профессор,
профессор кафедры бухгалтерского учета и аудита
Уральского государственного экономического университета,
e-mail: agroprom23@mail.ru

ШАРАПОВ Юрий Владимирович,
кандидат экономических наук,
доцент кафедры бизнес-информатики
Уральского государственного экономического университета,
e-mail: scharapov_yv@usue.ru

ТИХОНОВ Владислав Андреевич,
студент кафедры бухгалтерского учета и аудита,
Уральского государственного экономического университета,
e-mail: vlad.tikhonov08@gmail.com

АНАЛИЗ И ОЦЕНКА ДЕНЕЖНЫХ ПОТОКОВ ОРГАНИЗАЦИИ ПО ДАННЫМ ОТЧЕТА О ДВИЖЕНИИ ДЕНЕЖНЫХ СРЕДСТВ

Аннотация. *Данная статья посвящена анализу отчета о движении денежных средств, выступающего в качестве ключевого инструмента при оценке денежных потоков организации. Была раскрыта сущность ключевых понятий, проанализирована отчетность предприятия прямым и коэффициентным методом, проведена оценка результатов и разработаны практические рекомендации по совершенствованию учета и анализа по управлению денежными потоками. Для реализации указанных методов была использована финансовая отчетность, включая приложения, АО «Уральская Сталь», основным видом деятельности которой является производство чугуна, стали и ферросплавов.*

Ключевые слова: *бухгалтерская (финансовая) отчетность, отчет о движении денежных средств, денежные потоки, прямой метод, сценарный подход, коэффициентный метод.*

SHARAPOVA Valentina Mikhailovna,
Doctor of Economics, Professor,
Professor of the Department of Accounting and Auditing
at the Ural State University of Economics

SHARAPOV Yuri Vladimirovich,
PhD in Economics, Associate Professor,
Department of Business Informatics,
Ural State University of Economics

TIKHONOV Vladislav Andreevich,
student, Department of Accounting and Auditing,
Ural State University of Economics

ANALYSIS AND EVALUATION OF THE ORGANIZATION'S CASH FLOWS BASED ON THE CASH FLOW STATEMENT

Annotation. *This article analyzes the cash flow statement, which serves as a key tool for assessing an organization's cash flows. Key concepts were explored, the company's financial statements were analyzed using both direct and ratio methods, the results were assessed, and practical recommendations for improving cash flow management accounting and analysis were developed. To implement these methods, the financial statements, including appendices, of Ural Steel JSC, whose primary activity is the production of cast iron, steel, and ferroalloys, were used.*

Key words*: accounting (financial) statements, cash flow statement, cash flows, direct method, scenario approach, ratio method.*

Отчет о движении денежных средств (далее – ОДДС) является самостоятельной формой бухгалтерской (финансовой) отчетности, предназначенной для раскрытия информации о поступлении и выбытии денежных средств и денежных эквивалентов организации за отчетный период.

Данный отчет показывает, как организация управляет своими денежными средствами, позволяя руководству принимать обоснованные решения относительно инвестиций, кредитования, распределения ресурсов. [1]

Содержание ОДДС базируется на таких категориях, как денежные средства, денежные эквиваленты и денежные потоки. К денежным средствам относят наличные денежные средства в кассе и средства на счетах в кредитных организациях, включая депозиты до востребования. Денежные эквиваленты представляют собой краткосрочные высоколиквидные инвестиции, которые могут быть легко обращены в заранее известную сумму денежных средств и подвержены незначительному риску изменения стоимости. Денежные потоки отражают притоки и оттоки денежных средств и эквивалентов, возникающие в процессе ведения хозяйственной деятельности организации.

«Аналитическое значение ОДДС определяется, в первую очередь, классификацией по видам деятельности: операционная (основные доходы и расходы, связанные с производством или оказанием услуг), инвестиционная (покупка и продажа долгосрочных активов, вложение средств в другие компании), финансовая (операции по привлечению и возврату заемных и собственных средств (кредиты, выпуск акций и т.д.). Такой подход нацелен не только на отражение общего состояния дел, но и указывает на структуру и направления основных денежных потоков» [3].

Анализ денежных потоков «ставит своей целью выявления причин роста или снижения значений притоков или оттоков денежных средств в организации»[6], а также способность организации формировать достаточный денежный поток для обеспечения текущей деятельности и выполнения финансовых обязательств. [4,7]

Методы анализа денежных потоков играют ключевую роль в финансовом управлении предприятием. Для анализа денежных потоков применяют «прямой, косвенный и коэффициентный методы» [2].

«Прямой метод анализа денежных потоков предполагает детальное отражение всех поступлений и выплат денежных средств за определенный период» [6] Косвенный метод основан на трансформации чистой прибыли в чистый денежный поток. Чаще всего этот метод применяется в бухгалтерской отчетности и позволяет быстро оценить изменение чистого денежного потока. [5,8]

Коэффициентный метод является дополнением к прямому и косвенному методам и используется для более глубокого анализа. Набор коэффициентов зависит от задач анализа и особенностей бизнеса.

В рамках прямого метода анализа были исследованы состав, структура и динамика притоков и оттоков денежных средств АО «Уральская сталь» по видам деятельности на основе отчета о движении денежных средств за 2023-2024 гг.

Для притоков и оттоков был составлен график (*рисунок 1*), иллюстрирующий изменения по видам деятельности компании.

В результате прямого анализа было определено, что в 2024 г. по всем видам деятельности наблюдалось уменьшение притока ДС. Наиболее существенный темп снижения наблюдался у притока по инвестиционной деятельности, составив -94,82%, тогда как по текущей деятельности темп снижения был -13,17%, по финансовой деятельности составил -22,01%.

Структура притока денежных средств в анализируемом периоде характеризуется преобладанием текущей деятельности, ее удельный вес увеличился с 63,02% в 2023 г. до 78,14% в 2024 г., что соответствует увеличению структуры на +15,12%. Одновременно существенно сократилась доля инвестиционной деятельности, измените структуры, по которой составило -17,21%. Удельный вес финансовой деятельности структуре притока вырос на +2,09%, несмотря на отрицательную динамику абсолютных показателей. Увеличение доли текущей и финансовой деятельности обусловлено резким сокращением роли инвестиционной деятельности.

Аналогичная тенденция прослеживается и в структуре оттока денежных средств. В 2024 г. по всем видам деятельности зафиксировано уменьшение оттоков, при этом наибольший темп снижения пришелся на финансовую деятельность -66,96% и инвестиционную -44,46%.

В структуре оттоков преобладающее значение сохраняет текущая деятельность, ее удельный вес вырос с 62,23% в 2023 г. до 77,77% в 2024 г., что соответствует увеличению структуры на +15,54%. При этом уменьшение структуры оттоков произошло по инвестиционной деятельности на -6,74% и финансовой деятельности на

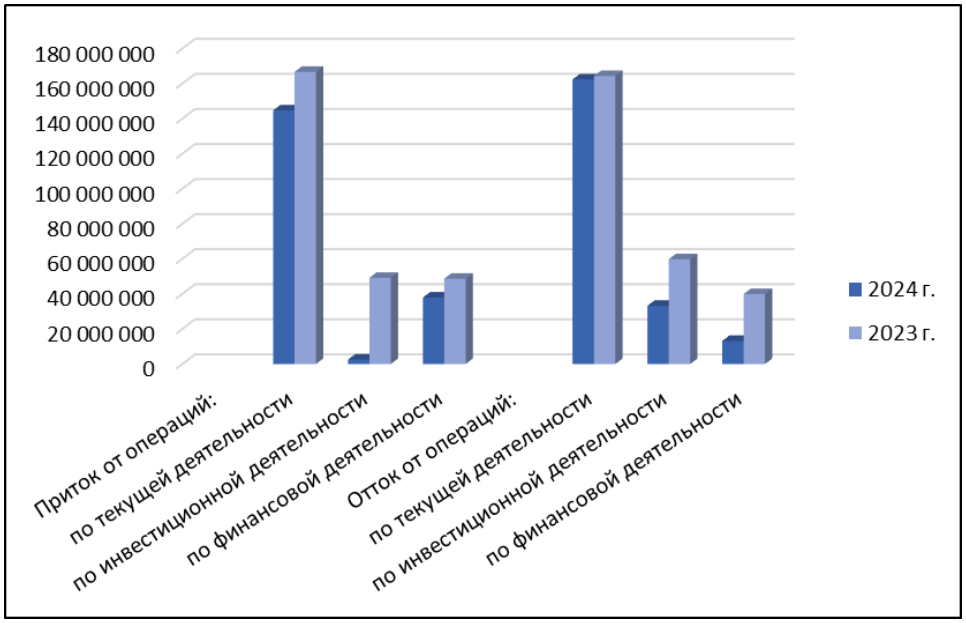

Рисунок 1. График притоков и оттоков денежных средств в 2023 и 2024 годах на предприятии АО «Уральская сталь». Источник: разработано авторами. [9,10]

-8,80%. Это отражает перераспределение денежных выплат в сторону текущей деятельности при сокращении инвестиционных и финансовых направлений.

По сальдо денежных потоков мы можем наблюдать, что в 2024 г. оно отрицательное, когда как в 2023 г. было положительным, абсолютное изменение составило -24 035 323 тыс. руб., темп снижения чистого оттока составил -4814,79%. Это соответствует соотношению притока к оттокам денежных средств, значение которого в 2024 г. 0,89, то есть отток выше притока, а в 2023 г. он был равен 1 и наблюдался приток ДС.

Исходя из ОДДС, можно сделать вывод, что отрицательное сальдо в 2024 г. по текущей деятельности обусловлено уменьшением поступлений при том же объеме платежей, что и в 2023 г. Рост отрицательного сальдо в сравнении с 2023 г. по инвестиционным операциям обусловлен уменьшением возвратов займов от продажи долговых ценных бумаг. По финансовым операциям в 2024 г. наблюдается увеличение в сравнении с 2023 г. из-за того, что в этом году дивиденды не выплачивались.

Для обобщения результатов прямого анализа применяется сценарный подход, основанный на оценке сальдо денежных потоков по трем видам операций и их экономической интерпретации [9].

Данный подход не является самостоятельным методом, а представляет собой готовый шаблон для описания результатов прямого анализа. Возможные комбинации представлены в *таблице 1.*

Таблица 1. Комбинации движения денежных средств по видам деятельности

№ п/п	Текущая деятельность	Инвестиционная деятельность	Финансовая деятельность	Интерпретация сценариев
1	+	+	+	Организация имеет высокую ликвидность и, возможно готовится к тому, чтобы приобрести другую организацию.
2	+	-	-	Организация использует деньги, полученные от текущей деятельности, чтобы приобрести основные средства и произвести выплаты по замам.

3	+	+	-	Организация использует деньги, полученные от основной деятельности, а также деньги, вырученные от продажи основных средств для того, чтобы погасить долги по займам или выплатить дивиденды акционерам.
4	+	-	+	Организация использует прибыль от основной деятельности и кредиты. Цель – расширение и развитие бизнеса
5	-	+	+	Недостаток денег в основной деятельности компенсируется продажей активов и заимствованиями. Организация испытывает операционные трудности
6	-	-	+	Недостаток денег в основной и инвестиционной деятельности покрывается за счет займов. Рост обеспечивается в основном за счет долгового финансирования
7	-	+	-	Продажа активов используется для покрытия дефицита по основной деятельности. Деньги также направляются на выплаты по займам
8	-	-	-	Все виды деятельности дают отрицательный денежный поток. Используются резервы для покрытия дефицита, выплат и инвестиций

Составлено авторами [9,10]

Исходя из данных, можно сделать вывод, что в 2023 г. АО «Уральская Сталь» соответствовало сценарию 4, при котором организация использовала прибыль от основной деятельность и деньги от кредитов и займов для расширения и развития бизнеса. В 2024 г. был сценарий 6, где удалось сохранить положительное сальдо только по финансовым операциям. Это связано с тем, что в 2024 г. дивиденды не выплачивались, зато за счет освободившихся средств активно погашались кредиты и займы.

Для количественной оценки эффективности и устойчивости денежных потоков был проведен коэффициентный анализ с использованием данных из бухгалтерского баланса и отчета о финансовых результатах предприятия. Итог расчетов представлен в *таблице 2.*

Таблица 2. Коэффициентный анализ

Показатель	Усл. обозначение	2024 г.	2023 г.	Изменение (+, -)
Коэффициент обеспеченности денежными средствами	Кодс	32,8178	53,1932	-20,3754
Коэффициент оборачиваемости денежных средств	Кобдс	10,5316	6,7562	3,7753
Коэффициент платежеспособности	Кплатеж	1,0130	1,0839	-0,0709
Коэффициент достаточности чистого денежного потока	КДДП	-0,1788	0,0201	-0,1989
Коэффициент эффективности денежных потоков	КЭДП	-0,0844	0,0090	-0,0935

Коэффициент реинвестирования денежных потоков	КРДП	-1,3461	-2,8921	1,5460
Коэффициент ликвидности денежного потока	КЛДП	0,9988	0,9845	0,0143
Коэффициент рентабельности притока денежных средств	РДП	0,0184	0,0953	-0,0769
Коэффициент рентабельности оттока денежных средств	РДО	0,0163	0,0955	-0,0792
Коэффициент среднего остатка денежных средств	РДС	0,2334	1,0532	-0,8198

Составлено авторами по [2,9,10]

В результате коэффициентного анализа было определено ухудшение большинства качественных характеристик денежных потоков АО «Уральская Сталь» в 2024 г. по сравнению с 2023 г.

Снижение коэффициента обеспеченности денежными средствами в 2024 г. на -20,38 указывает на то, что организация сможет работать на 21 день меньше без дополнительного притока денежных средств. Одновременно коэффициент оборачиваемости увеличился на +3,78, что говорит об ускорении их оборота, что отражает более интенсивное использование денежных средств.

Коэффициент платежеспособности остается выше единицы (1,01), что говорит о том, что текущих поступлений достаточно для осуществления платежей. Коэффициент достаточности чистого денежного потока в 2024 г. показал отрицательной значение в -0,18, что говорит о недостаточности собственных денежных потоков для покрытия необходимых расходов без привлечения внешнего финансирования. Коэффициент эффективности денежных потоков уменьшился на -0,09 и показал отрицательное значение, что означает уменьшение платежеспособности организации. Коэффициент реинвестирования денежных потоков увеличился в динамике на +1,55, что говорит о снижении степени внутреннего самофинансирования. Коэффициент ликвидности увеличился на +0,01, что говорит о повышении платежеспособности. Снижение коэффициентов рентабельности притока и оттока денежных средств, а также резкое уменьшение коэффициента среднего остатка денежных средств указывают на сокращение доходности денежных потоков и снижение среднего объема свободных денежных средств, находящихся в распоряжении организации.

Проведенный анализ показал ухудшение структуры и качества денежных потоков АО «Уральская Сталь» в 2024 г., выраженное в снижении притоков по всем видам деятельности и формировании отрицательного совокупного денежного потока. Несмотря на сохранение краткосрочной платежеспособности, выявлено ослабление устойчивости и снижение роли самофинансирования, что подтверждается результатами прямого и коэффициентного анализа. Результаты, полученные при исследовании, могут быть использованы при совершенствовании управления операционными денежными потоками для повышения эффективности использования финансовых ресурсов. «Для оптимизации управления денежными потоками» [6] предлагаются рекомендации.

1. Прогнозирование денежных потоков – создать бюджет движения денежных средств, путем разработки детального плана поступления и расходования денежных средств на определенный период. Регулярно проводить анализ данных отчетов за прошлые периоды для выявления тенденций и сезонных колебаний.
2. Оптимизация дебиторской задолженности – ускорение сбора платежей. Для этого желательно внедрить систему автоматического выставления счетов и напоминаний клиентам о сроках оплаты. Разработать шкалу предоставления скидок за досрочную оплату счетов. Перед заключение договоров для оценки кредитоспособности клиентов проводить анализ финансовой устойчивости контрагентов.
3. Контроль кредиторской задолженности – отсрочка платежей поставщикам, путем переговоров, использование кредитных линий, привлечение краткосрочных займов для покрытия временных кассовых разрывов.

4. Инвестиционная политика. Размещение временно свободных средств в инструменты с низким уровнем риска (депозиты, облигации)
5. Финансовый контроль. Регулярный мониторинг остатков на счетах, отслеживание состояния банковских счетов, для предотвращения несанкционированных списаний. Внедрение программного обеспечения для автоматизации и контроля денежных операций.

Управление денежными потоками является ключевым аспектом финансового здоровья любой организации. Эффективное управление позволяет обеспечить ликвидность, минимизировать риски, повысить финансовую устойчивость предприятия.

Список литературы:

[1] Батрасова, А. Д. Оптимизация денежных потоков по направлениям деятельности компании на примере ПАО «Роснефть» / А. Д. Батрасова // Инновационный потенциал развития общества: сборник научных статей 3-й Всероссийской научной конференции перспективных разработок: в 4 т., Курск, 01 декабря 2022 года. Том 1. – Курск: Юго-Западный государственный университет, 2022. – С. 57-64. – EDN YRIDKC.

[2] Бурцева, Т. А. Роль отчета о движении денежных средств в анализе и управлении денежными потоками организации / Т. А. Бурцева, Н. Н. Саморукова // Экономика и безопасность. – 2025. – № 1. – С. 64-68. – EDN ZKZHJJ.

[3] Бухарова, Д. Х. Учет и отчетность по движению денежных средств: аналитические аспекты, отечественный и международный опыт, проблемные зоны / Д. Х. Бухарова, О. В. Мустафина, Б. Ш. У. Бабахонов // Естественно-гуманитарные исследования. – 2025. – № 4(60). – С. 92-95. – EDN CBREJO.

[4] Колесник, Н. Ф. Формирование прогнозного бухгалтерского баланса предприятия на основе отчета о движении денежных средств / Н. Ф. Колесник, И. С. Кузнецова // Управленческий учет. – 2022. – № 5-3. – С. 28-34. – DOI 10.25806/uu5-3202228-34. – EDN PBLLJQ.

[5] Мухторова, Ш. Ф. Анализ и управление денежными потоками организации / Ш. Ф. Мухторова, В. М. Шарапова // Вектор экономики. – 2025. – № 3(105). – EDN JYMKGF.

[6] Пучкова, Е. М. Мониторинг и анализ состояния и движения денежных средств предприятия на основе отчета о движении денежных средств / Е. М. Пучкова, Д. В. Вислобоков // Научный вестник Государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Невинномысский государственный гуманитарно-технический институт». – 2024. – № 1. – С. 85-93. – EDN DUHLSQ.

[7] Султанбекова, З. М. Анализ взаимосвязи прибыли и денежных потоков предприятия на основе показателей отчета о движении денежных средств / З. М. Султанбекова, Ф. Р. Мухумаева, О. И. Шабанов // Актуальные вопросы современной экономики. – 2024. – № 1. – С. 273-279. – EDN NOSWYY.

[8] Яковлев, Д. М. Отчет о движении денежных средств - содержание и Оценка деятельности организации на его основе / Д. М. Яковлев // Вестник науки. – 2024. – Т. 4, № 5(74). – С. 395-401. – EDN BUJCFM.

[9] АО «Уральская Сталь»: официальный сайт. – Новотроицк, Оренбургская область, 2026. – URL: https://uralsteel.com/ (дата обращения 25.01.2026).

[10] Интерфакс – Центр раскрытия корпоративной информации: официальный сайт. – Москва, 2026. – URL: https://www.e-disclosure.ru/ (дата обращения 25.01.2026).

References:

[1] Batrasova, A. D. Optimization of cash flows by areas of the company's activities on the example of PJSC Rosneft / A. D. Batrasova // Innovative potential for the development of society: a collection of scientific articles from the 3rd All-Russian scientific conference on advanced developments: in 4 volumes, Kursk, December 1, 2022. Volume 1. - Kursk: Southwestern State University, 2022. - Pp. 57-64. - EDN YRIDKC

[2] Burtseva, T. A. The role of the cash flow statement in the analysis and management of an organization's cash flows / T. A. Burtseva, N. N. Samorukova // Economy and Security. - 2025. - No. 1. - P. 64-68. - EDN ZKZHJJ.

[3] Bukharova, D. Kh. Accounting and reporting on cash flows: analytical aspects, domestic and international experience, problem areas / D. Kh. Bukharova, O. V. Mustafina, B. Sh. U. Babakhanov // Natural Sciences and Humanities Research. - 2025. - No. 4 (60). - P. 92-95. - EDN CBREJO.

[4] Kolesnik, N. F. Formation of the forecast balance sheet of the enterprise based on the cash flow statement / N. F. Kolesnik, I. S. Kuznetsova // Management accounting. - 2022. - No. 5-3. - P. 28-34. - DOI 10.25806/uu5-3202228-34. - EDN PBLLJQ.

[5] Mukhtorova, Sh. F. Analysis and management of cash flows of the organization / Sh. F. Mukhtorova, V. M. Sharapova // Vector of Economics. - 2025. - No. 3 (105). - EDN JYMKGF.

[6] Puchkova, E. M. Monitoring and analysis of the state and movement of cash of the enterprise

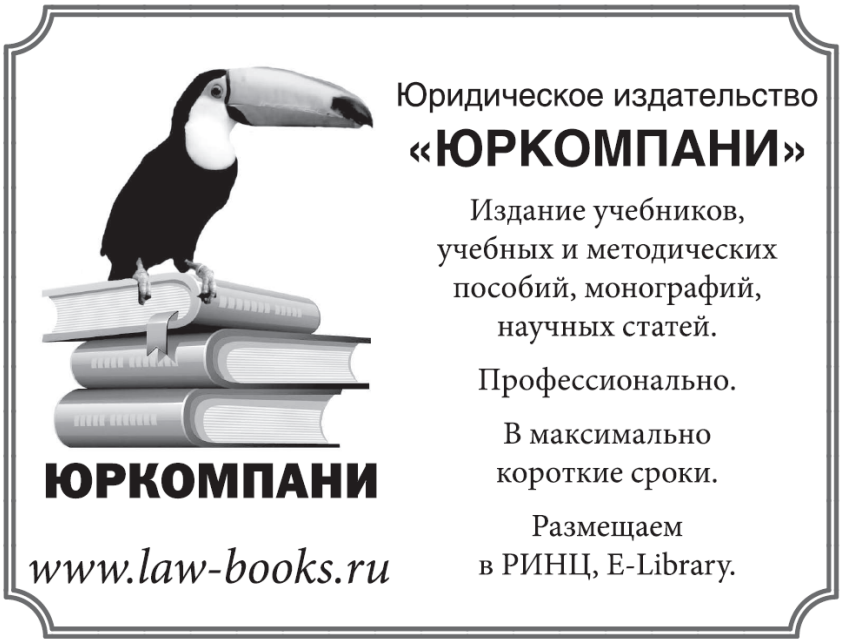
based on the cash flow statement / E. M. Puchkova, D. V. Vislobokov // Scientific Bulletin of the State Autonomous Educational Institution of Higher Education “Nevinnomyssk State Humanitarian and Technical Institute”. - 2024. - No. 1. - P. 85-93. - EDN DUHLSQ.

[7] Sultanbekova, Z. M. Analysis of the relationship between profit and cash flows of an enterprise based on the indicators of the cash flow statement / Z. M. Sultanbekova, F. R. Mukhumaeva, O. I. Shabanov // Actual issues of modern economics. - 2024. - No. 1. - P. 273-279. - EDN NOSWYY.

[8] Yakovlev, D. M. Cash flow statement - content and assessment of the organization’s activities based on it / D. M. Yakovlev // Science Bulletin. - 2024. - Vol. 4, No. 5 (74). - P. 395-401. - EDN BUJCFM.

[9] Ural Steel JSC: official website. – Novotroitsk, Orenburg Region, 2026. – URL: https://uralsteel.com/ (accessed January 25, 2026).

[10] Interfax – Corporate Information Disclosure Center: official website. – Moscow, 2026. – URL: https://www.e-disclosure.ru/ (accessed 25.01.2026).

Дата поступления рукописи в редакцию: 22.04.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.05.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3830-2026-4-154-161

ПРУСС Ян Юрьевич,
Московский финансово-юридический университет (МФЮА),
аспирант,
e-mail: xaos101@mail.ru

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРАВОВЫХ ОСНОВ GR И ЛОББИЗМА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Аннотация. *В статье рассматривается и анализируется влияние современных трендов развития цифровых технологий на традиционное взаимодействие субъектов хозяйствования и органов государственной власти, а также технологическая трансформация такого взаимодействия и масштабирование использования в лоббизме и GR технологий Big Data, ИИ, электронных правовых сервисов, цифровых каналов связи. Фокус исследования направлен также на правовые пробелы, вытекающие в том числе из высокой скорости цифровизации отраслей и экономики в целом, и необходимость их устранения. Часть исследования посвящена анализу актуального зарубежного опыта правового регулирования цифрового лоббизма и GR и возможности интеграции эффективных решений в правовую систему Российской Федерации.*

Ключевые слова: *цифровой лоббизм, электронные реестры прозрачности, GR сервисы, правовые риски цифровизации, цифровая трансформация, электронное правительство, транспарентность государственного управления, взаимодействие с органами государственной власти.*

PRUSS Yan Yuryevich,
Moscow University of Finance and Law (MFLA),
graduate student

TRANSFORMATION OF THE LEGAL FOUNDATIONS OF GR AND LOBBYING IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION

Annotation. *The article examines and analyzes the impact of modern trends in the development of digital technologies on the traditional interaction between business entities and government agencies, as well as the technological transformation of such interaction and the scaling of the use of Big Data, AI, electronic legal services, and digital communication channels in lobbying and GR. The study also focuses on the legal gaps that arise due to the rapid digitalization of industries and the economy as a whole, and the need to address them. Part of the study analyzes the current foreign experience in the legal regulation of digital lobbying and GR and the possibility of integrating effective solutions into the legal system of the Russian Federation.*

Key words: *digital lobbying, electronic transparency registers, GR services, legal risks of digitalization, digital transformation, e-government, transparency of public administration, interaction with public authorities.*

Введение.

Современная Россия находится под непрерывным санкционным давлением, в связи с чем экономика и отдельные отрасли находятся в гибком и адаптивном состоянии. В таких условиях одним из факторов увеличения скорости принятия государственных управленческих решений, законотворчества является цифровая трансформация, которая касается всех национальных процессов. Новые технологии не обошли стороной такие традиционные сферы как GR и лоббизм, которые формируют не только канал эффективных коммуникаций бизнеса и государства, но и зачастую кулуарные практики. Стоит также отметить, что быстрый технологический рост порождает ряд правовых и административных проблем.

Дополнительную актуальность исследованию добавляет существование лоббизма в условиях отсутствия прямого закона. Ключевой задачей данной статьи является анализ и выявление положительных и отрицательных сторон новых технологических аспектов лоббизма, а также их

влияние на правовое регулирование и определение направлений потенциальной институционализации, правового обеспечения отраслевой деятельности в рамках цифровой трансформации.

Теоретическая и правовая основа цифрового взаимодействия с органами государственной власти.

Базовое определение GR (взаимодействие с органами государственной власти) ряд исследователей формулирует как одну из форм коммуникативного менеджмента, к целям которого можно отнести формирование и направление позиции компании в госорганы, мониторинг законопроектов и организация эффективного канала B2G коммуникаций [6].

В свою очередь, и согласно зарубежному опыту, институт лоббизма шире, и главное отличие от GR деятельности состоит в возможности прямого влияния на законодателя и органы государственной власти в основном посредством наработанных личных контактов с госслужащими [7]. Таким образом, цифровой GR можно охарактеризовать как систему технологических методов взаимодействия бизнеса с органами государственной власти и мониторинга законотворческой деятельности, основанных на использовании цифровых платформ, больших данных и алгоритмов.

Анализируя правовые основы данной деятельности, стоит отметить, что прямой закон о лоббизме в Российской Федерации отсутствует, однако возможность ведения лоббистской деятельности закреплена в ряде нормативных актов. Правовая природа закреплена, прежде всего, в 32 ст. Конституции РФ в части реализации прав граждан на участие в делах государства. Еще одним значимым законом является ФЗ №59 от 02.05.2006 г., которым определяется порядок рассмотрения обращений граждан и организаций.

Важно отметить, что сам переход к цифровой среде традиционных инструментов взаимодействия также имеет под собой правовые основания, которые доказывают интерес и запрос государства на данную эволюцию. Так, одним из нормативных актов, который, по сути, сыграл роль драйвера трансформации, являлась национальная программа «Цифровая экономика», которая реализовывалась в период с 2019 по 2024 годы [1]. Данный проект был посвящен ускорению интеграции цифровых технологий в социальную среду и экономику в целом, а его ключевыми целями являлись развитие IT инфраструктуры, обучение кадров, увеличение онлайн взаимодействия через Госуслуги, вопросы перехода на отечественное ПО и развитие программного обеспечения. К действующим на сегодняшний день верхнеуровневым нормативным актам, которые закрепляют дальнейший вектор развития отечественной цифровой трансформации является Указ Президента Российской Федерации «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» в соответствии с пунктом ж касаемо цифровой трансформации государственного и муниципального управления, экономики и социальной сферы [5].

1. Цифровая трансформация традиционных инструментов взаимодействия с органами государственной власти.

Исторический анализ видоизменений инструментов коммуникаций с госорганами за последние десятилетия показывает практически полный переход от бумажных носителей к электронному взаимодействию. Так, например, упомянутый ранее 59-ФЗ от 2 мая 2006 г., закрепляющий право граждан на обращение в госорганы, на текущий момент реализован в онлайн-формате, и практически все федеральные ведомства принимают обращения посредством сети Интернет вместо ранее доминирующей практики обращений на бумажных носителях. Отход от традиций сформировал больший объем самих обращений и, соответственно, ускорил конверсию предложений, проблем, жалоб бизнеса в конкретные решения и ответы госорганов. Качество такой переписки также повысилось, обеспечив большую прозрачность всех процессов и сроков.

Стоит также отметить, что изменения коснулись не только коммуникаций, но и обсуждений законотворческой деятельности. В настоящее время появилось значительное количество электронных сервисов обсуждений нормативно-правовых актов, а также законопроектов. В качестве примеров ключевых и официальных сервисов целесообразно выделить следующие:

- Regulation.gov.ru – один из основных сервисов публичных обсуждений законопроектов;
- http://www.council.gov.ru/services/discussions/laws/ – специализированная площадка для обсуждений законопроектов в рамках деятельности Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации;
- Система обеспечения законодательной деятельности [2] – официальный портал Государственной Думы, который дает возможность мониторинга законопроекта от момента внесения до подписания Президентом РФ.

Лоббистская деятельность, исторически сформированная в политической плоскости, зачастую использует кулуарные, «теневые» инструменты и переговоры для реализации инте-

ресов бизнеса, а сами лоббисты по общемировой практике сопротивляются любым регуляторным изменениям их деятельности. Таким образом, указанные выше электронные сервисы и каналы коммуникаций создают больше транспарентности во всех процессах и вынуждают все больше интересантов участвовать в добросовестных и антикоррупционных практиках. Несмотря на создаваемые за счет цифровизации положительные для лоббистской отрасли предпосылки, для их реализации необходимо соответствующее правовое регулирование во избежание административных решений, которые могут быть потенциальным барьером для качественного канала коммуникаций.

Так, например, развитая инфраструктура сервисов электронного Правительства (ЭП) призвана обеспечить стабильный и удобный цифровой канал коммуникаций. Стоит обратить внимание, что регулируются данные сервисы не единым документом, а рядом базовых законов, таких как 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» (закрепляет право граждан на получение услуг в электронном виде) и постановлений. Согласно информации из публичных источников, а также из опубликованного проекта постановления, Минцифры России в настоящее время рассматривает возможность внесения изменений в правовые акты с целью введения оплаты за обращение в цифровые сервисы ЭП, изначально созданные на безвозмездных принципах, выполняющие базовые и подкрепленные законом функции государства для бизнеса [11]. Последние, в лице крупных компаний и бизнес-ассоциаций, выступили против опубликованного проекта постановления Минцифры России, вводящего плату за обращение к инфраструктуре ЭП. Проект постановления также был раскритикован Минэкономразвития России [12]. По мнению бизнеса, данное решение по формированию тарифов на базовые гос. функции, а именно обращения через изначально бесплатную инфраструктуру, может создать серьезный административный барьер между бизнесом и государством и впоследствии правовую коллизию.

2. Зарубежный опыт цифровизации лоббизма: сравнительно-правовой аспект.

Полезным представляется анализ положительного опыта США, особенно учитывая уровень институционализации, а также баланс интересов бизнеса и государства. Вместе с тем целесообразно рассмотреть также глобальные зарубежные тренды и впоследствии выработать предложения для отечественной правовой системы.

2.1. Цифровые реестры.

В США и ЕС в настоящее время активно используются цифровые реестры, которые уже показывают свою эффективность. Так, в рамках закона о лоббизме в США существует реестр LDA, а в ЕС реестр прозрачности. Данные публичные цифровые реестры формируют обязательства о раскрытии информации о лоббистах и их деятельности. Дополнительно стоит отметить, что разница между реестрами ЕС и США заключается в обязательствах предоставлять данные. В ЕС внесение информации о лоббистской деятельности дает преференции, например, возможность оформления постоянного пропуска в органы ЕС, однако не является обязательством, в то время как в США существуют жесткие требования к предоставлению информации и санкции за ее отсутствие. Информация содержит не просто данные о лоббистах, но и их финансирование и конкретные законопроекты, на которые направлены их усилия.

На примере вышеуказанных сервисов, таких как Regulation.gov.ru, стоит отметить, что отечественный опыт в настоящее время ограничен лишь фиксацией факта участия той или иной организации в обсуждении законопроекта, но детализированная информация о бенефициарах, бюджетах и лоббистах полностью отсутствует.

2.2. Использование ИИ аналитики и Big Data.

На сегодняшний день в США активно используются сервисы цифрового анализа данных искусственным интеллектом, например, в рамках таких сервисов как FiscalNote или Quorum [14]. Их задача – анализировать различные источники данных, в том числе ранее проведенные голосования по законопроектам, социальные активности, различные публичные выступления чиновников и др. Таким образом, лоббисты могут найти актуальную точку входа в государственную дискуссию за счет технологического инструмента.

Ранее для реализации такого уровня мониторинга документов корпорации нанимали значительный штат аналитиков и несли финансовые издержки.

Аналогов подобных сервисов в России пока нет, однако существуют сервисы, выполняющие такие задачи по отдельности, и сервисы, имеющие широкий функционал возможностей, например «Платформа сорегулирования» (https://coregulation.ru/) и «ПравоТех» (https://pravo.tech/).

Правовые риски существования подобных систем без прямых законов сосредоточены, прежде всего, на потенциальном неравенстве пользователей сервисов. Так крупный бизнес готов расходовать значительные бюджеты для получения доступа к аналитическим сервисам, обеспе-

чивая себе преимущество в лоббистской деятельности сравнительно с малым бизнесом. Регулирование данной сферы обеспечит снижение риска того, что государственные органы будут действовать в интересах монополистов и крупного бизнеса.

Вместе с тем нельзя не отметить, что сервисы с ИИ не всегда используются в добросовестных целях: так, помимо указанной выше аналитики, зачастую, например в зарубежной практике, добавляется использование сервиса для генерации большого объема публикаций или комментариев в социальных сетях, формирующих имитацию общественного мнения с целью оказания давления на законодателя или на чиновников, участвующих в законотворческой деятельности. Внедрение стандартов для ограничений подобных практик могло бы быть полезным для лоббистской деятельности.

2.3. Технология блокчейн для верификации правок и установления авторства.

В ряде стран реализуется использование инструмента блокчейна, который фиксирует правки, внесенные в законопроекты, их авторство, а также обеспечивает прозрачность голосования, где пользователю присваиваются ID и возможность цифровой подписи. Подобные пилотные проекты уже успешно протестированы в Бразилии (Платформа Mudamos) [15], а также в Эстонии (технология KSI (Keyless Signature Infrastructure) в части обеспечения безопасности госреестров [16].

В Российской Федерации реализация подобного опыта могла бы, например, гарантировать отсутствие скрытых изменений, внесенных в законопроект между чтениями Госдумы.

3. Основные тренды отечественного цифрового GR и лоббизма.

В настоящее время в Российской Федерации прослеживается технологическое развитие по всем современным зарубежным трендам. При этом наблюдается классическое разделение интересантов развития сервисов: так часть сервисов созданы для бизнеса, который стремится проанализировать и дать ответ на регуляторные изменения и для государства, которое производит более совершенные каналы коммуникаций, а также внедряет современные инструменты госуправления и оптимизации. Лоббисты же пользуются полным спектром инструментов и бизнеса, и государства.

Так, ключевыми направлениями технологического развития для бизнеса являются:

Big tech – обработка данных о правовой деятельности и анализ потенциальных рисков, связанных с внесением законопроектов. Отечественный GR в настоящее время все больше опирается на подобные сервисы, и это позволяет сократить количество юристов, задействованных в цепочке мониторинга. Более того, указанный выше сервис «Платформа сорегулирования» позволяет конструировать саму позицию на законопроект, тем самым сокращая требования к GR-специалистам и упрощая их функционал. Стоит также повторно отметить, что сервисы, которые часто используются зарубежными лоббистами, в Российской Федерации могут позволить себе лишь крупные корпорации, так как стоимость подписки крайне высокая. Также необходимо обратить внимание, что коммерческое прогнозирование рисков и доступ к открытым госданным с правовой точки зрения никак не регулируется и, следовательно, ответственности за решения, принятые под воздействием алгоритмов и ИИ-конструкций, не предусмотрено.

Legal tech – автоматизация мониторинга нормативно-правовой базы. Ранее в России существовали только базовые электронные справочно-правовые сервисы, крупнейшими представителями которых являются «Консультант» и «Гарант». В настоящее время данная отрасль активно развивается, и обновленные версии указанных систем уже способны предложить ИИ-решения для, например, адресного поиска судебной практики или проверки договоров, а также юридических лиц. Также набирают популярность среди юридических компаний такие сервисы как «ТурбоКонтракт», в рамках которых можно сконструировать различные рамочные и более сложные формы договоров, и сервисы по автоматизации работы юридических отделов и ведения судебных дел, например Pravo Tech. Лоббисты и GR-специалисты реализуют свою деятельность в тесной связке с юридическим блоком, и в этой связи подобные инструменты дают возможность мониторинга отраслевых изменений на ранних стадиях и максимально оптимизируют временные затраты на формирование позиции компании и ее внесение в профильные госорганы.

В свою очередь, ключевыми направлениями государственного технологического развития являются:

Организация платформенного диалога: как указано выше, коммуникация на базе таких площадок как Regulation.gov.ru по сути выводит из тени лоббистов и GR-специалистов, представляющих интересы бизнеса в публичную гласную среду. Таким образом, в ходе дискуссии законопроекты получают дополнительную оценку регулирующего воздействия в цифровом и транспарентном виде;

Цифровая оптимизация: по состоянию на сегодняшний день, уже активно используются типовые алгоритмы ИИ для судов, например, по авто протоколированию (Ростовская область) и

распознанию устной речи для составления протоколов (Башкортостан, Татарстан, Владимирская и Иркутская области). Цель подобных решений – разгрузить судебную систему от типовых юридико-технических действий;

Импортозамещение: в связи с уходом множества зарубежных участников IT-сектора, государство активно инвестирует в переход на полностью отечественное ПО. Данный переход затрагивает почти все сферы, в том числе социальные сети и мессенджеры, примером является внедрение отечественного мессенджера «MAX». Стоит отметить, что эффект от импортозамещения вынуждает лоббистов, которые могли оказывать влияние через иностранные соцсети, формировать аудиторию на новых площадках, которые являются более подконтрольными государству.

4. Цифровые ограничения в Российской Федерации.

В 2026 году в России сформировалась многоуровневая система фильтрации и контроля, базирующаяся на реализации Федерального закона от 1 мая 2019 года № 90-ФЗ о внесении изменений в ФЗ «О связи» и «Об информации, информационных технологиях и о защите информации». В изначальных обсуждениях Госдумы России закон предусматривал цифровой суверенитет и автономность Интернета и был ответом на потенциальную агрессивную зарубежную политику [3].

Так, в рамках реализации вышеуказанного ФЗ технические инструменты в целях борьбы с внешними цифровыми угрозами установлены на оборудовании операторов связи, и это позволяет выполнять широкий спектр действий от замедления трафика до его отсечения. Помимо данных ограничений, основным фокусом госполитики на текущий момент является:

Работа по «Белым спискам»: формирование реестров с доверенными серверами, владеющими отечественными сертификатами безопасности;

Деанонимизация пользователей: аккаунты в популярных сервисах привязываются к так называемому «цифровому профилю» пользователя, который нуждается в авторизации, например, посредством Госуслуг;

Импортозамещение: к ранее упомянутому тренду по импортозамещению добавляется правовое основание для введения штрафов за эксплуатацию зарубежного программного обеспечения и сервисов в рамках критической цифровой инфраструктуры [4].

Соответственно, указанные подходы государства значительно влияют на процессы цифрового лоббирования, расширяя тем самым направления его деятельности:

Режимы исключений: одной из задач лоббизма в условиях жестких ограничений становится внесение организации интересанта в тестовые и экспериментальные правовые режимы, дающие преференции и исключения из правовых и технических ограничений Интернета, а также в «белые списки» или их аналоги;

Лоббизм крупного бизнеса: действующие ограничения могут быть использованы крупными корпорациями как административный барьер и ограничитель конкуренции для среднего и малого бизнеса.

5. Правовые пробелы и перспективы правового регулирования.

Правовая неопределенность лоббизма и GR-деятельности является основной проблемой как для традиционного, так и для цифрового формата деятельности.

Понятие GR и лоббизма в правовой базе России отсутствует, и, соответственно, традиционные формы обращений в госорганы приравниваются к цифровому формату. Несмотря на это, при потенциальной разработке правовых норм уже необходимо учитывать уровень технологического развития, а также следующие аспекты и риски:

1) общие правовые риски развития цифровизации, такие как защита данных, правовой статус электронных коммуникаций, риск недобросовестного использования электронных инструментов (например, из зарубежной практики –для влияния на законодателя через соцсети);
2) развитие цифровых сервисов и GR-инструментов в части определения их правового статуса и ответственности за генерируемые алгоритмы;
3) использование искусственного интеллекта в лоббистской деятельности требует, как минимум, внесения этических норм в будущие стандарты добросовестных практик;
4) лоббирование крупного бизнеса за счет действующих цифровых ограничений. Стоит дополнительно отметить, что GR-сервисы, приведенные выше, требуют постоянных финансовых ресурсов, исходя из этого, лишь узкий круг компаний получает конкурентное преимущество.

6. Перспективы правового регулирования.

В России, начиная с 1996 г., по настоящее время ведутся дискуссии о необходимости принятия прямого закона «О лоббизме» по аналогии с зарубежным опытом ряда передовых стран. В качестве одной из попыток легитимизировать контакты лоббистов и чиновников в 2014 г. Мини-

стерством экономического развития Российской Федерации был разработан и внесен проект закона о совершенствовании механизма взаимодействия органов власти и представителей общественных объединений, индивидуальных предпринимателей и их представителей (портал - regulation.ru), однако законопроект так и не прошел общественные обсуждения [13]. Несмотря на это, лоббизм – явление, существующее в отечественном сегменте и оказывающее существенное влияние на все процессы, происходящие в стране. В выстраивании качественной организации взаимодействия бизнеса и государства заинтересованы обе стороны, а внедрение цифровых инструментов только ускоряет данное взаимодействие и, соответственно, требует правового оформления. В случае запроса в первую очередь со стороны государства на принятие и разработку подобного законодательства необходимо учесть ряд правовых вопросов, связанных с цифровизацией, таких как возможность внедрения электронных реестров, саморегулирование отрасли, цифровой кодекс этики, ответственность и статус цифровых коммуникаций с органами госвласти и ряд особенностей GR-платформ.

Таким образом, проанализировав основные видоизменения традиционных инструментов взаимодействия с органами госвласти, отечественные и зарубежные тренды, а также текущий статус цифровых ограничений, можно выделить базовые направления правового регулирования, а также потенциальные направления регулирования прямого закона:

- использование зарубежных практик внедрения электронных реестров лоббистов (США, ЕС) и стандартов прозрачности и их законодательное закрепление. Эта мера позволит вывести лоббистов из теневого статуса и обеспечить общественное доверие к деятельности, а также видеть бенефициаров изменений в законопроекты [7];
- развитие направления саморегулирования отрасли [8]. Целесообразным видится объединение отрасли в профессиональные ассоциации, а они, в свою очередь, могли бы принять участие в разработке стандартов этики, применять меры контроля к участникам за их нарушения, а технологичные решения послужили бы драйверами оптимизации и организации данной деятельности. В перспективе это может привести к введению полноценного цифрового кодекса этики лоббистов, исключающего недобросовестные практики, закрепляющего, например, понятия интернет-каналов связи с чиновниками и снижающего таким образом коррупциогенные факторы;
- Совершенствование платформенного диалога. Взаимодействие бизнеса и государства в рамках сервисов публичного обсуждения законопроектов развивается быстрыми темпами, и в этой связи целесообразно правовое закрепление ряда ключевых понятий, в частности, статуса результатов публичного обсуждения, необходимости учета позиции бизнеса [9];
- Внедрение технологии блокчейн в общественные обсуждения и электронные реестры лоббистов. Данная техническая мера позволит выделить все изменения, а также их авторов в процессе обсуждений законопроектов, делая процедуры более транспарентными. В условиях тренда на деанонимизацию цепочка прослеживаемости всех бенефициаров станет полноценной и максимально гласной;
- Предсказуемость фильтрации трафика. Для дальнейшего закрепления официального статуса лоббизма и в рамках ужесточения контроля цифровых процессов целесообразно рассмотреть возможность правового закрепления алгоритмов премодерации, исключив случайные и немотивированные блокировки добросовестных инициатив бизнес-сообщества [10]. Смещая ответственность со стороны бизнеса на превентивные меры контроля, государство в свою очередь получает общественное и бизнес-доверие, а также предсказуемую цифровую среду;
- Разработка наднациональных стандартов. С учетом того, что Российская Федерация входит в Евразийский экономический союз, подобные инициативы позволят исключить риски цифровой изоляции и потенциальные барьеры к трансграничной GR-деятельности;
- Формирование правового режима доверенных сервисов и платформ. Для работы сервисов, которые анализируют данные по законопроектам и последующего GR-сопровождения позиции компании на государственные инициативы, необходимо сбалансировать доступ к Big Data и оставить гарантированную возможность этого доступа.

Заключение.

По итогам проведенного анализа следуют отметить, что цифровизация оказывает сильнейшее влияние на GR и лоббизм, трансформируя традиционные и формируя новые цифровые инструменты, а также увеличивая саму скорость взаимодействия государства и бизнеса. Вместе с тем Институционализация лоббирования в Рос-

сийской Федерации на сегодняшний день существенно отстает от зарубежной практики, а цифровые инструменты – от рассмотренных зарубежных аналогов, делая эту деятельность теневой и в ряде случаев коррупциогенной. В условиях отсутствия специального закона о лоббистской деятельности возрастают риски, связанные с отсутствием также правового закрепления цифрового формата данной деятельности. Вышеуказанные правовые пробелы требуют совместного и системного решения, что позволит повысить качество госуправления и взаимодействия.

Направление развития правового регулирования и принятие специального законодательства целесообразно рассматривать с учетом разобранных в статье аспектов и эффективных зарубежных практик, таких как создание основ саморегулирования, развитие платформенного диалога, формирование кодекса цифровой этики лоббизма, внедрение новых инструментов контроля (например, блокчейн технологии), внедрение реестров прозрачности, совершенствование механизмов общественных обсуждений и других. В связи с возрастающей технологической сложностью еще одним важным направлением совершенствования выступает политика интеграции лоббистской деятельности во внутренние регламенты органов государственной власти.

Несмотря на ряд действующих в Российской Федерации в настоящее время ограничений, интерес к цифровизации есть как у бизнеса, так и государства, а решение текущих политических и экономических вопросов в стране требует объединения частных и публичных интересов, взаимной поддержки между бизнесом и государством. В свою очередь, цифровизация дает уникальную возможность дополнить будущую отечественную правовую основу и преодолеть таким образом непрозрачную и коррупционную составляющую GR и лоббизма.

Список литературы:

[1] Правительство России: официальный сайт. — Москва. — URL: government.ru (дата обращения: 20.03.2026).

[2] Система обеспечения законодательной деятельности: поиск законопроекта // ГАС «Законотворчество». — URL: duma.gov.ru (дата обращения: 22.03.2026).

[3] Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации: официальный сайт. — URL: http://duma.gov.ru/news/44676/ (дата обращения: 20.03.2026).

[4] О введении штрафов до 500 тысяч рублей за нарушение правил эксплуатации объектов КИИ // Кодекс: электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. — URL: cntd.ru (дата обращения: 20.03.2026).

[5] Указ Президента Российской Федерации от 03.04.2024 № 228 «О вопросах обеспечения национальной безопасности Российской Федерации» // Официальный сетевой ресурс Президента России. — URL: kremlin.ru (дата обращения: 16.04.2026).

[6] Кулакова Т. А. GR и процесс принятия политических решений // Формирование системы цивилизованного лоббизма в России: GR и проблемы эффективности взаимодействия общества и власти / под ред. В. И. Быкова, Л. Н. Галенской, Л. В. Сморгунова. — СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2006. — С. 53.

[7] Прусс Я. Анализ опыта правового регулирования лоббизма в США и ЕС и перспективы применения зарубежного опыта в Российской Федерации // Вопросы российской юстиции. — 2022. — № 21. — С. 114–125.

[8] Филиппова С. Ю. Цифровые платформы как субъекты саморегулирования: правовые аспекты // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. — 2021. — № 5. — С. 54–68.

[9] Шарно О. И. Совершенствование правового обеспечения реализации GR-менеджмента в условиях цифровизации // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. — 2020. — № 2. — С. 272–276.

[10] Володенков С. В. Управление современным обществом в условиях цифровизации: алгоритмический аспект // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. — 2020. — № 4. — С. 7–21.

[11] Тариф «Бизнес»: Минцифры вводит плату для компаний за использование госсервисов // Forbes.ru. — 2023. — 15 авг. — URL: forbes.ru (дата обращения: 24.03.2026).

[12] Минэкономики раскритиковало проект взимания платы за использование бизнесом СМЭВ // Интерфакс. — 2023. — 20 сент. — URL: interfax.ru (дата обращения: 13.03.2026).

[13] Хавина А. Судебный прецедент: понятие и место в системе источников права // Экономика и жизнь (Ваш партнер-консультант). — 2014. — 18 сент. (№ 36). — URL: eg-online.ru (дата обращения: 16.04.2026).

[14] Pammolli F., Sobbrio G. Tools of digital innovation in public affairs management: A practice-oriented analysis // Journal of Public Affairs. — 2023. — Vol. 23, No. 1. — e2845.

[15] Lemos R. Using the Blockchain for the Public Interest // Medium / ITS Rio. — 2016. — URL: medium.com (дата обращения: 20.04.2026).

[16] Semenzin S. et al. Blockchain-based application at a governmental level: disruption or illusion? The case of Estonia // Policy and Society. — 2022. — Vol. 41, No. 3. — P. 384–399.

References:

[1] Government of Russia: official website. - Moscow. - URL: government.ru (access date: 20.03.2026).

[2] Legislative support system: search for a bill//GAS "Lawmaking." - URL: duma.gov.ru (access date: 22.03.2026).

[3] State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation: official website. - URL: http://duma.gov.ru/news/44676/ (access date: 20.03.2026).

[4] On the introduction of fines of up to 500 thousand rubles for violation of the rules for the operation of KII facilities//Code: electronic fund of legal and regulatory technical documents. - URL: cntd.ru (access date: 20.03.2026).

[5] Decree of the President of the Russian Federation of 03.04.2024 No. 228 "On issues of ensuring the national security of the Russian Federation "// Official network resource of the President of Russia. - URL: kremlin.ru (access date: 16.04.2026).

[6] Kulakova T. A. GR and the process of making political decisions//Formation of a system of civilized lobbying in Russia: GR and the problems of the effectiveness of interaction between society and power/ed. V. I. Bykova, L. N. Galenskaya, L. V. Smorgunova. - St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg University, 2006. - S. 53.

[7] Pruss Ya. Analysis of the experience of legal regulation of lobbying in the USA and the EU and the prospects for applying foreign experience in the Russian Federation//Issues of Russian justice. — 2022. — № 21. - S. 114-125.

[8] Filippova S. Yu. Digital platforms as subjects of self-regulation: legal aspects//Bulletin of Moscow University. Series 11. Right. — 2021. — № 5. - S. 54-68.

[9] Sharno O. I. Improvement of legal support for the implementation of GR management in the context of digitalization//State and Municipal Administration. Scholarly notes. — 2020. — № 2. - S. 272-276.

[10] Volodenkov S.V. Management of modern society in the context of digitalization: algorithmic aspect//Bulletin of Moscow University. Series 12. Political sciences. — 2020. — № 4. - S. 7-21.

[11] Tariff "Business": The Ministry of Digital Industry introduces a fee for companies for the use of state services// Forbes.ru. — 2023. - Aug 15 - URL: forbes.ru (accessed on: 24.03.2026).

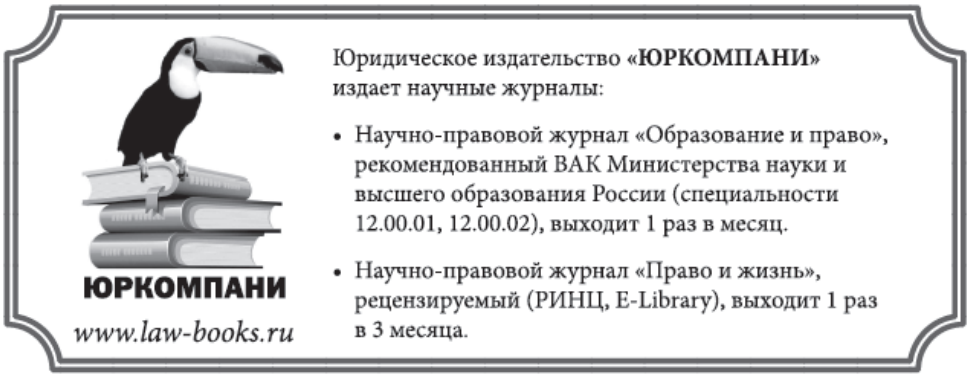
[12] The Ministry of Economy criticized the project of charging fees for the use of SMEV by business//Interfax. — 2023. - September 20 - URL: interfax.ru (access date: 13.03.2026).

[13] Khavina A. Judicial precedent: the concept and place in the system of sources of law//Economics and life (Your consulting partner). — 2014. - September 18 (No. 36). - URL: eg-online.ru (access date: 16.04.2026).

[14] Pammolli F., Sobbrio G. Tools of digital innovation in public affairs management: A practice-oriented analysis // Journal of Public Affairs. — 2023. — Vol. 23, No. 1. — e2845.

[15] Lemos R. Using the Blockchain for the Public Interest // Medium / ITS Rio. — 2016. - URL: medium.com (access date: 20.04.2026).

[16] Semenzin S. et al. Blockchain-based application at a governmental level: disruption or illusion? The case of Estonia // Policy and Society. — 2022. — Vol. 41, No. 3. — P. 384–399.

- ПРАВОСУДИЕ И СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА -

Дата поступления рукописи в редакцию: 28.03.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-4-162-168
Дата принятия рукописи в печать: 03.05.2026 г.

ГАБАЗОВ Тимур Султанович,
к.ю.н., старший преподаватель кафедры
гражданского права и процесса юридического факультета
ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет
им. А.А. Кадырова»,
ORCID: 0000-0002-4348-8988,
e-mail: gts.82@mail.ru

ГАБАЗОВА Хава Тимуровна,
студент 1 курса юридического факультета
ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет
им. А.А. Кадырова»,
e-mail: mail@law-books.ru

ИМИДЖ СУДЬИ КАК ФАКТОР ОБЩЕСТВЕННОГО ДОВЕРИЯ К ПРАВОСУДИЮ

Аннотация. *В представленной работе рассматривается процесс формирования образа судьи через призму восприятия его личностных, интеллектуальных и профессиональных характеристик социумом. Авторы анализируют, каким образом оценка этих качеств влияет на статус судьи как публичного лица, олицетворяющего судебную власть. Особое внимание уделяется механизмам трансляции общественных ожиданий на личность носителя судейских полномочий. В ходе исследования делается вывод о том, что судья в общественном сознании воспринимается не столько как частное лицо, сколько как носитель важной социальной функции, воплощающий ожидания граждан в справедливом разрешении конфликтов. Подчеркивается, что формируемый судьей образ должен служить эталоном поведения и нравственным ориентиром для общества. Авторами также анализируются зарубежные практики формирования позитивного образа судьи и их применимость в отечественной правовой системе.*

Ключевые слова*: общественное доверие, профессиональный образ, судейский корпус, социум, правосудие, авторитет власти.*

GABAZOV Timur Sultanovich,
PhD in Law, senior Lecturer at the Faculty of Law
FSBEI HE «Chechen State University
named after A.A. Kadyrov»

GABAZOVA Khava Timurovna,
first-year student of the Faculty of Law
FSBEI HE «Chechen State University
named after A.A. Kadyrov»

THE JUDGE'S IMAGE AS A FACTOR OF PUBLIC TRUST IN JUSTICE

Annotation. *This paper examines the process of forming a judge's image through the prism of society's perception of his personal, intellectual and professional characteristics. The authors analyze how the assessment of these qualities affects the status of a judge as a public person embodying the judiciary. Special attention is paid to the mechanisms of translating public expectations to the personality of the bearer of judicial powers. The study concludes that in the public consciousness, a*

judge is perceived not so much as a private individual, but as a bearer of an important social function, embodying the expectations of citizens in a fair resolution of conflicts. It is emphasized that the image formed by the judge should serve as a model of behavior and a moral guideline for society. The authors also analyze foreign practices of forming a positive image of a judge and their applicability in the domestic legal system.

Key words: *public trust, professional image, judicial corps, society, justice, authority of power.*

Актуальность изучения имиджа судьи в современном обществе обусловлена несколькими фундаментальными факторами. Во-первых, судебная власть занимает особое положение в системе разделения властей, выступая арбитром в спорах как между частными лицами, так и между гражданином и государством. От того, насколько авторитетен и уважаем суд, зависит не только судьба конкретных людей, но и стабильность общественных отношений в целом. Во-вторых, в информационном обществе, когда новости о громких судебных процессах мгновенно распространяются через средства массовой информации и социальным сетям, каждый судья, независимо от его желания, становится публичной фигурой. Его поведение, высказывания и даже внешний вид подвергаются пристальному вниманию и оценке со стороны общества.

Образ судьи – явление многогранное, включающее профессиональные компетенции, морально-этические ориентиры и внешние атрибуты. Это не просто внешняя оболочка, а эффективный инструмент, оказывающий непосредственное влияние на степень доверия граждан ко всей судебной системе. В юридической науке проблема образа (имиджа) судьи долгое время оставалась на периферии исследовательского интереса, уступая место изучению процессуальных и содержательных аспектов судейской деятельности. Однако современные реалии диктуют необходимость комплексного подхода, сочетающего правоведение с социологией, психологией и теорией коммуникаций.

Прежде чем перейти к непосредственному анализу имиджа судьи, необходимо определиться с понятийным аппаратом. Основой взаимодействия человека и государства является доверие. Эта категория не является врожденной, она формируется и укрепляется на протяжении всего жизненного пути индивида и напрямую зависит от его действий и решений. Именно действия формируют целостный образ (имидж) личности в глазах окружающих. От того, насколько позитивен этот образ, зависит положение человека в неформальной социальной иерархии, в профессиональной среде и в обществе в целом.

В социологической и психологической литературе понятие имиджа трактуется неоднозначно. Одни исследователи понимают имидж как совокупность внешних характеристик, другие акцентируют внимание на внутренних качествах, транслируемых вовне. Применительно к судейской деятельности наиболее продуктивным представляется подход, согласно которому имидж судьи представляет собой целостный, качественно определенный образ, устойчиво живущий и воспроизводимый в массовом и/или индивидуальном сознании. Особенность имиджа судьи состоит в том, что он формируется не стихийно, а целенаправленно, с учетом требований закона и кодекса судейской этики.

Зачастую индивиды выносят суждения о других, опираясь на субъективную оценку их личностей. Этот механизм в полной мере распространяется и на отношение к судебной системе. Общественная поддержка легитимности суда основана не на глубоком анализе правовых конструкций, а на оценке личности тех, кто представляет эту власть. Гражданин, не обладающий специальными юридическими познаниями, вряд ли станет вникать в тонкости судопроизводства; он воспринимает «картинку», внешнее выражение власти. Этот тезис подтверждают многочисленные социологические опросы, респонденты которых затрудняются оценить судебную систему в целом, но при этом имеют четкое мнение о конкретном судье, с которым они сталкивались лично или о котором знают из публикаций.

Следовательно, отношение к правосудию во многом зависит от того, кто именно вершит этот суд. Имидж судьи аккумулирует в себе совокупность субъективных и объективных факторов. К субъективным относятся внешние данные: опрятность, манеру держаться, выражение лица, ухоженность, эмоциональное состояние во время процесса. Несмотря на кажущуюся поверхностность, эти аспекты играют ключевую роль, поскольку первичное восприятие человека всегда строится на визуальном контакте. Как справедливо отмечают некоторые исследователи, «психологическое воздействие на аудиторию начинается задолго до начала речи, с момента появления перед публикой» [4].

Объективными слагаемыми образа выступают глубина знания законодательства, нравственная устойчивость, соблюдение процессуального этикета и культура речи. Само понятие «имидж» (от лат. imago — «образ») этимологически связано с латинским глаголом imitari, означа-

ющим «подражать» или «воспроизводить». В современной интерпретации, согласно словарю С.И. Ожегова, имидж трактуется как представление о внутреннем облике человека [5]. Применительно к судейской деятельности это представление должно быть не просто позитивным, но и эталонным, поскольку судья является носителем государственной власти.

Содержание имиджа судебной власти выходит далеко за рамки сугубо юридических категорий. Формально-правовые аспекты неразрывно связаны с духовно-нравственными основами существования и базируются на ценностях демократической культуры. Свобода судопроизводства как моральная позиция становится основой судейского творчества. Эта свобода обретает реальную форму лишь тогда, когда суд как субъект властных отношений демонстрирует свою готовность быть независимым. Психологически независимость судьи должна быть очевидна для всех участников процесса, что достигается, в том числе, за счет соответствующих коммуникативных техник и поведенческих паттернов.

В структуре образа суда можно выделить три ключевых компонента: авторитет, ответственность и независимость (неприкосновенность).

Авторитет формируется, прежде всего, качеством выносимых процессуальных актов — будь то обвинительный приговор или судебный приказ. Однако авторитет складывается не только из финальных решений, но и из поведения судьи в процессе. Способность выслушать стороны, корректность задаваемых вопросов, терпение и уважение к участникам процесса — все это работает на создание авторитетного образа. Важно понимать, что авторитет судьи не может быть навязан административными методами; он достигается исключительно профессиональной деятельностью и моральными качествами.

Ответственность проистекает из предоставленной судье свободы интерпретирования права и обоснования решений в рамках конкретного дела. Ответственность судьи — это не только правовая категория, предполагающая возможность привлечения к дисциплинарной или иной ответственности за нарушения. Это, прежде всего, внутреннее ощущение долга перед обществом и конкретными людьми, судьбы которых зависят от вынесенного решения. Судья, осознающий степень своей ответственности, никогда не позволит себе быть небрежным в формулировках, пренебрегать доводами сторон или поверхностно изучать материалы дела.

Неприкосновенность выступает гарантом независимости и беспристрастности при отправлении правосудия. Этот элемент имиджа является самым сложным для общественного восприятия. Неприкосновенность судей часто интерпретируется обычными людьми как привилегия, ставящая судью выше законом. Задача формирования позитивного имиджа в этой части заключается в том, чтобы донести до общества понимание: неприкосновенность — это не личная привилегия, а инструмент, обеспечивающий независимость суда и, в конечном счете, право каждого гражданина на справедливое разбирательство независимым судом.

Эти элементы не только взаимосвязаны, но и неотделимы от таких категорий, как нравственность и совесть. Совесть судьи является внутренним регулятором, не позволяющий отклониться от требований закона и морали даже в тех случаях, когда внешний контроль отсутствует или затруднен.

Истоки проблемы формирования имиджа судебной власти уходят корнями в эпоху размежевания права и морали, в период становления нормативных систем в раннеклассовых обществах. Анализ культур древних цивилизаций свидетельствует о сакральном характере судебной власти, которая долгое время осуществлялась от имени божественных сил. Даже в период поздней античности и средневековья, с появлением первых светских судов, этот высокий статус во многом сохранялся.

В Древней Греции судьи пользовались огромным уважением, а процесс отправления правосудия был окружен множеством ритуалов, подчеркивавших его значимость. В Древнем Риме судейская деятельность считалась почетной и доступной только лицам с безупречной репутацией. Римские юристы, многие из которых занимали судейские должности, на многие столетия стали образцом профессиональной этики.

В средневековой Европе судебные функции часто выполняли представители духовенства, что придавало суду дополнительную сакральную ауру. Даже после секуляризации судебной системы многие ритуалы и атрибуты сохранились. Мантия судьи, например, берет свое начало от одеяний, которые носили ученые средневековых университетов и священнослужителей, символизируя мудрость и стремление к истине [8].

В российской истории особого внимания заслуживает судебная реформа 1864 года, которая не только изменила судоустройство и судопроизводство, но и сформировала принципиально новый образ судьи. Судьями в пореформенной России являются, как правило, высокообразованные юристы, обладающие независимостью и несменяемостью. Введение суда присяжных и адвокатуры потребовало от судей новых коммуникативных навыков: умения управлять процессом, сохраняя при этом беспри-

страстность, и одновременно поддерживать авторитет судебной власти в глазах непрофессиональной аудитории [9]. Присяжные заседатели, не имевшие юридического образования, оценивали не только доказательства, но и личность судьи, его манеру ведения процесса. Это предъявляло повышенные требования к имиджевой составляющей судейской деятельности.

Необходимо подчеркнуть, что в условиях современного демократического государства судья не является полностью автономной фигурой; его личность неразрывно связана с образом государства и его институтов [6]. В массовом сознании принимаемые судом решения проецируются на всю систему правосудия. Как верно отмечено в научной литературе, «репутация представляет собой настолько хрупкую категорию, что даже незначительная судейская ошибка способна подорвать ее, бросив тень на все судейское сообщество в целом» [2].

Данный тезис имеет не только теоретическое, но и важное практическое значение. Он означает, что каждый конкретный судья, рассматривая рядовое, казалось бы, дело, должен осознавать: его действие или бездействие, решение или процессуальная ошибка будут проецироваться на всю судебную систему. Особенно остро эта проблема стоит в условиях небольших городов и районов, где судья является фактически единственным публичным представителем судебной власти, и отношение к суду у местного сообщества формируется исключительно на основе опыта общения с ним.

В этой связи особую значимость приобретает тщательный отбор кандидатов на судейские должности, где необходимо оценивать не только профессиональный уровень (образование, стаж), но и нравственные качества претендента. Процедуры наделения судей полномочиями должны включать в себя не только проверку профессиональных знаний, но и изучение личности кандидата, его репутации в профессиональном сообществе и среди населения. Квалификационные коллегии судей при принятии решений о рекомендации на должность должны уделять повышенное внимание не только формальным показателям, но и тому, каким потенциалом для формирования позитивного имиджа судебной власти обладает кандидат.

Проще говоря, судья выступает не как частное лицо, а как публичный представитель, выполняющий важнейшую социальную миссию. В личности судьи персонифицируются общественные ожидания справедливого и гуманного разбирательства. Это налагает на судью дополнительные обязательства, выходящие за рамки простого соблюдения закона. Судья обязан быть образцом правопослушного поведения не только в зале суда, но и в повседневной жизни. Любые его действия, становящиеся достоянием общественности, оцениваются сквозь призму его статуса.

Мировая практика знает различные модели наделения судей полномочиями. В большинстве государств они назначаются органами исполнительной или законодательной власти. Однако в некоторых странах (например, в ряде штатов США — Мэриленд, Нью-Йорк, Арканзас, а также в отдельных кантонах Швейцарии) практикуются выборы судей населением. В таких случаях имидж приобретает решающее значение, так как от того, насколько успешно кандидат презентует себя избирателям, зависит его избрание на должность.

Американский опыт выборности судей представляет особый интерес для исследователей. В штатах, где применяются судейские выборы, кандидаты вынуждены проводить избирательные кампании, собирать пожертвования, выступать перед избирателями. Критики этой системы указывают на то, что она ставит судей в зависимость от спонсоров и политических групп, подрывая тем самым независимость суда. Сторонники же утверждают, что выборы делают судей подотчетными народу и стимулируют их к поддержанию позитивного имиджа.

В странах романо-германской правовой семьи, к которой принадлежит и Россия, преобладает назначение судей, часто пожизненное. Это призвано обеспечить максимальную независимость судей от политической конъюнктуры. Однако отсутствие прямой выборности не снимает вопроса об имидже. Напротив, в условиях, когда граждане не могут напрямую влиять на формирование судейского корпуса, значение имиджа как инструмента легитимации судебной власти возрастает многократно.

Для поддержания высокого статуса и укрепления имиджа судьи исторически сложилась целая система церемониальных атрибутов и ритуалов. К ним можно отнести принесение присяги при вступлении в должность, соблюдение обязательной формы одежды (мантии) при отправлении правосудия. Во многих странах судьи носят мантии (черные или красные), а в Великобритании и некоторых бывших колониях — также парики (в уголовных процессах). Использование мантии и парика призвано нивелировать личностные особенности и подчеркнуть, что решение принимается не на основе личных пристрастий, а исключительно в соответствии с законом.

Интересно отметить, что в Великобритании в последние десятилетия ведутся дискуссии о полном отказе от париков как анахронизма.

Часть судей и адвокатов выступает за сохранение традиции, подчеркивая ее важность для поддержания авторитета суда. Другие отмечают, что парики выглядят неестественно и создают ненужную дистанцию между судом и участниками процесса, особенно в делах с участием присяжных. Этот спор наглядно демонстрирует, что даже устоявшиеся имиджевые атрибуты могут быть пересмотрены в зависимости от меняющихся общественных ожиданий.

Гарантии несменяемости и неприкосновенности (зачастую пожизненное назначение до достижения определенного возраста) служат цели оградить судей от политического давления. В различных правовых системах эти гарантии реализуются по-разному, но их наличие является общепризнанным стандартом независимого правосудия. При этом важно, чтобы механизмы привлечения судей к ответственности были прозрачными и эффективными, поскольку безнаказанность судей за проступки, порочащие их образ, способна дискредитировать судебную систему не меньше, чем внешнее давление.

Формы обращения к суду также подчеркивают его особый статус. В различных правовых системах приняты обращения «Ваша честь», «господин председатель». Российское процессуальное законодательство предписывает участникам процесса обращаться к суду со словами «Уважаемый суд», а к судье — «Ваша честь» (ч. 3 ст. 257 УПК РФ) [7]. Данные формы обращения не являются простой формальностью. Они выполняют важную психологическую функцию, постоянно напоминая участникам процесса и самому судье о его особом статусе и связанных с ним обязанностях.

Культура речи судьи заслуживает особого внимания. Судья должен говорить ясно, грамотно и недвусмысленно. Недопустимо использование просторечных выражений, жаргона и фамильярных оборотов. При этом речь не должна быть заведомо усложнена, излишне перегружена юридическими терминами без необходимости, особенно в процессах с участием граждан, не имеющих юридического образования. Умение объяснить сложные правовые конструкции простым и понятным языком является важной составляющей профессионального мастерства судьи и значимым фактором формирования его позитивного имиджа. Данное обстоятельство закреплено и на законодательном уровне (ч. 1 ст. 193 ГПК РФ) [10].

В последние годы все большее значение приобретает поведение судей в информационном пространстве. Активное развитие социальных сетей создает новые вызовы для судейского сообщества. С одной стороны, присутствие судей в публичном пространстве могло бы способствовать повышению открытости судебной системы и формированию ее позитивного имиджа. С другой стороны, любые неосторожные высказывания, записи или комментарии могут быть использованы для дискредитации как конкретного судьи, так и всей судебной системы. В связи с этим в ряде стран разрабатываются рекомендации и правила поведения судей в социальных сетях, направленные на то, чтобы использование современных коммуникационных технологий не вступало в противоречие с требованиями судейской этики.

Можно предположить, что в странах с выборной системой формирования судейского корпуса имидж судьи играет еще более важную роль, поскольку общество возлагает на избранника повышенную моральную ответственность за принимаемые решения. Сам судья обязан строго соблюдать связанные с его статусом ограничения, чтобы оправдать доверие граждан. Однако и в странах с назначаемой системой значение имиджа нельзя недооценивать.

Образ судьи — это постоянный поиск баланса между профессиональной безупречностью и проявлением человеческих качеств, не противоречащих закону. С одной стороны, судья не может быть полностью закрыт от общества, он должен оставаться человеком, способным к состраданию и пониманию. С другой стороны, любая излишняя эмоциональность, демонстрация личных симпатий или антипатий могут быть истолкованы как проявление необъективности.

Особую сложность представляет поведение судьи во внеслужебное время. Формально судья волен распоряжаться своим досугом по собственному усмотрению. Однако фактически на него распространяются повышенные требования к поведению в публичных местах. Посещение сомнительных заведений, участие в мероприятиях, которые могут быть истолкованы неоднозначно, даже круг общения — все это становится предметом общественного внимания и оценки.

При этом важно разграничивать понятия «имидж» и «статус». Имидж — категория более субъективная, формируемая как самим судьей, так и общественным мнением. Он может меняться, корректироваться, на него можно влиять с помощью коммуникативных стратегий. Статус же представляет собой объективную правовую реальность, устанавливаемую законом и гарантируемую государством. Статус судьи един для всех представителей судейского сообщества, тогда как имидж может варьироваться в зависимости от личных качеств, манеры поведения и конкретных обстоятельств.

Обобщая вышесказанное, можно предложить ряд практических рекомендаций, направленных на формирование и поддержание позитивного имиджа судьи:

1. Непрерывное профессиональное развитие. Судья должен постоянно совершенствовать свои знания, следить за изменениями законодательства и судебной практики. Профессиональная компетентность — основа авторитета.
2. Развитие коммуникативных навыков. Умение слушать, четко формулировать вопросы и решения, контролировать свои эмоции — важные составляющие имиджа.
3. Внимание к внешнему виду. Строгий деловой стиль, опрятность, отсутствие вызывающих деталей в одежде и аксессуарах — обязательное требование к внешнему облику судьи.
4. Осмотрительность в публичном пространстве. Судье следует избегать любых публичных заявлений и действий, которые могут быть истолкованы как проявление политических пристрастий или личной заинтересованности.
5. Повышение открытости правосудия. Участие в обобщении судебной практики, публикация статей, выступления перед юридической общественностью способствуют формированию позитивного профессионального имиджа.
6. Соблюдение этики во внеслужебное время. Поведение судьи вне работы не должно давать повода для сомнений в его моральных качествах и объективности.

Подводя итог проведенному исследованию, следует отметить, что имидж судьи является сложным, многосоставным феноменом, имеющим важнейшее значение для функционирования судебной системы и государства в целом. Формирование позитивного образа судьи не является сугубо личным делом каждого носителя судейских полномочий. Это общегосударственная задача, от решения которой зависит уровень доверия граждан к правосудию, а следовательно, и стабильность общественных отношений.

В современном мире, где информационные потоки играют определяющую роль, значение имиджевых характеристик будет только возрастать. Судейское сообщество должно осознавать эту реальность и вырабатывать адекватные стратегии реагирования на новые вызовы. При этом важно сохранить баланс между открытостью и необходимой дистанцией, между человеческими качествами и профессиональной безупречностью.

Дальнейшие исследования в этой области могли бы быть направлены на изучение механизмов обратной связи между обществом и судебной системой, на выработку конкретных методик оценки имиджа судей, а также на сравнительный анализ успешных практик формирования позитивного образа судьи в различных правовых системах.

Список литературы:

[1] Бердникова Н. Имидж современного юриста // [Электронный ресурс]. —URL: http://ruikirov.narod.ru/science-001.shtml.htm (дата обращения: 07.02.2026).

[2] Васьковский, Е. В. Курс гражданского процесса: субъекты и объекты процесса, процессуальные отношения и действия / Е. В. Васьковский; под редакцией Д. Х. Валеев. — Москва: Статут, 2016. — 624 с.

[3] Габазов, Т. С. Репутация как основной критерий имиджа судьи / Т. С. Габазов, К. М. Зайпулаева // Гражданин и право. — 2022. — № 10. — С. 85-88.

[4] Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002// № 138-ФЗ СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. — URL: https://www.consultant.ru (дата обращения: 07.02.2026).

[5] Кравченко А.И. Юридическая социология. — М.: Проспект, 2010. — С. 317.

[6] Попова, А.В. История государства и права зарубежных стран: краткий курс лекций-/А.В. Попова. – 4-е изд., перераб. И доп. – М.: Издательство Юрайт, 2014. – 248 с.

[7] Скакун О.Ф., Овчаренко Н.И. Юридическая деонтология: Учебник / Под ред. проф. Скакун О.Ф. — Харьков: Основа, 2013. — С. 243.

[8] Толковый словарь Ожегова онлайн [Электронный ресурс]. — URL: https://slovarozhegova.ru (дата обращения: 07.02.2026).

[9] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. — URL: https://www.consultant.ru (дата обращения: 07.02.2026).

[10] Франц А.С. Нравственная культура как ценность // Имиджелогия. Тенденции и перспекь тивы развития. — М.: СТАРТ, 2011. — С. 412.

References:

[1] Berdnikova N. Image of a modern lawyer//[Electronic resource]. - URL: http://ruikirov.narod.ru/science-001.shtml.htm (access date: 07.02.2026).

[2] Vaskovsky, E. V. Course of civil process: subjects and objects of the process, procedural relations and actions/E. V. Vaskovsky; edited by D. Kh. Valeev. - Moscow: Statute, 2016. — 624 c.

[3] Gabazov, T. S. Reputation as the main criterion for the image of a judge/T. S. Gabazov, K. M. Zaipulaev//Citizen and law. — 2022. — № 10. - S. 85-88.

[4] Civil Procedure Code of the Russian Federation dated 14.11.2002//No. 138-FZ of SPS ConsultantPlus [Electronic Resource]. - URL: https://www.consultant.ru (access date: 07.02.2026).

[5] Kravchenko A.I. Legal sociology. - M.: Prospect, 2010. - S. 317.

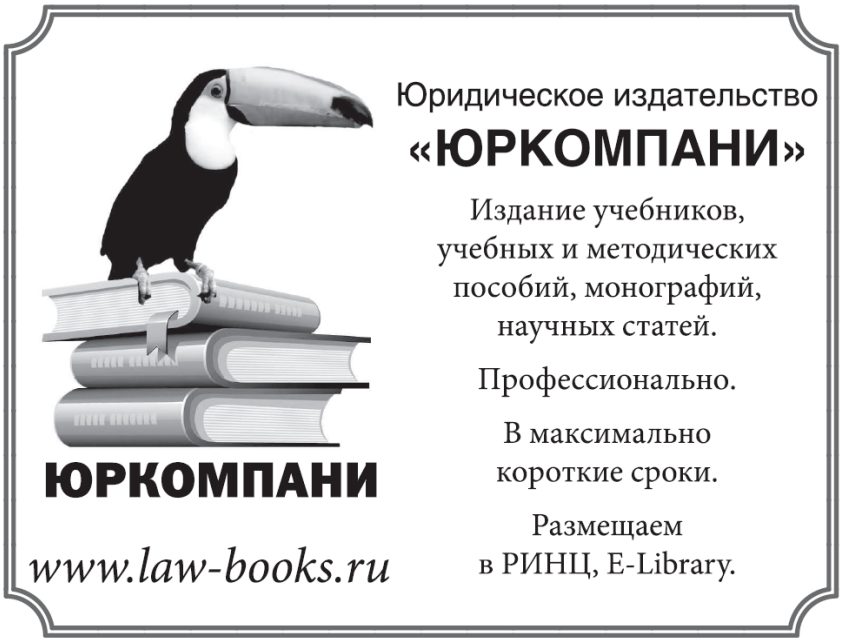
[6] Popova, A.V. History of the state and the law of foreign countries: a short course of lectures/A.V. Popova. - 4th ed., Revised And add. - M.: Yurayt Publishing House, 2014. - 248 s.

[7] Skakun O.F., Ovcharenko N.I. Legal deontology: Textbook/Ed. Prof. Skakun O.F. - Kharkov: Osnova, 2013. - S. 243.

[8] Ozhegov's explanatory dictionary online [Electronic resource]. - URL: https://slovarozhegova.ru (access date: 07.02.2026).

[9] Code of Criminal Procedure of the Russian Federation of 18.12.2001 No. 174-FZ//SPS "ConsultantPlus" [Electronic resource]. - URL: https://www.consultant.ru (access date: 07.02.2026).

[10] Franz A.S. Moral culture as value//Imidzhelogy. Trends and development prospects. - M.: START, 2011. - S. 412.

Дата поступления рукописи в редакцию: 17.04.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.05.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3830-2026-4-169-171

МАКАЗИЕВА Зара Даутовна,
старший преподаватель кафедры
уголовного права, процесса и национальной безопасности
Чеченского государственного университета
имени А. А. Кадырова,
e-mail: zara6756@mail.ru

АХТАЕВА Э.А.,
старший преподаватель кафедры «Таможенное дело»
Грозненского государственного нефтяного технического
университета имени М.Д. Миллинщикова,
e-mail: eliza.mazhaeva@mail.ru

ТАКТИКО-КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ И ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРОВЕРКИ И ОПРОВЕРЖЕНИЯ АЛИБИ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Аннотация. *В статье подвергнуты системному анализу теоретические и прикладные аспекты исследования алиби как специфического способа защиты подозреваемого (обвиняемого). Автор исследует правовую природу алиби через призму презумпции невиновности, классифицирует типичные способы фальсификации доказательств пребывания лица в ином месте и предлагает авторские тактические алгоритмы проверки достоверности сведений об алиби. Особое внимание уделено формированию «цифрового алиби» в условиях трансформации доказательственной базы в современный период.*

Ключевые слова*: алиби, проверка алиби, криминалистическая тактика, доказывание, ложные показания, цифровые следы, бремя доказывания, следственные действия.*

MAKAZIEVA Zara Dautovna,
Senior Lecturer at the Department
of Criminal Law, Process and National Security
Chechen State University named after A. A. Kadyrov

AKHTAEVA E.A.,
Senior Lecturer, Department of Customs Affairs,
Grozny State Petroleum Technological University
named after M.D. Millinshchikov

TACTICAL-FORENSIC AND PROCEDURAL PROBLEMS OF CHECKING AND REFUTING ALIBI IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Annotation. *The article systematically analyzes the theoretical and applied aspects of alibi research as a specific method of protecting a suspect (accused). The author explores the legal nature of alibis through the prism of the presumption of innocence, classifies typical ways of falsifying evidence of a person's stay in another place, and suggests author's tactical algorithms for verifying the reliability of alibi information. Special attention is paid to the formation of a "digital alibi" in the context of the transformation of the evidence base in the modern period.*

Key words*: alibi, alibi check, forensic tactics, proving, false testimony, digital traces, burden of proof, investigative actions.*

Понятие «алиби» (от лат. alibi — в другом месте) в отечественном уголовном процессе (п. 2 ст. 5 УПК РФ) выступает как одно из наиболее императивных обстоятельств, исключающих участие лица в совершении преступления. Несмотря на кажущуюся простоту дефиниции, проверка алиби представляет собой одну из сложнейших задач предварительного расследования. Это обусловлено тем, что заявление об алиби всегда инициирует острую конфликтную

ситуацию, требующую от следователя немедленной перестройки тактического плана и проверки версии, прямо противоположной обвинительной.

Актуальность темы детерминирована необходимостью соблюдения конституционного принципа презумпции невиновности. Как справедливо отмечает С. А. Шейфер, «любое заявление об алиби, даже если оно кажется следствию заведомо ложным, должно быть проверено с той же тщательностью, что и основные улики обвинения» [1, с. 142].

В криминалистической доктрине принято разграничивать алиби по критерию его достоверности на истинное и ложное. Ложное алиби, в свою очередь, классифицируется по способу создания:

1. Алиби, основанное на преднамеренном создании ложных доказательств. Субъект заранее подготавливает свидетелей, создает материальные следы своего присутствия в ином месте (например, бронирование отеля или совершение транзакций по банковской карте третьим лицом).
2. Алиби, основанное на использовании случайных совпадений. Лицо использует факт своего пребывания в публичном месте, где его могли видеть, но смещает временные рамки события в своих показаниях.
3. Алиби, созданное путем добросовестного заблуждения свидетелей. Тактически наиболее сложный вид, при котором свидетели искренне верят, что видели подозреваемого, из-за внешнего сходства с другим лицом или дефектов восприятия времени.

А. Р. Ратинов указывал, что «ложное алиби — это всегда интеллектуальный подлог, требующий от следователя применения методов рефлексивного анализа для вскрытия логических неувязок в искусственно созданной картине событий» [2, с. 228].

Проверка алиби не может ограничиваться лишь формальным допросом лиц, на которых указывает подозреваемый. Требуется реализация системного подхода, включающего следующие этапы:

1. Детальный допрос заявителя об алиби. Следователь обязан получить максимально подробные сведения о маршруте передвижения, погодных условиях, случайных прохожих, деталях интерьера места пребывания. Р. С. Белкин подчеркивал, что «фальсифицированное алиби обычно выглядит слишком гладким и лишенным случайных, живых деталей» [3, с. 315]. Избыточная детализация второстепенных моментов при неспособности вспомнить ключевые факты (например, во что был одет собеседник) часто демаскирует ложность версии.
2. Использование метода «перекрестных» допросов. Допрос свидетелей алиби должен проводиться в максимально сжатые сроки, чтобы исключить возможность согласования показаний. Выявление противоречий в описании мелких деталей (кто первый зашел в помещение, какая музыка играла, кто оплачивал счет) позволяет разрушить легенду.
3. Технико-криминалистическая верификация («Цифровое алиби»). В современных условиях традиционные свидетельские показания отходят на второй план, уступая место объективным данным. Проверка биллинга сотовой связи, анализ лог-файлов подключений к сетям Wi-Fi, изучение записей систем видеонаблюдения «Безопасный город» и данных GPS-трекеров позволяют с математической точностью опровергнуть или подтвердить алиби. Как отмечает Е. Р. Россинская, «цифровой след практически невозможно фальсифицировать в полном объеме без оставления признаков вмешательства в систему» [4, с. 198].

Одной из типичных ошибок следствия является попытка переложить бремя доказывания алиби на самого подозреваемого. С точки зрения ст. 14 УПК РФ, обвиняемый не обязан доказывать свою невиновность. Любое сомнение в достоверности алиби, которое не удалось устранить в ходе расследования, должно толковаться в пользу подсудимого.

Тем не менее, в практике часто встречается феномен «тактического выжидания», когда защита заявляет об алиби только на стадии судебного разбирательства. Это создает дополнительные трудности для обвинения, так как возможности для проверки сведений спустя длительное время существенно ограничены. В таких случаях суду необходимо оценивать причины несвоевременного заявления об алиби через призму тактики защиты.

Особую сложность представляют случаи, когда алиби подтверждается кругом лиц, связанных с подозреваемым узами родства или корпоративной солидарности. Психологическая установка таких свидетелей направлена на оказание помощи «своему» любой ценой. Нейтрализация подобного противодействия возможна через тактический прием «актуализации ответственности». Следователь должен разъяснить свидетелю не только уголовную ответственность за ложные показания, но и тактически продемонстрировать наличие у следствия объективных данных (например, видеозаписей), которые прямо противоречат их словам.

Резюмируя вышеизложенное, следует констатировать, что институт алиби в современном

уголовном процессе трансформируется под влиянием технологического прогресса. Проверка алиби сегодня — это не только психологический поединок допрашиваемого и допрашивающего, но и сложный процесс интеграции цифровых данных в канву доказывания.

Дальнейшее совершенствование методики проверки алиби должно базироваться на разработке алгоритмов оперативного получения информации из автоматизированных систем мониторинга и связи. Только системный, беспристрастный подход к проверке каждой версии о невиновности лица позволит обеспечить подлинную реализацию принципов законности и справедливости в уголовном судопроизводстве.

Список литературы:

[1] Шейфер С. А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования. — М.: Норма, 2009. — 240 с.

[2] Ратинов А. Р. Судебная психология для следователей. — М.: Юрлитинформ, 2001. — 352 с.

[3] Белкин Р. С. Курс криминалистики: в 3 т. Т. 3: Криминалистические средства, приемы и рекомендации. — М.: Юристъ, 1997. — 480 с.

[4] Россинская Е. Р. Криминалистика: учебник. — М.: Норма, 2020. — 464 с.

[5] Баев О. Я. Тактика следственных действий: учебное пособие. — М.: Юрлитинформ, 2013. — 456 с.

[6] Центров Е. Е. Проверка алиби в системе следственных действий // Российский следователь. — 2017. — № 12. — С. 15–20.

[7] Быховский И. Е. Процессуальные и тактические вопросы допроса. — М.: Юрид. лит., 1981. — 176 с.

[8] Коновалов С. И. Теоретико-методологические основы криминалистической тактики. — Ростов-на-Дону: Феникс, 2017. — 224 с.

[9] Образцов В. А. Криминалистика: партитура следственного действия. — М.: Юрлитинформ, 2011. — 312 с.

[10] Криминалистика: учебник для вузов / под ред. Р. С. Белкина. — М.: ГЕОТАР-Медиа, 2021. — 608 с.

[11] Ищенко Е. П. Криминалистика: курс лекций. — М.: Контракт, 2019. — 320 с.

References:

[1] Shafer S.A. Proofs and Evidence in Criminal Cases: Problems of Theory and Legal Regulation. - M.: Norma, 2009. - 240 s.

[2] A. Ratinov Forensic Psychology for Investigators. - M.: Yurlitinform, 2001. - 352 s.

[3] Belkin R. S. Forensic course: in 3 vols. T. 3: Forensic tools, techniques and recommendations. - M.: Lawyer, 1997. - 480 s.

[4] Rossinskaya E.R. Forensics: textbook. - M.: Norma, 2020. - 464 s.

[5] Baev O. Ya. Investigative tactics: a textbook. - M.: Yurlitinform, 2013. - 456 p.

[6] Centers E. E. Verification of alibi in the system of investigative actions//Russian investigator. — 2017. — № 12. - S. 15-20.

[7] I. Bykhovsky. Procedural and tactical questions of interrogation. - M.: Jurid. lit., 1981. - 176 s.

[8] Konovalov S. I. Theoretical and methodological foundations of forensic tactics. - Rostov-on-Don: Phoenix, 2017. - 224 s.

[9] Obraztsov V. A. Forensics: score of investigative action. - M.: Yurlitinform, 2011. - 312 s.

[10] Forensics: a textbook for universities/ed. R. S. Belkin. - M.: GEOTAR-Media, 2021. - 608 s.

[11] Ishchenko E.P. Forensics: a course of lectures. - M.: Contract, 2019. - 320 s.

www.law-books.ru

Юридическое издательство «**ЮРКОМПАНИ**» издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.

Дата поступления рукописи в редакцию: 14.04.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-4-172-177
Дата принятия рукописи в печать: 03.05.2026 г.

БОГДАНОВ Максим Николаевич,
кандидат юридических наук,
старший преподаватель кафедры организации режима,
Псковского филиала Университета ФСИН России,
e-mail: mbogdanov75@mail.ru

ИСАЕВА Елена Дмитриевна,
кандидат юридических наук, доцент кафедры
криминалистики и уголовно-правовых дисциплин
Брянского филиала Орловского юридического института
МВД России имени В.В. Лукьянова,
e-mail: isaevaelena190373@yandex.ru

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ДЕЙСТВИЙ В МЕСТАХ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

Аннотация. *В настоящей научной статье проводится комплексный межотраслевой анализ проблем правового регулирования процессуальных действий, осуществляемых в местах лишения свободы. Автор исследует системные противоречия и коллизии, возникающие на стыке уголовно-процессуального законодательства, нормативных актов об оперативно-розыскной деятельности и уголовно-исполнительного права. Особое внимание уделяется институциональным и процессуальным барьерам, препятствующим эффективному привлечению следователей к производству процессуальных действий в пенитенциарных учреждениях. На основе глубокого изучения научных трудов ведущих процессуалистов и пенитенциаристов выявлены ключевые проблемные зоны современного правового регулирования. В частности, проанализированы вопросы обеспечения процессуальных гарантий в условиях пенитенциарных учреждений, разграничения компетенции между следственными и оперативными подразделениями, а также соблюдения баланса между интересами правосудия и защитой прав осужденных.*

Результаты: В результате исследования разработан комплекс законодательных и организационных мер, направленных на оптимизацию правового регулирования процессуальной деятельности в местах лишения свободы. Предлагается создание специализированных следственных групп, разработка специальных образовательных программ для следователей, а также совершенствование механизма использования результатов ОРД в доказывании.

Ключевые слова*: места лишения свободы, процессуальные действия, следователь, уголовно-процессуальный кодекс, оперативно-розыскная деятельность, уголовно-исполнительное право, правовое регулирование, межотраслевые коллизии, пенитенциарные учреждения, гарантии прав осужденных.*

BOGDANOV Maxim Nikolaevich,
Candidate of Law, Senior lecturer
at the Department of Regime Organization,
Pskov Branch of the University of the Federal
Penitentiary Service of Russia

ISAEVA Elena Dmitrievna,
Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor of the Department
of Criminalistics and Criminal Law Disciplines
of the Bryansk Branch of the V.V. Lukyanov
Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

PROBLEMS OF LEGAL REGULATION OF PROCEDURAL ACTIONS IN PLACES OF DEPRIVATION OF LIBERTY AND WAYS TO SOLVE THEM

Annotation. *This scientific article provides a comprehensive cross-sectoral analysis of the problems of legal regulation of procedural actions carried out in places of deprivation of liberty. The author examines the systemic contradictions and conflicts that arise at the junction of criminal procedure legislation, regulations on operational investigative activities and penal enforcement law. Particular attention is paid to institutional and procedural barriers that prevent the effective involvement of investigators in the conduct of procedural actions in penitentiary institutions. Based on an in-depth study of the scientific works of leading processualists and penitentiaries, key problem areas of modern legal regulation have been identified. In particular, the issues of ensuring procedural guarantees in penitentiary institutions, the division of competence between investigative and operational units, as well as maintaining a balance between the interests of justice and the protection of the rights of convicts are analyzed.*

Results: As a result of the research, a set of legislative and organizational measures has been developed aimed at optimizing the legal regulation of procedural activities in places of deprivation of liberty. It is proposed to create specialized investigative teams, develop special educational programs for investigators, as well as improve the mechanism for using the results of the ARD in evidence.

Key words: *places of deprivation of liberty, procedural actions, investigator, code of Criminal Procedure, operational investigative activities, penal enforcement law, legal regulation, intersectoral conflicts, penitentiary institutions, guarantees of the rights of convicts.*

Актуальность темы исследования обусловлена комплексом системных проблем, характеризующих современное состояние правового регулирования процессуальных действий в местах лишения свободы. Пенитенциарные учреждения как места принудительной изоляции создают уникальную правовую среду, где пересекаются императивы уголовно-процессуального, уголовно-исполнительного и оперативно-розыскного законодательства. Эта специфика порождает многоуровневые правовые коллизии, требующие незамедлительного научного осмысления и законодательного решения.

Особую значимость исследованию придает сохраняющаяся социальная напряженность в пенитенциарной системе, обусловленная как объективными факторами (переполненность учреждений, недостаточное финансирование), так и субъективными обстоятельствами (профессиональная деформация персонала, коррупционные проявления). В этих условиях обеспечение законности при производстве процессуальных действий приобретает характер не только юридической, но и гуманитарной проблемы [1,с. 78-82].

Степень научной разработанности проблемы характеризуется наличием значительного количества исследований в области уголовного процесса и уголовно-исполнительного права. Фундаментальные работы М.П. Полякова, А.Н. Сухарева, С.А. Воронцова заложили теоретическую основу для понимания специфики процессуальной деятельности в условиях пенитенциарных учреждений. Однако динамичное развитие законодательства и появление новых форм преступной деятельности в местах лишения свободы требуют постоянного обновления научного знания и адаптации существующих теоретических наработок к современным реалиям.

Методологическую основу исследования составляют диалектический метод познания, а также комплекс общенаучных и частнонаучных методов: историко-правового анализа, сравнительного правоведения, формально-логического толкования правовых норм. Применение системного подхода позволило рассмотреть проблему как многомерное явление, находящееся на стыке нескольких отраслей права. Использование методов правового моделирования и прогнозирования обеспечило разработку конкретных предложений по совершенствованию законодательства.

Нормативную базу исследования составили международные правовые акты, Конституция РФ, уголовно-процессуальное, уголовно-исполнительное законодательство, ведомственные нормативные акты ФСИН России и Следственного комитета РФ. Эмпирическую основу работы образуют опубликованная судебная практика, статистические данные о производстве процессуальных действий в местах лишения свободы, результаты социологических исследований условий содержания осужденных.

Целью настоящего исследования является выявление системных дисфункций правового регулирования процессуальных действий в местах лишения свободы и разработка комплексной концепции их оптимизации с учетом совре-

менных вызовов пенитенциарной системы. Для достижения этой цели поставлены следующие задачи:

- провести межотраслевой анализ законодательства, регулирующего производство процессуальных действий в местах лишения свободы;
- выявить коллизии между нормами УПК РФ, Закона об ОРД и УИК РФ;
- исследовать организационно-правовые барьеры, препятствующие эффективному привлечению следователей к производству процессуальных действий в пенитенциарных учреждениях;
- проанализировать проблемы обеспечения процессуальных гарантий в условиях пенитенциарных учреждений;
- разработать конкретные предложения по совершенствованию законодательства и правоприменительной практики.

Научная новизна исследования заключается в разработке целостной концепции межотраслевого регулирования процессуальных действий в пенитенциарных учреждениях, учитывающей современные вызовы пенитенциарной системы.

В работе впервые комплексно анализируются проблемы привлечения следователей к производству процессуальных действий с учетом последних изменений законодательства и правоприменительной практики.

Практическая значимость работы определяется возможностью использования полученных результатов в нормотворческой деятельности при совершенствовании уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного законодательства, в правоприменительной практике следственных органов и учреждений УИС, в учебном процессе юридических вузов при преподавании дисциплин уголовно-правового цикла.

Правовое регулирование процессуальных действий в местах лишения свободы осуществляется на стыке нескольких отраслей права, что создает определенные коллизии и пробелы в законодательстве. Уголовно-процессуальный кодекс РФ определяет порядок производства следственных действий, однако их проведение в условиях исправительных учреждений требует учета специфики, установленной уголовно-исполнительным законодательством [4, с. 112].

Как справедливо отмечает А.Н. Сухарев, «уголовно-исполнительная система создает особый правовой режим, который не может не влиять на процессуальные аспекты осуществления процессуальных действий» [7, с. 67]. Это влияние проявляется в нескольких аспектах:

Во-первых, УИК РФ устанавливает специальные правила передвижения, режимные требования и ограничения, которые должны учитываться при проведении следственных действий. Например, статья 82 ФЗ «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» предусматривает особый порядок доступа на территорию исправительных учреждений, что создает дополнительные процессуальные барьеры для следователей.

Во-вторых, существует проблема определения момента начала и окончания процессуального действия. Если допрос осужденного проводится на территории исправительного учреждения, но вне пределов камеры, возникает вопрос о применении режимных требований во время перемещения к месту допроса и обратно [3, с. 89].

Особую сложность представляет разграничение процессуальных действий и оперативно-розыскных мероприятий, проводимых в местах лишения свободы. Как отмечает С.А. Воронцов, «на практике часто возникает ситуация, когда оперативные сотрудники фактически осуществляют действия, сходные с процессуальными, но без соблюдения соответствующих гарантий» [8, с. 134].

Эта проблема особенно актуальна в контексте получения доказательственной информации. Статья 11 Закона «Об ОРД» допускает использование результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании, однако механизм такого преобразования недостаточно урегулирован применительно к условиям пенитенциарных учреждений [5, с. 156].

Проведение процессуальных действий в местах лишения свободы сопряжено для следователей с значительными организационными сложностями. Как отмечает Д.И. Степанов, «процедура получения разрешения на доступ в исправительное учреждение может занимать несколько дней, что существенно затрудняет оперативность проведения неотложных следственных действий» [6,с. 178].

Существенной проблемой является также отсутствие четкого регулирования вопроса о том, какие именно процессуальные действия могут проводиться в помещениях исправительных учреждений, а какие требуют перемещения осужденного в иные места. Это создает почву для злоупотреблений как со стороны администрации учреждений, так и со стороны самих следователей [9, с. 92].

Особую озабоченность ученых-процессуалистов вызывает проблема обеспечения гарантий прав участников процессуальных действий, проводимых в местах лишения свободы. Как подчеркивает А.В. Гришин, «сама атмосфера пенитенциарного учреждения создает психологическое давление на всех участников процесса, что

может отражаться на добровольности дачи показаний и объективности результатов следственных действий» [1, с. 145].

Серьезной проблемой является обеспечение права на защиту. Несмотря на формальное закрепление этого права в УПК РФ, его реализация в условиях исправительного учреждения затруднена в силу режимных ограничений, сложностей с организацией встреч с защитником и другими факторами [4, с. 167].

На основе проведенного анализа представляется целесообразным внесение следующих системных изменений в законодательство:

1. Разработка и принятие специального федерального закона.

«О производстве процессуальных действий в местах принудительного содержания». Как обоснованно отмечает С.И. Деменков, «такой акт должен содержать устраняющие существующие правовые пробелы и устанавливающие единые стандарты процессуальной деятельности в условиях пенитенциарных учреждений» [2, с. 203]. В законе необходимо предусмотреть:

- Исчерпывающий перечень процессуальных действий, которые могут осуществляться на территории исправительных учреждений;
- Специальные процедуры доступа следователей и других участников процесса;
- Механизмы обеспечения безопасности при производстве следственных действий;
- Гарантии защиты прав всех участников процесса.

2. Внесение системных изменений в УПК РФ – целесообразно дополнить Кодекс главой 48.1 «Особенности производства процессуальных действий в местах принудительного содержания». Как подчеркивает А.Н. Сухарев, «дифференциация процессуальной формы является объективной потребностью современного уголовного судопроизводства» [2, с. 178]. В данной главе необходимо регламентировать:

- Порядок уведомления администрации учреждения о планируемых процессуальных действиях
- Особенности применения технических средств фиксации
- Специфику участия понятых из числа сотрудников учреждения (при определенных условиях)
- Процедуры обеспечения конфиденциальности получаемой информации

3. Совершенствование механизма использования результатов ОРД – требуется внесение изменений в статью 89 УПК РФ. По мнению П.В. Романова, «необходимо установить чистоту допустимости доказательств, полученных в специфических условиях пенитенциарных учреждений, с учетом особенностей оперативно-розыскной деятельности в УИС» [5 с. 201]. Предлагается:

- Закрепить перечень дополнительных требований к оформлению результатов ОРД
- Установить процедуру судебной проверки законности проведения оперативно-розыскных мероприятий
- Ввести механизм исключения доказательств, полученных с нарушением специальных требований

4. Уточнение положений УИК РФ – необходимо дополнить Кодекс нормами, регулирующими:

- Права и обязанности администрации учреждений при производстве процессуальных действий
- Порядок взаимодействия сотрудников УИС со следователями
- Механизмы обеспечения режимных требований в ходе процессуальных действий

Так же, для решения проблем привлечения следователей к производству процессуальных действий в местах лишения свободы предлагается реализация следующих организационных мер:

1. Создание специализированных следственных подразделений – в структуре Следственного комитета РФ целесообразно образовать специализированные группы следователей, ориентированных на расследование преступлений в пенитенциарной сфере. Как отмечает Д.И. Степанов, «такая специализация позволит накопить необходимый опыт и выработать единые подходы к расследованию преступлений в условиях УИС» [6, с. 215]. В рамках данной меры предполагается:

- Формирование мобильных следственных групп для оперативного реагирования;
- Создание системы ротации следователей с учетом специфики работы;
- Разработка специальных методических рекомендаций.

2. Разработка и внедрение комплексных программ дополнительного образования – необходимо создание системы непрерывной профессиональной подготовки следователей, работающих с делами пенитенциарной направленности. По мнению Н.К. Петровой, «специальная подготовка должна включать изучение психологии осужденных, основ пенитенциарной медицины и криминалистических особенностей расследования преступлений в УИС» [9, с. 134]. Программа должна предусматривать:

1) Регулярное повышение квалификации не реже одного раза в три года

2) Стажировки в учреждениях УИС
3) Тренинги по разрешению конфликтных ситуаций

3. Создание системы межведомственного взаимодействия – необходимо образование координационных советов при территориальных органах ФСИН России. Как справедливо отмечает К.В. Лобанов, «постоянный диалог между следственными органами и учреждениями УИС позволяет своевременно решать возникающие проблемы и устранять организационные барьеры» [3, с. 167]. В рамках этой системы предлагается:
1) Проведение регулярных совместных совещаний;
2) Разработка единых инструкций и методических рекомендаций;
3) Создание системы обмена информацией.
4) Техническое оснащение процессуальной деятельности – необходимо оборудование в исправительных учреждениях специальных помещений для производства следственных действий. Предусматривается:

– Создание изолированных кабинетов для допросов и очных ставок;
– Оснащение помещений системами аудио-
– и видеозаписи;
– Обеспечение средств защиты участников процесса.

4. Внедрение мониторинга и оценки эффективности – предлагается создание системы регулярной оценки качества процессуальной деятельности в местах лишения свободы через:

– Проведение ведомственных проверок;
– Анкетирование участников процесса;
– Анализ судебной практики.

Реализация предложенных мер позволит создать целостную систему правового регулирования и организации процессуальной деятельности в местах лишения свободы, обеспечивающую баланс между интересами правосудия и защитой прав личности.

Проведенное исследование показало наличие системных проблем в правовом регулировании процессуальных действий в местах лишения свободы. Эти проблемы носят межотраслевой характер и связаны с недостаточной согласованностью положений уголовно-процессуального, уголовно-исполнительного законодательства и законодательства об оперативно-розыскной деятельности.

Особого внимания заслуживает проблема привлечения следователей к производству процессуальных действий в пенитенциарных учреждениях, которая имеет как организационные, так и правовые аспекты.

Предлагаемые в статье меры по совершенствованию законодательства и организации следственной деятельности в местах лишения свободы могут способствовать оптимизации рассматриваемой сферы правового регулирования, обеспечению эффективности правосудия и соблюдению прав участников процесса.

Список литературы:

[1] Поляков М.П. Процессуальные гарантии в уголовном судопроизводстве: монография. — М.: Норма, 2019. — 398 с.

[2] Пикуров Н.И. Уголовное право в системе межотраслевых связей / под ред. А.В. Наумова. — Волгоград: Волгоградский юридический институт, 1998. — 221 с.

[3] Воронцов С.А. Оперативно-розыскная деятельность: теория и практика: учебное пособие. — М.: Юрайт, 2021. — 417 с.

[4] Григорьев В.Н. Организация следственной деятельности в особых условиях. — М.: Проспект, 1993. — 192 с.

[5] Филимонова О.В. «О современном состоянии и перспективах развития нормативно-правового регулирования исполнения уголовных наказаний и деятельности учреждений и органов УИС». — СПб.: Юридический центр Пресс, 2008. — 312 с.

[6] Л. Н Никитина.,Е. О. Самородский «Использование специальных психологических знаний следователем в ходе взаимодействия с участниками уголовного судопроизводства». — М.: Статут, 2020. — 298 с.

[7] В. В. Николюк «К вопросу о соотношении уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного законодательства» // журнал «Журнал российского права», 2023 г.. — № 4. — С. 88-95.

[8] В. В. Уткин «Использование в судебном доказывании по уголовным делам результатов оперативно-розыскной деятельности»// автореферат кандидатской диссертации, 2020 г. — С. 156-163.

[8] Чернышева Е. В. «Пенитенциарная психология» учебно методическое пособие, 2023 г. — С. 90-98.

[10] Журавлева М.А. Межотраслевые связи предмета и метода гражданского и уголовного права // Современное право. — 2025. — С. 106-113. DOI: 10.25799/NI.2025.42.91.017

[11] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020).

[12] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 11.06.2022).

[13] Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08.01.1997 № 1-ФЗ (ред. от 24.09.2022).

[14] Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы: Закон РФ от 21.07.1993 № 5473-1 (ред. от 19.11.2021).

[15] Об оперативно-розыскной деятельности: Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ (ред. от 30.12.2021).

[16] О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400.

References:

[1] Polyakov M.P. Procedural guarantees in criminal proceedings: monograph. - M.: Norma, 2019. - 398 p.

[2] Pikurov N.I. Criminal law in the system of intersectoral relations/ed. A.V. Naumova. - Volgograd: Volgograd Law Institute, 1998. - 221 s.

[3] Vorontsov S.A. Operational-search activity: theory and practice: textbook. - M.: Yurayt, 2021. - 417 p.

[4] V.N. Grigoriev. Organization of investigative activities in special conditions. - M.: Prospect, 1993. - 192 s.

[5] O.V. Filimonova "On the current state and prospects for the development of legal regulation of the execution of criminal sentences and the activities of institutions and bodies of the penal system." - St. Petersburg: Legal Center Press, 2008. - 312 s.

[6] L. N. Nikitina., E. O. Samorodsky "The use of special psychological knowledge by the investigator in the course of interaction with participants in criminal proceedings." - M.: Statute, 2020. - 298 p.

[7] V.V. Nikolyuk "On the question of the ratio of criminal procedure and penal legislation "//journal" Journal of Russian Law, "2023 — № 4. - S. 88-95.

[8] V.V. Utkin "Use of the results of operational-search activities in criminal evidence "//abstract of the Ph.D. thesis, 2020 - pp. 156-163.

[8] E. Chernysheva "Penitentiary Psychology" teaching manual, 2023 - S. 90-98.

[10] Zhuravleva M.A. Intersectoral relations of the subject and method of civil and criminal law// Modern law. — 2025. - S. 106-113. DOI: 10.25799/NI.2025.42.91.017

[11] The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote 12.12.1993 with amendments approved during the all-Russian vote 01.07.2020).

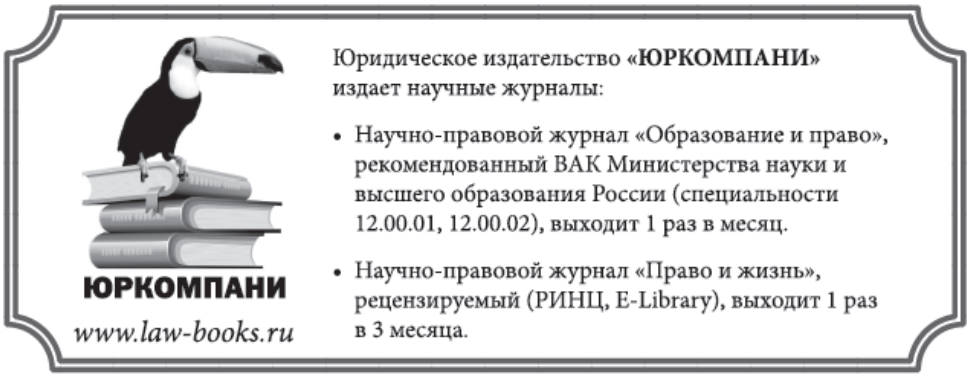
[12] Code of Criminal Procedure of the Russian Federation of 18.12.2001 No. 174-FZ (as amended 11.06.2022).

[13] The Criminal Executive Code of the Russian Federation of 08.01.1997 No. 1-FZ (as amended 24.09.2022).

[14] On institutions and bodies executing criminal penalties in the form of imprisonment: Law of the Russian Federation of 21.07.1993 No. 5473-1 (ed. 19.11.2021).

[15] On operational-search activities: Federal Law No. 12.08.1995 of 144-FZ (as amended 30.12.2021).

[16] On the National Security Strategy of the Russian Federation: Decree of the President of the Russian Federation of 02.07.2021 No. 400.

- ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА-

Дата поступления рукописи в редакцию: 20.03.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.05.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3830-2026-4-178-181

ФИАЛКОВСКАЯ Екатерина Владимировна,
старший научный сотрудник ФКУ НИИ ФСИН России,
г. Москва, Российская Федерация;
кандидат педагогических наук,
e-mail: 19katrin81@bk.ru

ОСНОВНЫЕ КОНЦЕПЦИИ ДЕВИАЦИИ

Аннотация. *В статье речь идет об основных концепциях девиации, о ролевых теориях, в процессе социализации, которыми должен овладеть ребенок, а также представлена структура индивидуального девиантного поведения.*

Ключевые слова: *концепция девиации, девиантное поведение, ценностные ориентации.*

FIALKOVSKAYA Ekaterina Vladimirovna,
leading researcher,
Federal State Institution Research Institute
of the Federal Penitentiary Service of Russia,
Moscow, Russian Federation;
Candidate of Pedagogical Sciences

BASIC CONCEPTS OF DEVIATION

Annotation. *The article deals with the basic concepts of deviation, role theories, in the process of socialization, which the child must master, and also presents the structure of individual deviant behavior.*

Key words: *concept of deviation, deviant behavior, value orientations.*

Основными концепциями, или теориями, девиации являются биологическая, психологическая и социологическая. Сторонники биологической теории девиации рассматривают отклонение поведения от принятой в обществе социальной нормы в связи с биологическим складом индивида. В XIX веке итальянский врач Ч. Ломброзо обнаружил связь между делинквентным поведением человека и физиологическим строением его организма. Так, определяя криминальный тип поведения преступника, он выделил следующие характерные черты: выступающая нижняя челюсть, редкая бородка, пониженная чувствительность к боли. Позднее известный американский врач У. Шелдон определил физиологический тип человека, склонного к девиации, по его мнению, таким является мезоморфный тип со следующими эпитетами строения организма: «тяжелый», «мускулистый», «атлетический».

В психологических и психиатрических концепциях акцент делается на личностном факторе. Тщательные исследования показали, что сущность девиации нельзя объяснить только лишь какой-либо одной психологической чертой или комплексом. В 1950 году Шуэсслер и Кресси попытались доказать, что преступникам присущи особенные психологические черты, которые не свойственны законопослушным гражданам, однако данные попытки потерпели неудачу. Из этого был сделан вывод, что, вероятно, девиация возникает в результате сочетания психологических и социальных факторов.

С точки зрения ролевых теорий ребенок в процессе социализации должен овладеть наиболее значимыми для него ролями, но если этот механизм нарушен, то может начать действовать компенсаторный механизм. Ребенок все равно будет овладевать ролями, но уже не социальными, а антисоциальными, например: вор, наркоман, хулиган, драчун и другими, которые характеризуются определенными атрибутами

Роль будет осваиваться в несколько этапов.

1. этап. Ребенок получает определенные сведения о данной роли, правах и обязанностях человека в ней, узнает о разнообразных формах отклоняющегося поведения, способах выяснения отношений, механизме решения спорных вопросов.
2. этап. Ребенок принимает эту роль: осознает ее и вкладывает в нее личностный смысл.
3. этап. Ребенок проигрывает выбранную для себя роль. При этом ему важно получить одобрение товарищей, чтобы почувствовать себя в этой роли комфортно. От реакции окружающих во многом зависит, будет ли противоправный поступок усилен вниманием, похвалой сверстников либо не получит такого подкрепления и подвергнется осуждению. В этом случае вероятность повторного совершения подобного поступка значительно снизится. Для подростка, в первый раз пробующего алкоголь или наркотики, на первом месте стоит не познание их вкуса или воздействия на человека, а стремление ощутить себя среди своих, избавиться от чувства изолированности и беспокойства.
4. этап. Последним этапом является закрепление за собой выбранной роли, например, «козла отпущения», «тайного мстителя», «грубияна» и других, на психологическом уровне (когда ребенок точно знает, какие эмоции сопровождают данную роль и каким образом их надо регулировать) и межличностном (когда выстраиваются определенные типы взаимоотношений между детьми, играющими разные роли, подобно тому, как актеры взаимодействуют в одном спектакле).

Важным элементом социальных отклонений является отношение самой личности к совершенным ею нарушениям. В большинстве своем это отношение носит самооправдательный характер, в чем проявляется самозащитная реакция организма. Социальными психологами доказано, что людям с девиантным поведением свойственно стремление к самоудовлетворению психологической потребности в оправдании своих поступков и действий, какими бы опасными они ни были. Причем вследствие прогрессирующей деградации личности мотивация поступков снижается и утрачивается, что приводит к полной потере свойственного человеку стремления к признанию и успешности. Первичная девиация (первоначальное нарушение социальных норм) переходит по вторичную, а затем строится девиантная карьер – восхождение от слабых форм девиации к сильным, например от бытового пьянства к совершению уголовного преступления Принятие на себя роли девианта может привести ребенка к социальной изоляции. Затем следует этап формирования девиантной структуры личности, которая определяется девиантным сознанием, не позволяющим (или ограничивающим) овладеть положительными социальными ролями и полезными видами деятельности.

Социологические концепции пытаются учесть в девиации социальные и культурные факторы, влияющие и определяющие поведение человека в обществе. Впервые социологическое объяснение сущности девиации было предложено Э. Дюркгеймом, который разработал теорию аномии (от греч. аномос – беззаконный, безнормный, неуправляемый). Под аномией он понимал такое состояние общества, при котором отсутствует четкая регуляция поведения людей вследствие отсутствия в обществе всяческих норм и ценностей (старые себя изжили, а новые еще не приняты). В таких условиях наблюдаются равнодушие, отчужденность, недоверие людей друг к другу, утрачивается стабильность института семьи, выражается полное безразличие к государству. Лишенные целей и смысла жизни, люди становятся подверженными стрессу и тревожности, что приводит к различным формам девиантного поведения. Главная мысль Э. Дюркгейма состоит в том, что в основе стабильного функционирования общества лежит феномен социальной солидарности, а всякие отклонения от него есть социальная дезорганизация, являющаяся причиной девиантного поведения.

Собрав обширный фактический материал, ученый доказал, что число самоубийств в разных социальных группах неодинаково: например, у католиков оно меньше, чем у протестантов. Этому явлению было дано следующее объяснение, чем выше уровень сплоченности, солидарности социальной группы, тем ниже в ней уровень самоубийств. Горожане и протестанты были более разобщены и индивидуалистичны, нежеле сельчане и католики, которые жили общинами и весьма развитыми коллективными формами взаимопомощи.

Г. Мертон в 1938 году внес некоторые изменения в теорию Э. Дюркгейма. По его мнению, девиация возникает в результате разрыва между культурными целями общества и социально одобряемыми средствами достижения таких целей. Так, например, не все люди в силу определенных социально-экономических причин могут получить высшее образование или престижную работу, а уровень развития общества требует высококвалифицированных специалистов. Часть населения, которая не может достичь требуемого уровня образования, начинает удовлетворять свои образовательные потребности, но уже, например, в криминальной среде.

Структура индивидуального девиантного поведения состоит из поступка, мотивов и целей. Начальным звеном девиантного поведения является изменение ценностных ориентаций в различных слоях населения и социальных группах, что обусловлено реальными социально-экономическими условиями функционирования общества. Если еще недавно в российском обществе главенствовали такие ценности, как труд на общее благо, дружба, взаимопомощь, семья, патриотизм и другие, то теперь им на смену пришли стяжательство, культ денег, разгульный образ жизни, эгоцентризм и т.п. Следовательно, в обществе имеют место расхождения между провозглашаемыми ценностями и реально существующими; между намечаемыми целями и возможностями их реализации.

Искажения в системе ценностей большей частью разрушают социальные институты. Например, нарушения в работе институтов юстиции: суда, прокуратуры – ведут к разложению аппарата власти, порождают в обществе аморализм, неверие в правосудие, апатию и агрессивность. Возникает «двойная мораль», при которой противоречивые нормы используются одним и тем же лицом или социальной группой для разных целей и в разных, даже противоположных ситуациях. Это проявляется в деятельности некоторых представителей власти, политиков, бизнесменов и др. Общественные нормы предписывают: «не укради», а государство ограничивает возможности использовать законные пути получения средств к существованию, что заставляет определенную часть населения нарушать социальные нормы, допускать социальные отклонения. Возникает «теневое нормотворчество», своеобразная «мораль преступного мира». Отсюда явное противоречие между потребностью субъекта в выходе из конфликтной ситуации и невозможностью сделать это социально приемлемым, легальным путем.

Сторонники культурологических теорий (С. Селлин, Н. Миллер, Э. Сутерленд) считали, что причина девиации состоит в конфликте между нормами господствующей культуры и нормами субкультуры, складывающейся в той или иной социальной группе.

В теории стигматизации (клеймения), представителем которой являлся Беккер, считается, что девиация – «клеймо», которое группы, обладающие властью, ставят на поведении менее защищенных групп или отдельного человека.

Сторонники радикальной криминологии (О. Турк, А. Квинни, Д. Янг, И. Тейлор) отстаивают позицию, что девиация – это результат противоречия норм капиталистического общества.

Новейшие теории девиации делают акцент на характере общества и стремятся выявить, в какой мере оно заинтересовано в осознании и сохранении девиации; при этом главная цель – исправление не какого-то конкретного человека, а всего общества.

Изучение механизма социальных отклонений показывает, что факторами, предопределяющими отклонение от социальных норм, являются: уровень сознания, нравственности; развитость в обществе систем социальных регуляторов поведения человека; сформированное отношение общества к людям, нарушающим нормы морали и права.

Список литературы:

[1] Морозов В.В. Преемственность как условие развития реабилитационной педагогики // Народное образование. 2003. № 2. – с. 208-216.

[2] Расчетина С.А., Зайченко О.М. Социодидактика. История

и теория социальной педагогики: Монография. – Великий Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2003. – 344 с.

[3] Конвенция ООН о правах ребенка: - Учебное пособие. СПб, 1997

[4] Кащенко В.П. Педагогическая коррекция: исправление недостатков характера у детей и подростков. – М.: Просвещение, 1992, -218 с.

[5] Морозов В.В. Предупреждение экстремизма в подростковой среде средствами воспитательной педагогики А.С. Макаренко // Социальная педагогика. 2005. № 4 – с. 84-90

[6] Реан А.А. К проблеме социальной адаптации личности // Вестник СПб.ГУ, серия 6, 1995, вып. 3 № 20. – с. 74-79

[7] Холостова Е.И. Дементьева М.Ф. Социальная реабилитация: Учебное пособие. – М.: Дашков и Ко, 2002. – 340 с.

[8] Черняева Т.И. Социальная реабилитация «нетипичных» детей // Социологические исследования. -2005. № 6 (254). – с. 85-94

[9] Реабилитация социально дезадаптированных детей и подростков: Краткий словарь для сотрудников специализированных учреждении социальной реабилитации несовершеннолетних / Сост Г.М. Иващенко,

В.Н. Бушуева при участии В.И. Ширинского – М.: НИИ семьи, 1998. – 72 с.

[10] Вилкова А. В., Антипов А. Н., Строгович Ю. Н. О средствах исправления осужденных в современных реалиях // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2026. № 1. С. 22-26.

[11] Вилкова А. В., Фиалковская Е. В., Полякова Я. Н. Подходы к изучению агрессивности в рамках пенитенциарной психологии / Образование и право. 2026. № 1. С. 214-218.

[12] Вилкова А. В., Фадеева С. А. О профессиональной готовности специалистов уголов-

но-исполнительной системы Российской Федерации к осуществлению пенитенциарной пробации // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2026. № 3 (286). С, 45-51.

[13] Вилкова А. В., Тищенко Ю. Ю. Особенности реализации дисциплинарной практики в отношении несовершеннолетних в следственных изоляторах / Международный научный вестник. 2026. № 1. С. 81-84.

[14] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. Роль научного коллектива как субъекта профессионального становления молодого ученого / В сборнике: Уголовно-исполнительная система сегодня: взаимодействие науки и практики. Материалы XXV Всероссийской научно-практической конференции. Новокузнецк, 2025. С. 253-256.

[15] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. Научно-педагогические кадры и их подготовка в адъюнктуре образовательных организаций ФСИН России // Вопросы современной науки и практики. 2025. № 2(13). С. 47-54.

[16] Вилкова А. В., Лукашенко Д. В. Теории и концепции о происхождении обучения и воспитания / Международный научный вестник.2025. № 10. С. 374-379.

References:

[1] V.V. Morozov. Continuity as a condition for the development of rehabilitation pedagogy//Public education. 2003. № 2. - p. 208-216.

[2] Calculated S.A., Zaichenko O.M. Sociodidactics. History

and social pedagogy theory: Monograph. - Veliky Novgorod: NovSU named after Yaroslav the Wise, 2003. - 344 s.

[3] UN Convention on the Rights of the Child: - Study Guide. St. Petersburg, 1997

[4] Kashchenko V.P. Pedagogical correction: correction of character flaws in children and adolescents. - M.: Enlightenment, 1992, -218 p.

[5] V.V. Morozov. Prevention of extremism in adolescents by means of educational pedagogy A.S. Makarenko//Social pedagogy. 2005. No. 4 - p. 84-90

[6] Rean A.A. On the problem of social adaptation of personality//Bulletin of St. Petersburg State University, series 6, 1995, issue 3 No. 20. - p. 74-79

[7] Kholostova E.I. Dementieva M.F. Social rehabilitation: Textbook. - M.: Dashkov and Co., 2002. - 340 s.

[8] Chernyaeva T.I. Social rehabilitation of “atypical” children//Sociological research. -2005. № 6 (254). - p. 85-94

[9] Rehabilitation of Socially Maladjusted Children and Adolescents: A Brief Dictionary for Employees of Specialized Institutions for Social Rehabilitation of Minors/G.M. Ivashchenko, Comp

V.N. Bushueva with the participation of V.I. Shirinsky - M.: Research Institute of Family, 1998. - 72 s.

[10] Vilkova A.V., Antipov A.N., Strogovich Yu.N. On the means of correcting convicts in modern realities//Penal system: law, economics, management. 2026. № 1. S. 22-26.

[11] Vilkova A. V., Fialkovskaya E. V., Polyakova Y. N. Approaches to the study of aggressiveness in the framework of penitentiary psychology/Education and law. 2026. № 1. S. 214-218.

[12] Vilkova A. V., Fadeeva S. A. On the professional readiness of specialists of the penitentiary system of the Russian Federation to carry out penitentiary probation//Vedomosti of the penitentiary system. 2026. № 3 (286). S, 45-51.

[13] Vilkova A. V., Tishchenko Yu. Yu. Peculiarities of the implementation of disciplinary practice against minors in pre-trial detention centers/International Scientific Bulletin. 2026. № 1. S. 81-84.

[14] Vilkova A.V., Polyakova Y. N. The role of the scientific team as a subject of professional development of a young scientist/In the collection: The penal system today: the interaction of science and practice. Materials of the XXV All-Russian Scientific and Practical Conference. Novokuznetsk, 2025. S. 253-256.

[15] Vilkova A.V., Polyakova Y. N. Scientific and pedagogical personnel and their training in the adjunct of educational organizations of the Federal Penitentiary Service of Russia//Issues of modern science and practice. 2025. № 2(13). S. 47-54.

[16] Vilkova A.V., Lukashenko D.V. Theories and concepts about the origin of education and upbringing/International Scientific Bulletin .2025. № 10. S. 374-379

Дата поступления рукописи в редакцию: 22.04.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.05.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3830-2026-4-182-187

ЕРЕМИЧЕВ Ф.С.,
Аспирант Университета «Синергия»,
e-mail: fedor.eremichef@yandex.ru

ПРИНЦИП PRIVACY BY DESIGN КАК ОСНОВА ПРЕВЕНТИВНОЙ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ: ПЕРСПЕКТИВЫ ИМПЛЕМЕНТАЦИИ В РОССИЙСКОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

Аннотация. *В статье исследуется принцип Privacy by Design (защита конфиденциальности на этапе проектирования) как инструмент превентивной гражданско-правовой защиты персональных данных. Проводится анализ содержания принципа Privacy by Design в зарубежном законодательстве, прежде всего в статье 25 Общего регламента по защите данных Европейского союза (GDPR). Рассматривается институт уполномоченного по защите персональных данных (Data Protection Officer, DPO) как элемент институциональной реализации данного принципа. Обосновывается необходимость законодательного закрепления принципа Privacy by Design в российском законодательстве в качестве обязательного стандарта при разработке информационных систем, обрабатывающих персональные данные. Формулируются конкретные предложения по имплементации данного принципа и института DPO в Федеральный закон «О персональных данных».*

Ключевые слова*: Privacy by Design, персональные данные, превентивная защита, уполномоченный по защите данных, DPO, GDPR, информационная безопасность, аудит информационных систем.*

EREMICHEV F.S.,
Graduate student of Synergy University

PRIVACY BY DESIGN PRINCIPLE AS THE BASIS OF PREVENTIVE CIVIL PROTECTION OF PERSONAL DATA: PROSPECTS FOR IMPLEMENTATION IN RUSSIAN LEGISLATION

Annotation. *The article examines the Privacy by Design principle as a tool for preventive civil law protection of personal data. An analysis of the content of the Privacy by Design principle in foreign legislation, primarily in Article 25 of the General Data Protection Regulation (GDPR), is conducted. The institution of the Data Protection Officer (DPO) as an element of institutional implementation of this principle is considered. The necessity of legislative consolidation of the Privacy by Design principle in Russian legislation as a mandatory standard for the development of information systems processing personal data is substantiated. Specific proposals for the implementation of this principle and the DPO institution in the Federal Law "On Personal Data" are formulated.*

Key words: *Privacy by Design, personal data, preventive protection, Data Protection Officer, DPO, GDPR, information security, audit of information systems.*

Проблема защиты персональных данных в условиях цифровизации приобретает все большую остроту. Традиционные гражданско-правовые механизмы защиты, ориентированные на реагирование на уже совершенные нарушения (компенсация морального вреда, возмещение убытков), оказываются недостаточно эффективными в условиях, когда масштаб нарушений и объем скомпрометированных данных стремительно растут [1]. Принятие Федерального закона от 30 ноября 2024 года, вводящего оборотные штрафы за утечки персональных данных, ознаменовало новый этап в развитии отечественного законодательства в данной сфере, однако данная мера носит преимущественно карательный характер и не обеспечивает превентивной защиты [2].

В зарубежном праве важнейшим инструментом превентивной защиты персональных данных является принцип Privacy by Design (защита конфиденциальности на этапе проектирования), закрепленный в статье 25 GDPR. Данный принцип

предполагает встраивание механизмов защиты персональных данных в архитектуру информационных систем на этапе их проектирования, а не после выявления нарушений [3]. Институциональной формой реализации данного принципа является институт уполномоченного по защите персональных данных (Data Protection Officer, DPO), обеспечивающий внутренний контроль за соблюдением требований законодательства [4]. Целью настоящей статьи является обоснование необходимости имплементации принципа Privacy by Design и института DPO в российское законодательство.

Принцип Privacy by Design был впервые сформулирован канадским специалистом в области защиты данных Энн Кавукян в 1990-х годах и включает семь основополагающих принципов: проактивность, а не реактивность (предотвращение нарушений, а не реагирование на них); защита конфиденциальности по умолчанию (Privacy by Default); встроенность защиты в архитектуру системы; полная функциональность (обеспечение защиты без ущерба для функциональности системы); сквозная защита на протяжении всего жизненного цикла данных; видимость и прозрачность; уважение к пользователю (приоритет интересов пользователя при проектировании системы) [5].

Статья 25 GDPR закрепила принцип Privacy by Design в качестве обязательного правового требования. Контролер обязан как в момент определения средств обработки, так и в момент самой обработки внедрять надлежащие технические и организационные меры, разработанные для эффективной реализации принципов защиты данных (таких как минимизация данных) и интеграции необходимых гарантий в обработку для соблюдения требований GDPR и защиты прав субъектов данных. Кроме того, контролер обязан обеспечить, чтобы по умолчанию обрабатывались только те персональные данные, которые необходимы для каждой конкретной цели обработки (Privacy by Default) [3].

Практическая реализация принципа Privacy by Design в информационных системах включает ряд конкретных мер. На этапе проектирования это проведение оценки воздействия на защиту данных (DPIA) для выявления рисков и определения мер по их минимизации, определение минимально необходимого объема персональных данных для достижения каждой цели обработки, проектирование архитектуры системы с учетом принципа разделения данных, встраивание механизмов псевдонимизации и анонимизации данных, проектирование механизмов реализации прав субъектов данных (доступ, удаление, переносимость, ограничение обработки) [6].

На этапе разработки это использование безопасных методов программирования, проведение тестирования безопасности, внедрение механизмов шифрования данных при хранении и передаче, реализация многофакторной аутентификации и контроля доступа, ведение журналов всех операций с персональными данными. На этапе эксплуатации это регулярное обновление программного обеспечения и устранение уязвимостей, мониторинг безопасности в режиме реального времени, регулярное проведение аудитов информационных систем, обучение персонала правилам обработки и защиты персональных данных, разработка и тестирование планов реагирования на инциденты [7].

В российском законодательстве принцип Privacy by Design не закреплен в качестве обязательного требования. Статья 19 Федерального закона от 27 июля 2006 года N 152-ФЗ «О персональных данных» обязывает оператора принимать необходимые правовые, организационные и технические меры для защиты персональных данных, однако не конкретизирует, какие именно меры являются необходимыми, и не устанавливает требования о встраивании механизмов защиты в архитектуру информационных систем на этапе их проектирования [8]. Подзаконные акты (приказы ФСТЭК России, ФСБ России) устанавливают технические требования к защите персональных данных в информационных системах, однако их соблюдение не гарантирует отсутствия утечек и не освобождает оператора от ответственности.

Институт уполномоченного по защите данных (Data Protection Officer, DPO), закрепленный в статьях 37–39 GDPR, является одним из наиболее значимых нововведений Регламента. Назначение DPO обязательно в трех случаях: когда обработка осуществляется публичным органом или организацией; когда основная деятельность контролера или процессора состоит в операциях по обработке, которые по своей природе, объему и/или целям требуют регулярного и систематического мониторинга субъектов данных в крупном масштабе; когда основная деятельность контролера или процессора состоит в крупномасштабной обработке специальных категорий данных [4].

DPO должен обладать экспертными знаниями в области законодательства и практики защиты данных, быть независимым в осуществлении своих функций, не получать указаний от руководства относительно выполнения своих задач и подчиняться непосредственно высшему руководству контролера или процессора. К задачам DPO относятся: информирование и консультирование контролера и работников по вопросам защиты данных, мониторинг соблюдения GDPR,

консультирование по вопросам оценки воздействия на защиту данных (DPIA), взаимодействие с надзорным органом, выполнение функции контактного лица для надзорного органа [9].

Опыт функционирования института DPO в Европейском союзе за период с момента вступления GDPR в силу демонстрирует его высокую эффективность. Организации, назначившие квалифицированного DPO, демонстрируют существенно более низкий уровень нарушений и утечек персональных данных по сравнению с организациями, не имеющими такого специалиста. Это обусловлено тем, что DPO обеспечивает постоянный внутренний контроль за соблюдением требований законодательства, выявляет и устраняет нарушения на ранней стадии, консультирует руководство и сотрудников по вопросам обработки данных, а также взаимодействует с надзорным органом [10].

В российском законодательстве институт DPO не закреплен. Статья 22.1 Федерального закона N 152-ФЗ предусматривает обязанность оператора назначить ответственного за организацию обработки персональных данных, однако данная норма не устанавливает квалификационных требований к такому лицу, не обеспечивает его независимость и не определяет его функции с достаточной степенью детализации [8].

Для сравнительного анализа института DPO в различных юрисдикциях обратимся к *таблице 1.*

Таблица 1. Сравнительный анализ института уполномоченного по защите персональных данных

Параметр	ЕС (GDPR)	КНР (PIPL)	Россия (ФЗ-152)
Обязательность	Да (для определенных категорий)	Да (для крупных операторов)	Нет (только ответственный за организацию обработки)
Квалификация	Экспертные знания в области права и IT	Не детализировано	Не установлена
Независимость	Да (запрет на указания, защита от увольнения)	Ограниченная	Не обеспечена
Функции	Мониторинг, консультирование, DPIA, взаимодействие с регулятором	Мониторинг, взаимодействие	Организация обработки (не детализировано)
Подотчетность	Высшему руководству	Руководству	Не определена

Как следует из таблицы 1, российское законодательство существенно уступает зарубежным аналогам по уровню институциональной защиты персональных данных. Отсутствие обязательного института DPO, квалификационных требований и гарантий независимости ответственного лица является существенным пробелом, требующим законодательного восполнения.

На основе проведенного исследования предлагается следующая модель имплементации принципа Privacy by Design в российское законодательство. Предлагается включение в Федеральный закон N 152-ФЗ новой статьи, обязывающей операторов при проектировании и разработке информационных систем, предназначенных для обработки персональных данных, внедрять технические и организационные меры, обеспечивающие реализацию принципов обработки персональных данных и защиту прав субъектов данных [8]. Данное требование должно распространяться как на новые информационные системы, так и на существенную модернизацию существующих систем.

Кроме того, предлагается включение обязанности проведения оценки воздействия на защиту данных (DPIA) перед началом обработки, которая может представлять высокий риск для прав и свобод субъектов данных. К таким видам обработки относятся масштабная обработка специальных категорий данных, систематический мониторинг общедоступных мест, автоматизированное принятие решений, включая профилирование, порождающее юридические последствия для субъекта данных. Данное предложение основано на положительном опыте применения статьи 35 GDPR, предусматривающей аналогичное требование [3].

Предлагается также установление обязанности обеспечения защиты данных по умолчанию (Privacy by Default): настройки конфиденциально-

сти информационных систем должны быть установлены на максимальный уровень защиты по умолчанию, а пользователь должен иметь возможность самостоятельно снизить уровень защиты, если пожелает. Данное требование направлено на устранение практики, при которой операторы устанавливают минимальный уровень защиты по умолчанию, рассчитывая на то, что большинство пользователей не будут изменять настройки [11].

Предлагается установление ответственности за нарушение принципа Privacy by Design: если утечка персональных данных произошла вследствие того, что оператор не внедрил надлежащие технические и организационные меры на этапе проектирования информационной системы, это должно рассматриваться как отягчающее обстоятельство при определении размера ответственности [2].

В отношении института DPO предлагается следующая модель для российского законодательства. DPO обязаны назначить организации, осуществляющие обработку персональных данных значительного числа субъектов, государственные органы и органы местного самоуправления, организации, основная деятельность которых связана с систематическим масштабным мониторингом субъектов данных, а также организации, осуществляющие масштабную обработку специальных категорий персональных данных или биометрических данных [4].

DPO должен иметь высшее юридическое образование или высшее образование в области информационных технологий с дополнительной подготовкой в области права, стаж работы в сфере защиты персональных данных не менее трех лет, подтвержденную квалификацию. DPO не может быть уволен или подвергнут дисциплинарному взысканию за выполнение своих функций, подчиняется непосредственно единоличному исполнительному органу организации, не может совмещать свои функции с должностями, создающими конфликт интересов [9].

Предлагается также введение обязательного периодического аудита информационных систем, обрабатывающих персональные данные, с привлечением независимых аудиторов. Аудит должен проводиться не реже одного раза в год для крупных операторов и не реже одного раза в два года для средних операторов. Результаты аудита должны быть доступны уполномоченному органу и могут использоваться в качестве доказательства надлежащего исполнения оператором обязанностей по защите персональных данных [12].

Для наглядного представления предлагаемой модели превентивной защиты персональных данных обратимся к *рисунку 1.*

Как показано на рисунке 1, предлагаемая модель превентивной защиты включает три взаимосвязанных элемента: принцип Privacy by Design, обеспечивающий встраивание механизмов защиты в архитектуру информационных систем; институт DPO, обеспечивающий постоянный внутренний контроль; обязательный аудит, обеспечивающий независимую проверку соблюдения требований. Совместное функционирование данных элементов позволяет создать комплексную систему превентивной защиты, направленную на предотвращение нарушений, а не на реагирование на уже совершенные нарушения.

Рисунок 1. Модель превентивной гражданско-правовой защиты персональных данных

Для оценки ожидаемого эффекта от реализации предлагаемых мер обратимся к *таблице 2.*

Таблица 2. Ожидаемый эффект от имплементации принципа Privacy by Design и института DPO

Мера	Основание	Ожидаемый эффект
Privacy by Design	Ст. 25 GDPR, опыт ЕС	Снижение числа утечек, повышение качества защиты
Privacy by Default	Ст. 25(2) GDPR	Минимизация обрабатываемых данных
Обязательный DPO	Ст. 37–39 GDPR, PIPL	Внутренний контроль, снижение нарушений
Обязательная DPIA	Ст. 35 GDPR	Выявление рисков до начала обработки
Обязательный аудит	Лучшие практики	Независимая проверка, доказательство добросовестности

Как следует из таблицы 2, реализация предлагаемых мер позволит создать комплексную систему превентивной защиты персональных данных, направленную на предотвращение нарушений и снижение их масштабов. Каждая из мер имеет подтвержденное зарубежным опытом обоснование и направлена на решение конкретной проблемы в системе защиты персональных данных.

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие основные выводы. Принцип Privacy by Design является наиболее перспективным инструментом превентивной гражданско-правовой защиты персональных данных, обеспечивающим встраивание механизмов защиты в архитектуру информационных систем на этапе их проектирования. Данный принцип, закрепленный в статье 25 GDPR, доказал свою эффективность в зарубежной практике и нуждается в имплементации в российское законодательство [3].

Институт уполномоченного по защите персональных данных (DPO), закрепленный в статьях 37–39 GDPR, обеспечивает постоянный внутренний контроль за соблюдением требований законодательства и является необходимым элементом институциональной реализации принципа Privacy by Design. Введение обязательного института DPO для организаций, обрабатывающих персональные данные значительного числа субъектов, позволит существенно повысить уровень защиты персональных данных в Российской Федерации [4].

Обязательный периодический аудит информационных систем обеспечивает независимую проверку соблюдения требований безопасности и может использоваться как доказательство добросовестности оператора при определении размера ответственности. Совместная реализация принципа Privacy by Design, института DPO и обязательного аудита создаст комплексную систему превентивной защиты, направленную на предотвращение нарушений и снижение их масштабов [12].

Реализация предлагаемых мер требует внесения изменений в Федеральный закон «О персональных данных» и принятия соответствующих подзаконных актов, конкретизирующих требования к содержанию и порядку проведения DPIA, квалификационные требования к DPO, порядок проведения обязательного аудита и требования к аудиторским организациям. Представляется целесообразным поэтапное введение данных требований с предоставлением операторам переходного периода для приведения своих информационных систем и организационных процессов в соответствие с новыми требованиями [8].

Список литературы:

[1] Богатырева А.Т., Перепадя О.А., Чуниха А.А. Современные тенденции развития института персональных данных в условиях цифровизации // Право и государство: теория и практика. 2024. №9 (237).

[2] Федеральный закон от 30.11.2024 N 420-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях».

[3] Regulation (EU) 2016/679 of the European Parliament and of the Council of 27 April 2016 (General Data Protection Regulation). Art. 25, 35.

[4] Regulation (EU) 2016/679 (GDPR). Art. 37–39.

[5] Cavoukian A. Privacy by Design: The 7 Foundational Principles. Information and Privacy Commissioner of Ontario, Canada, 2009. Revised 2011.

[6] Чурилов А.Ю. Принципы общего Регламента Европейского союза о защите персом нальных данных (GDPR): проблемы и перспективы имплементации // Сибирское юридическое обозрение. 2019. №1.

[7] Свиридова Е.А. Правовые механизмы защиты персональных данных в информационно-телекоммуникационных системах // Современное право. 2023. №3. С. 58–62.

[8] Федеральный закон от 27.07.2006 N 152-ФЗ (ред. от 24.06.2025) «О персональных данных».

[9] Voigt P., von dem Bussche A. The EU General Data Protection Regulation (GDPR): A Practical Guide. Cham: Springer, 2017. 383 p.

[10] Соколова М.Е. Первые успехи нового европейского общего Регламента по защите персональных данных // Современная Европа. 2020. №2.

[11] Деико С.В. Доктринальные аспекты правовой защиты персональных данных в условиях цифровизации экономических отношений // Государственная служба. 2024. №2 (148). С. 55–61.

[12] Исаев А.С., Хлюпина Е.А. Правовые основы организации защиты персональных данных. СПб: НИУ ИТМО, 2014. 106 с.

References:

[1] Bogatyreva A.T., Perapadya O.A., Chunikha A.A. Current trends in the development of the institution of personal data in the context of digitalization// Law and the state: theory and practice. 2024. №9 (237).

[2] Federal Law of 30.11.2024 No. 420-FZ “On Amendments to the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation.”

[3] Regulation (EU) 2016/679 of the European Parliament and of the Council of 27 April 2016 (General Data Protection Regulation). Art. 25, 35.

[4] Regulation (EU) 2016/679 (GDPR). Art. 37–39.

[5] Cavoukian A. Privacy by Design: The 7 Foundational Principles. Information and Privacy Commissioner of Ontario, Canada, 2009. Revised 2011.

[6] Churilov A.Yu. Principles of the General Regulation of the European Union on the Protection of Personal Data (GDPR): Problems and Prospects of Implementation//Siberian Legal Review. 2019. №1.

[7] Sviridova E.A. Legal mechanisms for the protection of personal data in information and telecommunication systems//Modern law. 2023. №3. S. 58-62.

[8] Federal Law of 27.07.2006 N 152-FZ (as amended by 24.06.2025) “ On Personal Data.”

[9] Voigt P., von dem Bussche A. The EU General Data Protection Regulation (GDPR): A Practical Guide. Cham: Springer, 2017. 383 p.

[10] M.E. Sokolova. The first successes of the new European General Regulation on the Protection of Personal Data//Modern Europe. 2020. №2.

[11] Deiko S.V. Doctrinal aspects of the legal protection of personal data in the context of digitalization of economic relations//Public Service. 2024. №2 (148). S. 55-61.

[12] Isaev A.S., Khlyupina E.A. Legal basis for the organization of personal data protection. St. Petersburg: NRU ITMO, 2014. 106 s.

www.law-books.ru

Юридическое издательство **«ЮРКОМПАНИ»** издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.

Дата поступления рукописи в редакцию: 22.04.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.05.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3830-2026-4-188-200

ТОЛСТОЛУЦКИЙ Владимир Юрьевич,
Доктор медицинских наук,
Юридический факультет ННГУ им. Н.И. Лобачевского,
профессор кафедры уголовного права и процесса
юридического факультета ННГУ им. Н.И. Лобачевского,
профессор,
e-mail: tolvlad@yandex.ru

ПОГОДИНА Татьяна Григорьевна,
Доктор медицинских наук,
Юридический факультет ННГУ им. Н.И. Лобачевского,
профессор кафедры уголовного права и процесса
юридического факультета ННГУ им. Н.И. Лобачевского,
член-корреспондент Российской Академии Естествознания,
e-mail: tatiana.pogodina@mail.ru

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ВОЗМОЖНОСТЕЙ ИИ ДЛЯ ОБЪЕКТИВИЗАЦИИ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ПОСМЕРТНОЙ ПСИХОЛОГО-ПСИХИАТРИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ ПО НАСЛЕДСТВЕННЫМ ДЕЛАМ

Аннотация. *В статье авторы исследуют сложные вопросы использования искусственного интеллекта в развитии различных видов судебных экспертиз, в т.ч. посмертной психолого-психиатрической экспертизы. Авторы статьи разработали и обосновали методику, в основе которой лежит интеграция принципов доказательной медицины и математической статистики для формализации экспертного анализа в условиях посмертной диагностики. Предлагаемый подход базируется на трёх ключевых компонентах: (а) вербально-числовой шкале вероятностей, стандартизирующей перевод качественных экспертных суждений в количественные значения; (б) информационной мере Кульбака, позволяющей оценить диагностическую значимость каждого выделенного признака; (в) последовательном критерии отношения правдоподобия Вальда, обеспечивающем статистически обоснованное принятие решения с контролируемым уровнем ошибок.*

Ключевые слова: *посмертная психолого-психиатрическая экспертиза, наследственное дело, искусственный интеллект, судебная экспертиза, портрет преступника, наследование.*

TOLSTOLUTSKIY Vladimir Yurievich,
Doctor of Medical Sciences,
Faculty of Law of N.I. Lobachevsky National Research University,
professor of the Department of Criminal Law and Process,
Faculty of Law, N.I. Lobachevsky National Research University,
professor

POGODINA Tatiana Grigorievna,
Doctor of Medical Sciences,
Faculty of Law of N.I. Lobachevsky National Research University,
Professor of the Department of Criminal Law and Process,
Faculty of Law, N.I. Lobachevsky National Research University,
Corresponding member of the Russian Academy of Natural Sciences

USING THE POSSIBILITIES OF AI TO OBJECTIFY THE CONCLUSION OF POST-MORTEM PSYCHOLOGICAL AND PSYCHIATRIC EXAMINATION ON HEREDITARY CASES

Annotation. *In the article, the authors explore the complex issues of using artificial intelligence in the development of various types of forensic examinations, including posthumous psychological and psychiatric examinations. The authors of the article developed and substantiated a methodology based on the integration of the principles of evidence-based medicine and mathematical statistics to formalize expert analysis in the context of post-mortem diagnostics. The proposed approach is based on three key components: (a) a verbal-numerical probability scale that standardizes the translation of qualitative expert judgments into quantitative values; (b) the Kullback information measure, which makes it possible to assess the diagnostic significance of each identified feature; (c) Wald's consistent likelihood ratio test providing statistically based decision making with a controlled error rate.*

Key words: *posthumous psychological and psychiatric examination, inheritance case, artificial intelligence, forensic examination, portrait of a criminal, inheritance.*

Основным трендом последнего десятилетия в развитии различных видов судебной экспертизы является использование искусственного интеллекта (ИИ) [1]. Внедрение инструментов на его основе значительно ускорило проведение судебно-медицинских экспертиз, позволяя минимизировать ошибки, связанные с когнитивными искажениями человека.

В последние годы появились научные обзоры, в которых рассматривается преобразующая роль искусственного интеллекта (ИИ) в такой узкоспециализированной области как судебная психиатрия [2]. Среди преимуществ его применения выделяют четыре основных аспекта: повышение точности диагностики, раннее выявление проблем, а также более эффективное распределение ресурсов. Сообщается, что помощь ИИ позволяет повысить возможность решения экспертных вопросов на 20 % [3]. Таким образом, его потенциал неоценим в оптимизации и результативности рабочих процессов [4].

В качестве положительных сторон применения нового инструментария указывается на повышение объективности судебно-психиатрической экспертизы, которой зачастую не хватает традиционным методам. Это связано с отсутствием влияния таких субъективных факторов, как опыт врача, культурные особенности и неосознанные предубеждения. Искусственный интеллект, обученный на различных наборах данных, благодаря использованию алгоритмов, предлагает более стандартизированный подход к оценке, что позволяет избежать некоторых распространенных ошибок, которые допускают эксперты [5].

Возможность автоматизировать некоторые этапы оценки рисков общественной опасности, диагностики, составления психологического портрета преступника и поведенческий анализ способствуют повышению эффективности и надежности результатов судебно-психиатрических экспертиз [6].

Успех применения ИИ в этой области во многом зависит от качества, количества и разнообразия данных, используемых для обучения и составления алгоритмов [7]. Сложности связаны с узкопрофильными проблемами, обусловленными ограничением доступности к необходимой информации и в какой-то мере ее субъективностью. Эти проблемы создают значительные препятствия для разработки эффективных и надежных приложений на основе ИИ [8]. DeAlcala с соавторами (2023) указывают и на исторически сложившуюся стигматизацию в обществе в отношении лиц с психопатологией, что может быть причиной предвзятости и снижать объективность обучающих ИИ данных, что требует дополнительного изучения [9].

Тем не менее несомненно, что приложения на основе ИИ способны повысить эффективность проведения судебно-психиатрических экспертиз, определяя большую точность, объективность результатов, способствуя принятию более обоснованных судебных решений [10].

Внедрение ИИ в мировую судебно-психиатрическую практику происходит неравномерно. В частности, решение проблемных вопросов проведения посмертной судебно-психиатрической экспертизы по наследственным делам пока не перешло на новый инструментарий и требует дополнительной разработки.

Об актуальности появления новых методов исследования с применением ИИ свидетельствует анализ статистики проведения посмертных судебно-психиатрических экспертиз в судебных разбирательствах о дееспособности.

По данным зарубежных ученых (K. Daskevicius, J. Marcinkeviciene, Z. Kazeniene) посмертные судебно-психиатрические экспертизы в судебных разбирательствах о дееспособности составили 2,7 % от общего числа проведенных за 5 лет. В числе передаваемых экспертам материалов для исследования были показания свидетелей и медицинские карты. При этом 51,7 % свидетельских показаний была исключена из рассмотрения, поскольку содержали неустранимые противоречия.

Сведения из медицинских карт в 16,5 % не имели отношения к психиатрии. В 46,2 % карт содержались описания психических расстройств, но при этом пациенты не консультировались с

психиатрами. Из всех зарегистрированных психических расстройств 86,6 % были вызваны соматоневрологическими заболеваниями, а 13,4 % психических синдромов не были связаны с физическим состоянием. Сами по себе психические расстройства или тяжелые соматические патологии не всегда являются основанием для признания пациента недееспособным. В результате проведенного исследования в 45 % экспертиз было установлено отсутствие дееспособности [11].

Целью работы выступает создание методики проведения посмертной комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы по наследственным делам, позволяющей стать основой для использования ИИ.

Развитие подобных экспертных исследований невозможно без учета анализа процесса «принятия решения» в структуре экспертизы [12].

Экспертная задача, которая стоит при производстве посмертной комплексной психолого-психиатрической экспертизы о признании сделки недействительной, может быть сформулирована как реконструкция психического состояния лица, в момент совершения им юридически значимых действий и наступления смерти. Для ее решения применяются специальные знания различных областей, включая криминалистику, клиническую медицину, судебную медицину, судебную психологию и психиатрию. Такая интеграция считается необходимой, поскольку реализует междисциплинарный подход в экспертных исследованиях [13]. Таким образом целесообразна комплексная экспертиза.

В зарубежной литературе к этому направлению экспертных исследований относят так называемую психологическую аутопсию (ПА) как метод, который предполагает изучение психосоциальных аспектов жизни умершего с целью реконструкции его психологического состояния до и в момент смерти [14].

В его основе находятся исследования Farberow, N.L.; Edwin, S.S., в которых ключевой задачей выступала посмертная реконструкция исследуемого состояния, события. Авторы определили свой метод как «ретроспективную реконструкцию жизни человека, которая позволяет выделить аспекты, раскрывающие намерения, стоящие за смертью, дает представление о типе смерти, степени (если таковая была) вовлеченности в динамику событий и объясняет причины, по которым смерть наступила именно в этот момент» [15].

Следующим шагом в совершенствовании метода стала публикация Sablone, S. с соавторами, где применена методика психологической аутопсии, основанная на ретроспективной реконструкции жизни человека, пропавшего без вести или погибшего насильственной смертью (в результате самоубийства или убийства) [16]. Авторы полагают, что в гражданских делах этот метод может быть полезен для установления дееспособности и психического состояния субъекта при составлении завещания. Ретроспективная оценка психологического и эмоционального состояния умершего с помощью психологической аутопсии может дать представление о его способности принимать решения и общей юридической дееспособности в критические моменты [17].

В 2025 году авторами был проведен комплексный поиск литературы с использованием следующих основных баз научных исследований: PubMed, Scopus, Google Scholar и Web of Science. Областями специальных знаний послужили публикации в судебно-медицинской, судебно-правовой и криминалистической экспертизе. Использовались следующие ключевые слова: психологическая аутопсия, судебно-медицинская экспертиза, криминалистическая экспертиза, судебная психиатрия, стандартизация, правовая база, сбор судебно-медицинских доказательств, расследование обстоятельств смерти и инструменты судебно-медицинской оценки.

По итогам поиска литературы установлено, что лишь несколько стран включили психологическую аутопсию в свою правовую базу в качестве инструмента расследования.

Куба стала первопроходцем в этой области: Министерство здравоохранения разработало и внедрило протокол MAPI (Modelo de Autopsia Psicologica Integrado) [18].

Разработанная Гарсия-Перес «Модель комплексной психологической аутопсии» (Model of Integrated Psychological Autopsy, MAPI) как метод, широко используемый в Латинской Америке, представляет собой полуструктурированное интервью с ответами «да» или «нет», разделенное на 60 областей [19]. Canter, D.; Alison, L. [20], предложили следующие этапы проведения исследования: (1) сбор элементов, предлагающих альтернативные объяснения, оправдывающие двусмысленную смерть; (2) указание доказательств, подтверждающих или опровергающих каждое объяснение; (3) полное обобщение доказательств и то, как они соотносятся с критериями, требуемыми для их приемлемости в качестве доказательства; (4) указание оценки имеющихся доказательств и процедур, которые определили их достоверность и точность; и (5) четкое указание того, как доказательства используются для получения выводов относительно каждого альтернативного объяснения [21].

Для российской правовой системы этот метод требует трансформации из-за несоответствия законодательной базы, поскольку, по сути,

представляет собой собирание доказательств. В соответствие с российским законодательством следует использовать два различных понятия: материалы в значении «материалы дела, подлежащие исследованию» и материалы в значении «информация, необходимая для производства судебной экспертизы» [22].

Первое понятие в силу того, что статья 16. «Обязанности эксперта» ФЗ-73 не предоставляет специалисту (эксперту) право самостоятельно собирать материалы для производства судебной экспертизы, приводит к тому, что процедура интервьюирования переходит к лицу, собирающему доказательства с целью последующего назначения экспертизы [23].

Второе понятие используется, например, в УПК РФ Статья 202. Получение образцов для сравнительного исследования: «4. Если получение образцов для сравнительного исследования является частью судебной экспертизы, то оно производится экспертом. В этом случае сведения о производстве указанного действия эксперт отражает в своем заключении».

В некоторых чертах отмеченные выше этапы совпадают с отечественными судебно-медицинскими рекомендациями, приведенными в приложении № 14 Приказа N 491н «Правила организации деятельности отделения медико-криминалистической экспертизы и проведения медико-криминалистической экспертизы». В пункте 12 приложения № 14 указано, что этапами выполнения экспертизы являются а) «раздельный анализ проверяемых следственных экспертных и иных версий о свершившемся событии; б) экспертные исследования, выполненные раздельно по каждой проверяемой версии, для ответа на вопрос об их соответствии судебно-медицинским оценкам изучаемого события» [24].

В 2024 году эти особенности изложены Российским центром судебно-медицинской экспертизы в методических рекомендациях «Проведение экспертиз по реконструкции событий (ситуационные)» [25], которые раскрывают положения, приведенные в п. 12 Приложения N 14 Приказа N 491н.

В разделе «Проведение экспертиз по реконструкции событий (ситуационные)» указано: «При проведении судебно-медицинских экспертиз по реконструкции событий определяют соответствие показаний участников событий о динамике причинения телесных повреждений объективным данным, добытым следственным и экспертным путем, а также устанавливают возможность образования исследуемых повреждений (следов) при конкретных обстоятельствах и условиях». Проведение судебно-медицинских экспертиз по реконструкции событий начинают с изучения материалов дела и выполненных экспертных исследований (судебно-медицинских, криминалистических и комплексных), затем, в зависимости от поставленных задач, определяют способы и средства их решения [26].

Сопоставление отечественных судебно-медицинских рекомендаций проведения экспертиз по реконструкции событий и методов, представляющих собой вариации метода психологической аутопсии (ПА), показывает наличие общих закономерностей решения ситуационной задачи по реконструкции прошлого события, с помощью комплекса криминалистических, судебно-медицинских, психологических и психиатрических областей знаний. Общим является необходимость выбора одной из двух следственных или экспертных гипотез, определенного до начала экспертного исследования, причем выбор основан на использовании специальных знаний.

В судебной медицине широко используется метод Вальда для дифференциальной диагностики причин смерти [27]. В связи с тем, что математический смысл метода совпадает с задачей выбор альтернативной гипотезы при ситуационной экспертизе, его можно перенести на решение задачи по реконструкции психического состояния завещателя с целью научно обоснованного ответа на вопрос о возможности (невозможности) понимать значение своих действий и руководить ими при подписании завещания.

В отечественной научной литературе предложены методики, позволяющие оценить психическое состояние подэкспертного, например, публикация Сафуанова Ф.С. с соавторами [28]. Авторы выявляли патопсихологические симптомокомплексы, оценивали степень информативности показателей, и на этой основе решали задачи дифференциальной диагностики психических расстройств, используя методику расчета коэффициента в виде информационной меры Кульбака для каждого из оцениваемых экспертных признаков [29]. При производстве посмертной комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы рекомендуется методологическая модель психологического ретроспективного анализа материалов дела с компенсацией информационных лакун путем перевода имеющейся информации гражданского дела на язык психологии, по существу являющаяся вариантом психологической аутопсии [30].

Таким образом, для создания комплексной методики проведения посмертной психолого-психиатрической экспертизы с использованием ИИ следует объединить достижения, имеющиеся в следующих областях: 1) криминалистики в разделе моделирования и реконструкции события преступления; 2) ситуационной медико-кримина-

листической экспертизы по реконструкции исследуемого события, в которой закреплены методы экспертной реконструкции события в конкретной ситуации, использование материалов дела и свидетельских показаний, схема производства экспертизы как подтверждение или опровержение экспертным путем следственных и экспертных версий, сформулированных в постановлении о производстве экспертизы [31]; 3) психиатрии (порядок проведения судебно-психиатрической экспертизы) и психологии; 4) математических методов принятия решений в условиях неопределенности и дифференциальной диагностики (диагностических коэффициентов Кульбака и метода Вальда); 5) использования искусственного интеллекта, позволяющего экспертам на основании промта самостоятельно создавать код программы для технической реализации метода, создания датасетов, баз знаний и самостоятельной адаптации к конкретным условиям метода посмертной методики проведения посмертной комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы.

Сведения авторов подтверждают необходимость использования вероятностных методов принятия решений в условиях неопределенности, которые вместо исключения из рассмотрения половины свидетельских показаний, как содержащих неустранимые противоречия, позволяют анализировать противоречивые данные.

Разрабатываемая методика должна обладать свойством включения в экспертный анализ сведений из медицинских карт, которые не имели отношения к психиатрии, а также описания психических расстройств, в ситуациях, когда пациенты не консультировались с психиатрами, поскольку 86,6 % психических расстройств были вызваны соматоневрологическими заболеваниями.

Методика проведения посмертной комплексной психолого-психиатрической экспертизы по наследственным делам

В основе разработанной методики лежит интеграция принципов доказательной медицины и математической статистики для формализации экспертного анализа в условиях посмертной диагностики. Предлагаемый подход базируется на трёх ключевых компонентах: (1) вербально-числовой шкале вероятностей, стандартизирующей перевод качественных экспертных суждений в количественные значения; (2) информационной мере Кульбака, позволяющей оценить диагностическую значимость каждого выделенного признака; (3) последовательном критерии отношения правдоподобия Вальда, обеспечивающем статистически обоснованное принятие решения с контролируемым уровнем ошибок.

Предлагаемый нами алгоритм, лежащий в основе методики, позволяет перепроверить обоснованность принятия решений. Отметим, что в соответствии с требованиями статьи 8 Федерального закона от 31.05.2001 № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» заключение эксперта должно основываться на положениях, дающих возможность проверить обоснованность и достоверность сделанных выводов на базе общепринятых научных и практических данных.

Предлагаемая нами методика не предписывает жёстких значений вероятностей, а лишь требует их явного задания. Метод Вальда при этом делает последствия такого выбора прозрачными и позволяет провести анализ чувствительности тех оценок признаков, который дают эксперты.

Методика включает последовательную реализацию следующих этапов.

Этап 1. Формулирование альтернативных гипотез. Для каждого конкретного случая формулируются две взаимоисключающие гипотезы: основная гипотеза (А) — наличие у наследодателя психического расстройства, лишавшего его способности понимать значение своих действий и руководить ими; и альтернативная гипотеза (Б) — отсутствие такого расстройства и сохранность указанной способности.

Этап 2. Выделение информативных признаков из материалов дела. Эксперт осуществляет детальный анализ всех доступных материалов: медицинской документации, свидетельских показаний, иных письменных источников. Из текста экспертного заключения и сопутствующих документов выделяются релевантные признаки — симптомы, факты, обстоятельства, которые могут дифференцировать две конкурирующие гипотезы. К таким признакам предъявляются следующие требования: бинарность (наличие/отсутствие), объективная фиксированность в материалах дела, отсутствие дублирования.

Этап 3. Вербальная оценка вероятности признаков при каждой гипотезе. Для каждого выделенного признака эксперт даёт две вербальные оценки: вероятность встретить данный признак у лица, подпадающего под гипотезу А, и вероятность встретить его у лица, подпадающего под гипотезу Б. Оценки формулируются с использованием стандартизированной вербально-числовой шкалы вероятностей (*табл. 1*), построенной на основе результатов систематического обзора М. Дж. Хашима, который выявил термины, имеющие наиболее устойчивую количественную интерпретацию среди врачей и пациентов. Использование единой шкалы направлено на минимизацию субъективных вариаций при извлечении экспертных знаний.

Таблица 1. Вербально-числовая шкала вероятностей (по: Hashim MJ, 2024)

Качественный термин (на русском)	Качественный термин (на английском)	Диапазон вероятности	Середина интервала
Исключительно маловероятно	Exceptionally unlikely	0–1%	0,005
Очень маловероятно	Very unlikely	0–10%	0,05
Маловероятно	Unlikely	0–33%	0,165
Почти так же вероятно, как и нет	About as likely as not	33–66%	0,495
Вероятно	Likely	66–100%	0,83
Очень вероятно	Very likely	90–100%	0,95
Практически достоверно	Virtually certain	99–100%	0,995

Этап 4. Перевод вербальных оценок в числовые вероятности. Каждой вербальной оценке ставится в соответствие числовое значение, в качестве которого обычно принимается середина соответствующего интервала (табл. 1). Такой подход позволяет сохранить баланс между консервативностью и оптимистичностью оценки. В результате для каждого i-го признака получаем две величины: p_i (А) — вероятность его наличия при гипотезе А и p_i («Б») — при гипотезе Б.

Этап 5. Расчёт диагностических коэффициентов. Диагностический коэффициент (ДК) для каждого признака вычисляется по формуле:

$$ДК_i = 10 \cdot \lg\left(\frac{p_i(А)}{p_i(Б)}\right)$$

где lg — десятичный логарифм. Положительное значение ДК свидетельствует в пользу гипотезы А, отрицательное — в пользу гипотезы Б. Абсолютная величина ДК отражает информативность признака. Данная формула широко применяется в медицинской диагностике и базируется на информационной мере Кульбака, количественно оценивающей степень различия распределений признака в сравниваемых группах.

Этап 6. Последовательное накопление и принятие решения. Устанавливаются приемлемые вероятности ошибок: α — ошибка первого рода (ложное принятие гипотезы А при истинности Б) и β — ошибка второго рода (ложное принятие Б при истинности А). Для судебно-психиатрической экспертизы обоснованным представляется уровень α=β=0,05 (вероятность ошибки не более 5%). Пороги принятия решения рассчитываются по формулам:

$$A = 10 \cdot \lg\left(\frac{1-\beta}{\alpha}\right), B = 10 \cdot \lg\left(\frac{\beta}{1-\alpha}\right)$$

При α=β=0,05 получаем A=+12,79, B=-12,79.

Признаки анализируются последовательно (рекомендуется в порядке убывания информативности). Накопленная сумма ДК сравнивается с порогами после каждого шага:

- если сумма ≥A — принимается гипотеза А;
- если сумма ≤B — принимается гипотеза Б;
- если сумма находится между A и B — требуется дополнительная информация.

Метод последовательного анализа Вальда минимизирует среднее число необходимых признаков для принятия решения при заданных ошибках, что критически важно в условиях ограниченного объёма посмертной документации.

Этап 7. Оформление экспертного вывода. На основе принятого решения формулируется категорический экспертный вывод о способности наследодателя понимать значение своих дей-

ствий и руководить ими в юридически значимый период. В случае, если сумма ДК не достигает пороговых значений после исчерпания всех доступных признаков, формулируется вывод о невозможности дать однозначное заключение (вероятностный вывод).

Несмотря на формализованную процедуру, в ряде случаев требуется ручная корректировка исходных вербальных оценок, что обусловлено следующими причинами.

Неоднозначность и неполнота исходных данных. Посмертная экспертиза опирается на документальные источники, которые могут содержать противоречивую или неполную информацию. В таких ситуациях эксперт вынужден корректировать оценки, основываясь на имеющейся в литературе статистике, личном клиническом опыте и косвенных данных.

Размытость границ терминов шкалы. Интервалы вероятностей (например, 0–33% для термина «маловероятно») достаточно широки. Выбор середины интервала (0,165) или его границы (0,33) существенно меняет ДК. Эксперт может вручную сместить точку внутри интервала, если клиническая картина указывает на более высокую или более низкую вероятность.

Учёт взаимодействия (корреляции) признаков. Формула Вальда предполагает условную независимость признаков при каждой гипотезе. На практике многие симптомы коррелированы (например, депрессивность и замедленность психической деятельности). При наличии выраженной корреляции эксперт может снизить ДК для избыточно коррелированных признаков во избежание завышения суммарной информативности.

Калибровка под специфику конкретной популяции. Распространённость и выраженность признаков могут варьировать в зависимости от возраста, пола, коморбидной патологии. Эксперт вправе адаптировать вероятности с учётом этих особенностей.

Учёт априорной вероятности гипотез. При существенном дисбалансе априорных вероятностей (например, крайне низкой распространённости тяжёлых психических расстройств в общей популяции) эксперт может скорректировать пороги принятия решения, изменяя α и β.

Ручная корректировка должна быть явно задокументирована в экспертном заключении с указанием причин, её вызвавших.

Для иллюстрации практического применения методики рассмотрим следующий фрагмент экспертного заключения:

« На фоне указанных смешанных причин (прогрессирующей сердечно-сосудистой недостаточности, церебрального атеросклероза, декомпенсированного сахарного диабета, общей интоксикации) у А.Н. отмечалось психическое расстройство – Органическое астеническое расстройство тяжелой степени (МКБ-10: F06.6), которое проявлялось преобладанием астенической симптоматики (головокружением, неприятными ощущениями, головной болью, утомляемостью, выраженной общей слабостью, снижением фона настроения, заторможенностью мышления), а также невозможностью самообслуживания, передвижения, что зафиксировано в медицинской документации».

Этап 1. Формулирование гипотез. Гипотеза А: завещатель не могла понимать значение своих действий и руководить ими вследствие органического астенического расстройства тяжёлой степени. Гипотеза Б: завещатель могла понимать значение своих действий и руководить ими (отсутствие указанного расстройства или его лёгкая степень).

Этап 2. Выделение признаков. Из текста выделены следующие бинарные признаки (все присутствуют у пациентки):

- Головокружение
- Неприятные ощущения
- Головная боль
- Утомляемость
- Выраженная общая слабость
- Сниженный фон настроения
- Заторможенность мышления (брадифрения)
- Невозможность самообслуживания
- Невозможность передвижения

Этап 3. Вербальная оценка вероятностей. С использованием вербально-числовой шкалы (табл. 1) экспертом были назначены следующие оценки. Для гипотезы А («расстройство есть») все признаки оценены как «Очень вероятно» (диапазон 90–100%, середина 0,95), что соответствует клинической картине тяжёлого органического астенического расстройства, при котором указанные симптомы закономерно присутствуют. Для гипотезы Б («расстройства нет») оценки дифференцированы: первые пять признаков (головокружение, неприятные ощущения, головная боль, утомляемость, общая слабость) оценены как «Вероятно» (0,83), поскольку они могут встречаться при тяжёлой соматической патологии без психического расстройства; признаки 6–9 оценены как «Маловероятно» (0,165) ввиду их высокой специфичности для органического поражения головного мозга.

Этап 4. Перевод в числовые вероятности и расчёт ДК. Результаты сведены в *табл. 2.*

Таблица 2. Расчёт диагностических коэффициентов для клинического примера

Признак	P(A)	P(Б)	ДК = 10·lg(P(A)/P(Б))
Головокружение	0,95	0,83	0,59
Неприятные ощущения	0,95	0,83	0,59
Головная боль	0,95	0,83	0,59
Утомляемость	0,95	0,83	0,59
Выраженная общая слабость	0,95	0,83	0,59
Сниженный фон настроения	0,95	0,165	7,60
Заторможенность мышления	0,95	0,165	7,60
Невозможность самообслуживания	0,95	0,165	7,60
Невозможность передвижения	0,95	0,165	7,60

Этап 5. Последовательное накопление и принятие решения. Суммируем ДК последовательно (*табл. 3*).

Таблица 3. Последовательное накопление суммы ДК

Шаг	Признак	ДК	Кумулятивная сумма
1	Головокружение	0,59	0,59
2	Неприятные ощущения	0,59	1,18
3	Головная боль	0,59	1,77
4	Утомляемость	0,59	2,36
5	Выраженная общая слабость	0,59	2,95
6	Сниженный фон настроения	7,60	10,55
7	Заторможенность мышления	7,60	18,15
8	Невозможность самообслуживания	7,60	25,75
9	Невозможность передвижения	7,60	33,35

Порог принятия гипотезы А составляет +12,79 (при α=β=0,05). Как видно из табл. 3, кумулятивная сумма достигает значения 18,15 на седьмом шаге, превышая пороговое значение. Следовательно, принимается гипотеза А — завещатель не могла понимать значение своих действий и руководить ими. Полученное решение обладает статистической достоверностью с вероятностью ошибки менее 5%.

Научная обоснованность методики

Предлагаемая методика опирается на фундаментальные результаты теории статистических решений и медицинской информатики, что обеспечивает её научную обоснованность по следующим направлениям.

Математическая строгость. Последовательный критерий отношения правдоподобия Вальда (SPRT) обладает доказанным свойством минимизировать среднее число наблюдений, необходимых для достижения заданных уровней ошибок I и II рода. Это свойство критически важно для посмертной экспертизы, где объём доступной информации всегда ограничен. Классические работы А. Вальда заложили основу для применения SPRT в медицинской диагностике, а в отечественной практике метод последовательного анализа Вальда получил широкое распространения для распознавания заболеваний и состояний, включая диагностику угрожающих состояний у детей.

Информационная мера Кульбака. Использование диагностических коэффициентов, вычисляемых как десятичный логарифм отношения вероятностей, базируется на информационной мере Кульбака, количественно оценивающей степень различия распределений признака в сравниваемых группах. Данный подход позволяет объективно ранжировать признаки по их диагностической значимости и отсеивать малоинформативные. В российской медицинской литературе метод Кульбака успешно применяется для формирования словарей информативных признаков при прогнозировании различных патологических состояний.

Валидированная вербально-числовая шкала. Используемая в методике шкала основана на систематическом обзоре М. Дж. Хашима, обобщившем данные многочисленных исследований по количественной интерпретации качественных вероятностных выражений. Отобранные термины демонстрируют наиболее устойчивую интерпретацию среди врачей и пациентов, что позволяет стандартизировать процесс извлечения экспертных знаний. Данная шкала является развитием более ранних исследований Мостеллера и Ютц, а также Реной и Виттеман. Применение шкалы позволяет объективизировать этап оценки признаков и процедуру принятия решения.

Применимость в условиях неопределённости. Методика специально адаптирована для условий посмертной экспертизы, характеризующейся неполнотой и ретроспективным характером данных. Возможность последовательного анализа позволяет принимать решение по мере поступления информации, а явное задание порогов ошибок обеспечивает контролируемый уровень достоверности вывода. При этом методика допускает вероятностные заключения в тех случаях, когда накопленная информация не достигает пороговых значений, что полностью соответствует современным требованиям к судебно-экспертной деятельности.

Использование возможностей ИИ для объективизации методики производства посмертной психолого-психиатрической экспертизы по наследственным делам.

Как было выше указано, нет формализованных методик посмертной психолого-психиатрической экспертизы по наследственным делам, которые можно было бы применить к конкретному делу. Создаваемая в ходе экспертизы по конкретному делу методика не всегда изложена экспертами настолько детально, чтобы ее можно было использовать другим экспертом. В связи с чем, нарушается процессуальный принцип допустимости и достоверности заключения эксперта. Отсутствие детальной, воспроизводимой методики в каждом конкретном случае не позволяет проверить обоснованность и научность сделанных выводов, что противоречит ряду статей Федерального закона № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации». В частности, статье 8 (Объективность, всесторонность и полнота исследований), где указано, что «эксперт проводит исследования объективно, на строго научной и практической основе... всесторонне и в полном объеме». Невозможность повторить исследование напрямую подрывает его объективность и научную обоснованность, что противоречит статье 25 (Заключение эксперта или комиссии экспертов и его содержание), так как заключение должно содержать полные сведения о примененных методах, что делает его проверяемым. Отсутствие зафиксированной, как мы предлагаем в программном коде, методики не позволяет другому эксперту провести повторное исследование, что делает невозможной оценку результатов и может поставить под сомнение достоверность выводов.

Для устранения указанных недостатков предлагаем использовать вайб-кодинг (Vibe

Coding) при котором эксперт-психиатр выступает одновременно еще и разработчиком программного кода. Метод позволяет не писать код «вручную». Вместо этого эксперт формулирует задачу на естественном языке, а ИИ генерирует нужный код. Таким образом, при производстве экспертизы реализуется ключевая идея «вайб-кодинга», заключающаяся в том, чтобы полностью погрузиться в творческий поток («вайб»), не отвлекаясь на технические детали по переводу вербально-числовой шкалы в диагностические коэффициенты, последующие расчеты и создание кода, реализующего методику принятия решения при проведении экспертизы.

Самостоятельное создание кода позволяет экспертам выработать и оформить в качестве исполняемого машинного кода в рамках своего экспертного учреждения научно-обоснованную методику учета, с одной стороны, опыта решения аналогичных задач, с другой, исключить влияние таких субъективных факторов, как опыт врача, культурные особенности и неосознанные предубеждения.

Опыт решения аналогичных задач в рамках своего экспертного учреждения может быть сконцентрирован в датасете, состоящем из проведенных ранее экспертиз. В дальнейшем датасет позволит обучить нейронную сеть и использовать ее при производстве экспертизы.

Учет опыта конкретного врача и иных субъективных факторов может быть реализован путем обсуждения врачебной комиссий оценок вклада выявленных симптомов и оформления их в виде вербально-числовой шкалы вероятностей для конкретного случая.

Ограничения методики. К числу основных ограничений относятся: (1) зависимость конечного результата от субъективных экспертных оценок вероятностей, что требует коллегиального подхода при принятии ответственных решений; (2) предположение об условной независимости признаков, которое на практике может нарушаться; (3) необходимость предварительного обсуждения экспертных оценок для обеспечения корректности вероятностных оценок.

Краткий итог. Предлагаемая методика представляет собой научно обоснованный инструмент поддержки принятия решений в посмертной судебно-психиатрической экспертизе по наследственным делам, сочетающий математическую строгость с практической применимостью в условиях реальной экспертной деятельности. При соблюдении всех этапов процедуры и надлежащем документировании экспертных решений методика может служить основой для стандартизации данного вида экспертиз.

Список литературы:

[1] Uzma Zaheen, Allah Rakha, Qudsia Hassan, Muhammad Farhan Khan, Sareen Akhtar, Anam Munawar, A systematic review about the evolving role of artificial intelligence in various fields of forensic medicine, Journal of Forensic and Legal Medicine, Volume 117, 2026, 103043, ISSN 1752-928X, https://doi.org/10.1016/j.jflm.2025.103043.

[2] Olawade DB, Ayoola FI, Ebo TO, Asaolu AJ, Egbon E, Clement David-Olawade A. Artificial intelligence in forensic mental health: A review of applications and implications. J Forensic Leg Med. 2025 Jul;113:102895. doi: 10.1016/j.jflm.2025.102895. Epub 2025 May 24. PMID: 40441026.

[3] G. Saravana Kumar, K.K. Ramachandran, S. Sharma, R. Ramesh, K. Qureshi, K.V.B. Ganesh AI-assisted resource allocation for improved business efficiency and profitability 3rd Int Conf Adv Comput Innov Technol Eng ICACITE, 2023 (2023), pp. 54-58

[4] G. Saravana Kumar, K.K. Ramachandran, S. Sharma, R. Ramesh, K. Qureshi, K.V.B. Ganesh AI-assisted resource allocation for improved business efficiency and profitability 3rd Int Conf Adv Comput Innov Technol Eng ICACITE, 2023 (2023), pp. 54-58

[5] A.C. Timmons, J.B. Duong, N. Simo Fiallo, et al. A call to action on assessing and mitigating bias in artificial intelligence applications for mental health/ Perspect Psychol Sci, 18 (5) (2023), pp. 1062-1096.

[6] David B. Olawade, Folasayo I. Ayoola, Titus Oloruntoba Ebo, Akinsola J. Asaolu, Eghosasere Egbon, Aanuoluwapo Clement David-Olawade,Artificial intelligence in forensic mental health: A review of applications and implications, Journal of Forensic and Legal Medicine, Volume 113, 2025, 102895, ISSN 1752-928X, https://doi.org/10.1016/j.jflm.2025.102895

[7] С. Д. Альфонсо. Искусственный интеллект в психическом здоровье Curr Opin Psychol, 36 (2020), стр. 112-117 S. D'Alfonso AI in mental health Curr Opin Psychol, 36 (2020), pp. 112-117.

[8] S. Graham, C. Depp, E.E. Lee, et al. Artificial intelligence for mental health and mental illnesses: an overview Curr Psychiatry Rep, 21 (2019), pp. 1-18.

[9] D. DeAlcala, I. Serna, A. Morales, J. Fierrez, J. Ortega-Garcia Measuring bias in AI models: an statistical approach introducing N-Sigma IEEE 47th Annual Computers, Software, and Applications Conference (COMPSAC), IEEE (2023), pp. 1167-1172 2023.

[10] R. Tornero-Costa, A. Martinez-Millana, N. Azzopardi-Muscat, L. Lazeri, V. Traver, D. Novillo-Ortiz Methodological and quality flaws in the use of artificial intelligence in mental health research: systematic review JMIR Ment Heal, 10 (1) (2023), Article e42045 S. Zhou, J. Zhao, L. Zhang Application of arti-

ficial intelligence on psychological interventions and diagnosis: an overview Front Psychiatr, 13 (2022), Article 811665.

[11] K. Daskevicius, J. Marcinkeviciene, Z. Kazeniene, P02-176 - Posthumous forensic psychiatric examinations in litigations about capacity to contract, European Psychiatry, Volume 26, Supplement 1, 2011, Page 772, ISSN 0924-9338, https://doi.org/10.1016/S0924-9338(11)72477-4.

[12] Переправина, Ю. О. Анализ понятия «принятия решения» в структуре психологической судебно-экспертной оценки сделкоспособности / Ю. О. Переправина // Поляковские чтения-2018. Методологические и прикладные проблемы медицинской (клинической) психологии (к 90-летию Ю.Ф. Полякова): материалы всероссийской научно-практической конференции с международным участием, 15-16 марта 2018 года / ред. Н.В. Зверева, И.Ф. Рощина, С.Н. Ениколопов. – М.: Сам Полиграфист, 2018. – С. 239-240.

[13] García Pérez, T. La Autopsia Psicológica En El Homicidio. Rev. Med. Leg. De Costa Rica 1998, 15, 1–2. [Google Scholar]

[14] Sablone, S.; Bellino, M.; Cardinale, A.N.; Violante, M.G.; Risola, R.; Magno, A.; Pierro, V.; Grattagliano, I. Psychological Autopsy: A Powerful Tool in Forensic Investigations. Forensic Sci. 2024, 4, 635-646. https://doi.org/10.3390/forensicsci4040044. С. 636.

[15] Farberow, N.L.; Edwin, S.S. The Cry for Help; The Blaksiston Division/McGraw-Hill Book Co., Inc.: New York, NY, USA, 1961. [Google Scholar

[20] Sablone, S.; Bellino, M.; Cardinale, A.N.; Violante, M.G.; Risola, R.; Magno, A.; Pierro, V.; Grattagliano, I. Psychological Autopsy: A Powerful Tool in Forensic Investigations. Forensic Sci. 2024, 4, 635-646. https://doi.org/10.3390/forensicsci4040044

[16] Sablone, S.; Bellino, M.; Cardinale, A.N.; Violante, M.G.; Risola, R.; Magno, A.; Pierro, V.; Grattagliano, I. Psychological Autopsy: A Powerful Tool in Forensic Investigations. Forensic Sci. 2024, 4, 635-646. https://doi.org/10.3390/forensicsci4040044

[17] Posa, F.; Leone, J.; Rondinelli, V.; Sclavi, F.; Posa, M. Psychological Autopsy Structured on Individual Cases: Methodological Considerations for A New Protocol. Med. Res. Arch. 2023, 11, 3. [Google Scholar] [CrossRef]

[18] Bonicatto, B.; García Perèz, T.; Lopez, R.R.; Angeli, F. L' Autopsia Psicologica. L'indagine Nei Casi DI Morte Violenta O Dubbia; Franco Angeli: Milan, Italy, 2006. [Google Scholar]

[19] Pérez, T.G. Pericia en Autopsia Psicológica; Ediciones La Rocca: Buenos Aires, Argentina, 2007. [Google Scholar].

[20] Canter, D.; Alison, L. Profiling in Policy and Practice, 1st ed.; Routledge: Oxfordshire, UK, 1999; ISBN 978-1-315-24594-2. [Google Scholar].

[21] Canter, D.; Alison, L. Profiling in Policy and Practice, 1st ed.; Routledge: Oxfordshire, UK, 1999; ISBN 978-1-315-24594-2. [Google Scholar].

[22] Лебединский В. Методические разъяснения по сбору материалов и информации при производстве судебной оценочной экспертизы. https://zakon.ru/blog/2022/11/29/metodicheskie_razyasneniya_po_sboru_materialov_i_informacii_pri_proizvodstve_sudebnoj_ocenochnoj_eks.

[23] Ковалева А. В. О возможности участия специалиста при обеспечении доказательств // Актуальные проблемы российского права. 2019. №3 (100). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/o-vozmozhnosti-uchastiya-spetsialista-pri-obespechenii-dokazatelstv (дата обращения: 02.04.2026).

[24] Приказ Минздрава России «Порядок проведения судебно-медицинской экспертизы» от 25.09.2023 № 491н регламентировано производство ситуационных исследований (экспертизы). Методические рекомендации: Методика проведения судебно-медицинской экспертизы по материалам дела. «Проведение экспертиз по реконструкции событий (ситуационные)». Москва 2024.Федеральное государственное бюджетное учреждение «Российский центр судебно-медицинской экспертизы».

[25] Федеральное государственное бюджетное учреждение «Российский центр судебно-медицинской экспертизы». Методика проведения судебно-медицинской экспертизы по материалам дела методические рекомендации. Москва 2024. https://rc-sme.ru/Expertise/metod/MP_СМЭ_по _материалам_дела.pdf.

[26] Методика проведения судебно-медицинской экспертизы по материалам дела. Методические рекомендации. Москва. 2024. Федеральное государственное бюджетное учреждение «Российский центр судебно-медицинской экспертизы». 18.

[27] Богомолова И.Н., Саперовская В.Е., Орловская А.В. Применение метода Байеса—Вальда—Гублера для дифференциальной диагностики причин смерти при низкой температуре окружающей среды. Судебно-медицинская экспертиза. 2015;58(1):44-48. https://doi.org/10.17116/sudmed201558144-48

[28] Сафуанов Ф. С., Савина О. Ф., Морозова М. В., Солдатова К. М., Черненьков А. Д., Кузнецов И. В. Дифференциально-диагностическое значение модифицированного теста Торренса // Российский психиатрический журнал. 2020. №4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/differentsialno-diagnosticheskoe-znachenie-modifitsirovannogo-testa-torrensa (дата обращения: 09.03.2026).

[29] Сафуанов, Ф. С. Диагностическая информативность патопсихологического иссле-

дования при судебно-экспертной оценке способности лиц с психическими расстройствами к совершению сделки / Ф. С. Сафуанов, А. Д. Черненьков, Ю. О. Переправина // Судебная психиатрия. Актуальные проблемы. – М.: НМИЦПН им. В.П. Сербского, 2019. – С. 138-150

[30] Методологические основы производства посмертной комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы по оценке способности гражданина к совершению сделки: Методические рекомендации. М.: ФГБУ «НМИЦ ПН им. В.П. Сербского» Минздрава России, 2020.- 32 с.

[31] Алгоритм проведения медико-криминалистических ситуационных экспертиз: Методические рекомендации для судебно-медицинских экспертов медико-криминалистического отдела / ОБУЗ «Бюро судебно-медицинской экспертизы» комитета здравоохранения Курской области. – Курск, 2013. – 18 с.

References:

[1] Uzma Zaheen, Allah Rakha, Qudsia Hassan, Muhammad Farhan Khan, Sareen Akhtar, Anam Munawar, A systematic review about the evolving role of artificial intelligence in various fields of forensic medicine, Journal of Forensic and Legal Medicine, Volume 117, 2026, 103043, ISSN 1752-928X, https://doi.org/10.1016/j.jflm.2025.103043.

[2] Olawade DB, Ayoola FI, Ebo TO, Asaolu AJ, Egbon E, Clement David-Olawade A. Artificial intelligence in forensic mental health: A review of applications and implications. J Forensic Leg Med. 2025 Jul;113:102895. doi: 10.1016/j.jflm.2025.102895. Epub 2025 May 24. PMID: 40441026.

[3] G. Saravana Kumar, K.K. Ramachandran, S. Sharma, R. Ramesh, K. Qureshi, K.V.B. Ganesh AI-assisted resource allocation for improved business efficiency and profitability 3rd Int Conf Adv Comput Innov Technol Eng ICACITE, 2023 (2023), pp. 54-58

[4] G. Saravana Kumar, K.K. Ramachandran, S. Sharma, R. Ramesh, K. Qureshi, K.V.B. Ganesh AI-assisted resource allocation for improved business efficiency and profitability 3rd Int Conf Adv Comput Innov Technol Eng ICACITE, 2023 (2023), pp. 54-58

[5] A.C. Timmons, J.B. Duong, N. Simo Fiallo, et al. A call to action on assessing and mitigating bias in artificial intelligence applications for mental health/ Perspect Psychol Sci, 18 (5) (2023), pp. 1062-1096.

[6] David B. Olawade, Folasayo I. Ayoola, Titus Oloruntoba Ebo, Akinsola J. Asaolu, Eghosasere Egbon, Aanuoluwapo Clement David-Olawade,Artificial intelligence in forensic mental health: A review of applications and implications, Journal of Forensic and Legal Medicine, Volume 113, 2025, 102895, ISSN 1752-928X, https://doi.org/10.1016/j.jflm.2025.102895

[7] S. D. Alfonso. Artificial Intelligence in Mental Health Curr Opin Psychol, 36 (2020), pp. 112-117 S. D'Alfonso AI in mental health Curr Opin Psychol, 36 (2020), pp. 112-117.

[8] S. Graham, C. Depp, E.E. Lee, et al. Artificial intelligence for mental health and mental illnesses: an overview Curr Psychiatry Rep, 21 (2019), pp. 1-18.

[9] D. DeAlcala, I. Serna, A. Morales, J. Fierrez, J. Ortega-Garcia Measuring bias in AI models: an statistical approach introducing N-Sigma IEEE 47th Annual Computers, Software, and Applications Conference (COMPSAC), IEEE (2023), pp. 1167-1172 2023.

[10] R. Tornero-Costa, A. Martinez-Millana, N. Azzopardi-Muscat, L. Lazeri, V. Traver, D. Novillo-Ortiz Methodological and quality flaws in the use of artificial intelligence in mental health research: systematic review JMIR Ment Heal, 10 (1) (2023), Article e42045 S. Zhou, J. Zhao, L. Zhang Application of artificial intelligence on psychological interventions and diagnosis: an overview Front Psychiatr, 13 (2022), Article 811665.

[11] K. Daskevicius, J. Marcinkeviciene, Z. Kazeniene, P02-176 - Posthumous forensic psychiatric examinations in litigations about capacity to contract, European Psychiatry, Volume 26, Supplement 1, 2011, Page 772, ISSN 0924-9338, https://doi.org/10.1016/S0924-9338(11)72477-4.

[12] Pereprovina, Yu. O. Analysis of the concept of "decision-making" in the structure of psychological forensic assessment of dealability/Yu. O. Pereprovina//Polyakovsky readings-2018. Methodological and applied problems of medical (clinical) psychology (to the 90th anniversary of Yu.F. Polyakov): materials of the All-Russian scientific and practical conference with international participation, March 15-16, 2018/ed. N.V. Zvereva, I.F. Roshchina, S.N. Enikolopov. - M.: Polygraphist himself, 2018. - S. 239-240.

[13] García Pérez, T. La Autopsia Psicológica En El Homicidio. Rev. Med. Leg. De Costa Rica 1998, 15, 1–2. [Google Scholar]

[14] Sablone, S.; Bellino, M.; Cardinale, A.N.; Violante, M.G.; Risola, R.; Magno, A.; Pierro, V.; Grattagliano, I. Psychological Autopsy: A Powerful Tool in Forensic Investigations. Forensic Sci. 2024, 4, 635-646. https://doi.org/10.3390/forensicsci4040044. C. 636.

[15] Farberow, N.L.; Edwin, S.S. The Cry for Help; The Blaksiston Division/McGraw-Hill Book Co., Inc. : New York, NY, USA, 1961. [Google Scholar

[20] Sablone, S.; Bellino, M.; Cardinale, A.N.; Violante, M.G.; Risola, R.; Magno, A.; Pierro, V.; Grattagliano, I. Psychological Autopsy: A Powerful

Tool in Forensic Investigations. Forensic Sci. 2024, 4, 635-646. https://doi.org/10.3390/forensicsci-4040044

[16] Sablone, S.; Bellino, M.; Cardinale, A.N.; Violante, M.G.; Risola, R.; Magno, A.; Pierro, V.; Grattagliano, I. Psychological Autopsy: A Powerful Tool in Forensic Investigations. Forensic Sci. 2024, 4, 635-646. https://doi.org/10.3390/forensicsci-4040044

[17] Posa, F.; Leone, J.; Rondinelli, V.; Sclavi, F.; Posa, M. Psychological Autopsy Structured on Individual Cases: Methodological Considerations for A New Protocol. Med. Res. Arch. 2023, 11, 3. [Google Scholar] [CrossRef]

[18] Bonicatto, B.; García Perèz, T.; Lopez, R.R. ; Angeli, F. L' Autopsia Psicologica. L'indagine Nei Casi DI Morte Violenta O Dubbia; Franco Angeli: Milan, Italy, 2006. [Google Scholar]

[19] Pérez, T.G. Pericia en Autopsia Psicológica; Ediciones La Rocca: Buenos Aires, Argentina, 2007. [Google Scholar].

[20] Canter, D.; Alison, L. Profiling in Policy and Practice, 1st ed.; Routledge: Oxfordshire, UK, 1999; ISBN 978-1-315-24594-2. [Google Scholar].

[21] Canter, D.; Alison, L. Profiling in Policy and Practice, 1st ed.; Routledge: Oxfordshire, UK, 1999; ISBN 978-1-315-24594-2. [Google Scholar].

[22] Lebedinsky V. Methodical clarifications on the collection of materials and information during the forensic assessment examination. https://zakon.ru/blog/2022/11/29/metodicheskie_razyasneniya_po_sbo-ru_materialov_i_informacii_pri_proizvodstve_sudebnoj_ocenochnoj_eks.

[23] Kovaleva A. V. On the possibility of participation of a specialist in providing evidence//Actual problems of Russian law. 2019. №3 (100). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/o-vozmozhnosti-uchastiya-spetsialista-pri-obespechenii-dokazatelstv (дата обращения: 02.04.2026).

[24] Order of the Ministry of Health of Russia "Procedure for Forensic Medical Examination" dated 25.09.2023 No. 491n regulates the production of situational studies (examinations). Methodological recommendations: Methods of forensic medical examination based on the case file. "Carrying out expert examinations on reconstruction of events (situational)." Moscow 2024. Federal State Budgetary Institution "Russian Center for Forensic Medical Examination."

[25] Federal State Budgetary Institution "Russian Center for Forensic Medical Examination." Methods of forensic medical examination based on case materials methodological recommendations. Moscow 2024. https://rc-sme.ru/Expertise/metod/MP_СМЭ_по_материалам_дела.pdf.

[26] Methods of forensic medical examination based on the case file. Guidelines. Moscow. 2024. Federal State Budgetary Institution "Russian Center for Forensic Medical Examination." 18.

[27] Bogomolova I.N., Saperovskaya V.E., Orlovskaya A.V. Application of Bayes-Wald-Gubler method for differential diagnosis of causes of death at low ambient temperature. Forensic medical examination. 2015;58(1):44-48. https://doi.org/10.17116/sudmed201558144-48

[28] Safuanov F.S., Savina O.F., Morozova M.V., Soldatova K.M., Chernenkov A.D., Kuznetsov I.V. Differential diagnostic value of the modified Torrens test//Russian Psychiatric Journal. 2020. №4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/differentsialno-diagnosticheskoe-znachenie-modifitsirovannogo-testa-torrensa (дата обращения: 09.03.2026).

[29] Safuanov, F. S. Diagnostic Informativity of Pathopsychological Research in a Forensic Assessment of the Ability of Persons with Mental Disorders to Make a Transaction/F. S. Safuanov, A. D. Chernenkov, Yu. O. Pereprovina//Forensic Psychiatry. Actual problems. - M.: NMITSPN named after V.P. Serbsky, 2019. - S. 138-150

[30] Methodological foundations of the posthumous complex forensic psychological and psychiatric examination to assess the ability of a citizen to make a transaction: Methodological recommendations. M.: FSBI V.P. Serbsky National Medical Research Center of the Ministry of Health of Russia, 2020.- 32 p.

[31] Algorithm for conducting medical and forensic situational examinations: Methodological recommendations for forensic experts of the medical and forensic department/OBUZ "Bureau of Forensic Medical Examination" of the Kursk Region Health Committee. - Kursk, 2013. - 18 s.

Дата поступления рукописи в редакцию: 15.04.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.05.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3830-2026-4-201-204

ДЁМИЧЕВА Маргарита Юрьевна,
аспирант, ФГБОУ ВО «Государственный университет по землеустройству», Москва,
e-mail: demicheva99@inbox.ru

ОЦЕНКА РЫНОЧНОЙ СТОИМОСТИ ЗЕМЕЛЬНОГО УЧАСТКА ПУБЛИЧНОЙ СОБСТВЕННОСТИ КАК ПРЕДМЕТА АУКЦИОНА В СИСТЕМЕ УПРАВЛЕНИЯ ЗЕМЕЛЬНЫМИ РЕСУРСАМИ ТВЕРСКОГО РЕГИОНА

Аннотация. *В статье рассматривается проблема оценки рыночной стоимости земельных участков публичной собственности как предмета аукциона в системе управления земельными ресурсами Тверского региона. Анализируются нормативно-правовые основы оценки, ключевые факторы, влияющие на стоимость участков, и применяемые подходы к оценке (сравнительный, доходный, затратный).*

Особое внимание уделено практике проведения аукционов в Тверской области: выявлены основные проблемы, такие как неактуальность данных о сделках, разрыв между кадастровой и рыночной стоимостью, низкая конкуренция в отдалённых районах и сложности учёта природоохранных ограничений.

Предложены практические рекомендации по повышению точности оценки и эффективности аукционов: актуализация базы данных рыночных сделок, внедрение геоинформационных систем, регулярный мониторинг спроса, усиление взаимодействия органов власти с оценщиками и риелторами, а также создание регионального центра компетенций по оценке земельных участков.

Результаты исследования могут быть полезны органам местного самоуправления, специалистам в области оценки недвижимости, участникам земельных аукционов и исследователям, занимающимся вопросами управления земельными ресурсами.

Ключевые слова: *рыночная стоимость, земельный участок, публичная собственность, аукцион, оценка недвижимости, управление земельными ресурсами, Тверская область, кадастровая стоимость, геоинформационные системы.*

DEMICHEVA Margarita Yurievna,
post-graduate student,
State University of Land Management, Moscow

ASSESSMENT OF THE MARKET VALUE OF A PUBLIC LAND PLOT AS AN AUCTION SUBJECT IN THE TVER REGION LAND RESOURCES MANAGEMENT SYSTEM

Annotation. *The article examines the problem of assessing the market value of public property land plots as the subject of an auction in the land management system of the Tver region. The article analyzes the legal and regulatory framework for assessment, the key factors affecting the value of land plots, and the approaches used for assessment (comparative, income, and cost approaches).*

Special attention is paid to the practice of conducting auctions in the Tver region, and the main issues are identified, such as the relevance of transaction data, the gap between cadastral and market value, low competition in remote areas, and the difficulties in accounting for environmental restrictions.

Practical recommendations have been proposed to improve the accuracy of assessments and the efficiency of auctions, including updating the database of market transactions, implementing

geoinformation systems (GIS), regularly monitoring demand, strengthening cooperation between government agencies, appraisers, and real estate agents, and establishing a regional center of expertise in land valuation.

The results of the study can be useful for local governments, real estate appraisers, participants in land auctions, and researchers working on land management issues.

Key words: *market value, land plot, public property, auction, real estate appraisal, land management, Tver Region, cadastral value, geoinformation systems, regional competence center.*

Эффективное управление земельными ресурсами выступает одним из ключевых факторов социально-экономического развития региона. В Тверской области значительная часть земель находится в публичной собственности — федеральной, региональной или муниципальной. Одним из механизмов вовлечения таких участков в хозяйственный оборот являются аукционы, где начальная цена, в том числе, определяется на основе рыночной стоимости. Её корректная оценка напрямую влияет на бюджетную эффективность сделок и прозрачность распределения земельных ресурсов, а также способствует привлечению инвестиций в развитие территорий.

В соответствии с Федеральным законом от 29.07.1998 № 135-ФЗ «Об оценочной деятельности в Российской Федерации», рыночная стоимость земельного участка — это наиболее вероятная цена, по которой он может быть отчуждён на открытом рынке в условиях конкуренции. При оценке участков публичной собственности особенно важно соблюдать принципы объективности и обоснованности, поскольку речь идёт о распоряжении государственным имуществом, средства от реализации которого должны максимально эффективно служить общественным интересам.

На рыночную стоимость земельного участка влияет комплекс факторов. Прежде всего это местоположение — близость к инфраструктуре, транспортным узлам и населённым пунктам. Например, участки вблизи Твери, крупных районных центров или туристических зон (таких как Селигер или Валдай) традиционно имеют более высокую стоимость из-за повышенного спроса. Существенную роль играют целевое назначение и разрешённое использование земли: относится ли участок к сельскохозяйственным, промышленным или жилым зонам. Так, земли под индивидуальное жилищное строительство (ИЖС) вблизи городов ценятся выше, чем участки сельскохозяйственного назначения в отдалённых районах.

Также важны площадь и конфигурация участка — компактные формы с правильной геометрией предпочтительнее сложных и вытянутых. Наличие инженерных коммуникаций — газа, воды, электричества — может кратно увеличить стоимость, особенно в районах с развитой инфраструктурой. Экологическая обстановка и природные характеристики территории также играют роль: участки в экологически чистых зонах или вблизи водоёмов пользуются повышенным спросом. Не менее значимы рыночные параметры: спрос и предложение на землю в конкретном районе, а также кадастровая стоимость, которая служит ориентиром для начальной цены аукциона.

Для определения рыночной стоимости применяются три основных подхода. Сравнительный подход основан на анализе цен сделок с аналогичными участками и особенно эффективен в Тверской области для популярных категорий земель, например, под ИЖС вблизи Твери или в туристических зонах Конаковского,Осташковского муниципальных округов. При этом оценщик подбирает несколько аналогов с похожими характеристиками, вносит корректировки на различия в площади, инфраструктуре и других параметрах, а затем рассчитывает средневзвешенную стоимость.

Доходный подход учитывает потенциальный доход от использования участка — например, арендные платежи или прибыль от коммерческой застройки — и подходит для земель с высоким инвестиционным потенциалом. В рамках этого подхода могут применяться методы капитализации земельной ренты или дисконтирования денежных потоков. Например, если участок планируется использовать под коммерческую недвижимость, оценщик рассчитывает ожидаемый доход от аренды помещений и приводит его к текущей стоимости с учётом ставки дисконтирования.

Затратный подход актуален для участков с улучшениями, такими как дороги или коммуникации, где стоимость воспроизводства инфраструктуры напрямую влияет на итоговую оценку. Этот метод чаще используется для застроенных участков или территорий, подготовленных к освоению, где затраты на подключение к сетям и благоустройство составляют значительную долю стоимости.

В системе управления земельными ресурсами Тверской области оценка рыночной стоимости выполняет сразу несколько функций. Она обеспечивает максимальную доходность бюджетных поступлений от продажи или аренды

участков, создаёт прозрачные условия для участников аукционов и тем самым снижает риски коррупционных схем. Кроме того, такая оценка способствует рациональному распределению земель между инвесторами, сельхозпроизводителями, застройщиками и другими пользователями, а также помогает корректировать земельную политику региона на основе анализа динамики цен и спроса.

Практика проведения аукционов в Тверской области выявляет ряд проблем. Во-первых, нередко отмечается недостаточная актуальность данных о сделках с аналогичными участками, особенно в малых муниципалитетах, где рынок земли менее активен. Во-вторых, наблюдается разрыв между кадастровой и рыночной стоимостью из-за устаревших методик массовой оценки, которые не учитывают локальные колебания спроса и предложения. В-третьих, в отдалённых районах региона низкая активность инвесторов снижает конкуренцию на торгах, что приводит к продаже участков по ценам ниже рыночных.

Наконец, возникают сложности учёта региональных особенностей — например, природоохранных ограничений, которые накладывают дополнительные условия на использование участков. В ряде случаев это требует привлечения профильных экспертов для оценки экологических рисков и возможностей адаптации проектов под действующие нормы. Также стоит отметить несовершенство информационного обеспечения: отсутствие единой базы данных по сделкам с земельными участками затрудняет подбор аналогов и снижает точность сравнительного подхода.

Для повышения точности оценки и эффективности аукционов можно предложить ряд мер. Прежде всего, следует актуализировать базу данных рыночных сделок с земельными участками по всем муниципальным образованиям региона. Это позволит оценщикам опираться на актуальные и репрезентативные данные при расчёте стоимости. Внедрение геоинформационных систем (далее - ГИС) позволит визуализировать и анализировать факторы стоимости — инфраструктуру, экологию, зонирование — в удобной форме. Такие системы могут интегрироваться с кадастровыми данными и предоставлять интерактивные карты с указанием цен на аналогичные участки.

Регулярный мониторинг спроса по категориям земель и корректировка методик оценки с учётом текущих трендов помогут точнее отражать рыночную ситуацию. Например, в периоды роста интереса к загородной недвижимости стоит уделять особое внимание сегментам ИЖС и дачного строительства. Усиление взаимодействия органов власти с профессиональными оценщиками и риелторскими компаниями даст возможность получать оперативную информацию о рынке, включая непубличные сделки и намерения инвесторов.

Целесообразно предусмотреть гибкие механизмы корректировки начальной цены на аукционах в зависимости от количества участников и динамики ставок. Например, при отсутствии заявок можно снижать стартовую цену поэтапно или предлагать участки в аренду с правом выкупа. Также полезно развивать альтернативные форматы торгов — электронные аукционы с упрощённой регистрацией, что повысит доступность участия для малого бизнеса и частных лиц.

Дополнительно стоит рассмотреть возможность создания регионального центра компетенций по оценке земельных участков, который бы координировал методологию, обучал специалистов и обеспечивал методическую поддержку муниципалитетов. Это особенно актуально для отдалённых районов, где нехватка квалифицированных оценщиков снижает качество подготовки аукционов.

Таким образом, оценка рыночной стоимости земельных участков публичной собственности — это не просто технический этап подготовки аукциона, а важный элемент стратегического управления ресурсами региона. Совершенствование методик оценки и учёт специфики Тверского региона позволят повысить бюджетную эффективность, привлечь инвестиции в развитие территорий и обеспечить сбалансированное использование земель в интересах общества. Комплексный подход, сочетающий современные технологии, актуальные данные и взаимодействие всех заинтересованных сторон, станет залогом устойчивого развития земельно-имущественного комплекса Тверской области в долгосрочной перспективе.

Список литературы:

[1] Земельный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: Федер. закон от 25.10.2001 № 136-ФЗ // Консультант плюс: справочно-правовая система / Компания «Консультант Плюс». – Электрон. дан. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_33773 / (дата обращения: 07.04.2026)

[2] Об оценочной деятельности в Российской Федерации» [Электронный ресурс]: Федеральный закон РФ от 29.07.1998 № 135-ФЗ (последняя редакция) // Консультант плюс: справочно-правовая система / Компания «Консультант Плюс». – Электрон. дан. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19586/ (дата обращения: 10.04.2026);

[3] Варламов А. А. Земельный кадастр: в 6 т. Т. 4: Оценка земель. — М.: КолосС, 2006. — 463 с.

[4] Оценка недвижимости: учебник /под ред. А. Г. Грязновой, М. А. Федотовой. — 2 е изд., перераб. и доп. — М.: Финансы и статистика, 2018. — 488 с.

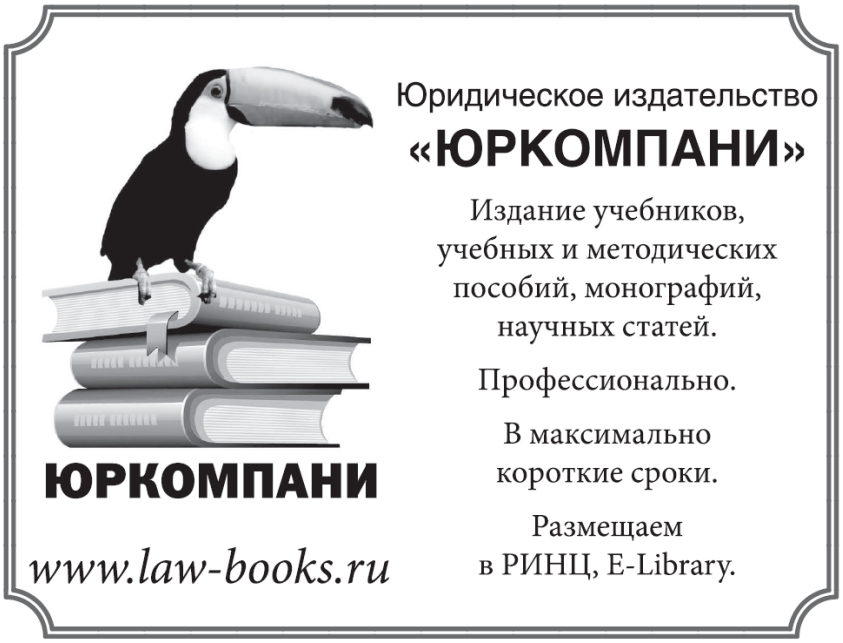
References:

[1] Land Code of the Russian Federation [Electronic Resource]: Feder. Law No. 25.10.2001 dated 136-FZ//Consultant Plus: Reference and Legal System/Consultant Plus Company. - Electron. dan. - Access mode: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_33773/(access date: 07.04.2026)

[2] On appraisal activities in the Russian Federation “[Electronic resource]: Federal Law of the Russian Federation of 29.07.1998 No. 135-FZ (latest edition)//Consultant plus: reference and legal system/ Consultant Plus Company. - Electron. dan. - Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19586/ (access date: 10.04.2026);

[3] Varlamov A. A. Land cadastre: in 6 vols. T. 4: Land assessment. - M.: KolosS, 2006. - 463 s.

[4] Real estate valuation: textbook/ed. A. G. Gryaznova, M. A. Fedotova. - 2nd ed., Revised and add. - M.: Finance and Statistics, 2018. - 488 s.

Дата поступления рукописи в редакцию: 18.04.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.05.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3830-2026-4-205-209

КОЙЧУЕВ Ислам Муратович,
Студент 2 курса магистратуры
Высшей школы государственного аудита МГУ
имени М.В.Ломоносова,
e-mail: KOICHUEV_09@mail.ru

ЗАКОННЫЕ ИНТЕРЕСЫ НАЛОГОПЛАТЕЛЬЩИКОВ: ПРЕДЕЛЫ РЕАЛИЗАЦИИ И ГАРАНТИИ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ

Аннотация. *Статья посвящена исследованию законных интересов налогоплательщиков как особой правовой категории, занимающей промежуточное положение между прямо закрепленным субъективным налоговым правом и общим дозволением, не получившим детальной нормативной формализации.*

Ключевые слова: *Законный интерес, налогоплательщик, субъективное налоговое право, налоговое администрирование, добросовестность, злоупотребление правом, статья 54.1 НК РФ, досудебное обжалование, судебная защита, налоговый контроль.*

KOICHUEV Islam Muratovich,
2nd year graduate student of the Higher School
of State Audit of Lomonosov Moscow State University

LEGITIMATE INTERESTS OF TAXPAYERS: LIMITS ON THEIR REALIZATION AND GUARANTEES OF THEIR PROTECTION

Annotation. *The article is devoted to the study of taxpayers' legitimate interests as a distinct legal category occupying an intermediate position between an explicitly established subjective tax right and a general permission that has not received detailed normative formalization.*

Key words: *Legitimate interest, taxpayer, subjective tax right, tax administration, good faith, abuse of rights, Article 54.1 of the Tax Code of the Russian Federation, pre-trial appeal, judicial protection, tax control.*

Проблема законных интересов налогоплательщиков возникает в той точке, где буквального перечисления прав, содержащегося в статье 21 НК РФ [1], уже недостаточно для описания всех юридически значимых притязаний участника налогового отношения, но где в то же время нельзя признать любое экономически выгодное для него поведение правомерным только потому, что оно не запрещено напрямую. Статья 22 НК РФ [1] закрепляет административную и судебную защиту не только прав, но и законных интересов налогоплательщика, а статья 32 НК РФ [1] связывает обеспечение этих прав и интересов с обязанностями налоговых органов, в том числе по соблюдению законодательства и бесплатному информированию налогоплательщиков. Уже сама эта конструкция показывает, что законодатель различает права и законные интересы, но не раскрывает критерии их разграничения. В результате спор о природе законного интереса переносится из текста закона в сферу доктрины и судебного толкования.

В современной литературе наиболее последовательно эту проблему разрабатывает С. А. Ядрихинский. В статье о соотношении законного интереса и субъективного права налогоплательщика он прямо полемизирует с традиционным представлением о законном интересе как об усеченном или менее защищенном праве и предлагает видеть различие не в степени юридической обеспеченности, а в механизме реализации. По его аргументации, субъективное право выражено в законе эксплицитно, тогда как законный интерес чаще не имеет прямого нормативного оформления и потому нуждается в правовой оценке его законности в конкретной ситуации [10]. Эта позиция важна тем, что она смещает акцент с формального отсутствия нормы к содержательной допустимости притязания налогоплательщика.

В более ранних работах тот же автор показывает, что сама категория законных интересов налогоплательщика вошла в налоговое законодательство раньше, чем получила развитую доктринальную обработку, из-за чего правоприменение

долгое время опиралось скорее на интуитивное понимание справедливости, чем на устойчивые критерии [9].

Однако научная дискуссия не сводится к одной линии. Часть исследований сосредоточена не столько на дефиниции законного интереса, сколько на тех принципах и институтах, через которые он реально защищается. Н. В. Васильева связывает защиту прав и законных интересов налогоплательщиков с соблюдением принципов налогового права и тем самым переносит вопрос из плоскости абстрактной теории в плоскость качества регулирования [6]. Е. В. Овчарова, анализируя налоговый комплаенс, приходит к выводу о ненадлежащих организационно-правовых гарантиях реализации правового статуса налогоплательщика [7]. С. А. Савостьянова, исследуя налоговый контроль, также фиксирует наличие проблем именно на стадии практической защиты прав и законных интересов [8]. В совокупности это позволяет сделать важный промежуточный вывод: в российской литературе тема законных интересов разработана неравномерно. Теоретическое ядро вопроса исследовано сравнительно узким кругом авторов, тогда как большая часть работ обсуждает уже не понятие, а способы его обеспечения. Это само по себе является исследовательским пробелом.

Если перейти от доктрины к нормативному материалу, то видно, что законный интерес налогоплательщика не может пониматься как свободное стремление к любой налоговой экономии. Российское налоговое право допускает законную минимизацию налогового бремени, но лишь постольку, поскольку она не превращается в искажение фактов хозяйственной жизни, искусственное конструирование операций или использование формального документооборота без реального экономического содержания. Именно поэтому статья 54.1 НК РФ [1] закрепляет пределы осуществления прав по исчислению налоговой базы и суммы налога. Она запрещает уменьшение налоговой обязанности через искажение сведений, а при отсутствии такого искажения допускает налоговый результат только при наличии деловой цели и исполнении обязательства надлежащим лицом.

При этом сама статья специально указывает, что подписание документов неуполномоченным лицом, нарушения контрагента или возможность иной модели сделки не могут сами по себе служить самостоятельным основанием для отказа налогоплательщику. Эта деталь принципиальна: пределы реализации интереса связываются не с формальной подозрительностью операции, а с содержательной оценкой ее реальности и добросовестности.

В этом пункте особенно заметно различие между академическим и официальным дискурсом. В науке пределы законного интереса часто описываются через общие категории добросовестности, разумности и допустимости налогового планирования. Официальный же дискурс стремится перевести эти категории в набор практических ориентиров для администрирования и спора. Так, письмо ФНС России от 10.03.2021 № БВ-4-7/3060@ [2] прямо опубликовано как обязательное для применения налоговыми органами и посвящено практике применения статьи 54.1 НК РФ [1]. Верховный Суд Российской Федерации в обзоре практики, утвержденном 13.12.2023, также сформулировал ряд ориентиров по оценке налоговой выгоды [3].

Из опубликованных правовых позиций следует, что неблагоприятные последствия нарушений со стороны других участников оборота не могут возлагаться на налогоплательщика, который не знал и не должен был знать об этих нарушениях, а налоговые органы не должны приходить к противоречивым выводам в отношении деятельности проверяемого лица. Тем самым современная практика постепенно уходит от модели, при которой любой дефект в цепочке контрагентов автоматически разрушал интерес налогоплательщика к сохранению вычетов и расходов.

Тем не менее говорить о полном разрешении проблемы было бы преждевременно. Даже после появления статьи 54.1 НК РФ и разъяснений ФНС спорным остается вопрос о том, где проходит граница между допустимым налоговым планированием и злоупотреблением. На уровне законодательства закреплены лишь базовые критерии, а их наполнение во многом зависит от оценки фактов налоговым органом и судом. Поэтому пределы реализации законных интересов налогоплательщика фактически определяются не только нормой, но и качеством налогового администрирования. Современные исследования о защите законных ожиданий налогоплательщика подчеркивают, что в антиуклонительной сфере особенно остро встает задача баланса частных и публичных интересов. Этот баланс нарушается и тогда, когда антиуклонительные правила применяются слишком формально, и тогда, когда частный интерес к снижению налоговой нагрузки полностью выводится из-под контроля.

Гарантии осуществления законных интересов налогоплательщика следует разделять на материальные и процессуальные. К первой группе относятся закрепленные в НК РФ права на получение бесплатной информации о налогах, порядке их исчисления и уплаты, правах и обязанностях налогоплательщиков, а также на полу-

чение письменных разъяснений от Минфина России и соответствующих финансовых органов. Этим правам корреспондируют обязанности налоговых органов по статье 32 НК РФ [1] бесплатно информировать налогоплательщиков и соблюдать налоговое законодательство. Материальный характер таких гарантий состоит в том, что без доступа к достоверной информации и официальным разъяснениям налогоплательщик лишается возможности сформировать правомерную модель поведения и предвидеть пределы реализации собственного интереса.

В этом смысле информационная открытость и понятность налогового регулирования выступают не сервисным дополнением, а частью механизма правовой охраны. Одновременно именно здесь виден один из главных изъянов системы: российское право знает разъяснения и обязательные письма для налоговых органов, но не создало в общем виде полноценного и универсального механизма предварительного связывающего ответа государства на будущую налоговую ситуацию конкретного лица. Поэтому превентивная защита законного интереса пока развита слабее, чем последующая защита в споре.

Процессуальные гарантии наиболее отчетливо проявляются на стадиях налогового контроля и рассмотрения материалов проверки. Статья 100 НК РФ [1] требует составления акта проверки, его подписания и вручения проверяемому лицу, а статья 101 НК РФ [1] обязывает налоговый орган извещать налогоплательщика о времени и месте рассмотрения материалов, обеспечивает право участвовать лично или через представителя, знакомиться с материалами проверки и дополнительных мероприятий контроля, снимать копии, представлять письменные возражения и объяснения. В самой статье 101 прямо выделены существенные условия процедуры, к которым относится обеспечение возможности участвовать в рассмотрении материалов и дать объяснения. Это означает, что процессуальная форма в налоговом споре не сводится к техническому сопровождению решения, а служит самостоятельной гарантией реализации законных интересов.

С. А. Савостьянова справедливо акцентирует, что именно в рамках контрольных мероприятий возникает значительная часть конфликтов, поскольку здесь наиболее заметен дисбаланс информации и процессуальных возможностей сторон. Следовательно, даже при наличии формально закрепленных процедур вопрос об их реальной эффективности зависит от того, воспринимаются ли они как обязательные ограничения власти, а не как формальный этап доначисления. Существенной гарантией остается досудебное и судебное обжалование [8].

Статья 22 НК РФ [1] прямо гарантирует административную и судебную защиту, а статья 138 НК РФ [1] закрепляет возможность обжалования ненормативных актов, действий и бездействия налоговых органов, при этом для большинства таких споров установлен обязательный предварительный порядок обращения в вышестоящий налоговый орган. Официальные материалы ФНС разъясняют, что жалоба подается через налоговый орган, чьи действия обжалуются, а срок ее подачи в общем случае составляет один год со дня, когда лицо узнало или должно было узнать о нарушении своих прав. ФНС также указывает на возможность электронной подачи жалобы и получения решения через цифровые каналы, что расширяет доступность защиты.

Вместе с тем обязательность досудебного порядка сама по себе создает риск превращения административной стадии в фильтр, затягивающий доступ к суду. Именно поэтому важное значение имеет позиция Конституционного Суда Российской Федерации, выраженная в постановлении от 31.01.2023 № 5-П [4]: как следует из официальных сообщений и обзоров практики КС РФ, срок исковой давности не может считаться пропущенным, если в этот период заявитель обжаловал спорный акт в обязательном административном порядке. Эта правовая позиция усиливает гарантии судебной защиты и корректирует возможный перекос в пользу фискальной процессуальной экономии.

Показательно, что в последние годы конституционно-правовая защита все чаще касается именно процессуальных пределов налогового администрирования. Так, в постановлении от 05.03.2026 № 12-П [5] Конституционный Суд РФ указал, что проверяемый налогоплательщик не может вызываться на допрос в качестве свидетеля по обстоятельствам собственного дела под угрозой налоговой ответственности. Эта позиция важна не только для конкретной процедуры допроса. Она демонстрирует более общий подход, согласно которому публичный интерес в эффективном контроле не может оправдывать разрушение базовых гарантий лица, в отношении которого ведется проверка. Для темы законных интересов налогоплательщика это означает следующее: пределы реализации интереса определяются не только обязанностью самого налогоплательщика действовать добросовестно, но и обязанностью государства использовать контрольные полномочия в юридически допустимых рамках. Иначе баланс интересов подменяется односторонним приоритетом фиска.

Критический анализ литературы и практики позволяет увидеть еще одно существенное обстоятельство. Российская наука постепенно переходит от вопроса о том, существует ли у налогопла-

тельщика особый законный интерес, к вопросу о том, как доказать его наличие и каковы инструменты его превентивной и последующей защиты. В этом переходе есть положительная сторона, поскольку он приближает теорию к практике. Но есть и отрицательная: недоработанная дефиниция категории по-прежнему позволяет правоприменителю иногда подменять анализ законного интереса ссылкой на отсутствие у налогоплательщика прямо названного в законе права.

Между тем более убедительной и лучше подтверждаемой источниками выглядит позиция, согласно которой законный интерес не является слабой тенью субъективного права, а представляет собой самостоятельное дозволение, охраняемое правом при условии его согласованности с целями налогового регулирования, принципами определенности, добросовестности и пропорциональности. Такой подход согласуется и с текстом статьи 22 НК РФ [1], и с современными доктринальными работами, и с постепенным развитием судебных гарантий. Но для его полноценной реализации требуется дальнейшее снижение уровня административного формализма и развитие механизмов, укрепляющих доверие налогоплательщика к официальной позиции государства.

Проведенное исследование показывает, что законные интересы налогоплательщиков действительно занимают промежуточное положение между субъективным налоговым правом и общим дозволением. Они не сводятся к прямо названным в статье 21 НК РФ правам, но и не охватывают любое экономически выгодное поведение налогоплательщика.

Их правовая природа раскрывается через сочетание двух элементов: допустимого притязания частного лица и обязанности публичной власти учитывать это притязание при условии его соответствия закону, принципам налогообложения и целям налогового регулирования. Более убедительным является тот доктринальный подход, который не считает законный интерес менее защищенной формой права, а связывает его специфику с иным способом юридического опосредования и доказывания.

Пределы реализации законных интересов налогоплательщиков в современной российской системе определяются прежде всего требованиями добросовестности, запретом злоупотребления правом и необходимостью соблюдения баланса частных и публичных интересов. Центральным нормативным выражением этих пределов выступает статья 54.1 НК РФ, а их практическое содержание конкретизируется обязательными письмами ФНС России и позициями Верховного Суда Российской Федерации. При этом наиболее существенный сдвиг последних лет состоит в отказе от избыточно формального подхода, при котором любое нарушение в деятельности контрагента автоматически влекло негативные последствия для налогоплательщика. Вместо этого постепенно утверждается модель, при которой значение имеют реальность хозяйственной операции, деловая цель, осведомленность лица и последовательность административной оценки.

Система гарантий осуществления законных интересов налогоплательщиков в российском праве уже обладает развитым нормативным каркасом. Он включает право на информацию и разъяснения, обязанность налоговых органов действовать в рамках закона, гарантии участия в процедуре налогового контроля, возможность представления возражений, административное и судебное обжалование, а также конституционно-судебную коррекцию наиболее спорных процессуальных практик. Однако этих гарантий недостаточно для вывода о полной защищенности законных интересов. Недостаточно подтвержденным остается тезис о равномерной эффективности этих механизмов на практике в масштабах всей системы, поскольку открытые официальные источники показывают прежде всего нормативную конструкцию и отдельные правовые позиции, а научная литература продолжает фиксировать проблемы формализма, неопределенности и слабой превентивной защиты. Поэтому ключевое направление дальнейшего развития состоит не столько в расширении перечня прав налогоплательщика, сколько в повышении определенности правил, укреплении обязательности официальных разъяснений и последовательном ограничении произвольного усмотрения налоговых органов.

Список литературы:

[1] Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая): федер. закон от 31 июля 1998 г. № 146-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1998. № 31. Ст. 3824.

[2] О практике применения статьи 54.1 Налогового кодекса Российской Федерации: письмо ФНС России от 10 марта 2021 г. № БВ-4-7/3060@. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_352052/ (дата обращения: 09.04.2026).

[3] Обзор практики применения арбитражными судами положений законодательства о налогах и сборах, связанных с оценкой обоснованности налоговой выгоды, утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 13 дек. 2023 г.

[4] Постановление Конституционного Суда РФ от 31 янв. 2023 г. № 5-П «По делу о проверке

конституционности статьи 1, пункта 1 статьи 2 и пункта 2 статьи 138 Налогового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Н.Н. Налевой» // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_438912/ (дата обращения: 10.04.2026).

[5] Постановление Конституционного Суда РФ от 5 марта 2026 г. № 12-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 90 и части первой статьи 128 Налогового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Немерова Максима Владимировича» // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_528059/ (дата обращения: 10.04.2026).

[6] Васильева Н. В. Установление и соблюдение принципов налогового права как фактор защиты прав и законных интересов налогоплательщиков // Baikal Research Journal. 2023. Т. 14. № 3. С. 1203–1211.

[7] Овчарова Е. В. Налоговый комплаенс в России: проблемы соотношения мер административного принуждения и стимулирования // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2019. № 1. С. 15–17.

[8] Савостьянова С. А. Некоторые проблемы защиты прав и законных интересов налогоплательщиков при осуществлении налогового контроля // Проблемы экономики и юридической практики. 2020. Т. 16. № 3. С. 182–188.

[9] Ядрихинский С. А. Генезис понятия «законные интересы налогоплательщика» // Юридический вестник Самарского университета. 2018. Т. 4. № 4. С. 107–114.

[10] Ядрихинский С. А. О соотношении законного интереса и субъективного права налогоплательщика: структурные особенности // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2020. № 1. С. 169–187.

References:

[1] Tax Code of the Russian Federation (part one): feder. Law of July 31, 1998 No. 146-FZ//Collection of Legislation of the Russian Federation. 1998. № 31. Art. 3824.

[2] On the practice of applying Article 54.1 of the Tax Code of the Russian Federation: Letter of the Federal Tax Service of Russia dated March 10, 2021 No. BV-4-7/3060@. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_352052/ (access date: 09.04.2026).

[3] Review of the practice of arbitration courts of applying the provisions of legislation on taxes and fees related to the assessment of the reasonableness of tax benefits approved by Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation December 13, 2023

[4] Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of January 31, 2023 No. 5-P "In the case of checking the constitutionality of Article 1, paragraph 1 of Article 2 and paragraph 2 of Article 138 of the Tax Code of the Russian Federation in connection with the complaint of citizen N.N. Naleva "//ConsultantPlus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_438912/ (access date: 10.04.2026).

[5] Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of March 5, 2026 No. 12-P "In the case of checking the constitutionality of paragraph 1 of Article 90 and part one of Article 128 of the Tax Code of the Russian Federation in connection with the complaint of citizen Maxim Vladimirovich Nemerov "//ConsultantPlus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_528059/ (access date: 10.04.2026).

[6] Vasilyeva N.V. Establishment and observance of the principles of tax law as a factor in protecting the rights and legitimate interests of taxpayers//Baikal Research Journal. 2023. T. 14. № 3. S. 1203-1211.

[7] Ovcharova E.V. Tax compliance in Russia: problems of the ratio of administrative coercion measures and incentives//Law. Journal of the Higher School of Economics. 2019. № 1. S. 15-17.

[8] Savostyanova S. A. Some problems of protecting the rights and legitimate interests of taxpayers in the implementation of tax control//Problems of economics and legal practice. 2020. T. 16. № 3. S. 182-188.

[9] Yadrikhinsky S. A. Genesis of the concept of "legitimate interests of the taxpayer "//Legal Bulletin of Samara University. 2018. VOL. 4. № 4. S. 107-114.

[10] Yadrikhinsky S. A. On the relationship between the legitimate interest and the subjective right of the taxpayer: structural features//Law. Journal of the Higher School of Economics. 2020. № 1. S. 169-187

Дата поступления рукописи в редакцию: 05.04.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-4-210-216
Дата принятия рукописи в печать: 03.05.2026 г.

КОВАЛЕВ Олег Геннадьевич,
доктор юридических наук,
кандидат психологических наук, профессор,
главный научный сотрудник ФКУ научно-исследовательский институт ФСИН России,
e-mail: okovalev66@gmail.com

ОБЯЗАННОСТИ КАК СРЕДСТВО ВОСПИТАТЕЛЬНО-ПРОФИЛАКТИЧЕСКОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ПОДОЗРЕВАЕМЫХ И ОБВИНЯЕМЫХ В СЛЕДСТВЕННЫХ ИЗОЛЯТОРАХ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

Аннотация. *Целью исследования явились правовые и организационные аспекты реализации обязанностей подозреваемых и обвиняемых, содержащихся в следственных изоляторах уголовно-исполнительной системы как средства оказания на них воспитательно-профилактического воздействия. Для ее достижения применялись принцип диалектического познания, статистический и аналитический методы, включенное наблюдение. Анализировались нормы национального уголовно-исполнительного законодательства, научные публикации по вопросам оказания на подозреваемых и обвиняемых в условиях СИЗО УИС воспитательно-профилактического воздействия, использования в этих целях их обязанностей, закреплённых в законе и ведомственных правовых актах Минюста и ФСИН России. Правовое регулирование обязанностей подозреваемых и обвиняемых в СИЗО УИС осуществлено законодателем похожим образом с регламентаций обязанностей осужденных к лишению свободы, закрепленных в статье 11 УИК РФ. С учетом принципиальных отличий условий содержания лиц, заключенных под стражу от условий отбывания лишения свободы в исправительных учреждениях. Важным теоретико-правовым посылом научного осмысления и реализации обязанностей подозреваемых, обвиняемых и осужденных является их органическая взаимосвязь с их правами, соответствующими правовому статусу. Комплексному обоснованному применению администрациями и должностными лицами СИЗО и исправительных учреждений УИС мер поощрения и взыскания в процессе оказания на подозреваемых, обвиняемых и осужденных воспитательно-профилактического воздействия. Правовое регулирование обязанностей подозреваемых и обвиняемых в СИЗО УИС отражено в Федеральном законе 1995 г. № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений», а также в ведомственном правовом акте - Приказе Министерства юстиции РФ 2022 г. № 110, утвердившим Правила внутреннего распорядка СИЗО УИС. Статья 36 указанного федерального закона определила 10 основных обязанностей подозреваемых и обвиняемых. Сравнительно-правовой анализ пункта 9 ПВР СИЗО УИС относительно соотношение обязанностей подозреваемых и обвиняемых показал наличие значительного количества дополнительных обязанностей кроме указанных в статье 36 Федерального закона 1995 г. № 103-ФЗ. Всего их насчитывается 11. В пункте 9 ПВР СИЗО УИС, регулирующим обязанности подозреваемых и обвиняемых, законодатель дополнительно выделил 10 правил поведения, которые должны соблюдать подозреваемых и обвиняемые, содержащиеся в СИЗО УИС, кроме того, законодатель перечислил 7 обязанностей подозреваемых и обвиняемых, являющихся дежурными по камере. Также сформулированы 26 запретов лицам, содержащимся под стражей.*

Ключевые слова: *обязанности, подозреваемые и обвиняемые, воспитательно-профилактическое воздействие, следственные изоляторы, уголовно-исполнительная система.*

KOVALEV Oleg Gennadievich,
Doctor of Law, Candidate of Law of Psychological Sciences,
Professor, Chief Researcher of the FKU Scientific Research Institute Federal Penitentiary Service of Russia

DUTIES AS A MEANS OF EDUCATIONAL AND PREVENTIVE INFLUENCE ON SUSPECTS AND ACCUSED PERSONS IN PRE-TRIAL DETENTION FACILITIES OF THE PENAL SYSTEM

Annotation. *The purpose of the study was the legal and organizational aspects of the implementation of the duties of suspects and accused persons held in pre-trial detention facilities of the penitentiary system as a means of providing educational and preventive influence on them. To achieve this goal, the principle of dialectical cognition, statistical and analytical methods, and included observation were applied. The norms of the national penal enforcement legislation, scientific publications on the issues of providing educational and preventive measures to suspects and accused persons in pre-trial detention facilities, and the use of their duties for these purposes, enshrined in the law and departmental legal acts of the Ministry of Justice and the Federal Penitentiary Service of Russia, were analyzed. The legislator carried out the legal regulation of the duties of suspects and accused persons in the pre-trial detention center in a similar way to the regulations on the duties of persons sentenced to imprisonment, stipulated in Article 11 of the Criminal Code of the Russian Federation. Taking into account the fundamental differences between the conditions of detention of persons in custody and the conditions of imprisonment in correctional institutions. An important theoretical and legal premise of the scientific understanding and implementation of the duties of suspects, accused and convicted persons is their organic relationship with their rights corresponding to the legal status. Comprehensive reasoned application by the administrations and officials of SIZO and correctional institutions of the penitentiary system of measures of encouragement and punishment in the process of providing educational and preventive measures to suspects, accused and convicted persons. The legal regulation of the duties of suspects and accused persons in pre-trial detention centers is reflected in Federal Law No. 103-FZ of 1995 "On the Detention of Suspects and Accused of Committing Crimes", as well as in departmental legal act - Order No. 110 of the Ministry of Justice of the Russian Federation in 2022, which approved the Rules of Internal Regulations of the pre-trial detention center. Article 36 of the said federal law defines 10 basic duties of suspects and accused persons. A comparative legal analysis of paragraph 9 of the PRA of the Pre-trial detention Center regarding the ratio of duties of suspects and accused persons showed the existence of a significant number of additional duties other than those specified in Article 36 of Federal Law No. 103-FZ of 1995. There are 11 of them in total. In paragraph 9 of the PRA of the pre-trial detention center, which regulates the duties of suspects and accused, the legislator additionally identified 10 rules of conduct that suspects and accused persons held in the pre-trial detention center must observe, in addition, the legislator listed 7 duties of suspects and accused persons who are on duty in the cell. There are also 26 prohibitions against persons in custody.*

Key words: *duties, suspects and accused, educational and preventive impact, pre-trial detention facilities, penal enforcement system.*

Введение. Содержание подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений в следственных изоляторах уголовно-исполнительной системы (далее СИЗО УИС) предполагает оказание на них постоянного, системного воспитательно-профилактического воздействия, сопровождающего, с одной стороны, исполнение режимных и надзорных требований, предусмотренных законом и ведомственными правовыми актами [1, с.128-130]. С другой - обеспечение безопасности инфраструктурных объектов учреждения и находящихся в нем лиц (заключенных под стражу, персонала, посетителей и др.) [2, с. 86-88]. С третьей – соблюдение законности, прав и законных интересов подозреваемых и обвиняемых в СИЗО УИС [3, с. 136-139].

Правовое регулирование обязанностей подозреваемых и обвиняемых в СИЗО УИС осуществлено законодателем похожим образом с регламентаций обязанностей осужденных к лишению свободы, закрепленных в статье 11 УИК РФ [4]. С учетом принципиальных отличий условий содержания лиц, заключенных под стражу от условий отбывания лишения свободы в исправительных колониях (далее ИК) общего, строгого и особого видов режима, ИК для пожизненно осужденных и тюрем [5, с. 274-279].

При этом важным теоретико-правовым посылом научного осмысления и реализации обязанностей подозреваемых, обвиняемых и осужденных является их органическая взаимосвязь с их правами, соответствующими правовому статусу [6, с. 252-258]. Комплексному обоснованному применению администрациями и должностными лицами СИЗО и исправительных учреждений (далее ИУ) УИС мер поощрения и взыскания в

процессе оказания на подозреваемых, обвиняемых и осужденных воспитательно-профилактического воздействия [7, с. 390-395].

В связи с изложенным, учитывая актуальность и значение рассматриваемого правового механизма для теории современного отечественного уголовно-исполнительного права, практики исполнения наказаний, представляется необходимым анализ конкретных обязанностей лиц, заключенных под стражу в СИЗО УИС в контексте оказания на них работниками служб и подразделений учреждения (по воспитательной работе с подозреваемыми, обвиняемыми и осужденными, психологами психологической лаборатории и другими) воспитательно-профилактического воздействия.

Методы и принципы исследования. Для изучения правовых и организационных аспектов реализации обязанностей подозреваемых и обвиняемых, содержащихся в следственных изоляторах уголовно-исполнительной системы как средства оказания на них воспитательно-профилактического воздействия применялись принцип диалектического познания, статистический и аналитический методы, включенное наблюдение. Анализировались нормы национального уголовно-исполнительного законодательства, научные публикации по вопросам оказания на подозреваемых и обвиняемых в условиях СИЗО УИС воспитательно-профилактического воздействия, использования в этих целях их обязанностей, закреплённых в законе и ведомственных правовых актах Минюста и ФСИН России.

Основные результаты. Материалы теоретико-правового исследования темы показали, что правовое регулирование обязанностей подозреваемых и обвиняемых в СИЗО УИС отражено в Федеральном законе «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений», а также в ведомственном правовом акте - Приказе Министерства юстиции РФ от 4 июля 2022 г. № 110, утвердившем Правила внутреннего распорядка СИЗО УИС (далее ПВР СИЗО УИС).

Так, статья 36 указанного федерального закона определила 10 основных обязанностей подозреваемых и обвиняемых, отнеся к ним:

- соблюдение порядка содержания под стражей в соответствии с анализируемым законом и ПВР СИЗО УИС [8];
- выполнение законных требований администрации мест содержания под стражей, направленных на соблюдение внутреннего распорядка в местах содержания под стражей [9, с. 254-260];
- соблюдение требований гигиены и санитарии;
- соблюдение правил пожарной безопасности [10];
- бережного отношения к имуществу мест содержания под стражей;
- проведение уборки камер и других помещений в порядке очередности;
- запрета на совершение действий, унижающих достоинство сотрудников мест содержания под стражей, выполнения ими служебных обязанностей, базирующихся на соблюдении принципов заключения под стражей [11, с. 198-204];
- запрета на совершение умышленных действий, угрожающих собственной жизни и здоровью, а также жизни и здоровью других лиц. Реализации так называемой «суицидальной превенции» подозреваемых и обвиняемых в условиях СИЗО УИС [12, с.20-23];
- запрета на хранение, ношение и передачу другим лицам, получение от них предметов, веществ и продуктов питания, запрещенных к хранению и использованию в соответствии с часть четвертой статьи 25 Федерального закона 1995 г. № 103-ФЗ [13, с.245-247].

Сравнительно-правовой анализ пункта 9 ПВР СИЗО УИС относительно соотношение обязанностей подозреваемых и обвиняемых показал наличие значительного количества дополнительных обязанностей кроме указанных в статье 36 Федерального закона 1995 г. № 103-ФЗ. Всего их насчитывается 11. Здесь законодатель добавил такую обязанность как прохождение в соответствии с законодательством Российской Федерации медицинских осмотров и необходимых обследований с целью своевременного обнаружения инфекционных заболеваний, выявления телесных повреждений, а также фактов употребления алкогольных, наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров либо аналогов, новых потенциально опасных психоактивных веществ [14].

Вместе с тем, в пункте 9 ПВР СИЗО УИС, регулирующим обязанности подозреваемых и обвиняемых, законодатель дополнительно выделил 10 правил поведения, которые должны соблюдать подозреваемых и обвиняемые, содержащиеся в СИЗО УИС, кроме того, законодатель перечислил 7 обязанностей подозреваемых и обвиняемых, являющихся дежурными по камере. Также сформулированы 26 запретов лицам, содержащимся под стражей.

К правилам поведения в СИЗО УИС подозреваемых и обвиняемых относятся:

- наличие опрятного внешнего вида;
- содержание одежды, постельных принадлежностей и мягкого инвентаря в чистоте и

порядке, содержание в чистоте камеры, в том числе санитарного узла в ней расположенного [15, с. 229-235];
- заправку своего спального места после подъема и сохранение его в таком виде до отбоя;
- обращения к работникам СИЗО на «Вы» и называть их «гражданин» или «гражданка»;
- по требованию работников СИЗО вставать и выстраиваться в указанном месте, при входе в камеры работников СИЗО здороваться с ними;
- при движении под конвоем или в сопровождении сотрудников УИС держать руки за спиной;
- при входе в служебные помещения здороваться с работниками СИЗО, по требованию работников СИЗО, иных должностных лиц либо при обращении к ним сообщать свою фамилию, имя, отчество, дату рождения;
- не шуметь в дневное время;
- находясь в камерах в ночное время соблюдать тишину;
- дежурить по камере в порядке очередности, установленном администрацией СИЗО, с учетом медицинских показаний, за исключением инвалидов первой и второй групп.

Подозреваемые и обвиняемые, назначенные дежурными по камере обязаны:
- знакомиться с обязанностями дежурного по камере;
- при входе в камеру сотрудников СИЗО докладывать о количестве подозреваемых и обвиняемых, находящихся в камере;
- следить за сохранностью камерного инвентаря, оборудования и другого имущества;
- получать для лиц, содержащихся в камере, посуду и сдавать ее;
- подметать и мыть пол в камере, производить уборку камерного санитарного узла, прогулочного двора по окончании прогулки;
- мыть бачок для питьевой воды;
- присутствовать при досмотре личных вещей в камере в отсутствие их владельцев.

К запретам подозреваемым и обвиняемым, содержащимся в СИЗО УИС, относятся:
- ведение переговоров, осуществление передачи каких-либо предметов лицам, содержащимся в других камерах или иных помещениях СИЗО, перестукиваться или переписываться с ними;
- покидание камер и других помещений режимных корпусов без разрешения администрации;
- приближаться без сопровождения сотрудников УИС к ограждениям запретных зон, пересекать их, нарушать границу территории СИЗО либо линию охраны объектов СИЗО, нарушать целостность конструкции ограждений запретных зон [16, с. 97-104];
- изготавливать и употреблять алкогольные напитки, наркотические средства, психотропные вещества, их прокурсоры либо аналоги, новые потенциально опасные психоактивные вещества;
- изготавливать и хранить предметы, вещества и продукты питания, не включенные в перечень разрешенных в СИЗО предметов, веществ и продуктов питания;
- участвовать в азартных играх;
- наносить себе или иным лицам татуировки;
- занавешивать и менять без разрешения администрации спальные места;
- пользоваться самодельными электроприборами;
- разводить огонь в камере;
- содержать на территории СИЗО животных, в том числе птиц, рыб;
- производить ремонт сантехники, осветительных и других приборов или регулировку освещения в камере без разрешения администрации;
- засорять санитарные узлы в камерах;
- причинять вред имущества, находящемуся в камере;
- снимать с информационных стендов, стен и камерных дверей размещенную информацию;
- оклеивать стены административных зданий (режимных корпусов) и их помещений, а также камерный инвентарь бумагой, фотографиями, рисунками, вырезками из газет и журналов, наносить на стены надписи и рисунки;
- при передвижении по территории СИЗО курить, разговаривать, подходить к дверям камер, заглядывать в смотровые глазки, форточку для приема пищи в камерной двери, поднимать какие-либо предметы;
- выбрасывать или выливать что-либо из окон или камерных форточек, взбираться на подоконник, высовываться в форточку окна, подходить вплотную к глазку двери, закрывать его;
- закрывать объективы камер видеонаблюдения, приводить в нерабочее состояние и нарушать целостность аудио- и видеотехники, используемой в целях осуществления надзора, воздействовать на их работу;
- нажимать кнопки тревожной сигнализации, без оснований нажимать кнопки дуплексной связи, кнопки для вызова инспектора дежурной смены;
- использовать нецензурную брань, угрожающие и оскорбительные выражения, а

также жаргонные слова и выражения, применяемые в криминальной среде [17, с. 47-54];
- отчуждать или передавать в пользование свои личные вещи и продукты питания, а также приобретать вещи и продукты питания у других лиц, одалживать или брать их во временное пользование;
- вести переписку с нарушением требований, установленных Федеральным законом 1995 г. № 103-ФЗ и ПВР СИЗО УИС;
- накрывать и занавешивать светильники дневного и ночного освещения;
- нарушать режим лечения, установленный лечащим врачом (фельдшером) медицинской организации УИС;
- принимать лекарственные и витаминные препараты, использовать медицинские изделия при отсутствии подтвержденных лечащим врачом (фельдшером) медицинской организации УИС.

Подозреваемые и обвиняемые несут материальную ответственность за причиненный государству во время содержания под стражей материальный ущерб.

Обсуждение. Результаты исследования обсуждались на следующих научно-практических форумах, где автор выступал с докладами на:
- VIII Международной научно-практической конференции «Пенитенциарная система и общество: опыт взаимодействия», состоявшейся в ФКОУ ВО Пермский институт ФСИН России 13.04.2021 г. Доклад на тему «Взаимодействие органов прокуратуры с общественными наблюдательными комиссиями при осуществлении надзора за законностью исполнения уголовных наказаний»;
- Международной научно-практической конференции «Пенитенциарная система России в современных условиях развития общества: от парадигмы наказания к исправлению и ресоциализации», состоявшейся в Вологодском институте права и экономики ФСИН России 09-11.12.2022. Доклад на тему «Организационно-правовые особенности и методика проведения прокурорских проверок в СИЗО ФСИН России»;
- XXIII Всероссийской научно-практической конференции «Уголовно-исполнительная система сегодня: взаимодействие науки и практики», 18 -19.10.2023 в ФКОУ ВО Кузбасский институт ФСИН (г. Новокузнецк). Доклад на тему «Современные проблемы правовой имплементации пенитенциарных стандартов в деятельность уголовно-исполнительной системы России»;
- Международной научно-практической конференции «Пенитенциарная система, государство и общество: проблемы взаимодействия», состоявшейся 20.10.2023 в Псковском филиале Университета ФСИН России. Доклад на тему: «Влияние уголовной и уголовно-исполнительной политики современной России на состояние женской преступности»;
- 6 Международном пенитенциарном форуме «Преступление, наказание, исправление», приуроченном к 30-летию со дня принятия Конституции Российской Федерации и Закона Российской Федерации от 21 июля 1993 г. № 5473-1 «Об учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации», состоявшемся в Академии ФСИН России 15.11.2023. Доклад на тему: «Значение прокурорского надзора при реализации основных направлений деятельности уголовно-исполнительной системы на современном этапе ее развития»;
- Межвузовской научно-практической конференции с международным участием «Уголовно-исполнительная система: история и современность», состоявшейся 16-17.10. 2024 г. в Псковском филиале Санкт-Петербургского университета ФСИН России. Доклад на тему «Современные подходы обеспечения безопасности следственных изоляторов».

Заключение. Содержание подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений в СИЗО УИС предполагает оказание на них постоянного, системного воспитательно-профилактического воздействия, сопровождающего, с одной стороны, исполнение режимных и надзорных требований, предусмотренных законом и ведомственными правовыми актами.

Правовое регулирование обязанностей подозреваемых и обвиняемых в СИЗО УИС осуществлено законодателем похожим образом с регламентаций обязанностей осужденных к лишению свободы, закрепленных в статье 11 УИК РФ. С учетом принципиальных отличий условий содержания лиц, заключенных под стражу от условий отбывания лишения свободы в исправительных колониях общего, строгого и особого видов режима, ИК для пожизненно осужденных и тюрем.

Важным теоретико-правовым посылом научного осмысления и реализации обязанностей подозреваемых, обвиняемых и осужденных является их органическая взаимосвязь с их правами, соответствующими правовому статусу. Комплексному обоснованному применению администрациями и должностными лицами СИЗО и исправительных учреждений УИС мер поощрения и взыскания в процессе оказания на подозреваемых, обвиняемых и осужденных воспитательно-профилактического воздействия.

Правовое регулирование обязанностей подозреваемых и обвиняемых в СИЗО УИС отражено в Федеральном законе 1995 г. № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений», а также в ведомственном правовом акте - Приказе Министерства юстиции РФ 2022 г. № 110, утвердившим Правила внутреннего распорядка СИЗО УИС. Статья 36 указанного федерального закона определила 10 основных обязанностей подозреваемых и обвиняемых.

Сравнительно-правовой анализ пункта 9 ПВР СИЗО УИС относительно соотношение обязанностей подозреваемых и обвиняемых показал наличие значительного количества дополнительных обязанностей кроме указанных в статье 36 Федерального закона 1995 г. № 103-ФЗ. Всего их насчитывается 11.

В пункте 9 ПВР СИЗО УИС, регулирующим обязанности подозреваемых и обвиняемых, законодатель дополнительно выделил 10 правил поведения, которые должны соблюдать подозреваемых и обвиняемые, содержащиеся в СИЗО УИС, кроме того, законодатель перечислил 7 обязанностей подозреваемых и обвиняемых, являющихся дежурными по камере. Также сформулированы 26 запретов лицам, содержащимся под стражей.

Список литературы:

[1] Ковалев О.Г., Блинов М.С. Особенности и влияние требований режима на эффективность функционирования следственных изоляторов // Тенденции развития науки и образования. 2023. № 96-5. С. 128-130.

[2] Ковалев О.Г., Чернова К.И. Некоторые проблемы организации безопасности подозреваемых, обвиняемых и осужденных на территории следственного изолятора // Тенденции развития науки и образования. 2023. № 94-4. С. 86-88.

[3] Ковалев О.Г, Семенова Н.В. Правовые и психологические вопросы соблюдения законности при содержании лиц, заключенных под стражу // Журнал прикладных исследований. 2024. № 7. С. 136-139.

[4] Комментарий к уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации (постатейный) // Бриллиантов А.В., Геранин В.В., Зубарев С.М., Дубровицкий Л.П., Епанешников В.С., Казакова В.А., Ковалев О.Г., Куденеев С.В., Лысягин О.Б., Лядов Э.В., Михлин А.С., Селиверстов В.И., Филимонов О.В. Москва, 2011.

[5] Ковалев О.Г. Применение к осужденным, отбывающим лишение свободы мер взыскания (организационно-правовой и психологический анализ) // Российский научный вестник. 2026. № 1. С. 274-279.

[6] Ковалев О.Г. Правовой статус подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений в контексте соблюдения их прав и законных интересов при содержании под стражей в следственных изоляторах уголовно-исполнительной системы // Российский научный вестник. 2026. № 1. С. 252-258.

[7] Ковалев О.Г. Воспитательно-профилактическое воздействие на осужденных к лишению свободы, оставленных в следственном изоляторе для выполнения работ по хозяйственному обслуживанию // Международный научный вестник. 2025. № 11. С. 390-395.

[8] Белянинова Ю.В., Кузьмин В.А. Комментарий к Федеральному закону от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» (под ред. Н.С. Мановой)- Специально для системы ГАРАНТ, 2015 г.

[9] Ковалев О.Г. Внутренний распорядок в местах содержания под стражей и его влияние на соблюдение прав и законных интересов подозреваемых и обвиняемых, содержащихся в следственных изоляторах уголовно-исполнительной // Российский научный вестник. 2026. № 2 С. 254-260.

[10] Федеральный закон «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» от 15.07.1995 № 103-ФЗ // Consultant.ru (дата обращения 30.03.2026).

[11] Ковалев О.Г., Семенова Н.В. Принципы содержания под стражей и их влияние на обеспечение прав и законных интересов подозреваемых и обвиняемых (сравнительно-правовой анализ) // Международный научный вестник. 2025. № 11. С. 198-204.

[12] Баламут А.Н., Ковалев О.Г., Дикопольцев Д.С. Теоретический анализ комплексных психокоррекционных программ, направленных на суицидальную превенцию подозреваемых, обвиняемых и осужденных (организационный, социальный и психологический аспекты) // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2023. № 1. С. 20-23.

[13] Ковалев О.Г., Михайлова А.М. Значение обысковой и досмотровой работы в обеспечении режима содержания под стражей подозреваемых и обвиняемых // В сборнике: Пенитенциарная система и общество: опыт взаимодействия. Материалы 10 международной научно-практической конференции. Пермь, 2023. С. 245-247.

[14] Приказ Министерства юстиции РФ от 4 июля 2022 г. № 110 «Об утверждении Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы, Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений и Правил внутреннего распорядка исправительных центров уголовно-исполнительной системы» // Garant.ru (дата обращения 30.03.2026).

[15] Ковалев О.Г. Роль правил внутреннего распорядка следственных изоляторов в правоох-

ранительной и правозащитной деятельности, реализуемой в местах содержания под стражей // Международный научный вестник. 2025. № 11. С. 229-235.

[16] Ковалев О.Г., Щербаков А.В. Правовые и организационные проблемы применения интегрированных систем безопасности в современных условиях реформирования уголовно-исполнительной системы // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право. 2023. № 1 (73). С. 97-104.

[17] Щербаков А.В., Ковалев О.Г. Психолого-педагогические и организационно-правовые аспекты речевой агрессии как фактора, дезорганизующего деятельность исправительных учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2023. № 1 (248). С. 47-54.

References:

[1] Kovalev O.G., Blinov M.S. Features and influence of regime requirements on the effectiveness of pre-trial detention facilities // Trends in the development of science and education. 2023. No. 96-5. pp. 128-130.

[2] Kovalev O.G., Chernova K.I. Some problems of the organization of security of suspects, accused and convicted persons in the territory of the pre-trial detention center // Trends in the development of science and education. 2023. No. 94-4. pp. 86-88.

[3] Kovalev O.G., Semenova N.V. Legal and psychological issues of legality in the detention of persons in custody // Journal of Applied Research. 2024. No. 7. pp. 136-139.

[4] Commentary to the Penal Enforcement Code of the Russian Federation (article by article) // Brilliantov A.V., Geranin V.V., Zubarev S.M., Dubrovitsky L.P., Epaneshnikov V.S., Kazakova V.A., Kovalev O.G., Kudeneev S.V., Lysyagin O.B., Lyadov E.V., Mikhlin A.S., Seliverstov V.I., Filimonov O.V. Moscow, 2011.

[5] Kovalev O.G. The application of penalties to convicts serving imprisonment (organizational, legal and psychological analysis) // Russian Scientific Bulletin. 2026. No. 1. pp. 274-279.

[6] Kovalev O.G. The legal status of suspects and accused of committing crimes in the context of respect for their rights and legitimate interests during detention in pre-trial detention facilities of the penal system // Russian Scientific Bulletin. 2026. No. 1. pp. 252-258.

[7] Kovalev O.G. Educational and preventive impact on persons sentenced to imprisonment who were left in a pre-trial detention facility to perform household maintenance work // International Scientific Bulletin. 2025. No. 11. pp. 390-395.

[8] Belyaninova Yu.V., Kuzmin V.A. Commentary to Federal Law No. 103-FZ of July 15, 1995 “On the detention of suspects and accused of committing crimes” (edited by N.S. Manova)- Specially designed for the GARANT system, 2015.

[9] Kovalev O.G. Internal regulations in places of detention and its impact on the observance of the rights and legitimate interests of suspects and accused persons held in pre-trial detention facilities // Russian Scientific Bulletin. 2026. No. 2 pp. 254-260.

[10] Federal Law “On the detention of suspects and accused of committing crimes” dated 07/15/1995 No. 103-FZ // Consultant.ru (accessed 30.03.2026).

[11] Kovalev O.G., Semenova N.V. Principles of detention and their impact on ensuring the rights and legitimate interests of suspects and accused (comparative legal analysis) // International Scientific Bulletin. 2025. No. 11. pp. 198-204.

[12] Balamut A.N., Kovalev O.G., Dikopoltsev D.S. Theoretical analysis of complex psychocorrective programs aimed at suicidal prevention of suspects, accused and convicted (organizational, social and psychological aspects) // Penal enforcement system: law, economics, management. 2023. No. 1. pp. 20-23.

[13] Kovalev O.G., Mikhailova A.M. The importance of search and inspection work in ensuring the regime of detention of suspects and accused // In the collection: The penitentiary system and society: experience of interaction. Materials of the 10th international scientific and practical conference. Perm, 2023. pp. 245-247.

[14] Order No. 110 of the Ministry of Justice of the Russian Federation dated July 4, 2022 “On Approval of the Internal Regulations of Pre-trial Detention Facilities of the Penal Correction System, the Internal Regulations of Correctional Institutions and the Internal Regulations of Correctional Centers of the Penal Correction system” // Garant.ru (accessed 30.03.2026).

[15] Kovalev O.G. The role of rules internal regulations of pre-trial detention facilities in law enforcement and human rights activities carried out in places of detention // International Scientific Bulletin. 2025. No. 11. pp. 229-235.

[16] Kovalev O.G., Shcherbakov A.V. Legal and organizational problems of the use of integrated security systems in modern conditions of reforming the penal system // Bulletin of Tver State University. Series: Law. 2023. No. 1 (73). pp. 97-104.

[17] Shcherbakov A.V., Kovalev O.G. Psychological, pedagogical, organizational and legal aspects of speech aggression as a factor disorganizing the activities of correctional institutions providing isolation from society // Bulletin of the penal enforcement system. 2023. No. 1 (248). pp. 47-54.

Дата поступления рукописи в редакцию: 17.04.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-4-217-222
Дата принятия рукописи в печать: 03.05.2026 г.

КАПУСТИНСКИЙ А.А.,
Студент 4-го курса бакалавриата
Российского Государственного Университета
Правосудия им. В.М. Лебедева,
e-mail: alexeykapustinski@mail.ru

ИНФОРМАЦИОННЫЙ ПОСРЕДНИК: ПОНЯТИЕ И ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ

Аннотация. *В статье рассматриваются актуальные проблемы правового регулирования института информационного посредника в Российской Федерации. Актуальность исследования обусловлена стремительным развитием цифровых платформ (маркетплейсов, онлайн-банков, социальных сетей) и отсутствием единообразного подхода к квалификации их правового статуса, что порождает противоречивую судебную практику и риски в сфере защиты интеллектуальных прав. Целью работы является научный анализ сущности понятия «информационный посредник» и выработка теоретических положений, направленных на устранение правовой неопределенности. В ходе исследования проведен сравнительный анализ положений ст. 1253.1 ГК РФ и Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», изучены доктринальные подходы к классификации посредников, а также выявлены коллизии правоприменения на примере конкретных судебных споров (дела № А40-338270/2019 и № А60-9876/2021). Автор приходит к выводу о чрезмерно широком и оценочном характере легальной дефиниции информационного посредника, что приводит к зависимости судебного решения от усмотрения правоприменителя. В качестве решения проблемы предлагается уточнение формулировки п. 1 ст. 1253.1 ГК РФ с целью исключения из числа посредников конечных пользователей сетей, а также обосновывается необходимость законодательной кодификации статуса информационных посредников путем унификации норм в рамках закона «Об информации» либо принятия специализированного федерального закона.*

Ключевые слова: *информационный посредник, информационно-телекоммуникационная сеть Интернет, интеллектуальная собственность, авторское право, провайдер хостинга, оператор связи, маркетплейс, пользовательский контент, безопасная гавань, ст. 1253.1 ГК РФ, правовая неопределенность, судебная практика.*

KAPUSTINSKY A.A.,
4th year undergraduate student of Russian State
University Justice named after V.M. Lebedev

INFORMATION INTERMEDIARY: CONCEPT AND LEGAL REGULATION

Annotation. *The article discusses topical problems of legal regulation of the institution of information intermediary in the Russian Federation. The relevance of the study is due to the rapid development of digital platforms (marketplaces, online banks, social networks) and the lack of a uniform approach to the qualification of their legal status, which gives rise to conflicting judicial practice and risks in the field of protection of intellectual rights. The purpose of the work is a scientific analysis of the essence of the concept of "information intermediary" and the development of theoretical provisions aimed at eliminating legal uncertainty. In the course of the study, a comparative analysis of the provisions of Art. 1253.1 of the Civil Code of the Russian Federation and the Federal Law "On Information, Information Technologies and the Protection of Information," doctrinal approaches to the classification of intermediaries were studied, and conflicts of law enforcement were identified using the example of specific litigation (cases No. A40-338270/2019 and No. A60-9876/2021). The author concludes that the legal definition of the information intermediary is overly broad and evaluative, which leads to the dependence of the court decision on the discretion of the*

law enforcement officer. As a solution to the problem, it is proposed to clarify the wording of paragraph 1 of Art. 1253.1 of the Civil Code of the Russian Federation in order to exclude end users of networks from the list of intermediaries, and also justifies the need for legislative codification of the status of information intermediaries by unifying the norms within the framework of the law "On Information" or the adoption of a specialized federal law.

Key words*: information intermediary, Internet information and telecommunication network, intellectual property, copyright, hosting provider, telecom operator, marketplace, user content, safe harbor, Art. 1253.1 of the Civil Code of the Russian Federation, legal uncertainty, judicial practice.*

Введение

Актуальность темы. Формирование информационного общества в современных условиях неразрывно связано с развитием информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» (далее — Интернет). Именно функциональные возможности данной сети обеспечивают стремительное распространение информации самого разнообразного характера, что качественно трансформирует как межличностную коммуникацию, так и экономические отношения. В настоящее время Интернет перестал быть исключительно площадкой для личного общения и источником сведений — он превратился в фундаментальную инфраструктуру предпринимательской деятельности. Показательной иллюстрацией данной тенденции служат онлайн-банки, реализующие весь спектр банковских услуг дистанционно, без необходимости физического посещения офиса, включая доставку платежных инструментов курьерской службой. Не менее значимым явлением выступают маркетплейсы — онлайн-платформы, обеспечивающие взаимодействие продавцов и покупателей. Продавцы получают возможность размещать информацию о товарах и принимать заказы, не покидая собственного помещения, а сама платформа выступает в роли посредника, организующего товарно-денежный обмен.

Стремительная экспансия подобных цифровых экосистем актуализирует вопрос о формировании адекватной законодательной базы, регулирующей правовой статус онлайн-платформ в аспекте распространения информации либо предоставления технической возможности для такого распространения, особенно когда соответствующие действия сопряжены с нарушением прав потребителей, авторов и иных частных лиц.

Цель и задача исследования. Настоящая статья ставит своей целью проведение научного анализа и разработку теоретических положений относительно понятия информационного посредника. Для достижения указанной цели необходимо решить следующую задачу: исследовать сущность и содержание понятия «информационный посредник» в российском праве, выявить проблемы его классификации и правоприменения.

Проблемы классификации информационных посредников и правовой неопределенности

Отсутствие единой классификации информационных посредников в российском праве, равно как и исчерпывающего критерия отнесения конкретного лица к данной категории, приводит к отсутствию единообразной судебной практики. Эта проблема усугубляется позицией Верховного Суда Российской Федерации, изложенной в пункте 77 Постановления Пленума от 23 апреля 2019 г. № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации», согласно которой вопрос о том, является ли конкретное лицо информационным посредником, устанавливается судом с учетом характера осуществляемой таким лицом деятельности.

В свою очередь А.И. Савельев обращает внимание на чрезмерно обобщенный характер законодательной дефиниции информационного посредника. Организаторы распространения информации осуществляют деятельность, непосредственно связанную с предоставлением пользователям технической возможности обмена данными в цифровой среде. При таких обстоятельствах данное лицо может быть отнесено к числу информационных посредников, поскольку зачастую исполняет его функции [6].

Как следует из положений Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», к числу информационных посредников может быть отнесен также оператор связи. В соответствии со статьей 2 Федерального закона «О связи» под оператором связи понимается юридическое лицо или индивидуальный предприниматель, оказывающие услуги связи на основании соответствующей лицензии. Особый правовой статус таких субъектов позволяет квалифицировать их одновременно и как операторов связи, и как информационных посредников.

Российская система классификации информационных посредников подвергается обоснованной критике в научной литературе за отсутствие четких критериев разграничения. Как отмечает Р.Т. Нуруллаев, основная проблема заключается в том, что одного и того же провайдера

можно одновременно отнести к нескольким категориям посредников из-за пересечения их функциональных признаков [5]. Такая правовая неопределенность приводит к сложностям при квалификации конкретных случаев и применении норм об ответственности. Разные виды посредников подпадают под различные режимы ответственности согласно статье 1253.1 ГК РФ и статье 10.1 Федерального закона «Об информации», что создает риски как необоснованного привлечения к ответственности, так и ухода от нее. Особую проблему представляет отсутствие в законодательстве четкой иерархии признаков для определения приоритетного статуса провайдера при наличии у него нескольких функций.

В российской правовой доктрине интернет-посредников принято классифицировать на две категории:

1. Классические информационные посредники (операторы поисковых систем, владельцы блогов и платформ пользовательского контента, информаторы (инсайдеры), администраторы доменных имен).
2. Коммерческие инфраструктурные посредники (организаторы электронных торговых площадок, операторы платежных сервисов и расчетных систем).

Такое разделение отражает функциональную специализацию посредников в цифровой среде - от чисто информационных до обеспечивающих коммерческие транзакции.

Классификация информационных посредников также должна учитывать их взаимодействие с субъектами авторских прав. Здесь важно обозначить различные типы посредников, действующих в рамках свойств публикации, хранения или распространения информации. Правовые отношения, возникающие при этом, могут быть разнообразными и не всегда формально оформленными, что создает риски для правопорядка. Рассматривая сложные процессы, касающиеся защиты интеллектуальной собственности, необходимо принимать во внимание требования как российской, так и международной практики. Категория информационных посредников может быть расширена за счет включения менее традиционных форм, таких как алгоритмические посредники и кэш-системы, что в итоге способно привести к более отлаженной системе юридической защиты.

В связи с возникающими сложностями при отнесении того или иного лица к числу информационных посредников в праве Российской Федерации существуют следующие нормативные классификации.

Первая классификация закреплена в статье 17 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и выделяет: лиц, осуществляющих деятельность по передаче информации, предоставленной им третьим лицом; лиц, оказывающих услуги по хранению сведений и обеспечению доступа к ним.

Вторая классификация закреплена в статье 1253.1 ГК РФ и выделяет следующие виды информационных посредников: лица, осуществляющие передачу материала; лица, предоставляющие возможность размещения информации; лица, предоставляющие возможность доступа к материалу.

Анализ судебной практики: противоречивость правоприменения

Отсутствие единообразной судебной практики по вопросу квалификации статуса информационного посредника и его ответственности убедительно демонстрируется на примере двух дел с участием социальной сети «ВКонтакте».

В 2020 году ООО «Издательство «Джем» обратилось с иском в Арбитражный суд города Москвы к ООО «В Контакте» и ООО «Объединённое Медиа Агентство» (ОМА) о взыскании компенсации в размере 5,6 млн рублей (дело № А40-338270/2019). Основанием иска послужило обнаружение в социальной сети альбома Александра Ткача (Саши Скула) «Наши кинжалы блестят в ночи», исключительные права на который принадлежат издательству. Представитель истца заявлял, что «В Контакте» извлекало доход из спорного контента, поскольку с 2016 года лицензионную музыку в социальную сеть поставляло ОМА (владелец сервиса BOOM), а доступ к ней осуществлялся по подписке (без подписки прослушивание ограничивалось 30 минутами в день с демонстрацией рекламы). Юрист подчеркивал необходимость различения пользовательского контента и коммерческого распространения, имевшего место в данном случае.

Ответчики ссылались на статус информационного посредника, лишь предоставляющего платформу для пользователей, а ОМА также указывало, что распространяет исключительно легальный контент через сервис BOOM и социальную сеть.

Арбитражный суд города Москвы частично удовлетворил иск «Джема», снизив размер компенсации до 225 тыс. руб., и сослался на практику Высшего Арбитражного Суда РФ, согласно которой необходимо устанавливать, получал ли посредник прибыль от нарушения авторских прав. Вместе с тем суд отметил, что статус посредника не освобождает от ответственности, если использование контента являлось неправомерным. Апелляционная инстанция оставила сумму компенсации без изменения, однако взыскала ее только с ОМА, отменив требование о

публикации решения в средствах массовой информации. Впоследствии Суд по интеллектуальным правам отменил постановление апелляции и вернул дело на пересмотр. При новом рассмотрении апелляционная инстанция сочла «В Контакте» и ОМА информационными посредниками, указав, что они не загружали контент самостоятельно и не контролировали его размещение. Судебная коллегия пришла к выводу об отсутствии нарушения авторских прав со стороны ответчиков, поскольку контент загружали пользователи, а подписка предоставляла лишь доступ к дополнительным функциям плеера. Кроме того, ОМА предприняло меры после получения уведомления о нарушении. В итоге в удовлетворении исковых требований было отказано на том основании, что, по мнению суда, информационные посредники в принципе не должны нести ответственность за нарушение прав третьих лиц, так как занимаются лишь предоставлением платформы для размещения информации.

Иная правовая позиция была сформулирована в деле по спору между управляющим партнером юридической компании «Гаврюшкин и партнеры» Сергеем Гаврюшкиным и социальной сетью «ВКонтакте» (дело № А60-9876/2021). В мае и августе 2020 года посты, содержащие фото, видео и текст юриста Сергея Гаврюшкина, были размещены без его разрешения в группах «ВКонтакте», включая сообщества, связанные с ООО «МФинанс». Гаврюшкин направил претензии с требованием удалить контент, однако «ВКонтакте» не совершил необходимых действий. Арбитражный суд Свердловской области удовлетворил иск, признав, что «ВКонтакте» знало о нарушении, но не приняло мер, и взыскал компенсацию в размере 1,1 млн руб. (исходя из лицензионных соглашений истца). Суд пришел к выводу, что «ВКонтакте» не может избежать ответственности, если знало о нарушении (статья 1253.1 ГК РФ), признал фото и текст объектами авторского права (статья 1259 ГК РФ) и подчеркнул необходимость оперативного удаления контента по заявлению правообладателя (статья 15.7 Закона об информации).

Таким образом, в двух сходных по фактическим обстоятельствам делах суды заняли диаметрально противоположные позиции относительно ответственности информационного посредника, что наглядно подтверждает тезис об отсутствии единообразной судебной практики и правовой неопределенности в данной сфере.

Выводы и предложения по совершенствованию законодательства

Проведенное исследование позволяет заключить, что в российском праве существует единое, но при этом чрезмерно широкое и недостаточно определенное понятие «информационный посредник», к основным функциям которого относятся передача, хранение и предоставление доступа к информации. Вследствие неточности законодательной дефиниции статус информационного посредника может распространяться на всех лиц, так или иначе осуществляющих вышеуказанные функции.

Существующая модель не учитывает целый ряд перспективных направлений и специфических категорий посредников, что порождает путаницу в правоприменительной практике. В частности, остается неясным, каким образом статус информационного посредника влияет на его защиту от ответственности за нарушения прав на интеллектуальную собственность. По-прежнему актуальным является вопрос о том, кто должен нести ответственность за нарушение прав третьих лиц: информационный посредник или лицо, непосредственно разместившее информацию в сети Интернет.

Из анализа пункта 77 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 апреля 2019 г. № 10 следует, что высшая судебная инстанция возлагает на суды обязанность по отнесению тех или иных лиц к статусу информационного посредника в зависимости от конкретных обстоятельств дела. Закрепление такой обязанности за судом обусловлено наличием в ГК РФ пробела в части установления квалифицирующих признаков информационного посредника. В результате суды по-своему трактуют как само понятие, так и классификацию информационных посредников, что приводит к отсутствию четкого понимания того, кто может быть привлечен к ответственности за распространение или размещение в сети Интернет результатов интеллектуальной деятельности без соответствующего разрешения правообладателя.

Поскольку привлечение информационного посредника к ответственности всецело зависит от судейского усмотрения, возникает риск нарушения прав как лиц, незаконно квалифицированных в качестве информационных посредников, так и субъектов, чьи исключительные права были нарушены.

Для решения проблемы правовой неопределенности статуса информационного посредника и формирования единообразной судебной практики представляется целесообразным внесение следующих изменений в законодательство Российской Федерации:

1. Уточнение формулировки пункта 1 статьи 1253.1 ГК РФ. Действующая редакция, рассматривающая в качестве информационного посредника лицо, предоставляющее

возможность доступа к материалам, позволяет относить к данной категории пользователей пиринговых сетей. В целях защиты прав пользователей сети Интернет законодателю следует уточнить формулировку о «доступе к материалам» применительно к информационным посредникам таким образом, чтобы исключить из нее конечных пользователей.

2. Проведение законодательной кодификации для систематизации правового регулирования статуса информационных посредников. Наиболее оптимальными представляются два варианта:

– расширение и унификация норм в рамках Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», который де-факто уже выполняет функцию базового регулятора интернет-отношений. Такой подход позволит сохранить сложившуюся систему правоприменения, обеспечить синхронизацию с другими нормами об информационной безопасности и избежать фрагментации регулирования;
– принятие специализированного Федерального закона «Об информационных посредниках», что дало бы возможность детально регламентировать все аспекты их деятельности, установить четкие критерии классификации, разработать единые стандарты ответственности, прав и обязанностей.

Реализация данных предложений потребует тщательной проработки с учетом международного опыта регулирования, особенностей российской интернет-инфраструктуры и уже сложившихся деловых практик. Однако именно такой комплексный подход способен устранить существующую правовую неопределенность и обеспечить эффективную защиту прав всех участников информационных правоотношений.

Список литературы:

[1] Ворожевич А. С. Споры по нарушениям исключительных прав на товарные знаки в маркетплейсах // Журнал Суда по интеллектуальным правам. — 2021. — № 2 (32). — С. 133-141.

[2] Еременко В. И. Совершенствование законодательства в сфере защиты интеллектуальных прав в информационно-телекоммуникационных сетях // Законодательство и экономика. — 2015. — № 8. — С. 19–28.

[3] Иванова Л.С. Юридическая ответственность информационных посредников // Образование и право. 2022. №5. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/yuridicheskaya-otvetstvennost-informatsionnyh-posrednikov (01.04.2026).

[4] Лоренц Д.В. Информационные посредники (провайдеры) в России и зарубежных странах: природа, сущность и типология // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. — 2020. — № 5. — С. 136–163.

[5] Нуруллаев Р.Т. Информационный посредник как субъект информационного права: диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / [НИУ ВШЭ]. - М., 2018. - 236 с. - С. 119. [Электронный ресурс]. — URL: https://www.hse.ru/sci/diss/224091382

[6] Савельев А. И. Комментарий к Федеральному закону от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (постатейный). — М.: Статут, 2015. — URL: СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 05.04.2026)

[7] Савельев А. И. Комментарий к Федеральному закону от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (постатейный). — М.: Статут, 2015. — // СПС «КонсультантПлюс».

[8] Стерлигова А. В. Практические критерии и признаки, позволяющие применять нормы об информационных посредниках, при нарушении исключительных прав правообладателей в Интернете // Сборник трудов конференции. — Москва: МГЮА, 2017. — С. 272–280.

[9] Терещенко Л. К., Тиунов О. И. Информационные посредники в российском праве // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2016. – № 6 (61). – С. 46–51. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/informatsionnye-posredniki-v-rossiyskom-prave (дата обращения: 01.04.2026).

[10] Тедеев А. А. Развитие информационных технологий, информационной экономики и правовое регулирование дистрационного труда в Российской Федерации (некоторые проблемы) // Российская юстиция. — 2014. — № 6. — С. 25–29.

[11] Secondary Liability of Internet Service Providers / ed. by G.B. Dinwoodie. Vol. 25. N.-Y., 2017.

References:

[1] Vorozhevich A. S. Disputes over violations of exclusive rights to trademarks in marketplaces// Journal of the Court for Intellectual Rights. — 2021. — № 2 (32). - S. 133-141.

[2] Eremenko V. I. Improvement of legislation in the field of protection of intellectual rights in information and telecommunication networks//Legislation and economics. — 2015. — № 8. - S. 19-28.

[3] Ivanova L.S. Legal responsibility of information intermediaries//Education and law. 2022. №5. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/yuridicheskaya-otvetstvennost-informatsionnyh-posrednikov (01.04.2026).

[4] Lorenz D.V. Information intermediaries (providers) in Russia and foreign countries: nature, essence and typology//Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation. — 2020. — № 5. - S. 136-163.

[5] Nurullaev R.T. Information intermediary as a subject of information law: dissertation for the degree of candidate of legal sciences/[HSE]. - M., 2018. - 236 p. - S. 119. [Electronic resource]. — URL: https://www.hse.ru/sci/diss/224091382

[6] Savelyev A. I. Commentary to the Federal Law of July 27, 2006 No. 149-FZ "On Information, Information Technologies and Information Protection" (itemized). - M.: Statute, 2015. - URL: ConsultantPlus ATP (accessed on: 05.04.2026)

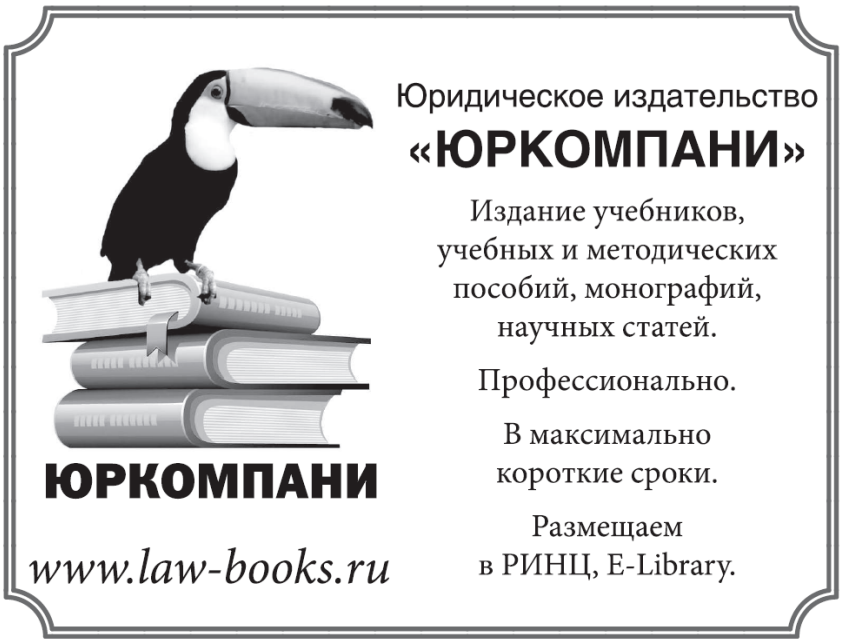
[7] Savelyev A. I. Commentary to the Federal Law of July 27, 2006 No. 149-FZ "On Information, Information Technologies and Information Protection" (itemized). - M.: Statute, 2015. -//SPS "ConsultantPlus."

[8] Sterligova A. V. Practical criteria and signs that allow applying the rules on information intermediaries in case of violation of the exclusive rights of copyright holders on the Internet//Collection of conference proceedings. - Moscow: Moscow State Law Academy, 2017. - S. 272-280.

[9] Tereshchenko L.K., Tiunov O.I. Information intermediaries in Russian law//Journal of Foreign Legislation and Comparative Law. – 2016. – № 6 (61). - S. 46-51. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/informatsionnye-posredniki-v-rossiyskom-prave (дата обращения: 01.04.2026).

[10] Tedeev A. A. Development of information technologies, information economy and legal regulation of distance labor in the Russian Federation (some problems)//Russian justice. — 2014. — № 6. - S. 25-29.

[11] Secondary Liability of Internet Service Providers / ed. by G.B. Dinwoodie. Vol. 25. N.-Y., 2017.

Дата поступления рукописи в редакцию: 10.04.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-4-223-230
Дата принятия рукописи в печать: 03.05.2026 г.

АНОШИНА Анна Яковлевна,
Аспирант, РГУ нефти и газа (НИУ) имени И.М. Губкина,
Кафедра публичного и международно-правового
обеспечения национальной безопасности,
e-mail: anna.anoshina@mail.ru

К ВОПРОСУ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ НОРМАТИВНО-ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЭЛЕКТРОННОЙ КОНТРАКТАЦИИ ПРОДУКЦИИ КАК ГАРАНТА ДОБРОСОВЕСТНОЙ КОНКУРЕНЦИИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. *Статья посвящена актуальным проблемам нормативно-правового регулирования электронной контрактации как механизма обеспечения добросовестной конкуренции в Российской Федерации. Исследование выявляет системные противоречия между целями государственной закупочной политики и механизмами их реализации в условиях цифровой трансформации экономики. На основе анализа законодательства о закупках и эмпирических данных платформы АО «Сбербанк-АСТ» за период 2022-2023 гг. автор выявляет критические пробелы регулирования: отсутствие единых стандартов электронного взаимодействия, недостаточную защиту участников торгов, несогласованность требований к электронным площадкам, недоработки в области противодействия недобросовестным практикам. Особое внимание уделяется исследованию роли электронной контрактации как инструмента преодоления административного давления и укрепления конкурентной среды. Статистический анализ тенденций развития электронных торгов демонстрирует рост объемов закупок, но одновременно констатирует стабильность уровня конкуренции и участия малых и средних предприятий. В работе предложены конкретные меры по совершенствованию нормативного регулирования: унификация процедурных требований, усиление прозрачности алгоритмов отбора участников, введение механизмов автоматизированного контроля недобросовестного поведения, расширение гарантий защиты прав участников электронных торгов. Формируемы рекомендации обоснованы конституционным принципом добросовестной конкуренции и ориентированы на повышение эффективности государственного расходования бюджетных средств.*

Ключевые слова: *Конституция Российской Федерации, добросовестная конкуренция, информационная открытость, электронная контрактация.*

ANOSHINA Anna Yakovlevna,
Graduate student at Gubkin University
Department of Public and International Law Support
of National Security

IMPROVING THE REGUKATORY FRAMEWORK FOR ELECTRONIC PROCUREMEN OF GOODS AS A GUARANTOR OF FAIR COMPETITION IN THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation. *The article addresses current problems in the regulatory framework of electronic procurement of goods, works, and services in the context of implementing the constitutional principle of fair competition in Russia. The research reveals systemic contradictions between the goals of state procurement policy and mechanisms for their implementation in the conditions of digital economic transformation. Based on an analysis of procurement legislation and empirical data from Sberbank-AST platform for 2022–2025, the author identifies critical gaps in regulation: absence of unified standards for electronic interaction, insufficient protection of bidders, inconsistency of requirements for electronic platforms, and deficiencies in combating unfair practices. Special attention is given to investigating the role of electronic procurement as a tool for overcoming administrative pressure and strengthening competitive environment. Statistical analysis of electronic trading*

development trends demonstrates growth in procurement volumes, yet simultaneously reveals stable levels of competition and participation of small and medium-sized enterprises. The paper proposes concrete measures to improve regulatory framework: unification of procedural requirements, enhanced transparency of participant selection algorithms, introduction of automated mechanisms for monitoring unfair behavior, and expansion of safeguards for protection of electronic bidders' rights. The formulated recommendations are grounded in the constitutional principle of fair competition and oriented toward increasing efficiency of state budget expenditure and procurement effectiveness.

Key words: *Constitution of the Russian Federation, competition, contractual relationship, electronic trading.*

Конституция Российской Федерации закрепляет фундаментальные принципы, определяющие основу экономического порядка в стране. Согласно части 1 статьи 8 Конституции, в Российской Федерации гарантируются единство экономического пространства, свободное перемещение товаров, услуг и финансовых средств, поддержка конкуренции и свобода экономической деятельности [1]. Статья 34 Конституции устанавливает право каждого на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской деятельности, одновременно запрещая деятельность, направленную на монополизацию и недобросовестную конкуренцию [1]. Данные конституционные положения формируют правовой фундамент, на котором выстраивается все система регулирования конкурентных отношений, включая сферу государственных и корпоративных закупок.

Конституционные гарантии добросовестной конкуренции представляют собой совокупность юридических средств, обеспечивающих реализацию и защиту соответствующего конституционного принципа. Как справедливо отмечается в конституционно-правовой доктрине, гарантии выступают необходимым связующим звеном между нормативным декларированием ценностей и их практическим воплощением [5, с. 218]. Без действенных механизмов реализации конституционные нормы о конкуренции приобретают декларативный характер, что подрывает основы экономического порядка.

Одним из наиболее значимых инструментов практической реализации конституционного принципа добросовестной конкуренции в современных условиях выступает электронная контрактация – совокупность процедур заключения контрактов с использованием электронных торговых площадок, обеспечивающих информационную открытость, равный доступ участников и фиксацию юридически значимых действий в цифровой среде. Цифровизация закупочных процедур существенно трансформировала механизмы взаимодействия заказчиков и поставщиков, создав предпосылки для повышения транспарентности и конкурентности, однако одновременно породила новые проблемы, требующие научного осмысления и законодательного разрешения.

Актуальность настоящей статьи обусловлена рядом факторов. Во-первых, динамичное развитие информационных технологий опережает темпы законодательной адаптации, вследствие чего возникают правовые лакуны в регулировании электронных торгов. Во-вторых, значительный объем бюджетных средств, направляемых через систему государственных закупок (по данным Минфина России, в 2024 году – свыше 14,2 трлн рублей), предъявляет повышенные требования к эффективности правового регулирования. В-третьих, сохраняющиеся проблемы картелизации, демпинга и иных форм недобросовестной конкуренции на электронных торгах свидетельствуют о недостаточности действующих правовых механизмов.

Формирование нормативно-правовой базы электронной контрактации в Российской Федерации осуществляется в рамках двух ключевых законодательных массивов: Федерального закона от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» [2] и Федерального закона от 18.07.2011 № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» [3]. Данные законы, дополненные Федеральным законом от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции» [4], образуют триаду нормативного регулирования, в которой, однако, обнаруживаются существенные системные противоречия.

С момента принятия Федерального закона № 44-ФЗ в 2013 году в него было внесено более 130 пакетов изменений. Только в период 2023-2024 гг. было принято 14 федеральных законов, вносящих поправки в закон о контрактной системе [14, с.45]. Столь высока интенсивность правотворчества порождает правовую неопределённость, затрудняет правоприменительную практику и создает дополнительные транзакционные издержки для участников закупок. Как обоснованно указывает О.А. Беляева, перманентное реформирование закупочного законода-

тельства дестабилизирует контрактную систему и снижает уровень правовое защищенности участников [8, с.33].

Существенные различия в правовом режиме закупок по 44-ФЗ и 223-ФЗ формируют неравные условия для поставщиков. Если закупки для государственных и муниципальных нужд жестко регламентированы в части способов определения поставщика, формирования начальной максимальной цены контракта, обеспечительных мер, то корпоративные закупки регулируются существенно мягче – посредством положений о закупках, утверждаемых самими заказчиками [3, с. 2]. Это создает предпосылки для избирательного применения конкурентных процедур и ограничения доступа отдельных категорий поставщиков.

Цифровая среда, с одной стороны, повышает прозрачность закупок, а с другой – создает новые возможности для антиконкурентных практик. По данным ФАС России, в 2023-2024 гг. выявлено более 400 карательных соглашений на торгах, значительная часть которых осуществлялась с использованием цифровых инструментов координации [9, с.12]. Алгоритмическое ценообразование, координированная подача заявок, использование аффилированных структур для создания видимость конкуренции – эти явления свидетельствуют о необходимости совершенствования механизмов антимонопольного контроля в цифровой среде.

Действующее законодательство предусматривает пять методов формирования начальной максимальной цены контракта: метод сопоставимых рыночных цен, нормативный, тарифный, проектно-сметный и затратный [2, с.22]. Однако методические рекомендации по применению указанных методов не в полной мере учитывают специфику инновационной и высокотехнологичной продукции, для которой рыночные аналоги могут отсутствовать. Это приводит либо к завышению начальной максимальной цены контракта (и, как следствие, неэффективному расходованию бюджетных средств), либо к занижению (и ограничению доступа добросовестных поставщиков).

Несмотря на развитие Единой информационной системы в сфере закупок, сохраняются значительные различий в уровне цифровой готовности субъектов малого и среднего предпринимательства в различных регионах страны. Технические требования к участию в электронных торгах, необходимость получения квалифицированной электронной подписи, регистрации в единой информационной системе в сфере закупок и на электронных площадках создают административные барьеры, которые непропорционально затрагивают субъекты малого бизнеса и региональных поставщиков [7, с. 118].

Правовая природа электронной контрактации определяется совокупностью конституционных норм, образующих нормативный каркас регулирования конкурентных отношений. Помимо статьи 8 и 34 Конституции, принципиальное значение имеют:

- статья 71 пункт ж – установление правовых основ единого рынка как предмета ведения Российской Федерации, что обосновывает федеральный уровень регулирования закупочной деятельности [1];
- статья 55 часть 3 – допустимость ограничения прав только федеральным законом в той мере, в какой это необходимо для защиты конституционных ценностей, включая публичные интересы в сфере закупок;
- статья 15 часть 2 – обязанность органов государственной власти и местного самоуправления соблюдать Конституцию и законы, что распространяется на всю закупочную деятельность.

Конституционный Суд Российской Федерации неоднократно обращался к вопросам баланса частных и публичных интересов в экономической сфере. В ряде решений подчеркивается, что ограничения свободы предпринимательской деятельности допустимы при условии их соразмерности конституционно значимым целям и невозможности достижения этих целей менее ограничительными средствами [10]. Применительно к электронным закупкам это означает, что процедурные требования (аккредитация, обеспечение заявки, электронная подпись) должны быть обоснованы конкретными целями защиты конкуренции и не должны создавать избыточных барьеров.

В.Д. Зорькин справедливо указывает, что конституционная экономика предполагает не просто формальное закрепление принципов рыночного хозяйства, а создание действенных механизмов, обеспечивающих равновесие экономических интересов [11, с.5]. Электронная контрактация в этом контексте выступает институциональным механизмом, призванным обеспечить баланс между интересами заказчиков (эффективное расходование средств), поставщиков (равный доступ к заказам) и общества (удовлетворение публичных потребностей).

Для оценки эффективности действующего правового регулирования электронной контрактации проанализируем статистические показатели электронных торгов на площадке АО «Сбербанк-АСТ» - одного из ведущих операторов электронных площадок Российской Федерации (*см. таблицу 1*).

Показатели	Всего	В том числе		
		2022	2023	2024
Количество заказчиков	53044	36377	32126	30996
Количество проведенных аукционов	1721097	634174	548944	537979
Число контрактов	795405	290160	254788	250457
Общая стоимость (начальная) проведенных аукционов, по которым был заключен контракт, млн. руб.	1548705	507143	520924	520638
Общая стоимость заключенных контрактов, млн. руб.	1335349	437224	451335	446790
Достигнутая экономия млн. руб.	213356	69919	69589	73848
%	5,18	4,80	5,22	5,55

Источник: ЕИС в сфере закупок

Анализ приведенных данных позволяет выделит несколько значимых тенденций.

Первая тенденция – устойчивое сокращение числа активных заказчиков. За период 2022-2024 гг. количество заказчиков снизилось с 36 377 до 30 996, что составляет уменьшение на 14,8%. Данная динамика может объясняться процессами централизации закупочной деятельности, укрупнением заказчиков вследствие реорганизации государственных и муниципальных учреждений, а также переходом части заказчиков на иные электронные площадки. Вместе с тем сокращение числа заказчиков заслуживает пристального внимания с позиции конкуренции: уменьшение количества самостоятельных закупочных субъектов может приводить к монополизации спроса и ограничению возможностей для поставщиков.

Вторая тенденция - снижение количества аукционов при стабилизации их стоимостного объема. Количество проведенных аукционов сократилось с 634 174 в 2022 г. До 539 979 в 2024 г. (снижение на 15,2%), тогда как совокупная начальная стоимость аукционов, по которым были заключены контракты, практически стабилизировалась на уровне 520-521 млрд рублей. Это свидетельствует об увеличении средней стоимости отдельного аукциона и укрупнении лотов, что может создавать дополнительные барьеры для субъектов малого предпринимательства.

Третья тенденция – рост показателя бюджетной экономии. Процент экономии увеличился с 4,80% в 2022 г. До 5,55% в 2024. В абсолютном выражении экономия составила 73 848 млн рублей в 2024 г. против 69 919 млн рублей в 2022 г. (рост на 5,6%). Данная положительная динамика может интерпретироваться как свидетельство повышения конкурентных торгов, хотя необходимо учитывать, что чрезмерное снижение цен (демпинг) также негативно влияет на качество исполнителя контрактов.

Четвертая тенденция – разрыв между количеством проведенных аукционов и заключенных контрактов. Доля аукционов, завершившихся заключением контрактов, составляет 46,2% от общего числа. Это означает, что более половины проведенных торговых процедур не приводят к контрактации, что свидетельствует о значительных трансакционных издержках как для заказчиков, так и для операторов электронных площадок.

На основании выявленных проблем и проведенного анализа представляется целесообразным выделить следующие приоритетные направления совершенствования нормативно-правового регулирования электронной контрактации.

Чрезмерная динамика нормотворчества в сфере закупок дестабилизирует правоприменительную практику и создает значительные риски для участников закупочных процедур. Необходимо установление законодательного моратория на внесение изменений в базовые нормы контрактного законодательства чаще, чем один раз в календарный год (за исключением экстренных случаев, связанных с обеспечение национальной безопасности). По аналогии с налоговым законодательством, где действует правило о вступлении изменений в силу не ранее начала нового налогового периода, изменения в законодательство о

закупках должны вступать в силу с определенным временным лагом, обеспечивающим адаптацию участников.

Кроме того, целесообразна кодификация закупочного законодательства – объединение норм 44-ФЗ и 223-ФЗ в единый нормативный акт с дифференцированными разделами для государственных и корпоративных закупок. Это позволит устранить дуализм правового регулирования, унифицировать терминологический аппарат и обеспечить системную согласованность правовых норм [12, с. 156].

Противодействие картельным соглашениям и иным антиконкурентным практикам на электронным торгах требует внедрения инновационных технологий мониторинга. Представляется необходимым:

– законодательное закрепление обязанности операторов электронных площадок по внедрению автоматизированных систем выявления признаков сговора (анализ ценового поведения участников, отслеживание аффилированности через общие IP-адреса, единые банковские реквизиты, совпадение метаданных документов);
– расширение полномочий ФАС России по получению и обработке цифровых данных электронных площадок для проведения скрининговых исследований конкурентной среды;
– установление ответственности за использование алгоритмических средств координации ценообразования на торгах.

Международный опыт свидетельствует об эффективности подобных мер. Так, в Европейском союзе Директива 2014/24/EU предусматривает обязательное электронное проведение закупок с интегрированными механизмами контроля конкурентности [15]. Южнокорейская система KONEPS обеспечивает автоматический мониторинг торгов на предмет выявления признаков антиконкурентного поведения.

Формирование начальной максимальной цены контракта для инновационной и высокотехнологичной продукции требует разработки специальных методических подходов. Предлагается:

– введение в статью 22 Федерального закона № 44-ФЗ самостоятельного метода формирования цены инновационной продукции, учитывающего затраты на НИОКР, уникальность технических характеристик и отсутствие рыночных аналогов;
– создание отраслевых справочников цен на инновационную продукцию, формируемых с участием профессиональных сообществ и экспертных организаций;
– уточнение критериального механизма отнесения товаров, работ, услуг к категории инновационной и высокотехнологичной продукции с установлением количественных и качественных показателей (доля затрат на НИОКР, наличие патентной защиты, степень технологической новизны).

Обеспечение конституционного принципа равного доступа к экономической деятельности требует целенаправленных мер по снижению барьеров участия малого бизнеса в электронных торгах:

– Расширение практики разделения крупных лотов на части для обеспечения доступов субъектов МСП;
– Совершенствование института независимых банковских гарантий – упрощение процедуры их получения, снижение стоимости, расширение перечня аккредитованных организаций-гарантов;
– Развитие программ финансовой поддержки участия в закупках (субсидирование процентных ставок по банковским гарантиям, авансирование контрактов с субъектами МСП);
– Создание региональных центров компетенций по поддержке участия малого бизнеса в электронных торгах.

Единая информационная система в сфере закупок, определяемая законодательством как совокупность информации, информационных технологий и технических средств [2, с.4] требует дальнейшего развития по следующим направлениям:

– Обеспечение интероперабельности единой информационной системы с информационными системами налоговых, антимонопольных органов, органов казначейства и банковской системы для реализации сквозного мониторинга закупочных процедур;
– Внедрение технологий распределенного реестра (блокчейн) для обеспечения неизменности и верифицируемости данных о проведенных закупочных процедурах;
– Развитие аналитических модулей единой информационной системы, позволяющих в режиме реального времени оценивать конкурентность торгов, выявлять аномалии ценообразования и формировать информационно-аналитические отчеты для органов контроля;
– Повышение доступности единой информационной системы для пользователей с различным уровнем цифровой грамотности, в том числе через создание мобильных приложений и упрощенных интерфейсов.

Эффективность конституционных гарантий добросовестной конкуренции непосредственно связана с действенностью механизмов контроля и ответственности. Предлагается:

– Введение института обязательного общественного обсуждения закупок, превышающий установленный стоимостной порог, с размещением результатов обсуждения в единой информационной системе;
– Усиление ответственности за нарушение антимонопольного законодательства на электронных торгах, в том числе путем введения оборотных штрафов для юридических лиц – участников картельных соглашений;
– Развитие механизмов ведомственного и внутреннего контроля закупочной деятельности с использованием систем контроллинга и риск-менеджмента.

Реализация предложенных направлений совершенствования нормативного регулирования предполагает учет факторов, определяющих эффективность управленческих решений в системе электронных торгов. Как справедливо отмечают Н.Ю. Андреев и А.С. Черный, лица принимающие решения в условиях электронных торгов, действуют в ситуации объективной неопределенности, что обусловлено множественностью участников, динамичностью ценовой конкуренции и асимметрией информации [6, с.59].

На результативность закупочных процедур существенное влияние оказывают:
– Квалификация специалистов контрактных служб. Сложность и динамичность законодательства предъявляют повышенные требования к профессиональной компетентности сотрудников, что обусловливает необходимость системы непрерывного профессионального развития;
– Качество информационного обеспечения. Полнота и достоверность информации о рынке, ценах, потенциальных поставщиках определяет обоснованность формирования начальной максимальной цены контракта и выбора способа закупки. Ключевыми составляющими информационного массива выступают каталоги товаров и услуг, технические спецификации, ценовые справочники и данные о добросовестности поставщиков;
– Финансовое обеспечение. Своевременность и полнота бюджетного финансирования, механизмов казначейского сопровождения контрактов, доступность кредитных ресурсов для поставщиков;
– Организационные факторы. Структура управления закупочной деятельностью, координация между планирующими, контрактными и контролирующими подразделениями, эффективность обратной связи.

Использование электронного документооборота, организационной регламентации и цифровых инструментов контроля позволяет существенно минимизировать риски участников контрактации [13, с.24]. При этом риск в закупочной деятельности носит многоаспектный характер, затрагивая процессы планирования, нормирования, ценообразования, банковского сопровождения и исполнения контрактных обязательств. Управление рисками в электронной контрактации должно основываться на принципах системности, превентивности и информационной обеспеченности.

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие основные выводы.

1. Электронная контрактация продукции является действенным инструментов реализации конституционного принципа добросовестной конкуренции. Цифровизация процедур обеспечивает транспарентность, фиксацию юридически значимых действий и потенциально равный доступ участников. Вместе с тем эффективность электронной контрактации как конституционной гарантии конкуренции определяется качеством нормативно-правового регулирования, которое в настоящее время характеризуется рядом системных проблем.
2. Основными проблемами нормативно-правового регулирования электронных торгов являются: чрезмерная динамика законодательных изменений, дуализм правового регулирования государственных и корпоративных закупок, надостаточная эффективность антимонопольного контроля в цифровой среде, несовершенство механизмов ценообразования для инновационной продукции и сохраняющееся цифровое неравенство участников закупок.
3. Анализ статистических данных АО «Сбербанк-АСТ» за 2022-2024 гг. выявил противоречивые тенденции: при росте показателя бюджетной экономии (с 4,80 % до 5,55%) наблюдается устойчивое сокращение числа заказчиков (на 14,8%) и количества аукционов (на 15,2%). Доля аукционов, завершившихся контрактацией, составляет менее половины от общего числа проведенных торгов. Эти данные свидетельствуют о наличии структурных диспропорций в системе электронных торгов и необходимости комплексного совершенствования нормативного регулирования.
4. Совершенствование нормативно-правового регулирования электронной контрактации должно осуществляться по следующим взаимосвязанными направлениям: стабилизация и кодификация законодательства; модернизация антимонопольного контроля

с использованием цифровых технологий; совершенствование механизмов ценообразования; снижение барьеров доступа для субъектов малого предпринимательства; модернизация информационной инфраструктуры единой информационной системы; усиление системы контроля и ответственности.

5. Совершенствование нормативно-законодательного регулирования электронных торгов должно осуществляться в неразрывном комплексе с совершенствованием стратегического и оперативного планирования закупок, организационного обеспечения торговых процедур, организацией сквозного мониторинга и контроля на всех этапах электронной контрактации – от формирования плана-графика до исполнения контрактных обязательств. Только системный подход, интегрирующий правовые, экономические и технологические инструменты, способен обеспечить реализацию конституционных гарантий добросовестной конкуренции в сфере электронных закупок.
6. В перспективе развитие правового регулирования электронной контрактации должно быть ориентировано на формирование единого цифрового пространства закупок, обеспечивающего интеграцию информационных систем заказчиков, оператором электронных площадок, контролирующих и финансовых органов. Такая интеграция создаст условия для перехода от реактивного к проактивному управлению конкурентной средой и станет важным шагом в реализации конституционного принципа поддержки конкуренции.

Список литературы:

[1] Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 15.06.2025).

[2] О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд: Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2013. — № 14. — Ст. 1652.

[3] О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц: Федеральный закон от 18.07.2011 № 223-ФЗ (ред. от 25.12.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2011. — № 30 (ч. 1). — Ст. 4571.

[4] О защите конкуренции: Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2006. — № 31 (ч. 1). — Ст. 3434.

[5] Авакьян, С. А. Конституционное право России: учебный курс: в 2 т. / С. А. Авакьян. — 7-е изд., перераб. и доп. — Москва: Норма: ИНФРА-М, 2023. — Т. 1. — 864 с.

[6] Андреев, Н. Ю. Механизм принятия решений в системе электронных торгов / Н. Ю. Андреев, К. А. Пихтин, А. С. Черный // Горизонты экономики. — 2023. — № 5. — С. 58–62.

[7] Байрашев, В. Р. Международно-правовые и национально-правовые аспекты регулирования стандартизации в государственных закупках / В. Р. Байрашев // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. — 2025. — Т. 29, № 3. — С. 769–786. — DOI: 10.22363/2313-2337-2025-29-3-769-786.

[8] Беляева, О. А. Контрактная система: проблемы правоприменения и направления совершенствования / О. А. Беляева // Журнал российского права. — 2023. — Т. 27, № 8. — С. 28–42.

[9] Доклад о состоянии конкуренции в Российской Федерации за 2023 год / Федеральная антимонопольная служба. — Москва: ФАС России, 2024. — 348 с. — URL: https://fas.gov.ru (дата обращения: 10.06.2025).

[10] Зорькин, В. Д. Конституционная юстиция: процедура и смысл / В. Д. Зорькин. — Москва: Норма, 2023. — 154 с.

[11] Зорькин, В. Д. Право и экономика: конституционные ориентиры развития / В. Д. Зорькин // Журнал российского права. — 2023. — Т. 27, № 1. — С. 5–18.

[12] Кичик, К. В. Государственные и муниципальные закупки в системе публичного управления / К. В. Кичик // Право и экономика. — 2024. — № 3. — С. 148–163.

[13] Склярова, Ю. А. Конкуренция и развитие электронных торгов в экономике Российской Федерации (на примере малого предпринимательства) / Ю. А. Склярова, А. Я. Аношина, А. С. Черный // Горизонты экономики. — 2023. — № 6. — С. 22–28.

[14] Шатская, И. И. Нормативно-правовое регулирование системы государственных закупок / И. И. Шатская, Л. М. Малёшина // Аграрное и земельное право. — 2025. — № 5. — С. 183–186. — DOI: 10.47643/1815-1329_2025_5_183.

[15] Directive 2014/24/EU of the European Parliament and of the Council of 26 February 2014 on public procurement // Official Journal of the European Union. — L 94. — 28.03.2014. — P. 65–242.

References:

[1] Constitution of the Russian Federation: adopted by popular vote on December 12, 1993

(with amendments approved during the all-Russian vote 01.07.2020) //Official Internet portal of legal information. - URL: http://pravo.gov.ru (access date: 15.06.2025).

[2] On the contract system in the field of procurement of goods, works, services to meet state and municipal needs: Federal Law of 05.04.2013 No. 44-FZ (ed. 08.08.2024) //Collection of Legislation of the Russian Federation. — 2013. — № 14. - Art. 1652.

[3] On procurement of goods, works, services by certain types of legal entities: Federal Law of 18.07.2011 No. 223-FZ (as amended on 25.12.2023) //Collection of Legislation of the Russian Federation. — 2011. - No. 30 (part 1). - Art. 4571.

[4] On Protection of Competition: Federal Law No. 135-FZ of 26.07.2006 (as amended on 08.08.2024) //Collection of Legislation of the Russian Federation. — 2006. - No. 31 (part 1). - Art. 3434.

[5] Avakyan, S. A. Constitutional law of Russia: training course: in 2 volumes/S. A. Avakyan. - 7th ed., Revised. and add. - Moscow: Norm: INFRA-M, 2023. - VOL. 1. - 864 s.

[6] Andreev, N. Yu. Decision-making mechanism in the electronic trading system/N. Yu. Andreev, K. A. Pikhtin, A. S. Cherny//Horizons of the economy. — 2023. — № 5. - S. 58-62.

[7] Bayrashev, V. R. International and national legal aspects of regulating standardization in public procurement/V. R. Bayrashev//Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Legal Sciences. — 2025. - T. 29, NO. 3. - S. 769-786. — DOI: 10.22363/2313-2337-2025-29-3-769-786.

[8] Belyaeva, O. A. Contract system: problems of law enforcement and areas of improvement/O. A. Belyaeva//Journal of Russian Law. — 2023. - T. 27, NO. 8. - S. 28-42.

[9] Report on the State of Competition in the Russian Federation for 2023/Federal Antimonopoly Service. - Moscow: FAS Russia, 2024. - 348 p. - URL: https://fas.gov.ru (access date: 10.06.2025).

[10] Zorkin, V. D. Constitutional Justice: Procedure and Meaning/V. D. Zorkin. - Moscow: Norma, 2023. - 154 s.

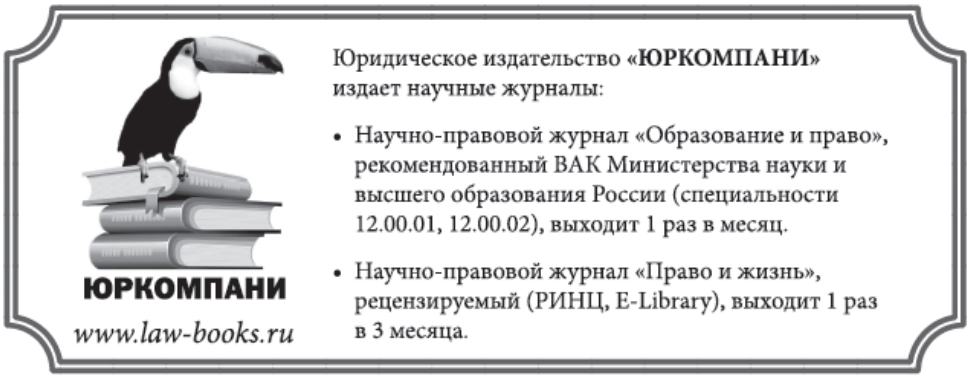
[11] Zorkin, V. D. Law and Economics: Constitutional Guidelines for Development/V. D. Zorkin// Journal of Russian Law. — 2023. - T. 27, NO. 1. - S. 5-18.

[12] Kichik, K.V. State and Municipal Procurement in the Public Administration System/K.V. Kichik//Law and Economics. — 2024. — № 3. - S. 148-163.

[13] Sklyarova, Yu. A. Competition and development of electronic trading in the economy of the Russian Federation (on the example of small business)/Yu. A. Sklyarova, A. Ya. Anoshina, A. S. Cherny//Horizons of the economy. — 2023. — № 6. - S. 22-28.

[14] Shatskaya, I. I. Regulatory regulation of the public procurement system/I. I. Shatskaya, L. M. Malyoshina//Agrarian and land law. — 2025. — № 5. - S. 183-186. — DOI: 10.47643/1815-1329_2025_5_183.

[15] Directive 2014/24/EU of the European Parliament and of the Council of 26 February 2014 on public procurement // Official Journal of the European Union. — L 94. — 28.03.2014. — P. 65–242.

Дата поступления рукописи в редакцию: 07.04.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-4-231-234
Дата принятия рукописи в печать: 03.05.2026 г.

ТАРАСОВА Евгения Александровна,
студент Юго-Западного государственного университета,
e-mail: evgeniatilinina08@icloud.com

БУКАЛОВА Мария Андреевна,
студент Юго-Западного государственного университета,
e-mail: masiabukalova@yandex.ru

ГАЙДАРЖИ Владислав Артёмович,
студент Юго-Западного государственного университета,
e-mail: gaidarzhivladislaw@yandex.ru

КАВЕРИН Кирилл Романович,
студент Юго-Западного государственного университета,
e-mail: kaverinkirill22@gmail.com

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОБРАЩЕНИЯ С ОТХОДАМИ ПРОИЗВОДСТВА И ПОТРЕБЛЕНИЯ: СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ

Аннотация. *Статья посвящена исследованию правового регулирования обращения с отходами производства и потребления в условиях усложнения экологических рисков и перехода к модели устойчивого развития. Рассматриваются ключевые элементы правового механизма регулирования обращения с отходами, анализируются основные проблемы правоприменительной практики, включая неопределённость терминологии, недостаточную эффективность системы раздельного сбора и переработки, а также коллизии компетенции органов публичной власти. Особое внимание уделяется современным тенденциям развития законодательства, связанным с внедрением принципов экономики замкнутого цикла, расширенной ответственности производителя и цифровизации экологического контроля.*

Ключевые слова: *отходы производства и потребления, экологическое право, расширенная ответственность производителя, переработка отходов.*

TARASOVA Evgenia Alexandrovna,
student at Southwestern State University

BUKALOVA Maria Andreevna,
student at Southwestern State University

GAIDARZHI Vladislav Artyomovich,
student at Southwestern State University

KAVERIN Kirill Romanovich,
student at Southwestern State University

LEGAL REGULATION OF PRODUCTION AND CONSUMPTION WASTE MANAGEMENT: MODERN PROBLEMS AND DEVELOPMENT TRENDS

Annotation. *The article is devoted to the study of legal regulation of production and consumption waste management in the context of increasing environmental risks and the transition to a sustainable development model. Key elements of the legal mechanism for regulating waste management are considered, the main problems of law enforcement practice are analyzed, including the*

uncertainty of terminology, the insufficient effectiveness of the system of separate collection and processing, as well as conflicts of competence of public authorities. Particular attention is paid to modern trends in the development of legislation related to the introduction of the principles of a closed cycle economy, extended producer responsibility and digitalization of environmental control.

Key words*: production and consumption waste, environmental law, extended producer responsibility, waste processing.*

Проблема обращения с отходами производства и потребления в последние десятилетия приобрела глобальный характер, что обусловлено ростом объёмов промышленного производства, ускорением процессов урбанизации и увеличением потребления товаров краткосрочного использования.

Правовое регулирование в области обращения с отходами имеет целью предотвращение вредного воздействия отходов производства и потребления на здоровье человека и окружающую природную среду [1, с. 46]. Важно отметить, что благоприятная окружающая среда является необходимым условием существования человека. Из всех существенных факторов, напрямую влияющих на его жизнь и здоровье, фактор окружающей среды будет, пожалуй, наиболее важным, поскольку обусловливает выживание человека как биологического вида [2, с. 103]. Состояние окружающей среды на территории России определяется высокой техногенной нагрузкой, долговременным и непрерывным негативным воздействием на природные комплексы, в том числе в результате образования и накопления отходов производства и потребления.

В юридической науке отходы производства и потребления рассматриваются как особый объект правового регулирования, обладающий двойственной природой. С одной стороны, отходы представляют собой источник повышенной экологической опасности, требующий установления строгих правил их сбора, транспортирования, обработки, утилизации и захоронения. С другой стороны, в условиях развития технологий переработки отходы всё чаще рассматриваются как вторичный ресурс, способный вовлекаться в хозяйственный оборот [3, с. 38-39]. Данная трансформация восприятия отходов от «вредного остатка» к «ценному сырью» обусловливает необходимость пересмотра традиционных правовых подходов и формирования новых регуляторных механизмов, ориентированных на минимизацию образования отходов и их повторное использование.

Современная система правового регулирования обращения с отходами основывается на ряде принципов, закреплённых в экологическом законодательстве, среди которых особое значение имеют принцип предотвращения образования отходов, принцип приоритета их переработки перед захоронением, а также принцип ответственности причинителя вреда окружающей среде [4, с. 139-140]. Однако анализ правоприменительной практики показывает, что реализация данных принципов сталкивается с рядом серьёзных проблем, связанных как с несовершенством нормативной базы, так и с институциональными ограничениями.

Одной из ключевых проблем является неопределённость и сложность понятийного аппарата, используемого в законодательстве об отходах. Несмотря на наличие легальных дефиниций, содержащихся в профильных нормативных актах, на практике возникают сложности в разграничении понятий «отход», «вторичный ресурс», «побочный продукт», что имеет существенное значение для выбора правового режима обращения с соответствующими веществами и материалами. Нечёткость терминологии приводит к неоднозначности правоприменения и создаёт предпосылки для злоупотреблений со стороны хозяйствующих субъектов, стремящихся минимизировать свои экологические обязанности [5, с. 251-252].

Существенные трудности вызывает и распределение полномочий между различными уровнями публичной власти в сфере обращения с отходами. В условиях многоуровневой системы государственного управления вопросы организации сбора, транспортирования и утилизации отходов находятся в совместном ведении федерации, регионов и муниципальных образований. Отсутствие чёткого разграничения компетенции и достаточных финансовых ресурсов на местном уровне приводит к тому, что органы местного самоуправления не всегда способны обеспечить надлежащее функционирование системы обращения с отходами, что в конечном итоге отражается на экологической обстановке.

Особое место в системе правового регулирования занимает институт расширенной ответственности производителя, предполагающий возложение на производителей и импортеров товаров обязанности по обеспечению утилизации образующихся после их использования отходов. Данный механизм направлен на стимулирование разработки более экологичных товаров и упаковки, а также на перераспределение финансовой нагрузки с государства на бизнес. Вместе с тем практика реализации расширенной ответственности производителя показывает наличие ряда проблем, связанных с недостаточной про-

зрачностью расчёта нормативов утилизации, сложностью контроля за их выполнением и ограниченным развитием инфраструктуры переработки [6, с. 227-228].

Наряду с этим в последние годы в правовом регулировании обращения с отходами прослеживается тенденция к внедрению принципов экономики замкнутого цикла, предполагающей максимальное вовлечение отходов во вторичный оборот и сокращение объёмов их захоронения. Данная концепция находит отражение как в стратегических документах, так и в изменениях отраслевого законодательства, направленных на стимулирование раздельного сбора отходов, развитие перерабатывающей промышленности и внедрение экологически безопасных технологий. Вместе с тем реализация этих целей требует не только совершенствования нормативной базы, но и формирования соответствующей инфраструктуры, а также изменения экологического сознания населения [7, с. 495-496]. Например, внедрение практики раздельного сбора мусора, безусловно, во многом зависит от сознательности и гражданской позиции населения страны [8, с. 23].

Серьёзным вызовом для правового регулирования остаётся проблема нелегального размещения отходов и образования несанкционированных свалок. Несмотря на ужесточение административной и уголовной ответственности за нарушение правил обращения с отходами, данные правонарушения продолжают носить массовый характер. Это свидетельствует о необходимости совершенствования механизмов государственного экологического контроля, включая использование цифровых технологий, систем спутникового мониторинга и автоматизированного учёта движения отходов.

В качестве одной из современных тенденций развития законодательства можно выделить постепенную цифровизацию процессов в сфере обращения с отходами. Создание государственных информационных систем, позволяющих отслеживать образование, перемещение и утилизацию отходов, направлено на повышение прозрачности отрасли и снижение коррупционных рисков. В долгосрочной перспективе такие системы могут стать основой для формирования полноценной цифровой модели управления отходами, обеспечивающей оперативное принятие управленческих решений и эффективный контроль за соблюдением экологических требований.

Таким образом, правовое регулирование обращения с отходами производства и потребления находится в стадии активной трансформации, обусловленной как внутренними экологическими проблемами, так и международными тенденциями развития экологической политики. Современное законодательство постепенно смещает акцент с ликвидации последствий образования отходов на предотвращение их возникновения и вовлечение во вторичный оборот. Однако достижение этих целей возможно лишь при условии устранения существующих пробелов и коллизий в праве, укрепления институциональной базы и повышения эффективности механизмов государственного контроля.

В целом можно констатировать, что дальнейшее развитие правового регулирования обращения с отходами должно быть ориентировано на формирование комплексной и согласованной системы норм, обеспечивающей баланс между экономическими интересами хозяйствующих субъектов и необходимостью охраны окружающей среды. Внедрение принципов экономики замкнутого цикла, совершенствование института расширенной ответственности производителя и развитие цифровых инструментов экологического управления представляются ключевыми направлениями эволюции экологического законодательства в данной сфере.

Список литературы:

[1] Антонова, Т. Л. Правовое регулирование обращения с отходами производства и потребления в России: состояние и перспективы / Т. Л. Антонова // Молодой ученый. – 2019. – № 32 (270). – С. 45-49.

[2] Воронцова, Е. В. Благоприятная окружающая среда и право на охрану здоровья: вопросы соотношения в контексте определения приоритета эколого-правовой охраны / Е. В. Воронцова // Актуальные вопросы обеспечения прав и свобод человека и гражданина: региональное измерение: Материалы II Всероссийской научно-практической конференции, Хабаровск, 13 сентября 2017 года. – Хабаровск: Дальневосточный институт управления, 2017. – С. 103-105.

[3] Ильменева, В. А. Правовой режим веществ: отходы производства и потребления, побочный продукт производства, вторичное сырье, вторичные ресурсы / В. А. Ильменева // Юридические исследования. – 2025. – № 5. – С. 36-49.

[4] Рыженков, А. Я. Принципы обращения с отходами: проблемы и пути решения / А. Я. Рыженков // Гуманитарные и юридические исследования. – 2017. – № 4. – С. 138-144.

[5] Жадауова, Ж. А. К некоторым вопросам совершенствования законодательства в сфере обращения с отходами производства и потребления / Ж. А. Жадауова, О. С. Карахожаев // Вестник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан. – 2024. – № 3 (78). – С. 247-256.

[6] Овсянникова Д. К. Проблемы внедрения системы расширенной ответственности производителей в государственной политике в сфере обращения с отходами / Д. К. Овсянникова // Вестник Академии знаний. – 2019. – № 6 (35). – С. 226-229.

[7] Огрина, В. В. Проблемы и перспективы обращения с отходами в России / В. В. Огрина, З. Х. Сабитова, С. М. Сагитов // Вестник науки. – 2025. – № 6 (87). – С. 492-503.

[8] Воронцова, Е. В. Перспективы внедрения раздельного сбора отходов в свете изменений законодательства, определяющих новое регулирование в области обращения с твердыми коммунальными отходами / Е. В. Воронцова, Д. Е. Снегирева, П. Е. Снегирева // Актуальные проблемы экологической безопасности: опыт, проблемы, пути решения : сборник материалов международной научно-практической конференции, Курск, 06 декабря 2017 года. – Курск: Региональный открытый социальный институт, 2017. – С. 22-30.

References:

[1] Antonova, T. L. Legal regulation of production and consumption waste management in Russia: state and prospects/T. L. Antonova//Young scientist. – 2019. – № 32 (270). - S. 45-49.

[2] Vorontsova, E. V. Favorable environment and the right to health protection: correlation issues in the context of determining the priority of environmental protection/E. V. Vorontsova//Topical issues of ensuring human and civil rights and freedoms: regional dimension: Materials of the II All-Russian Scientific and Practical Conference, Khabarovsk, September 13, 2017. - Khabarovsk: Far Eastern Institute of Management, 2017. - S. 103-105.

[3] Ilmeneva, V. A. Legal regime of substances: production and consumption waste, by-product of production, secondary raw materials, secondary resources/V. A. Ilmeneva//Legal research. – 2025. – № 5. - S. 36-49.

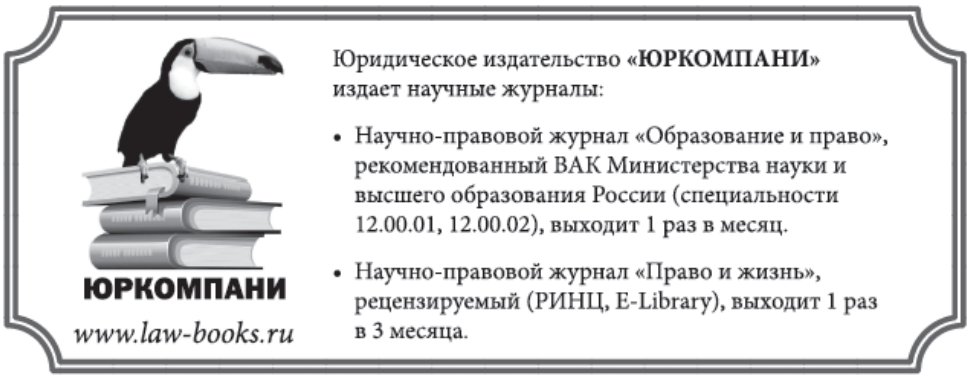
[4] Ryzhenkov, A. Ya. Principles of waste management: problems and solutions/A. Ya. Ryzhenkov// Humanitarian and legal research. – 2017. – № 4. - S. 138-144.

[5] Zhadauova, Zh. A. On some issues of improving legislation in the field of production and consumption waste management/Zh. A. Zhadauova, O. S. Karahozhaev//Bulletin of the Institute of Legislation and Legal Information of the Republic of Kazakhstan. – 2024. – № 3 (78). - S. 247-256.

[6] Ovsyannikova D.K. Problems of introducing a system of extended producer responsibility in state policy in the field of waste management/D.K. Ovsyannikova//Bulletin of the Academy of Knowledge. – 2019. – № 6 (35). - S. 226-229.

[7] Ogrina, V.V. Problems and prospects for waste management in Russia/V.V. Ogrina, Z. Kh. Sabitova, S.M. Sagitov//Bulletin of Science. – 2025. – № 6 (87). - S. 492-503.

[8] Vorontsova, E. V. Prospects for the introduction of separate waste collection in the light of changes in legislation defining new regulation in the field of solid municipal waste management/E. V. Vorontsova, D. E. Snegireva, P. E. Snegireva//Actual problems of environmental safety: experience, problems, solutions: collection of materials of the international scientific and practical conference, Kursk, December 06, 2017. - Kursk: Regional Open Social Institute, 2017. - S. 22-30.

Дата поступления рукописи в редакцию: 10.04.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-4-235-248
Дата принятия рукописи в печать: 03.05.2026 г.

ГРИЦУК Александр Андреевич,
аспирант юридического факультета,
ORCID ID 0009-0004-8911-6102,
Researcher ID: POU-7013-2026, SPIN: 2709-9547,
Author ID: 1282833, Россия, г. Москва,
e-mail: gritsalekc@yandex.ru

БЛОКЧЕЙН-ТЕХНОЛОГИИ И ЗАЩИТА ЦИФРОВЫХ ПРАВ: ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ИСКОВОЙ ДАВНОСТИ

Аннотация. *Выявлены фундаментальные противоречия между неизменяемой технологической архитектурой блокчейна и традиционными цивилистическими механизмами защиты нарушенных прав, в частности невозможностью классической виндикации виртуального имущества. Это обусловлено тем, что децентрализованный характер блокчейна исключает наличие единого центра управления, способного принудительно вернуть активы, а неизменяемость записей не позволяет «отменить» совершённую транзакцию. Установлено, что специфика исчисления сроков давности порождает неустранимый правовой конфликт между транспарентностью публичных распределенных реестров и объективной сложностью идентификации надлежащего ответчика из-за псевдоанонимности криптокошельков. При этом даже доступ к данным блокчейна не гарантирует установления личности владельца кошелька, что создаёт дополнительные препятствия для реализации процессуальных прав потерпевших. Проанализирована эволюция отечественной правоприменительной практики, включая Постановление Конституционного Суда Российской Федерации № 2-П от 20 января 2026 года, окончательно устранившее дискриминационные фискальные барьеры для судебной защиты владельцев цифровых валют. На основе системного анализа передового опыта Великобритании (законодательное признание криптовалюты самостоятельной третьей категорией имущества), Японии и Швейцарии обоснована острая необходимость комплексной адаптации процессуальных норм. Сформулированы новаторские доктринальные подходы: предложено легальное закрепление стандарта «цифровой осмотрительности» участников децентрализованного оборота для точного определения момента начала течения сроков, а также расширение перечня оснований приостановления течения исковой давности на весь период проведения специализированных технологических следственных мероприятий и блокчейн-форензики. Внедрение предложенных механизмов устранит текущую фрагментарность законодательства и повысит уровень правовой определенности при защите цифровых прав инвесторов.*

Ключевые слова: *исковая давность, цифровые активы, криптовалюта, гражданское право, цифровизация, защиты цифровых прав, блокчейн-форензики, псевдоанонимность криптокошельков.*

GRITSUK Aleksander Andreevich,
Postgraduate student of the Faculty of Law,
Russia, Moscow

BLOCKCHAIN TECHNOLOGY AND PROTECTION OF DIGITAL RIGHTS: LEGAL ASPECTS OF LEGAL PERIOD

Annotation. *The article identifies fundamental contradictions between the immutable technological architecture of the blockchain and traditional civil law mechanisms for protecting violated rights, particularly the impossibility of classical vindication of virtual property. This is because the decentralized nature of the blockchain eliminates the need for a single point of control that can force the return of assets, and the immutability of records prevents the "undoing" of a completed transaction. It is established that the specific nature of the statute of limitations creates an irreconcilable legal conflict between the transparency of public distributed registries and the objective difficulty of identifying the appropriate defendant due to the pseudo-anonymity of cryptocurrency wallets. However, even access to blockchain data does not guarantee the identification of the wallet owner, which*

creates additional obstacles to the implementation of the victims' procedural rights. The evolution of domestic law enforcement practice has been analyzed, including the Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 2-P dated January 20, 2026, which finally eliminated discriminatory fiscal barriers for the judicial protection of digital currency holders. Based on a systematic analysis of the best practices of the United Kingdom (legislative recognition of cryptocurrency as an independent third category of property), Japan, and Switzerland, the article argues for the urgent need for comprehensive adaptation of procedural norms. Innovative doctrinal approaches have been formulated: the legal consolidation of the "digital due diligence" standard for participants in decentralized circulation has been proposed to accurately determine the moment when the period begins, as well as to expand the list of grounds for suspending.

Key words: *Statute of limitations, digital assets, cryptocurrency, civil law, digitalization, protection of digital rights, blockchain forensics, and pseudo-anonymity of crypto wallets.*

Введение

Динамичное развитие цифровых технологий и появление новых форм имущественных прав порождают необходимость совершенствования правового регулирования института исковой давности. Особую актуальность приобретает вопрос применения сроков исковой давности к цифровым активам и криптовалютам как новым объектам гражданских прав. Переход глобальной экономики к парадигме Web3, массовое внедрение смарт-контрактов и технологий распределенного реестра (DLT) привели к формированию параллельной финансовой реальности, функционирующей зачастую вне юрисдикционного контроля классических государственных институтов.

В этих условиях классическая цивилистика сталкивается с беспрецедентными вызовами, требующими не просто косметической корректировки нормативной базы, но переосмысления самых фундаментальных правовых категорий. Институт исковой давности, исторически сформировавшийся для обеспечения стабильности гражданского оборота и стимулирования добросовестных участников к своевременной защите своих интересов, в цифровую эпоху демонстрирует серьезные функциональные сбои. Применение жестких временных рамок к правоотношениям, субъекты которых скрыты за криптографическими хэшами, а объекты не имеют материального субстрата, требует ювелирной доктринальной работы.

Правовое регулирование цифровых активов в Российской Федерации прошло сложный путь от полного непризнания и настороженности до попыток комплексной интеграции в легальное поле. Принятие профильного законодательства и формирование знаковой практики высших судебных инстанций открыли новую главу в защите прав криптоинвесторов. Тем не менее, правоприменительная практика продолжает сталкиваться с неразрешимыми противоречиями при определении момента, когда лицо узнало о нарушении своего права, и, что более критично, о личности надлежащего ответчика.

Теоретические основы правового регулирования цифровых активов

Цифровые активы представляют собой новый класс имущественных прав, реализуемых посредством цифровых технологий. На сегодняшний день подходы к их регулированию требуют детального анализа. В российском законодательстве они регулируются Федеральным законом «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (Закон № 259-ФЗ) [7].

Принятие данного акта заложило фундамент для легального оборота цифровых сущностей, разделив их на две базовые категории: цифровые финансовые активы (ЦФА), удостоверяющие обязательственные и иные права, и цифровую валюту, которая не имеет обязанного лица, но признается средством платежа или инвестиций. Как отмечается в юридической доктрине, ЦФА не являются бездокументарными ценными бумагами в классическом понимании российского права, поскольку их учет осуществляется исключительно оператором информационной системы, в которой они выпущены [8].

Криптовалюты и токены являются специфическими объектами гражданских прав, обладающими уникальными характеристиками, которые делают их интеграцию в правовое поле крайне затруднительной:

– Децентрализованность блокчейн-сетей означает полное отсутствие единого администратора или эмиссионного центра, способного заблокировать транзакцию, откатить изменения или принудительно исполнить решение суда. Право собственности здесь базируется в государственном реестре, на математическом консенсусе узлов сети.
– Анонимность (псевдоанонимность) выступает еще одним критическим фактором: субъекты правоотношений идентифицируются исключительно посредством публичных адресов (хэшей), доступ к ним контролируется закрытыми ключами.

– Технологическая основа в виде распределенного реестра гарантирует необратимость (иммутабельность) транзакций. Упомянутое делает традиционные механизмы двусторонней реституции технически невыполнимыми без добровольного участия ответчика.
– Виртуальная форма существования исключает возможность применения к данным объектам режима вещных прав в их традиционном понимании, вынуждая исследователей и законодателей искать новые теоретические конструкции, например, квалифицировать цифровую валюту как «иное имущество» в контексте статьи 128 Гражданского кодекса Российской Федерации [9].

Формирование системы правового регулирования оборота криптовалют требует создания уникальной архитектуры, сочетающей строгий надзор регуляторов и гибкость технологических решений. В научных публикациях подчеркивается необходимость запуска специальных экспериментальных правовых режимов (ЭПР) и введения института лицензирования деятельности по организации торгов криптовалютой [10].

Ответом на эти доктринальные призывы стало принятие в 2024 году Федеральных законов № 221-ФЗ и № 223-ФЗ. Первый из них установил жесткие требования к майнинговой деятельности, обязав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей регистрироваться в специальных реестрах, а также легализовал оборот иностранных цифровых прав. Второй закон создал долгожданный экспериментальный правовой режим для использования криптовалют в трансграничных расчетах и биржевых торгах на базе Национальной платежной системы [11].

Эти масштабные новеллы свидетельствуют о том, что государство окончательно признало экономическую ценность цифровых активов, однако вопросы гражданско-правовой защиты, и в первую очередь сроки исковой давности, остались за рамками данных законов, перейдя в компетенцию судов и доктрины.

Особенности исчисления сроков исковой давности

Применительно к цифровым активам в современной цивилистике возникают сложнейшие особенности исчисления сроков исковой давности, которые обусловлены как спецификой правовой природы самих объектов, так и уникальной технологической архитектурой их обращения. Традиционные институты гражданского права, формировавшиеся на протяжении столетий для регулирования оборота материальных вещей, сталкиваются с серьезными функциональными препятствиями в виртуальной децентрализованной среде.

Фундаментальной основой для определения временных рамок защиты нарушенного права выступает статья 200 Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ). Согласно общему правилу, заложенному в данной норме, течение срока исковой давности начинается со дня, когда лицо узнало или должно было узнать о нарушении своего права, а также о том, кто именно является надлежащим ответчиком по иску о защите этого права [12]. Законодательная формулировка «должно было узнать» подразумевает применение презумпции нормальной правоспособности: предполагается, что лицо при обычном, разумном стечении обстоятельств и проявлении должной степени осмотрительности могло своевременно констатировать факт нарушения [13].

Однако в цифровой среде данная презумпция работает принципиально иначе, превращая определение момента начала течения срока в сложнейшую юридическую задачу.

Определение момента начала течения срока представляет собой уравнение с множеством неизвестных. С одной стороны, технологическая природа распределенных реестров обеспечивает беспрецедентный уровень транспарентности. Прозрачность публичных блокчейн-сетей (таких как архитектура Bitcoin или Ethereum) позволяет абсолютно любому пользователю сети практически мгновенно зафиксировать факт несанкционированного списания средств. Вся информация в обозревателе блоков (block explorer) является открытой и иммутабельной Вся информация в обозревателе блоков (block explorer) является открытой и иммутабельной. Следовательно, истец фактически узнает о нарушении своего имущественного права (будь то следствие ошибочного перевода, программного сбоя или целенаправленного хакерского взлома) ровно в момент подтверждения транзакции узлами сети.

Однако вторая часть диспозиции статьи 200 ГК РФ — обязательное знание о надлежащем ответчике — становится на практике непреодолимым правовым барьером. Псевдоанонимность криптокошельков приводит к ситуации, при которой потерпевший визуально фиксирует лишь набор букв и цифр (криптографический хэш), на который безвозвратно ушли его активы, но объективно не имеет технических и правовых инструментов для идентификации за этим адресом конкретного физического или юридического лица. В российской правовой доктрине это означает, что течение срока исковой давности может быть отложено на неопределенный срок [14]. Часы исковой давности остаются «замороженными»

вплоть до того момента, пока правоохранительные органы в рамках уголовного процесса или частные аналитические компании не смогут провести успешную деанонимизацию адреса злоумышленника.

Особую категорию сложности представляет установление факта нарушения права в правоотношениях, которые опосредованы смарт-контрактами. Если стороны сделки заложили условия исполнения обязательства в программный код, то алгоритм, размещенный в блокчейне, исполняется автоматически при наступлении заданных условий, не требуя дополнительного волеизъявления сторон.

Перед правоприменителем неизбежно возникает комплекс вопросов: если смарт-контракт содержал программную уязвимость, которой воспользовался хакер, или если алгоритм изначально был написан с мошенническим намерением обмануть пользователя (scam-проекты), в какой именно момент начинается течение срока исковой давности?

Является ли правонарушением сам факт размещения такого дефектного контракта в публичной сети, или срок начинает течь исключительно после фактической потери инвестором своих активов?

В мировой практике начинают активно обсуждаться новаторские концепции, согласно которым разработчики децентрализованных протоколов несут фидуциарные обязанности перед конечными пользователями. Из этого следует, что наличие скрытых уязвимостей в программном коде может рассматриваться судами как длящееся нарушение, что в корне меняет подход к исчислению давности [15].

Доказательственная база при определении сроков исковой давности в спорах о виртуальном имуществе всецело опирается на цифровые следы. Более того, при регрессных обязательствах или спорах, связанных с переменой лиц в обязательствах (согласно статье 201 ГК РФ), именно цифровой след транзакции в блокчейне зачастую является единственным объективным и неоспоримым доказательством того, когда именно произошел фактический переход прав [16].

В контексте исследования статьи 202 ГК РФ, устанавливающей исчерпывающий перечень оснований для приостановления течения срока исковой давности, возникает закономерный вопрос о применении категории непреодолимой силы. Может ли масштабная кибератака на инфраструктуру протокола (хакерский взлом) квалифицироваться как обстоятельство непреодолимой силы, приостанавливающее течение давности для индивидуальных розничных инвесторов?

На сегодняшний день отечественная судебная практика исходит из достаточно консервативной позиции: подобные технологические риски в подавляющем большинстве случаев относятся к обычным предпринимательским или инвестиционным рискам участника оборота в цифровой среде.

Наконец, специфика принудительного исполнения судебных актов накладывает неизгладимый отпечаток на процессуальные подходы. Если срок исковой давности истек, должник вправе заявить об этом в суде, и в иске будет закономерно отказано. Но даже в ситуации безупречного соблюдения истцом всех процессуальных сроков, принудительное изъятие цифрового актива судебными приставами технически и юридически невозможно без добровольного предоставления должником закрытого приватного ключа. Вследствие этого исковые требования еще на этапе подачи иска зачастую вынужденно трансформируются из вещно-правовых (истребование конкретных токенов) в обязательственные (возмещение убытков в фиатном эквиваленте), что, в свою очередь, кардинально меняет вектор исчисления начала течения сроков защиты нарушенного права.

Проблемы защиты прав владельцев цифровых активов

Судебная защита прав владельцев цифровых активов имеет ряд специфических особенностей, которые делают классический состязательный процесс в суде крайне ресурсоемким, технологически сложным и непредсказуемым. Отсутствие материального выражения у криптовалют выводит на первый план технологические аспекты юриспруденции. Поскольку принятие профильного законодательства не привело к созданию полноценной и исчерпывающей системы правового регулирования обращения цифровых валют, а его положения носят фрагментарный характер [17], традиционные механизмы защиты прав собственности сталкиваются с серьезными барьерами.

Первым и зачастую самым сложным процессуальным барьером в делах о хищении виртуального имущества выступает необходимость доказывания истцом самого факта изначального обладания цифровым активом. Поскольку криптовалюта, в отличие от традиционных активов (например, объектов недвижимости или долей в уставном капитале корпораций), не подлежит обязательной государственной регистрации прав, истец объективно лишен возможности представить суду привычную правоустанавливающую выписку из государственного реестра.

С технологической точки зрения единственным абсолютным подтверждением права соб-

ственности в децентрализованной сети (блокчейне) является контроль над закрытым приватным ключом и уникальной сид-фразой. Однако прямое раскрытие приватного ключа суду или приобщение его к материалам гражданского дела означает полную и безвозвратную компрометацию криптовалютного кошелька. На практике российским судам приходится анализировать сложный комплекс косвенных доказательств. К их числу относятся: лог-файлы криптовалютных бирж с подтверждением прохождения процедуры KYC (Know Your Customer), подробная история банковских транзакций (в частности, P2P-переводы с банковских карт для покупки стейблкоинов), нотариально заверенная переписка сторон в мессенджерах, а также свидетельские показания, подтверждающие принадлежность конкретного публичного адреса (хэша) истцу.

Установление личности владельца кошелька (как истца, так и надлежащего ответчика) неразрывно связано с технической архитектурой блокчейна. Если похищенные или ошибочно переведенные активы были направлены злоумышленником на децентрализованную биржу (DEX) или пропущены через криптовалютный миксер (специализированный смарт-контракт для преднамеренной анонимизации транзакций), цепочка отслеживания фактически обрывается.

В передовой западной практике суды, сталкиваясь с невозможностью деанонимизации, начали активно применять новаторские процессуальные инструменты. В частности, суды Великобритании признают юрисдикцию по месту жительства истца, пострадавшего от кражи, и выдают судебные приказы (в том числе о заморозке активов), направленные к так называемым «лицам неизвестным» [18].

В российском же процессуальном праве подача гражданского иска к абстрактному «лицу неизвестному» не допускается. Это вынуждает потерпевших инициировать длительные доследственные проверки и уголовные дела. Лишь после того, как следственные органы в рамках уголовного процесса установят личность подозреваемого, потерпевший получает процессуальную возможность заявить гражданский иск. Данная коллизия не только критически удлиняет процедуру восстановления нарушенного права, но и многократно увеличивает риск пропуска сроков исковой давности.

Определение точной рыночной стоимости цифрового актива представляет собой колоссальную проблему при взыскании неосновательного обогащения. Рынок криптовалют подвержен экстремальной ценовой волатильности, что позволяет использовать его инструменты не только как средство платежа, но и как инвестиционный актив, имеющий постоянно меняющуюся денежную оценку [19].

Возникает практическая дилемма: если в момент незаконного списания актив стоил 20 000 долларов США, а к моменту судебного заседания в результате рыночного роста его цена достигла 60 000 долларов, суд должен решить, какую именно сумму надлежит взыскать с ответчика. По общему правилу статьи 15 Гражданского кодекса Российской Федерации лицо, право которого нарушено, может требовать полного возмещения причиненных ему убытков [20]. Если суд взыщет стоимость строго на момент кражи, истец понесет огромные потери в виде упущенной выгоды. Отечественная судебная практика, рассматривая споры о неосновательном обогащении, все чаще склоняется к расчету стоимости актива на дату вынесения судебного решения или даже на дату фактического исполнения обязательства [21].

Однако такой подход создает процессуальные риски: искусственное затягивание судебного разбирательства может оказаться экономически выгодным для одной из сторон.

Особенности принудительного исполнения судебных решений в сфере виртуального имущества зачастую сводят на нет все процессуальные победы истцов. Цифровая валюта находится де-факто вне зоны досягаемости Федеральной службы судебных приставов, если должник отказывается добровольно перевести ее на специальный депозитный счет уполномоченного органа. У приставов-исполнителей объективно отсутствуют технические средства для принудительного «взлома» криптографической защиты распределенного реестра.

В связи с этим эффективная защита прав владельцев цифровых активов на стадии исполнительного производства сводится к классическим методам: розыску традиционного, материального имущества должника (объектов недвижимости, транспортных средств, денежных средств на счетах в банках) и обращению взыскания на него в счет погашения денежного долга (в фиатном эквиваленте), который образовался в результате утраты криптовалюты.

Анализ судебной практики

Актуальные судебные споры демонстрируют сложную, многоэтапную эволюцию подходов российского правосудия к оценке правовой природы цифровых активов. Если на заре появления криптовалют отечественные суды категорически отказывались признавать их объектами гражданских прав, ссылаясь на их так называемый «суррогатный» характер и полное отсутствие легального статуса, то по мере цифровизации

экономики судебная система была вынуждена начать адаптацию к новым реалиям. Тем не менее, как отмечается в доктрине, фрагментарный характер базового Федерального закона № 259-ФЗ, который не создал полноценной системы правового регулирования обращения цифровых валют, привел к серьезным противоречиям в правоприменении [22].

Важным прецедентом, ярко отражающим консервативный подход судебной системы на этапах формирования практики, является Апелляционное определение Московского городского суда от 26.03.2021 по делу № 33-8559/2021 [23].

В рамках данного гражданского спора суд апелляционной инстанции рассматривал требования о взыскании задолженности по договору купли-продажи токенов. Отказывая в удовлетворении иска, суд опирался на императивные нормы законодательства.

В частности, суд пришел к выводу, что заключенный между физическими лицами договор купли-продажи токенов не влечет юридических последствий ввиду нарушения требований законодательства о национальной платежной системе: оператором электронных денежных средств может выступать исключительно кредитная организация, что в сделке между гражданами соблюдено не было.

Кроме того, фундаментальным основанием для отказа послужил вывод суда о том, что предмет договора (токены) не относится к объектам, которые могут выступать предметом гражданско-правовых сделок, а значит, права на виртуальные единицы не подлежат защите в рамках гражданского законодательства. Дополнительным фактором стало отсутствие достаточных доказательств передачи токенов и нарушения прав истца.

Подобная позиция судов фактически выводила колоссальный пласт современных экономических отношений за пределы легального правового поля. Это позволяло недобросовестным участникам гражданского оборота безнаказанно нарушать взятые на себя обязательства. Для института исковой давности такие судебные решения имели парадоксальный эффект: исходя из логики судов, если виртуальный объект не признается правом и не подлежит защите со стороны государства, то срок исковой давности по его защите даже не начинает течь, так как с юридической точки зрения попросту отсутствует предмет иска [24].

Сложность доказывания факта нарушения имущественных прав в спорах о криптовалютах подтверждается десятками рассматриваемых арбитражных дел и споров в судах общей юрисдикции. В ситуациях, напрямую связанных с институтом неосновательного обогащения (статья 1102 Гражданского кодекса Российской Федерации), суды сталкиваются с тяжелейшей процессуальной необходимостью установить, действительно ли конкретный ответчик получил имущество без установленных законом или сделкой оснований [25]. В таких спорах истцу необходимо не только предоставить техническую выписку из распределенного реестра (блокчейн-эксплорера), но и достоверно доказать, что именно ответчик является конечным бенефициаром криптографического адреса-получателя.

Процессуальное бремя порождает неразрешимые проблемы с определением момента начала течения срока исковой давности. В отечественной судебной практике зафиксированы прецеденты, когда течение срока давности связывалось судами не с моментом фактической транзакции в блокчейне (когда средства были списаны), а с моментом вынесения процессуального документа следственными органами. В частности, срок начинал исчисляться с даты вынесения постановления об отказе в возбуждении уголовного дела или иного акта, в котором правоохранительные органы, проведя проверку, наконец-то фиксировали реальную личность (паспортные данные) нарушителя [26]. Обоснование судов строится на том, что до этого момента истец объективно не мог знать, кто именно является надлежащим ответчиком по гражданскому иску, что вынужденно «замораживало» возможность правовой защиты.

Отсутствие единообразной судебной практики вплоть до недавнего времени являлось главной болевой точкой цифровой экономики в России. Наблюдался дуализм судебных подходов. С одной стороны, арбитражные суды достаточно быстро начали применять прогрессивный подход в делах о несостоятельности (банкротстве) физических и юридических лиц, императивно включая виртуальные активы в конкурсную массу и признавая их имущественную ценность. С другой стороны, суды общей юрисдикции в ряде субъектов федерации категорически отказывали в исках о возврате ошибочно переведенных криптовалют (например, биткоинов), продолжая ссылаться на их нематериальную природу и отсутствие в статье 128 ГК РФ прямого упоминания криптовалют до принятия соответствующих поправок.

Отдельного внимания заслуживает практика исчисления сроков исковой давности по длящимся обязательствам и договорам без строго установленного срока возврата (например, договоры доверительного управления криптовалютой или неформальные займы в стейблкоинах). Суды высших инстанций периодически указывают, что срок исполнения обяза-

тельств, не имеющих конкретной даты исполнения, должен исчисляться по общим правилам пункта 2 статьи 314 Гражданского кодекса РФ [27]. Данное императивное правило требует от кредитора (истца) направить должнику формальное требование об исполнении обязательства (возврате токенов), и именно по истечении льготного семидневного срока с момента предъявления такого требования начинает свой отсчет срок исковой давности. В результате судам приходится скрупулезно адаптировать классические цивилистические нормы к перепискам криптоинвесторов в мессенджерах (Telegram, WhatsApp – нарушающих законодательство России), оценивая их как надлежащие юридические требования.

Правовые позиции высших судебных инстанций

Качественный перелом в правоприменительной практике по спорам, связанным с цифровыми активами, произошел благодаря прямому вмешательству высших судебных инстанций, сформировавших обязательные для нижестоящих судов векторы толкования материального и процессуального права. Верховный Суд Российской Федерации в своих определениях последовательно отмечал необходимость соблюдения императивных требований законодательства при оценке виртуального имущества.

В частности, опираясь на императивные положения части 1 статьи 71 Гражданского процессуального кодекса РФ и части 3 статьи 75 Арбитражного процессуального кодекса РФ, высшая судебная инстанция подчеркивает легальный статус электронных доказательств. Суды не вправе уклоняться от рассмотрения споров по существу лишь на том основании, что доказательства факта транзакции представлены в нетрадиционной форме — в виде цифровых выписок из распределенных реестров (блокчейн-эксплореров) или криптографических следов [28].

Дополнительно, рассматривая прецедентное дело о взыскании неосновательного обогащения с продавца криптовалюты (Определение Судебной коллегии по гражданским делам ВС РФ от 02.02.2021 № 44-КГ20-17-К7 [29]), Верховный Суд РФ сформировал важнейший правовой подход. Суд указал, что наличие подтвержденного экономического интереса у ответчика (сделка по продаже криптовалюты) исключает возможность взыскания с него суммы как «неосновательного обогащения», поскольку правовые основания для получения фиатных денежных средств имелись. Верховный Суд акцентировал внимание нижестоящих инстанций на возможности процессуальной переквалификации искового требования в требование о взыскании убытков, что коренным образом меняет порядок доказывания и правила исчисления сроков исковой давности для пострадавшей стороны.

Подлинную революцию в вопросах судебной защиты и, как следствие, в сфере применения института исковой давности к цифровым правам произвело историческое Постановление Конституционного Суда Российской Федерации (КС РФ) от 20 января 2026 года № 2-П по делу гражданина Д.И. Тимченко. В основу конституционного разбирательства легла жалоба гражданина, который в апреле 2023 года приобрел 1000 единиц стейблкоинов (USDT) и передал их по договору управления третьему лицу, однако контрагент свои обязательства по возврату средств не исполнил. Истец обратился в суд общей юрисдикции с исковым заявлением о взыскании неосновательного обогащения и виндикации имущества. Однако суды всех инстанций, вплоть до Верховного Суда РФ, отказали в удовлетворении исковых требований, сославшись на императивные положения части 6 статьи 14 Федерального закона № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Оспариваемая норма устанавливала, что требования лиц, связанные с обладанием цифровой валютой, подлежат судебной защите исключительно при условии предварительного информирования ими налоговых органов о фактах обладания активом и совершения соответствующих сделок [30].

Поскольку истец не задекларировал свои цифровые активы, суды формально лишили его права на гражданско-правовую защиту.

Конституционный Суд РФ встал на защиту имущественных прав заявителя и признал оспариваемую норму неконституционной в той мере, в какой она допускала произвольный и безальтернативный отказ в правосудии [31].

Суд сформулировал три фундаментальные правовые позиции. Во-первых, Конституционный Суд однозначно подтвердил, что цифровая валюта обладает самостоятельным имущественным содержанием и выступает полноценным объектом гражданских прав. Во-вторых, было указано, что произвольный отказ в судебной защите владельцам виртуальных активов исключительно из-за несоблюдения налоговых формальностей грубо нарушает конституционные права граждан и крайне негативно влияет на стабильность всего гражданского оборота. Суд провел четкое доктринальное разграничение: частноправовая защита нарушенного интереса не может ставиться в абсолютную зависимость от публично-правовой (фискальной) ответственности. В-третьих, Суд постановил, что впредь до внесения соответствующих изменений в законо-

дательство суды не вправе отказывать в защите прав владельцев криптовалюты, если последние докажут законность ее приобретения и использования в гражданском обороте.

Влияние данного исторического Постановления на институт исковой давности переоценить невозможно. В период действия прежней правоприменительной практики недобросовестные ответчики могли даже не заявлять суду ходатайство о пропуске истцом срока исковой давности, достоверно зная, что исковое заявление в любом случае будет отклонено по формальному признаку отсутствия у истца налоговой декларации. Теперь же, когда суды обязаны рассматривать криптовалютные споры по существу, механизм исковой давности начинает функционировать в полную силу. В новой правовой реальности судам предстоит скрупулезно устанавливать точные моменты передачи токенов, анализировать факты прерывания сроков исковой давности посредством обмена электронными сообщениями (например, в мессенджерах), а также исчислять сроки давности по спорам о возврате цифровых активов из чужого незаконного владения строго в рамках стандартных трехлетних периодов.

Практические проблемы применения исковой давности

Переход отечественной правоприменительной практики от стадии категорического непризнания криптовалют к стадии активного судебного разбирательства, закрепленный решениями высших судебных инстанций, вскрыл ряд сложнейших практических проблем. Решение Конституционного Суда РФ открыло процессуальные шлюзы для защиты прав криптоинвесторов, однако непосредственное применение механизма исковой давности на практике сталкивается с серьезными технологическими барьерами, требующими глубокой адаптации классической цивилистической доктрины.

Фундаментальной проблемой выступает установление момента, с которого начинается течение срока исковой давности. Согласно пункту 1 статьи 200 Гражданского кодекса Российской Федерации, течение срока начинается со дня, когда лицо узнало или должно было узнать о нарушении своего права и о том, кто является надлежащим ответчиком [32]. В контексте правоотношений, опосредованных смарт-контрактами и децентрализованными финансами (DeFi), формулировка «должно было узнать» порождает серьезные правовые коллизии.

Рассмотрим типичную ситуацию: инвестор заблокировал свои токены в пуле ликвидности децентрализованного протокола сроком на один год. Через месяц злоумышленник (хакер) находит уязвимость в программном коде и незаконно выводит все средства из пула. Вся информация о взломе мгновенно отражается в публичном блокчейне. Однако инвестор, не проверяя баланс своего кошелька, субъективно узнает о краже только через год, когда пытается вывести средства. Перед судом встает сложнейший вопрос: с какого момента следует исчислять давность? Учитывая публичный, транспарентный характер распределенного реестра, суды с высокой долей вероятности могут применить стандарт должной коммерческой осмотрительности и исчислять срок с момента подтверждения транзакции взлома сетью, поскольку истец мог и должен был проверить состояние своих активов в обозревателе блоков. Такой подход возлагает на инвесторов беспрецедентное процессуальное бремя постоянного мониторинга своих публичных адресов.

Вторая часть диспозиции статьи 200 ГК РФ — знание о надлежащем ответчике — является самым узким местом в делах о хищении виртуального имущества. В схемах мошенничества с цифровыми активами похищенные средства крайне редко оседают на одном адресе; злоумышленники используют сервисы микширования (криптомиксеры) и цепочки из десятков транзакций («скачков»), чтобы оборвать след.

В результате истец визуально фиксирует факт вывода средств, но объективно не знает, кто именно украл его активы. В Великобритании судебная практика пошла по пути выдачи судебных приказов, направленных к так называемым «лицам неизвестным» (Persons Unknown), что позволяет замораживать активы на инфраструктурных площадках еще до установления личности похитителя [33]. В российской процессуальной доктрине предъявление гражданского иска к абстрактному «лицу неизвестному» недопустимо. Течение срока исковой давности фактически ставится в зависимость от эффективности работы правоохранительных органов: срок начинает исчисляться лишь с момента вынесения процессуального документа в рамках доследственной проверки или уголовного дела, в котором фиксируются паспортные данные конкретного подозреваемого [34].

Специфика цифровых активов заключается в их экстремальной ценовой волатильности, что создает почву для процессуальных манипуляций со сроками исковой давности. Применение института давности по искам о взыскании убытков или неосновательного обогащения неразрывно сопряжено с оценкой стоимости актива.

На практике возникают ситуации, когда потерпевшая сторона намеренно не обращается в суд сразу после кражи, выжидая благоприятной конъюнктуры на крипторынке. По общему правилу статьи 393 ГК РФ возмещение убытков опре-

деляется исходя из цен, существовавших в день добровольного удовлетворения требования или в день вынесения решения суда. Если истец намеренно подает иск спустя два года и одиннадцать месяцев (находясь в пределах трехлетнего срока исковой давности) на фоне колоссального роста курса биткоина, чтобы взыскать убытки по максимальной рыночной цене, у ответчика появляются весомые основания заявить о злоупотреблении правом со стороны истца в порядке статьи 10 ГК РФ [35]. Судам предстоит оценивать, было ли затягивание подачи иска объективно обусловлено сложностью деанонимизации ответчика, или же оно преследовало исключительно спекулятивную цель необоснованного обогащения.

Практические проблемы не заканчиваются даже в том случае, если иск удовлетворен судом, а срок исковой давности не пропущен. Исполнение судебных актов, предписывающих возврат индивидуально-определенных токенов в натуре (как формы неосновательного обогащения), зачастую упирается в технологическую неисполнимость. Поскольку криптовалюта не является материальной вещью, к ней не применяются классические правила виндикации (ст. 301 ГК РФ).

Если должник заявляет об утрате доступа к криптокошельку (потере seed-фразы), Федеральная служба судебных приставов объективно лишена инструментов для принудительного изъятия виртуального имущества. Вследствие этого имущественные требования еще в пределах течения срока исковой давности вынужденно трансформируются истцом из требований о передаче цифровых прав в классические денежные обязательства (взыскание фиатного эквивалента стоимости активов). Это требует оперативной корректировки предмета иска и изменения подходов к доказыванию.

Перспективы развития правового регулирования

Динамичное внедрение цифровых технологий в финансовую сферу диктует необходимость непрерывной модернизации нормативно-правовой базы. Как справедливо отмечается в юридической доктрине, принятие базового Федерального закона № 259-ФЗ стало важнейшим шагом, однако оно не привело к созданию полноценной и исчерпывающей системы правового регулирования обращения цифровых валют; текущие нормы носят фрагментарный характер и не охватывают весь спектр возникающих гражданско-правовых коллизий [36]. В связи с этим перспективы развития законодательства лежат в плоскости перехода от точечного регулирования к созданию комплексной институциональной основы.

Для обеспечения эффективного функционирования и развития рынка цифровых финансовых активов (ЦФА) и криптовалют требуется дальнейшее совершенствование правового поля и его адаптация к внедряемым на практике новым технологическим решениям [37]. Главным вектором развития должно стать устранение терминологических пробелов в Гражданском кодексе РФ. В частности, назрела необходимость закрепления на уровне федерального закона четких критериев разграничения вещно-правовых и обязательственных способов защиты цифровых прав. Поскольку криптовалюта признана «иным имуществом», законодателю предстоит разработать специализированный механизм ее истребования из чужого незаконного владения, который бы учитывал невозможность применения классической виндикации (ст. 301 ГК РФ) ввиду нематериальной природы блокчейн-активов.

Важнейшей вехой в развитии правового регулирования стало принятие в 2024 году Федерального закона № 223-ФЗ, который заложил основы для создания экспериментальных правовых режимов (ЭПР) в сфере цифровых инноваций [38]. Данный механизм («регуляторная песочница») позволяет апробировать использование криптовалют в трансграничных расчетах и биржевых торгах под контролем Банка России, временно выводя участников из-под действия жестких законодательных ограничений.

Для института исковой давности внедрение ЭПР имеет колоссальное прикладное значение. Именно в рамках «регуляторных песочниц» суды и контролирующие органы смогут наработать первичную практику по стандартизации электронных доказательств. Ожидается, что в рамках ЭПР будут выработаны единые алгоритмы деанонимизации криптовалютных транзакций и регламенты взаимодействия с операторами обмена цифровых финансовых активов, что в будущем позволит значительно ускорить процесс установления надлежащего ответчика и, соответственно, упорядочить исчисление сроков давности по статье 200 ГК РФ.

Специфика децентрализованных сетей требует точечной корректировки Главы 12 Гражданского кодекса РФ («Исковая давность»). В академической среде активно обсуждается необходимость введения специальной презумпции «цифровой осмотрительности». Суть новеллы должна заключаться в том, чтобы законодательно приравнять момент фиксации транзакции в публичном, немодифицируемом распределенном реестре к моменту, когда потерпевшее лицо объективно «должно было узнать» о нарушении своего имущественного права.

Кроме того, целесообразно рассмотреть вопрос о законодательном расширении перечня

оснований для приостановления течения срока исковой давности (статья 202 ГК РФ). Учитывая технические сложности идентификации конечных бенефициаров криптокошельков, доктрина предлагает приостанавливать течение срока исковой давности по гражданским искам на весь период проведения следственных мероприятий (блокчейн-форензики) до момента официального установления личности подозреваемого. Это защитит добросовестных инвесторов от пропуска сроков по не зависящим от них технологическим причинам.

Неотъемлемой частью перспективного регулирования является формирование прозрачной среды добычи виртуального имущества. Принятие Федерального закона № 221-ФЗ, установившего жесткие требования к майнинговой деятельности и обязавшего юридических лиц и индивидуальных предпринимателей регистрироваться в специальных реестрах [39], создает правовой фундамент для легализации цифровых следов.

Государственный контроль над майнинг-пулами и операторами инфраструктуры сужает возможности для анонимного оборота похищенных средств. В перспективе это облегчит истцам бремя доказывания законности происхождения своих цифровых активов в суде (что прямо предписано позицией Конституционного Суда РФ) и упростит процедуру отслеживания движения средств для своевременного предъявления исковых требований.

Международные аспекты регулирования

В силу имманентного трансграничного характера блокчейн-сетей создание эффективного локального крипторегулирования исключительно в рамках одной юрисдикции не способно в полной мере защитить права криптоинвесторов. Как справедливо отмечается в современных исследованиях, для преодоления правового вакуума требуется изучение передового иностранного опыта и постепенное формирование наднациональной нормативно-правовой системы [40]. Анализ подходов зарубежных стран демонстрирует различные модели интеграции цифровых активов в гражданский оборот, что напрямую влияет на механизмы применения исковой давности.

Фундаментальный прорыв в регулировании цифровых прав произошел в Великобритании. Британская правовая система долгое время сталкивалась с той же доктринальной проблемой, что и российская: невозможностью отнести криптовалюту ни к «вещам во владении» (choses in possession), ни к «вещам в требовании» (choses in action). Однако в 2025 году был принят исторический закон — Property (Digital Assets etc.) Act 2025, который официально закрепил в английском праве третью категорию личного имущества, специально созданную для цифровых активов [41].

Признание криптовалюты самостоятельным объектом права собственности на уровне закона радикально упростило судебную защиту. В контексте исковой давности английские суды теперь беспрепятственно применяют стандартные сроки (Limitation Act 1980) к искам о возврате цифровых активов. Кроме того, как упоминалось ранее, суды Великобритании активно используют процессуальные приказы против «лиц неизвестных» (Persons Unknown) и налагают обеспечительные меры на инфраструктурные площадки, признавая их конструктивными доверительными собственниками похищенных средств [42].

Опыт Азиатско-Тихоокеанского региона демонстрирует модель гибкого регулирования с упором на лицензирование инфраструктуры. В Японии криптополитика исторически формировалась под влиянием крупных кибератак (в частности, взлома биржи Mt. Gox в 2014 году). Японское законодательство (Закон о платежных услугах — PSA) признало криптовалюту законным средством платежа, установив при этом жесткие требования к кибербезопасности и обязательному лицензированию криптовалютных бирж в Агентстве финансовых услуг (FSA) [43].

В Австралии также применяется гибкий, но строго контролируемый подход. Криптовалютные биржи обязаны регистрироваться в Австралийском центре отчетов и анализа транзакций (AUSTRAC) и соблюдать жесткие правила ПОД/ФТ (противодействия отмыванию денег). Для гражданско-правовой защиты и исчисления исковой давности такой подход инфраструктурного надзора означает, что истец всегда может истребовать данные (логи KYC) у легально работающей биржи, что снимает проблему «анонимного ответчика» и позволяет своевременно запустить течение срока исковой давности.

В континентальной Европе передовым государством в сфере цифровых финансов выступает Швейцария, создавшая так называемую «Криптодолину» (Crypto Valley) в кантоне Цуг. Швейцарская служба по надзору за финансовыми рынками (FINMA) еще в 2018 году выпустила руководство, которое впервые разделило токены на три понятные юридические категории: платежные (payment tokens), утилитарные (utility tokens) и инвестиционные (asset tokens) [44].

Такая классификация позволяет швейцарским судам безошибочно определять правовую природу нарушенного права и применять соответствующие сроки давности (например, дифференцируя давность по инвестиционным договорам и обязательствам из причинения вреда).

На наднациональном уровне Европейский Союз принял регламент MiCA (Markets in Crypto-Assets), который ввел единые правила лицензирования эмитентов стейблкоинов и поставщиков криптоуслуг (CASP) на территории всех государств-членов. Регламентация правил хранения резервов и фидуциарных обязанностей площадок перед клиентами создает прочную основу для стандартизации судебной практики: в случае кражи активов или их потери биржей, европейский инвестор имеет четко определенного надлежащего ответчика в лице лицензированного провайдера услуг, что исключает неопределенность в исчислении сроков исковой давности.

Анализ зарубежных юрисдикций показывает, что эффективная защита нарушенных прав владельцев криптовалют невозможна без легализации инфраструктурных посредников (бирж, обменников, кастодианов). Имплементация в российское право механизмов идентификации, аналогичных требованиям AUSTRAC или FINMA, а также четкое доктринальное закрепление вещно-правовой природы цифровых активов (по примеру Великобритании) позволит отечественным судам преодолеть главные препятствия в применении института исковой давности: проблему деанонимизации ответчика и проблему квалификации предмета иска.

Заключение

Проведенное исследование позволяет констатировать, что стремительная цифровизация экономических процессов и внедрение технологий распределенного реестра (блокчейн) сформировали беспрецедентные вызовы для классической цивилистической доктрины. Институт исковой давности, исторически призванный обеспечивать стабильность и предсказуемость гражданского оборота, при столкновении с виртуальной средой демонстрирует серьезные функциональные сбои.

Ключевая проблема применения сроков исковой давности к цифровым активам кроется в глубинном конфликте между публичным, транспарентным характером блокчейн-сетей и псевдоанонимностью их участников. С одной стороны, потерпевшее лицо имеет техническую возможность мгновенно зафиксировать факт несанкционированного вывода средств в обозревателе блоков, что требует от судов применения жестких стандартов должной коммерческой осмотрительности при определении момента начала течения срока давности. С другой стороны, невозможность самостоятельной деанонимизации надлежащего ответчика фактически блокирует реализацию права на судебную защиту, ставя течение исковой давности в зависимость от эффективности работы правоохранительных органов.

Анализ эволюции отечественной правоприменительной практики демонстрирует постепенный, но неуклонный переход от стадии категорического непризнания цифровых валют объектами гражданских прав к стадии активной судебной защиты криптоинвесторов. Качественным прорывом в этом процессе стало историческое Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 20 января 2026 года № 2-П. Данный акт не только окончательно закрепил за цифровой валютой статус полноценного имущества, подлежащего защите, но и устранил искусственные процессуальные барьеры, запретив судам отказывать в правосудии добросовестным приобретателям криптовалюты исключительно по формальным (налоговым) основаниям. Благодаря этому решению механизм исковой давности в криптовалютных спорах получил возможность функционировать в полном объеме.

Тем не менее, для окончательного преодоления правового вакуума требуется системная модернизация законодательства. Фрагментарные нормы Федерального закона № 259-ФЗ должны быть дополнены комплексными механизмами, учитывающими опыт передовых зарубежных юрисдикций. В частности, назрела необходимость:

1. Доктринального и законодательного закрепления стандарта «цифровой осмотрительности» для унификации подходов к исчислению момента, когда лицо должно было узнать о нарушении своего права.
2. Расширения перечня оснований для приостановления течения срока исковой давности (ст. 202 ГК РФ) на периоды проведения сложных технологических экспертиз (блокчейн-форензики) и доследственных проверок, необходимых для установления личности надлежащего ответчика.
3. Легализации статуса инфраструктурных посредников (криптовалютных бирж и кастодианов) с введением обязательных процедур идентификации клиентов (KYC), что, по примеру Японии, Австралии и Швейцарии, позволит нивелировать проблему анонимности нарушителей.

Апробация новых правовых конструкций в рамках создаваемых экспериментальных правовых режимов (Федеральный закон № 223-ФЗ) и легализация майнинговой деятельности (Федеральный закон № 221-ФЗ) создают надежный фундамент для формирования прозрачной цифровой среды. Только гармоничное сочетание гибкого материального регулирования и адаптированных процессуальных норм, включая правила исчисления исковой давности, позволит обеспечить эффективную защиту цифровых прав и повысить инвестиционную привлекательность российской юрисдикции в эпоху Web3.

Список литературы:

[1] Белоусов А. Л. Формирование системы правового регулирования оборота криптовалют в Российской Федерации // Юрист. 2026. № 02. С. 7–11.

[2] Белоусов А. Л. Цифровые финансовые активы: вопросы развития правового обеспечения // Цифровые технологии и право: материалы III Международной научно-практической конференции (г. Казань, 20 сентября 2024 г.). Казань, 2024. С. 15–20.

[3] Кузьмичев М. Г. Особенности правового регулирования криптовалют: Япония, Австралия и Швейцария // Государственная власть и местное самоуправление. 2024. № 12. С. 38–41.

[4] Кучеров И. И. Право денежного обращения: курс лекций. М., 2013. 256 с.

[5] Санникова Л. В. Правовой статус цифровых финансовых активов в российском праве. М., 2021. С. 142-146.

[6] Ситник А. А. Цифровые валюты: проблемы правового регулирования // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15, № 11. С. 103–113.

[7] Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2020. № 31 (ч. I). Ст. 5018.

[8] Санникова Л. В. Правовой статус цифровых финансовых активов в российском праве. М., 2021. С 20.

[9] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

[10] Белоусов А.Л. Формирование системы правового регулирования оборота криптовалют в Российской Федерации // Юрист. 2026. № 02. С. 7-11.

[11] Федеральный закон от 8 августа 2024 г. № 223-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2024. № 33 (ч. I). Ст. 4981.

[12] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ.

[13] Обобщение судебной практики по вопросам, связанным с применением норм закона, регулирующих исковую давность (подготовлено Нижегородским областным судом) // URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/36406035/ (дата обращения: 01.03.2026).

[14] Начало течения срока исковой давности // Официальный интернет-портал правовой информации Вологодской области. URL: https://pravo.gov35.ru/ (дата обращения: 01.03.2026).

[15] Crypto Chronicles: Navigating Legal Developments in the UK and U.S. // URL: https://www.dechert.com/knowledge/onpoint/2025/7/crypto-chronicles.html (дата обращения: 01.03.2026).

[16] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ.

[17] Ситник А.А. Цифровые валюты: проблемы правового регулирования // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15. № 11. С. 103-113.

[18] Crypto Chronicles: Navigating Legal Developments in the UK and U.S.

[19] Кучеров И. И. Право денежного обращения : курс лекций. М., 2013. С. 37.

[20] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ.

[21] Апелляционное определение Московского городского суда от 26 марта 2021 г. по делу № 33-8559/2021 // Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

[22] Ситник А. А. Указ. соч. С. 108.

[23] Апелляционное определение Московского городского суда от 26 марта 2021 г. по делу № 33-8559/2021.

[24] Блокчейн-технологии и защита цифровых прав: правовые аспекты исковой давности. М., 2025. С 25.

[25] Срок исковой давности по искам о неосновательном обогащении // Подборки судебных решений, Справочная правовая система «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/law/podborki/srok_iskovoj_davnosti_po_iskam_o_neosnovatelnom_obogaschenii/ (дата обращения: 01.03.2026).

[26] Обобщение судебной практики по вопросам, связанным с применением норм закона, регулирующих исковую давность (подготовлено Нижегородским областным судом) // URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/36406035/ (дата обращения: 01.03.2026).

[27] Постановления Пленума Верховного Суда РФ (судебная практика по вопросам применения исковой давности и исполнения обязательств). Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 25.11.2025). Ст. 314.

[28] Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 46. Ст. 4532 ; Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3012.

[29] Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 2 февраля 2021 г. № 44-КГ20-17-К7 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2021. № 6.

[30] Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах...».

[31] Постановление Конституционного Суда РФ от 20 января 2026 г. № 2-П «По делу о проверке конституционности части 6 статьи 14 Федерального закона «О цифровых финансовых активах...» в связи с жалобой гражданина Д. И. Тимченко» // СЗ РФ. 2026. № 5. Ст. 1024.

[32] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ.

[33] Crypto Chronicles: Navigating Legal Developments in the UK and U.S.

[34] Обобщение судебной практики по вопросам, связанным с применением норм закона, регулирующих исковую давность (подготовлено Нижегородским областным судом) // Информационно-правовой портал «Гарант.ру». URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/36406035/ (дата обращения: 01.03.2026).

[35] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ

[36] Ситник А. А. Указ. соч. С. 110.

[37] Белоусов А. Л. Цифровые финансовые активы: вопросы развития правового обеспечения // Цифровые технологии и право. Казань, 2024. С. 16.

[38] Федеральный закон от 8 августа 2024 г. № 223-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

[39] Федеральный закон от 8 августа 2024 г. № 221-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2024. № 33 (ч. I). Ст. 4979.

[40] Кузьмичев М. Г. Особенности правового регулирования криптовалют: Япония, Австралия и Швейцария // Государственная власть и местное самоуправление. 2024. № 12. С. 39.

[41] The Property (Digital Assets etc) Act 2025: A Foundational Change to English Property Law // Will Writers Blog. URL: https://www.willwriters.com/blog/the-property-digital-assets-etc-act-2025-a-foundational-change-to-english-property-law/ (дата обращения: 01.03.2026).

[42] Crypto Chronicles: Navigating Legal Developments in the UK and U.S.

[43] Кузьмичев М. Г. Указ. соч. С. 40.

[44] Кузьмичев М. Г. Указ. соч. С. 41.

References:

[1] Belousov A. L. Formation of a system of legal regulation of cryptocurrency turnover in the Russian Federation//Lawyer. 2026. № 02. S. 7-11.

[2] Belousov A. L. Digital financial assets: issues of legal support development//Digital technologies and law: materials of the III International Scientific and Practical Conference (Kazan, September 20, 2024). Kazan, 2024. S. 15-20.

[3] Kuzmichev M.G. Features of the legal regulation of cryptocurrencies: Japan, Australia and Switzerland//State power and local self-government. 2024. № 12. S. 38-41.

[4] Kucherov I. I. The right of money circulation: a course of lectures. M., 2013. 256 s.

[5] Sannikova L. V. Legal status of digital financial assets in Russian law. M., 2021. S. 142-146.

[6] Sitnik A. A. Digital currencies: problems of legal regulation//Actual problems of Russian law. 2020. VOL. 15, NO. 11. S. 103-113.

[7] Federal Law of July 31, 2020 No. 259-FZ “On Digital Financial Assets, Digital Currency and on Amending Certain Legislative Acts of the Russian Federation “//NW RF. 2020. No. 31 (part I). Art. 5018.

[8] Sannikova L. V. Legal status of digital financial assets in Russian law. M., 2021. FROM 20.

[9] Civil Code of the Russian Federation (Part One) No. 51-FZ//SZ RF dated November 30, 1994. 1994. № 32. Art. 3301.

[10] Belousov A.L. Formation of the system of legal regulation of cryptocurrency turnover in the Russian Federation//Lawyer. 2026. № 02. S. 7-11.

[11] Federal Law of August 8, 2024 No. 223-FZ “On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation “//NW RF. 2024. No. 33 (part I). Art. 4981.

[12] Civil Code of the Russian Federation (Part One) No. 51-FZ dated November 30, 1994.

[13] Summary of judicial practice on issues related to the application of the law governing the statute of limitations (prepared by the Nizhny Novgorod Regional Court)//URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/36406035/ (date of appeal: 01.03.2026).

[14] The beginning of the limitation period//Official Internet portal of legal information of the Vologda Oblast. URL: https://pravo.gov35.ru/ (access date: 01.03.2026).

[15] Crypto Chronicles: Navigating Legal Developments in the UK and U.S. // URL: https://www.dechert.com/knowledge/onpoint/2025/7/crypto-chronicles.html (дата обращения: 01.03.2026).

[16] Civil Code of the Russian Federation (Part One) No. 51-FZ dated November 30, 1994.

[17] Sitnik A.A. Digital currencies: problems of legal regulation//Actual problems of Russian law. 2020. VOL. 15. № 11. S. 103-113.

[18] Crypto Chronicles: Navigating Legal Developments in the UK and U.S.

[19] Kucherov I. I. The right of money circulation: a course of lectures. M., 2013. S. 37.

[20] Civil Code of the Russian Federation (Part One) No. 51-FZ dated November 30, 1994.

[21] Appeal ruling of the Moscow City Court dated March 26, 2021 in case No. 33-8559/2021// The document was not published. Access from SPS “ConsultantPlus.”

[22] Sitnik A. A. Decree. Op. S. 108.

[23] Appeal ruling of the Moscow City Court dated March 26, 2021 in case No. 33-8559/2021.

[24] Blockchain Technology and Digital Rights Protection: Legal Aspects of Statute of Limitations. M., 2025. FROM 25.

[25] Limitation period for claims for unjust enrichment//Selection of court decisions, ConsultantPlus Reference Legal System. URL: https://www.consultant.ru/law/podborki/srok_iskovoj_davnosti_po_iskam_o_neosnovatelnom_obogaschenii/ (дата обращения: 01.03.2026).

[26] Summary of judicial practice on issues related to the application of the law governing the statute of limitations (prepared by the Nizhny Novgorod Regional Court)//URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/36406035/ (date of appeal: 01.03.2026).

[27] Decisions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation (judicial practice on the application of limitation and fulfillment of obligations). Civil Code of the Russian Federation (part one) dated 30.11.1994 N 51-FZ (as amended on 25.11.2025). Art. 314.

[28] Civil Procedure Code of the Russian Federation dated November 14, 2002 No. 138-FZ//SZ RF. 2002. № 46. Art. 4532 ; Arbitration Procedure Code of the Russian Federation No. 95-FZ//SZ RF dated July 24, 2002. 2002. № 30. Art. 3012.

[29] Determination of the Judicial Collegium for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation of February 2, 2021 No. 44-KG20-17-K7// Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2021. № 6.

[30] Federal Law No. 259-FZ of July 31, 2020 “On Digital Financial Assets...

[31] Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of January 20, 2026 No. 2-P “In the case of checking the constitutionality of part 6 of article 14 of the Federal Law “On Digital Financial Assets...” in connection with the complaint of citizen D. I. Timchenko “//SZ RF. 2026. № 5. Art. 1024.

[32] Civil Code of the Russian Federation (Part One) No. 51-FZ dated November 30, 1994.

[33] Crypto Chronicles: Navigating Legal Developments in the UK and U.S.

[34] Summary of judicial practice on issues related to the application of the law governing the statute of limitations (prepared by the Nizhny Novgorod Regional Court)//Information and Legal Portal “Гарант.ру.” URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/36406035/ (access date: 01.03.2026).

[35] Civil Code of the Russian Federation (Part One) of 30.11.1994 N 51-FZ

[36] Sitnik A. A. Decree. Op. S. 110.

[37] A. L. Belousov. Digital financial assets: issues of legal support development//Digital technologies and law. Kazan, 2024. S. 16.

[38] Federal Law of August 8, 2024 No. 223-FZ “On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation.”

[39] Federal Law of August 8, 2024 No. 221-FZ “On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation “//NW RF. 2024. No. 33 (part I). Art. 4979.

[40] Kuzmichev M.G. Features of the legal regulation of cryptocurrencies: Japan, Australia and Switzerland//State power and local self-government. 2024. № 12. S. 39.

[41] The Property (Digital Assets etc) Act 2025: A Foundational Change to English Property Law // Will Writers Blog. URL: https://www.willwriters.com/blog/the-property-digital-assets-etc-act-2025-a-foundational-change-to-english-property-law/ (дата обращения: 01.03.2026).

[42] Crypto Chronicles: Navigating Legal Developments in the UK and U.S.

[43] Kuzmichev M.G. Decree. Op. S. 40.

[44] Kuzmichev M.G. Decree. Op. S. 41.

- АВТОРСКОЕ ПРАВО И СМЕЖНЫЕ ПРАВА -

Дата поступления рукописи в редакцию: 22.04.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-4-249-252
Дата принятия рукописи в печать: 03.05.2026 г.

КУЛЕШОВА Инна Алексеевна,
Старший преподаватель кафедры ПРЭД
Юридического факультета Финансового университета
при Правительстве РФ,
e-mail: iakuleshova@fa.ru

ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ОТДЕЛЬНЫХ ВИДОВ ОБЪЕКТОВ АВТОРСКОГО ПРАВА И СМЕЖНЫХ ПРАВ В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ

Аннотация. *В настоящей статье исследуются отдельные объектов авторского права и смежных прав, в частности, таких как литературное и музыкальное произведение, исполнения, сообщения передач организаций эфирного и кабельного вещания в цифровой среде, их особенности использования в цифровой среде, отдельное внимание уделяется проблемам, возникающим на современном этапе цифровизации всех сфер общественной жизни. Отдельное внимание уделяется проблемам, возникающим на современном этапе цифровизации всех сфер общественной жизни. К числу таких проблем относятся сложность разграничения правомерного и неправомерного использования объектов в интернете, множественность субъектов правоотношений, участие цифровых платформ и иных информационных посредников в распространении контента, а также необходимость совершенствования правовых механизмов охраны и защиты авторских и смежных прав.*

Ключевые слова: *авторское право, смежные права, цифровая среда, литературные произведения, музыкальные произведения, исполнения, сообщения передач, цифровизация, использование объектов права интеллектуальной собственности.*

KULESHOVA Inna Alekseevna,
Senior Lecturer, Department of PRE, Faculty of Law,
Financial University under the Government
of the Russian Federation

FEATURES OF USING CERTAIN TYPES OF COPYRIGHT AND RELATED RIGHTS IN THE DIGITAL ENVIRONMENT

Annotation. *This article examines certain copyright and related rights objects, in particular literary and musical works, performances, and broadcasts of broadcasting organizations in the digital environment. Their specific uses are explored, with particular attention given to the challenges arising in the current stage of digitalization in all spheres of public life. These challenges include the difficulty of distinguishing between legitimate and unauthorized use of copyrighted objects online, the multiplicity of parties to legal relations, the participation of digital platforms and other information intermediaries in content distribution, and the need to improve legal mechanisms for the protection and enforcement of copyright and related rights.*

Key words: *copyright, related rights, digital environment, literary works, musical works, performances, broadcast messages, digitalization, use of intellectual property rights.*

Для этапа развития информационного общества характерно расширения цифровой среды, которая становится не только местом общения и получения сведений, которые ранее уже были выражены, но и средой, в которой непосредственно осуществляется не только использование, но и создание и, как следствие, распространение результатов интеллектуальной деятельности.

Повсеместное развитие сети Интернет, цифровизация экономики, появление и распространение стриминговых сервисов и облачных хранилищ и других аналогичных информационных систем существенно изменило подход к пра-

вовому регулированию оборота объектов гражданских правоотношений. В условиях цифровизации традиционные подходы не всегда способны в должной мере отобразить существующие проблемы и особенности правового регулирования оборота объектов авторского права и смежных прав.

Особенности использования рассматриваемых объектов также непосредственно связаны и с тем, что сложнее отслеживать копирование и последующее использование данных объектов, передачи, переработки и иного использования объектов. Несмотря на положительные стороны, выражающиеся в общедоступности информации, к примеру, для цели образования, имеются и существенные риски, связанные с нарушением прав на результаты интеллектуальной деятельности.

В связи с тем, что особенности использования объектов авторского права и смежных прав зависят напрямую не только от свойств цифровой среды, но, в первую очередь, от конкретного объекта, то необходимо проанализировать именно использование данных объектах в определенных условиях.

В современном праве не выделяются в качестве самостоятельных объектов тех, что могут быть использованы исключительно в цифровой среде. При этом, анализируя перечень, указанный в п. 1 ст. 1259 ГК РФ [1] очевидно, что все виды произведений могут быть выражены и использованы в цифровой среде.

И.А. Близнец указывает, что «предоставление авторско-правовой охраны не зависит от назначения и достоинства произведения, т.е. автор не обязан доказывать «качество» произведения, его практическую значимость, идейное значение, соответствие каким-либо требованиями т.д.

Произведение охраняется также независимо от способа его выражения. Разумеется, для того чтобы произведение могло получить охрану, оно должно не только возникнуть в сознании автора, но также получить объективную форму выражения, т.е. стать доступным для восприятия другими людьми. Это не означает, что охрана предоставляется только произведениям, зафиксированным на каких-либо материальных носителях. Охраной будут пользоваться также устные произведения, например лекции, доклады, прозвучавшие мелодии, прочитанные стихи и т.п., независимо от того, будут ли они каким-либо образом записаны.» [2]

Цифровая среда представляет собой совокупность информационно-телекоммуникационных технологий, электронных платформ, сетевых сервисов и цифровых каналов передачи данных, посредством которых осуществляется создание, хранение, переработка, распространение и использование результатов интеллектуальной деятельности. В качестве особенности с точки зрения правового регулирования использования объектов авторского права и смежных прав – это нематериальный характер распространения контента, содержащего такие объекты, сравнительно высокая скорость передачи информации, трансграничность и ряд других.

По своей сути любое размещение произведения в сети Интернет, его загрузка на платформу, передача через облачное хранилище, трансляция через стриминговый сервис или включение в цифровую базу данных непосредственно обусловлено совершением юридически важных действий, порождающие определенные правые последствия, которые по своей сути будут выражаться в использовании объекта авторского права или смежных прав.

Использование такого объекта права интеллектуальной собственности как литературное произведение в цифровой среде связано, как правило, с его размещением в электронных библиотеках, на специализированных образовательных и иных платформах. Отдельную сложность представляет вопрос о допустимых пределах цитирования для цели использования произведения в образовательных и иных подобного рода целях, в частности, размещение ознакомительных фрагментов, последующего цитирования данных объектов. Также возникает вопрос о правомерности использования произведения в формате онлайн чтения на неограниченный круг лиц (посредством, к примеру, стриминовых сервисов), а также публикация обзоров на произведения, в том числе, в публикацией отрывков, обзоров, фото и видео фиксации отдельных элементов, в том числе иллюстраций, произведения. С одной стороны, это популяризирует данное произведение, особенно если обзор создан «в положительном ключе», однако, правомерность такого использования для тех лиц, чья деятельность связана с извлечением прибыли из размещения фото и видео контента обзоров на книг остается без должного правового регулирования и не попадает под какие-то четкие критерия дозволенного использования литературных произведений.

Относительно новыми, с точки зрения правового регулирования являются такие объекты, как компьютерная анимация и графика, цифровая живопись, рисунки символами (ASCII- art) и другие подобные произведения.

Возможность отнесения их к охраняемым объектам обуславливается тем, что они отвечают всем признакам такого объекта правовой охраны как произведение.

Музыкальные произведения можно отнести к одним из наиболее часто используемых объек-

тов авторского права в цифровой среде, поскольку их оборот, в настоящее время, в основном, происходит через стриминговые платформы, музыкальные сервисы и специальные пользовательские соглашения. Особенностью использования музыкального произведения как объекта авторского права в цифровом форме связано с тем, что на данный объект может распространяться несколько режимов правовой охраны, непосредственно аудиодорожки как объекта, теста, и исполнения как объекта уже смежных прав. Поскольку в данном случае ответственность за несанкционированное использование возникает не только у лица, непосредственно осуществившего размещение музыкального произведения (в том числе «фоном» для видео в записи или онлайн трансляции, но и у правообладателя платформы или иного цифрового пространства, то последние стараются контролировать процесс использования музыкальных произведений в том контенте, который публикуют пользователи платформы.

В настоящее время все чаще для выявления использования распознавания контента прибегают к помощи специализированных программ, деятельность которых основана на использовании технологии искусственного интеллекта для распознавания контента, специальные цифровые метки, однако, проблема неправомерного использования музыкальных произведений, в том числе в измененной форме, все также остается актуальной и в настоящее время.

Сообщения передач организаций эфирного и кабельного вещания представляет собой самостоятельный объект смежных прав, которые также активно используются в цифровой среде и, как следствие, имеют особенности.

Специфика использования данных объектов смежных прав в цифровой среде обусловлена как техническими особенностями распространения сигнала, так и изменением способов доступа пользователей к аудиовизуальному и иному медиаконтенту. На современном этапе развития технологий распространение программ не ограничивается исключительно эфирным и кабельным вещанием, поскольку происходит и посредством передачи в эфир через специальные сервисы, мобильные приложения, стриминговые сервисы и социальные сети. Если ранее сообщение передач связывалось с линейным, в том числе, аналоговым, вещанием, то в настоящее все большее распространение получает отложенный просмотр, архивный доступ, трансляции по запросу, одновременное вещание в эфире и в сети Интернет, а также фрагментарное использование передач в цифровом контенте. Все изложенное приводит к расширению способов использования сообщений передач и, как следствие, к необходимости более детального правового анализа действий, связанных с ретрансляцией, записью, воспроизведением, доведением до сведения неограниченного круга лиц и включением элементов передач в иные цифровые продукты.

Особенностью данного объекта смежных прав является то, что охране подлежит именно само сообщение передачи как результат организационных, технических и иных усилий вещательной организации по формированию и доведению определенного контента до аудитории. С точки зрения цифровизации каналов доступа к созданному контенту нарушение зачастую выражается в неправомерной ретрансляции телеканалов в сети Интернет, размещение записи эфиров на сторонних ресурсах, использование фрагментов передач без получения должного согласия правообладателя. Также распространение получают такие способы, как онлайн ретрансляция для цели создания собственного контента (так называемого «обзора») на переданную в эфир передачу третьими лицами, особенно это широко используется в сфере деятельности по распространению информации пользователями социальных сетей, которые основной свой контент «выстраивают» на обзоре спортивных мероприятий, в том числе посредством онлайн стримингового вещания в прямом эфире. В результате можно видеть нарушение исключительного права вещательной организации на использование сообщения передачи, а также использование не принадлежащего распространителю контента для цели извлечения прибыли.

Распространение теле- и радиоконтента в сети Интернет часто осуществляется с использованием видеохостингов, OTT-сервисов, специальных платформ цифрового телевидения, провайдеров связи и иных субъектов-посредников. Это усложняет установление лица, непосредственно осуществляющего неправомерное использование передачи, а также требует решения вопроса о пределах ответственности информационных посредников. В ряде случаев нарушение связано не с самостоятельным созданием контента, а именно с незаконным предоставлением доступа к уже существующему сигналу или записи передачи, что в цифровой среде приобретает массовый характер.

Цифровизация вещательной деятельности требует адаптации традиционных правовых конструкций к новым формам предоставления доступа к объектам, более четкого разграничения прав различных участников медиасферы и совершенствования механизмов защиты правообладателей, при этом сохраняя баланс с точки зрения правомерного использования объектов в цифровой среде.

Таким образом, анализ использования объектов авторского права и смежных прав в цифровой среде имеет комплексный характер. На современном этапе развития общества, повсеместная цифровизация процессов, передачи данных и иного использования различных объектов права интеллектуальной собственности несет в себе не только ряд преимуществ перед аналоговыми способами, но и имеет ряд рисков, связанных с нарушением прав правообладателей.

Как указывают Л.А. Новоселова и О.А. Полежаев, «как показывает практика, перенесение ряда общественных отношений в цифровую среду оказывается эффективным и целесообразным только при условии адаптации отношений и учете особенностей цифровой формы» [3]. Данный вывод авторов полностью отражает современное положение использования результатов интеллектуальной деятельности в цифровой среде.

Особенность правового режима указанных объектов состоит в том, что многие из них используются не изолированно, а во взаимосвязи друг с другом, что требует учета прав сразу нескольких правообладателей. В связи с этим эффективное регулирование их использования в цифровой среде возможно только при комплексном подходе, сочетающем четкое законодательное регулирование, договорные механизмы распределения прав и действенные способы защиты.

Список литературы:

[1] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвёртая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 23.07.2025)// СПС КонсультантПлюс

[2] Интеллектуальная собственность в современном мире : монография / К. А. Агаева, И. А. Близнец, М. С. Борисова и др. ; под ред. И. А. Близнеца. – Москва : Проспект, 2017. – 672 с. - ISBN 978-5-392-23502-5 ; [Электронный ресурс]. - URL: http://ebs.prospekt.org/book/33677

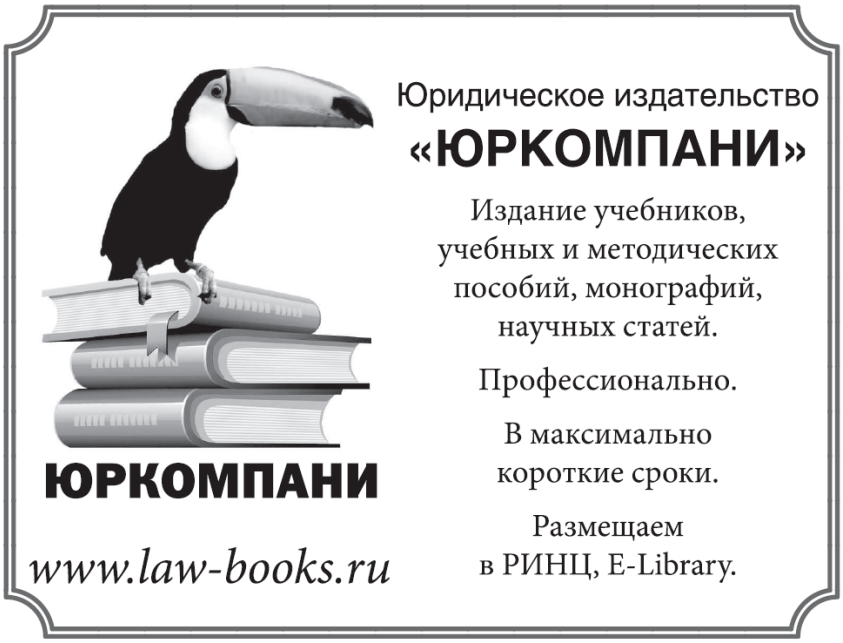
[3] Новоселова Л.А., Полежаев О.А. Отношения доступа к объектам авторских прав, выраженных в цифровой среде // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2024. № 9 (121). С. 98–106

References:

[1] Civil Code of the Russian Federation (Part Four) of 18.12.2006 No. 230-FZ (as amended on 23.07.2025)// SPS ConsultantPlus

[2] Intellectual Property in the Modern World: monograph / K. A. Agaeva, I. A. Bliznets, M. S. Borisova, et al.; edited by I. A. Bliznets. – Moscow: Prospect, 2017. – 672 p. - ISBN 978-5-392-23502-5 ; [Electronic resource]. - URL: http://ebs.prospekt.org/book/33677

[3] Novoselova L.A., Polezhaev O.A. Relations of access to copyright objects expressed in the digital environment // Bulletin of the O. E. Kutafin University. 2024. No. 9 (121). P. 98–106

Дата поступления рукописи в редакцию: 28.03.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-4-253-259
Дата принятия рукописи в печать: 03.05.2026 г.

ГУБАНОВА Аделина Олеговна,
бакалавр юриспруденции со знанием иностранных языков,
студент магистратуры по направлению
«Международное, частное и публичное право»
МГИМО МИД России, младший юрист отдела юридического
консультирования ООО «ДРТ Консалтинг»,
e-mail: adelina.gubanova@bk.ru

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ГЕНЕРАТИВНОГО ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ЯПОНИИ: ВОПРОСЫ АВТОРСКОГО ПРАВА И ЗАЩИТЫ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ

Аннотация. *В статье анализируется правовое регулирование генеративного искусственного интеллекта в Японии через призму двух ключевых отраслей – авторского права и защиты персональных данных. Автор приходит к выводу, что японская модель регулирования носит «про-инновационный» характер: Япония осознанно избегает принятия специального законодательства об ИИ, опираясь вместо этого на действующие отраслевые законы, дополняемые разветвлённой системой ненормативных актов.*

Ключевые слова: *генеративный искусственный интеллект, Япония, авторское право, персональные данные.*

GUBANOVA Adelina Olegovna,
Bachelor of Law with knowledge of foreign languages,
a student in International, Private and Public Law
at MGIMO University of the Ministry of Foreign Affairs of Russia,
a junior associate at the Department of Legal Advice
at BST Consulting LLC

LEGAL REGULATION OF GENERATIVE ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN JAPAN: COPYRIGHT AND PERSONAL DATA PROTECTION

Annotation. *The article analyses the legal regulation of generative artificial intelligence in Japan through the lens of two key areas – copyright law and personal data protection. The author concludes that Japan's regulatory model is distinctly pro-innovation in character: Japan deliberately refrains from adopting dedicated AI legislation, relying instead on existing sectoral laws supplemented by an extensive framework of non-binding instruments.*

Key words: *generative artificial intelligence, Japan, copyright law, personal data protection.*

Стремительное развитие генеративного искусственного интеллекта (далее – «ИИ») радикально меняет способы создания и использования цифрового контента, порождая качественно новые вызовы в сфере защиты авторских прав и персональных данных. В отличие от «традиционных» систем ИИ, выполняющих строго определённые задачи на основе входных данных, генеративные модели способны создавать новые тексты, изображения и иные материалы, схожие с обучающими выборками, но не тождественные им [1, С. 23].

Алгоритмический и автоматизированный характер работы таких систем порождает комплекс рисков. Если на техническом уровне речь идет, например, о феномене т.н. «галлюцинаций» и «предвзятостях» обучающих данных, то на правовом уровне в центре внимания оказываются вопросы массового использования охраняемых авторским правом произведений и соблюдения законодательства о защите персональных данных. Если проблемы первой категории являются управляемыми благодаря тонкой настройке моделей и введению архитектурных и содержательных ограничений, то разрешение правовых проблем сводится к поиску баланса между конкурирующими интересами различных субъектов.

Процесс взаимодействия с генеративным ИИ

Для целей настоящего исследования представляется целесообразным рассматривать взаимодействие с генеративным ИИ как совокупность следующих стадий:

1. Стадия обучения модели:

– Сбор и анализ данных (text and data mining) – автоматизированный сбор и обработка больших объёмов информации с целью выявления статистических закономерностей;
– Донастройка (fine tuning) – адаптация уже обученной базовой модели к конкретной задаче посредством дополнительного обучения.

На этой стадии правовая проблематика сводится прежде всего к тому, признается ли правомерным такое использование охраняемых произведений в качестве обучающих данных без согласия правообладателей, а также допускается ли включение в такие массивы данных персональных данных без отдельного информированного согласия субъектов.

2. Стадия использования модели:

– Ввод пользователем запроса;
– Генерация результата – формирование генеративной моделью условно новых данных.

На стадии ввода запроса проблема возникает, когда пользователь описывает контент, являющийся объектом авторского права третьего лица, либо раскрывает в запросе его персональные данные. На стадии генерации, напротив, на первый план выходят вопросы о наличии схожести результата с исходными произведениями, о праве авторства в отношении сгенерированного материала, а также о рисках нарушения законодательства о защите персональных данных.

В контексте обозначенных выше проблем особое значение приобретает вопрос о том, как различные правопорядки реагируют на подобные вызовы. В научной литературе выдвигается тезис о наметившейся тенденции к определённому сближению национальных режимов: так, М. Сэг и П. Ю, опираясь на сравнительный анализ сферы авторского права ряда юрисдикций, утверждают, что формируется своего рода ситуация, при которой государства признают допустимость использования охраняемых произведений для обучения моделей без согласия правообладателей [2, С. 1163]. Вместе с тем данная оценка отнюдь не является общепринятой. Е.А. Войниканис указывает, что, хотя государства и стремятся обеспечить условия для развития ИИ, «тенденция к глобализации преувеличена» и «пока чаша весов склоняется в пользу запретов» [3, С. 30].

В этой связи интересным представляется опыт Японии, которая в литературе нередко характеризуется как своего рода «рай» [4, С. 54] для разработчиков генеративного ИИ благодаря одному из самых либеральных в мире режимов регулирования подобных моделей. Более того, статистические показатели позволяют, по меньшей мере, констатировать тесную корреляцию между таким таким подходом и динамикой соответствующих рынков: так, в Японии объём рынка ИИ, по оценкам различных исследовательских компаний, увеличится до прогнозируемых 15,8–27,1 млрд долл. к началу 2030 х годов при ожидаемом среднем ежегодном темпе роста свыше 20 % [5; 6].

Общая характеристика правового режима регулирования генеративного ИИ в Японии

Как справедливо отмечает Х. Хабука, японская подход к регулированию ИИ характеризуется обилием «мягко-правовых» норм «с обязательными требованиями прозрачности и защиты данных в определенных секторах» [7, С. 3]. М. Ниси также подчеркивает, что Япония пока полагается на существующие отраслевые законы для регулирования ИИ [8].

Так, например, в апреле 2024 г. Министерство экономики, торговли и промышленности совместно с Министерством внутренних дел и коммуникаций выпустили «Руководство для бизнес-операторов ИИ» [9], закрепляющее базовые принципы в сфере ИИ и предлагающее инструменты для их внедрения, адресованные разработчикам, поставщикам и пользователям ИИ. Для государственного сектора Цифровое агентство совместно с рядом иных органов разработало отдельные «Руководящие принципы по закупкам и использованию генеративного ИИ в органах власти» [10], предусматривающие, в частности, должность ответственного за ИИ, создание консультативных органов и введение отчётности по применению соответствующих технологий.

Определенный сдвиг произошёл с принятием Закона о содействии исследованиям, разработке и использованию технологий, связанных с ИИ [11], вступившего в силу в 2025 г. Тем не менее, данный закон по своей природе является рамочным: он носит преимущественно программный характер и закрепляет четыре ключевых принципа государственной политики – признание ИИ стратегическим активом, поощрение его промышленного использования, снижение рисков посредством обеспечения прозрачности, а также содействие международному сотрудничеству; в тексте закона отсутствуют прямые запреты и санкции; он в основном наделяет правительство

координационными полномочиями и ориентирует коммерческие организации на добровольное следование уже существующим руководствам; наконец, нормы, прямо адресованные операторам ИИ, сформулированы в предельно общем виде (например, статья 7 предписывает компаниям прилагать «разумные усилия» к использованию ИИ).

Декларативный характер принятого закона получил неоднозначную оценку в обществе. Ряд аналитиков подчеркивает, что закон воплощает «инновационно ориентированную» модель, нацеленную на формирование «наиболее дружественной к ИИ» юрисдикции [12]. С другой стороны, например, профессор Сато Ичиро считает, что данный закон при отсутствии реальных санкций вряд ли способен эффективно регулировать рынок: наиболее крупные игроки всё равно будут ориентироваться на более строгие требования ЕС и США, тогда как в юрисдикциях с недостаточным регулированием существует риск увеличения количества компаний с пониженным уровнем правовой и этической ответственности; кроме того, вопросы вызывает и сложившийся подход к точечному и ситуативному регулированию [13].

Вопросы авторского права

Особый интерес представляет японский подход к регулированию генеративного ИИ именно в сфере авторского права.

Еще в 2019 г. в Закон об авторском праве №48 от 06.05.1970 была введена статья 30-4, допускающая использование охраняемых произведений любыми необходимыми способами в случаях, когда такое использование не направлено на получение удовольствия от идей или эмоций, выраженных в произведении, и не причиняет «неразумного ущерба интересам правообладателя» [14]. Как считает Т. Уэно, данная статья, хотя и содержит определенный ряд положений об автоматизированном анализе информации, является квазигенеральным исключением из авторско правовой охраны, выведенной из самой природы авторского права [4, С. 151].

Для целей ИИ разработки важно, что статья 30 4:

- распространяется как на коммерческое, так и на некоммерческое использование;
- действует независимо от согласия правообладателя;
- допускает любые необходимые способы использования;
- не содержит требования «законного доступа» к произведению.

В качестве типичного примера использования не в целях «наслаждения» закон прямо называет «информационный анализ» произведений: сравнение, классификацию, выделение закономерностей, иную статистическую обработку больших массивов данных. При этом, данная формулировка сознательно оставлена открытой, что позволяет распространять её на иные модели машинного обучения и на категорию смежных прав [15, С. 110].

В доктрине при этом подчёркивается, что столь широкая формулировка не означает полное исключение механизмов авторско-правовой защиты.

Во-первых, японская теория традиционно исходит из того, что авторское право гарантирует автору вознаграждение от тех, кто «наслаждается» произведением [4, С. 150], где под «наслаждением» понимается удовлетворение интеллектуальных или эмоциональных потребностей пользователя.

В марте 2024 г. Агентство по делам культуры опубликовало документ «Общее понимание ИИ и авторского права в Японии» [16], прямо указав, что использование произведений для обучения ИИ, осуществляемое не в целях «наслаждения», в общем случае не наносит имущественный вред правообладателю. В то же время статья 30 4 не применяется, если такое использование осуществляется «для наслаждения», т.е. в случае донастройки модели, воспроизведения произведения или его существенных фрагментов пользователю в ходе генерации контента, либо в результате использования правообладателю причиняется «неразумный ущерб». В названном документе предлагается двуступенчатый критерий для оценки «неразумного ущерба»: конкуренция с уже существующим рынком и препятствование формированию ожидаемого рынка в будущем.

Во-вторых, отсутствие требования «законного доступа» не означает возможность использования заведомо пиратских ресурсов: осознанный сбор данных с источников, очевидно нарушающих авторские права, выходит за пределы добросовестного «ненаслаждающегося» использования.

Более того, дискуссионным остаётся вопрос о силе односторонних оговорок правообладателей (robots.txt, метки «do not use for AI training» и др.). В доктрине на данный момент нет единства: часть авторов сомневается в правовой силе таких оговорок в условиях широкой конструкции статьи 30 4 [8], другие рассматривают их как средство конкретизации критерия «неразумного ущерба» [18]. Агентство по делам культуры допускает, что при наличии чётко выраженной воли правообладателя, реализованной через технические меры и договорные механизмы, объём применения статьи 30 4 может быть ограничен.

Ввод промпта, как правило, не относится к «информационному анализу» в смысле данной

нормы, поскольку она не адресована разовым действиям пользователя. При этом, если промпт нацелен на воспроизведение конкретного охраняемого произведения и итоговый контент обеспечивает пользователю «наслаждение», такая ситуация выходит за пределы исключения и подлежит оценке по общим правилам. Тем не менее, также считается, что в ситуациях, когда пользователь вводит промпт и создаёт с помощью генеративного ИИ изображение или иной контент исключительно для личного или семейного просмотра без распространения и извлечения прибыли, такое использование может подпадать под исключение из авторского права для личного использования [19].

На стадии генерации в центр оценки возвращаются традиционные критерии японского авторского права, а именно «существенное сходство», под которым понимают совпадение значимых выразительных элементов между результатом и оригиналом, и «зависимость», т.е. ситуация, когда результат создан на основе конкретного охраняемого произведения.

Тем не менее, генеративный ИИ усложняет применение данных критериев.

Так, часть исследователей указывает, что при многократной математической переработке исходного материала модель воспроизводит статистические паттерны, а не конкретный текст или изображение [3, С. 29], так как ключевым объектом обучения для генеративной модели выступают векторизованные токены, а не цельные тексты или изображения. Тем не менее, другие авторы отмечают, что с технической точки зрения целенаправленная имитация стиля технически возможна, а потому вышеназванные критерии должны применяться так же строго, как и при традиционных формах копирования [19].

Сложившийся подход в японском правовом регулировании генеративного ИИ порождает серьёзную дилемму. Креспин Перелес Монтсерат обращает внимание на то, что при отсутствии раскрытия обучающих наборов правообладатель оказывается в ситуации probatio diabolica: с одной стороны, закон разрешает широкое использование произведений для обучения; с другой – крайне трудно доказать, что именно его произведение было включено в датасет и повлияло на итоговый результат [20, С. 12]. Похожие оценки встречаются и в российской доктрине, где подчеркивается, что «завеса секретности» над обучающими данными делает защиту прав практически невозможной, если только в сгенерированном контенте не проявляются очевидные следы исходных произведений (генерация ранее не обнародованного произведения и т.п.). [21]

В отношении вопроса о критериях охраноспособности сгенерированного контента японский подход заключается в учете достаточного человеческого творческого вклада. В вышеназванном документе Агентства по делам культуры прямо указываются следующие примеры: количество и содержательная сложность промптов, число попыток генерации, а также характер отбора и редактирования сгенерированных материалов.

Вопросы защиты персональных данных

Как и в прочих сферах, вопросы защиты персональных данных в Японии в контексте генеративного ИИ регулируются общими, а не специальными правовыми нормами с учетом разъясняющих ненормативных актов.

В Японии действует Закон о защите персональных данных №57 от 30.05.2003 [22], который основан на принципах, характерных для сферы защиты персональных данных во многих государствах: ограничение цели обработки таких данных и уведомление субъектов о целях обработки. Тем не менее, особенностью данного закона является то, что он не требует наличия согласия субъекта для обработки таких данных, за исключением случаев выхода за рамки заявленной цели, работы с чувствительными данными и передачи данных третьим лицам.

Специфика генеративного ИИ «размывает» традиционные конструкции, характерные для сферы защиты персональных данных, что предопределяет, как минимум, необходимость специальных разъяснений по данным вопросам [23, С. 118].

Письмо предупреждение Комиссии по защите персональной информации от 02.06.2023 г. [24] стало первым значимым актом в отношении генеративного ИИ. В нём Комиссия предупредила организации о рисках передачи персональных данных ИИ сервисы, которые могут использовать такие данные для обучения моделей в целях, выходящих за рамки изначально заявленных, и рекомендовала убедиться в том, что персональные данные, вводимые в качестве промпта, используются исключительно для формирования ответа на запрос. Одновременно Комиссия обратилась к OpenAI с указанием воздерживаться от использования особо чувствительных данных без согласия субъектов таких данных, удалять такие данные до включения в обучающие массивы и обеспечивать понятное уведомление о целях обработки. Фактически, эти разъяснения Комиссии сместили акцент с классической модели «контроля субъекта через согласие» к подходу, в рамках которого обязанность оценки рисков полностью возлагается на операторов [24, С. 120].

В настоящее время в рамках периодических обзоров существующего закона обсуждается возможность смягчения ряда требований в части

генеративного ИИ. Например, в феврале 2025 года Комиссия предложила предоставить разработчикам ИИ возможность как собирать общедоступные чувствительные персональные данные, так и распространять персональные данные третьим лицам без согласия субъектов при условии, что данные будут использованы исключительно для обучения ИИ моделей [25].

Вывод

Проведённый анализ позволяет констатировать, что японская модель регулирования генеративного ИИ обладает рядом принципиальных особенностей, обусловленных целью стимулирования инноваций. Япония осознанно избегает принятия специального законодательства об ИИ, опираясь вместо этого на действующие отраслевые законы, дополняемые разветвлённой системой ненормативных актов. Принятый в 2025 году Закон о содействии исследованиям, разработке и использованию технологий, связанных с ИИ не меняет существа этой модели: по своей природе он остаётся рамочным документом, лишённым реальных запретов и санкций. Описанный подход также наглядно проявляется как в сфере авторского права, так и защиты персональных данных.

Список литературы:

[1] Самарцева М.В. Правовой режим результатов, создаваемых генеративным искусственным интеллектом // Цифровое право. 2024. 5(3). С. 29-65

[2] Sag M., Yu P. K. (2025) The Globalization of Copyright Exceptions for AI Training. Emory Law Journal. Vol. 74. Iss. 5. P. 1163–1227

[3] Войниканис Е.А. Спектр проблем авторского права в контексте развития искусственного интеллекта // Интеллектуальные права: вызовы XXI века: сборник научных трудов. М., 2024. С. 23-33

[4] Ueno T. (2021) The Flexible Copyright Exception for Non Enjoyment Purposes: Recent Amendment in Japan and Its Implication. GRUR International. Vol. 70. No. 2. P. 145-152

[5] Japan Artificial Intelligence Market Assessment, Opportunities, and Forecast, FY2017–FY2031F // Markets and Data, July 2025. URL: https://www.marketsandata.com/industry-reports/japan-artificial-intelligence-market (дата обращения: 01.03.2026)

[6] Japan Artificial Intelligence Market Insights Forecasts to 2032 // Spherical Insights LLP, April 2023. URL: https://www.sphericalinsights (дата обращения: 01.03.2026)

[7] Habuka H. (2023) Japan's Approach to AI Regulation and Its Impact on the 2023 G7 Presidency. Center for Strategic and International Studies (CSIS). P. 1–8

[8] Japanese Law Issues Surrounding Generative AI: ChatGPT, BARD and Beyond / Nishi M. Clifford Chance, URL: https://www.cliffordchance.com/content/dam/cliffordchance/briefings/2023/10/japanese-law-issues-surrounding-generative-ai-chatgpt-bard-and-beyond.pdf (дата обращения: 15.03.2026)

[9] Руководство по ИИ для бизнеса от 19.04.2024 // Министерство экономики, торговли и промышленности Японии. URL: https://www.meti.go.jp/shingikai/mono_info_service/ai_shakai_jisso/pdf/20240419_9.pdf (дата обращения: 05.03.2026).

[10] The Guideline for Japanese Governments' Procurements and Utilizations of Generative AI for the Sake of Evolution and Innovation of Public Administration // Digital Agency. URL: https://www.digital.go.jp/en/news/3579c42d-b11c-4756-b66e-3d3e35175623 (дата обращения: 15.03.2026)

[11] Закон о содействии исследованиям, разработке и использованию технологий, связанных с искусственным интеллектом № 53 от 01.09.2025 г. // Kojima Law Offices. URL: https://www.kojimalaw.jp/wp/wp-content/uploads/2025/09/Japan-AI-Promotion-Act-KOJIMA-LAW-OFFICES-jp-en-reference-translation.pdf (дата обращения: 02.03.2026).

[12] Understanding Japan's AI Promotion Act: An Innovation-First Blueprint for AI Regulation / Dominic Polger. Future of Privacy Forum, July 5, 2025. URL: https://fpf.org/blog/understanding-japans-ai-promotion-act-an-innovation-first-blueprint-for-ai-regulation/ (дата обращения: 15.03.2026).

[13] Japan's AI Promotion Act: An Innovation-First Blueprint for AI Regulation // NII Today. URL: https://www.nii.ac.jp/today/105/6.html (дата обращения: 20.03.2026)

[14] Закон об авторском праве Японии от 06.05.1970 г. № 48 // Japanese Law Translation. URL: https://www.wipo.int/wipolex/en/legislation/details/22612 (дата обращения 01.03.2026)

[15] Никифоров, А. А. Копировать нельзя обучать: проблема обучения искусственного интеллекта с позиций авторского права // Цифровое право. 2025. 6(1). С. 74-128

[16] Общее понимание ИИ и авторского права в Японии // Отдел по авторскому праву Агентства по делам культуры Японии. URL: https://www.bunka.go.jp/seisaku/chosakuken/aiandcopyright.html (дата обращения: 10.03.2026)

[17] Интеллектуальная собственность и обучение искусственного интеллекта: трансформация современного правового ландшафта разных стран мира: аналитический обзор. // Российский центр оборота прав на результаты творческой деятельности. URL: https://xn--h1apes.xn--p1ai/storage/uploads/2025/06/05/analiticheskii-obzor-is-ii_uid_6841b77cd425d.pdf (дата обращения: 16.03.2026).

[18] Legal Issues in Generative AI under Japanese Law – Copyright / Nishimura & Asahi. Lexology. URL: https://www.lexology.com/library/detail.aspx?g=68d490a1-3021-4040-afdd-90ae8fa69337 (дата обращения: 25.03.2026)

[19] Crespón Perales Montserrat (2024). A Brief Note on Japan's AI Race, the Copyright Dilemma, and Generative AI Impact on Authorship. Interface: Journal of Art, Technology and Culture. Issue 24. P. 3–22

[20] Карцхия А.А., Родионов В.И. Распределение гражданско-правовой ответственности между провайдером и пользователем нейросети при генерации контента, нарушающего исключительное право на произведение // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2025. Декабрь. 4 (50). С. 64-75

[21] Закон Японии № 57 от 30.05.2003 «О защите персональных данных» // Комиссия по защите персональных данных. URL: https://www.ppc.go.jp/personalinfo/legal/ (дата обращения: 18.03.2025)

[22] Yan, T. (2024) "Research on Personal Information Protection in the Context of Generative Artificial Intelligence", Scientific Journal Of Humanities and Social Sciences, 6(7), P. 116–124

[23] Об уведомлении и предупреждениях в связи с использованием сервисов генеративного ИИ от 02.06.2023 г. // Комиссия по защите персональных данных Японии. URL: https://www.ppc.go.jp/news/careful_information/230602_AI_utilize_alert/ (дата обращения: 25.03.2026).

[24] Japan's Plans to Adopt AI-Friendly Legislation // Inside Privacy. URL: https://www.insideprivacy.com/international/japans-plans-to-adopt-ai-friendly-legislation/ (дата обращения: 10.03.2026)

References:

[1] Samartseva M.V. Legal regime of results created by generative artificial intelligence//Digital law. 2024. 5(3). S. 29-65

[2] Sag M., Yu P. K. (2025) The Globalization of Copyright Exceptions for AI Training. Emory Law Journal. Vol. 74. Iss. 5. P. 1163–1227

[3] Voynikanis E.A. Spectrum of copyright problems in the context of the development of artificial intelligence//Intellectual rights: challenges of the XXI century: a collection of scientific works. M., 2024. S. 23-33

[4] Ueno T. (2021) The Flexible Copyright Exception for Non Enjoyment Purposes: Recent Amendment in Japan and Its Implication. GRUR International. Vol. 70. No. 2. P. 145-152

[5] Japan Artificial Intelligence Market Assessment, Opportunities, and Forecast, FY2017–FY2031F // Markets and Data, July 2025. URL: https://www.marketsandata.com/industry-reports/japan-artificial-intelligence-market (дата обращения: 01.03.2026)

[6] Japan Artificial Intelligence Market Insights Forecasts to 2032 // Spherical Insights LLP, April 2023. URL: https ://www.sphericalinsights (Accessed: 01.03.2026)

[7] Habuka H. (2023) Japan's Approach to AI Regulation and Its Impact on the 2023 G7 Presidency. Center for Strategic and International Studies (CSIS). P. 1–8

[8] Japanese Law Issues Surrounding Generative AI: ChatGPT, BARD and Beyond / Nishi M. Clifford Chance, URL: https://www.cliffordchance.com/content/dam/cliffordchance/briefings/2023/10/japanese-law-issues-surrounding-generative-ai-chatgpt-bard-and-beyond.pdf (дата обращения: 15.03.2026)

[9] Business AI Guide from 19.04.2024 //Ministry of Economy, Trade and Industry of Japan. URL: https://www.meti.go.jp/shingikai/mono_info_service/ai_shakai_jisso/pdf/20240419_9.pdf (дата обращения: 05.03.2026).

[10] The Guideline for Japanese Governments' Procurements and Utilizations of Generative AI for the Sake of Evolution and Innovation of Public Administration // Digital Agency. URL: https://www.digital.go.jp/en/news/3579c42d-b11c-4756-b66e-3d3e35175623 (accessed on: 15.03.2026)

[11] Law on the Promotion of Research, Development and Use of Technologies Related to Artificial Intelligence No. 53 of 01.09.2025//Kojima Law Offices. URL: https://www.kojimalaw.jp/wp/wp-content/uploads/2025/09/Japan-AI-Promotion-Act-KOJIMA-LAW-OFFICES-jp-en-reference-translation.pdf (дата обращения: 02.03.2026).

[12] Understanding Japan's AI Promotion Act: An Innovation-First Blueprint for AI Regulation / Dominic Polger. Future of Privacy Forum, July 5, 2025. URL: https://fpf.org/blog/understanding-japans-ai-promotion-act-an-innovation-first-blueprint-for-ai-regulation/ (дата обращения: 15.03.2026).

[13] Japan's AI Promotion Act: An Innovation-First Blueprint for AI Regulation // NII Today. URL: https://www.nii.ac.jp/today/105/6.html (accessed on: 20.03.2026)

[14] Japanese Law Translation No. 48 of 06.05.1970. URL: https://www.wipo.int/wipolex/en/legislation/details/22612 (access date 01.03.2026)

[15] Nikiforov, A. A. Copy cannot be taught: the problem of teaching artificial intelligence from the standpoint of copyright//Digital law. 2025. 6(1). S. 74-128

[16] General understanding of AI and copyright in Japan//Copyright Division of the Japanese Cultural Agency. URL: https://www.bunka.go.jp/seisaku/chosakuken/aiandcopyright.html (дата обращения: 10.03.2026)

[17] Intellectual property and training of artificial intelligence: transformation of the modern legal

landscape of different countries of the world: analytical review .//Russian center for the circulation of rights to the results of creative activity. URL: https :// xn--h1apes.xn--p1ai/storage/uploads/2025/06/05/ analiticheskii-obzor-is-ii _ uid _ 6841b77cd425d.pdf (Accessed: 16.03.2026).

[18] Legal Issues in Generative AI under Japanese Law – Copyright / Nishimura & Asahi. Lexology. URL: https://www.lexology.com/library/detail.aspx-?g=68d490a1-3021-4040-afdd-90ae8fa69337 (accessed on: 25.03.2026)

[19] Crespón Perales Montserrat (2024). A Brief Note on Japan's AI Race, the Copyright Dilemma, and Generative AI Impact on Authorship. Interface: Journal of Art, Technology and Culture. Issue 24. P. 3–22

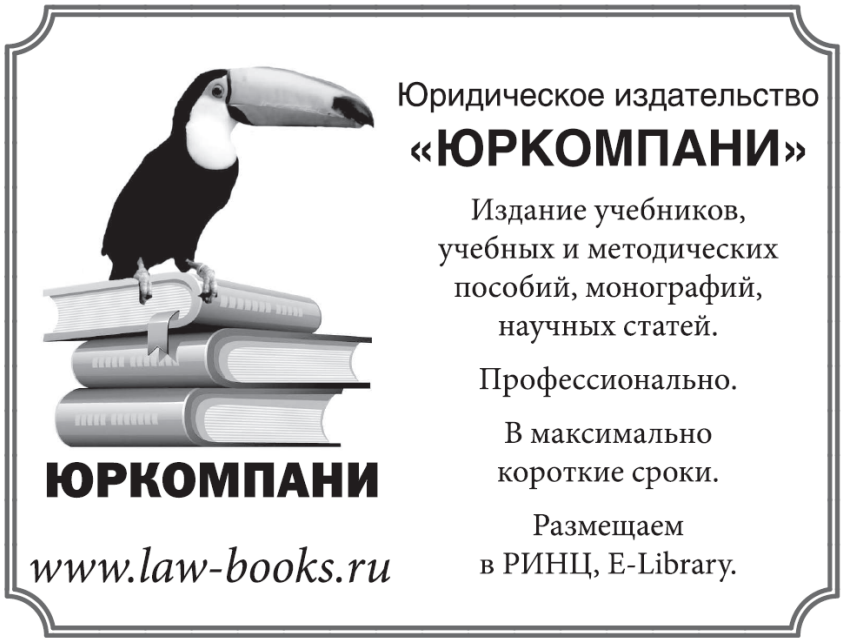
[20] Kartskhia A.A., Rodionov V.I. Distribution of civil liability between the provider and the user of the neural network when generating content that violates the exclusive right to the work//Journal of the Court for Intellectual Rights. 2025. Dec. 4 (50). S. 64-75

[21] Japanese Data Protection Act No. 57 of 30.05.2003 //Data Protection Commission. URL: https://www.ppc.go.jp/personalinfo/legal/ (accessed on: 18.03.2025)

[22] Yan, T. (2024) "Research on Personal Information Protection in the Context of Generative Artificial Intelligence", Scientific Journal Of Humanities and Social Sciences, 6(7), P. 116–124

[23] On notification and warnings in connection with the use of generative AI services dated 02.06.2023//Japan Personal Data Protection Commission. URL: https://www.ppc.go.jp/news/careful_ information/230602_AI_utilize_alert/ (дата обращения: 25.03.2026).

[24] Japan's Plans to Adopt AI-Friendly Legislation // Inside Privacy. URL: https://www.insideprivacy.com/international/japans-plans-to-adopt-ai-friendly-legislation/ (дата обращения: 10.03.2026)

Дата поступления рукописи в редакцию: 09.04.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.05.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3830-2026-4-260-265

ФЕСЕНКО Альбина Александровна,
студент 4 курса юридического факультета
Казанский филиал «Российский государственный
университет правосудия имени В.М. Лебедева»
(г. Казань),
e-mail: albina.fesenko361@yandex.ru

Научный руководитель:
БАРЫШЕВ Сергей Александрович,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры гражданского права
Казанского филиала «Российский государственный
университет правосудия имени В.М. Лебедева»
(г. Казань),
e-mail: baryshev.distant@mail.ru

ДОКАЗЫВАНИЕ АВТОРСТВА НА ФОТОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

Аннотация. *Статья посвящена теоретическим и практическим проблемам подтверждения авторства на фотографические произведения. Актуальность темы обоснована тем, что с развитием сети Интернет и технических средств риск нарушения авторских прав путем использования фотографии без согласия автора и фальсификации сведений о результате творческой деятельности остается довольно высоким. Рассматриваются наиболее распространенные способы доказывания авторство на фотографические произведения, оценивается их эффективность с помощью анализа конкретных дел из судебной практики. Отдельно изучается вопрос об отнесении депонирования к способам подтверждения авторства.*

Ключевые слова: *фотографическое произведение, авторство, оригинальное необработанное изображение, метаданные, цифровой водяной знак, депонирование.*

FESENKO Albina Aleksandrovna,
4th-year student, Faculty of Law,
Kazan Branch of the Russian State University
of Justice named after V.M. Lebedev (Kazan)

Scientific Supervisor:
BARYSHEV Sergey Alexandrovich,
Candidate of Legal Sciences (PhD in Law),
Associate Professor, Department of Civil Law,
Kazan Branch of the Russian State University
of Justice named after V.M. Lebedev (Kazan)

PROVING AUTHORSHIP OF PHOTOGRAGHIC WORKS: THEORETICAL AND PRACTICAL ISSUES

Annotation. *This article examines the theoretical and practical issues of confirming authorship of photographic works. The topic is relevant because, with the development of the internet and technological advances, the risk of copyright infringement through the use of photographs without the author's consent and the falsification of information about the creative work remains quite high. The most common methods of proving authorship of photographic works are examined, and their effectiveness is assessed through an analysis of specific court cases. The inclusion of deposition as a method of confirming authorship is also explored.*

Key words: *photographic work, authorship, original raw image, metadata, digital watermark, deposition.*

Фотографические произведения представляют собой воплощенные на материальном носителе изображения объекта окружающего мира в определенный момент времени, которые предназначены для зрительного восприятия, в том числе с помощью технических средств. Фотографические произведения должны соответствовать критериям новизны и оригинальности [1, с. 45].

Фотографические произведения, в соответствии со статьей 1259 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), относятся к объектам авторского права, и для возникновения, осуществления и защиты авторских прав на них не требуется регистрация или соблюдение иной обязательной процедуры учета [9]. Кроме того, в российском законодательстве не закреплен перечень доказательств, благодаря которым фотографы могли бы подтвердить результаты своей творческой деятельности, что создает сложности при возникновении судебных разбирательств. В данной статье рассмотрим способы подтверждения авторства, которые часто применяются на практике, оценим их эффективность и выявим возможные проблемы, с которыми могут столкнуться фотографы при их использовании.

В соответствии с пунктом 110 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации (далее – ВС РФ), доказательством авторства конкретного человека может служить предоставление оригинального необработанного изображения [11]. Часто форматом такого изображения выступают файлы в формате RAW. Данный тип файла представляет собой снимок, сформированный на цифровой матрице фотокамеры, которая фиксирует уровень яркости. При этом цветовая информация определяется с помощью цветного фильтра, установленного перед каждым элементом матрицы, воспринимающим свет [7]. Другими словами, RAW-файл представляет собой исходное, не подвергшееся обработке изображение, которое может служить доказательством подтверждения авторских прав фотографа в судебных разбирательствах. Однако для этого автору важно хранить данный файл в приватном порядке, избегая его публикации или передачи третьим лицам.

В судебной практике нередко встречаются случаи, когда истцы представляют подобные файлы для обоснования своих прав на произведения. Так, в деле № А65-30208/2025 истец использовал исходный RAW-файл в качестве доказательства авторства спорного произведения, чтобы подтвердить свои исключительные права [14].

Помимо самого изображения, подтверждение авторства возможно также с помощью метаданных – специальных структурированных данных, включающих сведения о создателе, используемой технике, времени и месте съемки. Метаданные помогают идентифицировать и управлять информационными объектами, предоставляя важную дополнительную информацию для установления авторства [4]. Если фото сделано с помощью смартфона, дополнительно могут фиксироваться географические координаты, а также информация, полученная из установленных на устройстве приложений и встроенных эффектов [3].

Обычно при нажатии на кнопку спуска затвора создается файл формата JPEG, в которой вместе с изображением включаются дополнительные данные в формате EXIF – специальном стандарте для хранения метаданных фотографий. Однако присутствие таких метаданных в фотографиях не обеспечивает полной защиты от незаконного использования, поскольку EXIF легко поддается редактированию и форматированию. Более того, возможна замена изначальных метаданных на ложные, не относящиеся к оригинальному изображению. Тем не менее, использование EXIF в качестве меры защиты становится более эффективным, если комбинировать его с другими методами: например, внедрением видимых или скрытых цифровых водяных знаков, хранением исходных RAW-файлов, а также сохранением метаданных в оригинальных экземплярах, которые не были опубликованы или распространены [8].

Так, в рамках дела № А63-20899/2022 истец предоставил доступ к облачному хранилищу с оригиналом спорного изображения в формате JPEG. Этот файл содержал подробные метаданные, включая дату создания, а также технические параметры съемки. Помимо этого, истец приложил ссылку на облачное хранилище с исходным RAW-файлом данного фотографического произведения, а также серию фотографий, сделанных в ходе творческого процесса, приведшего к созданию спорного изображения. Все эти материалы сыграли ключевую роль в доказательстве прав на интеллектуальную собственность [15].

Метод цифрового водяного знака заключается во внедрении особого знака непосредственно в изображение [8]. Такие знаки бывают двух типов: видимые и скрытые.

Видимый цифровой водяной знак обычно представлен в виде текста или логотипа, который накладывается поверх фотографии и служит для обозначения автора. Этот знак не является неотъемлемой частью самой фотографии. Часто в качестве видимого водяного знака используют информацию об авторе, размещенную непосредственно на изображении.

Цифровой водяной знак данного типа не обеспечивает надежной защиты фотографий, поскольку его техническая реализация достаточно проста [8]. Это позволяет без труда изменить или удалить знак с помощью различных графических и текстовых программ. Например, в деле № А40-58858/23-51-469 выяснилось, что ответчик обрезал спорное изображение так, чтобы скрыть водяной знак, изначально размещенный в кадре. В итоге определить создателя фотографии по использованному ответчиком варианту стало невозможным, поэтому для подтверждения своего авторства истец предоставил другие доказательства [18].

Скрытый цифровой водяной знак представляет собой едва заметное для человеческого зрения изменение фотографии, например, корректировку яркости отдельных пикселей в определенной области с помощью специализированных программ. В изображение также могут быть незаметно встроены контактные данные авторы или правообладателя – электронная почта, адрес сайта и другие сведения – таким образом, чтобы они оставались невидимыми для обычного просмотра [8].

Применение специального программного обеспечения обеспечивает внедрение цифрового водяного знака в фотографическое произведение, что в дальнейшем служит доказательством его авторства. Использование этой технологии позволяет при помощи анализа специализированными инструментами подтвердить принадлежность изображения конкретному создателю. Таким образом, невидимый цифровой знак выступает надежным средством защиты авторских прав, поскольку его первичная интеграция фиксируется программным обеспечением, разработанным для этих целей [2].

Одним из признанных методов закрепления авторства является нотариальное заверение экземпляра фотографического изображения. Нотариус изучает первоисточник произведения и корректность составления текста заверения, после чего ставит отметку на каждом представленном документе. В надписи указываются полные данные нотариуса – его фамилия, имя и отчество, информация о месте его работы, а также сведения об авторе произведения и его адрес проживания, точная дата и время предъявления работы. После оформления копия документа остается как у автора, так и у нотариуса [6].

В гражданских и арбитражных процессах нотариально заверенные документы часто рассматриваются в качестве доказательств, в ряде случаев наличие которых является обязательным, например, при доказывании совершении сделок с недвижимостью или в наследственных спорах. Однако судебная практика в вопросах подтверждения авторства фотографических произведений демонстрирует, что наличие нотариального заверения у автора не является обязательным требованием. Например, в деле № А56-102146/2023 ответчик попытался оспорить право истца на фотографические изображения, аргументируя свою позицию отсутствием нотариального удостоверения документов. Тем не менее, Суд по интеллектуальным правам (далее – СИП) в своем Постановлении подчеркнул, что действующее законодательство не обязывает стороны предоставлять доказательства именно с помощью нотариуса. Удостоверение доказательств нотариусом рассматривается как право, а не обязанность участников процесса, и не влияет на юридическую силу представленных материалов [13].

Приложенные истцом скриншоты, фиксирующие факт публикации фотографии в средствах массовой информации, периодических изданиях, блогах в социальных сетях, также могут быть признаны достаточными доказательствами. Это объясняется тем, что согласно статьям 64 и 68 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (далее – АПК РФ), факт нарушения исключительных прав допускается можно подтверждать любыми доступными способами доказывания [10].

В деле № А75-14234/2025 истец использовал публикации в социальной сети для подтверждения своего авторства на результаты интеллектуальной деятельности. Среди размещенных материалов были и те, которые содержали непосредственно эти результаты [17]. В деле №А65-45820/2025 для доказательств авторства на фотографию истец также представил ссылку на соответствующую публикацию в социальной сети, что послужило одним из доказательств по делу [16].

Отдельно следует рассмотреть метод подтверждения авторства через депонирование фотографического изображения. Депонирование представляет собой процедуру передачи информации о произведениях или объектах смежных прав депозитарию, вместе с предоставлением экземпляра такого произведения. Целью депонирования является фиксация факта создания интеллектуального продукта под именем автора на определенную дату. После завершения депонирования, как правило, выдается свидетельство.

Факт депонирования произведения не всегда гарантирует признание авторства на него. В случае возникновения спора на авторство свидетельство может быть оспорено в суде [2]. Так, в определении от 17 сентября 2020 года по делу № А40-46622/2019 Судебная коллегия по экономическим спорам ВС РФ подчеркнула, что депони-

рование не порождает презумпцию авторства, предусмотренную статьей 1257 ГК РФ. Данная презумпция распространяется только на случаи, когда авторства указано на оригинале или экземпляре произведения либо иным образом в соответствии с пунктом 1 статьи 1300 ГК РФ, если не доказано иное. Депонирование служит лишь подтверждением существования объектов авторского права, однако оно не гарантирует признание авторства на них. Для установления авторства необходимы дополнительные доказательства, в качестве которых могут выступать свидетельские показания, публикации, черновики, позволяющие подтвердить факт создания произведения конкретным человеком [12].

Таким образом, при возникновении спора об авторстве фотографического произведения можно предоставить следующие доказательства:

1) необработанные исходные файлы (например, в RAW-формате);
2) метаданные фотографических произведений;
3) фотографические произведения с цифровым водяным знаком (видимым или встроенным);
4) нотариально заверенные документы;
5) скриншоты и протоколы, которые подтверждают публикацию в средствах массовой информации, выставках, периодических изданиях, блогах в социальных сетях.

Свидетельство о депонировании к их числу относить не стоит, поскольку он фиксирует не факт проведенной работы над фотографией конкретным человеком, а факт существования такого объекта.

Судебные споры, в которых приходится подтверждать свое авторство на фотографические произведения, возникают, как правило, в случае нарушения их исключительных прав, например, путем использования фотографии в коммерческих целях без согласия автора. Анализ судебных актов показал, что суды часто встают на сторону истцов, поскольку тем удается доказать принадлежность спорных объектов, предоставляя те материалы, которые безоговорочно подтверждают авторство произведений, в том числе те, которые были рассмотрены в статье. На сегодняшний день применение вышеперечисленных способов в совокупности позволяет доказать свое авторство, однако с развитием технических средств это может стать сложнее. Поэтому для того, чтобы можно было решить проблему, связанную с доказыванием авторства на фотографические произведения, необходимо ввести процедуру учета, похожую на регистрацию патента, по итогам которой выдавался бы документ, который без всяких сомнений подтверждал бы исключительное право на результат творческой деятельности.

Список литературы:

[1] Авторское право: учебник и практикум для вузов / Е. А. Позднякова. – М.: Юрайт, 2026. 259 с.

[2] Адамян К. М. Депонирование как способ фиксации создания объектов авторских и смежных прав в сети «Интернет» // Пролог: журнал о праве. – 2024. – №1 (41). – С. 71-79.

[3] Кильдеев Р. Р. Понятие метаданных и их конституционная защита // Известия ВУЗов. Поволжский регион. Общественные науки. – 2021. – №3 (59). – С. 29-39.

[4] Леготин Е. Ю. Организация метаданных в хранилище данных // Научный поиск. Технические науки: материалы третьей науч. конф. аспирантов и докторантов / Юж.-Урал. гос. ун-т. Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ. – 2011. – Т. 2. – С. 128-132.

[5] Правовое регулирование применения технических средств для защиты авторских прав: на примере цифрового водяного знака / Данилюк С. С. [и др.]. Юридическая наука. – 2024. – № 1. – С. 114-115.

[6] Прижилова Е. В. Проблема использования депонирования в качестве доказательной базы авторства // Интеллектуальная собственность в инновационном развитии региона: Материалы V региональной научно-практической конференции, Хабаровск, 26 апреля 2022 года / Хабаровск: Тихоокеанский государственный университет. – 2022. – С. 56-58.

[7] Сурин В. А., Ческидова М.А. Фильтрация RAW-изображений на основе обобщенного метода наименьших модулей // Вестник ЮУрГУ. Серия: «Математика. Механика. Физика». – 2023. – Т. 15. – №4. – С. 21-29.

[8] Шабанов А. А. Основные способы превентивной самозащиты авторских прав на фотографические произведения // Уголовный закон и цифровизация: новые вызовы и угрозы: сборник научных трудов по итогам Международной научно-практической конференции, 3 декабря 2021 года / Липецк: Индивидуальный предприниматель Богатырев Валерий Иванович. – 2022. – С. 107-115.

[9] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2006. – № 52 (ч. 1). – Ст. 5496.

[10] Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ // СЗ РФ. – 2002. – № 30. – Ст. 3012.

[11] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Российская газета. – 2019. – № 96.

[12] Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 17.09.2020 № 305-ЭС20-8198 по делу № А40-46622/2019 // Официальный сайт Верховного суда Российской Федерации. – URL: https://kad.arbitr.ru/Kad/Card?number=%D0%9040-46622%2F2019 (дата обращения: 06.03.2026).

[13] Постановление Суда по интеллектуальным правам от 26.11.2024 № С01-1865/2024 по делу № А56-102146/2023 // Официальный сайт Суда по интеллектуальным правам. – URL: https://kad.arbitr.ru/Card?number=%D0%9056-102146/2023 (дата обращения: 14.02.2026).

[14] Постановление Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 19.03.2026 № 11АП-13958/2025 по делу № А65-30208/2025 // Официальный сайт Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда. – URL: https://kad.arbitr.ru/Card/500e3b07-b997-4c7e-ae52-1141593b63d3 (дата обращения: 25.02.2026).

[15] Постановление Шестнадцатого апелляционного арбитражного суда от 23.04.2024 № 16АП-174/2024 по делу № А63-20899/2022 // Официальный сайт Шестнадцатого арбитражного апелляционного суда. – URL: https://kad.arbitr.ru/Card/a77480cf-f9b5-49f2-8ca2-905d215970b8 (дата обращения: 14.02.2026).

[16] Решение Арбитражного суда Республики Татарстан №А65-45820/2025 // Официальный сайт Арбитражного суда Республики Татарстан. – URL: https://kad.arbitr.ru/Card/e8cda101-56c6-4c44-8c50-04996c89b651 (дата обращения: 25.02.2026).

[17] Решение Арбитражного суда Ханты-Мансийского автономного округа – Югры № А75-14234/2025 // Официальный сайт Арбитражного суда Ханты-Мансийского автономного округа – Югры. – URL: https://kad.arbitr.ru/Card/1ec4703b-1a97-4710-baa6-d055cee40a24 (дата обращения: 14.02.2026).

[18] Решение Арбитражного суда города Москвы № А40-58858/23-51-469 // Официальный сайт Арбитражного суда города Москвы. – URL: https://kad.arbitr.ru/Card/68a2a86a-528e-44d6-b666-8d7dd8d9b87c (дата обращения: 25.02.2026).

References:

[1] Copyright: textbook and workshop for universities/E. A. Pozdnyakova. - M.: Yurayt, 2026. 259 pp.

[2] Adamyan K. M. Deposition as a way of fixing the creation of objects of copyright and related rights on the Internet//Prologue: a journal of law. – 2024. – №1 (41). – C. 71-79.

[3] Kildeev R.R. The concept of metadata and their constitutional protection//News of universities. Volga region. Social sciences. – 2021. – №3 (59). - S. 29-39.

[4] Legotin E. Yu. Organization of metadata in the data warehouse//Scientific search. Technical sciences: materials of the third scientific. conf. post-graduate and doctoral students/South Ural. state. un-t. Chelyabinsk: SUSU Publishing Center. – 2011. - VOL. 2. - S. 128-132.

[5] Legal regulation of the use of technical means for copyright protection: on the example of a digital watermark/Danilyuk S. S. [et al.]. Legal science. – 2024. – № 1. – C. 114-115.

[6] E.V. Prizhilova. The problem of using deposit as an evidence base of authorship//Intellectual property in the innovative development of the region: Materials of the V regional scientific and practical conference, Khabarovsk, April 26, 2022/Khabarovsk: Pacific State University. – 2022. - S. 56-58.

[7] Surin V.A., Cheskidova M.A. Filtering RAW images based on the generalized method of least modules//Bulletin of SUSU. Series: “Mathematics. Mechanics. Physics.” – 2023. - T. 15. – №4. - S. 21-29.

[8] Shabanov A. A. The main methods of preventive self-defense of copyright for photographic works//Criminal Law and Digitalization: New Challenges and Threats: Collection of Scientific Works Following the International Scientific and Practical Conference, December 3, 2021/Lipetsk: Individual Entrepreneur Bogatyrev Valery Ivanovich. – 2022. - S. 107-115.

[9] Civil Code of the Russian Federation (Part Four) dated 18.12.2006 No. 230-FZ//Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2006. - No. 52 (part 1). - Art. 5496.

[10] Arbitration Procedure Code of the Russian Federation dated 24.07.2002 No. 95-FZ//NW RF. – 2002. – № 30. - Art. 3012.

[11] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 23.04.2019 No. 10 “On the Application of Part Four of the Civil Code of the Russian Federation “//Rossiyskaya Gazeta. – 2019. – № 96.

[12] Determination of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation of 17.09.2020 No. 305-ES20-8198 in case No. A40-46622/2019//Official website of the Supreme Court of the Russian Federation. - URL: https://kad.arbitr.ru/Kad/Card?number=%D0%9040-46622%2F2019 (access date: 06.03.2026).

[13] Intellectual Property Rights Court Ruling of 26.11.2024 No. C01-1865/2024 in case No. A56-102146/2023//Official website of the Intellectual

Property Rights Court. - URL: https://kad.arbitr.ru/Card?number=%D0%9056-102146/2023 (access date: 14.02.2026).

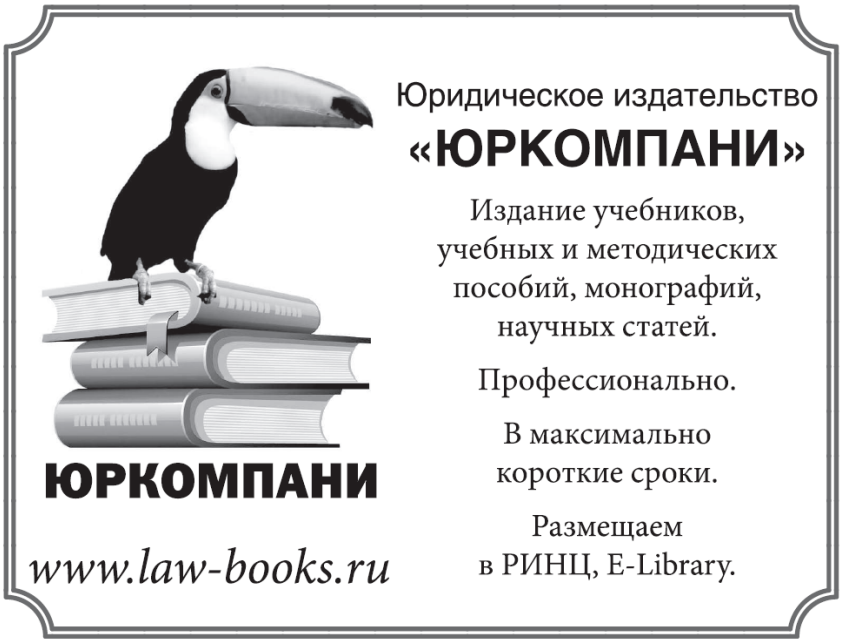
[14] Decision of the Eleventh Arbitration Court of Appeal of 19.03.2026 No. 11AP-13958/2025 in case No. A65-30208/2025//Official website of the Eleventh Arbitration Court of Appeal. - URL: https://kad.arbitr.ru/Card/500e3b07-b997-4c7e-ae52-1141593b63d3 (access date: 25.02.2026).

[15] Ruling of the Sixteenth Arbitration Court of Appeal of 23.04.2024 No. 16AP-174/2024 in case No. A63-20899/2022//Official website of the Sixteenth Arbitration Court of Appeal. - URL: https://kad.arbitr.ru/Card/a77480cf-f9b5-49f2-8ca2-905d215970b8 (access date: 14.02.2026).

[16] Decision of the Arbitration Court of the Republic of Tatarstan No. A65-45820/2025//Official website of the Arbitration Court of the Republic of Tatarstan. - URL: https://kad.arbitr.ru/Card/e8cda101-56c6-4c44-8c50-04996c89b651 (access date: 25.02.2026).

[17] Decision of the Arbitration Court of the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug - Ugra No. A75-14234/2025//Official website of the Arbitration Court of the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug - Ugra. - URL: https://kad.arbitr.ru/Card/1ec4703b-1a97-4710-baa6-d055cee40a24 (access date: 14.02.2026).

[18] Decision of the Moscow Arbitration Court No. A40-58858/23-51-469//Official website of the Moscow Arbitration Court. - URL: https://kad.arbitr.ru/Card/68a2a86a-528e-44d6-b666-8d7dd8d9b87c (access date: 25.02.2026).

Дата поступления рукописи в редакцию: 15.04.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-4-266-271
Дата принятия рукописи в печать: 03.05.2026 г.

ДЕМИРЧЯН Виктория Вагановна,
к.ю.н., доцент кафедры гражданского права
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»,
e-mail: lizard84@mail.ru

ПРАВО НА ОТЗЫВ ПРОИЗВЕДЕНИЯ В АВТОРСКОМ ПРАВЕ РОССИИ: ДОКТРИНАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ И НОРМАТИВНЫЕ МОДЕЛИ

Аннотация. *В статье даётся комплексный анализ права автора на отзыв произведения. Данное правомочие отличается сложной правовой природой, сочетая в себе неимущественный компонент, обремененный материальными обязательствами субъекта права. Цель исследования — определить сущностные характеристики и границы осуществления этого права в условиях конфликта между интересами творца и потребностью в устойчивости гражданского оборота. Методологическую основу образуют сравнительно-правовой, историко-правовой и формально-юридический подходы. Прослеживается эволюция института от положений Бернской конвенции до современных национальных законодательств, выделяются ключевые доктринальные концепции. Особое внимание уделено анализу российской регламентации (ст. 1269 ГК РФ) в сопоставлении с правопорядками Индии и Китая. По итогам исследования делается вывод о неполноте российского законодательного регулирования в отношении отзыва произведений, входящих в состав сложных объектов, и предлагаются пути восполнения выявленных пробелов.*

Ключевые слова: *право на отзыв, личные неимущественные права автора, моральные права, Бернская конвенция, авторское право, сравнительное правоведение, судебная практика Индии, авторское право Китая.*

DEMIRCHYAN Victoria Vaganovna,
Ph.D., Associate Professor, Department of Civil Law,
Federal State Budgetary Educational Institution
of Higher Education "Kuban State University"

RIGHT TO RECALL A WORK IN RUSSIAN COPYRIGHT: DOCTRINAL APPROACHES AND REGULATORY MODELS

Annotation. *The article provides a comprehensive analysis of the author's right to withdraw a work. This legal entitlement has a complex legal nature, combining a non-property component encumbered by the material obligations of the right holder. The aim of the study is to determine the essential characteristics and boundaries of exercising this right in the context of conflict between the creator's interests and the need for stability of civil circulation. The methodological framework comprises comparative legal, historical legal, and formal legal approaches. The article traces the evolution of this institution from the provisions of the Berne Convention to modern national legislations, highlighting key doctrinal concepts. Special attention is paid to the analysis of Russian regulation (Article 1269 of the Civil Code of the Russian Federation) in comparison with the legal orders of India and China. Based on the results of the study, it is concluded that Russian legislative regulation regarding the withdrawal of works that form part of complex objects is incomplete, and ways to fill the identified gaps are proposed.*

Key words: *right of withdrawal, moral rights of the author, Berne Convention, copyright, comparative jurisprudence, Indian case law, Chinese copyright law.*

Правовой механизм, позволяющий автору отказаться от ранее выраженной воли на обнародование рукописи, относится к числу спорных категорий цивилистической доктрины интеллектуальных прав. Его применение неизбежно порождает столкновение двух фундаментальных начал авторского права: с одной стороны, признание особой, личностной связи

творца с результатом его интеллектуальной деятельности (нравственно-правовая концепция), а с другой — необходимость обеспечения стабильности гражданского оборота благ и защиты прав добросовестных обладателей исключительных прав. Право на отзыв позволяет автору аннулировать ранее принятое решение об обнародовании произведения и, в некоторых правовых системах, требовать изъятия уже распространённых экземпляров из коммерческого оборота. Это предопределяет его двойственную природу, находящуюся на пересечении нематериальных правомочий и имущественных обязанностей. Актуальность проведённого исследования объясняется отсутствием в отечественной цивилистике единого подхода к юридической сущности права на отзыв, а также наличием пробелов в действующей редакции ст. 1269 Гражданского кодекса РФ [2], что создаёт определённые сложности при его реализации на практике.

Юридическое оформление создания произведения связано с наделением автора системой интеллектуальных прав, внутренняя структура которых согласно ст. 1255 ГК РФ охватывает личные неимущественные права (право авторства, право на имя, право на неприкосновенность, право на обнародование), исключительное право и иные права. Произведение, рассматриваемое как отражение личности создателя, служит основой для возникновения личных неимущественных прав, характеризующихся неразрывной связью с внутренним миром автора и его эстетическими представлениями. На международном уровне базовые параметры охраны личных (моральных) прав закреплены в ст. 6bis Бернской конвенции об охране литературных и художественных произведений [1], согласно которой независимо от имущественных прав, автор вправе требовать признания авторства и противодействовать любому искажению или иному посягательству на целостность произведения, способному нанести ущерб его достоинству или репутации.

В структуре интеллектуальных прав особое место отведено «иным» правам, перечисленным в ст. 1255 ГК РФ, к числу которых законодатель отнёс и право на отзыв. В российской доктрине отсутствует единство взглядов на правовую природу данных правомочий. Часть исследователей обосновывает бинарную сущность иных прав, в которых сочетаются элементы как исключительных (имущественных), так и личных неимущественных прав [9], отмечая, что право на отзыв, являясь неотчуждаемым, тем не менее, влечёт за собой имущественные последствия в виде обязанности возместить причинённые убытки. На двойственный характер указывает и М.Б. Ковалев, подчёркивая, что правомочия на обнародование и отзыв произведения содержат как личностный, так и экономический аспекты, поскольку их осуществление непосредственно затрагивает хозяйственный оборот результата творчества [7]. А.П. Сергеев квалифицирует право на отзыв как неотъемлемую составляющую личных неимущественных прав автора и акцентирует его неразрывную связь с личностью создателя [11].

В доктрине также присутствует позиция, согласно которой все иные интеллектуальные права имеют имущественную природу, поскольку их реализация, в конечном счёте, направлена на удовлетворение материальных интересов правообладателя. Так, Г.Н. Черничкина полагает, что все иные интеллектуальные права относятся к числу имущественных и обязательственных, так как их осуществление опосредовано поведением обязанного лица, а не действиями самого правообладателя [14]. Схожей точки зрения придерживается В.Н. Лисица, полагающий, что инвестиционной сущностью в категории интеллектуальных прав наделены лишь исключительные и иные права, которые имеют имущественное содержание и могут выступать объектом отчуждения или передачи другим лицам [8].

Наиболее сбалансированным представляется функциональный подход, разделяющий иные права на подвиды: неотчуждаемые права, тесно связанные с личностью автора (право доступа, право на отзыв произведения, право авторского контроля и надзора и др.); права, переходящие по наследству и имеющие имущественный характер (право следования, право на вознаграждение за служебное произведение и др.); отчуждаемые права, которые могут свободно передаваться (право на получение патента, право на использование знака охраны) [12]. В рамках данной классификации право на отзыв проявляет признаки секундарного правомочия, реализуемого односторонним волеизъявлением автора, однако обременённого настолько значительной обязанностью по компенсации имущественных потерь, что его практическое применение становится экономически обременительным [13]. А.А. Богустов, анализируя современные тенденции развития, отмечает, что изъятие уже опубликованных материалов всё чаще выступает как альтернативный инструмент защиты интеллектуальных прав, проявление саморегуляции в научно-издательской среде, однако действующая редакция ст. 1269 ГК РФ ограничивает отзыв только необнародованными произведениями, что существенно сужает сферу его практического применения [5]. Следовательно, несмотря на дискуссионность вопроса о месте права на отзыв в системе субъективных авторских прав, очевидно, что иные права, в целом, выполняют функцию гибкого пра-

вового регулятора, обеспечивающего баланс интересов в особых ситуациях, не охватываемых классическими абсолютными исключительными и личными неимущественными правами.

Сравнительно-правовой анализ позволяет выявить различные подходы к нормативному закреплению права на отзыв. Если в странах романо-германской правовой системы оно получило наиболее полное воплощение, то в юрисдикциях общего права исторически преобладает критическое отношение к признанию личных (моральных) прав. Показательным примером служит опыт Индии, где интерпретация права представляет собой сложный, многоступенчатый процесс, так как основывается как на законодательстве, так и на прецеденте, что обеспечивает «справедливое и единообразное применение законов». Так, Закон об авторском праве 1957 года (Copyright Act, 1957) [4] не содержит прямого указания права на отзыв, однако раздел 57 закрепляет «особые права» автора. Высокий суд Дели в постановлении по делу Amar Nath Sehgal v. Union of India & Anr [18] прямо разъяснил, что объём моральных прав по данному разделу включает «право автора изъять своё произведение из публикации». Кроме того, раздел 21 Закона предусматривает механизм отказа от прав путём уведомления Регистратора, что, хотя и не тождественно классическому отзыву, выполняет аналогичные функции. Индийская правоприменительная традиция (дело Pee Pee Publishers & Distributors (P) Ltd. v. Dr. Neena Khanna [17]) фактически легитимировала конструкцию договорного отзыва, не расширяя при этом формальный перечень моральных прав.

Сходным образом Закон КНР «Об авторском праве» (в редакции 2020 г.) [3], перечисляя в ст. 10 личные неимущественные права (право на обнародование, авторство, изменение и защиту от искажения), не упоминает о праве на отзыв. В китайской доктрине проводится строгое разграничение неотчуждаемых личных прав и оборотоспособных имущественных. Вместе с тем, активно разрабатывается концепция «права автора на выход из договора», направленная на восстановление равенства интересов в ситуации неиспользования произведения пользователем, что сближает её с традиционным пониманием права на отзыв [15].

В ГК РФ право на отзыв закреплено в ст. 1269, согласно которой автор вправе до момента фактического обнародования произведения отступиться от ранее принятого решения о его обнародовании при условии возмещения лицу, которому отчуждено исключительное право или предоставлено право использования, убытков, вызванных таким решением. Право на отзыв связано с правомочием на обнародование (ст. 1268 ГК РФ) и может быть осуществлено только до момента выпуска экземпляров в обращение. Этот тезис подтверждается и судебной практикой: как указано в Постановлении Суда по интеллектуальным правам от 26.09.2024 № С01-1422/2024 по делу № А56-100397/2023 [23], правомерное введение экземпляра в гражданский оборот при осведомлённости автора исключает последующую реализацию права на отзыв.

Ограничительный вектор российского регулирования проявляется в п. 2 ст. 1269 ГК РФ, исключающем применение данного права к программам для ЭВМ, служебным произведениям и результатам творчества, вошедшим в состав сложного объекта. Подобные изъятия, отсутствующие в индийском и китайском праве, свидетельствуют о стремлении законодателя обеспечить приоритет устойчивости оборота над личными творческими интересами в указанных сферах. Так, Решением Калининского районного суда г. Тюмени от 29.11.2019 по делу № 2-1227/2020, [22] было отказано в отзыве учебного пособия, созданного в рамках трудовых отношений, а Постановлением Суда по интеллектуальным правам от 17.03.2016 № С01-90/2016 по делу № А40-142345/2014, [20] — отказано в отзыве хореографической постановки, входящей в состав театрального представления, как сложного объекта. Право на отзыв неотчуждаемо, непередаваемо и прекращается со смертью автора, на что прямо указано в Апелляционном определении Московского городского суда от 22.11.2018 по делу № 33-45425/2018 [21].

Ключевой проблемой реализации права на отзыв является юридическая квалификация обязанности автора возместить убытки. В цивилистической литературе обоснованно критикуется использование понятия «убытки» применительно к правомерному действию, поскольку, согласно классическому определению убытков в контексте ст. 15 ГК РФ, они выступают мерой ответственности за противоправное поведение. Действия автора по отзыву являются правомерными, следовательно, речь должна идти о компенсации имущественных потерь, понесённых контрагентом, но не о деликтной или договорной ответственности [10]. Включение в объём возмещения упущенной выгоды, имеющей вероятностный характер, создаёт непропорциональное финансовое бремя, способное свести на нет декларируемый приоритет неимущественных интересов. Вместе с тем, полный отказ от категории «убытки» мог бы спровоцировать недобросовестное поведение авторов и сузить гарантии добросовестных

приобретателей. Наиболее разумным решением видится не нормативная корректировка текста ГК РФ, а выработка единообразного судебного толкования на уровне Пленума Верховного Суда РФ, которое признало бы специфику данных «убытков», как правомерно причинённых потерь (аналог ст. 406.1 ГК РФ) и ограничило бы размер взыскиваемой упущенной выгоды исключительно неизбежными потерями по уже заключённым контрагентом сделкам.

Одной из краеугольных проблем при реализации автором права на отзыв произведения, является создание последнего в соавторстве. Согласно ст. 1258 ГК РФ, граждане, создавшие произведение совместным творческим трудом, признаются соавторами независимо от того, образует ли такое произведение неразрывное целое или состоит из частей, каждая из которых имеет самостоятельное значение, так же п.2 указанной статьи устанавливает, что произведение, созданное в соавторстве, используется соавторами совместно, если соглашением между ними не предусмотрено иное. Так как право на отзыв неразрывно связано с правом на опубликование произведения, данные решения соавторы также принимают совместно и, в данном случае, механизм реализации напрямую зависит от вида соавторства. Ели соавторство признается раздельным, что у автора есть возможность отозвать свою часть произведения, если договором между сторонами не будет уставлено иное. Если соавторство нераздельное – то реализация права на отзыв возможна лишь при совместном принятии данного решения до его опубликования. Если соавторы приняли решение совместно, то возмещение убытков будет также совместным. Таким образом, при нераздельном соавторстве реализация права на отзыв возможна лишь при совместном принятии данного решения, если согласие не достигнуто, то автор лишается такого права, по аналогии с запретом на отзыв произведений, входящих с ложный объект.

Предпринятый сравнительно-правовой анализ позволяет констатировать, что российское регулирование права на отзыв отличается наибольшей детализацией, но при этом излишней ригидностью в части установленных ограничений. В отличие от индийского и китайского правопорядков, где недостаток прямого законодательного закрепления компенсируется гибкими доктринальными и договорными инструментами, российский подход, исключая из сферы действия права на отзыв служебные произведения и сложные объекты, порождает неоправданную дискриминацию авторов соответствующих результатов интеллектуальной деятельности. Представляется целесообразным исключить из п. 2 ст. 1269 ГК РФ упоминание служебных произведений, поскольку личные неимущественные права автора не должны умаляться фактом создания произведения в рамках трудовых отношений. Изучение индийского опыта процедуры отказа от прав и китайской концепции «права на выход из договора» может способствовать выработке более сбалансированных подходов к защите интересов автора в динамично меняющихся условиях информационного общества.

Таким образом, право на отзыв произведения выступает важнейшим элементом системы моральных прав автора, отражая глубинную связь творца с результатом его интеллектуальной деятельности. Несмотря на общие концептуальные основы, заложенные Бернской конвенцией, национальные модели регулирования обнаруживают существенные различия. Дальнейшее совершенствование российского законодательства должно опираться как на накопленный отечественный правоприменительный опыт, так и на лучшие зарубежные практики, обеспечивая надлежащую защиту личных неимущественных интересов автора.

Список литературы:

[1] Бернская конвенция об охране литературных и художественных произведений от 9 сентября 1886 г. (Парижский акт от 24 июля 1971 г., изменённый 28 сентября 1979 г.) // Бюллетень международных договоров. – 2003. – № 9.

[2] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвёртая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 23.07.2025) // Собрание законодательства РФ. – 2006. – № 52 (ч. 1). – Ст. 5496.

[3] Закон КНР «Об авторском праве» от 07.09.1990 (в ред. от 11.11.2020) // [Электронный ресурс]. URL: http://www.npc.gov.cn/ (дата обрар щения: 09.04.2026).

[4] The Copyright Act, 1957 (Act No. 14 of 1957) // The Gazette of India. – 1957.

[5] Богустов А.А. Ретрагирование опубликованных материалов — способ защиты интеллектуальных прав, обыкновение, обычай? // Предпринимательское право. – 2024. – № 2. – С. 70–76.

[6] Гаврилов Э.П. Право интеллектуальной собственности. Авторское право и смежные права. XXI век. – М.: Юрсервитум, 2021. – 880 с.

[7] Ковалев М.Б. Право на обнародование и отзыв произведения // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2019. – № 4. – С. 93–100.

[8] Лисица В.Н. Интеллектуальные права в международном и российском инвестиционном праве // Law Enforcement Review. – 2024. – Vol. 8. – No. 1. – P. 140–147.

[9] Новоселова Л.А. Интеллектуальные права: понятие и система // Вестник гражданского права. — 2008. — № 2. — С. 4—32.

[10] Рязанова В.В. Право на отзыв по российскому и иностранному законодательству // Юридический вестник Самарского университета. – 2017. – Т. 3. – № 1. – С. 114–119.

[11] Сергеев А.П. Право интеллектуальной собственности в Российской Федерации: учебник. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2023. – 992 с.

[12] Таранюк Ю.В. Толкование и интерпретация права: отличие понятий и правила осуществления в современной Индии // Юридический вестник Кубанского государственного университета. – 2024. № 2 (16). – С. 18.

[13] Хатламаджиян К.Т. Права авторов результатов интеллектуальной деятельности нормативно неопределённой природы: дис. ... канд. юрид. наук. – Ростов-на-Дону, 2013. – 204 с.

[14] Хатламаджиян К.Т. Право на отзыв произведения: природа, содержание и последствия реализации // Хозяйство и право. – 2012. – № 5. – С. 91–95.

[15] Черничкина Г.Н. Иные интеллектуальные права части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации // Современное право. – 2019. – № 2. – С. 61–73.

[16] The author's moral right of withdrawal and its reasonable restriction or contractual waiver // Journal of World Intellectual Property. – 2023. – Vol. 26. – No. 3. – P. 1–28.

[17] 作者合同退出权的域外经验探析与本土规范构建 (Анализ зарубежного опыта права автора на выход из договора и построение локальных норм) // 知识产权 (Интеллектуальная собственность). – 2024. – № 2. – С. 45–58.

[18] Pee Pee Publishers & Distributors (P) Ltd. v. Dr. Neena Khanna // Delhi High Court, Judgment of 22 July 2010. Case No. CS(OS) 1036/2007.

[19] Amar Nath Sehgal v. Union of India & Anr // Delhi High Court, Judgment of 21 February 2005. 2005 (30) PTC 253 (Del).

[20] Bhaktivedanta Book Trust India v. ISKCON // Delhi High Court, Judgment of 23 April 2024. Case No. CS(COMM) 242/2022.

[21] Постановление Суда по интеллектуальным правам от 17 марта 2016 г. № С01-90/2016 по делу № А40-142345/2014 // СПС «КонсультантПлюс».

[22] Апелляционное определение Московского городского суда от 22 ноября 2018 г. по делу № 33-45425/2018 // СПС «КонсультантПлюс».

[23] Решение Калининского районного суда г. Тюмени от 29 ноября 2019 г. по делу № 2-1227/2020 // Архив Калининского районного суда г. Тюмени.

[24] Постановление Суда по интеллектуальным правам от 26 сентября 2024 г. № С01-1422/2024 по делу № А56-100397/2023 // СПС «КонсультантПлюс».

References:

[1] Berne Convention for the Protection of Literary and Artistic Works of September 9, 1886 (Paris Act of July 24, 1971, amended September 28, 1979)//Bulletin of International Treaties. – 2003. –№ 9.

[2] Civil Code of the Russian Federation (part four) dated 18.12.2006 No. 230-FZ (as amended on 23.07.2025) //Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2006. - No. 52 (part 1). - Art. 5496.

[3] PRC Copyright Law of 07.09.1990 (as amended by 11.11.2020) //[Electronic Resource]. URL: http://www.npc.gov.cn/ (access date: 09.04.2026).

[4] The Copyright Act, 1957 (Act No. 14 of 1957) // The Gazette of India. – 1957.

[5] Bogustov A.A. Retraction of published materials - a way to protect intellectual rights, custom, custom ?//Business law. – 2024. – № 2. - S. 70-76.

[6] Gavrilov E.P. Intellectual Property Law. Copyright and related rights. XXI century. - M.: Yurservitum, 2021. - 880 s.

[7] Kovalev M.B. The right to publish and recall the work//Bulletin of the Saratov State Law Academy. – 2019. – № 4. - S. 93-100.

[8] Lisitsa V.N. Intellectual Property Rights in International and Russian Investment Law//Law Enforcement Review. – 2024. – Vol. 8. – No. 1. – P. 140–147.

[9] Novoselova L.A. Intellectual rights: concept and system//Bulletin of civil law. — 2008. — № 2. - S. 4 - 32.

[10] Ryazanova V.V. Right to recall under Russian and foreign legislation//Legal Bulletin of Samara University. – 2017. - VOL. 3. – № 1. - S. 114-119.

[11] Sergeev A.P. Intellectual property law in the Russian Federation: textbook. - 4th ed., Revised and add. - M.: Prospect, 2023. - 992 s.

[12] Taranyuk Yu.V. Interpretation and interpretation of law: differences in concepts and rules of implementation in modern India//Legal Bulletin of Kuban State University. – 2024. № 2 (16). - S. 18.

[13] Khatlamadzhiyan K.T. Rights of authors of the results of intellectual activity of a normatively uncertain nature: dis.... cand. jurid. sciences. - Rostov-on-Don, 2013. - 204 s.

[14] Khatlamadzhiyan K.T. Right to recall a work: nature, content and consequences of implementation//Economy and law. – 2012. – № 5. - S. 91-95.

[15] Chernichkina G.N. Other intellectual rights of part four of the Civil Code of the Russian Federation//Modern law. – 2019. – № 2. - S. 61-73.

[16] The author's moral right of withdrawal and its reasonable restriction or contractual waiver // Journal of World Intellectual Property. – 2023. – Vol. 26. – No. 3. – P. 1–28.

[17] 作者合同退出权的域外经验探析与本土规范构建 (Analysis of foreign experience of the author's right to withdraw from the contract and build local norms)// 知识产权 (Intellectual Property). – 2024. – № 2. - S. 45-58.

[18] Pee Pee Publishers & Distributors (P) Ltd. v. Dr. Neena Khanna // Delhi High Court, Judgment of 22 July 2010. Case No. CS(OS) 1036/2007.

[19] Amar Nath Sehgal v. Union of India & Anr // Delhi High Court, Judgment of 21 February 2005. 2005 (30) PTC 253 (Del).

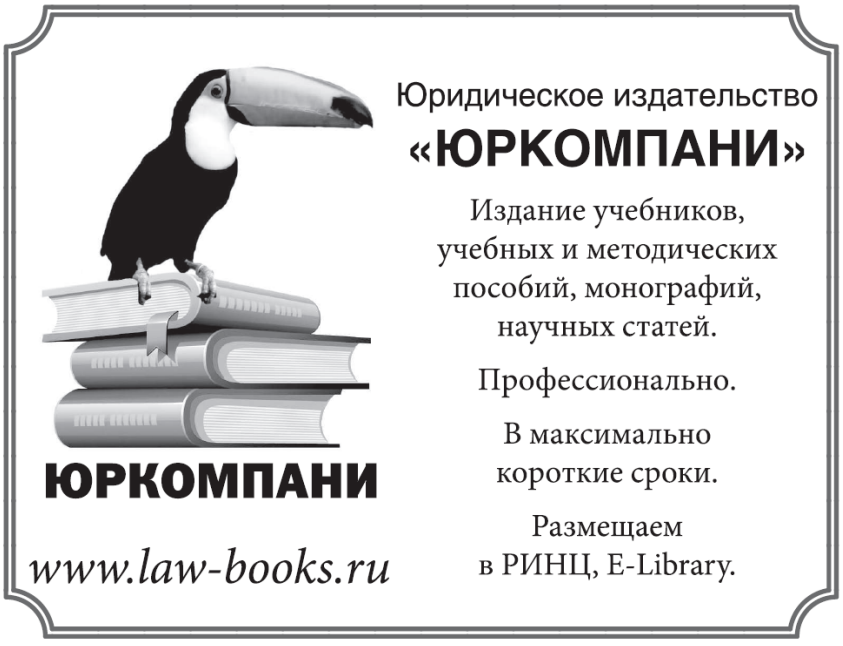
[20] Bhaktivedanta Book Trust India v. ISKCON // Delhi High Court, Judgment of 23 April 2024. Case No. CS(COMM) 242/2022.

[21] Intellectual Property Court Ruling No. C01-90/2016 dated March 17, 2016 in case No. A40-142345/2014//SPS "ConsultantPlus."

[22] Appeal ruling of the Moscow City Court of November 22, 2018 in case No. 33-45425/2018// SPS "ConsultantPlus."

[23] Decision of the Kalininsky District Court of Tyumen dated November 29, 2019 in case No. 2-1227/2020//Archive of the Kalininsky District Court of Tyumen.

[24] Order of the Intellectual Property Court of September 26, 2024 No. C01-1422/2024 in case No. A56-100397/2023//SPS «ConsultantPlus.»

- ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ ПРАВА -

Дата поступления рукописи в редакцию: 29.03.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-4-272-275
Дата принятия рукописи в печать: 03.05.2026 г.

БУШМАКИНА Виктория Сергеевна,
преподаватель кафедры социально-экономических и гуманитарных дисциплин Московского областного филиала Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
e-mail: akvit.vs@yandex.ru

БАШЛУЕВА Наталья Николаевна,
кандидат педагогических наук,
доцент кафедры социально-экономических и гуманитарных дисциплин Московского областного филиала Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
e-mail: bashlueva@mail.ru

БОГДАНОВ Максим Николаевич,
кандидат юридических наук,
старший преподаватель кафедры организации режима, Псковского филиала Университета ФСИН России,
e-mail: mbogdanov75@mail.ru

ТЕОРИИ ПРОИСХОЖДЕНИЯ ГОСУДАРСТВА: ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

Аннотация. *Цель исследования заключается во всестороннем анализе трех ключевых теорий происхождения государства: теологической и договорной. Эти теории выбраны ввиду их представительности для различных парадигм мышления: теологическая опирается на религиозные представления о божественном вмешательстве, договорная подчеркивает роль человеческого разума и согласия. Объектом исследования являются теории происхождения государства. Предметом исследования являются основные положения теорий происхождения государства. Методологическая основа исследования строится на анализе научных трудов отечественных и зарубежных авторов, обобщении исторических фактов, логическом рассуждении и сравнительном методе.*

Ключевые слова: *государство, теория происхождения государства, теологическая теория, договорная теория.*

BUSHMAKINA Viktoria Sergeevna,
Lecturer of the Department of Socio-economic and humanities of the Moscow regional branch of the Moscow University of the MIA of Russia named after V.Ya. Kikot

BASHLUEVA Natalia Nikolaevna,
candidate of pedagogical sciences, Associate Professor of the Department of Socio-economic and Humanities of the Moscow regional branch of the Moscow University of the MIA of Russia named after V.Ya. Kikot

BOGDANOV Maxim Nikolaevich,
Candidate of Law, Senior lecturer at the Department of Regime Organization, Pskov Branch of the University of the Federal Penitentiary Service of Russia

THEORIES OF THE ORIGIN OF THE STATE: HISTORICAL AND LEGAL ANALYSIS

Annotation. *The purpose of the study is a comprehensive analysis of three key theories of the origin of the state: theological and contractual. These theories were chosen because they are representative of different paradigms of thought: the theological one is based on religious ideas about divine intervention, the contractual one emphasizes the role of human reason and consent. The object of the research is theories of the origin of the state. The subject of the research is the main provisions of the theories of the origin of the state. The methodological basis of the research is based on the analysis of scientific works of domestic and foreign authors, generalization of historical facts, logical reasoning and comparative method.*

Key words: *state, origin of states, theological theory, contractual theory.*

Теологическая теория происхождения государства

В средние века теологическая, богословская, теория достигла пика развития в христианском мире. Августин Блаженный (354-430 гг.), в своем фундаментальном труде «О граде Божием», утверждал, что государство возникло после грехопадения Адама и Евы как необходимое средство для сдерживания человеческого зла. По Августину, земное государство – это «град земной», подчиненный «граду Божию», и его цель – поддерживать мир и справедливость в ожидании небесного царства. Он подчеркивал, что власть дана Богом, но она должна быть направлена на благо, иначе теряет легитимность.

Фома Аквинский (1225-1274 гг.) в «Сумме теологии» развил эти идеи, сочетая аристотелевский рационализм с христианским богословием. Он различал естественный закон, заложенный Богом в природу, и положительный закон, создаваемый людьми, но подчиненный божественному. Аквинский считал государство естественным образованием, но его происхождение – божественное, а правитель – «викарий Бога». Он вводил идею о праве народа на сопротивление тирании, если власть противоречит божественным заповедям, что добавляло теории элемент социальной справедливости.

В исламской традиции Ибн Хальдун (1332-1406 гг.) в «Мукаддиме» описывал государство как цикл, управляемый божественными законами, где власть возникает для объединения племен под шариатом – божественным правом.

В теократических государствах, таких как Иран или Саудовская Аравия, она остается основой правовой системы. Однако в глобализированном мире теория адаптируется, сочетаясь с секулярными идеями.

В России в настоящее время теологической теории придерживаются верующие в Бога люди и служители церкви, потому что именно Бог сотворил землю, животных, растения и прочее, что населяет и обитает на земле Государство зародилось по велению Божьему, именно Бог дал нам законы - «заповеди Христовы». Если вникнуть в историю и проанализировать эти девять заповедей, то можно увидеть, что соблюдая эти заповеди, мы не будем нарушать свободу других граждан, причинять вред и боль людям, и все это сводится к тому, что Бог сотворил правовое государство, только управляет им не сам он, а человек, которого он послал на землю для управления.

Сравнивая с договорной теорией, теологическая отличается тем, что источник власти – не человеческий договор, а божественная воля, делая ее абсолютной. В отличие от классовой теории, она игнорирует экономические противоречия, фокусируясь на духовном измерении. Тем не менее, все теории пересекаются в вопросе легитимности: теологическая через божественность, договорная — через согласие, классовая — через классовые интересы.

Подводя итог, теологическая теория предлагает видение государства как священного института, возникшего по божественной воле, и хотя она уступила место рациональным подходам, ее влияние persists в культурных и моральных аспектах власти. Религиозная концепция возникновения государства имеет значение и в настоящем, ее основные постулаты закреплены в официальных идеологических доктринах ряда стран, среди которых наиболее последовательно выступают так называемые теократические государства (Ватикан, Саудовская Аравия, Иран и др.).

Договорная теория происхождения государства

Договорная теория, также известная как теория общественного договора, трактует государство как результат сознательного и добровольного соглашения между индивидами. В ее основе лежит идея, что в первоначальном, естественном состоянии люди жили без организованной власти, наслаждаясь свободой, но сталкива-

ясь с угрозами. Чтобы преодолеть эти трудности, они заключили договор, передав часть своих прав коллективу или суверену в обмен на защиту, порядок и взаимную выгоду.

Договор, по Т. Гоббсу, создает абсолютного суверена – Левиафана, который монополизирует власть для обеспечения мира. Договор необратим, и бунт возможен только при угрозе жизни, что оправдывало абсолютизм [3, с. 176].

Джон Локк (1632-1704 гг.) в книге «Два трактата о правлении» предлагал более оптимистичный взгляд: естественное состояние – свобода с правами на жизнь, свободу и собственность. Государство возникает для их защиты, и если власть нарушает договор, народ вправе на революцию. Локк повлиял на Американскую революцию и Декларацию независимости 1776 года.

Жан-Жак Руссо (1712-1778 гг.) в «Об общественном договоре» вводил «общую волю» как основу республики. Естественное состояние – идиллия, разрушенная неравенством; договор восстанавливает равенство через прямую демократию. Руссо критиковал монархию, вдохновляя Французскую революцию 1789 года.

В России договорная теория отразилась в работах Александра Радищева («Путешествие из Петербурга в Москву») и декабристов, видевших в договоре способ ограничить самодержавие. В XIX веке Иммануил Кант и Георг Гегель развили теорию, сочетая договор с этикой и диалектикой.

Преимущества данной теории в ее обосновании демократии и прав человека: государство – слуга народа, а не наоборот. Конституции многих стран, как Франция или США, основаны на идее договора. Теория стимулировала революции, свергнувшие феодализм.

К недостаткам данной теории можно отнести: отсутствие исторических доказательств реального договора – государства часто возникали через насилие. Марксисты критикуют за игнорирование классов, видя договор как маскировку эксплуатации. Теория не объясняет неравенство в договоре: сильные навязывают условия слабым.

Таким образом, согласно договорной (естественно-правовой) теории (Г. Гроций, Т. Гоббс, Дж. Локк, А. Радищев, Ж.-Ж. Руссо, Б. Спиноза) государство возникло в результате заключения общественного договора. Люди договорились между собой объединиться в государственный союз, создать власть и подчиняться ей. Необходимость объединения людей диктовалась появлением общественного неравенства, породившего несправедливость и конфликты, а также целями выживания в условиях природной стихии и окружения враждебными племенами.

Договорная теория исходит из того, что государству предшествует естественное состояние, которое сторонники теории характеризовали по-разному. Одни считали, что это был «золотой век человечества» (Руссо), другие – «война всех против всех» (Гоббс). В результате экономического развития и расслоения общества для достижения мира и благополучия заключается общественный договор между каждым членом общества и создаваемым государством, по которому люди передают часть своих естественных прав государству, обязуясь ему подчиняться, а государство обязуется охранять неотчуждаемые права человека, т. е. право собственности, свободу, безопасность. Теория была прогрессивна для своего времени, т. е. предполагала возможность свержения власти (правителя), если он не выполнял условия общественного договора [5, с. 165-166].

С теологической теорией, договорная контрастирует, перенося источник власти от Бога к людям. С классовой – игнорирует экономику, фокусируясь на воле.

Договорная теория (теория общественного договора) остается актуальной в условиях современности и играет важную роль, адаптируясь к новым социальным, экономическим и технологическим условиям. Она служит основой для практики демократических принципов, трансформаций систем и государств и права.

Большинство государств сегодня придерживаются той или иной формы общественного договора, признавая тем самым эффективность данной формы власти, ее гибкость и простоту.

Таким образом, договорная теория сохраняет свою актуальность, но требует дальнейшего развития с учётом современных вызовов — от цифровых технологий до глобальных геополитических изменений. Её принципы продолжают лежать в основе демократических преобразований, защиты прав человека и формирования стабильных международных отношений.

Таким образом, классовая теория в современных условиях претерпевает значительные трансформации, адаптируясь к новым социальным реалиям.

Список литературы:

[1] Иванова, О. В. Теория государства и права : учеб. нагляд. пособие / О. В. Иванова, Е. В. Стругова, Л. В. Ханахмедова; МВД России; Московский ун-т МВД России имени В. Я. Кикотя, Рязанский фил. – Рязань : Рязанский фил. МосУ МВД России имени В. Я. Кикотя, 2022. – 141 с.

[2] Лукьянов, С. А. Теория государства и права : курс лекций / С. А. Лукьянов, К.Е. Размахов, И. А. Тарасова; Московский ун-т МВД России имени В. Я. Кикотя, [Московский обл. фил]. – Москва : МосУ МВД России имени В. Я. Кикотя, 2023. – 302 с.

[3] Нижник, Н. С. Теория государства и права : учеб нагляд. пособие / Н. С. Нижник, О. В. Семенова, А. В. Демидов ; под ред. Н. С. Нижник; СПб. Ун-т МВД России. – Санкт-Петербург : СПбУ МВД России, 2020. – 248 с.

[4] Теория государства и права : учебник / Д. В. Пожарский, Т.Н. Радько, И. А. Андреева [и др.]. – Москва : Академия управления МВД России, 2025. – 488 с.

[5] Чернова, Э. Р. Теория государства и права : учеб. пособие / Э. Р. Чернова, Р. З. Амиров; Уфимский юрид. ин-т МВД России. – Уфа : Уфимский юрид. ин-т МВД России, 2022. – 191 с.

[6] Швец, А.А. Теория государства и права : учеб.-метод. пособие / А. А. Швец, Д. С. Злыденко, Е. А. Пушкарев; Краснодарский ун-т МВД России. – Крансодар : КрУ МВД России, 2022. – 292 с.

References:

[1] Ivanova, O. V. Theory of state and law: study. brazen. allowance/O. V. Ivanova, E. V. Strugova, L. V. Khanakhmedova; Ministry of Internal Affairs of Russia; Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot, Ryazan Phil. - Ryazan: Ryazan phil. MosU of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot, 2022. - 141 s.

[2] Lukyanov, S. A. Theory of state and law: a course of lectures/S. A. Lukyanov, K. E. Razmakhov, I. A. Tarasova; Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot, [Moscow Region Phil]. - Moscow: Moscow State University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot, 2023. - 302 s.

[3] Nizhnik, N. S. Theory of state and law: study brazenly. allowance/N. S. Nizhnik, O. V. Semenova, A. V. Demidov; ed. N. S. Nizhnik; St. Petersburg. University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. - St. Petersburg: St. Petersburg Ministry of Internal Affairs of Russia, 2020. - 248 s.

[4] Theory of state and law: textbook/D.V. Pozharsky, T.N. Radko, I.A. Andreeva [and others]. - Moscow: Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2025. - 488 s.

[5] Chernova, E. R. Theory of State and Law: study. manual/E. R. Chernova, R. Z. Amirov; Ufa Jurid. Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. - Ufa: Ufa Jurid. Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2022. - 191 s.

[6] Shvets, A.A. Theory of State and Law: Instruction.-method. allowance/A. A. Shvets, D. S. Zlydenko, E. A. Pushkarev; Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. - Kransodar: KrU of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2022. - 292 p.

Дата поступления рукописи в редакцию: 26.04.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.05.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3830-2026-4-276-281

РАТТУР Мария Владимировна,
кандидат исторических наук, доцент,
ведущий научный сотрудник сектора философии
и права, истории и теории государства и права
Института государства и права РАН,
SPIN-код: 5487-0117, Author ID:
419204, e-mail: rattur@yandex.ru

ГЕНЕЗИС МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО ПОДХОДА В ПРАВОВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Аннотация. *Междисциплинарность как фактор инновационного развития современных гуманитарных наук актуализирует обращение к историческому опыту формирования и развития междисциплинарной исследовательской парадигмы. С.Е. Десницкий (первый русский профессор права) еще в середине XVIII в. обосновал необходимость отказа от господствовавшей тогда теории естественного права в ее схоластическом понимании. Его идея о том, что формы собственности, семьи, государства и права напрямую зависят от стадии экономического развития, опиралась на результаты историко-сравнительного анализа. Это был новаторский для своего времени подход, соединяющий историю, право, философию, экономику и обосновывающий зависимость форм собственности, семьи, государства и права от стадии экономического развития. Обозначение исторического характера формирования базовых правовых институтов и обоснование их зависимости от развития форм хозяйственного быта говорят о даровании и силе таланта русского ученого. Выдающийся русский правовед сумел значительно опередить европейских коллег, применяя историко-сравнительный метод в своих исследованиях и развивая идеи междисциплинарного подхода в юриспруденции.*

Ключевые слова: *междисциплинарный подход, российская государственность, политико-правовая традиция, сравнительно-исторический метод, идентичность, Просвещение*

RATTUR Maria Vladimirovna,
PhD in History, Associate Professor,
Leading Researcher of the Department of Legal Philosophy,
Legal History and Legal Theory, Institute of the State and Law,
Russian Academy of Sciences

GENESIS OF AN INTERDISCIPLINARY APPROACH IN LEGAL STUDIES OF RUSSIAN STATEHOOD

Annotation. *Interdisciplinarity as a factor in the innovative development of modern humanities actualizes the appeal to the historical experience of the formation and development of an interdisciplinary research paradigm. S.E. Desnitsky (the first Russian professor of law) back in the middle of the XVIII century. substantiated the need to abandon the then prevailing theory of natural law in its scholastic sense. His idea that the forms of property, family, state and law directly depend on the stage of economic development was based on the results of historical and comparative analysis. It was an innovative approach for its time, connecting history, law, philosophy, economics and justifying the dependence of forms of property, family, state and law on the stage of economic development. The designation of the historical nature of the formation of basic legal institutions and the justification of their dependence on the development of forms of economic life speak of the talent and strength of the talent of the Russian scientist. An outstanding Russian jurist managed to significantly get ahead of his European colleagues by applying the historical and comparative method in his research and developing the ideas of an interdisciplinary approach to jurisprudence.*

Key words: *interdisciplinary approach, Russian statehood, political and legal tradition, comparative historical method, identity, Enlightenment.*

Междисциплинарность как фактор инновационного развития современных гуманитарных наук актуализирует обращение к историческому опыту формирования и развития междисциплинарной исследовательской парадигмы. Кроме того, важно понимать, что несмотря на отсутствие термина «идентичность» на ранних этапах развития отечественной политико-правовой мысли логико-понятийный конструкт, отражающий элементы содержания современного понятия «идентичность», являлся составной частью политико-правовых воззрений.

Первый русский профессор права С.Е. Десницкий еще в середине XVIII в. обосновал необходимость отказа от господствовавшей тогда теории естественного права в ее схоластическом понимании. Его идея о том, что формы собственности, семьи, государства и права напрямую зависят от стадии экономического развития, опиралась на результаты историко-сравнительного анализа. В то время, когда европейские корифеи права обращались к абстрактным нормам, С.Е. Десницкий предложил изучать право в развитии. И это в условиях, когда, по меткому замечанию княгини Е.Р. Дашковой «Отцы наши воспитать уже нас желали как-нибудь, только чтоб не по-русски и чтоб чрез воспитание наше мы не походили на россиян» [4, С. 122]. На момент назначения С.Е. Десницкого в Московском университет работал единственный профессор права - доктор юриспруденции Филипп Генрих Дильтей, родившийся в Висбадене и читавший лекции на французском и латыни доктор права Венского университета и член Майнцкой академии. Взгляды профессоров, мягко говоря, существенно разнились, потому что Дильтей читал лекции с опорой на сочинение С. Пуфендорфа «О должности человека и гражданина по закону естественному», в то время как С.Е. Десницкий полагал, что ««Пуффендорфов труд подлинно был излишний, ибо писать о вымышленных состояниях рода человеческого, не показывая, каким образом собственность, владение, наследство и пр. у народов происходит и ограничивается, есть такое дело, которое не совсем соответствует своему намерению и концу» [7, С. 204].

Критику немецкого подхода русским профессором сложившаяся историография в большинстве своем объясняет получением образования С.Е. Десницким в Англии. Пристальное внимание к его работам позволяет усомниться в достоверности сложившегося стереотипа [12, С. 33]. Англофильство как основа для критики С. Пуфендорфа представляется несостоятельной после ознакомления с примечаниями, которые подготовил Сергей Ефимович к переводу книги Блэкстона «Истолкования английских законов». Отсутствие иллюзий и пиетета перед английским государственным устройством очевидно после обращения к тексту русского профессора: «Удивительный и непостигаемый ниже премудрейшим законодательством аглинским примечается здесь обман, чинимый при выборе членов парламентских, а именно: провинциальный большой помещик, имеющий обширные в разных провинциях землевладения, может не только сам выбран быть, но с собою и других премногих по сердцу своему выбрать в члены парламентские, распродавши ложным образом во всех провинциях свои землевладения на сорок шиллингов, или на 10 руб., каждому желающему дать на него свой голос…» [5, С. 289]. Анализируя английскую действительность после казни короля Карла I, он отмечает, что «У сокровиществующих миллионщиков даже и самое правосудие может быть нечувствительно на откупе» [5, С. 291], делая вывод о том, что «такие злоупотребления толковать законными и сущей правоте непротивными» [5, С. 290].

Помимо критического осмысления результатов развития западной политико-правовой мысли в политико-правовом наследии С.Е. Десницкого следует отметить идею о том, что сходные экономические условия неизбежно порождают у разных народов одинаковые правовые институты. Он сформулировал ее в то время, когда господствовала мысль об этапах развития государства и права по аналогии с человеческой (детство, отрочество, юность, зрелость, старость и смерть). Семен Ефимович считал, что «не можем и измерять различные рода человеческого преуспевания, возвышения и низвержения по оным приписываемым свету отрочествам, юностям, мужествам и престарелостям, по которым как утверждает великий философ и историк аглинский в философических и политических сочинениях» [9, С. 271]. Здесь мы видим, что профессор выражает несогласие с Д. Юмом – непререкаемым английским авторитетом в области изучения политико-правового развития. И сегодня каждый, кто получил или получает высшее образование, имеет представление об этом английском мыслителе, а С.Е. Десницкий, которого довольно часто «подозревают» в англофильстве, позволил себе не согласиться с взглядами маститого ученого и оказался полностью прав.

Он апеллирует к мнению античных ученых, утверждая, что «таковых состояний роду человеческому полагали и древние писатели четыре, из которых первобытным почитается состояние народов, живущих ловлею зверей и питающихся плодами саморождающимися на земле; вторым – состояние народов, живущих скотоводством, или пастушеское; третьим - хлебопашественное;

четвертым и последним – коммерческое. По сим состояниям и преславленейшие писатели римские Юлий Цесарь, Тацит и Саллюстий измеряли различные преуспевания не токмо своего народа, но и других премногих» [9, С. 271]. По его мнению, изложенному в «Рассуждении о происшествии преимущества, власти и старшинства в народах, от которых происходит и их правление» для «принадлежащих сей части юриспруденции рассуждениях, в которых изъясняются три народного правления перемены и состояния, какие случаются у обывателей, когда они живут сперва одною ловлею животных, потом хлебопашеством и, наконец, купечеством» [7, С. 218]. Таким образом, народы «возвышаются и в своем понятии права, принадлежащего до собственности» [9, С. 279].

При оценке вклада С.Е. Десницкого в развитие отечественной политико-правовой мысли нельзя не согласиться, что «знаменательно появление в трудах первого русского профессора юриспруденции нового историко-сравнительного метода при рассмотрении вопросов происхождения государства, собственности, семьи. Мысль, высказанная Десницким об историческом характере института собственности и историческом характере семьи, и его попытка увязать вопросы появления в эволюции этих институтов с вопросами развития форм хозяйственного быта говорят о даровании и силе таланта русского учёного» [1, С. 341].

В 1783 г. Семен Ефимович был избран членом Российской Академии. Он принимал участие в масштабной работе над Российским словарем, делая выборку и толкование юридических терминов из основных сводов российских законов, начиная с Русской Правды до Соборного Уложения. Результатами его труда пользовались следующие поколения русских историков и юристов, оказав значительно влияние на развитие истории русского права. [11, С. 22]. При этом выдающийся русский правовед не только фиксировал исторически сложившиеся понятия, но и активно развивал правовую терминологию. Например, такое понятное сегодня практически всем словосочетание «судебное решение» именно в работах Десницкого получило специальное терминологическое содержание.

В.В. Истратий убедительно доказывает, что «Десницкий употребляет это слово в контекстах, где речь идет о приговорах, вынесенных в результате судебного разбирательства. При этом любопытно, что правовед, во-первых, настаивает на необходимости изучения именно этих решений, а не законодательных актов, а во-вторых, не использует в этих случаях слово приговор, уже несколько столетий имеющее статус юридического термина, который подтверждается и толкованием «Словаря Академии Российской», где слово сопровождается пометой ”речение приказное”». Исследователь отмечает, что «и особое внимание Десницкого к судебным приговорам, и употребление слова решение кажутся неожиданными в контексте российских правовых традиций второй половины XVIII в.» [10, С. 59]. Помимо этого, следует отметить активное введение Семеном Ефимовичем в научный оборот слов корпус и разночинец, а также синонимический ряд адвокат — ходатай — ходатайствующий [10, С. 62].

В контексте изучения идентичности российской государственности представляется крайне важным осветить особенности отечественного политико-правового развития, отмеченные С.Е. Десницким. Он писал, что «Мы не имеем и поныне никаких сокращенных по примеру других государств наставлений российских законов; и хотя старинные сводные уложения и не однажды деланы были, однако за неимением совершенных и печатных трудный доступ есть к запертым в приватных хранилищах рукописным. Причиной тому, может статься, было то, что в России на природном языке все во всенародное известие издаваемо было, и в российских указах не было никогда таких трудных и невразумительных слов, какие примечаются в законах февдальных правлений», обращая внимание, что «У нас не было и издревле ни в тяжебных, ни криминальных делах таких невразумительны латинских и французских слов, каковые приняты в Англии и поныне наблюдаются» [7, С. 209]. При этом он настаивал, что «Для преподавания такой юриспруденции российской особливый требуется профессор в училищах российских, которого должность есть – показывать оную порядком историческим, метафизическим и политическим, снося притом законы российские с натуральным об них рассуждением» [7, С. 210].

С большим пиететом относился русский правовед к отечественному политико-правовому наследию, акцентируя внимание на том, что «Много такой драгоценной древности у нас содержится в разных книгохранилищах, и издано уже во свет оныя немало, которые общеполезность премного послужит к объяснению древней истории и политики российской…» [9, С. 271]. По иронии судьбы значительная часть этих документов погибла наравне с трудами самого С.Е. Десницкого в страшном московском пожаре 1812 г. Дело в том, что сгорела значительная часть архивов Московского университета и университетской типографии, а также архив Н.И. Новикова, поэтому сохранившееся научное наследие профессора весьма невелико [3, С. 39]. Оно состоит из восьми речей, произнесенных в торжествен-

ных собраниях Московского университета с 1768 по 1781 гг. и затем напечатанных отдельными изданиями в университетской типографии, адресованного Уложенной комиссии «Представления об учреждении законодательной, судительной и наказательной власти в Российской империи» (1768), а также уцелевших переводов с английского. Необходимо отметить, что переводческая деятельность дала Семену Ефимовичу дополнительную возможность донести до читателя свои взгляды при невозможности открыто высказываться по целому ряду вопросов, рискуя навлечь на себя гнев властей [11].

О формировании в России уважения к суду и закону Семен Ефимович пишет, ссылаясь на настольные указы государя императора Петра Великого, изданные в 1724 г.: «Законы гражданские и совершаемый по оным суд свято почитать во всей России узаконил Великий Петр», указав, что «надлежит обретающимся в сенате, синоде, коллегии и Канцелярии и во всех судных местах всего государства судиям и пришедшим пред суд чинно поступать: понеже суд божий есть, проклят всяк, творяй дело божие с небрежением, и проч. и проч., угрожая на суде присутствующим и предстоящим проклятием и строгим истязанием за неуважение судебных мест и законов». При этом отмечая, что «Впрочем, у нас собственно в таком и во всем римскому подобном разумении защищаются святостию прав истязательных имя божие, святые угодники и особа монаршая от всякие хулы и поношения. Сверх сего защищаются у нас святостию прав истязательных чертоги государевы, родители и нынешние депутаты, избранные к сочинению проекта Нового Уложения» [8, С. 248].

С.Е. Десницкий пытался практически осуществить свои воззрения и планы в «Представлении о учреждении законодательной, судительной и наказательной власти в Российской империи». Все предыдущие дошедшие до нас работы опубликованы при жизни автора, а эта лишь в 1905 г., хотя он датировал ее «1768 года февраля 30 дня». 30 февраля, безусловно, является опиской, допущенной профессором, но, как не существует этой даты в календаре, так и остались неосуществленными (и даже неопубликованными долгое время) предложения автора в отношении государственного устройства.

Представление, которое «сочинял в императорском Московском университете юриспруденции доктор Семен Десницкий» ставило целью «предложить свое мнение здесь о учреждении в вашей империи законодательной, судительной и наказательной власти» [6, С. 292] российской императрице. Он впервые в истории русского права предложил подчинить администрацию судебному контролю. Автор проекта считал, что европейская теория разделения властей не являлась обширной в государственных функциях. Он ввел понятие «гражданская власть» - четвертая власть, которая должна была включать органы местного самоуправления [2, С. 5]. Это была первая попытка на теоретическом уровне доказать отечественное городское самоуправление и дать общие черты его организации. При этом сам отмечал, что не вынес гражданскую власть в заголовок, хотя тщательно обосновал ее необходимость.

Первый русский профессор права Московского университета С.Е. Десницкий, чье научное наследие, несмотря ни на всеобщее признание, ни на относительно небольшой объем, до сих пор не стало объектом пристального научного изучения, является одним из тех, кто заложил основы для формирования отечественной политико-правовой традиции. Его идея о том, что формы собственности, семьи, государства и права напрямую зависят от стадии экономического развития, опиралась на результаты историко-сравнительного анализа. В то время, когда европейские корифеи права обращались к абстрактным нормам, С.Е. Десницкий предложил изучать право в развитии.

В условиях господства в европейской науке мысли об этапах развития государства по аналогии с человеческой жизнью (детство, отрочество, юность, зрелость, старость и смерть) он разработал концепцию «четырех состояний рода человеческого», согласно которой каждое общество проходит звероловческий (охота и собирательство); скотоводческий (пастушеский); хлебопашенный (земледельческий); коммерческий (торговый) периоды развития. Это был новаторский для своего времени подход, соединяющий историю, право, философию, экономику и обосновывающий зависимость форм собственности, семьи, государства и права от стадии экономического развития. Обозначение исторического характера формирования базовых правовых институтов и обоснование их зависимости от развития форм хозяйственного быта говорят о даровании и силе таланта русского ученого. Выдающийся русский правовед сумел значительно опередить европейских коллег, применяя историко-сравнительный метод в своих исследованиях и развивая идеи междисциплинарного подхода в юриспруденции.

Список литературы:

[1] Баранова О.М. Правоведческие и духовные особенности русского просвещения в научном наследии С.Е. Десницкого / О. М. Баранова, О. Б. Шульчева // Известия Оренбургского госу-

дарственного аграрного университета. – 2015. – № 3(53). – С. 340-342. – EDN UBLKBB.

[2] Богданова Н.А. Наука государственного права и ее преподавание на юридическом факультете Императорского Московского университета (к 250-летию Московского университета) / Н. А. Богданова, С. Н. Шевердяев // История, теория, практика российского права. – 2005. – № 1. – С. 4-33. – EDN BWLGAS.

[3] Виноградова Е.В. «Прав искусство» в истории российского образования (1724-1917 гг.) / Е. В. Виноградова, М. В. Раттур // Право и управление. – 2022. – № 10. – С. 36-42. – DOI 10.24412/2224-9125-2022-10-36-42. – EDN JCBGFJ.

[4] Дашкова Е.Р. О смысле слова «воспитание» // Народное образование в России. Второе тысячелетие. М.: Молодая гвардия, 2001. С. 121-125.

[5] Десницкий С.Е. Из примечаний к переводу книги Блэкстона «Истолкования английских законов» // Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века. Т. 1. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1952. – С.287-291.

[6] Десницкий С.Е. Представление о учреждении законодательной, судительной и наказательной власти в Российской империи // Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века. Т. 1. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1952. – С.292-334.

[7] Десницкий С.Е. Слово о прямом и ближайшем способе к научению юриспруденции, в публичном собрании императорского Московского университета… говоренное… июня 30 дня 1768 года // Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века. Т. 1. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1952. – С. 187-235.

[8] Десницкий С.Е. Юридическое рассуждение о вещах священных, святых и принятых в благочестие, с показанием прав, какими оные у разных народов защищаются… говоренное… апреля 22 дня 1772 года // Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века. Т. 1. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1952. – С. 236-256.

[9] Десницкий С.Е. Юридическое рассуждение о разных понятиях, какие имеют народы о собственности имения в различных состояниях общежительства… говоренное… апреля 21 дня 1782 года // Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века. Т. 1. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1952. – С. 268-286.

[10] Истратий В.В. О терминологии речей С.Е. Десницкого, посвященных преподаванию юриспруденции // Славянская историческая лексикология и лексикография. – 2019. – № 2. – С. 49-63. – EDN QVHVLQ.

[11] Подъячева А.Ю. С. Е. Десницкий – первый профессор права в России // Научно-образовательный потенциал молодежи в решении актуальных проблем XXI века. – 2017. – № 7. – С. 420-422. – EDN YMZVTD.

[12] Раттур М.В. Политико-правовые воззрения С.Е. Десницкого в контексте идентичности российской государственности // Российский научный вестник. – 2026. – № 1. – С. 30-36. – DOI 10.24412/2782-3830-2026-1-30-36. – EDN XMCVRF.

References:

[1] Baranova O.M. Legal and spiritual features of Russian enlightenment in the scientific heritage of S.E. Desnitsky / O. M. Baranova, O. B. Shulcheva// Izvestia of the Orenburg State Agrarian University. – 2015. – № 3(53). - S. 340-342. – EDN UBLKBB.

[2] Bogdanova N.A. Science of state law and its teaching at the Faculty of Law of Imperial Moscow University (on the occasion of the 250th anniversary of Moscow University)/N. A. Bogdanova, S. N. Sheverdyaev//History, theory, practice of Russian law. – 2005. – № 1. - S. 4-33. – EDN BWLGAS.

[3] Vinogradova E.V. «Right art» in the history of Russian education (1724-1917)/E.V. Vinogradova, M.V. Rattur//Law and management. – 2022. – № 10. - S. 36-42. – DOI 10.24412/2224-9125-2022-10-36-42. – EDN JCBGFJ.

[4] Dashkova E.R. On the meaning of the word «education «//Public education in Russia. Second millennium. M.: Young Guard, 2001. S. 121-125.

[5] Desnitsky S.E. From the notes to the translation of Blackstone's book «Interpretations of English Laws «//Selected works of Russian thinkers of the second half of the 18th century. VOL. 1. - M.: State Publishing House of Political Literature, 1952. - S.287-291.

[6] Desnitsky S.E. The idea of the establishment of legislative, judicial and punitive power in the Russian Empire//Selected works of Russian thinkers of the second half of the 18th century. VOL. 1. - M.: State Publishing House of Political Literature, 1952. - P.292-334.

[7] Desnitsky S.E. A word about a direct and immediate way to learn jurisprudence, in the public meeting of the Imperial Moscow University... spoken... June 30, 1768//Selected works of Russian thinkers of the second half of the 18th century. VOL. 1. - M.: State Publishing House of Political Literature, 1952. - S. 187-235.

[8] Desnitsky S.E. Legal reasoning about the things sacred, holy and accepted in piety, with an

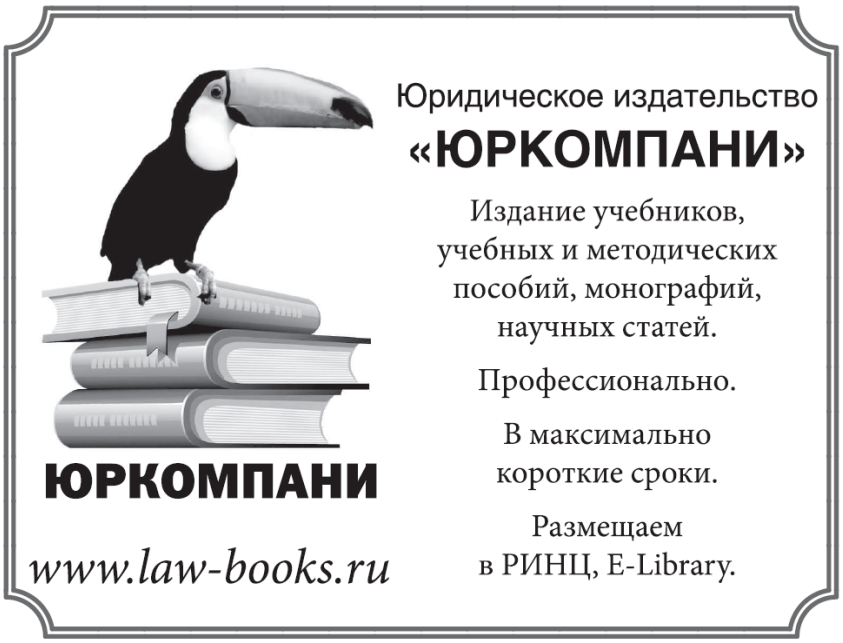
indication of the rights with which they are defended by different peoples... spoken... April 22, 1772// Selected works of Russian thinkers of the second half of the 18th century. VOL. 1. - M.: State Publishing House of Political Literature, 1952. - S. 236-256.

[9] Desnitsky S.E. Legal reasoning about different concepts that peoples have about the ownership of estates in various states of community... spoken... April 21, 1782//Selected works of Russian thinkers of the second half of the 18th century. VOL. 1. - M.: State Publishing House of Political Literature, 1952. - S. 268-286.

[10] Istraty V.V. On the terminology of S.E. Desnitsky's speeches on the teaching of jurisprudence//Slavic historical lexicology and lexicography. – 2019. – № 2. - S. 49-63. – EDN QVHVLQ.

[11] Podyacheva A.Yu. S. E. Desnitsky - the first professor of law in Russia//Scientific and educational potential of youth in solving pressing problems of the XXI century. – 2017. – № 7. - S. 420-422. – EDN YMZVTD.

[12] Rattur M.V. Political and legal views of S.E. Desnitsky in the context of the identity of Russian statehood//Russian Scientific Bulletin. – 2026. – № 1. - S. 30-36. – DOI 10.24412/2782-3830-2026-1-30-36. – EDN XMCVRF.

- МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ -

Дата поступления рукописи в редакцию: 01.04.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-4-282-286
Дата принятия рукописи в печать: 03.05.2026 г.

КАЗАКОВА Татьяна Александровна,
кандидат педагогических наук, доцент,
доцент кафедры русского и иностранных языков
Академии ФСИН России,
ORCID ID 0000-0002-1735-8186,
e-mail: tina4242@yandex.ru

ВАСИЛЬЕВА Ирина Вячеславовна,
кандидат педагогических наук,
доцент кафедры русского и иностранных языков
Академии ФСИН России,
e-mail: irina-vas2009@yandex.ru

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ ПРИМЕНЕНИЯ МЕР ПРОБАЦИИ В ОТНОШЕНИИ ПОДРОСТКОВ-ДЕЛИНКВЕНТОВ

Аннотация. *Современная пробация в России продолжает развиваться, стремясь соответствовать мировым стандартам и эффективно решать задачи уголовно-исполнительной системы. В ряде зарубежных государств накоплен богатый опыт по применению мер пробации к несовершеннолетним правонарушителям, где данный институт исторически сложился как альтернатива наказанию. Анализ зарубежного опыта поможет выявить возможные проблемы, недостатки, а также положительные аспекты реализации пенитенциарной пробации для несовершеннолетних правонарушителей в Российской Федерации. В данной статье рассматриваются вопросы, касающиеся современных тенденций развития ювенальной юстиции и альтернативных методов правосудия по отношению к несовершеннолетним правонарушителям в ряде зарубежных стран. Пробация рассматривается как уголовный надзор (уголовная опека). Интерес к службе пробации возникает в первую очередь в связи с ее функцией исполнения наказаний и мер уголовно-правового воздействия, не связанных с изоляцией от общества. Проведен анализ работы ювенальных органов за рубежом, в чью компетенцию входит оказание помощи и реализация прав и интересов несовершеннолетних. Определены цели и нормативные основы применения мер пробации, выделены национальные особенности. Раскрыты основные процедуры оказания воздействия на подростков-делинквентов, их реабилитации и социальной реинтеграции. Службы пробации в большинстве стран являются элементом судебной системы и призваны поддерживать нуждающихся в реабилитации. Изучение зарубежного опыта ювенальной пробации позволяет не только лучше понять ее современное состояние, но и определить ключевые направления для дальнейшего совершенствования и повышения её эффективности в контексте российской правовой системы.*

Ключевые слова*: служба пробации, подростки-делинквенты, меры пробации, несовершеннолетние правонарушители, ювенальное правосудие, реинтеграция, воспитательные меры, ресоциализация.*

KAZAKOVA Tatiana Aleksandrovna,
PhD in Pedagogy, Docent,
Associate Professor of the Russian and Foreign Languages Department,
Academy of the Federal penitentiary service of Russia

VASILYEVA Irina Vyacheslavovna,
PhD in Pedagogy, Associate Professor
of the Russian and Foreign Languages Department,
Academy of the Federal penitentiary service of Russia

FOREIGN EXPERIENCE IN USE OF PROBATION MEASURES FOR DELINQUENT ADOLESCENTS

Annotation. *Modern probation in Russia continues to evolve, striving to meet international standards and effectively solve the tasks of the penal system. A number of foreign countries have accumulated extensive experience in the application of probation measures to juvenile offenders, where this institution has historically developed as an alternative to punishment. The analysis of foreign experience will help identify possible problems, shortcomings, as well as positive aspects of the implementation of penitentiary probation for juvenile offenders in the Russian Federation. This article discusses issues related to current trends in the development of juvenile justice and alternative methods of justice for juvenile offenders in a number of foreign countries. Probation is considered as criminal supervision (criminal custody). Interest in the probation service arises primarily in connection with its function of executing punishments and measures of criminal legal impact that are not related to isolation from society. The analysis of the work of juvenile authorities abroad, whose competence includes the provision of assistance and the realization of the rights and interests of minors. The objectives and regulatory framework for the application of probation measures are defined, and national peculiarities are highlighted. The main procedures for influencing delinquent adolescents, their rehabilitation and social reintegration are disclosed. Probation services in most countries are an element of the judicial system and are designed to support those in need of rehabilitation. Studying the international experience of juvenile probation allows not only to better understand its current state, but also to identify key areas for further improvement and increase its effectiveness in the context of the Russian legal system.*

Key words: *probation service, delinquent adolescents, probation measures, juvenile offenders, juvenile justice, reintegration, educational measures, resocialization.*

Введение

Пробация несовершеннолетних правонарушителей (от лат. - испытание) — это это совокупность мер, направленных на ресоциализацию, социальную адаптацию и социальную реабилитацию подростков-делинквентов. Этот термин, используется для определения процесса исполнения наказаний и мер, не связанных с лишением свободы, предусмотренных законом, представляющих собой широкий спектр социальных мероприятий и мер воспитательного воздействия (надзор, контроль, оказание помощи). Суть пробации состоит в принудительном надзоре со стороны специальных органов за поведением несовершеннолеьнего правонарушителя и выполнением обязанностей, возложенных на него судом, коррекции его поведения, содействии в социальной адаптации и предупреждении совершения им повторных преступлений (т.е. надзоре и социальной реабилитации). Службы пробации в западных правовых системах формировались вне пенитенциарных систем. Компетенции служб пробации в разных станах различаются и направлены на профилактику правонарушений и снижение их количества не только в отношении несовершеннолетних, но и для других категорий граждан. Основными принципами деятельности служб пробации в зарубежных странах являются в первую очередь приоритет альтернативных наказаний и санкций воспитательного характера, а также приоритет медиации и восстановительного правосудия. Так, при назначении наказания в отношении несовершеннолетнего, ювенальные суды применяют заключение под стражу только в качестве крайней меры и на самый возможно короткий срок. В большинстве европейских государств, в США и Канаде в структуре служб пробации есть специализированное подразделение, осуществляющее социальное, психолого-педагогическое и правовое сопровождение подростков-делинквентов [1, с. 51]. Анализ моделей пробации европейских государств позволил выявить отдельные сходства сущностных и организационных параметров, способствующих высокоэффективной социальной адаптации подростков-делинквентов. В первую очередь следует указать на судебный порядок назначения пробационных мер, что обусловлено пониманием пробации как альтернативного наказанию вида уголовно-правового реагирования, связанного с оставлением несовершеннолетнего правонарушителя в социуме.

Основная часть

В частности, в Германии пробация (Bewährungshelfer) выражается в установлении отсрочки отбывания наказания под надзором и с условиями, «если есть основания полагать, что осужденный воспримет сам факт осуждения в качестве предупреждения и в будущем не будет больше совершать преступных деяний даже без оказания влияния на него посредством реального отбывания наказания» [2, с. 17]. Ювенальная пробация Германии преследует в основном воспита-

тельные цели и направлена на ресоциализацию несовершеннолетних правонарушителей. Она характеризуется своими образовательными и воспитательными подходами и направленностью на ресоциализацию, а также учитывает особые потребности и уровни развития несовершеннолетних правонарушителей и направлена, как уже подчеркивалось ранее, прежде всего, на успешную социальную реинтеграцию подростка-делинквента в социум [3, с. 231]. Воспитательные меры включают в себя консультирование, терапию, учебные программы и повседневное образовательное сопровождение, среди прочего. К этому следует добавить групповую работу, занятия для родителей и помощь в отдельных случаях. В отдельных случаях также может быть предписано домашнее воспитание. Все эти меры призваны помочь обеспечить позитивное развитие личности и способствовать развитию социального поведения и навыков ребенка или подростка. Цели воспитательных мер разнообразны и всегда ориентированы на благополучие подростка-делинквента. По своей сути, цель состоит в том, чтобы оказывать положительное влияние и способствовать развитию подростка. Воспитательные меры играют центральную роль и являются неотъемлемой частью правовой системы, они призваны помочь воспитывать подростков-делинквентов и защищать их от повторных преступлений. В контексте уголовного права несовершеннолетних каждый полагается на воспитательное влияние и помощь, чтобы пресечь их преступную деятельность и мотивировать законопослушное поведение. воспитательные меры носят превентивный характер и направлены на предотвращение преступного поведения в будущем. Воспитательные меры, назначаемые подростку-делинвенту в рамках уголовного правосудия – это образовательные меры, направленные на содействие развитию личности подростка и содействие его реинтеграции в общество.

В Англии сотрудники службы пробации работают в тесном сотрудничестве с судьями. Такой союз дает возможность применить более гибкие и адресные меры к подросткам-делинквентам при вынесении приговоров, целью которых является достижение наибольшей эффективности в снижении уровня преступности и рисков для общества. Таким образом суд может вынести приговор, который в комплексе будет включать в себя как элементы наказания, так и элементы поддержки (например, обязанность регулярно посещать образовательное учреждение, пройти курс лечения и реабилитации от наркотической зависимости), которые будут привязаны к проблемам правонарушителя и к необходимости защиты тех, кто потенциально может пострадать от его действий. При этом коррекция поведения подростков-делинквентов остается одним из основных элементов работы в системе пробации.

Во Франции ювенальная пробация преследует цель – дать несовершеннолетнему шанс «перевоспитаться» с помощью службы пробации и избежать назначения серьезного уголовного наказания. Пробация реализуется национальной Службой исполнения уголовных наказаний и пробации (SESPP). Приоритет отдается мерам воспитательного характера и всестороннему изучению личности несовершеннолетнего. Сотрудники службы исполнения уголовных наказаний и пробации (SESPP) по решению суда осуществляют практическую реализацию следующих модулей судебно-воспитательных мер: модуль интеграции (дневной уход, помещение в школу-интернат или помещение в государственное или частное образовательное или профессиональное учреждение, имеющее лицензию); модуль компенсации (обязанности по прямому возмещению ущерба (в отношении жертвы), по косвенному возмещению ущерба (в интересах общества)); модуль здоровья (обеспечение необходимой медицинской помощью, помещение в медицинское или медико-социальное учреждение, не относящееся к психиатрии); модуль размещения (определение места жительства). Эффективность применения института пробации связана с ранним вмешательством в работу с подростком-делинквентом, социальным насыщением ресоциализационной работы и оперативностью воздействия на неблагоприятную ситуацию в семье несовершеннолетнего. Также важно учитывать последовательность и индивидуализацию подхода в зависимости от поведения несовершеннолетнего.

В США институт пробации рассматривается как совокупность мер, альтернативных наказанию в виде лишения свободы. Доля преступников, к которым применяются меры пробации, составляет 60–65 %, более половины из них – лица, совершившие преступления в несовершеннолетнем возрасте [4, с. 42]. Характеристика подростка-делинквента является определяющим фактором при назначении ему формы надзора (интенсивный надзор с использованием электронных браслетов, менее интенсивный надзор в виде «почтовой» или «телефонной» пробации, предусматривающей периодическую отчетность поднадзорного перед службой пробации по почте или по телефону и т. д.). По данным американских исследований, доля преступлений, совершаемых лицами, находящимися под пробацией, не превышает 6 % [5].

В Японии назначаемые меры пробации рассматриваются как возможность проведения кор-

рекции поведения подростка-делинквента через самопознание и медитацию. Особенностью японской службы пробации является активное участие волонтеров в осуществлении надзорных мероприятий, среди которых могут быть члены семьи правонарушителя. В известной степени это обусловлено высокой степенью ответственности семьи (родственников) за каждого из сородичей. Поручительство за члена семьи со стороны родственников выступает надежной гарантией соблюдения установленных мер надзора. Следует подчеркнуть, что не существует универсальной модели пробационных мер в отношении подростков-делинквентов, однако ювенальную пробацию всегда необходимо адаптировать к социальным и культурным условиям общества, чтобы обеспечить наилучшую защиту и образование несовершеннолетних правонарушителей.

Во всех постсоветских странах, кроме Беларуси, Таджикистана, Туркменистана, уже применяются пробационные меры, разработаны специальные законы о пробации, а также действуют службы пробации. В Республике Молдова в соответствии с Законом «О пробации» реализуется пилотный проект в отношении подростков-правонарушителей, который представляет собой комплекс мер, направленных на оценку психологического и социального состояния несовершеннолетних, включающий в себя мониторинг выполнения обязательств наложенных судом, а также процессы ресоциализации и интеграции. Основная цель пробации – предотвращение рецидива преступлений. Ювенальная пробация реализуется при соблюдении интересов ребенка, в целях своевременной защиты его прав и свобод, его реинтеграции в семью и общество.

В Армении одной из ключевых целей пробации, реализуемой в отношении несовершеннолетних, является обеспечение их полноценного физического и психического развития, воспитание и защита от негативного влияния со стороны окружающих. Для реализации поставленных задач служба пробации анализирует индивидуальные характеристики каждого подростка-делинквента и составляет, по результатам анализа, персонализированную программу, направленная на коррекцию поведения, ресоциализацию и стимулирование законопослушного поведения поднадзорных лиц. Приоритетом является обеспечение интересов несовершеннолетнего. К реализации пробации активно привлекаются родители указанной категории лиц и другие члены их семьи. Однако мер, направленных на ресоциализацию, социальную адаптацию и социальную реабилитацию, в пенитенциарный период, со стороны сотрудников службы пробации не реализуется.

В Республике Казахстан пробационные мероприятия в отношении несовершеннолетних максимально адаптируются к их возрастным и индивидуальным особенностям. Активно привлекается семья подростка-делинквента, органы опеки и организации, занимающиеся защитой прав несовершеннолетних. Мероприятия по ресоциализации включают в себя: оказание социально-правовой помощи по вопросам социального обслуживания (осуществляется на основании индивидуальной программы), содействие в восстановлении и формировании поддерживающей системы социальных связей, оказание помощи в социально-бытовой адаптации, предоставления консультаций по социально-правовым вопросам [6, с. 205].

В Азербайджане в соответствии с распоряжением Президента учреждена служба пробации, которая призвана осуществлять надзор за исполнением санкций и способствовать повышению эффективности государственного управления в данной сфере. Пробационный контроль представляет собой комплекс социально-правовых мероприятий, направленных на мониторинг выполнения обязательств несовершеннолетними, осужденными к альтернативным наказаниям. Основной целью пробационного контроля является обеспечение соблюдения установленных правил, а также содействие процессам ресоциализации и социальной адаптации данной категории подростков-делинквентов.

В Киргизии пробация представляет собой социально-правовой институт, действующий от имени государства и осуществляющий комплекс мер государственного воздействия и общественного влияния в отношении подростков-делинквентов. Эти меры реализуются на основе их добровольного участия в индивидуально разработанных социальных и правовых программах. Основой для проведения таких мероприятий служит глубокое исследование личности несовершеннолетнего, а их основная цель заключается в корректировке его поведения, предотвращении совершения новых правонарушений, оказании социальной поддержки и содействии в процессе ресоциализации. Реализация различных форм пробации для несовершеннолетних направлена на защиту их прав и законных интересов, а также на повышение эффективности психолого-педагогического воздействия, на их успешную ресоциализацию и реинтеграцию в общество. Основными принципами ювенальной пробации являются: необходимость участия родителей или опекунов в процессе; обязательный психолого-педагогический подход к организуемым мероприятиям; привлечение квалифицированных специалистов; наличие специальных знаний у работников, осу-

ществляющих пробацию для несовершеннолетних; проведение мероприятий в рамках программ пробации отдельно от других категорий клиентов; а также обеспечение доступа несовершеннолетних к социально-правовым услугам, которые им необходимы.

Заключение

Таким образом, пенитенциарная пробация как вид института пробации имеет законодательное закрепление только в таких странах СНГ, как Казахстан, Киргизия, Молдова. Понятие и основные начала ювенальной пробации установлены в законодательстве таких стран, как Киргизская Республика и Республика Молдова. Общим для указанного вида пробации является провозглашение его цели, которая, в различных формулировках, имеет один смысл – это персонификация пробационных мероприятий с учетом возраста лиц, получающих помощь пенитенциарной пробации, а также защита прав ребенка и его ресоциализация. Проведенный анализ позволил выделить такие элементы правового статуса несовершеннолетних, находящихся в условиях пенитенциарной пробации, как права и обязанности. Среди обязанностей выделяются: необходимость участвовать в применяемых мерах пенитенциарной пробации, сообщать достоверную информацию органу пробации, использовать представленную помощь по назначению. В качестве прав, присущих подросткам-делинквентам, возможно выделить: право на учет индивидуальных и возрастных особенностей несовершеннолетнего осужденного при планировании пенитенциарной пробации; право на реализацию психолого-педагогического подхода и привлечение соответствующих специалистов; право на присутствие и привлечение к реализации пенитенциарной пробации родителей или лиц, их замещающих, а также психолога; право на привлечение к пенитенциарной пробации субъектов из числа общественности; право на защиту высших ценностей ребенка при реализации пенитенциарной пробации. Исследование опыта указанных стран имеет важное значение для России, поскольку позволит учесть трудности и противоречия, с которыми государства столкнулись при реализации пробации, с целью дальнейшего совершенствования отечественного законодательства и правоприменительной деятельности.

Подводя итог можно сделать вывод о том, что служба пробации и постпенитенциарное сопровождение, подростков, нарушивших закон, позволяет снизить уровень рецидивной преступности в государстве. Подобное заключение стало возможным благодаря анализу успешной динамики функционирования службы пробации зарубежных государств.

Список литературы:

[1] Тыныбеков Н. Т. Практика применения пробации в зарубежных странах // Юридическая наука. 2019. № 5. С. 51–55.

[2] Бирюков И. И. Пробация и иные инструменты предупреждения рецидивной преступности в законодательстве европейских государств // Право и политика. 2025. № 9. С. 16–31.

[3] Казакова Т. А. Применение воспитательных мер в отношении несовершеннолетних правонарушителей в правовой системе ФРГ // Государственная служба и кадры. 2024. № 1. С. 230–233.

[4] Аккулев А. Ш. Отдельные вопросы пробации // Вестник Евразийского гуманитарного института. 2010. № 4. С. 41–47.

[5] Robinson M. B. Justice Blind? Ideals and Realities of American Criminal Justice. New York, 2002.

[6] Сережкина М. А. Пенитенциарная пробация несовершеннолетних и некоторые компоненты их правового статуса в странах СНГ // Юристъ-Правоведъ. 2025. № 1 (112). С. 204–209.

References:

[1] Tynybekov N. T. The practice of probation in foreign countries//Legal science. 2019. № 5. S. 51-55.

[2] Biryukov I. I. Probation and other tools for the prevention of recidivism in the legislation of European states//Law and politics. 2025. № 9. S. 16-31.

[3] Kazakova T. A. Application of educational measures against juvenile offenders in the legal system of the Federal Republic of Germany//Public Service and Personnel. 2024. № 1. S. 230-233.

[4] Akkulev A. Sh. Individual issues of probation//Bulletin of the Eurasian Humanitarian Institute. 2010. № 4. S. 41-47.

[5] Robinson M. B. Justice Blind? Ideals and Realities of American Criminal Justice. New York, 2002.

[6] Serezhkina M.A. Penitentiary probation of minors and some components of their legal status in the CIS countries//Lawyer-Pravoveda. 2025. № 1 (112). S. 204-209.

Дата поступления рукописи в редакцию: 10.04.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.05.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3830-2026-4-287-292

МЕДВЕДЕВА Инна Николаевна,
научный сотрудник Научно-исследовательского института ФСИН России,
e-mail: medvedeva.i.n@fsin.gov.ru

ЗАПРЕТ ОПРЕДЕЛЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ЗА РУБЕЖОМ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

Аннотация. *Запрет определенных действий как вполне самостоятельная мера пресечения введена в российский уголовный процесс относительно недавно в 2018 г. тем не менее данная мера пресечения продолжает набирать обороты и уверено входит в тройку мер пресечения, избираемых судом (заключение под стражу, домашний арест и запрет определенных действий). Между тем у практических работников уголовно-исполнительных инспекций Федеральной службы исполнения наказаний продолжают возникать трудности организационного и правового характера при осуществлении контроля за исполнением подозреваемыми и обвиняемыми наложенных судом запретов. В рамках настоящей статьи автором предпринята попытка на основе проведённого сравнительного анализа норм отечественного и зарубежного законодательства по избранной теме исследования сформулировать предложения по совершенствованию практики исполнения меры пресечения в виде запрета определенных действий.*

Ключевые слова: *ФСИН России, уголовно-исполнительные инспекции, контроль за мерой пресечения в виде запрета определенных действий, зарубежный опыт, сравнительно-правовой анализ.*

MEDVEDEVA Inna Nikolaevna,
Researcher of the Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia

PROHIBITION OF CERTAIN ACTIONS IN THE RUSSIAN FEDERATION AND ABROAD: COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS

Annotation. *The prohibition of certain actions as a completely independent preventive measure was introduced into Russian criminal proceedings relatively recently, in 2018. However, this preventive measure continues to gain momentum and is firmly established as one of the three preventive measures imposed by the court (pretrial detention, house arrest, and prohibition of certain actions). Meanwhile, practitioners at the Federal Penitentiary Service's penal inspectorates continue to encounter organizational and legal difficulties in monitoring suspects and defendants' compliance with court-imposed prohibitions. In this article, the author attempts to formulate proposals for improving the practice of enforcing the prohibition of certain actions based on a comparative analysis of domestic and international legislation on the chosen research topic.*

Key words: *Federal Penitentiary Service of Russia, penal inspectorates, monitoring the prohibition of certain actions, international experience, comparative legal analysis.*

Мера пресечения в виде запрета определенных действий (ст. 105.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ)) введена в российский уголовный процесс как самостоятельная мера пресечения п. 5 Федерального закона от 18.04.2018 № 72-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части избрания и применения мер пресечения в виде запрета определенных действий, залога и домашнего ареста» (далее – Федеральный закон от 18.04.2018 № 72-ФЗ), который вступил в действие 29.04.2018.

Как известно специалистам, до 2018 г. некоторые элементы запретов и ограничений применялись в отношении подозреваемых и обвиняемых, в отношении которых суд избирал меру пресечения в виде домашнего ареста. Так, домашний

арест (ст. 107 УПК РФ) в редакции от 18.12.2001 № 174-ФЗ предполагал наложение на подозреваемых и обвиняемых, помимо ограничения свободы передвижения, запреты на «…общение с определенными лицами, получение и отправление корреспонденции, переговоры с использованием любых средств связи…».

В редакции Федерального закона от 07.12.2011 № 420-ФЗ, кстати, принятого для снижения количества лиц, в отношении которых избирается мера пресечения в виде заключения под стражу, домашний арест позволял суду использовать в отношении подозреваемых или обвиняемых запреты и (или) ограничения на «… выход за пределы жилого помещения, в котором он проживает, общение с определенными лицами, отправку и получение почтово-телеграфных отправлений, использование средств связи и информационно-телекоммуникационной сети «Интернет»…»[1].

Как следует из пояснительной записки к Федеральному закону от 18.04.2018 № 72-ФЗ, предпринимаемые судами и заинтересованными органами государственной власти усилия, в том числе законодательные, по диверсификации системы мер пресечения, не связанных с изоляцией от общества, не дали ожидаемого результата в виде существенного сокращения количества избираемых мер пресечения в виде заключения под стражу за счет альтернативных мер пресечения таких, как домашний арест или залог, которые недостаточно эффективны, поскольку ст. 106 УПК РФ не предполагала возможности для суда устанавливать конкретные обязательства подозреваемым и обвиняемым в связи с залогом, а существовавшая практика применения домашнего ареста без запрета выхода за пределы жилого помещения приводила к нарушению принципа справедливости и ставила в неравное положение лиц, содержавшихся под стражей, и лиц, находившихся под домашним арестом с правом покидать жилище, при зачете срока домашнего ареста в срок содержания под стражей, который включается в срок лишения свободы и других видов наказания в случае постановления судом обвинительного приговора. Кроме того, как подчеркнуто в пояснительной записке к данному закону, «…включение времени содержания под стражей в срок домашнего ареста не позволяет в дальнейшем применять ограничения, не связанные с запретом покидать жилище, после истечения предельного срока содержания под стражей, если цели применения мер пресечения могут быть достигнуты без изоляции обвиняемого от общества…». В качестве еще одного аргумента необходимости выделения запретов определенных действий из домашнего ареста в отдельную меру пресечения, которая не будет включаться в срок содержания под стражей, за исключением случаев установления запрета выхода из жилого помещения в определенное время, стало противоречие между возможность применения домашнего ареста без запрета выхода за пределы жилого помещения и требованиями ч. 1 ст. 107 УПК РФ, в соответствии с которой домашний арест может быть избран только при невозможности применения иной, более мягкой, меры пресечения. Однако практически домашний арест без запрета выхода за пределы жилого помещения оказался менее строгой мерой пресечения, чем залог [2].

С декабря 2011 г. правоприменительные функции по осуществлению контроля за нахождением подозреваемых или обвиняемых в месте исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста, а с апреля 2018 г. и за соблюдением возложенных судом запретов подозреваемыми или обвиняемыми, в отношении которых в качестве меры пресечения избран запрет определенных действий, домашний арест или залог, возложены на уголовно-исполнительные инспекции (далее – УИИ) Федеральной службы исполнения наказаний.

Для информации приведем статистические данные по судебной практике избрания домашнего ареста, запрет определенных действий и залога за 2012, 2013, 2020 и 2024 годы.

Так, в 2012 г. судами удовлетворено более 132,9 тыс. ходатайств органов дознания и следствия об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу и немногим более 2,7 тыс. ходатайств об избрании меры пресечения в виде домашнего ареста, в 2013 г. под стражу заключено 133,1 тыс. человек и 3 тыс. человек помещено под домашний арест, в 2020 г. следственные изоляторы пополнились на 84,9 тыс. человек, под домашний арест помещено 6,9 тыс. человек и в отношении 1,8 тыс. человек избрана мера пресечения в виде запрета определенных действий, в 2024 г. судами удовлетворено ходатайств органов предварительного расследования об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу – 93,7 тыс., в виде домашнего ареста – 8,5 тыс. и запрета определенных действий – 4,8 тыс. [3]

Действующая редакция ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ предусматривает возможность наложения судом шести запретов, в частности:

1) «выходить в определенные периоды времени за пределы жилого помещения, в котором он проживает в качестве собственника, нанимателя либо на иных законных основаниях;
2) находиться в определенных местах, а также ближе установленного расстояния до определенных объектов, посещать определенные мероприятия и участвовать в них;

3) общаться с определенными лицами;
4) отправлять и получать почтово-телеграфные отправления;
5) использовать средства связи и информационно-телекоммуникационную сеть «Интернет»;
6) управлять автомобилем или иным транспортным средством, если совершенное преступление связано с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств.».

Осуществление контроля за соблюдением запретов 1-5 подозреваемыми или обвиняемыми, в отношении которых в качестве меры пресечения избран запрет определенных действий, домашний арест или залог, возложено на сотрудников УИИ.

Помимо положений УПК РФ (статьи 105.1, 106 и 107), сотрудники УИИ при осуществлении своих правоприменительных функций по контролю за подозреваемыми и обвиняемыми руководствуются постановлением правительства Российской Федерации от 18.02.2013 № 134 (далее – постановление правительства РФ от 18.02.2013 № 134) и совместным приказом Минюста России № 189, МВД России № 603, СК России № 87, ФСБ России № 371 от 31.08.2020 (далее – приказ Минюста России № 189) [4;5]

Постановлением правительства РФ от 18.02.2013 № 134 утверждены перечень аудиовизуальных, электронных и иных технических средств контроля, которые могут использовать в своей деятельности сотрудники УИИ, а также правила их применения.

Приказом Минюста России № 189 установлены процедуры осуществления сотрудниками УИИ контроля за рассматриваемой категорией лиц, порядок взаимодействия контролирующего органа с заинтересованными сторонами (следствием, дознанием, судом и другими органами и организациями).

Проведенные ФКУ НИИ ФСИН России исследования в 2013, 2017 и 2018 годах, в рамках которых были опрошены судьи и практические работники УИИ, позволили выявить наиболее проблемные вопросы правоприменения домашнего ареста и запрета определенных действий в Российской Федерации [6;7;8].

В результате проведенного опроса судей судов общей юрисдикции Российской Федерации в 2012 году о некоторых проблемах, возникающих при избрании судом мер пресечения в виде домашнего ареста, препятствующих более широкому его применению, удалось сформулировать ряд предложений, направленные на урегулирование проблемных вопросов, возникающих при избрании судами меры пресечения в виде домашнего ареста. Например, разработать отдельный закон для целей домашнего ареста по аналогии с Федеральным законом от 15.07.1995 года № 103-ФЗ, нормативно закрепить процессуальный порядок отмены всех или отдельных назначенных судом ограничений во время нахождения подозреваемого или обвиняемого под домашним арестом или устранить сложности, связанные с контролем за исполнением домашнего ареста, в частности за исполнением запрета вести переговоры с использованием любых средств связи и т.д. [6, с. 4]

Экспертный опрос, в котором приняли участие 498 сотрудников УИИ, в том числе в ранге руководителей, показал, что больше половины респондентов (58,7%) признало эффективность домашнего ареста «удовлетворительной», а каждый пятый эксперт (22,7%) «неудовлетворительной». Наибольшие трудности эксперты (44,4%) испытывали с фиксацией нарушений в ходе исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста, при этом большинство нареканий поступило именно на качество используемых электронные устройства, которые не обеспечивают должного контроля за выполнением подозреваемым или обвиняемым большинства запретов определенных действий. Так, признали работу используемых электронных устройств не эффективной при таких запретах определенных действий, как «запрет на общение с определенными лицами» –68,5% экспертов, «запрет на отправку и получение почтово-телеграфных отправлений» – 82,5% экспертов, «запрет на использование средств связи и информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» (далее – Интернет) – 88,8% экспертов [7, с. 26-28].

Кроме того, 79,3% экспертов признало неудовлетворительным нормативно-правовое регулирование осуществления контроля за запретами определенных действий, связанных с отправкой и получением почтово-телеграфных отправлений, использованием средств связи и Интернета, требующим внесение изменений и дополнений в УПК РФ, позволяющих в целях контроля за перечисленными запретами определенных действий накладывать арест на корреспонденцию, ее осмотр и выемку в учреждениях связи, а также осуществлять контроль и запись телефонных и иных переговоров, получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами [7, с. 29].

В уголовно-процессуальном законодательстве (Code de procédure pénale) Французской Республики отсутствует аналогичная ст. 105.1 УПК РФ норма однако некоторые схожие по сути элементы запрета определенных действий содержаться в ст. 145-4 Уголовно-процессуального кодекса Франции, в соответствии с которой следственный судья может запретить лицу, в отноше-

нии которого ведется расследование, помещенного под стражу, общаться в течение одного месяца с определенными лицами или категориями лиц либо запретить свидания, за исключением свидания с адвокатом. Запрет может быть продлен один раз на один месяц. Решение о применении запрета должно быть обоснованным и мотивированным конкретными доводами, например, характером совершенного преступления, особенностями проводимого следствия, в частности когда общение обвиняемого с определенными лицами ставит под угрозу ход следствия и безопасность участников уголовного судопроизводства, а также сохранность доказательств по уголовному делу [9].

Согласно § 29 Закона Федеративной Республики Германия о исполнении наказаний (Strafvollzugsgesetz) (далее – УИК ФРГ)) лица, осужденные к лишению свободы, могут быть временно освобождены из пенитенциарного учреждения по медицинским показаниям, если их содержание в исправительном учреждении невозможно или существенно затруднено из-за серьезного заболевания, физического и (или) психического состояния. Решение о временном освобождении осужденного принимает администрация исправительного учреждения на основании медицинского заключения. Временное освобождение может сопровождаться запретами на общение с определенными лицами, телефонные разговоры, использование Интернета, а также получение и отправление корреспонденции. На время освобождения осужденный передается под надзор службе пробации либо помещается в медицинское учреждение.

Помимо указанных в § 29 УИК ФРГ случаев, осужденным в соответствии с § 32 УИК ФРГ могут быть разрешены отпуска и временные выезды за пределы исправительного учреждения для решения социальных и бытовых вопросов (например, для ухода за родственниками, лечения, участия в судебных слушаньях, подготовки к освобождению и т.д.), если это не создает угрозы безопасности и правопорядка. Решение о предоставлении осужденному выезда за пределы исправительного учреждения принимается администрацией учреждения с учетом поведения осужденного, продолжительности отбытого наказания и вероятности побега. Выезд осужденного возможет как с сопровождающим, так и без него. На время выезда осужденному может быть запрещено общение с определенными лицами [10].

В соответствии с руководством Административного управления судов США по условиям, связанным с киберпреступлениями, и положением о контроле интернета и электронных устройств (Cybercrime-Related Conditions) обвиняемые и осужденные, находящиеся под электронным наблюдением, обязаны предоставить информацию, необходимую для контроля за соблюдением ограничения доступа в Интернет, подобная информация может включать сведения о всех имеющихся в распоряжении подучетного лица устройствах, позволяющих осуществлять выход в Интернет, аккаунтах в социальных сетях, о провайдерах, предоставляющих доступ в Интернет, а также по отдельному судебному решению конфиденциальную информацию медицинского и финансового характера.

Обвиняемому или осужденному, находящемуся под электронным наблюдением, разрешаются устройства для доступа в Интернет (персональный компьютер, ноутбук, смартфон, планшет и т.д.) с предустановленным программным обеспечением удаленного доступа, позволяющим офицеру службы пробации удалено контролировать его действия в Интернете. Аналогичные манипуляции проводятся со всеми устройствами доступа в Интернет, до которых может добраться подучетное лицо[11].

Проведенные зарубежными специалистами исследования показали несовершенство рассматриваемой меры пресечения и (или) меры уголовно-правового характера (в зарубежных странах запреты определённых действий применяются как уголовное наказание, так и мера пресечения). Для электронного мониторинга за поведением обвиняемых и осужденных характерны следующие недостатки:

1) несовершенство технических средств контроля (сбои сигнала GPS и связи, потеря сигнала, зависимость от Интернета и мобильных сетей связи);
2) чрезмерно большой объем трафика информации, поступающей от средств контроля, затрудняющий оперативное принятие по ним верных решений (сотни или даже тысячи сигналов и событий при ограниченном человеческом ресурсе службы пробации);
3) обход запретов обвиняемыми или осужденными (снятие электронных браслетов, нарушение дозволенных границ для перемещения, использование чужих устройств для звонков и входа в Интернет, создание скрытых аккаунтов в социальных сетях);
4) отсутствие должного контроля за Интернетом (использование для связи мессенджеров, которые невозможно отследить, активное применение VPN программ, использование чужих и публичных открытых сетей для выхода в Интернет);
5) нарушение принципа приватности (не определены границы контроля);
6) разрыв между нормой закона и фактической реализацией требований закона (контроль

осуществляется формально, но не практически, то есть контролирующий орган выполняет требования ведомственных инструкций и регламентов по составлению и заполнению различного рода документов (расписок, уведомлений), направляет запросы, выезжает требуемое количество раз для проверки подучетного лица, но фактически подозреваемый, обвиняемый или осужденный может безнаказанно нарушать запреты при помощи родных, соседей, знакомых и других лиц);

7) чрезмерная нагрузка на персонал пробационных служб (нехватка персонала, ежегодное увеличение подучетных лиц, сложность контроля, ограниченные возможности используемых технических средств).

Список литературы:

[1] Пояснительная записка «К проекту Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» № 559740-5. URL: http: // sozd.duma.gov.ru (дата обращения 08.04.2026).

[2] Пояснительная записка «К проекту Федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (в части избрания и применения мер пресечения в виде залога, запрета определенных действий и домашнего ареста)» № 900722-6. URL: http: // sozd.duma.gov.ru (дата обращения 08.04.2026).

[3] Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации [Электронный ресурс]: Отчёт о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции за 2011-2023 годы. URL: http://cdep.ru/?id=79 (дата обращения: 08.04.2026).

[4] Постановление Правительства Российской Федерации от 18.02.2013 № 134 «О порядке применения аудиовизуальных, электронных и иных технических средств контроля, которые могут использоваться в целях осуществления контроля за нахождением подозреваемого или обвиняемого в месте исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста, а также за соблюдением возложенных судом запретов подозреваемым или обвиняемым, в отношении которого в виде меры пресечения избран запрет определенных действий, домашний арест или залог» (вместе с «Правилами применения аудиовизуальных, электронных и иных технических средств контроля, которые могут использоваться в целях осуществления контроля за нахождением подозреваемого или обвиняемого в месте исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста, а также за соблюдением возложенных судом запретов подозреваемым или обвиняемым, в отношении которого в качестве меры пресечения избран запрет определенных действий, домашний арест или залог»). Российская газета, № 39, 22.02.2013.

[5] Приказ Минюста России № 189, МВД России № 603, СК России № 87, ФСБ России № 371 от 31.08.2020 «Об утверждении Порядка осуществления контроля за нахождением подозреваемых или обвиняемых в месте исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста и за соблюдением возложенных судом запретов подозреваемыми или обвиняемыми, в отношении которых в качестве меры пресечения избран запрет определенных действий, домашний арест или залог». Официальный интернет-портал правовой информации http://www.pravo.gov.ru, 04.09.2020.

[6] Жиляев Р.М., Первозванский В.Б., Строгович Ю.Н. Предложения по урегулированию проблемных вопросов, возникающих при избрании судами меры пресечения в виде домашнего ареста. Аналитический материал. М.: ФКУ НИИ ФСИН России, 2013. 14 с.

[7] Жиляев Р.М., Первозванский В.Б., Строгович Ю.Н. Проблемы исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста с предложениями по их возможному законодательному решению. Аналитический обзор. М.: ФКУ НИИ ФСИН России, 2017. 39 с.

[8] Жиляев Р.М., Антипов А.Н., Первозванский В.Б., Строгович Ю.Н. Осуществление контроля за нахождением подозреваемых или обвиняемых в месте исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста и за соблюдением ими наложенных судом запретов и (или) ограничений: проблемы и пути решения. Монография. М.: ФКУ НИИ ФСИН России, 2018. 140 с.

[9] Уголовно-процессуальный кодекс Французской Республики (Code de procédure pénale). URL: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/article%5C_lc/LEGIARTI000006417669/https://www.legifrance.gouv.fr/codes/article%5C_lc/LEGIARTI000006417669/ (дата обращения: 08.04.2026).

[10] Закона Федеративной Республики Германия о исполнении наказаний (Strafvollzugsgesetz) URL: https://www.gesetze-im-internet.de/stvollzg/ (дата обращения: 08.04.2026).

[11] Руководство Административного управления судов США по условиям, связанным с киберпреступлениями, и положение о контроле интернета и электронных устройств (Cybercrime-Related Conditions) URL: https://www.uscourts.gov/about-federal-courts/probation-and-pretrial-services/post-conviction-supervision/overview-probation-and-supervised-release-conditions/chapter-3-cybercrime-related-conditions-probation-and-supervised (дата обращения: 08.04.2026).

References:

[1] Explanatory note “To the draft Federal Law “On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and Certain Legislative Acts of the Russian Federation” No. 559740-5. URL: http: // sozd.duma.gov.ru (date of contact 08.04.2026).

[2] Explanatory note “To the draft Federal Law “On Amendments to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation (in terms of the election and application of preventive measures in the form of bail, prohibition of certain actions and house arrest)” No. 900722-6. URL: http: // sozd.duma.gov.ru (date of contact 08.04.2026).

[3] Judicial Department under the Supreme Court of the Russian Federation [Electronic Resource]: Report on the work of courts of general jurisdiction for the consideration of criminal cases in the first instance for 2011-2023. URL: http://cdep.ru/?id=79 (access date: 08.04.2026).

[4] Decree of the Government of the Russian Federation of 18.02.2013 No. 134 “On the procedure for the use of audiovisual, electronic and other technical means of control that can be used to monitor the presence of a suspect or accused at the place of execution of a preventive measure in the form of house arrest, as well as compliance with the prohibitions imposed by the court by the suspect or accused, in respect of which a prohibition of certain actions, house arrest or bail was chosen as a preventive measure” (together with the “Rules for the use of audiovisual, electronic and other technical means of control that can be used to monitor the presence of a suspect or accused at the place of execution of a preventive measure in the form of house arrest, as well as compliance with the prohibitions imposed by the court by a suspect or accused in respect of whom a prohibition of certain actions, house arrest or bail was chosen as a preventive measure”). Rossiyskaya Gazeta, No. 39, 22.02.2013.

[5] Order of the Ministry of Justice of Russia No. 189, Ministry of Internal Affairs of Russia No. 603, Investigative Committee of Russia No. 87, FSB of Russia No. 371 dated 31.08.2020 “ On Approval of the Procedure for Monitoring the Presence of Suspects or Accused in the Place of Execution of a Preventive Measure in the Form of House Arrest and for Compliance with the Prohibitions Imposed by the Court by Suspects or Accused, in respect of which a prohibition of certain actions, house arrest or bail was chosen as a preventive measure.” The official Internet portal of legal information http://www.pravo.gov.ru, 04.09.2020.

[6] Zhilyaev R.M., Pervozvansky V.B., Strogovich Yu.N. Proposals for resolving problematic issues arising when the courts choose a preventive measure in the form of house arrest. Analytical material. M.: PKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, 2013. 14 p.

[7] Zhilyaev R.M., Pervozvansky V.B., Strogovich Yu.N. Problems of the execution of a preventive measure in the form of house arrest with proposals for their possible legislative solution. Analytical review. M.: PKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, 2017. 39 pp.

[8] Zhilyaev R.M., Antipov A.N., Pervozvansky V.B., Strogovich Yu.N. Monitoring the presence of suspects or accused in the place of execution of a preventive measure in the form of house arrest and their compliance with the prohibitions and (or) restrictions imposed by the court: problems and solutions. Monograph. M.: PKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, 2018. 140 s.

[9] Code de procédure pénale. URL: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/article%5C_lc/LEGIARTI000006417669/https://www.legifrance.gouv.fr/codes/article%5C_lc/LEGIARTI000006417669/ (дата обращения: 08.04.2026).

[10] Law of the Federal Republic of Germany on Execution of Punishments (Strafvollzuggesetz) URL: https://www.gesetze-im-internet.de/stvollzg/ (date of reference: 08.04.2026).

[11] US Administrative Office of the Courts Guidance on Cybercrime-Related Conditions and Cybercrime-Related Conditions URL: https://www.uscourts.gov/about-federal-courts/probation-and-pretrial-services/post-conviction-supervision/overview-probation-and-supervised-release-conditions/chapter-3-cybercrime-related-conditions-probation-and-supervised (Accessed: 08.04.2026).

- ТЕОРИЯ УПРАВЛЕНИЯ -

Дата поступления рукописи в редакцию: 02.04.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.05.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3830-2026-4-293-295

ПОЛЯКОВА Янина Николаевна,
кандидат психологических наук,
ведущий научный сотрудник НИЦ-2 ФКУ НИИ ФСИН России,
г. Москва, Российская Федерация,
доцент кафедры уголовного права и криминологии
Ростовского института (филиал) ВГУЮ
(РПА Минюста России),
e-mail: ynpolyakova@yandex.ru

ПРАВИЛА ПРОВЕДЕНИЯ ДЕЛОВЫХ СОВЕЩАНИЙ

Аннотация. *В статье речь идет о деловом совещании, его стиле и принципах, рассматриваются вопросы обсуждения организации деятельности, обязательные требования, позволяющие сделать деловые совещания действенным инструментом создания команды единомышленников.*

Ключевые слова: *деловое совещание, стиль делового общения.*

POLYAKOVA Ya.N.,
leading researcher,
Federal State Institution Research Institute
of the Federal Penitentiary Service of Russia,
Moscow, Russian Federation;
Candidate of Psychological Sciences

RULES FOR BUSINESS MEETINGS

Annotation. *The article deals with a business meeting, its style and principles, discusses issues of discussing the organization of activities, mandatory requirements that make business meetings an effective tool for creating a team of like-minded people.*

Key words: *business meeting, style of business communication.*

Деловое совещание – это обсуждение вопросов организации деятельности, проводимое первым лицом или заменяющим его специалистом. К обязательным требованиям, позволяющим сделать деловые совещания действенным инструментом создания команды единомышленников, относятся: регулярность проведения; сочетание обсуждения стратегических и оперативных вопросов; урегулирование на совещаниях вопросов корпоративных отношений; руководителю следует помнить, что совещание оказывает огромное влияние на его имидж и стиль деловых отношений.

Руководителям и специалистам, готовящим совещание, необходимо руководствоваться общими принципами организации такого рода мероприятий (конференций, приемов, встреч).

Особенность подготовки внутреннего совещания – общение коллег по общим для всего коллектива проблемам – это часть корпоративной культуры, поэтому, перед началом подготовки даже короткой оперативки стоит ответить на вопросы: нужно ли проводить данное совещание; кто входит в круг лиц, без которых данное мероприятие будет невозможным; какие вопросы внести в повестку дня; нужен ли доклад руководителя, и с какими подразделениями или отдельными специалистами нужно проконсультироваться при его подготовке.

Несколько почти очевидных рекомендаций, нарушение которых встречается почти всегда: в случае отступления кого-либо из участников от норм протокола, в жесткой, но корректной форме призовите к порядку; в столь же корректной форме требуйте соблюдения регламента; спикер вправе и поддержать выступающего, если последний волнуется, а выступление заинтересовало собравшихся.

Стиль делового общения – это система средств, приемов, механизмов, способов воздействия для достижения положительных результатов коммуникации, элементами которого являются: комплексность всех мероприятий; знание возможностей коллег; совещание лучше проводить не в кабинете руководителя (лучше всего, за круглым столом, чтобы подчеркнуть равенство участников); ведущим может быть специально подготовленный спикер, а не руководитель; руководитель должен переключить на секретаря все телефоны, не общаться с лицами, не участвующими в совещании; совещание лучше проводить в дискуссионном ключе, но если проблема неординарна, возможно применение «мозгового штурма»; неизбежные дискуссии не должны превращаться в столкновение принципов или амбиций и, тем паче, переходить «на личности», при этом, следует уважать право на несогласие и меньшинства, и отдельного человека (кроме весьма небольшого числа случаев, в которых выполнение однозначного решения руководителя действительно необходимо).

Грамотный стиль деятельности руководителя особенно необходим при общении с партнерами. Во внешнем деловом общении выделяют следующие этапы (стадии): установление контакта; ознакомление; принятие решения; окончание контакта.

Начало общения и знакомство, если проходит первая встреча деловых партнеров, предполагают соблюдение ряда правил, диктуемых элементарной вежливостью, но имеющих некоторую специфику, поскольку руководитель – это лицо учреждения. После приветствия и представления необходимо сделать краткую паузу – дать партнеру возможность включиться в общение. Можно без детализации назвать проблемы предстоящих переговоров. Если переговоры проходят в Вашем офисе, то не забывайте об обязанностях хозяина. В ходе переговоров можно предложить кофе, минеральную воду и тому подобное, по окончании – фуршет. Вовсе не нужна излишняя роскошь. Она, вполне вероятно, вызовет подозрения, что Вы стремитесь «пустить пыль в глаза». Помещение для переговоров должно быть подготовлено в техническом отношении. На столах должны лежать блокноты и ручки, папки с символикой Вашей организации. Собственно переговорный процесс должен отвечать общим принципам равноправной и демократичной, но формальной, деловой, институциализированной, (в значительной мере официальной) коммуникации: умение маневрировать ресурсами (финансовыми, материальными, временем); грамотное распределение и перераспределение обязанностей, прав и полномочий, ответственности между партнерами.

Основные виды делового стиля: авторитарный, к характеристикам которого относятся поддержание дистанции, подчеркивание превосходства; демократичный, предусматривающий равноправие участников; проблемно-целевой, которые предусматривает определение характера общения ситуацией.

Авторитаризм нежелателен (хотя и часто встречается) в общении «начальник-подчиненный». Демократичный стиль иногда порождает «обратную» проблему: неформализация общения не всегда желательна. Проблемно-целевой подход, сосредоточенность на проблеме и путях ее решения требует высокой квалификации, причем как профессиональной, так и коммуникативной, участников переговоров.

Список литературы:

[1] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. Коллективность и комплексность в науке / Международный научный вестник. 2025. № 10. С. 325-328.

[2] Гузеев М. С., Кулакова С. В., Вилкова А. В. База данных тестовых заданий к авторскому курсу лекций «Роль и место современных СМИ и социальных медиа в развитии уголовно-исполнительной системы Российской Федерации. Свидетельство о регистрации базы данных RU 2022622073. 17.08. 2022. Заявка № 2022621591 от 01.07.2022.

[3] Вилкова А. В. Духовно-нравственные ценности несовершеннолетних осужденных и особенности социально-образовательной среды / А. В. Вилкова // В сборнике: педагогика и современное образование. Материалы Всероссийской научно-практической конференции аспирантов, соискателей, докторантов, научных руководителей, молодых ученых, специализирующихся в области образования. Сер. «Библиотека аспиранта» Санкт-Петербург.2022. С. 32-36.

[4] Смородинскова И. А. Основные функции деловой беседы / А. В. Вилкова, И. А. Смородинскова, В. Ю. Бунтина // В сборнике: Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. Научно-практическое ежеквартальное издание. Москва, 2021. С. 115-122.

[5] Ковалев О. Г. Криминогенная ситуация в сфере коррупционной преступности, ее детерминанты / А. В. Вилкова, О. Г. Ковалев, А. Ю. Гапонов // Тенденции развития науки и образования. 2021. № 76-4. С. 34-36.

[6] Литвишков В. М. Стороны делового общения / А. В. Вилкова, В. М. Литвишков // В сборнике: Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. Научно-практическое ежеквартальное издание. Москва. 2020. С. 131-144.

[7] Фадеева С. А. Делинкветное поведение как разновидность отклоняющегося поведения / А. В. Вилкова, С. А. Фадеева // В сборнике: Науч-

ные труды ФКУ НИИ ФСИН России. Научно-практическое ежеквартальное издание. Москва, 2019. С. 66-68.

[8] Вилкова А. В. Психолого-педагогическое изучение и социально-психологическая характеристика личности несовершеннолетних осужденных. Москва.2018.

[9] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. Социально-педагогическая запущенность несовершеннолетних осужденных / В сборнике: Уголовно-исполнительная система: законодательство, теория и практика. Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной памяти российского ученого-пенитенциариста заслуженного юриста Российской Федерации доктора юридических наук, профессора О. В. Филимонова. В 2-х частях. Самара, 2025. С. 87-93. Сборник статей круглого стола. Тверь, 2025. С. 93-96.

[10] Вилкова А. В., Тищенко Ю. Ю. Социально-педагогическая запущенность и делинквентность несовершеннолетних // В сборнике: Уголовно-исполнительная система: история и современность. Сборник материалов Межвузовской научно-практической конференции с международным участием. Псков. 2025. С. 65-68.

[11] Мудрецы России под ред. Сапунов В. Б., Ермилова М. В., Колесов В. И. (2-е издание). Санкт-Петербург, 2023.

[12] Траектория развития субъектов образовательного процесса. Материалы II Международной научно-практической конференции. Воронеж. 2024.

References:

[1] Vilkova A.V., Polyakova Y. N. Collectivity and comprehensiveness in science/International Scientific Bulletin. 2025. № 10. S. 325-328.

[2] Guzeev M.S., Kulakova S.V., Vilkova A.V. Database of test assignments for the author's course of lectures "The role and place of modern media and social media in the development of the penal system of the Russian Federation. Certificate of registration of the RU 2022622073 database. 17.08. 2022. Request No. 2022621591 dated 01.07.2022.

[3] Vilkova A.V. Spiritual and moral values of juvenile convicts and features of the socio-educational environment/A.V. Vilkova//In the collection: pedagogy and modern education. Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference of Graduate Students, Applicants, Doctoral Students, Supervisors, Young Scientists Specializing in Education. Ser. "Postgraduate Library" St. Petersburg. 222. S. 32-36.

[4] Smorodinskova I. A. The main functions of a business conversation/A. V. Vilkov, I. A. Smorodinskova, V. Yu. Buntin//In the collection: Scientific works of the PKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. Scientific and practical quarterly publication. Moscow, 2021. S. 115-122.

[5] Kovalev O. G. Criminogenic situation in the field of corruption crime, its determinants/A. V. Vilkova, O. G. Kovalev, A. Yu. Gaponov//Trends in the development of science and education. 2021. № 76-4. S. 34-36.

[6] Litvishkov V. M. Parties to business communication/A. V. Vilkov, V. M. Litvishkov//In the collection: Scientific works of the PKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. Scientific and practical quarterly publication. Moscow. 2020. S. 131-144.

[7] Fadeeva S. A. Delinquent behavior as a type of deviant behavior/A. V. Vilkov, S. A. Fadeev//In the collection: Scientific works of the PKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. Scientific and practical quarterly publication. Moscow, 2019. S. 66-68.

[8] A. V. Vilkova. Psycholor-pedagogical study and socio-psychological characteristics of the personality of juvenile convicts. Moskva.2018.

[9] Vilkova A.V., Polyakova Y. N. Social and pedagogical neglect of juvenile convicts/In the collection: Criminal executive system: legislation, theory and practice. Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference with international participation, dedicated to the memory of the Russian scientist-penitentiary Honored Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor O. V. Filimonov. In 2 parts. Samara, 2025. S. 87-93. Collection of roundtable articles. Tver, 2025. S. 93-96.

[10] Vilkova A. V., Tishchenko Yu. Yu. Socio-pedagogical neglect and delinquency of minors//In the collection: The penal system: history and modernity. Collection of materials of the Interuniversity Scientific and Practical Conference with international participation. Pskov. 2025. S. 65-68.

[11] Sages of Russia ed. Sapunov V. B., Ermilova M. V., Kolesov V. I. (2nd edition). St. Petersburg, 2023.

[12] Trajectory of educational process subjects. Materials of the II International Scientific and Practical Conference. Voronezh. 2024.

Дата поступления рукописи в редакцию: 02.04.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-4-296-298
Дата принятия рукописи в печать: 03.05.2026 г.

ДМИТРИЕВ Григорий Геннадьевич,
доктор педагогических наук, профессор,
ведущий научный сотрудник НИЦ-2 ФКУ НИИ ФСИН России,
г. Москва, Российская Федерация,
e-mail: vifk-nic@yandex.ru

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ

Аннотация. *В статье рассматривается вопрос определения девиантного поведения, дана его характеристика и определена норма поведения, которая базируется на трех составляющих индивидуальности, аномалии и девиации.*

Ключевые слова: *девиантное поведение, адаптивность, норма, критерии, нравственность.*

DMITRIEV Grigoriy Gennadievich,
Doctor of Pedagogical Sciences, Professor,
Leading Researcher NITs-2 PKU Research Institute
of the Federal Penitentiary Service of Russia,
Moscow, Russian Federation

DEFINITION OF DEVIANT BEHAVIOR

Annotation. *The article considers the issue of determining deviant behavior, gives its characteristics and defines the norm of behavior, which is based on the three components of individuality, anomaly and deviation.*

Key words: *deviant behavior, adaptability, norm, criteria, morality.*

Широкая область научного знания охватывает аномальное, девиантное поведение человека. Существенный параметр такого поведения – отклонение в ту или иную сторону с различной интенсивностью и в силу разнообразных причин от поведения, которое признается нормальным и неотклоняющимся.

Характеристиками нормального и гармоничного поведения считаются:

– сбалансированность психических процессов (на уровне свойств темперамента);
– адаптивность и самоактуализация (на уровне характерологических особенностей) и духовность;
– ответственность и совестливость (на личностном уровне).

Также как норма поведения базируется на этих трех составляющих индивидуальности, и аномалии и девиации основываются на их изменениях, отклонениях и нарушениях. Таким образом, девиантное поведение человека – это система поступков или отдельные поступки, противоречащие принятым в обществе нормам и проявляющиеся в виде несбалансированности психических процессов, неадаптивности, нарушения процесса самоактуализации или уклонений от нравственного и эстетического контроля за собственным поведением.

Считается, что взрослый индивид изначально обладает стремлением к «внутренней цели», в соответствии с которой осуществляются все без исключения проявления его активности («постулат сообразности», по В.А. Петровскому). Речь идет об изначальной адаптивной направленности любых психических процессов и поведенческих актов. Выделяют различные варианты «постулата сообразности»: гомеостатичсский, гедонический, прагматический. При гомеостатическом варианте «постулат сообразности» выступает в форме требования к устранению конфликтности во взаимоотношениях со средой, установлению «равновесия». При гедоническом варианте действия человека детерминированы двумя первичными аффектами: удовольстви¬ем и страданием – и все поведение интерпретируется как максимализация удовольствия и страдания. Прагматический вариант использует принцип оптимизации, когда во главу угла ставится узкопрактическая сторона поведения (польза, выгода, успех).

Кроме того, чтобы правильно оценить девиантное (отклоняющееся) поведение, необходимо представлять, от каких именно норм общества оно отклоняется.

Норма – это явление группового сознания в виде разделяемых группой представлений и наи-

более частых суждений членов группы о требованиях к поведению с учетом их социальных ролей, создающих оптимальные условия бытия, с которыми эти нормы взаимодействуют и, отражая, формируют его.

Выделяют следующие нормы, которым следуют люди:

– правовые;
– нравственные;
– эстетические.

Правовые нормы оформлены в виде свода законов и подразумевают наказание при их нарушении; нравственные и эстетические нормы не регламентированы столь строго, и при их несоблюдении возможно лишь общественное порицание. Отдельно в рамках каждой из вышеперечисленных общественных норм описывают нормы сексуального поведения. Это обусловлено повышенной значимостью сексуального и полоролевого поведения человека, а также частотой девиации именно в данной интимной сфере жизнедеятельности человека. При этом нормы сексуального поведения регулируются на уровне как прав, так и нравственности и эстетики

Девиантным считается любое по степени выраженности, на-правленности или мотивам поведение, отклоняющееся от критериев той или иной общественной нормы. При этом критерии обусловливаются нормами следования правовым указаниям и регламентациям (нормы законопослушания), моральным и нравственно-этическим предписаниям (так называемым общечеловеческим ценностям), этикету. Некоторые из данных норм имеют абсолютные и однозначные критерии, записанные в законах и уставах, другие – относительные, которые передаются из уст в уста, транслируются в виде традиций, верований или семейных, профессиональных и общественных регламентаций.

Список литературы:

[1] Кудлай Т.П. Теоретические основы развития системы предупреждения социальных отклонений несовершеннолетних (криминологический и организационно-правовой аспекты). Автореф. дисс. … док. юр. наук. М., 1991. – 40 с.

[2] Кузьмина А.М. Профилактика девиантного поведения девочек старшего подросткового возраста в процессе их нравственно-этической социализации: Дисс. … к.п.н., Уфа, 2006, 170 с.

[3] Шапочкин А.В. Клубная деятельность как средство социально-педагогической реабилитации подростков с девиантным поведением в России XX века. Автореф. дисс. … к.п.н., Великий Новгород. 2000 185 с.

[4] Юричка А.Ю. Реадаптация личности подростка-девианта в процессе ее социализации. Дисс. … к.п.н. – Бирск, 2002 228 с.

[5] Ягудин З.Г. Социально-педагогические технологии перевоспитания подростков с девиантным поведением. Дисс. … к.п.н. Казань 2001.

[6] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. База данных тестовых заданий к курсу лекций «Воспитательная работа с осужденными для образовательных организаций ФСИН России. Свидетельство о регистрации базы данных RU 2025623480. 22.08. 2025. Заявка № 2025623025 от 14.08.2025.

[7] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. Коллективность и комплексность в науке / Международный научный вестник. 2025. № 10. С. 325-328.

[8] Гузеев М. С., Кулакова С. В., Вилкова А. В. База данных тестовых заданий к авторскому курсу лекций «Роль и место современных СМИ и социальных медиа в развитии уголовно-исполнительной системы Российской Федерации. Свидетельство о регистрации базы данных RU 2022622073. 17.08. 2022. Заявка № 2022621591 от 01.07.2022.

[9] Вилкова А. В. Духовно-нравственные ценности несовершеннолетних осужденных и особенности социально-образовательной среды / А. В. Вилкова // В сборнике: педагогика и современное образование. Материалы Всероссийской научно-практической конференции аспирантов, соискателей, докторантов, научных руководителей, молодых ученых, специализирующихся в области образования. Сер. «Библиотека аспиранта» Санкт-Петербург.2022. С. 32-36.

[10] Смородинскова И. А. Основные функции деловой беседы / А. В. Вилкова, И. А. Смородинскова, В. Ю. Бунтина // В сборнике: Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. Научно-практическое ежеквартальное издание. Москва, 2021. С. 115-122.

[11] Ковалев О. Г. Криминогенная ситуация в сфере коррупционной преступности, ее детерминанты / А. В. Вилкова, О. Г. Ковалев, А. Ю. Гапонов // Тенденции развития науки и образования. 2021. № 76-4. С. 34-36.

[12] Литвишков В. М. Стороны делового общения / А. В. Вилкова, В. М. Литвишков // В сборнике: Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. Научно-практическое ежеквартальное издание. Москва. 2020. С. 131-144.

[13] Фадеева С. А. Делинкветное поведение как разновидность отклоняющегося поведения / А. В. Вилкова, С. А. Фадеева // В сборнике: Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. Научно-практическое ежеквартальное издание. Москва, 2019. С. 66-68.

[14] Вилкова А. В. Психолого-педагогическое изучение и социально-психологическая характеристика личности несовершеннолетних осужденных. Москва.2018.

[15] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. Социально-педагогическая запущенность несовершенно-

летних осужденных / В сборнике: Уголовно-исполнительная система: законодательство, теория и практика. Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной памяти российского ученого-пенитенциариста заслуженного юриста Российской Федерации доктора юридических наук, профессора О. В. Филимонова. В 2-х частях. Самара, 2025. С. 87-93. Сборник статей круглого стола. Тверь, 2025. С. 93-96.

[16] Вилкова А. В., Тищенко Ю. Ю. Социально-педагогическая запущенность и делинквентность несовершеннолетних // В сборнике: Уголовно-исполнительная система: история и современность. Сборник материалов Межвузовской научно-практической конференции с международным участием. Псков. 2025. С. 65-68.

[17] Мудрецы России под ред. Сапунов В. Б., Ермилова М. В., Колесов В. И. (2-е издание). Санкт-Петербург, 2023.

References:

[1] Kudlai T.P. Theoretical foundations of the development of a system for preventing social deviations of minors (criminological and organizational and legal aspects). Autoref. diss.... doc. Jurassic sciences. M., 1991. - 40 s.

[2] Kuzmina A.M. Prevention of deviant behavior of girls of older adolescence in the process of their moral and ethical socialization: Diss.... Ph.D., Ufa, 2006, 170 p.

[3] A.V. Shapochkin. Club activity as a means of socio-pedagogical rehabilitation of adolescents with deviant behavior in Russia of the XX century. Autoref. diss.... Ph.D., Veliky Novgorod. 2000 185 p.

[4] Yurichka A.Yu. Readaptation of the personality of a deviant teenager in the process of its socialization. Diss.... Ph.D. - Birsk, 2002 228 p.

[5] Yagudin Z.G. Social and pedagogical technologies of re-education of adolescents with deviant behavior. Diss.... Ph.D. Kazan 2001.

[6] Vilkova A. V., Polyakova Y. N. Database of test assignments for the lecture course “Educational work with convicts for educational organizations of the Federal Penitentiary Service of Russia. Certificate of registration of the RU 2025623480 database. 22.08. 2025. Request No. 2025623025 dated 14.08.2025.

[7] Vilkova A.V., Polyakova Y. N. Collectivity and comprehensiveness in science/International Scientific Bulletin. 2025. № 10. S. 325-328.

[8] Guzeev M.S., Kulakova S.V., Vilkova A.V. Database of test assignments for the author’s course of lectures “The role and place of modern media and social media in the development of the penal system of the Russian Federation. Certificate of registration of the RU 2022622073 database. 17.08. 2022. Request No. 2022621591 dated 01.07.2022.

[9] Vilkova A.V. Spiritual and moral values of juvenile convicts and features of the socio-educational environment/A.V. Vilkova//In the collection: pedagogy and modern education. Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference of Graduate Students, Applicants, Doctoral Students, Supervisors, Young Scientists Specializing in Education. Ser. “Postgraduate Library” St. Petersburg. 222. S. 32-36.

[10] Smorodinskova I. A. The main functions of a business conversation/A. V. Vilkov, I. A. Smorodinskova, V. Yu. Buntin//In the collection: Scientific works of the PKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. Scientific and practical quarterly publication. Moscow, 2021. S. 115-122.

[11] Kovalev O. G. Criminogenic situation in the field of corruption crime, its determinants/A. V. Vilkova, O. G. Kovalev, A. Yu. Gaponov//Trends in the development of science and education. 2021. № 76-4. S. 34-36.

[12] Litvishkov V. M. Parties to business communication/A. V. Vilkov, V. M. Litvishkov//In the collection: Scientific works of the PKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. Scientific and practical quarterly publication. Moscow. 2020. S. 131-144.

[13] Fadeeva S. A. Delinquent behavior as a type of deviant behavior/A. V. Vilkov, S. A. Fadeev//In the collection: Scientific works of the PKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. Scientific and practical quarterly publication. Moscow, 2019. S. 66-68.

[14] A. V. Vilkova. Psycholor-pedagogical study and socio-psychological characteristics of the personality of juvenile convicts. Moskva.2018.

[15] Vilkova A.V., Polyakova Y. N. Social and pedagogical neglect of juvenile convicts/In the collection: Criminal executive system: legislation, theory and practice. Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference with international participation, dedicated to the memory of the Russian scientist-penitentiary Honored Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor O. V. Filimonov. In 2 parts. Samara, 2025. S. 87-93. Collection of roundtable articles. Tver, 2025. S. 93-96.

[16] Vilkova A. V., Tishchenko Yu. Yu. Socio-pedagogical neglect and delinquency of minors//In the collection: The penal system: history and modernity. Collection of materials of the Interuniversity Scientific and Practical Conference with international participation. Pskov. 2025. S. 65-68.

[17] Sages of Russia ed. Sapunov V. B., Ermilova M. V., Kolesov V. I. (2nd edition). St. Petersburg, 2023.

Дата поступления рукописи в редакцию: 18.03.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-4-299-302
Дата принятия рукописи в печать: 03.05.2026 г.

ЛУКАШЕНКО Дмитрий Владимирович,
доктор психологических наук, профессор,
главный научный сотрудник ФКУ НИИ ФСИН России,
г. Москва, Российская Федерации,
e-mail: dim-mail-ru@mail.ru

АДДИКТИВНОЕ ПОВЕДЕНИЕ КАК ОДНА ИЗ ФОРМ ОТКЛОНЯЮЩЕГОСЯ ПОВЕДЕНИЯ

Аннотация*. В статье рассматривается вопросы аддиктивного поведения, характеризующееся стремлением к уходу от реальности путем искусственного изменения своего психического состояния посредством приема некоторых веществ или постоянной фиксацией внимания на определенных видах деятельности, что направлено на развитие и поддержание интенсивных эмоций.*

Ключевые слова*: аддиктивное поведение, социабельность, девиантное поведение.*

LUKASHENKO Dmitry Vladimirovich
Chief Researcher of the Research Institute
of the Russian Federal Penitentiary Service,
Doctor of Psychological Sciences, Associate Professor,
Moscow, Russian Federation

ADDICTIVE BEHAVIOR AS A FORM OF DEVIANT BEHAVIOR

Annotation*. The article examines issues of addictive behavior, characterized by a desire to escape reality by artificially changing one's mental state through the intake of certain substances or constant fixation of attention on certain activities, which is aimed at developing and maintaining intense emotions.*

Key words*: addictive behavior, sociability, deviant behavior.*

Аддиктивное поведение – это одна из форм девиантного поведения, характеризующаяся стремлением к уходу от реальности путем искусственного изменения своего психического состояния посредством приема некоторых веществ или постоянной фиксацией внимания на определенных видах деятельности, что направлено на развитие и поддержание интенсивных эмоций (Ц.П. Короленко, Т.А. Донских).

Основным мотивом личностей, склонных к аддиктивным формам поведения, является активное изменение не удовлетворяющего их психического состояния, которое рассматривается как «серое», «скучное», «монотонное», «апатичное». Такому человеку не удается обнаружить в реальной действительности какие-либо сферы деятельности, способные привлечь надолго его внимание, увлечь, обрадовать или вызвать иную существенную и выраженную эмоциональную реакцию. Жизнь видится ему неинтересной в силу ее кажущейся обыденности и однообразности. Человек не приемлет того, что считается в обществе нормальным: необходимости что-то делать, заниматься какой-либо деятельностью, соблюдать принятые в семье или обществе традиции и нормы.

Можно говорить о том, что у индивида с аддиктивной нацеленностью поведения активность носит избирательный характер; она значительно снижена в обыденной жизни, наполненной требованиями и ожиданиями; в тех же областях жизни, которые пусть временно но приносят человеку удовлетворение и вырывают его из мира эмоциональной бесчувственности, он может проявлять недюжинные способности для достижения цели.

Выделяются следующие психологические особенности лиц с аддиктивными формами поведения: сниженная переносимость трудностей повседневной жизни наряду с хорошей переносимостью различных кризисных ситуаций; скрытый комплекс неполноценности, сочетающийся с внешне проявляемым превосходством; внешняя социабельность, сочетающаяся со страхом перед

стойкими эмоциональными контактами; стремление говорить неправду; стремление обвинять других, зная, что они невиновны; стремление уходить от ответственности при принятии решений; стереотипность, повторяемость поведения; зависимость; тревожность.

В соответствии с имеющимися критериями основными особенностями индивида со склонностью к аддиктивному поведению является рассогласованность психологической устойчивости в случаях обыденных отношений и кризисов. В норме, как правило, психически здоровые люди легко («автоматически») приспосабливаются к требованиям бытовой жизни и тяжелее переносят кризисные ситуации. Они, в отличие от лиц с разнообразными аддикциями, стараются избегать кризисов и волнующих нетрадиционных событий.

У аддиктивной личности отмечается феномен «жажды острых ощущений» (В.А. Петровский), характеризующийся побуждением к риску, обусловленным опытом преодоления опасности.

Вместе с тем объективно и субъективно плохая переносимость трудностей повседневной жизни, постоянные упреки в неприспособленности и отсутствие жизнелюбия со стороны близких и окружающих формируют у аддиктивных личностей скрытый комплекс неполноценности. Они страдают от того, что отличаются от других, не способны «жить как люди». Однако такой временно возникающий комплекс неполноценности сменяется гиперкомпенсаторной реакцией. От заниженной самооценки, создаваемой окружающими, эти индивиды переходят сразу к завышенной, минуя адекватную. Появление чувства превосходства над окружающими выполняет защитную психологическую функцию, способствуя поддержанию самоуважения в неблагоприятных микросоциальных условиях – условиях конфронтации личности с семьей или коллективом. Чувство превосходства основывается на сравнении «серого обывательского болота», в котором якобы находятся все окружающие, и «настоящей, свободной от обязательств жизни» аддиктивного человека.

Учитывая то, что давление на таких людей со стороны социума достаточно интенсивное, аддиктивным личностям приходится подстраиваться под нормы общества, играть роль «своего среди чужих». Вследствие этого они научаются формально исполнять социальные роли, которые им навязываются (примерного сына, учтивого собеседника, добропорядочного коллеги).

Внешняя социабельность, легкость налаживания контактов сопровождаются манипулятивным поведением и поверхностностью эмоциональных связей. Такой человек страшится стойких и длительных эмоциональных контактов вследствие быстрой потери интереса к конкретному человеку или виду деятельности и опасения ответственности за какое-либо дело. Мотивом поведения «закоренелого холостяка» в случае преобладания аддиктивных форм поведения может быть страх ответственности за возможную супругу и детей и зависимости от них.

Стремление говорить неправду, обманывать окружающих, а также обвинять других в собственных ошибках и промахах определяется структурой аддиктивной личности, пытающейся скрыть ОТ окружающих собственный комплекс неполноценности, обусловленный неумением жить в соответствии с устоями и общепринятыми нормами.

Таким образом, основными в поведении аддиктивной личности являются стремление к уходу от реальности, страх перед обыденной, наполненной обязательствами и регламентациями «скучной» жизнью, склонность к поиску запредельных эмоциональных переживаний даже ценой серьезного риска и неспособность быть ответственным за что-либо.

Список литературы:

[1] Зауторова Э.В. К вопросу о психолого-педагогическом воздействии на осужденных, имеющих религиозные экстремистские убеждения // Вестник ВИПЭ ФСИН России: Преступление. Наказание. Исправление. - 2014. - №2 (26) - С. 52-56.

[2] Истомин А.А. Систенма ценностных ориентаций осужденных к лишению свободы: автореферат дисс. … канд.психол. наук. Рязань. 2011, 23 с.

[3] Концепция развития уголовно-исполнительной системы в Российской Федерации до 2020 года. М., 2010

[4] Калашникова Т.В., Калашникова М.м. Ценностные ориентации несовершеннолетних осужденных женского пола // Прикладная юридическая психология. 2012. № 3. С. 63-70

[5] Калитова А.Ю. Формирование готовности будущего учителя к развитию толерантного отношения учащихся к человеку: дис. … канд. пед. наук. – Самара, 2011. - 206 с.

[6] Основы психологии исполнения наказаний: учеб. Пособие/под ред. Е.Н. Казаковой. – Вологда: Вологодский институт права и экономики Минюста России, 2001. – 347 с.

[7] Литвишков В.М. Пенитенциарная педагогика: курс лекций / В.М. Литвишков, А.В. Митькина. – М.: Московский психолого-социальный институт, 2004. – 400 с.

[8] Смородинскова И. А. Основные функции деловой беседы / А. В. Вилкова, И. А. Сморо-

динскова, В. Ю. Бунтина // В сборнике: Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. Научно-практическое ежеквартальное издание. Москва, 2021. С. 115-122.

[9] Ковалев О. Г. Криминогенная ситуация в сфере коррупционной преступности, ее детерминанты / А. В. Вилкова, О. Г. Ковалев, А. Ю. Гапонов // Тенденции развития науки и образования. 2021. № 76-4. С. 34-36.

[10] Литвишков В. М. Стороны делового общения / А. В. Вилкова, В. М. Литвишков // В сборнике: Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. Научно-практическое ежеквартальное издание. Москва. 2020. С. 131-144.

[11] Фадеева С. А. Делинкветное поведение как разновидность отклоняющегося поведения / А. В. Вилкова, С. А. Фадеева // В сборнике: Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. Научно-практическое ежеквартальное издание. Москва, 2019. С. 66-68.

[12] Вилкова А. В. Психолого-педагогическое изучение и социально-психологическая характеристика личности несовершеннолетних осужденных. Москва.2018.

[13] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. Социально-педагогическая запущенность несовершеннолетних осужденных / В сборнике: Уголовно-исполнительная система: законодательство, теория и практика. Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной памяти российского ученого-пенитенциариста заслуженного юриста Российской Федерации доктора юридических наук, профессора О. В. Филимонова. В 2-х частях. Самара, 2025. С. 87-93. Сборник статей круглого стола. Тверь, 2025. С. 93-96.

[14] Вилкова А. В., Тищенко Ю. Ю. Социально-педагогическая запущенность и делинквентность несовершеннолетних // В сборнике: Уголовно-исполнительная система: история и современность. Сборник материалов Межвузовской научно-практической конференции с международным участием. Псков. 2025. С. 65-68.

[15] Мудрецы России под ред. Сапунов В. Б., Ермилова М. В., Колесов В. И. (2-е издание). Санкт-Петербург, 2023.

[16] Траектория развития субъектов образовательного процесса. Материалы II Международной научно-практической конференции. Воронеж. 2024.

[17] Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. Научно-практическое ежеквартальное издание / Том Выпуск 4. Москва. 2021.

[18] Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. Научно-практическое ежеквартальное издание / Том Выпуск 1. Москва. 2022.

References:

[1] E.V. Zautorova. On the issue of psychological and pedagogical impact on convicts with religious extremist beliefs//Bulletin of the VIP of the Federal Penitentiary Service of Russia: Crime. Punishment. Correction. - 2014. - NO. 2 (26) - S. 52-56.

[2] Istomin A.A. Sistenma of value orientations of those sentenced to imprisonment: abstract of diss.... cand.psychol. sciences. Ryazan. 2011, 23 pp.

[3] The concept of the development of the penal system in the Russian Federation until 2020. M., 2010

[4] Kalashnikova T.V., Kalashnikova M.M. Value orientations of female juvenile convicts//Applied legal psychology. 2012. № 3. S. 63-70

[5] A.Yu. Kalitova. Formation of the future teacher's readiness to develop a tolerant attitude of students towards a person: dis.... cand. ped. sciences. - Samara, 2011. - 206 s.

[6] Fundamentals of psychology of execution of punishments: study. Manual/ed. E.N. Kazakova. - Vologda: Vologda Institute of Law and Economics of the Ministry of Justice of Russia, 2001. - 347 s.

[7] Litvishkov V.M. Penitentiary pedagogy: course of lectures/V.M. Litvishkov, A.V. Mitkina. - M.: Moscow Psychological and Social Institute, 2004. - 400 s.

[8] Smorodinskova I. A. The main functions of a business conversation/A. V. Vilkov, I. A. Smorodinskova, V. Yu. Buntin//In the collection: Scientific works of the PKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. Scientific and practical quarterly publication. Moscow, 2021. S. 115-122.

[9] Kovalev O. G. Criminogenic situation in the field of corruption crime, its determinants/A. V. Vilkova, O. G. Kovalev, A. Yu. Gaponov//Trends in the development of science and education. 2021. № 76-4. S. 34-36.

[10] Litvishkov V. M. Parties to business communication/A. V. Vilkov, V. M. Litvishkov//In the collection: Scientific works of the PKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. Scientific and practical quarterly publication. Moscow. 2020. S. 131-144.

[11] Fadeeva S. A. Delinquent behavior as a type of deviant behavior/A. V. Vilkov, S. A. Fadeev//In the collection: Scientific works of the PKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. Scientific and practical quarterly publication. Moscow, 2019. S. 66-68.

[12] A. V. Vilkova. Psycholor-pedagogical study and socio-psychological characteristics of the personality of juvenile convicts. Moskva.2018.

[13] Vilkova A.V., Polyakova Y. N. Social and pedagogical neglect of juvenile convicts/In the collection: Criminal executive system: legislation, theory

and practice. Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference with international participation, dedicated to the memory of the Russian scientist-penitentiary Honored Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor O. V. Filimonov. In 2 parts. Samara, 2025. S. 87-93. Collection of roundtable articles. Tver, 2025. S. 93-96.

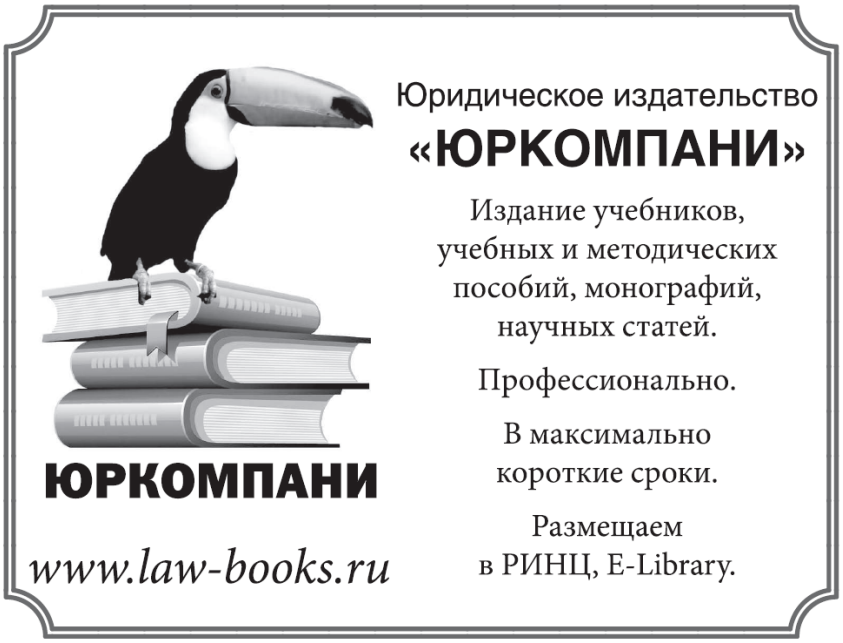
[14] Vilkova A. V., Tishchenko Yu. Yu. Socio-pedagogical neglect and delinquency of minors//In the collection: The penal system: history and modernity. Collection of materials of the Interuniversity Scientific and Practical Conference with international participation. Pskov. 2025. S. 65-68.

[15] Sages of Russia ed. Sapunov V. B., Ermilova M. V., Kolesov V. I. (2nd edition). St. Petersburg, 2023.

[16] Trajectory of educational process subjects. Materials of the II International Scientific and Practical Conference. Voronezh. 2024.

[17] Scientific works of the PKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. Scientific and practical quarterly publication/Volume Issue 4. Moscow. 2021.

[18] Scientific works of the PKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. Scientific and practical quarterly publication/Volume Issue 1. Moscow. 2022.

Дата поступления рукописи в редакцию: 31.03.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.05.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3830-2026-4-303-309

ИСКАНДАРОВ Роберт Рафаилевич,
кандидат медицинских наук,
старший научный сотрудник ФКУ
«Научно-исследовательский институт
Федеральной службы исполнения наказаний»,
e-mail: dr.iskandarov@inbox.ru.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ГРУППОВОЙ ПСИХОТЕРАПИИ В ТЮРЕМНОЙ СРЕДЕ: ОТ ПОДДЕРЖИВАЮЩИХ МОДЕЛЕЙ К ТЕРАПЕВТИЧЕСКОМУ СООБЩЕСТВУ

Аннотация. *Целью настоящего исследования выступает концептуальный анализ эволюции групповой психотерапии в пенитенциарных учреждениях с особым вниманием к переходу от классических групп поддержки к моделям терапевтических сообществ. В задачи работы входит выявление фундаментальных противоречий между терапевтическими нормами и ценностями тюремной субкультуры, а также определение организационных и клинических условий, необходимых для эффективной трансформации группового процесса. Методологическую основу составляет интеграция данных пенитенциарной психологии, теории тотальных институтов Эрвина Гоффмана и клинической психиатрии. Результаты исследования демонстрируют, что ключевым вызовом является глубинный конфликт между принципами открытости, уязвимости и доверия, с одной стороны, и нормами «арестантских понятий», культом силы и запретом на откровенность, с другой. Этот конфликт порождает феномены псевдораскрытия, инструментальной мотивации и манипуляций терапевтическим пространством. Определены условия, необходимые для трансформации группы: долгосрочный характер вмешательства, специальная подготовка ведущих, административная поддержка и интеграция психопатологической грамотности. Сделан вывод о необходимости разработки гибридной модели терапевтического сообщества, адаптированной к российскому пенитенциарному контексту, с учетом новых правовых норм, вступивших в силу с 2026 года.*

Ключевые слова: *пенитенциарная психотерапия, групповая динамика, терапевтическое сообщество, тюремная субкультура, социальная реадаптация, тотальный институт.*

ISKANDAROV Robert Rafailevich,
Candidate of Medical Sciences, Senior Researcher,
Federal State Institution «Research Institute
of the Federal Penitentiary Service»

TRANSFORMATION OF GROUP PSYCHOTHERAPY IN A PRISON ENVIRONMENT: FROM SUPPORTIVE MODELS TO A THERAPEUTIC COMMUNITY

Annotation. *The purpose of this study is a conceptual analysis of the evolution of group psychotherapy in penitentiary institutions, with special attention to the transition from classical support groups to models of therapeutic communities. The objectives of the work include identifying fundamental contradictions between therapeutic norms and the values of the prison subculture, as well as determining the organizational and clinical conditions necessary for the effective transformation of the group process. The methodological basis is the integration of data from penitentiary psychology, the theory of total institutions by Erwin Hoffman and clinical psychiatry. The results of the study demonstrate that the key challenge is the deep conflict between the principles of openness, vulnerability and trust, on the one hand, and the norms of «prison concepts», the cult of power and the prohibition of frankness, on the other. This conflict generates the phenomena of pseudo-disclosure, instrumental motivation, and manipulation of the therapeutic space. The conditions necessary for*

the transformation of the group are defined: the long-term nature of the intervention, special training of the leaders, administrative support and integration of psychopathological literacy. It is concluded that it is necessary to develop a hybrid model of the therapeutic community adapted to the Russian penitentiary context, taking into account the new legal norms that entered into force in 2026.

Key words: *penitentiary psychotherapy, group dynamics, therapeutic community, prison subculture, social readaptation, total institution.*

Введение. Групповая психотерапия в условиях лишения свободы традиционно рассматривается как один из наиболее действенных инструментов коррекции девиантного поведения и подготовки осужденных к ресоциализации. Ее потенциал связывают с возможностью развития эмпатии, навыков межличностного взаимодействия и рефлексии в условиях реального, а не симулированного общения. Однако применение классических психотерапевтических моделей, разработанных для добровольных сообществ за пределами пенитенциарных учреждений, сталкивается с фундаментальными парадоксами. Эти парадоксы ставят под сомнение саму возможность формирования подлинного терапевтического альянса в среде, где доминируют принципы принуждения, иерархии и выживания. Тюрьма как тотальный институт, по определению Ирвинга Гоффмана, создает всепроникающий контекст, который диктует свои законы идентичности, коммуникации и социального позиционирования. В этой среде любая группа, даже формально ориентированная на терапевтические цели, неизбежно становится ареной столкновения ценностей [6]. С одной стороны, это ценности психотерапии: открытость, доверие, диалог, принятие уязвимости. С другой стороны, это нормы криминальной субкультуры: недоверие к представителям администрации, запрет на «стукачество», культ физической силы и жесткая стратификация.

Актуальность проблемы для современной России обретает новое правовое измерение. Приказ Министерства юстиции Российской Федерации, вступивший в силу с января 2026 года, детально регламентирует порядок оказания психологической помощи подозреваемым, обвиняемым и осужденным [3]. Этот документ впервые на столь высоком уровне закрепляет право на добровольное получение психологической помощи и легитимирует проведение регулярных групповых встреч. Тем самым создается новая нормативная основа для работы, но одновременно многократно возрастает ответственность специалистов за реальную эффективность их вмешательств в условиях изоляции. Поверхностное копирование психотерапевтических техник из гражданской практики без учета специфики пенитенциарной среды не только бесполезно, но и потенциально вредно, поскольку может усиливать цинизм и недоверие. Поэтому глубокое понимание терапевтического процесса в среде, по своей сути противостоящей его базовым принципам, становится не просто академической задачей, а насущной клинической необходимостью.

Уникальность пенитенциарного контекста: тюремная субкультура как антитерапевтическая система. Основной и, возможно, непреодолимый вызов для групповой терапии в тюрьме связан с существованием мощной неформальной системы отношений, базирующейся на так называемых «арестантских понятиях». Принципы этой системы включают тотальное недоверие к любой форме официальной власти, категорический запрет на откровенность с представителями администрации, культ физической силы, жесткую иерархию с делением на «своих» и «чужих», а также приоритет групповой лояльности перед индивидуальной ответственностью. Каждый из этих принципов прямо противоречит основам групповой психотерапии, которые требуют от участников способности к самораскрытию, готовности проявлять уязвимость, доверять другим членам группы и ведущему, а также верить в разрешающую силу диалога. В результате группа с самого начала воспринимается осужденными как опасное пространство, где можно «потерять лицо», раскрыть информацию, которая будет использована против тебя, или стать объектом манипуляции со стороны более сильных участников.

Явление, которое можно обозначить как «двойная вовлеченность», возникает тогда, когда физическое присутствие осужденного на терапевтической сессии сочетается с его психологическим руководством скрытыми, но абсолютно обязательными для исполнения внешними правилами тюремного сообщества. Участник группы не может позволить себе быть искренним, потому что искренность в тюремной среде приравнивается к слабости. Он не может в полной мере довериться терапевту, поскольку терапевт, будучи сотрудником учреждения, автоматически маркируется как представитель враждебной системы, то есть либо враг, либо, в лучшем случае, инструмент для получения желаемых преференций, например условно досрочного освобождения. Этот глубинный конфликт пронизывает все уровни группового взаимодействия, начиная с молчаливого согласия не нарушать неписаные законы и заканчивая активным использованием терапевтического пространства для социального

позиционирования в рамках тюремной иерархии. Невозможность сформировать базовое доверие блокирует любую глубинную психотерапевтическую работу, сводя ее либо к формальному ритуалу, либо к опасной игре [4; 7; 8].

От группы поддержки к терапевтическому сообществу: теоретические основания и практический опыт. Модель терапевтического сообщества, разработанная Максвеллом Джонсом и его последователями в середине XX века, представляет собой наиболее радикальный ответ на описанные выше вызовы. В отличие от классических групп поддержки или психообразовательных групп, терапевтическое сообщество стремится создать целостную, самоуправляемую среду, в которой каждое взаимодействие, каждое решение бытового или дисциплинарного вопроса становятся частью терапевтического процесса. Ключевая идея заключается в том, что терапия не ограничивается еженедельными сессиями, а пронизывает всю жизнь участников, превращая само сообщество в агента изменений. В пенитенциарном контексте эта модель приобретает особое звучание, поскольку она напрямую противопоставляет себя традиционной тюремной парадигме, основанной на внешнем контроле и наказании.

Наиболее известным и изученным примером успешной реализации этой модели является британская тюрьма HMP Grendon, функционирующая как сеть демократических терапевтических сообществ с 1962 года. Опыт Грендона, детально проанализированный Гендерс и Плейер, демонстрирует устойчивые позитивные эффекты: достоверное снижение количества нарушений режима, уменьшение эпизодов членовредительства и суицидального поведения, улучшение психологического благополучия участников и, что наиболее важно, значимое снижение рецидивной преступности после освобождения [5]. Критическими условиями успеха, выделенными в исследовании Грендона, выступают добровольность отбора участников, долгосрочный характер программы (в среднем от 18 месяцев до двух лет), полная интеграция терапии во все аспекты жизнедеятельности, включая совместное принятие решений по вопросам быта, разрешения внутренних конфликтов и даже наложения дисциплинарных взысканий. Этот опыт неопровержимо свидетельствует, что даже в условиях тюрьмы максимального уровня безопасности возможно создание среды, основанной на взаимной ответственности, честной обратной связи и коллективном решении проблем. Однако экстраполяция этого опыта на иные пенитенциарные системы требует учета множества факторов, включая культурные, правовые и организационные особенности.

Фундаментальные трудности и ограничения при создании терапевтического сообщества в тюрьме. Несмотря на впечатляющие результаты отдельных проектов, создание подлинного терапевтического сообщества в стандартном пенитенциарном учреждении сталкивается с серьезными, а порой и непреодолимыми барьерами. Первое и самое глубинное противоречие заключается в конфликте между терапевтическими ценностями равенства, взаимного уважения и автономии, с одной стороны, и административной логикой контроля, надзора и дисциплинарного принуждения, с другой. Администрация учреждения, даже при самых добрых намерениях и поддержке новых правовых норм, крайне редко готова делегировать терапевтическому сообществу реальные полномочия, особенно в вопросах, связанных с безопасностью и режимом. Опасения эрозии собственной власти, страх перед злоупотреблениями внутри сообщества и просто непонимание терапевтической логики приводят к тому, что сообщество существует лишь формально, не имея реальных рычагов влияния на жизнь участников.

Вторым серьезным ограничением выступает постоянный приток и отток участников, характерный для любого следственного изолятора или исправительного учреждения. Люди прибывают, убывают, переводятся в другие корпуса или этапы, этапируются для дальнейшего отбывания наказания. Эта текучесть подрывает стабильность и сплоченность общины, разрушает формирующиеся терапевтические альянсы и заставляет ведущего каждый раз начинать процесс группообразования практически с нуля. Кроме того, мотивация осужденных к участию в групповой работе крайне редко бывает внутренней, связанной с подлинным желанием личностных изменений. Гораздо чаще она носит инструментальный характер: улучшение условий содержания, получение положительной характеристики для условно досрочного освобождения, имитация исправления перед комиссией или даже просто возможность отвлечься от рутинного распорядка дня. Такая инструментальная мотивация не просто снижает эффективность терапии, но и активно подрывает ее, поскольку участники научаются имитировать терапевтические изменения, не меняясь внутренне. Феномен «псевдораскрытия», когда осужденный рассказывает душещипательную историю, следуя негласным ожиданиям группы или ведущего, но без какого-либо внутреннего проживания, становится одной из главных проблем.

Наконец, нельзя игнорировать давление основной массы учреждения. Участники терапевтического сообщества или даже просто активные члены психотерапевтической группы часто под-

вергаются стигматизации, насмешкам или прямым угрозам со стороны остального контингента. Их называют «слабаками», «стукачами» или «подкаблучниками администрации». Для того чтобы продолжать участвовать в группе, осужденному требуется исключительная внутренняя устойчивость и постоянный осознанный выбор в пользу альтернативных, просоциальных ценностей, что в условиях тюремного стресса доступно далеко не каждому. В этих условиях терапевтическое сообщество рискует выродиться в формальную структуру, лишь имитирующую терапевтические процедуры, или, что еще хуже, превратиться в элитарный клуб для «правильно» ведущих себя осужденных, которые используют свое членство в группе для повышения собственного статуса, но не для подлинных изменений. Это лишь усугубляет социальное расслоение в среде осужденных и усиливает цинизм по отношению ко всем психологическим вмешательствам.

Роль ведущего и этические дилеммы в пенитенциарной групповой терапии. Психотерапевт, работающий в тюрьме, оказывается в уникально сложной и, можно сказать, экзистенциально напряженной позиции. Он одновременно является агентом системы, сотрудником пенитенциарного учреждения, обязанным соблюдать режимные требования и обеспечивать безопасность, и создателем альтернативного, терапевтического пространства, где действуют принципы конфиденциальности, доверия и недирективности. Эта двойственность пронизывает каждый шаг, каждое слово, каждое решение. От специалиста требуются не только классические терапевтические компетенции, но и глубинное, почти антропологическое понимание тюремной субкультуры, ее символов, ритуалов и языка. Он должен уметь распознавать тонкие манипуляции, двойные послания, скрытые угрозы и имитацию изменений. Более того, он должен быть готов к конфронтации не только с группой, когда та воспроизводит деструктивные паттерны, но и с администрацией, когда ее действия противоречат терапевтическим принципам.

Особую остроту приобретают этические дилеммы, связанные с конфиденциальностью и безопасностью. Что делать терапевту, если в ходе групповой сессии он получает информацию о готовящемся нападении на другого осужденного или о планируемом побеге? С одной стороны, профессиональная этика требует сохранять конфиденциальность и не разглашать информацию, полученную в терапевтическом процессе. С другой стороны, как сотрудник учреждения и просто как человек, он несет ответственность за предотвращение тяжких последствий. Прямого и универсального ответа на эту дилемму не существует. Выходом может быть только заблаговременное, четкое и многократно обсуждаемое с группой определение границ конфиденциальности, включающее пункт о неизбежности информирования администрации в случаях, когда речь идет о реальной угрозе жизни или здоровью людей. Однако на практике даже такое предварительное соглашение не снимает тяжести выбора и не защищает терапевта от обвинений в предательстве со стороны группы.

Еще одна фундаментальная этическая проблема связана с сохранением терапевтической нейтральности в условиях, когда группа воспроизводит тюремную иерархию и механизмы подавления. Как реагировать, если несколько сильных участников систематически затыкают более слабых, высмеивают их попытки говорить о чувствах или открыто угрожают? Полное невмешательство означало бы потворство насилию и подрыв самой идеи безопасного пространства. Директивное вмешательство и наказание обидчиков, напротив, воспроизводит авторитарную логику тюремной администрации и превращает терапевта в надзирателя. Идеальным, но труднодостижимым решением было бы использование самой группы как инструмента конфронтации с деструктивным поведением, когда не терапевт, а другие участники дают обратную связь и устанавливают границы. Однако для этого группа должна уже обладать высокой степенью сплоченности и внутренней зрелости, что в тюремных условиях является скорее исключением, чем правилом. Разрешение этих дилемм требует от ведущего не только постоянной супервизии и личной рефлексии, но и разработки четких внутренних этических протоколов, позволяющих не стать циничным надзирателем в терапевтической маске или, напротив, наивным идеалистом, чью группу легко саботировать и разрушить изнутри.

Клинико психопатологические аспекты групповой работы в пенитенциарной среде. С клинической точки зрения групповая работа в тюрьме часто разворачивается на фоне тяжелой и коморбидной психической патологии у участников. Синдромы посттравматического стрессового расстройства, большие депрессивные эпизоды, генерализованные тревожные расстройства, а также расстройства личности, особенно кластера В (пограничное, нарциссическое, антисоциальное), встречаются среди осужденных с частотой, многократно превышающей популяционную [1; 2]. Группа, особенно если она строится по принципам терапевтического сообщества и предполагает высокий уровень самораскрытия и межличностной обратной связи, неизбежно активизирует травматический опыт участников. Этот опыт связан с ранними нарушениями привязанности, отвержением, физическим и сексуальным насилием, потерями и предательствами. В резуль-

тате реакции переноса в такой среде приобретают необычайно интенсивный и сложно сплетенный характер. Ведущий может бессознательно восприниматься участниками одновременно как карающий надзиратель (перенос фигуры тюремщика), как предающий родитель (перенос раннего опыта отвержения) и как идеализированный спаситель (перенос надежды на освобождение от страданий). Эти разнонаправленные переносы сосуществуют в одном и том же участнике и могут сменять друг друга в течение одной сессии.

Групповая динамика в этих условиях часто воспроизводит дисфункциональные семейные сценарии, которые участники вынесли из своего детства. Тюремная иерархия накладывается на внутренние объектные отношения, создавая причудливый гибрид, где, например, «смотрящий» за отрядом может восприниматься как всемогущий, но жестокий отец, а слабый, отвергаемый осужденный как презренное, изгнанное дитя. Работа с этим сложнейшим клиническим материалом требует от ведущего не только психотерапевтической квалификации, но и четкой психопатологической грамотности, умения дифференцировать сопротивление, манипуляцию, регрессию и психотическую декомпенсацию. Особую сложность представляет присутствие в группе лиц с выраженными психопатическими чертами, прежде всего с антисоциальным расстройством личности. Их харизма, отсутствие эмпатии, склонность к манипулированию и получению удовольствия от доминирования могут приводить к тому, что они захватывают лидерство в группе, имитируя продуктивную работу, но фактически саботируя любую глубинную рефлексию и превращая группу в инструмент собственных игр. В такой ситуации на первый план выходят жесткие, заранее оговоренные рамки группового договора, а также способность группы при поддержке ведущего к последовательной, неуклонной конфронтации с деструктивным поведением. Сама по себе эта конфронтация, если она проводится уважительно, но твердо, может стать мощным терапевтическим актом, позволяя участникам с менее выраженной психопатией впервые в жизни увидеть, что власти манипулятора можно противостоять коллективно и без насилия.

Гибридная модель и пути адаптации групповых методов к российскому пенитенциарному контексту. Несмотря на все перечисленные трудности, клинический и правоприменительный потенциал групповой работы для реадаптации осужденных и снижения рецидива подтверждается как международными, так и отечественными исследованиями [2; 5]. Перспективным направлением, на мой взгляд, является разработка и внедрение гибридной модели адаптивного терапевтического сообщества. Такая модель не пытается игнорировать внешний, подавляющий контекст тотального института или бороться с ним как с досадной помехой. Напротив, она откровенно включает давление тюремной субкультуры, режимные ограничения и инструментальную мотивацию участников в саму ткань терапевтической работы. Это означает, что все эти негативные факторы становятся не просто признаваемыми, но и постоянно, систематически обсуждаемыми как неотъемлемая часть групповой динамики. Терапевт легитимизирует разговор о страхах, недоверии, двойной лояльности, о давлении «понятий» и о том, как трудно быть искренним, когда за стенами группы действуют совершенно иные законы. Сделать эти темы центральными для работы группы, а не помехой, которую нужно стыдливо обойти или преодолеть силой воли, означает превратить сопротивление в материал для анализа.

Критически важным элементом гибридной модели является формирование явного, публичного и многократно подтверждаемого группового договора. Этот договор прямо противопоставляет групповые нормы (конфиденциальность, уважение независимо от статуса, запрет на любые формы угроз и насилия, обязательство говорить от своего имени, а не от имени «зоны») внешним нормам тюремной субкультуры. Однако нарушение этого договора не должно автоматически вести к дисциплинарному взысканию со стороны администрации, как это часто происходит в формально ориентированных программах. Напротив, нарушение становится центральным материалом для терапевтического анализа внутри самой группы. Почему участник нарушил правило? Что он чувствовал? Как группа реагирует на его поступок? Такой подход, требующий большого мастерства от ведущего, способствует развитию у участников внутренней ответственности и рефлексии, а не внешней, конформной лояльности.

Построение доверия в такой гибридной модели требует длительной, часто многомесячной совместной работы. Опыт российских пенитенциарных учреждений показывает, что групповые занятия, сфокусированные не на глубинной психотерапии с первых сессий, а на творчестве, обсуждении жизненных ценностей, планировании просоциальной активности (например, подготовке культурных мероприятий или помощи слабым), могут стать важным первым шагом. Такие встречи, даже если они изначально носят более психокоррекционный или просветительский характер, выполняют функцию «социального эмбриона» будущего терапевтического сообщества. Они позволяют участникам на практике, в реальном, а не в декларируемом взаимодействии, испытать иной, неиерархический способ

отношений, основанный на общей цели и взаимной поддержке, а не на принуждении и страхе. Необходимым организационным условием успеха такой работы является тесное, доверительное взаимодействие психотерапевта с администрацией учреждения. Администрация должна создать защищенную среду, в которой участники группы не будут подвергаться преследованию, насмешкам или угрозам со стороны других осужденных за свою открытость или попытки измениться. Новые правовые нормы создают для этого определенную основу, но их реализация на практике требует от руководителей учреждений не просто формального разрешения, а активной, содержательной поддержки терапевтических инициатив.

Заключение. Подводя итог, можно утверждать, что групповая терапия в местах лишения свободы, несмотря на все описанные выше ограничения и противоречия, обладает значительным, но трудно реализуемым трансформационным потенциалом. Эволюция от простых групп поддержки к сложным, многоуровневым терапевтическим сообществам представляет собой не просто методический, но мировоззренческий сдвиг в понимании природы исправления. Вместо того чтобы рассматривать осужденного как пассивный объект психокоррекционных воздействий, модель терапевтического сообщества видит в нем активного субъекта собственных изменений, а также носителя и трансформатора групповых норм. Однако перенос этой модели в российский пенитенциарный контекст требует значительной адаптации, учета культурных, организационных и клинических особенностей.

Дальнейшие исследования должны быть направлены на анализ долгосрочных эффектов таких программ не только на психологическое состояние участников в период отбывания наказания, но и на их реальную постпенитенциарную социальную интеграцию. Необходимы лонгитюдные исследования, отслеживающие судьбы осужденных, прошедших через терапевтические сообщества, в течение нескольких лет после освобождения. Особого внимания заслуживает разработка конкретных, операционализированных методик работы с сопротивлением и манипуляциями, порожденными уникальной средой тотального института. Также требуется создание программ супервизии и этической поддержки для психотерапевтов, работающих в пенитенциарной системе, с учетом описанных выше экзистенциальных и этических дилемм. Только комплексный, междисциплинарный подход, интегрирующий знания из пенитенциарной психологии, клинической психиатрии, социологии девиантного поведения и правовых наук, позволит групповой терапии в тюрьме реализовать свой подлинный трансформирующий потенциал. Реализация этого потенциала, как показывают международные исследования, является одним из ключевых факторов гуманизации пенитенциарной системы и, что не менее важно, повышения общественной безопасности в долгосрочной перспективе [5; 9]. Превратить тюрьму из школы криминала в школу просоциальной жизни, пусть даже на ограниченном пространстве терапевтического сообщества, это амбициозная, но клинически и этически оправданная цель современной пенитенциарной психиатрии.

Список литературы:

[1] Искандаров, Р. Р. Модель терапевтического сообщества в реабилитации зависимых от психоактивных веществ в местах лишения свободы: предпосылки создания и анализ эффективности / Р. Р. Искандаров // Наркоконтроль. 2025. № 1. С. 7 10.

[2] Искандаров, Р. Р. Социальные связи в изоляции: ресурс и риск для лиц с зависимостями и психическими расстройствами в пенитенциарной системе / Р. Р. Искандаров // Право и управление. 2025. № 6. С. 359 363.

[3] Приказ Министерства юстиции Российской Федерации от 21.01.2026 № 10 «Об утверждении Порядка оказания психологической помощи подозреваемым и обвиняемым, содержащимся в следственных изоляторах уголовно исполнительной системы Российской Федерации...». Зарегистрирован 23.01.2026 № 85033. URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/85033 (дата обращения: 10.01.2026).

[4] Gambino, M. Erving Goffman's asylums and institutional culture in the mid twentieth century United States / M. Gambino // Harvard Review of Psychiatry. 2013. Vol. 21, No. 1. P. 52 57.

[5] Genders, E. Grendon: A Study of a Therapeutic Prison / E. Genders, E. Player. Oxford: Clarendon Press, 1995. 242 p.

[6] Goffman, E. Asylums: Essays on the Social Situation of Mental Patients and Other Inmates / E. Goffman. New York: Anchor Books, 1961. 386 p.

[7] O'Donnell, I. Prisoners, Solitude, and Time / I. O'Donnell. Oxford: Oxford University Press, 2014. 316 p.

[8] Sykes, G. The Society of Captives: A Study of a Maximum Security Prison / G. Sykes. Princeton: Princeton University Press, 1958. 144 p.

[9] Toch, H. Living in Prison: The Ecology of Survival / H. Toch. New York: Free Press, 1977. 318 p.

References:

[1] Iskandarov, R. R. Model of the therapeutic community in the rehabilitation of addicted to psychoactive substances in places of deprivation of lib-

erty: prerequisites for the creation and analysis of effectiveness/R. R. Iskandarov//Drug control. 2025. № 1. P. 7 10.

[2] Iskandarov, R. R. Social connections in isolation: resource and risk for persons with addictions and mental disorders in the penitentiary system/R. R. Iskandarov//Law and management. 2025. № 6. P. 359 363.

[3] Order of the Ministry of Justice of the Russian Federation of 21.01.2026 No. 10 “On Approval of the Procedure for the Provision of Psychological Assistance to Suspects and Accused Held in Pre-Trial Detention Facilities of the Penal System of the Russian Federation... Registered 23.01.2026 No. 85033. URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/85033 (access date: 10.01.2026).

[4] Gambino, M. Erving Goffman’s asylums and institutional culture in the mid twentieth century United States / M. Gambino // Harvard Review of Psychiatry. 2013. Vol. 21, No. 1. P. 52 57.

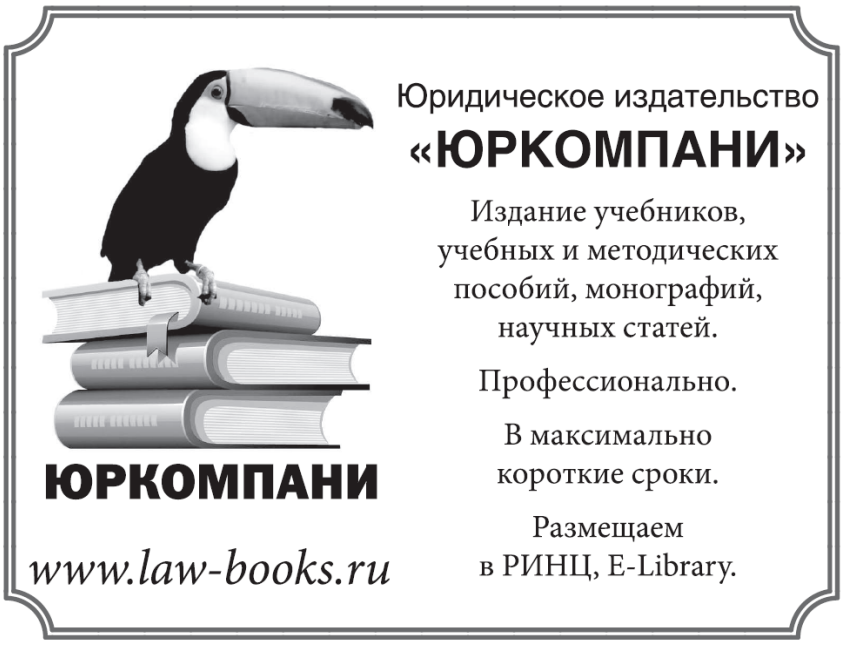
[5] Genders, E. Grendon: A Study of a Therapeutic Prison / E. Genders, E. Player. Oxford: Clarendon Press, 1995. 242 p.

[6] Goffman, E. Asylums: Essays on the Social Situation of Mental Patients and Other Inmates / E. Goffman. New York: Anchor Books, 1961. 386 p.

[7] O’Donnell, I. Prisoners, Solitude, and Time / I. O’Donnell. Oxford: Oxford University Press, 2014. 316 p.

[8] Sykes, G. The Society of Captives: A Study of a Maximum Security Prison / G. Sykes. Princeton: Princeton University Press, 1958. 144 p.

[9] Toch, H. Living in Prison: The Ecology of Survival / H. Toch. New York: Free Press, 1977. 318 p.

Дата поступления рукописи в редакцию: 18.03.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-4-310-315
Дата принятия рукописи в печать: 03.05.2026 г.

КАШКИНА Екатерина Валерьевна,
кандидат юридических наук, доцент,
ведущий научный сотрудник ФКУ НИИ ФСИН России,
доцент кафедры уголовного права, уголовного процесса и
правоохранительной деятельности
Юридического института РУТ (МИИТ),
e-mail: 000049@bk.ru

ЛИЧНОСТНЫЕ ФАКТОРЫ ГЕНЕЗИСА ОБРАЗОВАНИЯ АСОЦИАЛЬНЫХ УСТАНОВОК

Аннотация. *В статье речь идет о личностных факторах генезиса образования асоциальных установок. Неблагоприятные личностные факторы содействуют тому, чтобы объективные отрицательные факторы находили себе почву в личности и вели ее развитие в неправильном направлении. Асоциальные установки могут образоваться непосредственно и опосредственно. Способы образования непосредственных и опосредованных асоциальных установок закономерны и для образования как отрицательных, так и положительных социальных установок.*

Ключевые слова: *генезис, личность, фактор, несовершеннолетний осужденный, уголовно-исполнительная система.*

KASHKINA Ekaterina Valeryevna,
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor Leading researcher
of the Federal Scientific Research Institute
of the Federal Penal Correction Service of Russia,
Associate Professor of the Department of Criminal Law,
Criminal Procedure, and Law Enforcement
at the Law Institute of RUT (MIIT)

PERSONAL FACTORS OF GENESIS OF FORMATION OF ANTISOCIAL ATTITUDES

Annotation. *The article deals with personal factors of the genesis of the formation of asocial attitudes. Adverse personality factors help objective negative factors to find ground in the personality and lead its development in the wrong direction. Asocial attitudes can be formed directly and indirectly. Methods for the formation of direct and indirect asocial attitudes are also natural for the formation of both negative and positive social attitudes.*

Key words: *genesis, personality, factor, juvenile convict, penal system.*

Разобравшись в особенностях генезиса образования асоциальных установок, можно ответить на следующий вопрос: почему при одной и той же ситуации (скажем, благоприятной для совершения правонарушения) одни активно борются, проходят мимо другие, а третьи, пользуясь моментом, совершают правонарушение. Или же в одних и тех же условиях семьи, оказавшейся в трудной жизненной ситуации, один из детей становится на путь преступления, а у другого или остальных – поведение остается нормальным. Дело в том, что внешние раздражители (конкретно, положительные или отрицательные факторы микросреды) воспринимаются со стороны всех детей неодинаково, а в зависимости от индивидуальных особенностей психики данного ребенка (физического состояния здоровья, нервной системы, умственной неполноценности, черт характера и пр.), то есть от всего того, насколько личностные факторы способствуют восприятию воздействия объективных неблагоприятных факторов.

Неблагоприятные личностные факторы содействуют тому, чтобы объективные отрицательные факторы находили себе почву в личности и вели ее развитие в неправильном направлении. Поэтому и необязательно, чтобы все или большинство детей из одной семьи стало на путь правонарушения. Правонарушителем становится тот, чья психика вследствие тлетворного продол-

жительного воздействия факторов микросреды стала более восприимчивой и склонной к влияниям антиобщественных явлений.

Асоциальные установки могут образоваться непосредственно, то есть под непосредственным воздействием на личность объективных отрицательных факторов, и опосредственно, то есть установка образуется по отношению к определенному лицу, предмету или явлению действительности, однако при отсутствии непосредственного отрицательного воздействия с их стороны на личность. Происходит транспозиция асоциальной установки, образованной по отношению к одному лицу или предмету, она переносится на другое лицо или предмет. Способы образования непосредственных и опосредованных асоциальных установок закономерны и для образования положительных социальных установок. Последние также могут образоваться как при наличии объективных воздействий, так и при их отсутствии. Словом, механизмы образования как асоциальных, так и социальных установок одни и те же.

Опосредованным образом образованная социальная установка (как и социально-неполноценная) имеет особое, притом жизненно необходимое значение. Суть в том, что человек в течение своей жизни имеет бесчисленное множество установок к людям, предметам, явлениям. И если для формирования каждой из них выделялось бы человеком определенное время, то невозможно было бы сосчитать, сколько жизней ему на это понадобилось. Притом это в том случае, когда мы отмечаем, что процесс образования асоциальных установок (как и полноценных) несколько длителен и не является результатом моментальных воздействий обстоятельств. Поэтому укрепленную положительную или асоциальную установку субъект сознательно или бессознательно переносит на другие предметы, явления и людей. Здесь происходит не прямой перенос установок, а на основе уже имевшихся установок образуются такого же характера другие установки к предметам, явлениям или людям, но при отсутствии воздействия со стороны последних. Объясним это на конкретных примерах.

Непосредственно образованная асоциальная установка. Отец очень суров и несправедлив по отношению к сыну, часто наказывает (нравственно и телесно) его, лишает удовольствий и т.п. Такой непедагогический подход приводит к тому, что постепенно отец начинает встречать адекватную реакцию со стороны сына. Последний не любит, не уважает отца, избегает встречи с ним, то есть у сына вырабатывается определенное отношение, установка негативного характера к отцу. Или же, вследствие отрицательного влияния товарища-правонарушителя или подстрекателя у подростка со временем появляются болезненные интересы, желания удовлетворить неправомерные потребности, склонности к преступному действию, то есть под непосредственным воздействием преступного элемента у подростка формируется установка на преступное действие, скажем конкретно, установка на воровство, изнасилование, употребление наркотиков и др. Примеров можно привести много, однако не забудем отметить, что образованию этой установки содействуют и другие отрицательные факторы как объективного, так и субъективного характера.

Как можно понимать опосредованно образованную асоциальную установку? Образованная этим путем установка основывается на уже выработанной установке, то есть последняя является причиной образования новой установки. Лицо или предмет, по отношению к которому образуется негативная установка, сам по себе может не влиять на личность отрицательно, однако несмотря на это у последней возникает недоброжелательное отношение к нему на основе неправильного переноса прежней установки. Объясним это на примере из школьной практики.

У школьника сложилось недоброжелательное отношение к педагогу, он не уважает его, не считается с его мнением и т.п. Такое отношение способствует тому, что ученик мешает проведению урока, входит в конфликт с педагогом, плохо готовит и посещает эти уроки. Педагог, конечно, в большинстве случаев отвечает адекватной реакцией на такое отношение ученика, то есть у него тоже появляется негативная установка к этому ученику. У последнего образуется отрицательная установка к педагогу, следовательно, он начинает пренебрежительно относиться к преподаваемому им предмету и плохо усваивает материал. Это приводит к отставанию ученика по этому предмету: «Я все равно не усвою, не пойму этот предмет, пока его преподает этот учитель», – такое рассуждение очень часто можно услышать от учеников в оправдание. Отношение педагога к данному ученику еще более ухудшается, так как ученик перестал учить уроки. Однако педагог наряду с этим весьма положительно относится к хорошо успевающим ученикам, поощряет их, считается с их мнениями в решении каких-то вопросов, относящихся к жизни коллектива класса. Этот ученик завидует товарищам и преисполняется ненавистью к ним, потому что они пользуются любовью и уважением учителя и соклассников. Это все приводит к тому, что у этого ученика вырабатывается отрицательная установка и к тем хорошим ученикам, которых любит данный педагог, хотя и эти ученики своим поведением не заслужили подобного отношения.

Модели непосредственно и опосредованно образованных асоциальных установок у несовер-

шеннолетних, разумеется, не претендуют на свою полную завершенность, они несколько условны и требуют дальнейшего совершенствования и конкретизации. Установок в жизни можно встретить очень много. Хотя бы вот такой пример: любишь одного человека – к его родным, знакомым и товарищам также относишься хорошо, несмотря на то, что порою не сможешь объяснить и обосновать твое такое отношение. Или же, сильно увлекся человек одним предметом, одной проблемой, невольно симпатизирует и хорошо предрасполагается к тем людям, которые разрабатывают эту область деятельности и т.п.

Представляет особый практический интерес и тот вопрос, все ли правонарушители обладают асоциальными установками? Асоциальная установка присуща, в основном; всем правонарушителям за исключением тех, которые совершали правонарушения по неосторожности и случайности или же в строго принудительном порядке. Но следует отметить, что у разных правонарушителей можно обнаружить установку с различной степенью выраженности общественной, опасности. Их глубина и стойкость находятся в строгой зависимости от индивидуального опыта, то есть продолжительного преступного способа поведения и характера совершенных правонарушений (хулиганство, мелкая и крупная кража, насильственное ограбление и пр.). Этот индивидуальный преступный опыт углубляет асоциальную ориентацию несовершеннолетнего после каждого вновь совершенного преступления и создает предпосылку для более легкого совершения последующего общественно опасного деяния.

Отметим и некоторые личностные (индивидуальные и возрастные) особенности в образовании асоциальных установок. Среди множества особенностей особое место занимает возбудимость фиксированной установки: «... мы знаем из специальных исследований фиксированной установки у детей, что возбудимость ее является одной из основных особенностей, характеризующих этот возрастной период и прежде всего дошкольный период».

В дошкольном и особенно в раннем периоде развития, наряду с легкой возбудимостью фиксированной установки, действует и такая же изменчивость образованных установок, смена последних. Мы наблюдали у маленьких детей выработанные установки (негативные) к отцу.

Однако это отношение (установка) очень быстро изменялось, когда отец проявлял чуткость и внимание к этому ребенку (похвала, ласка, подарки и др.). Но вскоре после этого у ребенка снова возникало негативное отношение к отцу, если последний вел себя иначе. Коэффициент возбудимости негативных установок у детей до среднего подросткового возраста начинает подниматься все выше, однако в какой-то степени он отстает от коэффициента возбудимости установок в раннем и дошкольном возрастах.

Возбудимости фиксированной установки в детском возрасте содействуют и другие возрастные и индивидуальные факторы: большая впечатлительность, чрезмерное послушание и неосознанное повиновение товарищам и преступным элементам. Дети этого возраста, особенно подростки, в переходном возрасте несравненно больше склонны действовать, чем выбирать, раздумывать о правильности и неправильности своих поступков и их последствиях. В результате этого нередко их стремление узнать как можно больше от окружающего мира, входить в конфликт с их возможностями и способностями, что в итоге приводит к поведенческому срыву. Потому и неслучайно, что дети этого возраста имеют тенденцию очень легко попадать под отрицательное влияние и исполнять желания и требования товарищей – подстрекателей, Возбудимость фиксированной установки у них несколько снижается, зато они усовершенствуют их установками с более высокой степенью общественной опасности.

Как развивается образованная асоциальная установка? При отсутствии необходимых своевременных мер педагогического воздействия первоначальные незначительные асоциальные установки у детей могут укорениться и перерасти в асоциальные или преступные. Отдельные асоциальные установки, образованные при случайно возникшем; случае правонарушения или при случае принудительного совершения преступления, не в состоянии определить асоциальную направленность личности несовершеннолетнего. Для формирования такой направленности необходимо, чтобы часто повторялись эти случаи и подкреплялись другими неблагоприятными факторами, иначе нельзя утверждать, что раз возникшая асоциальная установка при определенной ситуации может охарактеризовать личность несовершеннолетнего. Установки такого характера как возникают, так и быстро исчезают, конечно, если для их укоренения нет субъективных предпосылок в личности (неблагоприятные личностные факторы, помогающие их образованию и укоренению).

Начальные фазы выработки асоциальных установок носят неопределенный, диффузный характер. Несовершеннолетний, вследствие своей социальной несформированности не в состоянии отвечать специфически адекватной реакцией на внешний неблагоприятный раздражитель. Установка в этой фазе еще не дифферен-

цирована, не выделена четко как адекватная для конкретного преступного поведения. Укоренению и дифференциации этих установок может содействовать только длительный процесс воздействия отрицательных объективных и субъективных факторов.

Укоренению асоциальной установки могут способствовать и такие факторы, как например, некоторые преступные результаты (краденная необходимая вещь, приятное переживание, эмоциональное удовольствие, доставление удовольствия другому и др.) или же некоторые личностные неблагоприятные факторы, как: слабая нервная система и здоровье, дефекты психического и физического характера, слабоволие и прочие, которые благоприятствуют попаданию личности под дурное или преступное влияние.

Кроме этих факторов, способствующих углублению асоциальной направленности личности несовершеннолетнего, есть и другие, содействующие этому обстоятельству. Последние заключаются в том, что уже образованная асоциальная установка помогает образованию другой асоциальной установки. Так, например, выработанная установка на мелкую кражу в значительной степени содействует сравнительно легкому образованию установки на крупную кражу, а последняя – образованию установки на насильственное ограбление и т.п.

Таким образом, укоренению асоциальной установки (асоциальной направленности) содействуют и установки, уже имевшие место в личности несовершеннолетнего.

Раз выработанная асоциальная установка не исчезает бесследно, если она подкреплялась неоднократным удовлетворением неправомерных потребностей. Затухание асоциальной установки происходит очень медленно. Относительно медленного затухания установки в детском возрасте данные Р.Г. Натадзе, Б.И. Хачапуридзе, Ж-Пиаже совпадают. В отношении же затухания уже образованных асоциальных установок не может быть и речи, если несовершеннолетний находится еще под воздействием той микросреды, где происходила выработка прежней асоциальной установки. Наоборот, эта асоциальная установка у несовершеннолетнего совершенствуется и если даже она будет затухать, то есть уступать свое место другой установке, то при необходимости может возобновиться, актуализироваться и в некоторой степени избавить субъект правонарушения от выработки новой установки. Потому и несовершеннолетний, попадая в ситуацию, аналогичную ранее совершенному правонарушению, обращается к той ранее образованной установке, реализация которой тогда удовлетворяла его неправомерные потребности. По нашему мнению, желаемого преступного результата,

Из утверждений Д.Н. Узнадзе и других психологов, занимающихся теорией установки, мы знаем, что в своеобразных условиях человеческой активности пробуждается к деятельности объективация и на ее основе зарождается мышление, которое и приводит человека к признанию необходимости определенных видов активности. Благодаря воле, ему, в конце концов, удается целесообразной. Далее констатируют, что при попадании в условия, аналогичные ранее отмеченным, уже нет необходимости вызывать деятельность объективации, а человек может прямо обратиться к требуемым видам установок и реализовать их, смотря по надобности, Однако в нашем случае, то есть при анализе особенностей образования асоциальной установки, активизирование ранее выработанной асоциальной установки не исключает акта объективации, потому что объективные факторы правонарушения могут меняться, да и субъективные (логическое мышление, способности, умение самостоятельно планировать и действовать и пр.) тоже находятся в непрерывном развитии. Однако редко можно встретить во всем одинаково преступную ситуацию, поэтому при каждом случае правонарушителю приходится менять или подстраивать под удобность ситуации свой план действия, придумывать разные варианты и т,д. Следовательно, он в обязательном порядке прибегает к акту объективации, при этом, конечно, правонарушитель может пользоваться ею частично или полностью, в зависимости от особенностей ситуации.

Список литературы:

[1] Вилкова А. В., Антипов А. Н., Строгович Ю. Н. О средствах исправления осужденных в современных реалиях //Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2026. № 1. С. 22-26.

[2] Вилкова А. В., Тищенко Ю. Ю. Особенности реализации дисциплинарной практики в отношении несовершеннолетних в следственных изоляторах / Международный научный вестник. 2026. № 1. С. 81-84.

[3] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. Подготовка кадров высшей категории в уголовно-исполнительной системе/ Антропогогика. 2025. № 3(19). С. 8-16.

[4] Фадеева С. А., Вилкова А. В. Уголовно-исполнительная система и пенитенциарная пробация: профессиональная готовность // В сборнике: Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. Научно-практическое ежеквартальное издание. Москва, 2025. С. 147-154.

[5] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. Трудности подготовки научно-педагогических кадров высшей категории в уголовно-исполнительной системе // в сборнике: XI педагогические чтения,

посвященные памяти профессора С. И. Злобина. Сборник материалов. Пермь. 2025. С. 14-22.

[6] Мешкова Л. В., Вилкова А. В. К вопросу о развитии социальной активности будущих сотрудников ФСИН в процессе социально-психологического тренинга // Военно-правовые и гуманитарные науки Сибири. 2025. № 3(25). С. 212-218.

[7] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. Научно-педагогические кадры и их подготовка в адъюнктуре образовательных организаций ФСИН России // Вопросы современной науки и практики. 2025. № 2(13). С. 47-54.

[8] Вилкова А. В., Ковтуненко Л. В., Лукашенко Д. В. Программа подготовки педагогических кадров: структурно-содержательная модель обучения взрослых / Проблемы современного педагогического образования. 2025. № 89-2. С. 68-71.

[9] Вилкова А. В., Лукашенко Д. В. Теории и концепции о происхождении обучения и воспитания / Международный научный вестник.2025. № 10. С. 374-379.

[10] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. База данных тестовых заданий к курсу лекций «Воспитательная работа с осужденными для образовательных организаций ФСИН России. Свидетельство о регистрации базы данных RU 2025623480. 22.08. 2025. Заявка № 2025623025 от 14.08.2025.

[11] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. Коллективность и комплексность в науке / Международный научный вестник. 2025. № 10. С. 325-328.

[12] Лукашенко Д. В. Содержание и структура плана внеурочной деятельности для воспитанников воспитательных колоний / А. В. Вилкова, Д. В. Лукашенко // Антропогогика. 2024. № 3(15). С.5-16.

[13] Гузеев М. С., Кулакова С. В., Вилкова А. В. База данных тестовых заданий к авторскому курсу лекций «Роль и место современных СМИ и социальных медиа в развитии уголовно-исполнительной системы Российской Федерации. Свидетельство о регистрации базы данных RU 2022622073. 17.08. 2022. Заявка № 2022621591 от 01.07.2022.

[14] Вилкова А. В. Духовно-нравственные ценности несовершеннолетних осужденных и особенности социально-образовательной среды / А. В. Вилкова // В сборнике: педагогика и современное образование. Материалы Всероссийской научно-практической конференции аспирантов, соискателей, докторантов, научных руководителей, молодых ученых, специализирующихся в области образования. Сер. «Библиотека аспиранта» Санкт-Петербург.2022. С. 32-36.

[15] Смородинскова И. А. Основные функции деловой беседы / А. В. Вилкова, И. А. Смородинскова, В. Ю. Бунтина // В сборнике: Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. Научно-практическое ежеквартальное издание. Москва, 2021. С. 115-122.

[16] Ковалев О. Г. Криминогенная ситуация в сфере коррупционной преступности, ее детерминанты / А. В. Вилкова, О. Г. Ковалев, А. Ю. Гапонов // Тенденции развития науки и образования. 2021. № 76-4. С. 34-36.

[17] Сухарева Е. В. Педагогические и оперативно-розыскные меры профилактики пенитенциарной преступности несовершеннолетних / А. В. Вилкова, Е. В. Сухарева // Вопросы педагогики. 2021. № 7. С. 47-51.

[18] Литвишков В. М. Стороны делового общения / А. В. Вилкова, В. М. Литвишков // В сборнике: Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. Научно-практическое ежеквартальное издание. Москва. 2020. С. 131-144.

[19] Фадеева С. А. Делинкветное поведение как разновидность отклоняющегося поведения / А. В. Вилкова, С. А. Фадеева // В сборнике: Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. Научно-практическое ежеквартальное издание. Москва, 2019. С. 66-68.

[20] Вилкова А. В. Психолого-педагогическое изучение и социально-психологическая характеристика личности несовершеннолетних осужденных. Москва.2018.

[21] Вилкова А. В. Приветственное слово профессора Алевтины Владимировны Вилковой / А. В. Вилкова // В сборнике: Духовно-нравственное воспитание личности в пенитенциарной системе: педагогические и социально-психологические аспекты. Тверь, 2025. С. 8.

References:

[1] Vilkova A.V., Antipov A.N., Strogovich Yu.N. On the means of correcting convicts in modern realities//Penal system: law, economics, management. 2026. № 1. S. 22-26.

[2] Vilkova A. V., Tishchenko Yu. Yu. Peculiarities of the implementation of disciplinary practice against minors in pre-trial detention centers/International Scientific Bulletin. 2026. № 1. S. 81-84.

[3] Vilkova A.V., Polyakova Y. N. Training of the highest category in the penal system/Anthropology. 2025. № 3(19). S. 8-16.

[4] Fadeeva S. A., Vilkova A. V. Criminal executive system and penitentiary probation: professional readiness//In the collection: Scientific works of the PKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. Scientific and practical quarterly publication. Moscow, 2025. S. 147-154.

[5] Vilkova A.V., Polyakova Y. N. Difficulties in training scientific and pedagogical personnel of the highest category in the penal system//in the collec-

tion: XI pedagogical readings dedicated to the memory of Professor S. I. Zlobin. Collection of materials. Perm. 2025. S. 14-22.

[6] Meshkova L.V., Vilkova A.V. On the development of social activity of future employees of the Federal Penitentiary Service in the process of social and psychological training//Military legal and humanitarian sciences of Siberia. 2025. № 3(25). S. 212-218.

[7] Vilkova A.V., Polyakova Y. N. Scientific and pedagogical personnel and their training in the adjunct of educational organizations of the Federal Penitentiary Service of Russia//Issues of modern science and practice. 2025. № 2(13). S. 47-54.

[8] Vilkova A. V., Kovtunenko L. V., Lukashenko D. V. Teacher training program: structural-content model of adult education/Problems of modern pedagogical education. 2025. № 89-2. S. 68-71.

[9] Vilkova A.V., Lukashenko D.V. Theories and concepts about the origin of education and upbringing/International Scientific Bulletin .2025. № 10. S. 374-379.

[10] Vilkova A. V., Polyakova Y. N. Database of test assignments for the course of lectures "Educational work with convicts for educational organizations of the Federal Penitentiary Service of Russia. Certificate of registration of the RU 2025623480 database. 22.08. 2025. Request No. 2025623025 dated 14.08.2025.

[11] Vilkova A.V., Polyakova Y. N. Collectivity and comprehensiveness in science/International Scientific Bulletin. 2025. № 10. S. 325-328.

[12] Lukashenko D.V. Content and structure of the plan of extracurricular activities for pupils of educational colonies/A.V. Vilkov, D.V. Lukashenko// Anthropology. 2024. № 3(15). S.5-16.

[13] Guzeev M.S., Kulakova S.V., Vilkova A.V. Database of test assignments for the author's course of lectures "The role and place of modern media and social media in the development of the penal system of the Russian Federation. Certificate of registration of the RU 2022622073 database. 17.08. 2022. Request No. 2022621591 dated 01.07.2022.

[14] Vilkova A.V. Spiritual and moral values of juvenile convicts and features of the socio-educational environment/A.V. Vilkova//In the collection: pedagogy and modern education. Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference of Graduate Students, Applicants, Doctoral Students, Supervisors, Young Scientists Specializing in Education. Ser. "Postgraduate Library" St. Petersburg. 222. S. 32-36.

[15] Smorodinskova I. A. The main functions of a business conversation/A. V. Vilkov, I. A. Smorodinskova, V. Yu. Buntin//In the collection: Scientific works of the PKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. Scientific and practical quarterly publication. Moscow, 2021. S. 115-122.

[16] Kovalev O. G. Criminogenic situation in the field of corruption crime, its determinants/A. V. Vilkova, O. G. Kovalev, A. Yu. Gaponov//Trends in the development of science and education. 2021. № 76-4. S. 34-36.

[17] Sukhareva E.V. Pedagogical and operational-search measures for the prevention of juvenile penitentiary crime/A.V. Vilkova, E.V. Sukhareva// Questions of pedagogy. 2021. № 7. S. 47-51.

[18] Litvishkov V. M. Parties to business communication/A. V. Vilkov, V. M. Litvishkov//In the collection: Scientific works of the PKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. Scientific and practical quarterly publication. Moscow. 2020. S. 131-144.

[19] Fadeeva S. A. Delinquent behavior as a type of deviant behavior/A. V. Vilkov, S. A. Fadeev//In the collection: Scientific works of the PKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. Scientific and practical quarterly publication. Moscow, 2019. S. 66-68.

[20] A. V. Vilkova. Psycholor-pedagogical study and socio-psychological characteristics of the personality of juvenile convicts. Moskva.2018.

[21] Vilkova A. V. Welcome speech of Professor Alevtina Vladimirovna Vilkova/A. V. Vilkova//In the collection: Spiritual and moral education of a person in the penitentiary system: pedagogical and socio-psychological aspects. Tver, 2025. P. 8.

Дата поступления рукописи в редакцию: 18.04.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.05.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3830-2026-4-316-320

ПОЛЯКОВА Янина Николаевна,
кандидат психологических наук,
ведущий научный сотрудник НИЦ-2 ФКУ НИИ ФСИН России,
г. Москва, Российская Федерация,
доцент кафедры уголовного права и криминологии
Ростовского института (филиал) ВГУЮ
(РПА Минюста России),
e-mail: ynpolyakova@yandex.ru

ОСТРОТА, ДЛИТЕЛЬНОСТЬ И ПОСЛЕДСТВИЯ КОНФЛИКТА

Аннотация*. В статье рассматриваются вопросы социального конфликта, конфликта с высокой интенсивностью социальных столкновений, в результате которых в короткий промежуток времени расходуется большое количество психологических и материальных ресурсов.*

Ключевые слова*: острота конфликта, длительность конфликта, последствия конфликта.*

POLYAKOVA Ya.N.,
leading researcher,
Federal State Institution Research Institute
of the Federal Penitentiary Service of Russia,
Moscow, Russian Federation;
Candidate of Psychological Sciences

SEVERITY, DURATION AND CONSEQUENCES OF THE CONFLICT

Annotation*. The article examines the issues of social conflict, a conflict with a high intensity of social clashes, as a result of which a large amount of psychological and material resources is spent in a short period of time.*

Key words*: severity of conflict, duration of conflict, consequences of conflict.*

Разрешение социального конфликта возможно лишь при изменении конфликтной ситуации. Это изменение может принимать различные формы. Но наиболее эффективным изменением конфликтной ситуации, позволяющим погасить конфликт, считается устранение причин конфликта.

Возможно также разрешение социального конфликта путем изменения требований одной из сторон: соперник идет на уступки и изменяет цели своего поведения в конфликте.

Конфликты могут принимать самую разную форму – от простой ссоры двух людей до крупного военного или политического столкновения с участием миллионов. Всем конфликтам присущи четыре основных параметра: причины конфликта; острота конфликта; длительность конфликта; последствия конфликта.

Когда говорят об остром социальном конфликте, то, прежде всего, подразумевают конфликт с высокой интенсивностью социальных столкновений, в результате которых в короткий промежуток времени расходуется большое количество психологических и материальных ресурсов. Для острого конфликта характерны в основном открытые столкновения, которые происходят настолько часто, что сливаются в единое целое.

Острота конфликта в наибольшей степени зависит от социально-психологических характеристик противоборствующих сторон, а также от ситуации, требующей немедленных действий. Впитывая энергию извне, конфликтная ситуация заставляет участников действовать немедленно, вкладывая в столкновение всю свою энергию.

Каждый индивид в своей жизни неизбежно сталкивался с конфликтами разной длительности. Это может быть короткая, длящаяся несколько минут стычка (между двумя индивидуумами), а может быть и противостояние различных групп, длящаяся на протяжении жизни нескольких поколений (конфликт между религиями).

Исследования конфликтных ситуаций показывают, что длительные, затяжные конфликты нежелательны при любых обстоятельствах.

Последствия социального конфликта весьма противоречивы. Конфликты, с одной стороны, разрушают социальные структуры, приводят к значительным необоснованным затратам ресурсов, а с другой - являются тем механизмом, который способствует решению многих проблем, сплачивает группы и в конечном счете служит одним из способов достижения социальной справедливости. Двойственность оценки людьми последствий конфликта привела к тому, что социологи, занимающиеся теорией конфликтов, или, как еще говорят, конфликтологией, не пришли к общей точке зрения по поводу того, полезны или вредны конфликты для общества. Так многие считают, что общество и отдельные его составные части развиваются в результате эволюционных изменений, и вследствие этого предполагают, что социальный конфликт может носить только негативный, разрушительный характер.

Но существует группа ученых, состоящая из сторонников диалектического метода. Они признают конструктивное, полезное содержание всякого конфликта, так как в результате конфликтов появляются новые качественные определенности.

Предположим, что в каждом конфликте существуют как дезинтегративные, разрушительные, так и интегративные, созидательные моменты. Конфликт способен разрушать социальные общности. Кроме того, внутренний конфликт разрушает групповое единство. Говоря о позитивных сторонах конфликта, следует отметить, что ограниченным, частным последствием конфликта может явиться усиление группового взаимодействия. Конфликт может оказаться единственным выходом из напряженной ситуации. Таким образом, налицо два типа последствий конфликтов дезинтегрированные последствия, которые усиливают ожесточение, ведут к разрушениям и кровопролитию, к внутригрупповому напряжению, разрушают нормальные каналы кооперации, отвлекают внимание членов группы от насущных проблем; интегративные последствия, которые определяют выход из сложных ситуаций, приводят к разрешению проблем, усиливают групповую сплоченность, ведут к заключению союзов с другими группами, приводят группу к пониманию интересов ее членов.

Глубокие и сложные процессы в современном российском обществе социальный кризис, трансформация социальной структуры, политические и духовные изменения, социальные конфликты - происходят в обществе переходного состояния.

Современный кризис российского общества является одним из самых глубоких и продолжительных в нашей истории. Конфликтами охвачены все сферы жизни российского общества. Наиболее опасными являются конфликты в политической сфере, особенно в сфере власти, социально-экономических и межнациональных отношений.

Понимание их природы, причин возникновения и развития поможет выработать правила поведения и пути урегулирования к обоюдному согласию противоборствующих сторон.

Целостность Российского государства, стабильность в обществе приобретают приоритетное значение в способах регулирования конфликтов.

Список литературы:

[1] Вилкова А.В. Формирование у несовершеннолетних осужденных женского пола духовно-нравственных ценностей (от эксперимента к повсеместной практике) // А.В. Вилкова / Образование и наука в России и за рубежом. 2018. № 6 (41). С. 19-24.

[2] Вилкова А.В. Краткий анализ исследований по детской преступности

в дореволюционный период // А.В. Вилкова. В сб. Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России (научно-практическое ежекв. изд-е). Москва, 2018. С. 170-174.

[3] Ignatyeva G.A., EDUCATIONAL PROJECT AS A WAY OF IMPROVING STUDENTS` CREATIVE ACTIVITY/ Revista ESPACIOS Vol.39(25) 2018. p.23

[4] Kobrina L.M., USAGE OF SIMULATION METHOD «EDUCATIONAL CORPORATION» IN PROFESSIONAL SCHOOLS/ Revista ESPACIOS Vol.39(25) 2018. p.31

[5] Вилкова А.В. Понятия компетентности и компетенций в процессе профессиональной подготовки сотрудников ОВД / А.В. Вилкова, Е.В. Сухарева // Глобальный научный потенциал №4(85). 2018, С.8-10.

[6] Вилкова А.В. Педагогические условия риторического совершенствования в процессе обучения/ А.В. Вилкова // Ведомости УИС № 7. 2018. С. 26-32

[7] Вилкова А.В. Профессиональная подготовка личного состава УИС: духовно-нравственное воспитание/ А.В. Вилкова // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. № 4. 2018. С. 7-8

[8] Вилкова А.В. Формирование профессиональных компетенций сотрудников полиции в процессе профессионального обучения/ А.В. Вилкова, Е.В. Сухарева // Перспективы науки и образования №4(103). 2018, С.87-89.

[9] Вилкова А.В. Тенденции развития теории и практики исправления несовершеннолетних

осужденных: монография / А.В. Вилкова. – М., 2018. – 95 с.

[10] Вилкова А.В. Психолого-педагогическое изучение и социально-психологическая характеристика личности несовершеннолетних осужденных: монография / А.В. Вилкова. – М., 2018. – 89 с.

[11] Вилкова А. В. Преодоление отклоняющегося поведения несовершеннолетних осужденных / В сборнике: Духовно-нравственное воспитание личности в пенитенциарной системе: педагогические и социально-психологические аспекты. Сборник научных статей по материалам Всероссийского научно-практического круглого стола, посвященного памяти ученых-пенитенциаристов: доктора педагогических наук, профессора В. М. Литвишкова и доктора психологических наук, профессора Сочивко Д. В., Рязань, 2026. С. 23-29.

[12] Вилкова А. В., Антипов А. Н., Строгович Ю. Н. О средствах исправления осужденных в современных реалиях // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2026. № 1. С. 22-26.

[13] Вилкова А. В., Фиалковская Е. В., Полякова Я. Н. Подходы к изучению агрессивности в рамках пенитенциарной психологии / Образование и право. 2026. № 1. С. 214-218.

[14] Вилкова А. В., Фадеева С. А. О профессиональной готовности специалистов уголовно-исполнительной системы Российской Федерации к осуществлению пенитенциарной пробации // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2026. № 3 (286). С, 45-51.

[15] Вилкова А. В., Тищенко Ю. Ю. Особенности реализации дисциплинарной практики в отношении несовершеннолетних в следственных изоляторах / Международный научный вестник. 2026. № 1. С. 81-84.

[16] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. Роль научного коллектива как субъекта профессионального становления молодого ученого / В сборнике: Уголовно-исполнительная система сегодня: взаимодействие науки и практики. Материалы XXV Всероссийской научно-практической конференции. Новокузнецк, 2025. С. 253-256.

[17] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. Научно-педагогические кадры и их подготовка в адъюнктуре образовательных организаций ФСИН России // Вопросы современной науки и практики. 2025. № 2(13). С. 47-54.

[18] Вилкова А. В., Лукашенко Д. В. Теории и концепции о происхождении обучения и воспитания / Международный научный вестник.2025. № 10. С. 374-379.

[19] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. База данных тестовых заданий к курсу лекций «Воспитательная работа с осужденными для образовательных организаций ФСИН России. Свидетельство о регистрации базы данных RU 2025623480. 22.08. 2025. Заявка № 2025623025 от 14.08.2025.

[20] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. Коллективность и комплексность в науке / Международный научный вестник. 2025. № 10. С. 325-328.

[21] Гузеев М. С., Кулакова С. В., Вилкова А. В. База данных тестовых заданий к авторскому курсу лекций «Роль и место современных СМИ и социальных медиа в развитии уголовно-исполнительной системы Российской Федерации. Свидетельство о регистрации базы данных RU 2022622073. 17.08. 2022. Заявка № 2022621591 от 01.07.2022.

[22] Вилкова А. В. Духовно-нравственные ценности несовершеннолетних осужденных и особенности социально-образовательной среды / А. В. Вилкова // В сборнике: педагогика и современное образование. Материалы Всероссийской научно-практической конференции аспирантов, соискателей, докторантов, научных руководителей, молодых ученых, специализирующихся в области образования. Сер. «Библиотека аспиранта» Санкт-Петербург.2022. С. 32-36.

[23] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. Уголовно-исполнительная система: подготовка научных кадров высшей категории / В сборнике: VII Международный пенитенциарный форум «Преступление, наказание, исправление». Сборник тезисов выступлений и докладов участников VII международного пенитенциарного форума, приуроченного к 80-летию Победы в Великой Отечественной войне и Году защитника Отечества. В 5-ти томах. Рязань, 2025. С. 68-73

[24] Вилкова А. В. Приветственное слово профессора Алевтины Владимировны Вилковой / А. В. Вилкова // В сборнике: Духовно-нравственное воспитание личности в пенитенциарной системе: педагогические и социально-психологические аспекты. Тверь, 2025. С. 8.

[25] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. Социально-рефлексивный подход при повышении квалификации управленческого персонала УИС / В сборнике: Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. научно-практическое ежеквартальное издание. Москва, 2025. С. 9-14.

[26] Сухарева Е. В. Педагогические и оперативно-розыскные меры профилактики пенитенциарной преступности несовершеннолетних / А. В. Вилкова, Е. В. Сухарева // Вопросы педагогики. 2021. № 7. С. 47-51.

[27] Швырев Б. А. Порядок организации обучения пожарно-техническому минимуму сотрудников воспитательных колоний / Б. А. Швырев, А. В. Вилкова, В. МС. Литвишков // В сборнике: Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. Научно-практическое ежеквартальное издание. Москва, 2020. С. 165-173.

[28] Вилкова А. В. О нравственных качествах молодых ученых / А. В. Вилкова, Я. Н. Полякова // Вестник Самарского юридического института. 2025. № 3(64). С. 107-112.

[29] Вилкова А. В., Ковтуненко Л. В., Полякова Я. Н. Подготовка научных кадров высшей квалификации для уголовно-исполнительной системы: проблемы и стратегии развития // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2025. № 4(110). С. 189-195.

[30] Ковтуненко Л. В., Вилкова А. В., Полякова Я. Н. Роль научного коллектива как субъекта в профессиональном становлении молодого ученого // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Проблемы высшего образования. 2025. № 3. С. 62-65.

References:

[1] A.V. Vilkova. Formation of spiritual and moral values in female juvenile convicts (from experiment to widespread practice)//A.V. Vilkova/Education and science in Russia and abroad. 2018. № 6 (41). S. 19-24.

[2] A.V. Vilkova. A brief analysis of studies on child crime

in the pre-revolutionary period//A.V. Vilkova. In Sat. Scientific works of the PKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia (scientific and practical every year. ed.). Moscow, 2018. S. 170-174.

[3] Ignatyeva G.A., EDUCATIONAL PROJECT AS A WAY OF IMPROVING STUDENTS` CREATIVE ACTIVITY/ Revista ESPACIOS Vol.39(25) 2018. p.23

[4] Kobrina L.M., USAGE OF SIMULATION METHOD «EDUCATIONAL CORPORATION» IN PROFESSIONAL SCHOOLS/ Revista ESPACIOS Vol.39(25) 2018. p.31

[5] Vilkova A.V. Concepts of competence and competencies in the process of professional training of ATS employees/A.V. Vilkova, E.V. Sukhareva// Global scientific potential No. 4 (85). 2018, S.8-10.

[6] Vilkova A.V. Pedagogical conditions for rhetorical improvement in the learning process/A.V. Vilkova//Vedomosti UIS No. 7. 2018. S. 26-32

[7] Vilkova A.V. Professional training of the personnel of the penal system: spiritual and moral education/A.V. Vilkova//Criminal executive system: law, economics, management. № 4. 2018. S. 7-8

[8] A.V. Vilkova. Formation of professional competencies of police officers in the process of professional training/A.V. Vilkova, E.V. Sukhareva//Prospects of Science and Education No. 4 (103). 2018, S.87-89.

[9] A.V. Vilkova. Trends in the development of the theory and practice of correcting juvenile convicts: monograph/A.V. Vilkova. - M., 2018. - 95 s.

[10] A.V. Vilkova. Psychological and pedagogical study and socio-psychological characteristics of the personality of juvenile convicts: monograph/A.V. Vilkova. - M., 2018. - 89 s.

[11] Vilkova A. V. Overcoming the deviating behavior of juvenile convicts/In the collection: Spiritual and moral education of a person in the penitentiary system: pedagogical and socio-psychological aspects. Collection of scientific articles based on the materials of the All-Russian Scientific and Practical Round Table dedicated to the memory of penitentiary scientists: Doctor of Pedagogical Sciences, Professor V. M. Litvishkov and Doctor of Psychological Sciences, Professor D. Sochivko, Ryazan, 2026. S. 23-29.

[12] Vilkova A.V., Antipov A.N., Strogovich Yu.N. On the means of correcting convicts in modern realities//Penal system: law, economics, management. 2026. № 1. S. 22-26.

[13] Vilkova A. V., Fialkovskaya E. V., Polyakova Y. N. Approaches to the study of aggressiveness in the framework of penitentiary psychology/Education and law. 2026. № 1. S. 214-218.

[14] Vilkova A. V., Fadeeva S. A. On the professional readiness of specialists of the penitentiary system of the Russian Federation to carry out penitentiary probation//Vedomosti of the penitentiary system. 2026. № 3 (286). S, 45-51.

[15] Vilkova A. V., Tishchenko Yu. Yu. Peculiarities of the implementation of disciplinary practice against minors in pre-trial detention centers/International Scientific Bulletin. 2026. № 1. S. 81-84.

[16] Vilkova A.V., Polyakova Y. N. The role of the scientific team as a subject of professional development of a young scientist/In the collection: The penal system today: the interaction of science and practice. Materials of the XXV All-Russian Scientific and Practical Conference. Novokuznetsk, 2025. S. 253-256.

[17] Vilkova A.V., Polyakova Y. N. Scientific and pedagogical personnel and their training in the adjunct of educational organizations of the Federal Penitentiary Service of Russia//Issues of modern science and practice. 2025. № 2(13). S. 47-54.

[18] Vilkova A.V., Lukashenko D.V. Theories and concepts about the origin of education and upbringing/International Scientific Bulletin .2025. № 10. S. 374-379.

[19] Vilkova A. V., Polyakova Y. N. Database of test assignments for the course of lectures “Educational work with convicts for educational organizations of the Federal Penitentiary Service of Russia. Certificate of registration of the RU 2025623480 database. 22.08. 2025. Request No. 2025623025 dated 14.08.2025.

[20] Vilkova A.V., Polyakova Y. N. Collectivity and comprehensiveness in science/International Scientific Bulletin. 2025. № 10. S. 325-328.

[21] Guzeev M.S., Kulakova S.V., Vilkova A.V. Database of test assignments for the author’s course

of lectures “The role and place of modern media and social media in the development of the penal system of the Russian Federation. Certificate of registration of the RU 2022622073 database. 17.08. 2022. Request No. 2022621591 dated 01.07.2022.

[22] Vilkova A.V. Spiritual and moral values of juvenile convicts and features of the socio-educational environment/A.V. Vilkova//In the collection: pedagogy and modern education. Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference of Graduate Students, Applicants, Doctoral Students, Supervisors, Young Scientists Specializing in Education. Ser. “Postgraduate Library” St. Petersburg. 222. S. 32-36.

[23] Vilkova A. V., Polyakova Y. N. Penal system: training of scientific personnel of the highest category/In the collection: VII International Penitentiary Forum “Crime, Punishment, Correction.” Collection of abstracts and reports of participants of the VII International Penitentiary Forum, dedicated to the 80th anniversary of Victory in the Great Patriotic War and the Year of Defender of the Fatherland. In 5 volumes. Ryazan, 2025. S. 68-73

[24] Vilkova A. V. Welcome speech of Professor Alevtina Vladimirovna Vilkova/A. V. Vilkova//In the collection: Spiritual and moral education of a person in the penitentiary system: pedagogical and socio-psychological aspects. Tver, 2025. P. 8.

[25] Vilkova A. V., Polyakova Y. N. A socially reflective approach to advanced training of management personnel of the penal system/In the collection: Scientific works of the PKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. scientific and practical quarterly publication. Moscow, 2025. S. 9-14.

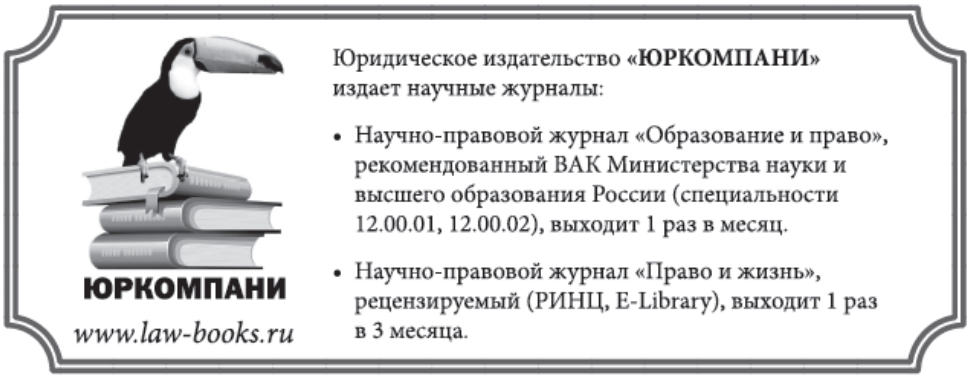
[26] Sukhareva E.V. Pedagogical and operational-search measures for the prevention of juvenile penitentiary crime/A.V. Vilkova, E.V. Sukhareva// Questions of pedagogy. 2021. № 7. S. 47-51.

[27] Shvyrev B. A. Procedure for Organizing Fire-Technical Minimum Training for Employees of Educational Colonies/B. A. Shvyrev, A. V. Vilkova, V. MS. Litvishkov//In the collection: Scientific works of the PKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. Scientific and practical quarterly publication. Moscow, 2020. S. 165-173.

[28] Vilkova A.V. On the moral qualities of young scientists/A.V. Vilkova, Y. N. Polyakova//Bulletin of the Samara Law Institute. 2025. № 3(64). S. 107-112.

[29] Vilkova A. V., Kovtunenko L. V., Polyakova Y. N. Training of highly qualified scientific personnel for the penitentiary system: problems and development strategies//Bulletin of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025. № 4(110). S. 189-195.

[30] Kovtunenko L.V., Vilkova A.V., Polyakova Y. N. The role of the scientific team as a subject in the professional development of a young scientist//Bulletin of Voronezh State University. Series: Higher Education Challenges. 2025. № 3. S. 62-65.

Дата поступления рукописи в редакцию: 02.04.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-4-321-324
Дата принятия рукописи в печать: 03.05.2026 г.

БОДЯКОВ Владимир Николаевич,
доцент кафедры уголовно-процессуального права и криминалистики юридического факультета Владимирского юридического института ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент,
e-mail: krim33@mail.ru

БАЖАНОВ Сергей Андреевич,
ведущий научный сотрудник ФКУ НИИ ФСИН России, г. Москва, Российская Федерация; кандидат юридических наук,
e-mail: sergey.bazhanov62@yandex.ru

ПРИЗНАКИ РАЗРЕШЕНИЯ КОНФЛИКТОВ

Аннотация. *В статье рассматриваются вопросы разрешения конфликта, рекомендации, следование которым ускоряет процесс разрешения конфликта, а также причины конфликтов и пути их преодоления.*

Ключевые слова: *конфликтология, конфликт, причина конфликта.*

BODYAKOV Vladimir Nikolaevich,
Associate Professor of the Department of Criminal Procedure Law and Criminalistics of the Faculty of Law of the Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia

BAZHANOV Sergey Andreevich,
leading researcher, Federal State Institution Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russian Federation; Candidate of Legal Sciences

SIGNS OF CONFLICT RESOLUTION

Annotation. *The article discusses issues of conflict resolution, recommendations, following which speeds up the process of conflict resolution, as well as the causes of conflicts and ways to overcome them.*

Key words: *conflictology, conflict, cause of conflict.*

Внешним признаком разрешения конфликта может служить завершение инцидента. Именно завершение, а не временное прекращение. Устранение, прекращение инцидента – необходимое, но недостаточное условие погашения конфликта. Часто, прекратив активное конфликтное взаимодействие, люди продолжают переживать фрустрирующее состояние, искать его причину. И тогда угаснувший было конфликт вспыхивает вновь.

Разрешение социального конфликта возможно лишь при изменении конфликтной ситуации. Это изменение может принимать различные формы. Но наиболее эффективным изменением конфликтной ситуации, позволяющим погасить конфликт, считается устранение причин конфликта.

Возможно также разрешение социального конфликта путем изменения требований одной из сторон: соперник идет на уступки и изменяет цели своего поведения в конфликте.

Конфликты могут принимать самую разную форму – от простой ссоры двух людей до крупного военного или политического столкновения с участием миллионов. Всем конфликтам присущи четыре основных параметра: причины конфликта; острота конфликта; длительность конфликта; последствия конфликта.

Конфликтология выработала ряд рекомендаций, следование которым ускоряет процесс разрешения конфликта: 1) во время переговоров приоритет должен отдаваться обсуждению содержательных вопросов; 2) стороны должны стремиться к снятию психологической и социальной напряженности; 3) стороны должны демонстрировать взаимное уважение друг к другу; 4) участники переговоров должны стремиться превратить значительную и скрытую часть конфликтной ситуации в открытую, гласно и доказательно раскрывая позиции друг друга и сознательно создавая атмосферу публичного равноправного обмена мнениями; 5) все участники переговоров должны проявлять склонность к компромиссу. Компромисс представляет собой такой способ разрешения конфликта, когда конфликтующие стороны реализуют свои интересы и цели путем либо взаимных уступок, либо уступок более слабой стороне, либо той стороне, которая сумела доказать обоснованность своих требований тому, кто добровольно отказался от части своих притязаний.

Большое значение имеет заключительная послеконфликтная стадия. На этой стадии должны быть предприняты усилия по окончательному устранению противоречий интересов, целей, установок, ликвидирована социально-психологическая напряженность и прекращена любая борьба. Урегулированный конфликт способствует улучшению социально-психологических характеристик, как отдельных групп, так и межгруппового взаимодействия. Он способствует сплоченности групп, повышает уровень идентификации ее членов с общими целями и удовлетворенности в группе. Вместе с тем, он развивает уважительное отношение к бывшим оппонентам, позволяет лучше понять их интересы, цели и побуждения.

Причина конфликта является тем пунктом, вокруг которого разворачивается конфликтная ситуация. Можно выделить следующие типы причин:

1. Наличие противоположных ориентаций. У каждого индивида и социальной группы имеется определенный набор ценностных ориентаций относительно наиболее значимых сторон социальной жизни. Все они различаются и обычно противоположны. В момент стремления к удовлетворению потребностей, при наличии блокируемых целей, достичь которых пытаются несколько индивидов или групп, противоположные ценностные ориентации приходят в соприкосновение и могут стать причиной возникновения конфликтов. Конфликты по причине противоположных ценностных ориентаций крайне разнообразны. Наиболее острые конфликты появляются там, где существуют различия в культуре, восприятии ситуации, статусе или престиже. Конфликты, причиной которых служат противоположные ориентации, могут протекать в сферах экономических, политических, социально-психологических и других ценностных ориентаций.
2. Идеологические причины. Конфликты, возникающие на почве идеологических разногласий, являются частным случаем конфликта противоположности ориентаций. Разница между ними состоит в том, что идеологическая причина конфликта заключается в разном отношении к системе идей, которые оправдывают и узаконивают отношения субординации, доминирования и основополагающие мировоззрения у различных групп общества.
3. Причины конфликта, заключающиеся в различных формах экономического и социального неравенства. Этот тип причин связан со значительными различиями в распределении ценностей между индивидами или группами. Неравенство в распределении ценностей существует повсеместно, но конфликт возникает только при такой величине неравенства, которая расценивается как весьма значительная.
4. Причины конфликтов, лежащие в отношениях между элементами социальной структуры. Конфликты появляются в результате разного места, которое занимают структурные элементы в обществе, организации или упорядоченной социальной группе. Конфликт по этой причине может быть связан, во-первых, с различными целями, преследуемыми отдельными элементами. Во-вторых, конфликт по этой причине бывает связан с желанием того или иного структурного элемента занять более высокое место в иерархической структуре.

Любая из перечисленных причин может послужить толчком, первой ступенью конфликта только при наличии определенных внешних условий. Что же должно случиться, чтобы возник конфликт, чтобы актуализировалась соответствующая причина? Очевидно, что помимо существования причины конфликта вокруг нее должны сложиться определенные условия, служащие питательной средой для конфликта.

Список литературы:

[1] Веренко И.С. «Конфликтология», М., 1990

[2] Здравомыслов А.Г. «Социология конфликта» АО «Аспект пресс», М., 1994

[3] Вилкова А. В., Антипов А. Н., Строгович Ю. Н. О средствах исправления осужденных в современных реалиях // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2026. № 1. С. 22-26.

[4] Вилкова А. В., Фиалковская Е. В., Полякова Я. Н. Подходы к изучению агрессивности в рамках пенитенциарной психологии / Образование и право. 2026. № 1. С. 214-218.

[5] Вилкова А. В., Фадеева С. А. О профессиональной готовности специалистов уголовно-исполнительной системы Российской Федерации к осуществлению пенитенциарной пробации // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2026. № 3 (286). С, 45-51.

[6] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. Научно-педагогические кадры и их подготовка в адъюнктуре образовательных организаций ФСИН России // Вопросы современной науки и практики. 2025. № 2(13). С. 47-54.

[7] Вилкова А. В., Лукашенко Д. В. Теории и концепции о происхождении обучения и воспитания / Международный научный вестник.2025. № 10. С. 374-379.

[8] Радугин А.А., Радугин К.А. «Социология» «Центр», М., 1997.

[9] Фролов С.С. «Социология». «Логос», М., 1996 г.

[10] «Социология» Учебное пособие. «Знание», М., 1995 г.

[11] Овчинников С.Н. Духовно-нравственное воспитание: профилактика девиантного поведения несовершеннолетних осужденных //

А.В. Вилкова, С.Н. Овчинников. Монография. Москва, 2018. 113 с.

[12] Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. Научно-практическое ежеквартальное издание / Выпуск 1. Москва. 2024.

[13] Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. Научно-практическое ежеквартальное издание / Выпуск 2. Москва. 2024.

[14] Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. Научно-практическое ежеквартальное издание / Выпуск 3. Москва. 2024.

[15] Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. Научно-практическое ежеквартальное издание / Выпуск 4. Москва. 2024.

[16] Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. Научно-практическое ежеквартальное издание / Выпуск 1. Москва. 2025.

[17] Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. Научно-практическое ежеквартальное издание / Выпуск 2. Москва. 2025.

[18] Актуальные проблемы исправления осужденных: криминологические, психологические и педагогические аспекты. Сборник статей круглого стола. Тверь, 2025.

[19] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. Роль научного коллектива как субъекта профессионального становления молодого ученого / В сборнике: Уголовно-исполнительная система сегодня: взаимодействие науки и практики. Материалы XXV Всероссийской научно-практической конференции. Новокузнецк, 2025. С. 253-256.

References:

[1] Verenko I.S. «Conflictology,» M., 1990

[2] Zdravomyslov A.G. “Sociology of Conflict” Aspect Press JSC, M., 1994

[3] Vilkova A.V., Antipov A.N., Strogovich Yu.N. On the means of correcting convicts in modern realities//Penal system: law, economics, management. 2026. № 1. S. 22-26.

[4] Vilkova A. V., Fialkovskaya E. V., Polyakova Y. N. Approaches to the study of aggressiveness in the framework of penitentiary psychology/Education and law. 2026. № 1. S. 214-218.

[5] Vilkova A. V., Fadeeva S. A. On the professional readiness of specialists of the penitentiary system of the Russian Federation to carry out penitentiary probation//Vedomosti of the penitentiary system. 2026. № 3 (286). S, 45-51.

[6] Vilkova A.V., Polyakova Y. N. Scientific and pedagogical personnel and their training in the adjunct of educational organizations of the Federal Penitentiary Service of Russia//Issues of modern science and practice. 2025. № 2(13). S. 47-54.

[7] Vilkova A.V., Lukashenko D.V. Theories and concepts about the origin of education and upbringing/International Scientific Bulletin .2025. № 10. S. 374-379.

[8] Radugin A.A., Radugin K.A. “Sociology” “Center,” M., 1997.

[9] Frolov S.S. “Sociology.” Logos, M., 1996

[10] “Sociology” Textbook. “Knowledge,” M., 1995

[11] Ovchinnikov S.N. Spiritual and moral education: prevention of deviant behavior of juvenile convicts//

A.V. Vilkova, S.N. Ovchinnikov. Monograph. Moscow, 2018. 113 pp.

[12] Scientific works of the PKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. Scientific and practical quarterly publication/Issue 1. Moscow. 2024.

[13] Scientific works of the PKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. Scientific and practical quarterly publication/Issue 2. Moscow. 2024.

[14] Scientific works of the PKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. Scientific and practical quarterly publication/Issue 3. Moscow. 2024.

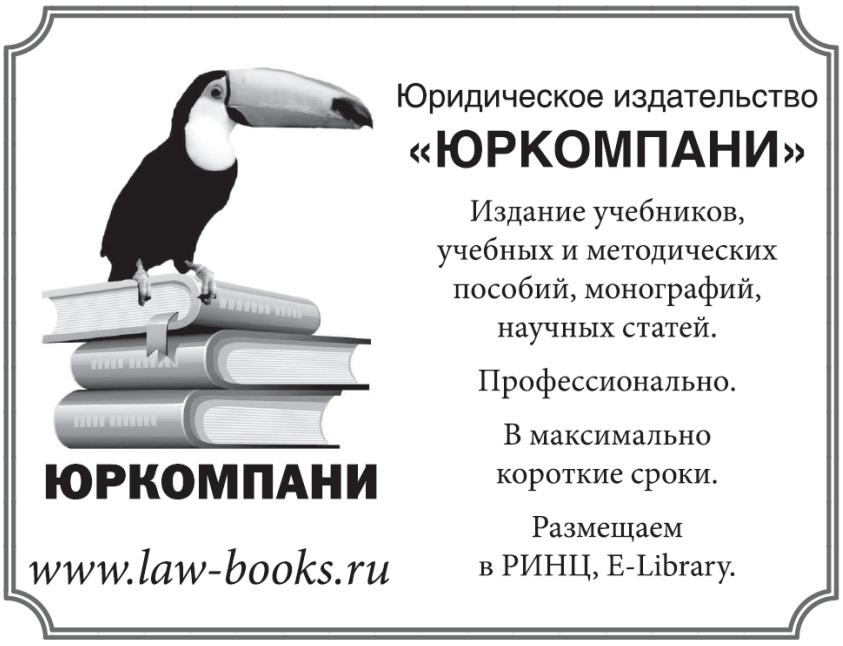
[15] Scientific works of the PKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. Scientific and practical quarterly publication/Issue 4. Moscow. 2024.

[16] Scientific works of the PKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. Scientific and practical quarterly publication/Issue 1. Moscow. 2025.

[17] Scientific works of the PKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. Scientific and practical quarterly publication/Issue 2. Moscow. 2025.

[18] Actual problems of correction of convicts: criminological, psychological and pedagogical aspects. Collection of roundtable articles. Tver, 2025.

[19] Vilkova A.V., Polyakova Y. N. The role of the scientific team as a subject of professional development of a young scientist/In the collection: The penal system today: the interaction of science and practice. Materials of the XXV All-Russian Scientific and Practical Conference. Novokuznetsk, 2025. S. 253-256.

- ГРАЖДАНСКОЕ И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО-

Дата поступления рукописи в редакцию: 13.04.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.05.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3830-2026-4-325-335

ГУРЧИАНИ Илья Зурабович,
аспирант 3 курса Юридического института
Санкт-Петербургский университет
технологий управления и экономики,
г. Санкт-Петербург,
e-mail: gurcianiila@gmail.com

МЕХАНИЗМ ДЕЙСТВИЯ И ПРЕДЕЛЫ ПРИМЕНЕНИЯ ПРИНЦИПА ЭСТОППЕЛЬ В РОССИЙСКОМ ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ

Аннотация. *В статье исследуется механизм действия и пределы применения эстоппеля в российском гражданском праве как функционального проявления принципа добросовестности, направленного на охрану доверия и устойчивости гражданского оборота. Обосновывается, что эстоппель выступает не самостоятельным источником обязательства, а инструментом ретроспективного контроля последовательности поведения, препятствующим недобросовестной смене правовой позиции при наличии сформированных разумных ожиданий контрагента. Раскрывается структурная модель применения эстоппеля через взаимосвязанные элементы: поведение, способное породить доверие, обоснованность и разумность такого доверия, причинная связь между изменением позиции и нарушением ожиданий, а также критерий несправедливости как аксиологический фильтр допустимости ограничения субъективного права. Определяются ключевые пределы действия эстоппеля, связанные с императивными нормами, публичными интересами и защитой прав третьих лиц, а также с требованием активной добросовестности доверившейся стороны и оценкой временного фактора. Делается вывод о том, что российская модель эстоппеля имеет преимущественно материально-правовую направленность и функционирует как механизм внутреннего самоограничения автономии воли в целях обеспечения предсказуемости и когерентности частноправовых связей.*

Ключевые слова: *эстоппель; добросовестность; запрет противоречивого поведения (venire contra factum proprium); доверие; разумные ожидания; устойчивость гражданского оборота; ретроспективный контроль; злоупотребление правом; пределы осуществления гражданских прав.*

GURCHIANI Ilya Zurabovich,
3rd-year postgraduate student, Law Institute,
Saint Petersburg University of Management
Technologies and Economics,
Saint Petersburg, Russia

THE MECHANISM OF ACTION AND THE LIMITS OF APPLICATION OF THE ESTOPPEL PRINCIPLE IN RUSSIAN CIVIL LAW

Annotation. *The article examines the mechanism of action and limits of estoppel application in Russian civil law as a functional phenomenon of the principle of good faith aimed at protecting trust and stability of civil turnover. It is proved that estoppel is not an independent source of obligation, but a tool for retroactive control of the sequence of behavior, preventing an unfair change of legal position in the presence of reasonable expectations of the counterparty. The structural model of estoppel application is revealed through interrelated elements: behavior capable of generating*

trust, the validity and reasonableness of such trust, the causal relationship between a change in position and a violation of expectations, as well as the criterion of unreasonableness as an axiological filter for the permissibility of limiting subjective law. The key limits of estoppel are determined, related to mandatory norms, public interests and the protection of the rights of third parties, as well as the requirement of active good faith of the trusted party and the assessment of the time factor. It is concluded that the Russian estoppel model has a predominantly substantive and legal orientation and functions as a mechanism of internal self-limitation of the autonomy of the will in order to ensure the predictability and coherence of private legal relations.

Key words: *estoppel; good faith; prohibition of contradictory behavior (venire contra factum proprium); trust; reasonable expectations; sustainability of civil turnover; retrospective control; abuse of law; limits of the exercise of civil rights.*

Введение

Принцип эстоппель, закрепленный в российском гражданском правопорядке в форме ряда норм и выведенный из общего начала добросовестности, приобретает особое значение на уровне его практического действия – в тех пределах, где формируется и реализуется доверие участников гражданского оборота. Если в нормативно-доктринальной плоскости эстоппель выступает как концептуальная производная от принципа добросовестности, то в материальном контексте он превращается в инструмент, регулирующий фактическое поведение сторон в конкретных правоотношениях, когда действие не ограничивается моментом заключения сделки, а распространяется на весь жизненный цикл обязательства, формируя ожидания, ограничивая изменение позиции и обеспечивая устойчивость правовой связи. Таким образом, условия, пределы и механизм действия эстоппеля следует рассматривать не как изолированные стадии, а как взаимосвязанные элементы единой функциональной модели, направленной на сохранение внутренней согласованности гражданского оборота.

Материалы и методы

Материалами настоящего исследования выступили положения Гражданского кодекса Российской Федерации, судебная практика судов общей юрисдикции и арбитражных судов, а также доктринальные источники, посвященные принципу добросовестности, запрету противоречивого поведения, защите доверия и пределам осуществления гражданских прав. Эмпирическую основу исследования составили судебные акты, в которых раскрываются условия применения эстоппеля, его материально-правовая и процессуальная направленность, а также пределы действия, связанные с императивными нормами, публичными интересами, правами третьих лиц, временным фактором и требованием добросовестности доверившейся стороны. Теоретическую основу составили труды отечественных авторов, посвященные природе эстоппеля, его соотношению с конклюдентными действиями, злоупотреблением правом, преклюзией и принципом справедливости.

Методологическую основу исследования составили формально-юридический, системный, функциональный и метод анализа судебной практики. Формально-юридический метод использовался для выявления нормативных оснований применения эстоппеля в российском гражданском праве и определения его связи с положениями о добросовестности, недопустимости злоупотребления правом и пределах осуществления гражданских прав. Системный метод позволил рассмотреть эстоппель как элемент общей структуры частноправового регулирования и установить его место в механизме обеспечения устойчивости гражданского оборота. Функциональный метод применялся для исследования того, каким образом последовательность поведения стороны трансформируется в юридически значимый предел последующего изменения ее позиции. Анализ судебной практики позволил проследить, как указанные положения реализуются в конкретных спорах и какие критерии используются судами при оценке доверия, разумных ожиданий, причинной связи и справедливости ограничения субъективного права.

Исследование построено на сочетании доктринального и правоприменительного подходов. Это позволило рассмотреть эстоппель не только как производную от принципа добросовестности, но и как действующий механизм ретроспективного контроля последовательности поведения в конкретных правоотношениях. Такой подход дал возможность выявить структурную модель действия эстоппеля в российском гражданском праве, определить ее ключевые элементы и показать пределы применения данного принципа в условиях соотношения частной автономии, законности и защиты доверия.

Литературный обзор

Первое условие реализации принципа эстоппель – наличие поведения, способного породить у другой стороны доверие. Данное поведение может выражаться как в активных действиях (заявлениях, исполнении, акцепте

оферты), так и в пассивной форме (воздержании от возражений, умолчании при очевидной необходимости заявить позицию), причем его юридическая природа двойственна: с одной стороны, оно имеет характеристику фактического действия, с другой – обладает нормативной нагрузкой, поскольку создает у другой стороны разумные ожидания. В отечественной цивилистике данное явление иногда ошибочно приравнивают к конклюдентным действиям, однако, как справедливо указывает А.И. Сорокин, конклюдентные действия направлены на возникновение обязательства, в то время как поведение, образующее эстоппель, выступает ретроспективным элементом, формирующим рамки для интерпретации уже совершенных актов воли [9]. Следовательно, эстоппель не создает новое правоотношение, но корректирует траекторию существующего, защищая доверие, возникшее на основе действий одной из сторон.

Обращаясь к правоприменительной практике выделим, например, Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 02.02.2023 по делу №А82-2742/2021, которое наглядно демонстрирует, как пассивное поведение способно породить доверие. Согласно материалам дела, ТСН «Деревенька» предъявила негаторный иск о демонтаже опор ЛЭП, однако суд установил, что ранее истец заключил договор о сотрудничестве по содержанию этих сетей, участвовал в межевании территории без возражений против расположения опор и допускал регистрацию охранных зон. Такое последовательное поведение в течение длительного времени сформировало у ответчика и третьих лиц разумную уверенность в правомерности сложившегося порядка. Суд отказал в иске, применив эстоппель, поскольку последующая попытка оспорить ранее молчаливо принятые условия была квалифицирована как недобросовестное и противоречивое поведение.

Второе условие действия эстоппеля – обоснованность и разумность сформировавшегося доверия. Как подчеркивают Т.Н. Бурибаев и А.А. Гачина, доверие, не имеющее под собой рациональной основы, не может претендовать на юридическую защиту, поскольку право защищает не всякое ожидание, а только то, которое имеет характер правомерного и оправданного поведения [1]. Таким образом, при квалификации ситуации как эстоппель суд должен установить не только факт формирования доверия, но и его связь с объективными обстоятельствами: наличием устойчивой правовой позиции стороны, неизменностью ее поведения, подтверждением этой позиции документами или действиями. При этом обоснованность доверия оценивается через призму поведения разумного участника гражданского оборота, что прямо вытекает из требований п.3 ст.1 и п.1 ст.10 ГК РФ.

Так, например, в апелляционном определении Воронежского областного суда от 16.10.2025 по делу №33-5792/2025 доверие кредитора было признано полностью обоснованным. Согласно материалам дела, гражданка Пугачева Н.С., оформив кредит через онлайн-систему банка, в течение пяти месяцев исправно вносила платежи и использовала заемные средства. Суд указал, что такое активное и длительное исполнение обязательств объективно порождало у банка разумное ожидание действительности сделки и добросовестности заемщика, тогда как последующее требование истицы о признании договора недействительным было расценено как злоупотребление правом, а ее ссылки на мошенничество – несостоятельными, поскольку ее собственные действия создали юридически значимую видимость легитимности отношений.

Третьим необходимым элементом является причинная связь между поведением стороны, на которую впоследствии ссылаются, и ущербом (материальным или нематериальным), понесенным доверившейся стороной. Применительно к эстоппелю причинная связь имеет иную направленность, чем в классических деликтных конструкциях: она носит не внешне-причинный, а внутренне-регулятивный характер, то есть речь идет не о причинении вреда, а о нарушении доверия как самостоятельной ценности частного права. В данном аспекте А.В. Яхимович подчеркивает, что нарушение последовательности поведения не всегда выражается в прямых убытках, но неизбежно приводит к подрыву предсказуемости, что само по себе является формой гражданско-правового ущерба [15]. Таким образом, причинная связь при эстоппеле выражается в зависимости между нарушением последовательности и разрушением разумных ожиданий другой стороны, что дает основание для отказа в защите прав лица, изменившего свою позицию.

Следует отметить, что добросовестность, как общий критерий поведения участников гражданского оборота, играет двойственную роль, одновременно выступая как предпосылкой так и ограничителем применения эстоппеля. Если добросовестность доверившейся стороны отсутствует, принцип не действует, поскольку его охранительная функция направлена исключительно на защиту оправданных ожиданий, однако если недобросовестность обнаружена в поведении лица, изменившего позицию, эстоппель приобретает охранительный характер, превращаясь в барьер для реализации субъективного права [11]. В данном контексте можно говорить о своео-

бразной дуалистической природе добросовестности, которая служит основанием возникновения доверия и критерием допустимости ограничения прав, и именно такая конструкция прослеживается в п.5 ст.166 ГК РФ, где закреплено, что заявление о недействительности сделки не имеет правового значения, если лицо действует недобросовестно.

Данная норма воплощает механизм «обратной причинности»: поведение в прошлом определяет правовые последствия в настоящем, а недобросовестное изменение позиции блокирует реализацию права [14]. Таким образом, принцип эстоппель функционирует как механизм ретроспективного контроля за реализацией воли, оценивая не формальное содержание права, а контекст его осуществления – соответствие поведения лица разумным ожиданиям другой стороны. Применительно к сделкам это означает, что сторона, давшая основания полагать, что она признает сделку действительной, не может впоследствии ссылаться на ее недействительность.

Так применение эстоппеля против попытки использовать институт недействительности сделок в корыстных целях демонстрирует, например, Решение Горно-Алтайского городского суда от 22.10.2025 по делу № 2-1908/2025. Согласно материалам дела, единственный участник и директор ООО «ОНИКС» последовательно оформил взаимные сделки купли-продажи квартиры с обществом, подписывая документы в обоих качествах, а после налоговой проверки и доначислений потребовал признать данные сделки мнимыми. Суд отказал в иске, указав, что лицо, сознательно создавшее правовую схему и извлекавшее из нее выгоды, не может затем ссылаться на ее мнимость для избежания негативных последствий. Поведение истца было квалифицировано как злоупотребление правом, а эстоппель заблокировал возможность ретроспективного пересмотра юридической судьбы сделки.

В судебной практике данная логика прослеживается в делах, где суды указывают, что подписание актов приема-передачи, частичное исполнение обязательств или длительное пользование результатом сделки исключают возможность последующего оспаривания ее действительности. Яркой иллюстрацией ретроспективного контроля выступает апелляционное определение Кемеровского областного суда от 30.10.2025 по делу №33-8337/2025. При рассмотрении спора о безденежности расписки суд установил, что в предыдущем судебном процессе представитель ответчицы активно поддерживал встречный иск и признавал факт получения денежных средств по оспариваемой сделке. Суд квалифицировал последующее отрицание данного факта той же стороной как недопустимое противоречивое поведение (venire contra factum proprium). Прошлые процессуальные действия стороны были использованы как юридический факт, запрещающий ответчице занимать противоположную позицию в новом деле, что непосредственно реализует механизм «обратной причинности».

Четвертое условие применения эстоппеля связано с элементом несправедливости, возникающим при отступлении стороны от ранее выраженной позиции. Справедливость, как отмечает И.А. Дубинина, выступает аксиологическим критерием допустимости применения принципа: эстоппель используется только тогда, когда изменение поведения приводит к очевидному дисбалансу интересов. Данная категория позволяет отличить эстоппель от простого несогласия или пересмотра позиции, и если изменение позиции вызвано объективными обстоятельствами (например, существенным изменением условий обязательства или обнаружением обстоятельств, которые не могли быть известны ранее), эстоппель не применяется, поскольку отсутствует элемент злоупотребления доверием [3]. В этом заключается предел действия эстоппеля: принцип не препятствует добросовестному уточнению позиции, а лишь блокирует произвольное ее изменение.

Важно подчеркнуть, что российская модель эстоппеля оперирует не только категорией «доверия», но и понятием «разумной предсказуемости». В отличие от англосаксонской системы, где эстоппель традиционно опирается на идею полагания на заверения другой стороны (reliance), в российском праве доминирует идея стабильности отношений. Иными словами, если в праве общего права ключевым элементом является причинение ущерба в результате доверия, то в отечественной системе основным последствием является нарушение правовой устойчивости. Данный сдвиг отражает специфику отечественного гражданского права, где приоритет отдается сохранению баланса интересов и предсказуемости, а не компенсации потерь.

Содержание эстоппеля также предполагает, что доверие должно быть порождено действиями самой стороны, а не внешними обстоятельствами, в чем заключается отличие правового доверия от фактической уверенности. Суды исходят из того, что принцип может быть применен только в отношении поведения, имевшего адресный характер и способного вызвать у другой стороны ожидание определенного результата: например, если сторона подписывает дополнительное соглашение или неоднократно подтверждает действительность договора, она формирует юридическую основу для защиты доверия другой стороны, и, напротив, если ожидания сформирова-

лись на основании ошибочного толкования или предположений, принцип эстоппель не действует, поскольку отсутствует элемент вмененного поведения.

Наконец, пятое условие – отсутствие публично-правовых и императивных ограничений. Эстоппель не может применяться в тех случаях, когда его использование вступает в противоречие с публичными интересами, императивными нормами или правами третьих лиц, и данное ограничение имеет решающее значение для сохранения системного баланса между автономией воли и законностью. В российской доктрине данный аспект развивает, например, И.А. Тарасов, подчеркивая, что эстоппель не может служить прикрытием для сделок, противоречащих закону, и не применяется в случаях, когда поведение стороны влечет нарушение норм публичного порядка [12]. Таким образом, граница действия принципа совпадает с границей допустимого частного усмотрения: в тех сферах, где воля участников ограничена императивом публичного интереса, эстоппель теряет свое правовое значение.

Результаты

В совокупности данные условия образуют структурную модель действия принципа эстоппель, в которой центральное место занимает доверие как юридически значимая категория, соединяя добросовестность и справедливость, выступая «мостом» между этикой поведения и правовой ответственностью. Российский гражданский правопорядок, закрепив эстоппель в ряде норм и судебных позиций, тем самым признал доверие самостоятельной ценностью, подлежащей охране. Если классическое гражданское право защищало волю и ее внешнее выражение, то современное гражданское право через эстоппель защищает ожидания и их добросовестное формирование.

Пределы действия принципа эстоппель в гражданском праве формируются как результат поиска равновесия между свободой усмотрения участника оборота и необходимостью защиты устойчивости правовых связей. Любая система частного права, основанная на автономии воли, требует механизмов самоограничения, предотвращающих разрушение доверия, но не нарушающих при этом свободу субъекта. Эстоппель представляет собой именно такой механизм – не внешнее регулирование, а внутреннее ограничение права, вытекающее из логики самого гражданского оборота, вследствие чего пределы очерчиваются не столько законодательным текстом, сколько судебным усмотрением, опирающимся на принципы добросовестности, разумности и справедливости. Данные пределы определяют, где заканчивается допустимая коррекция поведения и начинается злоупотребление правом, а также где защита доверия переходит в санкцию за недобросовестность.

Наиболее очевидным пределом действия эстоппеля является невозможность его применения вопреки императивным нормам закона. Так, ст.1 ГК РФ закрепляет сочетание принципа свободы договора с ограничениями, установленными законом, а ст.10 ГК РФ прямо запрещает осуществление гражданских прав в противоречии с их назначением, следовательно, эстоппель не может легализовать действия, противоречащие публичному порядку, даже если они создавали у контрагента устойчивое доверие. Как отмечают Т.Н. Бурибаев и А.А. Гачина, доверие как категория частного права всегда коррелирует с правомерностью поведения, его порождающего. Нельзя полагаться на недействительное поведение, а потому принцип эстоппель неприменим, если основанием доверия служат действия, нарушающие императивные запреты или осуществленные при отсутствии правосубъектности [1].

Пределом выступает также наличие противоречия между интересами сторон и публичным интересом. Российская судебная практика показывает, что эстоппель не может применяться, если его реализация приведет к нарушению прав третьих лиц или к ущемлению экономической стабильности участников рынка. Например, в делах о банкротстве суды последовательно указывают, что поведение должника, даже если оно формировало доверие у контрагента, не освобождает последнего от соблюдения императивных правил очередности удовлетворения требований, и эстоппель в таких случаях отступает перед публичным интересом в равенстве кредиторов [13]. Тем самым правопорядок проводит линию разграничения: принцип доверия защищается, пока не вступает в конфликт с принципом законности.

Другой существенный предел – ситуация, в которой доверие сформировалось вследствие ошибки или недосмотра. Судебная практика и доктрина исходят из того, что защита ожиданий возможна лишь при условии их добросовестного возникновения. Если доверившаяся сторона знала или должна была знать о фактическом несоответствии позиции контрагента реальному состоянию дел, применение эстоппеля исключается. Как отмечает А.В. Яхимович, «добросовестность доверившейся стороны должна быть активной», то есть выражаться в проявлении разумной осмотрительности и минимальных усилий по проверке оснований доверия [16]. Таким образом,

эстоппель не может служить щитом для небрежности: защита основана на активной добросовестной, а не пассивной позиции.

Так, например, значение активной добросовестности подчеркивает Апелляционное определение Кемеровского областного суда от 02.10.2025 по делу № 33-7918/2025. Согласно материалам дела, истец просил признать мнимой сделку купли-продажи квартиры, ссылаясь на отсутствие расчетов, но при этом сам действовал как собственник – переоформил лицевой счет, вступил в спор с администрацией о выкупной цене. Суд отказал в признании сделки мнимой, применив эстоппель: поведение истца, подтверждавшего сделку во внешних отношениях, лишало его права ссылаться на ее недействительность во взаимоотношениях с контрагентом. Доверие продавца к тому, что истец признает себя собственником, было признано обоснованным.

Пределы действия принципа можно рассматривать и с точки зрения времени. Российское гражданское право не знает понятия «разумного срока» в контексте эстоппеля, однако суды фактически применяют данный критерий, оценивая, насколько быстро сторона отреагировала на изменение обстоятельств. Ю.А. Сорокина справедливо связывает эстоппель с категорией разумного срока, полагая, что промедление с реализацией права само по себе может восприниматься как подтверждение признания его действия [10]. Так, сторона, длительное время исполнявшая договор и не заявлявшая возражений, теряет возможность ссылаться на его недействительность. Временной фактор придает эстоппелю черты процессуальной преклюзии [2], хотя по сути речь идет о материальном ограничении свободы поведения.

В правоприменительной практике значение временного фактора в формировании эстоппеля показывает, например, Апелляционное определение Ростовского областного суда от 07.10.2025 по делу № 33-14730/2025. Согласно материалам дела, соседи 21 мая 2017 г. заключили письменное соглашение об изменении порядка пользования смежными земельными участками, которое было фактически исполнено обеими сторонами, однако спустя несколько лет один из соседей (истец) обратился в суд, требуя восстановить прежний порядок. Суд отказал в удовлетворении иска, применив эстоппель и подчеркнув, что длительное принятие нового порядка пользования и отсутствие возражений в течение многих лет создали у ответчика устойчивое доверие к сохранению сложившегося положения, а запоздалая попытка вернуть первоначальные условия была признана недобросовестной.

Особое место среди пределов занимает соотношение эстоппеля с принципом автономии воли, лежащим в основе гражданского права, который допускает возможность свободного изменения позиции, пересмотра договорных условий, отказа от прав, если это не противоречит закону. Эстоппель вмешивается в данную свободу, однако не аннулирует ее, а лишь фиксирует момент, после которого изменение позиции становится юридически неприемлемым. Иначе говоря, принцип эстоппель не запрещает передумать, однако ограничивает произвольность перемены воли, если она разрушает доверие, в чем проявляется его ценностный баланс – сочетание свободы и ответственности.

На уровне доктрины данное равновесие ярко выражено в концепции «предела добросовестного самоограничения», которая исходит из того, что эстоппель не является навязанным ограничением, а представляет собой добровольное самоограничение стороны, проявляющей уважение к собственному поведению [6]. Данное самоограничение корреспондирует идее внутренней согласованности правосубъектности: субъект не может одновременно утверждать и отрицать одно и то же юридическое обстоятельство. Данная конструкция восходит к римскому принципу «nemo contra factum proprium venire potest» (с лат. «никто не может действовать против своего собственного поступка»), переосмысленному в современной российской доктрине как морально-правовой императив согласованности.

Эстоппель не может применяться и в тех случаях, когда поведение стороны обусловлено вынужденными обстоятельствами, например необходимостью исполнения публичных обязанностей или действиями под влиянием угрозы – в таких ситуациях сохраняется пространство для пересмотра позиции без утраты права на возражение. Правоприменитель исходит из того, что если лицо объективно не могло предвидеть последствий своих действий или действовало под давлением, его последующее изменение позиции не рассматривается как противоречивое. Так, предел действия принципа очерчивается не только внешними запретами, но и внутренними обстоятельствами формирования воли.

Нельзя не отметить и пределы институционального характера. Эстоппель не может использоваться как универсальное средство защиты от всех форм недобросовестности, поскольку он направлен на устранение противоречивости, не заменяя при этом институты недействительности сделок, реституции или возмещения вреда. По нашему мнению, попытка расширить сферу принципа эстоппель до уровня общего деликта доверия чревата размыванием критериев правовой

определенности. Как справедливо указывает Р.Е. Коренченко, избыточное применение эстоппеля превращает его из инструмента стабилизации оборота в средство неопределенности, поскольку каждая сторона начинает оценивать риск утраты права не по закону, а по субъективному восприятию справедливости [5], следовательно, пределом принципа является его собственная функция – поддержание, а не разрушение устойчивости.

Применительно к гражданскому праву пределы действия эстоппеля также проявляются в различии между материальной и процессуальной его природой. Материальный эстоппель направлен на защиту доверия в рамках сделки или обязательства, процессуальный же регулирует поведение сторон в процессе доказывания, вследствие чего перенос стандартов процессуального эстоппеля в материально-правовую сферу недопустим, поскольку это приводит к отождествлению процессуальной преклюзии с ограничением субъективного права. В материальном праве эстоппель имеет не доказательственное, а охранительное значение, и потому не может рассматриваться как санкция в процессуальном смысле.

Обращаясь к правоприменительной практике можно выделить Апелляционное определение Новосибирского областного суда от 16.10.2025 по делу №33-8103/2025, в котором прямо разграничивается материально-правовой и процессуальный эстоппель. Так, по делу о взыскании страхового возмещения компания-ответчик до вынесения решения добровольно произвела часть выплаты, тем самым признав обоснованность требований, однако в апелляции та же компания стала оспаривать сам факт нарушения и правильность расчетов. Суд апелляционной инстанции отклонил данные доводы, указав на нарушение принципа процессуального эстоппеля: сторона, признавшая факт добровольным исполнением, лишается права в последующем судебном процессе занимать противоположную позицию, что предотвращает злоупотребление процессуальными правами и обеспечивает стабильность процесса.

Еще один аспект процессуального эстоппеля, направленный на предотвращение злоупотреблений непосредственно в ходе судебного разбирательства, раскрывает Апелляционное определение Тверского областного суда от 30.09.2025 по делу №33-3248/2025. По иску о взыскании средств за несостоявшийся тур ответчик (туроператор) в первой инстанции утверждал, что удержанная сумма представляет собой стоимость полного пансиона за весь период, однако в апелляции, не меняя размера этой суммы, стал настаивать, что она покрывает лишь стоимость проживания за часть срока. Суд апелляционной инстанции квалифицировал такие действия как недобросовестное процессуальное поведение, приводящее к утрате права на возражения. Кардинальное изменение объяснения одной и той же суммы без объективных причин, направленное на усложнение процесса и введение суда в заблуждение, было расценено как нарушение принципа процессуальной последовательности (venire contra factum proprium). Данный пример показывает, что эстоппель служит не только защите доверия контрагента, но и обеспечивает чистоту, предсказуемость и эффективность самого отправления правосудия, ограничивая возможности недобросовестного маневрирования процессуальными позициями.

В данной связи показательна позиция К.В. Нама, который подчеркивал, что ограничение права через эстоппель допустимо лишь тогда, когда поведение стороны выходит за пределы нормальной реализации права и приобретает признаки противоречивости, подрывающей доверие [6]. Такой подход позволяет отделить эстоппель от злоупотребления правом, сохранив его автономную нормативную функцию. Эстоппель действует превентивно, предотвращая возникновение конфликта, тогда как злоупотребление устраняет последствия уже совершенного нарушения.

Таким образом, пределы действия принципа эстоппель очерчиваются тремя основными векторами: законностью, добросовестностью и справедливостью. Законность устанавливает внешние рамки, добросовестность определяет субъективную меру поведения, а справедливость обеспечивает аксиологическую корректировку между ними, и именно три этих вектора создают динамическое равновесие, в котором эстоппель выступает как средство гармонизации частной инициативы и правопорядка. Эстоппель не блокирует волю субъекта, а связывает ее с ответственностью за предсказуемость последствий.

Предел действия эстоппеля, связанный с добросовестностью демонстрирует, например, Апелляционное определение Свердловского областного суда от 15.10.2025 по делу №33-13611/2025. Согласно материалам дела ответчики пытались применить эстоппель против истицы, утверждая, что она сама согласилась на фиктивную регистрацию автомобиля на другое лицо, однако суд отклонил данный довод, указав, что эстоппель не может служить защите изначально недобросовестной схемы, направленной на сокрытие имущества. Обращение гражданина в суд за защитой своего реального, но нарушенного фиктивной сделкой права не образует противоречивого поведения, а, напротив, направлено на восстановление справедливости. Таким

образом, принцип эстоппель не применяется, когда он блокирует восстановление нарушенного права и защищает недобросовестность.

Обсуждение

Механизм действия принципа эстоппель в гражданском праве представляет собой особую форму правового самоограничения, при котором сама структура поведения стороны становится источником юридических последствий. Если традиционные нормы материального права связывают возникновение, изменение и прекращение прав с актами воли, то эстоппель переносит акцент на согласованность этих актов во времени, иными словами, не содержание права, а логика поведения приобретает решающее значение. Данная особенность обусловливает его уникальную роль в системе частного права: эстоппель действует не через внешнее предписание, а через внутреннюю непротиворечивость поведения, которая оценивается ретроспективно и служит мерилом доверия в отношениях сторон.

В отличие от традиционных правовых механизмов, действие эстоппеля не начинается с юридического факта, а вытекает из определенной последовательности действий, в которых одно поведение становится критерием оценки другого, и именно поэтому его реализация требует трехэтапной логики:

– на первом уровне фиксируется исходная позиция стороны – выражение воли, формирующее ожидание;
– на втором уровне происходит реализация доверия контрагентом – совершение действий, основанных на данной позиции;
– на третьем уровне наступает момент проверки последовательности: изменение позиции первой стороны после того, как вторая сторона действовала в доверии, приводит к активации механизма эстоппеля.

Следовательно, его действие строится на временной и причинной связи между поведением и доверием.

Элементарной формой реализации данного механизма в процессуальной сфере выступает ситуация, когда пассивность стороны трактуется как молчаливое согласие с доводами оппонента. Ярким примером служит решение Светлоярского районного суда Волгоградской области от 14.10.2025 по делу №2-819/2025 о взыскании задолженности по микрозайму. Ответчик, будучи надлежаще извещенной, не явилась в суд и не представила возражений против расчетов и доказательств истца. Суд, сославшись на распределение бремени доказывания, констатировал, что такое процессуальное бездействие было истолковано как признание представленных истцом обстоятельств. Тем самым молчание ответчика выполнило функцию акта воли, породившего доверие истца к бесспорности его требований, а последующая проверка последовательности выявила противоречие в виде потенциального последующего оспаривания уже признанных фактов, что привело к реализации эстоппеля – принятию судом доказательств истца как неоспоренных и достоверных.

Данная логика получила нормативное отражение в ряде положений Гражданского кодекса РФ, причем наиболее показателен п.5 ст.166 ГК РФ, в котором закреплено, что заявление о недействительности сделки не имеет правового значения, если лицо действует недобросовестно, в частности, когда его поведение после заключения сделки давало основания полагаться на ее действительность. Данная формулировка содержит в свернутом виде все элементы механизма эстоппеля:

1) наличие первоначального поведения (заключение сделки);
2) формирование доверия (основания полагаться на действительность);
3) недобросовестное изменение позиции (оспаривание).

Судебная практика, развивая данный подход, систематически использует эстоппель как способ блокирования противоречивых требований. Например, в Определении Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 14.06.2016 по делу №306-ЭС16-606, А55-10730/2014 суд отказал в признании недействительным государственного контракта, указав, что истец сам своими действиями создал видимость правомерного исполнения и тем самым утратил право ссылаться на нарушение законодательства.

Применение эстоппеля в наследственных правоотношениях демонстрирует Апелляционное определение Верховного Суда Республики Коми от 11.09.2025 по делу № 33-4466/2025. Согласно материалам дела Ковалева В.А. в 2019 году в суде утверждала, что наследников на квартиру нет и имущество является выморочным, тогда как в 2025 году заняла противоположную позицию, заявляя о фактическом принятии наследства после смерти сына. Суд отказал в иске, применив эстоппель: первоначальное поведение истицы создало у администрации разумное ожидание, что она не будет реализовывать права на имущество, а кардинальная смена правовой позиции спустя годы нарушала принцип последовательности поведения и добросовестности.

Таким образом, механизм действия эстоппеля имманентно присутствует в нормах, предусматривающих санкцию за недобросовестность,

причем его реализация всегда контекстуальна: суд оценивает совокупность фактов, выявляя причинную связь между поведением и доверием. Как подчеркивает Ж.И. Седова, эстоппель действует не как формальная норма, а как функциональная матрица, посредством которой право восстанавливает согласованность оборота [8]. С данной точки зрения, применение эстоппеля – это не отказ в праве, а отказ в возможности извлечь выгоду из нарушения внутренней логики поведения.

Особенность механизма эстоппеля заключается также в том, что он функционирует как «отрицательное право» – лишение возможности на определенное действие вследствие ранее проявленного поведения. В отличие от позитивных прав, которые предоставляют субъекту возможность действовать, эстоппель вводит коррективу в сферу дозволенного, исключая возможность противопоставления прежних утверждений, в чем проявляется сходство с римской конструкцией «protestatio facto contraria non valet» (с лат. «протест, противоречащий собственному действию, недействителен»), которая изначально применялась для защиты правовых ожиданий. Однако современное понимание механизма эстоппеля выходит за рамки формальной преклюзии: речь идет о морально-правовой санкции, основанной на уважении к собственным действиям и на доверии к их правовым последствиям.

Следует отметить, что применение эстоппеля всегда предполагает двойную оценку поведения: объективную (со стороны разумного наблюдателя) и субъективную (исходя из конкретных обстоятельств дела). Если на объективном уровне суд оценивает, могло ли поведение стороны разумно породить доверие, то на субъективном уровне – имело ли место реальное формирование ожиданий и последующее их нарушение. Такое сочетание позволяет избежать механического применения принципа и сохранить его ценностный баланс. Как отмечает Н.В. Зайцева, эстоппель – это не санкция, а система нравственно-правового фильтра [4], которая не допускает, чтобы воля и интерес использовались произвольно и без оглядки на собственное прошлое.

Отдельного внимания заслуживает вопрос о ретроспективном характере механизма. В отличие от принципов, действующих превентивно (например, добросовестность при заключении договора), эстоппель активируется постфактум, то есть при изменении позиции, что превращает его в своеобразный инструмент юридической памяти, корректирующий внутренние противоречия в поведении сторон. Применение принципа эстоппель напоминает судебный «рефлекс»: право реагирует на диссонанс между прошлым и настоящим, устраняя нарушение симметрии ожиданий, и такая реактивная природа придает эстоппелю черты гибкости и адаптивности – он не требует заранее формулированного правила, а вырабатывается как ответ на конкретное нарушение последовательности.

Существенное значение для понимания механизма эстоппеля имеет различие между его декларативной и конститутивной функциями. Если в первом случае суд констатирует, что определенное право не может быть реализовано из-за противоречивости поведения, то во втором – фиксирует правовое последствие: например, признание сделки действительной или невозможность ее расторжения. Российская практика чаще всего реализует эстоппель в декларативной форме (через отказ в защите права), однако тенденция последних лет указывает на постепенное усиление конститутивной функции: суды не просто отказывают в иске, но формируют позитивное последствие для добросовестной стороны (например, сохранение действительности договора, признание права собственности), что свидетельствует о развитии механизма от негативного фильтра к инструменту стабилизации.

В доктрине постепенно складывается представление о том, что механизм эстоппеля должен рассматриваться как элемент «внутренней регуляции обязательства». По мнению П.Д. Портяновой, эстоппель функционирует как «сдерживающий клапан» системы: он предотвращает разрушение баланса, не вмешиваясь в структуру прав и обязанностей, его действие направлено на сохранение коммуникационной последовательности между сторонами, что делает его аналогом правового эквивалента принципа обратной связи в кибернетике – система реагирует на отклонение, восстанавливая исходное равновесие, что в гражданском обороте это выражается в обеспечении доверия, которое становится фактором эквивалентности обмена [7].

Таким образом, механизм действия эстоппеля имеет трехуровневую структуру: активация (возникновение доверия), проверка (изменение позиции и выявление противоречия) и реализация (отказ в защите права или закрепление противоположного результата), при этом каждый из уровней связан с принципом добросовестности как с нормативным ядром. Право не оценивает внутренние мотивы субъекта, однако анализирует объективное выражение его поведения и именно в этом проявляется отличие эстоппеля от этических категорий. Эстоппель не требует моральной оценки, однако придает юридическое значение факту согласованности действий.

Заключение

Завершая анализ, следует подчеркнуть, что принцип эстоппель выполняет в российском гражданском правопорядке роль институционального стабилизатора, ограничивая произвольность, обеспечивая баланс между автономией и предсказуемостью, а также создавая механизм доверительной интеграции – состояние, при котором каждое поведение становится вкладом в общую устойчивость правового поля. Системный смысл заключается в том, что эстоппель не только регулирует отдельные случаи, но и формирует культурный код современного частного права, в котором последовательность поведения приобретает значение права как формы ответственности перед собственным прошлым.

Список литературы:

[1] Бурибаев Т.Н. Эстоппель как специальный механизм защиты доверия / Т.Н. Бурибаев, А.А. Гачина // Образование и право. – 2020. – №3. – С.183-191.

[2] Грибов Н.Д. Преклюзия в гражданском и административном судопроизводстве / Н.Д. Грибов // Российское правосудие. – 2022. – №3. – С.38-43.

[3] Дубинина И.А. «Эстоппель» как проявление принципа справедливости в гражданском праве Российской Федерации / И.А. Дубинина // Право и управление. – 2024. – №4. – С.89-94.

[4] Зайцева Н.В. Формирование концепции субъективного фактора в частноправовых отношениях в законодательстве России и зарубежных государств : дисс. ... д-ра юрид. наук: 5.1.3. / Н.В. Зайцева. – Москва, 2023. – 466с.

[5] Коренченко Р.Е. Добросовестность в гражданском судопроизводстве: дисс. ... канд. юрид. наук: 5.1.3. / Р.Е. Коренченко. – Саратов, 2024. – 209с.

[6] Нам К.В. Эстоппель в контексте принципа добросовестности / К.В. Нам // Закон. – 2020. – №4. – С.38-46.

[7] Портянова П.Д. Дефекты института гражданско-правовой защиты: монография / П.Д. Портянова; под ред. Г.С. Демидовой. – М.: Юрлитинформ, 2022. – 158с.

[8] Седова Ж.И. Международно-правовой принцип добросовестности как основа регулирования частноправовых отношений: дисс. ... д-ра юрид. наук: 5.1.5; 5.1.3. / Ж.И. Седова. – Москва, 2024. – 569с.

[9] Сорокин А.И. Процессуальный эстоппель / А.И. Сорокин // Международный научно-исследовательский журнал. – 2015. – №7-3(38). – С.137-138.

[10] Сорокина Ю.А. Эстоппель и неосуществление права / Ю.А. Сорокина // Юридические исследования. – 2020. – №3. – С.1-10.

[11] Ступин П.А. Принцип добросовестности в спорах о правах на недвижимость с участием государственных органов / П.А. Ступин // Российская юстиция. – 2024. – №10. – С.71-80.

[12] Тарасов И.А. Правила применения принципа «эстоппель» в гражданском процессе / И.А. Тарасов // International Law Journal. – 2022. – Т.5. – №6. – С.104-107

[13] Шишкина М.А. Эстоппель в делах о банкротстве / М.А. Шишкина, К.А. Беляева // Аграрное и земельное право. – 2024. – №1(229). – С.198-199.

[14] Якушева Е.Е. Принцип эстоппеля в гражданском праве как механизм предотвращения противоречивого поведения / Е.Е. Якушева // Lex Russica (Русский закон). – 2023. – Т.76. – №8(201). – С.52-66.

[15] Яхимович А.В. Некоторые аспекты проблемы доказывания estoppel в гражданском судопроизводстве / А.В. Яхимович // Законодательство. – 2021. – №8. – С.42-47.

[16] Яхимович А.В. Эстоппель в гражданском судопроизводстве: дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.15 / А.В. Яхимович. – Москва, 2022. – 226с.

References:

[1] Buribaev T.N. Estoppel as a special mechanism for protecting trust/T.N. Buribaev, A.A. Gachina// Education and law. – 2020. – №3. - P.183-191.

[2] Gribov N.D. Preclusion in civil and administrative proceedings/N.D. Gribov//Russian justice. – 2022. – №3. - S.38-43.

[3] Dubinina I.A. “Estoppel” as a manifestation of the principle of justice in civil law of the Russian Federation/I.A. Dubinina//Law and management. – 2024. – №4. - S.89-94.

[4] Zaitseva N.V. Formation of the concept of subjective factor in private law relations in the legislation of Russia and foreign countries: diss.... Dr. Jurid. Sciences: 5.1.3 ./N.V. Zaitseva. - Moscow, 2023. - 466s.

[5] Korenchenko R.E. Good faith in civil proceedings: diss.... cand. jurid. Sciences: 5.1.3 ./R.E. Korenchenko. - Saratov, 2024. - 209s.

[6] Nam K.V. Estoppel in the context of the principle of good faith/K.V. Nam//Law. – 2020. – №4. - S.38-46.

[7] P.D. Portyanova. Defects of the Institute of Civil Protection: monograph/P.D. Portyanova; ed. G.S. Demidova. - M.: Yurlitinform, 2022. - 158s.

[8] Sedova J.I. The international legal principle of good faith as the basis for the regulation of private law relations: diss.... Dr. Jurid. sciences: 5.1.5; 5.1.3 ./Zh.I. Sedova. - Moscow, 2024. - 569s.

[9] Sorokin A.I. Procedural estoppel/A.I. Sorokin//International Research Journal. – 2015. – №7-3(38). - P.137-138.

[10] Sorokina Yu.A. Estoppel and non-exercise of law/Yu.A. Sorokina//Legal research. – 2020. – №3. - S.1-10.

[11] Stupin P.A. The principle of good faith in disputes over real estate rights involving state bodies/P.A. Stupin//Russian Justice. – 2024. – №10. - S.71-80.

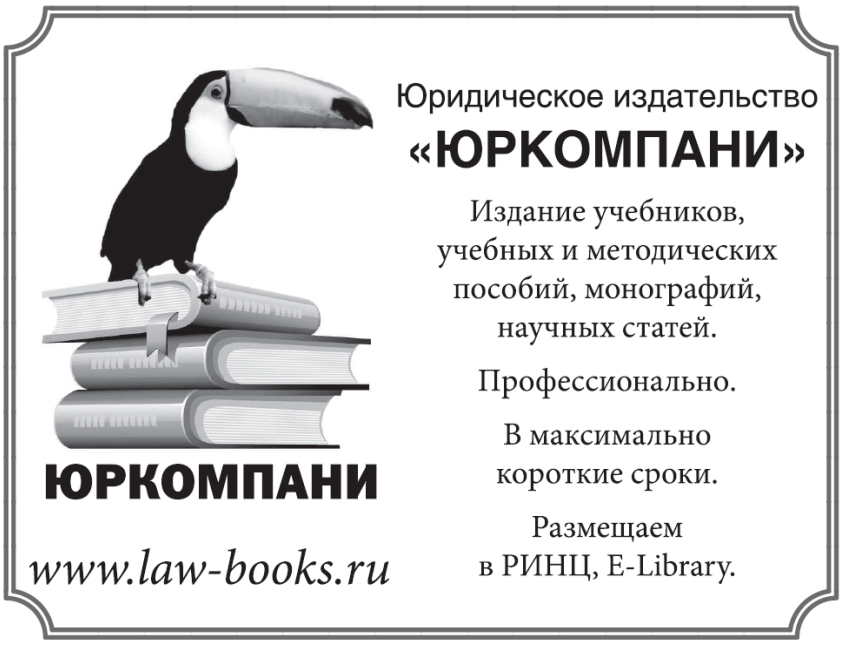
[12] Tarasov I.A. Rules for the application of the principle of "estoppel" in civil proceedings/I.A. Tarasov//International Law Journal. – 2022. - T.5. – №6. - P.104-107

[13] Shishkina M.A. Estoppel in bankruptcy cases/M.A. Shishkina, K.A. Belyaeva//Agrarian and land law. – 2024. – №1(229). - P.198-199.

[14] Yakusheva E.E. The principle of estoppel in civil law as a mechanism for preventing contradictory behavior/E.E. Yakusheva//Lex Russica (Russian law). – 2023. - T.76. – №8(201). - S.52-66.

[15] A.V. Yakhimovich. Some aspects of the problem of proving estoppel in civil proceedings/ A.V. Yakhimovich//Legislation. – 2021. – №8. - S.42-47.

[16] Yakhimovich A.V. Estoppel in civil proceedings: diss.... cand. jurid. Sciences: 12.00.15/A.V. Yakhimovich. - Moscow, 2022. - 226s.

Дата поступления рукописи в редакцию: 09.04.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.05.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3830-2026-4-336-341

БАРЫШНИКОВ Марат Юрьевич,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры гражданского и предпринимательского права
Всероссийского государственного университета юстиции
(РПА Минюста России), г. Москва,
e-mail: marat210374@yandex.ru

ЧАСТНОПРАВОВЫЕ И ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ ИНТЕРЕСЫ И СРЕДСТВА РЕГУЛИРОВАНИЯ В СФЕРЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Аннотация. *В настоящей научной статье автор рассматривает особенности частноправовых и публично-правовых интересов и средств регулирования в сфере предпринимательской деятельности. Автор научной работы кратко исследует применяемые отечественным законодателем правовые инструменты, обращает внимание на их эффективность с законодательной точки зрения, отмечает актуальные правовые проблемы, перспективы развития. В заключении научной статьи автор также пишет о высокой актуальности частноправовых и публично-правовых интересов и средств регулирования в сфере предпринимательской деятельности для современной науки и практики, особенно в их гармоничном сочетании. Объектом исследования являются особенности частноправовых и публично-правовых интересов и средств регулирования в сфере предпринимательской деятельности. Целью исследования является комплексный, последовательный анализ особенностей частноправовых и публично-правовых интересов и средств регулирования в сфере предпринимательской деятельности. Методы исследования: формально-юридический, компаративистский, сравнительный анализ, диалектический, обобщение, конкретизация, систематизация и системный метод, дедукция, иные методы теоретического и практического уровней научного познания. Научная новизна исследования заключается в подготовке комплексного исследования, формировании авторских выводов относительно особенностей частноправовых и публично-правовых интересов и средств регулирования в сфере предпринимательской деятельности. Данная научная статья, таким образом, будет полезна теоретикам, практикам, обучающимся и профессорско-преподавательскому составу гуманитарных и иных направлений подготовки, а также более широкому кругу читателей, интересующихся особенностями правового регулирования института предпринимательской деятельности в современном российском праве.*

Ключевые слова: *предпринимательство, предпринимательская деятельность, правовое регулирование, частноправовые средства, публично-правовые средства, правоприменительная практика, предпринимательское право России.*

BARYSHNIKOV Marat Yuryevich,
Candidate of Law, Associate Professor of the Department
of Civil and Business Law of the All-Russian State University of Justice
(RPA Ministry of Justice of Russia), Moscow

PRIVATE AND PUBLIC LAW INTERESTS AND MEANS OF REGULATION IN THE SPHERE OF ENTREPRENEURIAL ACTIVITY

Annotation. *In this scientific article, the author examines the features of private and public law interests and means of regulation in the field of entrepreneurial activity. The author of the scientific work briefly examines the legal instruments used by the domestic legislator, draws attention to their effectiveness from a legislative point of view, notes current legal problems and development prospects. In the conclusion of the scientific article, the author also writes about the high relevance of private and public law interests and means of regulation in the field of entrepreneurial activity for modern science and practice, especially in their harmonious combination. The object of the research is the peculiarities of private and public law interests and means of regulation in the field of*

entrepreneurial activity. The aim of the study is a comprehensive, consistent analysis of the features of private and public law interests and means of regulation in the field of entrepreneurial activity. Research methods: formal legal, comparative, comparative analysis, dialectical, generalization, concretization, systematization and system method, deduction, other methods of theoretical and practical levels of scientific knowledge. The scientific novelty of the research consists in the preparation of a comprehensive study, the formation of author's conclusions on the features of private and public law interests and means of regulation in the field of entrepreneurial activity. This scientific article, therefore, will be useful for theorists, practitioners, students and teaching staff in the humanities and other fields of study, as well as for a wider range of readers interested in the peculiarities of legal regulation of the institute of entrepreneurial activity in modern Russian law.

Key words: *entrepreneurship, entrepreneurial activity, legal regulation, private legal means, public legal means, law enforcement practice, business law of Russia.*

Предпринимательская деятельность, согласно п. 1 ст. 2 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ), – это самостоятельная, осуществляемая на свой риск деятельность, направленная на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг лицами, зарегистрированными в этом качестве в установленном законом порядке. Отдельно гражданское законодательство рассматривает ведение предпринимательской деятельности различными субъектами – к примеру, ст. 23 ГК РФ регламентирует осуществление предпринимательской деятельности гражданином.

Сложный, комплексный характер предпринимательской деятельности выражается и в инструментах правового регулирования, при этом ключевым признаком в указанной совокупности эксперты выделяют систематичный характер осуществления предпринимательской деятельности и, соответственно, получения прибыли (например, Определение Пятого КСОЮ от 04.04.2022 г. № 16-717/2022 и др.) [1].

Еще одна существенная причина многогранности средств регулирования в данной области – это качественное усложнение самих по себе экономических связей, изменение специфики, а также постоянное их совершенствование и обновление. Таким образом, возникает объективная необходимость в сочетании частноправовых и публично-правовых средств и инструментов правового регулирования. На это обращают внимание и практикующие специалисты, и представители научного сообщества.

Так, к примеру, А.И. Голубничий в своих научных работах отмечает, что в рассматриваемом контексте «камнем преткновения» выступает установленная свобода предпринимательства, причем именно законодательно определенная. Автор пишет, что в реальности свобода осуществления предпринимательской деятельности, регламентируемая и якобы предоставляемая государством, тем не менее, существенно ограничена публичными интересами, корректируется ими, а потому не является естественно абсолютной. Причину этого исследователь видит в том, что сама по себе предпринимательская деятельность не может быть реализована без социального, системного взаимодействия с обществом, а значит, и без постоянного контроля со стороны государства как публично-правового субъекта. В конечном итоге, с А.И. Голубничим можно согласиться в том, что предпринимательская деятельность с точки зрения средств и интересов правового регулирования имеет ключевой целью формирование такой системы правоотношений, при которой частные интересы должны быть четко синхронизированы с публичными, что происходит для достижения «общего блага» [11].

Отметим, что подобной позиции придерживается и ряд других ученых-правоведов [2; 4].

Таким образом, предпринимательская деятельность в контексте средств и интересов правового регулирования сочетает в себе частноправовые и публично-правовые инструменты, а именно:

Частноправовые: договоры; сделки; корпоративные правоотношения; право собственности и т.д. [6; 10]

Публично-правовые: нормативно-правовое регулирование; государственные регистрация и лицензирование; меры контроля и надзора со стороны государства и общества; антимонопольное регулирование; иное (*схема 1*) [2; 9].

Отметим, что публично-правовые инструменты также сочетают в себе публичное и частное [10]. С одной стороны, мы имеем общего рода правовое регулирование, общие требования и условия к осуществлению процедур лицензирования и регистрации, которые актуальны и для предпринимательской деятельности в т.ч. Одновременно речь идет о более точечном правовом регулировании, о наличии специальных правовых норм, регламентирующих исключительно предпринимательство, причем нередко в конкретно установленной сфере.

Проанализируем далее кратко некоторые из перечисленных выше инструментов.

К примеру, нормативно-правовые источники. Прежде всего, это нормы Конституции РФ,

Схема 1. Публично-правовые инструменты регулирования предпринимательской деятельности

а, главным образом, положения ст. 34 документа, которая закрепляет право каждого гражданина РФ на свободное использование своих способностей и имущества для осуществления предпринимательской деятельности, не запрещенной законодательством РФ. Значимой выступает ч. 2 данной статьи, которая устанавливает прямой запрет на процессы монополизации и недобросовестной конкуренции, т.е., выступает неким гарантом свободы осуществления предпринимательской деятельности как таковой.

Если говорить об иных источниках правового регулирования, то здесь нельзя упомянуть какой-то один профильный источник, т.к. кодифицированный правовой акт, регламентирующий предпринимательскую деятельность, в настоящее время отсутствует (в отличие, к примеру, от Республики Беларусь, где действуют и Банковский, и Предпринимательский кодексы, это можно наблюдать и в ряде других государств). Сегодня правовое регулирование предпринимательской деятельности – это система комплексных правовых источников различного уровня (в т.ч. уровня субъектов РФ и муниципалитетов), включающая профильные нормы права. В качестве примеров можно привести, в частности, ГК РФ, Налоговый кодекс РФ, ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в РФ», Указы Президента РФ «О мерах по устранению административных барьеров при развитии предпринимательства» и «О мерах по дальнейшему развитию малого и среднего предпринимательства», ФЗ «О защите прав юридических лиц и ИП при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» и т.д. Кроме того, необходимо упомянуть и источники в правоприменительной практике, в той или иной степени влияющие на формирование профильного правового регулирования – к примеру, это Постановление Пленума ВС РФ «О судебной практике по делам о незаконном предпринимательстве» [11].

Эффективными публично-правовыми инструментами выступают меры государственной регистрации и лицензирования. Так, одной из значимых задач, которую решают данные средства, выступает повышение качества реализуемых предпринимателями товаров, работ, услуг, отсев недобросовестных производителей, продавцов и т.д. через формирование строгого контрольного механизма. Кроме того, можно обозначить следующие задачи в правовом регулировании, решаемые с помощью инструментов государственной регистрации и лицензирования:

– легитимация и легализация субъектов предпринимательской деятельности;
– обеспечение открытости, прозрачности рынка;
– защита и охрана публичных интересов (в т.ч. это интересы государства);
– ограничение доступа к особо опасным или социально значимым видам деятельности;
– иное.

Сегодня государственной регистрации подлежит любая разновидность предпринимательской деятельности, реализуемая легальным образом, а процедура лицензирования распространяется на довольно широкий перечень сфер экономической активности. И с экономической, и с правовой точек зрения оба инструмента выступают стабильными, эффективными, актуальными для современной отечественной экономики.

Антимонопольное регулирование – значимый элемент правового регулирования предпринимательской деятельности, обязательная составляющая рыночной экономики и демократической формы правления государства, заключается в формировании нормативно-правовой базы и правоприменения, способствующих развитию конкуренции, отсутствию монополистов и в целом потенциала на возникновение монополий, содействующих совершенствованию предпринимательской деятельности, ее развитию.

Для предпринимательской деятельности конкуренция – это еще и контрольно-надзорный инструмент, влияющий, к примеру, на повышение качества производимой продукции, товаров, работ или услуг, ведь потребитель всегда может найти производителя лучше, дешевле и т.д. Поэтому значимость антимонопольных инструментов на практике проявляется в различных вариантах.

Проанализируем далее также некоторые частноправовые инструменты. К примеру, это договорные правоотношения [1; 6]. Качественным преимуществом в данном случае выступает возможность сторон самостоятельно устанавливать правила, по которым будут реализованы те или иные правоотношения. Кроме того, плюсами такой формы взаимодействия являются индивидуальная регламентация, эффективность юридической защиты, диверсификация рисков и т.д. При этом, как известно, содержание договора не может противоречить нормам законодательства, – в данном случае превалирующим выступает правовое регулирование, что является ярким примером сочетания публично-правовых и частноправовых начал. В целом, экономисты отмечают, что договоры и сделки следует рассматривать в равной степени и как средство правового регулирования предпринимательской деятельности, и как инструмент управления, защиты интересов предпринимателя.

Право собственности выступает одним из базовых понятий в контексте развития предпринимательской деятельности, поскольку с помощью права собственности формируется имущественная основа для ведения предпринимательской деятельности, оно выступает базой для ее дальнейшего планирования и реализации. Важно, что право собственности – комплексный термин гражданского права, включает в себя не только лишь имущество, но также и ряд иных активов. Для предпринимателя право собственности – не только собственная финансовая устойчивость, но и ответственность по обязательствам, что впоследствии стимулирует осуществление добросовестной предпринимательской деятельности, защиту интересов контрагентов и т.д. Ст. 8 Конституции РФ, закрепляющая наличие в России различных видов собственности, существенно способствует развитию предпринимательской деятельности, расширяет экономические возможности для ведения бизнеса [3; 10].

Как уже отмечалось, на практике можно наблюдать и другие частноправовые инструменты регулирования.

Обратим внимание, что сегодня в теории предпринимательского права актуальной остается дискуссия о том, в чем заключается разница между частными и публичными интересами, каким образом проводится граница между указанными терминами [2; 4].

С одной стороны, очевидным выступает факт, что частные интересы связаны с личными потребностями субъектов правоотношений, т.е., их можно персонализировать, идентифицировать. Публичные интересы, соответственно, носят более абстрактный, общий характер, их невозможно отождествить с какой-либо конкретной личностью, конкретным субъектом. Важно, что публичные интересы следует отличать от общественных, которые касаются какой-либо группы лиц, всего общества в целом, но напрямую не отождествляются с публично-правовым субъектом, т.е., публичный характер в традиционном его понимании не носят [11].

В связи с этим, актуален вопрос, являются ли активно применяемые на практике средства регулирования исключительно частными или публичными, возможно ли это в действительности? Так, например, в теории права продолжается дискуссия о том, какой характер носят общественные интересы. С одной стороны, как уже отмечалось выше, за общественными интересами в более глобальном виде стоит социум, общество, т.е., определенная группа лиц. Однако каждый представитель общества – индивидуальный субъект, обладающий собственными характеристиками. Таким образом, общество – это некая совокупность субъектов, каждый из которых носит частный характер, а значит, представляет собственные, частные интересы. Можно ли в таком случае говорить о том, что общественные интересы следует строго отнести к частной или публичной сфере правоотношений? Полагаем, справедливым будет вариант частнопубличного порядка.

Аналогичным образом следует, на наш взгляд, анализировать и некоторые средства

регулирования – к примеру, нормативно-правовые источники, речь о которых ранее уже велась. С одной стороны, мы наблюдаем акт волеизъявления публично-правового субъекта, в котором выражается его воля, обязательная для исполнения любым лицом, находящимся на территории государства. С другой стороны, предпринимательская деятельность регламентируется крайне широким перечнем разного рода правовых источников, многие из которых носят локальный характер, а потому распространяются на ограниченный круг субъектов. В конечном итоге, и в подобной ситуации, на наш взгляд, следует говорить о гармоничном сочетании частного и публичного [10].

Таким образом, частные интересы в данном случае можно определить как охраняемые правом интересы, присущие конкретным лицам и социальным группам. Публичные интересы, соответственно, можно рассматривать как охраняемые правом общественные и государственные интересы [2].

Иными словами, в рассматриваемом контексте справедливым будет рассматривать правовое регулирование предпринимательской деятельности как гармоничное сочетание частных и публичных инструментов и средств. Этому способствуют характеристики предпринимательской деятельности как таковой, ее правовые и экономические особенности. Важно, что оба элемента системы являются обязательными – как видно из приведенных выше примеров, без частного или без публичного эффективное регулирование предпринимательской деятельности становится невозможным.

В этом, собственно, как справедливо замечают ученые-правоведы, и заключаются особенности предпринимательского права, правового регулирования предпринимательской деятельности с точки зрения деления права на частное и публичное [4; 10].

Кратко обозначим ключевые выводы по теме представленного научного исследования.

Предметом изучения в настоящей научной статье стали частноправовые и публично-правовые средства и интересы регулирования предпринимательской деятельности.

Так, в работе отмечается, что предпринимательская деятельность в настоящее время регламентируется широким перечнем различных инструментов, которые в более общем виде можно подразделить на 2 группы, а именно:

1. Частноправовые: договоры; сделки; корпоративные правоотношения; право собственности; иное.
2. Публично-правовые: нормативно-правовое регулирование; государственные регистрация и лицензирование; меры контроля и надзора со стороны государства и общества; антимонопольное регулирование; иное.

Автор научной статьи также кратко исследует некоторые из приведенных в перечне инструментов, отмечает их преимущества и недостатки, перспективы развития. Особое внимание автор уделяет нормативно-правовым источникам, их роли в данной системе.

Далее автор работы указывает также на наличие дискуссии среди ученых-теоретиков, посвященной сущности частных и публичных интересов, их соотношению, особой роли в данной системе общественных интересов. В результате проведенного научно-практического исследования автор приходит к выводу, что правовое регулирование предпринимательской деятельности в отечественном праве представляется эффективным только через гармоничное сочетание частных и публичных средств и инструментов.

Автор работы полагает, что в дальнейшем данная тенденция только усилится.

Список литературы:

[1] Герасимов, О.А. Эффективность правового регулирования предпринимательской деятельности в реальном секторе экономики России: дисс. д.ю.н. : 5.1.3. / Герасимов, Олег Анатольевич. – Екатеринбург, 2022. 472 с.

[2] Курбатов, А.Я. Теоретические основы сочетания частных и публичных интересов при правовом регулировании предпринимательской деятельности [Электронный ресурс] Режим доступа: URL: https://www.cfin.ru/press/black/2001-1/03_01_kurbatoff2.shtml

[3] Михайлов, А.В. Особенности приемов, способов и средств правового регулирования предпринимательской деятельности // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. – 2025. – № 10. – С. 56-67.

[4] Мотуренко, С.М. Предпринимательская деятельность в современных реалиях: публично-правовые и частноправовые аспекты // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. – 2023. – № 11. – С. 15-27.

[5] Рубцова, Н.В., Чумакова, Л.П. Некоторые особенности правового регулирования предпринимательской деятельности в контексте цифровой экономики // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2018. – № 8. – С. 94-98.

[6] Рубцова, Н.В. Договорное правовое регулирование предпринимательской деятельности. Монография. – М.: РУСАЙНС, 2018. – 168 с.

[7] Рубцова, Н.В. О соотношении механизма и метода правового регулирования предпринима-

тельской деятельности // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия Гуманитарные и общественные науки. – 2019. – Т. 3. – № 2 (10). – С. 181–187.

[8] Рубцова, Н.В. Механизм правового регулирования предпринимательской деятельности : дисс. д.ю.н. : 5.1.3. / Рубцова, Наталья Васильевна. – Екатеринбург, 2023. – 477 с.

[9] Сиразеев, Р.Р. К вопросу о содержании категории «поддержка субъектов малого и среднего предпринимательства»: цивилистический аспект // Вестник экономики, права и социологии. 2024. № 15. С. 100-107.

[10] Шувалов, И.И. Соотношение частных и публичных интересов при правовом регулировании предпринимательской деятельности // Экономика. Право. Общество. 2022. № 7 (1). С. 21-28.

[11] Abramov, V.Yu. Legal regulation of new types of entrepreneurial activity: practical guide / V. Yu. Abramov, Yu.V. Abramov. – M.: Yustitsinform, 2023. – 320 p.

References:

[1] Gerasimov, O.A. Effectiveness of legal regulation of entrepreneurial activity in the real sector of the Russian economy: diss. Doctor of Legal Sciences: 5.1.3 ./Gerasimov, Oleg Anatolyevich. - Yekaterinburg, 2022. 472 s.

[2] Kurbatov, A.Ya. Theoretical foundations of the combination of private and public interests in the legal regulation of entrepreneurial activity [Electronic resource] Access mode: URL: https://www.cfin.ru/press/black/2001-1/03_01_kurbatoff2.shtml

[3] Mikhailov, A.V. Features of techniques, methods and means of legal regulation of entrepreneurial activity//Legal Bulletin of Dagestan State University. – 2025. – № 10. - S. 56-67.

[4] Moturenko, S.M. Entrepreneurial activity in modern realities: public and private legal aspects// Gaps in Russian legislation. Law Journal. – 2023. – № 11. - S. 15-27.

[5] Rubtsova, N.V., Chumakova, L.P. Some features of the legal regulation of entrepreneurial activity in the context of the digital economy//Laws of Russia: experience, analysis, practice. – 2018. – № 8. - S. 94-98.

[6] Rubtsova, N.V. Contractual legal regulation of entrepreneurial activity. Monograph. - M.: RUSINES, 2018. - 168 s.

[7] Rubtsova, N.V. On the relationship between the mechanism and the method of legal regulation of entrepreneurial activity//Bulletin of Kemerovo State University. Humanities and Social Sciences series. – 2019. - VOL. 3. – № 2 (10). - S. 181-187.

[8] Rubtsova, N.V. Mechanism of legal regulation of entrepreneurial activity: diss. Doctor of Legal Sciences: 5.1.3 ./Rubtsova, Natalya Vasilievna. - Yekaterinburg, 2023. - 477 s.

[9] Sirazeev, R.R. On the content of the category “support for small and medium-sized businesses”: civil aspect//Bulletin of Economics, Law and Sociology. 2024. № 15. S. 100-107.

[10] Shuvalov, I.I. The ratio of private and public interests in the legal regulation of entrepreneurial activity//Economics. Right. Society. 2022. № 7 (1). S. 21-28.

[11] Abramov, V.Yu. Legal regulation of new types of entrepreneurial activity: practical guide / V. Yu. Abramov, Yu.V. Abramov. – M.: Yustitsinform, 2023. – 320 p.

www.law-books.ru

Юридическое издательство **«ЮРКОМПАНИ»** издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.

Дата поступления рукописи в редакцию: 01.04.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-4-342-347
Дата принятия рукописи в печать: 03.05.2026 г.

ПОТАПОВА Лариса Витальевна,
кандидат исторических наук, доцент,
доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин
Крымского юридического института (филиала)
Университета прокуратуры Российской Федерации,
ORCHID:0000-0002-6942-3162,
e-mail: polavit@yandex.ru

БИГАН Анна Сергеевна,
студент Крымского юридического института (филиала)
Университета прокуратуры Российской Федерации,
e-mail: annabigan26@mail.ru

ПРЕДОСТАВЛЕНИЕ ЗЕМЕЛЬНЫХ УЧАСТКОВ УЧАСТНИКАМ СВО КАК МЕРА СОЦИАЛЬНОЙ ПОДДЕРЖКИ: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

Аннотация. *В статье рассматривается комплексная государственная политика Российской Федерации в области социальной поддержки участников специальной военной операции и членов их семей, с акцентом на такую меру, как бесплатное предоставление земельных участков. Анализируется двухуровневая система поддержки (федеральный и региональный), а также особенности ее реализации на примере Республики Крым и других субъектов РФ. Особое внимание уделяется проблемам правоприменительной практики, включая дефицит земли в отдельных регионах, бюрократические барьеры и необоснованные отказы уполномоченных органов. На основе анализа деятельности органов прокуратуры по восстановлению нарушенных прав военнослужащих выявляются типичные нарушения. В заключение сформулированы предложения по совершенствованию механизма предоставления земельных участков, направленные на повышение эффективности и доступности данной меры социальной поддержки.*

Ключевые слова: *участники специальной военной операции, социальная поддержка, земельные участки, меры государственной поддержки, прокурорский надзор, восстановление прав, региональное законодательство, денежная компенсация, правоприменительная практика.*

POTAPOVA Larisa Vitalievna,
Associate Professor of the Department
of Civil Law Disciplines Crimean Law Institute
(branch) University of the Prosecutor's Office
of the Russian Federation,
Candidate of Historical Sciences,
Associate Professor

BIGAN Anna Sergeevna,
student of the Crimean Law Institute (branch)
University of the Prosecutor's Office
of the Russian Federation

PROVISION OF LAND PLOTS TO CBR PARTICIPANTS AS A MEASURE OF SOCIAL SUPPORT: PROBLEMS AND WAYS OF IMPROVEMENT

Annotation. *The article examines the comprehensive state policy of the Russian Federation in the field of social support for participants in a special military operation and their family members, with an emphasis on such measures as the free provision of land. A two-level support system (fed-*

eral and regional) is analyzed, as well as the specifics of its implementation using the example of the Republic of Crimea and other subjects of the Russian Federation. Special attention is paid to the problems of law enforcement practice, including the shortage of land in certain regions, bureaucratic barriers and unjustified refusals by authorized bodies. Based on the analysis of the activities of the prosecutor's office to restore the violated rights of military personnel, typical violations are identified. In conclusion, proposals are formulated to improve the mechanism for providing land plots aimed at increasing the effectiveness and accessibility of this social support measure.

Key words: *participants in a special military operation, social support, land plots, state support measures, prosecutor's supervision, restoration of rights, regional legislation, monetary compensation, law enforcement practice.*

Введение

Одним из приоритетных направлений государственной политики Российской Федерации уже на протяжении четырех лет остается поддержка, защита и восстановление прав участников специальной военной операции (СВО), а также членов их семей. Государство планомерно реализует комплекс мер по правовой и социальной защите, рассматривая это как залог социальной устойчивости и национального единства. Ежегодно на федеральном и региональном уровнях разрабатываются и принимаются новые нормативные правовые акты, расширяющие инструментарий социального обеспечения данной категории граждан. В настоящее время в России действует более 7500 мер поддержки на уровне субъектов и порядка 180 мер социального обеспечения федерального уровня. Комплексная поддержка участников специальной военной операции представляет собой не только актуальное направление социальной политики, но и фундаментальный фактор общественной консолидации, реализуемый через принцип социальной справедливости. Высокая значимость этой темы получила официальное признание: Указом Президента РФ № 28[1] 2025 год был объявлен «Годом защитника Отечества». Одной из ключевых мер государственной поддержки, закрепленной законодательно и активно реализуемой на практике, является безвозмездная передача земельных участков в частную собственность граждан. Данная льгота выполняет три основные функции: выступает формой признания особых заслуг перед обществом, служит инструментом улучшения материального положения семей военнослужащих и стимулирует развитие социально значимых видов деятельности (индивидуальное жилищное строительство, личное подсобное хозяйство), что отвечает долгосрочным интересам государства.

Основная часть

В последние годы в России сформирован и эффективно функционирует механизм предоставления участков, находящихся в государственной и муниципальной собственности. Речь идет как об участках для садоводства и огородничества, позволяющих вести личное подсобное хозяйство, так и о территориях под индивидуальное жилищное строительство, направленных на улучшение жилищных условий семей военнослужащих. Как отмечает Р.А. Ольмезов, «данная мера социальной поддержки демонстрирует заботу государства об участниках специальной военной операции и выступает формой признания их мужества. Право собственности на участок предполагает возможность свободного распоряжения им с учетом целевого назначения. Особую значимость, по мнению эксперта, такая возможность реабилитации и социальной адаптации приобретает для лиц, получивших инвалидность в ходе боевых действий или проходивших длительное лечение от ранений» [2, с. 61].

Действующая система поддержки участников и ветеранов СВО структурирована на двух уровнях: федеральном и региональном законодательстве. Общегосударственные льготы являются едиными на всей территории страны, тогда как региональные меры отличаются вариативностью и устанавливаются местными властями, в связи с чем их набор существенно различается в зависимости от субъекта РФ. Показательным примером регионального регулирования выступает Республика Крым. На ее территории действует Закон Республики Крым от 15 января 2015 года № 66-ЗРК/2015 «О предоставлении земельных участков, находящихся в собственности Республики Крым или муниципальной собственности, и некоторых вопросах земельных отношений» [3]. После начала СВО в данный нормативный правовой акт были внесены изменения, расширившие круг получателей. Право на предоставление земельного участка получили ветераны боевых действий, инвалиды боевых действий, ставшие инвалидами при исполнении служебных обязанностей, лица, заключившие контракт для выполнения задач СВО, а также члены семей погибших. Руководитель Управления Росреестра по Республике Крым и Севастополю Олеся Калинкина подчеркивает, что «нормативно-правовое регулирование в сфере земли и недвижимости для участников СВО направлено на создание благоприятных условий для жизни и развития граждан, вставших на защиту интересов Родины.

Принятые меры — право на аренду без торгов, первоочередное приобретение участков, льготы при оплате услуг – помогают ветеранам улучшить жилищные условия. Важно, чтобы каждый участник СВО знал о своих правах и мог воспользоваться предоставляемыми государством возможностями» [4].

На практике реализация этих мер сопряжена с трудностями. В ряде регионов, включая Москву, Московскую область, Крым и Севастополь, дефицит земли и значительное число очередников приводят к многолетним задержкам в предоставлении участков. По данным мониторинга, в отдельных муниципальных образованиях срок ожидания может достигать трех и более лет. В связи с этим некоторые субъекты РФ ввели альтернативную меру — право на получение единовременной денежной компенсации вместо земельного участка, размер которой региональные власти устанавливают самостоятельно. Размеры такой компенсации существенно варьируются: в Воронежской области она составляет 200 тысяч рублей, в Амурской области — 350 тысяч рублей, в Московской области — 500 тысяч рублей. В ряде регионов сумма компенсации достигает одного миллиона рублей — такие выплаты предусмотрены в Республике Крым, Ненецком автономном округе и Ямало-Ненецком автономном округе. Наибольший размер компенсации установлен в Тюменской области, где участники СВО могут получить взамен земельного участка 1 360 450 рублей [5].

Рассматривая преимущества безвозмездного предоставления земельных участков, И.А. Губенко и Н.В. Морозов выделяют доступность такой поддержки (подача заявления и правоудостоверяющих документов), возможность получения участка в регионах с высокой стоимостью земли, а также потенциал извлечения большей выгоды от последующего использования или продажи участка по сравнению с получением фиксированной денежной выплаты [6]. Вместе с тем законодательство устанавливает исчерпывающий перечень оснований для отказа в предоставлении льготы. К ключевым из них относятся: отсутствие регистрации по месту требования, неподтверждение факта участия в СВО, а для членов семьи погибшего — отсутствие доказательств родства или факта гибели.

В случае нарушения прав при решении земельных вопросов участники СВО и члены их семей имеют право обратиться в органы прокуратуры. Прокуратура, реализуя надзорные полномочия, принимает меры к восстановлению нарушенных прав. Среди обращений данной категории граждан в органы прокуратуры преобладают вопросы, связанные с реализацией земельных прав. Предметом жалоб преимущественно выступает несогласие заявителей с отказами уполномоченных органов в предоставлении земельных участков. Показательной является практика г. Севастополя, где в 2025 г. в прокуратуру поступила жалоба участника СВО на отказ Департамента по имущественным и земельным отношениям в принятии на учет для бесплатного предоставления земельного участка. Основанием для отказа послужило отсутствие у заявителя регистрации в городе. В рамках проверки прокуратурой установлено, что гражданин фактически проживает в Севастополе с 2009 г., работал в местных организациях, участвовал в специальной военной операции и имеет государственные награды. С целью восстановления прав заявителя прокурор обратился в суд с заявлением об установлении факта проживания на территории города. Решением суда требования прокурора удовлетворены, что позволило гражданину реализовать право на получение земельного участка в собственность бесплатно [7].

Аналогичная практика сложилась в Новом Уренгое, где орган местного самоуправления отказал участнику СВО в реализации права на бесплатное получение земельного участка для жилищного строительства. По результатам проверки прокурор обратился в суд с иском о признании права заявителя на получение участка, а также о возложении на муниципалитет обязанности поставить его на учет, сформировать и предоставить земельный участок. Суд удовлетворил исковые требования прокурора в полном объеме [8]. В деятельности региональных органов власти выявляются системные нарушения при предоставлении земли участникам СВО. Отказы зачастую формулируются с использованием оснований, не имеющих юридического значения, либо ранее уже получивших надлежащую проверку, что свидетельствует о ненадлежащем исполнении полномочий должностными лицами. Прокурорской проверкой в Республике Крым установлено, что участник СВО, включенный в очередь на получение земли под индивидуальное жилищное строительство, необоснованно получил отказ от министерства имущественных и земельных отношений. Формальным поводом послужило отсутствие справки о выполнении служебно-боевых задач. Однако ранее орган местного самоуправления уже подтвердил факт участия гражданина в СВО, что делало запрос дополнительной справки избыточным. Внесенное прокуратурой представление позволило устранить нарушение и восстановить права заявителя [9].

Еще одним примером незаконного отказа является обращение в органы прокуратуры жителя поселка Новая Чара в Забайкальском крае. Установлено, что мужчина в начале 2025 г. обратился в администрацию Каларского округа с

заявлением о предоставлении земельного участка для индивидуального жилищного строительства. Согласно региональному законодательству, он имел право на получение земли без торгов в первоочередном порядке, однако администрация отказала заявителю, сославшись на включение участка в программу экономического развития. Данное основание не предусмотрено законом, а участие земли в программе не препятствует ее льготному предоставлению. После вмешательства прокуратуры права участника СВО были восстановлены, и с ним заключили договор аренды земельного участка [10]. Приведенные примеры демонстрируют высокую эффективность прокурорского вмешательства, однако свидетельствуют и о системном характере нарушений, требующем не точечного, а институционального решения.

Заключение

Проведенный анализ свидетельствует о том, что в Российской Федерации сформирована обширная нормативно-правовая база и действенный механизм социальной поддержки участников специальной военной операции и членов их семей. Предоставление земельных участков в собственность бесплатно выступает одной из наиболее значимых мер, сочетающей функцию признания заслуг, инструмент улучшения материального положения и стимул для развития индивидуального жилищного строительства и личного подсобного хозяйства. Вместе с тем правоприменительная практика, включая деятельность органов прокуратуры, выявляет ряд системных проблем, препятствующих своевременной и полной реализации прав указанной категории граждан. К числу таких проблем относятся дефицит земельных участков в густонаселенных и привлекательных регионах, включая Московскую область, Республику Крым и город Севастополь, приводящий к формированию многолетних очередей; необоснованные отказы уполномоченных органов по формальным основаниям, таким как отсутствие регистрации, требование избыточных справок и использование надуманных причин, не предусмотренных законом; а также сохраняющиеся бюрократические барьеры при сборе и подтверждении необходимых документов.

Исходя из выявленных проблем и с целью повышения эффективности реализации государственной политики в данной сфере, представляется целесообразным внедрение комплекса мер, направленных на совершенствование механизмов предоставления земельных участков и их альтернатив. В первую очередь необходимо развитие института денежной компенсации как альтернативы земельному участку. Учитывая объективную нехватку земельных ресурсов в ряде субъектов Российской Федерации, следует на федеральном уровне рекомендовать регионам активнее применять механизм замены земельного участка единовременной денежной выплатой, устанавливая при этом экономически обоснованный и справедливый размер такой компенсации, ориентированный на среднюю рыночную стоимость земельных участков в конкретном муниципалитете, а не на формальный утвержденный минимум. Это позволит ускорить получение поддержки и предоставит гражданам свободу выбора в использовании средств. Ключевым направлением оптимизации процедур должна стать цифровизация процесса учета и предоставления земельных участков. Для минимизации субъективного фактора и ускорения процедур целесообразно создать на базе региональных порталов Госуслуг единую цифровую платформу, реализующую принцип «одного окна», где участник специальной военной операции мог бы подать заявление, отслеживать движение в очереди, видеть доступные для предоставления земельные участки на публичной кадастровой карте, а также автоматически получать информацию о возможности получения денежной компенсации, что в комплексе повысит прозрачность и снизит коррупционные риски.

В целях исключения необоснованных отказов по причине отсутствия дублирующих или избыточных справок необходимо наладить непрерывное межведомственное взаимодействие в рамках системы межведомственного электронного взаимодействия, в соответствии с которой сведения об участии гражданина в специальной военной операции, его наградах, составе семьи и инвалидности должны запрашиваться уполномоченными органами самостоятельно, а не истребоваться у заявителя. Дополнительным инструментом повышения качества реализации рассматриваемых мер должно стать расширение практики прокурорского мониторинга. Учитывая высокую социальную значимость вопроса и положительный опыт вмешательства прокуратуры, продемонстрированный в Севастополе, Новом Уренгое и Забайкальском крае, следует рекомендовать органам прокуратуры проводить на постоянной основе мониторинг соблюдения очередности и обоснованности отказов в предоставлении земли участникам специальной военной операции, а также обобщать судебную практику для выявления типичных нарушений и подготовки информационных писем для региональных администраций. Наконец, необходимым условием эффективной реализации прав участников специальной военной операции и членов их семей является повышение правовой грамотности. Требуется активизировать разъяснительную работу через военные

комиссариаты, филиалы фонда «Защитники Отечества», многофункциональные центры и официальные ресурсы региональных властей. В связи с этим, в рамках этой работы предлагается разработать и распространить единые памятки-алгоритмы с пошаговой инструкцией действий, включая образцы заявлений, перечни документов, сроки и контакты для консультаций, а также создать на порталах региональных правительств специальные разделы с интерактивными картами доступных земельных участков и видео-инструкциями по подаче заявлений через портал Госуслуг, дополнив эту работу проведением регулярных «прямых линий» и выездных приемов специалистов министерств имущественных отношений совместно с представителями прокуратуры в воинских частях и госпиталях. Реализация предложенного комплекса мер позволит повысить доступность и качество предоставления земельных участков участникам СВО и членам их семей, снизить количество нарушений и обеспечить реализацию принципа социальной справедливости, заложенного в основу государственной политики по поддержке защитников Отечества.

Список литературы:

[1] Указ Президента РФ от 16.01.2025 № 28 «О проведении в Российской Федерации Года защитника Отечества» // Собрание законодательства РФ, 20.01.2025, № 3, ст. 120

[2] Ольмезов Р. А. Порядок обеспечения земельными участками участников специальной военной операции / Р. А. Ольмезов // сборник статей XX Международного научно-исследовательского конкурса, Пенза, 05 июня 2024 года. – Пенза: Наука и Просвещение (ИП Гуляев Г.Ю.), 2024. – С. 59-62

[3] Закон Республики Крым от 15.01.2015 года № 66-ЗРК/2015 «О предоставлении земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности, и некоторых вопросах земельных отношений» // [Электронный ресурс] URL: https://docs.cntd.ru/document/413904635 (дата обращения: 19.03.2026).

[4] Росреестр поддерживает участников специальной военной операции и членов их семей URL: https://rosreestr.gov.ru/press/archive/rosreestr-podderzhivaet-uchastnikov-spetsialnoy-voennoy-operatsii-i-chlenov-ikh-semey/?sphrase_id=5045124&ysclid=mm8y96evr843098 (дата обращения: 19.03.2026).

[5] Деньги вместо участка: где участникам СВО платят компенсацию https://dobrocor.ru/ (дата обращения: 19.03.2026).

[6] Губенко И. А. О безвозмездном предоставлении в собственность военнослужащим, участвовавшим в специальной военной операции, земельных участков в качестве дополнительной меры социальной поддержки / И. А. Губенко, Н. В. Морозов // Вестник адъюнкта. 2022. – № 2(16). – EDN UJOATZ.

[7] Прокуратура Севастополя защитила права участника СВО на земельный участок // [Электронный ресурс] URL: https:// ruinformer.com/page/prokuratura-sevastopolja-zashhitila-prava-uchastnika-svo-na-zemelnyj-uchastok-1(дата обращения: 19.03.2026)

[8] Участнику СВО с боевыми наградами отказали в выдаче участка земли под строительство дома // [Электронный ресурс] URL: https://dzen.ru/a/aBhWdcjQd2yp8Oip (дата обращения: 19.03.2026).

[9] В Республике Крым после вмешательства прокуратуры участнику СВО предоставлен в собственность земельный участок / / [Электронный ресурс] URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/gprf/mass-media/news/main/e5615199/ (дата обращения: 20.03.2026).

[10] Ветеран СВО хотел получить участок земли в Забайкалье, но заявление не приняли // [Электронный ресурс] URL: https:// zabnews.ru/lenta/65446-boec_svo_hotel_poluchit_uchastok_v_zabaykale_no_zayavlenie_ne_prinyali (дата обращения: 20.03.2026).

References:

[1] Decree of the President of the Russian Federation of 16.01.2025 No. 28 “On holding the Year of Defender of the Fatherland in the Russian Federation “//Collection of Legislation of the Russian Federation, 20.01.2025, No. 3, Art. 120

[2] Olmezov R. A. Procedure for providing land plots to participants in a special military operation/R. A. Olmezov//collection of articles of the XX International Research Competition, Penza, June 05, 2024. - Penza: Science and Enlightenment (IP Gulyaev G. Yu.), 2024. - S. 59-62

[3] Law of the Republic of Crimea of 15.01.2015 No. 66-SAM/2015 “On the provision of land plots in state or municipal ownership and some issues of land relations “//[Electronic resource] URL: https://docs.cntd.ru/document/413904635 (date of reference: 19.03.2026).

[4] Rosreestr supports participants in a special military operation and their family members URL: https://rosreestr.gov.ru/press/archive/rosreestr-podderzhivaet-uchastnikov-spetsialnoy-voennoy-operatsii-i-chlenov-ikh-semey/?sphrase_id=5045124&ysclid=mm8y96evr843098 (contact date: 19.03.2026).

[5] Money instead of land: where participants in the WCS are paid https://dobrocor.ru/ compensation (date of appeal: 19.03.2026).

[6] Gubenko I. A. On the gratuitous provision of land plots as an additional measure of social support to servicemen who participated in a special military

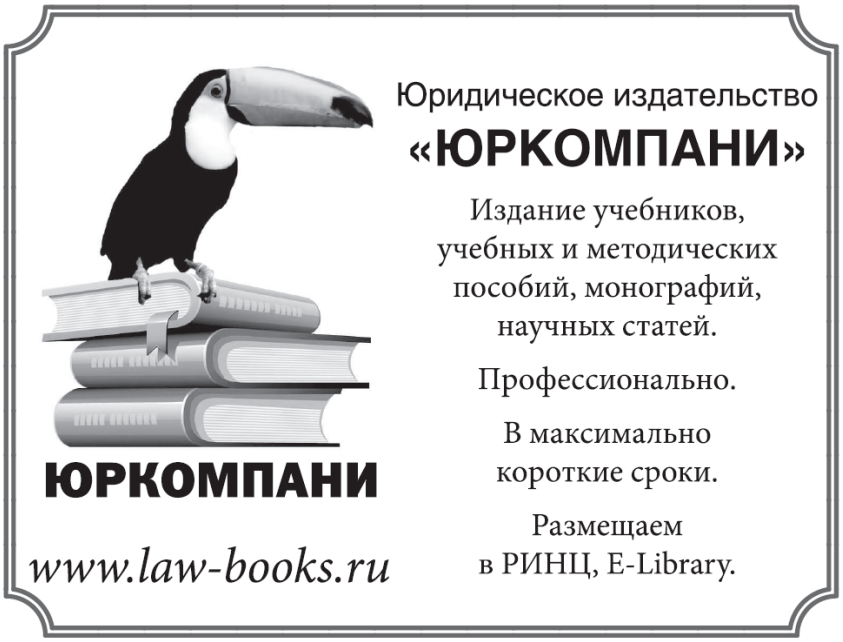
operation/I. A. Gubenko, N. V. Morozov//Bulletin of the adjunct. 2022. – № 2(16). – EDN UJOATZ.

[7] The prosecutor's office of Sevastopol defended the rights of a member of the VVO to a land plot//[Electronic resource] URL: https:// ruinformer.com/page/prokuratura-sevastopolja-zashhitila-prava-uchastnika-svo-na-zemelnyj-uchastok-1 (date of appeal: 19.03.2026)

[8] The participant of the SVO with military awards was denied a plot of land for the construction of a house//[Electronic resource] URL: https://dzen.ru/a/aBhWdcjQd2yp8Oip (date of appeal: 19.03.2026).

[9] In the Republic of Crimea, after the intervention of the prosecutor's office, the SVO participant was given ownership of the land plot//[Electronic resource] URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/gprf/mass-media/news/main/e5615199/ (date of appeal: 20.03.2026).

[10] A veteran of the SVO wanted to get a plot of land in Transbaikalia, but the application was not accepted//[Electronic resource] URL: https:// zab-news.ru/lenta/65446-boec_svo_hotel_poluchit_uchastok_v_zabaykale_no_zayavlenie_ne_prinyali (date of reference: 20.03.2026).

Дата поступления рукописи в редакцию: 03.04.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.05.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3830-2026-4-348-350

ТОРОПОВ Максим Сергеевич,
аспирант Автономной некоммерческой организации высшего образования «Московский университет «Синергия»,
e-mail: mtoropov2000@mail.ru

ГРИБ Владимир Григорьевич,
доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ,
e-mail: mtoropov2000@mail.ru

ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ НА МЕХАНИЗМЫ ЗАЩИТЫ ЧЕСТИ, ДОСТОИНСТВА И ДЕЛОВОЙ РЕПУТАЦИИ В РОССИЙСКОМ ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ

Аннотация. *Статья посвящена анализу влияния цифровизации на механизмы защиты чести, достоинства и деловой репутации в российском гражданском праве. В условиях стремительного развития интернет-технологий и социальных сетей традиционные правовые инструменты оказались недостаточно эффективными для противодействия новым вызовам, связанным с анонимностью, скоростью и массовостью распространения информации. В работе рассматриваются теоретические основы защиты нематериальных благ, закреплённые в статье 152 Гражданского кодекса РФ, а также особенности их применения в цифровой среде. Особое внимание уделяется проблемам доказывания факта распространения порочащих сведений, идентификации авторов интернет-публикаций и ответственности информационных посредников. В статье также проводится сравнительный анализ с зарубежным опытом, в частности институтом «права на забвение». По итогам исследования сформулированы предложения по совершенствованию российского законодательства, включая развитие досудебных процедур, уточнение порядка идентификации нарушителей и внедрение специальных норм для цифровой среды. Работа адресована юристам, исследователям в области гражданского права и всем, кто интересуется современными правовыми аспектами защиты репутации в эпоху цифровизации.*

Ключевые слова: *защита чести, достоинство, деловая репутация, цифровизация, интернет, гражданское право, диффамация, судебная практика, информационные посредники, моральный вред.*

TOROPOV Maksim Sergeevich,
postgraduate student of the Autonomous Non-profit Higher Education Organization Moscow University “Synergy”

GRIB Vladimir Grigorievich,
Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation

THE IMPACT OF DIGITALIZATION ON THE PROTECTION OF HONOR, DIGNITY, AND BUSINESS REPUTATION IN RUSSIAN CIVIL LAW

Annotation. *The article is devoted to the analysis of the impact of digitalization on the mechanisms of protection of honor, dignity and business reputation in Russian civil law. In the context of the rapid development of Internet technologies and social networks, traditional legal instruments have proved insufficiently effective to counter new challenges related to anonymity, speed and mass dissemination of information. The paper examines the theoretical foundations of the protection of intangible assets, enshrined in Article 152 of the Civil Code of the Russian Federation, as well as the specifics of their application in the digital environment. Special attention is paid to the problems of*

proving the dissemination of defamatory information, the identification of authors of online publications and the responsibility of information intermediaries. The article also provides a comparative analysis with foreign experience, in particular, the Institute of the Right to oblivion. Based on the results of the study, proposals were formulated to improve Russian legislation, including the development of pre-trial procedures, clarifying the procedure for identifying violators and introducing special standards for the digital environment. The work is aimed at lawyers, researchers in the field of civil law and anyone who is interested in modern legal aspects of reputation protection in the era of digitalization.

Key words*: protection of honor, dignity, business reputation, digitalization, Internet, civil law, defamation, judicial practice, information intermediaries, moral harm.*

В условиях стремительного развития цифровых технологий и глобализации информационного пространства вопросы защиты чести, достоинства и деловой репутации приобретают особую остроту. Если ранее распространение порочащих сведений было ограничено печатными СМИ, радио и телевидением, то сегодня интернет и социальные сети позволяют практически мгновенно донести информацию до миллионов пользователей. Это создаёт новые вызовы для правовой системы, требует адаптации традиционных механизмов защиты к цифровой среде и порождает ряд проблем, связанных с идентификацией нарушителей, доказыванием факта распространения сведений и определением размера компенсации морального вреда.

Актуальность темы обусловлена тем, что цифровизация не только расширила возможности для нарушения личных неимущественных прав, но и усложнила процесс их восстановления. В связи с этим возникает необходимость анализа действующего законодательства, судебной практики и выработки предложений по совершенствованию правовых механизмов защиты в условиях цифровой реальности.

В российском гражданском праве понятия «честь», «достоинство» и «деловая репутация» рассматриваются как нематериальные блага, принадлежащие каждому человеку от рождения (честь, достоинство) или возникающие в процессе деятельности (деловая репутация). Честь — это общественная оценка личности, её моральных и профессиональных качеств. Достоинство — самооценка личности, осознание своих качеств, способностей и общественного значения. Деловая репутация — оценка профессиональных качеств лица или организации, формирующаяся в процессе их деятельности. Эти категории защищены статьёй 152 Гражданского кодекса РФ, которая предусматривает право гражданина или юридического лица требовать по суду опровержения сведений, порочащих их честь, достоинство или деловую репутацию. До эпохи цифровизации основными механизмами защиты были обращение в суд с иском об опровержении сведений, требование компенсации морального вреда и пресечение дальнейшего распространения информации. Ключевыми условиями для удовлетворения иска являлись факт распространения сведений, их порочащий характер (утверждение о нарушении закона, нечестности, недобросовестности и т. д.) и несоответствие сведений действительности [1, с. 22].

Цифровизация радикально изменила способы коммуникации. Социальные сети, блоги, форумы и мессенджеры стали основными площадками для обмена мнениями. Информация распространяется мгновенно, часто анонимно или под псевдонимами, что затрудняет идентификацию автора. Кроме того, интернет-архивы и кэш поисковых систем позволяют сохранять сведения даже после их удаления с первоисточника. Это создаёт эффект «цифрового следа», когда порочащая информация продолжает оказывать негативное воздействие на репутацию лица даже после формального опровержения.

В цифровой среде возникают следующие сложности: анонимность (установление личности автора требует обращения к провайдерам и владельцам платформ, что не всегда возможно в рамках гражданского процесса), массовость (информация может быть перепечатана тысячами пользователей (репосты), что затрудняет контроль за её распространением), скорость (к моменту обращения в суд сведения могут быть уже недоступны или изменены). Судебная практика показывает, что суды всё чаще сталкиваются с необходимостью истребования доказательств у интернет-компаний (например, у Яндекса, Mail.ru), однако процедура получения такой информации остаётся недостаточно регламентированной [2, с. 14].

Важным аспектом является вопрос ответственности владельцев сайтов и платформ за контент, размещаемый пользователями. Согласно ст. 152 ГК РФ и разъяснениям Пленума Верховного Суда РФ № 3 от 24.02.2005 г., владелец сайта может быть привлечён к ответственности только в случае, если он не удалил порочащие сведения по требованию заинтересованного лица после получения соответствующего уведомления. Однако на практике возникают споры о том, что считать «надлежащим уведомлением» и как быстро должен быть удалён контент. Кроме того,

международные платформы не всегда оперативно реагируют на запросы российских пользователей и судов [3, с. 20].

Анализ дел последних лет показывает тенденцию к увеличению числа исков о защите чести и достоинства в связи с публикациями в интернете. Например: дела против блогеров и популярных пользователей соцсетей за распространение недостоверной информации о публичных лицах; споры между компаниями по поводу негативных отзывов на специализированных площадках (Яндекс.Карты, Отзовик). Суды всё чаще признают необходимость учитывать контекст публикации (например, является ли высказывание утверждением факта или субъективным мнением), а также статус истца (публичное лицо или частное). Определение размера компенсации морального вреда в делах о защите деловой репутации юридических лиц остаётся дискуссионным вопросом. В отличие от физических лиц, юридические лица не могут испытывать физические или нравственные страдания, однако суды всё чаще присуждают им компенсацию за умаление деловой репутации, связывая её с реальными убытками (например, падением продаж) [4, с. 82].

В зарубежной практике (например, в странах ЕС) активно развивается институт «права на забвение», позволяющий требовать удаления информации из поисковых систем. В России подобный механизм только начинает формироваться через судебную практику и разъяснения Верховного Суда РФ. Также интересен опыт США, где действует Первая поправка к Конституции, предоставляющая широкие гарантии свободы слова. Это приводит к тому, что доказать факт клеветы публичным лицам крайне сложно — требуется доказать «злой умысел» ответчика [5, с. 61].

На основе анализа можно сформулировать следующие предложения: уточнить процедуру идентификации авторов интернет-публикаций в гражданском процессе; разработать механизм оперативного удаления порочащей информации с участием интернет-посредников; ввести специальные нормы о защите деловой репутации юридических лиц в цифровой среде; развивать институт досудебного урегулирования споров о защите чести и достоинства в интернете; усовершенствовать критерии определения размера компенсации морального вреда с учётом специфики цифровых публикаций [6, с. 14].

Цифровизация существенно трансформировала механизмы защиты чести, достоинства и деловой репутации в российском гражданском праве. Традиционные подходы оказались недостаточно эффективными в условиях анонимности и скорости распространения информации в интернете. Для обеспечения реальной защиты нематериальных благ необходимо дальнейшее развитие законодательства с учётом современных цифровых реалий и международного опыта.

Список литературы:

[1] Ревкова М.А. Правовая характеристика сведений, опубликованных в сети Интернет, порочащих честь, достоинство и деловую репутацию // Вестник науки и образования. — 2017.

[2] Таратухина К.Ю. Проблемные аспекты защиты чести, достоинства и деловой репутации граждан // Вестник науки и образования. — 2017. — № 6(30). Т. 1.

[3] Защита деловой репутации в Интернете от А до Я // Digital-lawyer.ru [Электронный ресурс]. URL: https://digital-lawyer.ru/zaschita-delovoi-reputacii-v-internete (дата обращения: март 2026).

[4] Агейченко К.М. Деловая репутация юридического лица // Актуальные проблемы права: материалы VI Междунар. науч. конф. — Москва: Буки-Веди, 2017.

[5] Спор о защите чести, достоинства и деловой репутации (на основании судебной практики Московского городского суда) // Электронный журнал «Помощник адвоката», 2026.

[6] Дискин Е.И. Диффамация и алгоритмы: новое измерение старой проблемы // Закон. — 2024. — № 1.

References:

[1] Revkova M.A. Legal characteristics of information published on the Internet discrediting honor, dignity and business reputation//Bulletin of Science and Education. — 2017.

[2] Taratukhina K.Yu. Problematic aspects of protecting the honor, dignity and business reputation of citizens//Bulletin of Science and Education. — 2017. — № 6(30). VOL. 1.

[3] Protection of business reputation on the Internet from A to Z// Digital-lawyer.ru [Electronic resource]. URL: https://digital-lawyer.ru/zaschita-delovoi-reputacii-v-internete (дата обращения: март 2026).

[4] Ageichenko K.M. Business reputation of a legal entity//Actual problems of law: materials of the VI International. scientific. conf. - Moscow: Buki-Vedi, 2017.

[5] Dispute on the protection of honor, dignity and business reputation (based on the judicial practice of the Moscow City Court)//Electronic journal “Assistant Lawyer,” 2026.

[6] Diskin E.I. Defamation and algorithms: a new dimension of an old problem//Law. — 2024. — № 1.

Дата поступления рукописи в редакцию: 09.04.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-4-351-354
Дата принятия рукописи в печать: 03.05.2026 г.

ИВАНОВ Артём Витальевич,
студент магистратуры Высшей школы
юриспруденции и судебно-технической экспертизы
Санкт-Петербургского политехнического университета
Петра Великого,
e-mail: av.ivanov17@yandex.ru

ВОПРОСЫ ЗАКЛЮЧЕНИЯ СОГЛАШЕНИЯ ОБ ОКАЗАНИИ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ В ПОЛЬЗУ ТРЕТЬЕГО ЛИЦА

Аннотация. *Статья посвящена исследованию соглашения об оказании юридической помощи, заключаемого адвокатом в пользу третьего лица. Актуальность темы обусловлена широким практическим распространением подобных конструкций и сохраняющейся дискуссионностью их правовой природы. Цель работы состоит в том, чтобы определить, в какой мере такое соглашение может быть объяснено через классическую модель договора в пользу третьего лица и какие ограничения вытекают из специального статуса адвокатской деятельности. В статье анализируются положения Гражданского кодекса Российской Федерации, Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», Кодекса профессиональной этики адвоката, а также разъяснения Комиссии по этике и стандартам Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации и отдельные подходы дисциплинарной практики. Особое внимание уделяется проблеме двойственности фигуры доверителя, соотношению интересов лица, подписавшего и оплатившего соглашение, и лица, которому юридическая помощь оказывается непосредственно. Обосновывается вывод о том, что соглашение адвоката в пользу третьего лица не совпадает в полной мере с общегражданской конструкцией, предусмотренной статьей 430 ГК РФ. Специфика данного соглашения определяется личным характером доверия к адвокату, приоритетом интересов фактического получателя помощи, необходимостью соблюдения адвокатской тайны и недопустимостью подмены воли защищаемого лица волей плательщика. Отдельно показано, что в уголовном судопроизводстве реализация такой модели предполагает согласие подозреваемого или обвиняемого. Делается вывод о необходимости рассматривать данную договорную конструкцию как особую разновидность гражданско-правового соглашения, регулируемую также специальными нормами адвокатского законодательства.*

Ключевые слова: *адвокатская деятельность, адвокат, доверитель, соглашение об оказании юридической помощи, третье лицо, договор в пользу третьего лица, адвокатская тайна, квалифицированная юридическая помощь, профессиональная этика адвоката, уголовное судопроизводство.*

IVANOV Artyom Vitalievich,
Graduate student at the Higher School
of Law and Forensic Examination Peter the Great
St. Petersburg Polytechnic University

ISSUES OF CONCLUDING AN AGREEMENT FOR THE PROVISION OF LEGAL ASSISTANCE IN FAVOR OF A THIRD PARTY

Annotation. *The article examines an agreement for the provision of legal assistance concluded by an advocate in favor of a third party. The relevance of the topic is due to the widespread practical use of such arrangements and the continuing debate over their legal nature. The purpose of the study is to determine to what extent such an agreement may be explained through the classical model of a contract for the benefit of a third party and what limitations follow from the special status of advocacy. The article analyzes the provisions of the Civil Code of the Russian Federation, the Federal Law "On Advocacy and the Bar in the Russian Federation," the Code of Professional Ethics of the Advocate, as well as clarifications issued by the Commission on Ethics and Standards of the Federal Chamber of Advocates of the Russian Federation and certain approaches reflected in disci-*

plinary practice. Particular attention is paid to the problem of the dual nature of the principal's status, the correlation between the interests of the person who signed and paid for the agreement and the person to whom legal assistance is directly provided. The author substantiates the conclusion that an advocate's agreement in favor of a third party does not fully coincide with the general civil law structure provided for in Article 430 of the Civil Code of the Russian Federation. The specific nature of this agreement is determined by the personal character of trust in the advocate, the priority of the interests of the actual recipient of legal assistance, the necessity of preserving attorney-client privilege, and the inadmissibility of substituting the will of the protected person with the will of the payer. It is also shown that, in criminal proceedings, the implementation of this model presupposes the consent of the suspect or the accused. The article concludes that this contractual structure should be regarded as a special type of civil law agreement additionally regulated by special provisions of legislation on advocacy.

Key words: *advocacy, advocate, principal, agreement for the provision of legal assistance, third party, contract for the benefit of a third party, attorney-client privilege, qualified legal assistance, professional ethics of the advocate, criminal proceedings.*

Соглашение об оказании юридической помощи является основанием для осуществления деятельности адвокатом. Соглашение между адвокатом и доверителем является специализированным договором в системе гражданско-правовых обязательств, который регулируются не только Гражданским кодексом Российской Федерации, но и специальными законами об адвокатуре. Федеральный закон от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» закрепляет, что адвокатская деятельность осуществляется на основе соглашения между адвокатом и доверителем, а само соглашение представляет собой гражданско-правовой договор, заключаемый в простой письменной форме, в том числе на оказание юридической помощи не только самому доверителю, но и назначенному им лицу [1].

Данные положения прямо определяют конструкцию участия третьего лица. Кроме этого, статья 6.1 Кодекса профессиональной этики адвоката дает более широкое понимания доверителя: им признается не только лицо, которое заключает соглашение, но и лицо, которому помощь оказывается по соглашению, заключенному иным лицом [2]. В общегражданском договоре в пользу третьего лица логика обычно строится по поводу распределения прав требования, когда в соглашении об оказании юридической помощи данная механика осложняется характером доверия к адвокату, его профессиональной этикой и адвокатской тайной.

Например, руководитель компании узнает, что в отношении главного бухгалтера началась доследственная проверка. Он сам связывается с адвокатом, оплачивает гонорар, подписывает соглашение, а юридическая помощь фактически оказывается бухгалтеру. Здесь возникают вопросы о том, кто именно считается доверителем, чьи интересы адвокат обязан защищать в первую очередь, где проходит граница адвокатской тайны и насколько вообще гражданско-правовая модель договора в пользу третьего лица совпадает с природой адвокатского соглашения. Именно на этом узле, на наш взгляд, и сосредоточены главные теоретические и практические проблемы.

Согласно статье 430 Гражданского кодекса Российской Федерации, договор в пользу третьего лица предполагает, что должник обязан произвести исполнение не кредитору, а указанному или не указанному в договоре третьему лицу, которое получает право требовать исполнения в свою пользу [3]. На первый взгляд, соглашение адвоката с лицом, оплачивающим помощь для другого, тоже может лечь в данную конструкцию, однако адвокат оказывает не обезличенную услугу, а квалифицированную юридическую помощь, причем в отношении конкретного лица, чьи интересы могут не совпадать с интересами плательщика.

В связи с этим вытекает вопрос двойственности фигуры доверителя. С одной стороны, соглашение подписывает одно лицо: оно согласовывает условия, оплачивает помощь, часто ожидает отчетности и рассчитывает, что именно оно управляет отношением с адвокатом. С другой стороны, помощь получает третье лицо, и именно его права, свободы и законные интересы составляют предмет адвокатской защиты. В этическом смысле приоритет очевиден: адвокат не может подменить интерес получателя помощи интересом того, кто заключил соглашение. Комиссия по этике и стандартам Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации в разъяснении от 18 июня 2024 г. специально указала на недопустимость такой модели, которая понижает уровень гарантий лица, которому помощь оказывается непосредственно, либо направлена на обход требований закона и профессиональной этики [4]. Более того, адвокат обязан проявить осмотрительность и установить, почему назначенное лицо не заключает соглашение напрямую и каков законный интерес лица, желающего заключить

соглашение в его пользу. Из практики дисциплинарных органов видно, что палаты обращают особое внимание именно на такие сюжеты, когда внешне корректная договорная схема фактически маскирует давление на лицо, в интересах которого помощь должна оказываться.

В уголовном судопроизводстве также требуется согласие третьего лица. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации допускает приглашение защитника не только самим подозреваемым или обвиняемым, но и другими лицами по его поручению или с его согласия [5]. Региональные палаты и Комиссия по этике и стандартам Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации последовательно исходят из того, что без согласия лица, чью защиту предполагается осуществлять, конструкция соглашения становится крайне уязвимой. Тульская областная адвокатская палата прямо рекомендует адвокатам активно использовать право на свидание с подозреваемым или обвиняемым до вступления в дело для получения такого согласия, при отказе подзащитного соглашение фактически теряет основание для реализации, а адвокат не вправе продолжать участие [6]. По сути, третье лицо в таких отношениях нельзя рассматривать как пассивного выгодоприобретателя. Оно не просто получает результат. Оно должно принять саму идею представительства и защиты.

Это также отличает адвокатское соглашение от множества обычных гражданско-правовых договоров в пользу третьего лица. В классической модели выгодоприобретатель может долго вообще не участвовать в формировании договорной связи. В адвокатской деятельности даже если соглашение подписано без него, правовая и этическая полноценность отношений нередко зависит от его последующего волеизъявления. На наш взгляд, это один из аргументов в пользу того, что соглашение между адвокатом и доверителем в пользу третьего лица следует рассматривать как особую разновидность гражданско-правового договора, а не просто как частный случай статьи 430 Гражданского кодекса Российской Федерации.

Важным вопросом являются границы информирования лица, заключившего соглашение, и пределы адвокатской тайны. Лицо, которое заключает соглашение, может ожидать на получение полной информации по делу: стратегию защиты, содержание бесед с подзащитным, детали показаний, перспективы по делу. Однако данный подход противоречит самой природе адвокатской профессии. Тульская палата прямо указывает, что до получения согласия подозреваемого или обвиняемого адвокат не вправе передавать кому-либо, включая лицо, подписавшее соглашение, сведения, полученные в ходе оказания помощи [6]. В более поздних обзорах дисциплинарной практики также проводится мысль, что лицо, которое заключает соглашение, вправе знать о начале исполнения поручения, общем ходе дела, гуманитарных обстоятельствах, но не получает автоматического доступа ко всему массиву конфиденциальной информации [7].

На наш взгляд, ключевая теоретическая ошибка, которую иногда допускают в обсуждении данной темы, состоит в попытке объяснить все через волю лица, подписавшего и оплатившего соглашение. Однако адвокатская помощь не встраивается в систему гражданско-правовых обязательств как стандартная услуга для третьего лица. Здесь предметом является профессиональная деятельность, основанная на независимости адвоката и доверии лица, чьи интересы затрагиваются напрямую. Поэтому воля плательщика значима лишь до той границы, за которой начинается автономия процессуального и личного интереса получателя помощи.

Отсюда можно сформулировать несколько практических выводов. Во-первых, соглашение между адвокатом и доверителем в пользу третьего лица допустимо российским правом, но не является классической договорной конструкцией: оно всегда требует проверки законного интереса подписанта и отсутствия конфликта с интересами фактического получателя помощи. Во-вторых, в уголовных делах без согласия подозреваемого или обвиняемого такая модель не может считаться бесспорно реализуемой. В-третьих, лицо, подписавшее соглашение, не приобретает полного доступа к информации по делу лишь на том основании, что оно оплачивает помощь.

Таким образом, соглашение между адвокатом и доверителем в пользу третьего лица – конструкция нужная и практически востребованная. Без нее трудно представить защиту задержанного родственниками, помощь работнику со стороны работодателя, участие общественных объединений или иных лиц, заинтересованных в обеспечении профессиональной защиты.

Список литературы:

[1] О адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации: Федеральный закон от 31.05.2002 № 63-ФЗ (ред. от 22.04.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 03.06.2002. – № 23. – Ст. 2102.

[2] Кодекс профессиональной этики адвоката (принят I Всероссийским съездом адвокатов 31.01.2003) (ред. от 25.04.2025) // Федеральная палата адвокатов Российской Федерации. – 31.01.2003.

[3] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): Федеральный закон от от

30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025, с изм. от 25.11.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.08.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 05.12.1994. – № 32. – ст. 3301.

[4] Разъяснение Комиссии по этике и стандартам Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации по отдельным вопросам, связанным с заключением адвокатом соглашения об оказании юридической помощи в пользу назначенного лица (утв. решением Совета ФПА РФ от 18.06.2024) // Федеральная палата адвокатов Российской Федерации. – 18.04.2024.

[5] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 08.03.2026) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 24.12.2001. – № 52 (ч. I). – Ст. 4921.

[6] Разъяснения и рекомендации Совета Тульской областной адвокатской палаты об особенностях заключения и оформления соглашений об оказании юридической помощи в пользу третьего лица (утв. решением Совета палаты № 3307 от 25.11.2022 г.) // Тульская областная адвокатская палата. – 25.11.2022.

[7] Обзор дисциплинарных производств, рассмотренных Советом Адвокатской палаты Санкт-Петербурга на заседании 10.07.2025 // Адвокатская палата Санкт-Петербурга: сайт. URL: https://apspb.ru/news.php?news=08082025_0225 (дата обращения: 14.03.2026).

References:

[1] On advocacy and advocacy in the Russian Federation: Federal Law of 31.05.2002 No. 63-FZ (as amended on 22.04.2024) //Collection of legislation of the Russian Federation. – 03.06.2002. – № 23. - Art. 2102.

[2] The Code of Professional Ethics of a Lawyer (adopted by the I All-Russian Congress of Lawyers 31.01.2003) (ed. 25.04.2025) //Federal Chamber of Lawyers of the Russian Federation. – 31.01.2003.

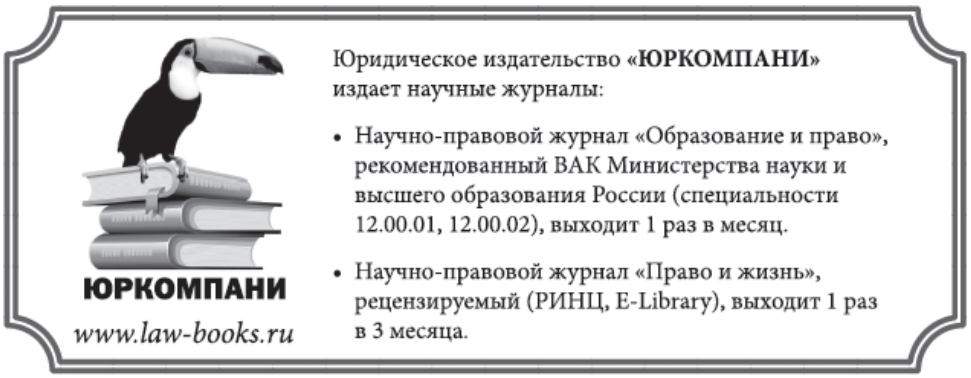
[3] Civil Code of the Russian Federation (Part One): Federal Law dated 30.11.1994 No. 51-FZ (as amended 31.07.2025, with amendments dated 25.11.2025) (as amended and supplemented, entry as of 01.08.2025) //Collection of legislation of the Russian Federation. – 05.12.1994. – № 32. - Art. 3301.

[4] Clarification of the Ethics and Standards Commission of the Federal Chamber of Lawyers of the Russian Federation on certain issues related to the conclusion by a lawyer of an agreement on the provision of legal assistance in favor of an appointed person (approved by by the decision of the FPA Council of the Russian Federation dated 18.06.2024) //Federal Chamber of Lawyers of the Russian Federation. – 18.04.2024.

[5] Code of Criminal Procedure of the Russian Federation: Federal Law of 18.12.2001 No. 174-FZ (as amended on 08.03.2026) //Collection of Legislation of the Russian Federation. - 24.12.2001. - No. 52 (part I). - Art. 4921.

[6] Explanations and recommendations of the Council of the Tula Regional Bar Association on the specifics of concluding and formalizing agreements on the provision of legal assistance in favor of a third party (approved by by decision of the Council of the Chamber No. 3307 of 25.11.2022)//Tula Regional Bar Association. – 25.11.2022.

[7] Review of disciplinary proceedings considered by the Council of the St. Petersburg Bar Association at the meeting 10.07.2025 //St. Petersburg Bar Association: website. URL: https://apspb.ru/news.php?news=08082025_0225 (access date: 14.03.2026).

Дата поступления рукописи в редакцию: 07.04.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.05.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3830-2026-4-355-361

ЩИБРОВА Лилия Павловна,
4 курс, Высшая школа права,
Юриспруденция РЭУ им. Г. В. Плеханова,
e-mail: mail@law-books.ru

Научный руководитель:
ИЗУТИНА Светлана Викторовна,
к.ю.н., доцент,
кафедра гражданско-правовых дисциплин
РЭУ им. Г. В. Плеханова,
e-mail: mail@law-books.ru

СПОРЫ О ДЕЙСТВИТЕЛЬНОЙ СТОИМОСТИ ДОЛИ ПРИ ВЫХОДЕ УЧАСТНИКА ИЗ ООО: КРИТЕРИИ ОПРЕДЕЛЕНИЯ И СУДЕБНЫЕ ПОДХОДЫ

Аннотация. *Статья посвящена исследованию проблем определения действительной стоимости доли при выходе участника из общества с ограниченной ответственностью. Актуальность темы обусловлена фундаментальным противоречием между формальным порядком расчета, основанным на данных бухгалтерской отчетности, и необходимостью учета реальной рыночной стоимости активов общества. Анализируются новеллы Федерального закона от 28.12.2025 № 514-ФЗ, легализовавшего возможность отступления от бухгалтерского метода в пользу рыночного подхода. На основе изучения судебной практики Верховного Суда РФ 2024–2026 гг. выявлены ключевые проблемы: выбор отчетного периода для расчета, учет событий, объективно изменяющих имущественное положение общества после отчетной даты, искусственное занижение стоимости доли путем включения фиктивных обязательств и неотражения ликвидных активов, а также процессуальные сложности взыскания выплаты. Автором представлена оригинальная трехуровневая система критериев определения действительной стоимости доли, включающая бухгалтерский (формально-балансовый), рыночный (объективно-экономический) и корпоративный (поведенческий) уровни. Предложен комплекс мер по совершенствованию законодательства: установление пресекательных сроков для проведения независимой оценки, механизм взыскания неоспариваемой части долга, особый порядок распределения судебных расходов и приоритетное удовлетворение требований вышедшего участника при ликвидации общества. Сделан вывод о необходимости законодательного закрепления предложенной системы критериев для унификации судебной практики и снижения конфликтогенности рассматриваемой сферы корпоративных отношений.*

Ключевые слова: *общество с ограниченной ответственностью, выход участника, действительная стоимость доли, корпоративный конфликт, судебная практика, бухгалтерская отчетность, рыночная стоимость, фиктивные обязательства, дисконты, трехуровневая система критериев.*

SHCHIBROVA Lilia Pavlovna,
4th course, Higher School of Law,
Jurisprudence of the Plekhanov Russian University of Economics
Supervisor:
IZUTINA Svetlana Viktorovna,
Ph.D., Associate Professor,
Department of Civil Law Disciplines,
Plekhanov Russian University of Economics

DISPUTES OVER THE ACTUAL VALUE OF A SHARE UPON WITHDRAWAL OF A PARTICIPANT FROM AN LLC: DETERMINATION CRITERIA AND JUDICIAL APPROACHES

Annotation *This article examines the challenges of determining the actual value of a share upon a participant's exit from a limited liability company. The relevance of this topic stems from the fundamental contradiction between the formal calculation procedure based on financial statements and the need to account for the real market value of the company's assets. This article analyzes the amendments to Federal Law No. 514-FZ of December 28, 2025, which legalized the possibility of deviating from the accounting method in favor of a market approach. Based on a review of the judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation for 2024–2026, key issues are identified: the choice of the reporting period for the calculation, the accounting of events that objectively change the company's financial position after the reporting date, the artificial understatement of the share value by including fictitious liabilities and failing to reflect liquid assets, as well as the procedural complexities of collecting payments. The author has developed an original three-tier system of criteria for determining the actual value of a share, including the accounting (formal-balance sheet), market (objective-economic), and corporate (behavioral) levels. A set of measures to improve legislation is proposed: establishing preclusion periods for independent appraisals, a mechanism for collecting the undisputed portion of the debt, a special procedure for distributing legal costs, and prioritizing the satisfaction of the claims of a departing participant during the liquidation of a company. It is concluded that the proposed system of criteria needs to be legally enshrined in law to standardize judicial practice and reduce the potential for conflict in this area of corporate relations.*

Key words*: Limited Liability Company, Participant Exit, Actual Value of Share, Corporate Conflict, Judicial Practice, Financial Statements, Market Value, Fictitious Liabilities, Discounts, Three-Tier Criteria System.*

Актуальность темы обусловлена фундаментальным противоречием между формальным порядком расчета стоимости доли, закрепленным в Федеральном законе «Об обществах с ограниченной ответственностью» (далее — Закон об ООО) (на основе данных бухгалтерской отчетности), и экономической сущностью отношений, требующей учета реальной рыночной стоимости активов общества. Данная презумпция, обладая несомненными достоинствами с точки зрения формальной определенности и предсказуемости правоприменения, вступает в противоречие с фундаментальными принципами справедливости и эквивалентности возмещения, составляющими основу гражданского оборота. Бухгалтерская отчетность, предназначенная для целей фискального учета и статистического наблюдения, не ориентирована на отражение рыночной конъюнктуры, волатильности цен на отдельные виды активов (недвижимость, ценные бумаги, объекты интеллектуальной собственности), а также на учет таких экономических категорий, как деловая репутация (гудвилл), скрытые активы и отложенные обязательства. Указанное несоответствие порождает ситуацию, при которой формально законный расчет ДСД может приводить к результату, существенно отличающемуся от той экономической выгоды, которую участник мог бы получить при реализации своего права на выход, либо, напротив, возлагать на общество необоснованное бремя выплат, не обеспеченных реальной стоимостью чистых активов.

Единообразные критерии определения действительной стоимость доли (Далее – ДСД) в правоприменительной практике до настоящего времени не выработаны. Отсутствие легальной дефиниции «действительной стоимости» применительно к целям выхода участника, равно как и отсутствие законодательно закрепленной методики учета рыночной составляющей при расчете чистых активов, порождает множественность судебных подходов по следующим ключевым направлениям.

Институт выхода участника из общества с ограниченной ответственностью (далее — ООО, Общество) традиционно относится к числу наиболее конфликтогенных в российском корпоративном праве. Обязанность общества выплатить вышедшему участнику ДСД, предусмотренная ст. 23 Закона об ООО, на практике порождает многочисленные споры, связанные с определением размера такой выплаты [1].

Принципиальное изменение парадигмы произошло с вступлением в силу Федерального закона от 28.12.2025 № 514-ФЗ, которым в новой редакции изложена ст. 23 Закона об ООО [2]. Законодатель легализовал возможность отступления от бухгалтерского метода в пользу рыночного подхода [3]. Однако, как показывает анализ судебной практики, данные новеллы не разрешили всех накопившихся проблем и, более того, породили новые вопросы, требующие научного осмысления и выработки практических рекомендаций.

Одной из наиболее дискуссионных в правоприменительной практике остается проблема выбора отчетного периода, на основании которого производится расчет ДСД. Пункт 6.1 ст. 23 Закона об ООО предписывает определять ДСД на основании данных бухгалтерской отчетности за последний отчетный период, предшествующий дате перехода доли к обществу. Однако легаль-

ная дефиниция понятия «последний отчетный период» применительно к данной норме отсутствует, что порождает вопрос о допустимости использования промежуточной (квартальной, полугодовой) отчетности.

Данная коллизия отражает фундаментальное противоречие между формальной определенностью, обеспечиваемой привязкой к годовой отчетности, и требованием экономической справедливости, которое диктует необходимость учета наиболее актуальных данных о фактическом имущественном положении общества на момент, максимально приближенный к дате выхода участника

Принципиальная позиция сформулирована Верховным Судом РФ в определении от 14.11.2025 № 305-ЭС25-7382 [4]. Участница вышла из ООО в ноябре 2021 г., настаивая на применении годовой отчетности за 2020 г. Общество произвело расчет на основе промежуточной отчетности за девять месяцев 2021 г., которую составляло для банка. Разница в расчетах превысила 12,9 млн руб. Суды нижестоящих инстанций поддержали формальный подход, приняв сторону участницы.

Верховный Суд РФ отменил судебные акты, указав: определение ДСД должно соответствовать принципу справедливости и основываться на достоверных данных, отражающих актуальное имущественное положение общества. Как указал Суд: «определение действительной стоимости доли должно соответствовать принципу справедливости», а «последние актуальные сведения о фактическом имущественном состоянии общества и реальной стоимости его активов содержались в составленной ответчиком промежуточной бухгалтерской отчетности».

Вместе с тем, данная позиция порождает правовую неопределенность и ставит права участника в зависимость от факторов, не всегда находящихся в сфере его контроля, например, от факта составления отчетности для банка-кредитора. Особенно уязвимыми оказываются миноритарные участники, не вовлеченные в оперативное управление и не имеющие достоверной информации о составлении промежуточной отчетности.

В целях устранения данной неопределенности представляется необходимым внесение изменений в п. 6.1 ст. 23 Закона об ООО, предусматривающих следующее правило:

1. По общему правилу, для расчета ДСД используется годовая бухгалтерская отчетность, как наиболее достоверно отражающая результаты финансово-хозяйственной деятельности общества за завершенный производственный цикл и прошедшая процедуру утверждения общим собранием участников.
2. Использование промежуточной бухгалтерской отчетности допускается только в исключительных случаях, прямо предусмотренных законом, а именно: а) если составление промежуточной отчетности является обязательным для данного общества в силу закона (например, для субъектов естественных монополий, эмитентов публично размещаемых ценных бумаг); б) если промежуточная отчетность была утверждена общим собранием участников общества, что предполагает осведомленность всех участников о финансовом состоянии общества на соответствующую дату.

Такой подход, с одной стороны, обеспечивает стабильность и предсказуемость расчетов, а с другой — не исключает возможность учета актуальной информации, если она была легитимирована самими участниками.

С рассмотренной проблемой тесно связан вопрос о необходимости учета при расчете ДСД событий, объективно изменивших имущественное положение общества в период после отчетной даты, но до момента выхода участника, если такие события не нашли отражения в бухгалтерской отчетности. Данная проблема получила разрешение в Определении Верховного Суда РФ от 13.12.2024 № 305-ЭС24-14865 [5].

В обществе с тремя равными участниками устав запрещал выход и продажу долей третьим лицам. Один участник потребовал выкупа его доли, оценив ее в 35 млн руб. Общество выплатило 4,5 млн руб., после чего участник обратился в суд. Судебная экспертиза определила ДСД в 42 972 000 руб. Суды удовлетворили иск, не приняв во внимание доводы общества о том, что до направления требования произошел пожар, повлекший существенные имущественные потери.

Верховный Суд РФ отменил судебные акты, сформулировав правовую позицию: участники принимают на себя как позитивные, так и негативные изменения стоимости активов пропорционально принадлежащим долям. Не допускается, чтобы партнер участвовал только в распределении прибыли, но был освобожден от покрытия убытков. Исключение возможно только по соглашению участников, но нельзя освободить кого-либо от убытков полностью. Данная позиция впоследствии была включена в п. 16 Обзора судебной практики ВС РФ № 2 (2025) [6].

Для предотвращения споров целесообразно закрепить в законе критерии учета таких событий: учитываются только события, носящие объективный и неустранимый характер (стихийные бедствия, пожары, гибель имущества), бремя доказывания лежит на обществе.

Наиболее острой проблемой остается искусственное занижение обществом ДСД путем включения в отчетность фиктивных обязательств либо неотражения ликвидных активов. Показа-

тельно дело № А40-102166/2023 по иску Даниловой Е.В. к ООО «Инструмент холдинг С», рассмотренное Верховным Судом РФ в апреле 2025 г. [7]

Истец, владевшая 30% доли, вышла из общества в декабре 2022 г. Общество выплатило 1 млн руб., тогда как, по расчетам истицы на основе баланса за 2021 г. (чистые активы 74 495 000 руб.), ДСД составляла 22 349 000 руб. Суды отказали в иске, приняв заключение экспертизы, согласно которому чистые активы составили отрицательную величину (стоимость доли — 30 руб.) с учетом кредиторской задолженности 401 443 000 руб.

Верховный Суд РФ в определении от 25.04.2025 № 305-ЭС24-23344 указал: суды не дали оценки доводам об искусственном завышении задолженности перед контрагентом с признаками «фирмы-однодневки». Суды не должны доверять бухгалтерской отчетности или выводам экспертизы, если есть разумные сомнения в их достоверности. Наличие корпоративного конфликта требует от суда более тщательной проверки обстоятельств. Механизм восстановления прав является исключением недостоверной задолженности из расчета. Суд также отметил процессуальную особенность: бывший участник объективно лишен возможности представить исчерпывающие доказательства, тогда как общество отвечает за достоверность отраженных в балансе сведений.

С этим связан вопрос учета имущества, оплаченного до выхода, но не зарегистрированного. В том же деле истец указал на приобретение обществом недвижимости в 2021 г. (оплата произведена), однако право собственности зарегистрировано в 2022 г., суды не учли данное имущество. Верховный Суд указал: временной разрыв между оплатой и регистрацией не изменяет имущественного положения общества для целей расчета ДСД.

В связи с этим предлагается на законодательном уровне закрепить «презумпцию недостоверности сведений бухгалтерской отчетности», вызывающих обоснованные сомнения в условиях корпоративного конфликта. Бремя опровержения такой презумпции и доказывания достоверности сведений, в том числе реальности задолженности перед аффилированными лицами, должно возлагаться на общество. Это предложение коррелирует с позицией ВС РФ о том, что общество отвечает за достоверность отраженных в балансе сведений. Одновременно следует поддержать и развить подход, согласно которому при расчете ДСД должны учитываться все активы, фактически принадлежащие обществу, вне зависимости от момента государственной регистрации прав на них, если обязанность по оплате такого актива была исполнена до даты выхода участника.

Обязанность общества по выплате ДСД вышедшему участнику на практике нередко остается неисполненной либо исполняется ненадлежащим образом. Помимо распространенного выше искусственного занижения стоимости, распространенным способом уклонения является ссылка общества на то, что выплата приведет к появлению признаков несостоятельности (банкротства), а также затягивание процедуры оценки.

В связи с указанной выше проблематикой видится необходимым ввести следующий комплекс мер. Во-первых, требуется законодательное установление пресекательных сроков для проведения процедуры независимой оценки. Предлагается дополнить п. 6.1 ст. 23 Закона об ООО положениями, согласно которым общество и участник обязаны в течение 10 рабочих дней с момента получения заявления о несогласии с размером ДСД согласовать кандидатуру оценщика. При недостижении согласия в указанный срок участник вправе самостоятельно определить оценщика, отчет которого является обязательным для общества. Сам отчет должен быть составлен не позднее двух месяцев с даты заключения договора на проведение оценки. За нарушение обществом срока предоставления документов оценщику либо уклонение от согласования его кандидатуры предлагается установить ответственность в виде процентов по ст. 395 ГК РФ [8], увеличенных на 50%, начисляемых на сумму доплаты за весь период просрочки.

Во-вторых, необходимо усовершенствовать механизм обеспечения выплаты на период разрешения спора об оценке. Конструкция «выплата по балансу с последующей доплатой» не решает проблему, когда общество отказывается выплачивать даже неоспариваемую часть долга. В связи с этим предлагается внести изменение в п. 8 ст. 23 Закона об ООО, предусмотрев право участника на получение судебного приказа о взыскании суммы, рассчитанной на основе бухгалтерской отчетности (неоспариваемой части долга), либо право ходатайствовать о наложении обеспечительных мер в виде перечисления указанной суммы на депозитный счет суда до разрешения спора.

В-третьих, законодательного урегулирования требует вопрос распределения судебных расходов на оплату услуг оценщика и проведение экспертизы. Предлагается закрепить правило, согласно которому в случае удовлетворения иска участника об увеличении размера ДСД все расходы на проведение оценки и судебной экспертизы возлагаются на общество в полном объеме, независимо от результатов распределения государственной пошлины. Данная мера будет стимулировать общество к досудебному урегулированию спора.

В-четвертых, учитывая практику инициирования процедур ликвидации и банкротства для ухода от расчетов, предлагается дополнить ст. 63 ГК РФ указанием на то, что при ликвидации юридического лица требования бывших участников о выплате ДСД удовлетворяются во внеочередном порядке после расчетов с кредиторами первой и второй очереди, но до распределения имущества между остальными участниками, с обязательным применением правил о рыночной оценке по требованию заявителя.

Особую остроту проблема приобретает в ситуации последующего банкротства общества, когда оставшиеся участники, контролирующие общество, могут недобросовестно уклоняться от выплаты ДСД, используя процедуру банкротства для «списания» этого долга. Принципиальная правовая позиция сформулирована в определении Верховного Суда РФ от 10.08.2023 № 305-ЭС19-22252: если выход участника состоялся до возникновения признаков банкротства и оставшиеся участники недобросовестно препятствовали выплате (вывод активов, фиктивные долги), требование вышедшего участника подлежит приоритетному удовлетворению перед оставшимися участниками при распределении ликвидационной квоты [9]. Недобросовестное поведение оставшихся участников не может служить основанием для лишения вышедшего участника права на получение ДСД.

Проведенный анализ судебно-арбитражной практики 2024–2026 гг. свидетельствует о формировании устойчивого тренда, сущность которого заключается в отказе от сугубо формального применения правил бухгалтерского учета при определении ДСД. Верховный Суд РФ последовательно ориентирует нижестоящие инстанции на необходимость установления экономически обоснованной стоимости, соответствующей принципу справедливости и добросовестности (эстоппель). Однако отсутствие в законе легальных критериев «справедливой стоимости» порождает судебный нормотворческий активизм, который, при всех его позитивных аспектах, создает риски правовой неопределенности.

В целях преодоления указанной неопределенности представляется возможным на основе обобщения правовых позиций, сформулированных в рассмотренных выше судебных актах, выделить три уровня (этапа) доказывания, которые в совокупности образуют систему юридических критериев для определения ДСД.

1. Бухгалтерский (формально-балансовый) критерий как отправная точка расчета.

Первоначальная квалификация размера ДСД осуществляется на основе императивного предписания абз. 2 п. 2 ст. 14 Закона об ООО, согласно которому стоимость доли соответствует части стоимости чистых активов общества, пропорциональной размеру доли участника. На данном этапе доминирует формально-юридический подход, где данные бухгалтерской отчетности (годовой или, в исключительных случаях, промежуточной) рассматриваются как достаточное и достоверное основание для расчета.

Вместе с тем, как было продемонстрировано в деле № 305-ЭС25-7382, применение данного критерия сопряжено с проблемой выбора отчетного периода. Дефект правового регулирования, допускающий двоякое толкование понятия «последний отчетный период», объективно требует законодательной интервенции. Предложенное решение (приоритет годовой отчетности с возможностью использования промежуточной только при условии ее утверждения общим собранием или в силу закона) направлено на придание данному критерию свойства предсказуемости. Тем не менее, результат, полученный на первом уровне, представляет собой лишь опровержимую презумпцию размера ДСД. Данная презумпция может быть преодолена при доказывании истцом (вышедшим участником) или ответчиком (обществом) обстоятельств, указывающих на необходимость применения критериев второго уровня.

2. Рыночный (объективно-экономический) критерий: корректировка балансовой стоимости.

Второй уровень доказывания активируется при наличии спора относительно достоверности балансовых данных. Легализация возможности отступления от бухгалтерского метода, осуществленная Федеральным законом № 514-ФЗ, а также судебная практика Верховного Суда РФ позволяют говорить о необходимости применения рыночного подхода для определения действительной (то есть реальной) стоимости доли. Данный критерий включает несколько взаимосвязанных элементов:

Во-первых, учет событий, объективно изменивших имущественное положение общества после отчетной даты. Согласно правовой позиции, изложенной в Определении ВС РФ от 13.12.2024 № 305-ЭС24-14865, вышедший участник не может быть освобожден от несения риска негативных изменений, носящих объективный и неустранимый характер (например, утрата имущества вследствие пожара). При этом бремя доказывания факта наступления такого события и его влияния на стоимость чистых активов лежит на обществе.

Во-вторых, исключение из состава пассивов общества обязательств, носящих фиктивный или технический характер. Дело Даниловой (№ А40-102166/2023) наглядно продемонстрировало недопустимость формального подхода к оценке достоверности кредиторской задолженности, в особенности перед аффилированными лицами или контрагентами, обладающими признаками

«фирм-однодневок». В условиях корпоративного конфликта суд обязан подвергнуть сомнению данные бухгалтерской отчетности и возложить на общество бремя доказывания реальности соответствующих хозяйственных операций.

В-третьих, инвентаризация активов, фактически принадлежащих обществу, вне зависимости от момента формальной регистрации прав на них. Как справедливо указал Верховный Суд РФ, временной разрыв между оплатой имущества и государственной регистрацией перехода права собственности не может служить основанием для исключения такого имущества из расчетов ДСД, если обязательство по его приобретению было исполнено до даты выхода участника. Применение рыночного критерия на данном этапе также предполагает возможность использования отчета независимого оценщика для определения рыночной стоимости чистых активов, а не их балансовой оценки.

3. Корпоративный (поведенческий) критерий: учет добросовестности сторон.

Наиболее сложным с точки зрения доказывания является третий уровень, где юридическая оценка дается не столько активам, сколько поведению участников корпоративного конфликта. Данный критерий производен от общих начал гражданского законодательства (ст. 1, 10 ГК РФ) и конкретизирован в целом ряде определений Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ.

Первым элементом выступает перераспределение бремени доказывания. В связи с тем, что вышедший участник утрачивает корпоративный контроль и доступ к документации, презюмируется его процессуальная слабость. В связи с этим при представлении истцом убедительных доводов о наличии в отчетности искажений (неотражение активов, фиктивные долги) бремя опровержения этих доводов и доказывания достоверности отчетности переходит на общество. Данный подход, по сути, вводит презумпцию недостоверности сведений баланса, вызывающих обоснованные сомнения.

Вторым элементом выступает квалификация действий (бездействия) общества и его контролирующих участников. Недобросовестное поведение, выражающееся в умышленном затягивании процедуры выплаты, выводе активов в преддверии выхода участника либо в инициировании процедуры банкротства с целью «списания» долга перед выбывшим участником, должно влечь за собой отказ в судебной защите соответствующему поведению. Согласно правовой позиции, сформулированной в определении ВС РФ от 10.08.2023 № 305-ЭС19-22252, подобные действия не могут служить основанием для лишения вышедшего участника права на получение ДСД, а требование последнего подлежит приоритетному удовлетворению перед требованиями оставшихся участников при распределении ликвидационной квоты.

Предложенная трехуровневая система представляет собой иерархическую конструкцию, где каждый последующий уровень применяется лишь при недостаточности предыдущего. Суд, разрешая спор, обязан: (а) установить формальную балансовую стоимость (первый уровень); (б) проверить доводы сторон о необходимости ее корректировки исходя из реального имущественного положения (второй уровень); (в) оценить поведение сторон на предмет добросовестности, что может повлиять как на размер ДСД, так и на порядок ее взыскания (третий уровень). Данный алгоритм позволяет сочетать формальную определенность закона с гибкостью судебного усмотрения, необходимой для достижения справедливого баланса интересов участников корпоративных правоотношений. Законодательное закрепление описанных критериев (либо их имплицитное признание на уровне постановления Пленума ВС РФ) способно существенно снизить конфликтогенность рассматриваемой сферы и унифицировать судебную практику.

Проведенное исследование показало, что определение действительной стоимости доли при выходе участника из ООО остается одной из наиболее сложных сфер корпоративного права. Основная причина этого — сохраняющийся разрыв между формальными требованиями закона, ориентирующими на данные бухгалтерской отчетности, и экономической сущностью отношений, требующей учета реальной рыночной стоимости активов.

Судебная практика 2024–2026 гг. свидетельствует о последовательном движении Верховного Суда РФ в сторону «справедливой стоимости»: формируются подходы, позволяющие корректировать балансовые показатели с учетом чрезвычайных событий, исключать фиктивные обязательства и учитывать активы вне зависимости от формальной регистрации прав. Однако, как показал анализ, эти позиции фрагментарны и не образуют целостной системы, что порождает правовую неопределенность.

Выход видится в законодательном закреплении трехуровневой системы критериев, предложенной в настоящей статье. Бухгалтерский критерий должен оставаться отправной точкой, рыночный — позволять корректировать баланс с учетом реального имущественного положения, а корпоративный — учитывать добросовестность поведения сторон и перераспределять бремя доказывания в пользу вышедшего участника. Такая иерархия способна сочетать формальную определенность закона с гибкостью судебного усмотрения, необходимой для достижения справедливого баланса интересов.

Реализация этого подхода, подкрепленная предложенными в статье процессуальными механизмами (пресекательные сроки оценки, взыскание неоспариваемой части долга, приоритет требований вышедшего участника при ликвидации), позволит существенно снизить количество споров института выхода из ООО и обеспечить участникам реальную, а не иллюзорную защиту их имущественных прав.

Список литературы:

[1] Федеральный закон от 08.02.1998 № 14-ФЗ (ред. от 28.12.2025) «Об обществах с ограниченной ответственностью» // Собрание законодательства РФ. – 1998. – № 7, статья 23

[2] Федеральный закон от 28.12.2025 № 514-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об обществах с ограниченной ответственностью» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2025. – № 52.

[3] Изменения в механизме определения действительной стоимости доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью : 25.12.2025 // Закон.ру : интернет-портал. — URL:https://zakon.ru/blog/2025/12/25/izmeneniya_v_mehanizme_opredeleniya_dejstvitelnoj_stoimosti_doli_v_ustavnom_kapitale_obschestva_s_og (дата обращения: 12.02.2026).

[4] Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 14.11.2025 № 305-ЭС25-7382 по делу № А41-24973/2023 // СПС «Гарант». – URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/412978667/ (дата обращения: 10.03.2026)

[5] Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 13.12.2024 № 305-ЭС24-14865 по делу № А41-81859/2022 // СПС «Гарант». – URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/411015880/ (дата обращения: 10.03.2026).

[6] Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2 (2025) : утв. Президиумом Верховного Суда РФ 18.06.2025 (ред. от 19.11.2025) // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2025. – № 9.

[7] Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 25.04.2025 № 305-ЭС24-23344 по делу № А40-102166/2023 // СПС «Гарант». – URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/411837322/ (дата обращения: 11.03.2026).

[8] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 29.07.2017) // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 32.

[9] Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 10.08.2023 № 305-ЭС19-22252(4) по делу № А40-23687/2017 // СПС «Гарант». – URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/407445971/ (дата обращения: 10.03.2026).

References:

[1] Federal Law No. 08.02.1998 of 14-FZ (as amended by 28.12.2025) " On Limited Liability Companies "//Collection of Legislation of the Russian Federation. – 1998. - No. 7, Article 23

[2] Federal Law of 28.12.2025 No. 514-FZ "On Amendments to the Federal Law "On Limited Liability Companies" and Certain Legislative Acts of the Russian Federation "//Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2025. – № 52.

[3] Changes in the mechanism for determining the actual value of the share in the authorized capital of a limited liability company: 25.12.2025 // Закон.ру: Internet portal. — URL:https://zakon.ru/blog/2025/12/25/izmeneniya_v_mehanizme_opredeleniya_dejstvitelnoj_stoimosti_doli_v_ustavnom_kapitale_obschestva_s_og (дата обращения: 12.02.2026).

[4] Determination of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation of 14.11.2025 No. 305-ES25-7382 in case No. A41-24973/2023//SPS "Garant." - URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/412978667/ (accessed on: 10.03.2026)

[5] Determination of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation of 13.12.2024 No. 305-ES24-14865 in case No. A41-81859/2022//SPS "Garant." - URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/411015880/ (access date: 10.03.2026).

[6] Review of the judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation No. 2 (2025): approved Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation 18.06.2025 (as amended by 19.11.2025) //Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. – 2025. – № 9.

[7] Determination of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation of 25.04.2025 No. 305-ES24-23344 in case No. A40-102166/2023//SPS "Garant." - URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/411837322/ (access date: 11.03.2026).

[8] Civil Code of the Russian Federation (Part One) dated 30.11.1994 No. 51-FZ (rev. dated 29.07.2017) //Collection of Legislation of the Russian Federation. – 1994. – № 32.

[9] Determination of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation of 10.08.2023 No. 305-ES19-22252 (4) in case No. A40-23687/2017//SPS "Garant." - URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/407445971/ (access date: 10.03.2026).

- УГОЛОВНОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС -

Дата поступления рукописи в редакцию: 17.04.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-4-362-364
Дата принятия рукописи в печать: 03.05.2026 г.

АЛХАСТОВА Макка Вахидовна,
преподаватель кафедры уголовного права, процесса и национальной безопасности Чеченского государственного университета имени А. А. Кадырова,
e-mail: alkhastovam@gmail.com

БИЧАЕВА Залина Ибрагимовна,
ассистент кафедры «Юриспруденция» ФГБОУ ВО «Грозненский государственный нефтяной технический университет им. М.Д. Миллионщикова»,
e-mail: Bichaeva.zalina@mail.ru

БУЕВ Юсуп Ахъядович,
магистрант кафедры уголовного права, процесса и национальной безопасности Чеченского государственного университета имени А. А. Кадырова,
e-mail: mail@law-books.ru

ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР ЗА ЗАКОННОСТЬЮ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ КОЛЛИЗИИ И ПРАКТИКА РЕАЛИЗАЦИИ

Аннотация. *В статье подвергнуты системному анализу актуальные проблемы реализации надзорных полномочий прокурора на досудебных стадиях уголовного судопроизводства. Автор исследует диалектическую взаимосвязь между прокурорским надзором и процессуальной самостоятельностью следователя, детерминирует пределы вмешательства надзирающего прокурора в тактику расследования. Особое внимание уделено анализу полномочий прокурора по возвращению уголовных дел для дополнительного расследования и роли прокурорского фильтра в пресечении необоснованного ограничения прав личности.*

Ключевые слова: *прокурорский надзор, предварительное следствие, процессуальная самостоятельность, законность, уголовное преследование, обвинительное заключение, прокурорская проверка.*

ALKHASTOVA Makka Vakhidovna,
Lecturer at the Department of Criminal Law, Process and National Security Kadyrov Chechen State University

BICHAEVA Zalina Ibragimovna,
Assistant Professor, Department of Jurisprudence, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education, Grozny State Petroleum Technological University named after M.D. Millionshchikov

BUEV Yusup Akhyadovich,
Master's Student of the Department of Criminal Law, Process and National Security Chechen State University named after A. A. Kadyrov

PROSECUTORIAL SUPERVISION OF THE LEGALITY OF THE PRELIMINARY INVESTIGATION: THEORETICAL CONFLICTS AND IMPLEMENTATION PRACTICE

Annotation. *The article systematically analyzes the actual problems of exercising the supervisory powers of the prosecutor at the pre-trial stages of criminal proceedings. The author explores the dialectical relationship between prosecutorial supervision and the procedural independence of the investigator, determines the limits of the supervising prosecutor's intervention in the tactics of the investigation. Special attention is paid to the analysis of the prosecutor's powers to return criminal cases for additional investigation and the role of the prosecutor's filter in suppressing unjustified restrictions on individual rights.*

Key words: *prosecutorial supervision, preliminary investigation, procedural independence, legality, criminal prosecution, indictment, prosecutorial review.*

Институт прокурорского надзора за законностью деятельности органов предварительного следствия выступает фундаментальным гарантом соблюдения конституционных прав граждан в сфере уголовной юстиции. В условиях современной правовой реальности прокурор занимает уникальное положение «арбитра законности», чья функция трансформируется из узко карательной в правозащитную и координирующую. Несмотря на существенное реформирование УПК РФ, лишившее прокурора части властных полномочий в отношении следствия, его роль как «процессуального фильтра» на пути дела в суд остается детерминирующей.

Актуальность темы обусловлена перманентной дискуссией о необходимости возвращения прокурору права возбуждать уголовные дела и давать обязательные для исполнения указания следователю. Как справедливо отмечает В. Б. Ястребов, «прокурорский надзор — это не внешнее наблюдение, а активная форма обеспечения режима законности, где эффективность измеряется количеством предотвращенных, а не выявленных ошибок» [1, с. 84].

Центральной коллизией досудебного производства остается баланс между надзорными полномочиями прокурора и процессуальной независимостью следователя. Современная модель расследования предполагает, что следователь самостоятельно определяет вектор тактического поиска, в то время как прокурор осуществляет последующий контроль за легитимностью принятых решений.

Однако на практике данная дихотомия часто порождает конфликты. Прокурор, выявляя нарушения при приеме и регистрации сообщений о преступлениях, фактически вторгается в сферу оценки доказательств, которая является прерогативой следствия. А. Д. Бойков подчеркивал, что «чрезмерная опека со стороны прокурора подавляет инициативу следователя, превращая его в технического исполнителя надзорных указаний, что пагубно сказывается на качестве раскрытия преступлений» [2, с. 112]. С другой стороны, отсутствие оперативного прокурорского реагирования на тактические ошибки ведет к затягиванию сроков следствия и нарушению права на правосудие в разумный срок.

Одним из наиболее эффективных инструментов надзора является право прокурора вернуть уголовное дело для производства дополнительного расследования при утверждении обвинительного заключения. Данная стадия является критической, так как именно здесь прокурор оценивает готовность дела к судебному разбирательству.

Типичные основания для возврата дела:

1. Несоответствие фабулы обвинения собранным доказательствам. Прокурор анализирует логическую связь между уликами и квалификацией деяния.
2. Нарушение права на защиту. Непредоставление переводчика, несвоевременное ознакомление с материалами дела — эти ошибки делают обвинительное заключение ничтожным в суде.
3. Неполнота расследования. Выявление версий, которые не были проверены следователем, но имеют существенное значение для установления истины.

Как указывал Ю. И. Скуратов, «возврат дела прокурором — это не признание поражения следствия, а механизм самоочищения системы, предотвращающий вынесение неправосудных приговоров» [3, с. 156].

Помимо надзора, прокурор выполняет важнейшую функцию координации деятельности всех правоохранительных органов. В рамках координационных совещаний вырабатываются единые подходы к квалификации новых видов преступлений (например, киберпреступности или экологических деликтов).

Проблема заключается в том, что координация часто подменяется формальным администрированием. Истинный смысл координации — в создании единого информационного поля и

выработке общей превентивной стратегии. Эффективность прокурорского надзора здесь напрямую коррелирует с качеством аналитической работы: прокурор должен видеть системные причины роста тех или иных видов преступлений, а не ограничиваться фиксацией статистических показателей.

Стадия возбуждения дела — наиболее уязвимый участок с точки зрения нарушения прав личности. Прокурорский надзор здесь направлен на пресечение двух крайностей: необоснованного отказа в возбуждении дела (укрывательство преступлений) и незаконного возбуждения дела с целью оказания давления.

Отмена незаконных постановлений следователя об отказе в возбуждении дела — рутинная, но жизненно важная функция прокурора. В. Г. Бессарабов справедливо отмечает, что «именно на этой стадии прокурор выступает как единственный доступный гражданину щит от административного произвола и нежелания органов следствия работать с «висяками»» [4, с. 210]. Сложность заключается в том, что прокурор лишен права сам возбудить дело, что вынуждает его вступать в затяжную переписку с руководителями следственных органов, теряя драгоценное время.

Резюмируя вышеизложенное, следует констатировать, что институт прокурорского надзора требует дальнейшего совершенствования в сторону расширения властно-распорядительных полномочий прокурора на досудебных стадиях. Необходим переход от модели «пассивного наблюдателя» к модели «активного координатора», обладающего реальными инструментами оперативного вмешательства в процесс доказывания.

Перспективы развития надзора связаны с внедрением цифровых систем мониторинга движения уголовных дел, что позволит прокурору в режиме реального времени отслеживать соблюдение сроков и законность проведения следственных действий. Только сильный и независимый прокурорский надзор способен обеспечить подлинное равновесие между интересами государства и правами личности в уголовном судопроизводстве.

Список литературы:

[1] Ястребов В. Б. Прокурорский надзор: учебник. — М.: Городец, 2011. — 448 с.

[2] Бойков А. Д. Статус прокурора в уголовном судопроизводстве. — М.: Юрлитинформ, 2006. — 256 с.

[3] Скуратов Ю. И. Прокуратура в системе органов государственной власти. — М.: Норма, 2015. — 320 с.

[4] Бессарабов В. Г. Прокурорский надзор: учебник. — М.: Юристъ, 2019. — 464 с.

[5] Сухарев А. Я. Российская прокуратура: история и современность. — М.: Юрист, 2005. — 312 с.

[6] Шейфер С. А. Следственные действия. Система и процессуальная форма. — М.: Юрлитинформ, 2001. — 208 с.

[7] Коновалов С. И. Проблемы и перспективы взаимодействия прокурора и следователя. — Ростов-на-Дону: Феникс, 2017. — 184 с.

[8] Баев О. Я. Прокурорский надзор за расследованием преступлений. — М.: Юрлитинформ, 2014. — 288 с.

[9] Ищенко Е. П. Криминалистика и прокурорский надзор: курс лекций. — М.: Контракт, 2019. — 320 с.

[10] Винокуров Ю. Е. Прокурорский надзор: учебник для вузов. — М.: Юрайт, 2021. — 510 с.

References:

[1] Yastrebov V. B. Prosecutorial supervision: textbook. - M.: Gorodets, 2011. - 448 s.

[2] Boykov A.D. Status of the prosecutor in criminal proceedings. - M.: Yurlitinform, 2006. - 256 s.

[3] Yu. I. Skuratov. Prosecutor's Office in the system of state authorities. - M.: Norma, 2015. - 320 s.

[4] Bessarabov V. G. Prosecutorial supervision: textbook. - M.: Lawyer, 2019. - 464 s.

[5] Sukharev A. Ya. Russian prosecutor's office: history and modernity. - M.: Lawyer, 2005. - 312 s.

[6] Shafer S.A. Investigative actions. System and procedural form. - M.: Yurlitinform, 2001. - 208 s.

[7] Konovalov S. I. Problems and prospects for interaction between the prosecutor and the investigator. - Rostov-on-Don: Phoenix, 2017. - 184 s.

[8] Baev O. Ya. Prosecutor's supervision of the investigation of crimes. - M.: Yurlitinform, 2014. - 288 p.

[9] Ishchenko E.P. Forensics and prosecutorial supervision: a course of lectures. - M.: Contract, 2019. - 320 s.

[10] Vinokurov Yu. E. Prosecutorial supervision: a textbook for universities. - M.: Yurayt, 2021. - 510 s.

Дата поступления рукописи в редакцию: 22.04.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.05.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3830-2026-4-365-368

МАЙСТРЕНКО Григорий Александрович,
кандидат юридических наук,
старший научный сотрудник ФКУ
НИИ ФСИН России,
ORCID: 0000-0001-5668-615X
e-mail: g.maystrenko@yandex.ru,

АНАЛИЗ ПОНЯТИЯ «СЕРИЙНОЕ УБИЙСТВО» ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ КРИМИНАЛИСТИКИ

Аннотация. *Настоящая статья посвящена обобщению и анализу научно-исследовательских подходов к изучению понятия «серийное убийство» через призму криминалистики как науки. Автор подчеркивает общественную опасность данного вида противоправных преступных деяний, необходимость оптимизации криминологических процедур в целях повышения раскрываемости серийных убийств, а также разработки мер профилактического характера.*

В статье актуализируется внимание на содержании понятия «серийный убийца», его эволюции во времени, основных характеристиках данного вида противоправных преступных деяний.

Ключевые слова*: серийное убийство, криминалистика, преступление, уголовное право, организованные преступники, дезорганизованные преступники.*

MAISTRENKO Grigoriy Aleksandrovich,
senior researcher of the PKU Research Institute
of the Federal Penitentiary Service of Russia

AN ANALYSIS OF THE CONCEPT OF "SERIAL MURDER" THROUGH THE LENS OF FORENSIC SCIENCE

Annotation. *This article summarizes and analyzes research approaches to the study of the concept of "serial murder" through the lens of forensic science. The author emphasizes the social danger of this type of unlawful criminal act, the need to optimize criminological procedures to increase the detection rate of serial murders, and the development of preventive measures.*

The article focuses on the concept of "serial killer", its evolution over time, and the main characteristics of this type of unlawful criminal act. Keywords: serial murder, forensic science, crime, criminal law, organized criminals, disorganized criminals.

Key words: *serial murder, forensic science, crime, criminal law, organized criminals, disorganized criminals.*

Феномен серийных убийств в современном мире является предметом пристального анализа ученых-криминалистов и специалистов в области уголовного права. Данная категория убийств, для которой характерно совершение лицом, либо группой лиц серии противоправных преступных деяний с наличием определенного перерыва между ними, обладает повышенной общественной опасностью. В соответствии с уголовным кодексом РФ (УК РФ) ст.105 – убийство, то есть умышленное причинение смерти другому человеку, - наказывается лишением свободы на срок от шести до пятнадцати лет с ограничением свободы на срок до двух лет либо без такового[5]. Несмотря на это в действующем уголовном законодательстве РФ не предусмотрена норма, определяющая значение понятия серийных убийств. Отсутствует и легальная дефиниция серийности преступлений, однако в науке и следственной практике она давно получило распространение как термин, обозначающий совершение на протяжении определенного периода времени одним и тем же лицом двух и более однородных преступлений, сходных по

способу их совершения и имеющих один и тот же мотив. Серийным убийцей принято считать лицо, которое совершило три и более самостоятельных (отдельных) убийства с проявлениями особой жестокости, разграничивающихся периодами эмоционального покоя и тишины[7]. Такие преступления, в свою очередь, требуют специфического подхода к их расследованию, а также организации профилактики рецидивов.

Известный советский и российский психиатр и научный деятель А. О. Бухановский определял серийные убийства через совокупность их признаков как совершённое неоднократно преступление, характеризующееся наличием специфического (часто патологического) криминального почерка виновного, выражающегося в однотипности жертв, повторяемости криминальных ситуаций и мест совершения преступлений, специфичности способов нападения, стереотипности, ритуальности агрессивного нападения [6, с. 253].

Обобщение и анализ научно-исследовательских подходов к изучению данной темы определяется ее значением в силу общественного резонанса, производимого совершением противоправных преступных деяний подобного рода. Кроме того, криминалистические методы при расследовании серийных убийств в настоящее время существенно эволюционировали ввиду развития цифровых и компьютерных технологий. Текущие условия криминальной среды также представляют собой отнюдь не статичное, а динамичное явление. Указанные обстоятельства определяют необходимость осмысления понятия «серийное убийство» через призму криминалистики как науки. В свою очередь, изучение криминалистических характеристик серийных убийств обеспечит не только оптимизацию практики расследования данной категории противоправных преступных деяний, но также возможность выработки новых стратегий профилактики подобного рода правонарушений. Прежде чем перейти к анализу понятия «серийное убийство» через призму криминалистики, необходимо дать определение исследуемого термина.

Несмотря на то, что в настоящее время общий смысл данного понятия известен практически каждому, его содержание, определяемое практикой раскрытия этого вида преступлений, продолжает конкретизироваться. По мнению П. Вронского, в настоящее время не представляется возможным однозначно ответить на вопрос о том, кто именно впервые предложил данный термин и ввел его в науку. Как отмечал автор, по всей вероятности, он был введен одновременно несколькими учеными независимо друг от друга примерно в одно и то же время [2, с. 14].

Исследование серийных убийств как самостоятельного вида противоправных преступных деяний в Европе началось еще в Средние века, однако, не предполагало реализации комплексного подхода к осмыслению данного феномена. В XIXстолетии в науку было внедрено понятие «multiple-murder» в буквальном переводе означавшее «много убийств» посредством которого обозначались убийства с множественностью эпизодов. Однако, преступления, объединенные в рамках данного термина и характеризовавшиеся рецидивами, далеко не во всех случаях имели объединяющие мотивы, что, в свою очередь, не позволяло на данном этапе выделить серийные преступления в качестве отдельного вида противоправных преступных деяний[1].

Большинство исследователей указывают, что возникновение понятия «серийное убийство» соотносится с именем Р. Ресслера – американского агента Федерального бюро расследований, имевшего обширные практические познания в области криминологии, криминалистики как науки, а также криминальной психологии в XX столетии. По свидетельству Р. Ресслера, данный термин появился на основании ассоциаций с сериалами, традиционно включающими большое количество последовательно сменяющих друг друга эпизодов. Аналогично жанру драмы, данный прием обеспечивал постоянную поддержку напряжения, интереса и, вместе с тем, отсутствия полноценной удовлетворенности. С точки зрения Р. Ресслера, сходные ощущения порождает разум серийного убийцы при совершении, а также замысле новых преступлений, для которого «сам факт убийства заставляет его желать следующего, потому что оно происходит не таким идеальным способом, как в его воображении» [3, с. 28].

Таким образом, серийным убийствам как самостоятельному виду противоправных преступных деяний свойственен глубокий психологизм, зависимость преступника от совершения новых правонарушений, что создает беспрецедентную общественную опасность данного вида преступлений. Некоторые характеристики, свойственные серийным убийствам, представлены в *таблице 1*. На основании данных характеристик серийные убийства разграничивают, в частности, с массовыми и цепными убийствами.

Таблица 1. Основные характеристики серийных убийств

Характеристики	Значение для данного вида преступлений
Количество субъектов	Один
Количество жертв	Три и свыше
Количество эпизодов	Три и свыше
Число мест совершения преступлений	Три и свыше
Наличие/отсутствие периода эмоционального спада	Присутствует
Наличие/отсутствие умысла	Присутствует
Наличие/отсутствие плана преступления	Присутствует
Наличие/отсутствие фантазии	Присутствует

*Источник: сост. Автором

Таким образом, анализ данных таблицы позволяет заключить, что серийные убийства совершаются одним и тем же лицом, без сообщников, их количество, вопреки наблюдениям экспертов предшествующих эпох, составляет, как правило, от трех и более преступлений. Как правило, серийные убийства совершаются в разных местах с определенной периодичностью, что позволяет убийцам регулярно переживать периоды эмоционального спада и подъема. Серийные убийства являются предумышленными, предварительно спланированными противоправными преступными деяниями, в рамках реализации которых убийцы могут проявить свою фантазию.

Именно периодичность серийных убийств способствует развитию у преступника фантазий относительно совершения будущего преступления, продумывания его деталей. Для серийных убийц характерно отсутствие сопереживания объекту преступления, а также совершение преступлений на хорошо известной территории, либо в знакомом месте.

Что касается способа совершения преступления, как правило, серийные убийцы придерживается конкретного, выбранного ими способа совершения преступления, либо сходных способов в рамках каждого из эпизодов (нанесение смертельных колото-резаных ран, забивание насмерть, удушение и т.д.). Однако, по мнению некоторых исследователей данное правило срабатывает далеко не во всех случаях. В частности, серийные убийства сексуального характера могут совершаться как посредством нанесения жертве множественных колотых, резаных ран, так и отчленения частей тела, извлечения внутренних органов жертвы и проч. В свою очередь, тот способ, при помощи которого была убита жертва, позволяет охарактеризовать тип преступника (организованный, либо дезорганизованный), а также составить представление о его умениях и уровне физической подготовки.

Таким образом, серийные убийцы могут относиться как организованному, так и неорганизованному типу. Данные категории имеют социально-психологическое измерение. В частности, если убийца организован, это позволяет ему планировать в деталях совершение будущего противоправного преступного деяния. В свою очередь, если убийца является дезорганизованным, он не обладает выраженными когнитивными характеристиками, позволяющими ему реализовывать предварительное планирование преступлений и, как следствие, их последующее практическое воплощение. Для таких преступников часто характерно наличие умственной неполноценности, психических расстройств, что может выражаться в неадекватном поведении, а также странном внешнем виде [4, с. 51].

Несмотря на то, что традиционно серийные убийцы действуют в одиночку, они также способны действовать в составе организованных преступных групп. Это находит подтверждение в криминологической практике. В истории противоправных преступных деяний известны случаи,

когда серийные убийства являлись результатом совместной деятельности группы лиц, объединенных общей мотивацией. В случае, если организованные преступные группировки обладают четкой структурой, как правило, их участники преследуют не только цель причинения жертве страданий, но также материальной выгоды.

Подводя итоги анализу понятия «серийное убийство» через призму криминалистики, следует отметить, что в настоящее время данный тип противоправных преступных деяний представляет особую общественную опасность, что предполагает оптимизацию криминалистических методов, направленных на обнаружение серийных убийц, а также на профилактику рецидивов данного вида преступлений.

В наиболее общем виде серийными следует считать убийства, совершенные субъектом три или более раз, в разных местах, преднамеренно и спланировано, основанные на фантазиях преступника, реализуемые с определенной периодичностью во времени.

Список литературы:

[1] Артемьева Э.Н. К вопросу о формировании криминалистического понятия «серийное убийство». URL: file:///C:/Users/Пользователь/Downloads/023.pdf (дата обращения: 15.04.2026).

[2] Вронский П. Сыны Каина: история серийных убийц от каменного века до наших дней / Пер. с англ. В. Либельт. – М.: АСТ, 2022. – 672 с.

[3] Ресслер Р., Шахтман Т. Кто сражается с чудовищами. Как я двадцать лет выслеживал серийных убийц для ФБР / Пер. с англ. О. Перфильева. – М.: Эксмо, 2022. – 416 с.

[4] Черкасова Е.С. Социально-психологическая типология серийных преступников // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2015. № 4 (63). – С. 49-51.

[5] Уголовный кодекс Российской Федерации / Федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ (в ред. от 20.02.2026) // Собрание законодательства РФ. 17.06.1996. №25. Ст. 2954.

[6] Бухановский А.О. Феномен «Чикатило»// Отв.ред. Дмитриева Т.Б., Бухановский А. О.: Серийные убийства и социальная агрессия. Тезисы докладов 1-й Международной научной конференции. ЛРНЦ «Феникс», Ростов-на-Дону, 1994. С. 252–262.

[7] Шубина А.С. Совершенствование методов работы органов полиции при раскрытии серийных преступлений// Концепт. 2014. № 10.

References:

[1] Artemyeva E.N. On the Formation of the Criminalistic Concept of “Serial Murder”. URL: file:///C:/Users/User/Downloads/023.pdf (accessed: 15.04.2026).

[2] Vronsky P. Sons of Cain: The History of Serial Killers from the Stone Age to the Present / Translated from English by V. Libelt. – Moscow: AST, 2022. – 672 p.

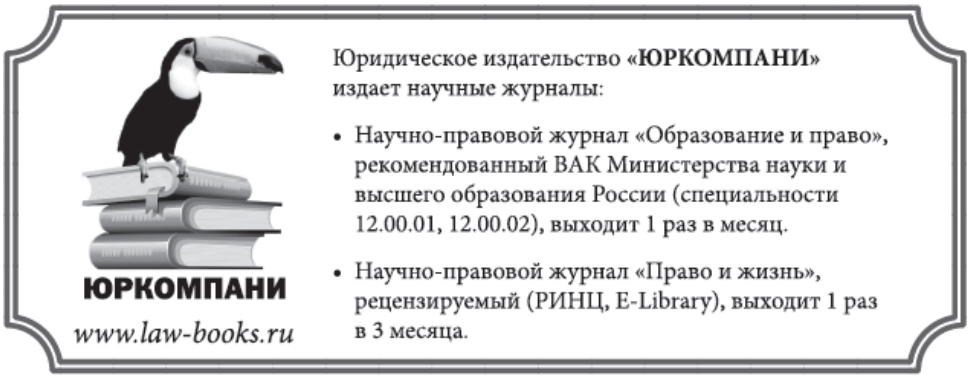
[3] Ressler R., Shachtman T. Who Fights the Monsters. How I Tracked Serial Killers for the FBI for Twenty Years / Translated from English by O. Perfiliev. – Moscow: Eksmo, 2022. – 416 p.

[4] Cherkasova E.S. Socio-psychological typology of serial criminals // Psychopedagogy in law enforcement agencies. 2015. No. 4 (63). – pp. 49-51.

[5] The Criminal Code of the Russian Federation / Federal Law No. 63-FZ of 13.06.1996 (as amended dated 02/20/2026) // Collection of legislation of the Russian Federation. 17.06.1996. No. 25. Art. 2954.

[6] Bukhanovsky A.O. The “Chikatilo” Phenomenon//Otv.red. Dmitrieva T.B., Bukhanovsky A.O.: Serial murders and social aggression. Abstracts of the 1st International scientific conference. LRNTS “Phoenix”, Rostov-on-Don, 1994. Pp. 252–262.

[7] Shubina A.S. Improving the Methods of Police Work in the Investigation of Serial Crimes// Concept. 2014. No. 10.

Дата поступления рукописи в редакцию: 10.03.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.05.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3830-2026-4-369-372

АЛЬХАНОВ Насрудин Магомедович,
доцент кафедры уголовного права,
процесса и национальной безопасности
юридического факультета ЧГУ им А.А. Кадырова,
e-mail: n.alkhanov@mail.ru

ТЕПСУЕВ Магомед Султанович,
доцент кафедры права
Чеченского государственного педагогического
университета, к.и.н., доцент,
e-mail: Tepsuev90@mail.ru

ХАДЖИЕВ Умар Кюриевич,
старший преподаватель кафедры таможенного дела
ФГБОУ ВО «Грозненский государственный нефтяной
технический университет им. М.Д. Миллионщикова»,
e-mail: einstein_95@mail.ru

УГОЛОВНО-ПРАВОВОЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ВАНДАЛИЗМУ: СОСТАВ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ И НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

Аннотация. *В статье рассматриваются уголовно-правовые механизмы противодействия вандализму как деянию, посягающему на общественный порядок и общественную нравственность, а также на отношения собственности. Анализируется конструкция состава преступления, предусмотренного ст. 214 УК РФ, раскрываются признаки объективной и субъективной сторон, особенности квалификации и разграничения со смежными составами. Отдельное внимание уделяется проблемам доказывания умысла и мотивов, латентности вандальных проявлений и критериям отграничения преступного деяния от малозначительного. Формулируются предложения по совершенствованию уголовно-правового регулирования и правоприменительной практики.*

Ключевые слова: *вандализм, уголовная ответственность, ст. 214 УК РФ, общественный порядок, общественная нравственность, порча имущества, квалификация, латентность, малозначительность.*

ALKHANOV Nasrudin Magomedovich,
Associate Professor, Department of Criminal Law,
Procedure, and National Security Faculty of Law,
A.A. Kadyrov Chechen State University

TEPSUEV Magomed Sultanovich,
Associate Professor of the Department of Law
of the Chechen State Pedagogical University,
Candidate of Historical Sciences, Associate Professor

KHADZHIEV Umar Kurievich,
Senior Lecturer at the Department of Customs Affairs
Grozny State Petroleum Technical University
named after M.D. Millionshchikov

CRIMINAL-LAW COUNTERACTION TO VANDALISM: ELEMENTS OF THE OFFENCE, QUALIFICATION ISSUES, AND AREAS FOR IMPROVEMENT

Annotation. *The article examines criminal-law mechanisms for counteracting vandalism as an act encroaching on public order and public morality, as well as on property relations. It analyzes the structure of the offence under Article 214 of the Criminal Code of the Russian Federation, outlines the features of the objective and subjective elements, and considers issues of legal qualification and delimitation from related offences. Special attention is paid to problems of proving intent and motives, the latency of vandalistic acts, and criteria for distinguishing a criminal act from a minor act lacking social danger (de minimis). The article proposes measures to improve criminal-law regulation and law-enforcement practice.*

Key words: *vandalism, criminal liability, Article 214 of the Criminal Code of the Russian Federation, public order, public morality, property damage, legal qualification, latency, de minimis.*

Вандализм относится к правонарушениям, которые имеют выраженный публичный эффект: даже при сравнительно небольшом материальном ущербе отдельный эпизод способен формировать ощущение небезопасности и «деградации» городской среды, провоцируя повторяемость подобных действий. В научной литературе подчёркивается, «что вандализм как феномен охватывает широкий спектр разрушительного поведения и в зависимости от подхода может пониматься как намеренная порча чужой собственности, так и как более широкая форма девиантности, закрепляющаяся в повседневных практиках (граффити, повреждение оборудования, порча объектов инфраструктуры)» [1, с. 68].

Цель статьи — уточнить уголовно-правовую модель противодействия вандализму через анализ состава по ст. 214 УК РФ, показать типовые сложности квалификации и обозначить направления совершенствования правоприменения.

Статья 214 УК РФ традиционно относится к преступлениям, посягающим на общественный порядок. При этом конструкция состава предполагает, что вандальные действия затрагивают не только сферу публичного порядка, но и дополнительные охраняемые отношения (включая имущественные), что особенно заметно в эпизодах порчи имущества в общественных местах и на транспорте. «В доктрине обоснованно отмечается, что корректное определение непосредственного и дополнительного объекта имеет ключевое значение для разграничения вандализма со смежными составами и решения вопроса о возможной совокупности преступлений» [2, с. 1].

Вандализм выражается в осквернении зданий или иных сооружений либо в порче имущества на общественном транспорте или в иных общественных местах. Существенным является публичный характер посягательства и направленность на объекты, имеющие значение для неопределённого круга лиц (пространства общего пользования, инфраструктура, транспорт). Субъект общий. На практике значимую долю составляют деяния, совершаемые молодыми лицами, что актуализирует профилактические и восстановительные меры наряду с наказанием. Вандализм совершается умышленно; при доказывании требуется устанавливать направленность умысла именно на осквернение/порчу в публичной сфере, а не на причинение вреда конкретному лицу в рамках личного конфликта (что чаще ведёт к иной квалификации). Эффективность уголовно-правового противодействия во многом ограничивается латентностью: часть эпизодов не становится известной правоохранительным органам либо «растворяется» в статистике смежных составов. В криминологических работах подчёркивается, «что значимыми причинами латентности вандальных проявлений выступают нежелание свидетелей вовлекаться в официальные процедуры и ошибки квалификации поступающей информации, что снижает неизбежность ответственности и ослабляет превентивный эффект» [3, с. 247].

Разграничение со ст. 167 УК РФ целесообразно проводить по совокупности признаков: публичность, характер объекта, демонстративность действия и направленность на нарушение общественного порядка. Если действия преимущественно направлены на причинение имущественного вреда конкретному владельцу (например, месть), приоритет может смещаться к имущественным составам.

При наличии грубого нарушения общественного порядка, сопровождаемого дополнительными признаками (насилие, угрозы, иные формы агрессии), правовая оценка может тяготеть к ст. 213 УК РФ либо к совокупности.

Существенной практической проблемой является отграничение преступного деяния от формально подпадающего под признаки состава, но не представляющего общественной опасности. В научной литературе подчёркивается, что при оценке малозначительности необходимо учитывать не только формальное совпадение признаков состава, но и наличие/отсутствие общественной опасности деяния, а также направленность умысла, поскольку ошибки правоприменения в этой части ведут либо к необоснованной криминализации, либо к неправомерному «выводу» деяния из уголовно-правовой сферы [4, с. 486].

Для повышения единообразия практики представляется полезным учитывать типологиза-

цию вандальных проявлений, используемую в прикладных работах: выделяются, например, «вандализм-приобретение» (с ориентиром на извлечение выгоды, включая посягательства на оборудование с цветными металлами), «вандализм-тактика» (как способ достижения иных целей) и «вандализм-идеология» (политически/социально мотивированные акты) [5, с. 342]. Указанные варианты не подменяют юридическую квалификацию, но помогают точнее выявлять мотивы, цели и социальный контекст, что важно для доказывания субъективной стороны и разграничения со смежными составами.

Направления совершенствования уголовно-правового противодействия:

Совершенствование уголовно-правового противодействия вандализму целесообразно рассматривать как комплекс мер, направленных одновременно на повышение определённости квалификации, снижение латентности, укрепление восстановительного компонента и формирование единообразных критериев оценки общественной опасности. В практическом плане это позволяет усилить превентивный эффект уголовного закона и минимизировать ошибки правоприменения.

Одной из ключевых проблем правоприменения остаётся неоднородность квалификации сходных по фактическим обстоятельствам деяний. Для её преодоления необходимо закрепление методических ориентиров, позволяющих устойчиво отграничивать вандализм от умышленного уничтожения или повреждения имущества (ст. 167 УК РФ) и хулиганства (ст. 213 УК РФ).

Прежде всего целесообразно использовать критерий публичности (совершение деяния в пространстве, доступном неопределённому кругу лиц), критерий демонстративности (антисоциальный характер воздействия, рассчитанный на публичный эффект), а также критерий направленности умысла (посягательство на общественный порядок и нравственность, а не исключительно на имущественные интересы конкретного лица). Дополнительно важно учитывать, не является ли порча имущества элементом более широкого поведения, выражающего грубое нарушение общественного порядка (что может указывать на признаки хулиганства либо совокупности преступлений).

Формирование единых ориентиров разграничения будет способствовать предсказуемости квалификации и снижению числа случаев необоснованного «переключения» между составами при сходных фактах.

Латентность вандализма существенно снижает эффективность уголовно-правовых мер, поскольку значительная часть эпизодов либо не регистрируется, либо не сопровождается достаточной доказательственной базой. В этой связи ключевым направлением выступает развитие механизмов фиксации и сообщения о фактах вандализма со стороны организаций, наиболее часто сталкивающихся с такими проявлениями: транспортных операторов, управляющих компаний, муниципальных служб.

Практическим решением является внедрение стандартов первичной фиксации: обязательное фото- и видеодокументирование, точная привязка ко времени и месту, первичная оценка ущерба, сохранение видеозаписей камер на достаточный срок, оперативный сбор сведений о свидетелях. Одновременно требуется унификация первичной правовой оценки поступающих сообщений (чек-листы по признакам публичности, характеру объекта, направленности умысла), что уменьшит риски ошибочной квалификации на первоначальной стадии.

Таким образом, снижение латентности достигается не только усилением контроля, но и выстраиванием устойчивой «доказательственной инфраструктуры», повышающей неизбежность ответственности.

Специфика вандализма заключается в том, что вред от деяния часто выходит за пределы материального ущерба и проявляется в символическом и социальном эффекте: публичное пространство воспринимается как менее безопасное и менее «упорядоченное». Поэтому уголовно-правовая реакция должна усиливаться восстановительным компонентом.

В качестве приоритетов можно выделить развитие механизмов возмещения ущерба (оперативная оценка вреда, гражданский иск, контроль фактического исполнения компенсации), а также применение мер, ориентированных на восстановление повреждённых объектов. Для отдельных категорий виновных, прежде всего несовершеннолетних, восстановительный подход (компенсация, общественно полезные работы, восстановление объектов) способен обладать более выраженным профилактическим эффектом, чем формально-карательные меры без возмещения ущерба.

Важным элементом является и оперативное устранение следов вандализма (быстрый ремонт, очистка, восстановление), поскольку длительное сохранение повреждений способствует «нормализации» вандального поведения и провоцирует повторяемость эпизодов.

Отдельного внимания требует проблема применения малозначительности: с одной стороны, недопустима необоснованная криминализация деяний, не обладающих реальной общественной опасностью, с другой — неправомерно выводить из уголовно-правовой сферы акты, имеющие публичный антисоциальный эффект.

Для единообразия практики важно, чтобы оценка строилась по деянию, а не по личности виновного. Следует учитывать совокупность обстоятельств: публичность, объект посягательства (инфраструктура, транспорт, социально значимые объекты), демонстративный характер, направленность умысла, а также повторяемость и системность поведения. Даже при небольшом имущественном ущербе вандализм может сохранять значительную общественную опасность, если затрагивает общественный порядок и нравственность.

Введение устойчивых критериев оценки общественной опасности позволит избежать как «перегиба» в сторону неоправданной репрессии, так и необоснованного смягчения при наличии социально значимого вреда.

Выводы:

1. Повышение эффективности противодействия вандализму требует не столько усиления репрессивности, сколько выстраивания единообразных критериев квалификации, снижения латентности и укрепления восстановительного компонента уголовно-правовой реакции.
2. Наиболее результативной является комплексная модель, сочетающая правовую определённость (разграничение составов и критерии малозначительности), неизбежность выявления (стандартизация фиксации) и восстановление нарушенной городской среды (компенсация и оперативное устранение последствий).

Вандализм в уголовно-правовом смысле представляет собой умышленное посягательство на общественный порядок, сопряжённое с осквернением либо порчей объектов, находящихся в публичной сфере. Ключевые трудности правоприменения связаны с латентностью, доказыванием субъективной стороны, разграничением со смежными составами и корректным применением категории малозначительности. Повышение эффективности противодействия возможно при сочетании уголовно-правовых мер с профилактикой и восстановительными практиками, а также при обеспечении единообразия квалификации.

Список литературы:

[1] Скороходова А. С. Вандализм // Социологический журнал. 1999. № 3/4. С. 67–85.

[2] Алиев Х. К., Магомедова М. М. К вопросу об объекте вандализма. (электронный ресурс).

[3] Бочарова К. А. Латентность современного вандализма // Problems of legality (Проблеми законності). 2017. Issue 136. С. 242–249.

[4] Налимов Ю. Д. Критерии отграничения вандализма от малозначительного деяния // Актуальные проблемы государства и права. 2021. Т. 5. № 19. С. 486–499.

[5] Живодрова Н. А., Безрукова О. В. К вопросу о вандализме // Труды Международного симпозиума «Надежность и качество». Пенза: ПГУ, 2015. Т. 2. С. 341–342.

References:

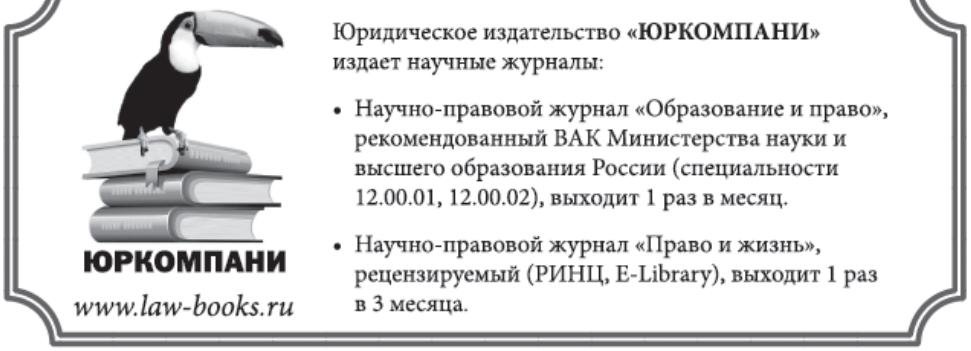
[1] Skorokhodova A. S. Vandalism//Sociological Journal. 1999. № 3/4. S. 67-85.

[2] Aliyev Kh. K., Magomedova M. M. On the issue of the object of vandalism. (electronic resource).

[3] Bocharova K. A. Latency of modern vandalism//Problems of legality (Problems of legality i). 2017. Issue 136. S. 242-249.

[4] Nalimov Yu. D. Criteria for distinguishing vandalism from an insignificant act//Actual problems of the state and law. 2021. VOL. 5. № 19. S. 486-499.

[5] Zhivodrova N. A., Bezrukova O. V. On the issue of vandalism//Proceedings of the International Symposium “Reliability and Quality.” Penza: PSU, 2015. VOL. 2. S. 341-342.

Дата поступления рукописи в редакцию: 19.03.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-4-373-378
Дата принятия рукописи в печать: 03.05.2026 г.

КОВАЛЕВ Олег Геннадьевич,
доктор юридических наук, кандидат психологических наук,
профессор, главный научный сотрудник ФКУ
научно-исследовательский институт ФСИН России,
e-mail: okovalev66@gmail.com

ТРЕБОВАНИЯ К СЛУЖЕБНОМУ ПОВЕДЕНИЮ СОТРУДНИКОВ В КОНТЕКСТЕ РЕАЛИЗАЦИИ ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗАКОНА ОТ 19.07.2018 № 197-ФЗ «О СЛУЖБЕ В УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЕ»: ПРАВОВОЙ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Аннотация*. Целью исследования выбраны правовые и психологические основы требований, предъявляемых к поведению сотрудников в контексте реализации Федерального закона 2018 № 197 «О службе в уголовно-исполнительной системе». Для ее осуществления применялись принцип диалектического познания, статистический и аналитический методы, включенное наблюдение. Анализировались нормы национального законодательства, научные публикации и материалы деятельности сотрудников УИС по вопросам правового регулирования реализации морально-этических характеристик сотрудников УИС. Поведение сотрудников уголовно-исполнительной системы Российской Федерации выступает важнейшим правовым и психологическим механизмом реализации профессиональной деятельности служб и подразделений Федеральной службы исполнения наказаний России. Достижения целей и задач, сформулированных в законодательных и ведомственных правовых актах, преодоления угроз, стоящих перед УИС на современном этапе, отраженных в Концепции ее развития на период до 2030 года. В настоящее время назрела объективная потребность закрепления в законодательных и ведомственных правовых актах Минюста и ФСИН России не только юридических, но и психологических основ и механизмов поведения и деятельности сотрудников УИС. Их психологических характеристик, необходимых для эффективного решения задач по исполнению уголовных наказаний, профессиональных компетенций, умений и навыков осуществления деятельности. Моральных и этических требований к поведению сотрудников. Духовно-нравственных и мировоззренческих свойств и качеств личности. Особенно при реализации таких специфических видов профессиональной деятельности как режимная и надзорная, охраны и конвоирования, безопасности, оперативно-розыскная и др. Теоретико-правовой анализ ФЗ 2018 № 197 показал, что закрепленные в статье 13 одиннадцать требований к служебному поведению сотрудников УИС базируются на их правовом статусе. Который, в свою очередь, опирается на их права и обязанности, реализуемые в профессиональной деятельности. Среди них особе выделяются такие как соблюдение служебной дисциплины; выполнение обязанности по замещаемой должности; осуществление деятельности в рамках предоставленных полномочий профессиональной деятельности в службах и подразделениях учреждений и органов УИС и др. Важнейшей психологической характеристикой, влияющей на поведение сотрудников учреждений и органов УИС на модели их поведения, выступает профессиональная мотивация.*

Ключевые слова*: уголовно-исполнительная система, сотрудники, служебное поведение, требования, национальное законодательство, морально-этические характеристики.*

KOVALEV Oleg Gennadievich,
Doctor of Law, Candidate of Law of Psychological Sciences,
Professor, Chief Researcher of the FKU Scientific Research Institute
Federal Penitentiary Service of Russia

REQUIREMENTS FOR THE OFFICIAL CONDUCT OF EMPLOYEES IN THE CONTEXT OF THE IMPLEMENTATION OF FEDERAL LAW NO. 197-FZ DATED 07/19/2018 “ON SERVICE IN THE PENAL ENFORCEMENT SYSTEM”: LEGAL AND PSYCHOLOGICAL ANALYSIS

Annotation. *The purpose of the study is to select the legal and psychological foundations of the requirements for the behavior of employees in the context of the implementation of the Federal Law of 2018 No. 197 "On Service in the penal system". To implement it, the principle of dialectical cognition, statistical and analytical methods, and included observation were applied. The norms of national legislation, scientific publications and materials of the activities of UIS employees on the issues of legal regulation of the implementation of moral and ethical characteristics of UIS employees were analyzed. The behavior of employees of the penal enforcement system of the Russian Federation is the most important legal and psychological mechanism for the implementation of professional activities of the services and departments of the Federal Penitentiary Service of Russia. Achieving the goals and objectives formulated in legislative and departmental legal acts, overcoming the threats facing the information security system at the present stage, reflected in the Concept of its development for the period up to 2030. Currently, there is an objective need to consolidate in the legislative and departmental legal acts of the Ministry of Justice and the Federal Penitentiary Service of Russia not only the legal, but also the psychological foundations and mechanisms of behavior and activities of employees of the penitentiary system. Their psychological characteristics, necessary for the effective solution of tasks related to the execution of criminal penalties, professional competencies, skills and activities. Moral and ethical requirements for employee behavior. Spiritual, moral, and ideological properties and qualities of a person. Especially in the implementation of such specific types of professional activities as regime and supervisory, security and escort, security, operational search, etc. A theoretical and legal analysis of Federal Law No. 197 of 2018 has shown that the eleven requirements for the official conduct of UIS employees set out in Article 13 are based on their legal status. Which, in turn, is based on their rights and obligations realized in their professional activities. Among them, the following are particularly distinguished: observance of official discipline; fulfillment of duties for the position being filled.; carrying out activities within the scope of the granted powers of professional activity in the services and departments of institutions and bodies of the penitentiary system, etc. The most important psychological characteristic that influences the behavior of employees of institutions and bodies of the penitentiary system on their behavior patterns is professional motivation.*

Key words: *penal enforcement system, employees, official conduct, requirements, national legislation, moral and ethical characteristics.*

Введение. Поведение сотрудников уголовно-исполнительной системы Российской Федерации (далее УИС) выступает важнейшим правовым и психологическим механизмом реализации профессиональной деятельности служб и подразделений Федеральной службы исполнения наказаний (далее ФСИН России). Достижения целей и задач, сформулированных в законодательных и ведомственных правовых актах, преодоления угроз, стоящих перед УИС на современном этапе, отраженных в Концепции ее развития на период до 2030 года [1].

В настоящее время назрела объективная потребность закрепления в законодательных и ведомственных правовых актах Минюста и ФСИН России не только юридических, но и психологических основ и механизмов поведения и деятельности сотрудников УИС. Их психологических характеристик, необходимых для эффективного решения задач по исполнению уголовных наказаний, профессиональных компетенций, умений и навыков осуществления деятельности. Моральных и этических требований к поведению сотрудников [2]. Духовно-нравственных и мировоззренческих свойств и качеств личности [3, с. 89-93]. Особенно при реализации таких специфических видов профессиональной деятельности как режимная и надзорная, охраны и конвоирования, безопасности, оперативно-розыскная и др. [4].

Учитывая значение и актуальность отражения различных основ поведения сотрудников УИС в законодательных и ведомственных правовых актах, мы наблюдаем положительную динамику на этом направлении, когда научно-обоснованные данные и предложения становятся предметом законотворческого процесса и находят свое отражение в постоянно совершенствуемой нормативной правовой базе, касающейся службы в УИС, Ярким тому подтверждением является закрепление в специальной статье Федерального закона от 19.07.2018 г. № 197-ФЗ «О службе в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации и о внесении изменений в Закон Российской Федерации «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» основ поведения, содержащих морально-этические, духовно-нравственные и другие психологические характеристики сотрудников необходимые при осуществлении разнообразной правоохранительной деятельности.

Методы и принципы исследования. Для изучения правовых и психологические основ требований, предъявляемых к поведению сотрудников в контексте реализации ФЗ 2018 № 197 «О

службе в уголовно-исполнительной системе» применялись принцип диалектического познания, статистический и аналитический методы, включенное наблюдение. Анализировались нормы национального законодательства, научные публикации и материалы деятельности сотрудников УИС по вопросам правового регулирования реализации морально-этических характеристик сотрудников УИС.

Основные результаты. Теоретико-правовой анализ ФЗ 2018 № 197 показал, что закрепленные в статье 13 одиннадцать требований к служебному поведению сотрудников УИС базируются на их правовом статусе. Который, в свою очередь, опирается на их права и обязанности, реализуемые в профессиональной деятельности [5, с. 545-548]. Среди них особе выделяются такие как:

- соблюдение служебной дисциплины;
- выполнение обязанности по замещаемой должности добросовестно и на высоком профессиональном уровне обеспечивать эффективную работу учреждений и органов УИС [6];
- осуществление деятельности в рамках предоставленных полномочий профессиональной деятельности в службах и подразделениях учреждений и органов УИС [7, с. 34-37];
- не оказания предпочтения каким-либо профессиональным или социальным группам и организациям. Независимость от влияния отдельных граждан, профессиональных или социальных групп и организаций, а также соблюдение принципа беспристрастности, исключающего возможность влияния на служебную деятельность решений политических партий и других общественных объединений [8];
- не совершения действий, связанных с влиянием каких-либо личных, имущественных (финансовых) и иных интересов, препятствующих добросовестному исполнению служебных обязанностей, влекущих, в том числе, совершение коррупционных правонарушений [9, с. 161-163];
- соблюдать нормы служебной профессиональной этики, изложенные в Кодексе этики и служебного поведения сотрудников УИС, утвержденном Приказом ФСИН России от 24.10.2025 г. № 874 [10];
- не допускать публичных высказываний, суждений и оценки, в том числе в средствах массовой информации, в отношении государственных органов, должностных лиц, политических партий, других общественных объединений, религиозных и иных организаций, профессиональных или социальных групп, граждан, если это не входит в их служебные обязанности;
- проявлять корректность, уважение, вежливость и внимательность по отношении к гражданам и должностным лицам;
- проявлять уважение к национальным обычаям и традициям народов России и других государств. Учитывать культурные и иные особенности различных этнических, социальных групп и конфессий, способствовать межнациональному и межконфессиональному согласию [11, с. 540-546];
- не допускать конфликтных ситуаций, способных нанести ущерб репутации или авторитету учреждения и органа УИС. Имиджу сотрудников служб и подразделений пенитенциарной системы [12];
- не использовать служебное положение для оказания влияния на деятельность государственных органов, органов местного самоуправления, организаций, должностных лиц, государственных, муниципальных служащих и граждан при решении вопросов личного характера;
- не допускать нарушений правил предоставления информации, установленными нормативными правовыми актами Российской Федерации.

Материалы исследования показали, что важнейшей психологической характеристикой, влияющей на поведение сотрудников учреждений и органов УИС на модели их поведения, выступает профессиональная мотивация. Комплекс положительных мотивов уголовно-исполнительной деятельности в совокупности с направленностью личности определяют эффективность работы сотрудников, преодоления конфликтности в коллективах и других негативных социально-психологических явлений [13, с. 45-48].

Обсуждение. Результаты исследования обсуждались на следующих научно-практических форумах, где автор выступал с докладами:

- Всероссийской научно-практической конференции «Вклад правоохранительных органов в развитие Сибири», состоявшейся 28.09.2023 в ФКОУ ВО Кузбасский институт ФСИН (г. Новокузнецк). Доклад на тему «Особенности предупреждения коррупции как фактора обеспечения безопасности учреждений и органов УИС Сибирского федерального округа»;
- Всероссийском круглом столе «Воспитательная работа с работниками УИС», проведенном в ФКУ НИИ ФСИН России совместно с управлением кадров ФСИН России 25.10.2023. Доклад на тему: «Прокурорский

надзор в системе мер обеспечения прав и социальных гарантий сотрудников УИС»;

- Международной научно-практической конференции «Пенитенциарная система, государство и общество: проблемы взаимодействия», состоявшейся 20.10.2023 в Псковском филиале Университета ФСИН России. Доклад на тему: «Влияние уголовной и уголовно-исполнительной политики современной России на состояние женской преступности»;
- Межвузовской научно-практической конференции «Перспективы развития профессиональной компетенции преподавателя высшей школы», состоявшейся во Владимирском юридическом институте ФСИН России 28.11.2023. Доклад на тему: «К вопросу развития профессиональной компетенции преподавателя при проведении практико-ориентированного обучения курсантов»;
- 6 Международном пенитенциарном форуме «Преступление, наказание, исправление», приуроченном к 30-летию со дня принятия Конституции Российской Федерации и Закона Российской Федерации от 21 июля 1993 г. № 5473-1 «Об учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации», состоявшемся в Академии ФСИН России 15.11.2023. Доклад на тему: «Значение прокурорского надзора при реализации основных направлений деятельности уголовно-исполнительной системы на современном этапе ее развития».
- Международной научно-практической конференции «История и перспективы исследований проблем работы с личным составом» (к 50-летию кафедры психологии, педагогики и организации работы с кадрами Академии управления МВД России), состоявшейся в Академии управления МВД России 29 ноября 2023. Доклад на тему «Психологическая подготовка сотрудников оперативных подразделений ФСИН России в свете реализации современной оперативно розыскной политики».
- Всероссийской межведомственной научно-практической конференции «Межведомственное сотрудничество при обеспечении национальных приоритетов противодействии коррупции», состоявшейся в университете ФСИН России 8 декабря 2023 года с докладом на тему: «Прокурорский надзор в системе мер противодействия коррупции в УИС».

Заключение. Поведение сотрудников уголовно-исполнительной системы Российской Федерации выступает важнейшим правовым и психологическим механизмом реализации профессиональной деятельности служб и подразделений Федеральной службы исполнения наказаний России. Достижения целей и задач, сформулированных в законодательных и ведомственных правовых актах, преодоления угроз, стоящих перед УИС на современном этапе, отраженных в Концепции ее развития на период до 2030 года.

В настоящее время назрела объективная потребность закрепления в законодательных и ведомственных правовых актах Минюста и ФСИН России не только юридических, но и психологических основ и механизмов поведения и деятельности сотрудников УИС. Их психологических характеристик, необходимых для эффективного решения задач по исполнению уголовных наказаний, профессиональных компетенций, умений и навыков осуществления деятельности. Моральных и этических требований к поведению сотрудников. Духовно-нравственных и мировоззренческих свойств и качеств личности. Особенно при реализации таких специфических видов профессиональной деятельности как режимная и надзорная, охраны и конвоирования, безопасности, оперативно-розыскная и др.

Теоретико-правовой анализ ФЗ 2018 № 197 показал, что закрепленные в статье 13 одиннадцать требований к служебному поведению сотрудников УИС базируются на их правовом статусе. Который, в свою очередь, опирается на их права и обязанности, реализуемые в профессиональной деятельности. Среди них особе выделяются такие как соблюдение служебной дисциплины; выполнение обязанности по замещаемой должности; осуществление деятельности в рамках предоставленных полномочий профессиональной деятельности в службах и подразделениях учреждений и органов УИС и др.

Список литературы:

[1] Распоряжение Правительства РФ от 29.04.2021 г. № 1138-р «Об утверждении Концепции развития уголовно-исполнительной системы РФ на период до 2030 г.» // Consultant.ru (дата обращения 14.03.2026).

[2] Психология. Педагогика. Этика: учебник для вузов / Под ред. проф. Ю.В. Наумкина. – Москва, 2002.

[3] Ковалев О.Г. К вопросу духовно-нравственного воспитания сотрудников оперативных подразделений ФСИН России // В сборнике: Духовно-нравственное воспитание личности в пенитенциарной системе: педагогические и со-

циально-психологические аспекты. Сборник материалов круглого стола посвященного памяти ученых-пенитенциаристов доктора педагогических наук, профессора Литвишкова В.М. и доктора психологических наук, профессора Сочивко Д.В. Тверь, 2024. С. 89-93.

[4] Климов И.А., Ковалев О.Г. Психология оперативно-розыскной деятельности // Психология. Педагогика. Этика: учебник для вузов / Под ред. проф. Ю.В. Наумкина. – Москва, 2002.

[5] Ковалев О.Г. Актуальные проблемы защиты прав сотрудников уголовно-исполнительной системы в свете реализации закона о прохождении службы в УИС // Образование и право. 2024. № 3. С. 545-548.

[6] Закон РФ от 21.07.1993 г. № 5473-1 «Об учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации» // Garant.ru (дата обращения 18.03.2026).

[7] Ковалев О.Г. Комплектование учреждений уголовно-исполнительной системы квалифицированными сотрудниками как важнейшее условие обеспечения пенитенциарной безопасности // Пенитенциарное право: юридическая теория и правоприменительная практика. 2023. № 4 (38). С. 34-37.

[8] Федеральный закон от 19.07.2018 г. № 197-ФЗ «О службе в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации и о внесении изменений в Закон Российской Федерации «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» // Garant.ru (дата обращения 18.03.2026).

[9] Вилкова А.В., Ковалев О.Г., Гапонов А.Ю. Совершенствование нормативного правового регулирования предупреждения и борьбы с коррупцией в уголовно-исполнительной системе // Перспективы науки. 2021. № 7 (142). С. 161-163.

[10] Приказ ФСИН России от 24.10.2025 г. № 874 «Об утверждении Кодекса этики и служебного поведения сотрудников УИС // Garant.ru (дата обращения 18.03.2026).

[11] Ковалев О.Г. К вопросу взаимодействия учреждений и органов уголовно-исполнительной системы с традиционными для России религиозными объединениями при осуществлении духовно-нравственного воспитания работников УИС // Образование и право. 2024. № 11. С. 540-546.

[12] Ковалев О.Г., Гапонов А.Ю., Семенова Н.В. Влияние общественного мнения на эффективность противодействия коррупции в учреждениях и органах УИС (криминологические и оперативно-розыскные аспекты // Сборник материалов 3-й заочной международной конференции Актуальные проблемы уголовного права, криминологии и криминалистики. 29 ноября 2021. Издательство Эпомен.

[13] Вилкова А.В., Ковалев О.Г. К вопросу изучения мотивации профессиональной деятельности персонала уголовно-исполнительной системы // Вестник Псковского государственного университета. Серия: Психолого-педагогические науки. 2023. № 18. С. 45-48.

References:

[1] Decree of the Government of the Russian Federation dated 04/29/2021 No. 1138-r “On approval of the Concept of development of the penal enforcement system of the Russian Federation for the period up to 2030” // Consultant.ru (accessed 03/14/2026).

[2] Psychology. Pedagogy. Ethics: a textbook for universities / Edited by professor Yu.V. Naumkin. – Moscow, 2002.

[3] Kovalev O.G. On the issue of spiritual and moral education of employees of operational units of the Federal Penitentiary Service of Russia // In the collection: Spiritual and moral education of the individual in the penitentiary system: pedagogical and socio-psychological aspects. Collection of materials of the round table dedicated to the memory of penitentiary scientists, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor V.M. Litvishkov and Doctor of Psychological Sciences, Professor D.V. Sochivko Tver, 2024. pp. 89-93.

[4] Klimov I.A., Kovalev O.G. Psychology of operational investigative activity // Psychology. Pedagogy. Ethics: a textbook for universities / Edited by professor Yu.V. Naumkin. – Moscow, 2002.

[5] Kovalev O.G. Actual problems of protecting the rights of employees of the penitentiary system in the light of the implementation of the law on military service in the penitentiary // Education and Law. 2024. No. 3. pp. 545-548.

[6] The Law of the Russian Federation dated 07/21/1993, No. 5473-1 “On institutions and bodies of the penal enforcement system of the Russian Federation” // Garant.ru (accessed 03/18/2026).

[7] Kovalev O.G. Staffing institutions of the penal system with qualified staff as the most important condition for ensuring penitentiary security // Penitentiary law: legal theory and law enforcement practice. 2023. No. 4 (38). pp. 34-37.

[8] Federal Law No. 197-FZ of 07/19/2018 “On Service in the Penal Enforcement System of the Russian Federation and on Amendments to the Law of the Russian Federation “On Institutions and Bodies Executing Criminal Penalties in the Form of Imprisonment” // Garant.ru (accessed 03/18/2026).

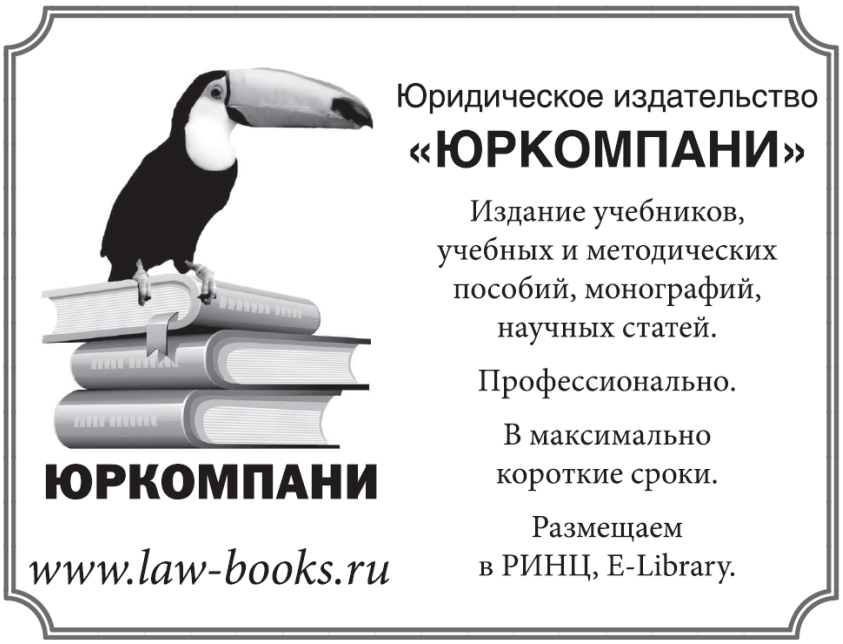
[9] Vilkova A.V., Kovalev O.G., Gaponov A.Yu. Improving the regulatory legal regulation of the prevention and fight against corruption in the penal system // Prospects of Science. 2021. No. 7 (142). pp. 161-163.

[10] Order of the Federal Penitentiary Service of Russia dated 10/24/2025 No. 874 “On approval of the Code of Ethics and Official Conduct of employees of the Penitentiary System // Garant.ru (accessed 03/18/2026).

[11] Kovalev O.G. On the issue of interaction of institutions and bodies of the penal enforcement system with traditional religious associations in Russia in the implementation of spiritual and moral education of prison staff // Education and Law. 2024. No. 11. pp. 540-546.

[12] Kovalev O.G., Gaponov A.Yu., Semenova N.V. The influence of public opinion on the effectiveness of combating corruption in criminal justice institutions and bodies (criminological and operational-investigative aspects) // Proceedings of the 3rd Correspondence International Conference Actual problems of Criminal Law, Criminology and Criminology. November 29, 2021. Epomen Publishing House.

[13] Vilkova A.V., Kovalev O.G. On the issue of studying the motivation of professional activity of the staff of the penitentiary system // Bulletin of Pskov State University. Series: Psychological and pedagogical sciences. 2023. No. 18. pp. 45-48.

Дата поступления рукописи в редакцию: 15.04.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-4-379-383
Дата принятия рукописи в печать: 03.05.2026 г.

КЛЮЧНИКОВ Михаил Иванович,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры огневой и тактико-специальной
подготовки юридического факультета ВЮИ ФСИН России,
e-mail: aqwer12345@bk.ru

ПОЖИМАЛИН Вячеслав Николаевич,
доцент института подготовки государственных
муниципальных служащих Академии ФСИН России,
e-mail: aqwer12345@bk.ru

КУМЧУК Василий Игоревич,
старший преподаватель кафедры
физической, огневой и тактико-специальной подготовки
Псковского филиала Университета ФСИН России,
e-mail: aqwer12345@bk.ru

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ОРГАНИЗАЦИИ ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ С ЛИЦАМИ, СОСТОЯЩИМИ НА УЧЕТЕ В УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНЫХ ИНСПЕКЦИЯХ

Аннотация. *В статье анализируются проблемные аспекты организации воспитательной работы с лицами, состоящими на учете в уголовно-исполнительных инспекциях (УИИ). Рассматриваются нормативно-правовые основы воспитательного воздействия, выявляются ключевые противоречия между предписанными требованиями и реальной практикой исполнения наказаний без изоляции от общества. Особое внимание уделяется вопросам кадрового обеспечения, методического сопровождения, взаимодействия с иными субъектами профилактики, а также проблеме оценки эффективности воспитательной работы. На основе проведенного анализа формулируются предложения по совершенствованию организации воспитательного процесса в УИИ.*

Ключевые слова*: уголовно-исполнительная инспекция, воспитательная работа, наказания без изоляции от общества, условно осужденные, исправление осужденных, рецидивная преступность.*

KLYUCHNIKOV Mikhail Ivanovich,
Candidate of Law, Associate Professor,
Department of Fire and Tactical Special Training,
Faculty of Law, VUI FSIN of Russia

POZHIMALIN Vyacheslav Nikolaevich,
Associate Professor of the Institute for the Training
of State Municipal Employees of the Academy
of the Federal Penitentiary Service of Russia

KUMCHUK Vasily Igorevich,
Senior Lecturer, Department of Physical,
Fire and Tactical Special Training, Pskov Branch
of the University of the Federal Penitentiary Service of Russia

PROBLEMATIC ASPECTS OF ORGANIZING EDUCATIONAL WORK WITH PERSONS REGISTERED WITH CRIMINAL EXECUTION INSPECTIONS

Annotation. *The article analyzes the problematic aspects of the organization of educational work with individuals registered with the criminal executive inspectorates (CEI). It examines the legal and regulatory framework for educational influence and identifies key contradictions between the prescribed requirements and the actual practice of executing non-custodial punishments. Special attention is given to issues related to staffing, methodological support, cooperation with other prevention agencies, and the evaluation of the effectiveness of educational work. Based on this analysis, the article presents suggestions for improving the organization of educational processes in the CEI.*

Key words: *penal inspection, educational work, punishments without isolation from society, conditional convicts, correction of convicts, and recidivist crime.*

Современная уголовно-исполнительная политика Российской Федерации характеризуется устойчивым трендом на расширение применения наказаний и мер уголовно-правового характера, не связанных с изоляцией осужденных от общества. По данным ФСИН России, на учете в уголовно-исполнительных инспекциях ежегодно состоит около 500 тысяч лиц, в отношении которых применяются такие меры, как условное осуждение, исправительные и обязательные работы, ограничение свободы. Эта категория осужденных, оставаясь в привычной социальной среде, нуждается в систематическом воспитательном воздействии, направленном на формирование законопослушного поведения.

В соответствии с ч. 2 ст. 9 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации, воспитательная работа относится к основным средствам исправления осужденных наряду с режимом, общественно полезным трудом, получением общего образования и профессиональным обучением. Однако если в исправительных учреждениях воспитательный процесс имеет разветвленную инфраструктуру (отряды, воспитательные колонии, культурно-досуговые мероприятия), то в условиях УИИ его организация сопряжена с рядом объективных и субъективных трудностей.

Настоящая статья посвящена выявлению и систематизации проблемных аспектов организации воспитательной работы с подучетными УИИ лицами, а также поиску возможных путей их преодоления.

Формы воспитательной работы подразделяются на индивидуальные (беседы, консультации, профилактические визиты) и групповые (правовые ликбезы, лекции, работа информационных стендов). Приоритет отдается индивидуальной работе, что обусловлено самой природой исполнения наказаний без изоляции от общества.

Важную роль в воспитательном процессе призваны играть психологи УИИ. Как отмечается в литературе, необходимость в данной должности продиктована Минимальными стандартными правилами ООН в отношении мер, не связанных с тюремным заключением (Токийскими правилами), согласно которым правонарушителям должна в случае необходимости оказываться психологическая помощь.

Несмотря на наличие нормативно-правовой базы и методических рекомендаций, практика организации воспитательной работы в УИИ сталкивается с комплексом проблем, которые можно систематизировать по нескольким направлениям.

Центральной проблемой является чрезмерная нагрузка на инспекторов УИИ. В среднем на одного сотрудника приходится от 80 до 150 подучетных лиц, тогда как оптимальная нагрузка, позволяющая реализовывать полноценное индивидуальное воспитательное воздействие, не должна превышать 30-40 человек на одного инспектора.

При такой нагрузке проведение систематических индивидуальных воспитательных бесед (требуемых не реже одного раза в месяц) становится формальностью: беседа длится 5-10 минут, сводится к напоминанию об обязанностях и не оказывает реального исправительного воздействия.

Кроме того, многие инспекторы не имеют педагогического или психологического образования. Их компетенции ограничены знанием уголовно-исполнительного законодательства, тогда как для эффективной воспитательной работы требуются навыки педагогического общения, конфликтологии, мотивационного консультирования. Отсутствие системной методической подготовки инспекторов к воспитательной работе снижает ее результативность.

Воспитательная работа в УИИ, в отличие от исправительных учреждений, осуществляется в условиях отсутствия изоляции. Осужденный продолжает жить обычной жизнью, находится под влиянием привычного окружения, которое далеко не всегда способствует исправлению. Если в колонии осужденный физически не может уклониться от воспитательных мероприятий, то в условиях УИИ его участие в них во многом зависит от доброй воли.

Принудительный характер воспитательной работы вступает в противоречие с психологическим законом воспитания: «воспитание эффек-

тивно только тогда, когда воспитуемый признает право воспитателя воздействовать на него и внутренне готов к этому принятию». Формальная явка на беседу не означает реальной включенности осужденного в воспитательный процесс.

Более того, сама категория лиц, состоящих на учете в УИИ, часто характеризуется:

– деформированной системой ценностей;
– низким уровнем правосознания;
– отсутствием мотивации к самоизменению;
– алкогольной или наркотической зависимостью.

В этих условиях традиционные методы воспитания (беседы, лекции, информирование) оказываются малоэффективными без применения специальных психолого-педагогических технологий.

Перечень средств воспитательного воздействия, доступных инспектору УИИ, крайне ограничен. По сравнению с исправительными учреждениями, где воспитательная работа осуществляется через систему отрядов, самодеятельных организаций осужденных, кружковую работу, культурно-массовые и спортивные мероприятия, в арсенале УИИ остаются лишь:

– индивидуальные беседы;
– приглашение на беседы родственников осужденного;
– направление информации в органы внутренних дел;
– внесение представлений об отмене условного осуждения (крайняя мера).

Такое «меню» воспитательных средств не позволяет в полной мере реализовать принцип индивидуализации исправительного воздействия. Отсутствуют механизмы позитивного подкрепления законопослушного поведения (поощрения), практически не используется потенциал общественных организаций и волонтеров.

Воспитательная работа с подучетными лицами не может быть эффективной, если она осуществляется только силами УИИ в отрыве от других субъектов профилактики. Однако на практике межведомственное взаимодействие остается одной из наиболее проблемных зон.

Взаимодействие с органами внутренних дел осуществляется преимущественно в форме обмена информацией о правонарушениях. Системная совместная профилактическая работа (совместные рейды, обсуждение на профилактических советах) носит эпизодический характер.

Взаимодействие с органами занятости — УИИ может рекомендовать осужденному обратиться в центр занятости, но не вправе требовать трудоустройства. Многие осужденные остаются нетрудоустроенными, что создает условия для рецидива.

Взаимодействие с социальными службами — осужденные, нуждающиеся в социальной поддержке (помощь в оформлении документов, пособий, устройстве в реабилитационные центры), часто остаются без необходимой помощи из-за отсутствия эффективного механизма направления и контроля.

Таким образом, воспитательная работа в УИИ осуществляется в известной степени изолированно, без опоры на ресурсы других ведомств, что существенно снижает ее потенциал.

Существующая система оценки эффективности воспитательной работы в УИИ ориентирована преимущественно на количественные показатели:

– количество проведенных бесед;
– количество проверок по месту жительства;
– количество направленных информаций.

Однако эти показатели не отражают реального качества исправительного воздействия. Осужденный может регулярно являться на беседы, формально соблюдать обязанности, но при этом его ценностно-нормативная система не претерпевает позитивных изменений.

Отсутствие валидных методик оценки результативности воспитательной работы (а не просто «охвата» ею) приводит к тому, что формально положительно характеризующиеся осужденные совершают новые преступления. По официальным данным, около 5-7% условно осужденных в течение испытательного срока совершают новые преступления, что свидетельствует о недостаточной эффективности применяемых исправительных мер.

Воспитательная работа, особенно в групповых формах, требует соответствующей материально-технической базы: помещений для проведения занятий, мультимедийного оборудования, наглядных материалов, методических пособий. Однако многие уголовно-исполнительные инспекции (особенно в сельской местности) располагаются в приспособленных помещениях, не имеющих необходимых площадей для организации воспитательной работы.

Дефицит бюджетных средств на приобретение учебно-методической литературы, видеоматериалов правовой тематики, организацию экскурсий и культурных мероприятий также ограничивает возможности инспекторов по разнообразию форм воспитательной работы.

Анализ выявленных проблем позволяет предложить следующие направления совершенствования воспитательной работы с лицами, состоящими на учете в УИИ.

Первоочередной мерой должно стать снижение нагрузки на инспекторов УИИ путем увеличения штатной численности подразделений. Это

позволит инспектору уделять каждому подучетному лицу достаточное время для качественного индивидуального взаимодействия.

Кроме того, целесообразно введение в штат УИИ специалистов по воспитательной работе (педагогов-воспитателей), на которых будет возложена основная нагрузка по проведению воспитательных мероприятий, в то время как инспекторы сосредоточатся на контрольно-надзорных функциях. Такое разделение труда повысит как качество воспитательной работы, так и эффективность контроля.

Необходима разработка и внедрение современных методик воспитательной работы, адаптированных к условиям УИИ. В частности, перспективными представляются:

Мотивационное консультирование — техника, направленная на формирование у осужденного внутренней мотивации к изменению поведения;

Когнитивно-поведенческий подход — работа с установками и убеждениями, поддерживающими противоправное поведение;

Технологии социального сопровождения — комплексная помощь осужденному в решении жизненных проблем (трудоустройство, лечение, восстановление документов) как основа для формирования законопослушного поведения.

Также следует разработать дифференцированные программы воспитательной работы для различных категорий осужденных (несовершеннолетние, лица с зависимостями, ранее судимые, женщины).

Необходимо законодательное закрепление механизмов обязательного межведомственного взаимодействия с закреплением ответственности каждого субъекта профилактики. В частности:

- создание на муниципальном уровне координационных советов по работе с лицами, осужденными без изоляции от общества, с участием представителей УИИ, органов внутренних дел, занятости, социальной защиты, здравоохранения;
- разработка регламентов информационного обмена и совместной деятельности;
- внедрение практики межведомственного сопровождения каждого подучетного лица с составлением индивидуального плана реабилитации и социальной адаптации.

3.4. Расширение инструментария воспитательного воздействия

Представляется целесообразным дополнить арсенал воспитательных средств УИИ следующими элементами:

- система поощрений для осужденных, добросовестно исполняющих обязанности и демонстрирующих позитивные изменения (сокращение испытательного срока, изменение обязанностей);
- привлечение волонтеров и общественных организаций к проведению воспитательных мероприятий (наставничество, организация досуга, помощь в трудоустройстве);
- использование дистанционных технологий для проведения воспитательных бесед и консультирования (особенно актуально для отдаленных территорий).

Необходим переход от количественных к качественным критериям оценки эффективности воспитательной работы. Такими критериями могут выступать:

- динамика уровня правосознания осужденного (по результатам психологического тестирования);
- степень удовлетворенности осужденного оказываемой помощью;
- полнота решения жизненных проблем осужденного (трудоустройство, получение образования, восстановление социальных связей);
- отсутствие новых правонарушений.

Оценка эффективности работы инспектора (и УИИ в целом) должна основываться на совокупности этих показателей, а не только на «процентах охвата» и количестве проведенных бесед.

Воспитательная работа с лицами, состоящими на учете в уголовно-исполнительных инспекциях, является одним из ключевых средств их исправления и предупреждения рецидивной преступности. Однако в настоящее время организация этой работы сталкивается с комплексом проблемных аспектов: кадровый дефицит, ограниченность инструментария, слабое межведомственное взаимодействие, формализм в оценке эффективности.

Преодоление этих проблем требует системных изменений: от увеличения штатной численности УИИ и внедрения современных методик до развития межведомственного взаимодействия и совершенствования системы оценки результативности. Только комплексный подход позволит превратить воспитательную работу из формальной процедуры в реальный механизм исправления осужденных и обеспечения их успешной социальной адаптации.

Дальнейшие исследования в данной области могут быть направлены на разработку и апробацию конкретных методик воспитательной работы с различными категориями подучетных лиц, а также на анализ зарубежного опыта организации пробации как альтернативы тюремному заключению.

Список литературы:

[1] Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08.01.1997 № 1-ФЗ (ред. от 22.02.2025) // Собрание законодательства РФ. — 1997. — № 2. — Ст. 198.

[2] Клинкова, Е. Н. Порядок осуществления исправительного воздействия на условно осужденных / Е. Н. Клинкова // Молодой ученый. — 2025. — № 50 (601). — С. 338-340.

[3] Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций в отношении мер, не связанных с тюремным заключением (Токийские правила). Приняты резолюцией 45/110 Генеральной Ассамблеи ООН от 14.12.1990.

[4] Ременсон, А. Л. Теоретические вопросы исполнения лишения свободы и перевоспитания заключенных : автореф. дис. … д-ра юрид. наук / А. Л. Ременсон. — Томск, 1965. — 63 с.

[5] Стручков, Н. А. Уголовная ответственность и ее реализация в борьбе с преступностью / Н. А. Стручков. — Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 1978. — 288 с.

[6] Филимонов, О. В. Индивидуальная профилактическая работа с осужденными, состоящими на учете в уголовно-исполнительных инспекциях / О. В. Филимонов // Вестник Кузбасского института ФСИН России. — 2023. — № 2. — С. 45-53.

[7] Громов, В. А. Проблемы реализации воспитательной функции уголовно-исполнительных инспекций / В. А. Громов // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. — 2024. — № 1. — С. 22-26.

References:

[1] Criminal Executive Code of the Russian Federation of 08.01.1997 No. 1-FZ (as amended on 22.02.2025) //Collection of Legislation of the Russian Federation. — 1997. — № 2. - Art. 198.

[2] Klinkova, E. N. The procedure for carrying out correctional influence on convicts/E. N. Klinkova//Young scientist. — 2025. — № 50 (601). - S. 338-340.

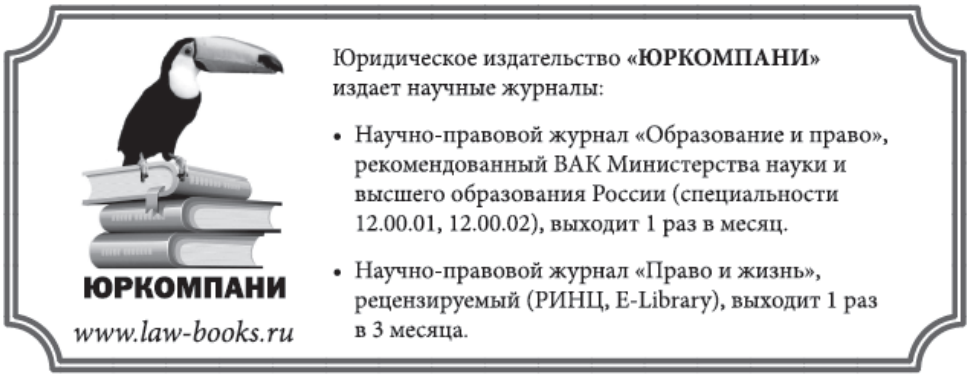
[3] United Nations Standard Minimum Rules for Non-custodial Measures (Tokyo Rules). Adopted by UN General Assembly resolution 45/110 of 14.12.1990.

[4] Remenson, A. L. Theoretical issues of the execution of imprisonment and re-education of prisoners: author's review. dis.... Dr. Jurid. Sciences/A. L. Remenson. - Tomsk, 1965. - 63 s.

[5] Struchkov, N. A. Criminal liability and its implementation in the fight against crime/N. A. Struchkov. - Saratov: Sarat Publishing House. University, 1978. - 288 p.

[6] Filimonov, O. V. Individual preventive work with convicts registered with criminal executive inspections/O. V. Filimonov//Bulletin of the Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. — 2023. — № 2. - S. 45-53.

[7] Gromov, V. A. Problems of the implementation of the educational function of criminal executive inspections/V. A. Gromov//Criminal executive system: law, economics, management. — 2024. — № 1. - S. 22-26.

Дата поступления рукописи в редакцию: 31.03.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-4-384-391
Дата принятия рукописи в печать: 03.05.2026 г.

БОГДАНОВ Максим Николаевич,
кандидат юридических наук,
старший преподаватель кафедры организации режима,
Псковского филиала Университета ФСИН России,
e-mail: mbogdanov75@mail.ru

ИСАЕВА Елена Дмитриевна,
кандидат юридических наук, доцент кафедры
криминалистики и уголовно-правовых дисциплин
Брянского филиала Орловского юридического института
МВД России имени В.В. Лукьянова,
e-mail: isaevaelena190373@yandex.ru

СЫСОЕВ Юрий Евгеньевич,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры организации деятельности подразделений
по обеспечению безопасности дорожного движения
Московского областного филиала Московского
университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
e-mail: mail@law-books.ru

ОСОБЕННОСТИ ТАКТИКИ ПРОИЗВОДСТВА СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ СВЯЗАННЫХ С МОШЕННИЧЕСТВОМ

Аннотация. *Статья посвящена комплексному анализу тактических особенностей производства первоначальных и последующих следственных действий при расследовании мошенничеств. Актуальность исследования обусловлена высокой социальной опасностью, латентностью и значительным материальным ущербом от мошеннических посягательств, а также их качественной трансформацией, требующей постоянного совершенствования следственной тактики. Автор, основываясь на системном и ситуационном подходах, рассматривает тактику как динамичную, адаптивную систему, содержание которой детерминировано криминалистической характеристикой конкретного вида мошенничества. В работе детально исследуются особенности проведения ключевых следственных действий на первоначальном этапе (осмотр, допрос потерпевшего, задержание, обыск, выемка документов, назначение первоначальных экспертиз) с учетом специфики различных способов мошенничества (бытового, в сфере экономической деятельности, с использованием IT-технологий). Отдельно проанализирована тактика последующих следственных действий, направленных на углубление и проверку собранных доказательств (допрос подозреваемого, очная ставка, следственный эксперимент, назначение комплексных экспертиз). Особое внимание уделено роли специальных познаний и необходимости тесного процессуально-тактического взаимодействия следователя с оперативными подразделениями и экспертами. Сформулированные выводы и рекомендации носят практико-ориентированный характер и направлены на повышение эффективности расследования данного вида преступлений.*

Ключевые слова: *следственная тактика, расследование мошенничества, первоначальные следственные действия, последующие следственные действия, допрос, обыск, выемка, судебная экспертиза, оперативно-розыскные мероприятия, специальные познания, ситуационный подход.*

BOGDANOV Maxim Nikolaevich,
Candidate of Law,
Senior lecturer at the Department of Regime Organization,
Pskov Branch of the University of the Federal
Penitentiary Service of Russia

ISAEVA Elena Dmitrievna,
Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor of the Department of Criminalistics and
Criminal Law Disciplines of the Bryansk Branch
of the V.V. Lukyanov Oryol Law Institute of the Ministry
of Internal Affairs of Russia

SYSOEV Yuri Evgenievich,
Candidate of Law, Associate Professor of the Department
of Organization of Activities of Road Safety Departments
Moscow Regional Branch Moscow University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot

FEATURES OF INVESTIGATIVE TACTICS IN THE INVESTIGATION OF FRAUD-RELATED CRIMES

Annotation. *The article is devoted to a comprehensive study of Abstract: The article is devoted to a comprehensive analysis of the tactical features of the initial and subsequent investigative actions in the investigation of fraud. The relevance of the study is due to the high social danger, latency and significant material damage from fraudulent attacks, as well as their qualitative transformation, which requires constant improvement of investigative tactics. The author, based on systemic and situational approaches, considers tactics as a dynamic, adaptive system, the content of which is determined by the criminalistic characteristics of a particular type of fraud. The paper examines in detail the specifics of conducting key investigative actions at the initial stage (inspection, interrogation of the victim, detention, search, seizure of documents, appointment of initial examinations), taking into account the specifics of various methods of fraud (domestic, in the field of economic activity, using IT technologies). The tactics of subsequent investigative actions aimed at deepening and verifying the collected evidence (interrogation of the suspect, confrontation, investigative experiment, appointment of comprehensive examinations) are separately analyzed. Special attention is paid to the role of special knowledge and the need for close procedural and tactical interaction of the investigator with operational units and experts. The formulated conclusions and recommendations are practice-oriented and aimed at improving the effectiveness of the investigation of this type of crime.*

Key words: *investigative tactics, fraud investigation, initial investigative actions, subsequent investigative actions, interrogation, search, seizure, forensic examination, operational search measures, special knowledge, situational approach.*

Мошенничество, оставаясь одним из самых распространенных и социально опасных преступлений против собственности, представляет собой значительную сложность для расследования в силу своей интеллектуальной природы, многообразия способов совершения и активного использования преступниками современных технологий. Эффективность раскрытия и расследования мошенничеств в решающей степени зависит от научно обоснованной и гибкой следственной тактики, которая должна адекватно реагировать на специфику каждого конкретного случая и типа преступной схемы [16, С. 45].

Методика расследования – это система теоретических положений и практических рекомендаций по организации и производству следственных и иных процессуальных действий, направленных на собирание, исследование, оценку и использование доказательств с учетом криминалистической характеристики данного вида преступлений и складывающихся следственных ситуаций [17, С. 112]. Ее особенность заключается в необходимости сочетания традиционных методов работы с документальными и идеальными следами с современными подходами к изъятию и анализу цифровой информации, а также в глубоком учете психологических особенностей как преступников-мошенников, так и их жертв.

Целью настоящей статьи является системный анализ тактических особенностей производства как первоначальных, так и последующих следственных действий при расследовании мошенничеств, выявление типичных проблем и разработка практических рекомендаций. Для достижения цели поставлены задачи: определить общие принципы тактики расследования мошенничеств; проанализировать специфику тактики проведения отдельных следственных действий на первоначальном этапе; исследовать особенности тактики на последующем этапе расследования;

оценить роль специальных познаний и межведомственного взаимодействия в тактическом обеспечении расследования.

Возбуждение уголовного дела как сложное процессуальное понятие имеет несколько значений, на что уже давно обращалось внимание [16, С. 7]

Прежде всего, это уголовно-процессуальный институт, своими нормами определяющий условия, порядок и иные обстоятельства возникновения уголовного дела.

Кроме того, это отдельный процессуальный акт полномочного должностного лица в виде постановления о возбуждении уголовного дела.

И, наконец, это стадия уголовного процесса, состоящая из действий и отношений, возникающих при приеме, регистрации, рассмотрении и разрешении заявлений и сообщений о совершенных и приготовляемых преступлениях.

Процессуальные нормы института возбуждения уголовного дела регламентируют поводы и основания к возбуждению, порядок приема, регистрации, рассмотрения и разрешения первичных данных, а также органы, уполномоченные возбуждать уголовные дела, их полномочия и взаимоотношения.

Процессуальные права и обязанности, установленные этими нормами, реализуются через действия указанных в законе лиц, на стадии возбуждения уголовного дела. Таким образом, первоначальный этап уголовно-процессуальной деятельности с самого начала ставится в определенные законом рамки, что должно обеспечивать и правовую устойчивость возникающих здесь отношений, и защиту прав и законных интересов граждан, и недопущение произвола и беззакония.

Процессуальная форма является необходимым условием своевременного, законного и обоснованного возбуждения уголовного дела. Неуклонное соблюдение предусмотренного законом процессуального порядка приема, регистрации, рассмотрения и разрешения заявлений и сообщений о преступлениях служит гарантией их законности и обоснованности. Нарушение же процессуальной формы неизбежно отражается на правильности выводов, влечет за собой ошибки, принятие необоснованных решений.

Согласно ст. 140 УПК РФ для принятия решения о возбуждении уголовного дела о мошенничестве необходимы повод и основание.

Поводы к возбуждению уголовного дела - это предусмотренные уголовно-процессуальным законом сообщения, которые содержат первичные данные о признаках совершенного или готовящегося преступления.

Поводами к возбуждению уголовного дела согласно ст. 140 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации являются:

1) заявление о преступлении;
2) явка с повинной;
3) сообщение о совершенном или готовящемся преступлении, полученное из иных источников.

Для данного вида преступлений наиболее типичным является такой повод, как заявление о преступлении. Другие, установленные законом поводы к возбуждению уголовного дела о мошенничестве в практике работы правоохранительных органов встречаются значительно реже.

При наличии законного повода к возбуждению уголовного дела следователь или сотрудник органа дознания обязаны установить присутствие в нем достаточных данных, указывающих на признаки преступления. При этом для решения вопроса о возбуждении уголовного дела по факту совершения мошенничества, необходимо обнаружить признаки преступления, предусмотренного ст. 159 УК РФ, которые являются основанием к возбуждению уголовного дела, в соответствии с п. 2 ст. 140 УПК РФ.

Программы расследования того или иного вида преступления в своих системах часто повторяют в различной последовательности и взаимосвязи одни и те же следственные, розыскные и иные действия и мероприятия. В связи с этим, в частных методиках должна, прежде всего, содержаться характеристика особенностей тактики производства этих неоднократно встречающихся действий [17, С. 211-212].

В этом случае нельзя не отметить мнения подавляющего большинства криминалистов, полагающих, что одним из структурных элементов криминалистической методики являются особенности тактики производства отдельных следственных действий [18, С. 335-336].

В правовой литературе имеются различные точки зрения на понятие тактики следственных действий. Р.С. Белкин под тактикой следственного действия понимал «систему тактических приемов по его подготовке, осуществлению, фиксации и оценки результатов» [18, С. 335-336].

Тактика следственных действий как совокупность общих положений и отдельных тактических приемов представляет собой двухступенчатую систему. Первую, верхнюю ее ступень составляют общие положения тактики всех следственных действий, которые следователь должен иметь в виду при подготовке и проведении любого следственного действия: законность; единство руководства; активность и целеустремленность; стадийность; ситуационность; необходимость применения соответствующих технико-кримина-

листических средств; использование помощи специалистов, сотрудников аппарата дознания и других служб и подразделений ОВД. Вторую, нижнюю ступень составляют многочисленные и весьма разнообразные тактические приемы проведения конкретных следственных действий. Некоторые из этих приемов применяются безотносительно к ситуациям, другие – только при определенных ситуациях, в которых непосредственно осуществляется расследование конкретного уголовно наказуемого деяния.

Тактика проведения следственных действий с применением приемов безотносительно к ситуациям, в специальной литературе рассмотрена достаточно подробно [19. С. 172]. Общие рекомендации по тактике организации и проведения следственных действий в криминалистике можно считать наиболее разработанной частью криминалистической тактики. Поэтому нет необходимости освещать их в работе подробно. Вместе с тем процесс расследования преступлений отдельных видов, включающий в себя комплексы определенных следственных действий, придает им в ряде случаев и индивидуальную специфику.

В связи с этим далее мы остановимся лишь на особенностях производства отдельных следственных действий при расследовании мошенничества, таких как допрос потерпевшего, свидетеля, подозреваемого; осмотр места происшествия, предметов, документов; задержание подозреваемого; обыск.

1. Общие принципы тактики расследования мошенничеств

Тактика расследования мошенничеств строится на нескольких фундаментальных принципах, вытекающих из их криминалистической характеристики:

1. Принцип ситуационной гибкости и адаптивности. Отсутствие шаблонного подхода. Тактика должна оперативно корректироваться в зависимости от вида мошенничества (бытовое «наперсточничество», корпоративное мошенничество, фишинг), объема исходной информации и поведения фигурантов.
2. Принцип приоритета работы с документальными и цифровыми следами. Поскольку основным инструментом мошенника является обман, зафиксированный в документах или электронной коммуникации, тактика изначально должна быть ориентирована на их скорейшее выявление, изъятие и исследование.
3. Принцип комплексного использования специальных познаний. Без привлечения экспертов (экономистов, документоведов, IT-специалистов, психологов) и специалистов на стадии проведения следственных действий эффективное расследование большинства видов мошенничества невозможно.
4. Принцип тесного процессуально-тактического взаимодействия с оперативными подразделениями. Многие тактические задачи (установление связей, задержание с поличным, контроль переговоров) решаются посредством оперативно-розыскных мероприятий (ОРМ), проводимых параллельно и в тесной увязке со следственными действиями [3, С. 78].
5. Принцип учета психологических особенностей контрагентов. Тактика допроса, очной ставки, проверки показаний на месте должна строиться с учетом характерологических черт мошенника (самоуверенность, артистизм, склонность к риску) и психологического состояния потерпевшего (растерянность, чувство стыда, гнев).

2. Тактические особенности первоначальных следственных действий

На первоначальном этапе ключевая тактическая задача – максимально быстро собрать и закрепить неустойчивые доказательства, блокировать возможности сокрытия и получить информацию для выдвижения обоснованных версий.

2.1. Осмотр места происшествия. Его содержание кардинально меняется в зависимости от вида мошенничества:

– При мошенничестве с материальным взаимодействием (уличное, «цыганский гипноз») – тщательный поиск и изъятие предметов обмана, средств отвлечения внимания, следов пребывания группы. Фиксация обстановки, позволяющей оценить возможности восприятия потерпевшего.
– При мошенничестве в сфере недвижимости/автотранспорта – детальный осмотр самого объекта, выявление признаков, противоречащих легенде мошенников (отсутствие личных вещей, следов проживания, свежие следы ремонта, скрывающие дефекты).
– При компьютерном мошенничестве – осмотр трансформируется в осмотр электронных носителей информации (ЭНИ). Тактика требует обязательного участия специалиста и включает: фотографирование подключенного состояния техники; использование аппаратно-программных комплексов для создания физических или логических образов накопителей без изменения данных; изъятие не только основной

техники, но и периферийных устройств, носителей, записных книжек с паролями [4, С. 93].

2.2. Допрос потерпевшего. Тактически наиболее сложное действие ввиду эмоционального состояния жертвы.

– Установление психологического контакта и нейтрализация чувства стыда. Следователь должен дать потерпевшему понять, что он – жертва профессионала, а его опыт будет использован для предотвращения аналогичных преступлений.
– Детализированное восстановление «сценария обмана». Используется метод свободного рассказа с последующей детализацией по обстоятельствам: первичный контакт, содержание всех диалогов (включая телефонные), предъявленные документы (с максимально точным описанием), данные о внешности, голосе, манерах, транспортных средствах преступников. При IT-мошенничестве – пошаговое описание действий в интерфейсе.
– Сбор и приобщение цифровых артефактов. Следователь должен истребовать и процессуально закрепить всю цифровую переписку (скриншоты, логи), реквизиты для перевода, электронные адреса, ссылки, записи телефонных разговоров (если есть).

2.3. Задержание и личный обыск. Эффективно при оперативной отработке и задержании с поличным или по «горячим следам».

– Тактика может включать «наблюдаемое изъятие», когда у задержанного изымается предмет (например, телефон), который затем используется для оперативной разработки и задержания его сообщников.
– При личном обыске особое внимание уделяется мобильным устройствам, записным книжкам, флеш-накопителям, а также обнаружению «обязательных атрибутов» мошенника: списков потенциальных жертв, образцов поддельных документов, многочисленных SIM-карт.

2.4. Обыск в помещениях. Основная тактическая цель – обнаружение «криминалистического архива» и «рабочего инструментария» мошенника.

– Поиск ведется в направлении обнаружения: а) баз данных (бумажных и электронных); б) средств изготовления подделок (принтеры, сканеры, клише, бланки); в) финансовых документов, отражающих движение средств; г) «легенд» и инструкций для соучастников [5, С. 124].
– Обязательно привлечение специалиста-криминалиста и, при необходимости, компьютерного эксперта для грамотного изъятия и предварительной оценки найденных ЭНИ.

2.5. Выемка и осмотр документов в организациях (при экономическом мошенничестве).

– Тактика основана на комплексном изъятии всей цепочки документов, связанной со сделкой: от первичной переписки и проектов договоров до внутренних распорядительных документов, актов исполнения и платежных поручений.
– Целесообразно параллельное изъятие электронных версий документов из систем документооборота (1С, CRM) для последующего сравнения и выявления внесенных изменений.

2.6. Назначение первоначальных судебных экспертиз.

– Направлено на оперативную фиксацию и оценку ключевых доказательств: почерковедческая (проверка подлинности подписей), технико-криминалистическая экспертиза документов (установление факта подделки), видеотехническая (анализ записей с камер наблюдения), компьютерно-техническая (предварительный анализ изъятых носителей).

3. Тактические особенности последующих следственных действий

Этап направлен на углубленное исследование собранных доказательств, проверку версий, установление всех эпизодов и соучастников.

3.1. Допрос подозреваемого (обвиняемого). Тактика строится с учетом типа личности мошенника.

– Использование самоуверенности и склонности к демонстративности. Предоставление возможности подробно изложить свою версию событий может привести к саморазоблачению в деталях, которые могут быть проверены и опровергнуты.
– Тактика предъявления неоспоримых доказательств («прорыв обороны»). Поэтапное предъявление результатов экспертиз (подделки документов), расшифровок переговоров, показаний соучастников, данных финансового анализа, которые разрушают первоначальную легенду.
– Детализация финансовых схем. Тщательный, настойчивый допрос о каналах поступления, хранения, обналичивания и распределения похищенных средств, что позволяет выявить соучастников и легализационные механизмы.

3.2. Очная ставка. Применяется для устранения существенных противоречий, часто между:

– Соучастниками, чьи интересы начинают конфликтовать (рядовой исполнитель и организатор).
– Потерпевшим и подозреваемым по ключевым обстоятельствам контакта.
– Тактика предполагает тщательную подготовку, определение последовательности вопросов и использование на очной ставке вещественных доказательств или результатов экспертиз.

3.3. Следственный эксперимент. Проводится для проверки объективной возможности:
– Восприятия определенных обстоятельств потерпевшим (мог ли видеть, слышать при данных условиях).
– Совершения тех или иных действий обвиняемым (можно ли было за declared время оформить сделку, передать информацию).
– Реализации способа мошенничества (воспроизведение IT-атаки с участием специалиста для подтверждения ее работоспособности и последствий).

3.4. Назначение комплексных и дополнительных экспертиз. На данном этапе экспертизы носят углубленный, комплексный характер:
– Комплексная судебная экономическая и бухгалтерская экспертиза – для полного анализа финансовых потоков в рамках многоэпизодного дела или сложной схемы.
– Комплексная компьютерно-сетевая экспертиза – для установления полного пути утечки данных, идентификации пользователя по цифровым следам, анализа активности в сети.
– Автороведческая и лингвистическая экспертиза – для установления авторства мошеннических текстов, сценариев звонков, что важно для доказательства деятельности организованной группы.
– Психолого-психиатрическая экспертиза – в редких случаях, для оценки способности потерпевшего (например, престарелого) осознавать характер действий мошенников.

4. Роль специальных познаний и взаимодействия в тактике расследования

Тактическая эффективность на всех этапах немыслима без:

1) Системного взаимодействия с оперативными подразделениями (ЭБиПК, отдел «К»). ОРМ (наблюдение, контроль переговоров, оперативный эксперимент, внедрение) являются тактическим фундаментом для многих успешных следственных действий, особенно по задержанию с поличным и документированию деятельности организованных групп.
2) Привлечения специалистов к участию в следственных действиях. Экономист при выемке документов, IT-специалист при обыске, психолог при допросе потерпевшего – их роль консультативно-вспомогательная, но критически важная для качества собранных доказательств.
3) Построения эффективной экспертной стратегии. Следователь должен формулировать четкие, последовательные вопросы перед экспертом, основываясь на выдвинутых версиях, и уметь критически оценивать заключение.

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы:

1. Специфика тактики расследования мошенничеств напрямую вытекает из их криминалистической характеристики и определяется интеллектуальной, конспиративной природой данного преступления. Ключевым принципом является ситуационная гибкость, отвергающая шаблонный подход и требующая адаптации к конкретному виду мошеннической схемы (бытовое, экономическое, IT-мошенничество) и складывающимся условиям.
2. Тактика первоначального этапа носит оперативный, фиксационный характер. Ее основная цель – незамедлительное закрепление неустойчивых доказательств (цифровых следов, показаний потерпевшего) и блокирование каналов сокрытия преступления. Критическое значение приобретает трансформация традиционных следственных действий:

– Осмотр места происшествия эволюционирует в осмотр электронных носителей информации с обязательным участием специалиста.
– Допрос потерпевшего требует особой психологической тактики для преодоления чувства стыда и детальной реконструкции «сценария обмана».
– Обыски и выемки направлены на поиск «криминалистического архива» мошенника (баз данных, средств изготовления подделок, финансовых документов).

3. Тактика последующего этапа смещается в сторону аналитико-проверочной деятельности. Ее ядро составляет система допросов, построенная на знании психологии мошенника, и комплекс судебных экспертиз. Эффективными тактическими приемами являются:

– Использование самоуверенности подозреваемого для детализации показаний с последующим их опровержением.

– Поэтапное предъявление неоспоримых доказательств (заключений экспертиз, результатов ОРМ), разрушающих изначальную легенду.
– Назначение комплексных экспертиз (экономических, компьютерно-технических, автороведческих) для установления полной картины преступной деятельности и взаимосвязей между эпизодами.

4. Неотъемлемым условием эффективной тактики является системное использование специальных познаний и межведомственное взаимодействие. Расследование мошенничеств, особенно в экономической и IT-сферах, невозможно без:

– Тесной интеграции следственных и оперативно-розыскных действий. ОРМ (контроль переговоров, наблюдение, оперативный эксперимент) часто создают тактический фундамент для успешного задержания с поличным и изобличения организованных групп.
– Активного привлечения специалистов (экономистов, IT-аналитиков, психологов) как к участию в следственных действиях, так и в роли экспертов.
– Выработки четкой экспертной стратегии, где следователь формулирует вопросы, исходя из следственных версий, и критически оценивает полученные заключения.

5. Преодоление основных проблем расследования (транснациональность кибермошенничеств, сложность доказывания умысла организатора, противодействие организованных преступных групп) лежит в плоскости овладения следователями современным арсеналом тактических приемов, ориентированных на работу с цифровыми доказательствами, финансовыми потоками и психологическим манипулированием. Дальнейшее развитие следственной тактики связано с конвергенцией традиционных криминалистических методов и передовых цифровых технологий сбора и анализа информации.

Тактика расследования мошенничеств представляет собой динамичную, многоуровневую систему, содержание которой производно от криминалистической характеристики конкретного вида этого преступления. Ее основными отличительными чертами являются ситуационная гибкость, приоритет работы с документальными и цифровыми следами, глубокая зависимость от специальных познаний и необходимость неразрывного процессуально-тактического взаимодействия с оперативными службами.

На первоначальном этапе тактика должна быть направлена на молниеносную фиксацию неустойчивых доказательств (цифровых следов, показаний потерпевшего) и блокировку каналов сокрытия через обыски и выемки. На последующем этапе акцент смещается на углубленную аналитическую работу с использованием комплекса экспертиз и тактических приемов допроса, построенных на знании психологии мошенника. Преодоление типичных проблем (сложность доказывания умысла, транснациональный характер IT-мошенничеств, сопротивление организованных групп) возможно только при условии овладения следователями современным арсеналом криминалистических тактик и их творческого применения в каждой уникальной следственной ситуации. Дальнейшее развитие тактики связано с интеграцией новых цифровых методов сбора и анализа информации в традиционный следственный инструментарий.

Список литературы:

[1] Обзор судебной практики по делам о мошенничестве, присвоении и растрате (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 30.11.2017). – Текст: электронный // СПС «КонсультантПлюс» : [сайт]. – URL: http://www.consultant.ru/ (дата обращения: 12.02.2026).

[2] Белкин, Р. С. Курс криминалистики: в 3 т. Т. 3. Криминалистические средства, приемы и рекомендации / Р. С. Белкин. – Москва: Юристъ, 2019. – 478 с.

[3] Драпкин, Л. Я. Криминалистика: учебник / Л. Я. Драпкин, В. Н. Карагодин. – Москва: Проспект, 2021. – 672 с.

[4] Баев, О. Я. Тактика следственных действий: учебное пособие / О. Я. Баев. – Воронеж: Воронежский государственный университет, 2020. – 298 с.

[5] Лубин, А. Ф. Расследование мошенничества в кредитно-финансовой сфере: методическое пособие / А. Ф. Лубин. – Москва: Щит-М, 2021. – 187 с.

[6] Возгрин, И. А. Криминалистическая методика расследования преступлений: учебное пособие / И. А. Возгрин. – Санкт-Петербург: Издательство «Юридический центр», 2019. – 412 с.

[7] Гаврилин, Ю. В. Современные возможности криминалистики: монография / Ю. В. Гаврилин, Л. В. Терзиева. – Москва: Юрлитинформ, 2018. – 312 с.

[8] Егоров, Н. Н. Мошенничество в сфере банковского кредитования: уголовно-правовые и криминалистические аспекты / Н. Н. Егоров. – Москва: Юрлитинформ, 2019. – 215 с.

[9] Зуев, Е. И. Мошенничество: криминалистические проблемы расследования / Е. И. Зуев. – Москва: Экзамен, 2019. – 288 с.

[10] Криминалистика: учебник для вузов / под ред. А. Ф. Волынского, В. П. Лаврова. – 3-е изд., перераб. и доп. – Москва: Юрайт, 2022. – 564 с.

[11] Россинская, Е. Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе / Е. Р. Россинская. – 5-е изд., перераб. и доп. – Москва: Норма, 2023. – 512 с.

[12] Савельева, М. В. Криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования мошенничества в банковской сфере / М. В. Савельева. – Москва: Юстицинформ, 2018. – 176 с.

[13] Соловьев, А. Б. Взаимодействие следователя с оперативными подразделениями / А. Б. Соловьев // Законность. – 2022. – № 5. – С. 23–27.

[14] Шепитько, В. Ю. Криминалистика: современные проблемы и перспективы развития / В. Ю. Шепитько. – Харьков: Право, 2019. – 344 с.

[15] Яблоков, Н. П. Криминалистика: учебник для вузов / Н. П. Яблоков. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: Норма, 2021. – 688 с.

[16] Жогин, Н. В., Фаткуллин Ф.Н. Возбуждение уголовного дела. М., 1961. – С. 7.

[17] Возгрин, И. А. Криминалистическая методика расследования преступлений. – Минск, 1983. – С.211-212.

[18] Белкин, Р. С. Курс криминалистики. – М., 1997. – Т.3. – С.335-336.

[19] Баев, О. Я. Процессуально-тактические проблемы обыска//Проблемы совершенствования тактики и методики расследования преступлений. – Иркутск, 1980.

References:

[1] Review of judicial practice in cases of fraud, misappropriation and embezzlement (approved by Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation 30.11.2017). - Text: electronic//SPS “ConsultantPlus”: [site]. - URL: http://www.consultant.ru/ (access date: 12.02.2026).

[2] Belkin, R. S. Forensic course: in the 3 of T. T. 3. Forensic means, techniques and recommendations/R. S. Belkin. - Moscow: Lawyer, 2019. - 478 s.

[3] Drapkin, L. Ya. Forensics: textbook/L. Ya. Drapkin, V. N. Karagodin. - Moscow: Prospect, 2021. - 672 s.

[4] Bayev, O. Ya. Investigative tactics: textbook/O. Ya. Bayev. - Voronezh: Voronezh State University, 2020. - 298 p.

[5] Lubin, A.F. Investigation of fraud in the credit and financial sphere: methodological manual/A.F. Lubin. - Moscow: Shield-M, 2021. - 187 s.

[6] Sublimine, I. A. Forensic methodology for investigating crimes: a textbook/I. A. Sublimine. - St. Petersburg: Legal Center Publishing House, 2019. - 412 s.

[7] Gavrilin, Yu. V. Modern possibilities of forensic science: monograph/Yu. V. Gavrilin, L. V. Terzieva. - Moscow: Yurlitinform, 2018. - 312 s.

[8] Egorov, N. N. Fraud in the field of bank lending: criminal-legal and forensic aspects/N. N. Egorov. - Moscow: Yurlitinform, 2019. - 215 s.

[9] Zuev, E.I. Fraud: forensic problems of the investigation/E.I. Zuev. - Moscow: Exam, 2019. - 288 p.

[10] Forensics: a textbook for universities/ed. A.F. Volynsky, V.P. Lavrov. - 3rd ed., Revised and add. - Moscow: Yurayt, 2022. - 564 s.

[11] Rossinskaya, E. R. Forensic examination in civil, arbitration, administrative and criminal proceedings/E. R. Rossinskaya. - 5th ed., Revised and add. - Moscow: Norma, 2023. - 512 s.

[12] Savelyeva, M.V. Forensic support of disclosure and investigation of fraud in the banking sector/M.V. Savelyeva. - Moscow: Justicinform, 2018. - 176 s.

[13] Soloviev, A. B. Interaction of the investigator with operational units/A. B. Soloviev//Legality. – 2022. – № 5. - S. 23-27.

[14] Shepitko, V. Yu. Criminalistics: modern problems and development prospects/V. Yu. Shepitko. - Kharkiv: Pravo, 2019. - 344 s.

[15] Yablokov, N.P. Criminalistics: a textbook for universities/N.P. Yablokov. - 2nd ed., Revised and add. - Moscow: Norma, 2021. - 688 p.

[16] Zhogin, N.V., Fatkullin F.N. Initiation of a criminal case. M., 1961. - S. 7.

[17] Sublimine, I. A. Forensic methodology for investigating crimes. - Minsk, 1983. - P.211-212.

[18] Belkin, R. S. Forensics course. - M., 1997. - T.3. - P.335-336.

[19] Bayev, O. Ya. Procedural and tactical problems of the search//Problems of improving tactics and methods of investigating crimes. - Irkutsk, 1980.

Дата поступления рукописи в редакцию: 17.04.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.05.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3830-2026-4-392-394

АЛХАСТОВА Макка Вахидовна,
преподаватель кафедры уголовного права, процесса и национальной безопасности Чеченского государственного университета имени А. А. Кадырова,
e-mail: alkhastovam@gmail.com

ХАНКАРОВА Зара Абуязитовна,
старший преподаватель кафедры юриспруденции ФГБОУ ВО «Грозненский государственный нефтяной технический университет им. М.Д. Миллионщикова»,
e-mail: hankarova25@mail.ru

ЛЕГАЛИЗАЦИЯ РЕЗУЛЬТАТОВ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ: ТАКТИЧЕСКИЕ РИСКИ И ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ГАРАНТИИ

Аннотация. *Статья посвящена системному анализу механизмов трансформации оперативных данных в процессуальные доказательства. Автор исследует тактические особенности представления результатов ОРД органам следствия и суда, детерминирует критерии допустимости сведений, полученных в ходе оперативного внедрения и проверочного закупа. В работе акцентируется внимание на разграничении законного оперативного эксперимента и провокации преступления, а также предлагаются пути совершенствования межведомственного взаимодействия в целях повышения эффективности доказывания по делам о коррупции и организованной преступности.*

Ключевые слова: *оперативно-розыскная деятельность, доказывание, легализация данных, оперативный эксперимент, провокация, допустимость доказательств, следственная тактика.*

ALKHASTOVA Makka Vakhidovna,
Lecturer at the Department of Criminal Law, Process and National Security Kadyrov Chechen State University

KHANKAROVA Zara Abuyazitovna,
Senior Lecturer, Department of Jurisprudence Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Grozny State Petroleum Technological University named after M.D. Millionshchikov"

LEGALIZATION OF THE RESULTS OF OPERATIONAL-SEARCH ACTIVITIES IN CRIMINAL PROCEEDINGS: TACTICAL RISKS AND PROCEDURAL GUARANTEES

Annotation. *The article is devoted to a systematic analysis of the mechanisms of transformation of operational data into procedural evidence. The author examines the tactical features of presenting the results of the ARD to investigative and judicial authorities, determines the criteria for the admissibility of information obtained during operational implementation and verification purchase. The paper focuses on the distinction between a legitimate operational experiment and provocation of a crime, and suggests ways to improve interagency cooperation in order to increase the effectiveness of evidence in cases of corruption and organized crime.*

Key words: *operational investigative activity, evidence, data legalization, operational experiment, provocation, admissibility of evidence, investigative tactics.*

Проблема использования результатов оперативно-розыскной деятельности (ОРД) в уголовном судопроизводстве традиционно является одной из самых дискуссионных в отечественной криминалистике. Природа оперативной информации по определению негласна, что вступает в диалектическое противоречие с принципом гласности и состязательности уголовного процесса. Трансформация «сведений», полученных оперативным путем, в «доказательства», соответствующие требованиям ст. 88 УПК РФ, требует соблюдения жесткого алгоритма легитимации. Как справедливо отмечает Р. С. Белкин, «оперативные данные — это сырье, которое только после прохождения через горнило процессуальной формы может стать инструментом правосудия» [1, с. 242].

Актуальность темы продиктована тем, что ошибки на этапе представления результатов ОРД следователю зачастую приводят к девальвации всей доказательственной базы. В условиях активного противодействия со стороны защиты, любая неточность в оформлении рапортов или актов наблюдения интерпретируется как неустранимое сомнение в пользу обвиняемого. Именно поэтому разработка четких тактических фильтров при легализации данных является первоочередной задачей для обеспечения законности предварительного расследования.

Процесс представления результатов ОРД регулируется не только нормами УПК РФ, но и специализированными межведомственными инструкциями. Основным тактическим риском здесь является раскрытие форм и методов негласной работы, а также личностей конфидентов. Следователь и оперативник должны выстроить такую модель взаимодействия, при которой содержательная часть информации передается в объеме, достаточном для формирования доказательства, но без ущерба для безопасности оперативных источников.

Критическое значение имеет фиксация обстоятельств получения информации. Если речь идет о результатах ПТП (прослушивания телефонных переговоров), тактика требует обеспечения непрерывности цепи хранения носителей информации. Малейший разрыв в хронологии — от момента записи до момента передачи следователю — ставит под удар подлинность аудиограмм. В. А. Образцов указывал, что «тактический успех легализации ПТП зависит от способности следователя подтвердить аутентичность голоса и контекста разговора через проведение фоноскопических и лингвистических экспертиз» [2, с. 184].

Наиболее острой точкой соприкосновения ОРД и процесса является проведение оперативного эксперимента, особенно по делам о взяточничестве. Европейский суд по правам человека (ЕСПЧ) и Верховный Суд РФ выработали жесткую позицию: любые действия сотрудников, направленные на склонение лица к совершению преступления, которое бы не было совершено без вмешательства извне, признаются провокацией.

Тактические маркеры законности эксперимента:

1. Наличие оперативной информации до контакта. Органы должны иметь задокументированные сведения о том, что лицо уже занимается преступной деятельностью или готовит её.
2. Пассивная роль оперативника. Инициатива в передаче ценностей или совершении действий должна исходить от проверяемого лица.
3. Документальная фиксация «контрольных» этапов. Каждый шаг эксперимента должен сопровождаться актами, исключающими возможность подброса или фальсификации объектов.

С. А. Шейфер подчеркивал, что «граница между тактикой и провокацией проходит там, где оперативный интерес подменяет собой объективную истину» [3, с. 128]. Нарушение этого баланса ведет не только к признанию доказательств недопустимыми, но и к уголовной ответственности самих сотрудников.

В современную эпоху всё больший объем данных получается из киберпространства: детализации звонков, биллинг, переписка в мессенджерах. Тактика работы с такими результатами ОРД требует применения специфических «процессуальных фильтров». Полученные сведения должны быть осмотрены следователем с обязательным участием специалиста в области ИТ-технологий. Важно не просто изъять файл, но и подтвердить его целостность через расчет контрольных сумм (хэш-функций) на момент передачи из оперативного подразделения.

Легализация данных, полученных из «облачных» хранилищ в ходе негласного доступа к информационным системам, порождает коллизии о нарушении тайны частной жизни. Прокурорский надзор здесь должен выступать гарантом того, что вмешательство было санкционировано судом и носило строго целенаправленный характер. Е. Р. Россинская справедливо отмечает, что «цифровизация ОРД требует создания единого протокола верификации электронных данных, исключающего возможность их модификации на этапе следствия» [4, с. 296].

Для суда результаты ОРД сами по себе не имеют преюдициальной силы. Они должны быть подтверждены иными материалами дела: показаниями свидетелей, заключениями экспертов, вещественными доказательствами. Тактическая задача обвинения — выстроить логическую

цепочку, где данные ОРД служат отправной точкой, а следственные действия — её подтверждением.

Проблема «секретных свидетелей» (конфидентов) также остается актуальной. Допрос такого лица в суде в условиях, исключающих визуальное наблюдение, часто оспаривается защитой как нарушение права на очную ставку. В этом случае тактика прокурора должна строиться на представлении неопровержимых документальных доказательств, которые делают показания анонимного источника лишь вспомогательным элементом общей картины.

Резюмируя проведенный анализ, следует констатировать, что эффективность уголовного преследования по сложным категориям дел напрямую зависит от качества интеграции ОРД в уголовный процесс. Необходим отход от формального подхода к легализации в сторону создания прозрачных, но защищенных процедур передачи информации.

Перспективы совершенствования данного института видятся в расширении полномочий следователя по контролю за качеством оперативных материалов и внедрении систем цифровой маркировки всех результатов негласных мероприятий. Только соблюдение этико-правовых границ и жесткая процессуальная фильтрация позволят превратить результаты ОРД в фундамент справедливого и обоснованного приговора.

Список литературы:

[1] Белкин Р. С. Криминалистическая энциклопедия. — М.: Мегатрон XXI, 2000. — 334 с.

[2] Образцов В. А. Криминалистика: партитура следственного действия. — М.: Юрлитинформ, 2011. — 312 с.

[3] Шейфер С. А. Доказательства и доказывание по уголовным делам. — М.: Норма, 2009. — 240 с.

[4] Россинская Е. Р. Криминалистика: учебник. — М.: Норма, 2020. — 464 с.

[5] Доля Е. А. Формирование доказательств на основе результатов оперативно-розыскной деятельности. — М.: Юрлитинформ, 2013. — 288 с.

[6] Ищенко Е. П. Криминалистика: курс лекций. — М.: Контракт, 2019. — 320 с.

[7] Коновалов С. И. Проблемы и перспективы применения оперативных данных в следствии. — Ростов-на-Дону: Феникс, 2018. — 184 с.

[8] Зажицкий В. И. Результаты ОРД в доказывании по уголовным делам. — СПб.: Юридический центр Пресс, 2015. — 196 с.

[9] Гармаев Ю. П. Использование результатов ОРД при расследовании коррупционных преступлений. — М.: Юстиция, 2016. — 210 с.

[10] Криминалистика: учебник / под ред. Р. С. Белкина. — М.: ГЕОТАР-Медиа, 2021. — 608 с.

References:

[1] Belkin R. S. Forensic Encyclopedia. - M.: Megatron XXI, 2000. - 334 p.

[2] Obraztsov V. A. Forensics: investigative score. - M.: Yurlitinform, 2011. - 312 s.

[3] Shafer S.A. Evidence and Criminal Evidence. - M.: Norma, 2009. - 240 s.

[4] Rossinskaya E.R. Forensics: textbook. - M.: Norma, 2020. - 464 s.

[5] Share of E. A. Formation of evidence based on the results of operational-search activities. - M.: Yurlitinform, 2013. - 288 p.

[6] Ishchenko E.P. Forensics: a course of lectures. - M.: Contract, 2019. - 320 s.

[7] Konovalov S.I. Problems and prospects for the use of operational data in the investigation. - Rostov-on-Don: Phoenix, 2018. - 184 s.

[8] Zazhitsky V.I. Results of the ORD in evidence in criminal cases. - St. Petersburg: Legal Center Press, 2015. - 196 s.

[9] Yu. P. Garmaev. Use of the results of the ORD in the investigation of corruption crimes. - M.: Justice, 2016. - 210 s.

[10] Forensics: textbook/ed. R. S. Belkin. - M.: GEOTAR-Media, 2021. - 608 s.

Дата поступления рукописи в редакцию: 15.04.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.05.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3830-2026-4-395-397

ЗОРИНА Наталья Сергеевна,
старший научный сотрудник ФКУ НИИ ФСИН России,
e-mail: Natalya.natka2010@yandex.ru

ПОНЯТИЕ ЦИФРОВОЙ ГИГИЕНЫ У НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ОСУЖДЕННЫХ В ВОСПИТАТЕЛЬНЫХ КОЛОНИЯХ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ ФОРМИРОВАНИЯ

Аннотация. *В статье рассматривается актуальность внедрения понятия «цифровая гигиена» в пенитенциарную педагогику применительно к несовершеннолетним осужденным. Анализируются специфические риски, связанные с ограниченным, но существующим доступом к информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» в условиях воспитательных колоний. Предлагается адаптированное определение цифровой гигиены для данной категории лиц и обосновывает необходимость формирования соответствующих компетенций как элемента ресоциализации.*

Ключевые слова: *цифровая гигиена, несовершеннолетние осужденные, воспитательная колония, ФСИН России, пенитенциарная педагогика, информационная безопасность, уголовно-исполнительная система.*

ZORINA Natalya Sergeevna,
Researcher of the Research Institute
of the Federal Penitentiary Service of Russia

THE CONCEPT OF DIGITAL HYGIENE AMONG JUVENILE CONVICTS IN EDUCATIONAL COLONIES: PROBLEM STATEMENT AND WAYS OF FORMATION

Annotation. *He article examines the relevance of introducing the concept of "digital hygiene" into penitentiary pedagogy in relation to juvenile convicts. The specific risks associated with limited but existing access to the Internet information and telecommunications network in conditions of educational colonies are analyzed. An adapted definition of digital hygiene for this category of persons is proposed and justifies the need to form appropriate competencies as an element of resocialization.*

Key words: *digital hygiene, juvenile convicts, educational colony, Federal Penitentiary Service of Russia, penitentiary pedagogy, information security, penal enforcement system.*

На сегодняшний день зависимость от гаджетов ничуть не уступает алкозависимости и наркозависимости и является весьма серьезной проблемой для общества. Ведь с каждым днем увеличивается число людей, которые становятся зависимыми от гаджетов. И большинство гаджет-зависимых являются дети дошкольного возраста [1].

Дети и подростки – активные пользователи интернета. С каждым годом сообщество российских интернет-пользователей молодеет. Подростки поколения Рунета растут в мире, сильно отличающемся от того, в котором росли их родители. Помимо огромного количества возможностей, интернет несет и множество рисков зачастую подростки в полной мере не осознают все возможные проблемы, с которыми они могут столкнуться в сети [2].

Федеральный закон № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» устанавливает правила медиабезопасности детей при обороте на территории России продукции средств массовой информации, печатной, аудиовизуальной продукции на любых видах носителей, программ для ЭВМ и баз данных, а также информации, размещаемой в информационно-телекоммуникационных сетях и сетях подвижной радиотелефонной связи Под антисоциальным типом личности у несовершеннолетних понимается устойчивый комплекс личностных черт, обуславливающих систематическое нарушение социальных норм и правил.

Исследования показывают, что подобное поведение часто связано с определенными психологическими особенностями [3].

Цифровая трансформация всех сфер жизнедеятельности общества не обходит стороной и институт исполнения наказаний. Несовершеннолетние осужденные, отбывающие наказание в воспитательных колониях (ВК), принадлежат к поколению «цифровых аборигенов» (digital natives). Однако изоляция от общества накладывает серьезные ограничения на их коммуникацию и доступ к информации. Парадокс современной пенитенциарной системы заключается в том, что, с одной стороны, у подростков в ВК отсутствует легальный свободный доступ к сети Интернет, с другой — контрабанда мобильных устройств и использование запрещенных каналов связи формируют «теневую цифровую среду» [4].

Согласно ст. 142 Уголовно-исполнительного кодекса РФ, осужденным в воспитательных колониях разрешается пользоваться приобретенной литературой и письменными принадлежностями, однако использование сети Интернет не предусмотрено [5]. Тем не менее, эмпирические исследования показывают, что до 60% несовершеннолетних осужденных имели опыт использования смартфонов с доступом в сеть во время отбывания наказания [6, с. 112].

Это создает уникальную ситуацию: цифровая гигиена здесь не столько про защиту от фишинга (интернет-мошеничества) или кибербуллинга в соцсетях (которые недоступны легально), сколько про профилактику вторичной цифровой депривации и контрабандного информационного воздействия. Несовершеннолетний осужденный, получая нелегальный доступ к сети, оказывается беззащитен перед деструктивным контентом (пропаганда суицида, наркотиков, криминальной субкультуры), так как у него отсутствуют регулирующие механизмы со стороны воспитателей.

Цифровая гигиена несовершеннолетнего осужденного — это система знаний, умений и установок, обеспечивающих безопасное, законное и этически приемлемое использование доступных цифровых устройств и каналов связи в условиях изоляции, направленная на предотвращение криминальной цифровой социализации и сохранение психического здоровья, а также формирование готовности к безопасному поведению в цифровой среде после освобождения.

Наиболее глубокие и трудноразрешимые проблемы лежат в психологическом аспекте. Сама категория несовершеннолетних осужденных представляет собой группу повышенного риска в силу сформировавшихся до осуждения когнитивных и поведенческих дезадаптаций [7]. Согласно исследованию феномена «цифрового слабоумия», бесконтрольное пребывание подростков в сети коррелирует со снижением способности выстраивать логические цепочки и осмысленно излагать информацию. У осужденных, которые до изоляции проводили в интернете значительное время, формируются дезадаптивные паттерны, проявляющиеся в неспособности к критическому анализу информации, низкой устойчивости к манипуляциям и импульсивности при принятии решений в цифровой среде [8, с. 112]. Эти качества делают их идеальными жертвами киберпреступников и потенциальными участниками криминальных цифровых схем.

Еще одной проблемой является отсутствия научно обоснованных и апробированных методик. Как справедливо отмечает Н.И. Улендеева, формирование цифровой гигиены требует постоянного проведения просветительских мероприятий [9, с. 15-18]. Однако в условиях ВК такие мероприятия должны быть адаптированы к режимным ограничениям, специфике контингента и дефициту технических средств.

Отдельной проблемой является криминальная субкультура, активно использующая цифровые каналы. В нелегальных мессенджерах и «каналах изнутри» циркулируют слухи, провокационные сообщения и инструкции по противодействию администрации. Подросток, получивший доступ к такому контенту, оказывается в ситуации конфликта лояльностей: с одной стороны — требование сотрудников ВК сдать телефон, с другой — давление со стороны криминально авторитетных осужденных, требующих использовать устройство в их интересах. Цифровая гигиена в этом контексте сталкивается с мощным противодействием неформальных норм. [10].

Наконец, ключевая проблема заключается в том, что отсутствие сформированной цифровой гигиены у несовершеннолетних осужденных создает прямые криминологические риски. Исследования показывают, что повышенная уязвимость подростков в цифровой среде формируется под воздействием когнитивных, эмоционально-поведенческих и социальных дезадаптивных паттернов, что делает их легкой добычей для злоумышленников, вовлекающих несовершеннолетних в преступную деятельность [11].

Понятие цифровой гигиены для несовершеннолетних осужденных в воспитательных колониях сегодня находится в стадии формирования. Оно не тождественно общественному пониманию, поскольку оперирует в условиях дефицита легального доступа и избытка теневого. Дальнейшие исследования должны быть направлены на разработку методик диагностики уровня цифровой гигиены у данной категории лиц и апробацию психолого-педагогических тренингов в закрытой цифровой среде.

Список литературы:

[1] Зорина, Н. С. Гаджет-зависимость у детей: понятие и виды проявления / Н. С. Зорина // Вестник педагогических наук. – 2022. – № 6. – С. 232-234.

[2] Калинкина, Н. Б. Цифровая гигиена как способ противодействия деструктивному воздействию в сети на детей и подростков / Н. Б. Калинкина // Мировые научные исследования современности: возможности и перспективы развития : материалы XVI международной научно-практической конференции, Ростов-на-Дону, 31 марта 2022 года. Том Часть 1. – Ставрополь: Общество с ограниченной ответственностью «Ставропольское издательство «Параграф», 2022. – С. 225-230.

[3] Федеральный закон № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» [Электронный ресурс].- Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_108808/

[4] Смирнов А.А. Теневые коммуникации в исправительных учреждениях: проблемы контрабанды мобильных устройств // Пенитенциарная безопасность. – 2021. – № 4. – С. 44-49.

[5] Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08.01.1997 № 1-ФЗ (ред. от 28.06.2022). – Ст. 142, 143.

[6] Ковалева О.Ю., Зинченко Е.В. Цифровые компетенции несовершеннолетних осужденных: результаты эмпирического исследования // Ведомости уголовно-исполнительной системы. – 2023. – № 2. – С. 110-118.

[7] Зорина, Н. С. Воспитательная работа как основа формирования нравственной устойчивости несовершеннолетних осужденных в процессе образовательной деятельности / Н. С. Зорина // Евразийский юридический журнал. – 2022. – № 7(170). – С. 308-309.

[8] Семенова А.С. Рецидивная преступность несовершеннолетних и фактор информационных технологий // Российский следователь. – 2024. – № 1. – С. 34–38.

[9] Улендеева Н.И. Проект «Школа правопорядка» как форма профилактики киберпреступлений среди несовершеннолетних осужденных // Ведомости уголовно-исполнительной системы. – 2024. – № 3. – С. 19–24.

[10] Царькова, Е. Г. Принципы и методы педагогического воздействия на несовершеннолетних осужденных / Е. Г. Царькова, Н. С. Зорина // Евразийский юридический журнал. – 2024. – № 2(189). – С. 449-450.

[11] Шапинская Е.А. Цифровой авторитаризм в восприятии лиц, находящихся в изоляции // Психопедагогика в правоохранительных органах. – 2022. – № 4. – С. 50–55.

References:

[1] Zorina, N. S. Gadget dependence in children: concept and types of manifestation/N. S. Zorina//Bulletin of Pedagogical Sciences. – 2022. – № 6. - S. 232-234.

[2] Kalinkina, N. B. Digital hygiene as a way to counter the destructive effects of the network on children and adolescents/N. B. Kalinkina//World scientific research of our time: opportunities and prospects for development: materials of the XVI International Scientific and Practical Conference, Rostov-on-Don, March 31, 2022. Volume Part 1. - Stavropol: Limited Liability Company “Stavropol Publishing House “Paragraph,” 2022. - S. 225-230.

[3] Federal Law No. 436-FZ “On the Protection of Children from Information Harmful to Their Health and Development” [Electronic Resource] .- Access mode: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_108808/

[4] Smirnov A.A. Shadow communications in correctional institutions: problems of smuggling mobile devices//Penitentiary security. – 2021. – № 4. - S. 44-49.

[5] The Criminal Executive Code of the Russian Federation of 08.01.1997 No. 1-FZ (as amended 28.06.2022). - Art. 142, 143.

[6] Kovaleva O.Yu., Zinchenko E.V. Digital competencies of juvenile convicts: results of empirical research//Vedomosti of the penal system. – 2023. – № 2. - S. 110-118.

[7] Zorina, N. S. Educational work as the basis for the formation of moral stability of juvenile convicts in the process of educational activity/N. S. Zorina//Eurasian Law Journal. – 2022. – № 7(170). - S. 308-309.

[8] A.S. Semenova. Juvenile recidivism and the factor of information technology//Russian investigator. – 2024. – № 1. - S. 34-38.

[9] Ulendeeva N.I. Project “School of Law Enforcement” as a form of prevention of cybercrimes among juvenile convicts//Vedomosti of the penal system. – 2024. – № 3. - S. 19-24.

[10] Tsarkova, E. G. Principles and Methods of Pedagogical Impact on Juvenile Convicts/E. G. Tsarkova, N. S. Zorin//Eurasian Law Journal. – 2024. – № 2(189). - S. 449-450.

[11] Shapinskaya E.A. Digital authoritarianism in the perception of persons in isolation//Psychopedagogy in law enforcement agencies. – 2022. – № 4. - S. 50-55.

Дата поступления рукописи в редакцию: 15.04.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.05.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3830-2026-4-398-403

КЛЮЧНИКОВ Михаил Иванович,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры огневой и тактико-специальной
подготовки юридического факультета ВЮИ ФСИН России,
e-mail: aqwer12345@bk.ru

ПОЖИМАЛИН Вячеслав Николаевич,
доцент института подготовки государственных
муниципальных служащих Академии ФСИН России,
e-mail: aqwer12345@bk.ru

СЕЛЯКОВ Юрий Леонидович,
доцент, старший преподаватель кафедры
физической подготовки факультета психологии и пробации
ВИПЭ ФСИН России,
e-mail: aqwer12345@bk.ru

МОРАЛЬНО-НРАВСТВЕННЫЕ КАЧЕСТВА ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО РОСТА СОТРУДНИКА ФСИН

Аннотация. *Работа раскрывает содержание морально-нравственных качеств, определяющих профессиональный рост сотрудника Федеральной службы исполнения наказаний. Рассматривается связь служебной надежности, дисциплины, законности поведения, авторитета в коллективе с уровнем внутренней культуры сотрудника. Раскрываются качества, которые имеют прямое значение для служебной карьеры: чувство долга, честность, справедливость, самообладание, принципиальность, уважение к человеческому достоинству, нетерпимость к коррупции. Показано, за счет, каких условий данные свойства закрепляются в период обучения, адаптации к службе, ежедневного исполнения обязанностей и прохождения аттестации.*

Ключевые слова: *сотрудник ФСИН, морально-нравственные качества, профессиональный рост, служебная этика, дисциплина, законность, авторитет, профессиональная надежность, антикоррупционное поведение, служебная культура.*

KLYUCHNIKOV Mikhail Ivanovich,
Candidate of Law, Associate Professor,
Department of Fire and Tactical Special Training,
Faculty of Law, VUI FSIN of Russia

POZHIMALIN Vyacheslav Nikolaevich,
Associate Professor of the Institute for the Training
of State Municipal Employees of the Academy
of the Federal Penitentiary Service of Russia

SELYAKOV Yuri Leonidovich,
Associate Professor, Senior Lecturer,
Department of Physical Training,
Faculty of Psychology and Probation,
VIP FSIN of Russia

MORAL AND ETHICAL QUALITIES OF PROFESSIONAL GROWTH OF A FSB EMPLOYEE

Annotation. *The work reveals the content of the moral and ethical qualities that determine the professional growth of an employee of the Federal Penitentiary Service. It examines the relationship between service reliability, discipline, legal behavior, and authority in the workplace, and the level of an employee's internal culture. The qualities that are directly relevant to a career in the Federal Penitentiary Service are highlighted, including a sense of duty, honesty, fairness, self-control, integrity, respect for human dignity, and intolerance of corruption. The article explores the conditions that contribute to the development of these qualities during the training, adaptation to the service, daily duties, and performance evaluations.*

Key words: *Federal Penitentiary Service employee, moral qualities, professional growth, service ethics, discipline, legality, authority, professional reliability, anti-corruption behavior, and service culture.*

Профессиональный рост сотрудника ФСИН имеет отчетливую нравственную основу. Служба проходит в условиях постоянного контакта с людьми, находящимися в зависимом положении. Любая ошибка в оценке ситуации, грубость, предвзятость, сокрытие нарушения, личная заинтересованность сразу затрагивают права человека, состояние дисциплины, репутацию учреждения. По данной причине продвижение по службе связано не с одним стажем или набором формальных показателей. Главным критерием становится надежность личности в напряженной служебной обстановке.

Федеральный закон о службе в уголовно-исполнительной системе закрепляет требования к служебному поведению сотрудника. Закон предписывает добросовестное исполнение обязанностей, соблюдение дисциплины, уважительное и тактичное обращение с гражданами, защиту их прав и свобод, нейтральность по отношению к политическим, религиозным и иным объединениям [5]. Нормативная база прямо связывает статус сотрудника с его поведением вне ситуативной выгоды. Нравственная несостоятельность в данных условиях рассматривается как служебный риск, который ведет к конфликтам, жалобам, дисциплинарным мерам, утрате доверия.

Морально-нравственные качества сотрудника ФСИН выражаются не в общих рассуждениях о добре. Они проявляются в ежедневных решениях. Честность видна в точности рапорта, в отказе искажать факты, в недопустимости сокрытия проступка коллеги ради внешнего благополучия подразделения. Справедливость выражается в одинаковом отношении к людям при разном личном впечатлении о них. Принципиальность проявляется в верности закону при давлении, уговоре, попытке неформальной договоренности. Самообладание заметно в тоне разговора, в умении не поддаваться на провокацию, в отказе от импульсивного решения.

Для сотрудника ФСИН особое значение имеет уважение к человеческому достоинству. Данное качество не смягчает режим службы и не снижает требовательность. Напротив, оно задает законную форму требовательности. Сотрудник, который соблюдает дистанцию, говорит корректно, не унижает человека словом, не допускает оскорбительного поведения, действует увереннее и профессиональнее. Его распоряжения воспринимаются серьезнее, действия легче поддаются правовой проверке, линия поведения укрепляет режим законности в учреждении.

Не меньшую значимость имеет развитое чувство долга. Для сотрудника ФСИН долг означает устойчивую готовность исполнять обязанность полно и точно даже при отсутствии внешнего контроля. Речь идет о пунктуальности, исполнительности, верности Присяге, сохранении служебной тайны, бережном отношении к документам, отказе от формального подхода. Сотрудник с развитым чувством долга не перекладывает трудную задачу на коллегу, не ищет удобного обходного решения, не допускает небрежности в мелочах. Именно из данных повседневных действий складывается профессиональная репутация.

Профессиональный рост в системе ФСИН идет через проверку человека делом. Руководитель поручает сложный участок службы сотруднику, который стабилен в поведении, держит слово, верно оценивает границы полномочий, не подрывает дисциплину личным примером. Коллектив признает авторитет сотрудника, если видит в нем внутреннюю собранность, уважение к товарищам, готовность нести ответственность за решение. Кадровое продвижение в силовой системе строится на доверии. Доверие формируется нравственной устойчивостью значительно раньше очередной аттестации или представления к должности.

Распоряжением Правительства РФ от 29 апреля 2021 г. № 1138-р утверждена Концепция развития уголовно-исполнительной системы до 2030 года. В числе актуальных задач в ней названы повышение уровня мотивации при прохождении службы и формирование здоровой морально-психологической обстановки, исключающей противоправное поведение сотрудников УИС [4]. Положение точно показывает служебную

практику: моральный климат подразделения прямо влияет на качество исполнения обязанностей, сохранность кадров, устойчивость к профессиональной деформации.

Приказ Минюста России от 5 августа 2021 г. № 132 регламентирует организацию прохождения службы в уголовно-исполнительной системе [6]. Служебный порядок, оценка сотрудника, его дисциплинарный статус, прохождение аттестационных процедур образуют единое поле профессионального становления. При данных условиях морально-нравственные качества перестают быть личным делом человека. Они входят в сферу служебной оценки, поскольку определяют управляемость, исполнительность, способность сохранять правовой режим в учреждении.

Серьезное место в профессиональном росте занимает антикоррупционная устойчивость. Для сотрудника ФСИН данное качество имеет особую цену. Служба связана с доступом к информации, режимным решениям, материальным средствам, контактам с осужденными, их родственниками, адвокатами, иными заинтересованными лицами. В такой среде любое отступление от принципа неподкупности быстро разрушает служебную карьеру. Коррупционный эпизод не ограничивается личным проступком. Он подрывает веру коллектива в справедливость требований, создает очаг цинизма, разрушает воспитательное значение службы.

Нравственная устойчивость сотрудника проявляется еще в одном направлении. Речь идет об отношении к власти как к обязанности, не как к привилегии. Полномочия в пенитенциарной сфере даны для поддержания порядка, обеспечения безопасности, соблюдения правового режима. Их нельзя использовать для самоутверждения, мести, давления, демонстрации личного превосходства. Сотрудник, который воспринимает должность именно как обязанность, действует ровно, предсказуемо, юридически грамотно. У него отсутствует потребность доказывать значимость через жесткость. Подобная линия поведения служит признаком зрелости специалиста.

В научной литературе нравственный статус сотрудника УИС рассматривается как осознанная готовность следовать нормам морали, признанным обществом, службой, профессиональным сообществом [8]. Данный подход точно раскрывает суть профессионального роста. Рост начинается в момент, когда внешний контроль дополняется внутренним самоконтролем. Молодой сотрудник сначала действует по инструкции. Зрелый сотрудник действует по инструкции и по совести. Именно совпадение правового требования с внутренним запретом на недостойный поступок дает устойчивый служебный результат.

Формирование данных качеств начинается в ведомственном вузе, продолжается в период первичной адаптации, закрепляется в коллективе. Учебные курсы по профессиональной этике задают понятийную основу. Они раскрывают содержание долга, чести, справедливости, служебного такта, ответственности [1]. Дальнейшее значение имеет наставничество. Молодой сотрудник перенимает стиль поведения у старшего коллеги быстрее, чем из текста нормативного акта. По этой причине нравственный уровень руководителя влияет на кадровый резерв сильнее многих формальных лекций. Если начальник допускает грубость, двойные стандарты, несправедливое поощрение, подчиненный усваивает данную норму как рабочее правило.

Приказ ФСИН России от 24 октября 2025 г. № 874 утвердил кодекс этики и служебного поведения сотрудников уголовно-исполнительной системы Российской Федерации. Кодекс определяет этические нормы, правила и требования к служебному и внеслужебному поведению сотрудника [7]. Научные публикации, посвященные нравственному статусу работника УИС, связывают действие кодекса с укреплением уважения, доверия, поддержки со стороны коллег, граждан, общества [8]. Кодекс в системе ФСИН служит практическим ориентиром для повседневного выбора.

Содержание морально-нравственных качеств раскрывается полно именно через служебные ситуации. Справедливость проверяется при распределении нагрузки. Честность проверяется при составлении материала по нарушению. Принципиальность проверяется при попытке склонить сотрудника к удобному решению. Самообладание проверяется в конфликте. Уважение к личности проверяется при общении с осужденным, заявителем, родственником, коллегой. Нетерпимость к коррупции проверяется в момент предложения выгоды. Профессиональный рост начинается там, где сотрудник сохраняет правильную линию поведения без оглядки на личную пользу.

Моральная устойчивость не возникает стихийно. Она формируется при сочетании личной зрелости, дисциплины, внятных служебных требований, здорового климата в коллективе, постоянной воспитательной работы [9]. Для системы ФСИН данный вывод имеет прикладное значение. Учреждение получает сильного специалиста тогда, когда он знает инструкцию наизусть, сохраняет законность поведения под напряжением, не утрачивает самоконтроль, не допускает внутреннего оправдания для проступка.

Отдельным показателем нравственной зрелости служит авторитет сотрудника в подразделении. Формальная должность дает право отда-

вать распоряжения. Реальное уважение возникает при ином основании. Коллеги доверяют сотруднику, который одинаково требователен к себе и к другим, не меняет оценку под влияние личной симпатии, не ищет удобных исключений для близкого круга. Осужденные и иные лица быстрее воспринимают законное требование, когда видят спокойный тон, точность формулировок, отсутствие унижающих слов. Кодекс этики прямо ориентирует сотрудника на корректность, сдержанность, уважение к личности [8].

Для профессионального роста существенна культура служебного общения. В учреждениях УИС нередки напряженные разговоры, жалобы, эмоциональные заявления, попытки давления, демонстративное неповиновение. В подобных условиях нравственные качества видны сразу. Сотрудник обязан выслушать обращение без раздражения, зафиксировать значимые сведения, разъяснить порядок дальнейших действий, пресечь нарушение в рамках закона. Недопустимы крик, насмешка, угрозы, грубый жаргон, публичное унижение человека. Подобная манера поведения ухудшает обстановку в учреждении и ставит под сомнение профессиональную пригодность сотрудника [7].

Значение имеет и внеслужебное поведение. Сотрудник ФСИН остается представителем государственной службы за пределами учреждения. Конфликтность в общественных местах, пренебрежение нормами приличия, демонстративное неуважение к гражданам, распространение в сети материалов, порочащих честь службы, подрывают доверие к человеку сильнее одного дисциплинарного взыскания. Для дальнейшего продвижения важна репутационная устойчивость. Руководитель не станет выдвигать на ответственную должность работника, чье поведение вне службы вызывает сомнение в его сдержанности, порядочности, умении контролировать себя [5].

Нравственная основа профессионального роста ясно проявляется при работе с документами и служебной информацией. Сотрудник ежедневно составляет рапорты, объяснения, акты, характеристики, журналы учета, иные материалы. Любое искажение данных ради красивого отчета разрушает доверие к исполнителю. Не менее опасно сокрытие просчета из страха перед взысканием. Честный сотрудник фиксирует обстоятельства без приукрашивания, своевременно докладывает о нарушении, не подгоняет показатели под ожидаемый результат. При прохождении службы данная линия поведения рассматривается как признак надежности и управленческой пригодности [6].

Особое значение для профессионального становления имеет нравственный облик руководителя. Начальник задает допустимую норму повседневного поведения. Если он распределяет нагрузку справедливо, реагирует на проступки без личной мести, одинаково оценивает равные по тяжести нарушения, подчиненные воспринимают требования как законные. Если начальник демонстрирует резкость, фаворитизм, унижение подчиненного при посторонних, моральный климат быстро ухудшается. Концепция развития УИС до 2030 года связывает кадровую устойчивость с формированием здоровой морально-психологической среды [4]. Для службы данное положение имеет прямое практическое значение.

Профессиональный рост сотрудника ФСИН сдерживается при признаках нравственной деформации. К ним относятся циничное отношение к людям, утрата чувствительности к нарушению закона, привычка оправдывать грубость производственной необходимостью, равнодушие к жалобе, стремление решать вопрос через давление. Подобные черты не появляются внезапно. Они накапливаются из служебной усталости, однообразного стресса, отсутствия самоконтроля, неблагополучной атмосферы в коллективе. Исследователи моральной устойчивости сотрудников УИС связывают профилактику деформации с системной воспитательной работой, личной дисциплиной, принципиальной реакцией руководства на отклоняющееся поведение.

Служебная карьера в системе ФСИН тесно связана с аттестацией, резервом кадров, назначением на должности с повышенным объемом ответственности. На данных этапах учитывается не один уровень знаний. Внимание обращается на то, как сотрудник ведет себя при сложной проверке, признает ли собственную ошибку, склонен ли к самооправданию, умеет ли держать служебную дистанцию, соблюдает ли правила подчиненности. Формально грамотный специалист, склонный к лжи или неуважительному обращению, не воспринимается как надежный кандидат на продвижение. Приказ Минюста России № 132 задает порядок прохождения службы, в котором личная дисциплина имеет устойчивое значение [6].

Закрепление нравственных качеств требует постоянной внутренней работы. Для сотрудника ФСИН недостаточно однажды усвоить текст кодекса либо прослушать курс профессиональной этики. Необходима ежедневная самопроверка. Сотрудник оценивает, насколько точны его слова в рапорте, был ли справедлив тон разговора, не допущено ли пренебрежение к чужому достоинству, не возник ли соблазн скрыть неудобный факт. Учебные пособия по служебной этике подчеркивают ценность самодисциплины, культуры речи, ответственности за собственный поступок, устойчивости нравственного выбора.

Особую проверку нравственная зрелость проходит в работе с осужденными, подозреваемыми, обвиняемыми, их родственниками и иными посетителями учреждений. Данные лица нередко находятся в тяжелом эмоциональном состоянии. На этом фоне сотрудник обязан сохранять точность, спокойствие, вежливость, твердость. Любое необоснованное унижение быстро порождает жалобу, конфликт, недоверие к администрации учреждения. Напротив, корректное и законное поведение укрепляет порядок, снижает напряженность, подтверждает высокий уровень служебной культуры. Для профессионального роста крайне важно, чтобы нравственная устойчивость сотрудника проявлялась именно в сложной и психологически неблагоприятной обстановке.

Самая строгая нравственная проверка связана с применением властных полномочий. Сотрудник ФСИН сталкивается с отказом исполнять законное требование, агрессией, провокацией, грубым нарушением режима. В подобной обстановке недопустима подмена правового воздействия личным раздражением. Решение должно опираться на закон, инструкцию, фактическую обстановку, степень опасности. Избыточная жесткость разрушает доверие к сотруднику, формирует жалобы, создает риск служебной проверки. Корректное использование полномочий показывает высокий уровень внутренней дисциплины и зрелое отношение к власти как к ответственности [7].

Морально-нравственные качества проявляются и в отношении сотрудника к служебному времени, форме одежды, внешней аккуратности, порядку на рабочем месте. Подобные детали не относятся к малозначительным. По ним судят о внутренней собранности человека, его уважении к уставному порядку, готовности соблюдать правило даже при отсутствии наблюдения. Небрежность в мелочи часто переходит в небрежность при решении более ответственных задач. Напротив, точность в повседневном служебном режиме формирует привычку к дисциплине, укрепляет доверие руководства, создает устойчивую основу для дальнейшего должностного продвижения [5], [6].

Профессиональный рост сотрудника ФСИН имеет несколько видимых признаков. К ним относятся устойчивое доверие руководства, готовность к самостоятельному решению задач, способность урегулировать сложный служебный эпизод без нарушения закона, уважение коллектива, отсутствие нравственного двуличия. Сотрудник, который демонстрирует данные свойства, становится кадровой опорой подразделения. Ему поручают наставничество, его ставят на ответственные направления, его служебная перспектива выглядит устойчивой. Причина очевидна: морально зрелый специалист безопасен для службы, предсказуем в поведении, надежен в критический момент.

Морально-нравственные качества образуют внутренний стержень профессионального роста сотрудника ФСИН. Без честности, чувства долга, справедливости, уважения к человеку, самообладания, принципиальности, антикоррупционной устойчивости невозможно длительное служебное развитие. Должность дает полномочия. Нравственная зрелость задает пределы их применения. По данной причине профессиональный рост сотрудника ФСИН следует оценивать по уровню его внутренней культуры не менее строго, чем по стажу, знаниям и результатам служебной деятельности. Высокая нравственная планка служит ориентиром для личного поведения, для оценки подчиненных, для принятия решений в условиях дефицита времени. По данной причине продвижение по службе в ФСИН должно рассматриваться как доверие к человеку, который доказал свою порядочность практикой ежедневной службы.

Список литературы:

[1] Кушнаренко И. А., Митин А. В. Профессиональная этика и служебный этикет: учебное пособие. - Москва: Московский университет МВД России, 2021. - 174 с.

[2] Денисенко С. В. Профессиональная этика и служебный этикет сотрудника органов внутренних дел: учебное пособие. - Омск: Омская академия МВД России, 2021. - 56 с.

[3] Синицына Т. И. Профессиональная этика и служебный этикет: учебное пособие. - Вологда: Северо-Западный институт (филиал) Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), 2022. - 162 с. - ISBN 978-5-6047961-3-9.

[4] Распоряжение Правительства РФ от 29.04.2021 № 1138-р «О Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года».consultant

[5] Федеральный закон от 19.07.2018 № 197-ФЗ «О службе в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации и о внесении изменений в Закон Российской Федерации «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы».publication.pravo.gov.ru

[6] Приказ Министерства юстиции Российской Федерации от 05.08.2021 № 132 «Об организации прохождения службы в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации». publication.pravo.gov.ru

[7] Приказ ФСИН России от 24.10.2025 № 874 «Об утверждении кодекса этики и служеб-

ного поведения сотрудников уголовно-исполнительной системы Российской Федерации». consultant

[8] Владимиров С. В. О нравственном статусе сотрудника уголовно-исполнительной системы // Издательский дом «Среда». - 2025. - Электронный ресурс. - URL: https://phsreda.com/e-articles/10706/Action10706-126732.pdf.phsreda

[9] Круглов А. В. Аспекты формирования моральной устойчивости сотрудников уголовно-исполнительной системы Российской Федерации // CyberLeninka. - 2025. - URL: https://cyberleninka.ru/article/n/aspekty-formirovaniya-moralnoy-ustoychivosti-sotrudnikov-ugolovno-ispolnitelnoy-sistemy-rossiyskoy-federatsii.cyberleninka

References:

[1] Kushnarenko I.A., Mitin A.V. Professional ethics and service etiquette: a textbook. - Moscow: Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2021. - 174 s.

[2] Denisenko S.V. Professional ethics and service etiquette of an employee of the internal affairs bodies: a textbook. - Omsk: Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2021. - 56 s.

[3] Sinitsyna T.I. Professional ethics and service etiquette: a textbook. - Vologda: North-West Institute (branch) of O. E. Kutafin University (Moscow State Law Academy), 2022. - 162 p. - ISBN 978-5-6047961-3-9.

[4] Order of the Government of the Russian Federation of 29.04.2021 No. 1138-r “On the Concept for the Development of the Penitentiary System of the Russian Federation for the Period up to 2030. “Consultant

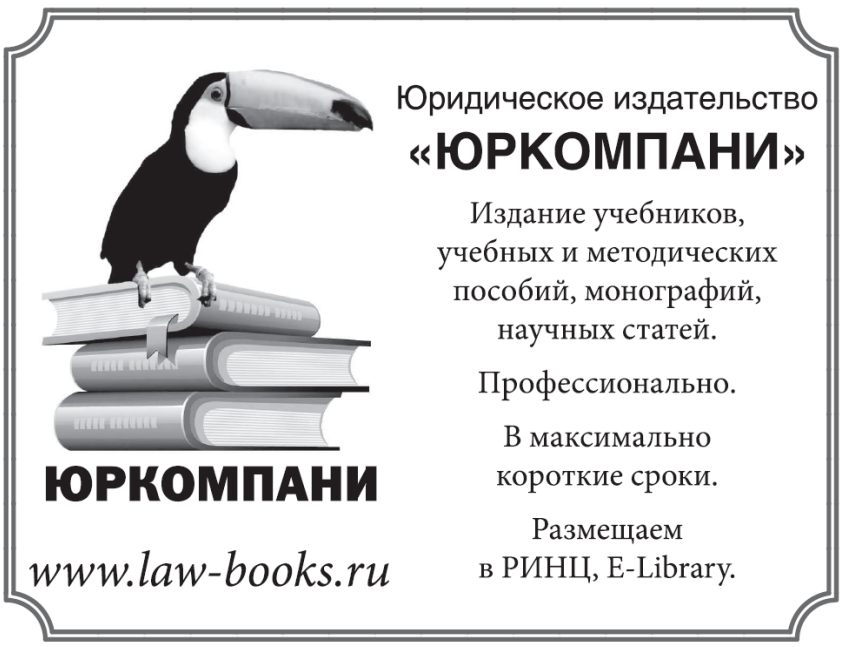
[5] Federal Law of 19.07.2018 No. 197-FZ “On Service in the Penitentiary System of the Russian Federation and on Amendments to the Law of the Russian Federation “On Institutions and Bodies Executing Criminal Penalties in the Form of Imprisonment. “publication.pravo.gov.ru

[6] Order of the Ministry of Justice of the Russian Federation of 05.08.2021 No. 132 “On the organization of service in the penitentiary system of the Russian Federation. “publication.pravo.gov.ru

[7] Order of the Federal Penitentiary Service of Russia of 24.10.2025 No. 874 “On approval of the code of ethics and official conduct of employees of the penitentiary system of the Russian Federation. “consultant

[8] Vladimirov S.V. On the moral status of an employee of the penitentiary system//Publishing house “Sreda.” - 2025. - Electronic resource. - URL: https://phsreda.com/e-articles/10706/Action10706-126732.pdf.phsreda

[9] Kruglov A. V. Aspects of the formation of moral stability of employees of the penitentiary system of the Russian Federation//CyberLeninka. - 2025. - URL: https://cyberleninka.ru/article/n/aspekty-formirovaniya-moralnoy-ustoychivosti-sotrudnikov-ugolovno-ispolnitelnoy-sistemy-rossiyskoy-federatsii.cyberleninka

Дата поступления рукописи в редакцию: 05.04.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.05.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3830-2026-4-404-409

КОВАЛЕВ Олег Геннадьевич,
доктор юридических наук, кандидат психологических наук,
профессор, главный научный сотрудник ФКУ
научно-исследовательский институт ФСИН России,
e-mail: okovalev66@gmail.com

ОСОБЕННОСТИ СОДЕРЖАНИЯ В СЛЕДСТВЕННЫХ ИЗОЛЯТОРАХ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ ЖЕНЩИН, ПОДОЗРЕВАЕМЫХ И ОБВИНЯЕМЫХ В СОВЕРШЕНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Аннотация. *Целью исследования стали правовые, организационные и психологические особенности содержания под стражей в следственных изоляторах уголовно-исполнительной системы женщин. Для ее реализации использовались диалектический метод познания и другие общеизвестные методы логического познания (общенаучные и частнонаучные): анализ, синтез, сравнение, аналогия, обобщение, социологический опрос, наблюдение, с помощью которых анализировались законодательные и ведомственные правовые акты Минюста и ФСИН России, научные публикации, а также материалы, раскрывающие особенности содержания в СИЗО УИС женщин, подозреваемых в совершении преступлений. Женщины, подозреваемые и обвиняемые в совершении преступлений, содержащиеся в СИЗО УИС отличаются психологическими характеристиками, среди которых выделяются эмоциональные состояния и повышенный эмоциональный фон, сопровождающий такие их познавательные процессы как восприятие, мышление и воображение. Такую фундаментальную психологическую категорию как мотивацию и ее криминальное содержание в контексте поведения указанных женщин, обладающих криминальной мотивацией с невротическими проявлениями и зависимостью от психоактивных веществ, содержащихся в СИЗО УИС, отбывающих лишение свободы в исправительных учреждениях. Социально-демографическая, психологическая, уголовно-правовая и криминологические характеристики женщин, подозреваемых и обвиняемых в совершении преступления влияют на их содержание в СИЗО УИС. Формируют их особое правовое положение, существенно отличающееся от других лиц, содержащихся под стражей дополнительными правами. Особенностям содержания под стражей женщин посвящена статья 30 Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» от 15.07.1995 № 103-ФЗ. Согласно данной правовой норме, главная особенность содержания женщин в СИЗО УИС состоит в том, что они могут иметь при себе детей в возрасте четырех лет. При этом норма санитарной площади на каждого ребенка, находящегося с матерью, составляет не менее четырех квадратных метров. Другими особенностями содержания женщин под стражей выступают закрепленные в Федеральном законе 1995 г. № 103-ФЗ и Правилах внутреннего распорядка СИЗО УИС, утвержденных Приказом Минюста России 2022 г. № 110 запреты на ограничение продолжительности ежедневных прогулок беременных женщин и женщин, имеющих при себе детей, а также их водворение в карцер изолятора.*

Ключевые слова: *подозреваемые и обвиняемые женщины, содержание под стражей, следственные изоляторы, уголовно-исполнительная система, прокурорский надзор.*

KOVALEV Oleg Gennadievich,
Doctor of Law, Candidate of Law of Psychological Sciences,
Professor, Chief Researcher of the FKU Scientific
Research Institute Federal Penitentiary Service of Russia

FEATURES OF CONTAINMENT IN INVESTIGATIVE ISOLATORS OF THE CRIMINAL-EXECUTIVE SYSTEM OF WOMEN SUSPECTED AND ACCUSED OF COMMITTING CRIMES

Annotation. *The purpose of the study was to examine the legal, organizational, and psychological features of detention in investigative isolators of the criminal-executive system for women. To implement this study, we used the dialectical method of cognition and other well-known methods of logical cognition (general scientific and specific scientific methods): analysis, synthesis, comparison, analogy, generalization, sociological survey, and observation. These methods were used to analyze legislative and departmental legal acts of the Ministry of Justice and the Federal Penitentiary Service of Russia, scientific publications, and materials that reveal the specifics of the detention of women suspected of committing crimes in pre-trial detention centers. Women who are suspected or accused of committing crimes and are held in pre-trial detention centers of the Federal Penitentiary Service have different psychological characteristics, including emotional states and an increased emotional background that accompanies their cognitive processes such as perception, thinking, and imagination. This fundamental psychological category, motivation, and its criminal content in the context of the behavior of these women, who have criminal motivation with neurotic manifestations and substance abuse, and who are held in pre-trial detention centers of the Federal Penitentiary Service and are serving their sentences in correctional facilities. The socio-demographic, psychological, criminal-legal, and criminological characteristics of women suspected and accused of committing a crime affect their detention in the pre-trial detention center of the penal system. They form their special legal status, which differs significantly from that of other individuals detained with additional rights. Article 30 of the Federal Law "On the Detention of Suspects and Accused of Crimes" dated July 15, 1995, No. 103-FZ, addresses the specific features of women's detention. According to this legal norm, the main feature of women's detention in the penal system's pre-trial detention centers is that they can have children under the age of four with them. Additionally, the sanitary area per child with their mother must be at least four square meters. Other features of the detention of women include the prohibitions on limiting the duration of daily walks for pregnant women and women with children, as well as their placement in the isolation ward, which are enshrined in Federal Law No. 103-FZ of 1995 and the Internal Regulations of the Penitentiary System, approved by Order No. 110 of the Ministry of Justice of the Russian Federation in 2022.*

Key words: *female suspects and accused, detention, pre-trial detention centers, penal system, prosecutorial supervision.*

Введение. Одним из показателей гуманизации национальной уголовной и уголовно-исполнительной политики является пристальное внимание к причинам, предупреждению женской преступности [1, с. 47-51]. Соблюдению прав и законных интересов содержащихся в следственных изоляторах уголовно-исполнительной системы (далее СИЗО УИС) женщин, подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений.

Рассматриваемая категория подозреваемых и обвиняемых отличается психологическими характеристиками, среди которых выделяются эмоциональные состояния и повышенный эмоциональный фон, сопровождающий такие их познавательные процессы как восприятие, мышление и воображение [2, с. 14-17]. Такую фундаментальную психологическую категорию как мотивацию и ее криминальное содержание в контексте поведения женщин, подозреваемых и обвиняемых, осужденных за совершение преступлений [3]. Женщин, обладающих криминальной мотивацией с невротическими проявлениями и зависимостью от психоактивных веществ, содержащихся в СИЗО УИС, отбывающих лишение свободы в исправительных учреждениях (далее ИУ УИС) [4].

Таким образом, социально-демографическая, психологическая, уголовно-правовая и криминологические характеристики женщин, подозреваемых и обвиняемых в совершении преступления влияют на их содержание в СИЗО УИС [5, с. 81-89]. Формируют их особое правовое положение, существенно отличающееся от других лиц, содержащихся под стражей дополнительными правами.

Указанные особенности содержания подозреваемых и обвиняемых женского пола в условиях СИЗО УИС были рассмотрены в ходе специального междисциплинарного научного анализа.

Методы и принципы исследования. Для изучения правовых, организационных и психологических особенностей содержания под стражей в следственных изоляторах уголовно-исполнительной системы женщин, подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений использовались диалектический метод познания и другие общеизвестные методы логического познания (общенаучные и частнонаучные): анализ, синтез, сравнение, аналогия, обобщение, социологический опрос, наблюдение, с помощью которых анализировались законодательные и ведомственные правовые акты Минюста и ФСИН России, научные публикации, а также материалы, раскрывающие особенности содержания в СИЗО УИС женщин, подозреваемых в совершении преступлений.

Основные результаты. Особенностям содержания под стражей женщин посвящена статья 30 Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» от 15.07.1995 № 103-ФЗ. Согласно данной правовой норме, главная особенность содержания женщин в СИЗО УИС состоит в том, что они могут иметь при себе детей в возрасте четырех лет. При этом норма санитарной площади на каждого ребенка, находящегося с матерью, составляет не менее четырех квадратных метров [6]. Подобный подход законодателя, безусловно, заслуживает одобрения, поскольку активизирует материнские чувства женщины, корректирует и нейтрализует их криминальную мотивацию [7, с. 40-46].

В СИЗО УИС для беременных женщин и женщин, имеющих при себе детей, создаются улучшенные материально-бытовые условия, организуется оказание медицинской помощи соответствующего вида и устанавливаются повышенные нормы питания и вещевого довольствия, определяемые Постановлением Правительства Российской Федерации от 11.04.2005 г. № 205 «О минимальных нормах питания и материально-бытового обеспечения подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, находящихся в СИЗО УИС и органов федеральной службы безопасности, в изоляторах временного содержания подозреваемых и обвиняемых органов внутренних дел Российской Федерации и пограничных органов федеральной службы безопасности, лиц. Подвергнутых административному аресту, задержанных лиц в территориальных органах Министерства внутренних дел Российской Федерации на мирное время» [8]. В соответствии с Приказом Министерства юстиции РФ от 30.09.2025 г. № 249, утвердившем нормы вещевого довольствия детей в возрасте до четырех лет, содержащихся в домах ребенка ИУ, а также содержащихся вместе с матерями в СИЗО УИС, и материально-бытового обеспечения детей в возрасте до четырех лет, содержащихся в домах ребенка в ИУ [9].

Таким образом, на законодательном и ведомственном уровне создана и постоянно обновляется и корректируется нормативно-правовая база, регулирующая особенности содержания в СИЗО УИС женщин, беременных женщин, а также женщин, имеющих при себе детей в возрасте до четырех лет. Подобное подробное регулирование прав подозреваемых и обвиняемых женщин, содержащихся в СИЗО УИС, несомненно является своего рода достоянием национального уголовного и уголовно-исполнительного законодательства [10, с.58-62]. Отечественного уголовно-процессуального закона, гарантирующего соблюдение прав и законных интересов участникам уголовного судопроизводства (подозреваемым и обвиняемым) [11].

Другими особенностями содержания женщин под стражей выступают закрепленные в Федеральном законе 1995 г. № 103-ФЗ и Правилах внутреннего распорядка СИЗО УИС, утвержденных Приказом Минюста России 2022 г. № 110 запреты на ограничение продолжительности ежедневных прогулок беременных женщин и женщин, имеющих при себе детей, а также их водворение в карцер изолятора [12].

Психологические характеристики подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений женщин, содержащихся в СИЗО УИС, могут оказывать влияние на функционал администрации и должностных лиц изоляторов [13]. В частности, в случае необходимости (вызванной, например агрессивным, неуправляемым и неадекватным поведением подозреваемой или обвиняемой) администрация СИЗО УИС может возбуждать в установленном законом порядке ходатайство о временной передаче ребенка родственникам или иным лицам либо в детское учреждение. Данное решение может быть дополнительно мотивировано материалами психодиагностического обследования подозреваемой (обвиняемой) и выявлением у нее таких негативных характеристик как неконтролируемое стремление к суицидальному поведению [14]. Наличие акцентуированных черт характера, влекущих наступление негативных психических состояний и расстройств на исключающих вменяемости и других.

Обсуждение. Результаты исследования обсуждались на следующих научно-практических форумах, где автор выступал с докладами на:

- VIII Международной научно-практической конференции «Пенитенциарная система и общество: опыт взаимодействия», состоявшейся в ФКОУ ВО Пермский институт ФСИН России 13.04.2021 г. Доклад на тему «Взаимодействие органов прокуратуры с общественными наблюдательными комиссиями при осуществлении надзора за законностью исполнения уголовных наказаний»;
- Международной научно-практической конференции «Пенитенциарная система России в современных условиях развития общества: от парадигмы наказания к исправлению и ресоциализации», состоявшейся в Вологодском институте права и экономики ФСИН России 09-11.12.2022. Доклад на тему «Организационно-правовые особенности и методика проведения прокурорских проверок в СИЗО ФСИН России»;
- XXIII Всероссийской научно-практической конференции «Уголовно-исполнительная система сегодня: взаимодействие науки и практики», 18 -19.10.2023 в ФКОУ ВО Кузбасский институт ФСИН (г. Новокузнецк). Доклад на тему «Современные проблемы

правовой имплементации пенитенциарных стандартов в деятельность уголовно-исполнительной системы России»;

– Международной научно-практической конференции «Пенитенциарная система, государство и общество: проблемы взаимодействия», состоявшейся 20.10.2023 в Псковском филиале Университета ФСИН России. Доклад на тему: «Влияние уголовной и уголовно-исполнительной политики современной России на состояние женской преступности»;
– 6 Международном пенитенциарном форуме «Преступление, наказание, исправление», приуроченном к 30-летию со дня принятия Конституции Российской Федерации и Закона Российской Федерации от 21 июля 1993 г. № 5473-1 «Об учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации», состоявшемся в Академии ФСИН России 15.11.2023. Доклад на тему: «Значение прокурорского надзора при реализации основных направлений деятельности уголовно-исполнительной системы на современном этапе ее развития»;
– Межвузовской научно-практической конференции с международным участием «Уголовно-исполнительная система: история и современность», состоявшейся 16-17.10. 2024 г. в Псковском филиале Санкт-Петербургского университета ФСИН России. Доклад на тему «Современные подходы обеспечения безопасности следственных изоляторов».

Заключение. Женщины, подозреваемые и обвиняемые в совершении преступлений, содержащиеся в СИЗО УИС отличаются психологическими характеристиками, среди которых выделяются эмоциональные состояния и повышенный эмоциональный фон, сопровождающий такие их познавательные процессы как восприятие, мышление и воображение. Такую фундаментальную психологическую категорию как мотивацию и ее криминальное содержание в контексте поведения указанных женщин, обладающих криминальной мотивацией с невротическими проявлениями и зависимостью от психоактивных веществ, содержащихся в СИЗО УИС, отбывающих лишение свободы в исправительных учреждениях.

Социально-демографическая, психологическая, уголовно-правовая и криминологические характеристики женщин, подозреваемых и обвиняемых в совершении преступления влияют на их содержание в СИЗО УИС. Формируют их особое правовое положение, существенно отличающееся от других лиц, содержащихся под стражей дополнительными правами.

Особенностям содержания под стражей женщин посвящена статья 30 Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» от 15.07.1995 № 103-ФЗ. Согласно данной правовой норме, главная особенность содержания женщин в СИЗО УИС состоит в том, что они могут иметь при себе детей в возрасте четырех лет. При этом норма санитарной площади на каждого ребенка, находящегося с матерью, составляет не менее четырех квадратных метров.

Другими особенностями содержания женщин под стражей выступают закрепленные в Федеральном законе 1995 г. № 103-ФЗ и Правилах внутреннего распорядка СИЗО УИС, утвержденных Приказом Минюста России 2022 г. № 110 запреты на ограничение продолжительности ежедневных прогулок беременных женщин и женщин, имеющих при себе детей, а также их водворение в карцер изолятора.

Список литературы:

[1] Ковалев О.Г. Влияние уголовной и уголовно-исполнительной политики современной России на динамику и состояние женской преступности // В сборнике: Пенитенциарная система, государство и общество: проблемы взаимодействия. Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Псков, 2023. С. 47-51.

[2] Кирсанова О.С., Ковалев О.Г. эмоции в структуре криминальной мотивации // Вестник Московского университета МВД России 2009. № 9. С. 14-17.

[3] Кирсанова О.С. Психология криминальной мотивации женщин, осужденных к лишению свободы // Диссертация на соискание ученой степени кандидата психологических наук / Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний. Рязань, 2011.

[4] Кастерина Н.В. Психологическая адаптация в исправительных учреждениях впервые осужденных женщин с невротическими проявлениями и зависимостью от психоактивных веществ // Диссертация на соискание ученой степени кандидата психологических наук / Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний. Рязань, 2009.

[5] Ковалев О.Г., Якименко А.Ю. Криминологическая характеристика женской преступности // В сборнике Инновации в развитии туризма, профессионального туристского образования и управления. Материалы 12 Международной научной школы магистрантов, аспирантов и молодых ученых. Москва, 2022. С. 81-89.

[6] Федеральный закон «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совер-

шении преступлений» от 15.07.1995 № 103-ФЗ // Consultant.ru (дата обращения 28.03.2026).

[7] Ковалев О.Г. Криминальная мотивация осужденных женщин: пенитенциарный аспект // Антропогогика. 2024.№ 3 (15). С. 40-46.

[8] Постановление Правительства Российской Федерации от 11.04.2005 г. № 205 «О минимальных нормах питания и материально-бытового обеспечения подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, находящихся в следственных изоляторах уголовно-исполнительной системы и органов федеральной службы безопасности, в изоляторах временного содержания подозреваемых и обвиняемых органов внутренних дел Российской Федерации и пограничных органов федеральной службы безопасности, лиц. Подвергнутых административному аресту, задержанных лиц в территориальных органах Министерства внутренних дел Российской Федерации на мирное время» // Garant.ru (дата обращения 28.03.2026).

[9] Приказ Министерства юстиции РФ от 30.09.2025 № 249 «Об утверждении норм вещевого довольствия детей в возрасте до четырех лет, содержащихся в домах ребенка исправительных учреждений, а также содержащихся вместе с матерями в следственных изоляторах уголовно-исполнительной системы, и материально-бытового обеспечения детей в возрасте до четырех лет, содержащихся в домах ребенка в исправительных учреждениях // Garant.ru (дата обращения 28.03.2026).

[10] Ковалев О.Г. Влияние современного уголовного законодательства на состояние женской преступности (по материалам пенитенциарной практики) // Эпомен: юридические науки. 2023. № 2. С. 58-62.

[11] Комментарий к уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный). М. Дашков и К. 2005. 21 с.

[12] Приказ Министерства юстиции РФ от 4 июля 2022 г. № 110 «Об утверждении Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы, Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений и Правил внутреннего распорядка исправительных центров уголовно-исполнительной системы» // Garant.ru (дата обращения 28.03.2026).

[13] Ушатиков А.И., Ковалев О.Г., Корнеева Г.К. Прикладная криминальная психология. 2012.

[14] Баламут А.Н., Ковалев О.Г., Дикопольцев Д.С. Теоретический анализ комплексных психокоррекционных программ, направленных на суицидальную превенцию подозреваемых, обвиняемых и осужденных (организационный, социальный и психологический аспекты) // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2023. № 1. С. 20-23.

References:

[1] Kovalev, O.G. The Influence of the Criminal and Penitentiary Policy of Modern Russia on the Dynamics and State of Female Crime // In the collection: Penitentiary System, State, and Society: Problems of Interaction. Collection of Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference with International Participation. Pskov, 2023. Pp. 47-51.

[2] Kirsanova O.S., Kovalev O.G. Emotions in the Structure of Criminal Motivation // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2009, No. 9, pp. 14-17.

[3] Kirsanova O.S. Psychology of Criminal Motivation in Women Convicted of Imprisonment // Dissertation for the Degree of Candidate of Psychological Sciences / Academy of Law and Management of the Federal Penitentiary Service. Ryazan, 2011.

[4] Kasterina N.V. Psychological Adaptation in Correctional Facilities for First-Time Convicted Women with Neurotic Manifestations and Substance Addiction // Dissertation for the Degree of Candidate of Psychological Sciences / Academy of Law and Management of the Federal Penitentiary Service. Ryazan, 2009.

[5] Kovalev O.G., Yakimenko A.Yu. Criminological Characteristics of Female Crime // In the Collection of Innovations in the Development of Tourism, Professional Tourism Education, and Management. Materials of the 12th International Scientific School for Master's Students, Postgraduate Students, and Young Scientists. Moscow, 2022. Pp. 81-89.

[6] Federal Law "On the Detention of Suspects and Accused of Crimes" dated July 15, 1995, No. 103-FZ // Consultant.ru (accessed on March 28, 2026).

[7] Kovalev O.G. Criminal Motivation of Convicted Women: Penitentiary Aspect // Antropogogika. 2024. No. 3 (15). Pp. 40-46.

[8] Decree of the Government of the Russian Federation No. 205 dated April 11, 2005, "On the Minimum Standards of Nutrition and Logistical Support for Suspects and Defendants in Crimes Detained in Detention Centers of the Penitentiary System and Federal Security Agencies, as well as in Temporary Detention Centers for Suspects and Defendants of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation and Federal Security Border Agencies. Persons subjected to administrative arrest and detained in the territorial bodies of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation for peacetime" // Garant.ru (date of application 03/28/2026).

[9] Order of the Ministry of Justice of the Russian Federation dated 09/30/2025 No. 249 "On approval of the standards of clothing allowances for children under the age of four held in children's homes of correctional institutions, as well as children held together with their mothers in pre-trial detention

facilities of the penal system, and material and household support for children under the age of four who are held in children's homes in correctional institutions // Garant.ru (accessed 03/28/2026).

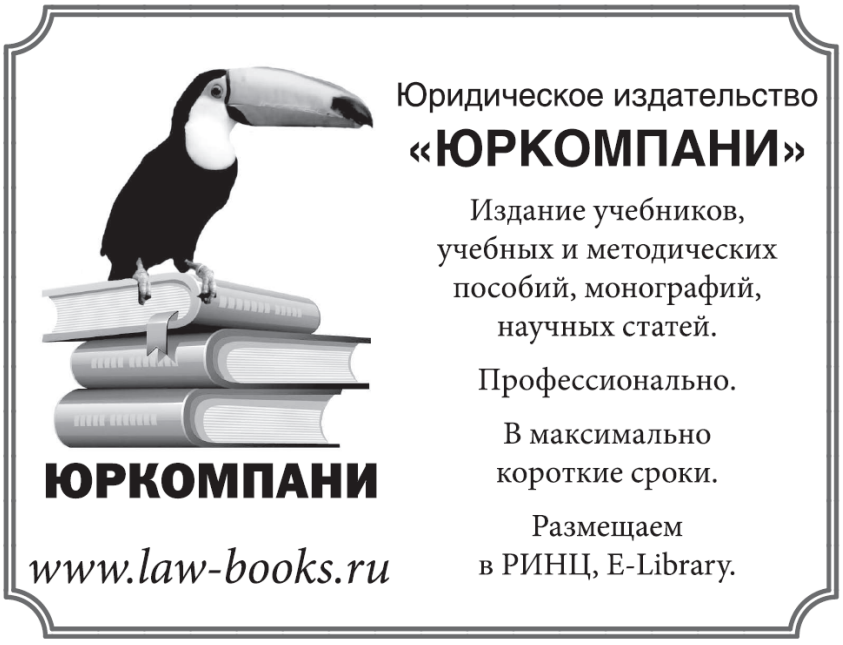
[10] Kovalev O.G. The influence of modern criminal legislation on the state of female criminality (based on the materials of penitentiary practice) // Epomen: legal sciences. 2023. No. 2. Pp. 58-62.

[11] Commentary on the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation (by Article). M. Dashkov and K. 2005. 21 p.

[12] Order of the Ministry of Justice of the Russian Federation No. 110 dated July 4, 2022 "On Approval of the Rules of Internal Regulations for Detention Centers of the Penitentiary System, the Rules of Internal Regulations for Correctional Facilities, and the Rules of Internal Regulations for Correctional Centers of the Penitentiary System" // Garant.ru (accessed on March 28, 2026).

[13] Ushatikov A.I., Kovalev O.G., Korneeva G.K. Applied Criminal Psychology. 2012.

[14] Balamut A.N., Kovalev O.G., Dikopol'tsev D.S. Theoretical analysis of complex psychocorrectional programs aimed at suicide prevention of suspects, accused, and convicts (organizational, social, and psychological aspects) // Penitentiary System: Law, Economics, Management. 2023. No. 1. Pp. 20-23.

Дата поступления рукописи в редакцию: 17.04.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-4-410-413
Дата принятия рукописи в печать: 03.05.2026 г.

МАЛЬЦАГОВ И.Д.,
доцент, канд. юрид. н.,
доцент кафедры уголовного права, процесса и нац. Безопасности
ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет
им. А.А. Кадырова»,
e-mail: mail@law-books.ru

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ДАННЫХ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Аннотация. *В настоящей статье анализируются некоторые вопросы применения данных, добытых в ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий в стадии возбуждения уголовного дела, и включения полученных результатов в уголовный процесс. Использование полученных результатов оперативно-розыскных мероприятий в доказывании по уголовным делам на данный момент является существенной необходимостью, ведь практическая деятельность в уголовном процессе связана с применением в доказывании сведений, добытых в результате ОРД.*

Ключевые слова: *стадия, признаки состава преступления, оперативно-розыскные мероприятия, преступление, следственные (розыскные) действия.*

MALTSAGOV I.D.,
Associate Professor, Candidate Jurid. n.,
Associate Professor of the Department of Criminal Law,
Process and Nat. safety FSBEI HE
“A.A. Kadyrov Chechen State University”

USE OF OPERATIONAL-SEARCH ACTIVITY DATA IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Annotation. *This article analyzes some issues of the use of data obtained during operational-search measures at the stage of initiating a criminal case, and the inclusion of the results obtained in the criminal process. The use of the results of operational-search measures in proving in criminal cases is currently a significant need, because practical activities in criminal proceedings are associated with the use of information obtained as a result of the ORD in proving.*

Key words: *stage, signs of corpus delicti, operational-search measures, crime, investigative (search) actions.*

Практика оперативно-розыскной деятельности прошла долгий и сложный путь исторического развития. Накоплен бесценный опыт борьбы с преступностью, обобщение и изучение которого безусловно поднимает уровень ее эффективности. Научные исследования в этой области весьма значительные, однако очевидно и то, что никакая теория, а тем более данная, относительно молодая, не может не подвергаться корректировке, уточнению, более углубленному пониманию закономерностей, на которых она строится и развивается.

Для детального анализа обстоятельств, являющихся основанием для принятия решения о возбуждении уголовного дела, необходимо определить суть явления, известного как «повод».

Начало уголовного процесса – это производство досудебного производства, фаза обязательная для всех уголовных дел. Определение оперативной необходимости открытия уголовного производства критически важно для эффективного раскрытия преступления и обеспечения безопасности прав граждан, общества и государства. Законность и оправданность начала уголовного преследования напрямую связаны с легитимностью оснований для этого действия. Процедура возбуждения уголовных дел имеет свои нюансы. В основном, поводом и основанием для возбуждения уголовного дела по факту совершения преступлений в условиях неочевидности являются данные, полученные в ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий.

В соответствии с ч. 2 ст. 11 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» результаты ОРД могут служить поводом и основанием для возбуждения уголовного дела. УПК РФ же не содержит указания о том, что результаты ОРД могут служить поводом и основанием для возбуждения уголовного дела, и не регламентирует порядок возбуждения уголовного дела на основании результатов оперативно-розыскной деятельности. установленных законом оснований.

В действующем уголовно-процессуальном законодательстве РФ отсутствует конкретное определение данного термина. Вероятно, автор закона посчитал данный термин достаточно понятным сам по себе. Тем не менее, отсутствие официального определения стимулировало ученых к разработке собственных трактовок, что породило множество разных интерпретаций.

Некоторые из них определяют «повод как совокупность данных, на основе которых правоохранительные органы узнают о фактах совершения либо планируемых противоправных действий» [3]. Предложенная трактовка повода для вынесения решения о возбуждении уголовного дела вызвала обоснованную критику, поскольку не учитывается юридическая специфика и стимулирующие факторы. Повод следует воспринимать как юридически значимое событие, запускающее определенные правовые связи.

По мнению Е.А. Доля, «результаты ОРД не могут выступать в качестве доказательств в уголовном процессе, говоря о том, что смешение уголовно-процессуальной и оперативно-розыскной деятельности способно повлечь за собой нарушение прав и свобод человека» [3].

А.В. Земскова полагает: «хотя УПК РФ (ст. 140) прямо не предусматривает оперативные сведения, данные в качестве повода и основания для возбуждения уголовного дела, тем не менее подразумевает их».

В частности, п. 3 ч. 1 ст. 140 УПК РФ предусматривает в качестве повода для возбуждения уголовного дела сообщение о совершенном или готовящемся преступлении, полученное из иных источников. В соответствии со ст. 143 УПК РФ, сообщение о совершенном или готовящемся преступлении принимается лицом, получившим данное сообщение, о чем должностным лицом составляется рапорт об обнаружении признаков преступления» [5].

Учитывая вышесказанное, мы разделяем точку зрения приверженцев дуалистической концепции: «поводом следует считать, как источник информации о преступлении, так и юридический факт, влекущий возникновение обязанности у компетентных органов совершить определенные действия» [6].

Во-первых, УПК РФ (ст.ст.140-143) не рассматривает результаты оперативно-розыскной деятельности (ОРД) как самостоятельное и достаточное основание для возбуждения уголовного дела.

Во-вторых, ст. 7 ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» указывает основания для проведения ОРМ [1].

Ст.140 УПК РФ указывает на необходимы поводы и основания для возбуждения уголовного дела.

Рассмотрим на примере: поступает телефонное сообщение об обнаружении трупа в лесопарке в орган правопорядка, после чего дежурный по органу внутренних дел направляет на место происшествия СОГ, и обнаруживает труп без признаков насильственной смерти, что является поводом для решения вопроса о возбуждении уголовного дела.

Следующий пример: СОГ выезжает на место происшествия, и обнаруживает труп с признаками насильственной смерти, что является поводом и основанием для возбуждения уголовного дела.

Несмотря на предположение о том, что «результаты ОРД, являющиеся поводом, должны одновременно являться и основанием, в юридической практике существуют различные точки зрения на этот вопрос» [2].

В частности, В.Н. Григорьев указывает «на возможность различной оценки результатов ОРД с точки зрения наличия основания для возбуждения уголовного дела, в зависимости от субъекта, предоставляющего и получающего информацию. Таким образом, «руководитель органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, может считать предоставленные им материалы достаточными для начала уголовного производства, в то время как руководитель следственного органа может не усматривать в них достаточных признаков преступления» [2].

В.И. Зажицкий выражает «решительное несогласие с рассматриваемой точкой зрения, постулируя, что отсутствие в результате оперативно-розыскных мероприятий признаков преступления исключает наличие оснований для инициирования уголовного преследования» [4]. Данное утверждение вызывает сомнения, так как простого наличия прецедента для начала уголовного преследования недостаточно для формирования убедительных оснований.

В ходе проведения мероприятий оперативно-розыскного характера необходимо установление иерархии группировки: определения функций каждого её члена, анализа применяемых ими методов совершения противоправных действий, обнаружения преступных и коррупционных связей, накопления достаточного объема документальных подтверждений.

Ранняя реализация оперативной информации приводит к тому, что под удар закона, в основном, попадают рядовые исполнители, в то время как руководители преступной организации избегают ответственности.

Принятие и реализация норм «ФЗ об ОРД» показали, что «оперативно-розыскная деятельность является одной из самых эффективных средств и методов борьбы по раскрытию преступлений, совершенных в условиях неочевидности.

Перед ОРД поставлены задачи по выявлению и раскрытии преступлений путем использования комплекса ОРМ, указанных в «ФЗ об ОРД», и только так возможно решить задачи уголовного судопроизводства, т.е. проблемы, разрешение которых невозможно, как правило, без негласной непроцессуальной разведывательной информации.

После проведения ОРМ, и сбора материала предварительной проверки по факту совершенного преступления, руководитель оперативно-розыскного органа (если в материале имеются данные секретного характера, то после их рассекречивания) в соответствии с требованиями Инструкции «О порядке Предоставления результатов ОРД органу дознания, следователю, прокурору, в суд» выносит Постановление «О предоставлении результатов ОРД в виде сообщения для решения вопроса о возбуждении уголовного дела»[1].

В ч. 1 ст. 144 УПК РФ указано, что «следователь, руководитель следственного органа обязан принять, проверить сообщение о любом совершенном или готовящемся преступлении при проверке сообщения о преступлении обязан принять по нему решение в срок не более 3 суток» [5].

Вопрос об использовании оперативной информации, полученной в ходе проведен, остается открытым, несмотря на существенное внимание, уделяемое ему в научных исследованиях.

Необходимы дальнейшие изыскания, которые позволят сформулировать практические рекомендации для решения комплекса теоретических, юридических и практических задач, а также устранения пробелов и несогласованностей в нормах законодательств.

Считаем, что недостатки и противоречия в нормах законов затрудняют эффективное и беспристрастное выполнение задач по выявлению и расследованию преступлений, совершенных в неоднозначных обстоятельствах.

Общеизвестно, что раскрытие преступлений, отнесенных к категории тяжких и особо тяжких, совершенных в условиях неочевидности представляют собой сложный процесс: во-первых, использование возможностей лиц, оказывающих содействие на конфиденциальной основе органам, осуществляющим ОРД; во-вторых, проведение мероприятий оперативного характера по проверке полученных оперативных данных; в-третьих, сбор и регистрации материала предварительной проверки по латентным преступлениям, его регистрация и направление материала для принятия решения по УПК РФ в следственный орган.

Особую сложность в раскрытии представляют преступления, совершенные лицами, входящими в состав организованных преступных групп, и оперативное внедрение в ОПГ оперативного сотрудника (ввод и вывод внедренного сотрудника из ОПГ). Сложность в том, что в данном случае возникают проблемы в нормах уголовного, процессуального и оперативно-розыскного законодательств. После вывода внедренного сотрудника (конфидента) из состава ОПГ, «ФЗ об ОРД» гарантирует сотруднику правоохранительного органа освобождение от уголовной ответственности за преступления, совершенные (вынужденные) в составе ОПГ. Однако, в соответствии с нормами материального права, в случае дачи показаний участником преступной группы о совершении им преступления, он будет привлечен к уголовной ответственности. И возникает вопрос: внедренный в ОПГ оперативный сотрудник или конфидент отказываются от участия в совершении преступлении в составе ОПГ? Последствия будут необратимыми, и не сложно догадаться, какие последствия от отказа их ожидают. Данный вопрос очень актуален и требует нормативно-правового решения. На современном этапе, одним из ключевых направлений развития ОРД представляется оптимизация нормативной базы, регулирующей использование потенциала оперативно-розыскных мероприятий в установлении обстоятельств совершенного преступления и его раскрытия.

Для решения указанной проблемы считаем необходимым внести дополнения в нормативные правовые акты, регулирующие данную деятельность, в целях обеспечения безопасности лиц, задействованных в проведении мероприятий оперативно-розыскного характера:

- обеспечить защиту неотложных потребностей штатных негласных агентов оперативных подразделений и тех, кто сотрудничает с ними на конфиденциальных условиях;
- рассмотреть процедуру освобождения от уголовной ответственности для участников оперативного внедрения, посредством законодательных изменений либо путем внесения поправок в действующее законодательство;

В частности, в «Федеральный закон Об ОРД» добавить положение, определяющее понятие результатов данного вида государственной

деятельности, а также внести уточнения в статью 89 УПК РФ, регламентирующие процедуру предоставления и использования в доказывании результатов ОРМ.

Нужно указать, актуальным остается вопрос использование результатов оперативно-розыскной деятельности в уголовном процессе в качестве доказательств. Этот вопрос регулярно поднимается и требует решения путем определения процессуального статуса органа, проводящего ОРД, и предоставления ему права передачи результатов оперативно-розыскной деятельности лицу, имеющему полномочия по сбору доказательств.

Подводя итог обсуждению перспектив российского предварительного следствия, мы выступаем не только за его сохранение, но и за его трансформацию: отказ от подчиненности следователя стороне обвинения и возвращение роли судебного следователя – независимого представителя следственно-судебной власти, сочетающего элементы состязательности в своей работе, опираясь на исторические традиции и международный опыт.

Список литературы:

[1] Федеральный закон от 12 августа 1995 г. N 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (с изменениями и дополнениями).

[2] Григорьев В.Н. Использование результатов оперативно-розыскной деятельности в расследовании преступлений// Криминалистика: Учебник для вузов.

[3] Доля Е.А. Результаты оперативно-розыскной деятельности не могут стать содержанием доказательств в уголовном процессе // Государство и право. - 2013. - No

[4] Зажицкий В.И. Результаты оперативно-розыскной деятельности в уголовном судопроизводстве: теория и практика / В.И. Зажицкий. - СПб., 2006. - С.351

[5] Тенсина Е.Ф. К вопросу об эффективности механизма проверки сообщения о преступлении // Актуальные проблемы уголовного процесса и криминалистики России и стран СНГ. Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 85-летию со дня рождения профессора, доктора юридических наук, заслуженного деятеля высшей школы Юрия Даниловича Лившица - 4 апреля 2014 года. Челябинск: Цицеро, 2014, Ч. II. С. 140-142.

[6] Земскова А.В. Теоретические основы использования результатов оперативно-розыскной деятельности при расследовании преступлений. — Волгоград, 2002. С. 60.

[7] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 31.07.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025)

References:

[1] Federal Law No. 144-FZ of August 12, 1995 “On Operational-Search Activities” (as amended).

[2] Grigoriev V.N. Use of the results of operational-search activities in the investigation of crimes// Forensics: A textbook for universities.

[3] Share E.A. The results of operational-search activities cannot become the content of evidence in criminal proceedings//State and law. - 2013. - No

[4] V.I. Zazhitsky. Results of operational-search activities in criminal proceedings: theory and practice/V.I. Zazhitsky. - St. Petersburg, 2006. - S.351

[5] Tensina E.F. On the effectiveness of the mechanism for checking the report of a crime//Current problems of the criminal process and criminalistics of Russia and the CIS countries. Materials of the international scientific and practical conference dedicated to the 85th anniversary of the birth of Professor, Doctor of Law, Honored Worker of Higher School Yuri Danilovich Livshits - April 4, 2014. Chelyabinsk: Cicero, 2014, Part II. S. 140-142.

[6] A.V. Zemskova. Theoretical foundations of using the results of operational-search activities in the investigation of crimes. - Volgograd, 2002. S. 60.

[7] Code of Criminal Procedure of the Russian Federation” dated 18.12.2001 N 174-FZ (as amended 31.07.2025) (with amendments and additions, entry effective from 01.09.2025)

Дата поступления рукописи в редакцию: 17.04.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.05.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3830-2026-4-414-420

ШАГАПОВ Исаак Равильевич,
аспирант кафедры Криминалистики Института права
ФГБОУ ВО «Уфимский Университет Науки и Технологий»,
e-mail: isa.shagapow@gmail.com

К ВОПРОСУ ОПРЕДЕЛЕНИЯ СУБЪЕКТА СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Аннотация. *В рамках настоящей научно-исследовательской работы авторами были рассмотрены вопросы определения субъекта уголовной ответственности при совершении преступлений с использованием искусственного интеллекта. Анализируется отечественная и зарубежная практика квалификации таких деяний, выявляется правовой вакуум в российском законодательстве. Рассматриваются модели субъектной ответственности: от разработчиков ИИ-систем до конечных пользователей. Исследуются сложности криминалистической идентификации виновных лиц, связанные с автономностью функционирования нейросетей и многоуровневой структурой технологической цепочки. Предлагаются конкретные изменения в уголовное законодательство и следственную практику, включая создание специализированных подразделений и введение новых составов преступлений, учитывающих специфику ИИ-технологий.*

Ключевые слова: *искусственный интеллект, субъект преступления, уголовная ответственность, криминалистическая идентификация, цифровые технологии, нейросетевые системы.*

SHAGAPOV Isaac Ravilevich,
postgraduate student of the Department Kriminalistika
of the Institute of Law of the Ufa University
of Science and Technology

ON THE ISSUE OF DETERMINING THE SUBJECT OF A CRIME USING ARTIFICIAL INTELLIGENCE

Annotation. *Within the framework of this research paper, the authors considered the issues of determining the subject of criminal responsibility when committing crimes using artificial intelligence. The domestic and foreign practice of qualifying such acts is analyzed, and a legal vacuum in Russian legislation is revealed. The models of subject responsibility are considered: from developers of AI systems to end users. The complexities of criminalistic identification of perpetrators related to the autonomous functioning of neural networks and the multilevel structure of the technological chain are investigated. Specific changes to criminal legislation and investigative practice are proposed, including the creation of specialized units and the introduction of new types of crimes that take into account the specifics of AI technologies.*

Key words: *artificial intelligence, the subject of crime, criminal liability, forensic identification, digital technologies, neural network systems.*

Стремительное проникновение технологий искусственного интеллекта (далее – «ИИ») во все аспекты человеческого существования закономерно порождает беспрецедентные вопросы для уголовно-правовой науки. Отечественная правовая система адаптируется к трансформациям общественных отношений посредством своевременного изменения законодательного регулирования, однако, применительно к установлению признаков составов преступных деяний, реализованных при использовании ИИ-технологий, обнаруживается существенный правовой вакуум.

Н.Х. Халилов, М.М. Милованова отмечают, что процесс криминалистического отождествления выступает в качестве одного из ключевых и результативных инструментов для сбора и верификации доказательственной базы, а также дру-

гой информации, имеющей существенное значение для криминалистической практики [10]. Идентификация лица, несущего уголовную ответственность за противоправное деяние, осуществленное посредством использования ИИ, выступает в качестве одной из наиболее затруднительных задач криминалистической науки настоящего времени, предполагающей системный анализ для выявления субъекта ответственности в рамках технологической последовательности, включающей взаимодействие индивида и самообучающихся автоматизированных комплексов.

Актуальность определения субъектного состава и ужесточения санкций за криминальные действия, реализуемые с применением ИИ, подтверждается следственной практикой последних лет. Так, например, прецедент, зафиксированный в сентябре 2024 г., иллюстрирует применение возможностей ИИ в целях хищения крупной денежной суммы посредством подделки голосовых данных гражданина [14]. Следственные органы отметили высокую степень общественной опасности подобного механизма совершения противоправного деяния, однако, были вынуждены применить традиционную квалификацию по ст. 159 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – «УК РФ») вследствие отсутствия в законодательстве специализированных положений, касающихся технологической составляющей преступления.

В последние годы широкое распространение получили мошеннические операции, предусматривающие использование автоматизированных диалоговых систем на базе ИИ для массированной дистрибуции поддельных уведомлений от имени кредитных учреждений. С учетом изложенного, заслуживает внимания точка зрения Е.В. Зотиной о том, что злонамеренное использование систем ИИ (нейротехнологических решений) обусловливает качественное изменение методов социальной инженерии в криминальной среде, придавая им характер широкомасштабного распространения с одновременной индивидуализацией воздействия на потенциальных жертв [3]. Подобная криминальная парадигма обуславливает возможность нанесения существенного имущественного вреда.

Разделяем мнение А.Г. Исаковой и А.В. Осина относительно непрерывного совершенствования и эволюции криминалистической науки, что обусловливает необходимость создания новых технических средств криминалистического назначения, ориентированных на работу с цифровыми технологиями и информационными ресурсами [4].

Рассматривая аспект преступлений в сфере информационно-коммуникационных технологий (далее – «ИКТ»), к которым следует относить преступления, совершаемые с использованием ИИ, обратимся к отчету Министерства внутренних дел Российской Федерации (далее – «МВД России»), который акцентирует внимание на исключительной трудности выявления и расследования таких противоправных действий, а также на их значительной угрозе для общественной безопасности [15].

Согласно статистическим сведениям, предоставленным МВД России, на протяжении 2024 г. на территории Российской Федерации было официально зафиксировано 765,4 тыс. криминальных эпизодов, в которых использовались средства ИКТ, либо которые затрагивали область компьютерных данных, что демонстрирует прирост на 13,1% по сравнению с показателями предшествующего года. При анализе общей структуры зарегистрированной преступности наблюдается существенное увеличение доли категории правонарушений с 34,8% до 40%.

По утверждению Р.Р. Аббуда, традиционные международно-правовые нормы и существующие процедуры функционирования международных институтов оказываются недостаточно эффективным применительно к вопросам внедрения и использования ИИ [1].

Однако, международная практика демонстрирует понимание важности создания особых правовых механизмов, регламентирующих санкции за преступления, совершенные с использованием ИИ-технологий. Так, во французской юрисдикции начиная с 2023 г. произошло законодательное ужесточение мер наказания за противоправные действия, связанные с применением ИИ, включая создание поддельного контента методом «deepfake» (далее – «дипфейк») (в частности, ст. 226-8-1 Уголовного кодекса Франции) [16]. В американской правовой системе, хотя непосредственное нормативное закрепление отсутствует, Министерство юстиции США выпустило рекомендации для обвинителей относительно усиления карательных санкции по делам, где применялся ИИ, что обосновывается существенным повышением степени общественной опасности (DOJ guidelines, 2024) [17]. В китайской правовой системе с начала 2023 г. действует нормативный акт «О регулировании использования технологий глубокого синтеза» (Deep Synthesis Management Regulations, 2023), предусматривающий строгие ограничительные меры и уголовное преследование за незаконное создание дипфейков [18].

С позиции уголовно-правовой науки, ИИ представляет собой специфический инструментарий технического характера, потенциал которого позволяет существенно увеличить количество пострадавших лиц и масштабы нанесенного ущерба. Кроме того, функциональные характери-

стики ИИ охватывают создание достоверных фальсифицированных изображений и звуковых записей (дипфейк), а также автоматизированные механизмы массового взаимодействия (программы-боты), что создает серьезные препятствия для их выявления правоохранительными структурами.

В.М. Лебедев устанавливает, что уровень общественной опасности определяется возможностью или реальным причинением вреда охраняемым правом благам и интересам [6]. Соглашаясь с В.М. Лебедевым, отметим, когда ИИ оказывается в распоряжении преступных элементов, эта вероятность возрастает в геометрической прогрессии, поскольку данная технология гарантирует значительную степень сокрытия личности нарушителя, быстроту исполнения противоправных действий и возможность воздействия на множество лиц в сжатые сроки.

Основная сложность определения субъекта преступления, совершенного с использованием ИИ состоит в несоответствии между классическим пониманием преступника как индивида, наделенного разумом и свободой выбора, способного отвечать перед законом, и современной реальностью, где ИИ-системы выполняют действия, представляющие угрозу общественным интересам, функционируя при этом с разной мерой независимости от управляющего их человека (оператора).

При установлении субъекта преступления следствию необходимо определить характер связи между действиями конкретного лица и противоправным результатом, произведенным ИИ-системой. В зависимости от степени автономности ИИ и характера участия человека, опираясь на правовую доктрину, возможно выделить несколько моделей субъектной ответственности:

– прямое использование ИИ как инструмента преступления, в случае, когда лицо целенаправленно применяет систему для достижения криминальных целей [8];
– небрежность при разработке или внедрении ИИ-системы, приведшая к причинению вреда [9];
– недостаточный контроль за функционированием автономной системы со стороны ответственных лиц [11];
– умышленное программирование системы на совершение противоправных действий [5].

Обобщая представленные модели, криминалистическая идентификация ответственного лица предполагает проведение технического анализа программного кода, структуры системы и логов взаимодействий с целью установления природы противоправного исхода: являлся ли он преднамеренно внедренным разработчиком элементом, возник ли вследствие дефектов обучающего процесса модели, стал ли следствием противоправной эксплуатации правомерной системы конечным пользователем или проявился как непрогнозируемый результат самостоятельного совершенствования алгоритма.

К сожалению, российское уголовное законодательство, в настоящее время, не содержит составов преступлений, которые бы устанавливали ответственность для таких субъектов преступления (разработчиков, контролирующих лиц, специалистов по техническим испытаниям и других) в качестве специальных субъектов правонарушений [2, 13].

Актуальным вопросом представляются ситуации множественной ответственности, при которых в разработке и эксплуатации системы ИИ задействованы различные субъекты: создатели исходной модели, эксперты по адаптации системы для специфических применений, системные администраторы, обеспечивающие конфигурирование параметров, операторы, осуществляющие непосредственное взаимодействие с системой, а также правообладатели информационных массивов, применявшихся для тренировки модели.

Представляется целесообразным формирование комплексной методологии идентификации виновного лица посредством исследования электронных артефактов взаимодействия операторов с ИИ-системой, охватывающего регистрационные записи доступа, вводимые инструкции, конфигурационные установки и внесенные в алгоритмическую структуру изменения, что создаст возможность восстановления хронологии событий и фиксации критического момента, в который система получила направленность на реализацию криминального действия, либо когда субъект ответственности получил информацию об опасном характере функционирования системы, однако воздержался от применения превентивных мер.

В процессе квалификации психологического компонента криминального деяния, требуется выявление информированности субъекта относительно функционального потенциала ИИ-системы осуществлять конкретные операции, осознания вероятных результатов применения технологического решения, а также волевой позиции в отношении использования ИИ-технологий для реализации незаконных намерений или принятия на себя рисков самостоятельного функционирования ИИ-системы в условиях недостаточного надзора.

Существенным аспектом криминалистического исследования выступает определение меры предсказуемости поведения ИИ-системы для различных категорий участников процесса, учи-

тывая, что создатель технологии, располагающий специализированными техническими познаниями, может отвечать за исходы, которые оставались непредвидимыми для рядового пользователя, не обладающего профессиональной подготовкой в сфере алгоритмического обучения.

Отдельную проблематику составляют криминальные деяния, реализуемые посредством генеративных ИИ-систем, где идентификация правонарушителя усугубляется массовой доступностью идентичного технологического инструментария для неограниченного круга операторов, формирующих цифровой контент. Указанное обуславливает необходимость прецизионного разделения юридической ответственности между создателем ИИ-модели, обеспечившим функциональность широкого спектра применений, и индивидуальным оператором, сознательно эксплуатировавшим ИИ-технологию для генерации материалов противозаконного характера.

В настоящее время, ключевой особенностью определения субъектного состава совершения преступления, с использованием ИИ-технологий, выступает иерархическая архитектура противоправной активности: начиная от конструкторов систем, интегрирующих криминальный функционал в архитектуру решения на инициальной стадии, и завершая финальными дистрибьюторами материалов.

Особую опасность представляют разработчики и модификаторы ИИ-систем, поскольку их действия создают инструментарий для массовых правонарушений. Администраторы платформ занимают промежуточное положение, монетизируя преступную деятельность через предоставление доступа. Операторы данных нарушают права на конфиденциальность и интеллектуальную собственность уже на этапе обучения моделей, а конечные пользователи и распространители реализуют преступный потенциал технологии в отношении конкретных жертв.

Анализируя основную структуру субъектов преступления, совершенного с применением ИИ-систем, целесообразно отметить следующее.

Таблица 1. Субъекты совершения преступления с использованием искусственного интеллекта.

Субъекты совершения преступления с использованием ИИ			
№	Субъект	Нормы УК РФ	Сущность противоправных действий
1.	Разработчик ИИ-системы	ст. 159, 171.2, 273, 274 УК РФ	Создание ИИ-системы с заранее заложенными противоправными функциями (ПО для автоматического фишинга, взлома систем защиты, генерации поддельных документов)
2.	Конечный пользователь ИИ	ст.128.1, 137, 159, 205.2, 242 УК РФ	Целенаправленное использование ИИ для генерации клеветнических материалов, дипфейков, фишинговых сообщений, запрещенного контента
3.	Администратор / владелец ИИ-платформы	ст. 171, 174.1, 210, 272 УК РФ	Предоставление доступа к ИИ-инструментам при знании об их использовании для преступлений; отсутствие контроля и модерации; монетизация противоправной деятельности
4.	Лицо, модифицировавшее ИИ	ст. 272, 273, 274.1 УК РФ	Внесение изменений в базовую ИИ-модель для обхода защитных механизмов, удаления фильтров контента, расширения противоправных возможностей
5.	Оператор данных для обучения ИИ	ст. 137, 146, 183, 272 УК РФ	Незаконный сбор персональных данных, коммерческой информации или объектов авторского права для обучения ИИ без согласия правообладателей
6.	Лицо, распространяющее контент, созданный ИИ	ст.128.1, 207.1, 207.2, 242, 282 УК РФ	Публикация в интернете или иное распространение заведомо ложного или противоправного контента, сгенерированного ИИ

В настоящее время расследование таких преступлений осуществляется на основе традиционных процессуальных инструментов УПК РФ.

Следователи проводят осмотр места происшествия с изъятием компьютерной техники и серверного оборудования, выполняют обыски в помещениях разработчиков и пользователей, назначают судебные компьютерно-технические экспертизы для исследования программного кода и алгоритмов. Применяется выемка электронной переписки и документации, прослушивание телефонных переговоров (при наличии судебного решения), контроль интернет-трафика через операторов связи. Запрашиваются сведения о регистрации доменов и IP-адресах у хостинг-провайдеров, проводятся допросы разработчиков, администраторов и пользователей систем, назначаются лингвистические и психологические экспертизы сгенерированного контента.

Главная проблема заключается в том, что традиционные следственные методики не адаптированы к специфике ИИ-технологий.

Установление авторства и цепочки ответственности крайне затруднено при использовании нейросетей, поскольку результат является продуктом сложного вероятностного процесса, а не прямого программирования.

В настоящее время, эксперты-криминалисты в недостаточной степени обладают необходимыми компетенциями для анализа архитектуры нейронных сетей, весовых коэффициентов и процессов обучения моделей. Кроме того, международный характер размещения серверов и использование анонимизирующих технологий делают практически невозможным оперативное получение доказательств.

Также, все большую востребованность приобретает вопрос создания специализированных экспертных учреждений, способных проводить исследование ИИ-систем, определять наличие скрытых функций и устанавливать факт модификации базовых моделей.

Доказывание умысла разработчика или модификатора осложняется тем, что технология сама по себе нейтральна и может использоваться как законно, так и преступно. Применение статей УК РФ, разработанных для традиционных преступлений в сфере компьютерной информации, не учитывает специфику машинного обучения и автономности принятия решений ИИ-системами.

По мнению Н.В. Шмятковой, в практической работе расследование таких преступлений порождает многочисленные трудности, обусловленные значительным масштабом выполняемых следственных мероприятий, высокой степенью сложности назначаемых судебных экспертиз, а также спецификой, присущей процедуре доказывания [12]. Переходя к вопросу предложений по совершенствованию практики расследования преступлений, совершенных с использованием ИИ, мы предлагаем рассмотреть возможность внесения следующих изменений.

В области следственной практики целесообразно создание «Управления по расследованию преступлений в сфере искусственного интеллекта и синтетических технологий» (далее – «Управление») при Главном следственном управлении Следственного комитета Российской Федерации, сотрудники которых будут обладать глубокими знаниями в области машинного обучения и нейросетевых архитектур.

В рамках обеспечительной документации вышеуказанного Управления, предлагается разработать методические рекомендации по расследованию преступлений с использованием ИИ, включающие алгоритмы сбора цифровых доказательств, анализа кода нейросетей и установления причинно-следственных связей между действиями субъектов и результатами работы систем. Перспективным является внедрение специализированного программного обеспечения для работы Управления в целях форензики ИИ-систем, позволяющего реконструировать процесс обучения модели, выявлять внесенные модификации и определять источники обучающих данных, а также создание межведомственной базы данных известных вредоносных ИИ-моделей и их цифровых отпечатков для оперативной идентификации. Вместе с этим, целесообразной также представляется разработка «Национального стандарта криминалистического исследования интеллектуальных систем и синтетического контента», включающего протоколы изъятия, исследования и хранения доказательств, связанных с нейросетевыми технологиями.

Затрагивая вопрос изменения действующих уголовно-правовых норм, целесообразно дополнить ст. 273 УК РФ частью, специально посвященной созданию и распространению вредоносных ИИ-систем, предусмотрев повышенную ответственность за создание программ с функциями машинного обучения, предназначенных для совершения преступлений.

Также, ст. 274.1 УК РФ возможно конкретизировать ответственность за модификацию ИИ-моделей с целью обхода защитных механизмов и фильтров контента. Необходимо введение новой статьи, устанавливающей ответственность администраторов и владельцев ИИ-платформ за непринятие мер по предотвращению использования их систем в преступных целях при наличии информации о таком использовании.

Статью 137 УК РФ предлагается дополнить квалифицирующим признаком незаконного сбора персональных данных специально для обучения ИИ-систем без согласия субъектов данных.

В части ответственности за распространение дипфейков нами предлагается введение специальной нормы в Главу XIX УК РФ о преступлениях против конституционных прав и свобод человека, предусматривающей наказание за создание и распространение реалистичных поддельных изображений или видеозаписей с использованием ИИ-технологий. Кроме того, следует усилить санкции в ст. 128.1, 207.1 и 207.2 УК РФ для случаев, когда ложная информация создана и распространена с использованием ИИ-инструментов, учитывая масштабность возможного вреда и сложность опровержения.

Разделяя позицию Д.И. Масурова, следует подчеркнуть, что потребность в обновлении нормативно-правовой базы и формировании инновационных методов юридической оценки противоправных деяний, осуществленных посредством использования ИИ, приобретает всё большую актуальность и неотложность [7]. Определение субъекта преступления с использованием ИИ требует от следственных органов глубокого понимания технологической архитектуры систем, способности проводить многоуровневый анализ причинно-следственных связей между действиями различных участников технологической цепочки и противоправным результатом, а также формирования новых подходов к оценке субъективной стороны преступлений в условиях, когда непосредственным исполнителем противоправного деяния формально выступает автономная система, действующая по алгоритмам, заложенным или модифицированным человеком.

Таким образом, определение субъекта преступления, совершенного с использованием ИИ, представляет собой комплексную междисциплинарную проблему, требующую системного реформирования как материального уголовного законодательства, так и криминалистической методологии расследования. Существующие правовые нормы и следственные практики, разработанные для традиционных форм компьютерной преступности, не учитывают специфику автономности, самообучаемости и вероятностного характера функционирования ИИ-систем. Решение проблемы лежит в плоскости создания специализированных следственных подразделений с техническими компетенциями в области нейросетевых технологий, внедрения новых составов преступлений, учитывающих многоуровневую архитектуру ответственности (от разработчиков до конечных пользователей), и разработки национальных стандартов криминалистического исследования интеллектуальных систем. Международный опыт Франции, США и Китая демонстрирует необходимость законодательного признания повышенной общественной опасности преступлений с использованием ИИ-технологий и установления дифференцированной ответственности в зависимости от роли субъекта в технологической цепочке создания и эксплуатации системы.

Список литературы:

[1] Аббуд Р.Р. Международно-правовое регулирование противодействия киберпреступлениям : автореф. дисс. … канд. юрид. наук. М., 2025. 27 с.

[2] Денисова О.Е., Юрков С.А. Соучастие в преступлении, совершаемом с использованием искусственного интеллекта: сравнительный анализ российского и зарубежного законодательства // Вестник науки. 2025. № 5 (86). С. 403-410.

[3] Зотина Е.В. Мошенничество с использованием информационно-телекоммуникационных технологий и приемов социальной инженерии: криминологическое исследование : автореф. дисс. … канд. юрид. наук. М., 2024. 33 с.

[4] Исакова А.Г., Осин А.В. Применение искусственного интеллекта в расследовании преступлений с использованием технологии «дипфейк» // Вестник науки. 2024. № 1 (70). С. 235-242.

[5] Коломинов В.В. Особенности расследования преступлений с использованием искусственного интеллекта // ЮП. 2023. № 4 (107). С. 112-117.

[6] Комментарий к Уголовному кодексу РФ в 4 т. Том 1. Общая часть / ответственный редактор В.М. Лебедев. М. : Юрайт, 2025. 316 с.

[7] Масуров Д.И. Уголовная ответственность за преступления, совершенные с использованием систем искусственного интеллекта // Теория и практика современной науки. 2025. № 3 (117). С. 91-93.

[8] Саньков В.В., Тегичев М.В. Искусственный интеллект как средство совершения преступления // Право и управление. 2024. № 3. С. 354-358.

[9] Тирранен В.А. Преступления с использованием искусственного интеллекта // Развитие территорий. 2019. № 3 (17). С. 10-13.

[10] Халилов Н.М. Использование нейросетей в криминалистической идентификации: актуальное состояние и перспектива // Правовой альманах. 2023. № 9. С. 41-46.

[11] Шмяткова Н.В. Искусственный интеллект: субъект или способ совершения преступления? // Государственная служба и кадры. 2023. № 5. С. 276-279.

[12] Шмяткова Н.В. Особенности предмета доказывания при совершении преступлений против общественной безопасности, совершаемых с использованием систем искусственного интеллекта // Universum: экономика и юриспруденция. 2024. № 8 (118). С. 65-66.

[13] Шутова А.А. Особенности квалификации преступлений, совершаемых лицами, исполь-

зующими технологии искусственного интеллекта в здравоохранении // Lex Russica. 2023. № 12 (205). С. 113-123.

[14] На Алтае зарегистрирован первый случай мошенничества с помощью искусственного интеллекта // Государственная телевизионная и радиовещательная компания «Алтай». URL: https://vestialtai.ru/news/na-altae-zaregistrirovan-pervyy-sluchay-moshennichestva-s-pomoshchyu-iskusstvennogo-intellekta/ (дата обращения: 17.10.2025).

[15] Состояние преступности в России за период 2024 г. // Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации. URL:https://мвд.рф/reports (дата обращения: 17.10.2025).

[16] Уголовный кодекс Франции. Принят в 1992 г., вступил в силу с 1 марта 1994 г. (с посл. изм. и доп. от 11 июля 2025 г.) // Всемирная организация интеллектуальной собственности (ВОИС) [Электронный ресурс]. URL:https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/23309 (дата обращения: 17.10.2025).

[17] Рекомендации Министерства юстиции США от 23 сентября 2024 г. // Официальный сайт Министерства юстиции США [Электронный ресурс]. URL:https://www.justice.gov/ (дата обращения: 17.10.2025).

[18] Положения Государственной канцелярии интернет-информации КНР «О регулировании использования технологий глубокого синтеза» от 11 ноября 2022 г. // Официальный сайт Государственной канцелярии интернет-информации КНР [Электронный ресурс]. URL:https://www.cac.gov.cn/2022-12/11/c_1672221949354811.htm (дата обращения: 17.10.2025).

References:

[1] Abboud R.R. International legal regulation of countering cybercrime: abstract. diss.... cand. jurid. sciences. M., 2025. 27 pp.

[2] Denisova O.E., Yurkov S.A. Complicity in a crime committed using artificial intelligence: a comparative analysis of Russian and foreign legislation//Bulletin of Science. 2025. № 5 (86). S. 403-410.

[3] Zotina E.V. Fraud using information and telecommunication technologies and social engineering techniques: criminological research: author's abstract. diss.... cand. jurid. sciences. M., 2024. 33 pp.

[4] Isakova A.G., Osin A.V. The use of artificial intelligence in the investigation of crimes using deepfake technology//Bulletin of Science. 2024. № 1 (70). S. 235-242.

[5] Kolominov V.V. Features of investigating crimes using artificial intelligence//UP. 2023. № 4 (107). S. 112-117.

[6] Commentary to the Criminal Code of the Russian Federation in 4 vols. Volume 1. General part/ executive editor V.M. Lebedev. M.: Yurayt, 2025. 316 pp.

[7] Masurov D.I. Criminal liability for crimes committed using artificial intelligence systems//Theory and practice of modern science. 2025. № 3 (117). S. 91-93.

[8] Sankov V.V., Tegichev M.V. Artificial intelligence as a means of committing a crime//Law and management. 2024. № 3. S. 354-358.

[9] Tirranen V.A. Crimes using artificial intelligence//Development of territories. 2019. № 3 (17). S. 10-13.

[10] Khalilov N.M. Use of neural networks in forensic identification: current state and perspective//Legal almanac. 2023. № 9. S. 41-46.

[11] N.V. Shmyatkova. Artificial intelligence: the subject or method of committing a crime ?//Public service and personnel. 2023. № 5. S. 276-279.

[12] N.V. Shmyatkova. Features of the subject of evidence in the commission of crimes against public safety committed using artificial intelligence systems//Universum: economics and jurisprudence. 2024. № 8 (118). S. 65-66.

[13] A.A. Shutova. Features of qualification of crimes committed by persons using artificial intelligence technologies in healthcare//Lex Russica. 2023. № 12 (205). S. 113-123.

[14] Altai registered the first case of fraud using artificial intelligence//State Television and Radio Broadcasting Company "Altai." URL: https://vestialtai.ru/news/na-altae-zaregistrirovan-pervyy-sluchay-moshennichestva-s-pomoshchyu-iskusstvennogo-intellekta/ (дата обращения: 17.10.2025).

[15] The state of crime in Russia for the period 2024//Official website of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. URL: https://мвд.рф/reports (access date: 17.10.2025).

[16] French Penal Code. Adopted in 1992, entered into force on March 1, 1994 (from the last. rev. and add. of July 11, 2025)//World Intellectual Property Organization (WIPO) [Electronic Resource]. URL: https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/23309 (access date: 17.10.2025).

[17] Recommendations of the US Department of Justice dated September 23, 2024//Official website of the US Department of Justice [Electronic Resource]. URL: https://www.justice.gov/ (access date: 17.10.2025).

[18] Provisions of the State Chancellery of Internet Information of the PRC "On the Regulation of the Use of Deep Synthesis Technologies" dated November 11, 2022//Official website of the State Chancellery of Internet Information of the PRC [Electronic Resource]. URL: https://www.cac.gov.cn/2022-12/11/c_1672221949354811.htm (access date: 17.10.2025).

Дата поступления рукописи в редакцию: 02.04.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-4-421-425
Дата принятия рукописи в печать: 03.05.2026 г.

ТИЩЕНКО Юрий Юрьевич,
ведущий научный сотрудник ФКУ НИИ ФСИН России,
кандидат юридических наук,
e-mail: yutish@list.ru

РОЛЬ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ЭТИКИ В РАБОТЕ СОТРУДНИКОВ ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ

Аннотация. *Статья посвящена выяснению отдельных аспектов сущности специфических морально-нравственных требований, предъявляемых к сотрудникам УИС, основу профессиональной деятельности которых составляют нравственные принципы.*

Ключевые слова: *профессиональная этика, сотрудник УИС, нравственные принципы.*

TISHCHENKO Yuri Yurievich,
leading researcher,
Federal State Institution Research Institute
of the Federal Penitentiary Service of Russia,
Moscow, Russian Federation;
Candidate of Legal Sciences

THE ROLE OF PROFESSIONAL ETHICS IN THE WORK OF CORRECTIONAL OFFICERS

Annotation. *The article is devoted to clarifying certain aspects of the essence of specific moral requirements imposed on employees of the penal system, the basis of whose professional activities are moral principles.*

Key words: *professional ethics, UIS employee, moral principles.*

Профессиональная этика является неотъемлемой составляющей общей культуры сотрудника УИС.

Следовать профессиональной этике – это, с одной стороны, строго выполнять в своей деятельности предписания международных и российских нормативно-правовых актов, т.е. следовать закону; и, с другой стороны, всегда и во всем придерживаться общечеловеческих норм взаимоотношений между людьми, общепринятых норм нравственности.

В противоположность общественной морали специфика профессиональной морали сотрудников УИС отличается своим деонтологическим характером (от древнегреч. deon – нужное, должное, logos – понятие, учение). Термин «деонтология» еще в XIX в. ввел в научный оборот английский философ и юрист Иеремия Бентам (1748-1832) для обозначения науки о должном, нравственном в целом.

В настоящее время деонтология определяется как часть профессиональной этики, изучающая совокупность моральных норм, однозначно регламентирующих должное поведение личности в определенной профессиональной сфере; в отличие от норм обычной этики эти нормы не дают права выбора, они закрепляются в служебных документах и обеспечиваются административными (то есть правовыми) санкциями.

Соответственно к сотруднику УИС предъявляется ряд специфических морально-нравственных требований. В обобщенном виде морально-нравственные требования к сотруднику УИС можно представить следующим образом: отношение к человеку как к высшей ценности, уважение и защита прав, свобод и человеческого достоинства в соответствии с международными и отечественными правовыми нормами и общечеловеческими принципами морали; глубокое понимание социальной значимости своей роли работника УИС, своей ответственности перед обществом и государством, от которой в решающей степени зависят общественная безопасность, охрана жизни, здоровья, правовой защищенности людей; разумное и гуманное использование предоставленных законом работнику УИС прав в строгом соответствии с принципами социальной справедливости, гражданского, служебного и нравственного долга; безупречность личного поведения на службе и в быту, честность, неподкупность, исполнительность и инициатива, забота о профессиональной чести, профессиональная

солидарность, взаимопомощь, поддержка, смелость и морально-психологическая готовность к действиям в экстремальных условиях; постоянное совершенствование профессионального мастерства, знаний в области служебной этики, повышение общей культуры, расширение интеллектуального кругозора, творческое освоение необходимого по службе отечественного и зарубежного опыта.

Перечисленные требования дают достаточно наглядное представление о тех морально-нравственных качествах, которыми должен обладать сотрудник уголовно-исполнительной системы. Это терпимость, справедливость, гуманность, чувство долга, смелость, мужество, выдержка, честность.

Основу профессиональной деятельности сотрудника пенитенциарной службы составляют нравственные принципы.

Принцип гуманизма - один из центральных и основополагающих принципов пенитенциарной системы. В чем же состоит гуманизация системы исполнения уголовных наказаний? Прежде всего, это строгое следование законодательным актам, определяющим отношение государства, общества и самого сотрудника пенитенциарной службы к правонарушителям, осужденным; это отказ от неоправданно грубого обращения с лицами, лишенными свободы, недопустимость причинения им ничем не оправданных лишений и страданий, унижения их человеческого достоинства, «обеспечение охраны их законных прав и интересов от любых посягательств, будь то со стороны администрации или со стороны самих осужденных»; это вера в возможность их исправления. В прямой связи с принципом гуманизма находится право осужденных на охрану здоровья, на личную безопасность и обеспечение свободы совести и свободы вероисповедания.

Гуманизация процесса исполнения наказаний состоит в уважении личного достоинства осужденного, обеспечении его законных прав и интересов от любых посягательств, будь то со стороны администрации или со стороны самих осужденных.

Остановимся на основном содержании другого основополагающего принципа в деятельности органов, исполняющих наказания, – принципа законности. Он заключается в требовании неукоснительного соблюдения законов и основанных на них подзаконных актов всеми сотрудниками пенитенциарной системы. Принцип законности в большей степени, чем другие принципы, отражен в нормативных документах, регламентирующих деятельность сотрудника УИС. Тем не менее, нравственные качества сотрудника именно здесь проявляются наиболее зримо.

Сотрудник никогда не должен забывать, что осужденный по-прежнему остается гражданином общества, хотя и с ограниченным кругом прав и меньшими возможностями в их защите по сравнению со свободными гражданами.

Этическое содержание законности в уголовно-исполнительной системе состоит в следующем: не допускать в своей деятельности случаев невнимательного отношения к осужденным, проявления бездушия к их личным проблемам, отступления от установленных правил общения с ними, беспринципности в оценке собственных поступков и действий подопечных, попустительства при нарушениях закона. Практика показывает, что в тех исправительных учреждениях, где имеются подобного рода факты, у сотрудников и осужденных формируются чувства вседозволенности, беспредела, отрицания общенравственных ценностей. Данные тенденции являются недопустимыми.

Работники уголовно-исполнительной системы, решающие судьбы других, сами должны являться образцом строгого соблюдения законности и требований морали, укрепления правопорядка.

Одним из важнейших принципов не только профессиональной, но и общечеловеческой морали является принцип коллективизма. Что касается правоохранительной служебной среды, то здесь принцип коллективизма однозначно является строго обязательным для успешной организации служебной деятельности, единственно возможным для результативного противостояния криминальному миру. И хотя интересы членов служебного коллектива всегда разнородны, эффективность работы коллектива прямо зависит от целеустремленности и единства его действий, следовательно, прежде всего, от того, насколько интересы коллектива осознаются его членами как приоритетные по сравнению с личными интересами людей, его образующих.

Принцип коллективизма включает в себя несколько частных принципов: единство цели и воли, сотрудничество и взаимопомощь, дисциплина.

Высокое нравственное сознание подразумевает единство личности и Отечества. Это выражается в принципе патриотизма. В деятельности сотрудников УИС этот принцип играет особую роль. Являясь представителем государственной власти, сотрудник должен понимать важность поставленных перед пенитенциарной службой задач и собственную ответственность за их исполнение.

Знание основных нравственных принципов составляет основу морального сознания сотрудника учреждений, исполняющих наказания. Но перевод этих знаний в убеждения и безукориз-

ненное следование принципам морали в служебной деятельности зависит от общего уровня культуры сотрудника, его способности к самосовершенствованию, противостоянию негативным влияниям профессиональной среды.

Список литературы:

[1] Кузьмин А.Н. организация и проведение непрерывного мониторинга системы «социальных лифтов» в исправительных учреждениях фсин россии Кузьмин А.Н., Казберов П.Н., Новиков А.В., Вилкова А.В., Слабкая Д.Н. Учебно-методическое пособие / НИИ ФСИН России. Москва, 2013.

[2] Островская Л.В. личностно ориентированные гелиометеорологические факторы, влияющие на устойчивое состояние здоровья человека Островская Л.В., Калинин Р.Е., Литвишков В.М., Вилкова А.В., Полякова О.В., Жолудова А.Н., Левина М.А., Беляева Е.С., Островский И.С.В сборнике: Формы и методы социальной работы в различных сферах жизнедеятельности Материалы II Международной научно-практической конференции. 2013. С. 252-255.

[3] Бахарева Л.Н. единство учебно-познавательных и профессионально-практических умений на занятиях в вузе Литвишков В.М., Вилкова А.В., Слюсарева О.Е., Бахарева Л.Н.В сборнике: Материалы ежегодной научной конференции, посвященной 70- летию основания Рязанского государственного медицинского университета имени академика И.П. Павлова под общ. ред. Заслуженного работника высшей школы Российской Федерации, проф. В.А.Кирюшина. Рязанский государственный медицинский университет им. академика И.П. Павлова. 2013. С. 366-368.

[4] Новиков А.В. психолого-педагогическая характеристика личности воспитателя как основа формирования общественно-нравственных ценностей и правовой культуры у несовершеннолетних правонарушителей Вилкова А.В., Новиков А.В. В сборнике: Высшее образование XXI века Сборник статей по итогам Международной научно-практической конференции под общей редакцией профессора В.Н. Скворцова. 2013. С. 32-36.

[5] Слабкая Д.Н. Пути И Подходы Социально-Экономической Интеграции Исправительных Заведений Для Несовершеннолетних В Конце Xix - Начале Xx В Вилкова А.В., Слабкая Д.Н. В сборнике: Проблемы и пути социально-экономического развития: город, регион, страна, мир IV международная научно-практическая конференция: сборник статей. Под общей редакцией В.Н. Скворцова. Редакционная коллегия: Н.М. Космачева (ответственный редактор), Г.В. Черкасская. 2014. С. 198-205.

[6] Слабкая Д.Н. основы педагогического управления процессом формирования общественно-нравственных ценностей у несовершеннолетних правонарушителей Вилкова А.В., Слабкая Д.Н. В сборнике: Понимание и рефлексия в культуре, науке и образовании материалы Международной научно-практической Интернет-конференции, [посвященной памяти заслуженного деятеля образования, профессора, доктора филологических наук Георгия Исаевича Богина]. ФГБОУ ВПО «Твер. гос. ун-т» ; отв. ред. Крюкова Н. Ф.. 2014. С. 44-49

[7] Полякова О.В педагогические технологии в системе высшей медицинской школы Островская Л.В., Полякова О.В., Литвишков В.М., Вилкова А.В.В сборнике: Сборник научных трудов кафедр гуманитарных дисциплин Ответственный редактор Б.И. Репин. Рязань, 2014. С. 34-39.

[8]Спасенников Б.А. принцип законности в уголовном правЕ Вилкова А.В., Спасенников Б.А. В сборнике: Точки роста в Евразийском экономическом союзе: бизнес, инвестиции, инновациСборник материалов международной научно-практической конференции. Научный редактор: А.Н. Ежов. Главный редактор: А.Е. Кальсин. 2015. С. 114-115.

[9] Вилкова А.В. Гендерная концепция и методология формирования духовно-нравственных ценностей несовершеннолетних осужденных женского пола Вилкова А.В. автореферат дис. ... доктора педагогических наук / Новгород. гос. ун-т им. Ярослава Мудрого. Великий Новгород, 2016.

[10] Белоносов В.О. пенитенциарная система франции на современном этапеБыков А.В., Тимофеева Е.А., Вилкова А.В., Фумм А.М., Яковлева О.Н., Белоносов В.О. Аналитический обзор / Самара, 2017.

[11] Тимофеева Е.А. деятельность пенитенциарных учреждений и подготовка кадров в пенитенциарной системе китайской народной республики (на примере шанхайского региона) Тимофеева Е.А., Вилкова А.В. Аналитические материалы / Самара, 2017.

[12] Сухарева Е.В. психолого-педагогическая характеристика личности воспитателя при массовых беспорядках: первоначальная подготовка стажеров Вилкова А.В., Сухарева Е.В. В сборнике: Групповые неповиновения и массовые беспорядки в учреждениях УИС Материалы круглого стола. под общей редакцией ведущего научного сотрудника ФКУ НИИ ФСИН России, доктора экономических наук, профессора С. В. Гарника. 2018. С. 54-59.

[13] Вилкова А.В. Социально-педагогическая причина, отрицательно влияющая на развитие нравственной сферы несовершеннолетних правонарушителей при массовых беспорядках Вилкова А.В. В сборнике: Групповые неповиновения и массовые беспорядки в учреждениях УИС

Материалы круглого стола. под общей редакцией ведущего научного сотрудника ФКУ НИИ ФСИН России, доктора экономических наук, профессора С. В. Гарника. 2018. С. 50-53.

[14] Вилкова А.В. общение осужденных в экстремальных условиях колонии Вилкова А.В. В сборнике: актуальные проблемы защиты прав и законных интересов подозреваемых, обвиняемых и осужденных, содержащихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы Сборник материалов круглого стола. 2018. С. 48-54.

[15] Тимофеева Е.А, Частные тюрьмы за рубежом: особенности организации и функционирования Тимофеева Е.А., Вилкова А.В. Аналитические материалы / Самара-Москва, 2018

[16] Тимофеева Е.А. профессиональный глоссарий специалиста по профилактике пав-зависимостей в пенитенциарных учреждениях (словарь) / Москва-Самара, 2018.

[17] Вилкова А.В. особые и сложные экстремальные ситуации Вилкова А.В. В сборнике: научные труды ФКУ НИИ ФСИН РОССИИ (научно-практическое ежеквартальное издание). Москва, 2018. С. 12-15.

[18] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. База данных тестовых заданий к курсу лекций «Воспитательная работа с осужденными для образовательных организаций ФСИН России. Свидетельство о регистрации базы данных RU 2025623480. 22.08. 2025. Заявка № 2025623025 от 14.08.2025.

[19] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. Коллективность и комплексность в науке / Международный научный вестник. 2025. № 10. С. 325-328.

[20] Гузеев М. С., Кулакова С. В., Вилкова А. В. База данных тестовых заданий к авторскому курсу лекций «Роль и место современных СМИ и социальных медиа в развитии уголовно-исполнительной системы Российской Федерации. Свидетельство о регистрации базы данных RU 2022622073. 17.08. 2022. Заявка № 2022621591 от 01.07.2022.

[21] Вилкова А. В. Духовно-нравственные ценности несовершеннолетних осужденных и особенности социально-образовательной среды / А. В. Вилкова // В сборнике: педагогика и современное образование. Материалы Всероссийской научно-практической конференции аспирантов, соискателей, докторантов, научных руководителей, молодых ученых, специализирующихся в области образования. Сер. «Библиотека аспиранта» Санкт-Петербург.2022. С. 32-36.

References:

[1] Kuzmin A.N. organization and conduct of continuous monitoring of the system of “social elevators” in correctional institutions of the Federal Penitentiary Service of Russia Kuzmin A.N., Kazberov P.N., Novikov A.V., Vilkova A.V., Slabkaya D.N. Educational and methodological manual/Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. Moscow, 2013.

[2] Ostrovskaya L.V. personally oriented heliometeorological factors affecting the sustainable state of human health Ostrovskaya L.V., Kalinin R.E., Litvishkov V.M., Vilkova A.V., Polyakova O.V., Zholudova A.N., Levina M.A., Belyaeva E.S., Ostrovsky I.S. In the collection: Forms and methods of social work in various spheres of life Materials of the II International Scientific and Practical Conference. 2013. S. 252-255.

[3] Bakhareva L.N. Unity of educational and professional-practical skills in classes at the university Litvishkov V.M., Vilkova A.V., Slyusareva O.E., Bakhareva L.N. In the collection: Materials of the annual scientific conference dedicated to the 70th anniversary of the founding of Ryazan State Medical University named after academician I.P. Pavlov under the general. ed Honored Worker of Higher School of the Russian Federation, prof. V.A. Kiryushin. Ryazan State Medical University named after Academician I.P. Pavlova. 2013. S. 366-368.

[4] Novikov A.V. Psychological and pedagogical characteristics of the personality of the educator as the basis for the formation of social and moral values and legal culture in juvenile offenders Vilkov A.V., Novikov A.V. In the collection: Higher education of the XXI century Collection of articles based on the results of the International Scientific and Practical Conference under the general editorship of Professor V.N. Skvortsov. 2013. S. 32-36.

[5] Weak D.N. Ways and Approaches of Socio-Economic Integration of Correctional Institutions for Minors at the End of XIX - Beginning XX V. Vilkova A.V., Weak D.N. In the collection: Problems and Ways of Socio-Economic Development: City, Region, Country, World IV International Scientific and Practical Conference: collection of articles. Edited by V.N. Skvortsova. Editorial Board: N.M. Kosmacheva (executive editor), G.V. Cherkasskaya. 2014. S. 198-205.

[6] Weak D.N. The basics of pedagogical management of the process of forming social and moral values in juvenile offenders Vilkova A.V., Weak D.N. In the collection: Understanding and reflection in culture, science and education materials of the International Scientific and Practical Internet Conference, [dedicated to the memory of Honored Education Worker, Professor, Doctor of Philology Georgy Isaevich Bogin]. FSBEI HPE “Tver. state. un-t “; resp. ed. Kryukova N. F.. 2014. S. 44-49

[7] Polyakova O.V. Pedagogical technologies in the system of higher medical school Ostrovskaya L.V., Polyakova O.V., Litvishkov V.M., Vilkova A.V. In the collection: Collection of scientific works of the departments of humanitarian disciplines Executive editor B.I. Repin. Ryazan, 2014. S. 34-39.

[8] Spasennikov B.A. principle of legality in criminal law Vilkova A.V., Spasennikov B.A. In the collection: Points of growth in the Eurasian Economic Union: business, investment, innovation Collection of materials of the international scientific-practical conference. Scientific editor: A.N. Yezhov. Editor-in-chief: A.E. Kalsin. 2015. S. 114-115.

[9] Vilkova A.V. Gender concept and methodology of formation of spiritual and moral values of juvenile convicts of female sex Vilkova A.V. abstract dis... Doctors of Pedagogical Sciences/Novgorod. state. un-t named after Yaroslav the Wise. Veliky Novgorod, 2016.

[10] Belonosov V.O. French penitentiary system at the present stage Bykov A.V., Timofeeva E.A., Vilkova A.V., Fumm A.M., Yakovleva O.N., Belonosov V.O. Analytical review/Samara, 2017.

[11] Timofeeva E.A. activities of penitentiary institutions and training in the penitentiary system of the People's Republic of China (on the example of the Shanghai region) Timofeeva E.A., Vilkova A.V. Analytical materials/Samara, 2017.

[12] Sukhareva E.V. Psychological and pedagogical characteristics of the personality of the teacher during mass riots: initial training of trainees Vilkova A.V., Sukhareva E.V. In the collection: Group disobedience and mass riots in penal institutions Materials of the round table. under the general editorship of a leading researcher at the PKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Doctor of Economics, Professor S.V. Garnik. 2018. S. 54-59.

[13] Vilkova A.V. A socio-pedagogical reason that negatively affects the development of the moral sphere of juvenile offenders during mass riots Vilkova A.V. In the collection: Group disobedience and mass riots in penal institutions Materials of the round table. under the general editorship of a leading researcher at the PKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Doctor of Economics, Professor S.V. Garnik. 2018. S. 50-53.

[14] Vilkova A.V. communication of convicts in extreme conditions of the colony Vilkova A.V. In the collection: topical problems of protecting the rights and legitimate interests of suspects, accused and convicts held in institutions of the penal system Collection of materials of the round table. 2018. S. 48-54.

[15] E.A. Timofeeva, Private prisons abroad: peculiarities of organization and functioning E.A. Timofeeva, A.V. Vilkova. Analytical materials/Samara-Moscow, 2018

[16] E.A. Timofeeva, professional glossary of a specialist in the prevention of pav-addictions in penitentiary institutions (dictionary)/Moscow-Samara, 2018.

[17] Vilkova A.V. special and complex extreme situations Vilkova A.V. In the collection: scientific works of the PKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia (scientific and practical quarterly publication). Moscow, 2018. S. 12-15.

[18] Vilkova A. V., Polyakova Y. N. Database of test assignments for the course of lectures "Educational work with convicts for educational organizations of the Federal Penitentiary Service of Russia. Certificate of registration of the RU 2025623480 database. 22.08. 2025. Request No. 2025623025 dated 14.08.2025.

[19] Vilkova A.V., Polyakova Y. N. Collectivity and comprehensiveness in science/International Scientific Bulletin. 2025. № 10. S. 325-328.

[20] Guzeev M.S., Kulakova S.V., Vilkova A.V. Database of test assignments for the author's course of lectures "The role and place of modern media and social media in the development of the penal system of the Russian Federation. Certificate of registration of the RU 2022622073 database. 17.08. 2022. Request No. 2022621591 dated 01.07.2022.

[21] Vilkova A.V. Spiritual and moral values of juvenile convicts and features of the socio-educational environment/A.V. Vilkova//In the collection: pedagogy and modern education. Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference of Graduate Students, Applicants, Doctoral Students, Supervisors, Young Scientists Specializing in Education. Ser. «Postgraduate Library» St. Petersburg. 222. S. 32-36.

Дата поступления рукописи в редакцию: 05.04.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.05.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3830-2026-4-426-431

КОВАЛЕВ Олег Геннадьевич,
доктор юридических наук,
кандидат психологических наук, профессор,
главный научный сотрудник ФКУ научно-исследовательский институт ФСИН России,
e-mail: okovalev66@gmail.com

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРАВА ПОДОЗРЕВАЕМЫХ И ОБВИНЯЕМЫХ, СОДЕРЖАЩИХСЯ В СЛЕДСТВЕННЫХ ИЗОЛЯТОРАХ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ НА ПРОВЕДЕНИЕ БЕСЕДЫ С ЧЛЕНАМИ ОБЩЕСТВЕННОЙ НАБЛЮДАТЕЛЬНОЙ КОМИССИИ

Аннотация. *Целью исследования стали организационно-правовые особенности обеспечения права подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, содержащихся в следственных изоляторах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на проведение беседы с членами общественной наблюдательной комиссии. Для ее осуществления использовались диалектический метод познания и другие общеизвестные методы логического познания (общенаучные и частнонаучные): синтез, сравнение, аналогия, обобщение, социологический опрос, наблюдение, с помощью которых осуществлялся анализ положений национального уголовно-исполнительного законодательства, законодательных и ведомственных правовых актов Минюста и ФСИН России, научной и учебно-методической литературы. Обеспечение права подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, содержащихся в СИЗО УИС на проведение беседы с членами ОНК является одним из элементов успешно выстроенной в современной России системы общественного контроля за местами принудительного содержания лиц. Оно взаимосвязано и взаимодействует с судебным и ведомственным контролем, надзорной деятельностью органов прокуратуры за учреждениями УИС, осуществляемой на постоянной, плановой и системной основе. Члены ОНК, созданных и активно работающих в субъектах Российской Федерации наделены правом посещать в целях контроля соблюдения прав подозреваемых и обвиняемых СИЗО УИС и осуществлять встречи с ними. Правовой основой осуществления таких визитов является пункт «д» части первой статьи 24 УИК РФ, наделивший ОНК и их членов правом посещения учреждений и органов, исполняющих наказания в пределах соответствующих территорий, а также статья 18.1 ФЗ 1995 г. № 103-ФЗ, определившая уведомительный порядок их посещения. Целесообразно совершенствовать формы и методы взаимодействия ОНК субъектов федерации с территориальными органами прокуратуры Российской Федерации, осуществляющими надзор за законностью содержания подозреваемых и обвиняемых в СИЗО УИС, соблюдении их прав и законных интересов в части документирования и реализации полученной информации о возможных нарушениях прав и их восстановлению. На данном направлении Управлением по надзору за исполнением уголовных наказаний Генпрокуратуры России, прокурорами на местах накоплен положительный опыт, направленный на выявление и предупреждение нарушений прав подозреваемых и обвиняемых. Проведение совместных организационно-методических мероприятий с участием с привлечением других субъектов общественного контроля за деятельностью учреждений и органов УИС.*

Ключевые слова: *подозреваемые и обвиняемые, право на беседу, общественный контроль, общественные наблюдательные комиссии, следственные изоляторы, уголовно-исполнительная система, прокурорский надзор, судебный контроль.*

KOVALEV Oleg Gennadievich,
Doctor of Law, Candidate of Law of Psychological Sciences,
Professor, Chief Researcher of the FKU Scientific Research
Institute Federal Penitentiary Service of Russia

ENSURING THE RIGHT OF SUSPECTS AND ACCUSED PERSONS HELD IN PRE-TRIAL DETENTION FACILITIES OF THE PENAL CORRECTION SYSTEM TO HAVE AN INTERVIEW WITH MEMBERS OF THE PUBLIC MONITORING COMMISSION

Annotation. *The purpose of the study was the organizational and legal features of ensuring the right of suspects and accused of committing crimes held in pre-trial detention facilities of the penal enforcement system of the Russian Federation to have an interview with members of the public monitoring commission. For its implementation, the dialectical method of cognition and other well-known methods of logical cognition (general scientific and private scientific) were used: synthesis, comparison, analogy, generalization, sociological survey, observation, which were used to analyze the provisions of national penal enforcement legislation, legislative and departmental legal acts of the Ministry of Justice and the Federal Penitentiary Service of Russia, scientific and educational literature. Ensuring the right of suspects and those accused of committing crimes held in the pre-trial detention center to have conversations with members of the Public Monitoring Committee is one of the elements of the system of public control over places of forced detention successfully built in modern Russia. It is interconnected and interacts with judicial and departmental control, and the supervisory activities of the prosecutor's office over criminal justice institutions, carried out on an ongoing, planned and systematic basis. Members of the PMC, established and actively working in the constituent entities of the Russian Federation, are entitled to visit and meet with pre-trial detention centers in order to monitor compliance with the rights of suspects and accused persons. The legal basis for such visits is paragraph "d" of the first part of Article 24 of the Criminal Code of the Russian Federation, which gave ONCS and their members the right to visit institutions and bodies executing punishments within the relevant territories, as well as Article 18.1 of Federal Law No. 103-FZ of 1995, which determined the notification procedure for their visits. It is advisable to improve the forms and methods of interaction between the public prosecutor's offices of the subjects of the Federation and the territorial bodies of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, which monitor the legality of the detention of suspects and accused in pre-trial detention facilities, respect for their rights and legitimate interests in terms of documenting and implementing information received about possible violations of rights and their restoration. In this area, the Office for Supervision of the Execution of Criminal Penalties of the Prosecutor General's Office of Russia and local prosecutors have accumulated positive experience aimed at identifying and preventing violations of the rights of suspects and accused. Conducting joint organizational and methodological activities with the participation and involvement of other subjects of public control over the activities of institutions and bodies of the penitentiary system.*

Key words: *suspects and accused, the right to talk, public control, public monitoring commissions, pre-trial detention facilities, penal enforcement system, prosecutorial supervision, judicial control.*

Введение. Соблюдение прав подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, содержащихся в следственных изоляторах уголовно-исполнительной системы (далее СИЗО УИС) является одной из приоритетных задач, отраженных в:

- современном национальном уголовно-исполнительном
- законе (Уголовно-исполнительном кодексе Российской Федерации) [1];
- Федеральном законе «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» от 15.07.1995 № 103-ФЗ [2];
- Уголовно-процессуальном законе (статьях 46 и 47 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации) [3];
- законодательстве, регулирующем общественный контроль за обеспечением прав человека в СИЗО УИС [4, с. 389-393];
- Федеральном законе от 10 06.2008 г. № 76-ФЗ «Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и о содействии лицам, находящимся в местах принудительного содержания» [5];
- Федеральном законе «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» от 21.07.2014 г. № 212-ФЗ [6];
- ведомственных правовых актах Минюста и ФСИН России (Правилах внутреннего распорядка СИЗО УИС, утвержденных Приказом Министерства юстиции РФ 2022 г. № 110) [7, с. 229-235].

Указанные и другие законодательные и ведомственные правовые акты базируются на принципах содержания под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений под стражей, базовыми из которых выступает законность и соблюдение правового положения данных лиц [8, с. 198-204].

Таким образом, можно с уверенностью утверждать, что обеспечение права подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, содержащихся в СИЗО УИС на проведение беседы с членами общественной наблюдательной комиссии, является одним из элементов успешно выстроенной в современной России системы общественного контроля за местами принудительного содержания лиц. В рассматриваемом контексте она взаимосвязана и взаимодействует с судебным и ведомственным контролем за реализацией прав подозреваемых и обвиняемых в условиях СИЗО [8, с. 43-49]. Надзорной деятельностью органов прокуратуры за учреждениями УИС, осуществляемой на постоянной, плановой и системной основе [9].

Методы и принципы исследования. Для изучения организационно-правовых особенностей обеспечения права подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, содержащихся в следственных изоляторах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на проведение беседы с членами общественной наблюдательной комиссии. Для ее осуществления использовались диалектический метод познания и другие общеизвестные методы логического познания (общенаучные и частнонаучные): синтез, сравнение, аналогия, обобщение, социологический опрос, наблюдение, с помощью которых осуществлялся анализ положений национального уголовно-исполнительного законодательства, законодательных и ведомственных правовых актов Минюста и ФСИН России, научной и учебно-методической литературы.

Основные результаты. Члены общественных наблюдательных комиссий (далее ОНК), созданных и активно работающих в субъектах Российской Федерации наделены правом посещать в целях контроля соблюдения прав подозреваемых и обвиняемых СИЗО УИС и осуществлять встречи с ними. Правовой основой осуществления таких визитов является пункт «д» части первой статьи 24 УИК РФ, наделивший ОНК и их членов правом посещения учреждений и органов, исполняющих наказания в пределах соответствующих территорий [10].

С целью законодательного закрепления права подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, содержащихся в СИЗО УИС на проведение беседы с членами ОНК в Федеральный закон «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» от 15.07.1995 № 103-ФЗ внесена специальная правовая норма (статья 18.1), регламентирующая порядок осуществления подобных встреч, получения членами ОНК информации (в устной и письменной форме) о соблюдении прав и законных интересов подозреваемых и обвиняемых.

Следует отметить, что порядок посещения СИЗО УИС носит уведомительный характер и предполагает заблаговременное уведомление администрации учреждения о приезде, получения разрешения на его осуществление. Члены ОНК могут посещать камеры, карцера, медицинские части изолятора, проводить беседы с лицами, заключенными под стражу.

В частности, такие беседы организуются в условиях, позволяющих представителю администрации СИЗО видеть их и слышать. В случае обсуждения членами ОНК вопросов, не относящихся к обеспечению прав подозреваемых и обвиняемых, либо нарушения правил внутреннего распорядка СИЗО, утвержденных Приказом Министерства юстиции РФ от 4 июля 2022 г. № 110 «Об утверждении Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы, Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений и Правил внутреннего распорядка исправительных центров уголовно-исполнительной системы», беседа немедленно прерывается [12].

Кино-, фото- и видеосъемка объектов, обеспечивающих безопасность и охрану подозреваемых и обвиняемых, осуществляется с письменного разрешения начальника места содержания под стражей или его заместителя. Их отказ в письменной форме передается членам ОНК.

В рассматриваемом контексте необходимо отметить взаимодействие ОНК субъектов федерации с территориальными органами прокуратуры Российской Федерации, осуществляющими надзор за законностью содержания подозреваемых и обвиняемых в СИЗО УИС, соблюдении их прав и законных интересов в части документирования и реализации полученной информации о возможных нарушениях прав и их восстановлению. На данном направлении Управлением по надзору за исполнением уголовных наказаний Генпрокуратуры России, прокурорами на местах накоплен положительный опыт, направленный на выявление и предупреждение нарушений прав подозреваемых и обвиняемых. Проведение совместных организационно-методических мероприятий с участием с привлечением других субъектов общественного контроля за деятельностью учреждений и органов УИС [13, с. 91-92].

Обсуждение. Результаты исследования обсуждались на следующих научно-практических форумах, где автор выступал с докладами на:

– VIII Международной научно-практической конференции «Пенитенциарная система и общество: опыт взаимодействия», состоявшейся в ФКОУ ВО Пермский институт ФСИН России 13.04.2021 г. Доклад на тему «Взаимодействие органов прокуратуры с общественными наблюдательными комиссиями при осуществлении надзора за законностью исполнения уголовных наказаний»;
– Международной научно-практической конференции «Пенитенциарная система России в современных условиях развития общества: от парадигмы наказания к исправлению и ресоциализации», состоявшейся в Вологодском институте права и экономики ФСИН России 09-11.12.2022. Доклад на тему «Организационно-правовые особенности и методика проведения прокурорских проверок в СИЗО ФСИН России»;
– XXIII Всероссийской научно-практической конференции «Уголовно-исполнительная система сегодня: взаимодействие науки и практики», 18 -19.10.2023 в ФКОУ ВО Кузбасский институт ФСИН (г. Новокузнецк). Доклад на тему «Современные проблемы правовой имплементации пенитенциарных стандартов в деятельность уголовно-исполнительной системы России»;
– Международной научно-практической конференции «Пенитенциарная система, государство и общество: проблемы взаимодействия», состоявшейся 20.10.2023 в Псковском филиале Университета ФСИН России. Доклад на тему: «Влияние уголовной и уголовно-исполнительной политики современной России на состояние женской преступности»;
– 6 Международном пенитенциарном форуме «Преступление, наказание, исправление», приуроченном к 30-летию со дня принятия Конституции Российской Федерации и Закона Российской Федерации от 21 июля 1993 г. № 5473-1 «Об учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации», состоявшемся в Академии ФСИН России 15.11.2023. Доклад на тему: «Значение прокурорского надзора при реализации основных направлений деятельности уголовно-исполнительной системы на современном этапе ее развития»;
– Межвузовской научно-практической конференции с международным участием «Уголовно-исполнительная система: история и современность», состоявшейся 16-17.10. 2024 г. в Псковском филиале Санкт-Петербургского университета ФСИН России. Доклад на тему «Современные подходы обеспечения безопасности следственных изоляторов».

Заключение. Соблюдение прав подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, содержащихся в СИЗО УИС, регулируется национальным уголовно-исполнительным и уголовно-процессуальным законами, Федеральным Законом «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» 1995 № 103-ФЗ, Федеральными законами об общественном контроле в местах принудительного содержания подозреваемых и обвиняемых, ведомственными правовыми актами Минюста и ФСИН России.

Обеспечение права подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, содержащихся в СИЗО УИС на проведение беседы с членами ОНК является одним из элементов успешно выстроенной в современной России системы общественного контроля за местами принудительного содержания лиц. Оно взаимосвязано и взаимодействует с судебным и ведомственным контролем, надзорной деятельностью органов прокуратуры за учреждениями УИС, осуществляемой на постоянной, плановой и системной основе.

Члены ОНК, созданных и активно работающих в субъектах Российской Федерации наделены правом посещать в целях контроля соблюдения прав подозреваемых и обвиняемых СИЗО УИС и осуществлять встречи с ними. Правовой основой осуществления таких визитов является пункт «д» части первой статьи 24 УИК РФ, наделивший ОНК и их членов правом посещения учреждений и органов, исполняющих наказания в пределах соответствующих территорий, а также статья 18.1 ФЗ 1995 г. № 103-ФЗ, определившая уведомительный порядок их посещения.

Целесообразно совершенствовать формы и методы взаимодействия ОНК субъектов федерации с территориальными органами прокуратуры Российской Федерации, осуществляющими надзор за законностью содержания подозреваемых и обвиняемых в СИЗО УИС, соблюдении их прав и законных интересов в части документирования и реализации полученной информации о возможных нарушениях прав и их восстановлению [14, с. 6-8]. На данном направлении Управлением по надзору за исполнением уголовных наказаний Генпрокуратуры России, прокурорами на местах накоплен положительный опыт, направленный на выявление и предупреждение нарушений прав подозреваемых и обвиняемых. Проведение совместных организационно-методических мероприятий с участием с привлечением других субъектов общественного контроля за деятельностью учреждений и органов УИС.

Список литературы:

[1] Комментарий к уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации (постатейный) // Бриллиантов А.В., Геранин В.В., Зубарев С.М., Дубровицкий Л.П., Епанешников В.С., Казакова В.А., Ковалев О.Г., Куденеев С.В., Лысягин О.Б., Лядов Э.В., Михлин А.С., Селиверстов В.И., Филимонов О.В. Москва, 2011.

[2] Федеральный закон «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» от 15.07.1995 № 103-ФЗ // Consultant.ru (дата обращения 05.03.2026).

[3] Комментарий к уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный). М. Дашков и К. 2005. 21 с.

[4] Ковалев О.Г. Общественный контроль за обеспечением прав лиц, заключенных под стражу и осужденных: современное состояние и перспективы // Образование и право. 2024. № 8. С. 389-393.

[5] Федеральный закон от 10 06.2008 г. № 76-ФЗ «Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и о содействии лицам, находящимся в местах принудительного содержания» // Garant.ru (дата обращения 05.03.2026).

[6] Федеральном законе «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» от 21.07.2014 г. № 212-ФЗ // Consultant.ru (дата обращения 05.03.2026).

[7] Ковалев О.Г. Роль правил внутреннего распорядка следственных изоляторов в правоохранительной и правозащитной деятельности, реализуемой в местах содержания под стражей // Международный научный вестник. 2025. № 11. С. 229-235.

[8] Ковалев О.Г., Семенова Н.В. Принципы содержания под стражей и их влияние на обеспечение прав и законных интересов подозреваемых и обвиняемых (сравнительно-правовой анализ) // Международный научный вестник. 2025. № 11. С. 198-204.

[9] Ковалев О.Г. Право подозреваемых (обвиняемых) на обращение к лицам, контролирующим деятельность места содержания под стражей: современное состояние и перспективы реализации // Международный научный вестник. 2025. № 5. С. 43-49.

[10] Настольная книга прокурора в 2 ч. Часть 1. Капинус О.С., Винокуров А.Ю., Кехлеров С.Г., Аберхаев Э.Р., Александрова Л.И., Андреев Б.В., Андреев Г.В., Андрианов М.С., Аристархов А.Л., Артемов В.В., Ашиткова Т.В., Беллевич А.Ю., Бессарабов В.Г., Борисов С.В., Бриллиантов А.В., Будай С.Н., Буланова Н.В., Бут Н.Д., Викторов И.С., Городков Ю.А. и др. Практическое пособие / Сер. 9 Профессиональная практика, (5-е изд., пер. и доп.) Москва 2018. 481 с.

[11] Комментарий к уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации / Бриллиантов А.В., Геранин В.В., Зубарев С.М., Дубровицкий Л.П., Епанешников В.С., Казакова В.А., Ковалев О.Г., Куденеев С.В., Лысягин О.Б., Лядов Э.В., Михлин А.С., Филимонов О.В., Селиверстов В.И. (постатейный) / Москва, 2008. 448 с.

[12] Приказ Министерства юстиции РФ от 4 июля 2022 г. № 110 «Об утверждении Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы, Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений и Правил внутреннего распорядка исправительных центров уголовно-исполнительной системы» // Garant.ru (дата обращения 05.03.2026).

[13] Ковалев О.Г. Взаимодействие органов прокуратуры с общественными наблюдательными комиссиями при осуществлении надзора за законностью исполнения уголовных наказаний // В сборнике: Пенитенциарная система и общество: опыт взаимодействия. Сборник материалов VIII Международной научно-практической конференции. ФКОУ ВО Пермский институт ФСИН России, 2021. С. 91-92.

[14] Ковалев О.Г., Карпов А.А., Зайцева С.И. Современные проблемы реализации и совершенствования прокурорского надзора за законностью исполнения уголовных наказаний, соблюдения прав и законных интересов лиц, заключенных под стражу // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2023. № 3. С. 6-8.

References:

[1] Commentary to the Penal Enforcement Code of the Russian Federation (article by article) // Brilliantov A.V., Geranin V.V., Zubarev S.M., Dubrovitsky L.P., Epaneshnikov V.S., Kazakova V.A., Kovalev O.G., Kudeneev S.V., Lysyagin O.B., Lyadov E.V., Mikhlin A.S., Seliverstov V.I., Filimonov O.V. Moscow, 2011.

[2] Federal Law No. 103-FZ dated July 15, 1995 “On the detention of suspects and accused of committing crimes” // Consultant.ru (accessed 03/05/2026).

[3] Commentary to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation (article-by-article). M. Dashkov and K. 2005. 21 p.

[4] Kovalev O.G. Public control over ensuring the rights of persons in custody and convicted: current state and prospects // Education and Law. 2024. No. 8. pp. 389-393.

[5] Federal Law No. 76-FZ of 06/10/2008 “On Public control over ensuring human rights in places of forced detention and on assistance to persons in places of forced detention” // Garant.ru (accessed 03/05/2026).

[6] Federal Law No. 212-FZ “On the Fundamentals of Public Control in the Russian Federation” dated July 21, 2014 // Consultant.ru (accessed 03/05/2026).

[7] Kovalev O.G. The role of the internal regulations of pre-trial detention facilities in law enforcement and human rights activities carried out in places of detention // International Scientific Bulletin. 2025. No. 11. pp. 229-235.

[8] Kovalev O.G., Semenova N.V. Principles of detention and their impact on ensuring the rights and legitimate interests of suspects and accused (comparative legal analysis) // International Scientific Bulletin. 2025. No. 11. pp. 198-204.

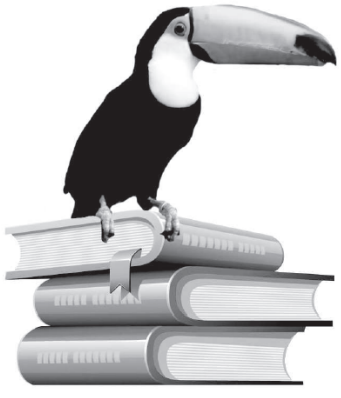
[9] Kovalev O.G. The right of suspects (accused) to appeal to persons who control the activities of the place of detention: current state and prospects of implementation // International Scientific Bulletin. 2025. No. 5. pp. 43-49.

[10] The prosecutor’s desk book in 2 parts. Part 1. Kapinus O.S., Vinokurov A.Yu., Kekhlerov S.G., Aberkhaev E.R., Alexandrova L.I., Andreev B.V., Andreev G.V., Andrianov M.S., Aristarkhov A.L., Artemov V.V., Ashitkova T.V., Bellevich A.Yu., Bessarabov V.G., Borisov S.V., Brilliantov A.V., Budai S.N., Bulanova N.V., Booth N.D., Viktorov I.S., Gorodkov Yu.A. and others. Practical guide / Ser. 9 Professional practice, (5th ed., trans. and add.) Moscow, 2018. 481 p.

[11] Commentary to the Penal Enforcement Code of the Russian Federation / Brilliantov A.V., Geranin V.V., Zubarev S.M., Dubrovitsky L.P., Epaneshnikov V.S., Kazakova V.A., Kovalev O.G., Kudeneev S.V., Lysyagin O.B., Lyadov E.V., Mikhlin A.S., Filimonov O.V., Seliverstov V.I. (article-by-article) / Moscow, 2008. 448 p.

[12] Order No. 110 of the Ministry of Justice of the Russian Federation dated July 4, 2022 “On Approval of the Internal Regulations of Pre-trial Detention Facilities of the Penal Correction System, the Internal Regulations of Correctional Institutions and the Internal Regulations of Correctional Centers of the Penal Correction system” // Garant.ru (accessed 03/05/2026).

[13] Kovalev O.G. Interaction of the prosecutor’s office with public oversight commissions in the supervision of the legality of the execution of criminal penalties // In the collection: The penitentiary system and society: the experience of interaction. Collection of materials of the VIII International Scientific and Practical Conference. Perm Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, 2021. pp. 91-92. [14] Kovalev O.G., Karpov A.A., Zaitseva S.I. Modern problems of the implementation and improvement of prosecutorial supervision over the legality of the execution of criminal penalties, respect for the rights and legitimate interests of persons in custody // Penal enforcement system: law, economics, management. 2023. No. 3. pp. 6-8.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников, учебных и методических пособий, монографий, научных статей.

Профессионально.

В максимально короткие сроки.

Размещаем в РИНЦ, E-Library.

-ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ -

Дата поступления рукописи в редакцию: 11.04.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.05.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3830-2026-4-432-438

ГИТИНОВА Мадинат Махмудовна,
Кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного права и процесса СКИ
(филиала) ФГБОУ ВО ВГУЮ (РПА Минюста России)»
в г. Махачкале,
e-mail: mail@law-books.ru

СУЛЕЙМАНОВ Гусейн Сулейманович,
Студент 2 курса СКИ (филиал) ФГБОУ ВО ВГУЮ
(РПА Минюста России»), в г. Махачкале,
e-mail: mail@law-books.ru

КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЖЕНСКОЙ РЕЦИДИВНОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

Аннотация. *В данной работе рассматриваются криминологические аспекты повторных преступлений, совершаемых женщинами, и актуальные стратегии их профилактики. Анализируется эволюция научных взглядов на женскую преступность, а также детально исследуется феномен постпенитенциарного рецидива, его текущие тенденции и составляющие. Данные судебной статистики за период с 2022 по 2024 год демонстрируют стабильное увеличение удельного веса рецидива среди данной категории лиц, в особенности после освобождения из мест лишения свободы, при сохранении преобладания корыстных и бытовых мотивов в их противоправных действиях.*

Особый акцент делается на социально-психологических барьерах, осложняющих возвращение к законопослушной жизни: общественной стигме, отсутствию постоянного жилья и трудовой занятости, разрыву семейных отношений, наличию алкогольной или наркотической зависимости. Отмечается существенное негативное воздействие женского рецидива на уровень криминальной активности среди несовершеннолетних.

В исследовании проводится оценка результативности существующих механизмов административного контроля и аргументируется целесообразность внедрения целостной модели пробации, учитывающей гендерную специфику. К ключевым мерам предлагается отнести разработку персонифицированных планов реинтеграции, оказание психологической поддержки с акцентом на последствия пережитого насилия и статус матери, восстановление детско-родительских отношений, содействие в получении профессии и формирование сети межведомственного взаимодействия для оказания помощи. Делается вывод о том, что переход от доминирующей карательно-надзорной парадигмы к социально-реабилитационной является необходимым условием для значительного сокращения уровня повторной женской преступности.

Ключевые слова: *женская рецидивная преступность, ресоциализация, пробация, административный надзор, социальная адаптация, материнство, профилактика преступности, профилактика рецидива, криминологическая характеристика.*

GITINOVA Madinat Makhmudovna,
Candidate of Law, Associate Professor,
Department of Criminal Law and Procedure of the Faculty of Law
(branch) of the Federal State Budgetary Educational Institution
of Higher Education Voronezh State University of Law
(RPA of the Ministry of Justice of Russia) in Makhachkala

SULEIMANOV Guseyn Suleimanovich,
Second-year student of the Faculty of Law
(branch) of the Federal State Budgetary Educational Institution
of Higher Education Voronezh State University of Law
(RPA of the Ministry of Justice of Russia) in Makhachkala

CRIMINOLOGICAL ASPECTS OF COUNTERING FEMALE RECIPIENT CRIMINALITY

Annotation*. Diese Arbeit untersucht die kriminologischen Aspekte der Rückfallkriminalität von Frauen und aktuelle Präventionsstrategien. Sie analysiert die Entwicklung wissenschaftlicher Ansichten zur Kriminalität von Frauen und bietet eine detaillierte Untersuchung des Phänomens der Rückfallkriminalität nach der Haftentlassung, ihrer aktuellen Trends und Komponenten. Judicial statistics for the period from 2022 to 2024 demonstrate a steady increase in the proportion of recidivism among this category of individuals, especially after release from prison, while selfish and domestic motives continue to predominate in their illegal actions. Particular emphasis is placed on the socio-psychological barriers that complicate a return to law-abiding life: social stigma, lack of permanent housing and employment, breakdown of family relationships, and alcohol or drug addiction. A significant negative impact of female recidivism on the level of criminal activity among minors is noted.*

The study assesses the effectiveness of existing administrative control mechanisms and argues for the feasibility of introducing a holistic probation model that takes into account gender specifics. Key measures include the development of personalized reintegration plans, the provision of psychological support with a focus on the consequences of violence and the mother's status, the restoration of parent-child relationships, assistance in obtaining a profession, and the formation of an interagency cooperation network to provide assistance. It is concluded that the transition from the dominant punitive-supervisory paradigm to a social-rehabilitative one is a necessary condition for a significant reduction in the level of repeat female crime.

Key words*: female recidivism, resocialization, probation, administrative supervision, social adaptation, motherhood, crime prevention, relapse prevention, criminological characteristics.*

Исследование преступности среди женщин стало предметом активного научного осмысления с момента возникновения феминистского подхода в криминологии. Впрочем, данная проблема привлекала внимание специалистов и в более ранние периоды. Многочисленные отечественные и зарубежные учёные посвятили свои работы изучению этого феномена. Широкую известность получили исследования, такие как «Женщина преступница и проститутка» Ч. Ломброзо, «Преступность и преступники» А. Дриля, «Женщины – убийцы» П.Н. Тарновской. Представители социологической школы, среди которых И.Я. Фойницкий, М.Н. Гернет и Т. Кремлева, стремились интерпретировать противоправное поведение женщин через призму социально-экономических условий.

Впоследствии, в период возрождения российской криминологической науки, вопросам женской преступности вновь было уделено пристальное внимание. Именно в это время появились научные труды В.А. Серебряковой, Т.М. Явчуновской, И.Б. Степановой. Значительный вклад в развитие данной области также внесли криминологические изыскания Ю.М. Антоняна, А.А. Габиани, М.Н. Голоднюк, Н.Ф. Кузнецовой, А.С. Михлина, Е.В. Середы, Д.А. Шестакова и других исследователей.

Сложная криминологическая ситуация в стране и учреждениях исполнения наказаний привела к ожидаемому в ближайшие годы увеличению и поляризации крайне опасного и профессионального рецидива в динамике женской преступности после отбывания наказания. Важность данного исследования обусловлена сохраняющейся значимостью проблемы повторной преступности для уголовно-правовой и криминологической науки. Особый научный интерес представляет детальное изучение преступлений, совершаемых женщинами после освобождения из исправительных учреждений. Несмотря на меньшую по сравнению с мужчинами долю среди лиц, совершивших преступления, женская преступность обладает спецификой, которая определяется комплексом социально-психологических и семейно-бытовых причин. После выхода на свободу такие женщины зачастую испытывают значительные сложности в процессе ресоциализации: это трудности с поиском работы, необходимость восстановления утраченных связей с родными, отсутствие постоянного источника дохода, а также негативное отношение общества.

Перечисленные проблемы во многих случаях способствуют возвращению к противоправной деятельности.

Дополнительную значимость теме придаёт её взаимосвязь с проблемой преступности несовершеннолетних. Поскольку женщина традиционно играет ключевую роль в воспитании детей, её противоправное поведение или повторное осуждение оказывает прямое воздействие на социализацию подрастающего поколения. Социальная дезадаптация матери, недостаток контроля и необходимых условий для полноценной жизни ребёнка, неблагополучная обстановка в семье — все это увеличивает вероятность формирования у подростков девиантного поведения и их последующего вовлечения в криминальную среду. Следовательно, рецидивная преступность среди женщин может рассматриваться как один из факторов, способствующих воспроизводству подростковой преступности.

Согласно полученным данным, уровень женской преступности на протяжении последнего десятилетия остаётся относительно стабильным, составляя примерно 13–16% от общего числа правонарушений. Однако тревожной тенденцией является ежегодный рост доли рецидивных преступлений среди женщин, который увеличивается в среднем на 1,8% в год. Особое внимание привлекает постпенитенциарный рецидив, демонстрирующий прирост около 1,7% ежегодно.

В 2023 году было осуждено 84 927 женщин, что соответствует 15,3% от общего количества осужденных лиц. Из них 11 243 приговора были вынесены при отягчающих обстоятельствах, что составляет 13,2% от числа осужденных женщин. Для сравнения, в предыдущем, 2022 году, было осуждено 84 859 женщин (14,6% от общего числа осужденных). В 2024 году данный показатель возрос до 85 799 осужденных женщин, или 16,7%, что указывает на формирующуюся тенденцию к увеличению женской преступности. Осуждено при неснятой и непогашенной судимости - 23 916 женщин, что составляет 27,8% от общего числа осужденных женщин[1].

Особенно заметен рост числа женщин, которые были приговорены к лишению свободы три и более раз, увеличиваясь в учреждениях лишения свободы примерно на 2,5% каждый год. Доля женщин, повторно осуждённых к лишению свободы при рецидиве в 2024 году, достигло 7,8% от общего числа женщин, получивших приговор.

Минимизация риска рецидивов среди осуждённых женщин является ключевым элементом общенациональной стратегии борьбы с преступностью. В Концепции развития уголовно-исполнительной системы РФ до 2030 года подчёркивается важность создания механизма «учёта специфики условий отбывания наказания отдельными группами осуждённых, а также подозреваемых и обвиняемых, включая женщин, и организации медицинской помощи для лиц, находящихся в учреждениях УИС»[2]. Помимо этого, создаются более благоприятные условия для осуждённых женщин, имеющих малолетних детей. Повышается уровень их бытового обустройства, а также увеличивается доступ к телефонным звонкам с детьми младше четырнадцати лет и к совместной транспортировке с ними в период перевозки конвоем.

Основное внимание уделяется предупреждению рецидивной преступности среди освободившихся из мест заключения. С этой целью был введён в действие Федеральный закон № 64-ФЗ от 6 апреля 2011 года «Об административном надзоре за лицами, освобождёнными из мест лишения свободы». Данный законодательный акт учредил эффективный механизм социального контроля через введение административного надзора за данной категорией граждан. Следовательно, значительная угроза обществу, исходящая от повторных преступлений, совершаемых женщинами после освобождения из мест лишения свободы, а также необходимость научно-практического подхода к их предотвращению путём разработки и внедрения специальных криминологических инструментов, формируют комплексную проблему. Её решение осуществимо и требует отдельного криминологического исследования.

Структура повторных женских правонарушений в целом соответствует характеру их первоначальных преступных деяний. Статистика, отражающая женскую преступность в последние годы, указывает на заметную трансформацию её составляющих. Традиционно хищение чужого имущества относилось к числу наиболее типичных преступлений, совершаемых женщинами. В настоящее время кража, хотя и продолжает оставаться достаточно распространённым деянием, уже не занимает ведущих позиций в этой структуре. Всего в 2024 году по приговорам судов оказалось 85 799 представительниц женского пола. Из них за деяния, направленные против жизни и здоровья, виновными признаны 7 657 человек. Преступления, связанные с посягательством на интересы семьи и несовершеннолетних, совершили 14 154 женщины. Число осужденных за противоправные действия в сфере собственности достигло 35 671. Нарушения в области здоровья населения и общественной нравственности вменили 9 219 лицам. Количество привлечённых

к ответственности за правонарушения против безопасности движения и эксплуатации транспортных средств составило 2 776. По статьям о преступлениях против порядка управления были осуждены 8 372 женщины[1].

Павин Д.В. отмечает, что «характерная особенность для женщин – это совершение преступлений связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ - 17%, а более 25% — с применением насилия, в том числе: 15% — избиения; 10% — причинение лёгкого телесного повреждения. Мошенничество и кражи составляют соответственно по 8%, т.е. 16% в совокупности. На хулиганство приходится 11% преступлений, а на убийства — 5–6% [5, с. 156,157].

По данным нашего анализа, на незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, а также организация притонов для занятия проституцией приходится 9,1% от общей структуры преступности. В 2024 году преступная деятельность осуждённых женщин почти на 60% складывается из посягательств на собственность (41,6%) и преступлений против семейных интересов и несовершеннолетних (16,5%). Это определяет специфический портрет женской преступности, имеющей отчётливый имущественно-бытовой характер, в которой превалируют хищения, обман, а также правонарушения, связанные с уклонением от семейных обязанностей (например, неуплата алиментов или вовлечение несовершеннолетних в противоправную деятельность).

В то же время представительницы женского пола реже привлекаются к уголовной ответственности за деяния насильственного характера, направленные против жизни и здоровья (8,9%), а также за правонарушения, связанные с безопасностью дорожного движения (3,2%). Таким образом, женская преступность сосредоточена преимущественно в сфере посягательств на имущественные отношения, а также против личности и общественного здоровья. При этом она не копирует мужскую, обладая собственной динамикой и специфическими особенностями, присущими женщинам-правонарушительницам.

В рамках проводимых криминологических исследований всех женщин преступниц классифицируют по возрастным группам: 18–24 лет, 25–29 лет, 30–49 лет, 50 лет и старше, женщины предпенсионного возраста и более. Так, криминальная активность проявляется в зависимости от вида совершаемого деяния. Так в исследованиях Ю.М. Антонян обращается внимание на возрастные группы, где в большей степени проявляется криминальная активность. Наиболее активно противоправное поведение проявляется у женщин в возрасте 24–29 лет (32 %) — это свидетельствует, что омоложение преступников в целом за последние годы, не смогло не отразиться и на женской преступности. Далее следуют возрастные группы 30–49 лет (28 %) и 50 лет и старше (23 %). Далее пенсионном возрасте криминальная активность женщины падает. Небольшой процент женщин-преступниц приходится на возрастные группы 18–24 года (9 %) и 55–60 лет (7 %), а наименьший — на группу старше 60 лет (1 %) [7, с. 145]

Стоит подчеркнуть, что преступное поведение у женщин, совершающих рецидивы, встречается даже в более зрелом возрасте. Среди возрастных групп 30-49 лет и старше 55 лет женщины по-прежнему могут представлять угрозу для общества, если их проблемы на свободе остаются нерешёнными [6, с. 247]. Потеря социально значимых связей, нехватка профессиональных навыков, отсутствие места жительства, предвзятое отношение общества к женщинам, освобождённым из мест лишения свободы, а также трудности с социальной адаптацией могут вынуждать их вновь преступить закон. Постоянно увеличивается количество женщин, совершающих преступления под воздействием алкоголя. Кроме того, нельзя не учитывать, что женщины в этом возрасте часто имеют зависимости от наркотиков и алкоголя, что также увеличивает риск их вовлеченности в криминальные круги.

Исследование, проведённое в отношении осуждённых женщин за 2024 год, выявило такие результаты: 16,5 % из них совершили преступления под воздействием алкоголя; 0,3 % находились под воздействием наркотиков; 0,05 % - в состоянии другого вида опьянения [1].

Таблица 1. Число осуждённых женщин при рецидиве

Общее число осужденных женщин	две судимости	три и более судимости	были судимы в несовершеннолетнем возрасте
84 859	4.956 (5,8%)	5.232 (6,2%)	122 (0,2%)

Уровень повторной преступности среди женщин, отбывших наказание, остается значительным. Почти каждая семнадцатая женщина, имевшая судимость, имеет два случая судимости, а каждая шестнадцатая — три случая судимости. Возникает вопрос, почему женщины, чей уголовный статус не был снят или погашен, снова совершают преступления?

Интересны данные по категориям преступлений, совершаемых женщинами.

Таблица 2. Число осужденных женщин за наиболее тяжкие из совершенных преступлений

	особо тяжкие	тяжкие	средней тяжести	небольшой тяжести
	1.233	4.809	4.317	14.069
Удельный вес от общего числа осужденных женщин	1,5%	5,6%	5,15	16,6%

Таблица 3. Число осужденных женщин, признанные совершившими преступления при рецидиве

	при рецидиве	при опасном рецидиве	при особо опасном рецидиве
Число осужденных женщин	6.849	868	300
Удельный вес осужденных женщин из общего числа осужденных	8, 1%	1%	0,4%

Возраст не всегда является значимым фактором при преступлениях разных категорий. Важную роль играют сведения о лицах, которые не имеют стабильных источников дохода, поскольку они считаются наиболее криминогенной группой. Даже несмотря на уменьшение количества женщин-преступниц, не обладающих постоянным доходом и безработных в 2024 году, показатели статистики остаются довольно высокими. Составили 63,2% от общего числа осужденных женщин (53.649).

В области изучения преступности борьба с повторной преступностью женщин сталкивается с рядом особых проблем. К ним относятся осуждение со стороны общества, разрушение семейных отношений, утрата жилья и стабильного дохода, а также высокая вероятность вновь оказаться в неблагоприятной ситуации. Меры по возвращению к нормальной жизни часто универсальны и мало учитывают специфику женщин (роль материнства, пережитые психологические травмы, связи с партнёрами, ведущими антиобщественный образ жизни, влияние криминальной субкультуры). В результате многие вновь попадают в криминальную среду, где возможности внешнего воздействия крайне ограничены.

Установленные формальные правила (обязательная регистрация, запреты) наталкиваются на нехватку сил у правоохранительных органов, плохое взаимодействие между ведомствами и формальный подход к исполнению. Отступления от предписаний часто остаются без внимания, а скрытый характер многих типично женских правонарушений (мелкие кражи, пособничество в наркоторговле через личные контакты) снижает эффективность надзора по сравнению с ситуацией среди мужчин.

Семья, которая исторически сдерживала женщин от противозаконных действий, обычно либо отсутствует, либо сама способствует криминалу (проблемы с алкоголем, насилие, совместная преступная деятельность). Общество сохра-

няет выраженное предубеждение против женщин с судимостью, углубляя их отчуждение. Государственные и общественные организации (центры занятости, органы соцзащиты, некоммерческие организации) пока не заполняют образовавшийся пробел.

Повторная женская преступность быстро меняет формы: увеличивается значение фиктивных миграций, мошенничества в интернете, привлечения к наркобизнесу через бытовое окружение. Стандартные методы контроля (учёт, обязательные визиты) плохо работают против таких схем, а специальные проекты психологической помощи и раннего вмешательства развиты слабо.

Таким образом, отсутствие многостороннего, индивидуального и учитывающего гендерные особенности социального регулирования, отягощённое распространением наркомании, алкоголизма и связанным с ними упадком моральных устоев, превращает повторную женскую преступность в замкнутый круг. Разрубить этот узел можно, лишь перейдя от карательно-надзорного подхода к целостной системе поддержки после освобождения: с акцентом на индивидуальное возвращение в общество, налаживанием межведомственного сотрудничества, привлечением гражданских институтов и планомерной работой по избавлению от пагубных пристрастий и возрождению базовых жизненных ориентиров. Без этого рецидив среди женщин так и останется теневым элементом системы, постоянно воспроизводящим сам себя.

Чтобы снизить вероятность возвращения женщин к незаконной деятельности после отбытия наказания, необходима реальная помощь, учитывающая их ключевые потребности: вопросы материнства и семьи, преодоление зависимостей, поиск легального заработка и обустройство обычной жизни.

В первую очередь, требуется развитие системы пробации после освобождения. Для каждой освобождающейся женщины должен быть разработан персональный маршрут: решение вопросов с временным жильём и работой, организация лечения от алкогольной или наркотической зависимости, помощь в восстановлении контактов с детьми. Критически важна доступность психологической поддержки, специализирующейся на женских проблемах — пережитом насилии, депрессивных состояниях, чувстве вины перед семьёй.

Поэтому после выхода на свободу необходимо обеспечивать доступ к реабилитации, сопровождать на учёте и помогать сохранять результат — через группы взаимопомощи, общение с успешно социализировавшимися людьми, вовлечение в социально полезную деятельность. Отдельного внимания требуют те, кто был вовлечён в проституцию: предоставление временного приюта и обучение профессии для разрыва с прежним способом существования.

Семейные узы и дети нередко являются мощным стимулом для изменений. Следует расширять возможности свиданий с детьми во время отбывания срока, помогать в восстановлении родительских прав, организовывать специальные центры совместного проживания матери и ребёнка после освобождения под наблюдением специалистов. В общественном поле через СМИ и НКО стоит транслировать позитивные примеры успешного возвращения к законопослушной жизни, чтобы снижать уровень стигмы.

Многие выходят на свободу без профессиональных навыков и постоянного адреса. В учреждениях исполнения наказаний стоит ориентировать обучение на востребованные рынком профессии, а после освобождения содействовать в поиске работы — через установленные квоты, службы занятости или сотрудничество с бизнесом.

Административный надзор можно сделать более социально ориентированным: дополнить обязательные отметки визитами социального работника на дом, помощью в решении бытовых проблем, мониторингом благополучия детей.

В целом, необходима чёткая координация: создание в системе УИС профильного подразделения, которое занималось бы специальными вопросами женского рецидива, анализировало данные и оценивало эффективность мер. Через образовательные программы и СМИ важно мягко продвигать ценности семьи, личной ответственности и возможности исправления.

Исходя из сказанного, повторная преступность среди женщин представляет собой устойчивое криминологическое явление с высоким процентом повторений, обусловленное кризисом семейных отношений, пагубными привычками, социальной изоляцией и неэффективной адаптацией после тюрьмы. Традиционные уголовно-правовые инструменты и административный надзор в их текущем виде демонстрируют низкую действенность и не прерывают циклическую природу рецидива.

Разрешение ситуации требует перехода к интегрированной модели постпенитенциарной пробации, сфокусированной на гендерных аспектах: индивидуальная работа по ресоциализации, терапия зависимостей, восстановление связи между матерью и детьми, содействие в получении работы и жилья, психологическая помощь и возвращение базовых социальных ценностей.

Внедрение этих мер позволит значительно уменьшить количество повторных правонарушений среди освободившихся женщин и реализовать цели уголовно-исполнительной политики в

области гуманизации и восстановления правового статуса осуждённых. В противном случае женский рецидив продолжит оставаться одним из самых сложных для коррекции элементов преступности.

Список литературы:

[1] Состояние судимости в РФ 2022, 2023,2024 гг. Данные статистики из Судебного Департамента РФ. http://cdep.ru/index.php?id=79&item=5895 (дата обращения: 12.02.2026).

[2] Распоряжение Правительства РФ от 29.04.2021 №1138-р (ред. от 27.05.2023) «О Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года» // Официальный интернет-портал правовой информации http://pravo.gov.ru, 05.05.2021.

[3] Федеральный закон от 06.04.2011 № 64-ФЗ (ред. от 06.04.2024) «Об административном надзоре за лицами, освобождёнными из мест лишения свободы».

[4] Состояние судимости в РФ. Данные Судебного департамента РФ. https://web.archive.org/web/20211019115127/http://www.cdep.ru/index.php?id=79.

[5] Павин Д. В. Криминологическая характеристика женской преступности: понятие и особенности / Д. В. Павин // Наука, студенчество, образование: актуальные вопросы современных исследований: сборник статей Международной научно-практической конференции. В 2 ч., Пенза, 10 июня 2022 года. Том 2. Пенза: Наука и Просвещение (ИП Гуляев Г.Ю.), 2022. С. 156-158. EDN DZHFAO.

[6] Грачев В. С. Криминологическая характеристика личности женщин, совершивших преступления / В. С. Грачев. Текст : непосредственный // Молодой ученый. 2022. № 18 (413). С. 247-251. URL: https://moluch.ru/archive/413/91176/ (дата обращения: 12.12.2025).

[7] Антонян Ю. М. Преступность среди женщин / Ю. М. Антонян. – Москва : Российское право, 1992. – 256 с. – EDN ZQONVS.

References:

[1] State of criminal record in the Russian Fedd eration 2022, 2023.2024. Statistics from the Judicial Department of the Russian Federation. http://cdep.ru/index.php?id=79&item=5895 (accessed on: 12.02.2026).

[2] Order of the Government of the Russian Federation of 29.04.2021 No. 1138-r (as amended by 27.05.2023) “ On the Concept for the Development of the Penitentiary System of the Russian Federation for the Period up to 2030 “//Official Internet Portal of Legal Information, http://pravo.gov.ru, 05.05.2021.

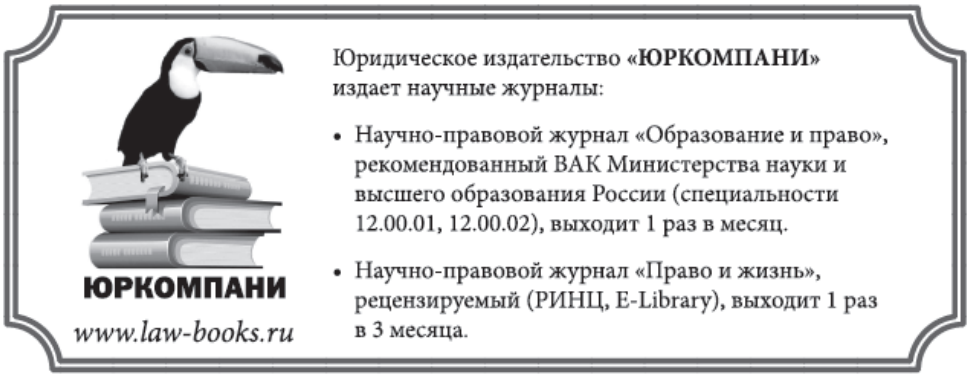
[3] Federal Law No. 06.04.2011 of 64-FZ (as amended 06.04.2024) “ On Administrative Supervision of Persons Released from Prison.”

[4] State of criminal record in the Russian Federation. Data of the Judicial Department of the Russian Federation. https://web.archive.org/web/20211019115127/http://www.cdep.ru/index.php?id=79.

[5] Pavin D.V. Criminological characteristics of female crime: concept and features/D.V. Pavin//Science, students, education: current issues of modern research: collection of articles of the International Scientific and Practical Conference. At 2 o’clock, Penza, June 10, 2022. Volume 2. Penza: Science and Enlightenment (IP Gulyaev G.Yu.), 2022. S. 156-158. EDN DZHFAO.

[6] Grachev V. S. Criminological characterization of the personality of women who have committed crimes/V. S. Grachev. Text: immediate//Young scientist. 2022. № 18 (413). S. 247-251. URL: https://moluch.ru/archive/413/91176/ (access date: 12.12.2025).

[7] Antonyan Yu. M. Crime among women/Yu. M. Antonyan. - Moscow: Russian law, 1992. – 256 c. – EDN ZQONVS.

Дата поступления рукописи в редакцию: 18.03.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-4-439-445
Дата принятия рукописи в печать: 03.05.2026 г.

ЛЕЩЕНКО С.А.,
доцент кафедры английского языка
Московского государственного юридического
университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
доцент кафедры иностранных языков ВШУ РУДН,
кандидат педагогических наук, доцент,
e-mail: mail@law-books.ru

ЛУКАШЕНКО Дмитрий Владимирович,
доктор психологических наук, профессор,
главный научный сотрудник ФКУ НИИ ФСИН России,
г. Москва, Российская Федерации,
e-mail: dim-mail-ru@mail.ru

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ЗАЩИТА СОТРУДНИКОВ СИЛОВЫХ И ВЕДОМСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ НА ОСНОВЕ НЕЙРОРЕАБИЛИТАЦИИ

Аннотация. *В данном исследовании рассматриваются современные подходы и методы психологической защиты сотрудников ведомственных и силовых учреждений на основе нейрореабилитации. Приводятся эффективные методы и подходы при психологическом сопровождении сотрудников, получивших психологические травмы при выполнении служебных обязанностей, на основе нейробиотехногий.*

В работе поднимается вопрос о регулярном и своевременном интегрировании нейробиотехнологий в тренинги и программы и в комплекс мер по восстановлению психологического и психического здоровья служащих ведомственных и силовых структур до и после выполнения служебных обязанностей.

Ключевые слова: *нейропсихологическая реабилитация, психические расстройства, психологическая защита, нейрофидбэк.*

LESHCHENKO S.A.,
Associate Professor, Department of English,
Moscow State Law University named after O.E. Kutafina (MSLA),
Associate Professor, Department of Foreign Languages,
Higher School of Economics, RUDN University,
Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor

LUKASHENKO Dmitry Vladimirovich
Chief Researcher of the Research Institute
of the Russian Federal Penitentiary Service,
Doctor of Psychological Sciences, Associate Professor,
Moscow, Russian Federation

PSYCHOLOGICAL PROTECTION OF OFFICERS IN LAW-ENFORCEMENT AND DEPARTMENTAL ORGANIZATIONS BASED ON NEUROREHABILITATION

Annotation. *This study examines important approaches and methods of psychological protection of employees of departmental and law enforcement agencies based on neurorehabilitation. The author provides effective methods and approaches for the psychological support of employees who have suffered psychological injuries in the performance of official duties, based on neurobiotechnologies.*

The paper raises the issue of the regular and timely integration of neurobiotechnologies into trainings and programs and in a set of measures to restore the psychological and mental health of employees of enforcement and departmental organizations.

Key words*: neuropsychological rehabilitation, mental disorders, psychological protection, neurofeedback.*

Динамичные трансформации в области науки неизбежно несут в себе отпечаток всех проблем в области военной педагогики и психологии, но и показывают эффективные методы для снижения негативного воздействия различных конфликтов на сотрудников ведомственных и военных учреждений. Интеграция различных областей знаний, таких как психология, методика обучения, педагогика, IT-сфера и социология открывает путь к передовым подходам, призванным сохранить жизнь, здоровье и общее благосостояние сотрудников во время массовых беспорядков и вооруженных столкновений.

Необходимость адаптации к современным нестабильным событиям, которые нарушают или приостанавливают нормальное функционирование общества, требует немедленного вмешательства со стороны силовых и ведомственных организаций. Совершенно очевидно, что личный состав, по долгу службы, подвергается воздействию широкого спектра тяжелых травмирующих ситуаций, включая стихийные бедствия, массовые беспорядки, специальные военные операции, военные конфликты, стихийные бедствия природного характера, террористические атаки, приводящие к массовым жертвам.

Сотрудники, работающие в сфере общественной безопасности, часто сталкиваются с потенциально травмирующими факторами, вызывающими беспокойство и стресс что увеличивает риск развития психических расстройств, которые могут привести как к личным, так и к общественным последствиям. Эти психологические переживания потенциально могут оказать глубокое воздействие на людей и могут привести к посттравматическому стрессовому расстройству (ПТСР), как оно определено Американской психиатрической ассоциацией [26].

Актуальность темы нашего исследования определяется тем, что в настоящее время своевременная психологическая защита сотрудников ведомственных и военных организаций и структур занимает важное место в успешной реабилитации. Доступ к тренингам по психологической подготовке и психологической поддержке до и после травмирующих событий положительно влияет на способность сотрудников справляться с психологическими травмами и снижает долгосрочные психосоциальные риски. Применение программ нейрореабилитации, в данном контексте, ускоряют возвращение сотрудников на службу и способствует успешной реинтеграции в общество в качестве гражданских лиц.

По определению Всемирной организации здравоохранения нейрореабилитация базируется на биопсихосоциальной модели, определяющей здоровье как физическое, психологическое и социальное благополучие человека. По мнению исследователей нейропсихологическая реабилитация для сотрудников правоохранительных органов и ведомственных учреждений направлена на восстановление когнитивных, эмоциональных и функциональных способностей после травм и хронического стресса [27].

Исторический зарубежный опыт показывает, что нейрореабилитация берет свое начало с программ по восстановлению речи известного французского клинициста и ученого Paul Broca для взрослых пациентов [28].

Не менее известный ученый в нейрореабилитации раннего периода – американский психолог Shepherd Franz. Среди его заслуг можно отметить использование экспериментально-психологического подхода к изучению эффективности терапии при афазии [29]. Franz хорошо проиллюстрировал логику первых реабилитационных программ их методологию и построение эксперимента где была заложена идея об ориентированности реабилитации на реальную жизнь при реабилитации. Английский ученый David Howard разрабатывал ключевые особенности, как когнитивная нейробиология, психология развития и педагогическая психология, реабилитация, эпидемиология, психиатрия и психическое здоровье. Это междисциплинарное направление включает в себя такие основные темы, как нейробиология языка и билингвизм, развитие навыков чтения и грамотности, реабилитация, вспомогательные технологии для коммуникации и мобильности, а также наблюдение за действиями и их синхронизация [30].

Рассматривая отечественный опыт нейрореабилитации, следует отметить, что основы российской нейрореабилитации были заложены крупнейшим российским психологом Львом Семеновичем Выготскими и продолжены не менее значимой фигурой этого периода советским ученым-психологом в области неврологии и основателем нейропсихологии Александром Романовичем Лурия. Во время Второй мировой войны, в восстановительном госпитале для бойцов, получивших различные мозговые ранения и нуждающихся в реабилитации и возвращении к

трудовой деятельности, А. Р. Лурия, А. Н. Леонтьев, А. В. Запорожец и другие выдающиеся отечественные психологи разрабатывали и сразу же внедряли в практику конкретные методы восстановления когнитивных функций [31].

Подводя итог историческому экскурсу в нейрореабилитацию, стоит отметить, что многие из ранее предложенных программ и методов сохраняют свою актуальность и используются в современной практике. Центральной идеей большинства современных реабилитационных программ является комплексное, холистическое воздействие на человека, затрагивающее его физические, физиологические, когнитивные и эмоционально-личностные аспекты. Нейрореабилитация занимает в этом контексте особое место. Базовой методологией отечественной нейропсихологической реабилитации, а также ключевым приемом в зарубежных реабилитационных техниках, выступают принципы реорганизации функциональных систем психики с опорой на внешние или внутренние вспомогательные средства.

Таким образом современные подходы активно используют и развивают накопленный опыт классических исследований и экспериментов

Рассматривая современные программы и подходы по нейрореабилитации сотрудников, получивших психологические травмы во время несения службы как в отечественной, так и зарубежной практике, психологическая защита сотрудников правоохранительных органов и силовых организаций основывается на интеграции методов нейрореабилитации, таких как нейрофидбэк (Neurofeedback), вмешательства, основанные на осознанности и биологической обратной связи для управления посттравматическим стрессовым расстройством (далее – ПТСР), усиления саморегуляции и улучшения когнитивных функций. Эти методы направлены на устранение нейрофизиологических изменений, вызванных хроническим стрессом и предлагают проактивный подход к охране психического здоровья. Ключевые компоненты защиты, основанные на нейрореабилитации – обучение нейрофидбэку. Этот метод позволяет сотрудникам играть активную роль в саморегуляции, лечении симптомов травмы и снижении физиологического возбуждения, связанного с ПТСР. Базовые компоненты, основанные на травмах предполагают использование нейрофидбэка в рамках подхода, основанного на травмах, укрепляет доверие, сотрудничество и расширяет возможности, снижая риск травмирования. стигматизации, связанной с обращением за помощью в области психического здоровья.

Огромный ряд научных исследований на сегодняшний день посвящено изучению нейрофидбэка и его результативности в контексте нейрореабилитации.

Как и любой психологический подход, нейрофидбэк обладает своими достоинствами и недостатками. Хотя процедура и является неинвазивной, её действенность вызывает определённые сомнения из-за недостатка веских научных подтверждений. К примеру, она требует значительных временных и финансовых вложений, а достигаемый эффект зачастую оказывается недолговечным. Более того, желаемый прогресс может потребовать многомесячного курса. Несмотря на это, нейробиоуправление рассматривается как вспомогательный и альтернативный метод лечения разнообразных церебральных дисфункций. Тем не менее, последние научные работы не позволяют сделать однозначных выводов относительно его истинной эффективности.

Нейропсихологическая реабилитация для действующих сотрудников силовых структур и правоохранительных органов имеет целью восстановление нарушенных когнитивных, эмоциональных и функциональных возможностей, возникших вследствие травм, контузий или длительного стресса. Среди эффективных подходов выделяют целенаправленную тренировку когнитивных функций (например, программы SMART/SCORE), практики осознанности в рамках когнитивной терапии и тренинги, направленные на повышение стрессоустойчивости. Эти методы способствуют улучшению памяти, концентрации внимания и способности принимать взвешенные решения, одновременно снижая проявления посттравматического стрессового расстройства [32,33].

Согласно приведенному анализу зарубежной и отечественной практики и учитывая специфические особенности психологической защиты сотрудников следует отметить наиболее успешные методы в нейрореабилитации:

- специализированное когнитивное обучение: Программы, такие как Strategic Memory Advanced Reasoning Tactics (SMART) и компьютерные симуляторы (например, NeuroTracker), используемые инструменты в данных программах направлены на совершенствование исполнительных функций, ситуационной осведомленности и скорости обработки информации;
- восстановление после черепно-мозговых травм легкой степени: Для военнослужащих с легкими черепно-мозговыми травмами (далее - ЧМТ) методы, основанные на стратегиях «сверху вниз», фокусирующиеся на функциональных подходах, могут обеспечить более быстрое улучшение когнитивных способностей по сравнению с традиционными длительными курсами обучения;

– практики осознанности и развитие жизнестойкости: Программы, подобные курсу снижения стресса на основе осознанности Mindfulness Base Stress Reduction (MBSR) и тренингу устойчивости Mindfulness-based Resilience Training (MBRT), применяются для купирования симптоматики ПТСР, снижения уровня тревоги и улучшения эмоциональной саморегуляции [34,35].
– управление профессиональным стрессом: Мероприятия направлены на минимизацию негативных последствий воздействия опасных и напряженных условий службы, провоцирующих ПТСР, тревожность и когнитивные нарушения [36,37,38].

На наш взгляд, к основным критериям нейрореабилитации можно отнести – комплексный подход. В данном подходе используется интеграция общепринятых методов психотерапии с лечением сотрясений мозга для обеспечения всестороннего психического восстановления. Не менее важный критерий – это доказательная практика. Здесь мы упоминаем о применение таких методик как тренинг стрессовой адаптации (Stress Inoculation Training, SIT). В данном случае используется как тренинг от стресса. Является клинически обоснованной системой, уходящей корнями в клиническую психологию и направленная на формирование устойчивости к стрессу посредством тренировки когнитивных и умственных способностей. Адаптивное раскрытие информации (Adaptive Disclosure, AD) это специализированный психотерапевтический метод, разработанный для лечения посттравматического стрессового расстройства ПТСР, особенно после «моральных травм» (утрата веры, предательство).

Необходимо подчеркнуть ориентацию на профессиональные задачи.

В данном случае мы приводим программы обучения, нацеленные на восстановление профессиональных навыков, таких как принятие решений в условиях высокого стресса и своевременное выявление угроз.

Подводя итог вышесказанному хотелось отметить, что психологическая защита и нормализация психоэмоционального состояния сотрудников ведомственных и силовых учреждений является наиболее сложной задачей в современных условиях. Своевременное обращение к тренингам и программам по психологической подготовке и психологической защите показывают хорошие результаты при психологических травмах и снижают вероятность развития посттравматических симптомов. Нежелание обращаться за помощью является значимым препятствием, которое часто преодолевается при содействии семьи и в рамках образовательных кампаний по вопросам психического здоровья. Оценка нейротравматических биомаркеров может способствовать управлению рисками даже у сотрудников, внешне сохраняющих работоспособность, но подвергшихся значительному профессиональному стрессу.

Список литературы:

[1] Вилкова А. В. Преодоление отклоняющегося поведения несовершеннолетних осужденных / В сборнике: Духовно-нравственное воспитание личности в пенитенциарной системе: педагогические и социально-психологические аспекты. Сборник научных статей по материалам Всероссийского научно-практического круглого стола, посвященного памяти ученых-пенитенциаристов: доктора педагогических наук, профессора В. М. Литвишкова и доктора психологических наук, профессора Сочивко Д. В., Рязань, 2026. С. 23-29.

[2] Вилкова А. В., Антипов А. Н., Строгович Ю. Н. О средствах исправления осужденных в современных реалиях // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2026. № 1. С. 22-26.

[3] Вилкова А. В., Фиалковская Е. В., Полякова Я. Н. Подходы к изучению агрессивности в рамках пенитенциарной психологии / Образование и право. 2026. № 1. С. 214-218.

[4] Вилкова А. В., Фадеева С. А. О профессиональной готовности специалистов уголовно-исполнительной системы Российской Федерации к осуществлению пенитенциарной пробации // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2026. № 3 (286). С, 45-51.

[5] Вилкова А. В., Тищенко Ю. Ю. Особенности реализации дисциплинарной практики в отношении несовершеннолетних в следственных изоляторах / Международный научный вестник. 2026. № 1. С. 81-84.

[6] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. Роль научного коллектива как субъекта профессионального становления молодого ученого / В сборнике: Уголовно-исполнительная система сегодня: взаимодействие науки и практики. Материалы XXV Всероссийской научно-практической конференции. Новокузнецк, 2025. С. 253-256.

[7] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. Научно-педагогические кадры и их подготовка в адъюнктуре образовательных организаций ФСИН России // Вопросы современной науки и практики. 2025. № 2(13). С. 47-54.

[8] Вилкова А. В., Лукашенко Д. В. Теории и концепции о происхождении обучения и воспитания / Международный научный вестник.2025. № 10. С. 374-379.

[9] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. База данных тестовых заданий к курсу лекций «Воспитательная работа с осужденными для образова-

тельных организаций ФСИН России. Свидетельство о регистрации базы данных RU 2025623480. 22.08. 2025. Заявка № 2025623025 от 14.08.2025.

[10] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. Коллективность и комплексность в науке / Международный научный вестник. 2025. № 10. С. 325-328.

[11] Гузеев М. С., Кулакова С. В., Вилкова А. В. База данных тестовых заданий к авторскому курсу лекций «Роль и место современных СМИ и социальных медиа в развитии уголовно-исполнительной системы Российской Федерации. Свидетельство о регистрации базы данных RU 2022622073. 17.08. 2022. Заявка № 2022621591 от 01.07.2022.

[12] Вилкова А. В. Духовно-нравственные ценности несовершеннолетних осужденных и особенности социально-образовательной среды / А. В. Вилкова // В сборнике: педагогика и современное образование. Материалы Всероссийской научно-практической конференции аспирантов, соискателей, докторантов, научных руководителей, молодых ученых, специализирующихся в области образования. Сер. «Библиотека аспиранта» Санкт-Петербург.2022. С. 32-36.

[13] Смородинскова И. А. Основные функции деловой беседы / А. В. Вилкова, И. А. Смородинскова, В. Ю. Бунтина // В сборнике: Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. Научно-практическое ежеквартальное издание. Москва, 2021. С. 115-122.

[14] Ковалев О. Г. Криминогенная ситуация в сфере коррупционной преступности, ее детерминанты / А. В. Вилкова, О. Г. Ковалев, А. Ю. Гапонов // Тенденции развития науки и образования. 2021. № 76-4. С. 34-36.

[15] Литвишков В. М. Стороны делового общения / А. В. Вилкова, В. М. Литвишков // В сборнике: Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. Научно-практическое ежеквартальное издание. Москва. 2020. С. 131-144.

[16] Фадеева С. А. Делинкветное поведение как разновидность отклоняющегося поведения / А. В. Вилкова, С. А. Фадеева // В сборнике: Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. Научно-практическое ежеквартальное издание. Москва, 2019. С. 66-68.

[17] Вилкова А. В. Психолого-педагогическое изучение и социально-психологическая характеристика личности несовершеннолетних осужденных. Москва.2018.

[18] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. Социально-педагогическая запущенность несовершеннолетних осужденных / В сборнике: Уголовно-исполнительная система: законодательство, теория и практика. Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной памяти российского ученого-пенитенциариста заслуженного юриста Российской Федерации доктора юридических наук, профессора О. В. Филимонова. В 2-х частях. Самара, 2025. С. 87-93. Сборник статей круглого стола. Тверь, 2025. С. 93-96.

[19] Вилкова А. В., Тищенко Ю. Ю. Социально-педагогическая запущенность и делинквентность несовершеннолетних // В сборнике: Уголовно-исполнительная система: история и современность. Сборник материалов Межвузовской научно-практической конференции с международным участием. Псков. 2025. С. 65-68.

[20] Мудрецы России под ред. Сапунов В. Б., Ермилова М. В., Колесов В. И. (2-е издание). Санкт-Петербург, 2023.

[21] Траектория развития субъектов образовательного процесса. Материалы II Международной научно-практической конференции. Воронеж. 2024.

[22] Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. Научно-практическое ежеквартальное издание / Том Выпуск 4. Москва. 2021.

[23] Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. Научно-практическое ежеквартальное издание / Том Выпуск 1. Москва. 2022.

[24] Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. Научно-практическое ежеквартальное издание / Том Выпуск 2. Москва. 2022.

[25] Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. Научно-практическое ежеквартальное издание / Том Выпуск 3. Москва. 2022.

[26] Сайт: https://mental-health-matters.org/2024/08/21/an-overview-of-the-american-psychiatric-association/

[27] Сайт: https://cdn.who.int/media/docs/default-source/health-promotion/russian_framework4wellbeing_05092023.pdf?sfvrsn=c602e78f_29&download=true

[28] Berker E.A., Berker A.H., Smith A. Translation of Broca's 1865 report: localization of speech in the third left frontal convolution // Arch. Neurol. – 1986. – Vol. 43, N. 10. – P. 1065–1072. 2. Boake C. Stages in the history of neuropsychological rehabilitation // Neuropsychological rehabilitation: Theory and practice / ed. B. Wilson. – New York: Taylor & Francis, 2003. – P. 11–21

[29] Franz S.I. The reeducation of an aphasic // J. Philosop., Psychol. Scient. Meth. – 1905. – Vol. 2, N. 22. – P. 589–597 S.

[30] Howard D., Hatfield F.M. Aphasia therapy: Historical and contemporary issues. – London: Lawrence Erlbaum Associates, 1987. – 192 p.

[31] Сайт: https://www.researchgate.net/publication/354930898_History_of_Neuro_Rehabilitation_in_Russia

[32] Сайт: https://www.researchgate.net/publication/358286014_The_Impact_of_the_SMART_Program_on_Cognitive_and_Academic_Skills_A_Systematic_Review_and_Meta-analysis

[33] Сайт: https://www.ilo.org/projects-and-partnerships/projects/score-programme-0

[34] Сайт: https://pmc.ncbi.nlm.nih.gov/articles/PMC3336928/

[35] Сайт: https://www.mayo.edu/research/clinical-trials/cls-20140113

[36] Сайт: https://www.frontiersin.org/journals/human-neuroscience/articles/10.3389/fnhum.2022.870190/full

[37] Сайт: https://onkto.ru/images/docs/Demkin_A_D-Rehabilitation.pdf

[38] Сайт: https://www.mediasphera.ru/issues/voprosy-kurortologii-fizioterapii-i-lechebnoj-fizicheskoj-kultury/2023/6/1004287872023061086

References:

[1] Vilkova A. V. Overcoming the deviating behavior of juvenile convicts/In the collection: Spiritual and moral education of a person in the penitentiary system: pedagogical and socio-psychological aspects. Collection of scientific articles based on the materials of the All-Russian Scientific and Practical Round Table dedicated to the memory of penitentiary scientists: Doctor of Pedagogical Sciences, Professor V. M. Litvishkov and Doctor of Psychological Sciences, Professor D. Sochivko, Ryazan, 2026. S. 23-29.

[2] Vilkova A.V., Antipov A.N., Strogovich Yu.N. On the means of correcting convicts in modern realities//Penal system: law, economics, management. 2026. № 1. S. 22-26.

[3] Vilkova A. V., Fialkovskaya E. V., Polyakova Y. N. Approaches to the study of aggressiveness in the framework of penitentiary psychology/Education and law. 2026. № 1. S. 214-218.

[4] Vilkova A. V., Fadeeva S. A. On the professional readiness of specialists of the penitentiary system of the Russian Federation to carry out penitentiary probation//Vedomosti of the penitentiary system. 2026. № 3 (286). S, 45-51.

[5] Vilkova A. V., Tishchenko Yu. Yu. Peculiarities of the implementation of disciplinary practice against minors in pre-trial detention centers/International Scientific Bulletin. 2026. № 1. S. 81-84.

[6] Vilkova A.V., Polyakova Y. N. The role of the scientific team as a subject of professional development of a young scientist/In the collection: The penal system today: the interaction of science and practice. Materials of the XXV All-Russian Scientific and Practical Conference. Novokuznetsk, 2025. S. 253-256.

[7] Vilkova A.V., Polyakova Y. N. Scientific and pedagogical personnel and their training in the adjunct of educational organizations of the Federal Penitentiary Service of Russia//Issues of modern science and practice. 2025. № 2(13). S. 47-54.

[8] Vilkova A.V., Lukashenko D.V. Theories and concepts about the origin of education and upbringing/International Scientific Bulletin .2025. № 10. S. 374-379.

[9] Vilkova A. V., Polyakova Y. N. Database of test assignments for the course of lectures “Educational work with convicts for educational organizations of the Federal Penitentiary Service of Russia. Certificate of registration of the RU 2025623480 database. 22.08. 2025. Request No. 2025623025 dated 14.08.2025.

[10] Vilkova A.V., Polyakova Y. N. Collectivity and comprehensiveness in science/International Scientific Bulletin. 2025. № 10. S. 325-328.

[11] Guzeev M.S., Kulakova S.V., Vilkova A.V. Database of test assignments for the author’s course of lectures “The role and place of modern media and social media in the development of the penal system of the Russian Federation. Certificate of registration of the RU 2022622073 database. 17.08. 2022. Request No. 2022621591 dated 01.07.2022.

[12] Vilkova A.V. Spiritual and moral values of juvenile convicts and features of the socio-educational environment/A.V. Vilkova//In the collection: pedagogy and modern education. Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference of Graduate Students, Applicants, Doctoral Students, Supervisors, Young Scientists Specializing in Education. Ser. “Postgraduate Library” St. Petersburg. 222. S. 32-36.

[13] Smorodinskova I. A. The main functions of a business conversation/A. V. Vilkov, I. A. Smorodinskova, V. Yu. Buntin//In the collection: Scientific works of the PKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. Scientific and practical quarterly publication. Moscow, 2021. S. 115-122.

[14] Kovalev O. G. Criminogenic situation in the field of corruption crime, its determinants/A. V. Vilkova, O. G. Kovalev, A. Yu. Gaponov//Trends in the development of science and education. 2021. № 76-4. S. 34-36.

[15] Litvishkov V. M. Parties to business communication/A. V. Vilkov, V. M. Litvishkov//In the collection: Scientific works of the PKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. Scientific and practical quarterly publication. Moscow. 2020. S. 131-144.

[16] Fadeeva S. A. Delinquent behavior as a type of deviant behavior/A. V. Vilkov, S. A. Fadeev//In the collection: Scientific works of the PKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. Scientific and practical quarterly publication. Moscow, 2019. S. 66-68.

[17] A. V. Vilkova. Psycholor-pedagogical study and socio-psychological characteristics of the personality of juvenile convicts. Moskva.2018.

[18] Vilkova A.V., Polyakova Y. N. Social and pedagogical neglect of juvenile convicts/In the collection: Criminal executive system: legislation, theory and practice. Materials of the All-Russian Scientific

and Practical Conference with international participation, dedicated to the memory of the Russian scientist-penitentiary Honored Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor O. V. Filimonov. In 2 parts. Samara, 2025. S. 87-93. Collection of roundtable articles. Tver, 2025. S. 93-96.

[19] Vilkova A. V., Tishchenko Yu. Yu. Socio-pedagogical neglect and delinquency of minors//In the collection: The penal system: history and modernity. Collection of materials of the Interuniversity Scientific and Practical Conference with international participation. Pskov. 2025. S. 65-68.

[20] Sages of Russia, ed. Sapunov V. B., Ermilova M. V., Kolesov V. I. (2nd edition). St. Petersburg, 2023.

[21] Trajectory of educational process subjects. Materials of the II International Scientific and Practical Conference. Voronezh. 2024.

[22] Scientific works of the PKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. Scientific and practical quarterly publication/Volume Issue 4. Moscow. 2021.

[23] Scientific works of the PKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. Scientific and practical quarterly publication/Volume Issue 1. Moscow. 2022.

[24] Scientific works of the PKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. Scientific and practical quarterly publication/Volume Issue 2. Moscow. 2022.

[25] Scientific works of the PKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. Scientific and practical quarterly publication/Volume Issue 3. Moscow. 2022.

[26] Сайт: https://mental-health-matters.org/2024/08/21/an-overview-of-the-american-psychiatric-association/

[27] Сайт: https://cdn.who.int/media/docs/default-source/health-promotion/russian_framework4wellbeing_05092023.pdf?sfvrsn=c602e78f_29&download=true

[28] Berker E.A., Berker A.H., Smith A. Translation of Broca's 1865 report: localization of speech in the third left frontal convolution // Arch. Neurol. – 1986. – Vol. 43, N. 10. – P. 1065–1072. 2. Boake C. Stages in the history of neuropsychological rehabilitation // Neuropsychological rehabilitation: Theory and practice / ed. B. Wilson. – New York: Taylor & Francis, 2003. – P. 11–21

[29] Franz S.I. The reeducation of an aphasic // J. Philosop., Psychol. Scient. Meth. – 1905. – Vol. 2, N. 22. – P. 589–597 S.

[30] Howard D., Hatfield F.M. Aphasia therapy: Historical and contemporary issues. – London: Lawrence Erlbaum Associates, 1987. – 192 p.

[31] Сайт: https://www.researchgate.net/publication/354930898_History_of_Neuro_Rehabilitation_in_Russia

[32] Сайт: https://www.researchgate.net/publication/358286014_The_Impact_of_the_SMART_Program_on_Cognitive_and_Academic_Skills_A_Systematic_Review_and_Meta-analysis

[33] Сайт: https://www.ilo.org/projects-and-partnerships/projects/score-programme-0

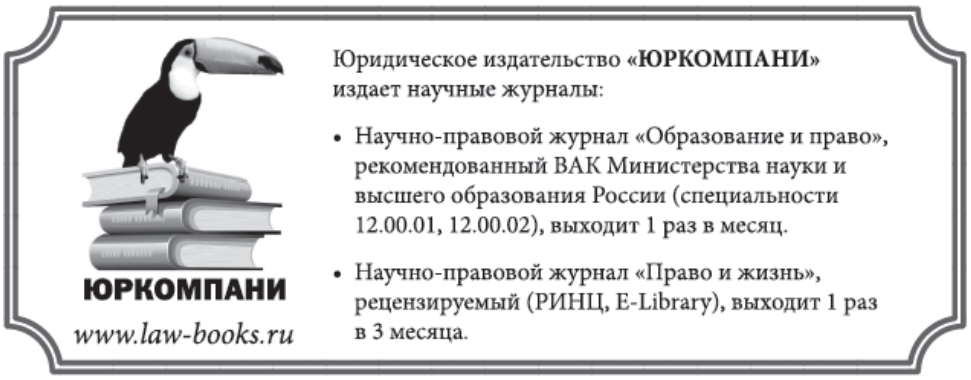
[34] Сайт: https://pmc.ncbi.nlm.nih.gov/articles/PMC3336928/

[35] Сайт: https://www.mayo.edu/research/clinical-trials/cls-20140113

[36] Сайт: https://www.frontiersin.org/journals/human-neuroscience/articles/10.3389/fnhum.2022.870190/full

[37] Сайт: https://onkto.ru/images/docs/Demkin_A_D-Rehabilitation.pdf

[38] Сайт: https://www.mediasphera.ru/issues/voprosy-kurortologii-fizioterapii-i-lechebnoj-fizicheskoj-kultury/2023/6/1004287872023061086

Дата поступления рукописи в редакцию: 07.04.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-4-446-453
Дата принятия рукописи в печать: 03.05.2026 г.

ЗИМИНА Ксения Юрьевна,
старший преподаватель кафедры
физической подготовки юридического факультета,
Владимирский юридический институт ФСИН России
(ВЮИ ФСИН России), г. Владимир, Россия,
e-mail: zimina_ku@33.fsin.gov.ru

КОМИССАР Илья Николаевич,
старший преподаватель кафедры
физической, огневой и тактико-специальной подготовки,
Санкт-Петербургский Университет ФСИН России,
г. Пушкино, г. Санкт-Петербург, Россия,
e-mail: komissar.i.n@fsin.gov.ru

ПОЛУНИН Юрий Олегович,
старший преподаватель
кафедры физической подготовки,
Рязанский филиал московского университета
МВД России им. В.Я. Кикотя,
г. Рязань, Россия,
e-mail: yuripol_85@mail.ru

ПОЖИМАЛИН Вячеслав Николаевич,
доцент института подготовки государственных
муниципальных служащих Академии ФСИН России,
e-mail: aqwer12345@bk.ru

ПРИМЕНЕНИЕ МОДЕЛЕЙ ПЕРИОДИЗАЦИИ ТРЕНИРОВОЧНЫХ НАГРУЗОК В СИСТЕМЕ ФИЗИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКИ СОТРУДНИКОВ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ

Аннотация. *Физическая подготовка сотрудников правоохранительных органов является неотъемлемой частью его служебной деятельности. Тренировочный процесс такой подготовки предполагает не только сами занятия, но владение определенными теоретическими знаниями в области физического совершенствования. Вопрос, которые мы рассматриваем, как правило, пользуется вниманием у спортсменов, но не учитывается на занятиях по физической подготовке в правоохранительных структурах, отсюда следует отсутствие прогресса или уход в адаптационное плато, т.е. в состояние, при котором организм привыкает к однообразным нагрузкам и перестает реагировать на них. Как результат силовые показатели не увеличиваются, гипертрофия и потеря веса приостанавливаются. Наша задача, дать краткий обзор планированию и методике тренировочного процесса в двух ключах: раскрыть модели и циклы периодизации, которые могли бы быть применены на занятиях. Отметим сразу, что для тех, кто не соблюдает систематичность занятий, циклы могут не сразу применять на практике, но модели периодизации необходимо внедрить в тренировочный процесс. Предметом исследования являются уровни структуры тренировки: макро-, микро-, мезоциклы, а также модели периодизации нагрузок (линейная, волновая, блоковая). Цель исследования заключается в раскрытии содержания необходимого минимума одного из основополагающих аспектов тренировочного процесса – периодизации тренировок, на которых может строиться программа общей физической подготовки. Методы исследования – теоретико-методологический анализ научной и учебной литературы по вопросам периодизации в системе общей физической подготовки. Научная новизна сводиться к отсутствию практики использования системы периодизации в развитии общих физических качеств в процессе планирования занятий по общей физической подготовке сотрудников правоохранительных структур. Типовой план должен*

исходить из непосредственной деятельности сотрудников, но общие принципы циклов (фаз) могут быть общими. Основные выводы нашего исследования сводятся к тому, что сотрудникам правоохранительных структур важно знать о периодизации нагрузок как одному из главных «помощников» рационального построения и эффективности спортивных занятий в долгосрочной перспективе, позволяющее избежать перетренированности, усталости и негативных последствий для здоровья. А также помнить о значении адаптационных процессов в повышении эффективности тренировочных занятий, поскольку повышение и смена нагрузки является важнейшим инструментом развития их физических возможностей.

Ключевые слова*: сотрудник, периодизация, цикл, модель, блок, повторный максимум, физическая подготовка, физические качества, восстановление, тренировочный процесс.*

ZIMINA Ksenia Yurievna,
Senior Lecturer,
Department of Physical Training, Faculty of Law,
Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia
(VUI FSIN of Russia), Vladimir, Russia

COMMISSAR Ilya Nikolaevich,
Senior Lecturer,
Department of Physical, Fire, Tactical and Special Training,
St. Petersburg University of the Federal Penitentiary Service of Russia,
Pushkino, St. Petersburg, Russia

POLUNIN Yuri Olegovich,
Senior Lecturer, Department of Physical Training,
Ryazan Branch of the Moscow University
of the Ministry of Internal Affairs of Russia
named after V.Ya. Kikot, Ryazan, Russia

POZHIMALIN Vyacheslav Nikolaevich,
Associate Professor of the Institute for the Training
of State Municipal Employees of the Academy
of the Federal Penitentiary Service of Russia,

APPLICATION OF MODELS OF PERIODIZATION OF TRAINING LOADS IN THE SYSTEM OF PHYSICAL TRAINING OF LAW ENFORCEMENT OFFICERS

Annotation*. Physical training for law enforcement officers is an integral part of their professional duties. The training process for such personnel requires not only the training itself, but also a certain theoretical knowledge in the field of physical development. The issue we are examining is typically addressed by athletes, but is not addressed in physical training sessions in law enforcement agencies. This results in a lack of progress or an adaptation plateau, i.e., a state in which the body becomes accustomed to monotonous loads and ceases to respond to them. As a result, strength gains fail, and hypertrophy and weight loss are halted. Our goal is to provide a brief overview of training planning and methodology in two key areas: to reveal periodization models and cycles that could be applied in training. It should be noted that for those who do not maintain a systematic training program, cycles may not be immediately applicable in practice, but periodization models must be incorporated into the training process. The subject of this study is the levels of training structure: macro-, micro-, and mesocycles, as well as models of load periodization (linear, wave, and block). The goal of the study is to uncover the essential minimum of one of the fundamental aspects of the training process—training periodization—on which a general physical training program can be built. The research methods include a theoretical and methodological analysis of scientific and educational literature on periodization in general physical training. The scientific novelty lies in the lack of experience in using a periodization system to develop general physical qualities when planning general physical training sessions for law enforcement officers. A standard plan should be based on the officers' direct activities, but the general principles of cycles (phases) can be shared. The main*

conclusions of our study are that it is important for law enforcement officers to understand load periodization as one of the main "assistants" in the rational design and long-term effectiveness of sports training, helping to avoid overtraining, fatigue, and negative health consequences. And also remember the importance of adaptation processes in increasing the effectiveness of training sessions, since increasing and changing the load is the most important tool for developing their physical capabilities.

Key words: *employee, periodization, cycle, model, block, repetition maximum, physical training, physical qualities, recovery, training process.*

Результативность на спортивных соревнованиях, а также в рамках личных достижений осуществляется за счет тренировочного процесса, направленного на автоматизацию двигательных навыков, грамотного сочетания физических качеств и постоянного повышения уровня общей физической подготовки. Динамика тренировок предполагает управление тренировочной нагрузкой с помощью таких переменных, как интенсивность, продолжительность и частота. Краткосрочное и долгосрочное планирование требует чередования периодов тренировочной нагрузки с периодами восстановления, чтобы избежать чрезмерной усталости, которая может привести к перетренированности, что подразумевает собой длительную потерю работоспособности из-за дисбаланса между тренировочной нагрузкой, соревнованиями, нетренировочными факторами стресса и восстановлением. Наконец для достижения оптимальных результатов требуется здоровое тело и слаженная работа не только физиологических, но и психологических, технических и тактических компонентов. Вышесказанное обуславливает актуальность рассматриваемого вопроса. Подготовка к соревнованиям или достижение личного результата процесс достаточно длительный. Он может составлять месяцы, сезон или годы. В этом случае эффективнее достигать цели с помощью периодизации.

В этой связи, научная новизна исследования заключается в предложении адаптации и использования системы периодизации в развитии общих физических качеств в процессе планирования занятий по общей физической подготовке сотрудников правоохранительных структур.

Периодизация — это разделение тренировочного процесса на определенное количество блоков, каждый из которых имеет свою цель и определенные параметры нагрузки. Например, для спортсменов сборных команд по служебно-прикладным видам спорта это может быть предсоревновательный период, соревновательный период и период восстановления. Периодизация позволяет планировать тренировки с учетом ближайших соревнований и достижения пиковой формы в нужное время [10]. В рамках занятий по физической подготовке сотрудников периодизация позволила бы развить необходимые, физические качества, к примеру: выносливость, силу, объём. Периодизация делят на три вида цикла:

Макроцикл — это полный сезон или тренировочный период в целом. Например, для спортсмена, если соревновательный сезон проводится один раз в год, то макроцикл будет составляться на полный год. Если бегун желает подготовиться к марафону, который состоится через полгода, то период его макроцикла будет равен 6 месяцам.

Мезоцикл – это фазы макроцикла, каждая из которой несет в себе определенную задачу. Их продолжительность может составлять от нескольких недель до нескольких месяцев. Например, подготовительный, базовый, контрольно-подготовительный, предсоревновательный, соревновательный, восстановительный.

Микроцикл – это часть мезоцикла. Если взять фазу мезоцикла и представить ее как отдельное целое, то он может состоять из отдельных микроциклов. Например, если один микроцикл составляет 8 дней, то режим тренировок может быть следующий 3 дня рабочие + 1 восстановительный + 3 дня рабочие + 1 восстановительный.

Традиционная схема годового цикла в профессиональном спорте выглядит следующим образом. В подготовительном периоде выполняется наибольшая часть работы для повышения уровня базовых качеств: общей выносливости, силы, силовой выносливости. По мере приближения соревновательного периода все более возрастает специализированная направленность упражнений, увеличивается объем скоростных нагрузок. В соревновательном периоде специализация нагрузок еще более возрастает; доля упражнений для повышения или хотя бы поддержания уровня силовых качеств и аэробных способностей, напротив, снижается. Непосредственно перед главными соревнованиями проводится предсоревновательный мезоцикл, на протяжении, которого происходят формирование и доводка модели соревновательного прохождения самых ответственных стартов сезона [6, С. 26].

Далее рассмотрим три основных модели периодизации тренировочного процесса – линейную, волнообразную, блоковую.

Линейная периодизация разработана доктором педагогических наук, профессором Л.П. Матвеевым. В литературных источниках ее еще называют традиционной периодизацией. Известность модель получила после выхода в 1964 году книги Матвеева «Проблема периодизации спортивной тренировки» [8]. Линейная периодизация используется и в нынешнее время. Особенно она актуальна для начинающих спортсменов и любителей.

Линейная периодизация предполагает такую модель тренировочного процесса, в которой постепенно увеличивается интенсивность, и вместе с тем снижается объем нагрузок. Приведем пример выполнения упражнения жима лежа на увеличение силы в своем цикле тренировок, где допустим предельный максимум (далее – ПМ, т.е. максимальный вес, который можно поднять на раз) занимающегося, будет составлять 100 кг.

Таблица 1. Пример линейной периодизации в развитии силовых показателей

	по плану	по факту
Неделя 1:	3 х 6 (80% от ПМ)	3 подхода по 6 повторений 80 кг
Неделя 2:	3 х 5 (82.5% от ПМ)	3 подхода по 5 повторений 82,5 кг
Неделя 3:	3 х 4 (85% от ПМ)	3 подхода по 4 повторения 85 кг
Неделя 4:	3 х 3 (87,5% от ПМ)	3 подхода по 3 повторения 87,5 кг
Неделя 5:	4 х 2 (90% от ПМ)	4 подхода по 2 повторения 90 кг
Неделя 6:	5 х 1 (95-100% от ПМ)	5 подходов по 1 повторению 95 кг

Смысл линейной периодизации приведенной на примере, прежде всего, в увеличении силы. При уменьшении с каждой недели объема тренировок (количества повторений), увеличивается их интенсивность (вес). Как результат, по окончании периода, занимающийся сможет выполнять больший объем нагрузки. Например, до блока спортсмен жал 80 на 6, после пройденного блока он преодолеет жим 80 на 7 или 82 на 6. Существует обратная линейная периодизация. Из названия следует, что здесь все происходит наоборот. При еженедельном увеличении объема, вес уменьшаем.

Волновая периодизация содержит в себе бóльшие колебания в объеме и интенсивности, как в течение микроцикла, так и от недели к неделе. Преимущество этой модели периодизации выражается в обеспечении разными стрессовыми воздействиями, которые могут улучшить восстановление и обеспечить адаптацию.

На примере тренировочной недели с тремя тренировками выглядеть это может так.

Таблица 2. Пример тренировочной недели волновой периодизации

	объем	интенсивность
тренировка 1	высокий 3 подхода по 10 повторений	низкая 65% от ПМ
тренировка 2	средний 3 подхода по 5 повторений,	умеренная 75% от ПМ
тренировка 3	низкий 3 подхода по 3 повторения	высокая 85% от ПМ

Создание блоковой модели тренировочного процесса было вызвано необходимостью создания системы, максимально способствующей достижению требуемого эффекта при минимальных затратах времени и сил спортсмена. Отмечая понятие «блок», лежащем в основе названия новой системы тренировок, Дж. Кометти в своей книге отмечает: «Этим понятием мы обязаны Верхошанскому Ю.В. Согласно этому автору, для развития определенного качества необходимо уделять ему приоритетное внимание в течение достаточно длительного времени. Таким образом, Верхошанский ввел понятие блок... и предложил структуру тренировок для спортсменов высокого уровня, включающую три больших блока» [3].

Блоковая периодизация рассчитана на подготовленных любителей и спортсменов, для решения специфических задач в видах спорта, к подготовке к соревнованиям, а также столкнувшихся с тренировочным плато или перетренированностью в классической схеме. Данный метод состоит в том, что каждый блок будет посвящен развитию одного конкретного физического качества, например, силы, скорости или выносливости. При этом, переходя к следующему блоку, от предыдущего сохранятся необходимый остаточный тренировочный эффект. Иными словами, адаптация на определенное физическое качество (силу-выносливость-скорость и т.д.) держится у спортсмена некоторое время, даже если полностью меняется план тренировки. Преимущества, по мнению Иссурина В. Б. и Каверина В. Ф. в блоковой периодизации состоят в том, что она позволяет отказаться от одновременной длительной проработки многих качеств, добиваясь большей концентрации тренирующего воздействия и его четкой направленности на меньшее количество качеств. Помимо этого более частая смена направленности тренировки и ее содержания делает подготовку более интересной, эмоционально насыщенной и привлекательной [6, С. 28]. Из недостатков можно выделить следующее. Однонаправленные концентрированные нагрузки с большим объемом работы могут привести к функциональному истощению (переадаптации) доминирующей системы. А те системы, которые не вовлекаются в работу в должной мере, подвергаются снижению структурного и функционального резерва, т.е. происходит их деадаптация [6]. Пример блочного плана: блок 1 (4 недели) – упор на силу, малое количество повторений и максимальные веса; блок 2 (4 недели) – гипертрофия — среднее количество повторений, умеренные веса; блок 3 (4 недели) – поддержание и восстановление с легкими весами и высокой выносливостью.

Применительно к нашей практике, система периодизации может быть встроена следующим образом. И прежде, чем мы рассмотрим вопрос, отметим некоторые организационные моменты на примере физической подготовке сотрудников уголовно-исполнительной системы ВЮИ ФСИН России. Профессиональная служебная и физическая подготовка в системе уголовно-исполнительных наказаний организовывается в соответствии с приказом ФСИН России от 13.06.2023 № 382 «Об утверждении Порядка организации подготовки кадров для замещения должностей в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации» и рядом внутренних приказов. Практические занятия по физической подготовке с сотрудниками учреждений и органов УИС организуются и проводятся не реже одного раза в неделю общей продолжительностью не менее двух часов. Согласно данному приказу на занятиях по физической подготовке изучаются и отрабатываются упражнения общей физической подготовки и служебно-¬прикладные упражнения. Ежеквартально для сотрудников проводиться контрольно-проверочное занятие, в конце года – итоговое. Контрольные занятия позволяют оценить уровень общей физической подготовки (в обязательном порядке сдаются нормативы на скорость, силу и выносливость), а также уровень владения навыками применения физической силы и специальных средств.

Периодизацию в виде макро-, мезо-, микроциклов встроить в систему занятий по физической подготовке в уголовно-исполнительную систему достаточно сложно, учитывая ограниченность отведенных часов на занятия и специфику служебной деятельности. При этом стоит отметить, что практика применения периодизации активно используется в построении тренировочного процесса для членов сборных команд в образовательных организациях высшего образования ФСИН России.

В аспекте проблематике нашего исследования привлекают внимание работы, а именно методические рекомендации на тему: «Подготовка спортсменов в группах спортивного совершенствования в образовательных организациях высшего образования ФСИН России» [11], а также ряд статей по вопросам подготовки спортсменов по служебным видам спорта [4,7,11-12]. Они содержат указания и методики, способствующие организации занятий в сборных команд по видам спорта в образовательных организациях высшего образования ФСИН России, а также виды и особенности планов тренировочного процесса.

Возвращаясь к вопросу о моделях периодизации - линейной, волновой и блочной моделей,

то здесь целесообразно применять их в зависимости от специфики выполнения оперативно-служебных задач сотрудников. В целях дифференцированного подхода к обучению и проверки в зависимости от особенностей профессиональной деятельности сотрудники распределяются на 4 категории:

1. категория - сотрудники отделов специального назначения;
2. категория - деятельность сотрудников связана с непосредственным взаимодействием (контактированием) с подозреваемыми, обвиняемыми, осужденными;
3. категория - деятельность сотрудников связана с возможным взаимодействием (контактированием) с подозреваемыми, обвиняемыми, осужденными;
4. категория - деятельность сотрудников проходит вне взаимодействия с подозреваемыми, обвиняемыми, осужденными.

Приведем пример ВЮИ ФСИН России, в котором проходят службу сотрудники 3 и 4 категорий. Занятия по физической подготовке проводятся 2 раза в неделю. Для женщин сотрудников существует направление фитнес, направленный на развитие силовых показателей и выносливости. Поскольку сотрудники относятся к 3 и 4 категории, для подержания физической подготовки им достаточно придерживаться линейной системы периодизации. Для доказательства эффективности данной модели был проведен эксперимент, в котором группа женщин сотрудников (8 человек) в течение одного квартала занималась по плану с линейной моделью периодизации.

Таблица 3. Линейная периодизация 12 недельного цикла:

фаза	количество подходов	количество повторений	отдых между подходами	интенсивность от максимума	темп выполнения
гипертрофии 1-4 неделя	3-4	12-15 повторений	60-90 секунд	65-75% ПМ	медленный
выносливости 5-8 неделя	4-5	8-12	90-120 секунд	75-80% ПМ	умеренный
силы 9-12 неделя	4-6	5-8	2-3 минуты	80-85 % ПМ	взрывной в концентрической фазе

Результаты эксперимента выявлялись на контрольно-проверочном занятии, в ходе которого было выполнено три контрольных упражнения на силу, быстроту и выносливость. По итогу квартала результаты выполнения контрольных упражнений, в сравнении с предыдущим кварталом, были увеличены в среднем на – 32% (отжимания), 5% (челночный бег), 7% (1000 метров). На основе результатов эксперимента сделан вывод, что постепенное снижение объема и увеличение интенсивности характерное для линейной периодизации доказывает эффективность выбранных фаз и ее модели. Полученные данные можно охарактеризовать как предварительные положительные результаты, требующие дальнейшей верификации.

Таким образом, рассмотрев основные категории периодизации, сделаем некоторые выводы. Периодизация нагрузок – это одно из главных условий рационального построения и эффективности спортивных занятий в долгосрочной перспективе, позволяющее избежать перетренированности, усталости и негативных последствий для здоровья. При этом здесь не идет речь, о разработке системы периодизации для всех сотрудников правоохранительных структур. В обязательном порядке она применятся у членов сборных команд по служебно-прикладным видам спорта. Ее организация была бы полезна для отделов специального назначения, чья деятельность сопряжена с повышенной опасностью. Что касаемо, моделей периодизации (линейной, блоковой и волнообразной), несмотря на существующие исследования, однозначный ответ о преимуществе какой-либо модели периодизации дать сложно. Тем не менее, к линейной модели стоит

прибегнуть лицам не имеющих тренировочного опыта, и тем, кто имеет ограниченное время на занятия. Помимо этого, сотрудникам правоохранительных органов важнее помнить о значении адаптационных процессов в повышении эффективности тренировочных занятий, поскольку смена и повышение нагрузки является важнейшим инструментом развития физических возможностей, а данные техники способствуют этому. Поэтом методики моделей уместно включить в часть системы общей физической подготовки.

Список литературы:

[1] Бомпа Т., Буццичелли К. Периодизация спортивной тренировки. – Москва: Спорт, 2016. – 384 с.

[2] Верхошанский Ю.В. Программирование и организация тренировочного процесса. - М.: ФиС, 1985. - 175 с.

[3] Верхошанский, Ю. В. Теория и методология спортивной подготовки: блоковая система тренировки спортсменов высокого класса / Ю. В. Верхошанский // Информационно-аналитический бюллетень по актуальным проблемам физической культуры и спорта / М-во спорта и туризма Респ. Беларусь, Белорус. гос. ун-т физ. культуры / сост.: Т. Д. Полякова, И. В. Усенко. - Минск, 2014. - Вып. 20. - С. 221-251.

[4] Вирта Д.С., Зверев А.В., Кулеев В.Я. Особенности построения тренировочного процесса спортсменов по служебно-прикладному виду спорта «служебный биатлон» в годичном макроцикле // Евразийский юридический журнал. - 2023. - № 5 (180). - С. 426-428.

[5] Данько, Г.В. Отставленный тренировочный эффект и его использование в построении тренировочного процесса / Г.В. Данько // Педагогика, психология и медикобиологические проблемы физического воспитания и спорта. - 2008. - № 3. - С. 1-6.5. Иссурин, В. Б. блоковая периодизация спортивной тренировки: монография / В. Б. Иссурин. - М.: Советский спорт, 2010. - 288 с

[6] Иссурин В. Б., Каверин В. Ф. Планирование и построение годового цикла подготовки гребцов. В «Гребной спорт» (ежегодник). М. : Физкультура и спорт, 1985. С. 25-29.

[7] Кулеев В.Я. К вопросу о подготовке спортсменов-биатлонистов к соревнованиям по служебному биатлону (на примере ВЮИ ФСИН России) // в сборнике: Государственная политика Российской Федерации в сфере борьбы с терроризмом, коррупцией и наркотизацией общества. Сборник научных трудов XVIII Всероссийской научно-практической конференции. Чебоксары, 2023. С. 543-547.

[8] Матвеев Л.П. Проблема периодизации спортивной тренировки. 2-е изд., – Москва : Физкультура и спорт, 1965. – 244 с.

[9] Матвеев Л. П. Проблема периодизации спортивной тренировки : специальность 13.00.00 : диссертация ... доктора педагогических наук / Матвеев Лев Павлович. – Москва, 1963. – 353 с.

[10] Миссина, Светлана Сергеевна. Модели периодизации тренировочных нагрузок силовой направленности у спортсменов высокого класса в лыжных циклических видах спорта : автореферат дис. ... кандидата педагогических наук : 5.8.5. / Миссина Светлана Сергеевна; [Место защиты: ФГБОУ ВО ‹‹Российский университет спорта ‹‹ГЦОЛИФК›› ; Диссовет Д 311.003. XX (38.2.007.01)]. - Москва, 2024. - 24 с.

[11] Овчинников А.Ю., Воробьев Д.Н., Кулеев В.Я. Пути совершенствования стрелковой подготовки спортсменов по служебно-прикладному виду спорта «служебный биатлон» (на примере ВЮИ ФСИН России) // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2024. № 4 (263). С. 31-37.

[12] Подготовка спортсменов в группах спортивного совершенствования в образовательных организациях высшего образования ФСИН России : методические рекомендации / [А. Ю. Овчинников, К. Ю. Зимина, А. С. Мельников и др.] ; Федер. служба исполн. наказаний, Владим. юрид. ин-т Федер. службы исполн. наказаний. – Владимир : ВЮИ ФСИН России, 2024. – 20 с. ISBN 978-5-93035-821-6.

References:

[1] Bompa T, Buzzelli K. Periodization of sports training. - Moscow: Sport, 2016. - 384 p.

[2] Verkhoshansky Yu.V. Programming and organization of the training process. - M.: FiS, 1985. - 175 s.

[3] Verkhoshansky, Yu. V. Theory and methodology of sports training: block training system for high-class athletes/Yu. V. Verkhoshansky// Information and analytical bulletin on topical problems of physical culture and sports/Sports and tourism Rep. Belarus, Belarus. state university physical cultures/comp.: T. D. Polyakova, I. V. Usenko. - Minsk, 2014. - Issue 20. - S. 221-251.

[4] Virta D.S., Zverev A.V., Kuleev V.Ya. Peculiarities of building the training process of athletes in the service and applied sport “service biathlon” in the annual macrocycle//Eurasian Legal Journal. - 2023. - № 5 (180). - S. 426-428.

[5] Danko, G.V. The delayed training effect and its use in the construction of the training process/G.V. Danko//Pedagogy, psychology and medicobiological problems of physical education and sports. - 2008. - № 3. - S. 1-6.5. Issurin, V. B. block periodization of

sports training: monograph/V. B. Issurin. - M.: Soviet Sport, 2010. - 288 s

[6] Issurin V. B., Kaverin V. F. Planning and construction of the annual rowing training cycle. In “Rowing Sport” (yearbook). M.: Physical education and sports, 1985. S. 25-29.

[7] Kuleev V.Ya. On the issue of preparing biathletes for competitions in official biathlon (on the example of the VUE of the Federal Penitentiary Service of Russia)//in the collection: State Policy of the Russian Federation in the Field of Combating Terrorism, Corruption and Drug Abuse of Society. Collection of scientific works of the XVIII All-Russian Scientific and Practical Conference. Cheboksary, 2023. S. 543-547.

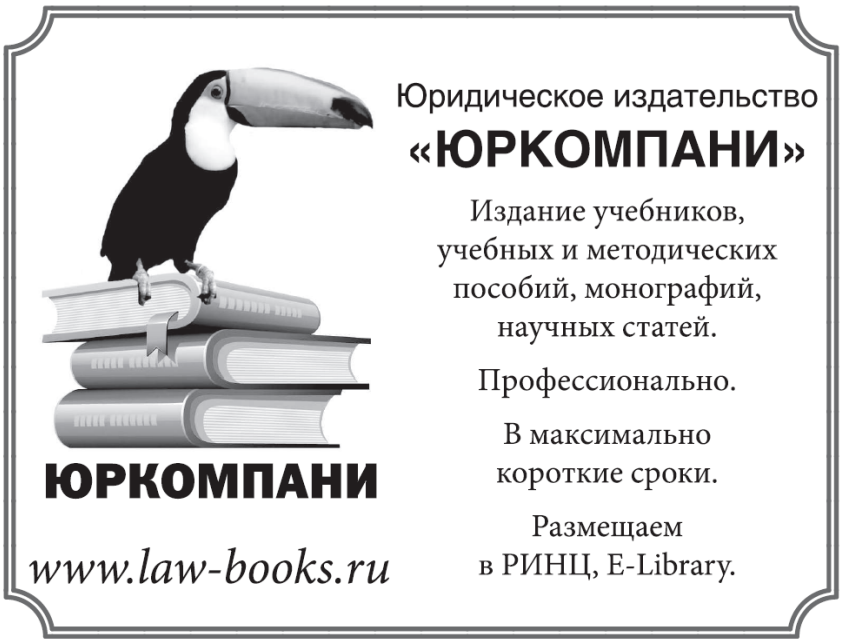
[8] Matveev L.P. The problem of periodization of sports training. 2nd ed., - Moscow: Physical Education and Sports, 1965. - 244 s.

[9] Matveev L.P. The problem of periodization of sports training: specialty 13.00.00: dissertation... Doctors of Pedagogical Sciences/Matveev Lev Pavlovich. - Moscow, 1963. - 353 s.

[10] Missina, Svetlana Sergeevna. Models of periodization of training loads of power orientation in high-class athletes in ski cyclic sports: abstract dis.... Candidate of Pedagogical Sciences: 5.8.5 ./Missina Svetlana Sergeevna; [Place of protection: FSBEI HE → → Russian University of Sports → → SCOLIFK → →; Dissertation Council D 311.003.XX (38.2.007.01)]. - Moscow, 2024. - 24 s.

[11] Ovchinnikov A.Yu., Vorobyov D.N., Kuleev V.Ya. Ways to improve the shooting training of athletes in the service and applied sport “service biathlon” (on the example of the VUI FSIN of Russia)//Vedomosti of the penal system. 2024. № 4 (263). S. 31-37.

[12] Training athletes in sports improvement groups in educational institutions of higher education of the Federal Penitentiary Service of Russia: guidelines/[A. Yu. Ovchinnikov, K. Yu. Zimina, A. C. Melnikov, etc.]; Feder. service executive. punishments, Vladim. jurid. in-t Feder. services executive. punishments. - Vladimir: VUI FSIN of Russia, 2024. - 20 p. ISBN 978-5-93035-821-6.

Дата поступления рукописи в редакцию: 07.04.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.05.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3830-2026-4-454-458

ГРИШИН Евгений Васильевич,
старший преподаватель кафедры организации режима и надзора юридического факультета ВЮИ ФСИН России,
e-mail: aqwer12345@bk.ru

ПОЖИМАЛИН Вячеслав Николаевич,
доцент института подготовки государственных муниципальных служащих Академии ФСИН России,
e-mail: aqwer12345@bk.ru

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ВЫГОРАНИЕ СОТРУДНИКОВ УИС: ФАКТОРЫ ПОСТТРАВМАТИЧЕСКОГО СТРЕССА И МЕТОДЫ РЕАБИЛИТАЦИИ

Аннотация. *В статье рассматривается проблема профессионального выгорания и посттравматического стресса у сотрудников уголовно-исполнительной системы (УИС). Анализируются специфические факторы риска, связанные с характером профессиональной деятельности в пенитенциарных учреждениях. На основе систематического обзора современных исследований и практических руководств представлены эффективные методы психологической реабилитации и профилактики — от когнитивно-поведенческой терапии и программ осознанности до организационных мер поддержки. Особое внимание уделяется новым подходам в организации психологической помощи в российской системе ФСИН и зарубежным практикам построения «естественной системы заботы».*

Ключевые слова: *уголовно-исполнительная система, профессиональное выгорание, посттравматический стресс, психологическая реабилитация, сотрудники УИС, вторичная травма, резильентность.*

GRISHIN Evgeny Vasilievich,
Senior Lecturer,
Department of Organization of Regime and Supervision,
Faculty of Law, VUI FSIN of Russia

POZHIMALIN Vyacheslav Nikolaevich,
Associate Professor of the Institute for the Training of State Municipal Employees of the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia

PSYCHOLOGICAL BURNOUT OF PRISON INSTITUTION STAFF: POST-TRAUMATIC STRESS FACTORS AND REHABILITATION METHODS

Annotation. *This article examines the problem of professional burnout and post-traumatic stress disorder (PTSD) among penal system employees. Specific risk factors associated with the nature of professional work in penitentiary institutions are analyzed. Based on a systematic review of current research and practical guidelines, effective methods of psychological rehabilitation and prevention are presented—from cognitive behavioral therapy and mindfulness programs to organizational support measures. Particular attention is given to new approaches to organizing psychological assistance in the Russian Federal Penitentiary Service (FSIN) and international practices in building a "natural care system".*

Key words: *penal system, professional burnout, post-traumatic stress, psychological rehabilitation, penal system employees, secondary trauma, resilience.*

Профессиональная деятельность сотрудников уголовно-исполнительной системы (УИС) относится к категории профессий с высоким уровнем психологического риска. Постоянное взаимодействие с осужденными, угроза физической расправы, необходимость сохранять гипербдительность в условиях социальной изоляции, работа с травматическим опытом других людей — все это создает уникальный стрессогенный профиль, отличный от стресса в других правоохранительных структурах.

Последствия такого профессионального давления проявляются в росте распространенности посттравматического стрессового расстройства (ПТСР), синдрома эмоционального выгорания, депрессивных и тревожных состояний. Как отмечается в зарубежных исследованиях, более половины (53,4%) сотрудников тюрем демонстрируют позитивные скрининговые показатели на ПТСР, при этом выгорание выступает значимым предиктором развития симптомов ПТСР.

Проблема усугубляется также наличием выраженной стигматизации обращения за психологической помощью в среде сотрудников правоохранительных органов. Культурные нормы, транслирующие установку «я должен справляться сам», длительное отсутствие доступных и конфиденциальных механизмов психологической поддержки, а также дефицит профилактических программ способствуют латентному течению стрессовых расстройств и их переходу в хронические формы .

Несмотря на осознание масштаба проблемы, системные исследования эффективных методов профилактики и реабилитации профессионального выгорания и ПТСР у сотрудников УИС остаются немногочисленными. В последние годы в российской системе ФСИН наметились позитивные изменения: утвержден новый порядок добровольного обращения сотрудников к психологам, внедряются технологии биологической обратной связи, расширяются функции психологической службы . Однако остается открытым вопрос о том, какие именно методы реабилитации демонстрируют наибольшую эффективность в специфических условиях пенитенциарной службы и как выстроить интегративную систему поддержки, сочетающую индивидуальные интервенции, групповые формы работы и организационные изменения.

В связи с этим актуальность разработки и внедрения эффективных программ психологической реабилитации для сотрудников УИС не вызывает сомнений. Цель данной статьи — систематизировать современные данные о факторах риска профессионального выгорания и посттравматического стресса у сотрудников УИС, а также представить научно обоснованные методы профилактики и реабилитации[4].

1. Факторы риска: специфика стресса в УИС

1.1. Организационные и средовые факторы

Стресс у сотрудников УИС имеет многоуровневую природу. Помимо очевидных угроз физической безопасности (нападения, захват заложников, бунты), значительный вклад в психологическое неблагополучие вносят хронические организационные факторы. К ним относятся: нехватка персонала (в ряде учреждений достигает 40%), сверхурочная работа, ночные смены, нарушающие циркадные ритмы, недостаток ресурсов и минимальная институциональная поддержка.

Особую роль играет феномен изоляции — как физической (работа в закрытом учреждении), так и социально-психологической. Сотрудники УИС часто испытывают отчуждение от общества, семейные конфликты из-за специфики графика работы и профессиональной секретности, а также изоляцию внутри самого коллектива, усугубляемую «кодексом молчания». Исследования показывают, что социальная изоляция является одним из сильнейших предикторов суицидального поведения и снижает продолжительность жизни в той же степени, что и курение или ожирение[3].

1.2. Вторичная травма и «эффект заражения»

Особенностью работы в УИС является постоянный контакт с травмированными людьми. Осужденные часто имеют тяжелый жизненный опыт, психические расстройства, склонность к агрессии и суицидальному поведению. Сотрудники, взаимодействуя с ними, подвергаются риску развития вторичной травмы — состояния, при котором эмпатическое вовлечение в страдания других истощает психологические ресурсы и приводит к симптомам, сходным с ПТСР.

Этот процесс усугубляется отсутствием навыков психологической самозащиты. Как отмечают эксперты, в профессиональной подготовке сотрудников УИС долгое время преобладал подход, направленный на подавление эмоций ради выполнения задач, что приводило к отчуждению от собственных чувств и росту хронического напряжения.

1.3. Личностные и социально-демографические факторы

Степень уязвимости к профессиональному выгоранию зависит также от индивидуальных особенностей. К факторам риска относятся: низ-

кая стрессоустойчивость, недостаточная эмоциональная регуляция, отсутствие поддерживающих отношений вне работы, а также опыт личных жизненных кризисов.

2. Современные методы психологической реабилитации

Анализ литературы позволяет выделить три уровня вмешательств при работе с профессиональным стрессом у сотрудников УИС: первичный (устранение источников стресса), вторичный (развитие навыков совладания) и третичный (реабилитация пострадавших).

2.1. Когнитивно-поведенческая терапия (КПТ) и управление стрессом

Когнитивно-поведенческая терапия является одним из наиболее эффективных методов снижения стресса, тревоги и симптомов ПТСР у сотрудников исправительных учреждений. В четырех из шести проанализированных исследований КПТ продемонстрировала значимые положительные результаты[1].

КПТ помогает сотрудникам идентифицировать и изменить дезадаптивные автоматические мысли («Я в постоянной опасности», «Мне нельзя никому доверять», «Я слабак, если обращаюсь за помощью»), которые формируются под влиянием травматического опыта. В теоретическом обосновании эффективности КПТ используется теория когнитивных схем Бека: повторяющееся воздействие стрессовых ситуаций создает укорененные негативные паттерны, а КПТ позволяет их реструктурировать.

2.2. Программы осознанности.

Медитации и практики осознанности, адаптированные для сотрудников правоохранительных органов, показали впечатляющие результаты: три исследования подтвердили их эффективность в повышении удовлетворенности жизнью, устойчивости и снижении выгорания. Мета-анализ также показал, что программы осознанности превосходят по эффективности критическое управление стрессом на этапе пост-лечения.

Практики осознанности помогают снизить реактивность на стрессоры, развить мета-познание (способность наблюдать за своими мыслями и эмоциями со стороны) и уменьшить физиологические проявления стресса. В российской практике используются также аппаратные методы психофизиологической саморегуляции, например, устройство биологической обратной связи «Релана», применяемое психологами ЛИУ-19 УФСИН России по Республике Мордовия для обучения навыкам саморегуляции и снижения нервно-психического напряжения.

2.3. Программы критического управления инцидентами (CISM)

CISM — это структурированный подход к оказанию неотложной психологической помощи сразу после критических инцидентов (нападений, смертей, захватов заложников). Согласно мета-анализу, CISM демонстрирует значимое снижение депрессии и симптомов ПТСР. Однако важно подчеркнуть, что разовые дебрифинги после инцидентов недостаточны — необходима системная работа, включающая подготовку до инцидента и долгосрочное сопровождение после него.

2.4. Программы поддержки коллег.

Пир-поддержка — это модель, при которой специально обученные сотрудники (не психологи, а коллеги по работе) оказывают первичную психологическую помощь и поддержку. Этот подход особенно эффективен в культурах с высокой стигматизацией обращения к профессионалам.

2.5. Организационные и системные меры

Ни одна индивидуальная терапия не будет полностью эффективна без изменений на уровне организации. В этом контексте важны следующие меры:

Обучение руководителей навыкам распознавания признаков выгорания у подчиненных и проведения поддерживающих бесед (а не простого направления к EAP).

Создание восстановительных пространств — комнат психологической разгрузки на территории учреждений.

Гибкие графики работы и обеспечение предсказуемых выходных дней для восстановления семейных связей.

Культурные изменения — отказ от токсичной маскулинности («я должен справляться сам») в пользу признания уязвимости как нормальной человеческой черты.

Обеспечение конфиденциального доступа к психологам (вне ведомственных структур, если необходимо).

3. Российский контекст: новые подходы в системе ФСИН.

В последние годы в российской системе УИС произошли значимые изменения в подходах к психологической поддержке персонала.

3.1. Новый порядок психологической помощи

Минюст России установил первые правила взаимодействия сотрудников ФСИН с психологами системы. Ключевые нововведения :

Сотрудник может обратиться за психологической помощью добровольно — как в устной, так и в письменной форме.

Основные направления работы психологов: восстановление психологических ресурсов лич-

ности, повышение компетентности в решении психологических проблем, помощь в профессиональной и социально-психологической адаптации, помощь в преодолении кризисных ситуаций.

Работа с психологом осуществляется без принуждения.

Как отмечает правозащитник Ева Меркачева, «это крайне важный документ», поскольку ранее порядка обращения не существовало, а психологическая помощь была труднодоступна[6].

3.2. Психологическая служба ФСИН: функции и задачи

Согласно информации официального сайта УФСИН России по Орловской области, психологическая служба реализует комплекс функций, включающих диагностическую, консультативную, психокоррекционную, прогностическую, психопрофилактическую, просветительскую и исследовательскую.

Особое внимание уделяется психопрофилактике эмоционального выгорания и профессиональной деформации сотрудников. Психологи проводят тренинги саморегуляции, занятия в системе служебной подготовки, используют индивидуальные и групповые формы работы (аутотренинг, социально-психологические тренинги).

3.3. Инновационные технологии

Помимо традиционных методов, в российской практике используются современные технологии. Как уже упоминалось, в ЛИУ-19 УФСИН России по Республике Мордовия применяется аппарат «Релана» для обучения навыкам психофизиологической саморегуляции. Устройство биологической обратной связи позволяет психологу контролировать реакции сотрудника в процессе беседы и аутогенной тренировки, повышая эффективность психокоррекционных мероприятий[5].

4. Формирование «естественной системы заботы»: интегративный подход

Современные эксперты сходятся во мнении, что эффективная поддержка сотрудников УИС не может сводиться к наличию формальных программ

Необходим переход к «естественной системе заботы» — культуре, где:

Лидеры на всех уровнях моделируют здоровое поведение (открыто говорят о своем стрессе, используют отпуска, обращаются за помощью).

Руководители среднего звена обучены не только делегировать и контролировать, но и слушать, поддерживать, замечать признаки дистресса.

Сотрудники поддерживают друг друга, а программы благополучия воспринимаются как норма, а не признак слабости.

Проводятся регулярные, неформальные «чек-ины» (как дела? что происходит?) — не только о работе, но и о жизни в целом, поскольку, как подчеркивается, «многие стрессоры являются домашними, а не рабочими».

Такой подход признает, что сотрудник — это не «проблема, которую нужно передать специалисту», а целостная личность, чье благополучие является общей ответственностью организации[2].

Психологическое выгорание и посттравматический стресс у сотрудников УИС представляют собой серьезную проблему, затрагивающую не только индивидуальное здоровье, но и эффективность всей пенитенциарной системы, а также безопасность общества в целом. Факторы риска многообразны: от хронической перегрузки и изоляции до вторичной травмы и культурных барьеров для обращения за помощью.

Современные исследования свидетельствуют о наличии эффективных методов реабилитации — от КПТ и программ осознанности до пир-поддержки и организационных изменений. Важно, что ни один из этих методов не работает в изоляции. Наиболее перспективным является интегративный подход, сочетающий индивидуальные интервенции, групповую поддержку и системные изменения в организации.

Российская система УИС находится в процессе трансформации подхода к психологической поддержке персонала: внедряются новые порядки добровольного обращения к психологам, развиваются технологии биоуправления, расширяются функции психологической службы. Однако ключевым вызовом остается преодоление стигматизации обращения за помощью и построение культуры, в которой забота о психическом здоровье является не исключением, а нормой.

Список литературы:

[1] Борисова Д.П., Дворянчиков Н.В. Взаимосвязь проявления синдрома эмоционального «выгорания» и отклоняющегося поведения у сотрудников УИС // Психология и право. — 2019. — Т. 9. — № 2. — С. 15–38. DOI: 10.17759/psylaw.2019090203

[2] Верстова М.В. Особенности синдрома эмоционального выгорания персонала исправительных учреждений // Юридический вестник Кубанского государственного университета. — 2018. — № 1. — С. 4–6.

[3] Водопьянова Н.Е., Старченкова Е.С. Синдром выгорания: диагностика и профилактика. — Санкт-Петербург, 2009. — 336 с.

[4] Зоткина А.А., Жильцова Ю.В. Психология принятия решений у сотрудников УИС: особенности и риски // КиберЛенинка. — 2024.

[5] Психологи ЛИУ-19 УФСИН России по Республике Мордовия используют в своей деятельности психофизиологический аппарат «Релана». УФСИН России по Республике Мордовия, 2024.

[6] Минюст озаботился психическим здоровьем сотрудников ФСИН. Московский комсомолец, 16.10.2025.

References:

[1] Borisova D.P., Dvoryanchikov N.V. The relationship between the manifestation of the syndrome of emotional “burnout” and deviant behavior among employees of the penal system//Psychology and law. — 2019. - VOL. 9. — № 2. - S. 15-38. DOI: 10.17759/psylaw.2019090203

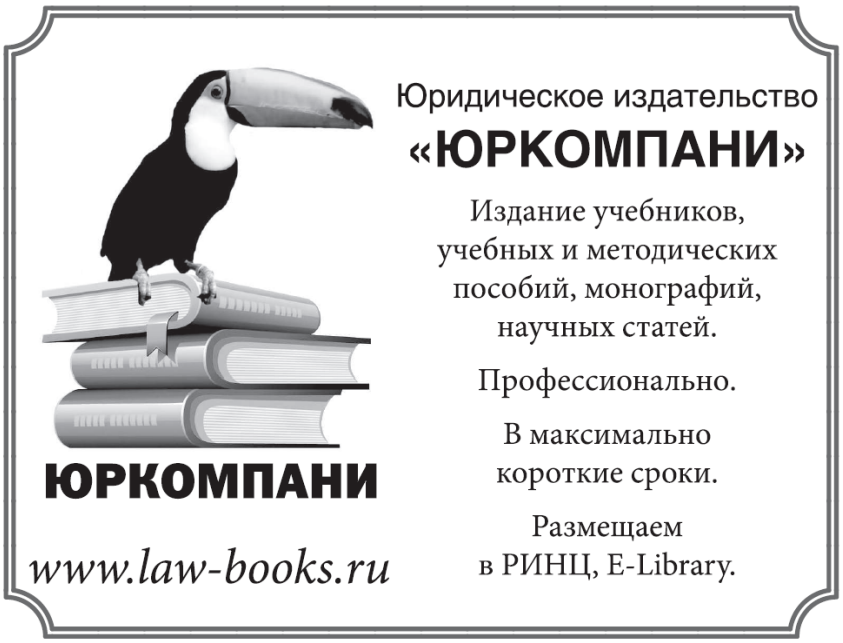
[2] Verstova M.V. Features of the syndrome of emotional burnout of correctional personnel//Legal Bulletin of Kuban State University. — 2018. — № 1. - S. 4-6.

[3] Vodopyanova N.E., Starchenkova E.S. Burnout syndrome: diagnosis and prevention. - St. Petersburg, 2009. - 336 p.

[4] Zotkina A.A., Zhiltsova Yu.V. Psychology of decision-making among penal system employees: features and risks//CyberLeninka. — 2024.

[5] Psychologists LIU-19 the Federal Penitentiary Service of Russia in the Republic of Mordovia use the Relana psychophysiological apparatus in their activities. UFSIN of Russia in the Republic of Mordovia, 2024.

[6] The Ministry of Justice took care of the mental health of the FSIN officers. Moskovsky Komsomolets, 16.10.2025.

- МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО -

Дата поступления рукописи в редакцию: 10.04.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.05.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3830-2026-4-459-466

ОНДАР Лидия Шуртуевна,
Кандидат исторических наук,
доцент кафедра теоретических и публично-правовых дисциплин,
ФГБОУ ВО «Тувинский государственный университет»,
e-mail: Olsh06@mail.ru

МЕЖДУНАРОДНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ТУВИНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА В КОНТЕКСТЕ НОРМАТИВНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Аннотация*. В статье рассматривается международная деятельность Тувинского государственного университета (ТувГУ) – единственного высшего учебного заведения Республики Тыва в контексте интеграции в международное образовательное и научное пространство. Анализируется нормативно-правовая база, регулирующая международное сотрудничество в сфере образования и науки. Особое внимание уделяется локальным нормативным актам ТувГУ, регламентирующим международную деятельность: Уставу ТувГУ, Стратегии интернационализации, положениям об академической мобильности, работе иностранными студентами и другими документами. Выделены ключевые направления международного сотрудничества ТувГУ. Цель статьи – обобщить опыт ТувГу по выстраиванию эффективной системы международного сотрудничества в условиях глобализации образования и изменения геополитической обстановки, а также показать вклад регионального вуза в реализацию государственной политики Российской Федерации в сфере международного образовательного и научного взаимодействия.*

Ключевые слова*: Тувинский государственный университет, Республика Тыва, сетевые образовательные программы, программы двойных дипломатов, иностранные студенты, совместные научные исследования, мобильность студентов, договоры о сотрудничестве, стажировки.*

ONDAR Lidiya Shurtuevna,
Candidate of Historical Sciences,
Associate Professor Department of Theoretical and Public Law Disciplines,
Tuvan State Univ

INTERNATIONAL ACTIVITIES OF TUVA STATE UNIVERSITY IN THE CONTEXT OF LEGAL AND REGULATORY FRAMEWORK

Annotation*. The article examines the international activities of Tuva State University (TuvSU), the only higher education institution in the Republic of Tuva, in the context of integration into the international educational and scientific space. The article analyzes the legal framework governing international cooperation in the field of education and science. Special attention is paid to the local regulations of TuvSU governing international activities, such as the TuvSU Charter, the Internationalization Strategy, regulations on academic mobility, the work of international students, and other documents. The article highlights the key areas of international cooperation at TuvSU. The purpose of this article is to summarize the experience of Tuva State University in building an effective system of international cooperation in the context of globalization of education and changes in the geopolitical situation, as well as to show the contribution of a regional university to the implementation of the state policy of the Russian Federation in the field of international educational and scientific cooperation.*

Key words*: Tuva State University, Republic of Tuva, network educational programs, double diplomas programs, foreign students, joint scientific research, student mobility, cooperation agreements, internships.*

В современных условиях международная деятельность российских университетов требует четкого нормативного сопровождения, что продиктовано рядом ключевых обстоятельств: динамичными геополитическими сдвигами; острой необходимостью укреплять конкурентные преимущества российского высшего образования на мировой арене; задачей поддержания высоких стандартов подготовки квалифицированных кадров; потребностью в защите национальных интересов в сфере образования; необходимостью гибко адаптироваться к меняющимся глобальным трендам и вызовам.

Тувинский государственный университет, или ТувГУ, как единственное федеральное государственное высшее учебное заведение в Республике Тыва, за три десятилетия развития продемонстрировал значительные достижения во всех сферах своей деятельности. В условиях фундаментальных изменений в сфере образования международная деятельность ТувГУ стала одним из ключевых стратегических приоритетов. Благодаря активному развитию международных связей университет успешно интегрировался в глобальную систему образования и научной деятельности.

В современном мире международное сотрудничество в области образования и науки невозможно без прочной правовой базы. Ясность и определенность, заложенные в законодательстве, минимизируют риски для всех сторон, участвующих в совместных проектах, а также способствуют повышению эффективности такого сотрудничества. Так, кроме Конституции РФ [1] и ФЗ № 273 [2], международное сотрудничество российских вузов регулируется ФЗ № 99 [3], ФЗ № 127 [4], ФЗ № 172 [5] и др.

Кроме того, основные направления в сфере международного образовательного и научного сотрудничества отражены также в Указе Президента РФ № 400 [6], постановлениях и распоряжениях Правительства РФ № 1642 и 377 [7].

В контексте деятельности региональных вузов международную деятельность субъектов РФ регулирует ФЗ № 4, принятый Государственной Думой 2 декабря 1998 г. [8] и определяющий, что субъекты РФ в пределах их полномочий могут осуществлять международное и внешнеэкономическое взаимодействие с субъектами иностранных государств с согласия Правительства РФ.

Республика Тыва устанавливает сотрудничество с различными регионами Монголии и Китая. В число партнеров входят 9 административных единиц: аймаки Увсанур, Кобдос, Завхан, Хубсугул, Арнагай и Баян-Ульгий в Монголии, а также провинция Ляонин, автономные районы Внутренней Монголии и Синьцзян-Уйгурского района в Китае [9]. Сфера взаимодействия охватывает множество секторов, включая торговлю, агропромышленный комплекс, промышленность, транспортную инфраструктуру, дорожное строительство, связь, использование природных ресурсов, образование, здравоохранение, культурную и спортивную сферы, а также туристический бизнес [10]. Международную деятельность ТувГУ, в свою очередь, выстраивают на партнерских соглашениях с федеральными органами исполнительной власти РФ, региональными властями Тывы, дипломатическими структурами (посольства и консульства), международными организациями и зарубежными научно-образовательными учреждениями. Подобная многоуровневая схема как раз и позволяет задействовать потенциал российских вузов в глобальной образовательной и научной среде.

Официальные визиты в ТувГУ включали: губернаторов приграничных монгольских аймаков (Ховдский, Баян-Ульгийский, Ув-ский, Завханский, Гоби-Алтайский, Хубсугульский) – 2016 г.; генконсула ФРГ в Иркутске Петера Бломайера – 2019 г.; делегацию японского Университета Цукуба, а также глав тибето-монгольского центра буддийской культуры из штата Индиана (США) «Досточтимый Арджа Лобсанг Тубтен Ринпоче» – 2019 г. [11]; генконсула КНР в Иркутске Ли Хая – 2023 г.; вице-президента Центрального университета тибетских исследований в Сарнате профессора Геше Нгаванга Самтена (Индия) и многих прочих.

ФЗ № 273 (ст. 105, п. 3) определяет, что образовательные организации могут сотрудничать на международном уровне, заключая договоры и соглашения с зарубежными лицами и организациями. ТувГУ установил международное сотрудничество с более чем 40 научными и образовательными организациями из различных государств. Среди них – Монголия (18), Китай (2), Казахстан (8), Германия (2), Италия (1), Словения (1), Камерун (1), Киргизия (1), Узбекистан (2), Таджикистан (2), Индия (1), Япония (2) и др. Вуз реализует стратегию, которая предусматривает тщательную оценку потенциала каждого партнера перед заключением соглашения. Необходимо оценить не просто имеющиеся ресурсы (научные, методические, материально-технические), но и потенциал для эффективного сотрудничества в динамичной среде.

Международное сотрудничество, оформленное договоренностями, охватывает ключевые области: создание и внедрение образовательных и научных проектов; обмен преподавателями, учеными и студентами; совместные фундаментальные и прикладные исследования в образовании с акцентом на инновации; реализацию сете-

вых образовательных программ; а также участие в международных мероприятиях, таких как проекты, конгрессы, симпозиумы, семинары и конференции [12].

ФЗ № 85 (с поправками к ФЗ № 273), устанавливает требование для российских образовательных учреждений о согласовании проектов международных соглашений (за исключением договоров на обучение) с Министерством науки и высшего образования РФ или Министерством просвещения РФ. В 2021 г. ТувГУ успешно прошел процедуру согласования 131 проекта договора о сотрудничестве с иностранными университетами, получив положительные заключения от Министерства науки и высшего образования.

Взаимодействие ТувГУ с иностранными образовательными и научными организациями на международной арене регламентируется не только международными соглашениями и федеральными законами, но также внутренними локальными нормативными документами [12, с. 130]. Юридическую основу правового регулирования деятельности ТувГУ составляют утвержденные Ученым советом документы: Устав ТувГУ [13], Стратегия интернационализации ТувГУ, Положение об академической мобильности студентов, аспирантов, преподавателей и научных сотрудников, ряд профильных Положений, а также документированная процедура «Инновационное развитие и международная деятельность» [14].

В целом нормативная база закрепляет приоритет международной интеграции как обязательного элемента развития вуза. Устав ТувГУ [15] фиксирует функцию содействия консолидации отечественных научных и образовательных достижений в глобальном контексте. «Стратегия интернационализации ТувГУ» [16], в свою очередь, задает ориентиры: наращивание международного престижа в исследовательской сфере, укрепление академического имиджа в области научных разработок и приведение образовательных программ в соответствие с передовыми международными стандартами.

Устав ТувГУ ставит перед собой задачу развития академического потенциала и стимулирования инноваций посредством сотрудничества [13]. В этом контексте планируется реализация проектов, направленных на создание востребованных учебно-научных изданий, организацию крупных научных форумов и дискуссионных площадок, внедрение передовых технологий в науку и производство, а также повышение квалификации сотрудников посредством совместных образовательных программ [17, с. 145].

Правовое регулирование вопросов, касающихся академической деятельности иностранных студентов (поступление, обучение, окончание) и их миграционных аспектов (въезд, выезд, временное проживание) в России осуществляется на федеральном уровне. В этом контексте действуют несколько ключевых законов: ФЗ № 109, который устанавливает правила миграционного учета иностранцев на территории страны [18]; ФЗ № 115, определяющий правовые статус, права и обязанности иностранных граждан в России, а также условия их обучения [19]; ФЗ № 114, регулирующий порядок пересечения государственной границы иностранными гражданами [20]. Такая ситуация формирует предсказуемые правовые рамки, которые благоприятствуют как учебным заведениям, так и иностранным студентам.

В ТувГУ для иностранцев действует специальный локальный акт, называемый «Положение о работе с иностранными студентами». Этот документ детально регламентирует все этапы взаимодействия с иностранными студентами: от приема до обучения и сопровождения в течение всего периода их учебы в университете [14].

ТувГУ уделяет большое внимание качеству образования для иностранных студентов, стремясь к их росту и обеспечивая им подготовку, которая высоко ценится на международном рынке труда. С 2019 по 2025 гг. число иностранных студентов, обучающихся в ТувГУ, демонстрирует устойчивый рост. Если в первые три года этот показатель колебался в пределах 1,7–1,89%, то с 2022 г. наблюдается резкий скачок: к 2025 г. доля иностранных учащихся вырастет более чем вдвое, достигнув 4,9% (с 3,73%). Такая динамика указывает на повышение международного авторитета и привлекательности ТувГУ для иностранных абитуриентов.

Так, за предыдущие годы ТувГУ подготовил и выпустил более 100 иностранных студентов, обучавшихся по очной форме обучения, которые успешно трудоустроились на международном рынке труда. В настоящее время в образовательный процесс вовлечено 180 иностранных студентов из Монголии, Казахстана, Японии, Китая, Узбекистана, Киргизии. ТувГУ активно расширяет международное сотрудничество, уделяя особое внимание реализации совместных образовательных программ (далее – СОП). Внедрение сетевых СОП находит свое правовое обоснование в Приказе Министерства науки и высшего образования РФ и Министерства просвещения РФ № 882/391. Данный документ устанавливает правила сотрудничества между образовательными учреждениями, определяет процедуры согласования учебных планов и программ, а также регламентирует порядок учета успеваемости студентов и выдачи дипломов. В нем также прописаны особенности документооборота, связанные с получением документов об образовании [21].

На 2026 г. ТувГу реализует 12 программ сетевого образования, в рамках которых получают образование 168 иностранных студентов. Это обстоятельство имеет важное значение для региональной высшей школы. В обучении применяются учебные пособия и словари, доступные на тувинском, русском, английском и монгольском языках. Для удобства иностранных студентов, особенно из Монголии, созданы дистанционные курсы монгольского языка, авторами которых выступают преподаватели ТувГУ в сотрудничестве с зарубежными партнерами. В рамках соглашений с иностранными университетами ТувГУ реализует программы двойного диплома. Среди партнеров – Северо-Восточный педагогический университет в Китае (г. Чаньчун) и Монгольский Национальный Университет (г. Улан-Батор). За период 2023–2026 гг. 31 выпускник ТувГУ успешно завершил программу, получив дипломы как от своего вуза, так и от иностранных партнеров.

Перед студентами ТувГУ выступили с лекциями преподаватели Сэй Мацусита (Университет Цукуба, Япония) на филологическом факультете, Ганхуу Цогбаяр (Завханский университет, Монголия) на физкультурном факультете, Глен Коуэн (Лондонский университет, Великобритания), Квон Чжи Хван (Южная Корея), на курсах корейского языка, В.М. Омаров (Инновационный университет Казахстана) на экономическом факультете и др.

ТувГУ, действуя на основе международных соглашений, оказывает помощь иностранным научным и образовательным организациям из Монголии, Китая и Казахстана. Эта поддержка направлена на проведение конкурсов и олимпиад, которые способствуют углубленному изучению России – ее языка, культуры и истории. Кроме того, ТувГУ содействует созданию и функционированию центров русского языка и культуры [17]. Так, например, преподаватели кафедры русского языка и литературы филологического факультета ТувГУ, к.ф.н. А.В. Тарыма, К.А. Сат, И.Д. Дамбыра проводили занятия по русскому языку в Педагогическом университете Внутренней Монголии (г. Хух-Хото, Китай), к.ю.н., декан юридического факультета А.Л. Монгуш – в Евразийском национальном университете им. Л.Н. Гумилева (Казахстан), д.э.н., профессор В.К. Севек – в Монгольском государственном университете, к.п.н., доцент Ондар Ч.М. – в Западном региональном филиале Монгольского государственного университета [17].

Международное сотрудничество активно развивается в сфере организации стажировок для преподавателей университетов, что играет ключевую роль в его развитии. Исследование данных по исходящей мобильности с 2018 по 2024 гг. свидетельствует о том, что ТувГУ активно участвует в различных программах: лидирующие позиции в этом направлении занимают филологический, исторический и сельскохозяйственный факультеты, которые регулярно отправляют своих студентов за рубеж.

По программам включенного обучения студенты экономического факультета ТувГУ обучаются в Инновационном Евразийском Университете (г. Павлодар, Казахстан). В свою очередь, студенты Инновационного Евразийского университета проходят обучение на экономическом факультете ТувГУ в г. Кызыл. ТувГУ активно сотрудничает с Монголией, проводя программы повышения квалификации для учителей русского языка в приграничных районах. Выпускники тувинских факультетов проходят практику в монгольских школах, получая ценный опыт работы и совершенствуя свои знания русского языка. Кроме того, преподаватели университета организуют олимпиады для монгольских школьников, победители которых могут в дальнейшем бесплатно обучаться в вузах РФ. Однако, академическая мобильность, как входящая, так и исходящая, демонстрирует тенденцию к снижению. Эта ситуация обусловлена комплексом факторов: геополитической напряженностью, недостатком финансирования и трансформацией форм международного взаимодействия. Тем не менее, университет не прекращает своих усилий по продвижению академической мобильности.

ТувГУ регулярно совершенствует научную инфраструктуру, активно сотрудничая с зарубежными учреждениями в рамках совместных научно-исследовательских проектов. Важную роль в этом играют международные конференции и симпозиумы, которые проводятся как очно, так и дистанционно. ТувГУ активно сотрудничает с зарубежными университетами в рамках масштабных международных образовательных инициатив ЕС, таких как Темпус и Эразмус+. В их числе реализация магистерских программ, посвященных пищевой безопасности, производству и продвижению традиционных продуктов на рынках РФ и Казахстана. Также ТувГУ участвует в создании бакалаврских программ по энергоэффективности и экологической устойчивости в строительстве для РФ, КНР и Азербайджана, которые будут доступны в онлайн-формате. Кроме того, университет стремится улучшить свои программы в сфере искусства и гуманитарных наук, интегрируя европейские методы и инструменты STEM/ARTEST.

Повышение конкурентоспособности российского образования на глобальном образовательном рынке требует системной интеграции вузов в международные кооперационные связи. Концепция внешней политики РФ задает стратегические ориентиры для развития международного научно-образовательного сотрудничества

России [23]. В рамках документа сформирован перечень ключевых интеграционных объединений, выступающих приоритетными площадками взаимодействия, среди которых выделяются: Содружество Независимых государств (СНГ), Евразийский экономический Союз (ЕАЭС), Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), объединение БРИКС. Эти структуры создают институциональную основу для укрепления научных и образовательных связей на международной арене [24].

ТувГУ активно развивает международные связи, фокусируясь на сотрудничестве с азиатскими государствами. Такой подход отвечает актуальным геополитическим и образовательным тенденциям. Университет является полноправным членом ряда международных организаций, среди которых Международная Ассоциация Азиатских университетов, Ассоциация образовательных и научных учреждений «Сибирский открытый университет» и Ассоциация региональных администраций Северо-Восточной Азии, которая объединяет институты из этой части мира.

Анализ международного взаимодействия ТувГУ демонстрирует его успешную интеграцию в глобальное образовательное и научное сообщество. Как единственный федеральный университет Республики Тыва, ТувГУ эффективно выполняет задачи государственной политики в области международных связей. Международное сотрудничество вуза имеет прочную нормативно-правовую основу, которая, однако, нуждается в регулярной корректировке с учетом эволюции геополитической обстановки, прежде всего в сфере академической мобильности. Университет активно развивает международное сотрудничество в различных сферах. К ним относятся совместные научно-исследовательские работы с иностранными университетами, реализация сетевых образовательных программ, а также участие в международных конференциях, семинарах и олимпиадах.

Опыт ТувГУ демонстрирует, как локальные университеты могут стать действенными участниками государственных программ по международному образованию и научному сотрудничеству. Адаптируясь к глобализации и геополитическим трансформациям, они способны эффективно выполнять свою миссию.

Список литературы:

[1] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/

[2] Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 № 273-ФЗ (последняя редакция) // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/

[3] Федеральный закон «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом» от 24.05.1999 № 99-ФЗ (последняя редакция) // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_23178/

[4] Федеральный закон «О науке и государственной научно-технической политике» от 23.08.1996 № 127-ФЗ (последняя редакция) // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_11507/

[5] Федеральный закон «О стратегическом планировании в Российской Федерации» от 28.06.2014 № 172-ФЗ (последняя редакция) // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_164841/

[6] Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/

[7] Постановление Правительства РФ от 26.12.2017 № 1642 (ред. от 17.12.2025) «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие образования»» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2026) // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_286474/ ; Постановление Правительства РФ от 29.03.2019 № 377 (ред. от 04.03.2026) «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Научно-технологическое развитие Российской Федерации»» // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_322380/

[8] Федеральный закон «О координации международных и внешнеэкономических связей субъектов Российской Федерации» от 04.01.1999 № 4-ФЗ (последняя редакция) // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_21476/

[9] Постановление Правительства Республики Тыва «Об утверждении доклада о реализации государственной программы Республики Тыва «Развитие внешнеэкономической деятельности Республики Тыва на 2022–2025 годы» за периоды с 2022 по 2023 годы» от 3 апреля 2024 г. № 144 // http://publication.pravo.gov.ru/document/1700202404040011?index=18

[10] Постановление Правительства Республики Тыва от 24 декабря 2018 г. № 638 «О Стратегии социально-экономического развития Республики Тыва до 2030 года» (с изменениями и дополнениями) // https://tyva-gov.ru/doc/16742

[11] В ТувГУ есть перспективы открытия новой программы по подготовке преподавателей и переводчиков тибетского языка // https://kizil.bezformata.com/listnews/tuvgu-est-perspektivi-otkritiya/74644440/

[12] Щукина Т.В. Правовые основы интеграции российского высшего образования в международную образовательную систему. // В сборнике: Административное законодательство и практика его применения: состояние, тенденции, эффективность. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Краснодар, 2020. С. 128-131.

[13] Устав ТувГУ, утвержденный приказом Министерства науки и высшего образования РФ от 20.04.2011 № 1509 // https://tuvsu.ru/upload/iblock/9c3/h1vrbhn9yfjzczwsaejfmx8ghcdbkrvu/Устав%20ТувГУ.pdf

[14] Положение о работе с иностранными студентами; Положение о Совете иностранных студентов; Положение об отделе международных и региональных связей; Положение о научно-образовательном Центре монгольского языка и культуры; Положение о Ресурсном центре французского языка; Положение о Ресурсном центре немецкого языка; Положение о научно-образовательном Центре японского языка и культуры; Положение о научно-образовательном Центре китайского языка и культуры; Положение об учебно-образовательном Центре ТувГУ при Ховдском государственном университете Монголии; Положение о сетевой форме реализации образовательных программ // https://inter.tuvsu.ru/upload/files/578f541f-8769-46c8-a09d-deac75405b9a.pdf

[15] Устав ТувГУ, утвержденный приказом Министерства науки и высшего образования РФ от 20.04.2011 № 1509. П. 2.1, п. 5) // https://tuvsu.ru/upload/iblock/9c3/h1vrbhn9yfjzczwsaejfmx8ghcdbkrvu/Устав%20ТувГУ.pdf

[16] Международная деятельность Тувинского государственного университета // https://inter.tuvsu.ru/normative-base/1311/

[17] Ондар Л.Ш. Административно-правовое регулирование международного сотрудничества в образовательной деятельности. // Евразийский юридический журнал. 2019. № 4 (131). С. 144-148. // https://eurasialaw.ru/2019g/4-131-2019g

[18] Федеральный закон «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации» от 18.07.2006 № 109-ФЗ (последняя редакция) // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61569/

[19] Федеральный закон от 25.07.2002 № 115-ФЗ (ред. от 31.07.2025) «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025) // https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?from=455955-0&req=doc&base=LAW&n=505899&rnd=ED4yJw#IeVAgzUyOZ7ppug51

[20] Федеральный закон от 15.08.1996 № 114-ФЗ (ред. от 23.07.2025) «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» // https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?from=454140-0&req=doc&base=LAW&n=510641&rnd=ED4yJw#z2DAgzUaQTuj3W1D

[21] Приказ Минобрнауки России № 882, Минпросвещения России № 391 от 05.08.2020 (ред. от 22.02.2023) «Об организации и осуществлении образовательной деятельности при сетевой форме реализации образовательных программ» (вместе с «Порядком организации и осуществления образовательной деятельности при сетевой форме реализации образовательных программ») // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_362065/992e75110f4569b2a0a310daeabe03a2e384311d/

[22] Постановление Правительства РФ от 09.04.2010 № 220 (ред. от 14.09.2022) «О мерах по привлечению ведущих ученых в российские образовательные организации высшего образования, научные учреждения и государственные научные центры Российской Федерации» (вместе с «Положением о совете по грантам Правительства Российской Федерации для государственной поддержки научных исследований, проводимых под руководством ведущих ученых в российских образовательных организациях высшего образования, научных учреждениях и государственных научных центрах Российской Федерации») // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_99332/

[23] Указ Президента РФ от 31.03.2023 № 229 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации» // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_443540/

[24] Бондаренко В.В., Назарова Н.А., Таишева К.С., Пензина Д.П. Регулирование международной деятельности российских образовательных организаций высшего образования. // Вестник университета. 2002. № 3. С. 5-14. // https://cyberleninka.ru/article/n/regulirovanie-mezhdunarodnoy-deyatelnosti-rossiyskih-obrazovatelnyh-organizatsiy-vysshego-obrazovaniya

[25] Постановление Правительства Республики Тыва от 29.10.2015 № 477 «О Стратегии развития федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Тувинский государственный университет» до 2020 года» // http://publication.pravo.gov.ru/document/1700201511050028

References:

[1] The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote 12.12.1993 with amendments approved during the all-Russian vote 01.07.2020) // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/

[2] Federal Law “On Education in the Russian Federation” dated 29.12.2012 No. 273-FZ (latest edition)// https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/

[3] Federal Law “On State Policy of the Russian Federation in Relation to Compatriots Abroad” dated 24.05.1999 No. 99-FZ (latest edition)// https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_23178/

[4] Federal Law “On Science and State Scientific and Technical Policy” dated 23.08.1996 No. 127-FZ (latest edition)// https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_11507/

[5] Federal Law “On Strategic Planning in the Russian Federation” dated 28.06.2014 No. 172-FZ (latest edition)// https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_164841/

[6] Decree of the President of the Russian Federation of 02.07.2021 No. 400 “On the National Security Strategy of the Russian Federation “// https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/

[7] Decree of the Government of the Russian Federation of 26.12.2017 No. 1642 (ed. 17.12.2025) “ On approval of the state program of the Russian Federation “Development of Education”” (amended and supplemented, entry в силу с 01.01.2026) // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_286474/ ; Decree of the Government of the Russian Federation of 29.03.2019 No. 377 (as amended on 04.03.2026) “ On approval of the state program of the Russian Federation “Scientific and technological development of the Russian Federation” “// https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_322380/

[8] Federal Law “On Coordination of International and Foreign Economic Relations of the Constituent Entities of the Russian Federation” dated 04.01.1999 No. 4-FZ (latest edition)// https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_21476/

[9] Resolution of the Government of the Republic of Tyva “On approval of the report on the implementation of the state program of the Republic of Tyva “Development of foreign economic activity of the Republic of Tyva for 2022-2025” for the periods from 2022 to 2023” dated April 3, 2024 No. 144// http://publication.pravo.gov.ru/document/1700202404040011?index=18

[10] Decree of the Government of the Republic of Tuva dated December 24, 2018 No. 638 “On the Strategy for the Socio-Economic Development of the Republic of Tuva until 2030” (as amended)// https://tyva-gov.ru/doc/16742

[11] TUVSU has prospects for opening a new program to train teachers and translators of the Tibetan language// https://kizil.bezformata.com/listnews/tuvgu-est-perspektivi-otkritiya/74644440/

[12] T.V. Shchukina. The legal basis for the integration of Russian higher education into the international educational system .//In the collection: Administrative legislation and the practice of its application: status, trends, effectiveness. Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference. Krasnodar, 2020. S. 128-131.

[13] The Charter of TUVSU, approved by order of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation of 20.04.2011 No. 1509// https://tuvsu.ru/upload/iblock/9c3/h1vrbhn9yfjzczwsaejfmx8ghcdbkrvu/Устав%20ТувГУ.pdf

[14] Regulation on work with foreign students; Regulation on the Council of Foreign Students; Regulation on the Department of International and Regional Relations; Regulation on the Scientific and Educational Center of the Mongolian Language and Culture; Regulation on the French Resource Centre; Regulation on the German Language Resource Center; Regulation on the Scientific and Educational Center for Japanese Language and Culture; Regulation on the Scientific and Educational Center for Chinese Language and Culture; Regulation on the Educational Center of TUVSU at the Khovd State University of Mongolia; Regulation on the network form of implementation of educational programs// https://inter.tuvsu.ru/upload/files/578f541f-8769-46c8-a09d-deac75405b9a.pdf

[15] The Charter of TUVSU, approved by order of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation of 20.04.2011 No. 1509. П. 2.1, п. 5) // https://tuvsu.ru/upload/iblock/9c3/h1vrbhn9yfjzczwsaejfmx8ghcdbkrvu/Устав%20ТувГУ.pdf

[16] International activities of Tuva State University// https://inter.tuvsu.ru/normative-base/1311/

[17] Ondar L.Sh. Administrative and legal regulation of international cooperation in educational activities .//Eurasian Law Journal. 2019. № 4 (131). С. 144-148. // https://eurasialaw.ru/2019g/4-131-2019g

[18] Federal Law “On Migration Registration of Foreign Citizens and Stateless Persons in the Russian Federation” dated 18.07.2006 No. 109-FZ (latest edition)// https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61569/

[19] Federal Law No. 25.07.2002 of 115-FZ (ed. 31.07.2025) “ On the Legal Status of Foreign Citizens in the Russian Federation” (amended and supplemented, entry в силу с 01.09.2025) // https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?-from=455955-0&req=-doc&base=LAW&n=505899&rnd=ED4yJw#IeVAg-zUyOZ7ppug51

[20] Federal Law No. 15.08.1996 of 114-FZ (as amended 23.07.2025) “ On the Procedure for Leav-

ing the Russian Federation and Entering the Russian Federation "// https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?from=454140-0&req=-doc&base=LAW&n=510641&rnd=ED4yJw#z2DAg-zUaQTuj3W1D

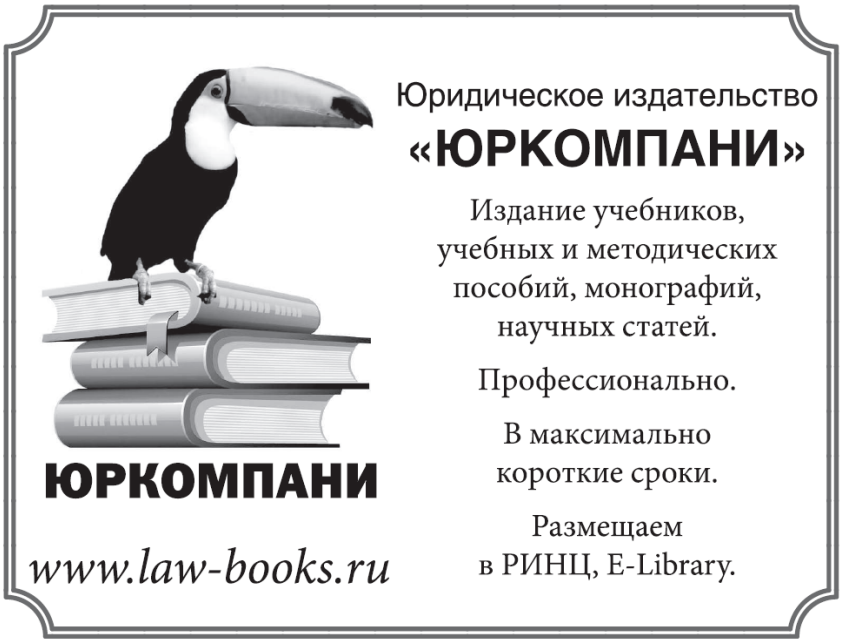
[21] Order of the Ministry of Education and Science of Russia No. 882, Ministry of Education of Russia No. 391 dated 05.08.2020 (as amended by 22.02.2023) " On the organization and implementation of educational activities in the network form of implementation of educational programs" (together with "Procedure for organizing and implementing educational activities in the network form of implementation of educational programs")// https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_362065/992e75110f4569b2a0a310daeabe-03a2e384311d/

[22] Decree of the Government of the Russian Federation of 09.04.2010 No. 220 (ed. 14.09.2022) " On measures to attract leading scientists to Russian educational institutions of higher education, scientific institutions and state scientific centers of the Russian Federation" (together with the "Regulation on the Council on Grants of the Government of the Russian Federation for State Support of Scientific Research Conducted under the Guidance of Leading Scientists in Russian Educational Institutions of Higher Education, Scientific Institutions and State Scientific Centers of the Russian Federation")// https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_99332/

[23] Decree of the President of the Russian Federation of 31.03.2023 No. 229 "On approval of the Concept of Foreign Policy of the Russian Federation "// https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_443540/

[24] Bondarenko V.V., Nazarova N.A., Taisheva K.S., Penzina D.P. Regulation of the international activities of Russian educational organizations of higher education .//University Bulletin. 2002. № 3. C. 5-14. // https://cyberleninka.ru/article/n/regulirovanie-mezhdunarodnoy-deyatelnosti-rossiyskih-obrazovatelnyh-organizatsiy-vysshego-obrazovaniya

[25] Decree of the Government of the Republic of Tuva dated 29.10.2015 No. 477 "On the Development Strategy of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Professional Education "Tuva State University" until 2020 "// http://publication.pravo.gov.ru/document/1700201511050028

Дата поступления рукописи в редакцию: 26.03.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-4-467-470
Дата принятия рукописи в печать: 03.05.2026 г.

РОМАНОВА Елена Николаевна,
заведующий кафедрой русского и иностранных языков юридического факультета, кандидат педагогических наук, доцент, ФКОУ ВО «Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний России, e-mail: mail@law-books.ru

ВЛИЯНИЕ ВОСПРИЯТИЯ ЛИЧНОСТИ ЗАКЛЮЧЕННОГО НА ХАРАКТЕР ТЮРЕМНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ЕВРОПЕЙСКИХ СТРАНАХ

Аннотация. *Целью данного исследования является анализ различных подходов к тюремному образованию в европейских странах, обусловленных особенностями в восприятии личности заключенного. Задачи исследования включают рассмотрение пенитенциарной политики Совета Европы в области образования взрослых, характеристике различных типов предлагаемого тюремного образования и выявление причин его сокращения. Гипотеза исследования заключается в том, что политика в области тюремного образования в европейских странах определяется отношением к заключенному как личности.*

Методы исследования включают анализ и синтез ключевых позиций теоретических работ, интерпретацию полученных выводов. В статье представлена характеристика основных причин сокращения объема образования в тюрьмах европейских стран, определена связь отношения к заключенному и качеством предоставляемого образования. Подчеркивается, что понимание разницы между образованием и обучением имеет решающее значение. Карательное мышление, доминирующее в уголовной политике англоязычных стран, определяет ограниченные и крайне негативные взгляды на человека в заключении. Соответственно, тюремные органы власти, придерживающиеся подобных взглядов, имеют тенденцию к ограничению образования.

Сделан вывод об отходе политики тюремного образования в европейских странах от принципов европейских тюремных правил, обусловленный отношением к заключенному как к преступнику, а не как к личности. Образование является разумной альтернативой обучению ограниченному набору навыков, тенденция к которому наблюдается во многих странах Европы.

Ключевые слова: *тюремное образование, обучение, личность заключенного, образование взрослых, трудоустройство, изменения в поведении, снижение рецидивов, образовательные инициативы.*

ROMANOVA Elena N.,
Head of the Department of Russian and Foreign Languages, Faculty of Law, PhD in Pedagogical Sciences, Associate Professor, Vladimir Law Institute, Federal Penitentiary Service of Russia

THE IMPACT OF PRISONER PERCEPTIONS ON PRISON EDUCATION IN EUROPEAN COUNTRIES

Annotation. *The aim of this study is to analyze various approaches to prison education in European countries, shaped by differences in the perception of prisoner personality. The objectives of the study include examining the Council of Europe's prison policy on adult education, characterizing the various types of prison education offered, and identifying the reasons for its decline. The study's hypothesis is that prison education policies in European countries are determined by the attitude toward prisoners as individuals.*

The research methods include the analysis and synthesis of key theoretical perspectives and the interpretation of the findings. The article presents a description of the main reasons for the decline in education in European prisons and identifies the relationship between attitudes toward pris-

oners and the quality of education provided. It is emphasized that understanding the difference between education and training is crucial. The punitive mentality that dominates penal policy in English-speaking countries leads to limited and extremely negative views of incarcerated individuals. Consequently, prison authorities that adhere to such views tend to restrict education.

The conclusion is drawn that prison education policies in European countries are moving away from the principles of European prison rules, driven by the perception of prisoners as criminals rather than individuals. Education is a reasonable alternative to the limited skills training seen in many European countries.

Key words*: prison education, training, prisoner personality, adult education, employment, behavior change, recidivism reduction, educational initiatives.*

Образование выступает одним из главных приоритетов в пенитенциарной системе и имеет решающее значение для сокращения масштабов рецидива и снижения уровня преступности. Предоставление той или иной формы образования заключенным было общей чертой современной пенитенциарной системы с момента ее создания [1]. Сегодня в европейских странах практически во всех тюрьмах предоставляется возможность получить образование, но его формы и содержание различны. Основные причины этого различия заключаются, во-первых, в различном понимании целей и возможностей образования в тюрьме; и во-вторых, выборе формы образования, который отражает отношение к самим заключенным в этой стране. Это означает, что выбор образования обусловлен восприятием и отношением к человеку в тюрьме. Целью данного исследования является анализ различных концепций в восприятии заключенного и его влияние на качество тюремного образования.

Взгляд на человека, находящегося в заключении, как на гражданина, члена общества, занимает центральное место в пенитенциарной политике Совета Европы в целом и в его политике в области тюремного образования в частности. Политика Совета в отношении тюремного образования наиболее полно изложена в документе «Образование в тюрьмах» и поддержана в Европейских тюремных правилах. Заключенные мужчины и женщины имеют право на такую же форму образования для взрослых, которая доступна и для других членов общества [6]. Совет Европы рассматривает образование для взрослых как «основополагающий фактор равенства образовательных возможностей и культурной демократии» и видит в нем содействие «развитию активной роли и критического отношения женщин и мужчин как родителей, производителей, потребителей, пользователей средств массовой информации, граждан и членов своего сообщества» [4].

Однако развитие тюремного образования в некоторых странах свидетельствует о явном отходе от этого целостного восприятия. В политике Совета Европы тюремное образование рассматривается как еще одна роль – противодействие негативному влиянию тюремного заключения. Все эти важные функции лежат в основе утверждения Совета о том, что образование должно иметь не меньший статус, чем работа в пенитенциарном режиме, и заключенные не должны подвергаться финансовому или иному ущербу из-за участия в образовании.

В Европе существуют различные подходы к образованию в тюрьмах. Его предоставление может быть встроено в общеобразовательную программу средней школы с учетом интересов и потребностей взрослых. Большинство же учебных программ ориентированы на трудоустройство и, в основном, сосредоточены на базовых навыках и профессиональной подготовке. Ряд программ предлагают курсы, непосредственно связанные с тюремным контекстом.

Важно понимание разницы между образованием и обучением. Обучение – это освоение навыка, обучение тому, как что-то делать, и направлено на трудоустройство. Образование, с другой стороны, связано с пониманием ценностей полученных знаний, и в конечном итоге направлено на развитие способности к критическому осмыслению того, что человек знает и как он может это применить. Отсюда следует вывод, что образование в тюрьмах, ориентированное на трудоустройство, по сути, не является образованием в широком смысле, как это понимает Совет Европы. Ценность образования, независимо от статуса человека, заключается в способности обучающегося трансформировать восприятие себя и других. Именно это восприятие определяет поведение людей. Чтобы проиллюстрировать это более подробно, полезно проанализировать различные подходы к обучению грамоте взрослых в Европе. Например, в Англии обучение грамоте называется «базовыми навыками» или «функциональными навыками», а в сфере образования заключенных оно приравнивается к трудоустройству и повышению квалификации заключенного. «Базовые навыки» синонимичны понятию функциональной грамотности. Это означает, что грамотность, то есть, умение читать и писать является, по сути, навыком, которому можно научить, и не более того.

В Ирландии понимание образования основано на идеале критической грамотности. Она рассматривается как мощный инструмент, используемый для преобразования личности, так как «чтение – это понимание мира, письмо – его преобразование». [7].

Восприятие заключенных как неполноценных граждан общества влечет ограничения в их образовании. Оно связано с карательным мышлением, которое доминирует в последнее время в уголовной политике англоязычных стран, характеризующееся ограниченными и крайне негативными взглядами на личность заключенных в отличие от их позитивной характеристики, данной Советом Европы. Тюремные власти, придерживающиеся подобных взглядов, имеют тенденцию к ограничению образования заключенных. Им не предлагается полноценная форма образования, поскольку они рассматриваются лишь как правонарушители, и их обучение преследует цель возможности трудоустройства после освобождения [2]. Такое восприятие заключенных ведет к сужению образовательных целей и методов, а предлагаемые им программы сосредоточены только на борьбе с противоправным поведением. Это означает, что они лишаются возможности личностного развития. Примером порочности такого подхода к образованию является опыт Британской Колумбии (Канада), когда федеральными властями было прекращено финансирование весьма успешных гуманитарных курсов, которые в течение около 20 лет преподавались в тюрьмах Университетом Саймона Фрейзера. Вместо этого образование было сосредоточено на криминогенных факторах посредством таких программ, как развитие когнитивных навыков, управление гневом и борьба с зависимостями. Однако последующие исследования показали, что программы, ориентированные на гуманизацию образования, помимо общеобразовательных преимуществ оказались гораздо более эффективными в снижении рецидивизма [5]. Тем не менее, программы, ориентированные на характер правонарушения, оказали значительное влияние на образование в тюрьмах Великобритании, Нидерландов и страна Северной Европы, вытесняя более традиционное гуманитарное образование. В результате возможности развития заключенных посредством более полного образования были утеряны.

На протяжении большей части последних трёх десятилетий образование взрослых было важной частью тюремной системы Ирландии, с высоким уровнем преподавательских ресурсов, финансируемых Министерством образования, Министерства юстиции и сильной поддержкой в целом со стороны тюремной администрации. Однако поддержка тюремного образования в последние годы стала менее очевидной. Решающим фактором в подрыве образования в ирландских тюрьмах является более негативное восприятие заключенного со стороны руководства системы с момента появления «карательного поворота» в Ирландии в конце 1990-х годов. Как административное, так и политическое руководство регулярно описывало всё население отдельных тюрем или тюремной системы в целом в терминах, которые изображали их всех опасными, жестокими и представляющими угрозу для общества [8].

Направленность тюремного образования лишь на профессиональную подготовку для последующего трудоустройства имеет еще одну негативную сторону, так как во многих тюрьмах предлагаемое обучение не соответствует требованиям рынка труда. По данным Министерства внутренних дел Великобритании полученные базовые навыки в тюрьмах не способствовали трудоустройству заключённых после освобождения. Они возвращались на предыдущую работу или находили её через родственников или друзей. Большинство респондентов, совершивших повторное правонарушение, связывали свои проблемы с алкоголем или наркотиками и нехваткой денег, а не с проблемами с трудоустройством [2].

Ещё одна форма сокращения объёма образования в тюрьме связанна с экономической эффективностью. Учитывая сложность процесса обучения и то, что обучение не ограничивается тюремным классом, в действительности практически невозможно выделить и идентифицировать определенные результаты, которые можно отнести к конкретным образовательным инициативам или процессам.

В 1990 году Генеральная Ассамблея ООН приняла Основные принципы обращения с заключенными, которые подчеркивают необходимость уважительного отношения к заключенным и признания их прав и свобод, изложенных во Всеобщей декларации прав человека. В них особо упоминается право заключенных на участие в «культурной деятельности и образовании, направленных на полное развитие человеческой личности». Это предполагает тот же тип обширной учебной программы и широко направленного образования, который был разработан Советом Европы.

Во многих странах Европы образование, предлагаемое заключенным, было сокращено и выхолощено из-за отхода от широкой концепции образования и неспособности признавать всю полноту личности заключенного. Образование во всем его многообразии является разумной альтернативой обучению ограниченному набору навыков, тенденция к которому наблюдается во многих странах Европы.

Список литературы:

[1] Ельчанинова О. Ю. Высшее образование для осужденных с применением дистанционных образовательных технологий в исправительных учреждениях зарубежных стран // Пенитенциарная наука. 2023. Т. 17, № 3 (63). С. 337–344.

[2] Costelloe, A., and Warner, K. (2008) 'Beyond offending behaviour: The wider perspectives of adult education and the European prison rules'. In Wright, R. (ed.) In the Borderlands: Learning to teach in prisons and alternative settings. 3rd ed. San Bernardino, CA: California State University– P.136−46.;

[3] Costelloe, A., and Warner, K. Prison education across Europe: policy, practice, politics URL: https://files.eric.ed.gov/fulltext/EJ1160356.pdf (Дата обращения 12.01.2026);

[44] Council of Europe Education in Prison: Recommendation No. R (89) 12 adopted by the Committee of Ministers of the Council of Europe on 13 October 1989. Strasbourg: Council of Europe. – 1990;

[5] Duguid S. (2000) Can prison work?: The prisoner as object and subject in modern corrections. University Toronto Press. –URL: https://philpapers.org/rec/DUGCPW (Дата обращения 12.01.2026);

[6] Guidance document on the European Prison Ruleshttps://www.europris.org/file/guidance-document-on-the-european-prison-rules-2023 (Дата обращения 15.01.2026);

[7] Pratt J., Brown, M., Brown, D., Hallsworth, S., and Morrison, W. (2005) The New Punitiveness: Trends, theories, perspectives. Cullompton: Willan Publishing. — 346 c..;

[8] Warner, K. (2011) 'Valued members of society? Social inclusiveness in the characterisation of prisoners in Ireland, Denmark, Finland and Norway Administration. – №59 (1). – P. 87−109.

References:

[1] Yelchaninova O. Yu. Higher education for convicts using distance educational technologies in correctional institutions of foreign countries// Penitentiary science. 2023. T. 17, NO. 3 (63). S. 337-344.

[2] Costelloe, A., and Warner, K. (2008) 'Beyond offending behaviour: The wider perspectives of adult education and the European prison rules'. In Wright, R. (ed.) In the Borderlands: Learning to teach in prisons and alternative settings. 3rd ed. San Bernardino, CA: California State University– P.136-46.;

[3] Costelloe, A., and Warner, K. Prison education across Europe: policy, practice, politics URL: https://files.eric.ed.gov/fulltext/EJ1160356.pdf (Дата обращения 12.01.2026);

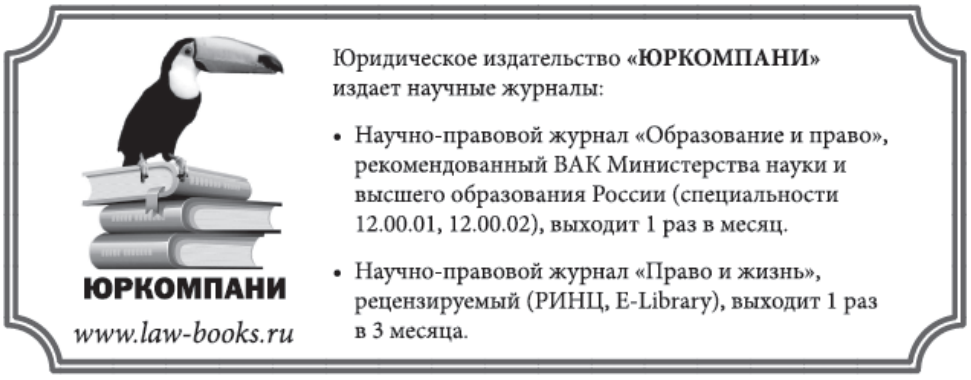
[44] Council of Europe Education in Prison: Recommendation No. R (89) 12 adopted by the Committee of Ministers of the Council of Europe on 13 October 1989. Strasbourg: Council of Europe. – 1990;

[5] Duguid S. (2000) Can prison work?: The prisoner as object and subject in modern corrections. University Toronto Press. -URL: https://philpapers.org/rec/DUGCPW (Date of contact 12.01.2026);

[6] Guidance document on the European Prison Ruleshttps://www.europris.org/file/guidance-document-on-the-european-prison-rules-2023 (Дата обращения 15.01.2026);

[7] Pratt J., Brown, M., Brown, D., Hallsworth, S., and Morrison, W. (2005) The New Punitiveness: Trends, theories, perspectives. Cullompton: Willan Publishing. — 346 c..;

[8] Warner, K. (2011) 'Valued members of society? Social inclusiveness in the characterisation of prisoners in Ireland, Denmark, Finland and Norway Administration. – №59 (1). - R. 87-109.

-УПРАВЛЕНИЕ ОБРАЗОВАНИЕМ -

Дата поступления рукописи в редакцию: 02.04.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.05.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3830-2026-4-471-476

ГАЛЬЧАК Ирина Петровна,
старший преподаватель кафедры технологии металлов и ремонта машин,
https://orcid.org/0000-0002-6557-4860,
e-mail: ira.gidravlika@mail.ru

АЛЕКСАНДРОВ Виктор Алексеевич,
кандидат технических наук, доцент,
доцент кафедры технологии металлов и ремонта машин,
https://orcid.org/0000-0001-6637-7917,
e-mail: alexandrov_vikt@mail.ru

САЛИХОВА Марина Николаевна,
старший преподаватель кафедры технологии металлов и ремонта машин,
https://orcid.org/0000-0002-4871-3259,
e-mail: salmar1981@mail.ru

КОЛЬГА Анатолий Дмитриевич,
доктор технических наук, профессор,
профессор кафедры технологии металлов и ремонта машин,
https://orcid.org/0000-0002-3194-2274,
e-mail: kad-55@yandex.ru

ЧУДИНОВ Александр Михайлович,
старший преподаватель кафедры технологии металлов и ремонта машин,
e-mail: alexxx777alex@mail.ru

СЕТЕВОЕ ПАРТНЕРСТВО «КОЛЛЕДЖ-ПРЕДПРИЯТИЕ» КАК РЕСУРС ПОДГОТОВКИ КАДРОВ ДЛЯ ПРОМЫШЛЕННОСТИ УРАЛА

Аннотация. *В статье рассматривается роль сетевого взаимодействия между профессиональными образовательными организациями и промышленным сектором в контексте реализации обновленного регионального проекта «Уральская инженерная школа». Авторами анализируются механизмы интеграции ресурсов образования и производства для обеспечения технологического суверенитета Свердловской области. Особое внимание уделяется созданию инженерно-образовательных экосистем и кластерному подходу как ключевым инструментам подготовки кадров, обладающих опережающими компетенциями.*

В отличие от традиционных моделей партнерства, анализ практик «Уральская инженерная школа 2.0» показывает переход от формального сотрудничества к глубокой интеграции, где предприятия выступают соорганизаторами образовательного процесса, участвуя в разработке новых программ, проведении демонстрационных экзаменов и реализации совместных проектных кейсов.

Ключевые слова: *сетевое взаимодействие, инженерные кадры, высокотехнологические компетенции, практико-ориентированное образование, кластерный подход.*

GALCHAK Irina Petrovna,
senior Lecturer of the Department of Metal Technology and Machine Repair

ALEKSANDROV Viktor Alekseevich,
candidate of Technical Sciences, Associate Professor,
Associate Professor of the Department
of Metal Technology and Machine Repair

SALIKHOVA Marina Nikolaevna,
senior Lecturer of the Department
of Metal Technology and Machine Repair

KOLGA Anatoly Dmitrievich,
doctor of Technical Sciences, Professor,
Professor, Department of Metal
Technology and Machine Repair

CHUDINOV Alexander Mikhailovich,
senior lecturer Department of Metal
Technology and Machine Repair

COLLEGE-ENTERPRISE NETWORK PARTNERSHIP AS A RESOURCE FOR TRAINING STAFF FOR THE URAL INDUSTRY

Annotation. *This article examines the role of networking between professional educational organizations and the industrial sector in the context of the implementation of the updated regional project "Ural Engineering School." The authors analyze the mechanisms for integrating educational and industrial resources to ensure the technological sovereignty of the Sverdlovsk Region. Particular attention is paid to the creation of engineering education ecosystems and the cluster approach as key tools for training personnel with advanced competencies.*

Unlike traditional partnership models, an analysis of the Ural Engineering School 2.0 practices reveals a shift from formal collaboration to deep integration, where enterprises act as co-organizers of the educational process, participating in the development of new programs, conducting demonstration exams, and implementing joint project cases.

Key words: *networking, engineering personnel, high-tech competencies, practice-oriented education, cluster approach.*

Введение

Свердловская область, являясь «опорным краем державы», стоит перед вызовом масштабной технологической модернизации и обеспечения кадровой безопасности промышленного сектора.

Значимость промышленности для экономики Урала определяется ее весом в ключевых макроэкономических показателях. Формируя порядка трети валового регионального продукта, индустриальный сектор обеспечивает не только бюджетную устойчивость, но и общероссийские позиции региона. Свердловская область входит в число десяти субъектов – лидеров, которые производят около 45 % всей промышленной продукции России, что подчеркивает высокую концентрацию производственных мощностей на территории региона.

Данные обстоятельства актуализируют задачу опережающей подготовки квалифицированных инженерно-технических кадров для промышленного комплекса региона. В решении этой задачи ключевая роль отведена системе СПО, а именно проекту «Уральская инженерная школа», реализуемому в Свердловской области с 2015 года. Проект направлен на восстановление и укрепление связей между образовательными организациями и реальным сектором экономики, формирование непрерывной системы инженерного образования «школа – колледж/вуз- предприятия». Необходим переход к более глубокой форме интеграции – сетевому взаимодействию, предполагающему совместное использование ресурсов, согласование образовательных программ с производственными задачами, участие работодателей в оценке результатов обучения.

В связи с этим целью настоящей статьи является обоснование роли сетевого взаимодействия колледжей и промышленных предприятий как фактора успешной реализации проекта «Уральская инженерная школа».

В 2014 году был инициирован проект «Уральская инженерная школа», как ответ на системный вызов, стоящий перед индустриальными районами России: старение кадров, дефицит квалифицированных рабочих и инженеров, а

также разрыв между содержанием образования и реальными потребностями высокотехнологичных производств. Инициатором проекта выступил Губернатор Свердловской области.

Реализация проекта запланирована на период 2015-2034 годов и предусматривает четыре этапа, представленные в *табл.1.*

Основная цель проекта заключается в обеспечении условий для подготовки рабочих и инженерных кадров, чья квалификация в полной мере соответствует текущим и перспективным потребностям промышленных предприятий Свердловской области, а также современным тенденциям развития экономики [1, с.24, 2,3].

Таблица 1. Этапы реализации проекта Уральская инженерная школа»

Цели этапа	Примеры реализации
1	**2**
I этап (2015-2016 г.г.) Пилотная апробация	
Этап нацелен на апробацию отдельных мероприятий проекта для соответствия их фактической эффективности ожидаемым результатам	На базе Уральского политехнического колледжа был создан Межрегиональный центр компетенций, занятый апробацией профессиональных модулей. Начал действовать филиал Сочинского центра для одаренных детей «Золотое сечение». Реализация 50 профориентационных площадок, в том числе в рамках проекта «Уральский Сириус» и образовательных центров, созданных на базе ведущих промышленных предприятий, таких как ЧТПЗ. Первоуральский металлургический колледж внедрил дуальную систему обучения, где большая часть учебного времени отводится практике.
II этап (2017-2018 г.г.) Распространение опыта	
На втором этапе решалась задача распространения успешного опыта пилотного этапа в системе образования Свердловской области. Было положено начало формированию материальной базы в образовательных организациях за пределами зоны «пилотного» этапа.	Показательным примером реализации задач второго этапа стала деятельность Нижнетагильского колледжа № 1, которому был присвоен статус Региональной инновационной образовательной площадки. Здесь развернулись два инновационных проекта: сетевая образовательная программа «Юный инженер», направленная на развитие инженерного мышления у младших школьников Горнозаводского округа, и проект «В тренде мировых образовательных практик», ориентированный на подготовку педагогических кадров, способных реализовывать программы развития инженерного мышления.
III этап (2019-20025г.г.) Расширение ресурсной базы	
Третий этап посвящен расширению ресурсной базы образовательных организаций с целью подготовки инженерных и технических кадров, совершенствованию организационных подходов к осуществлению сетевого взаимодействия между образовательными организациями и педагогических методик обучения.	Особенностью этого периода стало активное вовлечение в проект дошкольных образовательных организаций. Детские сады стали активно внедрять современные технологии: LEGO –конструирование, STEM - образование, робототехнику, мультстудии, экскурсии на промышленные предприятия.

IV этап (2026-2034 г.г.) Уральская инженерная школа 2.0	
Этот этап предполагает качественно новый уровень интеграции: создание и функционирование инженерной образовательной экосистемы, интегрирующей ресурсы организаций общего и дополнительного образования (в том числе «ресурсных школ», «школ-спутников», центров образования «Точка роста», детских технопарков «Кванториум», центров цифрового образования «IТкуб», базовых площадок Дворца молодежи, организаций СПО и ВО, организаций ДПО, социальных партнеров и предприятий работодателей)	Коллаборация предприятий и колледжей

В 2025 году в регионе стартовал четвертый, завершающий этап реализации стратегической инициативы губернатора – проект «Уральская инженерная школа 2.0» [4]. Основным вектором новой концепции стала синхронизация образовательных программ с задачами достижения технологического суверенитета и потребностями инновационных производств. Обновление проекта стало ответом на новые вызовы времени, предполагая консолидацию ресурсов для подготовки кадров с высокотехнологическими компетенциями. В этих условиях сетевое взаимодействие колледжей и предприятий партнеров перестает быть факультативной активностью и становится базовым условием функционирования современной системы среднего профессионального образования.

Анализ официальных источников и заявлений руководства министерства образования региона позволяет выделить ключевые содержательные блоки проекта «Уральская инженерная школа 2.0» [5,6,7]:

1. Непрерывная профориентация (проект охватывает учащихся с 6-го по 11-й классы);
2. Массовая подготовка кадров (реализация проекта предполагает ежегодное зачисление более 20 тыс. студентов в учебные заведения на программы технической и инженерной направленности);
3. Подготовка педагогических кадров, способных формировать у учащихся не просто набор знаний, а инженерное мышление;
4. Развитие инфраструктуры (создание современных образовательных пространств, с индивидуальными образовательными траториями);
5. Пять стратегических направлений [8]:

– Развитие высокотехнологичной инженерно-образовательной экосистемы;
– Внедрение технологий для новаторства и технологического прорыва;
– Модернизация системы подготовки школьников и студентов для работы на высокотехнологичном производстве;
– Совершенствование образовательного процесса для овладения инженерными профессиями;
– Эффективное использование ресурсов сетевых партнеров.

Именно последний пункт - эффективное использование ресурсов сетевых партнеров – является ключом к пониманию успеха проекта.

Сетевое взаимодействие в педагогической науке определяется как сложный механизм вовлечения нескольких организаций в единый образовательный процесс для централизации эффективного использования кадровых, материальных и информационных ресурсов. В рамках проекта ключевым становится кластерный подход [9,10]. Образовательно-производственные кластеры позволяют объединить потенциал «ресурсных центров» (ведущих колледжей, таких как Уральский политехнический колледж-МЦК), так и научно-производственную базу крупнейших предприятий регионов. Такая модель взаимодействия закреплена на законодательном уровне: стратегия национальной безопасности РФ и нормативные акты Свердловской области предусматривают обязательную интеграцию образовательных организаций с реальным сектором экономики для повышения качества подготовки специалистов.

Реализация обновленного проекта предполагает ежегодное зачисление более 20 тыс. сту-

дентов на программы инженерно-технической направленности. Для достижения качественных показателей в рамках сетевого взаимодействия внедряются следующие инструменты:

- Инженерно-образовательные экосистемы. Это формат долгосрочного сотрудничества, где предприятие участвует во всех этапах жизни студента начиная от профориентации «инженерных классах» и заканчивая итоговой аттестацией в форме демонстрационного экзамена на реальном оборудовании.
- Совместная проектная деятельность. Студенты колледжей под руководством наставников от производства решают реальные кейсы, связанные с импортозамещением и оптимизацией производственных циклов. Это способствует развитию инженерного мышления и гибких навыков (soft skills).
- Цифровизация и VR- технологии. Сетевое взаимодействие позволяет колледжам использовать цифровые двойники оборудования предприятий, что особенно актуально в 2026 году при внедрении новой модели инженерного образования [11].

Практический опыт реализации программ «Уральской инженерной школы» на базе ведущих площадок таких как ГАПОУ СО «Уральский политехнический колледж –МЦК», демонстрирует эффективность горизонтальных и вертикальных моделей связи. Взаимодействие с такими гигантами, как предприятия оборонно-промышленного комплекса и машиностроения, позволяет синхронизировать образовательные стандарты с актуальными требованиями рынка труда.

Ключевым вызовом 2026 года остается необходимость масштабирования опыта «ресурсных школ» и колледжей-лидеров на всю территория области, включая малые города. Важным инструментом здесь становится функционирование региональных площадок, которые аккумулируют лучшие методики сетевого обучения.

Заключение

Сетевое взаимодействие колледжей и промышленных предприятий является не просто организационной, формой, а фундаментальным фактором успеха проекта «Уральская инженерная школа». Интеграция ресурсов позволяет создать единую среду профессионального роста, где образование максимально приближено к реальности производства. Дальнейшее развитие этого направления должно быть связано с расширением цифровой инфраструктуры взаимодействия и укреплением статуса предприятий партнеров как соорганизаторов образовательного процесса, что позволит Свердловской области сохранить лидирующие позиции в подготовке инженерно-технических кадров для будущего страны.

Двадцатилетняя перспектива проекта (2015-2034 г.г.) позволяет выстроить непрерывную систему подготовки инженерных кадров – от дошкольного образования, где закладываются основы инженерного мышления, до системы дополнительного профессионального образования и непосредственно производства. Ключевым фактором успеха на всех этапах выступает сетевое взаимодействие образовательных организаций с промышленными предприятиями, позволяющее синхронизировать содержание образования с реальными производственными задачами и обеспечить бесшовный переход выпускников на высокотехнологические рабочие места.

Список литературы:

[1] Залманов Я. П., Балясникова Т. С. «Уральская инженерная школа»: от идеи к практике реализации // Профессиональное образование и рынок труда. – 2016. – № 1. – С. 24-25.

[2] Биктуганов Ю. И. Программа «Уральская инженерная школа» - новые кадры для Российской промышленности // Промышленная политика в Российской Федерации. – 2016. – № 1-3. – С. 13-22.

[3] Зарипова М. М., Московских И. Л. «Уральская инженерная школа» в действии // Профессиональное образование и рынок труда. – 2016. – № 3. – С. 24-25.

[4] О комплексной программе «Уральская О комплексной программе «Уральская инженерная школа» [Электронный ресурс]: указ Губернатора Свердловской области от 6 октября 2014 г. № 453-УГ (ред. от 31.05.2016). – Доступ из справ. -правовой системы «ГАРАНТ». – Текст: электронный.

[5] Вызовы времени. Власти запустили проект «Уральская инженерная школа: 2.0» [Электронный ресурс] // Аргументы и Факты – Урал: еженедельник. – 2024. – № 30 (24 июля). – URL: https://ural.aif.ru/society/vyzovy-vremeni-vlasti-zapustili-proekt-uralskaya-inzhenernaya-shkola-2-0?from_inject=1 .

[6] Архипова Н. В. Профильное обучение: детский сад - школа - техникум - ВУЗ // Технологии образования. – 2019. – № 2(4). – С. 254-257.

[7] Рыбаков Е. А., Соловьева Ю. П. Современные подходы к профориентации в условиях создания «Уральской инженерной школы» // Профессиональное образование и рынок труда. – 2015. – № 1-2. – С. 24-26. – EDN TWEYMN.

[8] Светлана Тренихина рассказала о новых возможностях «Уральской инженерной школы

2.0» [Электронный ресурс] // Региональный центр патриотического воспитания: офиц. сайт. – 2025. – 31 янв. – URL: https://www.xn--b1azcy.xn--p1ai/news/svetlana-trenihina-rasskazala-o-novyh-vozmozhnostyah-uralskoj-inzhenernoj-shkoly-2-0/ .

[9] Романова О. В. «Уральская инженерная школа 2.0»: кластерный подход к подготовке инженерных кадров [Электронный ресурс] // Мир науки. Педагогика и психология. – 2023. – Т. 11, № 6. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/uralskaya-inzhenernaya-shkola-2-0-klasternyy-podhod-k-podgotovke-inzhenernyh-kadrov .

[10] Лизунов П. В. Сетевое взаимодействие профессиональных образовательных организаций с предприятиями как фактор повышения качества подготовки студентов [Текст]: дис. ... канд. пед. наук: 13.00.08 / Лизунов Павел Владимирович; Юж.-Ур. гос. гуманит.-пед. ун-т. – Челябинск, 2018. – 211 с.

[11] Тенденции в педагогике: от цифровизации до инклюзивного образования / М. Н. Салихова, И. П. Гальчак, В. А. Александров [и др.] // Российский научный вестник. – 2025. – № 5. – С. 341-345. – DOI 10.24412/2782-3830-2025-5-341-345. – EDN RZAKSG.

References:

[1] Zalmanov Y. P., Balyasnikova T. S. “Ural Engineering School”: from idea to implementation practice//Vocational education and labor market. – 2016. – № 1. - S. 24-25.

[2] Biktuganov Yu. I. Program “Ural Engineering School” - new personnel for the Russian industry// Industrial policy in the Russian Federation. – 2016. – № 1-3. - S. 13-22.

[3] Zaripova M. M., Moscow I. L. “Ural Engineering School” in action//Vocational education and the labor market. – 2016. – № 3. - S. 24-25.

[4] On the comprehensive program “Ural On the comprehensive program “Ural Engineering School” [Electronic resource]: decree of the Governor of the Sverdlovsk Region dated October 6, 2014 No. 453-UG (ed. 31.05.2016). - Access from ref. - legal system “GARANT.” - Text: electronic.

[5] Time calls. The authorities launched the project “Ural Engineering School: 2.0” [Electronic Resource]//Arguments and Facts - Ural: weekly. – 2024. - No. 30 (July 24). – URL: https://ural.aif.ru/society/vyzovy-vremeni-vlasti-zapustili-proekt-uralskaya-inzhenernaya-shkola-2-0?from_inject=1 .

[6] Arkhipova N.V. Specialized training: kindergarten - school - technical school - university//Education technologies. – 2019. – № 2(4). - S. 254-257.

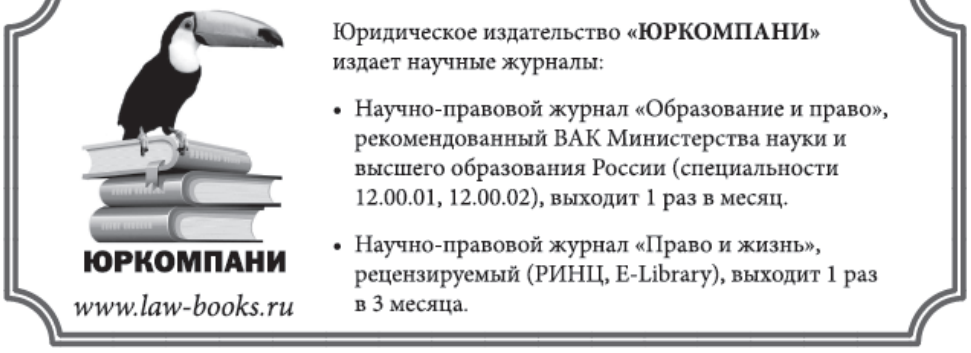
[7] Rybakov E. A., Solovyova Yu. P. Modern approaches to career guidance in the context of the creation of the Ural Engineering School//Vocational education and the labor market. – 2015. – № 1-2. - S. 24-26. – EDN TWEYMN.

[8] Svetlana Trenikhina spoke about the new opportunities of the Ural Engineering School 2.0 [Electronic Resource]//Regional Center for Patriotic Education: Office. site. – 2025. – 31 янв. – URL: https://www.xn--b1azcy.xn--p1ai/news/svetlana-trenihina-rasskazala-o-novyh-vozmozhnostyah-uralskoj-inzhenernoj-shkoly-2-0/ .

[9] Romanova O. V. “Ural Engineering School 2.0”: a cluster approach to the training of engineering personnel [Electronic resource]//World of Science. Pedagogy and psychology. – 2023. - T. 11, NO. 6. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/uralskaya-inzhenernaya-shkola-2-0-klasternyy-podhod-k-podgotovke-inzhenernyh-kadrov .

[10] Lizunov P.V. Network interaction of professional educational organizations with enterprises as a factor in improving the quality of student training [Text]: dis.... cand. ped. Sciences: 13.00.08/Lizunov Pavel Vladimirovich; South - Ur. state. humanitarian.-ped. un-t. - Chelyabinsk, 2018. - 211 s.

[11] Trends in pedagogy: from digitalization to inclusive education/M. N. Salikhova, I. P. Galchak, V. A. Alexandrov [et al.]//Russian Scientific Bulletin. – 2025. – № 5. - S. 341-345. – DOI 10.24412/2782-3830-2025-5-341-345. – EDN RZAKSG.

Дата поступления рукописи в редакцию: 02.04.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.05.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3830-2026-4-477-479

ЗОРИНА Наталья Сергеевна,
старший научный сотрудник
ФКУ НИИ ФСИН России,
e-mail: Natalya.natka2010@yandex.ru

САМОВОСПИТАНИЕ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ОСУЖДЕННЫХ В ВОСПИТАТЕЛЬНЫХ КОЛОНИЯХ

Аннотация. *В статье рассматривается проблема самовоспитания несовершеннолетних осужденных в условиях воспитательных колоний. Подчеркивается, что эффективность воспитательной работы напрямую зависит от формирования у подростков навыков самоанализа, саморегуляции, самооценки и самоконтроля. Описаны психологические и педагогические условия, способствующие развитию самовоспитания, а также методы вовлечения несовершеннолетних в процесс личностного роста и ресоциализации. Особое внимание уделено этапам самовоспитания: самопознанию, самооценке и самоуправлению. Сделан вывод о необходимости комплексного подхода к организации самовоспитания в воспитательных колониях для успешной ресоциализации и профилактики повторных правонарушений.*

Ключевые слова: *уголовно-исполнительная система, ФСИН России, несовершеннолетние осужденные, воспитательная колония, самовоспитание, деформация личности, ресоциализация.*

ZORINA Natalya Sergeevna,
Researcher of the Research Institute
of the Federal Penitentiary Service of Russia

SELF-EDUCATION OF JUVENILE CONVICTS IN EDUCATIONAL COLONIES

Annotation. *The article discusses the problem of self-education of juvenile convicts in conditions of educational colonies. It is emphasized that the effectiveness of educational work directly depends on the formation of adolescents' skills of self-analysis, self-regulation, self-esteem and self-control. The psychological and pedagogical conditions conducive to the development of self-education, as well as methods of involving minors in the process of personal growth and re-socialization are described. Special attention is paid to the stages of self-education: self-knowledge, self-esteem and self-management. The conclusion is made about the need for an integrated approach to the organization of self-education in educational colonies for successful re-socialization and prevention of repeated offenses.*

Key words: *penal enforcement system, Federal Penitentiary Service of Russia, juvenile convicts, educational colony, self-education, personality deformation, resocialization.*

Самовоспитание — это осознанная деятельность личности по формированию у себя положительных качеств, преодолению недостатков и развитию нравственных, интеллектуальных и физических способностей. В условиях воспитательной колонии этот процесс приобретает особое значение, поскольку большинство подростков имеют искаженные жизненные установки, низкую самооценку и негативный опыт социализации.

Самовоспитание обусловлено развитием общества, его требованиям к личности и служит общественным интересам. Его содержание зависит, прежде всего, от общественно-исторических условий, в которых живет и развивается человек [1].

Самовоспитание — это сознательная деятельность личности, направленная на выработку и совершенствование социально ценных качеств, преодоление негативных и антисоциальных черт. В.Сухомлинский отмечал: «Никто не может воспитать человека, если он сам себя не воспитывает». Поэтому задача воспитательной системы — разбудить внутренние силы подростка, направить его на саморазвитие [2].

Процесс самовоспитания в условиях воспитательной колонии осложняется рядом факторов: повышенной тревожностью, стрессом, чувством

одиночества, влиянием криминальной субкультуры. Лишение свободы становится психотравмирующим фактором, который выбивает подростка из привычной жизни и затрудняет его личностное развитие. Поэтому работа по подготовке к освобождению начинается с первых дней пребывания в колонии и включает индивидуальное и групповое психокоррекционное сопровождение [3].

В свою очередь необходимо сказать, что процесс самовоспитания состоит из трех основных этапов.

Начальный и фундаментальный этап самовоспитания –самопознание. На этом этапе человек стремится понять себя: свои сильные и слабые стороны, мотивы поступков, жизненные ценности, интересы и потребности. Для несовершеннолетних осужденных самопознание особенно актуально, поскольку многие из них имеют искажённое представление о себе, низкую самооценку и не умеют анализировать свои действия.

Немаловажную роль играет самооценка — это этап, на котором происходит сравнение реального «Я» (каким человек себя видит сейчас) с идеальным «Я» (каким он хотел бы быть). Самооценка может быть заниженной, завышенной или адекватной. У подростков из неблагополучных семей и несовершеннолетних осужденных часто встречается заниженная самооценка, что затрудняет их социализацию и самовоспитание [4].

В процессе работы по формированию самооценки важно:

– помочь подростку увидеть свои достижения и достоинства, чтобы он мог чувствовать свои усилия и возможности и в дальнейшем понимать и личностный рост.
– научить его объективно оценивать свои поступки, где будет присутствовать адекватное мышление.
– формировать позитивное отношение к себе, где появится уверенность, в том, что подросток справится с разными ситуациями.
– развивать навыки конструктивной самокритики. здоровая самокритика невозможна без самоуважения. Если позитивное отношение — это «я справлюсь», то конструктивная самокритика — это «я могу стать ещё лучше». Адекватная самооценка — основа для дальнейшего личностного роста и мотивации к самовоспитанию [5].

Самоуправление — это высший этап самовоспитания, на котором человек учится управлять своим поведением, эмоциями и поступками в соответствии с поставленными целями и нравственными нормами. Самоуправление включает:

– самоконтроль — умение сдерживать негативные импульсы, контролировать эмоции;
– саморегуляцию — способность корректировать своё поведение в зависимости от ситуации;
– самомотивацию — развитие внутренней потребности к самосовершенствованию;
– постановку жизненных целей и поиск путей их достижения.

В воспитательных колониях самоуправление формируется через вовлечение подростков в социально значимую деятельность: учёбу, труд, спорт, творчество, участие в самоуправлении отряда. Это помогает подросткам почувствовать ответственность за свои поступки и развить навыки самостоятельной жизни.

В условиях воспитательной колонии работа по самопознанию включает:

– индивидуальные и групповые беседы с психологом;
– ведение дневников самоанализа;
– участие в тренингах, направленных на выявление личностных качеств;
– обсуждение жизненных ситуаций и поступков, анализ причин своих ошибок.

Результатом самопознания становится формирование адекватной Я-концепции — целостного представления о себе как о личности, своих возможностях и ограничениях.

Для того, чтобы самовоспитание проходило более эффективно, следует осужденных ориентировать на нравственные нормы и личностные ориентиры. Нравственный идеал выступает как цель самовоспитания и как критерий правильности поступков и действий личности [6]. Изучение осужденных показывает, что у некоторых из них имеется положительный результат, у многих – отрицательный, а большое число осужденных вовсе не имеют идеала. Чтобы стимулировать процесс самовоспитания осужденных в нужном направлении, необходим индивидуальный подход [7].

О важности ресоциализации осужденных говорит и то, что в РФ ресоциализация на законодательном уровне определена в качестве отдельной формы профилактики рецидивной преступности. В ст.25 Федерального закона от 23 июня 2016 г. №182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации», закреплена возможность принятия ряда превентивных мер по реинтеграции в общество в отношении лиц, подвергнутых уголовному принуждению. Так, в РФ существует программа ресоциализации осужденных – «Школа подготовки к освобождению», в рамках которой сотрудники ВК проводят комплекс организационных и воспитательных мероприятий по подготовке несовершеннолетних осужденных к жизни в обществе [8].

Таким образом необходимо внедрение индивидуальных программ реабилитации с участием психологов, педагогов и соцработников. К тому же необходимо расширение альтернативных мер наказания: пробация, общественные работы. Процесс перевоспитания несовершеннолетних осужденных – дело большого количества людей, которые в совместной работе корректируют поведение детей и в результате возвращают в социум полноправных и не маргинальных членов общества. Эффективность работы персонала воспитательной колонии зависит от профессионализма её сотрудников, её материального обеспечения. Работа воспитателя основывается на множестве принципов и методов, которые формулировались специалистами в сфере педагогики в течении многих лет. Нынешняя задача воспитателей – разрабатывать новые методики педагогического воздействия на несовершеннолетних, которые учитывают индивидуальные особенности последних и позволяют осуществлять постоянный мониторинг педагогической активности и прогресса [9].

Таким образом, из вышесказанного следует вывод, что самовоспитание является неотъемлемой частью воспитательного процесса в уголовно-исполнительной системе. Оно является условием результативности исправления и успешности ресоциализации несовершеннолетних осужденных. Только при активном участии самого подростка возможно преодоление личностных деформаций и формирование законопослушного поведения.

Самовоспитание несовершеннолетних осужденных — сложный, но необходимый процесс, который требует системного подхода, участия педагогов, психологов и самих подростков. Только при условии активного вовлечения осужденных в работу над собой возможно их успешное возвращение в общество и предотвращение рецидивов.

Список литературы:

[1] Вилкова, А.В., Полякова, Я.Н. Ранняя психодиагностика и профилактика личности // Вопросы современной науки и практики. 2025. № 1(12). С. 87-92.

[2] Организация воспитательной работы с осуждёнными // Forpsy.ru.

[3] Воспитательная работа в уголовно-исполнительной системе // Referat911.ru.

[4] Зорина, Н. С. Педагогическая поддержка несовершеннолетних осужденных в воспитательных колониях: цели, механизмы и актуальные проблемы / Н. С. Зорина // Образование и право. – 2026. – № 1. – С. 650-652.

[5] Зорина, Н. С. Об отдельных проблемах содержания несовершеннолетних осужденных в пенитенциарных учреждениях Российской Федерации / Н. С. Зорина // Евразийский юридический журнал. – 2024. – № 7(194). – С. 471-472.

[6] Ковтуненко, Л.В., Вилкова, А.В., Ковалев, О.Г. Психологопедагогическое сопровождение несовершеннолетних в рамках исполнительной пробации // Антропогогика. 2025. № 1(17). С. 22-30.

[7] Рудаев, С. А. Понятие самовоспитания несовершеннолетних осужденных / С. А. Рудаев, Е. В. Кашкина // Антропогогика. – 2025. – № 3(19). – С. 57-62.

[8] Дрозд Н. А., Ежова О. Н. Ресоциализация несовершеннолетних осужденных //Проблемы и перспективы развития уголовно-исполнительной системы России на современном этапе. – 2020. – С. 117-121.

[9] Царькова, Е. Г. Принципы и методы педагогического воздействия на несовершеннолетних осужденных / Е. Г. Царькова, Н. С. Зорина // Евразийский юридический журнал. – 2024. – № 2(189). – С. 449-450.

References:

[1] Vilkova, A.V., Polyakova, Y.N. Early psychodiagnostics and personality prevention//Issues of modern science and practice. 2025. № 1(12). S. 87-92.

[2] Organization of educational work with convicts// Forpsy.ru.

[3] Educational work in the penal system// Referat911.ru.

[4] Zorina, N. S. Pedagogical support of juvenile convicts in educational colonies: goals, mechanisms and current problems/N. S. Zorina//Education and law. – 2026. – № 1. - S. 650-652.

[5] Zorina, N. S. On certain problems of keeping juvenile convicts in penitentiary institutions of the Russian Federation/N. S. Zorina//Eurasian Law Journal. – 2024. – № 7(194). - S. 471-472.

[6] Kovtunenko, L.V., Vilkova, A.V., Kovalev, O.G. Psychological and pedagogical support of minors within the framework of executive probation// Anthropology. 2025. № 1(17). S. 22-30.

[7] Rudaev, S. A. The concept of self-education of juvenile convicts/S. A. Rudaev, E. V. Kashkina// Anthropology. – 2025. – № 3(19). - S. 57-62.

[8] Drozd N. A., Yezhova O. N. Resocialization of juvenile convicts//Problems and prospects for the development of the penitentiary system of Russia at the present stage. – 2020. - S. 117-121.

[9] Tsarkova, E. G. Principles and Methods of Pedagogical Impact on Juvenile Convicts/E. G. Tsarkova, N. S. Zorin//Eurasian Law Journal. – 2024. – № 2(189). - S. 449-450.

Дата поступления рукописи в редакцию: 26.03.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.05.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3830-2026-4-480-485

КОШЕЛЕНКО Любовь Владимировна,
кандидат педагогических наук, доцент кафедры философии
Уральского государственного аграрного университета,
e-mail: lubov-koshelenko@mail.ru

ЕГОРОВ Сергей Георгиевич,
кандидат исторических наук, доцент кафедры философии
Уральского государственного аграрного университета,
e-mail: palamit@rambler.ru

ЗАРУБИНА Елена Васильевна,
кандидат философских наук, доцент,
заведующий кафедрой философии
Уральского государственного аграрного университета,
e-mail: ethos08@mail.ru

СИМАЧКОВА Наталья Николаевна,
кандидат исторических наук,
доцент кафедры менеджмента и экономической теории
Уральского государственного аграрного университета,
e-mail: nikolina73@yandex.ru

СТАХЕЕВА Любовь Михайловна,
кандидат экономических наук,
доцент кафедры бухгалтерского учета и аудита
Уральского государственного аграрного университета,
e-mail: staheeva53@mail.ru

ЧУПИНА Ирина Павловна,
доктор экономических наук, профессор кафедры философии
Уральского государственного аграрного университета,
e-mail: irinacupina716@gmail.com

ВОЗМОЖНОСТИ ГУМАНИТАРНЫХ ДИСЦИПЛИН В САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РАБОТЕ СТУДЕНТОВ

Аннотация. *Самостоятельная работа студентов в высшем учебном заведении является одной из основных форм учебной работы. В ней заключаются: проверка знаний и умений, полученных на теоретических занятиях, творческие способности будущего специалиста, возможность самовыражения студента как личности. Самостоятельная работа, выполняемая студентами, позволяет формировать его профессиональную культуру, практическое мышление, умения принимать верные решения в трудной ситуации. Самостоятельная работа позволяет разнообразить образовательный процесс, сделать его более интересным для молодых людей, а также лучше понять специфику профессиональной деятельности.*

Авторы анализируют особенности организации самостоятельной работы студентов в вузах, ее основные виды, выделяют проблемы организации самостоятельной работы студентов во многих высших учебных заведениях. что сегодня, в условиях цифровизации образовательного процесса и увеличения потока информации, самостоятельная работа студентов является неотъемлемой частью образовательного процесса, она способствует развитию самодисциплины, углублению знаний и формированию необходимых профессиональных компетенций.

Ключевые слова: *студент, самостоятельная работа, знания, умения, специалист, профессия, организация, творчество.*

KOSHELENKO Lyubov Vladimirovna,
Candidate of Pedagogical Sciences,
Associate Professor of the Department of Philosophy
Ural State Agrarian University

EGOROV Sergey Georgievich,
Candidate of Historical Sciences,
Associate Professor of Philosophy
Ural State Agrarian University

ZARUBINA Elena Vasilyevna,
PhD, Associate Professor,
Head of the Department of Philosophy
Ural State Agrarian University

SIMACHKOVA Natalia Nikolaevna,
Candidate of Historical Sciences,
Associate Professor of the Department
management and economic theory
Ural State Agrarian University

STAKHEEVA Lyubov Michailovna,
PhD in Economics, Associate Professor
of Accounting and Auditing Department
Ural State Agrarian University

CHUPINA Irina Pavlovna,
Doctor of Economics, Professor of Philosophy
of the Department of Philosophy,
Ural State Agrarian University

OPPORTUNITIES FOR HUMANITIES DISCIPLINES IN STUDENTS' INDEPENDENT WORK

Annotation. *Independent work of students at a higher educational institution is one of the main forms of educational work. It includes: testing the knowledge and skills acquired in theoretical classes, the creative abilities of a future specialist, and the opportunity for the student to express themselves as an individual. Independent work performed by students allows them to develop their professional culture, practical thinking, and the ability to make correct decisions in difficult situations. Independent work helps to diversify the educational process, make it more interesting for young people, and better understand the specifics of professional activities.*

The authors analyze the features of the organization of students' independent work at universities, its main types, and highlight the problems of organizing students' independent work at many higher education institutions. Today, in the context of digitalization of the educational process and an increase in the flow of information, students' independent work is an integral part of the educational process, contributing to the development of self-discipline, deepening knowledge, and forming the necessary professional competencies.

Key words: *student, independent work, knowledge, skills, specialist, profession, organization, creativity.*

Самостоятельная работа студентов является важной частью образовательного процесса. В настоящее время, в эпоху новых цифровых, дистанционных технологий в образовании, именно самостоятельная работа является одним из самых действенных методов эффективного образования. Значение самостоятельной работы трудно переоценить. «Организация самостоятельной деятельности студентов — это важный аспект образовательного процесса, который требует внимательного подхода» [1].

Именно самостоятельная работа в образовательном процессе играет важнейшую роль. «Процесс обучения в высшем учебном заведении

сегодня все больше опирается на самостоятельную работу студентов. Без нее трудно глубоко и полно овладеть большим и сложным программным материалом вуза и научиться постоянно совершенствовать свои знания в практической работе» [1].

В процессе становления специалиста самостоятельная работа позволяет сформировать ключевые навыки в контексте будущей профессии. «Самостоятельная работа способствует развитию ключевых навыков, которые необходимы в профессиональной жизни:

– самостоятельность и ответственность: студенты учатся брать на себя инициативу и нести ответственность за свои решения и действия, что является важным в любой профессии;
– проблемное мышление: участие в самостоятельных проектах и исследованиях развивает умение решать проблемы, анализировать информацию и принимать обоснованные решения, что критически важно в реальной работе.
– гибкость и адаптивность: самостоятельная работа позволяет студентам учиться адаптироваться к изменениям и находить оптимальные решения в различных ситуациях» [1].

Применение знаний и умений на практике позволяет наиболее глубоко воспринять учебный материал. «Происходит интеграция знаний и умений; активное усвоение информации, практические задания предоставляют возможность получать обратную связь от преподавателей и коллег, что помогает выявить слабые места и углубить понимание предмета» [1]. Естественно, что студент должен четко представлять критерии оценивания своей работы. [6, 7, 10].

Самостоятельная работа студентов – это контролируемая преподавателем работа студентов, но без его непосредственного участия в ней. Самостоятельная работа студентов – это вид учебной работы, в которой педагог участвует косвенно, лишь направляя студента, а студент сам находит решение поставленных задач, опираясь на доступные источники информации, опыт, изученный учебный материал. Поиск необходимой информации, ее анализ, обобщение, систематизация, сравнение, аргументация своей позиции – все это профессиональные качества специалиста, которые невозможно воспитать вне самостоятельной работы. Современный студент располагает огромным арсеналом возможностей для получения неограниченного количества информации. Поэтому решать возникающие проблемы без совершенствования способов самостоятельной работы просто невозможно. Основу самостоятельной работы студентов составляет индивидуальная умственная деятельность. Она выражается в том, что студенту надо работать самому, без постороннего вмешательства и помощи. Образовательный процесс предполагает инициативу личности, ее усилия и желание. Сознательность обучения, активное осмысление нового, позитивное личностное отношение к нему – все это является следствием самостоятельной деятельности.

«Содержание самостоятельной работы определяется требованиями стандарта образования и профессиональными требованиями современности. Организация самостоятельной работы строится в соответствии с принципами, главные из которых – научность, систематичность, последовательность, преемственность, сознательность, активность, практико-ориентированность, целесообразность и целенаправленность» [2].

Высшая школа отличается от других ступеней образования высокой степенью самостоятельности студентов. Знания, умения и навыки никогда не станут достоянием человека, если они не были предметом его собственной настойчивой и постоянной работы. Формирование оптимальной системы самостоятельной работы студента базируется на четкой, слаженной организации. Система самостоятельной работы студента представляет собой цикл взаимосвязанных мероприятий, которые обеспечиваются бюджетом времени, наличием методического обеспечения и помещений, мотивацией и стимулированием, достаточной материально-технической базой [8, с. 133]. Кроме того, самостоятельная работа воспитывает такие нужные специалисту качества, как воля, инициатива, творчество, независимость, самостоятельность решений. При этом она многовариантна и может осуществляться на разных уровнях. «Так, В. В. Егоров, Э. Г. Скрибницкий и В. Г. Храпченков выделяют «уровни самостоятельной учебной работы в соответствии с учебными возможностями студентов, и их всего четыре:

1. Копирующие действия обучающихся по заданному образцу, идентификация объектов и явлений, их узнавание путем сравнения с известными образцами. На этом уровне происходит подготовка обучающихся к самостоятельной учебно-познавательной деятельности.
2. Репродуктивная деятельность по воспроизведению информации о различных свойствах изучаемого объекта, в основном не выходящая за пределы уровня памяти. Однако на этом уровне уже начинается обобщение приемов и методов учебно-познавательной деятельности, их перенос на решение более сложных, но типовых задач.

3. Продуктивная деятельность самостоятельного применения приобретенных знаний для решения задач, выходящих за пределы известного образца, требующая способности к индуктивным и дедуктивным выводам.
4. Самостоятельная деятельность по переносу знаний при решении задач в совершенно новых ситуациях, условиях по составлению новых программ принятия решений, выработки аналогового мышления...» [3, с. 37].

Таким образом, самостоятельная работа студентов – это познавательная деятельность, средство обучения, которое определено целью, направлено на обучение, воспитание и развитие учащегося, она помогает ориентироваться в информации и накапливать собственный опыт, является фактором самодисциплины, мощным инструментом педагогического менеджмента в образовательной сфере.

В образовательной среде вуза самостоятельная работа студентов присутствует во многих формах работы. Преподаватель, работая со студентами, только ориентирует познавательный процесс студентов. Свою интеллектуальную деятельность в педагогическом процессе студент осуществляет сам. Познаваемый опыт не может стать достоянием человека, вне его самостоятельного освоения. Чаще всего самостоятельная работа получает свое выражение в домашних заданиях. Студент в это время получает возможность действовать по указаниям преподавателя, но одновременно, проявлять свою индивидуальность: способности, опыт, креативность, первичные знания и умения. Добавим, что занятость студентов в научно-исследовательской работе предполагает их самостоятельный творческий поиск новых аспектов исследования, видение незапланированных граней изучаемого явления.

Обязательная самостоятельная работа студентов предполагает работу, запланированную в учебном плане и программах учебных дисциплин: подготовка к занятиям; изучение материала для самостоятельной подготовки; выполнение рефератов, контрольных курсовых и дипломных работ. Как видно, все формы учебной работы содержат в себе обязательный самостоятельный компонент. «Необязательная» самостоятельная работа студентов включает индивидуальные или желаемые студентами задания: подготовка докладов, рефератов, выступления на конференциях, участие в конкурсах и олимпиадах, культмассовой работе. Эта работа не включена в учебные планы и основана на добровольном участии в ней. Надо отметить, что именно здесь проявление творческих способностей, инициативы и других качеств, участвующих в самореализации личности, проявляется наиболее эффективно. Это можно объяснить тем, что отсутствие обязательств исключает формальное отношение и деятельность студентов протекает более свободно и интересно.

Говоря о возможностях гуманитарных дисциплин в плане самостоятельной работы студентов, надо отметить их богатый потенциал. Остановимся на научных исследованиях. Студенты в основной своей массе проявляют достаточно сильный познавательный интерес в сфере философии, социологии, истории, культурологии, психологии и педагогики, особенно в прикладных аспектах этих наук. Они активно и с интересом берутся за исследовательскую работу по изучению интересующих их вопросов. Применяя различные исследовательские методы, студенты проводят научные исследования, что значительно расширяет их познавательный и прикладной кругозор.

В своей работе мы также применяем самостоятельную работу студентов в контексте практических занятий. Нами разрабатываются специальные задания, которые студенты выполняют на занятии, предлагая свои решения задач и выполнения заданий. Давая подробные указания действиям студентов, мы не ограничиваем их свободы в плане самореализации.

Надо отметить и то, что наша учебная программа содержит в себе специальные задания по самостоятельной работе студентов. Они сводятся к тому, что мы просим ребят провести исследование по самостоятельно выбранной ими теме. Студенты анализируют литературу, обосновывают свою позицию, делают выводы по исследуемой проблеме и защищают свою работу. Этот вид работ развивает язык, речь, умение отстаивать свою позицию, аргументировать доказательства, формирует лидерские качества.

Самостоятельная работа активизируется нами и в лекционном изложении материала. Метод проблемного изложения, ведение диалога со студентами, постановка проблемных вопросов – помогают нам активировать студентов, заставить их задумываться и делать выбор, основываясь на собственном опыте, а также найти максимально верное решение в противоречивых ситуациях. В этой работе студенты участвуют с удовольствием, так как у них появляется возможность самореализовать себя, высказаться, возможно, повысить свой статус в группе. Они хорошо идут на контакт и часто организуют интересные дебаты по проблемным вопросам.

Самостоятельная работа студентов на начальном этапе своего формирования в вузе планируется ректоратом и деканатом [9, с. 99]. Планирование данной работы является сложным организационным процессом. Оно включает в себя выделение учебных площадей, рабочих мест для преподавателей и студентов, специальных

аудиторий и лабораторий, библиотечных ресурсов (методических материалов и книг), подготовку планов-графиков, специальных стендов, разработку памятки первокурснику и др. Деканат собирает информацию о графиках работы по всем курсам и дисциплинам и на этой основе формирует сводный план-график, в который входят: перечень всех дисциплин, тем, объем нагрузки, периодичность контроля и результаты работы.

Планирование самостоятельной работы студентов кафедрой предполагает разработку сводных планов-графиков по выполнению самостоятельной работы и контрольных мероприятий на каждый семестр, выявление перегрузок и недогрузок в учебных занятиях у студентов; определение сроков контрольных мероприятий и сроков сдачи реферативных, контрольных, курсовых и дипломных работ; планирование самостоятельной работы на кафедре на каждый учебный семестр; оформление методического кабинета на кафедре. Кафедра и деканат сообщают преподавателю установленный ресурс времени на самостоятельную работу по данной дисциплине.

Планирование самостоятельной работы преподавателем начинается с определения своего направления преподавания и объема работы по плану кафедры. Опираясь на план-график внеаудиторной работы, преподаватель определяет тематику работы, составляет список студентов, закрепляет за каждым студентом тему исследования. Преподаватель занимается разработкой методических указаний к семинарским занятиям, определяя объем самостоятельной работы студента по подготовке к занятиям. Преподаватель разрабатывает методические указания к учебной работе, изучению дополнительной литературы и самостоятельной работе. Преподаватель разрабатывает учебно-исследовательскую работу на занятиях и во внеучебное время. На этапе подготовки студентов к экзамену и зачету, преподаватель консультирует студентов, ориентируя их в огромном количестве информации; разрабатывает индивидуальные формы работы со студентами при подготовке их персональных работ. «Контроль самостоятельной работы студентов — это необходимая часть образовательного процесса, позволяющая обеспечить качество обучения, выявить сильные и слабые стороны учащихся, а также поддержать их мотивацию и стремление к самосовершенствованию. Эффективная система контроля не только помогает студентам достигать высоких результатов в учебе, но и способствует гармоничному взаимодействию между преподавателями и учащимися». [5, с. 64].

Самостоятельная работа студента – это ведущий вид деятельности в современном образовании. Заметим, что репродуктивные умения (формальное исполнение стандартных задач) у студентов развиты достаточно хорошо. Одновременно, продуктивная познавательная деятельность вызывает у ребят массу вопросов и показывает нехватку умений в этой области: организация, планирование, составление графика и следование ему в работе. Несмотря на высокую мотивацию, интерес, базу школьных умений, первокурсники плохо подготовлены к самостоятельной работе студентов. Часто у ребят полностью отсутствуют умения конспектировать, выделять главное, обобщать, систематизировать и анализировать. Поэтому студентов необходимо учить выполнять подобную работу, знакомить с правилами самостоятельной работы и ее особенностями. Им нужно показывать планы-графики работы, которую они должны выполнить за неделю, месяц или семестр; рекомендациями к самостоятельной работе. Исходя из специфики дисциплины, и индивидуальности студента, необходимо останавливаться на различных формах самостоятельной работы: практические занятия, лабораторные занятия, домашнее задание и др.

Таким образом, самостоятельная работа студентов является неотъемлемой частью образовательного процесса, способствующей развитию самодисциплины, углублению знаний и формированию необходимых профессиональных компетенций.

В заключение необходимо отметить, что самостоятельная работа студентов является достаточно популярной среди студентов младших курсов и представляет для них интерес. Но как видно из полученного нами педагогического опыта, мотивация студентов к самостоятельной работе нуждается в постоянной корректировке. У первокурсников следует отметить достаточную опытную базу и высокий познавательный интерес, в то же время – частичное отсутствие практических умений по планированию, осуществлению и организации самостоятельной работы говорит о недостаточно высоком уровне их культуры организации умственного труда. На наш взгляд, эти проблемы необходимо решать с помощью четких рекомендаций к выполнению самостоятельных заданий для студентов младших курсов со стороны заинтересованных подразделений института, и, конечно же, преподавателей.

Список литературы:

[1] Городнова А.А. Организация самостоятельной работы студентов: учебно-методическое пособие. – Нижний Новгород: Изд-во ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2015. – 184 с.

[2] Денисова, Е.А. Организация самостоятельной работы студентов : электронное учебное пособие. – Тольятти: ФГБОУ ВО «Тольяттинский

государственный университет», 2016. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://dspace.tltsu.ru/bitstream/123456789/2966/1/Denisova%20Nikolaeva%20Nikolaeva%201-53-15%20_EUI_Z.pdf

[3] Егоров, В.В., Скибицкий Э. Г. Педагогика высшей школы : учеб. пособие. – Новосибирск: САФБД, 2008. – 260 с.

[4] Капсаргина С. А. Самостоятельная работа студентов как важный элемент образовател // Право и государство: теория и практика. - 2024. - №10 (238). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://cyberleninka.ru/article/n/samostoyatelnaya-rabota-studentov-kak-vazhnyy-element-obrazovatelnogo-protsessa-v-vuze

[5] Фастович Г.Г. Стратегия развития информационного общества в России: понятие и принципы // Право и государство: теория и практика. - 2020. - № 6 (186). - С. 61-64.

[6] Shmeleva, Zh. N. The general cultural competence formation in the process of the foreign language learning by students-managers // Era of Science. – 2018. – № 15. – P. 220-224.

[7] Shmeleva, Zh. N., N. S. Kozulina, R. V. Shmelev. The use of the business game as a means of improving the quality in economic disciplines teaching // Azimuth of Scientific Research: Pedagogy and Psychology. – 2020. – Vol. 9. - № 4 (33). – P. 279-283.

[8] Федчишин Ю. И., Майорова Н. В. Самостоятельная работа студентов и ее место в учебном процессе, как фактор повышения эффективности обучения // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2016. – Т. 37. – С. 131–141. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: http://e-koncept.ru/2016/56797.htm.

[9] Шарф И. В. Реализация самостоятельной работы студентов в компетентностной модели // Высшее образование в России. – 2011. – № 6. – С. 98–103.

[10] Шмелева, Ж. Н. Социализация и адаптация студентов первого курса ИММО Красноярского ГАУ посредством изучения иностранного языка. // Профессиональное самоопределение молодежи инновационного региона. – Красноярск: Литера-принт, 2017. – С. 239-241.

References:

[1] Gorodnova, A.A. Organization of Independent Work of Students: Educational and Methodological Guide. – Nizhny Novgorod: Publishing House of N.I. Lobachevsky Nizhny Novgorod State University, 2015. – 184 p.

[2] Denisova, E.A. Organization of Independent Work of Students: Electronic Educational Guide. – Tolyatti: Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Tolyatti State University”, 2016. – [Electronic resource]. – Access mode: https://dspace.tltsu.ru/bitstream/123456789/2966/1/Denisova%20Nikolaeva%20Nikolaeva%201-53-15%20_EUI_Z.pdf

[3] Egorov, V.V., Skibitsky E. G. Pedagogy of Higher Education: Textbook. Novosibirsk: SAFBD, 2008. 260 p.

[4] Kapsargina S. A. Independent work of students as an important element of the educational process // Law and State: Theory and Practice. - 2024. - № 10 (238). – [Electronic resource]. – Access mode: URL: https://cyberleninka.ru/article/n/samostoyatelnaya-rabota-studentov-kak-vazhnyy-element-obrazovatelnogo-protsessa-v-vuze

[5] Fastovich G.G. The Strategy of Information Society Development in Russia: Concept and Principles // Law and State: Theory and Practice. - 2020. - № 6 (186). - Pp. 61-64.

[6] Shmeleva, Zh. N. The general cultural competence formation in the process of the foreign language learning by students-managers // Era of Science. – 2018. – № 15. – P. 220-224.

[7] Shmeleva, Zh. N., N. S. Kozulina, R. V. Shmelev. The use of the business game as a means of improving the quality in economic disciplines teaching // Azimuth of Scientific Research: Pedagogy and Psychology. – 2020. – Vol. 9. - № 4 (33). – P. 279-283.

[8] Fedchishin Yu. I., Mayorova N. V. Independent work of students and its place in the educational process, as a factor in increasing the effectiveness of learning // Scientific and methodological electronic journal “Concept”. – 2016. – Vol. 37. – Pp. 131–141. – [Electronic resource]. – Access mode: URL: http://e-koncept.ru/2016/56797.htm.

[9] Sharf I. V. Implementation of students’ independent work in the competence-based model // Higher Education in Russia. – 2011. – № 6. – Pp. 98–103.

[10] Shmeleva, Zh. N. Socialization and adaptation of first-year students of the International Relations Department of the Krasnoyarsk State Agrarian University through the study of a foreign language. // Professional self-determination of young people in an innovative region. – Krasnoyarsk: Litera-print, 2017. – Pp. 239-241.

-ИННОВАЦИИ В МИРЕ -

Дата поступления рукописи в редакцию: 02.04.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-4-486-488
Дата принятия рукописи в печать: 03.05.2026 г.

БОДЯКОВ Владимир Николаевич,
доцент кафедры уголовно-процессуального права и криминалистики юридического факультета Владимирского юридического института ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент, e-mail: krim33@mail.ru

БАЖАНОВ Сергей Андреевич,
ведущий научный сотрудник ФКУ НИИ ФСИН России, г. Москва, Российская Федерация; кандидат юридических наук, e-mail: sergey.bazhanov62@yandex.ru

ПАТОХАРАКТЕРОЛОГИЧЕСКИЙ ТИП ПОВЕДЕНИЯ

Аннотация. *В статье рассматривается патохарактерологический тип девиантного поведения, обусловленный патологическими изменениями характера, сформировавшимися в процессе воспитания.*

Ключевые слова: *патохарактерологический тип девиантного поведения, эмоционально-неустойчивое расстройство личности, невротическое развитие личности.*

BODYAKOV Vladimir Nikolaevich,
Associate Professor of the Department of Criminal Procedure Law and Criminalistics of the Faculty of Law of the Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia

BAZHANOV Sergey Andreevich,
leading researcher, Federal State Institution Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russian Federation; Candidate of Legal Sciences

PATHOCHARACTEROLOGICAL TYPE OF BEHAVIOR

Annotation. *The article considers the pathocharacterological type of deviant behavior due to pathological changes in character that formed in the process of upbringing.*

Key words: *pathocharacterological type of deviant behavior, emotionally unstable personality disorder, neurotic personality development.*

Патохарактерологический тип девиантного поведения – это поведение, обусловленное патологическими изменениями характера, сформировавшимися в процессе воспитания.

К ним относятся так называемые расстройства личности (психопатии) и явные, выраженные акцентуации характера. Дисгармоничность черт характера приводит к тому, что изменяется вся структура психической деятельности человека. В выборе своих поступков он часто руководствуется не реалистичными и адекватно обусловленными мотивами, а существенно измененными «мотивами психопатической самоактуализации». Их сущностью является ликвидация личностного диссонанса, в частности рассогласования между идеальным «я» и самооценкой.

По данным Л.М. Балабановой, при эмоционально-неустойчивом расстройстве личности (возбудимой психопатии) наиболее частыми мотивами поведения являются стремление к реализации неадекватно завышенного уровня притя-

заний, тенденция к доминированию и властвованию, упрямство, обидчивость, нетерпимость к противодействию, склонность к самовзвинчиванию и поискам поводов для разрядки аффективного напряжения.

У лиц с истерическим расстройством личности (истерической психопатией) мотивами девиантного поведения выступают, как правило, такие качества, как эгоцентризм, жажда признания, завышенная самооценка. Переоценка своих реальных возможностей ведет к тому, что ставятся задачи, соответствующие иллюзорной самооценке, совпадающей с идеальным «я», но превышающие возможности личности. Важнейшим мотивационным механизмом является стремление к манипулированию окружающими и контролю над ними. Окружение рассматривается лишь как орудия, которые должны служить удовлетворению потребностей данного человека.

У индивидов с анакастными и тревожными (уклоняющимися) личностными расстройствами (психастенической психопатией) патологическая самоактуализация выражается в соблюдении ими привычного стереотипа действий, в уходе от перенапряжений и стрессов, нежелательных контактов, в сохранении личностной независимости. При столкновении таких людей с окружающими, с непосильными задачами в силу ранимости, мягкости, низкой толерантности к стрессу они не получают положительного подкрепления, чувствуют себя обиженными, преследуемыми.

К патохарактерологическим девиациям относят также так называемое невротическое развитие личности – патологические формы поведения и реагирования, сформированные в процессе неврогенеза на базе невротических симптомов и синдромов. Девиации проявляются в виде невротических состояний и ритуалов, которые пронизывают всю жизненную деятельность человека. В зависимости от их клинических проявлений человек может выбирать способы болезненного противостояния реальности. Например, индивид с навязчивыми ритуалами может подолгу и в ущерб своим планам совершать стереотипные действия (открывать и закрывать двери, определенное число раз пропускать подходящий к остановке троллейбус), целью которых является снятие эмоционального напряжения и тревоги.

К сходному параболезненному патохарактерологическому состоянию относят поведение, основанное на символизме и суеверных ритуалах. В подобных случаях поступки человека зависят от его мифологического и мистического восприятия действительности. Действия выбираются на базе символического истолкования внешних событий. Человек, например, может отказаться от необходимости совершить какой-либо поступок (жениться, сдавать экзамен и даже выйти на улицу) в связи с «неподходящим расположением небесных светил» или иными псевдонаучными трактовками действительности и суевериями.

Список литературы:

[1] Энциклопедия юридической психологии / под общ. ред. проф. А.М. Столяренко. М.: ЮНИТИ – ДАМА, Закон и право, 2003

[2] Калашникова Т.В., Калашникова М.м. Ценностные ориентации несовершеннолетних осужденных женского пола // Прикладная юридическая психология. 2012. № 3. С. 63-70

[3] Калитова А.Ю. Формирование готовности будущего учителя к развитию толерантного отношения учащихся к человеку: дис. … канд. пед. наук. – Самара, 2011. - 206 с.

[4] Основы психологии исполнения наказаний: учеб. Пособие/под ред. Е.Н. казаковой. – Вологда: Вологодский институт права и экономики Минюста России, 2001. – 347 с.

[5] Литвишков В.М. Пенитенциарная педагогика: курс лекций / В.М. Литвишков, А.В. Митькина. – М.: Московский психолого-социальный институт, 2004. – 400 с.

[6] Иванова Е.А. Психологические условия формирования самопонимания в юношеском возрасте: автореф. дисс. … канд. пед. наук/Е.А. Иванова. – Астрахань, 2007. – 28 с.

[7] Немов Р.С. Психология: учеб. для пед. вузов: в 3 т. / Р.С. Немов – 4-е изд. – т. 3: Психодиагностика. Введение в научное психологическое исследование с элементами математической статистики. – М.: ВЛАДОС, 2008. – 631 с.

[8] Вилкова А. В. Духовно-нравственные ценности несовершеннолетних осужденных и особенности социально-образовательной среды / А. В. Вилкова // В сборнике: педагогика и современное образование. Материалы Всероссийской научно-практической конференции аспирантов, соискателей, докторантов, научных руководителей, молодых ученых, специализирующихся в области образования. Сер. «Библиотека аспиранта» Санкт-Петербург.2022. С. 32-36.

[9] Смородинскова И. А. Основные функции деловой беседы / А. В. Вилкова, И. А. Смородинскова, В. Ю. Бунтина // В сборнике: Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. Научно-практическое ежеквартальное издание. Москва, 2021. С. 115-122.

[10] Ковалев О. Г. Криминогенная ситуация в сфере коррупционной преступности, ее детерминанты / А. В. Вилкова, О. Г. Ковалев, А. Ю. Гапонов // Тенденции развития науки и образования. 2021. № 76-4. С. 34-36.

[11] Литвишков В. М. Стороны делового общения / А. В. Вилкова, В. М. Литвишков // В сборнике: Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. Научно-практическое ежеквартальное издание. Москва. 2020. С. 131-144.

[12] Фадеева С. А. Делинкветное поведение как разновидность отклоняющегося поведения / А. В. Вилкова, С. А. Фадеева // В сборнике: Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. Научно-практическое ежеквартальное издание. Москва, 2019. С. 66-68.

[13] Вилкова А. В. Психолого-педагогическое изучение и социально-психологическая характеристика личности несовершеннолетних осужденных. Москва.2018.

[14] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. Социально-педагогическая запущенность несовершеннолетних осужденных / В сборнике: Уголовно-исполнительная система: законодательство, теория и практика. Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной памяти российского ученого-пенитенциариста заслуженного юриста Российской Федерации доктора юридических наук, профессора О. В. Филимонова. В 2-х частях. Самара, 2025. С. 87-93. Сборник статей круглого стола. Тверь, 2025. С. 93-96.

[15] Вилкова А. В., Тищенко Ю. Ю. Социально-педагогическая запущенность и делинквентность несовершеннолетних // В сборнике: Уголовно-исполнительная система: история и современность. Сборник материалов Межвузовской научно-практической конференции с международным участием. Псков. 2025. С. 65-68.

[16] Мудрецы России под ред. Сапунов В. Б., Ермилова М. В., Колесов В. И. (2-е издание). Санкт-Петербург, 2023.

References:

[1] Encyclopedia of legal psychology/under the general. ed. Prof. A.M. Stolyarenko. M.: UNITY - DAMA, Law and Order, 2003

[2] Kalashnikova T.V., Kalashnikova M.M. Value orientations of female juvenile convicts//Applied legal psychology. 2012. № 3. S. 63-70

[3] A.Yu. Kalitova. Formation of the future teacher's readiness to develop a tolerant attitude of students towards a person: dis.... cand. ped. sciences. - Samara, 2011. - 206 s.

[4] Fundamentals of psychology of execution of punishments: study. Manual/ed. E.N. Cossack. - Vologda: Vologda Institute of Law and Economics of the Ministry of Justice of Russia, 2001. - 347 s.

[5] Litvishkov V.M. Penitentiary pedagogy: course of lectures/V.M. Litvishkov, A.V. Mitkina. - M.: Moscow Psychological and Social Institute, 2004. - 400 s.

[6] E.A. Ivanova. Psychological conditions for the formation of self-understanding in adolescence: abstract. diss.... cand. ped. Sciences/E.A. Ivanova. - Astrakhan, 2007. - 28 s.

[7] Nemov R.S. Psychology: study. for ped. universities: in 3 tons/R.S. Nemov - 4th ed. - vol. 3: Psychodiagnostics. Introduction to scientific psychological research with elements of mathematical statistics. - M.: VLADOS, 2008. - 631 s.

[8] Vilkova A.V. Spiritual and moral values of juvenile convicts and features of the socio-educational environment/A.V. Vilkova//In the collection: pedagogy and modern education. Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference of Graduate Students, Applicants, Doctoral Students, Supervisors, Young Scientists Specializing in Education. Ser. "Postgraduate Library" St. Petersburg. 222. S. 32-36.

[9] Smorodinskova I. A. The main functions of a business conversation/A. V. Vilkov, I. A. Smorodinskova, V. Yu. Buntin//In the collection: Scientific works of the PKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. Scientific and practical quarterly publication. Moscow, 2021. S. 115-122.

[10] Kovalev O. G. Criminogenic situation in the field of corruption crime, its determinants/A. V. Vilkova, O. G. Kovalev, A. Yu. Gaponov//Trends in the development of science and education. 2021. № 76-4. S. 34-36.

[11] Litvishkov V. M. Parties to business communication/A. V. Vilkov, V. M. Litvishkov//In the collection: Scientific works of the PKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. Scientific and practical quarterly publication. Moscow. 2020. S. 131-144.

[12] Fadeeva S. A. Delinquent behavior as a type of deviant behavior/A. V. Vilkov, S. A. Fadeev//In the collection: Scientific works of the PKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. Scientific and practical quarterly publication. Moscow, 2019. S. 66-68.

[13] A. V. Vilkova. Psycholor-pedagogical study and socio-psychological characteristics of the personality of juvenile convicts. Moskva.2018.

[14] Vilkova A.V., Polyakova Y. N. Social and pedagogical neglect of juvenile convicts/In the collection: Criminal executive system: legislation, theory and practice. Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference with international participation, dedicated to the memory of the Russian scientist-penitentiary Honored Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor O. V. Filimonov. In 2 parts. Samara, 2025. S. 87-93. Collection of roundtable articles. Tver, 2025. S. 93-96.

[15] Vilkova A. V., Tishchenko Yu. Yu. Socio-pedagogical neglect and delinquency of minors//In the collection: The penal system: history and modernity. Collection of materials of the Interuniversity Scientific and Practical Conference with international participation. Pskov. 2025. S. 65-68.

[16] Sages of Russia ed. Sapunov V. B., Ermilova M. V., Kolesov V. I. (2nd edition). St. Petersburg, 2023.

Дата поступления рукописи в редакцию: 13.04.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-4-489-495
Дата принятия рукописи в печать: 03.05.2026 г.

ЗАРУБИНА Елена Васильевна,
кандидат философских наук, доцент,
заведующий кафедрой философии
Уральского государственного аграрного университета,
e-mail: ethos08@mail.ru

ЕГОРОВ Сергей Георгиевич,
кандидат исторических наук, доцент кафедры философии
Уральского государственного аграрного университета,
e-mail: palamit@rambler.ru

КОШЕЛЕНКО Любовь Владимировна,
кандидат педагогических наук, доцент кафедры философии
Уральского государственного аграрного университета,
e-mail: lubov-koshelenko@mail.ru

СИМАЧКОВА Наталья Николаевна,
кандидат исторических наук,
доцент кафедры менеджмента и экономической теории
Уральского государственного аграрного университета,
e-mail: nikolina73@yandex.ru

СТАХЕЕВА Любовь Михайловна,
кандидат экономических наук,
доцент кафедры бухгалтерского учета и аудита
Уральского государственного аграрного университета,
e-mail: staheeva53@mail.ru

ЧУПИНА Ирина Павловна,
доктор экономических наук,
профессор кафедры философии
Уральского государственного аграрного университета,
e-mail: irinacupina716@gmail.com

ТЕХНОЛОГИИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ПЛАНИРОВАНИИ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ РЕСУРСОВ

Аннотация. *Актуальность темы статьи обусловлена стремительным внедрением ИИ-технологий в управление человеческими ресурсами в российских и зарубежных организациях. Современная практика внедрения ИИ в планирование потребности в человеческих ресурсах в российских и зарубежных организациях демонстрирует переход от статического нормирования к динамическому, сценарно-ориентированному управлению человеческими ресурсами.*

Предметом исследования авторов являются ИИ-технологии в планировании потребности в человеческих ресурсах в современных российских и зарубежных организациях. Методами исследования стали анализ литературы, анализ практических кейсов по управлению человеческими ресурсами, статистический метод, экспертный опрос специалистов по управлению человеческими ресурсами.

Авторы выделяют концептуальную основу ИИ-планирования человеческих ресурсов, которая строится на интеграции разнородных массивов данных: внутренних HR-метрик (текучесть, производительность, карьерные траектории), операционных показателей бизнеса (выручка, загрузка мощностей, сезонность) и внешних макроэкономических индикаторов. С помощью методов регрессионного анализа, нейросетевых моделей и оптимизационных алгоритмов ИИ-системы формируют многовариантные сценарии развития потребности в компетенциях.

Особое внимание уделяется проблемам и барьерам внедрения ИИ-технологий в управление человеческими ресурсами как в российских, так и в зарубежных организациях.

В заключение статьи делается вывод о том, что сегодня формируется гибридная модель планирования человеческих ресурсов, в которой принятие решений, моральная ответственность и соответствие трудовому законодательству остаются не за ИИ-системами, но за специалистами по управлению человеческими ресурсами.

Ключевые слова*: Искусственный интеллект (ИИ), ИИ-система, ИИ-технология, управление человеческими ресурсами, планирование человеческих ресурсов, данные, гибридная модель, правовое регулирование, нравственные ограничения.*

ZARUBINA Elena Vasilyevna,
PhD, Associate Professor,
Head of the Departmentof Philosophy
Ural State Agrarian University

EGOROV Sergey Georgievich,
Candidate of Historical Sciences,
Associate Professor of Philosophy
Ural State Agrarian University

KOSHELENKO Lyubov Vladimirovna,
Candidate of Pedagogical Sciences,
Associate Professor of the Department of Philosophy
Ural State Agrarian University

SIMACHKOVA Natalia Nikolaevna,
Candidate of Historical Sciences,
Associate Professor of the Department
management and economic theory
Ural State Agrarian University

STAKHEEVA Lyubov Michailovna,
PhD in Economics, Associate Professor
of Accounting and Auditing Department
Ural State Agrarian University

CHUPINA Irina Pavlovna,
Doctor of Economics,
Professor of Philosophy of the Department of Philosophy,
Ural State Agrarian University

ARTIFICIAL INTELLIGENCE TECHNOLOGIES IN HUMAN RESOURCES PLANNING

Annotation*. The relevance of the article's topic is due to the rapid implementation of AI technologies in human resources management in Russian and foreign organizations. The current practice of implementing AI in human resources planning in Russian and foreign organizations demonstrates a transition from static planning to dynamic, scenario-based human resources management.*

The authors' research focuses on AI technologies in human resources planning in modern Russian and foreign organizations. The research methods included literature analysis, analysis of practical HR management cases, statistical analysis, and an expert survey of HR management specialists.

The authors highlight the conceptual basis of AI-based human resources planning, which is based on the integration of heterogeneous data sets: internal HR metrics (turnover, productivity, career trajectories), business operational indicators (revenue, capacity utilization, seasonality), and external macroeconomic indicators. Using regression analysis methods, neural network models, and optimization algorithms, AI systems generate multiple scenarios for the development of competence needs.

Special attention is paid to the problems and barriers of introducing AI technologies in human resources management in both Russian and foreign organizations.

In conclusion, the article concludes that today a hybrid model of human resources planning is being formed, in which decision-making, moral responsibility, and compliance with labor legislation remain not with AI systems, but with human resources specialists.

Key words: *Artificial intelligence (AI), AI system, AI technology, human resources management, human resources planning, data, hybrid model, legal regulation, moral restrictions.*

В современных условиях массового внедрения технологий искусственного интеллекта управление человеческими ресурсами трансформируется из операционно-реактивной функции в стратегический драйвер развития предприятий. По данным 2025–2026 гг., 57% российских компаний уже используют ИИ в решении HR-задач, а 37% считают это одним из главных достижений года. При этом 45% сотрудников кадровых департаментов применяют ИИ-инструменты хотя бы на базовом уровне [2]

Эти показатели сопоставимы с показателями европейских организаций. По данным Deloitte, в 2025 году примерно 52% компаний в странах Евросоюза используют ИИ - технологии в управлении человеческими ресурсами, а в США и Китае эта цифра достигает 70 – 75% [5]. По использованию ИИ-технологий в HR-менедменте наша страна, таким образом, находится не в «догоняющих», а в группе стран, которые быстро и эффективно внедряют ИИ, особенно в сегменте крупного бизнеса.

Одним из наиболее перспективных направлений трансформации управления человеческими ресурсами является внедрение искусственного интеллекта (ИИ) в процессы планирования потребности в персонале. Специалисты отмечают, что традиционные методы планирования персонала, которые опираются на исторические данные, экспертные оценки и линейную экстраполяцию, сегодня демонстрируют низкую адаптивность в условиях волатильности рынков, технологических сдвигов и меняющейся демографической ситуации [1, с. 11]. Тогда как алгоритмы машинного обучения и предиктивной аналитики позволяют перейти от ретроспективного учета к проактивному моделированию кадрового потенциала с помощью ИИ-систем.

Подчеркнем, что концептуальная основа ИИ-планирования человеческих ресурсов строится на интеграции разнородных массивов данных: внутренних HR-метрик (текучесть, производительность, карьерные траектории), операционных показателей бизнеса (выручка, загрузка мощностей, сезонность) и внешних макроэкономических индикаторов. С помощью методов регрессионного анализа, нейросетевых моделей и оптимизационных алгоритмов ИИ-системы формируют многовариантные сценарии развития потребности в компетенциях. При этом ключевым преимуществом ИИ-технологий является способность выявлять скрытые корреляции и прогнозировать дефицит или избыток персонала с горизонтом от трех до двадцати четырех месяцев [1, с. 15] , что существенно повышает точность бюджетирования и снижает риски операционных сбоев.

Современная зарубежная практика планирования человеческих ресурсов с помощью технологий ИИ демонстрирует зрелость внедрения подобных решений. Например, сегодня корпорация IBM (США), один из крупнейших в мире производителей и поставщиков аппаратного и программного обеспечения, а также IT-сервисов и консалтинговых услуг, активно использует платформу на базе Watson для перехода к модели организации, ориентированной на навыки. Для этого используется платформа предиктивного планирования с помощью ИИ, в основе которой лежит анализ компетенций, а не должностных позиций [4, с.1603]. ИИ-система анализирует динамику проектов, технологические тренды и профили сотрудников, прогнозируя потребность в специалистах по кибербезопасности и машинному обучению, а также предлагая внутренние ротации до возникновения дефицита.

ИИ-система агрегирует данные из профилей сотрудников, систем управления проектами, внутренних курсов и внешних технологических трендов, применяя графовые нейронные сети и методы рекомендательных систем [4, с. 1599]. Алгоритмы ИИ выявляют скрытые компетенции, прогнозируют устаревание навыков с горизонтом 12–24 месяца и автоматически сопоставляют дефицитные профили с внутренними кандидатами. Практическим результатом стало сокращение внешнего найма на критические направления, такие как кибербезопасность, машинное обучение, облачная архитектура, на 35–40%, а также формирование динамического пула внутренней мобильности персонала компании [4, с. 1600].

Подчеркнем, что важным элементом используемых технологий планирования персонала с помощью ИИ в IBM является интеграция планирования персонала с системой непрерывного обучения: ИИ не только фиксирует разрывы, но и генерирует индивидуальные траектории повышения квалификации и расширения профессиональных компетенций сотрудника в рам-

ках его текущей должности, синхронизированные с бизнес-циклами. Ограничения используемой в корпорации модели планирования персонала с участием ИИ связаны с необходимостью постоянной валидации данных о навыках, риском «алгоритмической инерции» при оценке междисциплинарного потенциала и требованием высокой дисциплины сотрудников в актуализации профилей.

В Unilever, транснациональной компании, одной из крупнейших производителей товаров повседневного спроса, предиктивные модели ИИ оценивают риск утраты критических компетенций в региональных филиалах, автоматически формируя пулы преемников и оптимизируя затраты на внешний найм персонала. Подчеркнем, что подобные системы сокращают время закрытия ключевых позиций на 30 - 40% и повышают точность формирования кадрового резерва компании [10, с. 1].

Отметим, что конкурирующие друг с другом крупнейшие зарубежные торговые площадки Walmart и Amazon сегодня распространили технологию планирования и управления запасами на основе реального спроса (demand-driven планирование или DDMRP) на планирование потребности в персонале. В секторе ритейла и логистики потребность в персонале напрямую детерминирована операционной волатильностью. Компании внедрили гибридные системы, объединяющие исторические данные о посещаемости, прогнозы спроса, погодные условия, локальные события и маркетинговые активности. На основе алгоритмов временных рядов (LSTM-сети, Prophet) и методов математической оптимизации, таких, например, как линейное программирование, reinforcement learning, формируются почасовые и посменные нормативы, минимизирующие как риски невыполнения заказов, так и избыточную занятость. В распределённых центрах обработки заказов ИИ прогнозирует пиковые нагрузки за 7–14 дней, автоматически активируя резервные пулы персонала и корректируя маршруты внутренней ротации сотрудников [3].

Подчеркнем, что по публичным отчётам Walmart и Amazon , точность прогнозирования кадровой нагрузки повысилась на 25–30%, затраты на сверхурочные выплаты сотрудникам снизились на 15–20% [3]. При этом ключевым вызовом применения demand-driven планирования к планированию персонала является достижение баланса между алгоритмической эффективностью и соблюдением трудового законодательства: жёсткая оптимизация графиков может приводить к непредсказуемости рабочих условий, что требует внедрения «этических ограничителей» в целевые функции алгоритмов и сохранения финального утверждения графиков за линейными руководителями обеих компаний.

В российском экономическом пространстве сегодня ИИ-планирование человеческих ресурсов внедряется преимущественно в крупных компаниях и торговых сетях. Так, ПАО «Сбербанк» применяет собственные аналитические модули на базе машинного обучения для прогнозирования нагрузки на фронт-офис и ИТ-подразделения. Алгоритмы учитывают сезонность продуктовых запусков, демографические изменения в регионах и данные об увольнении, что позволяет корректировать штатное расписание в режиме, близком к реальному времени [6].

Отметим, что в российской банковской экосистеме ИИ-планирование интегрировано в единую цифровую платформу управления талантами. Система использует ансамблевые модели машинного обучения (градиентный бустинг, случайные леса) для прогнозирования кадровой нагрузки в филиальной сети, ИТ-кластерах и центрах обслуживания клиентов. Входные параметры включают макроэкономические индикаторы, динамику цифровых продуктов, сезонность обращений, данные о текучести, внутренние метрики продуктивности и регуляторные изменения. Особенностью подхода является возможность запускать симуляции «что если»: руководители могут моделировать влияние запуска новых сервисов, изменения экономической конъюнктуры или реструктуризации подразделений на потребность в компетенциях и бюджет ФОТ с горизонтом до 18 месяцев [9]. Практическое внедрение сократило цикл согласования штатного расписания с нескольких месяцев до недель, повысило точность прогнозирования дефицита специалистов по данным и кибербезопасности, а также позволило оптимизировать распределение ресурсов между регионами.

Ограничивающими факторами здесь являются необходимость высокой цифровой зрелости локальных подразделений, риски «переобучения» моделей на исторических данных, не отражающих структурные сдвиги, и требования к интерпретируемости прогнозов для принятия управленческих решений.

Компания X5 Group использует нейросетевые модели для оптимизации численности персонала в распределённой логистической сети, связывая прогнозы спроса с графиками смен [6]. Это снижает переработки и минимизирует простой, обеспечивая гибкое масштабирование рабочей силы.

В сегменте ритейла и e-commerce российские компании развивают системы адаптивного кадрового планирования, синхронизированные с логистическими и коммерческими циклами. Нейросетевые модели учитывают не только исторические продажи, но и внешние сигналы: маркетинговые акции, погодные аномалии, транспорт-

ную доступность, локальные праздники и поведение конкурентов. На основе предиктивных моделей формируются динамические нормативы для складов, пунктов выдачи и курьерских служб, которые автоматически корректируются в режиме, близком к реальному времени. Внедрение сопровождалось созданием цифровых двойников логистических узлов, что позволило моделировать влияние кадровых решений на операционные KPI (скорость сборки, процент возвратов, удовлетворённость клиентов). Результаты включают снижение простоев персонала на 12–18%, оптимизацию фонда оплаты труда и повышение предсказуемости графиков для сотрудников [6].

Отметим, что масштабирование подобных систем сталкивается с проблемами фрагментации данных в распределённых структурах, необходимостью постоянной калибровки моделей под региональную специфику и требованием интеграции с учётными системами, не всегда адаптированными под аналитические нагрузки.

Несмотря на очевидные преимущества, внедрение ИИ в планирование персонала сопряжено с методологическими и этическими вызовами. Качество прогнозов напрямую зависит от полноты и достоверности исторических данных, что требует предварительной цифровой зрелости HR-процессов. Алгоритмическая предвзятость может воспроизводить системные дисбалансы, если модели обучаются на нерепрезентативных выборках. Поэтому международные стандарты и российская регуляторная повестка подчёркивают принцип инструментального подхода к ИИ-технологиям: ИИ генерирует сценарии и рекомендации, но стратегические решения о структуре штата, бюджетах и кадровой политике остаются за руководителями организаций. Кроме того, критически важна прозрачность алгоритмов и строгое соблюдение требований российского законодательства о защите персональных данных [7, с. 25].

Анализ представленных кейсов использования ИИ-технологий в планировании потребности современных организаций в человеческих ресурсах позволил авторам выделить ряд принципов и закономерностей в этой области.

Во-первых, точность ИИ-планирования определяется не сложностью алгоритмов, а качеством, полнотой и своевременностью входных данных: устойчивые результаты достигаются только при интеграции HR-метрик с операционными, финансовыми и внешними макроданными.

Во-вторых, наиболее эффективной остаётся гибридная архитектура HR, где ИИ генерирует вероятностные сценарии и ранжированные рекомендации, а финальные решения принимаются специалистами по управлению персоналом и руководителями предприятий с учётом организационной культуры, бюджетных ограничений и норм трудового законодательства.

В-третьих, критическим элементом внедрения ИИ-систем сегодня становится развитие HR-аналитических компетенций: специалисты должны интерпретировать доверительные интервалы прогнозов, выявлять системные смещения, обеспечивать прозрачность алгоритмических решений и выстраивать коммуникацию с сотрудниками.

В-четвертых, требования морали и норм трудового законодательства требуют внедрения и использования процедур регулярного аудита ИИ-систем и ИИ-технологий, информированного согласия соискателей и сотрудников на использование персональных данных и обязательного сохранения «человеческого контура» в стратегических кадровых решениях.

Анализ литературы, а также отечественной и зарубежной практики использования ИИ-технологий планирования потребности в человеческих ресурсах в современных организациях, позволил авторам выделить ключевые проблемы и барьеры в этой сфере:

1. Проблема качества и полноты данных. Алгоритмы зависят от объёма и чистоты исторических кадровых данных. В реальности HR-информация часто фрагментирована, содержит пропуски или субъективные оценки [8, с. 2273]. Отсутствие единых метрик и стандартизированных онтологий компетенций приводит к эффекту «мусор на входе — мусор на выходе», снижая достоверность прогнозов.
2. Алгоритмическая предвзятость и проблема «чёрного ящика». Модели обучаются на прошлых кадровых решениях, автоматически воспроизводя системные смещения. Непрозрачность нейросетей затрудняет валидацию рекомендаций [11, с. 41]. Для HR это неприемлемо: решения о найме, ротации или сокращении требуют юридической и этической обоснованности.
3. Проблема инфраструктурной и интеграционной сложности. Компании сталкиваются с высокими затратами на развёртывание, необходимостью постоянного мониторинга дрейфа моделей и обеспечением кибербезопасности чувствительных кадровых данных.
4. Проблема дефицита компетентных специалистов и организационное сопротивление. Рынок испытывает нехватку специалистов, владеющих одновременно HR-процессами и машинным обучением. Параллельно возникает «эффект недоверия»: линейные

менеджеры и HR-бизнес-партнёры отдают приоритет экспертной интуиции, воспринимая ИИ как угрозу профессиональной автономии.

5. Проблема правовового регулирования и нравственных ограничений использования ИИ-систем и технологий. В нашей стране применение ИИ в кадровой аналитике ограничено требованиями Федерального закона от27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» о локализации данных и запретом на полностью автоматизированные решения, затрагивающие права граждан. В ЕС регламент AI Act и GDPR устанавливают жёсткие рамки для ИИ-систем, требуя обязательного контроля человека над действиями ИИ [7, с. 27]. Различия юрисдикций усложняют масштабирование глобальными корпорациями.

Отметим, что сегодня зарубежные организации фокусируются на этическом аудите алгоритмов ИИ и кросс-культурной валидации. Российские компании решают задачи импортозамещения ИИ-платформ, адаптации под локальные трудовые практики и обеспечения технологического суверенитета. В обоих контекстах главным вызовом остаётся баланс между аналитической скоростью и человеческой ответственностью за кадровую стратегию.

Таким образом, современная практика внедрения ИИ в планирование потребности в персонале в российских и зарубежных организациях демонстрирует переход от статического нормирования к динамическому, сценарно-ориентированному управлению человеческими ресурсами. Успешные кейсы многих зарубежных и российских организаций подтверждают, что технологическая зрелость должна сопровождаться методологической строгостью, этической ответственностью и развитием аналитических компетенций основных функций HR-менеджмента. В перспективе развитие генеративных моделей, агентных систем и цифровых двойников рабочей силы позволит перейти от прогнозирования потребности организаций в человеческих ресурсах к автономному адаптивному планированию. Подчеркнем, что при всем активном внедрении ИИ-технологий в планирование потребности в человеческих ресурсах, принятие решений, моральная ответственность и соответствие трудовому законодательству остаются не за ИИ-системами, но за специалистами по управлению человеческими ресурсами.

Список литературы:

[1] Архипова Н.И. Тенденции цифровизации управления персоналом в современной России // Актуальные проблемы управления в условиях цифровой экономики России: Всерос. науч. конф.: Сб. статей. - Москва, 1 апреля 2020 г.: VII Сперанские чтения. - М.: РГГУ, 2020. - С. 10–16.

[2] Берзин Д. Роль Генеративного ИИ и больших языковых моделей в HR/ - [Электрон. ресурс]. - Режим доступа: https://joshbersin.com/2023/03/the-roleof-generative-ai-and-large-language-models-in-hr/

[3] Верняев Е. Искусственный интеллект в HR: лучшие практики. - [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://companies.rbc.ru/news/568QLaZLcR/iskusstvennyij-intellekt-v-hr-luchshie-praktiki/

[4] Garg, S., Sinha, S., Kar A. K., & Mani M. A review of machine learning applications in human resource management // International Journal of Productivity and Performance Management. – 2022. - № 71 (5). – Pp. 1590–1610.

[5] HR платформа «Пульс». - [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://developers.sber.ru/portal/products/pulse?ysclid=lqpom2sfke823446358

[6] Искусственный интеллект в HR. Кейсы российского рынка. Совместное исследование «Технологий Доверия» и Knomary. - 2023.- [Электрон. ресурс]. - Режим доступа: https://data.tedo.ru/publications/ai-in-hr.pdf

[7] Лобачёва А.С., Соболь О.В. Этика применения искусственного интеллекта в управлении персоналом // E-Management. - 2021. - Т. 4. - № 1. -С. 20– 28.

[8] Носырева И. Г., Белобородова Н. А. Внедрение технологий искусственного интеллекта как вызов специалистам по управлению персоналом // Лидерство и менеджмент. – 2025. – Т. 12. - № 11. – С. 2267-2288.

[9] Панфилова Я. ИИ в HR: применение искусственного интеллекта в подборе и управлении персоналом. - [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://simpleone.ru/blog/ai-in-hr

[10] Parasa S. K. (2023). Impact of AI on strategic workforce planning // Journal of Artificial Intelligence & Cloud Computing. – 2023. - № 2 (1). – Pp. 1–3. https://doi.org/10.54966/jaicc.v2i1.25

[11] Полищук О.А., Исаев П.А., Федоринов А.В. Искусственный интеллект в управлении человеческими ресурсами организаций // Известия Юго-Западного государственного университета. - Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. – 2023. - № 13(6). – С. 32- 43.

References:

[1] Arkhipova N.I. Trends in the digitalization of personnel management in modern Russia // Actual management problems in the digital economy of Russia: All-Russian Scientific Conference: Collection of articles. - Moscow, April 1, 2020: The VII Speranian Readings. - Moscow: RGGU, 2020. - pp. 10-16.

[2] Berzin D. The role of Generative AI and large language models in HR/ - [Electron. resource]. - Access mode: https://joshbersin.com/2023/03/the-roleof-generative-ai-and-large-language-models-in-hr/

[3] Vernyaev E. Artificial Intelligence in HR: Best Practices. - [Electronic resource]. – Access mode: https://companies.rbc.ru/news/568QLaZLcR/iskusstvennyij-intellekt-v-hr-luchshie-praktiki/

[4] Garg S., Sinha S., Kar A. K., and Mani M. A Review of the Application of Machine Learning in Human Resource Management // International Journal of Productivity and Performance Management. – 2022. - № 71 (5). – Pp. 1590–1610.

[5] Pulley Human Resources Platform. - [Electronic resource]. - Access mode: https://developers.sber.ru/portal/products/pulse?ysclid=lqpom2s-fke823446358

[6] Scientific interest in the field of personnel management. Cases of the Russian market. General research “Technical World” and news. - 2023.- [Electronic resource. resource]. - Working mode: https://data.tedo.ru/publications/ai-in-hr.pdf

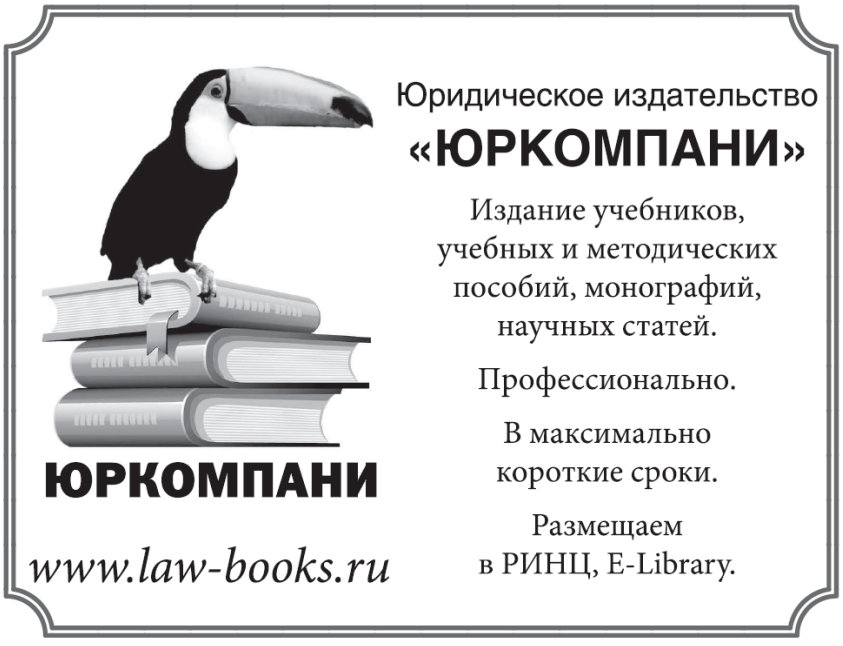
[7] Lobachuva A.S., Sobol O.V. Tactics of Applying State Intelligence in Human Resource Management // Electronic Management. - 2021. - Vol. 4. - № 1. - Pp. 20-28.

[8] Nosyreva I. G., Beloborodova N. A. Implementation of Artificial Intelligence Technologies as a Challenge for Human Resource Management Specialists // Leadership and Management. – 2025. – Vol. 12. - № 11. – Pp. 2267-2288.

[9] Panfilova, Ya. AI in HR: The Use of Artificial Intelligence in Recruitment and Human Resources Management. - [Electronic resource]. – Access mode: https://simpleone.ru/blog/ai-in-hr

[10] Parasa S. K. (2023). Impact of AI on strategic workforce planning // Journal of Artificial Intelligence & Cloud Computing. – 2023. - № 2 (1). – Pp. 1–3. https://doi.org/10.54966/jaicc.v2i1.25

[11] Polishchuk O.A., Isaev P.A., Fedorinov A.V. Artificial Intelligence in the Management of Human Resources in Organizations // Izvestiya of the Southwestern State University. - Series: Economics. Sociology. Management. – 2023. – № 13(6). – Pp. 32-43.

Дата поступления рукописи в редакцию: 28.03.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.05.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3830-2026-4-496-504

ЧУМАЧЕНКО Василий Андреевич,
3 курс аспирантуры Санкт-Петербургский Государственный Университет,
e-mail: mail@law-books.ru

СОЗДАНИЕ И ОБУЧЕНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ЦЕЛЯХ ЗАЩИТЫ ПУБЛИЧНОГО ИНТЕРЕСА: ЗА И ПРОТИВ

Аннотация. *В статье проводится правовой анализ применения искусственного интеллекта (далее - ИИ) для защиты публичного интереса. В отличие от распространенного подхода, фокусирующегося на этических дилеммах, статья переводит проблему в плоскость публично-правовых ограничений, возникающих на этапе обучения ИИ. Через призму жизненного цикла данных рассматриваются конституционные гарантии приватности, запреты на использование отдельных категорий информации и проблема соблюдения авторских прав при формировании датасетов. На основе законодательства и актов ЕС формулируются процедурные требования к созданию и обучению ИИ для государственных нужд: фильтрация датасетов, риск-ориентированный подход, прозрачность источников. Автор приходит к выводу, что реализация подобных систем требует формирования специальной правовой доктрины, основанной на принципах человеческого контроля, прозрачности, распределения ответственности и публичного надзора на всех стадиях обработки данных. Только при этих условиях ИИ может стать легитимным инструментом, усиливающим, а не подменяющим правовые и демократические основы общества.*

Ключевые слова: *государство, безопасность, искусственный интеллект, общество, публичный интерес, обучение, алгоритм, прозрачность.*

CHUMACHENKO Vasily Andreevich,
3rd year of postgraduate studies at St. Petersburg State University

CREATION AND TRAINING OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN ORDER TO PROTECT THE PUBLIC INTEREST: PROS AND CONS

Annotation. *The article provides a legal analysis of the use of artificial intelligence (AI) to protect the public interest. In contrast to the common approach that focuses on ethical dilemmas, the article translates the problem into the plane of public law restrictions that arise at the stage of AI training. Constitutional guarantees of privacy, prohibitions on the use of certain categories of information, and the problem of copyright compliance in the formation of datasets are considered through the prism of the data lifecycle. Based on EU legislation and acts, procedural requirements for the creation and training of AI for government needs are formulated: dataset filtering, risk-based approach, transparency of sources. The author concludes that the implementation of such systems requires the formation of a special legal doctrine based on the principles of human control, transparency, responsibility sharing and public oversight at all stages of data processing. Only under these conditions can AI become a legitimate tool that strengthens, rather than replaces, the legal and democratic foundations of society.*

Key words: *state, security, artificial intelligence, society, public interest, learning, algorithm, transparency.*

Актуальность рассматриваемой темы обусловлена стремительным процессом цифровизации государственного управления, который в настоящее время охватывает все сферы жизни общества. В рамках этого процесса система искусственного интеллекта (далее – ИИ) начинает занимать центральное место в обеспечении национальной безопасности, поддержании общественного порядка и защите ключевых национальных интересов. Российская Федера-

ция, следуя общемировым трендам, активно занимается разработкой и внедрением различных решений на основе ИИ. Эти технологии направлены на прогнозирование правонарушений, автоматизацию процессов модерации в информационном пространстве и повышение эффективности работы государственных органов. Национальная стратегия развития искусственного интеллекта, которая была установлена на период до 2030 года, четко обозначает приоритетное использование ИИ в интересах как общества, так и государства. Это требует создания мощных алгоритмических моделей, которые должны быть обучены на обширных и разнообразных массивах данных [17].

Введение искусственного интеллекта в область права и публичного управления является одним из самых значительных и спорных вызовов нашего времени. Аргументы в пользу интеграции известны: повышение эффективности и объективности государственных институтов, снижение влияния человеческого фактора и коррупционных рисков. Так, ИИ способен выявлять скрытые нарушения в госзакупках, оптимизировать распределение ресурсов в здравоохранении или прогнозировать чрезвычайные ситуации. Вместе с тем, существуют весомые контраргументы, которые подчеркивают серьезные риски, угрожающие основам правопорядка и демократическим ценностям, связанные с проблемой «черного ящика», алгоритмической дискриминации и подрыва доверия к правовой системе.

Развитие искусственного интеллекта в России получает поддержку на самом высоком уровне — со стороны руководства страны. В частности, Президент Российской Федерации подписал Указ №124 от 15 февраля 2024 года, вносящий существенные перемены в Общегосударственный план развития искусственного интеллекта, действующий до 2030 года. Эти перемены важны и достойны особого внимания, так как затрагивают коренные стороны становления этой отрасли в стране. План намечает смелые цели, главные из которых включают рост благосостояния народа, улучшение качества жизни граждан, укрепление безопасности державы и поддержание правопорядка [3].

Для безопасного и эффективного развития и внедрения технологий искусственного интеллекта необходимо создать новую регуляторную среду, которая будет учитывать и балансировать интересы всех вовлеченных сторон: человека, общества, государства, а также организаций. занимающихся разработкой систем ИИ и робототехники, и потребителей, которые используют эти технологии и услуги. Данная концепция согласуется с общепринятой идеей о «публичном интересе», который определяется как интерес, закрепленный в законодательстве, обеспечиваемый и охраняемый правом. Публичный интерес в цифровую эпоху выступает как сложный, динамичный баланс между коллективной безопасностью, эффективностью и защитой фундаментальных прав каждой личности. Важно чтобы развитие технологий ИИ не только соответствовало современным требованиям, но и учитывало эти потребности, обеспечивая тем самым защиту прав граждан и интересов общества [5].

Основное преимущество таких систем заключается в их умении выявлять скрытые взаимосвязи и принимать решения в условиях неопределенности, не опираясь на жесткие алгоритмические предписания. В узкопрофильных задачах эффективность ИИ сопоставима с человеческим интеллектом, однако при анализе больших объемов данных компьютерные системы демонстрируют значительное превосходство [15].

Технологический фундамент ИИ формируют несколько взаимосвязанных компонентов. Информационно-коммуникационная инфраструктура, включающая высокопроизводительные вычислительные мощности и центры обработки данных, обеспечивает необходимую среду функционирования сложных моделей. Программное обеспечение (ядром его выступают методы машинного обучения) позволяет системам обучаться непосредственно на данных, выявлять паттерны, делать выводы. Функциональную основу составляют такие технологии: компьютерное зрение (с целью проведения анализа и интерпретации визуальной информации); обработка естественного языка для понимания, генерации человеческой речи; системы распознавания, синтеза голоса (с целью создания интуитивных интерфейсов взаимодействия). Интеллектуальная поддержка принятия решений помогает специалистам делать более обоснованные выводы в сложных управленческих или диагностических ситуациях.

Существующие правовые определения искусственного интеллекта дополняются множеством доктринальных подходов. Каждый из них акцентирует внимание непосредственно на различных аспектах ИИ как объекта правового анализа. Исследователи И.С. Шиткина и Д.О. Бирюков определяют ИИ как результат интеллектуальной деятельности, выраженный в наделении материальных объектов функциями, свойственными человеческому интеллекту [16]. Такой подход подчеркивает антропоцентричную природу технологии, ее происхождение из человеческого творчества и инженерной мысли. Альтернативная концепция рассматривает ИИ как программно-техническое средство, обладающее биоподобными способностями [10]. Эта трактовка указывает на его сложную технологическую сущ-

ность и способность имитировать поведенческие и мыслительные процессы живых организмов. Научные дискуссии подтверждают, что ИИ представляет собой не просто статичную программу, а сложную адаптивную систему, способную к самообучению.

Национальная стратегия в области ИИ формализует это понимание, выделяя два основных типа систем: слабый и сильный искусственный интеллект. «Слабый» (узкий) ИИ предназначен для решения конкретных, четко очерченных задач, таких как распознавание изображений, управление беспилотным транспортом или перевод текстов. Он не обладает сознанием или способностью к самостоятельному мышлению. «Сильный» (общий) ИИ — гипотетическая система, потенциал которой сопоставим с человеческим интеллектом в его полноте, включая способность мыслить абстрактно, взаимодействовать с миром и адаптироваться к любым новым условиям.

Невозможность дать однозначный ответ о правовой природе ИИ обусловлена, с одной стороны, многообразием мнений в российской и зарубежной юриспруденции, а с другой — его научно-технической сущностью. Поскольку искусственный интеллект является в первую очередь постоянно эволюционирующей технологической категорией, любое юридическое определение не может быть сформулировано в отрыве от этого контекста. Ключевой же вопрос о признании ИИ субъектом или объектом права напрямую зависит от фундаментальной проблемы определения самого интеллекта — темы междисциплинарных дискуссий между юристами, кибернетиками, нейробиологами и философами. Следовательно, пока междисциплинарный консенсус по этому вопросу не будет достигнут, формирование устойчивой правовой концепции остается невозможным.

Определения, предложенные в законе и доктрине, акцентируют внимание на таких ключевых характеристиках, как автономность и обучаемость – основополагающие свойства для понимания роли ИИ в современном обществе. Этап обучения ИИ имеет самостоятельное юридическое значение, так как в процессе обучения алгоритм анализирует большие объемы данных, представляющие собой обучающие выборки, конечным результатом такой деятельности становится выявление закономерностей и формирование внутренних моделей, которые потом используются для принятия решений [16]. Важно отметить, что именно на этапе обучения в систему могут быть заложены потенциальные предвзятости, ошибки и этические установки, что может иметь серьезные последствия. Качество и природа данных, на которых происходит обучение ИИ, напрямую влияют на правовые последствия его применения. Это означает, что процесс обучения должен рассматриваться не просто как техническая операция, а как действие, имеющее юридическое значение. Поэтому необходимо наличие собственных правовых оснований и гарантий, чтобы обеспечить корректное и этичное использование искусственного интеллекта [9].

Этап обучения алгоритмов является критически с точки зрения как эффективности, так и легитимности будущих решений ИИ. Когда речь идет о защите публичного интереса, например, в сферах национальной безопасности, борьбы с киберпреступностью или защиты детей, государство сталкивается с необходимостью обучать на особо чувственных данных, что порождает острые правовые коллизии.

Во-первых, это проблема обучения ИИ для выявления запрещенного контента, такого как детская порнография, материалы, пропагандирующие экстремизма или насилие. Для создания эффективных моделей распознавания необходимы обширные обучающие выборки, содержащие образцы такого контента. Это ставит вопрос о законности хранения и обработки самим государством или его контрагентами материалов, оборот которых строго запрещен. Возникает парадоксальная ситуация, при которой для борьбы с преступностью может создаваться де-факто «легальный оборот» криминального контента в исследовательских или технологических целях. Разрешение этой коллизии требует четкой правовой основы, определяющей строгие условия доступа, хранения, обезличивания и уничтожения таких данных, а также механизмы независимого контроля за этими процессами.

Во-вторых, серьезную озабоченность вызывает использование для обучения ИИ данных, защищенных профессиональной или личной тайной. Речь идет о применении в целях предиктивной аналитики или обеспечения безопасности перехваченной переписки, метаданных телекоммуникационного трафика, закрытых государственных и ли коммерческих баз данных. Ключевыми становятся вопросы о достаточности существующих правовых оснований, об обязательности предварительного судебного контроля, о необходимости уведомления граждан об использовании их данных в подобных целях, и о соразмерности таких мер провозглашаемым целям защиты публичного интереса.

Таким образом, сегодня острота дискуссии смещается из плоскости общих выгод/рисков в область конкретных юридических конструкций, центральной из которых является обучение ИИ как стадия обработки информации, подпадающая под действие публично-правовых ограниче-

ний. Для понимания правовой природы ИИ важно отметить, что действующее законодательство ориентировано на урегулирование «слабого» ИИ, который рассматривается как объект права [6].

Обучение искусственного интеллекта – это стадия жизненного цикла, на которой обращение с информацией приобретает самостоятельное юридическое значение. В этот момент технологический процесс пересекается с конституционными гарантиями и законодательными запретами. Так, статья 24 Конституции РФ устанавливает императивный запрет на сбор, хранение, использование и распространение информации о частной жизни лица без его согласия – это фундаментальное ограничение, которое не может быть преодолено ссылками на технологическую необходимость или публичную пользу алгоритма. Этот конституционный принцип получает свое развитие и детализацию в отраслевом законодательстве, прежде всего в Федеральном законе «О персональных данных». В соответствии с частью 3 статьи 3 Закона под обработкой персональных данных понимается любое действие (операция) или совокупность действий, совершаемых с использованием средств автоматизации или без их использования, включая сбор, запись, систематизацию, накопление, хранение, уточнение, извлечение, использование, передачу, обезличиванием, блокирование. Удаление, уничтожение персональных данных. Данный перечень функционально полностью совпадает с технологическими операциями, осуществляемыми при подготовке датасетов и обучении искусственного интеллекта: от сбора и разметки данных до формирования обучающих выборок и непосредственно машинного обучения. Отсюда вытекает ключевое правовое последствие: если в состав обучающего датасета входят персональные данные, вся совокупность операций по его созданию и использованию для обучения ИИ подпадает под действие Закона о персональных данных и требует наличия либо согласия субъекта персональных данных, либо иного законного основания, предусмотренного ч. 1-2 статьи 6 указанного Закона.

Важно подчеркнуть, что законодатель и стратегические документы в сфере развития искусственного интеллекта исходят из того же понимания. Так, Национальная стратегия развития ИИ на период до 2030 года прямо выделяет такие этапы, как «набор данных» и «разметка данных», подчеркивая при этом, что набор данных должен быть предварительно подготовлен с учетом требований законодательства Российской Федерации в области информации и защиты информации. Тем самым создается нормативный «мост» между технологическими стадиями жизненного цикла ИИ и правовыми требованиями: государство признает, что работа с данными не является технической вольностью, а должна осуществляться в строгих правовых рамках, установленных для оборота информации, особенно если она затрагивает конституционные права граждан.

В правовом поле формируется принципиально важный вывод: юридически значимыми становятся не только конечные решения, принятые системой ИИ, но и весь контур работы с информацией на этапе обучения. Именно на этой стадии закладываются как потенциальные риски для прав и свобод человека, так и возможности для их предотвращения, что требует самостоятельного правового регулирования и контроля.

Логическим продолжением данного подхода является распространение правовых ограничений не только на персональные данные, но и на иные категории информации, оборот которых прямо запрещен либо ограничен в публичных интересах. Принцип здесь действует тот же, но с еще более строгой императивностью: если распространение определенных сведений запрещено законом, их включение в обучающие выборки недопустимо – независимо от «технической доступности» таких материалов (например, найденных в открытом интернете). Технологическая возможность собрать больше данных не отменяет нормативных запретов.

Опорные режимы запрещенной информации в данном контексте представлены несколькими ключевыми блоками законодательства.

Во-первых, это законодательство о противодействии экстремизму. Включение в датасет материалов из федерального списка экстремистских материалов недопустимо, так как сам факт их хранения и обработки может образовывать состав правонарушения, предусмотренного в статье 282 УК РФ. Государство, борющееся с экстремизмом, не может само создавать массивы таких данных в исследовательских и технологических целях без специального правового режима.

Во-вторых, это законодательство о защите детей от вредной информации, которое фиксирует категории информации, причиняющей вред здоровью раз витию детей или запрещенной для распространения среди несовершеннолетних.

Важно сказать, что мировые правопорядки начинают вырабатывать подходы к этой проблеме. Регламент ЕС об искусственном интеллекте вводит концепцию систем «высокого риска», к которым относятся ИИ, используемые в управленческой и правоохранительной деятельности. Регламент к неприемлемым относит и системы ИИ используемые в правоохранительных целях для профилировании и типологизации людей, биометрической их категоризации с

целью установления их политических взглядов, религиозных предпочтений и т. д. Запрещен ИИ в сфере нецелевого сбора данных из Интернета или с камер видеонаблюдения с целью извлечения изображений лиц для создания или расширения баз данных, для слежения за людьми и распознавания эмоций на рабочем месте и в учебных заведениях. Однако здесь могут быть и исключения, так как иногда необходимо следить за человеком по медицинским показаниям или по соображениям безопасности (например, для контроля уровня усталости пилота). Регламент содержит и множество обязывающих предписаний. Так, например, он устанавливает, что поставщики систем ИИ с высоким уровнем риска будут должны самостоятельно оценивать и контролировать риски для здоровья, безопасности и основных прав. При этом необходимо обеспечить использование высококачественных данных для обучения алгоритмов и исключить предвзятость. Они же должны предоставлять техническую документацию и предоставлять точную и полную информацию организациям, осуществляющим внедрение (например, государственным органам, закупающим систему).

Регламент не регулирует защиту данных, деятельность онлайнплатформ и модерацию контента.. Регламент является дополнительным к законодательству о защите прав потребителей, в области защиты данных, безопасности продукции, основных прав работников . Основной принцип регулирования, используемый Регламентом, может быть отнесен к императивному принципу. Однако вместо прямых запретов использован рискоориентированный подход, который позволяет несколько ретушировать императивные нормы, четко определяя запреты только в отношении определенной группы систем ИИ – высокорисковых и неприемлемых.

Регламент ЕС об искусственном интеллекте признает обучение самостоятельными обязанностями:

- Article 9 (система управления рисками) предписывает, что для систем высокого риска управление рисками должно осуществляться на протяжении всего жизненного цикла. Это легитимирует ограничения на этапе обучения как часть общей стратегии;
- Article 10 (данные и управление данными) закрепляет требования к обучающим датасетам: они должны быть релевантными, репрезентативными, не содержать ошибок. Устанавливаются требования к практикам управления данными – прямое признание «датасет-уровня» регулирования;
- Article 53 (обязанности для провайдеров моделей общего назначения) обязывает разрабатывать политику соблюдения авторского права и публиковать подробный дайджест об использованном для обучения контенте;
- Article 113 (поэтапность применения) закрепляет отсрочку вступления в силу отдельных положений, что служит аргументом в пользу внедрения риск-ориентированного подхода с этапностью, а не тотальных запретов.

Из сферы применения Регламента исключены системы искусственного интеллекта, размещенные на рынке, введённые в эксплуатацию или используемые исключительно в военных целях, обороне или национальной безопасности, а также те системы ИИ, которые используются в личных целях, находятся в стадии разработки и ряд др. Все системы ИИ распределены должны быть по группам риска. Из них к группе минимального риска относятся: большинство систем ИИ, например, видеоигры. Разработчики и распространители таких систем ИИ не обязаны следовать требованиям Регламента. Однако это не исключает возможности разработчиков добровольно принимать свои правила и ограничения [15].

В США и Канаде практика варьируется в зависимости от юрисдикции полагаясь на существующие нормы в области защиты персональных данных и судебный прецедент. Использование чувственных данных, включая потенциально запрещенный контент, для тренировки алгоритмов обычно происходит в рамках закрытых программ с ограниченным доступом и внутренними протоколами этической проверки. В Канаде в 2022 году был принят Закон о внедрении Директивы о порядке использования ИИ в государственном секторе, обязывающий федеральные учреждения проводить оценку воздействия алгоритмов перед организацией автоматизированных систем, влияющих на граждан. Процедуры ее проведения остаются в ведении специализированных агентств и регулируются их внутренними директивами, общими нормами уголовного процессуального права.

Не смотря на активное внедрение обучения ИИ для государственных нужд, общей тенденцией в демократических правопорядках является движение к признанию необходимости специальных процедур, повышенной прозрачности и независимого аудита при использовании чувственных данных для обучения ИИ. Сам процесс создания ИИ для публичных нужд становится зоной правового напряжения, где сталкиваются императив безопасности и незыблемость частных прав.

Прогрессирующая сложность технологий неизбежно выдвигает на передний план вопрос о прозрачности алгоритмических решений, что, в свою очередь, актуализирует задачу поиска адекватных форм и границ правового воздействия.

Анализ российского и зарубежного права позволяет сформулировать систему принципов. На которых должно строиться правовое регулирование обучения ИИ в публичных целях:

- приоритет прав и свобод человека и гражданина – публичный интерес не может автоматически преодолевать частную автономию;
- принцип пропорциональности – тест на соразмерность вмешательства должен стать обязательным при решении вопроса об обучении ИИ на данных, затрагивающих права граждан. Если цель может быть достигнута с использованием обезличенных данных, использование реальных персональных данных недопустимо;
- принцип технологической нейтральности – требования должны формулироваться через описание стадий жизненного цикла и свойств информации, а не через привязку к конкретным технологиям;
- принцип прозрачности и подотчетности – разработчик и государственный заказчик должны быть способны продемонстрировать, на каких данных обучалась модель, какие меры фильтрации применялись, как исключалась предвзятость. Это предполагает введение обязательной документации датасета и процедур обучения.

Центральными вызовами для правовой доктрины, как мы полагаем, являются регулирование массивов данных и методов машинного обучения. Перед российским законодателем, по признанию экспертов, стоит нетривиальная задача: выработать такие правовые механизмы, которые бы гармонично сочетали защиту данных и стимулы для инноваций, не воздвигая при этом неоправданных барьеров. По нашему убеждению, искомый баланс достижим лишь при условии, что в основу нормативной рамки будут заложены принципы гибкости и адаптивности, позволяющие ей эволюционировать вместе с технологиями и предотвращать регуляторный застой. Одним из самых центральных вопросов является проблема ответственности, известная как «черный ящик». Ситуация усложняется, когда решение, повлекшее за собой ущерб для гражданина или общества, принимается автономной системы ИИ. Возникает вопрос: кто несет ответственность за это решение? Это может быть разработчик системы, оператор, который использует данную технологию, или государственный орган, который регулирует ее использование. На сегодняшний день существующие правовые конструкции плохо применимы к неличным субъектам, таким как искусственный интеллект. Сложность современных алгоритмов, которые основаны на методах глубокого обучения делают невозможным объяснение логики, по которой было принято то или иное решение. Если граждане не могут понять, почему было принято решение, которое затрагивает их права, это может подорвать доверие к правовой системе

Исследования В.Б. Наумова, С.А. Чеховской, А.Ю. Брагинца, А.В. Майорова определяют фундаментальные критерии, которым должны соответствовать многофункциональные системы искусственного интеллекта. Ключевым требованием выступает возможность перманентного контроля их функционирования, обеспечивающего прозрачность, интерпретируемость процесса принятия решений, возможность независимой верификации.

Институционализации, наряду с прочим, подлежат механизмы юридической ответственности за действия, совершаемые автономными системами, что является императивом для обеспечения высокой эффективности и предсказуемости правоприменения. Помимо неукоснительного соблюдения формально-правовых предписаний, особую значимость приобретает проблема имплементации этических императивов непосредственно в архитектуру систем. Фундаментальными требованиями должны стать обеспечение возможности оперативного корректирующего вмешательства человека (human-in-the-loop), а также создание многоуровневых гарантий отказоустойчивости (робастности) и информационной безопасности функционала подобных систем [13].

Умаление человеческого контроля, обусловленное передачей функций искусственному интеллекту, детерминирует необходимость ужесточения процедур верификации и мониторинга технологий. Нормативным воплощением этого подхода в России стал ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах...» [1] — акт, не только определяющий цели и принципы, но и детально регламентирующий состав участников и порядок взаимодействия в рамках правовых «песочниц» для апробации инноваций. Концептуально цифровая трансформация представляет собой совокупность мер по модернизации госаппарата. Данный процесс имманентно предполагает, во-первых, ревизию нормативного массива на предмет выявления пробелов и устаревших норм; во-вторых, разработку нового регуляторного контура (защита данных, кибербезопасность); в-третьих, что является залогом успеха, — учреждение постоянно действующих экспертных площадок для институционализации взаимодействия государства, технологического сектора и науки.

Подобное взаимодействие создаёт условия для взаимного обмена профессиональным опы-

том и распространения наиболее эффективных методик работы. Это формирует фундамент для целостного и системного внедрения цифровых инструментов.

Разрешение проблемы так называемого «чёрного ящика», возникающей при использовании систем искусственного интеллекта в публичном пространстве, предполагает их осмысленное и строго регламентированное правом включение в общественные процессы. Классическая аргументация Герберта Саймона, указывающая на неизбежные когнитивные и мотивационные искажения в человеческих суждениях, подкрепляет тезис о том, что грамотно настроенный и надлежащим образом контролируемый искусственный интеллект способен выступать в роли более объективного вспомогательного механизма. Для того чтобы имманентно присущий технологиям ИИ потенциал был в полной мере реализован, непреложным императивом становится вовлечение законодателей и теоретиков права в процесс их создания еще на стадии пролегоменов — этапах концептуального проектирования и архитектурного моделирования. Именно на юридическое сообщество возлагается миссия по превентивному встраиванию в саму «ткань» алгоритма таких свойств, как транспарентность, логическая обоснованность, верифицируемость и интерпретируемость. Причем эти качества должны быть обеспечены на двух уровнях: как для узкопрофильных экспертов, способных провести технический аудит системы, так и для рядовых граждан, чьи права и законные интересы могут быть затронуты, и которые имеют право на получение мотивированного и понятного объяснения принятого машиной решения.

Проблема «черного ящика» из технической преобразуется в центральную задачу публичной власти, чье решение требует синергии нормотворчества, технологической стандартизации и формирования новой этико-правовой парадигмы. Вследствие этого требование понятности вычислительных процедур должно эволюционировать из технической спецификации в самостоятельное правовое начало. Нормативное закрепление этого начала — непременное условие законности, подотчетности власти и защиты прав граждан при автоматизации решений, примером чему служит Общий регламент по защите данных ЕС (GDPR), уже закрепивший право на объяснение решений, принятых машиной.

Следовательно, понятность вычислительных процедур недопустимо рассматривать как необязательную или второстепенную черту; она представляет собой нормативно значимую, системообразующую правовую категорию, требующую прямого и недвусмысленного законодательного определения. Принцип должен быть утвержден как всеобщее основание деятельности органов власти в цифровую эпоху, обеспечивающее правомерность (соответствие букве и духу закона), предсказуемость (возможность для человека предвидеть исход дела), проверяемость (возможность независимой оценки) и воспроизводимость (возможность повторного анализа) решений, выработанных с применением систем искусственного разума.

Практическое воплощение этого подхода в России просматривается в положениях Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 года, где прямо указана необходимость «обеспечения понятности работы искусственного интеллекта и доверия к нему». Более того, в рамках опытных правовых режимов (так называемых «правовых песочниц»), вводимых Федеральным законом № 258-ФЗ, апробируются механизмы контроля за применением подобных технологий в таких чувствительных сферах, как, например, беспилотный транспорт или здравоохранение. Отсутствие же чётко установленного и юридически обеспеченного начала понятности неизбежно ставит под сомнение правовую чистоту отдельных решений и саму правомерность действий «цифрового государства», подрывая основы правопорядка и доверие общества к власти.

Подтверждением нарастающего осознания данной проблемы на высшем государственном уровне служит доктринальный анализ действующих документов стратегического планирования, таких как Национальная стратегия развития искусственного интеллекта. В них уже прямо артикулируется потребность в создании и институционализации конкретных правовых механизмов. Эти механизмы призваны обеспечить формальную (техническую) открытость кода, содержательную, то есть смысловую объяснимость логики функционирования систем ИИ, что является необходимым условием их интеграции в чувствительные сферы общественной жизни. Также отмечается важность внедрения стандартов интерпретируемости алгоритмов, формирования моделей юридической ответственности, защиты публичных интересов потенциальных рисков, порождаемых неконтролируемой алгоритмической непрозрачностью. Разработка систем, способных генерировать понятные человеку обоснования своих выводов, создаёт техническую базу последующей правовой подотчётности. Институционализация прозрачности именно как правового принципа становится, таким образом, необходимым условием легитимной интеграции в социальную среду технологий искусственного интеллекта. Формирование соответствующих регуляторных стандартов невозможно без прямого участия юридического сообщества, законо-

дателей, правоприменителей. Такие стандарты призваны гарантировать защиту прав личности, заложить основы общественного доверия к цифровым институтам государства, обеспечить устойчивое, отвечающее общественным ожиданиям их функционирование.

Поиск оптимального баланса между возможным преимуществами и рисками, связанными с внедрением искусственного интеллекта, требует не только технологических инноваций, но и правового и этического осмысления. Это значит, что необходимо разработать всестороннюю юридическую концепцию, которая будет регулировать использование ИИ в публичной сфере. Эта концепция должна включать несколько ключевых элементов, которые помогут создать безопасную и этическую среду для применения технологий. Во-первых, важно установить законодательные принципы, согласно которым ИИ будет находиться под контролем человека, что обеспечить возможность вмешательства в случае необходимости. Во-вторых, необходимо ввести презумпцию объяснимости и прозрачности алгоритмов, которые используются государственными органами. Это требует предоставления гражданам доступа к информации о том, как работают алгоритмы, какие данные используются и на каких основаниях принимаются те или иные решения. Прозрачность является ключевым аспектом, который обеспечивает доверии общества к технологиям. Третьим важным элементом является создание четких механизмов распределения ответственности за возможный ущерб. Который может быть причинен системами ИИ. Важно определить, кто будет нести ответственность в случае ошибок или злоупотреблений, связанных с использованием искусственного интеллекта, чтобы пострадавшие могли получить соответствующую компенсацию и защиту своих прав. Также следует ввести обязательные независимые аудиты, которые будут проверять системы ИИ на предмет дискриминации и соблюдения прав человека. Это поможет выявить и устранить потенциальные предвзятости в алгоритмах, которые могут негативно сказаться на определенных группах населения. Также необходимо обеспечить возможность публичного обсуждения и парламентского утверждения целей и ключевых параметров систем ИИ, которые будут внедряться в публичной сфере, что будет способствовать повышению уровня ответственности и подотчетности. Без наличия такой правовой рамки, создание ИИ, который должен служить публичному интересу, может трансформироваться в инструмент, защищающий интересы власти от общества, а не наоборот.

Регулирование искусственного интеллекта, непосредственно применяемого в публичной сфере, предполагает создание комплексной юридической и этической концепции. Эта концепция призвана обеспечить безопасное, подконтрольное и ответственное использование данных технологий. Основополагающим принципом выступает законодательное закрепление контроля человека над системами ИИ, гарантирующее возможность прямого вмешательства в критических ситуациях. Именно усиливать существующие демократические институты, служить дополнением правовым гарантиям (то есть не подменять) — такова единственно допустимая роль искусственного интеллекта. В конечном итоге, создание безопасного и этичного ИИ в публичной сфере является ообщей ответственностью правоведов, инженеров-разработчиков, политиков, всего общества становится построение безопасной, этичной системы.

Список литературы:

[1] Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в РФ : Федер. закон от 31.07.2020 г. N 258-ФЗ // СЗ РФ. – 2020. – N 31 (ч. I). – Ст. 5017.

[2] О внесении изменений в Указ Президента РФ от 10.10.2019 г. N 490 «О развитии искусственного интеллекта в РФ»... : Указ Президента РФ от 15.02.2024 г. N 124 // СЗ РФ. – 2024. – N 8. – Ст. 1102.

[3] О развитии искусственного интеллекта в РФ (вместе с «Национальной стратегией...») : Указ Президента РФ от 10.10.2019 г. N 490 // СЗ РФ. – 2019. – N 41. – Ст. 5700.

[4] Алиев И. М. Влияние технологий ИИ на рынок труда в России // Журн. правовых и экон. исследований. – 2019. – № 4. – С. 7-12.

[5] Балашов А. А. Концептуальные основы использования ИИ... // Цифровое моделирование экономики. – 2024. – № 1. – С. 74-79.

[6] Бодров Е. Н. К вопросу применения компетентностного подхода... // Безопасность. Управление. Искусственный интеллект. – 2022. – Т. 3, № 3. – С. 45-50.

[7] Выявление направлений использования ИИ в правоприменительной деятельности / А. Р. Мустафин [и др.] // Юрид. наука. – 2023. – № 5. – С. 17-20.

[8] Германов Н. С. Концепция ответственного ИИ... // Digital Diagnostics. – 2023. – Т. 4, № S1. – С. 27-29.

[9] Катанандов С. Л. Технологическое развитие современных государств: ИИ в госуправлении // Гос. и муницип. управление. Учен. записки. – 2023. – № 1. – С. 174-182.

[10] Кирилова Е.А., Зульфугарзаде Т.Э. К вопросу о правосубъектности ИИ // Имущественные отношения в РФ. – 2024. – N 4. – С. 76-80.

[11] Лащенов М. С. Эмоциональный интеллект в управленческой деятельности и технологиях ИИ // Цифровая социология. – 2024. – Т. 7, № 4. – С. 44-52.

[12] Мартынова Ю. А. Развитие и использование методов ИИ в различных сферах... // Экономика и управление: проблемы, решения. – 2024. – Т. 9, № 6. – С. 187-193.

[13] Правовые аспекты использования искусственного интеллекта... : доклад НИУ ВШЭ / В.Б. Наумов [и др.]. – М. : ИД ВШЭ, 2021. – 42 с.

[14] Овсянникова М. В. Понятие «искусственный интеллект» и его использование... // Проблемы науч. мысли. – 2024. – Т. 12, № 4. – С. 158-160.

[15] Овчинников А. И. Регламент Евросоюза об искусственном интеллекте: эксперимент в сфере правового регулирования цифровых технологий // Юридическая техника. – 2025. – № 19: Материалы XXVI Международного междисциплинарного научно-практического форума «Юртехнетика» на тему «Эксперимент в правовом регулировании (доктрина, практика, техника)» (Нижний Новгород, 25–28 сентября 2024 года) / гл. ред. проф. В. М. Баранов. – Нижний Новгород: ЮНИКОПИ, 2025. – С. 207-209.

[16] Шафалович А. А. Внедрение ИИ в нормотворческую деятельность... // Право.by. – 2023. – № 5. – С. 13-19.

[17] Шиткина И.С., Бирюков Д.О. Искусственный интеллект: правовые аспекты // Право и экономика. – 2023. – N 11.

[18] Человек vs робот: надо ли выбирать? – URL: https://spb.plus.rbc.ru/news/66729c767a8aa98aab28d0ad (дата обращения: 26.05.2024).

References:

[1] On experimental legal regimes in the field of digital innovation in the Russian Federation: Feder. Law of 31.07.2020 No. 258-FZ//CZ of the Russian Federation. – 2020. - N 31 (part I). - Art. 5017.

[2] On amendments to the Decree of the President of the Russian Federation of 10.10.2019 N 490 “On the development of artificial intelligence in the Russian Federation...”: Decree of the President of the Russian Federation of 15.02.2024 N 124//SZ RF. – 2024. – N 8. - Art. 1102.

[3] On the development of artificial intelligence in the Russian Federation (together with the “National Strategy...”): Decree of the President of the Russian Federation of 10.10.2019 N 490//NW RF. – 2019. – N 41. - Art. 5700.

[4] Aliyev I. M. The influence of AI technologies on the labor market in Russia//Journal. legal and economy. studies. – 2019. – № 4. - S. 7-12.

[5] Balashov A. A. Conceptual foundations of the use of AI ...//Digital modeling of the economy. – 2024. – № 1. - S. 74-79.

[6] Bodrov E.N. To the issue of applying a competency approach ...//Safety. Management. Artificial intelligence. – 2022. - T. 3, NO. 3. - S. 45-50.

[7] Identification of areas of AI use in law enforcement/A. R. Mustafin [et al.]//Yurid. science. – 2023. – № 5. - S. 17-20.

[8] Germanov N. S. The concept of responsible AI ...//Digital Diagnostics. – 2023. - VOL. 4, NO. S1. - S. 27-29.

[9] Katanandov S. L. Technological development of modern states: AI in public administration// State. and munitif. management. Learned. notes. – 2023. – № 1. - S. 174-182.

[10] E.A. Kirilova, T.E. Zulfugarzade. On the issue of AI legal personality//Property relations in the Russian Federation. – 2024. – N 4. - S. 76-80.

[11] Lashchenov M.S. Emotional intelligence in management activities and AI technologies//Digital sociology. – 2024. - T. 7, NO. 4. - S. 44-52.

[12] Martynova Yu. A. Development and use of AI methods in various fields ...//Economics and management: problems, solutions. – 2024. - T. 9, NO. 6. - S. 187-193.

[13] Legal aspects of the use of artificial intelligence...: HSE report/V.B. Naumov [et al.]. - M.: HSE PUBLISHING HOUSE, 2021. - 42 s.

[14] Ovsyannikova M.V. The concept of “artificial intelligence” and its use ...//Problems scientific. thoughts. – 2024. - T. 12, NO. 4. - S. 158-160.

[15] Ovchinnikov A.I. Regulations of the European Union on artificial intelligence: an experiment in the field of legal regulation of digital technologies// Legal technology. – 2025. - No. 19: Materials of the XXVI International Interdisciplinary Scientific and Practical Forum “Yurtekhnetics” on the topic “Experiment in legal regulation (doctrine, practice, technique)” (Nizhny Novgorod, September 25-28, 2024)/ Ch. ed. Prof. V. M. Baranov. - Nizhny Novgorod: UNICOPI, 2025. - S. 207-209.

[16] Shafalovich A. A. Introduction of AI into normative activities ...// Право.by. – 2023. – № 5. - S. 13-19.

[17] Shitkina I.S., Biryukov D.O. Artificial intelligence: legal aspects//Law and economics. – 2023. – N 11.

[18] Man vs robot: do I have to choose? - URL: https://spb.plus.rbc.ru/news/66729c767a8aa98aab28d0ad (accessed: 26.05.2024).

- ОБРАЗОВАНИЕ В РОССИИ И МИРЕ -

Дата поступления рукописи в редакцию: 10.04.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-4-505-508
Дата принятия рукописи в печать: 03.05.2026 г.

РАЖИНА Ева Валерьевна,
кандидат биологических наук,
доцент кафедры биотехнологии и пищевых продуктов,
Уральский государственный аграрный университет,
e-mail: eva.mats@mail.ru

СМИРНОВА Екатерина Сергеевна,
кандидат сельскохозяйственных наук,
доцент кафедры биотехнологии и пищевых продуктов,
Уральский государственный аграрный университет,
e-mail: ekaterina-kazantseva@list.ru

НЕВЕРОВА Ольга Петровна,
кандидат биологических наук,
доцент кафедры биотехнологии и пищевых продуктов,
Уральский государственный аграрный университет,
e-mail: opneverova@mail.ru

СИНЬКО Вера Николаевна,
Старший преподаватель кафедры философии,
Уральский государственный аграрный университет,
e-mail: vsinko71@mail.ru

ШИЛОВЦЕВ Андрей Владимирович,
кандидат исторических наук, доцент кафедры философии,
Уральский государственный аграрный университет,
e-mail: a.shilovtsev@mail.ru

ИЛЬЯСОВ Олег Рашитович,
доктор биологических наук,
профессор кафедры техносферной безопасности,
Уральский государственный университет путей сообщений;
профессор кафедры и экологической безопасности,
Уральский государственный аграрный университет,
старший научный сотрудник
Уральского научно-исследовательского
ветеринарного института ФГБНУ УрФАНИЦ УрО РАН,
e-mail: ilyasov3@rambler.ru

ОБЩЕНИЕ В КАЧЕСТВЕ ОСНОВЫ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Аннотация. *Проблема диалога в педагогической деятельности является достаточно значимой в настоящее время. Особенность подхода большинства российских педагогов, направленного на изучение проблемы диалога заключается в исключительной роли общения в развитии личности. Именно в общении человек приобретает опыт, выработанный веками.*

Ключевые слова*: общение, педагогическая деятельность, личность, стили, барьеры.*

RAZHINA Eva Valeryevna,
Candidate of Biological Sciences, Associate Professor
of the Department of Biotechnology and Food Products,
Ural State Agrarian University

SMIRNOVA Ekaterina Sergeevna,
Candidate of Agricultural Sciences, Associate Professor of the Department of Biotechnology and Food Products, Ural State Agrarian University

NEVEROVA Olga Petrovna,
Candidate of Biological Sciences, Associate Professor Departments of Biotechnology and Food Products, Ural State Agrarian University

SINKO Vera Nikolaevna,
Senior lecturer of the Department of Philosophy, Ural State Agrarian University

SHILOVTSEV Andrey Vladimirovich,
Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Philosophy, Ural State Agrarian University

ILYASOV Oleg Rashitovich,
Doctor of Biological Sciences, Professor of the Department Technosphere Safety, Ural State University of Railways Professor of the Department of Technosphere and Environmental Safety, Ural State Agrarian University, Senior Researcher at the Ural Veterinary Research Institute Institute of the Federal State Budgetary Scientific Institution URFANITS Ural Branch of the Russian Academy of Sciences

COMMUNICATION AS A BASIS FOR PEDAGOGICAL ACTIVITIES

Annotation*. The problem of dialogue in pedagogical activity is quite significant at the present time. The peculiarity of the approach of most russian teachers to the study of the problem of dialogue lies in the exceptional role of communication in the development of personality. It is in communication that a person acquires the experience that has been developed over the centuries.*

Key words*: communication, pedagogical activity, personality, styles, and barriers.*

Коммуникативное пространство профессионально-педагогического сообщества в настоящее время изменяется под воздействием социокультурных и государственных тенденций модернизации педагогической науки. Педагогическая профессия подразумевает потребность в непрерывном общении субъектов образования [1].

Педагогическое общение в обучении служит фактором воздействия на личность обучаемого [2]. Межличностное общение является важным фактором становления личности [3-4]. Согласно теории А. Маслоу, потребности в контактах, любви и признании относятся к базовым человеческим потребностям. Л. И. Божович и другие исследователи подчеркивают, если потребность в общении не удовлетворяется, может возникнуть обидчивость, негативизм, агрессивность [3].

В педагогическом процессе взаимодействие учителя и учеников строится на согласовании целей, планов, способов совместной работы, а также на разрешении возникающих противоречий. Его фундамент - межличностное общение, гуманные отношения и продуктивная деятельность.

По определению А.В. Петровского, общение – это многогранный процесс установления контактов между людьми, который возникает из потребности в совместной деятельности и включает:

- обмен информацией;
- выработку общей стратегии взаимодействия;
- восприятие и понимание собеседника.

Г.М. Андреева выделяет три стороны общения:

- коммуникативная – передача информации между участниками совместной деятельности;
- интерактивная – обмен не только словами, но и действиями, поступками;

– перцептивная – взаимное восприятие обучающихся. Например, важно, считает ли ребенок педагога заслуживающим доверия или изначально настроен скептически.

Для того, чтобы избежать непонимания, педагог должен демонстрировать и закрепить в общения культурные образцы предстоящей деятельности. Данный процесс проходит в 3 этапа:

– демонстрация образцов. На начальном этапе педагог выступает образцом деятельности, которую предстоит выполнить учеником;
– рефлексия. Преподаватель анализирует собственную деятельность, дополняет представление об образце;
– анализ деятельности учеников. Педагог наблюдает за работой учащихся, замечает детали и ошибки, оценивает особенности их деятельности. Данное знание формируется в реальной практике взаимодействия [3].

Стили педагогического общения

Стиль педагогического общения (по Е.П. Ильину и других) – это устойчивый способ взаимодействия с участниками образовательного процесса.

К основным стилям педагогического общения относят:

1. Авторитарный стиль. Характеризуется централизацией управления, единоначалием и частым использованием распоряжений. Такой подход сдерживает самостоятельность и активность учеников, может быть связан с психологическими защитами педагога (недоверие к себе, стремление компенсировать неуверенность) [3,5].
2. Манипулятивный стиль. Внешне демократичный, но скрытно направляющий учеников к принятию целей педагога. По мнению А. Адлера такой стиль блокирует развитие личности ученика (ведет к потере смыслов, невротизации), негативно влияет на самого педагога, делая его личность нецелостной.
3. Диалогический стиль. Основан на уважении к личности ребенка, учете его интересов и выстраивании гуманистических отношений. По К. Роджерсу, такие отношения строятся на признании равноценности взрослого и ребенка. Совместимая цель учителя и ученика – самоактуализация и личностный рост [3].

Р. Бернс отмечает, что доверие учеников к педагогу зависит от его компетентности, честности, заинтересованности в успехах детей и такта. Он так же выделяет качества эффективного педагога:

– гибкость;
– эмпатия;
– умение выражать мысли личностно;
– способность создавать позитивные стимулы;
– владение неформальным стилем общения;
– эмоциональная уравновешенность и уверенность в себе.

Барьеры в общении

Н.И. Шевандрин и другие исследователи выделяют три формы барьеров:

1. Барьеры понимания:
– фонетический (невыразительная речь, звуки-паразиты);
– стилистический (несоответствие стиля речи ситуации или состоянию собеседника);
– семантический (различия в трактовке слов);
– логический (сложная или неверная логика рассуждений).
2. Барьеры социально - культурного различия (социальные, религиозные, профессиональные различия, ведущие к разной интерпретации понятий).
3. Барьеры отношения (категоричность, администрирование, критичность, неадекватное восприятие своего статуса) [3].

Заключение

Уровень общения педагога напрямую связан с его культурой трансляции способов познавательной деятельности. Грамотное взаимодействие с учениками – инструмент их личностного развития, предполагающее осознание педагогом последствий его влияния, целенаправленное воздействие через понимание и принятие, создание ситуаций успеха.

Список литературы:

[1] Ксенофонтова А. Н. Речевая деятельность-основа профессионально-педагогического общения // Педагогика: история, перспективы. – 2020. – Т. 3. – №. 6. – С. 42-55.

[2] Сорокина И.Р., Сорокина Е.М. Наиболее эффективные способы общения в педагогической деятельности //Молодой ученый. – 2015. - №10(90).

[3] Калинина Н. В., Косоногова А.С. Педагогика: учебное пособие для вузов. — Санкт-Петербург: Лань, 2026. — ISBN 978-5-507-54563-6. — Текст: электронный // Лань: электронно-библиотечная система. — URL: https://e.lanbook.com/book/516566 (дата обращения: 07.04.2026). — Режим доступа: для авториз. пользователей. — С. 4.).

[4] Корепанова Е. В. Психологические характеристики диалога в педагогической деятельности //Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2007. – №. 3. – С. 151-155.

[5] Ражина Е.В., Смирнова Е.С. Неверова О.П., Синько В.Н., Шиловцев А.В. Стили педагогического общения // Право и управление. – 2024. - №10. – С. 77-79.

References:

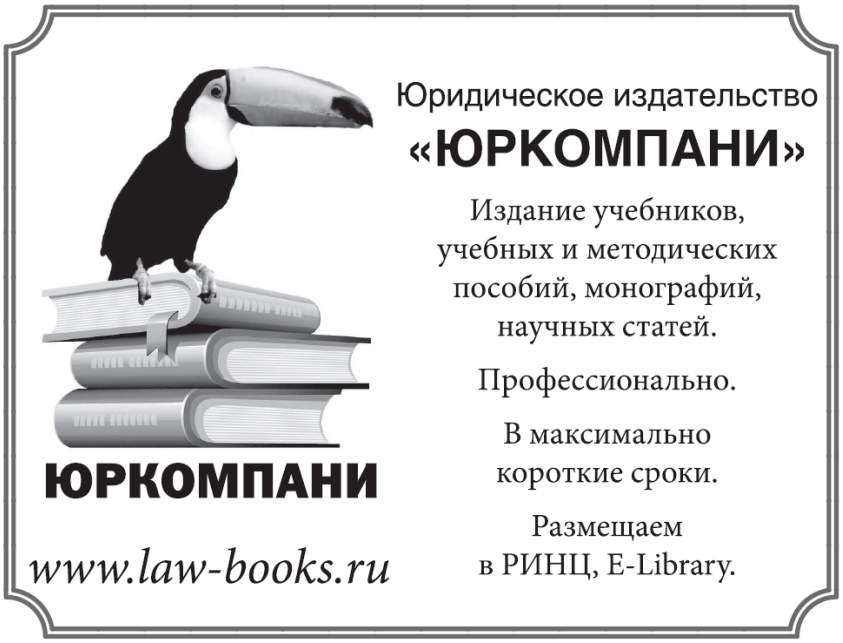
[1] Ksenofontova A.N. Speech activity is the basis of professional and pedagogical communication//Pedagogy: history, prospects. – 2020. - VOL. 3. – №. 6. - S. 42-55.

[2] Sorokina I.R., Sorokina E.M. The most effective ways of communication in pedagogical activity// Young scientist. – 2015. - №10(90).

[3] Kalinina N.V., Kosonogova A.S. Pedagogy: a textbook for universities. - St. Petersburg: Doe, 2026. — ISBN 978-5-507-54563-6. - Text: electronic//Doe: electronic library system. - URL: https ://e.lanbook.com/book/516566 (accessed: 07.04.2026). - Access mode: for authoring. users. - S. 4.).

[4] Korepanova E.V. Psychological characteristics of dialogue in pedagogical activity//Bulletin of Tambov University. Series: Humanities. – 2007. – №. 3. - S. 151-155.

[5] Razhina E.V., Smirnova E.S. Neverova O.P., Sinko V.N., Shilovtsev A.V. Styles of pedagogical communication//Law and management. – 2024. - №10. - S. 77-79.

Дата поступления рукописи в редакцию: 31.03.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.05.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3830-2026-4-509-512

ИСКАНДАРОВ Роберт Рафаилевич,
кандидат медицинских наук,
старший научный сотрудник ФКУ
«Научно-исследовательский институт
Федеральной службы исполнения наказаний»,
e-mail: dr.iskandarov@inbox.ru.

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ПЕНИТЕНЦИАРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ: ВИНА, ОТВЕТСТВЕННОСТЬ И ИСКУПЛЕНИЕ КАК ФАКТОРЫ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ЛИЧНОСТИ

Аннотация. *В статье рассматривается феномен длительного лишения свободы через призму экзистенциальной педагогики и права, где наказание трансформируется из формального юридического акта в пространство для глубинной рефлексии и личностного роста. Автор аргументирует, что пенитенциарное образование, интегрирующее философские концепции экзистенциализма с клиническими данными, способно преодолеть дегуманизирующий потенциал изоляции, превращая ее в педагогический ресурс. На основе анализа философских текстов и клинических наблюдений демонстрируется, как диалог с виной и поиск смысла становятся основой для формирования подлинной ответственности, что имеет прямое значение для эффективности реабилитационных программ и снижения рецидивной преступности. Статья подчеркивает необходимость пересмотра образовательных стратегий в пенитенциарной системе с акцентом на экзистенциальную этику как на педагогический принцип.*

Ключевые слова: *пенитенциарное образование, экзистенциальная педагогика, вина, ответственность, искупление, длительное лишение свободы, реабилитация, экзистенциальная этика, трансформация личности, право на образование, нейробиологические корреляты.*

ISKANDAROV Robert Rafailevich,
Candidate of Medical Sciences, Senior Researcher,
Federal State Institution «Research Institute
of the Federal Penitentiary Service»

THE EXISTENTIAL DIMENSION OF PENITENTIARY EDUCATION: GUILT, RESPONSIBILITY AND REDEMPTION AS FACTORS OF PEDAGOGICAL TRANSFORMATION OF PERSONALITY

Annotation. *The article examines the phenomenon of prolonged imprisonment through the prism of existential pedagogy and law, where punishment is transformed from a formal legal act into a space for deep reflection and personal growth. The author argues that penitentiary education, integrating philosophical concepts of existentialism with clinical data, is able to overcome the dehumanizing potential of isolation, turning it into a pedagogical resource. Based on the analysis of philosophical texts and clinical observations, it is demonstrated how dialogue with guilt and the search for meaning become the basis for the formation of genuine responsibility, which is of direct importance for the effectiveness of rehabilitation programs and the reduction of recidivism. The article highlights the need to review educational strategies in the penitentiary system with an emphasis on existential ethics as a pedagogical principle.*

Key words: *penitentiary education, existential pedagogy, guilt, responsibility, redemption, long-term imprisonment, rehabilitation, existential ethics, personality transformation, the right to education, neurobiological correlates.*

Введение. Современная пенитенциарная система, несмотря на декларируемую реабилитационную направленность, зачастую редуцируется к институту изоляции и дисциплинарного воздействия, где образовательные программы выполняют преимущественно формальные функции. Однако феномен длительного лишения свободы обладает глубинным потенциалом, выходящим за

рамки юридических процедур и педагогических стандартов. В условиях экстремальной изоляции, где социальные роли разрушаются, а временные ориентиры теряют привычную линейность, осужденный оказывается перед экзистенциальным вызовом, требующим переосмысления собственного существования. Этот вызов, как показывают клинические наблюдения, может стать основой для подлинной трансформации личности, если образовательная среда способна интегрировать философские и психологические измерения человеческого опыта.

Экзистенциальная философия предлагает уникальную перспективу для понимания пенитенциарного опыта, рассматривая вину не как юридический факт, но как структурную особенность человеческого бытия, требующую осмысленного ответа. Согласно Кьеркегору, ответственность возникает в момент осознания собственного одиночества перед абсолютным, где вина перестает быть внешним обвинением и становится внутренним кризисом, требующим экзистенциального выбора [1]. В условиях заключения этот кризис обретает особую остроту, поскольку лишение свободы разрушает привычные механизмы самоидентификации, вынуждая человека столкнуться с вопросом: кем я являюсь вне своих социальных ролей и поступков?

Образовательный процесс в пенитенциарной среде, таким образом, не может ограничиваться передачей знаний или формированием профессиональных навыков. Он должен включать в себя диалог с экзистенциальными измерениями человеческого опыта, где вина, наказание и искупление становятся предметом рефлексии и педагогического воздействия. Такой подход соответствует современным тенденциям в праве и образовании, где акцент смещается с репрессивных мер на формирование подлинной ответственности и восстановление социальных связей.

Экзистенциальная этика как основа пенитенциарного образования. Экзистенциальная этика, в отличие от деонтологических или утилитарных систем, фокусируется на субъективном переживании ответственности как первичного факта бытия. У Хайдеггера ответственность понимается как способность отвечать на призыв Бытия, где человек изначально вовлечен в диалог с собственной конечностью и возможностями [5]. В условиях заключения этот диалог приобретает конкретное содержание: осужденный сталкивается с последствиями своих действий, с переживаниями жертв и с разрушенными социальными связями. Образовательная задача состоит в том, чтобы помочь человеку не уйти от этого диалога в отрицание или агрессию, но принять его как основу для личностного роста.

Сартр подчеркивает, что человек обречен быть свободным, а значит, несет ответственность за все, включая то, что не контролирует [6]. Эта радикальная свобода становится особенно очевидной в условиях заключения, где внешние ограничения парадоксальным образом открывают внутреннее пространство для выбора. Даже находясь в тюрьме, человек сохраняет свободу выбирать свое отношение к ситуации, свои ценности и смыслы. Пенитенциарное образование, ориентированное на экзистенциальную этику, должно способствовать осознанию этой внутренней свободы, превращая пассивное отбывание срока в активный процесс самоопределения.

Концепция ответственности Левинаса дополняет этот анализ, подчеркивая, что ответственность возникает не в результате выбора, но как этический императив, связанный с ответом на призыв Другого [4]. В условиях заключения этот призыв может звучать в воспоминаниях о жертве, в страданиях семьи или в молчаливом осуждении общества. Таким образом, вина приобретает не только внутреннее, но и этическое измерение, где осужденный сталкивается с вопросом: как я могу ответить на страдание, которое причинил? Образовательный процесс должен создавать условия для диалога с этим вопросом, не предлагая готовых ответов, но открывая пространство для поиска.

Вина как педагогический феномен в условиях изоляции. Вина в экзистенциальной философии представляет собой не психологический симптом, подлежащий коррекции, но структурную особенность человеческого существования, требующую осмысленного отношения. Кьеркегор различает внешнюю вину, связанную с нарушением закона, и внутреннюю, рождающуюся из осознания собственной неспособности соответствовать нравственному идеалу [3]. В условиях длительного заключения внешняя вина, как правило, уже признана юридически, но именно внутренняя вина, связанная с переживанием собственной несостоятельности и причиненного страдания, становится источником глубокого экзистенциального кризиса.

Клинические наблюдения показывают, что осужденные, отбывающие срок более десяти лет, часто проходят через три этапа переживания вины. На первом этапе доминирует отрицание и проекция ответственности на внешние обстоятельства: система ошиблась, общество виновато, жертва сама спровоцировала ситуацию. На втором этапе возникает агрессия, направленная как на себя, так и на окружающих, что проявляется в суицидальных мыслях, самоповреждении или конфликтах с администрацией. Третий этап знаменуется принятием, где вина перестает быть бременем и становится основой для рефлексии и

поиска смысла. Этот этап, как отмечают психиатры, часто совпадает с началом экзистенциального поиска, который, по Франклу, является самой глубинной мотивацией человека [4].

Образовательная задача состоит в том, чтобы сопровождать человека через эти этапы, не форсируя процесс и не позволяя застрять на стадии отрицания или агрессии. Педагогическая стратегия должна включать в себя создание безопасного пространства для диалога с виной, где человек может постепенно осознать последствия своих действий и найти пути для внутреннего искупления. Важно подчеркнуть, что искупление в экзистенциальном смысле не предполагает прощения со стороны общества или жертвы, но требует внутреннего осознания и принятия ответственности за причиненное страдание.

Нейробиологические корреляты экзистенциальной рефлексии в условиях изоляции. Современные нейробиологические исследования демонстрируют, что длительная социальная изоляция оказывает значительное влияние на структуру и функционирование мозга, в частности на префронтальную кору, ответственную за принятие решений, моральное суждение и рефлексию. Как показывают данные нейровизуализации, у осужденных, отбывающих длительные сроки, наблюдается снижение объема серого вещества в дорсолатеральной префронтальной коре, что коррелирует с трудностями в планировании и когнитивной гибкости [1]. Однако параллельно отмечается усиление активности в медиальной префронтальной коре и задней поясной извилине, областях, связанных с саморефлексией и автобиографической памятью.

Эти нейробиологические изменения создают уникальные условия для экзистенциальной рефлексии, где снижение внешней стимуляции компенсируется усилением внутренней интроспекции. Клинические наблюдения показывают, что осужденные, у которых развивается способность к глубокой рефлексии, демонстрируют более высокую нейропластичность в областях, связанных с эмпатией и моральным рассуждением. Это указывает на то, что образовательные программы, направленные на развитие рефлексивных способностей, могут способствовать не только психологической, но и нейробиологической трансформации личности.

Важно отметить, что нейробиологические изменения, вызванные изоляцией, не являются необратимыми. Исследования показывают, что когнитивная стимуляция, включая философскую рефлексию и творческую деятельность, способствует нейрогенезу в гиппокампе и улучшению функционирования префронтальных сетей [2]. Это подтверждает необходимость интеграции когнитивно-стимулирующих программ в пенитенциарное образование, где экзистенциальная рефлексия становится не только философским, но и нейробиологическим ресурсом для трансформации личности.

Длительное заключение как экзистенциальный педагогический опыт. Юридическое наказание, по своей сути, предполагает временный характер воздействия, где лишение свободы ограничено конкретным сроком. Однако длительное заключение, особенно свыше пятнадцати лет, стирает грань между наказанием и бытием, создавая ситуацию, которую можно охарактеризовать как экзистенциальный предел. Как показывают исследования, осужденные, отбывающие такие сроки, переживают глубокий кризис идентичности, где привычные социальные роли утрачиваются, а самоощущение растворяется в бесконечном настоящем. В этой ситуации наказание перестает быть внешним воздействием и превращается во внутренний процесс, где главным действующим лицом становится сам заключенный.

Этот процесс напоминает логотерапевтическую модель Франкла, где страдание становится средством обретения смысла. В условиях заключения смысл может быть найден через различные формы деятельности: рефлексию, творчество, обучение, служение другим заключенным. Ключевым моментом здесь является трансформация вины из пассивного переживания в активный выбор. Как отмечает Сартр, человек свободен даже в условиях заключения, потому что свобода – это не отсутствие внешних ограничений, но способность выбирать свое отношение к обстоятельствам. Для осужденного это означает, что даже если он не может изменить свое положение, он может изменить свое отношение к нему. Эта трансформация и есть экзистенциальное искупление – не отмена вины, но преодоление ее через принятие ответственности.

Педагогическая значимость этого процесса заключается в том, что он создает основу для подлинной реабилитации, выходящей за рамки формальных программ. Человек, прошедший через экзистенциальный кризис и нашедший смысл в своем страдании, обладает значительно большей психологической устойчивостью и меньшей склонностью к рецидиву. Образовательные программы в пенитенциарной системе должны учитывать этот потенциал, интегрируя элементы экзистенциальной педагогики в свою практику.

Экзистенциальный опыт и социальная реабилитация: педагогические стратегии. Одним из наиболее спорных аспектов экзистенциального подхода является его связь с практическими задачами социальной реабилитации. Критики утверждают, что работа с виной и ответственностью не решает конкретных проблем осужден-

ных, таких как отсутствие профессиональных навыков, жилья или социальной поддержки. Однако клинические данные показывают, что экзистенциальная рефлексия создает психологическую основу для более эффективной реабилитации, поскольку восстанавливает чувство собственного достоинства и внутреннюю мотивацию к изменениям.

Социальная реабилитация начинается не с внешних условий, но с внутренней трансформации личности, где человек заново обретает веру в собственную ценность и способность к позитивным изменениям. Как показывают наши наблюдения, осужденные, которые смогли преобразовать наказание в экзистенциальный опыт, после освобождения чаще сообщают о высоком уровне психологической устойчивости и меньшей склонности к рецидиву. Это указывает на то, что внутренняя трансформация, происходящая в условиях заключения, имеет долгосрочные последствия для социальной адаптации.

Педагогическая стратегия должна включать в себя интеграцию экзистенциальной рефлексии с практическими программами реабилитации. Например, профессиональное обучение может быть дополнено диалогом о смысле труда и ответственности перед обществом. Образовательные программы по социальным наукам могут включать элементы философской рефлексии о справедливости, свободе и ответственности. Психологическая работа должна сочетать традиционные методы с экзистенциальным подходом, помогая человеку найти смысл в своем опыте и использовать его как ресурс для будущего.

Заключение. Длительное заключение, как показывает анализ, обладает значительным потенциалом для трансформации из формального наказания в экзистенциальный педагогический опыт, где вина, ответственность и искупление переплетаются в диалоге с вечностью. Этот диалог, хотя и болезненный, может стать основой для глубинной внутренней трансформации, даже в условиях, где внешние условия для реабилитации ограничены. Экзистенциальная педагогика, в отличие от традиционных подходов, не предлагает готовых решений, но создает пространство для поиска смысла, где ответственность перед лицом вечности становится не бременем, а возможностью для личностного роста.

Для пенитенциарного образования это означает необходимость пересмотра подходов к реабилитации, где акцент смещается с контроля на диалог, с наказания на ответственность, с формального обучения на экзистенциальную рефлексию. Как показывают клинические наблюдения, такие изменения не только способствуют внутренней трансформации осужденных, но и снижают уровень агрессии и рецидива. В конечном итоге, экзистенциальный подход напоминает нам, что даже в самых сложных условиях человеческая свобода и способность к искуплению остаются непоколебимыми.

Этот подход требует от пенитенциарной системы не только изменения образовательных практик, но и пересмотра философских установок, лежащих в основе реабилитационной работы. Как писал Франкл, человек не может избежать страдания, но он может выбрать свое отношение к нему. В условиях заключения это отношение становится ключом к сохранению человеческого достоинства и поиску смысла, что имеет прямое значение для эффективности образовательных программ и успешной социальной реабилитации.

Список литературы:

[1] Искандаров Р.Р. Пенитенциарный посттравматический рост: нейробиологические, психологические и реабилитационные аспекты // Психическое здоровье. 2025. Т. 20, № 10. С. 82–90.

[2] Искандаров Р.Р. Практическое применение концепции посттравматического роста в процессе реабилитации осужденных // Глобальный научный потенциал. 2025. № 6 (171). С. 220–222.

[3] Кьеркегор С. Страх и трепет. М.: Республика, 1993. 383 с.

[4] Франкл В. Человек в поисках смысла: Сборник / Пер. с англ. и нем. Д.А. Леонтьева, М.П. Папуша, Е.В. Эйдмана. М.: Прогресс, 1990. 368 с.

[5] Хайдеггер М. Бытие и время. М.: Академический проект, 2025. 456 с.

[6] Сартр Ж.-П. Бытие и ничто: Опыт феноменологической онтологии. М.: Республика, 2001. 553 с.

References:

[1] Iskandarov R.R. Penitentiary post-traumatic growth: neurobiological, psychological and rehabilitation aspects//Mental health. 2025. T. 20, NO. 10. S. 82-90.

[2] Iskandarov R.R. Practical application of the concept of post-traumatic growth in the process of rehabilitation of convicts//Global scientific potential. 2025. № 6 (171). S. 220-222.

[3] Kierkegaard S. Fear and Awe. M.: Republic, 1993. 383 pp.

[4] Frankl W. Man in Search of Meaning: Collection/Per. from English. and German D.A. Leontyeva, M.P. Papusha, E.V. Eidman. M.: Progress, 1990. 368 pp.

[5] Heidegger M. Genesis and time. M.: Academic project, 2025. 456 pp.

[6] Sartre J.-P. Being and Nothingness: The Experience of Phenomenological Ontology. M.: Republic, 2001. 553 p.

Дата поступления рукописи в редакцию: 26.03.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-4-513-518
Дата принятия рукописи в печать: 03.05.2026 г.

ОПАРИН Дмитрий Евгеньевич,
старший преподаватель кафедры безопасности в ЧС,
Уральский институт ГПС МЧС России, г. Екатеринбург,
e-mail: mail@law-books.ru

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПОДГОТОВКИ КУРСАНТОВ ВУЗОВ СИЛОВЫХ ВЕДОМСТВ: ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА И НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ

Аннотация. *В статье представлен комплексный анализ педагогических аспектов подготовки курсантов вузов силовых ведомств. Раскрываются теоретико-методологические основания ведомственного образования, характеризуются принципы и структура профессиональной подготовки, особенности воспитательной системы и психолого-педагогического сопровождения образовательного процесса. Особое внимание уделяется современным вызовам, связанным с цифровизацией образовательной среды, изменением характера профессиональных рисков и необходимостью формирования компетенций нового типа. Обосновывается значимость интеграции компетентностного, личностно-ориентированного и деятельностного подходов в образовательную практику ведомственных образовательных организаций.*

Ключевые слова*: профессиональная подготовка, педагогические принципы, воспитательная работа, компетентностный подход, психолого-педагогическое сопровождение, практико-ориентированное обучение.*

OPARIN Dmitry Evgenievich,
Senior Lecturer at the Department of Emergency Safety,
Ural Institute of the State Fire Serviceof the Ministry
of Emergency Situations of Russia, Yekaterinburg

PEDAGOGICAL ASPECTS OF THE TRAINING OF UNIVERSITY CADETS IN LAW ENFORCEMENT AGENCIES: THEORY, PRACTICE AND DEVELOPMENT DIRECTIONS

Annotation. *The article presents a comprehensive analysis of the pedagogical aspects of the training of university cadets in law enforcement agencies. The theoretical and methodological foundations of departmental education are revealed, the principles and structure of professional training, the features of the educational system and the psychological and pedagogical support of the educational process are characterized. Special attention is paid to modern challenges related to the digitalization of the educational environment, the changing nature of professional risks and the need to form new types of competencies. The importance of integrating competence-based, personality-oriented and activity-based approaches into the educational practice of departmental educational organizations is substantiated.*

Key words*: professional training, pedagogical principles, educational work, competence-based approach, psychological and pedagogical support, practice-oriented training.*

Введение

На современном этапе общественного развития профессиональная деятельность специалистов силовых структур осуществляется в условиях повышенной сложности, динамичности и ответственности. Усиление требований к качеству исполнения служебных обязанностей, готовности к действиям в нестандартных и напряженных ситуациях, а также к уровню профессиональной устойчивости обуславливает необходимость совершенствования системы подготовки кадров для ведомственных структур. В этой связи особую роль играют образовательные организации, находящиеся в ведении Министерства обороны Российской Федерации, Министерства внутренних дел Российской Федерации, МЧС России и

других государственных органов. Их специфика заключается в реализации особой модели профессионального образования, объединяющей фундаментальную теоретическую подготовку, практико-ориентированное обучение, жесткую дисциплинарную организацию и формирование профессионально значимых ценностей и норм служебного поведения.

Подготовка курсантов вузов силовых ведомств носит комплексный характер и ориентирована на формирование профессиональной компетентности, включающей специальные знания и умения, морально-нравственные качества, психологическую устойчивость, физическую готовность, правовую культуру и гражданскую ответственность. Особую роль в данной системе играет психологическая подготовка, поскольку профессиональная деятельность выпускников нередко осуществляется в условиях повышенной эмоциональной и физической нагрузки, дефицита времени, высокой ответственности и необходимости оперативного принятия решений [1].

Целью настоящего исследования является всесторонний анализ педагогических аспектов подготовки курсантов ведомственных вузов, а также определение основных направлений ее совершенствования в современных условиях.

Результаты и их обсуждение

Теоретико-методологические основы подготовки курсантов в ведомственных вузах опираются на совокупность взаимодополняющих научных подходов. Одним из базовых является деятельностный подход, согласно которому личность специалиста формируется в процессе активной, профессионально значимой деятельности. В условиях ведомственного образования данный подход реализуется через максимальное приближение учебного процесса к реальным условиям службы, что способствует формированию устойчивых профессиональных навыков, готовности к решению практических задач и развитию способности действовать в нестандартных ситуациях. Как отмечают Б.Н. Гузанов, Е.И. Пустовалова, Е.В. Выгузова, при реализации деятельностного подхода ключевое значение приобретают именно действия обучающихся, поскольку содержание и результаты усвоения образовательной программы во многом определяются характером их учебной активности. Исходя из этого, при проектировании методов обучения необходимо учитывать не только способы передачи учебной информации, но и специфику той деятельности, которая формируется и осуществляется в процессе взаимодействия преподавателя и курсанта. В зависимости от особенностей контингента обучающихся и поставленных образовательных задач такое взаимодействие позволяет подбирать наиболее эффективные формы и методы учебной деятельности применительно к конкретным условиям подготовки [2].

Не менее значимым является компетентностный подход. Современные образовательные стандарты ориентированы не только на передачу обучающимся системы знаний, но и на формирование профессиональных компетенций как интегративных характеристик личности, включающих знания, умения, опыт практической деятельности, ценностные установки и поведенческую готовность к выполнению служебных обязанностей [3, 4]. Применение компетентностного подхода позволяет обеспечить более тесную связь между содержанием подготовки и реальными требованиями профессиональной деятельности.

Важное место в системе подготовки курсантов занимает и личностно-ориентированный подход. Несмотря на высокую степень регламентированности ведомственного образования, важной задачей остается развитие индивидуальных способностей обучающихся, их лидерского потенциала, самостоятельности, ответственности и способности к принятию обоснованных решений в сложных условиях [5]. Таким образом, современная педагогическая система подготовки курсантов предполагает сочетание нормативной заданности образовательного процесса с развитием личностного ресурса будущего специалиста.

Педагогическая система ведомственного образования основывается на ряде принципов, определяющих содержание и организацию подготовки. К их числу относятся профессиональная направленность обучения, системность и преемственность, поэтапное усложнение содержания подготовки, единство обучения и воспитания, а также ориентация на реальные служебные задачи. Существенное значение имеет внедрение современных педагогических технологий, активных и интерактивных методов обучения, обеспечивающих повышение познавательной активности курсантов и более эффективное освоение профессиональных компетенций [6, 7]. По мнению М.С. Довженко внедрение новых педагогических технологий в образовательный процесс вузов ГПС МЧС России способствует созданию условий для подготовки специалистов новой формации, которые владеют современными способами тушения пожаров и спасения людей, а также способны самостоятельно использовать средства физической подготовки для развития профессионально значимых и физических качеств, необходимых для поддержания высокого уровня работоспособности [8].

Структура подготовки курсантов включает теоретическую, практическую, психологическую и воспитательную составляющие. Теоретическая подготовка предусматривает изучение правовых дисциплин, основ управления, психологии, педагогики, специальных и тактико-прикладных дисциплин. Особое внимание уделяется формированию правового сознания, профессионального мышления и способности действовать в строгом соответствии с нормативно-правовыми требованиями.

Практическая составляющая подготовки направлена на формирование у курсантов устойчивых навыков профессиональной деятельности. Она включает физическую подготовку, тактико-специальную подготовку, занятия на учебно-тренировочных полигонах, участие в учениях, стажировках, а также моделирование ситуаций, приближённых к условиям будущей службы. Использование практико-ориентированных форм обучения позволяет не только закреплять теоретические знания, но и адаптировать обучающихся к деятельности в условиях повышенного стресса, дефицита времени и высокой ответственности [9].

Особое место в системе профессиональной подготовки занимает психологическая подготовка. Для будущих специалистов силовых ведомств принципиально важны дисциплинированность, организованность, эмоциональная устойчивость, самообладание и готовность к действиям в условиях риска и неопределённости. В этой связи психолого-педагогическая работа должна быть направлена на развитие стрессоустойчивости, формирование навыков командного взаимодействия, развитие лидерских качеств и профилактику профессиональной деформации [10].

Под психологической устойчивостью следует понимать способность личности сохранять внутреннюю стабильность, работоспособность и продуктивность деятельности в напряжённых и стрессогенных условиях. Для курсантов ведомственных вузов данное качество выступает важнейшим компонентом профессиональной готовности, поскольку от него во многом зависят адекватность поведения, надёжность выполнения служебных обязанностей и эффективность взаимодействия в коллективе [11]. По мнению В.В. Тимощенкова, А.Д. Низякова, высокий уровень психологической устойчивости имеет решающее значение при выполнении служебных задач в экстремальных условиях и в ситуации дефицита времени. Исследователи подчеркивают, что развитие психологической устойчивости у курсантов вузов МЧС России представляет собой комплексный процесс, включающий психологическую подготовку и практическую отработку навыков в условиях, максимально приближенных к реальным. При этом успешное выполнение профессиональных обязанностей в экстремальных ситуациях определяется не только уровнем физической подготовленности сотрудника, но и его эмоциональным состоянием, что делает формирование психологической устойчивости одним из ключевых направлений подготовки будущих специалистов [12].

Воспитательная работа является системообразующим элементом подготовки курсантов. Она включает формирование профессионально-нравственных качеств, служебной этики, дисциплины, ответственности, уважения к традициям ведомства и мотивации к добросовестному исполнению служебного долга. Специфика воспитательной деятельности в ведомственном вузе заключается в сочетании строгой организационной регламентации с формированием внутренней осознанной готовности к профессиональному служению. Т.Б. Ванеева, А.А. Карапузиков отмечают, что в процессе воспитательной работы с курсантами особое значение имеют индивидуальная работа, наставничество, психологическое сопровождение, а также систематический контроль морально-психологического климата в коллективе. Авторы подчеркивают важность использования современных информационных технологий, интернет-ресурсов и мультимедийных средств, способствующих повышению эффективности воспитательной работы [13].

Существенную роль в обеспечении эффективности образовательного процесса играет психолого-педагогическое сопровождение. Оно направлено на адаптацию первокурсников к новым условиям обучения и проживания, диагностику профессионально значимых качеств, профилактику межличностных конфликтов, оказание поддержки в кризисных ситуациях, а также предупреждение эмоционального выгорания. Не менее важным направлением выступает развитие у курсантов навыков саморегуляции, самоконтроля и конструктивного преодоления стрессовых состояний. Ю.С. Мигунова, Д.Н. Костылев подчеркивают, что одной из важнейших задач образовательных организаций высшего образования МЧС России является формирование у будущих офицеров пожарной охраны необходимых знаний, умений и навыков на основе конструктивного взаимодействия профессорско-преподавательского состава, командного звена и самих курсантов. Авторы также отмечают, что характер психолого-педагогического сопровождения существенно изменяется на разных

этапах обучения — от момента зачисления в число курсантов до окончания образовательной организации [14].

Современный этап развития ведомственного образования характеризуется активным внедрением инновационных образовательных технологий. Использование цифровых ресурсов, тренажеров, симуляторов, электронных образовательных платформ и технологий ситуационного моделирования существенно расширяет возможности профессиональной подготовки. Такие средства позволяют воспроизводить сложные служебные ситуации без риска для жизни и здоровья обучающихся, многократно отрабатывать алгоритмы действий и объективно оценивать уровень сформированности профессиональных навыков.

Особую эффективность демонстрируют интерактивные методы обучения, включая деловые игры, анализ профессиональных ситуаций, сценарное моделирование, учебные тренировки и полигонные занятия. Их применение способствует развитию у курсантов профессионального мышления, способности к принятию решений, коммуникативных навыков и готовности к слаженным действиям в составе подразделения. Практическая направленность таких методов позволяет повысить качество подготовки и обеспечить более устойчивую связь между теоретическим обучением и профессиональной практикой.

К числу основных тенденций развития системы подготовки курсантов вузов силовых ведомств следует отнести цифровизацию образовательной среды, расширение использования практико-ориентированных технологий, индивидуализацию образовательных траекторий, усиление психологической подготовки и интеграцию научных исследований в образовательный процесс. Перспективным направлением выступает также совершенствование содержания подготовки на основе анализа профессиональных задач, с которыми выпускники сталкиваются в реальной служебной деятельности.

Выводы

Таким образом, подготовка курсантов ведомственных вузов представляет собой сложную многоуровневую педагогическую систему, в которой органично сочетаются академическое обучение, практическая подготовка, воспитательная работа и психолого-педагогическое сопровождение. Эффективность данной системы определяется целостностью образовательного процесса, единством обучения и воспитания, применением современных образовательных технологий и учётом актуальных требований к профессиональной подготовленности выпускников. Совершенствование педагогических аспектов подготовки курсантов является важнейшим условием повышения качества кадрового обеспечения силовых ведомств.

Список литературы:

[1] Мураев, Н. П. Роль инновационных технологий в профессиональной подготовке курсантов вузов МЧС России / Н. П. Мураев, А. А. Карапузиков // Профессиональная ориентация. – 2024. – № 4-2. – С. 20-23. – EDN LNTVZJ.

[2] Гузанов, Б. Н. Личностно-деятельностностный подход в профессиональной подготовке курсантов вузов МЧС России / Б. Н. Гузанов, Е. И. Пустовалова, Е. В. Выгузова // Проблемы современного педагогического образования. – 2016. – № 52-3. – С. 26-34. – EDN WAZVWT.

[3] Карапузиков А. А., Опарин Д. Е., Могилевская Т. Е. Компетентностный подход в системе профессиональной подготовки курсантов вузов МЧС России // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2025. № 6-2. С. 82–85. DOI 10.37882/2223-2982.2025.06-2.19. EDN GOKEJM.

[4] Карапузиков А. А., Гайнуллин Т. Ф., Кузьменко А. А., Низяков А. Д. Роль компетентностного и контекстного подходов в повышении мотивации при изучении специальных дисциплин в вузах МЧС России // Ученые записки Орловского государственного университета. 2021. № 2(91). С. 220–223. EDN NSLQFY.

[5] Карапузиков А. А., Мураев Н. П. Теоретико-методологические аспекты обучения и развития профессиональных компетенций пожарных // Гуманитарные науки. 2026. № 1(73). С. 88–93.

[6] Опарин Д. Е., Опарин И. Д. Педагогические задачи и технологии процесса обучения курсантов в вузах МЧС России // Право и образование. 2025. № 6. С. 46–54. EDN USCEGF.

[7] Орешко, С. А. Инновационные педагогические технологии: активные и интерактивные методы обучения / С. А. Орешко // Проблемы науки. – 2019. – № 9(45). – С. 69-70. – EDN WTLFCH.

[8] Довженко, М. С. Профессиональная подготовка курсантов в вузах ГПС МЧС России / М. С. Довженко // Пожарная безопасность: проблемы и перспективы. – 2014. – Т. 2, № 1(5). – С. 31-33. – EDN VMDJCR.

[9] Опарин Д. Е. Актуальные проблемы обучения с применением тренировочных комплексов и тренажеров в вузах МЧС России // Актуальные вопросы профессиональной подготовки пожарных и спасателей: сборник материалов IX Всероссийской научно-практической конференции.

Иваново, 20 марта 2025 года. Иваново: Ивановская пожарно-спасательная академия Государственной противопожарной службы МЧС РФ, 2025. С. 236–238. EDN PKCXGG.

[10] Карапузиков А. А., Мураев Н. П., Опарин Д. Е. Психологические аспекты профессиональной подготовки курсантов вузов МЧС России к деятельности в экстремальных условиях // Психология обучения. 2025. № 1. С. 32–39. EDN ARPXGO.

[11] Опарин Д. Е., Карапузиков А. А. О проблеме формирования устойчивости к стрессовым ситуациям у курсантов вузов МЧС России // Право, история, педагогика и современность: сборник статей VI Международной научно-практической конференции. Пенза, 29–30 января 2025 года. Пенза: Пензенский государственный аграрный университет, 2025. С. 182–186. EDN UWFBEU.

[12] Тимощенков, В. В. Развитие психологической устойчивости у курсантов вузов МЧС России к осуществлению профессиональной деятельности / В. В. Тимощенков, А. Д. Низяков // Актуальные проблемы лингвистики, языкознания, психологии : Сборник статей III Всероссийской научно-практической конференции, Пенза, 10–11 июня 2024 года. – Пенза: Пензенский государственный аграрный университет, 2024. – С. 140-142. – EDN DEUFZS.

[13] Ванеева, Т. Б. Особенности воспитательного процесса в вузах МЧС России / Т. Б. Ванеева, А. А. Карапузиков // Международный научный вестник. – 2025. – № 9. – С. 193-199. – DOI 10.24412/2782-3849-2025-9-193-199. – EDN YDCRXX.

[14] Мигунова, Ю. С. Особенности психолого-педагогического сопровождения курсантов образовательных организаций высшего образования МЧС России на разных этапах обучения / Ю. С. Мигунова, Д. Н. Костылев // Психолого-педагогическое сопровождение образовательного процесса: проблемы, перспективы, технологии : Материалы VI Международной научно-практической конференции, Орёл, 04–05 апреля 2019 года / Под редакцией А.И. Ахулковой. – Орёл: Орловский государственный университе, 2019. – С. 224-227. – EDN WKVHZJ.

References:

[1] Muraev, N.P. The role of innovative technologies in the professional training of cadets of universities EMERCOM of Russia/N.P. Muraev, A.A. Karapuzikov//Professional orientation. – 2024. – № 4-2. - S. 20-23. – EDN LNTVZJ.

[2] Guzanov, B.N. Personal and activity approach in the professional training of cadets of universities EMERCOM of Russia/B.N. Guzanov, E.I. Pustovalova, E.V. Vyguzova//Problems of modern pedagogical education. – 2016. – № 52-3. - S. 26-34. – EDN WAZVWT.

[3] Karapuzikov A. A., Oparin D. E., Mogilevskaya T. E. Competence approach in the system of professional training of cadets of universities EMERCOM of Russia//Modern science: current problems of theory and practice. Series: Humanities. 2025. № 6-2. S. 82-85. DOI 10.37882/2223-2982.2025.06-2.19. EDN GOKEJM.

[4] Karapuzikov A. A., Gainullin T. F., Kuzmenko A. A., Nizyakov A. D. The role of competence and contextual approaches in increasing motivation in the study of special disciplines in universities of the Ministry of Emergencies of Russia//Scientific notes of Oryol State University. 2021. № 2(91). S. 220-223. EDN NSLQFY.

[5] Karapuzikov A. A., Muraev N. P. Theoretical and methodological aspects of training and development of professional competencies of firefighters// Humanities. 2026. № 1(73). S. 88-93.

[6] Oparin D.E., Oparin I.D. Pedagogical tasks and technologies of the process of training cadets in universities of the Ministry of Emergencies of Russia//Law and Education. 2025. № 6. S. 46-54. EDN USCEGF.

[7] Oreshko, S. A. Innovative pedagogical technologies: active and interactive teaching methods/S. A. Oreshko//Problems of science. – 2019. – № 9(45). - S. 69-70. – EDN WTLFCH.

[8] Dovzhenko, M. S. Professional training of cadets at universities of the State Fire Service of the Ministry of Emergencies of Russia/M. S. Dovzhenko// Fire safety: problems and prospects. – 2014. - T. 2, NO. 1 (5). - S. 31-33. – EDN VMDJCR.

[9] Oparin D.E. Actual problems of training with the use of training complexes and simulators in the universities of the EMERCOM of Russia//Actual issues of professional training of firefighters and rescuers: collection of materials of the IX All-Russian Scientific and Practical Conference. Ivanovo, March 20, 2025. Ivanovo: Ivanovo Fire and Rescue Academy of the State Fire Service of the Ministry of Emergency Situations of the Russian Federation, 2025. S. 236-238. EDN PKCXGG.

[10] Karapuzikov A. A., Muraev N. P., Oparin D. E. Psychological aspects of the professional training of cadets of universities of the EMERCOM of Russia for activities in extreme conditions//Psychology of training. 2025. № 1. S. 32-39. EDN ARPXGO.

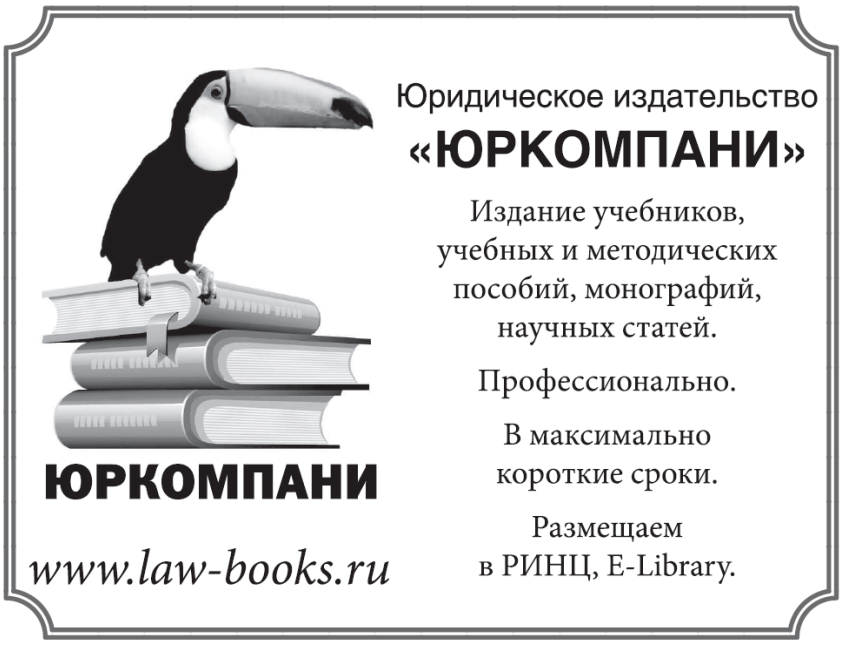
[11] Oparin D.E., Karapuzikov A.A. On the problem of forming resistance to stressful situations among cadets of universities of the Ministry of Emergencies of Russia//Law, history, pedagogy and modernity: a collection of articles of the VI International Scientific and Practical Conference. Penza,

January 29-30, 2025. Penza: Penza State Agrarian University, 2025. S. 182-186. EDN UWFBEU.

[12] Tymoshchenkov, V.V. Development of psychological stability among cadets of EMERCOM of Russia universities to carry out professional activities/V.V. Tymoshchenkov, A.D. Nizyakov//Actual problems of linguistics, linguistics, psychology: Collection of articles of the III All-Russian Scientific and Practical Conference, Penza, June 10-11, 2024. - Penza: Penza State Agrarian University, 2024. - S. 140-142. – EDN DEUFZS.

[13] Vaneeva, T. B. Features of the educational process in universities of the Ministry of Emergencies of Russia/T. B. Vaneeva, A. A. Karapuzikov//International Scientific Bulletin. – 2025. – № 9. - S. 193-199. – DOI 10.24412/2782-3849-2025-9-193-199. – EDN YDCRXX.

[14] Migunova, Yu. S. Features of psychological and pedagogical support of cadets of educational organizations of higher education EMERCOM of Russia at different stages of training/Yu. S. Migunova, D. N. Kostylev//Psychological and pedagogical support of the educational process: problems, prospects, technologies: Materials of the VI International Scientific and Practical Conference, Orel, 04-05 April 2019/Edited by A. I. Akhulkova. - Eagle: Oryol State University, 2019. - S. 224-227. – EDN WKVHZJ.

- ИСТОРИЯ ВОПРОСА -

Дата поступления рукописи в редакцию: 17.04.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-4-519-523
Дата принятия рукописи в печать: 03.05.2026 г.

АЙСХАНОВА Екатерина Султановна,
зав. кафедрой, к.э.н., доцент,
«Уголовное право, процесс и национальная безопасность
Чеченский государственный университет имени А.А. Кадырова,
e-mail: k-a-2011@mail.ru

ДАДАШОВ М.М.,
доцент кафедры информационного права и юриспруденции
Грозненский государственный нефтяной технический
университет имени М.Д. Миллионщикова,
Грозный, Россия,
e-mail: musa_dadashov12.10.1988@mail.ru

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ ЛИЧНОСТИ ПРЕСТУПНИКА В КРИМИНОЛОГИИ

Аннотация. *Актуальность выбранной темы обусловлена глубокими трансформациями, происходящими в социально-экономической и политической сферах современного общества, которые неизбежно влекут за собой изменения в структуре и динамике преступности. Личность преступника является центральным звеном механизма преступного поведения, и именно через понимание ее внутренних качеств, ценностных ориентаций и деформаций сознания становится возможным построение эффективной системы предупреждения правонарушений. В условиях глобализации и цифровизации общественных отношений возникают новые формы криминальной активности, требующие переосмысления классических подходов к криминологической характеристике индивида, преступившего закон. Изучение личности преступника позволяет не только выявить причины конкретного деяния, но и определить закономерности формирования антисоциальных установок, что имеет первостепенное значение для обеспечения правопорядка и безопасности государства.*

Ключевые слова: *личность преступника, глобализация, криминологическая характеристика, преступность, научный анализ, индивидуальные особенности.*

AYSKHANOVA Ekaterina Sultanovna,
Head of Department, PhD in Economics, Associate Professor,
“Criminal Law, Procedure, and National Security”,
Chechen State University named after A.A. Kadyrov

DADASHOV M.M.,
Associate Professor,
Department of Information Law and Jurisprudence
Grozny State Petroleum Technological University
named after M.D. Millionshchikov, Grozny, Russia

THEORETICAL AND METHODOLOGICAL FOUNDATIONS OF THE CRIMINAL PERSONALITY STUDY IN CRIMINOLOGY

Annotation. *The relevance of the research topic is due to the profound transformations taking place in the socio-economic and political spheres of modern society, which inevitably lead to changes in the structure and dynamics of crime. The criminal’s personality is the central element of the criminal behavior mechanism, and it is through understanding their internal qualities, value orientations, and mental distortions that an effective system for preventing offenses can be developed. In the context of globalization and digitalization of social relations, new forms of criminal activity*

emerge, requiring a reevaluation of classical approaches to the criminological characteristics of individuals who violate the law. Studying the personality of a criminal allows us not only to identify the causes of a particular act, but also to determine the patterns of formation of antisocial attitudes, which is of paramount importance for ensuring law and order and the security of the state.

Key words*: criminal personality, globalization, criminological characteristics, crime, scientific analysis, and individual characteristics.*

Изучение индивидуальных особенностей субъекта, совершившего общественно опасное деяние, составляет фундамент современной правовой мысли. В криминологической науке данная категория рассматривается не просто как физическое лицо, нарушившее закон, а как сложная совокупность социально-значимых качеств. Эти свойства формируются под влиянием окружающей среды и определяют склонность человека к противоправному поведению. Понимание природы правонарушителя позволяет глубже осознать истоки деструктивных процессов в обществе [3].

Сущность индивида, преступившего правовые границы, раскрывается через интеграцию юридических и социологических характеристик. С юридической точки зрения, это лицо, признанное виновным в совершении преступления в установленном законом порядке. Однако для криминологии важнее социальный аспект, отражающий деформацию ценностных ориентаций и моральных установок. Личность выступает носителем определенных антиобщественных взглядов, которые реализуются в конкретном деянии [4].

Для научного анализа рассматриваемого феномена необходимо чёткое дифференцирование категорий «человек», «индивид» и «личность» применительно к проблематике криминальной активности.

Под термином «человек» понимается биологический вид Homo sapiens, тогда как «личность» интерпретируется как результат длительного социального развития и социализации.

Криминологическая перспектива сконцентрирована на тех характеристиках и констелляциях установок, которые обусловили выбор преступной траектории индивидом; при этом было показано, что именно социальная среда и воспитательные условия имеют определяющее значение в формировании субъекта правонарушения [3].

Значимым компонентом исследования выступает выявление стабильных корреляций между внутренней структурой психики и внешними поведенческими проявлениями.

Личность правонарушителя рассматривается как отличная от личности законопослушного гражданина вследствие наличия специфических деформаций правосознания; данные деформации выражаются в пренебрежительном отношении к общественным и государственным интересам.

Систематическое изучение подобных отклонений служит основой для построения прогностических моделей поведения и оценки рисков рецидива [5].

Ключевую роль в объяснении преступных траекторий играют установки и привычки, сформированные в процессе социализации.

Таким образом, исследуемый объект определяется как динамическая система, подверженная влиянию экзогенных факторов [6].

В современной доктрине отмечается, что субъект преступления обладает совокупностью негативных черт, которые в определённых условиях приобретают криминологическое значение.

К ним относятся эгоцентризм, агрессивность, пониженный уровень эмпатии и правовой нигилизм; эти черты не возникают мгновенно, а накапливаются в течение длительного жизненного периода.

Изучение механизмов формирования таких свойств рассматривается как ключевая задача при разработке профилактических мер [7].

Понятие личности в криминологии рассматривается в контексте социальной роли: преступное поведение часто объясняется конфликтом между нормативными ожиданиями и реальными возможностями индивида.

При отсутствии доступных легитимных способов достижения целей используются противоправные стратегии, что указывает на разрыв между личными потребностями и общественными нормами. [3].

Необходимо учитывать, что характеристика правонарушителя включает в себя не только негативные, но и нейтральные или даже позитивные черты. Однако именно криминогенные свойства доминируют в момент принятия решения о совершении деяния. Научный анализ направлен на поиск способов нейтрализации этих деструктивных компонентов. Эффективная профилактика невозможна без понимания внутренней мотивации субъекта [5].

Теоретические основы изучения данного вопроса базируются на многолетних исследованиях ведущих ученых-криминологов. Они выделяют различные уровни анализа: от общего понятия до конкретных типологических групп. Каж-

дый уровень позволяет решать специфические задачи правоохранительной деятельности. Системный подход обеспечивает полноту и объективность научного знания о природе преступности [6].

Сущность рассматриваемого объекта проявляется также в его способности адаптироваться к изменяющимся социальным условиям. В эпоху цифровизации появляются новые типы правонарушителей, обладающих специфическими навыками и интеллектуальным потенциалом. Это требует постоянного обновления теоретической базы и методов исследования. Криминология должна оперативно реагировать на трансформацию личностных характеристик современных преступников [8].

Таким образом, личность преступника как объект научного познания представляет собой многогранную категорию. Она объединяет в себе правовые, психологические и социальные параметры, определяющие вектор поведения человека. Глубокое изучение этой структуры является залогом успешной борьбы с преступностью. Только понимая «кто» совершает преступление, можно эффективно ответить на вопрос «почему» оно совершается [9].

Таблица 1. Структурные компоненты личности преступника в криминологическом анализе

Блок характеристик	Содержание и основные показатели
Социально-демографический	Пол, возраст, уровень образования, семейное положение, социальный статус
Уголовно-правовой	Характер совершенного деяния, наличие судимости, роль в преступлении, форма вины
Социально-психологический	Ценностные ориентации, интересы, потребности, отношение к правовым нормам
Индивидуально-психологический	Особенности темперамента, волевые качества, уровень агрессивности, эмоциональная устойчивость

Представленная таблица систематизирует ключевые параметры, составляющие структуру личности субъекта, преступившего закон. Социально-демографические данные позволяют составить статистический портрет, в то время как психологические блоки раскрывают внутренние механизмы детерминации поведения. Уголовно-правовой аспект фиксирует формализованную оценку деяния государством, что необходимо для классификации правонарушителей [6].

Анализ данных компонентов в их взаимосвязи позволяет перейти от простого описания к глубокому пониманию сущности криминального субъекта. Интеграция этих показателей служит основой для разработки индивидуализированных программ ресоциализации и профилактики. Важно отметить, что доминирование того или иного блока может варьироваться в зависимости от вида совершенного преступления, что подтверждает необходимость дифференцированного подхода в криминологии [5].

В качестве центрального объекта рассматривается личность правонарушителя; ее роль в структуре предмета криминологии признается ключевой.

Изучение данного феномена не ограничивалось моментом совершения деяния, а трактовалось как процесс, охватывающий этапы формирования антисоциальных установок и предшествующие им обстоятельства.

Научный анализ этой категории позволил выделить наиболее уязвимые элементы системы социального контроля, что, в свою очередь, использовалось для обоснования корректив в нормативно-правовой базе и практике правоприменения [3].

Комплексный подход к исследованию сущности правонарушителя исключает однобокие интерпретации, основанные исключительно на биологических или сугубо социологических предпосылках.

Современные методологические установки ориентированы на синтез эмпирических и теоре-

тических данных с целью конструирования максимально адекватного психологико-правового портрета индивида.

Такой интегративный подход обеспечивает научно обоснованную базу для разработки превентивных мер и защиты общественных интересов; личность правонарушителя при этом рассматривается как постоянный объект систематического изучения исследователями [10].

Проблема детерминации противоправного поведения сохраняет статус одной из наиболее сложных и дискуссионных в современной криминологической науке. В эмпирических и теоретических исследованиях на протяжении десятилетий предпринимались попытки установить преобладающие факторы в генезисе преступного акта: наследственно обусловленные задатки индивида либо воздействие внешней среды.

Отметим, что данная проблематика имеет не только теоретическое, но и практическое значение при формировании мер профилактики; понимание природы криминогенности служит основой для выстраивания реставрационных стратегий ресоциализации и систем предупреждения правонарушений [6].

В историческом ракурсе криминологической мысли выделяются три доминирующих направления, объясняющих природу правонарушителя: биологическое, социологическое и биосоциальное.

Сторонники биологизаторских концепций утверждали, что предрасположенность к нарушению правопорядка может быть заложена в генетическом материале или проявляться через физиологические особенности организма.

Социологический подход, напротив, предлагал объяснение через складывающиеся в обществе институты и условия жизни, полагая, что личность формируется преимущественно под социальным влиянием.

Современная научная позиция чаще представляет собой интегративную модель, в которой человек трактуется как биосоциальное существо, взаимодействие природных и социальных факторов рассматривается как взаимозависимый процесс [3].

Биологические характеристики не рассматриваются как единственная и достаточная причина совершения преступления, однако они могут выступать в качестве условий, способствующих формированию антисоциальных установок.

К таким характеристикам относятся клинико-психические патологии, гормональные дисбалансы, типологические особенности темперамента и особенности функционирования центральной нервной системы (ЦНС).

Указанные свойства способны снижать уровень самоконтроля или повышать вероятность проявления агрессии; тем не менее их наличие без соответствующего неблагоприятного социального контекста не интерпретируется однозначно как детерминанта криминального поведения.

Социальная среда определяется решающим фактором в процессах социализации и усвоения правовых норм.

Институциональные агенты социализации — семья, школа, производственные коллективы и неформальные группы общения — формируют ценностно-нормативную базу личности.

Деформации в работе указанных институтов, такие как семейная дезадаптация или отсутствие позитивных социальных лифтов, создают предпосылки для криминализации поведения.

Именно в условиях социального давления и дисфункции институтов определяется направление реализации имеющихся у индивида природных задатков [4].

Важно подчеркивать диалектическое единство биологического и социального начал: биологическая основа рассматривается как база, на которую надстраивается социальный опыт и правосознание.

Психофизиологические особенности могут затруднять адаптацию к социальным требованиям и порождать внутренние конфликты; одновременно благоприятные социальные условия способны компенсировать многие природные недостатки и направить поведенческий потенциал личности в конструктивное русло.

Следовательно, комплексная, интегративная методология изучения личности правонарушителя является необходимой предпосылкой для разработки эффективных мер профилактики и ресоциализации, а также для совершенствования правовой политики и практики применения норм права.

Криминологическая структура личности определяется как совокупность социально значимых свойств, которые проявляются в акте преступного поведения.

В её состав включаются не только демографические характеристики, но и нравственно-психологические особенности, а также уголовно-правовые признаки.

Путём анализа указанных компонентов может быть реконструирован механизм, посредством которого внешние условия трансформируются во внутренние побуждения.

Список литературы:

[1] Аникеева Н.А. Криминологическое прогнозирование: теория и практика: монография. – Минск: Академия МВД, 2010. – С. 56

[2] Афанасьева О.Р., Глеба О.В. Криминологическое прогнозирование индивидуального преступного поведения// Международный исследовательский журнал. - № 3-2. - 2017. – С. 118-121

[3] Афанасьева О.Р., Гончарова М.В. Криминологический портрет личности преступника // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. - 2016. - № 3. - С. 40-49.

[4] Ахъядов Э. С. Личность преступника: понятие и структура // Молодой ученый. - 2016. - №9. - С. 796-797.

[5] Воротынцева Д.А. Нейрокриминология как новейшее перспективное направление науки. – М.: Изд. НИЦ «Империя», 2016. – С. 12-15

[6] Гончарова М.В. Методологические подходы к определению личности корыстного преступника-рецидивиста // Российский следователь. – 2014. - № 2. - С. 29-32

[7] Криминология: Учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / под ред. Аванесов Г.А., - 6-е изд., перераб. и доп. - М.:ЮНИТИ-ДАНА, 2015. - 576 с.

[8] Керимова З.К. Личность рецидивиста как объект изучения в криминологии // Юридический вестник ДГУ. - 2015. - № 3. - С. 122-125.

[9] Цеева С.К. Личности преступника: понятие, структура и типология // Вестник Адыгейского государственного университета. - 2015. - №2 (158). – С. 308

[10] Эминов В.Е., Антонян Ю.М. Личность преступника и ее формирование // Актуальные проблемы российского права. – 2015. - № 1- С.5

References:

[1] Anikeeva N.A. Criminological forecasting: theory and practice: monograph. - Minsk: Academy of the Ministry of Internal Affairs, 2010. - S. 56

[2] Afanasyeva O.R., Gleba O.V. Criminological forecasting of individual criminal behavior//International Research Journal. - № 3-2. - 2017. - S. 118-121

[3] Afanasyeva O.R., Goncharova M.V. Criminological portrait of the personality of a criminal//Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Jurisprudence. - 2016. - № 3. - S. 40-49.

[4] Akhyadov E. S. Identity of the criminal: concept and structure//Young scientist. - 2016. - №9. - S. 796-797.

[5] D.A. Vorotyntseva. Neurocriminology as the newest promising area of science. - M.: Ed. SIC “Empire,” 2016. - S. 12-15

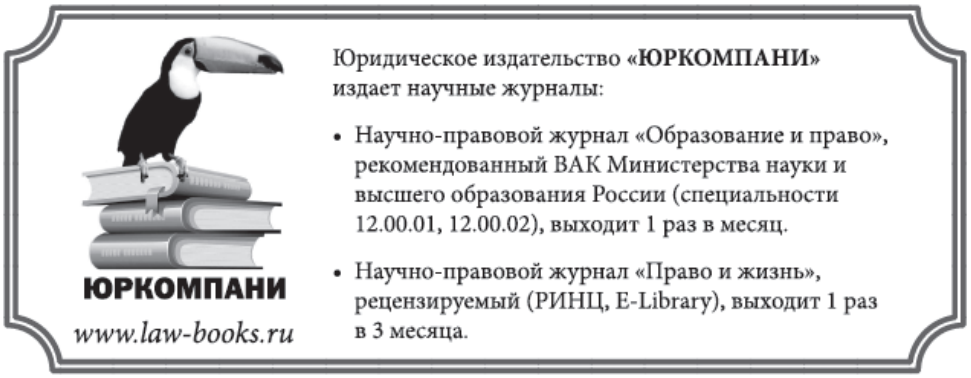
[6] Goncharova M.V. Methodological approaches to determining the identity of a selfish recidivist criminal//Russian investigator. – 2014. - № 2. - S. 29-32

[7] Criminology: Textbook for university students studying in the specialty “Jurisprudence “/ed. Avanesov G.A., - 6th ed., Revised. and add. - M.: UNITY-DANA, 2015. - 576 p.

[8] Kerimova Z.K. The personality of a recidivist as an object of study in criminology//Legal Bulletin of DSU. - 2015. - № 3. - S. 122-125.

[9] Tseeva S.K. The personality of the criminal: concept, structure and typology//Bulletin of Adygea State University. - 2015. - №2 (158). - S. 308

[10] Eminov V.E., Antonyan Yu.M. The identity of the criminal and its formation//Actual problems of Russian law. – 2015. - No. 1- S.5

Дата поступления рукописи в редакцию: 09.04.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.05.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3830-2026-4-524-528

ЕГОРОВ Сергей Георгиевич,
кандидат исторических наук,
доцент, доцент кафедры философии,
Уральский государственный аграрный университет,
e-mail: palamit@rambler.ru

ЧУПИНА Ирина Павловна,
доктор экономических наук,
профессор, профессор кафедры философии,
Уральский государственный аграрный университет,
e-mail: irinacupina716@gmail.com

ЗАРУБИНА Елена Васильевна,
кандидат философских наук,
доцент, доцент кафедры философии,
Уральский государственный аграрный университет,
e-mail: ethos08@mail.ru

КОШЕЛЕНКО Любовь Владимировна,
кандидат педагогических наук,
доцент, доцент кафедры философии,
Уральский государственный аграрный университет,
e-mail: lubov-koshelenko@mail.ru

СИМАЧКОВА Наталья Николаевна,
кандидат исторических наук, доцент,
доцент кафедры менеджмента и экономической теории,
Уральский государственный аграрный университет,
e-mail: nikolina73@yandex.ru

«РАССМАТРИВАЛ ТЕАТР КАК СВОЮ ВОТЧИНУ»: КОНФЛИКТ ДИРЕКТОРА П.К. МАРГАЛИКА С ТВОРЧЕСКИМ КОЛЛЕКТИВОМ СВЕРДЛОВСКОГО ТЕАТРА ОПЕРЫ И БАЛЕТА В 1945-1946 ГОДАХ

Аннотация. *Статья посвящена реконструкции служебной биографии Петра Казимировича Маргалика - директора Свердловского государственного театра оперы и балета имени А.В. Луначарского в 1945-1946 годах. На основе архивных первоисточников, газетных публикаций, данных портала «Память народа» и мемуарных источников анализируются причины и обстоятельства конфликта Маргалика с художественным руководителем театра А. Э. Маргуляном и частью театрального коллектива. В статье показано, что обвинения в адрес директора носили как этический, так и финансово-хозяйственный характер. Особое внимание уделяется рассмотрению роли партийных руководителей Свердловска, которые после бесед с Маргаликом сочли его «невежественным» и неспособным к руководству, что привело к принятию решения об освобождении его от должности. В статье также прослеживается дальнейшая карьера Маргалика после увольнения. Переезд в Минск, работа в Большом театре оперы и балета БССР, а затем на киностудии «Беларусьфильм» в начале 1950-х годов, где он подвергся критике со стороны ЦК КП(б) Белоруссии за отсутствие должного идейно-политического контроля за работниками-документалистами. На основе разрозненных документальных свидетельств в статье отражены особенности конфликтов в советских культурных учреждениях послевоенной эпохи.*

Ключевые слова*: П.К. Маргалик, А.Э. Маргулян, Свердловский театр оперы и балета, партийный контроль в культуре, театральная жизнь, коллективные жалобы, административная грубость, хозяйственные злоупотребления.*

EGOROV Sergey G.,
Candidate of historical sciences, Associate Professor,
Associate professor of the Department of philosophy,
Ural State Agrarian University

CHUPINA Irina P.,
Doctor of Economic Sciences, Professor,
Professor of the Department of Philosophy,
Ural State Agrarian University

ZARUBINA Elena V.,
PhD in Philosophy, Associate Professor,
Associate Professor, Department of Philosophy,
Ural State Agrarian University

KOSHELENKO Lyubov V.,
PhD in Pedagogical Sciences, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Philosophy,
Ural State Agrarian University

SIMACHKOVA Natalya N.,
Candidate of Historical Sciences,
Associate Professor, Associate Professor,
Department of Management and Economic Theory,
Ural State Agrarian University

«HE VIEWED THE THEATER AS HIS OWN DOMAIN»: THE CONFLICT BETWEEN DIRECTOR P.K. MARGALIK AND THE CREATIVE TEAM OF THE SVERDLOVSK OPERA AND BALLET THEATER IN 1945-1946

Annotation. *This article reconstructs the career of Pyotr Kazimirovich Margalik, director of the Sverdlovsk State Opera and Ballet Theater named after A.V. Lunacharsky in 1945-1946. Using archival sources, newspaper publications, data from the «Memory of the People» portal, and memoirs, the article analyzes the causes and circumstances of Margalik's conflict with the theater's artistic director, A.E. Margulyan, and part of the theater company. The article demonstrates that the accusations against the director were both ethical and financial. Particular attention is paid to the role of Sverdlovsk party leaders, who, after conversations with Margalik, deemed him "ignorant" and incapable of leadership, leading to the decision to dismiss him.*

The article also traces Margalik's subsequent career after his dismissal. He moved to Minsk, worked at the Bolshoi Opera and Ballet Theater of the Byelorussian SSR, and then at the Belarusfilm studio in the early 1950s, where he was criticized by the Central Committee of the Communist Party of Belarus for a lack of proper ideological and political oversight of documentary filmmakers. Based on disparate documentary evidence, this article reflects on the specific conflicts within Soviet cultural institutions in the post-war era.

Key words: *P.K. Margalik, A.E. Margulyan, Sverdlovsk Opera and Ballet Theater, party control in culture, theater life, collective complaints, administrative rudeness, economic abuses.*

В истории советского театра послевоенного периода конфликты между хозяйственными руководителями и творческими коллективами остаются одной из наименее изученных тем. Актуальность обращения к данной проблематике обусловлена не только отрывочностью биографических сведений театральных администраторов, но и возможностью реконструировать практики партийного контроля, критерии оценки «руководящих кадров» в культуре и способы разрешения противоречий в театральной среде.

29 октября 1946 года первый секретарь Свердловского обкома ВКП(б) В.И. Недосекин ознакомился с докладной запиской «О директоре Свердловского оперного театра тов. Маргалик», подготовленной секретарем Свердловского горкома по пропаганде и агитации Д. Чесноковым [1, Лл. 50-52]. В записке констатировалось, что «за

последнее время в горком поступили официальные устные и письменные заявления ряда работников Свердловского театра оперы и балета, содержащие жалобы на поведение директора театра тов. Маргалика» [1, л. 50]. П. К. Маргалик был назначен директором театра вскоре после окончания Великой Отечественной войны, в 1945 году. В октябрьском номере газеты «Уральский рабочий» в заметке «Открытие зимнего сезона в театре имени Луначарского» была приведена беседа с «вновь назначенным директором театра П.К. Маргалик» и «многолетним художественным руководителем театра А.Э. Маргулян» [2, с. 4]. Таким образом, на момент появления докладной записки Маргалик успел проработать в своей должности лишь немногим более одного года.

Петр Казимирович Маргалик был уроженцем Белоруссии и первоначально его жизнь и карьера никак не были связаны с Уралом. До войны Маргалик работал в сфере музыкального образования. С 26 августа 1935 года по 4 января 1938 года он являлся директором Восточно-Сибирского краевого музыкально-педагогического техникума (г. Красноярск) [3, с. 114]. В предвоенные годы Маргалик вернулся на малую родину и возглавил музыкальное училище в Витебске. С началом войны Петр Казимирович был эвакуирован в Свердловскую область. На портале «Память народа» содержится информация о том, что он был призван в Ирбитском районе в действующую армию в 1942 году, получив звание лейтенанта интендантской службы. К 1944 году Маргалик был демобилизован, приказом Ирбитского районного военного комиссариата награжден медалью «За оборону Сталинграда», а уже после окончания войны удостоен медали «За боевые заслуги». Согласно акту вручения награды Маргалик был начальником интендантского снабжения в четвертом батальоне 97 отдельной стрелковой бригады, которая была сформирована в г. Златоусте в августе-сентябре 1942 года [4, л. 302].

Став директором, Маргалик довольно быстро оказался в конфликтных отношениях с творческим коллективом Свердловского театра оперы и балета. Занимавший должность художественного руководителя театра А. Э. Маргулян обвинил нового директора в том, что он рассматривал театр как свою вотчину, где он может делать все, что ему угодно. Со слов Арнольда Эвадьевича Маргалик не признавал его прав как художественного руководителя, а главному бухгалтеру «категорически предлагал выполнять незаконные финансовые операции». Маргалика уличали в «исключительно грубом обращении» с работниками театра, когда он «переходил всякие границы». Известного театрального художника В.А. Людмилина директор позволил себе назвать «русским фашистом», а главного бухгалтера – «шпиком» [1, л. 50].

В докладной записке подчеркивалось, что Маргулян отказывался далее работать с Маргаликом [1, л. 51]. Авторитет художественного руководителя в театре и городе был необычайно высок. Арнольд Эвадьевич еще до революции служил в оперных труппах на Урале, с 1937 года он был главным дирижером и художественным руководителем театра оперы и балета в Свердловске. В 1944 году Маргулян получил звание народного артиста РСФСР [5, с. 2]. Его оценка директора Маргалика была необычайно суровой. Указывалось, что директор «не выносит малейших критических замечаний», при этом относится к имуществу театра как к своему собственному. Так, он израсходовал 60 метров бархата для портьер в своей квартире «с огромным трудом добытого при помощи тов. Андрианова для неотложных нужд театра» [1, л. 51]. В.М. Андрианов был предшественником Недосекина на посту первого секретаря Свердловского обкома, в марте 1946 года он был переведен в Москву в связи с назначением в состав Оргбюро ЦК ВКП(б).

Столь серьезные обвинения не могли пройти незамеченными для партийных органов Свердловска. Как отмечал Чесноков, Маргалик неоднократно вызывался в горком, райком и отдел искусств, но «предельное самомнение, не позволило тов. Маргалику сделать правильные выводы из бесед». При этом в политическом и культурном отношении директор характеризовался как невежественный человек, который не способен обеспечить руководство театром. В связи со сложившейся обстановкой Свердловский горком предлагал «немедленно освободить тов. Маргалика от обязанностей директора театра оперы и балета; временное исполнение обязанностей директора возложить на тов. Маргуляна, а по хозяйственным вопросам на заместителя директора тов. Овчинникова; предложить отделу кадров горкома в месячный срок подобрать кандидатуру на пост директора оперного театра» [1, л. 52]. В воспоминаниях театральных работников 1945-46 годов фигура Маргалика практически не упоминается. Лишь знаменитый художник Н.В. Ситников в своих мемуарах отметил, что в 1946 году, на репетиции оперы «Фауст», «в темноте зрительного зала», директор театра Маргалик познакомил его с известным балетмейстером К.Я. Голейзовским [6, с. 6]. Эта встреча положила начало многолетней дружбе художника и балетмейстера, их совместным творческим проектам.

После увольнения из Свердловского театра П.К. Маргалик выехал в Минск, где смог устроиться на административную должность в Боль-

шой театр оперы и балета Белорусской ССР. О Маргалике в этот период многократно упоминает в своем дневнике оперный певец Н.Т. Сенькин (сценический псевдоним Садовский) [7]. В 1949 году Николай Трофимович принял решение покинуть Минск и переехать в Куйбышев. В связи с этим ему нужно было решить материальные вопросы с администрацией минского театра, что привело к конфликтам с Маргаликом, обращению в расценочно-конфликтную комиссию. Однажды своей грубостью Маргалик довел жену Сенькина-Садовского до слез, что вызвало эмоциональную реакцию артиста на страницах личного дневника: «Что можно от этого буйвола ждать?» В записи от 18 февраля 1949 года был описан следующий характерный эпизод: «Увиделся я с Маргаликом, который поинтересовался, как я устроился в Куйбышев как солист Ордена Ленина Большого Белорусского театра. Я ему ответил, что я спел, но прибавил при этом, что Белорусский театр ни ко мне, ни к нему отношения не имеет». Спустя месяц Маргалик отказался подписать протокол РКК, что не позволило получить Сенькину-Садовскому денежные средства, на которые он рассчитывал [7].

В последующем Маргалик оставил работу в театре и в начале 1950-х годов перешел на административную работу в республиканский кинематограф. В документах того времени отложились сведения о том, что Маргалик занимал пост директора киностудии «Беларусьфильм». Так, в постановлении ЦК КП(б) Белоруссии «О фактах фальсификации и извращений в киножурналах студии “Беларусьфильм”» от 1 февраля 1951 года четвертый пункт был посвящен Маргалику: «Указать директору студии “Беларусьфильм” т. Маргалик П.К. на отсутствие с его стороны политического контроля и высокой партийной требовательности к работе режиссеров и операторов студии» [8, с. 273]. В постановлении приводились многочисленные факты, когда сотрудники студии «Беларусьфильм» прибегали к грубой инсценировке событий вместо съемки реальной жизни, особое возмущение вызывало приукрашивание подлинного положения дел в колхозах [8, с. 271-273]. В мае 1952 года Маргалик продолжал занимать пост директора киностудии, в частности, он запрашивал государственный архив Минской области о разрешении киносъемки документов, подготовленных для очередного «хроникально-документального очерка» [9, л. 31].

Скончался П.К. Маргалик в конце 1967 года и был похоронен на Восточном кладбище г. Минска. В современной Белоруссии данное кладбище имеет статус главного государственного некрополя. В советское время здесь хоронили первых лиц БССР, а также выдающихся деятелей науки и культуры.

В целом, анализ архивных документов и воспоминаний современников позволяет ответить на вопрос, почему профессиональный управленец, имевший довоенный опыт работы в системе музыкальных образовательных учреждений, прошедший Сталинградскую битву и награжденный боевыми медалями, оказался отвергнут коллективом Свердловского театра оперы и балета. Управленческая деятельность Маргалика вызвала жёсткую и развернутую критику со стороны ведущих театральных работников и лично народного артиста РСФСР А. Э. Маргуляна. Обоснованные обвинения в грубости, пренебрежении к художественному руководству, нецелевом использовании театрального имущества и нежелании прислушиваться к замечаниям привели к тому, что партийные органы сочли невозможным дальнейшее пребывание Маргалика в должности директора. После увольнения в Свердловске он продолжил работать в сфере культуры, но уже на родной земле, в Белоруссии. Сначала на хозяйственной должности в Минском Большом театре оперы и балета, где вновь возникали конфликты с артистами, а затем в качестве директора киностудии «Беларусьфильм», где ему также выносились партийные взыскания. Несмотря на все перипетии служебной биографии, Маргалик остался в памяти современников не только как неоднозначный администратор, но и как человек, способствовавший творческим знакомствам видных деятелей искусства. Захоронение П.К. Маргалика на престижном Восточном кладбище г. Минска косвенно свидетельствует о признании его заслуг в сфере культуры Белорусской ССР.

Список литературы:

[1] Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО). Ф. 4. Оп. 41. Д. 144. Докладные записки, справки, отчеты, переписка о работе печати, учебных и научных заведений, школ ФЗО, органов здравоохранения и искусства.

[2] Уральский рабочий. – 1945. – 5 октября.

[3] Учить творчеству! К истории профессионального образования в области искусства в Красноярске / Н. П. Алексеева, В. Г. Баулина, Н. В. Бурдуков [и др.] ; под общ. ред. М. В. Москалюк; ред. М. М. Чихачёва. – Красноярск : СГИИ имени Д. Хворостовского, 2019.

[4] Центральный архив министерства обороны (ЦАМО). Ф. 150. Оп. 12877. Д. 311.

[5] М. Друскин. А.Э. Маргулян. (К 65-летию со дня рождения и к 50-летию музыкально-театральной деятельности) // Уральский рабочий. – 1944. – 22 апреля.

[6] Театр, живопись и жизнелюбие // Екатеринбургский государственный академический театр оперы и балета. – 2010. - №8.

[7] Дневник Н.Т. Сенькина-Садовского. 1949-1959 годы. – URL: https://wikilivres.ru/Дневник_(Сенькин-Садовский) (дата обращения: 08.04.2026).

[8] К. И. Ремишевский. История, ожившая в кадре. Белорусская кинолетопись: испытание временем. Книга 1. 1927–1953. – Минск : «Вышэйшая школа», 2014.

[9] Государственный архив Минской области (ГАМн). Ф. 342. Оп. 1 Д. 378.

References:

[1] Center for Documentation of Public Organizations of the Sverdlovsk Region (CDOOSO). F. 4. Op. 41. D. 144. Memos, certificates, reports, correspondence on the work of the press, educational and scientific institutions, schools of the Federal Law, health authorities and the arts.

[2] Ural worker. – 1945. - October 5.

[3] Teach creativity! To the history of professional education in the field of art in Krasnoyarsk/N.P. Alekseeva, V.G. Baulin, N.V. Burdukov [and others]; under the general. ed. M.V. Moskalyuk; ed. M. M. Chikhacheva. - Krasnoyarsk: State Research Institute named after D. Hvorostovsky, 2019.

[4] Central Archive of the Ministry of Defense (TsAMO). F. 150. Op. 12877. D. 311.

[5] M. Druskin. A.E. Margulyan. (To the 65th anniversary of birth and to the 50th anniversary of musical and theatrical activity)//Ural worker. – 1944. - April 22.

[6] Theater, painting and love of life//Yekaterinburg State Academic Opera and Ballet Theater. – 2010. - №8.

[7] Diary of N.T. Senkin-Sadovsky. 1949-1959. - URL: https://wikilivres.ru/Дневник_ (Senkin-Sadovsky) (access date: 08.04.2026).

[8] K. I. Remishevsky. A story that came to life in the frame. Belarusian film chronicle: test of time. Book 1. 1927–1953. - Minsk: “Higher School,” 2014.

[9] State Archive of the Minsk Region (GAMn). F. 342. Op. 1 D. 378.

Дата поступления рукописи в редакцию: 10.03.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.05.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3830-2026-4-529-533

ТЕПСУЕВ Магомед Султанович,
доцент кафедры права
Чеченского государственного педагогического университета,
к.и.н., доцент,
e-mail: Tepsuev90@mail.ru

АЛЬХАНОВ Насрудин Магомедович,
доцент кафедры уголовного права, процесса и
национальной безопасности юридического факультета
ЧГУ им А.А. Кадырова,
e-mail: n.alkhanov@mail.ru

АХТАЕВА Элиза Абуязитовна,
старший преподаватель кафедры таможенного дела
Грозненского государственного нефтяного технического
университета имени М.Д. Миллинщикова,
e-mail: eliza.mazhaeva@mail.ru

ОТ ПЛЕМЕННОГО СОЮЗА К РАННЕЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ: ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ДРЕВНЕРУССКОГО ГОСУДАРСТВА

Аннотация. *В статье рассматривается возникновение Древнерусского государства как сложный и многофакторный процесс политической консолидации восточнославянских земель. Анализируются основные научные подходы к объяснению происхождения древнерусской государственности, социально-экономические, военные и торговые предпосылки объединения племенных союзов, а также роль княжеской власти, дружины и ранних правовых обычаев в становлении публичной власти. Особое внимание уделяется переходу от доклассовых форм организации общества к раннегосударственным структурам, формированию центров власти и укреплению механизмов управления на территории Руси. Показано, что возникновение Древнерусского государства не было одномоментным актом, а представляло собой продолжительный процесс институционализации власти, сопровождавшийся развитием управления, суда, военной организации и первых правовых регуляторов. Сделан вывод о том, что исследование политогенеза Древней Руси сохраняет научную значимость и в современных условиях, поскольку позволяет выявить исторические основания российской государственности, единства публичной власти и правовой организации общества.*

Ключевые слова: *Древнерусское государство, древнерусская государственность, политогенез, восточные славяне, княжеская власть, племенные союзы, раннее государство, публичная власть, Древняя Русь, история государства и права.*

TEPSUEV Magomed Sultanovich,
Associate Professor of the Department of Law
of the Chechen State Pedagogical University,
Candidate of Historical Sciences, Associate Professor

ALKHANOV Nasrudin Magomedovich,
Associate Professor, Department of Criminal Law,
Procedure, and National Security Faculty of Law,
A.A. Kadyrov Chechen State University

AKHTAEVA Eliza Abuyazitovna,
Senior Lecturer, Department of Customs Affairs
Grozny State Oil Technical University
named after M.D. Millinshchikov

FROM TRIBAL UNION TO EARLY STATEHOOD: POLITICAL AND LEGAL PREREQUISITES FOR THE EMERGENCE OF THE OLD RUSSIAN STATE

Annotation. *The article examines the emergence of the Old Russian State as a complex and multifactorial process of political consolidation of the East Slavic lands. It analyzes the main scholarly approaches to explaining the origins of Old Russian statehood, the socio-economic, military, and trade prerequisites for the unification of tribal unions, as well as the role of princely power, the druzhina, and early legal customs in the formation of public authority. Particular attention is paid to the transition from pre-class forms of social organization to early state structures, the formation of centers of power, and the strengthening of governance mechanisms in the territory of Rus. It is shown that the emergence of the Old Russian State was not a one-time act, but rather a prolonged process of institutionalization of power, accompanied by the development of administration, judicial activity, military organization, and the first legal regulators. The article concludes that the study of the political genesis of Ancient Rus retains scholarly significance under modern conditions, since it makes it possible to identify the historical foundations of Russian statehood, the unity of public authority, and the legal organization of society.*

Key words: *Old Russian State, Old Russian statehood, political genesis, East Slavs, princely power, tribal unions, early state, public authority, Ancient Rus, history of state and law.*

Проблема возникновения Древнерусского государства относится к числу базовых тем истории государства и права России. «Ее значение определяется не только интересом к ранним формам политической организации восточных славян, но и тем, что именно в период складывания древнерусской государственности были заложены основы территориального управления, публичной власти, судебной практики и правового порядка, получившие дальнейшее развитие в последующие эпохи» [1]. Вопрос о происхождении государства на Руси по-прежнему остается научно значимым, поскольку объединяет исторические, юридические и политико-теоретические аспекты исследования.

Актуальность темы обусловлена тем, что исследование ранней государственности позволяет глубже понять исторические формы политического единства, механизмы легитимации власти и предпосылки правовой организации общества. Для современной российской государственно-правовой науки подобный анализ важен еще и потому, что Конституция Российской Федерации закрепляет ценности государственности, единства публичной власти, исторической преемственности и сохранения памяти предков. В этом смысле обращение к истокам древнерусской государственности соотносится с конституционными положениями о человеке как высшей ценности, о многонациональном народе как носителе суверенитета, о сохранении исторически сложившегося государственного единства и о почитании памяти предков, передавших нам идеалы и веру в Отечество.

Методологическую основу статьи составляют историко-правовой, формально-юридический, системный и сравнительно-аналитический методы. Историко-правовой метод позволяет проследить переход от племенной организации к ранней форме государства. Системный подход необходим для анализа взаимосвязи хозяйственных, военных, политических и правовых факторов. Формально-юридический метод используется при рассмотрении ранних форм публичной власти и правовых обычаев, а также при обращении к современным конституционным нормам как к инструменту осмысления исторической преемственности российской государственности. Сравнительно-аналитический метод позволяет сопоставить различные научные подходы к происхождению государства на Руси и выделить наиболее аргументированные элементы каждой концепции.

Возникновение Древнерусского государства в науке традиционно объясняется через совокупность внутренних и внешних факторов. Одни исследовательские подходы делают акцент на социально-экономическом развитии восточнославянских земель, росте имущественной дифференциации и усложнении управления. Другие подчеркивают решающую роль внешнеполитического и военно-организационного фактора, включая участие варяжского элемента в ранней консолидации власти. «Третьи стремятся соединить оба направления, рассматривая государство как результат длительного политогенеза, в котором внутренняя эволюция славянского общества сочеталась с воздействием международных торговых путей и военных контактов» [2].

При этом современное научное понимание происхождения древнерусской государственности в целом исходит из того, что образование государства не могло быть следствием одного-единственного события или воли одного политического субъекта. Даже если роль княжеской власти и дружины была значительной, сама возможность устойчивого объединения земель предполагала наличие объективных предпосылок: экономических связей, потребности в военной координации, развитии обмена, укреплении путей сообщения и формировании центров власти. Иначе говоря, государственность на Руси возникала не как случайный политический эпизод, а как выражение исторической необходимости усложнившегося общества.

Раннее восточнославянское общество постепенно выходило за пределы родоплеменной замкнутости. Развитие земледелия, ремесла, обмена и межплеменных торговых связей создавало условия для появления более сложных форм управления. Племенные союзы уже не могли в полной мере обеспечивать координацию интересов, защиту торговых путей и урегулирование конфликтов на расширяющемся пространстве. По мере роста хозяйственной активности усиливалась потребность в центре силы, способном устанавливать правила, собирать дань, организовывать оборону и поддерживать внутренний порядок.

Существенную роль сыграл и военный фактор. Длительное существование в условиях внешних угроз, межплеменных столкновений и борьбы за контроль над торговыми коммуникациями объективно усиливало значение военной организации. Князь и дружина постепенно становились не только вооруженной силой, но и опорой публичной власти. Военное лидерство начинало перерастать в административное, а функции защиты и принуждения — в функции управления. Именно на этой основе формировалась ранняя государственная власть, еще не отделенная полностью от личности правителя и его окружения, но уже выходящая за рамки обычной племенной структуры.

Особое значение имел торговый путь, связывавший северные и южные земли, известный как путь «из варяга в греки». Он способствовал экономическому взаимодействию территорий, росту центров обмена и усилению тех пунктов, которые контролировали движение людей, товаров и ресурсов. Такая концентрация материальных и политических возможностей вокруг ключевых городских центров создавала условия для формирования устойчивых властных узлов, из которых постепенно складывалась более широкая система господства и подчинения. «Экономическая география, таким образом, прямо влияла на политогенез Древней Руси» [3].

Переход к государственности был связан с преобразованием племенных союзов в более сложные политические объединения. На раннем этапе власть еще сохраняла значительную связь с традицией, военной силой и авторитетом рода. Однако постепенно происходило усложнение самих центров власти. Возникали города как опорные пункты управления, княжеские резиденции и узлы сбора дани. Именно здесь публичная власть начинала обретать относительную устойчивость, выходящую за пределы временного лидерства.

Княжеская власть стала важнейшим элементом этого процесса. Она соединяла в себе военную, административную и судебную функции. Князь не только возглавлял дружину, но и выступал организатором внешней политики, посредником в межплеменных отношениях, собирателем дани и гарантом порядка. Дружина, в свою очередь, была не просто военным окружением, а опорным аппаратом власти, через который обеспечивались принуждение, контроль и реализация управленческих решений. Тем самым складывались основы раннего механизма публичной власти.

Города Киев и Новгород заняли особое место в этом процессе. Их значение объяснялось не только выгодным географическим положением, но и способностью выполнять функции центров политического притяжения. Вокруг них концентрировались ресурсы, торговля, военная сила и управленческие практики. Появление подобных центров означало, что власть начинает закрепляться территориально, а не только лично или родоплеменно. Это был важный шаг к формированию государства как устойчивой организации власти на определенной территории.

Возникновение государства невозможно без появления хотя бы первичных правовых механизмов регулирования. В условиях ранней Руси право еще не существовало как развитая система писаного законодательства, однако уже складывались устойчивые обычаи, нормы возмещения вреда, формы судебного разбирательства и правила взаимоотношений между населением и властью. Именно через такие механизмы власть приобретала не только силовой, но и регулятивный характер.

Раннее право Древней Руси формировалось на стыке обычая, княжеской практики и судебного опыта. Еще до окончательного оформления письменных памятников права складывались основы представления о допустимом и

недопустимом, о порядке взыскания, ответственности и разрешения споров. «Это позволяло власти выступать не просто как военная сила, а как институт, поддерживающий предсказуемость социальных отношений. Чем устойчивее становились такие регуляторы, тем более оформленной выглядела сама государственность» [4].

Институционализация власти проявлялась и в том, что управление постепенно переставало сводиться к эпизодическим действиям вождя или князя. Сбор дани, суд, организация обороны, дипломатические контакты и контроль над территориями требовали относительной регулярности. Следовательно, возникновение государства на Руси было связано с переходом от личной и ситуативной власти к власти более устойчивой, организационно закрепленной и ориентированной на длительное воспроизводство политического порядка.

Возникновение Древнерусского государства имело далеко идущие последствия для всей последующей истории российского права и государственности. Именно в этот период были впервые оформлены базовые модели политического единства, территориального управления и сочетания военной, административной и судебной власти. Хотя древнерусская государственность сохраняла черты раннего государства и не обладала позднейшими признаками развитого государственного аппарата, она стала исходной формой отечественной публичной власти.

Особая значимость данной темы сегодня проявляется в возможности соотнести исторический опыт ранней Руси с современными конституционными ценностями. Конституция Российской Федерации закрепляет, что носителем суверенитета и единственным источником власти является многонациональный народ; провозглашает человека, его права и свободы высшей ценностью; гарантирует сохранение исторически сложившегося государственного единства; защищает культурную самобытность народов России и русский язык как государственный язык на всей территории страны. Эти нормы не переносятся механически на древнерусскую эпоху, однако они позволяют увидеть в истории Руси истоки тех процессов, которые впоследствии привели к формированию устойчивой государственно-правовой традиции.

В теоретическом плане это означает, что исследование происхождения древнерусской государственности не должно ограничиваться реконструкцией событий IX–X веков. Оно важно и как способ осмысления длительной исторической преемственности российской государственности. Историческая наука показывает, каким образом из разрозненных племенных структур формировалось политическое единство; конституционное право, в свою очередь, закрепляет уже современные формы этого единства, правопорядка и публичной власти. Между этими уровнями существует не прямая тождественность, а историческая связь развития.

Возникновение Древнерусского государства представляло собой продолжительный и сложный процесс перехода от племенной организации общества к ранней государственности. Его предпосылками выступили развитие хозяйства, торговли, военной организации, территориальных связей и политической консолидации восточнославянских земель. Княжеская власть, дружина, формирование городских центров и ранние правовые регуляторы сыграли решающую роль в институционализации публичной власти на Руси.

Древнерусское государство не возникло одномоментно и не может быть объяснено одной теорией. Оно сложилось как результат взаимодействия внутренних и внешних факторов, экономических потребностей, военных задач и процессов политической интеграции. «Теоретическое исследование данной темы сохраняет значение и в настоящее время, поскольку позволяет выявить исторические основания российской государственности и соотнести ранние формы политической организации с современными конституционными принципами единства государства, исторической преемственности и ценности человека и общества» [5].

Список литературы:

[1] Чернова Х. В., Климова Д. П. Исторические условия и предпосылки возникновения славян, основные пути становления и развития древнерусского государства.

[2] Шкаев Д. Г. Финно-угорская гипотеза возникновения древнерусского государства: к вопросу о варягах, словенах, руси и Рюриковичах // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 5: История. 2019. № 3. С. 142–153.

[3] Мельникова Е. А. Возникновение древнерусского государства в европейском контексте: постановка проблемы.

[4] Аболмасова Т. Е. Предпосылки возникновения и развития права на вероисповедания в древнерусском государстве // Философия права. 2017. № 1(80). С. 69–75.

[5] Романчук А. А. «Слепые пятна» норманнистских гипотез в проблеме возникновения древнерусского государства // История и современность. 2024. № 1. С. 81–99. DOI: 10.30884/iis/2024.01.04.

References:

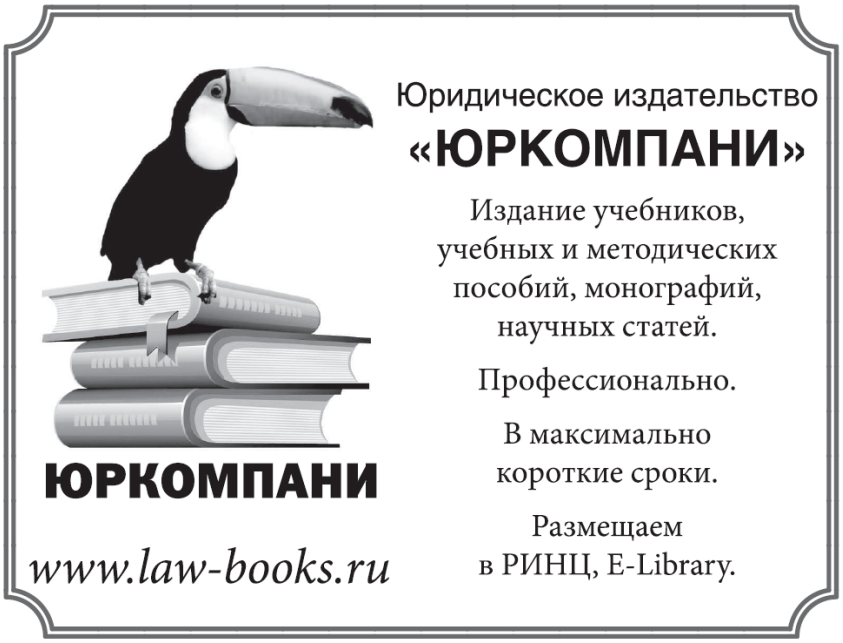
[1] Chernova Kh. V., Klimova D. P. Historical conditions and prerequisites for the emergence of the Slavs, the main ways of the formation and development of the Old Russian state.

[2] Shkaev D. G. Finno-Ugric hypothesis of the emergence of the Old Russian state: to the question of the Varangians, Slovenes, Rus and Rurikovich// Social and humanitarian sciences. Domestic and foreign literature. Series 5: History. 2019. № 3. S. 142-153.

[3] Melnikova E.A. The emergence of the Old Russian state in the European context: posing a problem.

[4] Abolmasova T. E. Prerequisites for the emergence and development of the right to religion in the Old Russian state//Philosophy of law. 2017. № 1(80). S. 69-75.

[5] Romanchuk A. A. "Blind spots" of Norman hypotheses in the problem of the emergence of the Old Russian state//History and modernity. 2024. № 1. S. 81-99. DOI: 10.30884/iis/2024.01.04.

Дата поступления рукописи в редакцию: 28.03.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-4-534-539
Дата принятия рукописи в печать: 03.05.2026 г.

ЕГОРОВ Сергей Георгиевич,
кандидат исторических наук,
доцент, доцент кафедры философии,
Уральский государственный аграрный университет,
e-mail: palamit@rambler.ru

ЧУПИНА Ирина Павловна,
доктор экономических наук,
профессор, профессор кафедры философии,
Уральский государственный аграрный университет,
e-mail: irinacupina716@gmail.com

СИМАЧКОВА Наталья Николаевна,
кандидат исторических наук,
доцент, доцент кафедры менеджмента и экономической теории,
Уральский государственный аграрный университет,
e-mail: nikolina73@yandex.ru

СИНЬКО Вера Николаевна,
старший преподаватель кафедры философии,
Уральский государственный аграрный университет,
e-mail: vsinko71@mail.ru

ШИЛОВЦЕВ Андрей Владимирович,
кандидат исторических наук, доцент кафедры философии,
Уральский государственный аграрный университет,
e-mail: a.shilovtsev@mail.ru

ИНСТРУКТОРСКИЙ КОРПУС СВЕРДЛОВСКОГО ОБКОМА ВКП(Б) И МЕСТНЫЕ ПАРТИЙНЫЕ РУКОВОДИТЕЛИ: ПРАКТИКИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В ПЕРВЫЙ ПОСЛЕВОЕННЫЙ ГОД

Аннотация. *Статья посвящена анализу взаимодействия Свердловского обкома ВКП(б) и первых секретарей горкомов и райкомов в 1946 году. Главное внимание уделяется рассмотрению деятельности организационно-инструкторского отдела обкома и его сотрудников, призванных обеспечить перестройку партийной работы в условиях отказа от чрезвычайных методов военного времени. Основным источником выступают стенограммы июньского пленума 1946 года, на котором развернулась открытая дискуссия о качестве инструкторской работы, формах контроля и помощи нижестоящим партийным органам. Данные архивные первоисточники позволяют отразить конфликтные ситуации, оценки личных качеств сотрудников, а также механизмы публичного обсуждения недостатков партийной работы.*

В статье показано, что секретари горкомов и райкомов предъявляли к областному аппарату ряд существенных претензий: недостаточная систематичность инструктажа, неполная информированность о целях проверок, субъективизм в выводах, а порой и неэтичное поведение отдельных инструкторов. Особое внимание уделяется конкретным эпизодам, раскрывающим восприятие местной номенклатурой контрольных функций обкома. В ответ на критику областное руководство выступило с защитой работников обкома, настаивая на объективности их отчетных материалов и своевременности выявленных нарушений.

На основе анализа полемики между представителями областного и местного уровней партийной вертикали делается вывод о том, что открытое обсуждение проблем организационной работы на пленуме стало важным инструментом поиска новых форм взаимодействия, более адекватных мирному времени.

Ключевые слова: *Свердловский обком ВКП(б), 1946 год, организационно-инструкторский отдел, инструкторы обкома, горкомы, райкомы, перестройка партийной работы, партийный контроль, критика и самокритика, партийная номенклатура.*

EGOROV Sergey G.,
Candidate of historical sciences, Associate Professor,
Associate professor of the Department of philosophy,
Ural State Agrarian University

CHUPINA Irina P.,
Doctor of Economic Sciences, Professor,
Professor of the Department of Philosophy,
Ural State Agrarian University

SIMACHKOVA Natalya N.,
Candidate of Historical Sciences,
Associate Professor, Associate Professor,
Department of Management and Economic Theory,
Ural State Agrarian University

SINKO Vera N.,
Senior lecturer at the Department of Philosophy,
Ural State Agrarian University

SHILOVTSEV Andrey V.,
Candidate of Historical Sciences,
Associate Professor of the Department of Philosophy,
Ural State Agrarian University

THE INSTRUCTOR CORPS OF THE SVERDLOVSK REGIONAL COMMITTEE OF THE ALL-UNION COMMUNIST PARTY (BOLSHEVIKS) AND LOCAL PARTY LEADERS: INTERACTION PRACTICES IN THE FIRST POST-WAR YEAR

Annotation. *The article analyzes the interaction between the Sverdlovsk Regional Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks) and the first secretaries of city and district party committees in 1946. The main focus is on the activities of the Regional Committee's organizational and instructional Department and its staff, who were tasked with restructuring party work in the context of abandoning the emergency methods of wartime. The primary source is the stenographic record of the June 1946 plenum, during which an open discussion unfolded regarding the quality of instructional work, forms of control, and assistance to lower-level party bodies. These archival primary sources allow for the depiction of conflict situations, evaluations of staff members' personal qualities, as well as the mechanisms of public discussion of shortcomings in party work.*

The article shows that the secretaries of city and district committees raised a number of significant complaints against the regional apparatus: insufficient regularity of instruction, incomplete information about the purposes of inspections, subjectivity in conclusions, and sometimes unethical behavior by individual instructors. Special attention is paid to specific episodes that reveal how the local nomenclature perceived the control functions of the Regional Committee. In response to the criticism, the regional leadership defended the Regional Committee staff, insisting on the objectivity of their reporting materials and the timeliness of the identified violations.

Based on an analysis of the polemics between representatives of the regional and local levels of the party hierarchy, the author concludes that the open discussion of organizational work problems at the plenum became an important instrument for finding new forms of interaction better suited to peacetime conditions.

Key words: *Sverdlovsk Regional Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks), 1946, Organizational-Instructoral Department, instructors of the Regional Committee, city committees, district committees, restructuring of party work, party control, criticism and self-criticism, party nomenclature.*

Окончание Великой Отечественной войны и связанный с этим отказ от чрезвычайных методов управления поставил перед региональными партийными организаци-

ями задачу коренной перестройки организационной работы. В первый мирный год в Свердловской партийной организации по данной проблеме состоялись значимые дискуссии, анализ которых дает возможность показать повседневную деятельность партийной номенклатуры, а также более точно реконструировать логику послевоенного партийного строительства.

На июньском пленуме 1946 года заведующий организационно-инструкторским отделом Свердловского обкома ВКП(б) П.Е. Бармасов образно и эмоционально охарактеризовал необходимость организационных перемен (при цитировании первоисточников пунктуация, орфография и стиль оригиналов сохранены – авт.): «За период войны партийным органам добавились дополнительные функции и преимущественно приходилось заниматься оперативно хозяйственной работой в связи с тем, что сложившаяся и существовавшая хозяйственная связь до войны была нарушена войной, был период, когда промышленность эвакуировали на Восток, война требовала немедленного выпуска оборонной продукции, поэтому в силу таких обстоятельств партийные органы тыловых парторганизаций вынуждены были заниматься вопросами перераспределения оборудования, материалов, зданий и помещений, перераспределение рабочей силы, специалистов для того, чтобы в самый кратчайший срок использовать все наши внутренние ресурсы, производительные силы и выпускать как можно больше оборонной продукции для фронта. Для того времени это было понятно и крайне жизненно и необходимо в работе партийных органов.

Но сейчас со всей четкостью и точностью мы должны представить, что городские, районные комитеты партии, первичные партийные организации являются руководящими партийными органами, которые должны, прежде всего, обеспечить слаженную работу всех хозяйственных, советских и общественных организаций, а не подменять их и не дублировать их методы» [1, л. 291].

Одну из ключевых ролей в послевоенной перестройке партийной работы на Среднем Урале должен был сыграть оргинструкторский отдел обкома, который служил связующим звеном между региональным руководством и нижестоящими партийными организациями. На инструкторов данного отдела возлагались задачи изучения и обобщения партийного опыта, обучения партийных кадров, непосредственная помощь партийным организациям на местах [2, с. 205]. Однако многие руководители Свердловской области в 1946 году выражали свое недовольство недостатками в работе оргинструкторского отдела. Секретарь Серовского горкома П.Н. Исаев указывал, что по вопросам внутрипартийной работы «мало нас инструктировали»: «Все дело ограничивается выступлениями т.т. Бармасова, или других руководящих работников на пленумах Обкома, или получишь и прочитаешь решение по тому или иному району о постановке внутрипартийной работы. Нас - секретарей горкомов, зав. оргинструкторскими отделами нужно систематически инструктировать, организационно партийная и внутрипартийная работа многогранная и сложная и требует обобщения опыта и передачи лучших примеров остальным. Это лучше всего сделать Обкому партии, как штабу нашей Свердловской областной партийной организации, он лучше, квалифицированнее может этот опыт обобщить и передать на места. Я прошу областной комитет партии подумать над этим вопросом» [1, л. 107].

Целый ряд городских и районных руководителей критически отзывались о работе инструкторов обкома, которых посылали из областного центра в города и районы Среднего Урала с различными партийными поручениями. Секретарь Нижне-Тагильского горкома А.Н. Бровкин отмечал, что в отдельных случаях местному руководству не была известна цель приезда инструкторов: «…надо, чтобы и уставные отделы Обкома партии также усилили свое руководство. Вот к примеру говоря об оргинструкторском отделе - это очень важный отдел, особенно сейчас, когда возникает новые требования во внутрипартийной жизни. Мы еще пока не чувствуем конкретного руководства оргинстра. Правда, чувствуем его, когда приезжает инструктор Обкома тов. Антропов - наш постоянный шеф по работе. Возникает такое мнение, когда приезжает тов. Антропов - раз приехал тов. Антропов, значит вопрос будет стоять на бюро Обкома партии. Это нас ни в коем случае не обескураживает. Правильно, надо ставить вопросы на бюро Обкома, но иногда проводятся работы, которые подчас не всегда известны и первому секретарю горкома партии. Мне кажется, у нас должна быть полная осведомленность, какой ставится вопрос, какие недостатки, чтобы не дожидаясь решения бюро Обкома партии, не теряя времени, мы могли принять бы меры, чтобы исправить свои недостатки» [1, Лл. 122-123]. На эту же особенность командировок работников обкома указывал секретарь Сухоложского райкома Б.Я. Лисицкий: «…есть инструктора, которые на высоте своего положения, приятно сказать, что к нам приехал представитель Обкома, он выступит, подметит недостатки, культурный человек. К таким инструкторам относятся три. Мешанинов, Сорокин и Лыжин из сельхозотдела. Но был один инструктор и если этот инструктор будет в других районах, пользы в работе не будет - это тов. Сморенов, из сельхо-

зотдела. Меня предупреждает заведующий сельхозотделом, что к нам приезжает тов. Сморенов. Поезд приходит в 3 часа ночи, была пурга, снег, ну, раз нас предупредили, мы всегда посылаем лошадь, потому что это 3 километра от железной дороги. Утром он приходит в райком, говорит, что вот послали лошадь, что культурный райком и т.д.

Но, выйдя из райкома, встречая человека, не имеющего никакого отношения к райкому партии, заявляет: "На воре шапка горит, послали мне лошадь". Ему говорят, что мы всем посылаем, у нас такой порядок. Я думаю, во-первых, что никто не уполномачивал тов. Сморенова говорить, что райком партии занимается воровством. Спрашиваю его, по какому поводу он к нам приехал? Не скажу. А тов. Шамшин мне уже рассказал. Ну раз не говоришь - пожалуйста, и я ничего не говорю. Спрашиваю, куда поедите? В колхоз. Дайте лошадь. Может быть послать с вами представителя райкома? Нет, еду сам. Поехал сам, взял с собой человека, не имеющего отношения к работе райкома. После этого секретари парторганизаций звонят, говорят, что у нас был работник Обкома, но с нами ни о чем не говорил. Почему не поговорить с секретарями колхозных партийных организаций, тем более приближались выборы в Верховный Совет. Такой стиль тов. Сморенова…» [1, л. 147].

Вызывали недовольство секретарей горкомов и райкомов основания, по которым инструкторы обкома оценивали их деятельность. Секретарь Полевского горкома Давыденко посчитал несправедливой критику инструктора Мышлянова, поскольку городская партийная конференция признала работу его организации удовлетворительной: «Уделяется большое внимание вопросам партийного контроля над решениями, которые мы принимаем и осуществлением тех решений, которые имеем от Областного комитета партии. Я говорю о тех вопросах…которые плохо решаются в городе Полевском партийной организацией. Два месяца тому назад прошла партийная конференция, которая дала удовлетворительную оценку работы городской партийной организации. Я это говорю к тому, что нужно всё-таки нам помогать более крепко. Мы люди не обидчивые, исправляем свои ошибки, но неприятно слышать, Виктор Иванович, такие вещи на пленуме, что те товарищи, которые готовили материал к пленуму, одним взмахом дают оценку парторганизации, что внутрипартийная работа проходит совершенно неудовлетворительно, потому что тов. Мышлянов, который был у нас и готовил этот вопрос, недостаточно серьезно к этому делу относится.

Получилось так, что партийная организация получила удовлетворительную оценку, причем не было такого разговора, что работа неудовлетворительная. Была серьезная и большая критика, нам указали очень много недостатков, но все таки работа за отчетный период признана единогласно удовлетворительной и другого определения по работе горкома не было» [1, Лл. 256-257].

Такая точка зрения не вызвала понимания у первого секретаря Свердловского обкома ВКП(б) В.И. Недосекина: «Если бы признали на конференции вашу работу неудовлетворительной, тогда вообще бы здесь не разговаривали. Криолитовый завод основное ваше предприятие проваливает программу и скажи об этом по-честному» [1, л. 257].

Не встретив поддержки у Виктора Ивановича, Давыденко был вынужден перейти к оценке свой собственной работы: «Я говорю прямо, что горком партии, в том числе и я проглядели неприятные вещи на Криолитовом, что парторг ЦК ВКП(б) Михайлов очень скверно работал. Вместо того, чтобы заниматься организацией внутрипартийных вопросов, вопросов производства занялся тем, чтобы скорей выкурить с завода директора Подшивалова. Мы же не сумели своевременно это подправить. Сейчас мы очень крепко подправили и в июне месяце Криолитовый завод выйдет с выполнением обязательств с тем, чтобы в дальнейшем справляться со своими задачами» [1, л. 257].

Упомянутый в стенограмме пленума директор Полевского криолитового завода «Подшивалов» на самом деле носил имя Владимира Петровича Почивалова. 10 лет он отработал главным инженером на заводе в Полевском, а с 1944 года занял должность директора. В июне 1946 года он был переведен на Волховский алюминиевый завод, где успешно работал главным инженером до своей смерти в 1960 году. В апреле 1957 года В.П. Почивалов был удостоен звания лауреата Ленинской премии за проведение комплексной переработки нефелинов, впервые осуществленной в мировой практике. Эту премию инженер отдал воспитанникам Староладожского детского дома. В 1950-е годы по инициативе Почивалова в г. Волхов были озеленены главные улицы, устроен уютный сквер, заложен парк отдыха на берегу р. Волхов [3, с. 131]. Таким образом, конфликт на заводе, инициатором которого стал парторг Михайлов, привел к потере для города сильного управленца и компетентного специалиста, что было серьезной ошибкой Полевского горкома ВКП(б).

Однако после признания ответственности за данный эпизод Давыденко вновь вернулся к выражению недовольства в отношении инструктора обкома: «Здесь указано, что Давыденко не разговаривает с секретарями. Я довольно часто

бываю в Полдневой, поскольку там тяжелое положение и разговариваю не только с секретарями, но и с членами партии, половина партийных собраний там проведена мною лично. Но этот секретарь парторганизации Рябухина, как это ни странно спилась, ее часто не найдешь (смех). Эта вещь на первый взгляд смешная. У нас сейчас там другой секретарь парторганизации, но тов. Мышлянов нашел нужным побеседовать только с ней и сделать вывод, что секретарь горкома ездит и ничего не делает.

Такой скороспелый вывод…» [1, л. 258].

Давыденко имел в виду отрывок из выступления Недосекина, посвященный его критике как ответственного за один из колхозов района: «Тов. Давыденко, шефствующий над колхозом Трудовик, где есть партийная организация, ее ни разу не собрал, не побеседовал с ее секретарем тов. Рябухиной, хотя знал, что эта партийная организация по существу развалена» [1, л. 33].

На этот раз в выступление секретаря Полевского горкома вмешался начальник УМГБ по Свердловской области Т.М. Борщёв: «Но сами факты это подтверждают». Однако Давыденко так и не смог отказаться от претензий к работе Мышлянова: «В этом году ни каких уполномоченных у нас не было, а мне предъявляется, что всех заведующих отделами мы разослали… Нельзя делать такие поспешные выводы Мышлянову» [1, л. 258].

Недовольство городской и районной номенклатуры инструкторами обкома, несогласие с их оценками и выводами не могло не вызвать ответной реакции со стороны руководителей областной партийной организации. Заведующий организационно-инструкторским отделом Бармасов взял работников обкома под защиту: «Товарищи критиковали аппарат Обкома ВКП(б). Я не хочу отводить критику от аппарата Обкома, по инструкторам в частности, но я должен сказать, что критиковать нужно объективно, справедливо и справедливые требования всегда будут своевременно выполняться. Но тов. Лисицкий не совсем удачно взял в качестве объекта критики инструктора Сморенова. Тов. Сморенов был у вас в районе с 1 по 7 декабря прошлого года. Я не хочу сейчас разбираться – кто прав, кто виноват, допустим Сморенов допустил ошибки, неправильно вел себя в районе, неужели надо с 7 декабря 1945 года до июня 1946 года вынашивать в себе и только на пленуме сказать, что вот инструктор Обкома плохой. Хотя этот инструктор Обкома очень честно и добросовестно выполнил задание секретаря Обкома партии и бюро Обкома. Ему было поручено расследовать факты очковтирательства по хлебозаготовкам и он эту работу провел, руководство района было наказано за допущенные ошибки. (Смех в зале).

Может быть, что неосторожно инструктор позволил себе лишнего, это нужно было сразу довести до нашего сведения, чтобы мы товарища поправили, чтобы он знал, как вести себя в районе.

Следующее замечание тов. Давыденко. По выступлению тов. Давыденко видно, что он сам подтверждает, что инструктор добросовестно обнаружил и сказал горкому, какие у них упущения в работе. Ведь после конференции парторганизация строительства города ослабила свою работу, это и тов. Давыденко не отрицает, что они проглядели на Криолитовом заводе ошибки и недостатки. Так что обвинения инструктора, что он необъективно подошел к освещению фактов и положения в организации, я не могу согласиться с этим, так как тов. Давыденко ни одного факта не опроверг» [1, л. 303].

Бармасов, возглавлявший организационно-инструкторский отдел с марта 1941 года, имел серьезный довоенный опыт работы в структуре Первоуральского райкома ВКП(б) [4, с. 112]. Прекрасно осознавая особенности управленческой деятельности на районном уровне, он призвал местных партийных руководителей к объективности и готовности нести ответственность за выявленные недочеты в работе: «Мы предъявляем очень серьезные требования к инструкторам в Обкоме партии и на всякие требования мы должны быстро реагировать и поправлять работников. И у заведующих отделов и инструкторов могут быть ошибки. Но когда товарищи делают объективный анализ в работе, освещают положения дела в организации, мы должны таких инструкторов поддерживать и товарищей секретарей прошу подходить в этом вопросе объективно, если товарищ иногда обнаруживает такие вопросы в районе, за которые приходится секретарю отвечать, так и отвечайте. Бывают недостатки и у нас, за которые мы должны отвечать» [1, л. 304].

Последнее замечание В.И. Недосекин посчитал неуместным, снижающим остроту критики в адрес горкомов и райкомов: «Нет, нет, так не выйдет – и у вас недостатки, и у нас недостатки» [1, л. 304].

Материалы Свердловского обкома ВКП(б) показывают, что процесс перестройки партийной работы в 1946 году носил сложный и многоплановый характер. Отказ от чрезвычайных методов управления, вызванных военным временем, требовал не только пересмотра функций партийных органов, но и выработки новых форм взаимодействия между областным руководством и местными партийными организациями. Выступления секретарей горкомов и райкомов, их замечания в адрес инструкторов обкома свидетельствовали о возросшей потребности местных руководителей

в систематической помощи, более тесной связи с областным аппаратом и большей прозрачности при проведении проверок их работы. В свою очередь, позиция представителей обкома, включая аргументированную защиту своих сотрудников, отражала стремление сохранить принципиальность в оценке деятельности местной номенклатуры и подчеркивала важность объективного анализа выявленных недостатков. При всей полемичности выступлений отдельных представителей областной партийной организации сам факт открытого обсуждения проблем внутрипартийной работы на пленуме свидетельствовал о стремлении партийного руководства к коллективному поиску путей совершенствования организационных методов в новых мирных условиях.

Конфликтные ситуации, возникавшие между обкомом и местными городскими и районными комитетами, служили важным свидетельством происходивших изменений. Они демонстрировали, что переход к мирной жизни требовал от партийного аппарата большей гибкости, поиска новых форм организации управленческой работы.

Список литературы:

[1] Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО). Ф. 4. Оп. 41. Д. 4. Стенограмма заседания XXVII пленума Свердловского обкома ВКП(б). I часть. 18-21 июня 1946 года.

[2] Болдовский К.А. Партийный аппарат Ленинграда как элемент управленческой структуры города периода блокады // Петербургский исторический журнал. 2020. № 3 (27).

[3] Имена на карте Ленинградской области 2020 г.: краевед. календарь / сост. М. В. Афанасьева, И. А. Воронова, Н. П. Махова, Л. Н. Михеев; под ред. В. А. Топуновой; отв. за вып. Л. К. Блюдова. – Санкт-Петербург: Отд. краеведения ЛОУНБ, 2019.

[4] Общество и власть. Российская провинция. 1917-1985: Документы и материалы в 6 т. Свердловская область. Т. 2. 1942-1985. - Екатеринбург: Банк культурной информации, 2006.

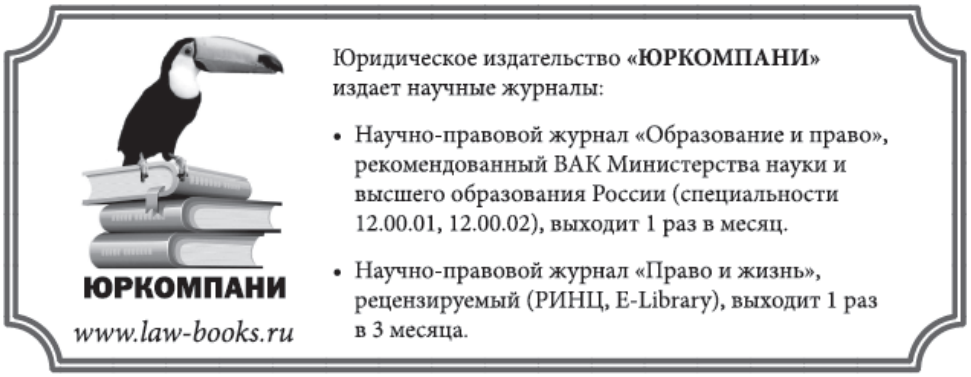
References:

[1] Center for Documentation of Public Organizations of the Sverdlovsk Region (CDOOSO). F. 4. Op. 41. D. 4. Transcript of the meeting of the XXVII Plenum of the Sverdlovsk Regional Committee of the CPSU (B.). I part. June 18-21, 1946.

[2] Boldovsky K.A. The party apparatus of Leningrad as an element of the administrative structure of the city during the blockade//Petersburg Historical Journal. 2020. № 3 (27).

[3] Names on the map of the Leningrad Region 2020: local historian. calendar/comp. M.V. Afanasyev, I.A. Voronova, N.P. Makhova, L.N. Mikheev; ed. V. A. Topunova; resp. for issue L.K. Dyudova. - St. Petersburg: Dep. local history LONB, 2019.

[4] Society and power. Russian province. 1917-1985: Documents and materials in 6 tons. Sverdlovsk region. VOL. 2. 1942-1985. - Yekaterinburg: Cultural Information Bank, 2006.

Дата поступления рукописи в редакцию: 30.03.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-4-540-545
Дата принятия рукописи в печать: 03.05.2026 г.

СИНЬКО Вера Николаевна,
старший преподаватель кафедры философии,
Уральский государственный аграрный университет,
e-mail: vsinko71@mail.ru

ШИЛОВЦЕВ Андрей Владимирович,
кандидат исторических наук, доцент кафедры философии,
Уральский государственный аграрный университет,
e-mail: a.shilovtsev@mail.ru

ЕГОРОВ Сергей Георгиевич,
кандидат исторических наук, доцент кафедры философии,
Уральский государственный аграрный университет,
e-mail: palamit@rambler.ru

ИЛЬЯСОВ Олег Рашитович,
доктор биологических наук,
профессор кафедры «Техносферная и экологическая безопасность»
Уральский государственный аграрный университет,
профессор кафедры «Техносферная безопасность»,
Уральский государственный университет путей сообщения,
ст. научный сотрудник УрНИВИ ФГБНУ УрФАНИЦ УрОРАН,
e-mail: ilyasov3@rambler.ru

БЫКОВА Ольга Александровна,
доктор сельскохозяйственных наук, доцент,
профессор кафедры биотехнологии и пищевых продуктов,
Уральский государственный аграрный университет,
e-mail: olbyk75@mail.ru

СМИРНОВА Екатерина Сергеевна,
кандидат сельскохозяйственных наук,
доцент кафедры биотехнологии и пищевых продуктов,
Уральский государственный аграрный университет,
e-mail: ekaterina-kazantseva@list.ru

ПЕРВЫЙ СЪЕЗД СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ УРАЛА (К ИСТОРИИ ВОПРОСА)

Аннотация. *В статье рассматривается история зарождения уральского комсомола, которая фактически берет свое начало с апреля 1917 г., когда при Екатеринбургском комитете РСДРП(б) была создана небольшая по своему количественному составу молодежная организация. Авторы рассматривают такие проблемы, как состав ее участников и основные направления деятельности после октябрьской революции 1917 г. на территории Среднего Урала. Приводится объяснение факта нахождения памятника «Комсомолу Урала» именно на Вознесенской площади.*

Ключевые слова: *площадь, памятник, комсомол, агороним, история, память, архитектура, периодическая печать, революция.*

SINKO Vera N.,
Senior lecturer at the Department of Philosophy,
Ural State Agrarian University

SHILOVTSEV Andrey V.,
Candidate of Historical Sciences,
Associate Professor of the Department of Philosophy,
Ural State Agrarian University

EGOROV Sergey G.,
Candidate of historical sciences, associate Professor,
Associate professor of the Department of philosophy,
Ural State Agrarian University

ILYASOV Oleg R.,
Doctor of Biological Sciences,
Professor of the Department of Technosphere Safety,
Ural State University of Railway Transport,
Professor of the Department of Technosphere and Environmental Safety,
Ural State Agrarian University, Senior Researcher,
Ural Research Veterinary Institute,
Federal State Budgetary Scientific Institution,
Ural Federal Research Center,
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences

BYKOVA Olga A.,
doctor of agricultural sciences,
professor of the Department
of biotechnology and food products,
Ural State Agrarian University

SMIRNOVA Ekaterina S.,
Candidate of Agricultural Sciences,
Associate Professor of the Department
of Biotechnology and Food Products
Ural State Agrarian University

THE FIRST CONGRESS OF THE SOCIALIST YOUTH OF THE URALS (TO THE HISTORY OF THE ISSUE)

Annotation*. The article examines the history of the origin of the Ural Komsomol, which actually dates back to April 1917, when a small youth organization was established under the Yekaterinburg Committee of the RSDLP(b). The authors consider such problems as the composition of its participants and the main areas of activity after the October Revolution of 1917 in the Middle Urals. An explanation is given for the fact that the monument to the Komsomol of the Urals is located on Voznesenskaya Square.*

Key words*: square, monument, Komsomol, agoronym, history, memory, architecture, periodicals, revolution.*

На небольшом расстоянии от центральной части г. Екатеринбурга перед Храмом Вознесения Господня находится площадь, сменившая за историю своего существования три названия (Вознесенская, площадь Народной мести и Комсомольская) [1, с. 517].

Свое нынешнее наименование Комсомольская площадь (хотя многие горожане по-прежнему называют ее Вознесенской) получила в связи с открытием здесь в 1959 г. памятника «Комсомолу Урала». Проект скульптора П. Сажина и архитектора Г. Белянкина стал лучшим на конкурсе по проектированию памятника «Героическому комсомолу Урала». Эта скульптура представляет собой двухфигурную композицию девушки и юноши со знаменем, смело идущих вперед. По замыслу авторов, идея марша должна была олицетворять организованность и решительность передовой молодежи СССР в деле построения социалистического общества.

У многих туристов вызывает определенное недоумение факт установки памятника комсомольцам на историческом пространстве, где возвышается храм XVIII в. и находится ансамблевый

комплекс XIX в. – усадьба Расторгуева – Харитонова. Однако появился он здесь совершенно неслучайно. Именно в Харитоновском особняке (который в 1937 г. был переделан в Дворец пионеров, а в настоящее время в нем располагается городской Дворец творчества детей и молодежи «Одаренность и технологии») в 1917 г. открыл свою работу I-й съезд социалистической молодежи Урала. Изучение истории города тех лет сквозь призму советской печати и архивных документов позволяет реконструировать события более вековой давности и рассмотреть события, связанные с рождением уральского комсомола [2].

Идея В. И. Ленина о создании социалистических союзов молодежи стала воплощаться в жизнь уже в 1917—1918 гг. Первые такие организации возникли вначале в г. Петрограде, в г. Москве и в г. Екатеринбурге.

Работа большевистских организаций молодежи на Урале со времени их возникновения подробно освещалась партийной областной газетой «Уральский рабочий». Впоследствии именно этот печатный орган стал инициатором и создателем областной молодежной газеты «На смену!» [3].

В начале XX в. г. Екатеринбург был одним из центров революционного движения на Урале. Учащаяся молодежь, как одна из самых образованных и «отзывчивых» групп населения, не могла остаться в стороне от участия в общественно-политических и революционных событиях страны. По данным В. Я. Рушанина, за 1901 -1904 гг. количество политических выступлений учащихся Урала выросло почти в три раза по сравнению с 1895-1900 гг. [4]. «К началу революции 1905 – 1907 гг. антиправительственные организации учащихся становятся настолько распространенным явлением, что начальник Пермского губернского жандармского управления полковник Н. П. Евстафьев приказал своим подчиненным собирать в уездах материалы о деятельности таких организаций и их членах. Из анализа этих материалов, а также негласной переписки между директорами учебных заведений видно, что формы борьбы учащейся молодежи были различными. Они участвовали в забастовках, митингах и демонстрациях», - отмечают исследователи А. Е. Перебейнос и Т. Г. Пташко [5].

Политическая активность учащейся молодежи Среднего Урала особенно возросла во время революционных событий 1905-1907 гг. Одними из ее заметных участников были учащиеся Екатеринбургской художественно-промышленной школы на Вознесенской площади (в настоящее время в старинных зданиях школы располагаются корпуса Уральского государственного аграрного университета). Причем, первое революционное красное знамя в г. Екатеринбурге было поднято в 1906 г. именно над этим учебным заведением [6].

После февральских событий 1917 г. в г. Екатеринбурге стали появляться уже более революционно настроенные молодежные организации. Родословная уральского комсомола фактически берет свое начало с апреля 1917 г., когда при Екатеринбургском комитете РСДРП(б) была создана небольшая по своему составу юношеская организация.

6 апреля 1917 г. в одном из домов на Покровском проспекте (в настоящее время - ул. Малышева, № 46) состоялось собрание городской молодежи при Екатеринбургском комитете РСДРП (б), на котором присутствовало 24 человека. Итогом этого собрания стало решение о создании юношеской политической организации с большевистской платформой. Секретарем комитета была избрана Мария Жеребцова (Сокольская), а вместе с ней выбрали и трех членов комитета - Федора Плясунова, Захара Хаймс и Петра Завьялова. Причем, председателем этого комитета стала Римма Юровская - дочь Якова Юровского – впоследствии главного организатора и одного из исполнителей убийства семьи Романовых в Ипатьевском доме в июле 1918 г. В 1938 г. ее репрессировали за сочувствие троцкистам: арестованная вместе с мужем она была сослана в лагерь под г. Карагандой. Лишь в 1956 г. ее полностью реабилитировали и даже восстановили в партии. Когда-то в г. Свердловске была улица Риммы Юровской, которую позже (в годы перестройки) переименовали в улицу Владимира Высоцкого.

В 1917 г. социалистические юношеские организации стали возникать во многих заводских поселках и городах Урала. К маю юношеская организация при Екатеринбургском комитете РСДРП (б) объединяла 150 чел., а через месяц насчитывала уже 250 чел.

Молодые люди выполняли различные поручения представителей местной организации большевиков: были связными, пропагандистами и распространителями политической литературы и газеты «Уральская правда», разъясняли и защищали большевистские лозунги, разоблачали политику эсеров, меньшевиков и анархистов.

15 июня 1917 г. Екатеринбургская юношеская организация РСДРП (б) обсудила Устав Всероссийского союза рабочей молодежи (Российской секции Интернационала рабочей молодежи), опубликованный в газете «Правда» [7].

В июле - августе 1917 г. в г. Петрограде состоялся VI съезд РСДРП(б), принявший резолюцию «О союзах молодежи», где была обозначена четкая программа дальнейших действий: у рабочей молодежи должны быть свои самостоятельные организации, напрямую связанные с

большевистской партией. Их задача - развитие классового самосознания и защита экономических, политических и правовых интересов несовершеннолетних рабочих. Съезд обязал местные организации содействовать созданию Социалистических Союзов рабочей молодежи. Таким образом, после VI съезда РСДРП (б) съезда при помощи партийных организаций всей страны началась реорганизация большевистских юношеских организаций в самостоятельные союзы, получившие название «Социалистические Союзы молодежи». 31 августа 1917 г. ССРМ был создан и в г. Екатеринбурге.

В то время на Большой Вознесенской улице (в наст. время ул. Карла Либкнехта, 39) находился дом, где организационно оформилась городская организация ССРМ. Она принимала активное участие в работе по созыву I-го Всероссийского съезда союзов рабочей и крестьянской молодежи (г. Москва, 29 октября - 4 ноября 1918 г.) Здесь располагался комитет ССРМ и его клуб, выдавались первые членские билеты ССПРМ, устраивались лекции и чтения, созывались собрания.

Ячейки союза были созданы на заводах Верх-Исетском, Ятеса, Злоказова, в железнодорожном депо, на Монетном дворе, на текстильной и спичечной фабриках Логинова, в типографии. «У городского комитета ССРМ появился крепкий молодежный актив: Савва Белых, Вася Еремин, Федя Плясунов, Герман Быков и их многочисленные друзья», - отмечалось в свердловской газете «На смену!» в 1966 г. в статье, посвященной хронике становления комсомольской организации города [8].

В скором времени осенью 1917 г. и в других городах уральского региона (в Златоусте, Алапаевске, Миньяре, Челябинске, Невьянске, Мотовилихе, Кунгуре, Чусовом) появились свои Социалистические Союзы Рабочей Молодежи.

Среди требований тех собраний рабочей молодежи выделялись такие как: принятие законов о 6-ти часовом рабочем дне для подростков до 18-летнего возраста и дающего избирательное право 18-летним рабочим и работницам; немедленное заключение демократического мира между воюющими государствами, так как война является гибельной для всех трудящихся; немедленного перехода власти в руки Советов рабочих и солдатских депутатов, поскольку Временное правительство, контрреволюционное по своей политике, не может выполнить данных требований.

В № 14 от 7 октября 1917 г. газета «Уральский рабочий» сообщала о митингах, которые организовывались на предприятиях города Екатеринбургской организацией ССРМ. Особенно популярными были доклады «Революция и война». При комитете ССРМ в г. Екатеринбурге был создан юношеский отряд Красной Гвардии [9].

В № 23 (48) от 28 октября 1917 г. газета «Уральский рабочий» сообщила о том, что Екатеринбургский комитет ССРМ взял на себя инициативу созыва Уральского областного съезда ССРМ и разослал на места соответствующие анкеты. Общее собрание Екатеринбургского ССРМ, состоявшееся 8 октября, утвердило новый устав, избрало комитет, двух представителей в местный Совет рабочих и солдатских депутатов и двух делегатов на губернский съезд РСДРП (б). Ячейки ССРМ избирали своих представителей и в фабрично- заводские комитеты.

Вечером 26 октября 1917 г. власть в г. Екатеринбурге перешла в руки Советов. Социалистические Союзы рабочей молодежи в то время помогали устанавливать Советскую власть на Урале, разъясняли первые советские декреты, поддерживали революционный порядок и дисциплину на улицах городов и поселков.

В ноябре 1917 г. общегородская конференция Союза вынесла постановление о созыве областного съезда ССРМ, подготовка которого была поручена Екатеринбургскому комитету. Сохранилось описание хода этой конференции: «В нашем «клубе» из двух комнат темно, холодно. На середине одной из комнат стоит железная печь, которая ежеминутно пополняется бумагой, мелко наколотыми дровами… На столе стоит керосиновая лампа, коптящая и без того черный потолок. В комнате полно молодежи: за неимением стульев сидят на окнах, столе и даже на полу возле печки; целый ряд товарищей стоит, прислонившись к стенам… Идет заседание общегородской конференции, обсуждается серьезный вопрос.

Сначала все тихо и мирно, потом поднимается шум, завязывается спор. Председатель звонит, но ничего не может поделать; а потому отказывается, на его место избирается другой. Шум утих. Вопрос разрешили…» [10].

25 ноября (8 декабря) 1917 г. рабочая молодежь Урала объединилась в одну организацию ССРМ. Первый областной съезд ССРМ Урала состоялся в здании бывшей Харитоновской усадьбы на Вознесенском проспекте (сегодня - ул. Карла Либкнехта, 44).

«Своим созывом съезд обязан исключительно октябрьскому перевороту - если бы не было последнего - навряд ли бы он собрался так скоро. Здесь сказалась разница во влиянии на юношеское движение февральской и октябрьской революций. Если первая явилась лишь лучом, поддержавшим юношеское движение до более благоприятного времени, то вторая явилась этим самым благоприятным временем, ока-

завшим огромное влияние на развитие движения молодежи», - восторженно описывал данное событие литературно-художественный и научно-популярный двухнедельный журнал рабочей молодежи «Смена» в 1924 г. [11].

Из 21 населенного пункта Урала на съезд приехали 43 делегата, являвшиеся представителями 2 644 участников молодежных организаций. Именно этот день и вошел в историю как день рождения уральского комсомола. Уральская молодежь был первопроходцем – создала свой союз на год раньше, чем появился РКСМ (Российский Коммунистический Союз Молодежи).

В то время в повестку дня съезда было включено восемь главных вопросов, в том числе доклады с мест, о текущем моменте, о целях и задачах союзов, организационный вопрос и др. Докладчиками были в основном 17-18-летние ораторы, члены Екатеринбургского ССРМ. Был здесь даже 15-летний участник - Паша Завьялов, выступивший с докладом «Экономическое положение подростков и задачи экономической борьбы».

Съезд объединил разрозненные по обширной территории Урала организации пролетарского юношества. Было создано Всеуральское объединение нескольких десятков союзов рабочей молодежи, с первых же своих шагов вставших под боевые знамена большевистской партии. Сохранилась принятая на первом молодежном съезде резолюция о том, что первый уральский съезд социалистической молодежи приветствует правительство, рожденное революцией, и заявляет, что новое поколение борцов за пролетарское дело готово отдать свои силы на борьбу за торжество идей революционного социализма.

На съезде были утверждены программа и официальное название организации: Социалистический Союз Рабочей Молодежи «III-й Интернационал» (ССРМ), а также лозунг, под которым она будет действовать — «Юные пролетарии всех стран, соединяйтесь!».

Из Обращения 1-го Уральского областного съезда социалистических союзов рабочей молодежи к учащимся с призывом к вступлению в ряды рабочей социалистической молодежи: «Товарищи учащиеся - социалисты! Победившая рабочая и крестьянская революция несет рабочему классу, крестьянству, всем трудовому люду освобождение от ненавистного ига банкиров, капиталистов, генералов и чиновников. Вам, детям революционного народа, она несет освобождение - освобождение школы от гнета старой рутины, буржуазно - чиновничьей канцелярщины, от старых методов удушения всякой самостоятельности» [12].

Вскоре началось военное обучение юношей и девушек, съехавшихся в г. Екатеринбург из разных городов и заводов Урала. Отсюда, из бывшей усадьбы Расторгуева - Харитонова уходили на Гражданскую войну первые члены союза молодежи. Поэтому эта площадь и получила впоследствии свое название - Комсомольская, и именно поэтому находится на ней памятник героическому комсомолу Урала [13].

Таким образом, изучение топонимики города позволяет открывать страницы истории создания памятников и зданий, хранящих дух времени давно ушедшей эпохи.

Список литературы:

[1] См. Зорина Л. И. Улицы, площади, реки, пруды, подземелья и пригороды старого Екатеринбурга / Л.И. Зорина, В.М. Слукин. 2 –е изд. перераб. и доп. Екатеринбург: Кабинетный ученый. 2025. 720 с.

[2] Центр документации общественных организаций Свердловской области. [Электронный ресурс]. URL: https://inventories.cdooso.ru/working/expo/e-expos/publication/100-let-uralskomukomsomolu/17?keyword=%27%%D0%BA%D0%BE%D0%BC%D1%81%D0%BE%D0%BC%D0%BE%D0%BB%%27#page/17

[3] На смену! 1957. № 020 (15 февраля). [Электронный ресурс]. URL: http://elib.uraic.ru/handle/123456789/93311

[4] Рушанин В. Я. Молодежное движение в России: региональный аспект: (1861-1904 гг.) / В. Я. Рушанин; М-во общ. и проф. образования Рос. Федерации. Челяб. гос. пед. ун-т. Челябинск: Факел, 1998.131 с.

[5] Перебейнос А. Е, Пташко Т. Г. Участие учащейся молодежи Урала в общественной, культурной и политической жизни во второй половине XIX – начале XX веков // Новый исторический вестник. 2018. №3 (57).

[6] См. Синько В. Н. Участие учащихся Екатеринбургской художественно-промышленной школы в революционных событиях 1905-1907 годов / В. Н. Синько // Социально-гуманитарное образование и наука в XXI веке: Материалы Всероссийской национальной научно-практической конференции, Екатеринбург, 07 апреля 2022 года. Екатеринбург: Уральский государственный аграрный университет, 2022. С. 320-328.

[7] Устав Союза рабочей молодежи и комментарии к нему, предложенные Н.К. Крупской. 7 июня 1917 г. // Правда. № 75, 20 (7) июня 1917 г.

[8] На смену! 1966. № 241 (8 декабря). [Электронный ресурс]. URL: http://elib.uraic.ru/handle/123456789/94249

[9] На смену. 3 июня 1968 г.

[10] Козлов А. Дома-памятники // Вечерний Свердловск. 1968. № 252. [Электронный ресурс]. URL: (26 октября) http://elib.uraic.ru/handle/123456789/102610

[11] Уральский комсомол // Смена. № 1. 1924 г. [Электронный ресурс]. URL: https://smena-online.ru/archive/1924/1

[12] Обращение 1-го Уральского областного съезда социалистических союзов рабочей молодежи к учащимся с призывом к вступлению в ряды рабочей социалистической молодежи. г. Екатеринбург, 25 - 28 ноября 1917 г. // ЦДООСО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 60. Л. 15.

[13] Моисеева Е. Первый Уральский// На смену! 1982. № 234 (7 декабря). [Электронный ресурс]. URL: http://elib.uraic.ru/handle/123456789/74435

References:

[1] See Zorina L. I. Streets, squares, rivers, ponds, dungeons and suburbs of old Yekaterinburg / L.I. Zorina, V.M. Slukin. 2nd ed. revision. and add. Yekaterinburg: Cabinet scientist. 2025. 720 p.

[2] Documentation Center of public organizations of the Sverdlovsk region. [electronic resource]. URL: https://inventories.cdooso.ru/working/expo/e-expos/publication/100-let-uralskomukomsomolu/17?keyword=%27%%D0%BA%D0%BE%D0%BC%D1%81%D0%BE%D0%BC%D0%BE%D0%BB%%27#page/17

[3] To the next shift! 1957. No. 020 (February 15). [electronic resource]. URL: http://elib.uraic.ru/handle/123456789/93311

[4] Rushanin V. Ya. Youth movement in Russia: The regional aspect: (1861-1904) / V. Ya. Rushanin; Moscow, commonly. and Prof. education grew. Federation. Chelyabinsk State Pedagogical University un-T. Chelyabinsk: Fakel, 1998.131 p.

[5] Perebeinos A. E., Ptashko T. G. Participation of Ural Students in Social, Cultural, and Political Life in the Second Half of the 19th and Early 20th Centuries // New Historical Bulletin. 2018. No. 3 (57).

[6] See Sinko V. N. Participation of Students of the Yekaterinburg Art and Industrial School in the Revolutionary Events of 1905-1907 / V. N. Sinko // Social and Humanitarian Education and Science in the 21st Century: Proceedings of the All-Russian National Scientific and Practical Conference, Yekaterinburg, April 7, 2022. Yekaterinburg: Ural State Agrarian University, 2022. Pp. 320-328.

[7] The Charter of the Union of Working Youth and the comments on it proposed by N. K. Krupskaya. June 7, 1917 // Pravda. No. 75, June 20 (7), 1917.

[8] To the Next Shift! 1966. No. 241 (December 8). [Electronic resource]. URL: http://elib.uraic.ru/handle/123456789/94249

[9] To the next shift. June 3, 1968.

[10] Kozlov, A. Houses-Monuments // Evening Sverdlovsk. 1968. No. 252. [Electronic resource]. URL: (October 26) http://elib.uraic.ru/handle/123456789/102610

[11] The Ural Komsomol // Smena. No. 1. 1924. [Electronic resource]. URL: https://smena-online.ru/archive/1924/1

[12] Appeal of the 1st Ural Regional Congress of Socialist Unions of Working Youth to students, calling on them to join the ranks of working socialist youth. Yekaterinburg, November 25-28, 1917 // TsDOOCO. F. 41. Op. 1. D. 60. L. 15.

[13] Moiseeva E. The First Ural// Na smenu! 1982. No. 234 (December 7). [Electronic resource]. URL: http://elib.uraic.ru/handle/123456789/74435

www.law-books.ru

Юридическое издательство **«ЮРКОМПАНИ»** издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.